АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Материалы к обсуждению

ИСТОРИЯ СССР

РОССИЯ В ПЕРИОД ПОБЕДЫ И УТВЕРЖДЕНИЯ КАПИТАЛИЗМА (1856—1894)

Часть первая
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

1952

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Материалы к обсуждению

ИСТОРИЯ СССР

РОССИЯ В ПЕРИОД ПОБЕДЫ И УТВЕРЖДЕНИЯ КАПИТАЛИЗМА (1856—1894)

Часть первая

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

1951

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данные «Материалы», которые будут положены в основу VIII тома «Истории СССР» охватывают период пореформенного капиталистического развития нашей родины. В качестве хронологических рубежей редакцией избраны 1856 и 1894 годы. В 1856 году Парижским миром закончилась Крымская война, которая «показала гнилость и бессилие крепостной России»[1]. Эта война нанесла тяжелый удар крепостническому строю, внутри которого уже сложились формы шедшего ему на смену капиталистического уклада и который давно уже был подточен внутренним разложением. После Крымской войны стало резко нарастать крестьянское движение, обострившееся уже во время войны. Уже 30 марта 1856 г. Александр II в известной речи к предводителям дворянства — представителям господствовавшего феодального класса должен был признать, что лучше освободить крестьян сверху, чем они сами освободят себя снизу. Это признание было ярким выражением кризиса верхов. Назревала революционная ситуация.

Изложение доведено до начала промышленного подъема 90-х годов, до усиления связанного с этим подъемом рабочего движения, до впервые осуществленного Лениным соединения марксизма с рабочим движением, чем было положено начало новому этапу революционного движения в нашей стране.

В «Материалах», во-первых, прослеживается социально-экономическая, политическая и культурная история нашей страны в целом, во-вторых, даются очерки истории отдельных народов, населяющих нашу страну.

В данной первой части «Материалов» излагается социально-экономическая и политическая история России в целом.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4, стр. 95.

Основной чертой всего рассматриваемого периода истории России было капиталистическое развитие страны. Реформы 60—70 годов и прежде всего основная из них крестьянская реформа 1861 г. направила развитие капитализма по прусскому пути. Тяжелые пережитки крепостничества пронизывали все развитие российского пореформенного капитализма. Они особенно сильны были в государственной жизни страны и во внутренней политике правительства.

«Вся вообще «эпоха реформ» 60-х годов, — писал Ленин, — оставила крестьянина нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве» [1]. Пережитки крепостничества особенно обострились в общественной и государственной жизни в эпоху так называемых контрреформ 80-х — начала 90-х годов, после того как царизму удалось справиться со второй революционной ситуацией 1879—80 годов.

Но хотя капитализм развивался в России и по прусскому пути, он все же развивался и вместе с ним развивались все те явления, которые порождал капитализм. «Раскрестьянивалось» крестьянство, росла сельская буржуазия в деревне и формировались кадры «наемных рабочих с наделом». Дворянство частично теряло землю, в одних районах в весьма значительных размерах, в других сравнительно в небольшой доле. Что теряло дворянство, приобретала городская и сельская буржуазия. Крепостнические латифундии, хотя и несколько сокращались по площади, все же продолжали тяжелым гнетом давить на широкие массы крестьянства, разоряемого крепостнической эксплоатацией. Помещики после 1861 года постепенно стали переходить от отработочной системы ведения хозяйства к капиталистической. Этот переход был задержан аграрным кризисом 1875—1895 гг. Применявшаяся в дворянских латифундиях отработочная система была главной и основной причиною отсталости сельского хозяйства, а тем самым и отсталости всей экономики страны.

Капитализм повлек за собою рост и организационную перестройку промышленного производства. Еще до реформы 1861 г. одним из признаков разложения крепостного строя был рост основанного на вольнонаемном труде мелкого товарного производства и развивавшейся из него капиталистической мануфактуры в промышленности. Реформа 1861 г. ликвидировала принудительный труд в промышленности и значительно усилила развитие мелкого товарного производства и капиталистической мануфактуры. Еще до реформы в некоторых отраслях промышленности эта мануфактура стала перерастать в фабрику, что означало уже начало промышленного переворота. Этот переворот завершился в основных отраслях производства примерно ко времени второй революционной ситуации 1879—80 гг.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4, стр. 95.

Рабочих для промышленности выбрасывала нищавшая деревня. Формировались кадры пролетариата, этого класса будущего, которому предстояло быть в следующем столетии могильщиком буржуазного строя и строителем нового социалистического общества.

Социально-экономическим процессам соответствовало и развитие общественной идеологии и общественного движения.

Революционная ситуация 1859—61 гг. выдвинула во главе с Чернышевским и Добролюбовым целую плеяду революционных демократов, отражавших интересы широких крестьянских масс. Чернышевский как революционный мыслитель поднялся на исключительную высоту, до какой не поднимался никто из других предшественников марксизма в России.

Революционное народничество 70-х годов было уже начавшимся упадком революционной идеологии. В 80-х годах народничество утеряло былые революционные традиции. «Народники в 80-х и 90-х годах стали выразителями интересов кулачества» [1].

Формирование пролетариата влекло за собою его борьбу за улучшение своего положения. Стихийные рабочие волнения переходили в стачки, которые стали принимать организованный характер, примером чего может служить знаменитая Морозовская стачка 1885 года.

Формирование пролетариата было тем фактом общественной жизни, который создал почву для распространения марксизма в России. «Марксизм как единственно правильную революционную теорию Россия поистине в ы с т р а д а л а полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» [2].

В данных «Материалах» прослеживаются лишь первые шаги марксизма в России, когда социал-демократия «существовала еще в виде отдельных небольших групп и кружков, не связанных или очень мало связанных с массовым рабочим движением» [3].

После Крымской войны царизм оказался уже не в силах выступать в качестве главного оплота реакции в Европе. С другой стороны чрезвычайно выросла реакционная роль английской, французской, а затем и немецкой буржуазии в международной политике.

Несмотря на уменьшение удельного веса царизма в международных отношениях, территориальная экспансия его все же продолжалась и привела к дальнейшему расширению государственной территории России в Азии.

---

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 16.
[2] Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 31, стр. 9.
[3] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 17.

Традиционная политика России на Балканах продолжалась. Цели, которые ставила себе эта политика, и объективные результаты ее для славянских народов Балканского полуострова не совпадали. В результате русско-турецкой войны 1877—78 гг. Болгария была освобождена от пятивекового турецкого ига.

Старая, в значительной мере связанная с социальными симпатиями царизма и его классовой опоры, дружба с немецкими державами слабела, политический антагонизм с этими державами усиливался и завершился заключением союза с Францией, вследствие которого Россия включилась в систему одного из двух крупных политических блоков, сложившихся в Европе в конце XIX столетия.

Великобритания, внешняя политика которой вследствие ее захватнических стремлений на Востоке еще в предыдущем периоде стала резко враждебной не только по отношению к царизму, но и по отношению к русскому народу и славянству, продолжала это направление своей политики на всем протяжении рассматриваемого периода.

Соответственно основным линиям исторического развития России в пореформенную эпоху наметилась и структура изложения. Эта структура видна из оглавления, помещенного ниже.

Данная первая часть «Материалов» составлена в основном сотрудниками сектора истории народов СССР периода капитализма Института истории Академии Наук СССР и его Ленинградского отделения. Первоначальный текст был подготовлен еще до Великой Отечественной войны. В послевоенные годы этот текст был подвергнут пересмотру и исправлению.

Авторами «Материалов» являются следующие лица:

1. С. Н. Валк (гл. XIII).
2. П. А. Зайончковский (Военная реформа в гл. V).
3. И. В. Козьменко (пересмотр, исправление и дополнение гл. VIII).
4. Ш. М. Левин (главы I, III и XII).
5. Е. А. Мороховец (гл. II, V, VI, VII).
6. А. С. Нифонтов (пересмотр и исправление главы X).
7. А. М. Панкратова (часть текста и общая редакция гл. XI).
8. Ю. З. Полевой (гл. XI и XIV).
9. А. Л. Попов (гл. VIII и X).
10. М. К. Рожкова (экономика средней Азии накануне русского завоевания в гл. X).
11. В. М. Хвостов (гл. IX).
12. У. А. Шустер (гл. IV).

Редакция «Материалов» принадлежит А. Л. Сидорову и В. К. Яцунскому.

Техническая подготовка их к печати и организационная работа проведены И. М. Расчетновой при участии М. Б. Кейрим-Маркус, Н. А. Курашовой и Н. П. Малолетовой.

Библиография проверена Д. А. Брилон, М. Б. Кейрим-Маркус, С. А. Лившиц и И. М. Расчетновой.

Редакция выражает благодарность полковнику П. К. Фортунатову за редактирование раздела о военных действиях в Русско-турецкой войне в главе — «Внешняя политика России 1853—1878 гг.», а также рецензентам С. С. Дмитриеву, П. А. Зайончковскому, Л. М. Иванову, В. Д. Мочалову, А. Л. Нарочницкому и Б. А. Романову, сделавшим ряд ценных указаний.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ. ВОЗНИКНОВЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ

§ 1. Крах крепостнической системы

Пятидесятые годы XIX века — последнее десятилетие крепостного строя — период непосредственной подготовки его ликвидации.

Тридцатилетняя военно-полицейская диктатура Николая I не в состоянии была задержать разложение крепостного хозяйства и рост капитализма. «Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства» [1].

Сила экономического развития, как это подробно показано в предыдущем томе, в первую очередь и определила необходимость отмены крепостного права. Глубокое недовольство среди крестьянства, сказывавшееся в непрекращавшихся и принимавших все более грозные размеры волнениях, резко обостряло эту необходимость. Наконец, Крымская война, показавшая гнилость и бессилие крепостной России, подорвавшая авторитет правительства даже в господствующем помещичьем классе, очень усилившая брожение в народе, окончательно вынудила власть приступить к крестьянской реформе.

Рождение новой буржуазной России сопровождалось обостренной классовой борьбой, в ходе которой намечались и оформлялись позиции различных общественных групп, возникали общественные течения, продолжавшие потом влиять на политическую жизнь России в продолжение десятилетий.

В пятидесятых годах блестяще развернулась революционно-публицистическая деятельность Герцена, положившего тогда начало вольной русской печати. Гегемония в революционном движении перешла в это время от дворянских революционеров, лучшим представителем которых был Герцен, к разночинно-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4, стр. 95.

демократической интеллигенции, мировоззрение которой формировалось под могучим воздействием ее замечательных вождей — Чернышевского и Добролюбова — идеологов крестьянской демократической революции.

Борьба крестьянских масс и выступавшей во имя интересов и требований крестьянства демократической интеллигенции против крепостничества, против помещичьих привилегий и их защитников имела определяющее значение в тогдашнем общественном движении; по сравнению с этой борьбой второстепенное значение имели столкновения, происходившие внутри господствующего класса помещиков между его либеральной и крепостнической группами.

Крестьянское движение и революционная деятельность демократического общественного лагеря являлись главнейшими факторами той политической неустойчивости, того революционного подъема, который характерен для конца 50-х и начала 60-х годов, когда Россия стояла перед возможностью (правда, не осуществившейся) серьезного революционного потрясения, переживала полосу, — говоря словами Ленина, — «революционной ситуации». По мнению Ленина, высказанному им в связи с характеристикой внутреннего положения в период крестьянской реформы, тогда «...самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной» [1]. Сходно оценивали обстановку в России на рубеже 50-х и 60-х гг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Маркс в конце 1859 г. писал: «В России движение идет быстрее вперед, чем во всей остальной Европе» [2]. При этом он указывал, с одной стороны, на борьбу крестьянства и, с другой, на оппозиционное движение среди дворянства. «Движение рабов в России» Маркс в 1860 г. оценивал, как одно из «самых великих событий в мире» в то время [3].

§ 2. Обострение нужды и бедствий угнетенных классов

В пятидесятых годах XIX века положение трудящихся классов в России значительно ухудшилось. Рост товарного производства хлеба помещиками влек за собою усиленный нажим помещиков на крестьянство. Помещики стремились усилить барщину и увеличить барскую запашку за счет крестьянской.

В черноземных губерниях, в особенности на Украине, многие помещики переводили крестьян в дворовые, выдавали им скудный паек на прокормление их самих и их семейств («месячину») и заставляли их работать на барщине шесть дней в неделю, присоединяя землю переводимых в дворовые крестьян к барской за-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 5, изд. 4, стр. 27.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 468.
[3] Там же, стр. 474.

пашке. Насколько значительные размеры приняло это явление в пятидесятых годах, показывает рост числа дворовых с девятой (1851 г.) по десятую (1858 г.) ревизию. За семь лет число дворовых увеличилось почти на 40%. При этом в Харьковской губернии число дворовых увеличилось на 236%, в Екатеринославской на 265%, в Черниговской на 309%, в Херсонской на 328%.

На юге Украины труд дворовых получил широкое применение в сельском хозяйстве. Напр., по материалам редакционных комиссий в Екатеринославской губернии «почти половина общего количества посевов производится обязательным трудом дворовых плугарей» и «две трети пастухов состоят также из дворовых».

В Екатеринославской губернии дворовые составляли по десятой ревизии 17% общего числа крепостных, в Херсонской — 19% [1].

Рост товарного производства хлеба помещиками вызывал не только увеличение работ на барской пашне, но и возрастание подводной повинности по доставке господского хлеба на рынок. Стремясь продать хлеб по возможно более дорогой цене, помещики не считались с расстоянием и посылали нередко крестьянские подводы за 200—300 и более верст.

Рост и без того уже непосильных для крестьянства повинностей, естественно влек за собою усиление помещичьих репрессий по отношению к тем крестьянам, которые оказывались не в состоянии эти повинности выполнить.

Крымская война, вызвавшая весьма тяжелые последствия для всей экономики России, чрезвычайно ухудшила положение крестьянства и обострила его бедствия. Многие десятки тысяч народа легли на полях сражений, огромнейшие массы были оторваны от своих хозяйств. В письмах к родным славянофил Иван Аксаков рассказывает о чувствах и переживаниях крестьян, взятых в государственное ополчение и заброшенных из Центральной России в далекую Бессарабию. Они знали, что семьи, оставленные ими, обречены на голод и нищету, что дети их были вынуждены ходить по миру и, добавим, никакой помощи ни от крепостнического государства, ни от помещиков ожидать не могли. Понимая, что крестьянам чужды ложно-патриотические мечтания, которыми тешили себя во время войны многие помещики-дворяне, Аксаков не мог не признать, что «если вообразить себя на их месте, на последней ступени общества, под давлением тяжести всех сословий, одного над другим, под игом всего общественного устройства, всего могущества, лжи, — ...так, кажется, повесился бы или спился бы» [2].

Бедственное положение масс было особенно сильно в южных районах, которые всего ближе находились к театру военных действий. Так, в Таврической губернии с 1853 по 1855 г. число тру-

[1] А. Скребицкий. Крестьянское дело в царствование имп. Александра II, Бонн на Рейне, т. IV, стр. 150, 184. — А. Тройницкий. Крепостное население в России по 10-й народной переписи. СПб., 1861, стр. 26—27, 59.

[2] Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. III, М., 1892, стр. 212.

доспособных крестьян уменьшилось почти на 40 000; в трех уездах не было вовсе произведено посевов; четыре пятых скота пало от чрезвычайной дороговизны корма, усиленных перевозок военных тяжестей по дурным дорогам и, частью, от «своеволия» войск. В Херсонской губернии эпидемические болезни и тяжелая подводная повинность вызвали уменьшение рабочих рук, которых, впрочем, не требовалось тут тогда в большом количестве ввиду незначительности посевов. Постоянные перевозки для нужд армии больно били крестьян и в Екатеринославской губернии. В Бессарабии крестьяне несли тяжелые повинности по устройству укреплений, сооружению дамб при переправах, заготовлению леса и т. д. [1]. Исполнение государственных повинностей, вызванных войной, не освобождало крестьян от обычных повинностей в пользу помещика. Отработав, например, две недели в одном из укреплений, крестьянин по возвращении домой посылался помещиком на его, помещичью, работу «...Казенное дело кладет на наши дни!» [2] — с возмущением отзывались крестьяне о помещиках.

Годы войны к тому же ознаменовались тяжелым неурожаем, сопровождавшимся резким вздорожанием жизненных припасов. Министр внутренних дел в отчете за 1855 г. отмечал рост цен на хлеб во многих местностях (Украина, Белоруссия и т. д.) в два, три и четыре раза [3].

§ 3. Крестьянское движение накануне реформы

В решимости царизма приступить к отмене крепостного права сыграло громадную роль опасение, как бы крестьянство не начало само освобождать себя снизу и не опрокинуло при этом, вместе с крепостным правом, все здание самодержавного строя.

Страх перед революцией разделяли с царизмом либеральные элементы русского общества, в то время как большинство его демократических элементов, наоборот, в этой революции видело средство, способное вывести Россию на дорогу прогресса. Как опасения одних, так и надежды и ожидания других, бесспорно, имели под собой серьезную почву в настроении крестьянства, выражавшемся в многочисленных его открытых выступлениях.

В одном из своих «Политических писем» в период Крымской войны историк и публицист правительственного лагеря М. П. Погодин писал: «Мирабо для нас не страшен, но для нас страшен Емелька Пугачев. Ледрю Роллен со всеми коммунистами не най-

---

[1] Л. Айзенберг. Сведения о положении крестьян к концу Крымской кампании. «Архив истории труда в России», кн. 10, Пгр. 1923, стр. 136—137.

[2] Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. III, М., 1892, стр. 183.

[3] Извлечение из всеподданнейшего отчета министра внутренних дел за 1855 г., — «Русский вестник», т. VII, М., 1857, кн. 2, «Современная летопись», стр. 130—131.

дут у нас себе приверженцев, а перед Никитой Пустосвятом разинет рот любая деревня. На сторону к Маццини не перешатнется никто, а Стенька Разин лишь кликни клич! Вот где кроется наша революция, вот откуда грозят нам опасности. Да и теперь не убивают ли ежегодно до тридцати помещиков — искупительные жертвы за право тиранства остальных? Ведь это все местные революции, которым недостает только связи, чтоб получить значение особого рода!» [1]. Говоря об опасности крестьянской революции, Погодин мог сослаться не на какие-либо отдаленные события, а на опыт последних лет и месяцев.

Ход Крымской войны требовал все новых и новых пополнений армии. От нормальных и внеочередных рекрутских наборов правительство перешло к созыву ополчений. Указы и манифесты, возвещавшие об этом, взывали к чувствам преданности «царю и отечеству» в с е г о населения без различия сословий. Крестьянство по-своему истолковывало эти воззвания, оно склонно было видеть в зачислении в ополчения путь к освобождению от крепостной неволи. На этой почве возникали крупные движения, которые внушительно свидетельствовали о подлинных настроениях крестьян, говорили о том, что при первом удобном случае они могут перейти к восстаниям с целью добиться освобождения.

3 апреля 1854 г. был издан указ о наборе желающих в морское ополчение. Набор распространялся на Петербургскую, Олонецкую, Тверскую и Новгородскую губернии и имел целью сформирование гребной флотилии для усиления обороны Балтийского побережья. К набору допускались и помещичьи крестьяне при непременном условии согласия со стороны помещиков. Но среди крестьян широко распространился слух, что можно поступать в морское ополчение без разрешения помещиков и что зачисление в ополчение влечет за собой освобождение от крепостного состояния как самих ополченцев, так и их семейств.

Стремление попасть во что бы то ни стало в морское ополчение обнаружилось не только в указанных четырех губерниях, но и в ряде других (Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Владимирской, Нижегородской). Крестьяне покидали свои деревни и толпами спешили в Москву и Петербург. Попытки остановить их в пути приводили иной раз к довольно серьезным столкновениям. Защищаясь от властей, крестьяне-беглецы стали вооружаться рогатинами, ножами и т. п. Николай I распорядился принять строжайшие меры к подавлению движения. В районы волнений были командированы, с целью усмирения, два флигель-адъютанта, для задержания бежавших крестьян были посланы войска, прибывших в Москву крепостных возвращали на родину в кандалах, а до отправки держали в тюрьмах. Лишь такими средства-

---

[1] М. П. Погодин. Соч., т. IV. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. М., 1874, стр. 262—263.

ми движение, порожденное указом 3 апреля 1854 г. удалось приостановить [1].

Более серьезный и массовый характер приняло движение после царских манифестов: от 14 декабря 1854 г., в котором Николай I призывал всех «россиян» встать «с железом в руках, с крестом в сердце» перед рядами врагов, и от 29 января 1855 г., где, обращаясь «ко всем сословиям государства», он уже прямо объявлял о приступе к «всеобщему государственному ополчению» [2].

Задавленные нуждой и бесправием, крестьяне без энтузиазма готовились принести себя в жертву этой несчастной войне, в которой, по признанию современника, «драгоценная кровь наших храбрых защитников» проливалась даром, бесплодно [3]. В переписке Ивана Аксакова с отцом Сергеем Тимофеевичем, выдающимся писателем, сохранились ценные свидетельства об отношении народа к призыву «общегосударственного ополчения». «Набор ратников, — писал И. С. Аксаков в апреле 1855 г., — происходит совершенно так же, как и набор рекрут: идут с такой же неохотой, с такими же усилиями избавиться от ратничества» [4]. Уверения, что «русский народ в эту войну заодно шел с царем», — лживо, — утверждал позднее автор известного письма за подписью «Русский человек», напечатанного в «Колоколе» Герцена. И если, тем не менее, в ряде местностей обнаружилась сильная тяга крестьян к вступлению в ополчение, то «только потому, — отмечал тот же автор, — что они надеялись за это получить свободу» [5].

Именно с требованием свободы и связаны были те волнения по поводу ополчения, которые вспыхнули в 1855 г. Движение это охватило ряд губерний Великороссии, но с особенной силой оно проявилось (весною 1855 г.) на Украине, в Киевской губернии. Воспоминания о казачестве и обостренная ненависть к влиятельным в этом крае польским панам-помещикам внесли своеобразные черты в киевское движение. Среди крестьянства прошел слух о существовании указа («выводного листа»), скрываемого помещиками и священниками, согласно которому все оно призывается в казачество, с полным освобождением от господских работ. С личным освобождением крестьяне связывали требование о передаче им земель. Крестьяне добивались от священников: «вот вы посоветуйтесь между собою и решайтесь — написать нас всех вольными казаками, дать нам присяги, что мы уже не пан-

---

[1] И. Игнатович. Волнения помещичьих крестьян от 1854 по 1863 г. «Минувшие годы», СПб., 1908, № 5—6, стр. 117—119. Я. И. Линков. Крестьянское движение в России во время Крымской войны. М., 1940, стр. 26—34.

[2] Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 13, СПб, 1899, стр. 195—198, 377—378.

[3] Дневник Веры Сергеевны Аксаковой, СПб, 1913, стр. 113.

[4] И. С. Аксаков в его письмах, т. III, М., 1892, стр. 120, 159.

[5] «Колокол», л. 64, 1 марта 1860 г., стр. 533.

ские,... что поля и леса наши и все, что есть у панов, — наше ж. Оно и есть так, ибо мы и наши предки за все это уже отработали» [1]. Отказываясь от помещичьих работ и настаивая на зачислении в казаки, устанавливая явочным порядком самоуправление, крестьяне проявляли большую стойкость в защите своих требований, не слушали «увещаний» начальства, до генерал-губернатора включительно, и неоднократно даже пытались обороняться против войска. Столкновения с войсками известны в четырех случаях; по официальным, далеко не полным сведениям, было убито и ранено 57 крестьян [2]. Оценивая «настоящий смысл дела», современный автор, хорошо знакомый с его обстоятельствами, писал: «...скоро обнаружилось, что царская служба была у крестьян только средством освободиться от вечной крепости у помещиков»; движение было вызвано «неумиравшею в народе памятью о козачине, угнетениями со стороны помещиков и страстным желанием освобождения со стороны крестьян...» [3].

Киевские волнения нашли значительный отклик в стране. Некоторые консервативные элементы общества были шокированы тем «фальшивым положением», в которое поставило себя «православное» правительство, защищая вооруженной рукой рабовладельческие привилегии польских панов против крестьян, предлагавших свои силы и жизнь для борьбы с внешними врагами. Погодин писал: «...Несколько тысяч крестьян (на деле десятки тысяч — Ш. Л.), чтобы избавиться от помещиков, вызвались недавно в Киевской губернии итти в казаки, чтоб умереть за отечество, и были разогнаны пушками, преданы военному суду, и сосланы за великодушный вызов на поселение» [4].

Много толков вызвало это движение среди киевского студенчества, преувеличившего даже размеры волнений и, в особенности, роль студента-поляка Розенталя, арестованного в связи с ними [5]. Толки эти дошли и до революционно-настроенной молодежи Петербурга и побудили Добролюбова, в то время бывшего студентом Главного педагогического института, написать патетические стихи «К Розенталю», в которых следующие строки

---

[1] Протоиерей В. Сикорский. Из воспоминаний потерпевшего во время крестьянских волнений 1855 г., «Киевская старина», т. II, 1882, апрель, стр. 99.

[2] И. И. Игнатович, указ. статья, стр. 115; И. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения, изд. 3-е, Л., 1925, стр. 315. Подробности о столкновениях крестьян с войсками и об усмирении волнений — в работе Я. И. Линкова «Крестьянское движение в России во время Крымской войны», М., 1940, стр. 52—59.

[3] В. Шульгин. Юго-западный край в последнее двадцатипятилетие (1838—1863). Киев, 1864, стр. 142—143, 148—149.

[4] М. П. Погодин. Историко-политические письма. Соч., т. IV, М., 1874, стр. 264.

[5] Розенталь читал крестьянам рукописную польскую прокламацию о борьбе против царя и господ, за «равенство, свободу и отечество», выдавая ее за обращение к ним императора французов и английской королевы. (М. Лемке. Крестьянские волнения 1855 г. — «Красная летопись», М. — Пгр., 1923, № 7, стр. 135—137.

являются показателем чувств, возбужденных в революционной молодежи киевскими событиями:

Пусть гибнешь ты для страждущего света
И гибнешь, замысла святого не свершив,
Но верь — речам твоим не сгибнуть без ответа,
Вся Русь откликнется на звучный твой призыв.
Бронею истины, щитом любви одета,
Мечом свободы руку ополчив,
Она пойдет на внутренних врагов
И отомстит им горько за рабов... [1].

В великорусских губерниях движение 1855 г. выразилось в массовом «самовольном» уходе крестьян из помещичьих имений; являясь в города, они требовали зачисления в ополчение, так как надеялись, что этим они совершенно освободятся от помещичьей власти. Наиболее широкие размеры движение приняло в Воронежской губернии, где волнения возникли в мае месяце под влиянием известий о киевских событиях. В Воронежской губернии произошло несколько столкновений с властями и войсками. Крупнейшее из них было в июле 1855 г. в слоб. Масловке Бобровского уезда. Для подавления крестьянского движения прибыл губернатор с отрядом солдат в 250 человек. В слоб. Петровку (Павловский уезд) для подавления «бунта» прибыл отряд солдат в 350 человек [2].

В мае и июне 1855 г. крестьянское движение широко распространилось по Симбирской и Саратовской губерниям. Местами священники объясняли крестьянам, что поступившие добровольцами на военную службу получат свободу и пенсию. Сотни людей стремились записаться добровольцами и уходили в города, прекращая выполнять барщину [3].

Среди татарского населения Нижегородской и Казанской губерний крестьянские волнения возникли на иной почве. Так как татары-лашманы (разряд государственных крестьян) не несли воинской повинности, то требование министерством государственных имуществ ратников было расценено, как попытка ввести постоянную военную службу. Татары, выделенные в армию, разбегались [4]. В связи с волнениями в великороссийских губерниях, Александр II предложил объявить населению, что «...все из помещичьих крестьян, которые самовольно отлучатся от своих селений для изъявления желания поступить в военную службу... будут преданы военному суду и получат наказание по всем строгостям законов» [5]. Принятыми репрессивными мерами движение в Великороссии было подавлено.

---

[1] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. IV, М., 1937, стр. 440.
[2] Я. И. Линков, Указ. работа, стр. 77—80.
[3] Там же, стр. 81—82.
[4] Там же, стр. 82—83.
[5] И. И. Игнатович. Волнения помещичьих крестьян от 1854 по 1863 г. — «Минувшие годы», СПб., 1908, № 5—6, стр. 116.

В 1856 г. крестьянское недовольство проявилось в форме массового самовольного переселения в Крым из ряда губерний, — главным образом из Екатеринославской и Херсонской, отчасти из Харьковской , Полтавской, Черниговской, Курской и Орловской. О том, какие массы крестьянства были захвачены этим движением, можно судить по заявлению херсонского уездного предводителя дворянства, что сам он «примерно до 20 000 душ убедил возвратиться на места своего жительства» [1]. Дело далеко не ограничивалось «убеждениями». Для задержания беглецов были двинуты военные силы; не раз беглецы, вооруженные кольями, вилами, дубинами, пытались прорвать военные заграждения, и в ряде случаев произошли столкновения, повлекшие за собой много жертв из крестьян.

Движение в Крым вызывалось разнообразными слухами, ходившими среди крестьянства. Верили, что правительство приглашает переселенцев для восстановления разоренных местностей, что на Перекопе сам царь раздает волю, наконец, что англичане и французы освободили всех помещичьих крестьян и нужно дойти до Таврической губернии, чтобы получить свободу [2].

Движение было подавлено, но впечатление оно произвело немалое и побудило правящие круги поторопиться с реформой. Когда славянофильский публицист помещик А. И. Кошелев потом выступил со своей «Запиской по уничтожению крепостного состояния в России», он в ней напоминал противникам освобождения, что многие из них во время войны готовы были согласиться «на всякое, самое для них убыточное прекращение крепостного состояния, лишь бы освободили их от страха, возбужденного в них возможностью провозглашения вольности, при вторжении врагов в наши пределы» [3].

В конце 1857 г. правительство окончательно решилось приступить к отмене крепостного права сверху. Это нашло выражение в рескриптах царя на имя виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора Назимова и петербургского генерал-губернатора Игнатьева.

Либерально-буржуазные историки России старались доказать, что весть о предстоящей реформе внесла полное успокоение в массы крестьянства.

Формально они опирались на некоторые показания современников и официальные свидетельства. Так, Юрий Самарин в марте 1859 г. в частном письме указывал на «небывалое никогда беспримерное спокойствие всего крепостного сословия» [4]. Герцен в конце того же года писал о «тихом океане крестьянского мира,

---

[1] Там же, стр. 294, 311—313.

[2] И. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925, стр. 294, 311—313.

[3] Записки Александра Ивановича Кошелева, Берлин, 1884, приложения, стр. 78.

[4] Н. Барсуков. Указ. соч., кн. 17, СПб., 1903, стр. 84.

ожидающего в величавом покое уничтожения позорного рабства»[1]. В докладе, представленном царю 1 августа 1858 г. министром внутренних дел, опровергалось мнение о необходимости чрезвычайных мер охраны указанием на то, что народ «не только не сопротивляется, но вполне сочувствует распоряжениям правительства»[2].

Однако эти и подобные показания следует понимать в весьма ограниченном смысле. Правительство и многие дворяне опасались вначале, что опубликование намерений власти, касающихся реформы отношений крестьян и помещиков, сразу может послужить толчком чуть ли не к поголовному восстанию крепостных. Хотя этого и не случилось, все же шеф жандармов Долгоруков в отчете III отделения за 1858 г. отмечал волнения крестьян в 25 губерниях; но он успокаивал царя соображением, что «беспорядков доселе происходило несравненно менее, чем ожидали и предсказывали»[3]. По сравнению с преувеличенными страхами, распространенными перед этим, те волнения, которые имели место хотя бы в 1858 г., представлялись уже не столь тревожными.

Между тем нельзя никак согласиться с утверждениями, будто народная масса с полным доверием относилась к действиям правительственных канцелярий и дворянских комитетов, была спокойна и не сопротивлялась помещичьему и начальственному произволу. Напротив, именно последние предреформенные годы были богаты крестьянскими протестами, о которых отлично было осведомлено III отделение.

По данным этого отделения число случаев «неповиновения» крестьян своим владельцам в 1858 г. составило — 86, в 1859 г. — 90, а в 1860 г. — даже 108, а всего за три года от обнародования рескриптов до 1 января 1861 г. этих случаев было 284[4]. Эта цифра более, чем в два раза превышала число волнений, например, за трехлетие 1849—1851 гг., за которое сохранились сводные данные III отделения. По подсчету историка И. Игнатович, за последнее шестилетие перед реформой число крестьянских волнений выразилось цифрою 474, в то время как все предыдущее десятилетие (1845—1854) дало только 348 случаев «неповиновения»[5]. На предреформенные годы приходится, кроме того, значительное число расправ (убийства, покушения, избиения) крестьян над помещиками, их управляющими и старшинами. По данным III отделения, за 1858—59 гг. было убито 8 помещиков

---

[1] А. И. Герцен, Полное собрание соч., т. X, Пгр. 1919, стр. 142.

[2] М. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», 2-е изд., СПб., 1908, стр. 458.

[3] Крестьянское движение 1827—1869 гг., вып. 1, М., 1931, стр. 125.

[4] Крестьянское движение 1827—1869 гг., вып. 1. М., 1931, стр. 123, 132, 146.

[5] И. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925, стр. 331—332.

и 19 управителей и старшин и произведено 30 неудавшихся покушений [1].

Приведенные статистические сведения дают некоторое представление об остроте, какой достигла в годы подготовки реформы классовая борьба в деревне. Не только там, где происходили открытые волнения, но и в других поместьях положение было напряженным; кажущееся в них внешнее «спокойствие» не обманывало внимательных наблюдателей. Будущий министр просвещения А. В. Головнин, объездивший в 1860 г. по поручению брата царя вел. кн. Константина Николаевича ряд местностей России, в своих заметках писал: «...По крестьянскому вопросу везде является крайне натянутое, неестественное положение и отношения одного к другому двух сословий. Помещики исполнены тревожного, боязливого ожидания неизвестного будущего, крестьяне с возрастающим нетерпением ожидают вольности и составляют себе разные несбыточные мечты. Взаимное недоброжелательство обоих сословий усиливается, и нынешнее спокойствие есть только наружное и крайне ненадежное... Случаи неповиновения бывают очень часто...[2] Необходимо торопиться с освобождением крестьян, ибо нынешнее слишком натянутое положение не может долго продолжаться» [3].

«Несбыточные мечты крестьян» — это их, крестьянские, представления о том, какой должна быть воля. По этим представлениям, земля — вся или по меньшей мере та, которой они уже пользовались, — должна была отойти к ним. «Большею частью толки крестьян вращались около одного пункта: земля будет наша» [4], — резюмирует свои наблюдения над тогдашними настроениями крестьянства П. И. Якушкин. Министр государственных имуществ М. Н. Муравьев, основываясь на сведениях, собранных им при объезде некоторых губерний еще в 1857 г., указывал, что крестьяне «полагают свободу» в «неограниченном пользовании всеми землями помещиков», ибо «земля, по понятиям крестьян, принадлежит им...» [5].

Крестьяне полагали, что всякие повинности в пользу помещиков должны прекратиться, сами «господа» оставят поместье и переедут в города. Кое-где среди крестьян бродили слухи, что воля — в понимаемом ими смысле — уже утверждена царем, но скрывается пока чиновниками в интересах помещиков [6].

---

[1] Крестьянское движение 1827—1869 гг. вып. 1, М., 1931, стр. 123, 133.

[2] А. Головнин. Общие заметки о поездке по некоторым губерниям в 1860 году, — «Записки научн. общества марксистов» № 7(1), М.—Л., 1927, стр. 142.

[3] Там же, стр. 144.

[4] П. Якушкин. Велик бог земли русской! Соч., СПб., 1884, стр. 2.

[5] Алексей Попельницкий. Влияние идеологии крестьян на ход освобождения их от крепостной зависимости. «Современный мир», 1916, № 2, отд. II, стр. 21.

[6] Корибут-Дашкевич. Нелепые толки и надежды помещичьих крестьян. «Русский архив», 1874, кн. 2, стр. 451—458.

Мнения крестьян о грядущей воле коренным образом противоречили требованиям помещиков и тому, что в угоду последним готовилось дать крестьянам правительство (см. главу вторую «Крестьянская реформа 1861 г.»). Именно из этого столкновения непримиримых интересов и взглядов вырастали многие конфликты между крестьянами и помещиками, которых поддерживали правительственные власти сплошь и рядом вооруженной рукой. Крестьяне, например, местами отказывались от господских работ или добивались их уменьшения, противились продаже господского леса, считая, что он перейдет вскоре в их собственность, при переходе имений к новым владельцам не желали им повиноваться и настаивали на немедленном освобождении и т. д.

Обострение борьбы в деревне часто являлось следствием прямых грабительских действий со стороны помещиков; их всевозможных ухищрений, направленных к тому, чтобы заранее полностью или частично обезземелить крестьян, либо перевести их с лучших земель на худшие и т. п. Граф Кочубей пытался присвоить тысячи десятин земли, купленной крестьянами задолго до реформы; другой видный магнат Шереметев вымогал со своих крестьян, приписанных в одном месте, а живших издавна в другом, громадные суммы, угрожая переселением их по месту приписки. Князь Львов — в Тульской губ., княгиня Крапоткина — в Рязанской, помещик Полтев — в Калужской, помещик Кошанский — во Владимирской, как и множество других, вызвали выступления крестьян предписаниями о переселении их на неудобные земли. Крестьян переводили в дворовые, коим не полагалось надела, спешно и против воли отпускали на «свободу» без земли и всякими вообще способами пытались обойти, обмануть, разорить. Шеф жандармов Долгоруков в одном из отчетов царю описывал эти грабительские действия помещиков, обвиняя их при этом только в недостатке «осторожности». «Некоторые дворяне, — писал Долгоруков, — и в отдельном быту выходили из пределов осторожности, требуемой нынешними обстоятельствами. Одни переносили крестьянские усадьбы на новые места или переменяли у них земляные участки; иные переселяли крестьян в другие свои имения, уступали их степным помещикам не только за бесценок, но и даром; третьи отпускали крестьян на волю без земли и вопреки их желанию, сдавали их в рекруты в зачет будущих наборов, отправляли в Сибирь на поселение, — одним словом, вообще употребляли разные средства, чтобы избавиться от излишнего числа людей и чтобы сколь возможно меньшее число их наделять землею» [1].

Власти, хотя и видели полную незаконность действий помещиков, принимали самые свирепые меры подавления крестьянского недовольства. Крестьян приводили к покорности посылкой воинских команд, зверскими истязаниями, арестами, преданием

[1] Крестьянское движение 1827—1869 гг., вып. 1, М., 1931, стр. 123, 124.

суду и ссылками так называемых зачинщиков. Заслуживает внимания то упорство, с которым крестьяне защищали от властей «зачинщиков», т. е. лучших, наиболее преданных общим интересам людей из своей среды. Они препятствовали производить их аресты, иногда насильственно освобождали их.

В ходе движения 50-х годов все резче обнаруживается солидарность между помещичьими и государственными крестьянами. «Замечательно, что с некоторого времени сословие государственных крестьян начинает принимать участие в крестьянском деле, — сообщали, например, жандармские власти из Саратовской губ., приводя случай, когда государственные крестьяне одного из сел Петровского уезда пытались внушить соседним помещичьим, что они «могут освободить себя от излишнего повиновения своим помещикам и не платить оброка» [1]. Вызываемые в качестве «понятых» для помощи в усмирении волновавшихся помещичьих крестьян государственные крестьяне иногда не только не оказывали властям содействия в этом, но открыто высказывали сочувствие помещичьим крестьянам и не допускали наказания их.

В крестьянских выступлениях значительную роль играли отпускные солдаты, люди бывалые, становившиеся часто во главе своих односельчан. В деревню начинали, несомненно, проникать также влияния, шедшие со стороны городской разночинной среды. «...Учителя (ученый люд) и приказные (чиновнический класс) с жаром защищают эмансипацию», — жаловался один нижегородский помещик. «Сей достопочтеннейшей публике охотно верят мелочные лавочники, цирюльники, мастеровые, дворовые люди, собираясь на чайные и пуншевые беседы в трактирах и белых харчевнях, рассуждая там о благе нашей матушки России. Их подслушивают извозчики, городские и загородные ямщики, ездящие по большим дорогам, и сеют эти плевелы всюду» [2]. Через крепостных, живших при «господах» в губернских центрах, крестьяне вступали в соприкосновение с городскими демократическими элементами, со «знающими» людьми. Отсюда приходили слухи о положении крестьянского дела. «...Народ теперь уж больно чуток стал: за десять верст ухом слышит!» — в этих словах одного умного и наблюдательного крестьянина хорошо выразилось то напряженное состояние, в котором находились массы [3].

Волнения, происходившие в каком-либо поместьи, привлекали живейший интерес всего окрестного населения. Во время «неповиновения» крестьян в 1858 г. в имении помещицы Беккер, Екатеринославской губ., «20 тысяч окрестных жителей поддерживали

---

[1] М. Н. Покровский. Чернышевский и крестьянское движение конца 1850-х годов, — «Историк-марксист», М., 1928, т. 10, стр. 8.

[2] На заре крестьянской свободы. — «Русская старина», СПб, 1897, ноябрь, стр. 239.

[3] П. А. Зеленый. О последних пяти годах крепостного состояния. — «Великая реформа», т. IV, М., 1911, стр. 92.

дух непокорности в означенном имении и нетерпеливо ожидали развязки происшествия» [1].

Огромное движение против питейных откупов, разразившееся в 1859 г. и охватившее значительную часть России, очень испугало правящий класс накануне реформы. III отделение в своем отчете за 1859 г. квалифицирует это движение, как «совершенно неожиданное»: «Жители низших сословий, которые, как прежде казалось, не могут существовать без вина, начали добровольно воздерживаться от употребления крепких напитков... Возвышение новым откупом цен на вино, весьма дурное его качество и увеличение дороговизны на все вообще предметы привели крестьян к решимости отказаться от употребления вина, если не навсегда, то, по крайней мере, временно» [2]. Первые проявления этого движения имели место еще в 1858 г. в литовско-белорусских губерниях — Ковенской, Виленской, Гродненской. В Центральной России это движение началось в Саратовской губернии, вслед затем оно перекинулось в Рязанской, Тульской и Калужской губерниях. «Этим примерам последовали в скором времени жители разных местностей Самарской, Орловской, Владимирской, Московской, Костромской, Ярославской, Тверской, Новгородской, а также Воронежской, Курской, Харьковской и других губерний» [3]. Недовольство народа приняло бурную форму — разгрома «питейных домов». Беспорядки этого рода начались 20 мая 1859 г. в городе Наровчате, Пензенской губ., где толпа в 700 человек, состоявшая из государственных и помещичьих крестьян и мещан, напала на «кабак», а при попытке властей арестовать одного из вожаков оказала сопротивление и разбежалась только при появлении войска. Из Пензенской губернии это движение перекинулось в Тамбовскую, Саратовскую, Симбирскую, Казанскую и другие. Оно проявилось также в центральных и западных губерниях — Московской, Владимирской, Смоленской. Всего в 12 губерниях было разбито 220 питейных заведений.

В большинстве случаев подавление беспорядков было проведено при помощи воинских частей. Тысячи крестьян были арестованы за участие в них. В феврале 1860 г. штаб-офицер корпуса жандармов доносил Долгорукову из Пензы, что там «Тюремный замок набит, в полном смысле этого слова, государственными крестьянами...». Многие крестьяне были преданы военному суду, еще большее число подвергнуто было телесному наказанию [4]. Борьба народа против откупов, масштабы, принятые этим движением, произвели большое впечатление в кругах демократической интеллигенции [5].

---

[1] Крестьянское движение 1827—1869 гг., вып. 1, М., 1931, стр. 118.

[2] Там же, стр. 134.

[3] Крестьянское движение 1827—1869 гг., вып. 1, М., 1931, стр. 134.

[4] «Звенья», № 3—4, М.—Л., стр. 428—446; Крестьянское движение в 1827—1869 гг., вып. 1, стр. 135—136.

[5] Ниже, в главе о Добролюбове, мы останавливаемся на знаменательной статье, посвященной критиком-революционером движению против откупов.

Крестьянская масса, таким образом, была в предреформенные годы охвачена широким и глубоким брожением, которое многократно находило себе открытое выражение в виде «неповиновений», всякого рода волнений, протестов против помещичьего насилия и произвола и против действий властей, защищавших всеми мерами этот произвол. Громадное движение 1859 г., проявившееся в своеобразных формах, явилось ярким показателем царившего в массах глубокого недовольства.

Крестьянские волнения предреформенного периода — важнейший признак той «революционной ситуации», которая характерна для России в конце пятидесятых и в начале шестидесятых годов. Маркс расценивал крестьянское движение в России этого времени и движение рабов в Америке как «самые великие события в мире в настоящее время» [1]. Волнения заставили правительство считаться с настроением народа и сделали совершенно неосуществимыми всякие мысли об остановке реформы.

Однако, крестьянское движение в эти годы не приняло такого характера и таких размеров, чтобы вырвать все дело из рук царской бюрократии и помещичьего класса и разрешить его по-революционному, в соответствии с интересами народа. Как указывает В. И. Ленин, революционные мысли о б у н и ч т о ж е н и и собственности помещиков, о п о л н о м с в е р ж е н и и их власти — «не могли не бродить в головах крепостных крестьян». Но «века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием...» [2].

§ 4. Кризис «верхов». Программа и тактика либералов

Внутренний кризис, переживавшийся Россией после Крымской войны, сказался одновременно на состоянии господствующих классов, прежде всего дворян-помещиков, и правительственных верхов.

При Николае I и в господствующем классе было немало недовольных установившимся режимом. Но и среди них немногие отдавали себе отчет в том, насколько глубоко подтачивалась изжившим себя крепостным строем в н е ш н я я м о щ ь государства. Крымская война окончательно разрушила существовавшие иллюзии на этот счет. В ней, по словам Энгельса, «царизм потерпел жалкое крушение» и скомпрометировал себя перед Россией. «Наступило небывалое отрезвление» [3].

Николаевская система теряла престиж даже у части прежних своих поклонников и защитников. Противники ее из складывавшегося либерального лагеря подняли голову и начали уси-

[1] Маркс и Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 474.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4, стр. 96.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 29.

ленно пропагандировать свои взгляды, пользуясь для этого рукописной публицистической литературой, потом и герценовскими «Голосами из России», частью и легальной журналистикой (с 1856 г. «Русский вестник»).

В роли критиков обанкротившейся системы выступали даже некоторые из ее бывших идейных оруженосцев. Особенную известность в этом отношении получил реакционный историк М. П. Погодин, своими «Политическими письмами». Погодин громко стал говорить против о т с т а л о с т и России, против существующих непорядков, в пользу некоторых реформ. Он подхватил получивший в публике необыкновенную популярность лозунг «гласности» и доказывал правительству, что отсутствие ее губительно отражается на ходе государственных и общественных дел, ибо «всякая ложь, неправда, обман получают право гражданства в государстве...» [1].

Связь внешних неудач с крепостным строем и всеми внутренними неустройствами, с отсталостью страны не могла укрыться и от некоторых правительственных сфер, все более убеждавшихся, что, сохраняя в полной целостности существующую социально-политическую систему, правительство во-вне рискует потерей великодержавного положения России, а внутри должно опасаться могучего народного движения, которое может смести и помещиков и царизм.

При Николае I, несмотря на это, шансы на изменение правительственного курса казались ничтожными. Неожиданная смерть Николая в феврале 1855 г. была воспринята различными слоями дворянского общества, как начало перемен. «Великие перемены ожидают Россию», — эти слова записал 1 марта 1855 г. в своем дневнике Лев Толстой [2]; та же мысль бесконечно повторялась среди разных групп дворянства и дворянской интеллигенции. Бакунин впоследствии указывал: «Никто никогда не забудет трепета, пробежавшего по всей империи при смерти императора Николая... Чиновничество оплакивало крушение своего владычества, остальное же население содрогнулось от радостных надежд» [3].

Александр II не оправдал «радостных надежд», о которых говорит Бакунин. Он и не мог их оправдать, так как самые эти надежды представляли собою просто наивную монархическую иллюзию, порожденную слабостью политического развития большинства общества, неумением распознать кровную связь царизма с интересами крепостников-помещиков. Но от некоторых перемен царизм, безусловно, не мог уже уклониться. Начав с кое-каких частных «послаблений», имевших целью смягчить возбужденное состояние общества (ослабление цензурного гнета,

[1] М. П. Погодин. Историко-политические письма. Соч., т. IV, М., 1874, стр. 259.

[2] Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 47, М., 1937, стр. 37.

[3] «Былое», № 27—28, Л., 1924—1925, стр. 25.

отмена ограничений, направленных после 1848 г. против университетов, облегчение сношений с Западом и проч.), Александр II вынужден был, ввиду угрозы народного восстания, поставить в порядок дня и более существенные реформы, в первую очередь — реформу крестьянскую.

Крымская война и все тяжелые испытания, с нею связанные, дали, таким образом, толчок «реформаторским» течениям. Но было бы ошибочным думать, что весь господствующий помещичий класс был проникнут стремлением к переменам или что характер и объем этих перемен всем представлялись в одинаковом свете. Дворянство отнюдь не было вполне едино. К. Маркс, внимательно следивший за развитием крестьянской реформы, писал, что сторонники реформы среди дворянства составляют «численное меньшинство», не единодушное по важнейшим вопросам [1]. Различны были интересы разных слоев дворянства, различны были и их взгляды на вопросы, связанные с крестьянской реформой. (Об этом в подробностях рассказано в следующей главе). «Насчет большинства нашего общества, — писал в начале 1859 г. Чичерин Кавелину, — Вы будете согласны: оно состоит из помещиков-консерваторов и чиновников-взяточников» [2]. Большинству противополагалось, обычно, так называемое образованное меньшинство привилегированного общества, т. е. в первую очередь либеральные слои того же дворянства. Позиция «помещиков-консерваторов», как всех близких им по духу элементов и вне чисто помещичьей среды, в общих своих основаниях и целях сводилась к сохранению в неприкосновенности крепостнического режима, либо к тому, чтобы перемены затронули его в самой ничтожной степени.

Наиболее чистый тип либералов представляли либералы «западники», возглавляемые такими фигурами, как ученые и публицисты Кавелин и Чичерин, как прославленный писатель Тургенев, с близкими к нему литераторами Анненковым, Боткиным и др., редактор нового журнала «Русский вестник» Катков, Унковский, популярный помещик Тверской губернии, местный предводитель дворянства, и т. д. Некоторыми либеральными чертами была тогда отмечена и позиция ряда видных славянофилов — братьев Аксаковых, Кошелева, Самарина, пытавшихся в то время соединить реакционные основы своего мировоззрения с отдельными либеральными лозунгами, как свобода «общественного мнения» и др.

Объективная цель всех либеральных стремлений заключалась в создании некоторых предпосылок для буржуазной перестройки России, для постепенного и осторожного перевода крепостнических общественно-политических отношений на буржуазно-европейские рельсы. По своему основному характеру либерализм, начавший вполне отчетливо оформляться в Рос-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 1, стр. 529.

[2] Воспоминания Б. Н. Чичерина. Путешествие за границу, М., 1932, стр. 64.

сии именно в период падения крепостного права, объективно являлся буржуазным течением, хотя сторонники его в то время еще рекрутировались преимущественно из среды поместного дворянства и привилегированной дворянской интеллигенции. Характеризуя впоследствии «буржуазный либерально-монархический центр», В. И. Ленин указывал, что этот центр «наметился вполне явственно в эпоху падения крепостного права» [1]. «Либералы, — как подчеркивал Ленин, — были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков» [2]. Ленин объясняет: «...либеральная буржуазия связана слишком тесными экономическими нитями с поместным землевладением, их интересы слишком переплетены взаимно, так что для первой безопасным и желательным представляется лишь реформирование последнего, отнюдь не уничтожение его. Лучше самое медленное, даже незаметно-медленное реформирование, чем уничтожение, — так рассуждает подавляющее большинство либеральных буржуа...» [3].

Конкретные задачи либерализма следующим образом были сформулированы в совместном обращении Кавелина и Чичерина к Герцену, написанном в конце Крымской войны: «Мы думаем об том, как бы освободить крестьян без потрясения всего общественного организма, мы мечтаем о введении свободы совести в государстве, об отменении или по крайней мере об ослаблении цензуры» [4].

В статье «Современные задачи русской жизни», написанной Чичериным в 1855 г., к пожеланиям о свободе совести и свободе общественного мнения и печати были добавлены также — публичность правительственных действий и гласность судопроизводства [5]. Несколько позднее в либеральных пожеланиях особенно видное место занял пункт о местном самоуправлении. Такова была социально-политическая программа либералов, выдвинутая при смене царствования.

Либералами старательно обходился вопрос об изменении коренных основ государственного строя, о возможности ограничения самодержавия. «О перемене образа правления никто в это время не думал», — заявляет в своих воспоминаниях об этом моменте Чичерин, имея в виду именно либеральное общественное мнение. О такой перемене оно мечтало лишь, как об «отдаленной цели», о которой следует пока «умалчивать» [6]. В большом

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4, стр. 494—495.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4, стр. 96.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4, стр. 371.

[4] «Голоса из России», ч. 1, Лондон, 1856, стр. 21—22.

[5] «Голоса из России», кн. 4, Лондон, 1857, стр. 124—125.

[6] Воспоминания Б. Н. Чичерина. Москва сороковых годов, М., 1929, стр. 162—163.

программном документе, выработкой которого к концу 1855 г. был занят Кавелин, шла речь о «совершенной необходимости сохранить неограниченную власть государя»[1]. Таким образом, авторитетные представители русского либерализма на первом этапе либерального движения отказывались даже еще от выставления знамени конституционализма[2].

В своей литературной критике существующего порядка либеральная печать обычно разменивалась на мелочи, направляя свои стрелы против частных злоупотреблений и избегая указывать более коренные причины отрицательных явлений. Либеральные «обличители» изображали изобличаемые факты случайными, такими, которые — «могли быть, могли и не быть»[3]. Сам Кавелин, обсуждая в письме к Герцену (1857 г.) задачи заграничного органа печати, убеждал его сосредоточить главное внимание на частных вопросах, потому что — утверждал Кавелин — точка зрения «образованной публики», т. е. массы либеральных читателей, состоит в ядовитой критике деталей, — не принципов[4].

Характернейшими чертами всего либерального лагеря были страх перед движением народа, враждебность к революционным методам, стремление достигнуть своих целей непременно и исключительно в сотрудничестве с правительством. При разъединении с существующей властью либералы считали общество бессильным и беспомощным, потому что «только через правительство у нас можно действовать и достигнуть каких-нибудь результатов»[5]. В письме Кавелина и Чичерина, из которого взяты цитируемые строки, авторы решительно открещивались от «тайных обществ, оппозиции, революционных и разрушительных планов»[6]. В другом либеральном документе 1855 г., «Мысли вслух об истекшем 30-летии России», автор Н. Мельгунов, проповедуя свою

---

[1] Н. Барсуков. Указ. соч., кн. 14, СПб, 1903, стр. 203.

[2] Нечего и говорить о славянофилах, которые не только тогда, но и в дальнейшем решительно и категорически высказывались и боролись против конституционных стремлений. К 1855 г. относится известный программный документ славянофильства — записка Константина Аксакова «О внутреннем состоянии России», в которой утверждалось, что, якобы, русский народ — это народ не государственный, не ищущий участия в правлении, не желающий условиями ограничивать правительственную власть, не имеющий, одним словом, в себе никакого политического элемента, следовательно, не содержащий в себе даже зерна революции или устройства конституционного». «Правительству, — писал К. С. Аксаков, — неограниченная свобода правления, исключительно ему принадлежащая...». Для общества, для «земли» он хлопотал лишь о «праве мнения», мысль о котором, конечно, при сохранении неограниченного самодержавия, являлась несбыточной, нереальной. «Русь», М., 1881, № 26, стр. 12 и № 27, стр. 20).

[3] П. Басистов, «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина», — «Отечественные записки», 1857, № 8, стр. 82. Критическая литература о произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина, вып. 1, М., 1905, стр. 166.

[4] Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену, Женева, 1892, стр. 6.

[5] «Письма к издателю» «Голоса из России», ч. 1, Лондон, 1856, стр. 22.

[6] Там же, стр. 11.

теорию умеренности и аккуратности, обосновывал это тем, что время радикализма, будто бы, прошло даже для Западной Европы — а в России «ему не следует и возникать, ибо у нас всякое начинание истекает сверху» [1].

Предупреждение «попыток с н и з у к насильственному изменению существующего» строя [2] составляло одну из основных забот либерализма с первых его шагов. В этом деле он был надежным союзником и помощником власти, для которой предотвращение угрозы снизу сушествованию самодержавного правительства и господству помещиков составляло — по признанию самого Александра II — «главную заботу» [3].

Настойчивость, с которой либералы доказывали необходимость с к о р е й ш и х уступок в крестьянском вопросе, была связана с этой озабоченностью, убеждением, что только отмена крепостного права обеспечит в дальнейшем мирное либеральное развитие. «В моих глазах, — пояснял Кавелин свою позицию Погодину, — решить умно и основательно и честно... этот вопрос, значит спасти нас от бессмысленной резни и на пятьсот лет дать России внутренний мир и возможность правильного, спокойного преуспеяния, без скачков и прыжков» [4].

К этому надо добавить, что деловые планы либералов в крестьянском вопросе, — самом животрепещущем вопросе тогдашней русской действительности, — проникнуты были стремлением всячески оградить помещичьи интересы. Кавелин, — автор особенно известного из либеральных проектов крестьянской реформы, — гордился тем, что его записка пришлась по душе даже «самым заскорузлым и деревянным» помещикам [5].

Позже, в 1859 г., когда созданные правительством «Редакционные комиссии» по крестьянскому делу определили нормы наделения крестьян землей более высокие, а размеры повинностей за нее меньшие, чем проектировали сами дворяне в своих губернских комитетах, это вызвало резкий протест не только со стороны реакционного дворянского большинства, но и либерального меньшинства. А ведь нужно заметить, что «Редакционные комиссии» и сами достаточно близко к сердцу принимали интересы дворянства, что руководящие деятели комиссий «Милютин и Соловьев сами отстаивали привилегии крепостников и необычайно тяжелый «*выкуп*» за эти привилегии» [6].

Глубоко был прав В. И. Ленин, говоря, что «либералы хотели «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя,

---

[1] «Голоса из России», ч. 1, Лондон, 1856, стр. 149.

[2] Там же.

[3] См. напр., заметки Александра II на записке Гакстгаузена, 1857 г., в работе П. И. Лященко: Последний секретный комитет по крестьянскому делу, СПб., 1911, стр. 29.

[4] Н. Барсуков, Указ. соч., кн. 14, СПб., 1900, стр. 215.

[5] Там же, стр. 214.

[6] В. И. Ленин. Соч., т. 18, изд. 4, стр. 554.

ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к «уступкам» духу времени»[1]. С полным сочувствием цитируя оценку либералов 60-х гг. Чернышевским, назвавшим их «болтунами, хвастунами и дурачьем», Ленин пояснял, что Чернышевский «ясно видел их боязнь перед революцией, их бесхарактерность и холопство перед власть имущими»[2].

Несмотря на все эти реакционные свойства либерализма, осуществление полностью его платформы вызывало сопротивление, как у более или менее непримиримых крепостников, так и у правительства, которое согласно было лишь с некоторыми из либеральных предложений, но отвергало другие. Так, правительство не хотело наделения сколько-нибудь широкими полномочиями органов местного самоуправления, оно не допускало и подобия свободы общественного мнения и вообще стремилось провести реформы в таком виде, чтобы бюрократическое всевластие не потерпело никакого ущерба.

Правительство, с другой стороны, в общеклассовых интересах дворянства не могло целиком принять всех требований крепостнической фракции дворян и, тем более, ультракрепостников, мечтавших об отказе вообще от всякой реформы. На этой почве возникала возможность столкновений правительства с этой частью дворянства. Раздражение крепостников принимало форму своеобразной политической фронды. Апеллируя к Александру II против «красных бюрократов» типа Милютина, требуя разгона Редакционных комиссий и передачи всего дела в руки реакционнейших представителей дворянства, они непрочь были попугать царя призраком олигархической «конституции». Камергер Михаил Безобразов доказывал в своей нашумевшей записке (1859 г.), что самодержавие вовсе не есть «право делать все как вздумается», что оно не должно считать себя безграничным и что «собрание выборных» от дворянства «есть природный элемент самодержавия»[3]. Александру II не очень трудно было обезвредить этот, по выражению Ив. Аксакова, «либерализм озлобившихся помещиков»[4]. Резко отвергнув все подобные политические домогательства, правительство вместе с тем самым внимательным образом отнеслось ко всем экономическим претензиям крепостников.

Мы видим, что годы непосредственной подготовки отмены крепостного права ознаменовались спорами и конфликтами в самом господствующем лагере, причем расстановка сил была довольно сложной и по внешности запутанной. Споры велись и внутри дворянства и в самом правительстве, а также между раз-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4, стр. 96.

[2] Там же, стр. 97.

[3] О желаниях русского дворянства во время освобождения крестьян с запиской камергера М. А. Безобразова. 1859. «Русский архив» 1888, вып. 12, стр. 601—615.

[4] Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу, М., 1894. стр. 149.

ными группами дворян, с одной стороны, и правительством — с другой. Но в этих спорах ничуть не было слышно голоса в защиту крестьянских интересов. Попытки либеральных историков свести смысл общественной борьбы в России накануне реформы к борьбе «либералов» против «крепостников» во имя будто бы интересов народа были разоблачены Лениным. Ленин писал по этому поводу: «Пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой внутри господствующих классов, большей частью *внутри помещиков*, борьбой *исключительно* из-за меры и формы уступок. Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об *уничтожении* этой собственности, о *полном свержении* этой власти» [1].

Это не означает, что борьба в господствующем лагере не имеет политического интереса и значения. Эта борьба являлась показателем кризиса «верхов», который, как учит Ленин, является одним из признаков революционной ситуации, она показывала «невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство» [2]. Верхи общества были вынуждены к некоторой перелицовке государственного здания, — при этом сталкивались различные интересы и мнения, шли споры, происходила борьба. Трения в господствующем лагере усиливали его растерянность, увеличивали трудность положения власти, обостряли внутренний политический кризис в стране.

§ 5. Деятельность Герцена в предреформенные годы. «Колокол» в общественном движении 50-х гг.

В жизни страны, ее народных низов со времени Крымской войны наметились крупные сдвиги. Массы крестьянства жаждали решительных перемен, полного освобождения от крепостного гнета и бесправия, они стремились получить землю. Представительство интересов и стремлений крестьянства приняли на себя поднимающиеся новые демократические элементы общественности — передовые круги разночинной интеллигенции. Не без тактических шатаний и компромиссов, ту же линию борьбы проводили лучшие представители дворянского поколения революционеров и среди них прежде всего — Герцен.

Научно-теоретическое мировоззрение Герцена, в ряде основных своих черт сложавшееся уже в 30—40-х годах, а после революции 1848 г. еще более определившееся, охарактеризовано в предыдущем томе. Ленин говорил о Герцене периода 1848 г.,

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4, стр. 96.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 21, изд. 4, стр. 189.

что он «был тогда демократом, революционером, социалистом» [1], но социализм его был мелкобуржуазный, утопический.

Лишь подъем общественного движения в России, наступивший после Крымской войны, положил конец мучительной изолированности Герцена от русской жизни, в которой он находился несколько лет перед этим. В это время блестяще развернулась публицистическая деятельность Герцена.

Еще в 1853 г. ему удалось организовать в Лондоне первую «вольную русскую типографию» и положить начало свободной русской печати, в чем Ленин видел его «великую заслугу». Но отклик в России на первых порах он встретил слабый. По поводу десятилетия своей типографии Герцен вспоминал (в 1863 г.): «Начала наши были темны и бедны. Три года мы печатали, не только не продав ни одного экземпляра, но не имея возможности почти ни одного экземпляра послать в Россию». Даже близким людям «бесцензурная речь казалась неосторожностью, чуть не доносом...», — пишет Герцен об этом времени, которое он называет временем «слабых, бесплодных усилий и безучастия со стороны России» [2]. Все это радикально переменилось, когда после Крымских поражений и смерти Николая оживилась Россия. Новая политическая обстановка в огромной степени подняла значение начатой Герценом издательской деятельности и придала ей широкий размах.

Уже при первых дошедших до него симптомах роста крестьянского движения и начинавшегося общественного подъема Герцен принял решение приступить к изданию периодического сборника «Полярная звезда». Название, как и силуэты казненных декабристов на обложке, напоминало об одноименном альманахе Рылеева и Бестужева. Герцен сознательно стремился «показать непрерывность предания, преемственность труда, внутреннюю связь и кровное родство» [3]. Таким образом, «Полярная звезда» Герцена, как подчеркивает Ленин, «подняла традицию декабристов» [4]. Летом 1855 г. вышла первая книжда «Полярной звезды», в 1856 г. — вторая. Издание продолжалось до 1862 г. (последняя, восьмая, книжка появилась после большого перерыва — в конце 1868 г.).

В середине 1856 г. Герцен предпринял и другое издание — «Голоса из России», помещая в них присылаемые с родины нелегальные материалы, не находившие себе места в русской печати, а с 1 июля 1857 г. стал выходить — в виде «прибавочных листов к «Полярной звезде» — знаменитый журнал «Колокол».

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 18, изд. 4, стр. 10.

[2] А. И. Герцен. Полн. собр.. соч., т. XVI. Пгр., 1920, стр. 129, 130.

[3] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. VIII, Пгр., 1919, стр. 167.

[4] В. И. Ленин. Соч., т. 18, изд. 4, стр. 12.

«...События в России несутся быстро, — мотивировал Герцен необходимость нового органа, — их надобно ловить на лету, обсуживать тотчас» [1].

В течение десяти лет было выпущено 245 номеров самого «Колокола» и много приложений к нему (журнал «Под суд», специальный орган для старообрядцев «Общее вече» и др.). До 1865 г. «Колокол» выходил в Лондоне, затем до 1867 г. — в Женеве. После прекращения в 1867 г. выхода «Колокола» на русском языке издание некоторое время продолжалось на французском. Все труды по ведению «Колокола« разделял с Герценом его ближайший друг, революционный поэт и публицист Н. П. Огарев, переехавший в 1856 г. из России в Англию. Герцен приписывал Огареву самую инициативу в издании «Колокола».

Первенец нелегальной русской печати «Колокол» в первую половину своего существования имел такой успех, какого после него не знало ни одно нелегальное издание в XIX веке, а в легальной печати с ним мог бы поспорить в этом отношении только «Современник» Чернышевского и Некрасова. Ленин очень высоко оценивал деятельность Герцена в «Колоколе». «Колокол»..., по словам Ленина, «встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено» [2].

Герцен сам рассказывает в «Былом и Думах»: «Колокол в России был принят ответом на потребность органа, неискаженного цензурой. Горячо приветствовало нас молодое поколение... Но и не одно молодое поколение поддержало нас... «Колокол» — власть», говорил мне в Лондоне, horribile dictu, *Катков* и прибавил, что он у Ростовцева лежит на столе для справок по крестьянскому вопросу... И прежде него повторяли то же и Т., и А., и С., и К. (Тургенев и, вероятно, Аксаков, а может быть Анненков; Самарин, Кавелин. — Ш. Л.), генералы из либералов, либералы из статских советников, придворные дамы с жаждой прогресса и флигель-адъютанты с литературой...» [3].

Герцен, подчеркивавший в этом отрывке успех «Колокола» не только среди демократической, радикальной молодежи, но и среди умеренных кругов, нисколько не преувеличивал. Чичерин вспоминал: «Его «Колокол» имел тогда громадное значение... Его жадно читали в Петербурге и в Москве. Каждый тайно привозимый из-за границы нумер ожидался с нетерпением и передавался из рук в руки. Здесь в первый раз обличалась царствующая у нас неправда, выводились на свет козни и личные виды сановников, ничтожество напыщенной аристократии, невероятные дела, совершающиеся под покровом тьмы... Перед обличением Герцена трепетали самые высокопоставленные лица» [4]. «Искандер» (псевдо-

[1] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 524.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 18, изд. 4, стр. 12.
[3] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XIV, Пгр., 1920, стр.. 373—374.
[4] Воспоминания Б. Н. Чичерина. Путешествие за границу. М., 1932, стр. 49.

ним Герцена) «теперь властитель наших дум, предмет разговоров, — записывала в своем дневнике современница в первые же месяцы существования «Колокола», — «Колокол» прячут, но читают все; говорят, и государь читает. Корреспонденции получает Герцен отовсюду, из всех министерств, и, говорят, даже из дворцов. Его боятся, и им восхищаются» [1].

Такому интересу к «Колоколу» со стороны либерального общества в первые годы его издания способствовал сравнительно умеренный характер его ближайшей программы, вместе с колебаниями герценовской тактики в тот период.

Создавая свою «Полярную звезду», а затем и «Колокол», Герцен выступил с довольно скромной программой ближайших требований, рассчитывая объединить на ней самые широкие и разнообразные общественные круги, заранее исключая из своих изданий «одно то, что будет писано в смысле самодержавного правительства, с целью упрочить современный порядок дел в России» [2]. Во второй книжке «Полярной звезды» Герцен писал: «...Не ясно ли, что на первый случай вся программа наша сводится на потребность гласности, и все знамена теряются в одном — в знамени освобождения крестьян с землею.

«Долой дикую цензуру и дикое помещичье право! Долой барщину и оброк! Дворовых на волю!

«А с становыми и квартальными мы сделаемся потом...» [3]. В число минимальных требований Герцен включал еще уничтожение телесных наказаний.

В центре всей программы стояло освобождение крестьян с землей. Герцен был самым непримиримым врагом безземельного освобождения. «Колокол», хотя и не требовал передачи крестьянам всей земли, решительно настаивал на закреплении за ними полностью той части ее, которая находилась фактически в их пользовании при крепостном праве. Еще до вступления на престол Александра II Герцен говорил об этом: «Мужик хочет себе лишь мирскую землю, лишь ту, которую он оросил потом лица своего, которую приобрел святым правом работы; больше он не требует...» [4]. Этот взгляд защищался затем и в «Колоколе». «Колокол» не настаивал также на совершенно безвозмездном отчуждении указанной части земли у помещиков, — он мирился с умеренным выкупом за нее. Соредактор Герцена — Огарев выступил в «Колоколе» со своим проектом выкупа. В связи со сделанными ему возражениями, Огарев в новой статье указывал, что не может не сочувствовать безвозмездному наделению крестьян, но считает этот принцип практически неосуществимым, так как большинство помещиков «не согласится не только на безвозмездное наделение землею, но едва согласится на выкуп...

[1] Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки. М.—Л., 1934, стр. 160.
[2] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 222.
[3] Там же, стр. 289.
[4] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 150.

Значительное меньшинство тотчас согласится на выкуп; но на безвозмездное наделение землею согласятся разве несколько отдельных личностей» [1].

Герцен отлично сознавал умеренный характер ближайшей, минимальной программы «Колокола». Но он согласен был для начала удовольствоваться этим: он верил, что настоящее, неподдельное освобождение крестьян с землей, ввиду сохранившегося в России общинного землевладения, явится исходным моментом скорого и беспрепятственного движения к социализму. «Да, это очень немного, — признавал Герцен, — но в том-то и состоит наша юность, наша сила, что нам так мало надобно для того, чтобы бодро и быстро ринуться вперед» [2]. Россия и в самом деле двинулась бы гораздо быстрее вперед в случае более благоприятного для крестьян разрешения крестьянского вопроса, но не по социалистическому, а по капиталистическому пути. «Герцен, — пишет Ленин, — видел «социализм» в освобождении крестьян *с землей,* в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю» [3]. В этом учении Герцена, указывает Ленин, не было («как и во всем русском народничестве»), «ни грана» действительного, научного социализма. «Чем больше земли получили бы крестьяне в 1861-ом году и чем дешевле бы они ее получили, тем сильнее была бы подорвана власть крепостников помещиков, тем быстрее, свободнее и шире шло бы развитие капитализма в России» [4]. Герцен не сознавал этого, он находился во власти своей веры в провиденциальную роль крестьянской общины и в этой вере находил оправдание для отказа от «мечтаний», т. е. от более решительных и далеко идущих немедленных требований. Либеральные круги общества, не разделяя нисколько социалистических убеждений Герцена, с удовлетворением принимали проявленную им по приведенным соображениям умеренность. В. И. Ленин прямо указывал, что Кавелин восторгался в этот период «Колоколом» — «именно за его либеральные тенденции».

Обманываясь в действительных намерениях правительства, Герцен допускал в середине 50-х гг. воможность мирного разрешения стоящих перед Россией коренных внутренних вопросов.

При самом вступлении Александра II на престол Герцен в письме к нему, напечатанном затем в «Полярной звезде», заявлял: «Дайте волю вашему сердцу. Вы, верно, любите Россию, и Вы можете так много-много сделать для народа русского...

Разумеется, моя хоругвь — не ваша: я — неисправимый социалист, вы — самодержавный император; но между вашим зна-

---

[1] Н. Огарев. Письмо к автору «Возражения на статью» «Колокола», помещенного в 18-м листе, «Колокол», л. 38, 15 марта 1859 г., стр. 307.

[2] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 496.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 18, изд. 4, стр. 11.

[4] Там же.

менем и моим может быть одно общее, именно... — любовь к народу...» [1].

После двух лет напрасных ожиданий Герцен все еще отчасти надеялся на Александра II и противопоставлял его дворянской верхушке, его окружавшей. Герцен одно время задавался несбыточной целью — оторвать Александра II от этих людей, от верхов дворянства. Он теоретически допускал, что царская власть может существовать и действовать независимо от них и против них, он призывал царя опереться на народ и передовые элементы общества. Герцен после смерти Николая мечтал о «самодержавной революции», которая должна была бы «вести Россию к великому развитию всех ее неистощимых сил, неведомых возможностей, не проливши ни одной капли крови...» [2].

Своеобразным дополнением к статьям самого Герцена, в которых он давал в те годы простор выражению своих надежд на верховную власть, может служить неизданная тогда статья Огарева, озаглавленная: «Что бы сделал Петр Великий?» Автор идеализировал Петра, видел в нем «царя-революционера», и мечтал о новом Петре, который быстро должен был бы осуществить, в сложившихся в 50-х гг. условиях, программу преобразований. Все свои пожелания автор подытоживал в следующих словах: «Да! В наше время Петр Великий с неутомимой деятельностью и гениальной быстротою — уничтожил бы крепостное право, преобразовал бы чиновничество (т. е. судебную и административную власть. — Ш. Л.) и возвысил бы значение науки.

Тогда бы Россия отдохнула и ожила бы к новой, великой умственной и промышленной деятельности, а правительство блистательно стало бы в уровень с современной задачей русского развития» [3].

Колебания Герцена, его отступления от последовательной революционно-демократической линии объяснены Лениным. «...Герцен, — пишет Ленин, — принадлежал к помещичьей, барской среде. Он покинул Россию в 1847 г., он не видел революционного народа и не мог верить в него. Отсюда его либеральная апелляция к «верхам». Отсюда его бесчисленные слащавые письма в «Колоколе» к Александру II Вешателю, которых нельзя теперь читать без отвращения. Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму. Однако, справедливость требует сказать, что, при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх» [4].

---

[1] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 161.

[2] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. X, Пгр., 1919, стр. 186.

[3] Н. П. Огарев. Что бы сделал Петр Великий? Публикация С. Переселенкова. — «Литературное наследство», т. 39—40, М., 1941, стр. 321.

[4] В. И. Ленин. Соч., т. 18, изд. 4, стр. 12.

Именно шатания Герцена, отмеченные Лениным, которые в свое время критиковались более последовательными революционными демократами, облегчали временно сотрудничество с ним широкого круга корреспондентов из либерального лагеря.

Некоторые иллюзии поддерживались в Герцене влиянием старого утопического социализма. Герцен с замечательной силой запечатлел драматические страницы истории революции 1848 г., он увидел и понял многое, что оказалось недоступным пониманию большинства представителей европейского буржуазного и мелкобуржуазного «социализма», но все же и он не сумел сделать из опыта 1848 г. правильных и последовательных выводов об исторической роли пролетариата и учения Маркса.

Критически уже относясь к ряду традиционных воззрений классического утопического социализма, став во многом выше его, Герцен все-таки еще придавал значение воззваниям к «разуму» имущих классов.

В статье «Революция в России» (1857 г.) Герцен определенно высказывался за мирный характер реформы, против революционных потрясений. «Мы... от души предпочитаем путь мирного человеческого развития пути развития кровавого...» [1], — писал Герцен. Правда, поражение революции 1848 г., кровавые июньские события в Париже настроили Герцена до чрезвычайности скептически в вопросе о возвожности мирного разрешения общественных противоречий в Западной Европе. Но с тем большим упорством он цеплялся в течение первых лет царствования Александра II за казавшееся ему возможным мирное, безболезненное решение вопросов р у с с к о й общественной жизни. В известном письме к Тургеневу («Еще вариация на старую тему»), написанном зимою 1856—57 г., Герцен заявлял: «...вопросы наши так поставлены, что они могут быть разрешены общими социально-государственными мерами без насильственных потрясений... Одна робость, неловкость, оторопелость правительства мешает ему видеть дорогу, и оно пропускает удивительное время» [2].

Еще одно свойство утопического социализма облегчило Герцену и оправдывало в его глазах тактику апелляции к императорской власти в России: это — непонимание (лично у Герцена — недостаточное понимание) неразрывной связи между политическими формами и общественно-экономическими отношениями, с чем у него соединялось по временам видимое пренебрежение к вопросу о форме государственного строя. Герцен хвалил Прудона за то, что «политика, в смысле старого либерализма и конституционной республики, стоит у него на втором плане, как что-то полупрошедшее, уходящее» [3]. И о себе ему случалось говорить: «Нам дела нет до форм правления: мы все их видели на деле и видели, что все они никуда не годятся, если они реакционны, и

[1] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. IX, Пгр., 1919, стр. 2.
[2] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. VIII, Пгр., 1919, стр. 493.
[3] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XIII, Пгр., 1919, стр. 450—451.

все хороши, если они современны и прогрессивны»[1]. Конечно, подобные суждения свидетельствовали о теоретической непоследовательности Герцена, великого деятеля русского освободительного движения, который реально являлся на протяжении десятилетий одним из серьезнейших и опаснейших врагов существовавшей в тогдашней России формы правления — царского самодержавия.

Мы отметили некоторые особенности развития и взглядов Герцена, на почве которых возникли его иллюзии и колебания либерального характера. Основным, наиболее глубоким, фактором, объясняющим эти колебания, все же было то, что, принадлежа к поколению дворянских революционеров, Герцен, по словам Ленина, «не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах», и не мог верить в него.

Но было бы недопустимой, непростительной ошибкой преуменьшать, из-за ошибок Герцена, коренное принципиальное, классовое отличие его от либералов. Герцен был искренним и пламенным защитником народных, крестьянских интересов в то время, как либералы представляли только левое крыло защитников дворянско-помещичьих интересов, готовое «откупиться» от угрозы крестьянского восстания ценою несколько больших «уступок», нежели те, на которые были согласны реакционеры-крепостники. Программа и тактика либералов были рассчитана на сделку с царизмом за счет народа. Герцен же боролся за «победу народа над царизмом» (Ленин), хотя одно время и допускал возможность мирной, бескровной победы.

В статье 1857 г. «Революция в России», говоря о желательности мирного пути развития, он вместе с тем подчеркивал, что предпочитает «самое бурное и необузданное развитие застою николаевского status quo»[2]. В следующем году, в статье о русских делах, напечатанной в органе итальянского революционера Маццини, Герцен писал: «Куда мы идем? Вероятнее всего — по пути к страшной Жакерии, к массовому восстанию крестьянства. Мы очень далеки от того, чтобы желать этого, и мы громко заявляем об этом. Но, с другой стороны, гораздо хуже, чем жакерия и рабство, то ужасное состояние неуверенности, в котором находится страна»[3].

Если либералы были за «освобождение» народа только и непременно «сверху», то Герцен отвечал им: «Будет ли это освобождение «сверху или снизу», — мы будем за него! Освободят ли крестьянские комитеты, составленные из заклятых врагов освобождения, — мы благословим их искренно и от души. Освободят ли крестьяне себя от комитетов, во-пер-

[1] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. IX, Пгр., 1919, стр. 264.
[2] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. IX, Пгр., 1919, стр. 2.
[3] А. И. Герцен. «Царь Александр II», — «Литературное наследство», т. 7—8, М., 1933, стр. 64.

вых, а потом от всех избирателей в комитеты, — мы первые поздравим их братски и также от души» [1].

В ходе подготовки крестьянской реформы герценовский «Колокол» подвергал не раз резкой критике те основания реформы, которые проектировались в правительственных и помещичьих кругах и становились постепенно достоянием гласности, печати. На случай, если бы народ, увидя, что его «надувают освобождением», поднялся стихийно на борьбу, Герцен заранее определял свое место — на стороне восставшего народа, а отнюдь не против него. На этот случай он считал необходимым вести дело к тому, чтобы армия не выступила против народа, а поддержала его. «...Если, — писал Герцен в 1859 г., — мы будем обращаться теперь к солдатам... мы скажем им о том, чтоб они подумали о смертном грехе усмирять крестьян; о том, что солдат, который штыком или пулей убьет крестьянина, — отцеубийца... и что, если он подумает, то увидит, что без его слепого повиновения крепостное состояние рухнет, увлекая с собой все, препятствующее освобождению» [2].

Герцен одобрительно отзывался о расправе крестьян над помещиками, когда крестьяне с оружием в руках вступались за честь свою и своих ближних.

В разгар либеральных славословий по адресу Александра II Герцен подчеркивал двойственность и нерешительность правительства, клеймил каждый попятный шаг, разоблачал реакционные мероприятия, протестовал против «жалкой системы мелких частичных улучшений», не затрагивающих «существа дела» [3]. Уже в начале 1857 г. Герцен писал одному из московских общественных деятелей либерального направления Н. М. Щепкину (сыну великого русского актера): «Я... не могу быть подкуплен слабенькими поползновениями к добру Ал. (Александра. — Ш. Л.) II». «...Употребимте наши руки, благо, их немного развязали, не на аплодисмент, а на работу, на многостороннюю работу в пользу русского дела, каждый по-своему, обличая недостатки, изыскивая средства». «...Нам нужны операции, горькие лекарства; не отдадимте нашего негодования, наших стремлений, выстраданных под лапой (Николая), за барскую ласку» [4]. Ценным дополнением к этому документу является вслед за ним написанное письмо Герцена к Тургеневу. Имея, бесспорно, в виду того же Н. Щепкина, Герцен писал: «Получил на-днях опять письмо от русского; что делать, — тают перед Алекс(андром) Никол(аевичем) (т. е. перед Александром II — Ш. Л.)... Это — гибель-

---

[1] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. IX, Пгр., 1919, стр. 363. Подчеркнуто нами.

[2] Там же, стр. 468.

[3] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. VIII, Пгр., 1919, стр. 412.

[4] Там же, стр. 386—387.

ное направление, против него я стану всеми мерами действовать»[1].

Неслучайно Герцен уже в конце 1858 г. подвергся открытому и чрезвычайно резкому нападению из рядов либерального лагеря, со стороны Б. Н. Чичерина, который в напечатанном в самом «Колоколе» письме обвинял Герцена в якобы излишней страстности, нетерпении и неумении выжидать, в поддержке революционных стремлений. Чичерин призывал общество к «умеренности, осторожности», к поддержке правительства и заранее оправдывал реакционный террор правительства в случае расширения движения в России в духе, желаемом «Колоколом»: «...Если больной», (Россия, русское общество) «вместо того, чтобы спокойно и терпеливо выносить лечение, предается бешеным порывам, растравляет себе раны и хватается за нож, чтобы отрезать страдающий член, с ним нечего больше делать, как связать его по рукам и по ногам»[2].

Правда, в то время еще не все либералы готовы были до конца поддерживать Чичерина в его открыто-контрреволюционной борьбе. Группа либералов, во главе с Кавелиным (Анненков, Тургенев, Скребицкий, Галахов и др.), частным образом — не в печати, трусливо, отмежевалась от шага Чичерина, находя, что выступление это служит видам и целям крепостнической реакции[3].

Чем ближе к 1861 г., тем безнадежнее становился взгляд Герцена на Александра II и правительство.

В одном из номеров «Колокола» 1860 г. Герцен писал: «Мы могли подаваться и уступать, когда главный поток шел своим руслом, — теперь другое дело!

Прощайте, Александр Николаевич, счастливого пути!... Нам сюда»[4]. Не надеясь на правительство, тогда же Герцен призывал: «...пора свои дела делать самим...»[5].

Найденные в последнее время неопубликованные документы соратника Герцена — Огарева позволяют считать, что в конце 50-х гг. в канун реформы последним уже разрабатывались проекты тайного общества. Конечную задачу его Огарев определил так: «разрушение правительства (в предшествующей редакции: разрушение сословности), распадение государства на союзные области, выборные управления, общинное землевладение, общинная работа»[6]. Не исключено, что к тому же, приблизительно, времени относится неизвестная до недавнего времени рукопись

---

[1] Там же, стр. 389. (Подчеркнуто нами).

[2] «Колокол», л. 29, 1 декабря 1858 г., стр. 138.

[3] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. IX, Пгр., 1919, стр. 417—424.

[4] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. X, Пгр.. 1919, стр. 290.

[5] Там же, стр. 318.

[6] Н. П. Огарев. Записка о тайном обществе. Публикация Б. Козьмина. «Литературное наследство», т. 39—40, М., 1941, стр. 323—328. М. Нечкина. Н. П. Огарев в годы революционной ситуации. — «Известия Академии наук СССР», Серия истории и философии, 1947, т. IV, № 2, стр. 110—114.

Огарева, ставившая вопрос о необходимости борьбы за созыв земского собора, при чем автор в ней заявлял: «Если (или так как) государь не хочет созвать Земского Собора, то неурядица неизбежно доведет до восстания». В предвидении такого исхода Огарев мечтал о «восстании, идущем строем», подготовка и организация которого возлагались им на тайные офицерские общества; возглавленные обществами революционные войска должны были бы поднимать «на содействие» и народ [1]. В пропаганде самого «Колокола», в статьях его редакторов мысли о подготовке восстания не находили еще в предреформенный период отражения, и вопрос о тайном обществе (или обществах) прямо ими пока не ставился.

С 1861 г., в связи с завершением подготовки и объявлением «крестьянской реформы», с огромным ростом крестьянского движения и общим обострением социально-политической борьбы в стране, тон «Колокола» стал еще резче меняться, пропасть между Герценом и либеральным лагерем становилась глубже и непроходимее, и дело кончилось открытым и окончательным их разрывом в период 1862—63 гг. Как указывает В. И. Ленин, «Колоколом» поставлен вопрос (если смотреть на суть дела, если исследовать классовую борьбу, как основу «теорий» и учений) «о различии *интересов* либеральной буржуазии и революционного крестьянства в русской *буржуазной* революции» [2], иначе говоря — о либеральной и демократической тенденциях в этой революции. «Не вина Герцена, а беда его, — говорит Ленин, — что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидел его *в 60-х* — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма. Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем. Он поднял знамя революции» [3].

Революционно-патриотическое значение деятельности А. И. Герцена в период издания «Колокола», и притом с самого начала этого издания, огромно и незабываемо, несмотря на все его слабые стороны и ошибки. Движимый глубочайшей преданностью родине и народу, Герцен создал в эмиграции трибуну для обличения царившего в России строя угнетения и произвола, для защиты интересов народных масс. «Колокол» и другие издания Герцена поднимали общественное самосознание, пробуждали и укрепляли общественную инициативу, политическую самодеятельность передового общества. «Колокол» помогал сплочению, собиранию прогрессивных демократических сил в России.

В. И. Ленин указывает на то, что «как декабристы разбудили Герцена, как Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению *раз-*

---

[1] М. Нечкина, указ. ст., стр. 108. Окончательная, вполне точная датировка цитируемого документа остается пока спорной.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 18, изд. 4, стр. 12.

[3] Там же, стр. 14

ночинцев...» [1]. Ленин ставит «Колокол» «во главе» той «общедемократической бесцензурной печати», которая была в России «предшественницей рабочей (пролетарски-демократической или социал-демократической) печати». Распространение по всей России «Колокола» Ленин признает одним из существенных характерных моментов той напряженной, чреватой угрозой революционного взрыва и крестьянского восстания исторической обстановки, которая сложилась в России в период падения крепостного права [2].

В деятельности Герцена следует отметить также его крайне важную посредническую роль между передовой мыслью России и Запада, а с другой стороны, яркую и острую критику им господствующего в Западной Европе и Америке буржуазного строя, буржуазной морали и культуры, его борьбу против раболепия перед буржуазным Западом. «У нас... нехватает ш и ш к и п о ч т и т е л ь н о с т и; у нас нет равного чувства уважения ко всему, что только идет с Запада», писал Герцен. Отмечая уважение русской демократии к прогрессивной науке Запада, Герцен подчеркивал, что эта наука составляет «прямую противоположность» существующим на Западе учреждениям, что целая пропасть отделяет действительную жизнь Запада от требований «науки», — в данном случае — передовой общественной мысли [3]. Герцен обличал буржуазную цивилизацию: «Все мелко в ней: литература и художества, политика и образ жизни, в с е н е и з я щ н о, — это признак смерти, — все смутно и жалко» [4]. Герцену, после 1848 г., отчасти мешала — для вполне правильного взгляда на внутреннее положение западных стран — недооценка революционных сил и возможностей западного пролетариата (позднее им отчасти изжитая); но его оценка г о с п о д с т в у ю щ и х на Западе сил и порядков отличалась справедливостью и меткостью. Он говорил горькую и трезвую правду о Западе, когда писал, что «жизнь свелась на биржевую игру, все превратилось в меняльные лавочки и рынки — редакция журналов, избирательные собрания, камеры»; когда, обличая буржуазную «демократию», он указывал на «бесплодную качку парламентских прений», дающую «в и д д е л а и форму общих интересов — для достижения своих личных целей». «Можно ли величественнее стоять на одном и том же месте, придавая себе вид торжественного марша, как оба английские парламенты?» — писал Герцен еще в 1855 г. [5].

Борьба Герцена против консервативных и реакционных сил Запада, его защита национальной самостоятельности русской культуры, независимости и величия демократической русской

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, изд. 4, стр. 223.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 5, изд. 4, стр. 26.
[3] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XX, М.—Пгр., 1923, стр. 72—73.
[4] А. И. Герцен. Новые материалы. М., 1927, стр. 63.
[5] «Полярная звезда» 1856 г., кн. II, изд. 2-е, Лондон, 1858, стр. 213.

мысли составляли существенный элемент его замечательной литературно-политической пропаганды.

§ 6. От дворянского к разночинскому этапу революционного движения

Деятельность Герцена и Огарева, агитация основанного ими «Колокола» — составляет яркую и блестящую страницу в истории общественного движения эпохи падения крепостного права. Поколение дворянских революционеров в их лице нашло чрезвычайно выдающихся представителей. И все же дворянский этап в революционном движении в это время уже отходил в прошлое, дворянские революционеры уступали свою руководящую роль представителям нового общественного слоя — разночинцам. Кадры разночинной интеллигенции вербовались не из привилегированной дворянской среды, а из других слоев общества: духовенства, мещанства, низшего чиновничества, купечества, разорявшегося мелкого дворянства, крестьянства. Рост капиталистических элементов в хозяйстве, изменение отдельных частей государственного и местного управления, повышение уровня образования и культуры и т. д. — все это вело к расширению спроса на интеллигентные силы и увеличению кадров последних, вело и к существенным переменам в общественном значении разносословной интеллигенции.

Признаки перемены в удельном весе дворянской и разночинной интеллигенции в общественной жизни проявляются уже в 40-х гг. Тогда широко и богато развернулась деятельность великого революционного демократа Белинского, на которого В. И. Ленин указывает, как на предшественника «полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении» [1]. В конце 40-х гг. влияние поднимающегося разночинства сказывается известным образом в жизни кружков петрашевцев.

«Среда, затертая между народом и аристократией», — так в 1864 г. Герцен определял разночинство, указывая, что она, эта среда, после «слишком рано» явившегося Ломоносова, отдаленного ее предшественника, около века «билась, вырабатывалась в черном теле». Она, по словам Герцена, «становится во весь рост только в Белинском и идет на наше русское крещенье землею, на каторгу в лице петрашевцев, Михайлова, Обручева, Мартьянова и пр. Ее расстреливают в Модлине и разбрасывают по России в лице бедных студентов, ее, наконец, эту *новую* Россию Россия *подлая* показывала народу, выставляя Чернышевского на позор». Уточняя и конкретизируя свою характеристику, Герцен писал тут же: «Среда пестрая, хаотическая, среда брожения и личного вырабатывания, среда алчущая и неудовлетворенная, она состоит из всего на свете — из разночинцев и попов-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, изд. 4, стр. 223.

ских детей, из дворян-пролетариев, из приходских и сельских священников, из кадет, студентов, учителей, художников; в нее рвутся пехотные офицеры и иной кантонист, писаря, молодые купцы, приказчики... в ней образцы и осколки всего плавающего в России над народным раствором. Вступая при новом брожении в иные химические соединения, они всплывают из народа и распускаются в нем»[1]. В глазах Герцена разночинцы составляли «новый кряж людей, восставший внизу и вводивший исподволь свои новые элементы в умственную жизнь России», — сменявший «дворянски-помещичью Русь», в которой прежде «преимущественно сосредоточивалось умственное и литературное развитие...» (писано Герценом в 1863 г.)[2].

Как видим, Герцен здесь объединяет данные общественной истории и 40-х, и 60-х годов. Но вполне ясно, что между этими периодами имеется весьма существенная разница: в 40-х гг. только предчувствовалось и намечалось то, что затем резко и отчетливо определилось к шестидесятым.

В конце 50-х и начале 60-х годов разночинцы представляют уже целый общественный слой; они властно врываются в общественную жизнь, поставляя главный контингент деятелей и борцов в революционном движении, и выдвигают своих представителей на роль вдохновителей и вождей демократического движения.

Разночинец, называвший себя «новым человеком», отнюдь не стыдится своего плебейского происхождения. Он презирает барскую непривычку и неприспособленность к труду и к борьбе. Разночинцы большей частью выросли в нужде и с огромными усилиями, преодолевая многие препятствия, пробивали себе дорогу в жизнь, к образованию. Они гораздо ближе, нежели дворянские революционеры, стояли к народу, лучше понимали его настроение и знали его потребности. Передовые разночинцы считали себя защитниками интересов крестьянства, они хотели быть и были выразителями его чаяний.

Общественные, политические вопросы занимали центральное место в их интересах и оценках; они не оставляли, правда, и той области, которая была излюбленной сферой занятий предшествующего поколения дворянской интеллигенции, — эстетики и философии, но старались свести и эти вопросы с неба на землю, поставить и философию с эстетикой на службу народу.

Данные о социальном происхождении и положении участников революционного движения 50-х — 70-х годов показывают, что доля дворян среди них колеблется всего от $^1/_4$ до $^1/_5$ всех участников и, во всяком случае, никогда не поднимается выше $^1/_3$, причем едва ли не большинство и из этих дворян принадлежит уже к мелкому дворянству. Так, на 1600, примерно, лиц, заре-

[1] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XVII, Пгр., 1922, стр. 299.
[2] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XVI, Пгр., 1920, стр. 184.

гистрированных в списке деятелей революционного движения второй половины 50-х и 60-х годов, лишь около $^1/_5$ составляли, по нашим подсчетам, лица дворянского сословия [1]. За период с 1873 по 1877 г. из 1054 человек, признанных правительством участниками революционной пропаганды, было потомственных и личных дворян 279—26% [2]. Для периода 1884—1890 годов, по статистическим сведениям, цитируемым В. И. Лениным в статье «Роль сословий и классов в освободительном движении», группа дворян среди участников движения составляла 30,6% [3]. Несмотря на колебания процентов, связанные отчасти с несовершенством и случайностями самой статистики, общий смысл явления ясен: преобладающая роль и руководство в движении, начиная с 50-х годов, решительно переходит к разночинцам [4].

Надо также учесть, что грань между революционерами-разночинцами и дворянами, примыкающими к революционному движению, с 60-х гг. в значительной мере стирается. Происходит смешение многих дворянских выходцев с разночинцами в самой жизни, в практической трудовой деятельности в связи с переходом многих молодых представителей мелкодворянского круга к интеллигентным профессиям. Вместе с тем наблюдается идейное подчинение наиболее передовой части молодой дворянской интеллигенции руководству вождей разночинной демократии. Можно назвать ряд имен левых представителей дворянской молодежи, настолько тесно объединившихся с разночинно-демократической средой, что их принято прямо причислять к деятелям последней. Таковы, например, основатели первой «Земли и воли» (60-х годов) братья Николай и Александр Серно-Соловьевичи и А. А. Слепцов, или руководитель московского революционного кружка начала 60-х годов П. Г. Заичневский.

Характерно, что видные представители старшего, дворянского поколения русских революционеров в большей или меньшей степени отдавали себе, уже в 60-х гг. отчет о характере и значении происходившего поворота в общественной жизни. Об этом свидетельствуют хотя бы приведенные высказывания Герцена. Аналогичные признания можно встретить у Огарева, причем, как и Герцен, Огарев отмечает ту или иную форму и степень связи разночинства с народной массой. Так, весною 1863 г. Н. П. Огарев в «Колоколе» говорил о возникновении и росте «другой молодежи», которой «нечего отрекаться от дворянства и помещичества»; — это «образованная молодежь *разночинцев*» (подчеркнуто самим Огаревым). «Из духоты семинарий, — писал Огарев, —

---

[1] Деятели революционного движения в России. Био—библ. словарь, т. 1, ч. 2, 60-е годы. Сост. А. Шилов и М. Карнаухова. М., 1928.

[2] «Каторга и ссылка». № 1 (38), М., 1928, стр. 29, 41.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 19, изд. 4, стр. 294.

[4] Для 1827—1846 гг. статистика, используемая Лениным, дает 76 процентов дворян среди привлеченных по делам о государственных преступлениях.

из-под гнета духовных академий, из бездомного чиновничества, из удрученного мещанства — она вырвалась к жизни и взяла инициативу в литературе». Огарев, обобщая уже возникавшие в жизни факты, указывал, что разночинная молодежь «уходит на село, примыкает к крестьянству, идет в народ» [1].

Следует отметить и суждения М. Бакунина, в 1860 г. выражавшего (в письме к Герцену) большие надежды на «среднее сословие, образующееся постоянно из отпускных людей, приказчиков, мещан, поповских детей», — в нем он находил «русскую удалую предприимчивость», на него он рассчитывал в деле спасения России, — как и на еще «спящую силу» самого народа [2]. Во второй половине 60-х гг., на основе имевшегося десятилетнего опыта, Бакунин указывал (в первом номере эмигрантского журнала «Народное дело») на значительное уменьшение в революционном движении числа «имущих дворян и не дворян», место которых занимают «дети в пух разоренных дворян, разночинцы, семинаристы, мещане и крестьянские дети» — люди, более дворянской интеллигенции способные «любить, понимать и представлять народное дело».

Революционное недовольство разночинной интеллигенции, бесспорно, было органически связано с ростом брожения в народных крестьянских массах, являлось отражением крестьянского недовольства и возмущения. Разоблачая «энциклопедию либерального ренегатства» — сборник Струве и К° «Вехи», В. И. Ленин, в частности, вскрывает ренегатский смысл либеральных попыток истолковать революционные выступления представителей русской демократии, начиная с Белинского, как выражение одного «интеллигентского настроения», якобы не связанного с интересами широких масс населения. «...Может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? — писал по этому поводу Ленин. — История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?» [3].

Та же связь с возмущением народных масс, та же зависимость от народных настроений недовольства и протеста в полной мере характерны для рекрутируемой из передовых разночинцев революционной демократии 50—60-х гг., вождей которой — Чернышевского и Добролюбова — Ленин недаром признавал мужицкими демократами.

В. И. Ленин, опираясь на глубокое изучение русского революционного движения, впервые дал вполне научную, теоретически выдержанную его периодизацию. Появление разночинца, как «главного массового деятеля» освободительного дви-

[1] Н. Огарев. Надгробное слово. «Колокол», лист. 162, от 1 мая 1863 г., стр. 1335—1336.

[2] М. А. Бакунин. Собр. соч. и писем, т. IV, М., 1935, стр. 363.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 16, изд. 4, стр. 108.

жения, Ленин с полным основанием принимает критерием для выделения и обозначения нового периода — второго по счету — в русском революционном движении.

В статье «Памяти Герцена» Ленин указывал на «три поколения, три класса», действовавшие в русском революционном движении. «Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен... Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной Воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их...» [1].

Ту же обоснованную им схему развития русского революционного движения Ленин дает в работе «Из прошлого рабочей печати в России», где им снова устанавливаются три главные этапа освободительного движения в России: дворянский (примерно с 1825 по 1861 г.), разночинский или буржуазно-демократический (приблизительно с 1861 по 1895 г.) и пролетарский (с 1895 г.) [2].

Именно разночинцы дали в начале нового периода величайших писателей, просветителей, вождей революционно-демократического движения, могучее влияние которых на революционную среду продолжалось в течение десятилетий, — разночинцы дали русской революции Чернышевского и Добролюбова. Разночинцы же главным образом составляли аудиторию, к которой Чернышевский и Добролюбов в своей журнальной деятельности непосредственно обращались, в которой они прежде и больше всего встречали сознательное сочувствие и поддержку.

В практической революционной борьбе против самодержавно-крепостнического режима, развертывавшейся постепенно накануне крестьянской реформы, участие разночинно-демократической молодежи заметно с первых шагов и со временем усиливается и расширяется.

Уже в студенческом движении второй половины 50-х годов выдвигаются разночинцы. В волнениях уже участвовали представители формировавшихся в то время нелегальных кружков.

Так, в студенческих «беспорядках» 1857 и 1858 гг. в Харькове принимали активное участие члены небольшой революционной студенческой группы, существовавшей в этом городе с 1856 г. (группа Бекмана, Муравского и др.). Эта группа, задававшаяся вначале широкими планами «всеобщего переворота в России», потом сочла более соответствующим своим возможностям ограничение деятельности пропагандой в обществе прогрессивных

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 18, изд. 4, стр. 14—15.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 20, изд. 4, стр. 223.

идей, распространением нелегальной литературы. Харьковская революционная студенческая группа 50-х гг. оставалась дворянской по формальной сословной принадлежности ее членов, но наиболее действенная и радикальная их часть вышла, как отмечает историк группы, из среды мелкопоместного и беспоместного дворянства [1].

Вполне разночинской по составу была другая из известных демократических групп того времени — т. наз. кружок «вертепников» в Москве (Рыбников, Козлов, Свириденко и др.)[2]. В отличие от названного харьковского кружка, в котором преобладали чисто политические интересы, «вертепники» (их называли еще «Рыбниковским» кружком или клубом) проявляли пока особый интерес к вопросам философии и утопического социализма, к выработке общего мировоззрения. Известно, что собрания кружка постоянно посещались славянофильским лидером Хомяковым, который пытался склонить группу молодых разночинцев на сторону своих взглядов, но явно не имел в этом успеха — юноши-студенты, по отзыву Козлова, оставались его «горячими и непримиримыми» противниками [3]. Собрания «Рыбниковского» клуба служили центром притяжения для значительного круга студентов, уносивших оттуда, по позднейшему свидетельству одного из них, убеждение в том, что они стоят «в рядах передовой русской молодежи, готовой израсходовать беззаветным образом свои молодые силы на пользу родины» [4].

Добролюбовский студенческий кружок середины 50-х гг. в Главном педагогическом институте в Петербурге также носил разночинский характер. О той среде, из которой вышли его участники, один из них, Б. И. Сциборский, писал Чернышевскому после смерти Добролюбова: «...Судьба из детства обрекла нас на тяжелый подвиг жизни... Мы должны сами путем тяжелых лишений и испытаний, путем постоянной борьбы с препятствиями, прежде всего, завоевать себе право на труд, получивши образование. А чего стоило образование при наших условиях,— это может понять только тот, кто прошел этот путь без всяких посторонних поддержек, не имея ничего ни дарового, ни наследственного, кроме рук и головы на плечах» [5].

Разночинский демократический кружок петербургских студентов-педагогов был занят политическим самообразованием, материал для которого в значительной мере почерпался из нелегальной революционной литературы. Кружок сам издавал студенче-

---

[1] Б. Козьмин. Харьковские заговорщики 1856—1858 годов. Харьков, 1930.

[2] П. Н. Рыбников — в дальнейшем известный фольклорист; А. А. Козлов — впоследствии профессор философии.

[3] М. Клевенский. Вертепники — «Каторга и ссылка», М., 1928, № 10(47), стр. 29.

[4] Из московских студенческих воспоминаний Ильи Петровича Деркачева. — «Воспоминания о студенческой жизни», М., 1899, стр. 231.

[5] Б. И. Сциборский. Воспоминания о Н. А. Добролюбове. — «Литературное наследство», т. 25—26, М., 1936, стр. 312.

ский рукописный листок «Слухи» ярко революционного содержания; он воспитывал демократическое юношество на опыте борьбы и протестов против угнетавшей студенческую массу администрации. Тот же Сциборский сообщает: «...Вопросы о судьбе нашей родины поглощали все наши мысли и чувства... Мы верили, что наше выступление на поприще общественной деятельности ознаменуется переворотом, который поведет все общество по пути разумному» [1]. Это признание перекликается со словами самого Добролюбова, в записи его дневника от декабря 1855 г.: «Мы затрагиваем великие вопросы, и наша родная Русь более всего занимает нас своим великим будущим, для которого хотим мы трудиться неутомимо, бескорыстно и горячо...» [2].

Приведенные данные являются типичными для того брожения и движения, которыми охвачены были в 50-х гг. более или менее широкие круги разночинной демократической молодежи, порвавшей со старыми традициями крепостнической эпохи, готовившей себя для будущего, уже переходившей сплошь и рядом от самообразования и нравственной работы над собой к пропаганде, к изданию и распространению революционной литературы, к организации первых студенческих протестов и т. д.

Разночинцы стали все больше заполнять тогда и ряды деятелей русской литературы, тесно, как известно, связанной с освободительной борьбой. Шелгунов позднее писал: «Наши литературные деятели — чистые голыши, литературные рабочие, образованные пролетарии. Пора, когда русской литературой занимались аристократы и богачи, — прошла. Умственный труд стал теперь куском насущного хлеба, куском иногда очень маленьким и очень черствым» [3].

В разночинской среде легче и скорее всего происходил процесс изживания легалистских и монархических иллюзий, здесь восприимчивость к идеологии последовательного демократизма, к пропаганде смелых революционных действий была наиболее высокой. Среда передовых разночинцев рано отвернулась от либеральных теорий «умеренного прогресса» и призывов итти «об руку с правительством»; многие ее представители находили, что ждать от правительства чего-нибудь «было бы не только безумием, но даже преступлением» [4].

В течение разночинского периода, как подчеркнуто в приведенной выше ленинской его характеристике, и «шире стал» самый круг борцов, и «ближе их связь с народом». Ориентация на народ, признание его решающей исторической роли представляет существенную, определяющую черту воззрений Чернышевского

---

[1] Там же, стр. 300.

[2] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. VI, М., 1939, стр. 396.

[3] Н. Шелгунов. Неудавшаяся «Беседа» и задачи интеллигенции. — «Дело», СПб., 1871, № 5, Соврем. обозрение, стр. 44.

[4] Еще о Московском университете «Колокол», л. 127, 1 апреля 1862 г., стр. 1058.

и Добролюбова (об этом речь у нас ниже). Этому они учили также своих учеников и последователей, которые проникались тем же отношением к народной массе, стремились в своей борьбе опереться на народ. Голос разночинцев — революционных демократов ясно звучит в словах статьи «Колокола», приписываемой Николаю Серно-Соловьевичу (1861 г.): «Наша опора — несчетные массы...»[1].

§ 7. Революционный демократ и просветитель Н. Г. Чернышевский. Его роль в общественной борьбе 50-х гг. «Современник».

Особенно огромна в демократическом движении 50-х—60-х гг. роль Чернышевского, одного из величайших и оригинальнейших русских мыслителей и выдающегося революционера, которого И. В. Сталин называет в ряду самых выдающихся сынов великой русской нации[2]. Личность Чернышевского как нельзя более отвечала тем требованиям, какие предъявлялись историческим моментом, переживавшимся Россией. Перед демократией стоял вопрос о том, как добиться такого решения крестьянской проблемы и всех других социально-политических задач, которое обеспечило бы в наибольшей мере права и интересы трудящихся масс, создало бы материальные и политические условия для развития творческих сил народа. В тесной связи с этим стоял и другой вопрос — о полном и решительном разгроме духовных устоев старого порядка, о радикальном обновлении быта, о формировании новой идеологии и морали. Жизнь предъявила к вождям движения особенные требования в области мировоззрения и теории. На плечи Чернышевскому легла громадная работа в этой сфере; его необычайно сильный и глубокий ум, исключительная разносторонность его теоретических знаний дали ему возможность справиться с этой работой. Разумеется, объективные условия окружающей действительности ставили Чернышевского в определенные рамки, из которых он при всей своей гениальности не мог выскочить. В отсталой России, только выходившей еще на дорогу капиталистического развития, он не мог подняться на те вершины теоретической мысли, какие были достигнуты к тому времени Марксом и Энгельсом. Однако, учитывая тогдашние русские условия, «удивляешься,— как писал Плеханов,— не тому, что Чернышевский отстал от Маркса и Энгельса, а тому, что он так мало отстал от них»[3]. Именно Чернышевский, как отметил А. А. Жданов в своем известном докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград», ближе всех утопических социалистов подошел к

[1] «Ответ великоруссу». — «Колокол», л. 107, 15 сентября 1861 г., стр. 897. (Подчеркнуто нами).

[2] И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, М., 1950, изд. 5, стр. 54.

[3] Г. В. Плеханов. Н. Г. Чернышевский. (К 20-летию со дня кончины), Соч., т. VI, стр. 341.

научному социализму, основоположниками которого были Маркс и Энгельс.

Чернышевский был выходцем из духовной среды, которая в описываемую эпоху давала вообще немало видных деятелей передовой литературы и революционного движения. Он родился в семье саратовского священника 12 июля 1828 г. Первоначальную подготовку он получил, главным образом, дома, лишь в течение двух лет (1844—1846 гг.) учился он в духовной семинарии, где успел обратить на себя своими из ряда выходящими способностями внимание начальства. В 1846 г. он уехал в Петербург для поступления в университет, в котором окончил курс на историко-филологическом факультете в 1850 г. Около двух лет Чернышевский потом прожил в Саратове, состоя учителем словесности в местной гимназии, а с весны 1853 г. он снова поселился в Петербурге, где вскоре стал работать в журналах: сначала (недолго) в «Отечественных записках», затем в «Современнике». К началу своей литературной деятельности он был уже сложившимся по своим основным взглядам человеком.

Чернышевский является наследником и преемником всех лучших традиций предшествовавших его эпохе этапов развития русской передовой общественной мысли. Он является прямым и ближайшим продолжателем великих деятелей русского освобождения Белинского и Герцена.

Чернышевского породила русская жизнь, русская передовая общественность, борьба русской народной массы за свою свободу.

С ранних лет внимательно и вдумчиво присматривался он к окружающей русской действительности, стараясь разобраться в ее противоречиях. В набросках автобиографии, писанных им в 60-х гг., Чернышевский, указывая на то, что у него есть «своя теория», имеющая одним из оснований «личное знакомство с обыденной жизнью массы», устанавливает вместе с тем, что «значительная доля этого знакомства» приобретена им «еще в детстве» [1]. В детстве и юности копилось уже в нем чувство вражды и ненависти к крепостническому строю, к «хаосу» и «дикой бессмыслице» [2] жизни эксплоататорского общества, а с другой стороны — уважение и любовь к простым трудящимся людям, сознание величия народной массы, вера в ее силу и историческое призвание.

Рано стал созревать благородный патриотизм Чернышевского. Высоким патриотическим чувством было продиктовано известное письмо молодого Чернышевского к Пыпину (от августа 1846 г.), где он между прочим заявлял: пусть Россия «внесет то, что должна внести в жизнь духовную мира, как внесла и вносит в жизнь политическую, выступит мощно, самобытно и спасительно для

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 1, М., 1939, стр. 643.
[2] Там же, стр. 671—672.

человечества... И да совершится через нас, хоть частию, это великое событие!» [1].

В студенческие годы в Петербурге Чернышевский сошелся с тем кругом русской прогрессивной интеллигенции, который выделил из себя так называемых «петрашевцев» [2]. Он сблизился с «петрашевцем» А. В. Ханыковым, с которым уже в декабре 1848 г. много говорил «о возможности и близости у нас революции». При этом большое внимание собеседников было устремлено на народную массу, на имеющиеся в ней «элементы возмущения» [3].

Через несколько лет, в Саратове в начале 50-х гг., продолжая присматриваться к народной жизни и взвешивая возможности ее дальнейшего хода, Чернышевский предсказывал, что «у нас будет скоро бунт», и сам он в таком случае будет «непременно участвовать в нем», причем его не испугают «ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня» [4].

Таким образом, революционное миросозерцание Чернышевского развивалось и крепло на почве изучения русской действительности, процессов, происходивших в народной крестьянской среде, на почве роста ее недовольства и протеста.

События революции 1848 г. усилили складывавшееся под влиянием русской действительности внимание молодого Чернышевского к классовым отношениям и классовой борьбе, усилили в нем интерес к социально-политическим вопросам и способствовали усвоению им мысли о революционном пути их разрешения. «С самого февраля 1848 г. (т. е. с начала революции 1848 г. во Франции. — Ш. Л.) ... все более и более вовлекаюсь в политику»,— сообщал Чернышевский в письме к М. И. Михайлову от 1850 г. [5]; это сообщение находит бесчисленные подтверждения в дневнике Чернышевского за те годы.

Революция 1848 г. вызывала еще более обостренное внимание к вопросам окружающей русской жизни. Чувство неудовлетворенности существующими условиями росло быстро и неуклонно, поддерживаемое в частности и примером борьбы на Западе.

Выше отмечена тесная преемственная связь Чернышевского с Белинским и Герценом.

Влияние Белинского на все поколение разночинцев-демократов 1850—1860-х годов достаточно известно. О нем умели судить даже противники. Иван Аксаков в частных письмах из провинции, писанных осенью 1856 г., подчеркивал, что «...имя Белин-

---

[1] Там же, т. XIV, М., 1949, стр. 48.

[2] Разгром кружков «петрашевцев» в апреле 1849 г. вызвал Чернышевского на выражение возмущения действиями царских властей, сопровождаемое признанием, что он «сам никогда не усомнился бы вмешаться в их общество и со временем, конечно, вмешался бы». Там же, т. I, 1939, стр. 274.

[3] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 1, М., 1939, стр. 196.

[4] Там же, стр. 418, 419.

[5] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIV, М., 1949, стр. 198.

ского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше», «нет ни одного учителя гимназии в губернских городах, которые бы не знали наизусть письма Белинского к Гоголю» [1].

Добролюбов, один из руководителей литературно-общественного течения, являвшегося продолжением и развитием взглядов и деятельности Белинского, указывал, что «во всех концах России есть люди, исполненные энтузиазма к этому гениальному человеку» [2]. Сам Чернышевский подчеркивал, что Белинским воспитано «целое поколение», что «тысячи людей сделались людьми благодаря ему» [3]. Он взял на себя задачу пропаганды и истолкования наследия и заветов Белинского, посвятив этому большую часть своих «Очерков гоголевского периода русской литературы».

Плеханов справедливо указывал, что «изо всех своих литературных предшественников Чернышевский с наибольшим уважением относился к В. Г. Белинскому и его кружку» [4].

Чернышевский явился продолжателем не только Белинского, но и Герцена. Этого факта не меняет, конечно, то обстоятельство, что впоследствии Чернышевский разошелся в ряде пунктов с Герценом, сделав «громадный шаг вперед против Герцена» [5].

К 1850 г. относится признание Чернышевского о Герцене: «...Я его так уважаю, как не уважаю никого из русских...» [6]. В «Очерках гоголевского периода» Чернышевский сумел, обходя цензурные препятствия, рассказать о Герцене 40-х годов (без прямого упоминания запретного имени издателя «Полярной звезды»). В рецензии на «Стихотворения» Огарева, вышедшие в 1856 г., Чернышевский воздавал должное Герцену и Огареву, как предшественникам революционеров его поколения. Он писал: «...те, которые действительно готовы, знают, что если они могут теперь сделать шаг вперед, то благодаря тому только, что дорога проложена и очищена для них борьбою их предшественников...» [7]. Чернышевский относил Герцена к числу своих, и своего поколения, «учителей» [8].

Влияние Белинского и Герцена на Чернышевского захватывает область самых коренных вопросов мировоззрения.

---

[1] И. С. Аксаков в его письмах, т. III, М., 1892, стр. 290.
[2] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II, М.—Л., 1935, стр. 470.
[3] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, М., 1947, стр. 677.
[4] Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 27.
[5] В. И. Ленин. Соч., т. 20, изд. 4, стр. 224.
[6] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 1, М., 1939, стр. 381.
[7] Там же, т. III, М., 1947, стр. 567.
[8] В той же статье Чернышевского нашло уже выражение и сознание того, что новое разночинно-демократическое поколение революционеров призвано преодолеть известную ограниченность, свойственную его предшественникам. Цитируя стихи Огарева, Чернышевский писал: «Быть может, многие из нас приготовлены теперь к тому, чтобы слышать другие речи... речи человека, который становится во главе исторического движения с свежими силами... Мы ждем такого человека и его речи, бодрейшей, вместе спокойнейшей и решительнейшей речи...». (Там же).

Известно, какое важное значение, в деле выработки цельного и последовательного, основанного на данных передовой науки, миросозерцания, Чернышевский придавал философии, и именно материалистической философии. Чернышевский был выдающимся философом-материалистом и диалектиком, хотя вовсе не в смысле, равнозначном учению диалектического материализма, обоснованному Марксом и Энгельсом.

Чернышевский продолжил и углубил ту творческую философскую работу, которой непосредственно до него были заняты Герцен и Белинский.

В западно-европейском умственном движении первой половины XIX века крупную роль, как известно, сыграла философия Гегеля. Из самой гегелевской школы на Западе вышел критик, однако односторонний, гегелевского идеализма — Фейербах. В России в 40-х гг. Белинский и Герцен самостоятельно подвергли материалистической критике идеалистическую систему Гегеля. Притом передовые русские мыслители, критикуя Гегеля, сумели одновременно оценить рациональное зерно его философии — диалектику (по указанию Энгельса, Фейербах «отбросил в сторону» диалектический метод Гегеля)[1]. Чернышевский всей предыдущей работой Герцена и Белинского был уже подготовлен к критическому восприятию философии Гегеля. Он высоко ценил эту деятельность своих предшественников, заслугу которых подчеркивает в тех же «Очерках гоголевского периода»[2]. Вместе с тем, и Чернышевский превосходно сознавал значение диалектики — он, как диалектик, даже сделал новый крупный шаг вперед в сравнении со своими славными предшественниками.

В своей критике философии Гегеля Чернышевский с самого начала выступал не как кабинетный теоретик, но как мыслитель, выражающий интересы трудящихся масс, как демократ и революционер. Для Чернышевского философия и наука никогда не были чем-то отдельным, отрешенным от жизни и происходящей в ней борьбы. Защищая положение о партийности философии, Чернышевский и для Гегеля устанавливал связь с известными социально-политическими интересами и мнениями. Чернышевский уже в дневнике 1849 года определял Гегеля, как раба «на-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 643.

[2] Чернышевский писал: «Развитие последовательных воззрений из двусмысленных и лишенных всякого применения намеков Гегеля совершилось у нас отчасти влиянием немецких мыслителей, явившихся после Гегеля (автор не мог, по цензурным условиям, назвать Фейербаха — Ш. Л.), отчасти — мы с гордостью можем сказать это — собственными силами». (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, М., 1947, стр. 206). В другом месте: «Тут в первый раз умственная жизнь нашего отечества произвела людей, которые шли наряду с мыслителями Европы, а не в свите их учеников... С того времени, как представители нашего умственного движения самостоятельно подвергли критике гегелеву систему, оно уже не подчинялось никакому чужому авторитету» (там же, стр. 224).

стоящего устройства общества»[1]. В «Очерках гоголевского периода» он подчеркивал, что у Гегеля принципы «чрезвычайно мощны и широки, выводы — узки и ничтожны»[2]. Безоговорочно отвергая идеализм Гегеля и возмущаясь его консервативными политическими выводами, с другой стороны, высоко ценя диалектический метод, освобожденный им от идеалистической метафизики, Чернышевский материализм и диалектику сознательно ставил на службу делу общественного прогресса, борьбе за преобразование жизни.

Теснейшая связь философии с жизнью, активное вмешательство в столкновения общественных сил, всегдашнее стремление сделать распространение материалистической философии одним из важных орудий в борьбе демократического лагеря — отличают деятельность Чернышевского сравнительно с мыслителями типа Фейербаха. Философия Чернышевского не была «созерцательной», в чем Маркс и Энгельс упрекали материализм Фейербаха, относя последнего к философам, которые «лишь различным образом *объясняли* мир», в то время, как «дело заключается в том, чтобы *изменить* его»[3]. Именно мысль об изменении мира, о коренном переустройстве общественной жизни всецело воодушевляла Чернышевского не только в политической, но и в творческо-теоретической деятельности.

Естественно, что выступления Чернышевского по вопросам философии (или смежным с философскими) всегда приобретали значение не только научно-литературных, но и общественных событий.

Так было уже с его знаменитой диссертацией в Петербургском университете (1855 г.), «Эстетические отношения искусства к действительности», — гениальным, сохранившим доныне свою ценность, обоснованием принципов материалистической революционно-демократической эстетики. Смело и убедительно Чернышевский опровергал господствовавшие понятия идеалистической и метафизической эстетики и восстанавливал права действительности и ее интересов в искусстве и литературе. Утверждая положение: «прекрасное есть жизнь», Чернышевский ставил перед искусством задачи воспроизведения действительности, ее объяснения и оценки («приговора» над нею). Диссертация Чернышевского сыграла роль своеобразного манифеста вступавшей на арену политической жизни общественной группы — разночинно-демократической интеллигенции.

Современник и сподвижник Чернышевского Шелгунов, присутствовавший на его университетском диспуте, отмечает: «Умственное направление шестидесятых годов... в первый раз в своем зачаточном виде было провозглашено в 1855 г. на публичном диспуте (Чернышевского — Ш. Л.) в Петербургском универси-

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 1, М., 1939, стр. 231.
[2] Там же, т. III, М., 1947, стр. 205.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 591.

тете»[1]. Вокруг диссертации Чернышевского тотчас завязалась острая идейная борьба, в которой за спорами об особенностях искусства и об его отношении к жизни не трудно было разглядеть все более определявшиеся тогда различные классовые течения и политические стремления.

Еще более острый и оживленный отлик встретила центральная из философских работ Чернышевского «Антропологический принцип в философии», появившаяся в 1860 г. Политические противники Чернышевского и его группы (как откровенно-реакционные, так и либеральные) чутко уловили органическую связь философской проповеди Чернышевского с революционно-демократическими устремлениями разночинно-демократической интеллигенции и приняли «Антропологический принцип» в штыки.

Неуклонный и воинствующий материалист в общих вопросах философии, Чернышевский не мог сколько-нибудь последовательно перенести материалистическую систему взглядов в изучение и освещение вопросов исторического развития общества. У него встречаются гениальные проблески исторического материализма. И при рассмотрении исторических событий, и при анализе современных фактов Чернышевский часто с большим умением вскрывает механику классовых отношений, классовой борьбы; он связывает идеологические явления с определенными социально-экономическими интересами, он иногда удачно устанавливает зависимость развития юридических институтов от экономической эволюции общества. Он считает, что «совершение великих мировых событий не зависит от личной воли, и высказывает положение о непреложности законов исторического развития. Им высказано в печати и общее положение о том, что «материальные условия быта» играют едва ли не первую роль в жизни, составляя «коренную причину почти всех явлений и в других, высших сферах жизни...»[2].

С другой стороны, однако, Чернышевский оперирует часто понятием человека вообще, он апеллирует к понятию «человеческой природе», к потребностям которой и должны быть приспособлены общественные отношения. Для него главным фактором общественного прогресса являются разум, наука, просвещение. В статье «О причинах падения Рима» читаем: «Прогресс основывается на умственном развитии; коренная сторона его прямо и состоит в успехах и развитии знаний... Стало быть, основная сила прогресса — наука; успехи прогресса соразмерны степени совершенства и степени распространенности знаний. Вот что такое прогресс — результат знания»[3]. Это уже точка зрения не материализма, а рационалистического просветительства.

Следовательно, историко-социологические воззрения Чернышевского носили еще противоречивый, двойственный характер;

---

[1] Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—П., 1923, стр. 163.
[2] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, М., 1947, стр. 357.
[3] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VIII, Спб., 1906, стр. 158.

можно сказать, что он находился на пути от исторического идеализма к историческому материализму, часто подходя очень близко к последнему [1].

Чернышевский рано проникся социалистическими убеждениями. Уже в сентябре 1848 г. он записывал в дневнике свои мысли о недостаточности одних политических изменений, подчеркивая, что нужно «избавить низший класс от его рабства не перед законом (следовало бы сказать: не только перед законом. — Ш. Л,), а перед необходимостью вещей... Не в том дело, будет царь или нет, будет конституция или нет, а в общественных отношениях, в том, чтобы один класс не сосал кровь другого» [2]. Тогда же он писал: «Мне кажется, что я стал по убеждениям в конечной цели человечества решительно партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев...» [3].

Все более утверждаясь в своей приверженности к социализму, Чернышевский пронес ее через всю жизнь и вполне заслужил те оценки, которые даются ему Лениным: «Великий русский социалист», «один из первых социалистов в России» и т. д.

Но учителями социализма не были еще для Чернышевского основоположники научного коммунизма Маркс и Энгельс. Он еще не в состоянии был вполне понять содержание объективных законов развития человеческой истории, не мог связать свои социалистические убеждения с ними.

Чернышевский, как указывает Ленин, «не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма» [4]. Чернышевский не понимал закономерности и неизбежности самого возникновения капитализма, не понимал в достаточной мере прогрессивного значения проделываемой капитализмом исторической работы (хотя он вполне признавал положительное, прогрессивное значение крупной промышленности). Чернышевский не отдавал себе отчета в особой общественной миссии пролетариата, который он не умел выделить, как общественно-политическую силу, из общей массы всего трудящегося населения; пролетариат в его глазах сливался с крестьянами и ремесленниками в общем понятии «простолюдинов». Гарантию осуществимости социалистического идеала Чернышевский, как правило, искал не в объективных исторических закономерностях, не в развитии противоречий, возникающих на почве капитализма, а в привлекательности

---

[1] Подробнее о философских и философско-исторических взглядах Чернышевского будет итти речь в главе части второй настоящего тома, посвященной русской философии второй половины XIX в. Теоретические воззрения Чернышевского в области политической экономии, права, литературоведения, истории будут освещены в главах, посвященных соответствующим разделам русской общественной науки того же периода.

[2] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 1, М., 1939, стр. 110.

[3] Там же, стр. 122.

[4] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4, стр. 97.

и справедливости самого этого идеала, в его соответствии «человеческой природе».

Но, подобно тому, как философия Чернышевского представляла собой крупный шаг вперед по сравнению с другими формами домарксова материализма, так утопический социализм Чернышевского знаменовал собою важный шаг вперед по сравнению с традиционным утопическим социализмом.

Чернышевский сознавал великое значение масс, он не мыслил возможности успеха дела социализма вне самого активного участия последних. На «возбуждение энтузиазма» в массе к общественным движениям он смотрел, как на необходимое условие победы этих движений. Свою статью «Процесс Менильмонтанского семейства», выяснявшую отношение его к одной из главных ветвей западного утопизма — сен-симонизму, он заканчивает следующими многозначительными словами. «...когда станет рассудительно заботиться о своем благосостоянии тот класс, с которым хотели играть кукольную комедию сен-симонисты, тогда, вероятно, будет лучше ему жить на свете, чем теперь» [2]. Ленин, делая пометки на книге Плеханова о Чернышевском, с особенным вниманием отнесся к этому месту статьи Чернышевского, выражавшему заветную мысль ее автора о необходимости самой трудящейся массе взяться за дело своего освобождения [3].

Наряду с этим — и это опять-таки ставит Чернышевского выше большинства других социалистов-утопистов — он отчетливо сознавал роль насильственных методов, роль революций в ходе человеческой истории вообще и в освободительном движении русского народа.

В исторической литературе были попытки принизить революционную сторону учения Чернышевского. М. Н. Покровский, напр., настаивал на том, что Чернышевский рассматривает открытую массовую борьбу, революцию «не как неизбежный путь развития, без которого нельзя пройти», а как крайнее, самое последнее средство, с которым он готов был мириться лишь при исключительных условиях, да и то «скрепя сердце» [4]. Это взгляд безусловно ошибочный. Хотя у Чернышевского еще изредка встречаются высказывания (на них и основаны указанные сейчас неправильные толкования) о преимуществах мирного пути развития, если бы он был возможен, великий русский мыслитель, однако, всегда подчеркивает, что действительный ход человеческой истории опрокидывает все надежды на мирный исход серьезных общественных столкновений, на добровольное удовлетворение господствующими классами насущных нужд трудящихся.

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VI, М., 1949, стр. 375.
[2] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VIII, М., 1950, стр. 185.
[3] Ленинский сборник, XXV, стр. 228.
[4] «К столетию со дня рождения Н. Г. Чернышевского» (Отчет о юбилейных докладах в О-ве историков-марксистов). — «Историк-марксист», т. VIII, 1928, стр. 132, 151.

Еще в дневнике Чернышевского за 1850 г. находим следующее поучительное с этой точки зрения место: «Вот мой образ мыслей о России: неодолимое ожидание близкой революции и жажда ее... Человек, не ослепленный идеализациею, умеющий судить о будущем по прошлому и благословляющий известные эпохи прошедшего, несмотря на все зло, какое сначала принесли они, не может устрашиться этого; он знает, что иного и нельзя ожидать от людей, что мирное, тихое развитие невозможно. Пусть будут со мною конвульсии, — я знаю, что без конвульсий нет никогда ни одного шага вперед в истории» [1]. Такие же мысли мы постоянно встречаем потом в печатных работах Чернышевского. Так, в статье 1859 г., направленной против Чичерина, Чернышевский писал: «До сих пор история не представляла ни одного примера, когда успех получался бы без борьбы... Чичерин... хочет, чтобы развитие совершалось бесстрастным образом, по рецепту спокойствия и всесторонности. К сожалению, этого никогда не бывало» [2]. В том же году, в одном из политических обозрений, Чернышевский поместил свое известное рассуждение о роли революции в развитии общества. «Прогресс совершается чрезвычайно медленно, — писал он, — ... но все-таки девять десятых частей, того, в чем состоит прогресс, совершается во время кратких периодов усиленной работы. История движется медленно, но все-таки почти все свое движение производит скачок за скачком, будто молоденький воробушек, еще не оперившийся для полета, еще не получивший крепости в ногах, так что после каждого скачка падает, бедняжка, и долго копошится, чтобы снова стать на ноги, и снова прыгнуть, — чтобы опять-таки упасть». Чернышевский выражал уверенность, что «птичка», растущая и крепнущая, «со временем будет прыгать прекрасно, скачок быстро за скачком, без всякой заметной остановки между ними», а там дальше «и вовсе оперится и будет легко и плавно летать с веселою песнею» [3]. Чернышевский имел в виду будущую окончательную победу революции, которая откроет человечеству безграничные возможности ничем не стесняемого прогресса. Чернышевский давал в своих работах понять читателю, что скачки неизбежно связаны с острыми потрясениями, с гражданской войной. В одном из своих политических обозрений 1862 г. Чернышевский доказывал, что «как между различными государствами спор, если имеет достаточную важность, всегда приходит к военным угрозам, точно так и во внутренних делах государства, если дело немаловажно». И, подобно тому, как в международных отношениях от военных угроз, если только «спорящие государства не так неравносильны, чтобы слабейшее из них не могло надеяться отразить нападение», дело доходит до открытой войны, — войною же

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I, М., 1939, стр. 356—357.

[2] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, М., 1950, стр. 649, 650.

[3] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VI, М., 1949, стр. 13.

разрешаются серьезные конфликты внутригосударственного характера [1].

Таким образом, Чернышевский ясно и отчетливо понимал великую роль революций, смотрел на них, как на исторически реальный и неизбежный путь к удовлетворению назревающих в обществе новых важных потребностей. Исходя из этих позиций, проверяя их правильность на опыте общественных отношений современной ему России, он сумел по-революционному оценить задачи ее демократического лагеря.

С революционных же позиций Чернышевский оценивал положение в западных странах. Он был неизмеримо далек от всякой идеализации европейских или американских буржуазных порядков и жестоко осмеивал тех, кто ожидает найти на Западе «рай земной». Показывая, что народные массы при господстве капитализма погрязают в нищете и невежестве, Чернышевский срывал покровы с формальной буржуазной демократии. Он обличал очень узкое и чисто формальное, по его словам, понятие о свободе, присущее буржуазному либерализму, — о «свободе», состоящей «в отвлеченном праве, в разрешении на бумаге, в отсутствии юридического запрещения». «Юридическое разрешение, — писал Чернышевский, — для человека имеет цену только тогда, когда у человека есть материальные средства пользоваться этим разрешением» [2]. Буржуазную «свободу» он считал свободой для сильного и богатого, угнетающего бедного и слабого. Право, понимаемое в «абстрактном смысле», в буржуазном смысле, Чернышевский называл «призраком, способным только держать народ в мучении вечно обманываемой надежды» [3]. Чернышевский указывал, что не только в «самодержавных государствах», но в Англии, Соединенных Штатах Америки правительства могут независимо от желания и участия народа издавать законы и распоряжения [4]; он писал о пропасти, весьма часто отделяющей «мнение нации и решение парламента» [5], и т. д. Он призывал к борьбе за подлинную демократию, основанную на политической власти, материальном благосостоянии и образованности трудящихся масс.

В учении Чернышевского, в его оценке перспектив социализма в России значительное место отводилось сельской общине. Чернышевский видел, что в России растут новые хозяйственные формы, что «Россия, доселе мало участвовавшая в экономическом движении, быстро вовлекается в него» [6], что происходящее, а в дальнейшем намечающееся в еще более широких размерах, увеличение капиталов, промышленной и торговой деятельности «есть

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IX, СПб., 1906, стр. 241.
[2] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VI, М., 1950, стр. 217.
[3] Там же, стр. 300, 302.
[4] Там же, стр. 265.
[5] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VI, М., 1949, стр. 142.
[6] Там же, т. IV, М., 1948, стр. 744.

уже необыкновенно важный переворот в быте» [1]. «Волею или неволею, мы должны будем в материальном быте жить, как живут другие цивилизованные народы», писал Чернышевский [2]; и он нисколько не печалился по этому поводу, потому что понимал положительное значение крупного производства и технического прогресса. Но вместе с тем он выступал также убежденным сторонником общинного землевладения. Каковы бы ни были предстоящие перемены в экономическом быте России,— «да не дерзнем мы,— заявлял Чернышевский,— коснуться священного, спасительного обычая, оставленного нам нашею прошедшею жизнью, бедность которой с избытком искупается одним этим драгоценным наследием,— да не дерзнем мы посягнуть на общинное пользование землями... [3].

Почему же Чернышевский так дорожил сохранением общины? По двум причинам. Во-первых, община в его глазах являлась средством против пролетаризации крестьянства, способом предупредить превращение самостоятельных хозяев в «бобылей». Во-вторых, он видел в общине такой общественный институт, который способен в будущем облегчить России переход к социалистическому хозяйству. «Чернышевский,— указывает Ленин,— был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину» [4]. Чернышевский понимал, что роль общины пока сводится к общему владению землей, между тем как обработка земли и пользование ее продуктами носят частный характер. Но он считал, что общинные навыки избавят русское крестьянство от тех препятствий, которые, по его мнению, на Западе ставятся переходу к товарищескому, союзному «пользованию и производству» «безграничным расширением юридических прав отдельной личности» [5]. Чернышевскому пришлось выдержать не одну литературную схватку с либерально-буржуазными противниками общины. Его аргументация в этих спорах правильна и убедительна в той мере, в какой защита общины сливается у него вообще с защитой принципов общественной собственности и общественного хозяйства, их преимуществ по сравнению с буржуазными экономическими принципами. Но Чернышевский не мог, конечно, доказать, что реально существующая, «отсталая, полуфеодальная» (Ленин) крестьянская поземельная община заключает в себе необходимые условия для развития в направлении к социализму или даже только способна предотвратить разорение и обнищание крестьян. Этих данных у общины не было. Как показала вскоре же жизнь, община не могла «предохранить» Россию от капитализма и сама

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IV, М., 1948, стр. 747.
[2] Там же, стр. 745.
[3] Там же.
[4] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4, стр. 97.
[5] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IV, М., 1948, стр. 741.

являлась часто удобным прикрытием для хищничества и грабительства кулацкой верхушки деревни.

Пропаганда Чернышевского, направленная к защите роли общины в деле перехода России к социализму, наряду с пропагандой Герцена, оказала большое влияние на позднейших деятелей народнического движения. Однако надо подчеркнуть, что Чернышевскому совершенно чужды были всякие мотивы полуславянофильского мессианизма, и что он решительно протестовал против привнесения их в обсуждение вопроса о общине. Рассматривая общину, как «общечеловеческую принадлежность известного периода в жизни каждого народа», он писал: «Сохранением этого остатка первобытной древности гордиться нам... нечего, как вообще никому не следует гордиться какою бы то ни было стариною, потому что сохранение старины свидетельствует только о медленности и вялости исторического развития» [3]. Через несколько лет в статье 1861 г. «О причинах падения Рима», полемически заостренной против некоторых герценовских взглядов, Чернышевский писал: «Мы далеко не восхищаемся нынешним состоянием Западной Европы; но все-таки полагаем, что нечем ей позаимствоваться от нас. Если сохранился у нас от патриархальных (диких) времен один принцип, несколько соответствующий одному из условий быта, к которому стремятся передовые народы, то ведь Западная Европа идет к осуществлению этого принципа совершенно независимо от нас» [2].

Благодетельная роль общины, с точки зрения Чернышевского, стояла в прямой зависимости от условий отмены крепостного права. Видя в общине, ближайшим образом, средство предотвратить превращение крестьян в бобылей, батраков, пролетариев, средство, облегчающее возможность удержаться во владении землею самому труженику, земледельцу, он естественно должен был поставить прежде всего вопрос, получат ли вообще эту землю крестьяне и на каких условиях они ее получат. «Кто, кроме глупца, может хлопотать о сохранении собственности в известных руках, не удостоверившись прежде, что собственность достанется в эти руки и достанется на выгодных условиях?» — писал он в конце 1858 г. в статье «Критика философских предубеждений против общинного владения» [3].

Учитывая антинародный характер будущей крестьянской реформы, он в той же статье писал: «...Я стыжусь самого себя. Мне совестно вспоминать о безвременной самоуверенности, с которою поднял я вопрос об общинном владении. Этим делом я стал безрассуден, — скажу прямо, стал глуп в своих собственных глазах» [4]. Разумеется, Чернышевскому могло еще казаться, что об-

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, М., 1950, стр. 362.
[2] Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VIII, СПб., 1906, стр. 171.
[3] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, М., 1950, стр. 361.
[4] Там же, стр. 358.

щина получит возможность желательного в его глазах развития в результате победоносной крестьянской революции.

Демократический лагерь русской общественности, выступая в момент окончания Крымской войны на борьбу с царским самодержавием и крепостничеством, нашел в лице Чернышевского превосходно подготовленного, всесторонне вооруженного, неутомимого и самоотверженного вождя, который умел наносить врагу тяжелые удары, умел сплачивать вокруг своего идейного знамени все передовые, способные к борьбе общественные элементы. Демократический лагерь имел в Чернышевском человека, который не поколебался уйти в подполье, чтобы бороться с царизмом и нелегальными методами. Но основной формой революционной работы Чернышевского была агитация со страниц легального журнала «Современник».

В истории русской литературы и революционного движения в России «Современнику» принадлежит исключительная роль. Основанный еще в 1836 г. при участии Пушкина, «Современник» пережил несколько периодов. История н о в о г о «Современника» была связана с переходом его в конце 1846 г. в руки Н. А. Некрасова и И. И. Панаева, когда центральной фигурой журнала стал В. Г. Белинский. После смерти Белинского (1848 г.), в обстановке цензурного террора последних лет николаевского царствования, «Современник», хотя и оставался лучшим из тогдашних журналов, временно очень потускнел. В нем в большой мере задавали тогда тон представители либерально-дворянской литературы. Политическое оживление среди различных слоев общества, вызванное Крымской войной, скоро отразилось и на «Современнике», в который Некрасовым в конце 1853 г. был привлечен для постоянной работы Чернышевский.

Великий поэт русского народа, вдохновлявший своими стихами поколения революционных борцов, имеет неоценимые заслуги и в деле развития демократической журналистики. История лучших русских журналов — «Современника» за 1847—1866 гг. и «Отечественных записок» с конца 60-х до конца 70-х гг.— неразрывно связана с его именем. Испытав на себе в 40-х годах огромное влияние Белинского, который помог ему оформиться, как поэту революционной демократии, Некрасов потом еще тверже и прочнее утвердился на этом пути под воздействием Чернышевского и Добролюбова. Прекрасное общественное и литературное чутье Некрасова позволило ему с самого же начала распознать, какие могучие и блестящие силы вступают с ними в русскую литературу. Отношения самого глубокого и нерушимого взаимопонимания установились с середины 50-х гг. у Некрасова сначала с Чернышевским, а затем и с Добролюбовым. Отношение Чернышевского к Некрасову нашло выражение в привете, который он послал поэту незадолго до его кончины через Пыпина: «...если,— писал тогда (1877 г.) Чернышевский из Сибири, — когда ты получишь мое письмо, Некрасов еще будет продолжать дышать,

скажи ему, что я горячо любил его, как человека, что я благодарю его за его доброе расположение ко мне, что я целую его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов» [1].

Трудно было положение Некрасова в первые годы сотрудничества с ним Чернышевского. В либерально-дворянский круг работников «Современника» в лице Чернышевского вошел самый яркий представитель разночинно-демократического поколения. Уже диссертация Чернышевского вызвала в этой и окружающей ее среде негодование, Тургенев в частных письмах называл работу Чернышевского «отвратительной книгой» и находил, что «Современнику» больше, чем кому-нибудь, следовало восстать против нового, гибельного по его мнению, направления [2].

Весною 1856 г. была предпринята попытка побудить Некрасова к замене Чернышевского, руководившего в это время критическим отделом «Современника», критиком другого направления — Аполлоном Григорьевым. Писатель и критик Дружинин в октябре 1856 г. писал Тургеневу по поводу соглашения, которое перед этим было заключено между несколькими крупнейшими писателями и «Современником», об исключительном сотрудничестве в этом журнале: «...неужели вы довольны Чернышевским и видите в нем критика, и не обоняете запаха отжившей мертвечины в его рапсодиях, неловких и в цензурном отношении? С будущего года ответственность за это безобразие падет на вас, и станут говорить, что Тургенев и Толстой, наиболее поэтические из наших писателей, и поэт Некрасов терпят в своем журнале отрицание поэзии...» [3]. Литературно-эстетические проблемы, как видим, занимали еще очень большое место в идейных спорах, но под ними скрывались более серьезные общественные противоречия между демократами и либералами, что не замедлило обнаружиться в ближайшие же годы.

Правда, лично Тургенев в тот момент, к которому относится цитируемое письмо Дружинина, переживал стадию известного «примиренчества» в отношении Чернышевского; в своем ответе Дружинину он доказывал, что Чернышевский, хоть и плохо будто бы понимает поэзию (на самом деле Чернышевский был глубоким и тонким критиком, придававшим литературе, и поэзии в частности, огромное общественное и художественное значение), но зато «понимает... потребности действительной современной жизни» [4]. Вообще к тому времени окончательно размежевка еще не оформилась; колебались несколько в своем отношении к Чернышевскому и П. Анненков, и В. Боткин и др. Но по мере обо-

[1] Чернышевский в Сибири, вып. 2, СПб., 1913, стр. 200.

[2] Первое собрание писем И. С. Тургенева. СПб., 1884 (1885), стр. 14. Тургенев и круг «Современника», М.—Л., 1930, стр. 39.

[3] Тургенев и круг «Современника», стр. 194.

[4] Первое собрание писем И. С. Тургенева, СПб., 1884 (1885), стр. 26.

стрения внутренних противоречий в стране размежевание демократического и либерального лагерей становилось более четким и резким; оно и привело к окончательному разрыву, который в литературно-журнальной сфере выразился отколом от «Современника» былых его либеральных сотрудников и друзей. Заслуга Некрасова заключается в том, что он не отрекся от Чернышевского в этой борьбе и, несмотря на давние отношения, связывавшие его с либерально-дворянскими писателями, предпочел остаться с ним и Добролюбовым. Определив тем самым свои позиции, как верный соратник вождей революционной демократии, он оставил целиком в их руках «Современник», эту незаменимую в тех условиях боевую трибуну. Окончательное самоопределение «Современника» не ослабило симпатий к нему среди наиболее передовых кругов интеллигенции, но, напротив, упрочило их. Престиж «Современника» в конце 50-х и начале 60-х гг. (до ареста Чернышевского) стоял так высоко, что равного ему, как правильно замечает в своих воспоминаниях Михайловский, «доселе не было во всей истории русской журналистики» [1].

В центре споров и борьбы в конце 50-х гг. стоял вопрос о крестьянской реформе, которому уделял пристальное внимание и Чернышевский. Дыхание предреформенной классовой борьбы ясно чувствуется и в тех его работах, которые посвящены были иным вопросам, например, текущим международным отношениям, или истории Запада. Литературно-критический отдел «Современника» с 1857 г. Чернышевский передал привлеченному им в журнал молодому Добролюбову; в этом отделе пульс современной общественно-политической борьбы бился столь же сильно, как в публицистических и других статьях «Современника», который весь был проникнут одной идеей, одним пафосом — борьбы за интересы угнетенного крестьянства. Чернышевский вполне сознательно смотрел на себя, как на выразителя интересов крестьянской массы в классовой борьбе, происходившей вокруг подготовки реформы. Как известно, все дело этой подготовки было сосредоточено в руках чиновников и помещиков, крестьянство же было от него совершенно отстранено. Чернышевский взял на себя миссию говорить от имени бесправного и безгласного крестьянства. В статье «Материалы для решения крестьянского вопроса» (1859 г.) он писал: «Польза, принесенная делу приглашением помещиков к участию в ведении вопроса, должна служить доказательством того, что было бы очень полезно выслушать и мнения поселян». В статьях, которые Чернышевский начал печатать, он хотел «обозначить, какое решение вопроса могло бы, хотя до некоторой степени соответствовать идеям, с незапамятных времен существующим в поселянах» [2].

---

[1] Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., Литературные воспоминания, т. VII, СПб., 1909, стр. 44.

[2] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, М., 1950, стр. 713.

В действительности, «обозначением» такого решения вопроса, которое соответствовало бы интересам крестьян, Чернышевский занимался уже и в предшествующих статьях, посвященных крестьянской проблеме. Он начал свои выступления в этом направлении еще до появления царских рескриптов по крестьянскому делу. Тогда еще нельзя было в подцензурной печати писать прямо об освобождении крестьян. Но Чернышевский воспользовался для постановки этих вопросов полемикой по поводу общины. В июне 1857 г. он писал сотруднику «Современника» А. С. Зеленому: «Прямо говорить нельзя, будем говорить как бы о посторонних предметах, лишь бы связанных с идеею о преобразовании сельских отношений». В том же письме он высказывал свои заветные мысли: «...неужели невозможно сохранить принцип: «Каждый земледелец должен быть землевладельцем, а не батраком, должен сам на себя, а не на арендатора или помещика работать?» ...Освобождение будет, когда, я не знаю, но будет; мне хотелось бы, чтобы оно не влекло за собой превращение большинства крестьян в безземельных бобылей» [1].

Средством разрешения этой задачи Чернышевский считал упрочение общины с обязательным закреплением за крестьянством достаточного количества земли и притом на подходящих условиях.

Чернышевский являлся сторонником передачи крестьянам без выкупа всей земли — и той, что находилась в крестьянском пользовании, и господской. Эту программу крестьянского освобождения он впоследствии устами одного из персонажей романа «Пролог» выразил в лозунге: «Вся земля мужицкая, выкупу никакого! — Убирайся, помещики, пока живы!» [2]. В том же романе Чернышевский передает размышления Волгина (т. е. самого автора) по этому вопросу: помещики «не имеют права ни на грош вознаграждения; а имеют ли право хоть на один вершок земли в русской стране, это должно быть решено волею народа» [3].

Товарищ Чернышевского по каторге С. Г. Стахевич сообщает, что Чернышевский «смолоду» держался мнения: «Вся земля должна быть крестьянская и никаких разговоров о выкупах и т. п.» [4], но только «соотношение общественных сил», по словам самого Чернышевского, не позволило ему выступить в печати в период подготовки реформы с этой программой. Чернышевский в период реформы не имел возможности противопоставить на страницах «Современника» грабительским планам помещиков полностью указанную выше программу; ему открыто приходилось говорить

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIV, М., 1949, стр. 348.
[2] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIII, М., 1949, стр. 202.
[3] Там же, стр. 197—198.
[4] Н. Г. Чернышевский. 1828—1928. Сборник статей, документов и воспоминаний. М., 1928, стр. 109.

о закреплении за крестьянами в первую очередь всей той земли, и всех тех угодий, которыми они пользовались до реформы.

В статье «Материалы для решения крестьянского вопроса» Чернышевский настаивал, что крестьянин должен непременно получить всю землю, «которой он теперь владеет,— ту самую землю, в том самом объеме, те самые участки», без каких-либо «обрезываний и переносов» [1]. В тех поместьях, где существующий надел «служил причиною справедливых жалоб по своей недостаточности» [2], Чернышевский и в своих легальных выступлениях требовал увеличения наделов. Чернышевский решительно отвергал сохранение обязательного труда в качестве «принудительного способа уплаты выкупа» [3]. Притом он и в названной статье определенно подчеркивает, что юридических оснований для вознаграждения помещиков он не видит [4].

В неопубликованных в свое время замечаниях на рукопись П. В. Долгорукова «Проект выкупа помещичьих крестьян» Чернышевский писал: «Крайняя уступка, на которую можно согласиться, это — сохранение настоящего надела, с прибавкою необходимой части леса и других угодий...». Указывая на полную неприемлемость обрезанных наделов в $1^1/_2$—2 десятины на душу, Чернышевский заявлял: «Нет, лучше уж вовсе не давать ничего, ни земли полевой, ни усадеб, нежели давать землю в таком урезанном, ни на что не годном количестве. Тогда, по крайней мере, он (крестьянин — Ш. Л.) хотя будет прямо знать, какая судьба ему готовиться» [5]. Следовательно, Чернышевский уже в конце 1858 г. (к этому времени относится цитируемое заявление) высказывал ту самую мысль, которая позднее нашла выражение в «Прологе» в разговоре Волгина-Чернышевского с польским революционером Соколовским-Сераковским, в известных словах Волгина: «Если сказать правду, лучше пусть будут освобождены без земли» [6]. В «Прологе» этот вывод был связан с вопросом о выкупе, а не о размерах надела, но существо от этого не меняется. Чернышевский готов был предпочесть такое решение потому, что надеялся в этом случае на ускорение революции. «Тогда немедленно произошла бы катастрофа»,— говорил Чернышевский на каторге, судя по воспоминаниям П. Ф. Николаева [7].

Приведенные отрывки характеризуют отношение Чернышевского к крестьянской реформе, как оно высказывалось им уже с середины 1858 г. Этому предшествовал небольшой промежуток

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, М., 1950, стр. 718.
[2] Там же, стр. 720.
[3] Там же, стр. 737.
[4] Там же, стр. 731.
[5] С. Чернов. К истории борьбы Н. Г. Чернышевского за крестьянские интересы накануне «воли». — «Каторга и ссылка», М., 1928, № 7(44), стр. 19.
[6] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIII, М., 1949, стр. 188.
[7] П. Ф. Николаев. Личные воспоминания о пребывании Николая Гавриловича Чернышевского в каторге. М., 1906, стр. 21.

времени, в течение которого пропаганда Чернышевского по вопросам, связанным с отменой крепостного права, характерна несколько иной формой.

Мы имеем в виду ближайшие месяцы после рескриптов от ноября и декабря 1857 г., свидетельствовавших о том, что царизм окончательно вынужден практически приступить к реформе. Герцен ответил на рескрипты известной статьей «Через три года», которая начиналась и оканчивалась обращенными к Александру словами: «Ты победил, Галилеянин!». Одновременно с этим выступлением Герцена появилась статья Чернышевского (в февральской книге «Современника» за 1858 г.) «О новых условиях сельского быта», в которой автор приветствовал начатое дело.

Но уже в те месяцы Чернышевский намеками показывал, что Александр II отдает дело реформы в руки людей, решительно враждебных крестьянству, и, таким образом, сам стоит в лагере этих врагов. В бумагах Чернышевского сохранилась его записка от апреля 1858 г., предназначавшаяся, видимо, для великого князя Константина Николаевича, принимавшего близкое участие в подготовке реформы. Хотя и в «учтивой» форме, Чернышевский угрожал революцией, если реформа обманет ожидания народа. «...Освобождение помещичьих крестьян без земли, — писал он, — непременно породило бы сильные смуты, потому что русский крестьянин по своим убеждениям не может ни понять, ни принять освобождения без земли, и... если бы крестьяне увидели себя освобожденными без земли, они приписали бы такое бедствие злоумышлению помещиков... и поголовно восстали бы...» [1].

С такой угрозой Чернышевский в это же время обратился и непосредственно к помещикам — в статье «Русский человек на rendez vous». Как видно из этой статьи, а также из переписки Чернышевского с родными, даже в эти месяцы он на добрую волю или хотя бы «благоразумие» помещиков не возлагал надежд: «Против желания нашего ослабевает в нас с каждым днем надежда на проницательность и энергию людей, которых мы упрашиваем понять важность настоящих обстоятельств и действовать сообразно здравому смыслу...» [2]. Статью свою Чернышевский заключал выразительно звучавшей в той обстановке цитатой из евангелия: «Старайся примириться с твоим противником, пока еще не дошли вы с ним до суда, а иначе отдаст тебя противник судье, а судья отдаст тебя исполнителю приговоров и будешь ты ввергнут в темницу и не выйдешь из нее, пока не расплатишься за все до последней мелочи» [3].

Таков был язык Чернышевского и в период увлечения даже некоторых прогрессивных кругов начатой реформой. Важно подчеркнуть, что Чернышевский раньше всех стал открыто и резко

---

[1] Записка Н. Г. Чернышевского об освобождении крестьян. Сообщение Н. А. Алексеева. «Красный архив», 1939, № 5(56), стр. 174.

[2] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, М., 1950, стр. 172.

[3] Там же, стр. 174.

выступать против всяких иллюзий, показывая, куда клонят дело реформы не только помещики, но и сам царь.

С исключительной смелостью освещена эта тема Чернышевским в упомянутой статье «Критика философских предубеждений против общинного владения». Мысль о крестьянской революции, как единственном способе решить крепостной вопрос в соответствии с народными нуждами и чаяниями, определяет направление деятельности Чернышевского.

Ленин в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» писал: «Чернышевский понимал, что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т. е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести «мерзость», жалкий компромисс интересов либералов (выкуп — та же покупка) и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий головой помещикам. И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россиию на дорогу открытой борьбы классов» [1].

Позже в статье «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция», возвращаясь к оценке роли Чернышевского в эпоху реформы, Ленин указывал, что он был «революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей. «Крестьянскую реформу» 61-го года, которую либералы сначала подкрашивали, а потом даже прославляли, он назвал *мерзостью,* ибо он ясно видел ее крепостнический характер...» [2].

Убеждение Чернышевского в невозможности приемлемого решения «сверху» крестьянского дела сначала не остановило обсуждения в его журнале вопросов, связанных с реформой. Использованная нами статья его — «Материалы для решения крестьянского вопроса» написана в конце 1859 г. Однако, защищая в печати свои проекты разрешения крестьянского вопроса, он, главным образом, преследовал агитационные цели — распространение правильного взгляда на нужды крестьянства среди широких кругов интеллигенции и привлечение их на сторону народа и народных требований в назревающей открытой революционной борьбе.

Наступил, впрочем, и такой момент, когда Чернышевский счел необходимым прекратить выступления свои и своего журнала по поводу подготовляемой реформы. С начала 1860 г. «Современник» демонстративно перестал говорить о крестьянской ре-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 1, изд. 4, стр. 264.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4, стр. 97.

форме. Это было вызвано необходимостью разоблачить либеральные иллюзии на счет «реформы», все еще имевшие немалое распространение.

Чернышевский относился с величайшим пренебрежением, с непримиримой враждебностью к либерализму. Как в своих иностранных обозрениях, косвенно относившихся и к русским делам, так и в статьях, прямо посвященных вопросам русской жизни, он отводил большое место борьбе с либерализмом, на которую смотрел, как на подготовку победы революционных взглядов в наиболее передовой части интеллигенции.

Чернышевский презирал и осмеивал либералов за крохоборчество, за нерешительность, за то, что они ограничивались одними разговорами, пасуя при первой необходимости обратиться от прекраснодушных фраз к какому-либо серьезному делу; он обличал их за помещичье своекорыстие. Его возмущало, что либералы направляют все внимание общества на подготовляемую правительством куцую и обманную крестьянскую реформу и на исправление мелких неполадок в существующем государственном механизме, не затрагивающее основ существующего политического строя. «Н. Г. Чернышевский,— указывал Ленин в конце 90-х гг.,— именно потому и высмеивал беспощадно «передовые слои русского общества», что они не понимали необходимости формальных требований правительству и безучастно смотрели на гибель революционеров из их среды под ударами самодержавного правительства» [1].

Чернышевский еще в своих первых легальных выступлениях по крестьянскому вопросу указывал на такие условия для обеспечения «успехов сельского хозяйства», как «водворение законности, справедливости и правосудия, водворение хорошей администрации, предоставление каждому простора для законной деятельности...» [2].

В статье «Суеверие и правила логики», написанной в конце 1859 г., Чернышевский уже гораздо яснее попытался сказать читателям о связи крепостничества и самодержавия, о губительном влиянии последнего на уровень благосостояния и культуры народных масс. Цензура оставила только жалкие клочья от этих высказываний Чернышевского, которые, однако, могут быть восстановлены по сохранившемуся полному тексту статьи. Самодержавие фигурировало в ней под прозрачными псевдонимами «азиатства» и «самодурства»: «Азиатством,— говорил Чернышевский,— называется такой порядок дел, при котором не существует никакой законности, не существует неприкосновенности никаких прав, при котором не ограждены от произвола ни личность, ни труд, ни собственность. В азиатских государствах закон совершенно бессилен. Опираться на него значит подвергать себя

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 4, изд. 4, стр. 249.
[2] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IV, М., 1948, стр. 436.

погибели. Там господствует исключительно насилие»[1]. Чернышевский давал понять читателю, что таковы именно условия жизни русского народа при самодержавии, и разъяснял, что, при сохранении основ существующего строя, частичные улучшения в управлении, предлагаемые либералами, не дадут серьезного эффекта. Он намекал на то, что желаемая им «реформа» управления предполагает уничтожение отношений слишком сильных, неподдающихся реформам, а исчезающих только вследствие важных исторических событий, выходящих из обыкновенного порядка, которым производятся реформы[2]. Другими словами, «р е ф о р м а м» Чернышевский противопоставлял р е в о л ю ц и ю. В романе «Пролог», излагая и расшифровывая свои взгляды в канун крестьянской реформы, Чернышевский подчеркивал особенное значение в жизни народа «общего характера национального устройства». «Все вздор перед общим характером национального устройства», — говорил он устами Волгина[3], резко порицая либеральное общество за то, что оно именно этот центральный вопрос игнорировало.

Так, последовательная система революционно-демократических взглядов, непреклонная борьба за интересы народных масс, за разгром крепостничества и самодержавия неизбежно столкнули Чернышевского не только с царским правительством и крепостнической партией дворянства, но и с либерализмом, искавшим сделки с царем и крепостниками. «Либералы 1860-х годов и Чернышевский,— писал Ленин,— суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени (писано в 1911 г. — Ш. Л.) определяют исход борьбы за новую Россию»[4].

Путь Чернышевского был путем революционной крестьянской демократии, противоположным и враждебным либеральному пути. Это еще раз подчеркнуто Лениным в его критике исследования Плеханова о Чернышевском; Плеханов, как указывает Ленин, «из-за теоретического различия идеалистического и материалистического взгляда на историю... просмотрел практически-политическое и классовое различие либерала и демократа»[5].

Гениальный ученый-революционер, великий философ-материалист, непримиримый враг крепостничества и царской монархии, глубокий критик капитализма (хотя еще и не с позиций научного социализма), сторонник и пропагандист массовых революционных действий, обличитель либерального предательства, пламенный патриот — Чернышевский стоял в переломный период исто-

---

[1] Запрещенные цензурой тексты Н. Г. Чернышевского. — «Литературное наследство», т .III, М. ,1932, стр. 90.

[2] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIII, М., 1949, стр. 242.

[3] Там же, стр. 242.

[4] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4, стр. 96.

[5] Ленинский сборник, XXV, стр. 231.

рии России во главе тогдашнего революционного лагеря, идейно вдохновлял его и руководил им. «...Были, — пишет Ленин, — и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер. Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров стоял Н. Г. Чернышевский» [1]. Эти революционеры, по словам Ленина, «потерпели, повидимому, полное поражение. На деле именно они были великими деятелями той эпохи, и, чем дальше мы отходим от нее, тем яснее нам их величие, тем очевиднее мизерность, убожество тогдашних либеральных реформистов» [2].

§ 8. Н. А. Добролюбов. Борьба революционно-демократической и либеральной тенденции в общественном движении

К тем же выводам в оценке коренных вопросов русской жизни и ее запросов, что и Чернышевский, пришел Н. А. Добролюбов, имя которого неразрывно связано с именем Чернышевского. Николай Александрович Добролюбов родился 24 января 1836 г. в Нижнем Новгороде, в семье священника. После обучения в духовном училище и семинарии, он поступил в 1853 г. на историко-филологический факультет Главного педагогического института в Петербурге, где окончательно сформировалось мировоззрение Добролюбова, ставшего из «благонравного», «скромного», «усердного к богослужению» подростка, каким его аттестовало семинарское начальство, воинствующим атеистом и материалистом и вместе с тем непримиримым революционером и демократом, с очень яркими социалистическими стремлениями. Уже в 1855 г., в издававшейся им рукописной студенческой газете «Слухи», Добролюбов высказал убеждение, что «нужно сломать все гнилое здание нынешней администрации», а для этого надо действовать на «низший класс народа», «раскрывать ему глаза на настоящее положение дел», возбуждать его спящие силы, внушать ему понятия о достоинстве человека, об «истинном добре и зле» [3]. В 1856 г. состоялось знакомство Добролюбова с Чернышевским и началось его сотрудничество в «Современнике», а со следующего года он стал уже принимать близкое и руководящее участие в журнале. Чернышевский передал целиком в его ведение критический отдел, игравший, как известно, в журналах той эпохи огромную роль.

Вместе со своим другом и учителем Чернышевским [4], непо-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4, стр. 96.

[2] Там же, стр. 100.

[3] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. IV, М., 1937, стр. 434.

[4] О значении Чернышевского, как учителя Добролюбова, последний писал в одном из писем своих 1856 года: «С N. N. (Чернышевским — Ш. Л.) толкуем не только о литературе, но и о философии, и я вспоминаю при этом, как Станкевич и Герцен учили Белинского, Белинский Некрасова, Грановский Забелина и т. п.». (Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861—1862 годах, т. 1, М., 1890, стр. 319).

средственно вслед за Белинским и Герценом, Добролюбов явился одним из самых выдающихся представителей русской материалистической философии. Ему принадлежит гигантская заслуга в деле идейно-теоретического развития подлинно передовых слоев русского общества, в борьбе против идеализма, религии, мистики, в разгроме духовных устоев старого, крепостническо-монархического строя.

Велико значение Добролюбова в истории русской литературы, как выдающегося поборника идейного, демократического искусства, как блестящего, проникновенного литературного критика [1]. Добролюбов был не только великим критиком и историком литературы, но и одним из замечательнейших русских публицистов. Публицистом, страстным политическим бойцом он оставался, в частности, во всех своих статьях, написанных даже на чисто литературные темы [2]. Добролюбову недолго пришлось поработать на пользу русской культуры и русской революции. Всего через четыре года после выхода из Главного педагогического института и начала своей широкой литературно-публицистической деятельности Добролюбов умер от чахотки (17 ноября 1861 г.).

Добролюбов был другом и полным единомышленником Чернышевского. Он пламенно ненавидел режим угнетения и произвола, он был врагом общественного неравенства и лозунгом своей деятельности провозгласил: «Человек и его счастье» [3]. Признавая превосходство общественно-политического устройства западных стран по сравнению с современной ему самодержавно-крепостнической Россией, признавая, что «нам еще нужно пройти большое пространство, чтобы стать на то место, на котором стоит теперь европейская жизнь» [4], Добролюбов в то же время был весьма далек от какой-либо идеализации буржуазных порядков. «...Прежде феодалы налегали на мещан (буржуазию. — Ш. Л.) и на поселян; теперь же мещане освободились и сами стали налегать на поселян, не избавив их и от феодалов. И вышло то, что рабочий народ остался под двумя гнетами: и старого феодализма, еще живущего в разных формах..., и мещанского сословия, захватившего в свои руки всю промышленную область».

Добролюбова возмущали «бесправность и безгласность» трудящихся масс на Западе, произвол, широко практикуемый по отношению к ним правящими элементами. При этом он ясно видел «невыговоренный союз», существующий, несмотря на внешние расхождения («видимый разлад»), между «грубым произволом и просвященным капиталом», стремящимися «общими силами про-

---

[1] Освещение философских, философско-исторических, литературных и эстетических взглядов Добролюбова дается в соответствующих главах раздела, посвященного в настоящем издании истории русской культуры второй половины XIX в.

[2] Важнейшие из них: «Что такое обломовщина?», «Темное царство», «Луч света в темном царстве», «Когда же придет настоящий день» и т. д.

[3] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II, М.—Л., 1935, стр. 234.

[4] Там же, т. IV, М., 1937, стр. 391.

тивостоять рабочим классам, чтобы те не вздумали потребовать своих прав». Добролюбов вскрывал фальшь либеральных утверждений, будто силою одного «общественного мнения» злоупотребления и насилия могут устраняться в буржуазных странах. Он показывал, что при существующей там «общественной организации» общественное мнение обычно является не убеждением «всей нации», а голосом той части общества, которая сама заинтересована в эксплоатации народной массы и в подавлении ее протеста [1].

С другой стороны, Добролюбов видел, как зреет этот протест, как обостряются социальные противоречия в буржуазном обществе. В «рабочих классах, — отмечал Добролюбов, — накипает неудовольствие, глухо готовится новая борьба» — при этом «пролетарий понимает свое положение гораздо лучше, нежели многие прекраснодушные ученые, надеющиеся на великодушие старших братьев в отношении к меньшим» [2]. Таким образом, Добролюбов не верил в возможность убедить господствующие классы, «старших братьев», пойти навстречу трудящимся массам и ждал решения социального вопроса на Западе от пробуждения сознательности и от активности в борьбе самих этих масс. Точно так же и в решении насущных вопросов русской жизни, больше всего волновавших великого патриота, он ориентировался на революционную самодеятельность народа. «Современная путаница не может быть разрешена иначе, как самобытным воздействием народной жизни», — писал он одному из сотрудников «Современника» (С. Славутинскому) в начале 1860 года [3], подразумевая под таким «воздействием» народное восстание, крестьянскую революцию.

Запись в дневнике, сделанная Добролюбовым в июне 1859 г. под впечатлением известия о выступлении Герцена против него и группы «Современника», показывает, что он вполне определенно и сознательно рассматривал свою литературную работу, как подготовку умов к революции. «Однако, — писал Добролюбов, — хороши наши передовые люди! Успели уж пришибить в себе чутье, которым прежде чуяли, призыв к революции, где бы он ни слышался и в каких бы формах ни являлся» [4].

Добролюбов был замечательным представителем и идейным руководителем разночинно-демократического поколения выросшего в конце царствования Николая I и накануне крестьянской реформы, всеми своими помыслами и стремлениями кровно связанного с угнетенной и протестующей крестьянской массой, отражавшего интересы и лучшие, наиболее далеко идущие чаяния многомиллионного трудового крестьянства. От имени молодой ре-

---

[1] Там же, стр. 398—399.

[2] Там же, стр. 392—393.

[3] Добролюбов и Славутинский в их переписке — Сб. «Огни», 1, Пгр., 1916, стр. 67.

[4] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. VI, М., 1939, стр. 487. (Подч. нами).

волюционной демократии он громко возвышал свой голос не только против царского самодержавия, но и против либерализма, против большинства современных ему деятелей из поколения «сороковых годов», обличая их неспособность к серьезному общественному д е л у и крайний оппортунизм. «... Мы говорили и говорим, не обращая внимания на старые авторитеты, — писал Добролюбов, — потому единственно, что считаем свои мнения отголоском того живого слова, которое ясно и твердо произносится молодою жизнью нашего общества. Может быть, мы ошибаемся, считая себя способными к правильному истолкованию живых, свежих стремлений русской жизни; время решит это. Но во всяком случае — мы не ошибемся, ежели скажем, что стремления молодых и живых людей русского общества гораздо выше того, чем обольщалась в последнее время наша литература» [1]. Либеральные «обольщения», иллюзии, находившие себе яркое выражение в части текущей литературы, служили постоянной мишенью для его нападок и критики. Либеральная литература пыталась доказать, что производимые или подготовляемые изменения в существующем порядке вещей означают «прогресс» и способны вывести Россию на «светлую дорогу». Правда, она много внимания уделяла и так называемому «обличению», но брала под обстрел мелкие второстепенные недостатки, не касаясь основного зла русской жизни — самодержавного режима, господства помещиков. Иронически определяя эту литературу, как «сатирико-полицейскую и поздравительно-экономическую» [2], Добролюбов писал: «... Обличения наши постоянно отличались необыкновенной отрывочностью. Нигде не указана была тесная и неразрывная связь, существующая между различными инстанциями, нигде не проведены были последовательно и до конца взаимные отношения разных чинов...» [3]. Либералы, по словам Добролюбова, не хотели видеть круговой поруки во всем, что делается перед их глазами, воображая, что всякое замеченное ими зло «есть не более, как злоупотребление прекрасного установления, возможное лишь как редкое исключение» [4]. Они поэтому ограничивались «мизерными частностями», не думая об общем — об искоренении того основного зла, тех «врагов внутренних» [5], существование которых и вызывало все бесчисленные частные злоупотребления. Добролюбов подчеркивал, что демократия не отказывается «вести серьезную речь» и о тех отдельных улучшениях, которыми исключительно заняты либеральные умы, как адвокатура, гласность и т. п., но для нее это всего лишь с р е д с т в а к достижению других, высших целей [6].

---

[1] Там же, т. IV, стр. 45—46.
[2] Там же, стр. 49.
[3] Там же, стр. 87.
[4] Там же, т. II, М.—Л., 1935, стр. 231.
[5] Там же, стр. 239.
[6] Там же, т. IV, стр. 62—63.

Добролюбов сознавал, что позиция либералов объясняется не их психологическими свойствами — он самим этим свойствам стремился найти объективное объяснение в социальном положении представителей дворянского либерализма: «...Они боятся или не умеют доходить до корня и, задумывая, напр., карать зло, только и бросаются на какое-нибудь мелкое проявление его и утомляются страшно, прежде чем успевают даже подумать об его источнике. Не хочется им поднять руки на то дерево, на котором и они сами выросли; вот они и стараются уверить себя и других, что вся гниль его только снаружи, что только счистить ее стоит, и все будет благополучно» [1].

Борьбу с растлевающим влиянием либеральной «идеологической язвы» Добролюбов, как и Чернышевский, считал насущнейшей задачей дня. В уже цитированном письме к Славутинскому, после указания на необходимость самобытного воздействия народной жизни на ход дел, Добролюбов продолжал: «Чтобы возбудить это воздействие хоть в той части общества, какая доступна нашему влиянию, мы должны действовать не усыпляющим, а совсем противным образом... Надо вызывать читателей на внимание к тому, что их окружает, надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху,— для того, чтобы противно стало читателю все это богатство грязи, чтобы он, задетый, наконец, за живое, вскочил с азартом и вымолвил: «да что же, дескать, это наконец за каторга! Лучше уже пропадай моя душонка, а жить в этом омуте не хочу больше» [2]. Этой необходимостью Добролюбов объяснил весь тон и своих критик, и политических статей «Современника», и сатирического листка «Свисток», выходившего при «Современнике» под его руководством.

Резко критикуя либеральных маниловых, людей фразы, а не дела, сторонников компромисса с монархией и крепостничеством за счет интересов трудящегося народа, Добролюбов выдвигал свой идеал положительного героя, героя без кавычек, не знающего разлада между словом и делом, охваченного одной идеей борьбы за счастье народа, готового «или доставить торжество этой идее, или умереть» [3]. Все лучшее, все свежее в русском обществе,— говорил Добролюбов,— нетерпеливо и страстно ждет появления таких героев, борцов, революционеров — русских Инсаровых, задача которых будет гораздо труднее и сложнее задачи, стоявшей перед болгарским революционером Инсаровым, выведенным в тургеневском романе «Накануне», но которые сумеют все же с нею справиться, сумеют одолеть внутренних врагов русского народа. «И не долго нам ждать его (русского Инсарова),— писал Добролюбов в своем знаменитом разборе романа Тургенева,— за это ручается то лихорадочное мучительное нетерпение,

---

[1] Н. А. Добролюбов. Соч., т. II, М.—Л., 1935, стр. 230. (Подчеркнуто нами).

[2] Сб. «Огни», кн. 1, Пгр., 1916, стр. 67—68.

[3] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II, 1935, стр. 239.

с которым мы ожидаем его появления в жизни. Он необходим для нас, без него вся наша жизнь идет как-то не в зачет, и каждый день ничего не значит сам по себе, а служит только кануном другого дня. Придет же он наконец, этот день! И, во всяком случае, канун недалек от следующего за ним дня: всего-то какая-нибудь ночь разделяет их!...» [1].

Добролюбов нимало не отгораживал будущих Инсаровых от народа, он отнюдь не думал подменить их деятельностью самодеятельность народа. Он спорил с «пессимистами», видевшими в тяжелом материальном положении и безграмотности народа непреодолимое препятствие к пробуждению его от апатии, к проявлению в нем солидарности и решительности в действиях. «Нет такой вещи, которую бы можно было гнуть и тянуть бесконечно, - доказывал он подобным «пессимистам»,— дойдя до известного предела, она непременно изломится или оборвется. Так точно нет на свете человека и нет общества, которого нельзя было бы вывести из терпения. Вечной апатии нельзя предположить в существе живущем; за летаргиею должна следовать или смерть или пробуждение к деятельной жизни» [2]. Добролюбов выражал уверенность в том, что для русского народа наступит момент такого пробуждения. Отсутствие образования в массах, по его мнению, не могло поколебать этого заключения. «Не одно скромное учение под руководством опытных наставников,— говорил он,— не одна литература... ведет народ к нравственному развитию и к самостоятельным улучшениям материального быта. Есть другой путь — путь жизненных фактов, никогда не пропадающих бесследно, но всегда влекущих событие за событием, неизбежно, неотразимо» [3]. Образованность, правда, «ведет к большей или меньшей степени ясности сознания и затем — к умению формулировать то, что сознается... Но... смутное безотчетное недовольство — все-таки недовольство. Пусть оно таится, пусть не принимает определенного выражения, это не должно обманывать нас: есть предел, за которым оно должно ярко обозначиться»... [4]. В одном из знаменательных проявлений народного недовольства, именно в движении бойкота спиртных напитков, развернувшемся в 1859 г. во многих местностях России, Добролюбов видел подтверждение своей веры в революционные возможности русского народа. Он воспользовался этим фактом, чтобы противопоставить народ — либеральному обществу. «...В народе, в коренном народе,— говорил он, — нет и тени того, что преобладает в нашем цивилизованном обществе. В народной массе нашей есть дельность, серьезность, есть способность к жертвам... Народные массы не умеют красно говорить... Слово их никогда не праздно; оно говорится ими, как призыв к делу, как условие предстоящей деятельности...

[1] Там же, стр. 240.
[2] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. IV, М., 1937, стр. 108—109.
[3] Там же, стр. 109.
[4] Там же.

Сотни тысяч откажутся от мяса, от пирога, от теплого угла, от единственного армячишка, от последнего гроша, если того потребует доброе дело, сознание в необходимости которого созревает в их душах» [1]. В этом Добролюбов видел величие народной массы, недоступное привилегированному обществу, все претензии которого на нововведения и реформы представлялись ему жалкими, мизерными, почти непристойными «в сравнении с тем, что совершает сам народ и что можно назвать действительно народным делом» [2].

В. И. Ленин, многократно и настойчиво возвращавшийся в своих трудах к противопоставлению демократов и либералов в истории русского общества, всегда подчеркивал, что «либерал боится движения масс, тормозит его и *сознательно* защищает известные, притом главнейшие, учреждения средневековья ради того, чтобы иметь опору против массы...» [3]. В противоположность либералу «демократ *верит* в массу, в *действие* масс, в законность настроений, в целесообразность методов борьбы массы». Он стремится «развязаться со *всем* средневековьем», он «отстаивает уничтожение *всех* средневековых привилегий без всякого исключения». «Демократ,— указывал Ленин,— представляет массу населения» [4].

Добролюбов и являлся одним из величайших деятелей русской демократии, представляющей «массу населения» (именно крестьянскую массу), верящей в массу, готовой всеми силами помогать ее борьбе против в с е г о средневековья, в с е х средневековых привилегий, т. е. против самодержавия и крепостничества, против помещиков и помещичьего землевладения. Вот почему Ленин с глубоким негодованием писал о ликвидаторских литераторах «с их новым «пересмотром» идей Добролюбова задом наперед, *от* демократизма *к* либерализму...» [5].

«...Писатель, страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против «внутренних турок» — против самодержавного правительства».— так характеризовал Добролюбова В. И. Ленин, указывавший на то, что Добролюбов дорог «всей образованной и мыслящей России» [6].

Добролюбова и Чернышевского очень высоко ценили основоположники научного коммунизма Маркс и Энгельс. Общеизвестна характеристика Марксом Чернышевского (в послесловии ко второму изданию «Капитала»), как великого русского ученого и критика. Маркс же писал, что ставит Добролюбова, как писа-

---

[1] Там же, стр. 138—139. В тексте «Современника» (1859, сентябрь, Современное обозрение, стр. 35) не «созревает», а «созреет».

[2] Там же, стр. 139.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 18, изд. 4, стр. 34.

[4] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4, стр. 259, т. 18, изд. 4, стр. 34, там же, стр. 255.

[5] В. И. Ленин. Соч., т. 18, изд. 4, стр. 4.

[6] В. И. Ленин. Соч., т. 5, изд. 4, стр. 296.

теля, наравне с Лессингом и Дидро [1]. Энгельс назвал Чернышевского и Добролюбова двумя «социалистическими Лессингами» [2], подчеркивая этим соединение в их лице замечательных просветителей и социалистов.

Добролюбов и Чернышевский были самыми твердыми и последовательными представителями той народной демократической тенденции в русском общественном движении, о которой неоднократно говорил Ленин, противопоставляя ее враждебной либерально-монархической тенденции.

Для России эпохи падения крепостного права, России, переходившей от крепостничества к капитализму, возможны были два пути — Ленин определял их как путь «прусского» и «американского» развития капитализма. Первый был связан с максимальным сохранением «помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации». Второй путь обеспечил бы «в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояние крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения» [3]. Первый путь был путем сделки буржуазных, либеральных элементов страны с крепостническими, соглашения с царской монархией, подавления крестьянской революции, сохранения политической власти в руках помещичьего класса; второй путь был путем открытой борьбы против царизма, свержения царизма, революционной ликвидации крепостничества и установления демократических порядков в стране. И Чернышевский, и Добролюбов были борцами за этот второй путь общественного развития в России, между тем, как либералы отстаивали первый из указанных путей. Понятно, что либералы проявляли к группе Чернышевского и Добролюбова не меньшую враждебность, чем Чернышевский и Добролюбов по отношению к самим либералам. Либералам,—даже лучшим из них, таким, как Тургенев, положительно претил, как указывает Ленин, «мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского» [4]. «...Кто пожелает вспомнить давнюю историю русского либерализма, тот уже в отношении либерала Кавелина к демократу Чернышевскому увидит точнейший прообраз отношения кадетской *партии* либеральных буржуа к русскому демократическому *движению масс*», писал Ленин в другом месте [5].

Нужно заметить, что резко проводимая Чернышевским и Добролюбовым линия «разоблачений измен либерализма» (Ленин) одно время смущала даже Герцена, как представителя тех элементов демократического лагеря, которым не были чужды коле-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 164.
[2] Там же, т. XV, стр. 235.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 13, изд. 4, стр. 216.
[4] В. И. Ленин. Соч., т. 27, изд. 4, стр. 244.
[5] В. И. Ленин. Соч., т. 18, изд. 4, стр. 286—287.

бания либерального характера. Проявлением непонимания важности и необходимости этой линии, в тех формах и с той непреклонной решительностью и последовательностью, с какими она проводилась руководителями «Современника», явились две известные статьи Герцена в «Колоколе» — «Very dangerous!!!» (1859 г.) и «Лишние люди и желчевики» (1860)[1], особенно первая из них. Герцен защищал от нападок Чернышевского и в особенности Добролюбова так называемых «лишних людей»,— тип, столь характерный для части дворянской интеллигенции николаевской эпохи,— и обрушивался на выступления Добролюбова против робкой и куцой «обличительной» литературы. При этом Герцен высказывал в первой статье совершенно недопустимые подозрения относительно чистоты мотивов, которыми руководились в своих нападках на либерализм вожди «Современника». Это было тяжелой ошибкой со стороны «Колокола». Герцен усмотрел в кампании Добролюбова против либеральной литературы огульное охаивание всего предшествующего поколения. Между тем Добролюбов особо оговаривал безусловно положительную роль и выдающиеся общественные заслуги таких деятелей эпохи сороковых годов, как Герцен и Огарев. Имея в виду именно Герцена и Огарева, хотя и лишенный возможности по цензурным условиям прямо назвать их, Добролюбов писал: «Эти люди почерпнули жизненный опыт в своей непрерывной борьбе и умели его переработать силою своей мысли; поэтому они всегда стояли в уровень с событиями, и как только явилась им опять возможность действовать, они радушно и вполне сознательно подали руку молодому поколению. Они доселе сохранили свежесть и молодость сил, доселе остались людьми будущего, и даже гораздо больше, нежели многие из действительно молодых людей нашего времени»... [2].

Острота немногих полемических выступлений Герцена против Чернышевского и Добролюбова не должна вводить нас в заблуждение. Несомненно, что он находился по одну с ними сторону баррикады в борьбе общественных сил и был объективно их союзником, хотя значительно уступавшим им в последовательности и твердости политической линии.

В пылу споров об этом могли временами забывать, мог и сам Чернышевский, ездивший в Лондон после первого герценовского выступления против «Современника» для объяснений, в интимном письме к Добролюбову дать несправедливую оценку Герцена этого момента, как «Кавелина в квадрате» [3]. И все-таки Герцен оставался для революционно-демократического лагеря «своим», о его уклонениях сожалели, как об искренних заблуждениях друга и союзника; поэтому делались попытки повлиять на Герцена,

---

[1] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. X, стр. 11—16, 413—423.

[2] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. IV, М., 1937, стр. 59.

[3] Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие, т. II, М.—Л., 1928, стр. 366.

побудить его выпрямить свою тактическую линию. Это составляло одну из целей «Письма из провинции», напечатанного в «Колоколе» от 1 марта 1860 г. Автором этого документа, о котором нами уже упоминалось раньше, очень часто объявляют Чернышевского. Между тем, Чернышевский не мог его написать, что с особой обстоятельностью доказал несколько лет тому назад Б. П. Козьмин [1]. Автором «Письма из провинции», однако, должен был быть человек, по общему характеру своих взглядов на положение России принадлежавший к единомышленникам Чернышевского. Он решительно критиковал позицию либералов, указывая, что «крестьяне и либералы идут в разные стороны»; высказывал предположение, что пробуждение народа «недалеко», и либеральное поколение, «не сумевши пристать к народному движению», погибнет с «Собакевичами и Ноздревыми», т. е. с крепостниками [2]. Он сожалел о «другого сорта» людях, которые «желают действительно народу добра», но, тоже «увлеченные в общий водоворот умеренности — ждут всего от правительства и дождутся, когда их Александр засадит в крепость» или «народ подведет под один уровень с своими притеснителями». Герцена автор упрекал в том, что он, вместо борьбы с иллюзиями, сам в «Колоколе» поддерживает их. «...Не обманывайтесь,— писал он,— надеждами и не вводите в заблуждение других, не отнимайте энергии...» Положение России он признавал ужасным и невыносимым, находя, что «ничто, кроме топора», т. е. крестьянской революции, «не поможет». Поэтому он предлагал Герцену переменить тон: «пусть ваш *Колокол* благовестит не к молебну, а звонит набат! [3]. К топору зовите Русь». Характерен ответ Герцена. Хотя и не принимая предложений автора «Письма из провинции», он говорил ему: «Мы расходимся с вами *не в идее,* а в средствах; не *в началах,* а в образе действования. Вы представляете *одно из крайних* выражений нашего направления; ваша односторонность понятна нам, она близка нашему сердцу...» [4].

«Письмо из провинции» интересно страстным убеждением автора в беспочвенности и вредности надежд на добрые намерения царя и правительства, анализом непримиримых противоречий, разделяющих народ и либералов, верой в потенциальные революционные возможности масс, сознанием великой важности переживаемого момента и ответственности, лежащей на той

[1] Б. Кзьмин. Был ли Чернышевский автором «Письма «русского человека» к Герцену? — «Литературное наследство», т. 25—26, М., 1936, стр. 576—585.

[2] Любопытно, что почти в то самое время, когда печаталась статья «Русского человека», поэт (бывший петрашевец) А. Н. Плещеев, сотрудник «Современника», писал Добролюбову по поводу тогда еще «либерального» «Русского вестника» и славянофильской группы, выпускавшей в Москве журнал «Русская беседа»: «Всякое кумовство в сторону». Надо бить этих крепостников под маской либералов». («Русская мысль», М.—П., 1913, кн. 1, отд. 2, стр. 149).

[3] «Колокол», лист 64, от 1 марта 1860 г., стр. 534—535.

[4] От редакции («Колокола»), там же, стр. 531.

части общества, которая хочет служить народу. Во всех этих отношениях «Письмо» было не случайным фактом, а объективным свидетельством крепнущей среди передовой интеллигенции решимости к упорной борьбе с враждебным народу строем, а также отражением растущего нетерпения и возбуждения, охвативших массу народную к концу 50-х годов.

* *
*

Письмо «Русского человека» хорошо показывает состояние России накануне реформы 1861 г. В нем нельзя не почувствовать дыхания революционной ситуации, переживавшейся Россией в конце 50-х и начале 60-х гг. Автор сам прямо высказывал предположение о близости революции, — близости настоящего революционного «пробуждения» России. «Может быть, это пробуждение недалеко»,— писал он: «царские шпицрутены, щедро раздаваемые верноподданным за разбитие царских кабаков» (имелось в виду крестьянское движение 1859 г. против откупов, о котором была речь в начале настоящей главы), «разбудят Россию скорее, чем шопот нашей литературы о народных бедствиях» [1].

Один из видных деятелей революционного движения 60-х гг. Александр Серно-Соловьевич в своей позднейшей брошюре «Наши домашние дела» говорит об описываемом времени, что тогда — «после Крымской кампании, в минуту еще небывалую в России, ...проснувшееся общество могло усиленным напором сорвать императорскую корону и дать возможность новому порядку вытеснить старый» [2].

«Напор», в конце концов, не оказался достаточно сильным ни со стороны народной массы и выражавшего ее интересы, но практически, организационно слишком еще от нее оторванного слоя революционной разночинной интеллигенции, ни, тем более, со стороны оппозиционной части привилегированного «общества», которая вовсе и не хотела, из страха перед революцией, достаточно крепко «напирать», предпочитая соглашение с «короной» на приемлемых для этих кругов условиях.

Но, как бы то ни было, страна в канун реформы находилась в сложном и напряженном положении.

А. Головнин, в уже цитированных нами выше «заметках о поездке по некоторым губерниям в 1860 году», недаром убеждал «торопиться освобождением крестьян» — он предсказывал, что «случаи беспорядков будут повторяться чаще и чаще», доколе будет продолжаться крепостное состояние (напомним, что в одном только 1860 г. число крестьянских волнений достигло 108).

---

[1] «Колокол», лист 64, 1 марта 1860 г., стр. 533.

[2] А. Серно-Соловьевич. Наши домашние дела, Женева, 1867, стр. 15.

К тому же, примерно, времени относящиеся наблюдения Бисмарка, состоявшего тогда прусским посланником при петербургском дворе, также рисуют картину беспокойства и тревоги в правящей среде. «Люди высокопоставленные, по должности и рождению, говорят мне о революциях, как о вещах, конечно, вполне возможных», доносил Бисмарк своему министру иностранных дел в ноябре 1860 г. «Император (Александр II — Ш. Л.) подавлен серьезностью положения внутри страны...»,— сообщал он в январе 1861 г. В том же донесении он писал: «Чтобы гвардейские офицеры, в присутствии посторонних, обсуждали вопрос, стрелять ли им или не стрелять в народ, — этого император Николай, конечно, не мог ожидать так скоро» [1].

Демократическая общественная среда готовилась к действию. Первые планы объединения революционных и демократических сил восходят к тому же периоду кануна реформ.

В рукописи Н. П. Огарева, относящейся, возможно, как раз к предреформенным месяцам, определялась «цель русского движения: созвать Земский Собор из посланцев ото всех уездов, выбранных всем народом без различия сословий, для всеобщего нового устройства России»... [2]; здесь же взвешивались условия организационной подготовки и осуществления восстания, поскольку царь не пойдет на созыв такого Земского собора.

В другом документе, бесспорно относящемся к 1860 г. (он датирован июнем этого года и опубликован в VIII книжке «Голосов из России»), были сформулированы основы более или менее демократической конституции, которые провозглашались автором в качестве известного минимума. Наряду с освобождением крестьян с землей («со всею владеемою ими землею»), — этот документ требовал: права контроля над изданием новых законов и проверки сбора и расходования платимых народом в казну средств, ответственности министров и всех органов управления, полного отделения суда от администрации, гражданских свобод, равенства всех перед законом, политической амнистии и т. д. [3]. Понятно и

---

[1] Bismarks Briefwechsel mit dem Minister Freiherrn von Schleinitz (1858–1861). Suttgart und Berlin, 1905. Стр. 118, 138, 139. Извлечения из петербургских донесений Бисмарка Шлейнитцу Вильгельм II во время революции 1905 г. сообщил Николаю II, так как находил в них свидетельство о том, что „история повторяется и что были времена, очень напоминающие теперешние" (Переписка Вильгельма II с Николаем II. М.–Пгр., 1923, стр. 116—117).

[2] М. В. Нечкина. Н. П. Огарев в годы революционной ситуации. — «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, 1947, т. IV, № 2, стр. 107.

[3] Проект действительного освобождения крестьян. «Голоса из России», книжка VIII. Лондон, 1860, стр. 132—133. В литературе в свое время высказано предположение относительно принадлежности этой статьи Николаю Серно-Соловьевичу.

закономерно появление и публикация именно в это время подобной платформы [1].

Движение широких кругов молодой демократической интеллигенции к концу 50-х гг. и в столицах, и в больших провинциальных центрах сделало крупные успехи. Подъем общественного чувства и стремление обратиться, в доступных по обстоятельствам формах, к практической деятельности на пользу народа, к сближению с народом — по-своему проявились в это же время в борьбе за «воскресные школы» (деятельность их освещается во второй части этого тома). Внутри России зарождалось уже тогда нелегальное издательство революционной литературы (деятельность Аргиропуло, Заичневского и др., 1859—1861), как одно из еще более высоких выражений общественно-политической активности демократического студенчества, в среде которого усиливались настроения протеста и борьбы, вскоре затем обнаружившиеся столь бурно в студенческом движении 1861 года.

Ввиду явного роста возбуждения в народе и недовольства в разнообразных общественных кругах, крепла вера в близость решительного натиска против самодержавия у ведущего идейно-политического центра демократии в России, все теснее сплачивавшегося вокруг Н. Г. Чернышевского. Все более чутко молодая разночинная Русь прислушивалась к голосу этого центра.

Революционная ситуация, назревавшая в конце 50-х гг., характеризовавшаяся одновременно и подъемом борьбы угнетенных масс нации, и колебаниями верхнего, господствующего слоя, не закончилась с объявлением крестьянской реформы. Именно после 19 февраля, напротив, наступил ее кульминационный пункт.

---

[1] С частичными, гораздо более скромными требованиями, тогда выступали даже отдельные дворянские собрания, как, например, владимирское, которое в январе 1860 г. указывало в адресе царю на необходимость «строгого разделения» судебной и административной властей, предлагало введение выборного местного «хозяйственно-распорядительного управления» для всех сословий, ответственного лишь перед обществом и судом, и пр. (Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России..., т. II, Берлин, 1861, стр. 313—314).

ГЛАВА ВТОРАЯ

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 г.

§ 1. Приступ к реформе

Революционная ситуация заставила Александра II и его правительство поставить в порядок дня вопрос о реформе социального и государственного строя России, несмотря на то, что новый царь по своему государственному опыту и политическим взглядам совершенно не подходил к роли реформатора. Он вступил на престол уже зрелым человеком (ему шел 37 год), воспитанным и вполне сложившимся в атмосфере крепостного режима и плац-парадной дисциплины. Он был горячим поклонником политической системы своего отца. В частности, в крестьянском вопросе он занимал крайнюю реакционную позицию: в секретных комитетах 40—50-х годов он неизменно выступал против всяких ограничений помещичьих прав: даже бибиковские инвентарные правила [1] казались ему слишком радикальными, и он добился отсрочки введения их в Литве и Белоруссии, несмотря на то, что Николаем было уже подписано повеление об их распространении на северо-западные губернии. Но поражение России в Крымской войне, рост крестьянского движения, принявшего особенно грозный характер как раз в первый месяц его царствования, необычайное возбуждение в дворянской среде, даже в наиболее «благонамеренных» ее кругах, — все это заставило и Александра II признать необходимость изменения курса правительственной политики. Уже в первые годы его царствования был ослаблен цензурный гнет, отменены были ограничения приема в университеты, разрешен свободный выезд за границу и пр., а манифест 19 марта 1856 г., изданный по поводу заключения Парижского мира, заканчивался широковещательными фразами, которые были восприняты современниками как программа либеральных реформ: «При помощи небесного промысла, всегда благодеющего России, да ут-

[1] История СССР, т. VII.

верждается и совершенствуется ее внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуют в судах ее; да развивается повсюду и с новою силою стремление к просвещению и всякой полезной деятельности и каждый, под сению законов, для всех равно справедливых, всем равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодами трудов невинных» [1].

Самый острый вопрос был вопрос крестьянский: с него нужно было начать. Уже через 12 дней после заключения мира, 30 марта 1856 г., Александр II поставил этот вопрос в своей знаменитой речи предводителям московского дворянства: «Слухи носятся, — сказал он, — что я хочу дать свободу крестьянам; это несправедливо, и вы можете сказать это всем направо и налево; но чувство враждебное между крестьянами и их помещиками, к несчастью, существует, и от этого было уже несколько случаев неповиновения к помещикам. Я убежден, что рано или поздно мы должны к этому притти. Я думаю, что и вы одного мнения со мною, следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу» [2].

В январе 1857 г. состоялось, под председательством самого Александра II первое заседание нового секретного комитета по крестьянскому делу, на котором было принято постановление «приступить безотлагательно к подобному просмотру, как всех доныне изданных постановлений о крепостных людях, так и всех бывших и имеющихся ввиду предположений по сему предмету с тем, чтобы при этом пересмотре были положительно указаны начала, на которых может быть приступлено к освобождению у нас крепостных крестьян, впрочем, к освобождению постепенному, без крутых и резких поворотов, по плану, тщательно и зрело во всех подробностях обдуманному» [3].

Составленный из старых николаевских сановников, в большинстве — ярых крепостников [4], секретный комитет не торопился

---

[1] С. С. Татищев, Император Александр II, (Его жизнь и царствование), СПб, 1903 т. I, стр. 205.

[2] А. З. Попельницкий. Речь Александра II, сказанная 30 марта 1856 г. московским предводителям дворянства, «Голос минувшего», 1916, № 5-6, стр. 393.

[3] Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу, т. I, Пгр., 1915, стр 1—4.

[4] Таковы были: председатель комитета, бывший шеф жандармов, председатель государственного совета, князь А. Ф. Орлов, шеф жандармов князь В. А. Долгоруков, министр государственных имуществ М. Н. Муравьев, министр императорского двора В. Ф. Адлерберг, член Государственного Совета князь П. П. Гагарин. Другие вовсе не имели тогда еще определенного мнения по крестьянскому вопросу: таковы были министр финансов П. Ф. Брок и члены Государственного совета барон М. А. Корф и генерал-адъютант Н. И. Ростовцев. Смутно чувствовали необходимость каких-то по возможности самых умеренных реформ лишь главноуправляющий II отделением собственной его Величества канцеляции граф А. Н. Блудов, главноуправляющий путей сообщения К. В. Чевкин и министр внутренних дел С. С. Ланской. Лишь 30/VII 1857 г. членом комитета был назначен великий князь Константин Николаевич, ясно сознававший необходимость реформы.

с разработкой этого плана, ограничиваясь собиранием материалов. Только 26 июля, член комитета, министр внутренних дел, С. С. Ланской представил комитету записку, составленную его товарищем А. И. Левшиным и содержащую изложение основных начал предполагаемой реформы. Ланской в этой записке предлагал дать крестьянам личную свободу бесплатно, но лишь после того, как они выкупят свои усадьбы (в рассрочку на 10—15 лет), причем усадьбы должны были оцениваться с таким расчетом, чтобы в их цену входило и вознаграждение помещика за утрату власти над личностью крестьян, особенно чувствительную в нечерноземных губерниях. Полевая земля должна была остаться собственностью помещика, но крестьяне сохраняли право пользования наделами за плату — деньгами или работой, другими словами, крестьяне оставались феодально зависимыми от помещика и должны были по-старому отбывать феодальные повинности. Обязательное наделение крестьян землею в пользование мотивировалось «политическими обязанностями правительства пещись: об общем спокойствии и противиться тому, что может нарушить оное, обратив миллионы людей в бесприютных бродяг». Для детальной разработки реформы предлагалось создать дворянские губернские комитеты. Осуществлять реформу Ланской предлагал постепенно, начав с губерний «литовских» и в экономическом и политическом отношениях, по его мнению, более к ней подготовленных [1]. Комитет, однако, признал, что ныне невозможно приступить к общему освобождению крепостных у нас крестьян, что они вовсе не приготовлены к получению внезапно и вдруг свободы; что общее объявление их свободными расстроит вековые отношения их к помещикам и может поколебать спокойствие и порядок в государстве»; поэтому в первый, «приуготовительный» период реформы, для которого не намечалось никакого определенного срока, комитет предполагал ограничиться лишь предоставлением помещикам возможности увольнять крестьян по добровольным с ними соглашениями и дальнейшим собиранием материалов [2].

Медлительность и нерешительность комитета, помимо его состава, объяснялась, прежде всего, опасением крестьянских волнений; но была и другая причина — боязнь возбудить неудовольствие широких слоев дворянства, раздражать которые правительство не хотело, особенно в этот момент. Правительство старалось побудить дворянство самостоятельно проявить в этом деле инициативу; еще во время коронации Александра II (в августе 1855 г.) Ланской и Левшин вели переговоры об этом со съехавшимися в Москву предводителями дворянства, но переговоры эти не увенчались успехом. Осенью 1857 г. желанная инициатива была наконец проявлена дворянством «литовских губерний» (Ко-

[1] А. И. Левшин. Достопамятные минуты в моей жизни,— «Русский архив», 1865, № 8, стр. 503—509.

[2] Журнал Секретного и Главного комитетов, т. I, стр. 18—26.

венской, Виленской и Гродненской). В ответ на настояния генерал-губернатора В . И. Назимова приступить к решению вопроса о введении инвентарей, дворянство этих губерний заявило, что оно предпочитает вместо этого совсем освободить крестьян от крепостной зависимости, но при условии сохранения всей земли в руках помещиков. В этом смысле был составлен адрес на имя Александра II, который Назимов лично привез в Петербург. Переданный по распоряжению Александра в Секретный Комитет, адрес обсуждался на 4-х его заседаниях; в результате комитетом был одобрен предложенный Ланским проект рескрипта Назимову, который и был подписан царем 20 ноября 1857 г. Этим рескриптом предписывалось образовать в каждой из трех «литовских» губерний комитет, из выборных представителей дворянства от каждого уезда, с присоединением двух «опытных помещиков» той же губернии, по назначению губернаторов. При разработке проектов «улучшения быта» крестьян губернские комитеты должны были руководствоваться общими началами, сформулированными Ланским в его записке от 26 июля, кроме того, в руках помещиков должна была сохраниться вотчинная полиция. Рескрипт был разослан для сведения всем губернаторам и кроме того опубликован в печати. Аналогичный рескрипт был дан 5 декабря петербургскому генерал-губернатору графу П. Н. Игнатьеву и также был опубликован. После этого дворянству и других губерний пришлось «проявить инициативу», обращаясь к царю с ходатайствами об учреждении губернских комитетов. К концу 1858 г. губернские комитеты были уже открыты во всех губерниях Европейской России, за исключением Архангельской, в которой не было крепостных крестьян.

Руководство всем делом подготовки реформы было возложено на «Главный комитет по крестьянскому делу», преобразованный 16 февраля 1858 г. из Секретного комитета, но сохранивший полностью свой прежний состав. Только место вышедшего в отставку Брока 25 марта 1858 года занял новый министр финансов А. М. Княжевич. Еще до переименования Секретного комитета в Главный, 17 января 1858 г., в его состав был включен заядлый крепостник, министр юстиции граф В. Н. Панин.

Главным комитетом была разработана подробная программа занятий губернских комитетов, разосланная 21 апреля губернаторам, с указанием, что вся работа комитетов должна быть закончена в шестимесячный срок. Составленные губернскими комитетами проекты реформы должны были направляться для предварительного рассмотрения в Земский отдел при Министерстве внутренних дел, учрежденный 4 марта «для предварительного обсуждения и обработки всех дел по вопросам, касающимся земскохозяйственного устройства в Империи»; руководящая роль в Земском отделе принадлежала директору Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел Н. А. Милютину, назначенному в начале 1859 г. «временно исправляющим должность» товарища

министра. Широко образованный, умный и энергичный, Милютин был убежден в необходимости приспособления социально-политического строя России к потребностям буржуазного развития и стремился последовательно действовать в этом направлении. В крестьянском вопросе он был решительным сторонником полного освобождения крестьян от власти помещиков и наделения их землею в собственность за выкуп. Но, будучи сторонником «разумного» абсолютизма, он считал нужным осуществлять намеченные реформы чисто-бюрократическим путем, решительно высказываясь не только против конституции, но даже против широкого местного самоуправления, и настаивал на правительственной опеке над крестьянством. Только таким путем он считал возможным предотвратить «анархию» (т. е. революцию) и обеспечить интересы «государства».

§ 2. Губернские комитеты

В губернских комитетах, хотя и состоявших только из представителей местного дворянства, не могло быть единодушия, так как дворянство значительно диференцировалось и не представляло уже в это время однородного целого. Губернские комитеты стали поэтому ареной столкновений и борьбы между различными группами дворянства, интересы которых разнились между собою в зависимости от того, каково было экономическое положение той или иной группы, какой характер носило ее хозяйство. Следует иметь в виду, что среди дворянства было значительное число вообще противников реформы. Часть из них под давлением правительства высказывалась за реформу, но старалась ограничить эту реформу лишь видимостью. «Несомненно было, что во всей России только сравнительное меньшинство помещиков желало полного уничтожения крепостного права и полного освобождения крестьян без отобрания у них той земли, которой они всегда пользовались и которая обеспечивала их существование»,— пишет Семенов-Тянь-Шанский в своих мемуарах [1]. К. Маркс, внимательно изучавший материалы по подготовке реформы в России, и посвятивший этой теме несколько статей [2], так характеризовал в 1858 г. отношение дворянства к реформе: «Среди русского дворянства, конечно, имеется партия, стоящая за реформу, но она не только составляет численное меньшинство, но даже не единодушна по важнейшим вопросам. Высказываться против крепостного права, но допускать освобождение только на условиях, при которых оно сводилось бы к простой видимости,— такая позиция является модной даже у либерального русского дворянства. Конечно, такое явное сопротивление освобождению или половинчатая его поддержка вполне естественны для старых

[1] П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Мемуары, (1857—1861) т. III, стр. 283.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 1, стр. 529—545.

рабовладельцев. Сокращение доходов, уменьшение ценности их земельной собственности и серьезные ограничения политической власти, которой они привыкли пользоваться в качестве мелких самодержцев, вращающихся вокруг центрального самодержца,— таковы непосредственные результаты, которые они предвидят, но на которые едва ли можно ожидать, что они пойдут с большой охотой» [1]. Рассмотрение позиции отдельных групп дворянства целиком подтверждает выводы К. Маркса.

Самым многочисленным слоем непримиримых крепостников были мелкопоместные дворяне типа гоголевской Коробочки, хозяйство которых носило в большей или меньшей мере натуральный, потребительский характер, было очень слабо связано с рынком, если не считать продажи крепостных в рекруты, «на вывод» и т. п. Как бы ни была проведена реформа, они, во всяком случае, теряли право полного распоряжения личностью крестьянина, имевшее для них существенные выгоды; думать же о какой-нибудь коренной перестройке своего хозяйства они не могли, ввиду его незначительной мощности. Мелкопоместным дворянам реформа могла причинить только разорение, и потому они были упорными ее противниками. Эта группа была самой многочисленной: по данным 10-й ревизии (1858 г.) владельцы не более 20 душ составляли 39,5% поместного дворянства [2]. Но удельный вес этой группы был ничтожен; в ее руках находилось всего 3% крепостных душ; эта группа не была даже представлена в губернских комитетах, где она могла бы защищать свои интересы, и поэтому она не имела значительного влияния на ход разработки реформы.

Огромное влияние на ход реформы оказывала дворянская знать, магнаты крепостничества. Владельцы свыше 1000 душ по 10-й ревизии составляли 1,3% дворян, но на их долю приходилось около $^1/_3$ всех крепостных. Среди дворянской земельной знати было значительное число владельцев оброчных имений, которые не только не вели своего хозяйства, но и не предполагали его вести после реформы; к этой группе принадлежала, между прочим, значительная часть представителей знати, занимавших высшие государственные посты и принимавших непосредственно участие в управлении государством. Эта часть дворянства не была заинтересована в реформе. Но позиция этой группы несколько отличалась от позиции безоговорочных противников всяких реформ. Признавая неизбежность реформы, как средства самосохранения, эта группа стремилась провести реформу таким образом, чтобы и впредь обеспечить себе возможность получения денежной ренты, т. е. сводила освобождение, по словам Маркса, «к простой видимости». Интересы этой группы нашли выражение, например, в проекте петербургского комитета, руководимого графом

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч, т. XI, ч. I стр. 529. Курсив автора.

[2] А. Тройницкий. Крепостное население России по 10-й народной переписи, СПб., 1861, стр. 67.

П. П. Шуваловым; сущность этого проекта сводилась к оставлению всей земли в собственности помещиков с предоставлением крестьянам надела лишь в бессрочное пользование за повинности и с сохранением помещичьей власти. Та же точка зрения лежала в основе записки Ланского от 26 июля 1857 г. и рескриптов Александра II.

Близок к петербургскому проекту был, в сущности, и проект члена главного комитета князя П. П. Гагарина, который предлагал освободить крестьян без полевого надела, с одной лишь усадьбой, причем в руках помещика должна была остаться полицейская власть над крестьянами. Такого рода «освобождение» привело бы неизбежно к тому, что крестьянин, привязанный усадьбой к месту, но не имевший земли, должен был бы арендовать помещичью землю на кабальных условиях, находясь в полной экономической зависимости от помещика; сохранившаяся же полицейская власть помещика держала бы крестьян и в юридической зависимости от него. При таких условиях помещики имели полную возможность сохранить крепостные отношения, несмотря на формальное освобождение крестьян.

Интересы же тех помещиков, которые были связаны с рынком или рассчитывали заняться производством на рынок после реформы, были различны в зависимости от условий того района, где находились их имения. Интересы большинства помещиков нечерноземных промышленных губерний требовали наделения крестьян землею, так как в этой полосе развитого отхода помещик не имел бы возможности удержать обезземеленных крестьян на месте; с другой стороны, для перехода к капиталистическому хозяйству им важно было получить капитал; поэтому они стояли за выкуп крестьянского надела. Их интересам отвечал проект тверского губернского предводителя дворянства А. М. Унковского, принятый большинством тверского губернского комитета. Унковский предлагал освободить крестьян совершенно от помещичьей власти, с «уничтожением всяких взаимных их обязательных отношений», с наделением крестьян землею в собственность и с выплатою помещику «капитального выкупа деньгами или облигациями»; при этом «справедливость требует, — писал Унковский, — чтобы при таком освобождении крестьян помещики были вознаграждены как за землю, отходящую из их владения, так и за самых освобождаемых крестьян»; за землю крестьяне, «конечно», должны заплатить сами, за личную же их свободу помещики должны быть вознаграждены государством [1]. Высокий выкуп вознаградил бы помещиков за потерю дорого стоившей в этом районе рабочей силы и дал бы им в руки капитал, который можно было вложить в хозяйство на оставшейся земле, пользуясь тем, что под руками был емкий и все возраставший рынок в

[1] Г. Джаншиев. А. М. Унковский и освобождение крестьян, М., 1894, стр. 63, 64.

связи с развитием промышленности в этом районе. С другой стороны, освобождение крестьян по этому проекту, наиболее «буржуазному» из всех помещичьих проектов, стремившемуся к ликвидации крепостных отношений и развитию капитализма в сельском хозяйстве по прусскому пути, дало бы сильный толчок развитию промышленности, а, следовательно, содействовало бы быстрому развитию сельскохозяйственного рынка.

В основе проекта Унковского лежали принципы, изложенные К. Д. Кавелиным в обширной записке, написанной еще в 1855 г. и широко распространявшейся в рукописных списках. Эта записка сыграла значительную роль в формировании либерального плана реформы. Исходя из «государственных» соображений, т. е. из широко понятых интересов помещичьего класса в целом, требовавших прежде всего сохранения «общественной тишины и порядка», а также из соображений «строгой справедливости», либерал Кавелин предлагал построить предстоящую реформу на следующих основаниях: «1) крепостных следовало бы освободить вполне, совершенно, из-под зависимости от их господ; 2) их надлежало бы освободить не только со всем принадлежащим им имуществом, но и непременно с землею, и 3) освобождение может совершиться во всяком случае не иначе, как с вознаграждением владельцев». Практически он предлагал предоставить крестьянам в собственность (однако без права продажи и залога «по крайней мере на 50 лет», во избежание возникновения пролетариата), всю ту землю, которая находится «в действительном владении и пользовании крепостных». Помещики должны были получить вознаграждение полностью, как за освобождение крестьян, так и за предоставленную им землю «по существующим на месте ценам» [1]. Выкупная сумма должна была уплачиваться помещикам немедленно, частью самими крестьянами, частью казной, с последующей выплатой крестьянами казне внесенной ею суммы в рассрочку с процентами. Те же принципы лежали в основе проекта А. И. Кошелева, (впоследствии члена Рязанского Губернского комитета по назначению от правительства), составленного им в конце 1856 г. и представленного министру внутренних дел С. С. Ланскому; Кошелев лишь признавал несправедливым требовать с крестьян выкупа и земли и личности. По его мнению, в барщинных имениях выкупу подлежала только земля, а в оброчных — только личность крестьянина. По основным вопросам реформы западник Кавелин и славянофил Кошелев оказались таким образом в одном лагере.

Помещики черноземного центра заинтересованы были в сохранении в своих руках максимального количества драгоценной земли, но в то же время не в их интересах было полное обезземеление крестьян: им было нужно сохранить крестьянское хозяйство, чтобы иметь возможность вести отработочное хозяйство

[1] К. Д. Кавелин. Собр. соч., СПб., т. II, стр. 42—48.

или хозяйство смешанного отработочно-капиталистического типа. Их интересам отвечал проект богатого полтавского помещика М. П. Позена, принятый Полтавским комитетом. Согласно этому проекту, по истечении ограниченного определенным сроком переходного периода, вся земля должна была вернуться помещику; в случае же добровольного соглашения с крестьянами помещик получал право прекратить обязательные отношения и до истечения срока, но правительство должно было обеспечить крестьянам возможность покупки земли в собственность — у своего помещика, или у других землевладельцев, или наконец у казны. Таким образом, вся сельскохозяйственная площадь имения сохранялась в руках помещика, а крестьянин, купивший клочок земли, в громадном большинстве случаев недостаточный для его прокормления, оказывался вынужденным работать на помещика на каких угодно кабальных условиях. Другие черноземные комитеты рассчитывали достигнуть того же результата путем предоставления крестьянам за выкуп незначительных по размерам наделов. Сохранение при этом в руках помещиков в той или иной мере, власти над крестьянами давало ему возможность прибегать и к мерам внеэкономического принуждения.

Немало сторонников безземельного освобождения было и среди помещиков западных губерний, т. е. Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины. В этих губерниях помещики, побуждаемые благоприятными условиями рынка, усиленно расширяли свое хозяйство за счет крестьянского надела и еще до реформы успели в значительной мере обезземелить своих крестьян. Помещики этой полосы нередко применяли и вольнонаемный труд, пользуясь обилием обезземеленных крестьян и дешевизной рабочей силы.

В слабо населенных степных губерниях, где и до реформы больше, чем в других местах, применялся наемный труд, помещики мечтали о полном переходе от барщины к наемному труду, но не считали возможным совершить этот переход сразу, боясь остаться без рабочих рук. Интересы степных помещиков выражал член Самарского комитета по назначению от правительства Ю. Ф. Самарин. Возражая против осуществления выкупа «немедленно и повсеместно», он настаивал на сохранении барщины в продолжении 10—12 лет, «пока установится само собой равновесие между предложением и запросом за вольный труд — этот почти небывалый у нас товар» [1]. В течение этого переходного периода помещик должен был сохранить и вотчинную власть над крестьянами. В таком же смысле высказывались губернские комитеты новороссийских губерний, с той однако разницей, что они настаивали на возвращении помещику всей земли по истечении временно-обязанного периода, Самарин же высказывался за выкуп крестьянами их надела даже без согласия помещика. Может быть, эта разница объяснялась тем, что заволжские помещики,

[1] Ю. Ф. Самарин. Соч., т. III, М., 1885, стр. 32—45.

представителем интересов которых был Самарин, надеялись таким путем обеспечить свои хозяйства рабочей силой, что было очень важно при редкости населения этого края, особенно южных его уездов.

Нужно, однако, сказать, что в действительности картина была гораздо более сложной и пестрой, чем это показано выше: помещичьи интересы не вполне совпадали не только в пределах крупных районов, но и в пределах отдельных губерний и даже уездов [1]. Поэтому и внутри губернских комитетов дворянство раскалывалось на различные боровшиеся между собой группы; кроме того, некоторые отдельные члены комитетов (особенно из числа назначенных правительством) сумели возвыситься над групповыми интересами и стать на «государственную» точку зрения, т. е. на точку зрения защиты интересов помещичьего класса в целом. В результате этой борьбы многие комитеты представили по два проекта реформы — от «большинства» и от «меньшинства», а некоторые даже по три. Например, Владимирский комитет представил три проекта. Большинство членов этого комитета высказалось за передачу крестьянам в собственность только усадеб, и то за высокий выкуп; полевой надел (урезанный) предоставлялся в бессрочное пользование крестьянам и за высокий оброк или барщину и мог быть выкуплен лишь с согласия помещика. Оба меньшинства Владимирского комитета стояли за обязательный выкуп крестьянами наделов по окончании переходного периода, который ограничивали тремя годами; при этом первое меньшинство урезывало наделы, а второе предлагало сохранить существующие размеры наделов (с небольшими отрезками и прирезками в некоторых случаях), причем настаивало на отмене барщины даже для переходного периода. Рязанский комитет также раскололся на три части. Большинство членов предоставляло крестьянам полевой надел в пользование за повинность лишь на переходной период (12 лет), по истечении которого полевая земля возвращалась помещику; первое меньшинство стояло за обязательный выкуп наделов по истечении переходного периода и за немедленное прекращение барщины, второе меньшинство — до выкупа крестьянских усадеб допускало с оговорками выкуп полевых наделов по добровольному соглашению.

Деятельность Московского губернского комитета носила ярко выраженный крепостнический характер. Московская губерния — это «многонаселенный и промышленно развитый район, служивший экономическим придатком всего государства [2]. Торгово-промышленный строй жизни Московской губернии наложил осо-

---

[1] Только детальное исследование истории крестьянской реформы в отдельных районах может дать возможность более точной характеристики экономических интересов различных помещичьих групп. Пока же этого еще нет, приходится намечать лишь преобладающие тенденции в разных районах.

[2] Н. М. Дружинин. Московское дворянство и реформа 1861 года. «Известия Ак. Наук СССР». Серия истории и философии. Гл. V, № 1 (1948), стр. 62.

бый отпечаток на приемы эксплоатации помещичьих имений и крестьянского труда. В среднем по всей губернии процент оброчных тягол равнялся 64, процент смешанных тягол равнялся 15, а процент чисто издельных — 21. В некоторых уездах процент оброчных тягол достигал 87—91 [1]. Крестьяне в больших размерах занимались отхожими и местными промыслами. Среди московского дворянства преобладала могущественная прослойка крупнейших землевладельцев. Все это определило позицию московского дворянства при разработке крестьянской реформы.

«Помещики оброчных имений, — пишет Н. М. Дружинин, — были заинтересованы в том, чтобы сохранить свои высокие денежные поступления и после личного освобождения крестьян; помещики-барщинники должны были неизбежно поставить вопрос о переходе к рациональному капиталистическому хозяйству, и следовательно, об изыскании денежных капиталов и поисках наемной рабочей силы» [2]. В Московском комитете преобладало крепостническое большинство, тогда как прогрессивное течение было немногочисленно и слабо оформлено. Вследствие этого проект Московского комитета представлял собою «организованную попытку укрепить систему феодальной эксплоатации, предоставив крестьянам гражданские права, но значительно ухудшив их экономическое положение и подчинив их хозяйственному и юридическому господству прежнего владельца» [3]. Вопросы об усадьбе, наделе, крестьянских повинностях и крестьянском общественном управлении получили ярко выраженное крепостническое разрешение. Это дало полное основание Н. П. Огареву охарактеризовать проект Московского комитета, как памятник «упорного, корыстного, ограниченного и невежественного дворянства» [4].

Но как бы ни были различны интересы отдельных помещичьих групп, какой бы остроты ни достигала иной раз борьба между ними, все же это была борьба внутри одного класса, и притом класса господствующего, стремившегося сохранить свое экономическое и политическое господство ценою больших или меньших уступок назревшим потребностям капиталистического равития. Борьба между «крепостниками» и «либералами» шла лишь из-за меры необходимых уступок: если крепостники, не заинтересованные экономически в реформе, стремились ограничиться лишь минимумом уступок, необходимых для предотвращения революции, либералы, заинтересованные в капиталистическом развитии страны, требовали таких уступок, которые дали бы известный простор этому развитию. «Пресловутая борьба крепостников и либералов, — писал Ленин, — ...была борьбой в н у т р и господствующих классов, большей частью в н у т р и п о м е щ и к о в, борьбой и с к л ю ч и т е л ь н о из-за меры и формы у с т у п о к. Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания

[1] Там же, стр. 63.
[2] Там же, стр. 64.
[3] Там же, стр. 72.
[4] «Колокол» 1859, л. 35 (Цитируется по статье Н. М. Дружинина).

собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об уничтожении этой собственности, о полном свержении этой власти»[1].

Главная борьба вокруг крестьянской реформы происходила не между крепостниками и либералами, как это изображала либеральная историография, а между помещиками и крестьянами.

Вступая в борьбу с помещиками и органами помещичьего государства, крестьяне стремились получить «всю землю» и «всю волю», т. е. освободиться окончательно от эксплоатации со стороны помещиков-крепостников и от их власти, чего было возможно достигнуть лишь революционным путем, путем свержения самодержавия и экспроприации помещичьих земель; помещики же (и «крепостники» и «либералы») были одинаково заинтересованы в том, чтобы предотвратить крестьянскую революцию, чтобы уладить дело мирным путем, путем уступок и соглашений. Объективно борьба между крепостниками и либералами шла лишь из-за степени решительности поворота русской деревни на «прусский путь капиталистического развития, тогда как крестьяне боролись за «американский» путь этого развития. «И те и другие[2], — писал Ленин, — отстаивали условия буржуазного экономического развития (не сознавая этого), но первые — такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации. Вторые — интересы такого развития, которое обеспечило бы в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояние крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения»[3]. «В первом случае основным содержанием эволюции является перерастание крепостничества в кабалу и в капиталистическую эксплуатацию на землях феодалов — помещиков-юнкеров. Во втором случае основной фон — перерастание патриархального крестьянина в буржуазного фермера»[4].

Борьба крестьянства за свое освобождение в годы реформы оказала весьма существенное влияние на ход «крестьянского дела». Именно борьба крестьянства и революционно-демократических элементов, которые выступали представителями и защитниками крестьянских интересов[5], явилась основным, решающим фактором революционной ситуации, переживавшейся тогда Россией и оказавшей огромное влияние на всю деятельность правительства этой эпохи. «Революция крепостных крестьян, — говорит товарищ Сталин, — ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплоатации»[6]. Это положение това-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4, стр. 96.
[2] Т. е. помещики и крестьяне.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 13, изд. 4, стр. 216.
[4] Там же, стр. 216.
[5] См. главу III «Революционное движение 60-х годов».
[6] И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, 11 изд., стр. 412.

рища Сталина в известной мере приложимо и к отмене крепостного права в России. Именно крестьянское движение оказало решающее влияние на отмену «крепостнической формы эксплоатации в России». Но оно не смогло «ликвидировать крепостников», так как революционная ситуация не переросла в революцию. Революционно-демократические силы, вступившие в борьбу с помещиками и помещичьим государством, оказались не в состоянии вырвать крестьянское дело из рук помещиков и дать ему другое разрешение, отвечающее интересам народа. Руководство делом реформы до конца осталось в руках помещиков и выражавшего их интересы царского самодержавия.

Тем не менее, под непосредственным влиянием крестьянского движения, правительство оказалось вынужденным изменить свою первоначальную точку зрения: осенью 1858 г. было решено взять курс на постепенный выкуп земли крестьянами, т. е. ликвидацию феодальной зависимости.

§ 3. Редакционные комиссии

17 февраля 1859 г. последовало высочайшее повеление об учреждении Редакционных комиссий для разработки общего проекта положений о крестьянах на основе проектов, представленных губернскими комитетами. В состав комиссий, наряду с представителями различных ведомств, были включены также «члены-эксперты» из среды «опытных помещиков», обративших на себя внимание своими проектами или деятельностью в губернских комитетах. Из числа членов-экспертов наибольшее влияние на работы комиссий оказывали Ю. Ф. Самарин и член Тульского комитета князь В. А. Черкасский. Большое влияние, в качестве «заведующего делами» комиссий, имел также член-эксперт П. П. Семенов (Тянь-Шанский), уже тогда выдающийся ученый географ. Председателем был назначен член Главного Комитета Я. И. Ростовцев, — старый николаевский генерал консервативно настроенный, чуждый всяких «теорий», и никогда, до своего назначения членом секретного комитета, не проявлявший никакого касательства к крестьянскому вопросу. Но взявшись добросовестно, «по долгу службы», за порученное ему незнакомое дело, Ростовцев, сознавая свою неподготовленность, внимательно прислушивался к голосу Н. А. Милютина, который и получил поэтому руководящее влияние на ход работ комиссий. Твердую поддержку Милютину оказывал его единомышленник по основным вопросам реформы управляющий Земским отделом Я. А. Соловьев.

Программой деятельности Редакционных комиссий [1] послужили утвержденные Александром 26 октября и 4 декабря 1858 г.

[1] Учреждено было две редакционных комиссии: одна — для выработки общих положений для всех губерний, другая — для выработки местных положений для отдельных местностей, причем разрешалось по усмотрению председателя устраивать соединенные заседания обеих комиссий. Ростовцев фактически слил обе комиссии в одну, но название (во множественном числе) сохранилось.

журналы заседаний Главного Комитета, в основу которых были положены соображения, высказанные Ростовцевым в его письмах этого года царю. Комиссии должны были руководствоваться следующими общими положениями: 1) чтобы *«крестьянин немедленно почувствовал, что быт его улучшился»*, 2) чтобы «помещик немедленно успокоился, что интересы его ограждены», и 3) чтобы «в мирном разрешении сего вопроса Россия нашла обеспечение от *государственных потрясений*». Из практических пунктов программы были особенно важны следующие: 1) права свободных сельских сословий крестьяне должны были получить не по истечении «срочно-обязанного» периода, а немедленно по обнародовании нового положения; 2) вотчинная власть помещика ограничивалась: помещик должен иметь дело только с миром, не касаясь личности; 3) выходом из срочно-обязанного положения являлся выкуп крестьянами, вместе с усадьбой, и полевого надела, по добровольному однако соглашению с помещиком, причем «для совершения и для ускорения выкупа» правительство должно было оказывать «всевозможное содействие своим посредничеством и финансовыми своими операциями» [1]. Для разработки плана выкупной операции высочайшим повелением 27 апреля 1859 года была учреждена особая финансовая комиссия под председательством Ростовцева.

Это изменение правительственной программы было подсказано прежде всего ростом крестьянских волнений и страхом перед крестьянским восстанием, которое казалось неизбежным, если крестьянин не почувствует немедленно «улучшения своего быта». Именно в сохранении срочно-обязанных отношений и вотчинной власти помещиков Ростовцев справедливо видел источник постоянных недоразумений между помещиками и крестьянами, угрожавших «общественному порядку», особенно при сохранении барщинных повинностей; только приобретение крестьянами в собственность их наделов могло, по его мнению, окончательно ликвидировать зависимость крестьян от помещиков и устранить между ними столкновения. Кроме того, здесь имело место еще и другое соображение: предполагалось, что образование многочисленного класса мелких земельных собственников расширит опорную базу самодержавия и упрочит существующий политический строй. «Я всегда полагал и ныне полагаю, — писал еще в сентябре 1857 г. граф П. Д. Киселев вел. князю Константину Николаевичу, — что крестьянская земля должна оставаться (с вознаграждением помещиков) в полной и неотъемлемой собственности крестьян. Это условие я почитаю важнейшим при освобождении крестьян; оно составляет главное ручательство в спокойном достижении желаемой цели. Крестьяне не поймут освобождения без родной земли, и если смягчение крепостного состояния их польстит, то отобрание земли изменит первое впечатление и даст

[1] Первое издание материалов Редакционных комиссий, ч. I, СПб., 1859, Журнал общего присутствия комиссий № 2 стр. 4—5.

делу оборот совсем иной... Увольнение с землею, — продолжал он, — в моем понятии, есть условие необходимое, не только в экономическом, но и в политическом отношении. Во Франции собственники земли, коих считается 7 миллионов, составляют класс людей покойных и преданных правительству, как защитнику их собственности; они делают перевес пролетариату и не дозволяют ему распространять свои превратные замыслы»[1].

Имело значение, наконец, и влияние той группы помещиков, которые были заинтересованы в организации выкупа, как способа получения средств для перехода к капиталистическому хозяйству.

Редакционные комиссии открылись 4 марта 1859 г. Как учреждение государственное, комиссии старались руководствоваться в своей работе преимущественно мотивами государственного порядка, т. е. защитой интересов помещичьего класса в целом.

Наделение крестьян землею, по мнению Редакционных комиссий, должно было предотвратить образование «класса свободных, но бездомных и безземельных работников», т. е. пролетариата, наличие которого могло бы грозить опасностью для «государственного спокойствия».

«Государственными» соображениями царизма, руководствовались Редакционные комиссии и при решении другого важного вопроса — о размерах наделов и о высоте крестьянских повинностей за пользование ими до выкупа. Соглашаясь с тем, что о «досрочном» наделении крестьян землею не может быть и речи, так как от этого очень пострадали бы интересы помещиков, Редакционные комиссии все же приняли значительно более высокие нормы наделов, чем это предполагалось многими губернскими комитетами. Размеры повинностей были установлены, наоборот, меньше, чем предполагали губернские комитеты, хотя и Редакционные комиссии соглашались, что за основу при исчислении размера повинностей нужно принимать не ценность надела, а существующие повинности, которые якобы «вполне соответствуют» средствам крестьян. Помимо соображений «общественного спокойствия» позиция Редакционных комиссий в этом вопросе основывалась на том, что крестьяне, чрезмерно обделенные землей и непосильно обложенные повинностями в пользу помещиков, будут плохими плательщиками государственных налогов.

Те же «государственные» соображения руководили Редакционными комиссиями и в решении третьего важного вопроса — об административном устройстве крестьян. Большинство губернских комитетов, опираясь на данную им программу занятий, высказывалось за сохранение вотчинной власти помещиков над освобожденными крестьянами. Редакционные же комиссии высказывались против сохранения вотчинной власти, решив создать особое крестьянское управление, подчиненное общим административно-

[1] А. П. Заблоцкий-Десятовский. Граф П. Д. Киселев и его время, т. II, СПб., 1882, стр. 334—335.

полицейским органам. Высказываясь за замену «прежней полицейской безотчетной власти и безотчетного суда помещика правильным *полицейским и судебно-полицейским устройством крестьян»,* комиссии мотивировали свое решение тем, что «кроме непосредственного влияния на будущее благосостояние освобождаемых крестьян, вопрос о лучшем в сем отношении устройстве их имеет первостепенную важность и в видах сохранения общего порядка и спокойствия» [1].

В августе 1859 г. первоначальный проект «Положений» о крестьянах был уже составлен, но затем он, еще в недрах Редакционных комиссий, подвергся изменениям, в связи с замечаниями депутатов от губернских комитетов, вызванных в Петербург для участия в рассмотрении выработанного комиссиями проекта.

Первоначально, согласно «высочайшему повелению» 15 июля 1859 г., предполагалось участие депутатов в заседаниях Главного Комитета при окончательном рассмотрении проекта положений Но сторонники «государственной» точки зрения не без основания опасались, что при таких условиях могут взять верх узкосвоекорыстные интересы крепостников, тем более, что большинство Главного комитета было настроено реакционно. К тому же правительство было обеспокоено проявившимися в это время в дворянской среде конституционными тенденциями (при том не только в либеральных, но и реакционных кругах) и не хотело создавать прецедента, допуская дворянских депутатов к решению крестьянского вопроса в Главном комитете. По инициативе Н. А. Милютина депутатам было предложено лишь представить письменные отзывы на проект Редакционных комиссий, притом по каждой губернии отдельно: кроме того, Ростовцеву было предоставлено право приглашать их «по своему усмотрению и по мере надобности» на заседания комиссий «для словесных объяснений».

В конце августа 1859 г. депутаты от 21 губернии, в которых были уже закончены работы губернских комитетов, возбудили ходатайство о разрешении им собираться вместе и вырабатывать общие постановления для представления «на суд высшего правительства». Им разрешены были, однако, лишь частные совещания без права принимать общие постановления, но было обещено, от имени императора Александра, что все их соображения будут доведены до сведения Главного комитета. В феврале 1860 г. в Петербург были вызваны депутаты от остальных 24 губернских комитетов, которые также представили свои отзывы на проект Редакционных комиссий.

Большинство депутатов как первого, так и второго приглашения, высказывало недовольство принятыми Редакционными ко-

---

[1] Второе издание материалов Редакционных комиссий, т. II, СПб., 1860, стр. 9.

миссиями нормами наделов и повинностей, настаивая на уменьшении наделов и повышении повинностей.

Но среди депутатов первого и второго созывов возникли резкие разногласия по вопросу о праве собственности крестьян на землю и по вопросу об административном устройстве крестьян. Большинство депутатов первого приглашения, среди которых преобладали представители нечерноземных губерний, стояло за выкуп крестьянами наделов в собственность, причем некоторые из них (А. М. Унковский, А. И. Кошелев, ярославские депутаты Д. В. Васильев и П. Н. Дубровин, харьковские депутаты Д. А. Хрущев и А. Г. Шретер) настаивали на немедленном и обязательном выкупе. Большинство же депутатов второго приглашения, среди которых преобладали представители черноземных и литовско-белорусских губерний, выступало за предоставление крестьянам земли лишь в пользование на определенный срок, по истечении которого земля возвращалась помещику.

Возражая против предложенного комиссиями административного устройства крестьян, часть депутатов первого приглашения высказывалась за введение всесословного местного самоуправления. Громадное же большинство депутатов второго приглашения настаивало на усилении помещичьей власти. 36 депутатов второго приглашения возражали также против принятого Редакционными комиссиями сохранения общинного землевладения. «... Устранение консервативного элемента частной собственности и соединенного с нею умственного развития, — писали они в своей записке, — введет в русскую жизнь такой крайний демократический принцип, который несовместен с сильной правительственною властию и от которого могут пострадать общественный порядок и спокойствие в государстве...» По мнению этих депутатов, Редакционные комиссии создают «как бы постоянную коалицию работников» и тем ставят «самого землевладельца в прямую зависимость от прихоти наемщиков». «Призрак коммунизма», однако, не испугал Редакционных комиссий. Напротив, они признали, что община «не только не благоприятствует образованию коалиций в рабочих классах и развитию демократического разрушительного начала, но, напротив, укрепляет самый надежный, в Европе, к сожалению, с каждым днем исчезающий, оплот против него» [1].

Тем временем Ростовцев умер (6 февраля 1860 г.) и 11 февраля председателем Редакционных комиссий был назначен известный своим реакционным направлением министр юстиции гр. В. Н. Панин. Домогательства депутатов-крепостников, направленные к защите узкосвоекорыстных интересов помещиков-крепостников нашли поддержку со стороны нового председателя

---

[1] Первое издание Материалов Ред. комиссий, СПб., 1860, ч. XII, Журналы общего присутствия №№ 119—122, Приложения, стр. 6, 7, 16.

комиссии. При окончательном пересмотре проекта, нормы земельных наделов для многих уездов были понижены, во многих губерниях были повышены нормы крестьяских повинностей, причем было установлено, что размер оброка может быть пересмотрен через 20 лет (разумеется в сторону его повышения).

§ 4. Проект реформы в Главном комитете и Государственном Совете

10 октября 1860 года Редакционные комиссии закончили свою работу, и проект поступил в Главный комитет по крестьянскому делу, где он встретил резкую критику со стороны крепостническо-реакционного большинства комитета, руководимого министром государственных имуществ М. Н. Муравьевым и шефом жандармов князем В. А. Долгоруковым. Они настаивали на исключении из проекта норм наделов и повинностей; эти нормы, по их мнению, должны были устанавливаться на местах губернскими по крестьянским делам присутствиями и лишь утверждаться правительством; при этом губернские присутствия должны были получить указания, что нормы наделов не могут превышать $^2/_3$ норм, предложенных Редакционными комиссиями, а повинности могут соответствовать нормам, предложенным комиссиями за полный надел. Крайние крепостники предлагали также увеличить срок обязательной барщины, уменьшить до 14 лет срок переоброчки, увеличить срок обязательной службы некоторых категорий дворовых и пр. Очень характерен был для этой группы внесенный ею проект должности «волостного попечителя», которого избирали все землевладельцы волости, имеющие не менее 150 десятин, из числа землевладельцев, имеющих не менее 500 десятин, и которого утверждал губернатор. Волостному попечителю предполагалось поручить «охранение общих всей волости поземельных и общественных интересов». Ему принадлежало «наблюдение за общим благоустройством подведомой ему волости». Он ведал делами «по общественному управлению и общественным и земским повинностям», «по обеспечению общественного порядка и по чрезвычайным полицейским мерам; по охранению народного здравия», устройству врачебной части; по надзору за училищами и благотворительными заведениями и «по устройству и содержанию в исправности путей сообщения». Волостной попечитель утверждал сельских старост и волостных старшин и рассматривал все постановления волостных сходов. Ему были подчинены волостной старшина, волостной писарь и сельские старосты, которые обязывались исполнять все его «законные» требования. Волостной попечитель имел право приостанавливать все «неправильные и противозаконные распоряжения волостного и сельского управления». «По делам, относящимся до охранения общественного порядка, — гласил проект, — волостной попечитель распоряжается непосредственно в случаях, не терпящих отлагательства, и немедленно извещает о том надлежащее полицейское началь-

ство»[1]. Таким образом, проект Долгорукова и Муравьева предлагал создать в волости диктатуру в лице одного из крупных помещиков, облеченного доверием остальных крупных и средних помещиков волости. Так задолго до Александра III крепостники-помещики предлагали поставить крестьян под контроль своеобразных земских начальников.

Предложения крепостнического характера вносились и другими членами комитета. Князь П. П. Гагарин предлагал ограничить крестьянский надел одной десятиной на душу, предоставив крестьянам арендовать помещичью землю на началах добровольного соглашения. Сам председатель Редакционных комиссий В. Н. Панин выступал против проекта по ряду существенных пунктов, защищая интересы крепостников: так, он высказывался за сохранение вотчинной полиции, возражал против «бессрочного» наделения крестьян землей, требовал понижения установленных комиссиями норм наделов. Крепостнические предложения нашли горячую поддержку со стороны А. М. Княжевича и В. Ф. Адлерберга. Председатель комитета вел. князь Константин Николаевич (назначенный на этот пост в октябре 1859 г. ввиду тяжелой болезни А. Ф. Орлова), который разделял позицию большинства Редакционных комиссий, оказался в меньшинстве: его поддерживали только Ланской, Блудов и Чевкин. Оппозиция имела 6 голосов, но во всем была единодушна.

В результате горячих прений Главный комитет понизил нормы крестьянских наделов для многих местностей, но отклонил все остальные предложения реакционной группы: председателю удалось столковаться с Паниным, сделав ему ряд уступок[2], а на Адлерберга оказал давление сам Александр II.

28 января 1861 г. началось рассмотрение проекта в Государственном совете, куда он поступил из Главного комитета для окончательного обсуждения. «Я надеюсь, господа, — сказал на этом заседании Александр II, — что при рассмотрении проектов, представленных в Государственный совет, вы убедитесь, что все что можно было сделать для ограждения выгод помещиков, — сделано»[3]. Государственный совет, однако, нашел, что кое-что все же возможно еще сделать в этом направлении; по предложению кн. П. П. Гагарина в проект было внесено еще одно дополнение в интересах крепостников: в тех случаях, когда крестьяне соглашались получить 1/4 нормального надела, он предо-

[1] Журналы секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу, Пгр., 1915, т. II, стр. 90—92.

[2] 12 декабря 1860 г. вел. князь Константин Николаевич, в присутствии П. П. Семенова, уговаривал Панина лично, а на другой день, по поручению великого князя, состоялось частное совещание Панина с братьями П. П. и Н. П. Семеновыми, на котором были тщательно пересмотрены все нормы наделов, причем Панин упорно торговался из-за каждой полудесятины. В результате почти по всем местностям нормы были понижены. Ценою этих уступок был куплен отказ Панина от остальных его возражений.

[3] Журналы и мемории общего собрания Гос. совета по крестьянскому делу, Пгр., 1915, стр. 4.

ставлялся им в собственность бесплатно, без всякого выкупа; приманкой «даровщины» крестьяне побуждались брать ничтожные наделы, заслужившие впоследствии название «нищенских», «сиротских» или «кошачьих». М. Н. Муравьев и В. А. Долгоруков выступили и в Государственном совете со своими проектами, отвергнутыми Главным комитетом, причем эти проекты нашли поддержку со стороны П. П. Гагарина и некоторых других членов Совета. Но большинство Совета в основном высказывалось за редакцию Главного комитета; в тех случаях, когда оно от нее отступало, Александр II утверждал мнение меньшинства. Таким образом, единственное существенное изменение, внесенное Государственным советом, состояло в принятии дарственного надела.

§ 5. Положения 19 февраля. Наделы

19 февраля 1861 г. рассмотренный Государственным советом проект положений о крестьянах был утвержден Александром II, т. е. получил силу закона. В тот же день был подписан и манифест, возвещавший о реформе. Опубликован он был, однако, лишь 5-го марта; правительство не сразу решилось это сделать, опасаясь крестьянских волнений.

«Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», касались двух сторон крестьянского быта: личной зависимости крестьян от помещиков и поземельных отношений. Знакомство с «Положениями» следует начать с поземельных отношений, так как степень личной зависимости крестьян от помещика определялась в основном тем, как складывались поземельные отношения между помещиком и крестьянами. При этом надо остановиться на трех моментах: 1) на поземельном устройстве крестьян, 2) на крестьянских повинностях и 3) на так называемой выкупной операции.

Обязательное наделение крестьян землею было взаимным: помещик был обязан предоставить крестьянам надел, но и крестьяне были обязаны этот надел получить. В тех случаях, когда крестьяне, недовольные тягостными условиями, на которых этот надел давался, пытались от него отказаться, их заставляли насильно взять его, иной раз даже с применением военной силы. Принудительное навязывание крестьянам надела объясняется, как мы видели, тем, что надел рассматривался, как обеспечение уплаты крестьянами государственных повинностей и повинностей по отношению к помещику; в законе так прямо и было сказано, что надел предоставляется крестьянам «для обеспечения их быта и для выполнения их обязанностей перед правительством и помещиком»[1]; с другой стороны, предполагалось, что наделение крестьян землею предупредит образование пролетариата, который мог бы, в силу своей «беспокойной» природы, нарушить существующий общественный порядок.

[1] «Положения 19 февраля 1861 г. о крестьянах вышедших из крепостной зависимости», стр. 2.

По истечении 9 лет крестьяне имели право отказаться от надела, а, следовательно, и освободиться от связанных с ним повинностей. Но осуществление этого права было обставлено такими условиями, что воспользоваться им крестьяне могли лишь в редких случаях, не говоря уже о том, что отказаться от земли, за пользование которой крестьяне платили высокие повинности в течение 9 лет, было трудно.

Что касается размеров надела, то этот вопрос представлялся добровольному соглашению между помещиком и крестьянами, но добросовестность эта была только видимой, так как размер надела был установлен целиком в интересах помещиков: крестьяне не могли требовать надела выше установленной нормы, но с другой стороны, и помещик не имел права урезывать надел ниже установленного законом минимального размера. Меньше этого минимального надела крестьяне получали только в том случае, если до реформы фактический надел был ниже этой нормы.

Поземельное устройство крестьян определялось так называемыми «Местными положениями», изданными наряду с «Общим положением» о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. «Местные положения» были построены на одинаковых принципах, но разнообразились между собой в подробностях, в зависимости от местных условий. Для примера возьмем местное положение, относящееся к губерниям «великороссийским, новороссийским и белорусским», охватывавшее большую часть Европейской России.

По этому положению вся территория, которой оно касалось, была разделена на три полосы — нечерноземную, черноземную и степную. Для черноземной и нечерноземной полос было установлено две нормы — высшая и низшая, причем низшая норма была в 3 раза ниже высшей. Для степной полосы устанавливалась только одна «указная» норма, но эта норма могла быть также уменьшена до $^1/_3$, как и в двух остальных полосах. Эти нормы были: различны по губерниям и уездам: высший надел составлял от $2^3/_4$ десятины до 12 десятин на ревизскую душу, низший — от 2200 кв. саженей до 2 десятин.

В пределах этих норм Положение представляло помещику право, не спрашивая согласия крестьян, производить «отрезки» в свою пользу от старых крестьянских наделов, которыми крестьяне пользовались до реформы. Если старый крестьянский надел превышал высшую норму, установленную Положением для данной местности, этот излишек помещик мог отрезать себе; это уменьшение надела могло быть проведено и дальше, если бы оказалось, что после наделения крестьян в распоряжении помещика остается меньше трети всех удобных земель, находившихся в его владении. В степной же полосе помещик мог произвести урезку крестьянского надела и в том случае, если на его долю оставалось меньше половины всей удобной площади. Кроме того, по добровольному соглашению с крестьянами, крестьянские на-

делы могли быть урезаны еще больше — до половины высшего или «указного» надела, а если земля выкупалась крестьянами в собственность, то даже до $^1/_3$ этой нормы. Мало того, если между помещиками и крестьянами достигалось соглашение о бесплатном отводе надела, то надел мог быть уменьшен до $^1/_4$ высшей или «указной» нормы. Этот «дарственный» или «четвертной» надел, введенный по предложению кн. П. П. Гагарина, получил особенно большое распространение в губерниях Среднего и Нижнего Поволжья и в Новороссии, где земля была дешева и крестьяне легко поддавались на уверения помещиков принять дарственный надел в расчете на то, что они смогут по дешевой цене арендовать у помещика необходимую им землю.

Таким образом, «Положения» предоставляли помещикам очень широкие возможности в урезывании тех наделов, которыми крестьяне пользовались до реформы; этими возможностями помещики и воспользовались в больших размерах, особенно в черноземных губерниях, где земля имела большую ценность.

Лес, как общее правило, в крестьянский надел не включался. Помещик обязан был предоставить крестьянам лесную площадь лишь в обильных лесом северных, северо-западных и северо-восточных губерниях, да и то только в тех случаях, когда лесные участки находились в пользовании крестьян до реформы, и когда они были расположены далеко от значительных городов, сплавных рек и железных дорог, т. е. когда лес не представлял рыночной ценности. Далее, помещик обязан был предоставить крестьянам прогон для скота к водопою, но выбор места для прогона предоставлялся усмотрению помещика, который имел возможность в данном случае руководствоваться исключительно своими интересами.

Закон же обязывал также помещика устранять чересполосицу крестьянских и помещичьих земель, обычно существовавшую в крепостное время. Разверстание крестьянских и помещичьих земель предоставлялось всецело усмотрению помещика: если он требовал этого разверстания, то оно производилось независимо от согласия крестьян; если же крестьяне желали разверстания, а помещик не соглашался, то чересполосица сохранялась попрежнему. Это давало помещику возможность использовать чересполосицу для усиления феодальной эксплоатации крестьян. Далее, помещику предоставлялось право переносить крестьянские усадьбы на другое место, если это вызывалось его хозяйственными соображениями. Наконец, помещик имел право в любой момент, — до тех пор, пока крестьяне не перешли на выкуп, — требовать обмена крестьянского надела на ту землю, которую он оставил за собой, — если на отведенной крестьянам земле оказывались какие-нибудь полезные ископаемые, или если крестьянская земля оказывалась нужной помещику для устройства дренажа, для проведения дороги или прогона, для устройства пристани или перевоза на реке и т. п. Таким образом, крестьянские наделы и

после реформы сохранили свою неустойчивость: помещик мог в любой момент отобрать у крестьян уже полученную ими землю и дать им взамен другую, если это оказывалось для него выгодным. Землевладение сохраняло, таким образом, старый феодально-крепостнический характер.

§ 6. Повинности

Помещик обязан был предоставить крестьянам надел не в собственность, а лишь в «постоянное пользование». Мы видели только что, в какой мере это пользование можно было действительно назвать «постоянным». Отходящая к крестьянам земля юридически продолжала оставаться помещичьей собственностью, за пользование которой крестьяне должны были нести известные повинности до тех пор, пока они не перейдут на выкуп, т. е. пока между ними и помещиками не будет заключена выкупная сделка. До этого времени крестяне считались «временно обязанными», пользующимися землей за повинности. Но так как для перехода на выкуп не было установлено никакого срока, эта «временность» из срочной, как предполагалось ранее, превращалась в бессрочную. Размер и форма повинностей также представлялись добровольному соглашению между помещиком и крестьянами; если же добровольного соглашения не заключалось, то вступали в силу соответствующие статьи «Местных положений».

«Положения» устанавливали два вида повинностей — оброк и барщину, т. е. те же виды повинностей, какие существовали до реформы. Размеры оброка по «великороссийскому» положению, которое мы взяли для примера, колебались от 8 руб. до 12 руб. за душевой надел, в зависимости от местности. В основу исчисления оброка были положены фактические размеры оброчных повинностей, существовавшие накануне реформы; если припомнить, что крестьянский оброк платился не только из доходов от земледельческого хозяйства крестьян, но также из разных неземледельческих доходов, получаемых крестьянами то станет ясно, что, уплачивая оброк, крестьянин платил не только за пользование помещичьей землей, но и за право распоряжения своей рабочей силой; оброк, таким образом, носил попрежнему характер феодальной повинности. Естественно, что никакого соответствия между оброком и доходностью крестьянского надела не было; самый высокий оброк (12 руб.) платили крестьяне имений, расположенных под Петербургом, где, как известно, земля весьма невысокого качества, затем шли Петербургская, Московская и Ярославская губ. и промышленные уезды Владимирской (10 руб.) тогда как крестьяне черноземных Курской и Воронежской губ. платили по 9 руб.

Помещики имели право ходатайствовать о повышении оброка сверх установленных норм в тех случаях, когда отходящая к

крестьянам земля имела какие-нибудь особые выгоды по своему положению (близость к городу или к торговой пристани, наличие торговых центров и пр.), или, если в данной местности были распространены какие-нибудь особенно выгодные промыслы. Правда, крестьянам тоже разрешалось ходатайствовать в известных случаях о понижении оброка ниже нормы, но ходатайства помещиков и крестьян были, резумеется, не равносильными.

Оброк был непропорционален количеству полученной крестьянами земли в одной и той же местности. Была установлена так называемая «градация» оброка, она состояла в том, что первая десятина полученного крестьянами надела ценилась дороже следующих десятин; поэтому если крестьяне получали неполный надел, то каждая десятина обходилась им дороже, чем при получении полного надела, — другими словами, чем меньше земли получал крестьянин, тем относительно дороже она ему стоила. Например, в Холмском уезде Псковской губ. полный душевой надел (высшая норма) равнялся 6 десятинам; за этот надел крестьяне должны были платить оброку 8 руб. При этом на первую десятину надела падала половина оброка, т. е. 4 руб., на вторую — $^1/_4$ оброка, т. е. 2 руб., остальные же 2 руб. распределялись поровну на остальные 4 десятины, т. е. по 50 коп. за десятину. Если крестьяне получали неполный надел, т. е. не по 6 дес. на душу, а например по 4 дес., то оброку они должны были платить вместо 8 руб. с души — 7 руб., т. е. каждая десятина обходилась по 1 руб. 75 коп. вместо 1 руб. 33 коп., которые крестьяне платили бы за полный надел; если же они получали только 2 дес., т. е. $^1/_2$ полного надела, то платили 6 руб., т. е. им на десятину приходилось уже по 3 руб. оброка.

Такая резкая градация устанавливалась для нечерноземной полосы; в полосах черноземной и степной она была несколько меньше. Например, в Красноуфимском уезде Пермской губ. за нормальный надел (тоже 6 десятин) оброку полагалось 9 руб., т. е. по 1 руб. 50 коп. за десятину; при этом на первую десятину падало 4 руб., а остальные 5 руб. раскладывались поровну на остальные 5 десятин, т. е. по 1 руб. на десятину. Таким образом, получая $^2/_3$ надела, крестьяне платили 7 руб., т. е. по 1 руб. 75 коп. за десятину, получая $^1/_3$ надела — 5 руб., т. е. по 2 руб. 50 коп. за десятину.

Как видно из приведенных выше примеров, градация давала помещикам возможность еще более увеличить несоответствие между размером оброка и доходностью земли, т. е. еще более повышать плату за приобретенное крестьянами право располагать своей рабочей силой. А так как рабочая сила особенно дорого ценилась именно в нечерноземной полосе, то в градации были особенно заинтересованы нечерноземные помещики. В этой полосе градация служила, кроме того, побуждением для крестьян брать побольше ненужной помещику земли: за неполный надел крестьянам приходилось платить, как мы видели, не многим

меньше, чем за полный — прямой расчет было взять полный надел. Помещику же выгодно было сбыть крестьянам побольше земли, хотя бы и за небольшую плату, так как это в общей сложности значительно повышало размер получаемой помещиком денежной суммы, чего особенно добивались именно нечерноземные помещики. Недаром градация была изобретена дворянами нечерноземной полосы, именно, либеральным Тверским губернским комитетом.

В черноземных губерниях, где рабочая сила ценилась дешевле, но где помещики дорожили землей, градация была, как мы видели, меньше; это вело к тому, что крестьяне легче могли примириться с урезкой земли, так как в этом случае им приходилось платить значительно меньше.

Повинности крестьян состояли не только в оброке, но и в барщине, которая сохранялась в барщинных имениях и после реформы. Размер и порядок отбывания барщины определялись «добровольным» соглашением между помещиком и крестьянами; если же соглашение не удавалось достигнуть, то барщина отбывалась на основании «Положений». Согласно «великороссийскому» Положению, за каждый душевой надел крестьяне должны были отрабатывать в год 40 дней мужских и 30 женских, причем и мужчины и женщины должны были являться на работу с своим инвентарем — совсем как до реформы. Барщинной повинности подлежали мужчины с 18 до 55 лет, а женщины с 17 до 50, т. е. тоже приблизительно так, как это практиковалось обычно при крепостничестве. Относительно барщины также введена была градация, как и относительно оброка. В том же Холмском уезде за $^2/_3$ полного надела (4 дес.) приходилось отрабатывать 34 мужских дня вместо 40, т. е. лишь немногим меньше, а за $^1/_3$ надела (2 дес.) — 20 мужских дней, т. е. половину.

Большую часть барщинных дней ($^3/_5$) крестьяне должны были отрабатывать в летнее полугодие, которое крестьянину было особенно дорого для своей работы. Порядок распределения барщинных работ по дням недели зависел исключительно от помещика; последний мог потребовать крестьян на работу в любой день, за исключением праздников, с тем лишь условием, что общее число дней в неделю не превышало определенной нормы. Если крестьянин не мог работать по болезни, то за него должны были отрабатывать другие крестьяне, или он сам должен был отработать после выздоровления; если он болел 6 месяцев, то мог быть лишен земельного надела.

Устанавливались и нормы выработки; губернские присутствия по крестьянским делам должны были выработать урочные положения, в которых точно указывалось, какие работы должны быть выполнены барщинным крестьянином в течение дня. Для тех работ, которые нельзя было перевести на урочное положение установлена была продолжительность рабочего дня 12 часов в летние месяцы и 9 часов в зимние, причем время на передвижение

крестьян к месту работы, если расстояние не превышало 6 верст,— в рабочие часы не включалось; при расстоянии же свыше 6 верст время на передвижение засчитывалось в рабочее время, но помещик имел право удерживать крестьян на месте работы в течение нескольких дней, пока они не кончат работу.

Крестьянам-барщинникам разрешалось переходить на оброк, если они этого пожелают, даже без согласия помещика, но, во-первых, не ранее как через два года после издания положения и, во-вторых, при условии отсутствия казенной и помещичьей недоимки. Кроме того, о желании перейти на оброк крестьяне должны были заявить за год вперед. У помещика оставалась таким образом, возможность оттянуть переход с барщины на оброк, если ему это было выгодно.

Сверх оброка и барщины крестьяне должны были оказывать помещику «немедленную помощь» для ограждения его от всяких насильственных действий, а также в случае пожара, наводнения, появления саранчи и пр.

Взыскание оброков и барщинных повинностей с крестьян-недоимщиков приравнивалось к взысканию казенных сборов и производилось преимущественно перед всеми другими обязательствами, лежавшими на крестьянах, причем для погашения недоимки могло быть продано движимое и даже недвижимое имущество крестьянина, сам он и члены его семьи могли быть отданы принудительно в заработки, наконец, у него мог быть отобран полевой надел, а в известных случаях даже усадьба.

Как видим, повинности временно обязанных крестьян ничем по существу не отличались от повинностей крепостных; это была та же денежная или отработочная рента, только более или менее регулированная законом; помещик не мог уже теперь назначить крестьянам оброки и барщинные работы по своему произволу, а должен был руководствоваться «добровольным соглашением» или Положениями 19 февраля. Кроме того, были отменены мелкие поборы — птицею, маслом, яйцами, ягодами, грибами, холстом, шерстью и пр.; хозяйственное значение этих сборов для помещиков было невелико, а между тем, они очень раздражали крестьян; с этого рода поборами помещики расстались поэтому легко.

«Великороссийское» местное положение распространялось на центральные и северные губернии, на губернии Среднего и Нижнего Поволжья и Приуралья, на три «новороссийские» губернии (Екатеринославскую, Таврическую и Херсонскую), на часть Харьковской губернии и на губернии Могилевскую и Витебскую, за исключением четырех, так называемых, «инфлянтских» уездов последней, примыкавших к Прибалтийскому краю. В этих губерниях господствовало за немногими исключениями, общинное землепользование: в связи с этим надел отводился целому обществу, которое и отвечало круговой порукой за исправность отбывания повинностей в пользу помещика. В тех обществах, где было по-

дворное землепользование (Могилевская губ. и часть Витебской) надел отводился отдельным домохозяевам, и последние несли личную ответственность за отбывание повинностей. В губерниях Новороссийских (Екатеринославская, Таврическая, Херсонская) сельским обществам предоставлено было право установить или общинное землепользование с круговой порукой или подворно-участковое с личной ответственностью.

Кроме того, Положение предоставляло всем обществам крестьян-общинников право перейти от общинного владения землей к подворному (статья 115). Непременным условием такого перехода являлось согласие со стороны помещика.

Для остальных районов Белоруссии и Украины и для Литвы были изданы особые местные «Положения»: одно — для так называемых «малороссийских» губерний — Полтавской, Черниговской и части Харьковской, другое — для Правобережной Украины (губернии Киевская, Подольская и Волынская), третье — для Литвы и западной части Белоруссии (губернии Ковенская, Виленская, Гродненская, Минская и «инфлянтские» уезды Витебской). Во всех этих районах господствовало подворное землепользование; поэтому надел отводился здесь не всему обществу, а отдельно каждому домохозяину, который и отвечал лично за выполнение повинностей в пользу помещика. Освободившиеся почему-либо участки передавались сельским обществом желающим крестьянам за соответствующие повинности; в случае, если желающих взять участок не оказывалось, он поступал во временное распоряжение помещика.

Что касается размеров надела, то в правобережной Украине, Литве и Белоруссии, где были введены инвентарные правила, за крестьянами закреплялись все те земли, которыми они пользовались на основании инвентарей, правда, в известных случаях, часть крестьянских земель могла отойти в распоряжение помещика, но, согласно Литовско-Белорусскому положению, $^5/_6$ общей площади крестьянских земель каждого имения, во всяком случае, должны были сохраниться в качестве неприкосновенного крестьянского фонда, предназначенного «для постоянного обеспечения быта всего земледельческого сословия». При определении повинностей в тех губерниях, где были введены инвентари, соблюдалось общее правило, чтобы размер повинностей с каждого двора ни в коем случае не превышал общей суммы повинностей, отбывавшейся с данного участка на основании инвентарей. Кроме того, в Литовско-Белорусских губерниях размеры повинностей, включенных в уставные грамоты, должны были проверяться особыми поверочными комиссиями, причем последние ни в коем случае не могли повысить эти повинности, а могли только понизить их. Как видим, в «западных губерниях», где помещиками были преимущественно поляки, правительство более внимательно относилось к интересам крестьян, руководствуясь теми же побуждениями, как и при введении инвентарей — стремлением привлечь

на свою сторону литовское, белорусское и украинское крестьянство.

В губерниях «малороссийских» этот политический мотив не имел значения, и там правительство пошло навстречу стремлениям помещиков удержать в своих руках возможно больше драгоценной земли. Высший размер душевого надела по разным местностям был определен от $2^3/_4$ до $4^1/_2$ десятин, низший — от $1^3/_8$ до $2^1/_4$ десятин, причем так же, как и по «великороссийскому» положению, надел мог быть урезан до $^1/_3$ высшей нормы, а в случае согласия крестьян на бесплатный отвод надела — до $^1/_4$ нормы. При этом норма подворного участка определялась по разным местностям от 4 до 7 десятин на двор, т. е. приблизительно от $1^1/_3$ до $2^1/_3$ десятин на ревизскую душу, считая в среднем 3 ревизских души на двор; следовательно, норма подворного участка соответствовала приблизительно низшей норме душевого надела. Градации повинностей в «малороссийских» губерниях не было: рабочая сила ценилась здесь невысоко, так как неземледельческих заработков крестьяне почти не имели; с другой стороны, при уменьшении повинностей пропорционально уменьшению надела, помещикам легко было добиться согласия крестьян на отрезку земли, так как повинности за полный надел нередко оказывались для них непосильными. Но помещики своего все же не потеряли; повинности за десятину усадебной земли были установлены в два, три раза выше, чем за десятину полевого надела; повышенный размер повинностей за усадьбу вознаграждал, таким образом, помещика за потерю власти над личностью крестьянина. Градация не была введена в «западных» губерниях, но и там были установлены повышенные нормы повинностей для усадьбы.

§ 7. Выкуп

Специальное «Положение о выкупе» различало право выкупа усадьбы от права выкупа полевого надела. Усадьбу крестьянин мог выкупить в любое время, когда захочет, при условии, однако, отсутствия недоимки на его наделе. При этом он должен был сговориться с помещиком относительно размера выкупной суммы, или определить эту сумму на основании Положения и внести эту сумму целиком вперед [1]. Что касается полевого надела, то здесь дело обстояло иначе. Выкупить полевой надел крестьянин мог только с согласия помещика; но если крестьяне не хотели почему-либо переходить на выкуп, а помещику это было выгодно, то помещик мог принудить крестьян заключить выкупную сделку.

[1] По великороссийскому положению, на усадебные земли падало от 1 руб. 50 коп. до 3 руб. 50 коп. оброка на ревизскую душу. В отдельных случаях разрешалось устанавливать и свыше 3 руб. 50 коп. Для остальных районов была установлена подесятинная оплата от 102 руб. до 240 руб. за десятину (в некоторых случаях и больше), величина выкупа определялась там размерами усадьбы.

Вопрос о выкупе полевого надела предоставлялся, таким образом, всецело усмотрению помещика.

Размеры выкупной суммы за полевой надел вместе с усадьбой определялись опять-таки либо добровольным соглашением, либо на основании Положения. В последнем случае происходила так называемая капитализация оброка из 6%: выкупная сумма приравнивалась к капиталу, 6% которого составляла сумма годового оброка [1]. Но крестьяне не могли, конечно, уплатить помещику сразу всю сумму капитализированного оброка. Это доступно было только отдельным хозяевам из числа наиболее богатых крестьян, да и то только там, где было подворное, а не общинное землевладение (в общинных селениях выкупать полевой надел можно было только всей общиной). Помещику же важно было получить всю выкупную сумму сразу: в противном случае заключение выкупной сделки крестьянами вообще не имело для него никакого смысла.

Чтобы удовлетворить в данном случае интересы помещиков, правительство организовало так называемую «выкупную операцию»; она состояла в том, что при выкупе крестьянами надела помещик получал из казны (частью деньгами, частью процентными бумагами), 80% выкупной суммы, если крестьяне получали полный надел, или 75%, если крестьяне получали надел неполный. Выплаченные суммы зачислялись «в ссуду крестьянам», крестьяне должны были выплачивать ее, внося в казну, ежегодно, в течение 49 лет, так называемые «выкупные платежи» в размере 6% выкупной ссуды. В эти 6% входили: $^1/_2$% — погашение ссуды, $^1/_2$% — на организационные расходы по выкупной операции и 5% — роста. Разницу между выкупной суммой и выкупной ссудой (т. е. остальные 20—25%) крестьяне должны были уплатить помещику наличными при заключении сделки [2]. В тех случаях, когда выкуп производился по требованию помещика, без согласия крестьян, последние от уплаты этих 20 или 25% освобождались.

С момента утверждения выкупной сделки отбывание крестьянами повинностей помещику прекращалось и крестьяне превращались из «временно-обязанных» в «крестьян-собственников».

Так как в основу исчисления выкупной суммы была положена сумма оброка, а в последнюю входили не только плата за пользование землей, но и плата за распоряжение крестьянской рабочей силой, то и выкуп нужно рассматривать не как выкуп земли, а как выкуп феодальных повинностей — оброка и барщины, т. е., в сущности, выкуп личности крестьянина.

Выкуп личной зависимости не распространялся только на дворовых: так как дворовые не получали земельного надела, то не

[1] Величина выкупной суммы, таким образом, равнялась величине оброка, помноженного на $16^2/_3$.

[2] При неполном наделе ссуда составляла 75%, а не 80, потому что учитывалась меньшая платежеспособность крестьян.

были связаны с помещиком обязательными отношениями и освобождались без выкупа. Правда, они освобождались не сразу; в течение двух лет после издания закона дворовые должны были оставаться в прежнем положении: либо выполнять лежавшие на них работы и нести ту службу, которую они несли до реформы, оказывая «беспрекословное повиновение» помещикам, либо, если они ходили по оброку, как это часто бывало,— уплачивать оброк в прежнем размере. До срока дворовый мог быть освобожден только с согласия господина; если же дворовый сам не хотел уйти до срока, а помещик его к этому принуждал (многие помещики стремились освободиться от дворовых, которые теперь часто являлись для них бременем), то помещик должен был внести известную сумму на обеспечение освобождаемого дворового за все время, какое оставалось до истечения двухлетнего срока.

§ 8. Правовое положение крестьян. Крестьянские учреждения

По Положениям 19 февраля крестьяне получали ряд гражданских прав: могли заключать всякого рода сделки, предъявлять иски, заниматься торговлей и промыслами, владеть движимым и недвижимым имуществом, вступать в брак без согласия помещика и пр. Из бесправного раба, представлявшего собственность своего господина, крестьянин превращался в личность, обладающую по закону определенными правами; крестьяне перестали быть на положении рабочего скота, который можно было продавать, обменивать, закладывать, дарить; помещики потеряли право вмешиваться в семейную жизнь крестьянина, с него была снята ответственность за уплату крестьянами податей и за отбывание ими рекрутской повинности.

Все это являлось крупным шагом по пути от феодального права к праву буржуазному, но и в этом отношении реформа остановилась на полдороге: по отношению к временно-обязанным крестьянам помещики сохранили целый ряд прав, принадлежавших им до реформы. Помещик сохранил право опеки над крестьянами и представительства их на суде, хотя бы они этого и не желали, сохранил право вотчинной полиции,— ему были подчинены в полицейском отношении сельские власти; имел право приостановить использование любого постановления сельского схода, мог требовать смены выборных должностных лиц сельского управления, мог требовать исключения из сельского общества неугодного ему крестьянина, а до учреждения волостных судов (волостные суды были введены повсюду, правда, уже к концу 1861 г.) ему принадлежало в прежнем объеме и право суда над своими бывшими крепостными; наконец, как мы уже видели, помещик сохранил право на принудительный труд временно-обязанных крестьян — оброк и барщину.

Но так или иначе, значительной части своих прав и своей власти над крестьянами помещики лишились — даже по отно-

шению к временно-обязанным крестьянам. Для управления крестьянами были созданы новые органы, сохранившие, однако, целый ряд черт феодально-крепостного режима.

Это были, прежде всего, органы «крестьянского общественного управления» — сельские и волостные сходы и избираемые ими должностные лица. Образцом для организации крестьянского общественного управления послужило (с некоторыми несущественными изменениями) административное устройство государственных крестьян, реформированное Киселевым. Все домохозяева сельского общества, состоявшего обычно из крестьян, принадлежавших одному помещику, составляли сельский сход, избиравший сельского старосту, сборщика податей и других должностных лиц; в волости же, состоявшей из ряда смежных сельских обществ, собирался волостной сход, состоявший из представителей сельских обществ и избиравший волостное правление с волостным старшиной во главе и волостной суд, которому были подсудны по мелким гражданским и уголовным делам крестьяне данной волости; лица же других сословий судились волостным судом лишь в случае их на то согласия. Волостной суд имел право подвергать виновного аресту, штрафу, принудительным работам или телесному наказанию розгами.

Крестьянское управление было чрезвычайно ограничено в своей компетенции. В «Общем положении» были точно перечислены все вопросы, которыми могли заниматься сельские и волостные сходы; если крестьяне на сходах выходили за пределы этих вопросов, то за это подлежали ответственности как участники сходов, принимавшие участие в обсуждении неподлежащих вопросов, так и должностные лица, допустившие это обсуждение. Подлежащие же ведению сходов вопросы касались преимущественно раскладки и сбора податей и порядка отбывания всякого рода повинностей; в тех обществах, где существовало общинное землевладение, к этому присоединялись вопросы, касавшиеся земельных распорядков.

Должностные лица сельского и волостного управления несли целый ряд полицейских обязанностей: сельский староста должен был следить за исправным отбыванием крестьянами податей и повинностей — казенных, земских, мирских и помещичьих,— должен был наблюдать за составлением «ревизских сказок» т. е. за представлением сведений, собиравшихся с целью определения податной способности населения, должен был наблюдать за содержанием дорог и мостов, распоряжаться подачей помощи в чрезвычайных случаях, при пожарах, наводнениях и пр. Волостной старшина, кроме всех этих обязанностей, лежавших и на нем, должен был объявлять законы и распоряжения различных властей, охранять благочиние в общественных местах и безопасность лиц и имущества от преступных действий, предупреждать и пресекать преступления и проступки, задерживать бродяг, бег-

лых, дезертиров и преступников, следить за нераспространением среди крестьян вредных слухов и пр.

Крестьянское управление было поставлено в непосредственную зависимость от государственных чиновников. Все должностные лица сельского и волостного управления должны были беспрекословно выполнять распоряжения и требования судебных следователей, земской полиции и «всех вообще установленных властей». Кроме того, над крестьянским управлением было поставлено и специальное должностное лицо — мировой посредник, все распоряжения которого должны были также беспрекословно исполняться должностными лицами крестьянского управления [1].

Основной функцией мировых посредников было содействие соглашению крестьян с помещиками и составление так называемых «уставных грамот», в которых точно определялись размеры получаемого крестьянами надела, его местонахождение, крестьянские повинности — вообще все условия, на которых крестьяне получали землю [2]. Помимо этой основной своей обязанности мировые посредники должны были утверждать выборных должностных лиц крестьянского управления, могли отменять постановления крестьянских сходов, должны были осведомляться обо всех вопросах, какие на этих сходах рассматривались и решались, разбирали жалобы на органы крестьянского управления, могли налагать взыскания на крестьянских выборных и должностных лиц — подвергать их аресту или штрафу. Мировыми посредниками могли быть лишь «местные потомственные дворяне-помещики», владевшие не менее чем 500 десятинами земли. В том случае, если дворянин окончил высшее учебное заведение, земельный ценз при его выборах снижался до 150 десятин. Мировые посредники назначались губернаторами «по совещанию» с предводителями дворянства. Предварительные списки лиц, удовлетворявших установленному цензу, составлялись уездными предводителями дворянства и проверялись уездными дворянскими собраниями.

Таким образом, мировой посредник с одной стороны был органом центральной власти, а с другой — был тесно связан с местным дворянством,— являлся его представителем, защищающим его интересы. Над мировым посредником стоял уездный мировой съезд, состоявший из всех мировых посредников уезда, под председательством уездного предводителя дворянства, а над мировым съездом — губернское по крестьянским делам присутствие, состоявшее отчасти из чиновников, отчасти из местных дворян-помещиков, под председательством губернатора.

---

[1] Положения 19 февраля 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. М. 1916. См. раздел «Положение о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях, гл. 1, стр. 98—111.

[2] Уставные грамоты должны были быть введены в действие не позднее, чем через 2 года после издания положения. До этого крестьяне должны были отбывать повинности в прежнем размере и в прежней форме, с некоторыми лишь ограничениями; отменялись немедленно только мелкие сборы.

Крестьянские учреждения были устроены, как видим, таким образом, что власть отдельного дворянина-помещика над крестьянами заменялась в значительной мере властью представителей местного дворянского общества.

Далее сельское общество было связано круговой порукой, т. е. все общество отвечало за исправность отбывания казенных, земских и мирских повинностей каждым его членом, независимо от того было ли в данном обществе общинное или подворное землепользование. В тех местностях, где до реформы существовало общинное пользование землей, оно сохранялось, причем в этом случае круговая порука распространялась, как мы видели, и на повинности в пользу помещика. Община имела при этом принудительный характер, т. е. крестьяне не имели права выделиться из нее без согласия самого общества; это право они получали только в том случае, если выкупали досрочно свой надел (ст. 165 Положения о выкупе.). Общинное пользование землей должно было обеспечивать правильность отбывания крестьянами повинностей; кроме того, предполагалось, что общинное землепользование должно предохранить крестьянство от развития в его среде пролетариата, чем и крепостники и либералы были очень озабочены.

Выход крестьянина из сельского общества был чрезвычайно затруднен. Для этого требовалось, чтобы к его «увольнению» не было препятствий по отправлению рекрутской повинности, чтобы на нем не было никаких недоимок по казенным, земским, мирским и помещичьим повинностям, а также никаких частных обязательств и взысканий, чтобы он не состоял под судом и следствием, чтобы его родители были согласны на его увольнение, чтобы остающиеся в обществе неработоспособные члены его семейства были им обеспечены; наконец, он должен был навсегда отказаться от земельного надела и представить приемный приговор от того общества, к которому он хотел приписаться. В продолжение же первых 9 лет после опубликования положений для увольнения крестьянина требовалось еще согласие помещика и сельского общества. Для увольнения крестьян, воспользовавшихся выкупной операцией, требовался еще ряд условий. Несколько легче было выйти из общества богатому крестьянину, который мог досрочно выкупить свой надел, или имел купленный участок земли определенного размера, или, наконец, обладал капиталом, дающим право на зачисление в одну из купеческих гильдий.

Таким образом, крестьянин был фактически прикреплен к сельскому обществу. Даже для временной отлучки требовалось разрешение сельского старосты и волостного старшины. Разрешение сельского схода было необходимо и для семейных разделов крестьян. Кроме того, сход принимал меры принуждения по отношению к недоимщикам; как было указано выше, он мог отдать принудительно в заработки недоимщика или кого-либо из членов его семьи, продать часть его имущества и даже отобрать

у него полевой надел. Наконец, большинством ⅔ сельский сход мог удалить из общества любого из его членов, которого он признавал «порочным» или «вредным»; последний передавался в распоряжение общей администрации, которая обычно отсылала его на поселение в Сибирь или другие отдаленные местности.

В крестьянском «общественном» управлении очень ярко обнаруживались крепостнические черты Положений 19 февраля. Опутывая крестьянина по рукам и ногам, оно носило главным образом тяглый характер: это был по преимуществу орган, задачей которого было обеспечение правильного поступления государственных податей и правильного отбывания помещичьих повинностей. Кроме того, крестьянское управление, подчиненное органам правительственной власти, целиком входило в систему правительственного аппарата, являлось низшей его ячейкой, всецело зависевшей от вышестоящих его звеньев. И само правительство рассматривало крестьянское «самоуправление» не как право крестьян, а как обязанность; поэтому, например, лица, избираемые на ту или иную должность по крестьянскому управлению, не имели права отказаться от избрания без уважительных причин, точно оговоренных в Общем положении 19 февраля. Крестьянское «Общественное» управление служило, таким образом, не интересам крестьян, а интересам помещиков и помещичьего государства, обеспечивало эксплоатацию крестьян помещиками непосредственно и через посредство государственной власти, представлявшей интересы тех же помещиков [1].

§ 9. «Дополнительные правила»

К Положениям 19 февраля был присоединен ряд «дополнительных правил», касавшихся отдельных групп крепостного населения.

Некоторые из этих правил касались крестьян мелкопоместных владельцев, т. е. помещиков, владевших менее, чем 21 душой крестьян. Стремясь оградить интересы помещиков, правила эти ставили крестьян в еще более тяжелые условия, чем основные «Положения». Мелкопоместный помещик не обязан был увеличивать фактически существовавший до реформы крестьянский надел даже в том случае, если он был значительно меньше низшей нормы (а это было нередко в мелкопоместных имениях); если же крестьянин до реформы не имел надела, то земли он не получал совсем и освобождался на тех же условиях, как и дворовые. Правда, крестьяне, не получившие земельного надела, имели право переселиться на казенные земли, причем получали от казны денежное пособие на «обзаведение и устройство жилищ» и на приобретение скота и земледельческих орудий и пользовались в течение определенного срока льготами по уплате податей и отбыванию рекрутской повинности. Крестьяне, получившие земель-

[1] Крестьянские учреждения, созданные реформой, с небольшими частичными изменениями дожили до 1917 года.

ный надел, тоже могли переселиться на казенные земли, либо перейти на положение дворовых (т. е. освободиться бесплатно, но без земли),— но только с согласия помещика, причем в обеих случаях полученный ими земельный надел возвращался помещику. Наконец, помещик имел право передать своих крестьян казне вместе с их земельным наделом, за что получал от казны вознаграждение в сумме капитализированного из 6% годового оброка.

Помимо всего этого мелкопоместным владельцам, которые будут признаны особенно нуждающимися, оказывалось денежное пособие из казны.

Особые правила касались крепостных и посессионных рабочих. На крепостных крестьян, отбывавших барщину в качестве рабочих на промышленных предприятиях своих владельцев, распространено было действие «Общего» и соответствующих «Местных положений» (с некоторыми лишь изъятиями), а также «положение о выкупе». Земельный надел крепостные рабочие получали лишь в том случае, если они пользовались землей до реформы. В противном случае за ними сохранялась лишь усадьба. Рабочие, не имевшие усадеб, а жившие в хозяйских помещениях, приравнивались при освобождении к дворовым. Барщинная повинность отменялась немедленно и заменялась денежным оброком; исключение составляли лишь горные заводы и соляные промыслы, где барщина заменялась оброком постепенно, в течение трех лет. Замена барщины оброком по отношению к промышленным рабочим всецело соответствовала интересам владельцев, так как в промышленных предприятиях принудительный труд был особенно невыгоден для предпринимателя. Исключение составляли лишь владельцы уральских горных заводов, которые не без основания опасались, что им нелегко будет обеспечить свои предприятия рабочей силой при каторжных условиях труда на заводах. Считаясь с этим, закон допускал, что рабочие, которые будут не в состоянии выплачивать денежный оброк, «могут отрабатывать оный в заводских работах сполна или частью».

Что же касается посессионных рабочих, то согласно правилам о людях, приписанных к частным горным заводам, «мастеровые», т. е. те люди, работавшие непосредственно на заводах и в рудниках, (а также разного рода служащие), пользовавшиеся ранее покосами или пахотной землей, также получали земельный надел в постоянное пользование за повинности, но этот надел (за исключением усадьбы) не подлежал выкупу, зато мастеровые могли от него отказаться, освободившись таким образом и от связанных с ним повинностей. Мастеровые, не пользовавшиеся ранее землей, надела не получали, сохраняя лишь усадьбу, за пользование которой платили определенный оброк, причем имели право выкупить ее в собственность. Мастеровые, не имевшие отдельной усадьбы и жившие в заводских помещениях, при освобождении приравнивались к дворовым. На «сельских работников», испол-

нявших на заводе вспомогательные работы, совмещая с ними свое земледельческое хозяйство, распространялись «Общие» и «Местное великороссийское» положения (с некоторыми изъятиями), а также «Положение о выкупе». От обязательных работ сельские работники освобождались также постепенно, в течение трех лет, с той же оговоркой о возможности отрабатывать оброк на заводах, если он будет для них непосилен. Указом 16 марта 1861 г. эти правила были распространены и на крестьян, приписанных к посессионным фабрикам.

Волнения крепостных и посессионных рабочих, вызванные тяжелыми условиями их освобождения, заставили правительство обратить внимание на их положение. Закон 27 мая 1863 г. предоставил право всем фабричным людям вотчинных и посессионных фабрик приписываться к городским сословиям с освобождением их на 6 лет от всех податей и повинностей, в том числе и рекрутской. Те же льготы были представлены и остающимся на местах фабричным людям, не получившим полевого надела. Владельцы посессионных фабрик получали бесплатно в собственность приписанные к их фабрикам казенные земли, но обязаны были предоставить крестьянам в собственность безвозмездно усадьбу и покосы, если последними крестьяне пользовались; однако, если эти покосы имели значительную ценность, та часть их, по определению мировых учреждений, предоставлялась за повинности. В тех случаях, когда это было возможно «по количеству состоящей при фабрике земли», владелец должен был предоставить фабричным людям за повинности и пахотный надел. Что касается вотчинных фабрик, то предоставление фабричным людям усадьбы и покосов обусловливалось согласием владельца, наделение же их пахотной землей не было обязательным ни для той, ни для другой стороны и предоставлялось всецело их добровольному соглашению. Лишь при закрытии вотчинной фабрики владелец ее должен был наделить фабричных людей из отрезков, полученных при наделении крестьян; при этом фабричные могли получить пособие из казны не свыше 50 руб. на семью. 9 декабря 1863 г. этот закон был распространен и на рабочих горных заводов.

Таким образом, Положения были составлены чрезвычайно гибко, представляя компромисс между интересами различных групп дворянства: крепостники, хотевшие сохранить оброк или барщину, имели возможность держать всех крестьян неограниченное время на положении «временно-обязанных», сохраняя в известной мере и вотчинную власть над ними; «либералы», стремившиеся перейти к капиталистическому хозяйству, имели возможность немедленно перевести своих крестьян на выкуп; помещики, желавшие обеспечить себя даровой рабочей силой лишь на «переходное время», имели возможность сделать это, так как срок временно-обязанного положения зависел всецело от них; предусмотрены были и интересы владельцев вотчинных и посессионных мануфактур, и даже интересы мелкопоместных дворян.

учтены были и интересы «государственные», т. е. интересы фиска и «общественного спокойствия», важные для господствующего помещичьего класса в целом. Но на всей реформе 19 февраля, проведенной руками крепостников, лежала яркая печать ее крепостнического происхождения.

§ 10. Итоги реформы

Положение 19 февраля распространялось на 47 губерний и областей Европейской России (за исключением Польши, Финляндии и Прибалтийского края), на Ставропольскую губ., Уральскую область и Сибирь (в Сибири количество крепостных было ничтожно).

Всего было освобождено на основании Положений 19 февраля 10.974.944 ревизских души (22.563.086 душ обоего пола); из них дворовых было 723.725 ревизских душ (1.467.348 душ обоего пола), крестьян, принадлежавших различным ведомствам и учреждениям [1] — 19.350 рев. душ (40.554 души обоего пола); крестьян приписанных к частным заводам и фабрикам,— 259.455 ревизских душ (542.599 душ обоего пола) [2].

При освобождении крестьяне потеряли значительную часть своей земли. Точные данные об отрезках могут быть вычислены только по уставным грамотам и выкупным актам, но такая работа проделана только по Саратовской губ., по губерниям Правобережной Украины и части Литовско-Белорусских губерний и отчасти по Московской губернии.

На основании недавно проведенного изучения материалов уставных грамот по Московской губернии выяснилось, что, например, в Московском уезде у крестьян было обрезано 4.567 десятин или около 9% принадлежавшей им земли, а в Коломенском уезде — 15.638 десятин или более 17% принадлежавшей им ранее земли; по отдельным имениям размеры отрезков были выше этих средних данных, поднимаясь до 70—80% [3].

Для остальных губерний о размере отрезков можно судить лишь на основании сопоставления сведений о дореформенном крестьянском землепользовании, собранных Редакционными комиссиями, и данных поземельной переписи 1877—1878 гг. Но материалы Редакционной комиссии, как правило, содержат преуменьшенные данные о размерах дореформенных крестьянских наделов; поэтому фактические размеры отрезков были несом-

[1] На них положения 19 февраля были распространены законом 28 июня 1861 года.: они сохранили полностью свои наделы и должны были отбывать повинности в прежнем размере, если они были не выше установленных Положением 19 февраля.

[2] А. Тройницкий. Крепостное население в России по 10-й народной переписи, СПб., 1861, стр. 27, 43, 46, 47, 50.

[3] Г. В. Ильин. Аграрная реформа 1861 г. в Московской губернии. 1950, стр. 245, 301 и 378. (Рукопись. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук).

ненно больше тех цифр, которые получаются при сопоставлении этих данных, а размеры «прирезок» к крестьянским наделам (там, где они были) — меньше. Но даже по этим, заведомо преуменьшенным данным, крестьяне потеряли по 27 губерниям около 4 млн. десятин, что составляет 16% дореформенного землепользования. Особенно значительны были отрезки в черноземных губерниях: по тем же данным, в 18 черноземных губерниях отрезки составляли в среднем 23%, в некоторых же из них (Саратовская, Самарская) превышали $^2/_5$ дореформенного крестьянского надела, а в отдельных имениях достигали даже $^3/_4$ его [1]. В черноземных губерниях было наибольшее количество дарственников: в шести из них (Саратовская, Самарская, Симбирская, Пензенская, Воронежская и Екатеринославская) число дарственников превышало 300 тыс. душ, что составляло 2,92% из общего числа по России (общее число их, по данным 1858 г., было 461.244 ревизских душ). Все дарственники получили 485.230 дес. земли, т. е. в среднем немногим более 1 десятины на ревизскую душу [2].

Точных данных о распределении земли в результате реформы между помещиками и крестьянами не существует. Весьма приблизительные цифры могут быть получены лишь на основании позднейших данных. По данным статистики землевладения 1877—1878 гг. дворянам принадлежало в 45 губерниях Европейской России (без Прибалтийских губерний, Архангельской губ. и области Войска Донского) — 69,7 млн. дес. [3]. За время с 1863 по 1876 г. включительно дворяне потеряли по 45 губ. (без Прибалтийских губерний, Архангельской и Астраханской) — 9,4 млн. дес. [4]. Таким образом, в руках дворян в 1862 г. было приблизительно 79 млн. дес. Расчет этот не совсем точен, так как в первом случае включена Архангельская губерния и не включена обл. Войска Донского; кроме того в материалах о движении землевладения дворян объединены в одной рубрике с чиновниками и офицерами. Количество дворянских земель после реформы можно вычислить приблизительно также и другим путем, — путем сопоставления сведений, собранных Редакционными Комиссиями, с данными статистического исследования 1877—1878 гг. По сведениям редакционных комиссий, помещичье землевладение по 45 губерниям Европейской России (без Прибалтийских губ., Ар-

[1] В. И. Анисимов. Наделы. Сб. «Великая реформа», т. VI, М., 1911, стр. 92—94; А. Лосицкий. Хозяйственные отношения при падении крепостного права. — «Образование» 1906, № 11а, стр. 210—213. Предложенная А. Е. Лосицким поправка произвольна: нельзя поправку, вычисленную для одной только Саратовской губ., механически распространять на все другие губернии. Поэтому она здесь не учтена.

[2] П. И. Лященко. Очерки аграрной эволюции России, т. II, ч. I СПб., 1913, стр. 135.

[3] Статистический временник Российской империи, серия III, вып. 10, СПб., 1896, стр. 30—31.

[4] Материалы по статистике движения землевладения в России, вып. IV, СПб., 1901, стр. 4—5, 10—11.

хангельской, Бессарабской и обл. Войска Донского) накануне реформы составляло 105,2 млн. десятин [1]; надельное же землепользование бывших помещичьих крестьян по тем же губерниям в 1877—1878 гг. составляло 33,7 млн. десятин [2]. Таким образом, сумма помещичьего землевладения непосредственно после реформы выразится приблизительно в 71,5 млн. дес. Повидимому, искомая цифра находится между 71,5 и 79 млн. дес.; во всяком случае можно считать, что дворяне удержали в своих руках после реформы около $^3/_4$ принадлежавшей им земли.

Кроме дворовых, не получивших ни полевого надела, ни усадьбы, очень многие из горнозаводских крестьян тоже не получили полевого надела. По приблизительному подсчету, число последних в четырех приуральских губерниях (Оренбургской, Уфимской, Пермской и Вятской) равнялось 172 тыс. ревизских душ, что составляло от 30 до 47% всего крепостного населения этих губерний [3]. Не получило земли также громадное большинство бессрочно-отпускных и отставных солдат, солдатских детей и кантонистов, которых насчитывалось в 1858 г. свыше 1 млн. душ [4]. По подсчету П. Лохтина всех, не получивших земли при «освобождении» было около $2^1/_2$ млн. ревизских душ [5].

Так как стоимость надела при выкупе исчислялась на основании оброка, то выкупная оценка полученной крестьянами земли значительно превышала ее рыночную стоимость:

Губернии	Площадь надела в тысячах десятин	Стоимость надела в млн. рублей		
		Рыночная		По выкупу
		1854—1858	1863—1873	
Нечерноземные	12.286	155	180	342
Черноземные	9.841	219	284	342
Западные	10.141	170	184	183
Всего . . .	32.168	544	648	867

Как видно из этой таблицы [6], крестьянские наделы в черноземных и нечерноземных губерниях были оценены по выкупу в среднем на 47,4% дороже рыночных цен 60-х годов, причем особенно велика была разница в нечерноземной полосе, составлявшая 90%; в черноземной полосе эта разница составляла 20,4%.

[1] Россия. Военно-статистический сборник, вып. IV, СПб., 1871, стр. 188.
[2] Статистический временник Российской империи, серия III вып. 10, стр. 42.
[3] А. Лосицкий. Указ. соч., стр. 208.
[4] Статистич. таблицы Российской империи, вып. 2, СПб., 1863, стр. 257—293.
[5] П. Лохтин. Безземельный пролетариат в России, М., 1905, стр. 28—30.
[6] А. Лосицкий. Выкупная операция, СПб., 1906, стр. 16.

В 9 западных губерниях, по политическим соображениям [1], с крестьян взяли даже на 1 млн. руб. меньше чем стоили их наделы по рыночным ценам; правда, это составляло лишь $^1/_2$% их рыночной цены.

Экономические условия, вызвавшие реформу, действовали с большей или меньшей силой и в ряде других районов Российской империи; поэтому с реформой 1861 г. был связан ряд аналогичных реформ, касавшихся национальных окраин, не затронутых Положениями 19 февраля — Польши, Прибалтики, Кавказа, Закавказья. С другой стороны, политические обстоятельства заставили правительство немедленно же сделать ряд поправок к Приложениям 19 февраля, касавшихся Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины [2].

§ 11. Реформа в отношении государственных и удельных крестьян

Основные начала Положений 19 февраля были распространены затем на крестьян государственных и удельных. Государственных крестьян было в 1858 г., по подсчету А. Б. Бушена, 9.747.357 душ муж. пола (20.050.248 душ обоего пола), крестьян удельного ведомства — 986.054 душ муж. пола (2.070.013 душ обоего пола). Кроме того, крестьян, приписанных к казенным горным заводам, было 129.857 душ муж. пола (267.283 души обоего пола) [3]. Последние, законом 8 марта 1861 г., были освобождены от обязательных работ и получили поземельное устройство на условиях, близких к правилам о крестьянах частных горных заводов; усадьбы им были предоставлены бесплатно.

По отношению к удельным крестьянам еще 23 июля 1858 г. последовал указ, предоставлявший им «личные по имуществу права, предоставленные всем прочим свободным сословиям», а указом 26 августа 1859 года эти права были распространены и на крестьян государевых и дворцовых имений. Указом 5 марта 1861 г. была отменена «общественная запашка» в имениях удельного ведомства. 26 июня 1863 г. было издано особое Положение, в силу которого удельные, дворцовые и государственные крестьяне сохраняли почти полностью свои наделы, числившиеся в их пользовании до реформы; в тех же местах, где фактический надел удельных крестьян был меньше нормального надела, установленного Положениями 19 февраля для помещичьих крестьян, удельные крестьяне получили соответствующую прирезку. В среднем землевладение удельных крестьян после реформы несколько уве-

---

[1] См. главу «Польское восстание 1863 г. в Польше, Литве, на Правобережной Украине».

[2] Там же.

[3] Статистические таблицы Российской империи, вып. 2, СПб., 1863, стр. 267—293.

личилось: до реформы средний надел составлял 4,2 дес. на душу, после реформы — 4,8 дес.[1]. Но это увеличение являлось, в сущности, мнимым: фактическое землепользование крестьян до реформы во многих местах значительно превышало размеры числившегося за ними надела. Если сравнить размеры дореформенного надела с фактическими размерами дореформенного землепользования, то получится уменьшение землепользования в среднем на 1,7%. По некоторым же губерниям эти фактические отрезки составляют значительный процент: по Казанской и Нижегородской — свыше 10%, по Петербургской — 11,4%, по Самарской — 12,3%, по Пермской — 20,2%, по Вятской — 22,1%[2]. Наделы удельных крестьян также подлежали выкупу в рассрочку, причем для них выкуп был сделан обязательным, и они сразу переходили в состояние крестьян-собственников. В связи с этим оброчные платежи, уплачиваемые крестьянами в удельное ведомство, были превращены в выкупные, без увеличения их размеров. Общественное управление удельных крестьян было реформировано на основании Общего положения 19 февраля.

На государственных крестьян 36 губерний Европейской России основания Положений 19 февраля были распространены указами 18 января и 24 ноября 1866 г. Первый из них распространял на государственных крестьян «Общее положение 19 февраля», определявшее их административное устройство; второй — касался их поземельного устройства. Государственные крестьяне сохранили полностью свои прежние наделы, значительно превышавшие по размерам наделы помещичьих крестьян. Они, как и удельные крестьяне, также зачислялись в разряд крестьян-собственников, но выкуп для них не был сделан обязательным, а предоставлялся на усмотрение сельских обществ и отдельных домохозяев; до выкупа же они продолжали платить попрежнему оброчную подать. Особым указом 16 мая 1867 г. было определено поземельное устройство государственных крестьян в 9 западных губерниях (т. е. в Литве, Белоруссии и Правобережной Украине), причем к ним были применены начала устройства помещичьих крестьян в тех же губерниях, установленные указами 1863 г.[3]; в частности, оброчная подать была заменена выкупными платежами.

Разница в земельном обеспечении различных разрядов крестьян получилась очень значительная: по данным 1877—1878 гг. по 49 губерниям Европейской России бывшие помещичьи крестьяне имели в среднем 3,35 дес. удобной земли на душу, удельные — 4,81 дес., т. е. на 43,6% больше, государственные — 5,93 дес., т. е. на 77% больше помещичьих. Размеры платежей были также

---

[1] Л. В. Ходский. Земля и земледелец, СПб., 1891, т. II, стр. 123—124.
[2] История уделов за столетие их существования, т. II, СПб., 1902, стр. 562—563.
[3] См. главу «Восстание 1863 г.— В Польше, Литве, Белоруссии и Правобережной Украине».

различны, причем находились в обратно пропорциональном отношении к размерам наделов: больше всего платили за свою землю помещичьи крестьяне, меньше всего — государственные. По данным 1885—1886 гг. (по 37 губерниям), несмотря на то, что выкупные платежи помещичьих крестьян были перед этим понижены, а выкупные платежи государственных крестьян повышены, платежи помещичьих крестьян превышали платежи государственных на 57,8, в отдельных же губерниях — вдвое и даже втрое [1]. Эта разница сказывалась еще много времени спустя после реформы, отражаясь между прочим на ходе крестьянского движения в пореформенное время.

Резкое уменьшение наделов помещичьих крестьян и высокие платежи за эти наделы создавали почву для развития кабальной зависимости крестьян от помещиков, носившей по существу крепостнический характер. «Великая реформа»,— писал Ленин,— была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники». «Пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними. По случаю «освобождения» от крестьянской земли отрезали в черноземных губерниях *свыше* $^1/_5$ части. В некоторых губерниях отрезали, отняли у крестьян до $^1/_3$ и даже до $^2/_5$ крестьянской земли. По случаю «освобождения», крестьянские земли отмежевывали от помещичьих так, что крестьяне переселялись на «песочек», а помещичьи земли клинком вгонялись в крестьянские, чтобы легче было благородным дворянам кабалить крестьян и сдавать им землю за ростовщические цены. По случаю «освобождения», крестьян заставили «выкупать» их собственные земли, причем содрали *вдвое и втрое* выше действительной цены на землю [2]».

Но при всем том эта реформа, хотя и проведенная крепостниками, была реформой буржуазной по своему содержанию. Отменив ряд феодальных прав помещика по отношению к крестьянам и предоставив помещикам возможность переводить крестьян на выкуп, т. е. ликвидировать феодальные повинности, реформа представляла значительный сдвиг с феодально-крепостнического общественного строя к буржуазному. «Это был шаг,— писал Ленин,— по пути превращения России в буржуазную монархию. Содержание крестьянской реформы было буржуазное, и это содержание выступало наружу тем сильнее, чем *меньше* урезывались крестьянские земли, чем *полнее* отделялись они от помещичьих, чем *ниже* был размер дани крепостникам (т. е. «выкупа»), чем свободнее от влияния и от давления крепостников устраивались крестьяне той или иной местности. *Поскольку* крестьянин вырывался из под власти крепостника, *постольку* он становился под власть денег, попадал в условия товарного производства, оказывался в зависимости от нарождавшегося капитала.

[1] Л. В. Ходский. Земля и земледелец, т. II, СПб., 1891, стр 236 и 248
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4-е, стр. 94, 95.

И после 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершились превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века» [1].

§ 12. Реформа 1861 г. и либерально-народническая историография Ошибки М. Н. Покровского

Официальные историки реформы старались изобразить ее как проявление личной воли Александра II, решившего, наконец, осуществить заветную мысль своих предшественников на престоле. «С первого дня воцарения, — писал, например Татищев С. С.,— Александр Николаевич твердо решился осуществить благие намерения императрицы Екатерины II, императора Александра I и Николая I, совершить то, перед чем отступили они, в виду трудностей, с которыми сопряжено было проведение в жизнь законодательной меры, затрагивающей и видоизменяющей все стороны государственного и бытового строя России» [2]. Понятно, что никакой критики Положений 19 февраля у официальных историков быть не могло: прославляя царское самодержавие, они курили фимиам проведенной реформе. «За царем останется, — писал тот же Татищев, — с именем Освободителя, бессмертие в истории и вечная, благоговейная и благодарная память в потомстве, как об одном из величайших монархов, благодетелей человечества». Даже крестьяне, — и те по его словам, за редкими исключениями «исполненные беспредельной преданности и признательности к царю, мирно и спокойно вступили в пользование высочайшие дарованными им правами свободных сельских обывателей» [3].

Буржуазные историки, писавшие о реформе И. И. Иванюков, Г. А. Джаншиев, В. О. Ключевский, А. А. Кизеветтер, С. Ф. Платонов и А. А. Корнилов и др.), основную движущую силу реформы видели в общественном мнении, сложившемся под влиянием усвоения либеральных идей Западной Европы. «Исследование истории распространения в России западноевропейских идей,— писал Иванюков,— есть в то же время исследование причин падения крепостного права и способа отмены его» [4]. На той же чисто идеалистической, в корне неправильной точке зрения стоял и Джаншиев. Доведение реформы до «благополучного конца» он объяснял тем, что «правительство шло рука в руку с

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4-е, стр. 95—96.

[2] С. С. Татищев. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. I, СПб., 1911, стр. 475.

[3] Там же, стр. 385, 388.

[4] И. Иванюков. Падение крепостного права в России, изд. 2-е, СПб., 1903, стр. 6.

меньшею, лучшею частью дворянства, а главное, было солидарно с либерально настроенным общественным мнением и его выразительницей, прогрессивною печатью, горячо защищавшею интересы народа»[1]. Как и естественно для буржуазного либерала, правительство являлось для Джаншиева — надклассовой силой, действовавшей в данном случае в интересах народа. Корнилов идет несколько дальше. В царствование императора Николая, — говорил он, — к тем идейным аргументам против крепостного права, которые выставлялись «либералистами» конца XVIII и начала XIX века, присоединились могущественные материальные факторы»: это, во-первых, растущая невыгодность для помещиков крепостного хозяйства, а во-вторых, рост крестьянских волнений, — «владеть крепостными становилось о п а с н о»[2]. Это эклектическое признание множественности несвязанных или лишь «отчасти» связанных между собой факторов, учитываемых стоящей над классами властью, было характерно и для других буржуазных историков конца XIX и начала XX в. Такую же приблизительно позицию (лишь с некоторыми вариациями) занимали в этом вопросе и В. О. Ключевский (Курс русской истории, ч. V) и А. А. Кизеветтер (История России в XIX в. ч. II М. 1916) и С. Ф. Платонов (Лекция по русской истории изд. X, Пгр. 1917).

Классовую борьбу, развернувшуюся в годы реформы, буржуазные историки совершенно игнорировали. Сосредоточивая все внимание на борьбе внутри помещичьего лагеря, между крепостниками и либералами и рассматривая последних как защитников крестьянских интересов, они утверждали, что крестьяне в годы подготовки реформы спокойно ждали решения своей участи сверху. Отрицая тут же принципиальное различие в постановке крестьянского вопроса между либералами и подлинными защитниками крестьянских интересов — Герценом и Чернышевским,— они старались зачислить революционных демократов в тот же либеральный лагерь. Правда, Корнилов в своей работе о губернских комитетах,писал что «даже и у наиболее прогрессивных членов губернских комитетов не последним стимулом их решений был сословный помещичьий интерес», не исключая и таких «крайних левых», как Унковский, который «опирается не на филантропические и гуманитарные принципы, а на неправильно понятые и освещенные выводы и интересы самих помещиков». Но и Корнилов считал, что либеральные проекты (Большинства Тверского комитета и меньшинства некоторых других) «сумели примирить обще-государственные и крестьянские интересы с интересами и выгодами помещиков»[3].

Самые Положения 19 февраля буржуазные историки идеализировали, и если не все из них так восторженно оценивали их

---

[1] Г. Джаншиев. Эпоха великих реформ, изд. 8-е. М., 1900, стр. 121.
[2] А. А. Корнилов. Крестьянская реформа, СПб., 1905, стр. 10—12.
[3] А. А. Корнилов. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России, СПб., 1905, стр. 181, 282, 299.

как Джаншиев, а подходили к ним более или менее критически, то эта критика касалась не самих основ Положений, а только отклонений их от либеральной программы реформы типа программы Кавелина — Унковского.

П. Б. Струве, который свою научную деятельность начал в качестве легального марксиста, а закончил в роли реакционного белоэмигранта, считал «смехотворным преувеличением крестьянским движениям и волнениям приписать честь освобождения» [1]. Он полагал, также, что «крепостное хозяйство, как таковое, экономически не созрело к своей отмене в 1861 году» [2]. Струве считает, что оно накануне 1861 г. находилось не в состоянии кризиса, а в полном расцвете. Реформа 1861 г., по его мнению, «не столько подвела итоги прошлого и настоящего, сколько учла будущее». Несостоятельность такого объяснения очевидна.

Историки и экономисты, близкие к народническому лагерю, в отличие от либералов, придавали известное значение борьбе крестьян за свое освобождение, как движущей силе реформы. «Если бы они (крестьяне),—писал В. И. Семевский,— не выражали протеста против крепостного права и пассивно, и активно..., то крепостное право могло бы, пожалуй, просуществовать и долее 1861 г.» [3]. Ученица Семевского, И. И. Игнатович собрала материал для разрушения легенды о спокойствии крестьян в годы подготовки реформы, показав все усиливавшееся недоверие крестьян к подготовляемой помещиками реформе и рост крестьянского движения на этой почве [4]. Народники подвергали Положения 19 февраля гораздо более резкой критике, чем либералы. Они не ограничивались указанием отдельных «ошибок» и частичных отступлений от положенных в основу их, якобы правильных принципов, но оспаривали правильность и целого ряда этих принципов [5]. Однако, народники не понимали буржуазного характера реформы и в наделении крестьян землею при освобождении видели, напротив, залог некапиталистического развития России. «Для теоретиков народничества, — писал Ленин, — напр., известного г. В. В. или Николая — она, — основы крестьянской реформы 1861 г. представляли из себя нечто принципиально отличное от капитализма и принципиально враждебное ему. Они говорили о том, что Положение 19 февраля узаконяло «наделение производителя средствами производства», давало санкцию «на-

---

[1] Струве. Крепостное хозяйство, М., 1913, стр. 142.

[2] Там же, стр. 154.

[3] В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России. СПб., 1888, т. II, стр. 571.

[4] См. работу И. И. Игнатович «Минувшие годы», 1908, № 5—6, стр. 121—126 и особенно статью «Крестьянские волнения» в 3-м томе сборника «Великая реформа» М., 1911, стр. 64—65.

[5] См. напр., статьи В. И. Анисимова — Наделы и А. В. Пешехонова — Экономическое положение крестьян в пореформенное время, —сборник «Великая реформа», т. VI.

родному производству» *в отличие* от капиталистического». «Поскольку народники прикрашивали реформу 1861-го года, забывая о том, что «наделение» реально означало в массе случаев обеспечение помещичьих хозяйств дешевыми и прикрепленными к месту рабочими руками, дешевым кабальным трудом, постольку они опускались (часто не сознавая этого) до точки зрения либерализма, до точки зрения либерального буржуа, или даже либерального помещика... Поскольку же народники, не впадая в идеализацию реформы 1861-го года, горячо и искренне отстаивали наименьшие платежи и наибольшие, без *всякого* ограничения, «наделы», при наибольшей культурной, правовой и прочей самостоятельности крестьянина, постольку они были буржуазными демократами. Их единственным недостатком было то, что их демократизм был далеко не всегда последователен и решителен, причем буржуазный характер его оставался ими несознанным» [1].

Влияние либеральной концепции реформы частично сказалось и на М. Н. Покровском. Учение Ленина о борьбе крестьян и помещиков в годы реформы, как о борьбе за тот или другой путь капиталистического развития деревни, совершенно не отразилось на трактовке Покровским вопроса о классовой борьбе в эти годы.

Покровский остался верен традиции в оценке крестьянского движения эпохи. Значение крестьянского движения он видел лишь в том, что оно заставило правительство поторопиться с реформой; объективный же смысл крестьянского движения, как революционной борьбы за «американский» путь капиталистической аграрной эволюции, остался Покровским совершенно не понятым. Напротив, он думал, что крестьянское движение могло вылиться в то время в «черносотенную пугачевщину» [2]. Только в одной из последних своих работ («Чернышевский и крестьянское движение конца 50-х годов») он оценил революционное значение крестьянского движения в годы подготовки реформы.

В оценке исторического значения крестьянской реформы Покровский также расходился с Лениным. В то время, как Ленин характеризует реформу как шаг «по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию», добавляя, что «это верно не только с экономической, но и с политической точки зрения» [3], Покровский видел в ней лишь «один из эпизодов...» буржуазной «политики русского самодержавия», наряду с заботами «о нуждах русского капитализма» Петра I и Николая I [4]. Политическое значение реформы Покровский видел в окончательном превращении самодержавия в «централизованную бюрократическую монархию», которое он трактует то как усиление помещи-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4-е, стр. 84, 87—88.

[2] М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, М., 1922, т. IV, стр. 148.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4-е, стр. 88.

[4] Домов. Крестьянская реформа 19 февраля 1861 г., Париж, 1911, стр. 2.

чьей диктатуры, то как победу буржуазии [1], что одинаково неверно. Что касается экономического значения реформы, то, в противоположность Ленину, он считал, что наделение крестьян землей ставило «преграды развитию денежного хозяйства в деревне» и служило тормозом для развития пролетариата, а тяжелые выкупные платежи, разорявшие крестьян, способствовали развитию капиталистических отношений, превращая крестьян в пролетариев. Таким образом, буржуазное содержание реформы Покровский видел как раз в тех ее сторонах, (малоземелье, тяжесть выкупных платежей), которые создавали кабальную зависимость крестьян от помещиков и, следовательно, тормозили развитие капиталистических отношений; основного же экономического значения реформы — того, что она бросила крестьянское хозяйство в рыночный оборот и чрезвычайно ускорила процесс разорения крестьянства, — Покровский не видел. Гораздо более важное значение придавал крестьянскому движению при анализе причин и хода реформы Н. А. Рожков. Крестьянство, по его мнению, было важнейшей движущей силой реформы,— не только в том смысле, что крестьянское движение сделало реформу «необходимой и неотложной», но и в том смысле, что крестьянские надежды на получение «полной свободы и всей земли» оказывали влияние на весь ход реформы: для правящего класса «вопрос ставился в том смысле, каков должен быть тот минимум уступок, который предотвратил бы крестьянскую революцию, сохранив в то же время максимум выгод для помещиков и государства». При этом, в противоположность Покровскому, Рожков считал несомненным, что крестьянская революция «была не плодом испуганного воображения, а совершенно реальной возможностью», хотя и повторял (как и Покровский) либеральную легенду о спокойствии крестьян в годы подготовки реформы [2]. Созданное реформой малоземелье и тяжесть выкупных платежей Рожков правильно считал условиями, тормозившими развитие капитализма, способствовавшими сохранению крепостнических форм хозяйства. Близко подходя к ленинскому учению о борьбе двух путей капиталистической аграрной эволюции, Рожков пытался «углубить» его: крестьянскую жажду «черного передела» он считал даже не прусским путем, а особым русским типом, еще более реакционным, являвшим «пример создания наиболее отсталых условий развития производственного капитализма» [3]. Эта попытка «углубления» ленинской теории оказывается несостоятельной: термин «прусский» путь имеет у Ленина то значение, что капитализм в сельском хозяйстве развивается при сохранении политической власти и крупного

---

[1] М. Н. Покровский. Крестьянская реформа. «История России в XIX в.», изд. Гранат, т. 3, вып. 9—12, стр. 74, 175, 179; М. Н. Покровский. Очерк истории русской культуры, ч. I, М., 1915, стр. 270—271.

[2] Н. А. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. XI, Л—М., 1925, стр. 5—9.

[3] Там же, стр. 34—35.

землевладения в руках помещиков; американский же путь предполагает победу революции и крестьянскую чистку аграрных отношений. У Рожкова получается ряд типов от «американского» до «прусского», различие между которыми только количественное; качественная же, классовая разница между ними при этом стирается.

В трудах В. И. Ленина впервые был дан марксистский анализ вопроса. Он выяснил причины крестьянской реформы, связав ее с растущим экономическим развитием страны, с поражением в Крымской войне и с наличием революционной ситуации в стране. Ввиду того, что революционная ситуация не превратилась в революцию, реформа неизбежно должна была носить куцый, дворянский, крепостнический характер; но вместе с тем, она все же в известной мере развивала рост капиталистических отношений, поэтому Ленин подчеркивает ее буржуазное содержание. Именно поэтому реформа явилась крупной вехой как в экономическом развитии, так и в политической истории страны. После крестьянской реформы потребовались другие реформы в области государственного устройства. Царизм сделал первый шаг в сторону буржуазной монархии. Но борьба двух тенденций в экономическом развитии страны продолжалась и после реформы, выражаясь в классовой борьбе между помещиками и крестьянами. Эти основные ленинские мысли твердо усвоены советскими историками и положены в основу данной выше разработки этой темы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ 60-Х ГОДОВ

Реформа 19 февраля 1861 года, вызванная неотвратимым ходом экономического развития России и грозным подъемом массовой борьбы против крепостничества, значительно ускоренная крымским поражением царизма, была ближайшим образом призвана смягчить остроту социально-политического кризиса в стране и, отчасти выполнила эту роль, но отнюдь не сразу. На первых порах, напротив, объявление реформы, ввиду ее антинародного, грабительского характера, послужило толчком к еще гораздо более высокому подъему волны революционно-демократического движения. Революционная ситуация, складывавшаяся в России накануне крестьянской реформы, после 19 февраля не только не прекратилась, но именно теперь приобрела наиболее серьезный, опасный для существовавшего порядка характер. Если мы обратимся к ленинской оценке политического положения России в период реформы, то увидим, что значительная часть, указываемых в ней конкретных черт тогдашней революционной ситуации, относится именно к событиям, развернувшимся непосредственно после 19 февраля — в 1861 г. и частью в 1862 г. [1].

§ 1. Крестьянское движение в связи с реформой

Реформа 19 февраля 1861 г. не дала крестьянству ни необходимого земельного обеспечения, ни действительной свободы. Это понимали ее руководители, и они заранее отдавали себе отчет в том, какие чувства должна будет она вызвать в массах. Через полтора десятка лет после осуществления реформы, один из видных и притом наиболее либеральных ее участников, Юрий Самарин, открыто признавал: «В то время, когда разрешался крестьянский вопрос..., всем, как сторонникам, так и противникам реформы, было хорошо известно, что ожидания крестьян шли очень далеко, что новое положение ни в каком случае не могло удовлет-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 5, изд. 4, стр. 26—27.

ворить их, что в минуту его обнародования наступит к р и т и ч е с к и й м о м е н т»[1].

Правящие круги предвидели, что реформа вызовет разочарование и, может быть, прямое возмущение среди крестьянства, но они рассчитывали справиться с народным недовольством.

Они полагались, в первую очередь, разумеется, на свою вооруженную силу. К моменту объявления «воли» на места были командированы генерал-майоры и флигель-адъютанты царской свиты с самыми широкими полномочиями по усмирению всяких «между крестьянами беспокойств, неповиновения или ослушания»[2].

После опубликования манифеста повсеместно среди крестьян распространилось убеждение, что данная «воля» еще не носит окончательного характера, что за нею последует «новая воля», которая и принесет удовлетворение всех народных чаяний. Этой «новой воли» сначала в отдельных местах ожидали в самом ближайшем будущем, а вообще установилось мнение, что она будет объявлена к 19 февраля 1863 г., в срок, который крестьяне называли «слушным часом»,— по истечении двух лет, данных законом на заключение уставных грамот.

В связи с этим составление грамот долго подвигалось с большими трудностями. Крестьяне уклонялись от их подписания, опасаясь иначе потерять право на «новую волю». «Общее настроение крестьян — ожидание нового Положения, недовольство настоящим и чисто венгерская пассивная оппозиция: мы все вынесем, всему покоримся и ничего не примем, ничем не заявим своего согласия», — так писал Ю. Ф. Самарин другому деятелю крестьянской реформы, князю В. А. Черкасскому, в 1861 г.[3]. В этом свидетельстве современника допущено крайнее преувеличение «покорности» крестьян, но вполне правильно подчеркнуто общее стремление крестьянства не давать своего согласия на проводимые в целях осуществления реформы мероприятия.

Слухи о «новой воле» и связанный с ним отказ от составления уставных грамот приняли столь угрожающие размеры, что не раз побуждали самого Александра II выступать с публичными опровержениями и увещеваниями. «Ко мне доходят слухи, что вы ожидаете другой воли. Никакой другой воли не будет, как та, которую я вам дал»,— говорил Александр волостным старшинам

---

[1] Ю. Самарин и Ф. Дмитриев. Революционный консерватизм, Берлин, 1875, стр. 30. (Подчеркнуто нами).

[2] А. З. Попельницкий. Первые шаги крестьянской реформы (по донесениям свитских генерал-майоров и флигель-адъютантов с марта по июль 1861 г.). Сб. «Великая реформа», т. V, М. 1911, стр. 180. Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права. Части I и II. Донесения свитских генералов и флигель-адъютантов, губернских прокуроров и уездных стряпчих. М.—Л. 1949. Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861—1862. М.—Л. 1950.

[3] О. Трубецкая. Князь В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса, т. I, кн. 2, М. 1904, стр. 304.

Полтавской губернии в 1861 году. «Я хочу, — заявил он в следующем году в речи к старшинам и старостам Московской губернии,— чтобы там, где уставные грамоты не составлены, они были составлены скорее... Затем... не ожидать никакой новой воли и никаких новых льгот» [1].

В своих выступлениях Александр II настаивал на точном соблюдении установленных повинностей, на исполнении того, «чего требуют закон и Положение». «Трудитесь, работайте, будьте послушны властям и помещикам»,— призывал он крестьян. Не случайно, конечно, Александр II затронул эту тему: факты отказа от предписанных Положениями повинностей в первые годы после реформы насчитывались тысячами. Они носили различный характер. В одних местах крестьяне справляли барщину нарочито «нерадиво», «как можно хуже», по характеристике А. И. Кошелева, усматривавшего тут стремление крестьянства «отбить» у помещиков охоту заниматься хозяйством [2]. В других местах крестьяне сами сокращали установленный объем повинностей, например, выходили на барщину вместо трех дней в неделю один или два дня.

Значительное распространение получила и более решительная форма борьбы — полный отказ от несения каких бы то ни было работ и повинностей в пользу помещиков. «Ни дня, ни минуты барину не будем работать»,— таков был один из лозунгов восставших крестьян в Пензенской губернии [3].

Уже в первой по времени после обнародования Положений 19 февраля сводке об откликах крестьян на реформу, представленной царю министром внутренних дел С. С. Ланским по сведениям, полученным к 30 марту 1861 г., отмечалось «прямое неисполнение со стороны временно-обязанных крестьян возложенных на них повинностей». Такие случаи имели место в 8 губерниях. Особенно «упорный характер» неисполнение крестьянами их обязанностей был установлен в одном имении Петербургской губернии и в четырех имениях Ковенской губернии. В эти имения были введены военные команды [4]. Согласно сводке по сведениям на 7 апреля 1861 г. военные команды были введены в несколько имений Витебской, Ковенской, Виленской, Псковской и Херсонской губерний [5]. Подобного же рода сведения имелись во всех последующих сводках министров внутренних дел Ланского и Валуева за 1861-й год.

Случалось и так, что волновавшиеся крестьяне, помимо неисполнения барщинной повинности, не допускали выполнения работ

---

[1] С. С. Татищев. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. I, СПб., 1903, стр. 394, 407; «Архив истории труда в России», кн. 6—7, Пгр., 1923, стр. 142.

[2] О. Трубецкая. Князь В. А. Черкасский, стр. 308.

[3] М. Нечкина. Сообщ. из истории крестьянских восстаний против «воли» 1861 г. «Красный Архив», 1929 г., т. V (36), стр. 204.

[4] См. гл. II Крестьянская реформа 1861 г.

[5] Там же.

в помещичьих имениях и вольнонаемными рабочими; по сообщению контр-адмирала царской свиты И. Унковского из Черниговской губ., вольнонаемных крестьян «увлекали с помещичьих полей и насильно с побоями отнимали у них заподряженные владельцами работы, а в случае сопротивления грозили смертью» [1].

Уклонение от подписания уставных грамот, а еще более отказ от работ ставили помещиков в затруднительное положение, а среди сочувствовавшей крестьянам демократической интеллигенции порождали надежду, что реформа провалится. Даже осторожный Чернышевский утверждал в начале 1862 г. в своих «Письмах без адреса», что «предписанное продолжение обязательного труда оказалось невозможным» и помещики «не в состоянии пользоваться выгодами, которые были оставлены за ними» [2].

Ярким показателем того, насколько сильно было нежелание крестьян подписывать уставные грамоты, являются данные, приведенные в сводке Валуева по сведениям к 14 декабря 1861 г. Он писал: «Кроме уставных грамот, представленных в прежнее время, о которых было упомянуто в предыдущих записках, вновь получены сведения о составлении по 16 губерниям 524 грамот, так что общее число их простирается ныне до 2 150» [3]. 20 декабря 1861 г. Валуев писал: «Составление уставных грамот, по-прежнему, много задерживается недоверием крестьян и распространенными между ними ложными ожиданиями новой воли; ложные ожидания сии поддерживаются иногда разными неблагонамеренными людьми из личных выгод» [4]. О том же Валуев писал 3 января 1862 г., сообщая о положении дел в Тамбовской, Рязанской и Оренбургской губерниях [5]. Поэтому количество введенных в действие уставных грамот на 1 января 1862 г. равнялось только 2 403 [6].

Распространением прокламаций революционные организации делали попытки поднять народ на более организованную и сознательную борьбу. Так, Казанская организация «Земли и Воли» в 1862 г. подготовила прокламацию, которая, обращаясь к крестьянам: «Долго давили вас, братцы», — призывала к подготовке восстания.. Эта прокламация в небольшом количестве в 1863 г. была распространена в Казанской, Вятской и Самарской губерниях [7]. Идеей подготовки и организации всенародного восстания целиком была проникнута знаменитая прокламация Н. Г. Чернышевского «Барским крестьянам», выпуск которой готовился в 1861 г., но не осуществился.

---

[1] См. гл. II «Крестьянская реформа 1861 г.».
[2] Н. Г. Чернышевский. Избранные экономические произведения т. II, 1948, стр. 621—629.
[3] См. гл. II «Крестьянская реформа 1861 г.».
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Герцен. Соч., т. XV, Пгр., 1920, стр. 546—548.

Объявление манифеста и «Положений» 19 февраля вызвало, таким образом, острое разочарование у крестьян, и накопившаяся ненависть к помещикам широко прорвалась по всей России.

В первые месяцы крестьянскими волнениями были охвачены почти все губернии сразу. Крестьяне настойчиво и открыто домогались своих прав на землю, а иногда и на имущество помещиков. Это с особенной яркостью проявилось в волнениях крестьян Пензенской, Казанской и соседних губерний.

Движение, охватившее Чембарский и Керенский уезды Пензенской губернии и перекинувшееся также в смежные Моршанский и Кирсановский уезды Тамбовской губернии, известно под названием «Кандеевского восстания», ибо в селе Кандеевке (Керенского уезда) был важнейший его центр, «самый корень бунта», как отзывался тамбовский губернатор в донесениях министру [1]. Восстанием было охвачено 11 имений с населением в 13 175 душ, являвшихся ранее собственностью одного владельца (графа Разумовского).

Крестьяне Кандеевки и соседних имений подвергались перед реформой самой нещадной эксплоатации, чего не мог скрыть и пензенский жандармский штаб-офицер, один из «героев» усмирения волнений, писавший шефу жандармов: «Озлобление кандеевских крестьян, равно как и крестьян некоторых других соседних имений, против помещиков происходит от притеснительного управления ими. Они имеют основание говорить, что они на помещика уже отработали, потому что с тех пор, как существует трехдневная барщина, они не пользовались этой льготою, а ходили на работу по 6 дней в неделю» [2].

«Кандеевское восстание» началось с имений гр. Уварова и Рахманиной, где крестьяне 5 апреля 1861 г. отказались ходить на барщину, и тотчас же перекинулось на соседние имения. Крестьяне, руководимые Егорцевым, а также его помощниками 72-летним отставным солдатом Гренадерского полка (участвовавшим во взятии Парижа в 1814 г.) Андреем Семен. Елизаровым, временно-отпускным рядовым Василием Горячевым и др. [3], требовали немедленной и полной независимости от помещиков, прекращения господских работ, передачи им всей господской земли, лесов, лугов, строений без вознаграждения. Егорцев утверждал, что Александр II направил крестьянам собственноручную бумагу, объявлявшую «совершенную» волю, но помещики эту бумагу задерживают, вследствие чего царь приказал:

---

[1] Кандеевское восстание в 1861 г. «Красный архив», 1939, т. I (92), стр. 106. Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права ч. I и II. М.—Л. 1949, стр. 137—158.

[2] Кандеевское восстание в 1861 г. «Красный архив», т. I (92), стр. 101—102.

[3] Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права, стр. 152—154. «Мы все должны стоять за правое дело», призывал престарелый Елизаров. Временно отпускной солдат гвардейского Гатчинского полка, 25-летний Горячев заявлял, что надо «стоять за мужиков».

«всем крестьянам выбиваться от помещиков на волю силою, и если кто из крестьян до св. пасхи (1861 г.) не отобьется, тот будет, анафема, проклят» [1].

Многотысячными толпами крестьяне собирались из десятков окрестных сел и деревень в Черногае и особенно в Кандеевке, провозглашая полную вольность и отказ от всякого подчинения помещикам: «Земля вся наша! На оброк не хотим и работать на помещиков не станем». С возгласами «воля, воля» развозилось по селениям красное знамя, приготовленное одним из крестьян, Максимом Потаповым. Руководитель движения Леонтий Егорцев, человек бывалый, несколько раз находившийся в бегах, подвергавшийся судебному преследованию, пользовался в народе громадным авторитетом. Его слушали «все окрестные села, нарочно посылали за ним тройки, выводили его под руки и носили за ним скамейку» [2], именуя великим князем Константином Павловичем.

Первая попытка войск подавить восстание в дер. Черногае оказалась неудачной. 10 апреля 1861 г. прибывшая накануне для усмирения рота солдат встретила ожесточенное сопротивление и отступила, отстреливаясь, из деревни, оставив в руках крестьян исправника, управляющего имением, приказчика, двух солдат и юнкера, которые только позднее были освобождены подоспевшей другой ротой. Из числа крестьян во время столкновения 10 апреля было убито трое и ранено четверо [3]. Генерал-адъютант Дренякин, находившийся в Пензенской губернии, стянув после событий в Черногае подкрепления, явился 16 апреля в главный центр волнений — Кандеевку. Он попробовал было принудить крестьян к повиновению, но безуспешно. 18 апреля Дренякин, имея в своем распоряжении 9 рот, открыл огонь по толпе, снова собравшейся в Кандеевке. Крестьяне проявили при этом беспримерную, по характеристике самого усмирителя, неустрашимость. После нескольких залпов толпа продолжала стоять на своем: «все до одного умрем, но не покоримся». Не помог сначала и захват из толпы 410 человек, среди которых оказались крестьяне 14 селений, 3 различных уездов. Только после наказания 29 человек шпицрутенами сопротивление было сломлено, хотя отдельные лица продолжали твердить: «хоть убей, но на работу не пойдем и на оброк не хотим».

В Кандеевке было убито 8 и ранено 27 человек. По делу о волнениях в Кандеевке и др. селениях 108 человек были наказаны шпицрутенами и сосланы в Сибирь на каторжные работы и на поселение, 58 человек наказано розгами [4]. Егорцеву

---

[1] Кандеевское восстание в 1861 г., «Красный архив», 1939, т. I (92), стр. 94.

[2] Там же, стр. 107.

[3] Там же, стр. 95—100.

[4] А. М. Дренякин. Сказание о волнении крестьян в Кандеевке в 1861 г. «Русская старина», 1885, апрель, стр. 139—160 (напечатан рапорт Дренякина Александру II); Кандеевское восстание в 1861 г. «Красный архив», 1939, т. I (92), стр. 117—132.

удалось уйти от расправы генерала Дренякина, но уже через месяц, в ночь с 15 на 16 мая 1861 г., он умер (в селе Сенцовке, Тамбовской губ., в доме родственника) [1].

Петр Заичневский, один из руководителей студенческого революционного кружка в Москве, в июне 1861 г. писал (из Орла) своему товарищу по кружку П. Э. Аргиропуло: «Здесь проезжал полковой командир Казанского полка, ходившего на усмирение крестьян в Пензу, и рассказывал, что там взбунтовалось тысяч до тридцати, но которые были разъединены. Над первой толпой, встретившей их и состоявшей, по крайней мере, тысяч из 12, развевалось красное знамя. В день восстания несколько мужиков ехали на телеге и везли красное знамя и говорили собравшемуся народу, чтобы он шел в заранее назначенную деревню. Три раза стреляли и ни один их них не двинулся с места. Вот оно, красное знамя начинает развеваться и у нас и осенять собой толпы собравшихся, хотя и не вооруженных, но все-таки и на защиту великого дела социализма — общинного владения землей» [2].

Разумеется, ни о каком «социализме» пензенские крестьяне не слыхивали и не помышляли — они боролись за землю, за освобождение от гнета помещиков. Но характерно впечатление, произведенное кандеевскими событиями на революционную молодежь и отразившееся в письме.

Неоднократно тех же событий касался, начиная с мая 1861 г., герценовский «Колокол» [3]. В одном из номеров «Колокола» Герцен писал: «Храбрый Дренякин представлял к награде «молодцов», убивавших крестьян, наших братьев русских крестьян. Чем же их наградить? Надобно выписать австрийские или прусские кресты — не русскими же награждать за русскую кровь!» Герцен предлагал правительству выбить такую медаль: с одной стороны, венок из розог, связанный флигель-адъютантским аксельбантом, а с другой стороны: «Сим освобождаю!» [4].

В одно время с пензенскими событиями разыгрались бурные волнения в Казанской губернии. Главнейшим центром этих волнений, с именем которого они и вошли в историю, было село Бездна, Спасского уезда.

Первые известия о совершившейся реформе, еще до получения Положений 19 февраля, были восприняты крестьянами в том смысле, что отныне всякие повинности в пользу помещиков должны быть немедленно и совершенно уничтожены и что крестьяне делаются собственниками всех помещичьих земель и угодий.

Положения вызвали недоумение и разочарование крестьян, но они не удовлетворились дававшимися помещиками, священни-

---

[1] «Красный архив», 1939, т. I (92), стр 115—116.

[2] П. Г. Зайчневский, сообщ., В. П. Алексеев. «Красный архив», т. I, М., 1922, стр. 277 (Ср. «Каторга и ссылка», 1930, № 7, стр. 103).

[3] «Колокол», лист 98—99 от 15 мая 1861 г., стр. 821, лист. 102 от 1 июля, стр. 859, и др.

[4] «Колокол», лист 104, от 1 августа 1861 г., стр. 876.

ками и местным начальством объяснениями и настойчиво искали преданных народу толкователей, которые сумеют по-иному, в духе крестьянских желаний, прочитать пространные и мудреные документы реформы.

Крестьянин села Бездна Антон Петров, сектант, один из местных грамотеев, неправильно толкуя помещенный в Положениях образец уставной грамоты, пришел к убеждению, что свобода была объявлена царем еще в 1858 г. — при десятой ревизии населения, но скрыта была помещиками.

Сам Петров в своих показаниях при следствии следующим образом излагал дававшееся им толкование «воли». «С тех пор, (т. е. с момента «открытия» им «воли» — Ш. Л.) я всем приходящим ко мне стал объявлять, что крестьяне — вольные, говорил им, чтобы они не слушали помещиков и начальствующих властей, приказывал крестьянам не ходить на барщину, не платить оброков, не давать подвод, даже не препятствовать, когда крестьяне увидят, что другие будут брать из барских амбаров хлеб... Толковал, что вся земля принадлежит крестьянам, а помещику остается только одна треть» [1].

По некоторым сторонним свидетельствам, толкования Петрова имели еще более радикальный характер. Например, управляющий одним из имений в районе волнений Н. А. Крылов в письме к своей помещице передавал так слова Антона Петрова: «помещичьи земли, — горы да долы, овраги да дороги и песок да камыш, лесу им ни прута. Переступит он шаг с своей земли — гони добрым словом, не послушался — секи ему голову, получишь от царя награду». Крылов добавляет: «народу такая воля нравилась, со всех сторон стекались толпы слушать истинную волю и приносили с собой Положения, в которых он отмечал, где находить истинную волю» [2].

Весть об открытии Антоном Петровым «истинной воли» с огромной быстротой обошла окружающие местности. В Бездне стали собираться ежедневно тысячи крестьян. Усмиритель волнений, генерал Апраксин утверждал в своих рапортах Александру II, что Петров «возмутил» до 90 деревень Спасского уезда» [3]. Кроме того, волнения захватили смежные Лаишевский и Чистопольский уезды Казанской губернии и даже нашли отражение в некоторых местностях губерний Симбирской и Самарской, откуда приезжали в Бездну люди «из казенных крестьян и татар» [4].

Отказывая в повиновении начальству и помещикам, крестьяне приступили к смене властей: «Властей никаких,— по утвержде-

---

[1] Бездненское восстание 1861 г. «Красный архив», 1929, т. V (36), стр. 185; Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права. Ч. I и II. М.—Л. 1949, стр. 62—75.

[2] Восстание в Бездне. «Красный архив», 1929, т. IV (35), стр. 196.

[3] Там же, стр. 186.

[4] Там же, стр. 182.

нию Апраксина,— уже не признавали, назначив своих распорядителей по указанию Антона Петрова»[1].

Петров торопил крестьян с осуществлением их прав на свободу, говоря, что книга («Положения» — Ш. Л.) прислана от царя, чтобы крестьяне в три месяца поняли, что им дана чистая воля, если же в этот срок не поймут, дастся еще три месяца, а потом царь велит книги отобрать[2].

Волнения были подавлены царским посланцем свитским генералом гр. Апраксиным, выступившим в этом случае и прямым исполнителем воли казанского дворянства, которое было чрезвычайно напугано начавшимся в губернии движением крестьян и объявило Антона Петрова вторым Пугачевым. Прибыв 12 апреля 1861 г. с войсками в Бездну, Апраксин потребовал у собравшейся там большой толпы немедленной выдачи Петрова. Отказ со стороны толпы удовлетворить это требование повлек за собой зверский расстрел, при котором, по официальным данным, было убито и умерло от ран 91 человек и ранено 87[3]. На самом деле число жертв было гораздо больше (по подсчетам врача, лечившего пострадавших, более 350).

На рапорте Апраксина о расстреле Александр II написал: «не могу не одобрить действий гр. Апраксина, как это ни грустно, но нечего было делать другого»[4]. Антона Петрова, который после расстрела крестьян отдался в руки Апраксина, царь предписал «судить по полевому уголовному уложению и привести приговор в исполнение немедленно»[5], т. е. предрешал заранее присуждение Петрова к смертной казни. 17 апреля состоялся военный «суд» над Петровым, вынесший ему смертный приговор. 19 апреля была совершена казнь «при собрании жителей с. Бездны и селений всего Спасского уезда»[6].

В народе, по свидетельству уже цитировавшегося письма Крылова, Антона Петрова считали «святым», «мертвых—мучениками».

Автор статьи в «Колоколе» — «Сказание о безднинском побоище в Казанской губернии» — сообщает, что «на Антона Петрова крестьяне смотрели, как на лучшего человека в селении... Все раненые, при вести о неожиданном убийстве Петрова, плакали о нем и крестились»[7].

Расстрел в Бездне произвел громадное впечатление на передовые круги русской интеллигенции. Ниже мы касаемся извест-

[1] «Красный архив», 1929, т. IV (35), стр. 182, т.V (36), стр. 185.

[2] Из показаний одного из крестьян Лариона Тимофеева, «Красный Архив», 1929, т. V (36), стр. 190.

[3] Безднинское восстание, Сб. документов. Подготов. к печати А. И. Сочалов и Г. Н. Вульфсон. Казань, 1948, стр. 64.

[4] «Красный архив» 1929, т. IV (35), стр. 180.

[5] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XI, стр. 109.

[6] «Красный архив», 1929, т. IV (35), стр. 185 (рапорт Апраксина); По сообщению «Колокола» (л. 125 от 15 марта 1862 г., стр. 1043 (присутствовало всего около 100 человек, согнанных силою).

[7] «Колокол», лист 125, от 15 марта 1862 г., стр. 1043.

ной политической демонстрации казанского студенчества, связанной с этим расстрелом. «Мозг разлагается, кровь стынет в жилах, читая наивно-простодушный рассказ такого злодейства, какого не бывало с аракчеевских времен»,— восклицал Герцен в «Колоколе» по поводу официального отчета о событиях в Бездне [1]. Вскоре после того Герцен писал, обращаясь к народу: «Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подъячего, боишься их — и совершенно прав; но веришь еще в царя и в архиерея... Не верь им! Царь с ними, и они его. Его ты видишь теперь,— ты, отец убитого юноши в Бездне, ты, сын убитого отца в Пензе. Он облыжным освобождением сам взялся раскрыть народу глаза и для ускорения послал во все четыре стороны Руси флигель-адъютантов, пули и розги» [2].

Нет сомнения, что кандеевское и, в еще сильнейшей степени, бездненское дело весьма содействовали дальнейшему революционированию передовых кругов русского общества.

Крупные волнения крестьян в момент объявления манифеста, которые вызвали применение воинской силы и огнестрельного оружия, кроме указанных, произошли в ряде других губерний — Смоленской, Витебской, Подольской, Екатеринославской, Пермской и т. д.

В Гродненской губ. в половине марта волнением крестьян было охвачено более 20 имений Белостокского у. Крестьяне из всех имений собрались в мест. Заблудовке, где их окружили неожиданно войска. Массовая порка, которая была применена к крестьянам, принудила их смириться [3].

В Подольской губ. крестьяне приняли Положение 19 февраля как полное освобождение от повинностей, на основании чего перестали выполнять помещичьи работы. Убеждения властей, встревоженных таким толкованием, сопровождались угрозами, что вызвало волнения крестьян, охватившие огромный район из многих уездов. В с. Тимановке, Ямпольского уезда, крестьяне напали на солдат, присланных для усмирения, и двух из них ранили. В схватке штыками солдат было ранено двое крестьян, один из них сразу умер. Лишь после жестокой порки «зачинщиков», которые на сходе от лица крестьян говорили, что «громада никогда не покорится и на помещика работать не будет», удалось добиться обещания крестьян отрабатывать барщину [4].

---

[1] А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. XI, Пгр., 1919, стр. 106.

[2] Там же, стр. 194.

[3] Е. А. Морохсвец. Крестьянское движение 1827—1869 гг. вып. II, М.—Л. 1931, стр. 15.

[4] ЦГИАМ. III отд., IV эксп. 1861 г., № 223, «Донесения о ходе крестьянского дела по Каменец-Подольской губ.», лл. 12—17. Всего, в течение апреля—мая 1861 г., в Подольской губ., согласно отчету флигель-адъютанта барона Корфа, «выходило из повиновения» 80 тысяч крестьян, в 159 селениях («Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права», стр. 183), № 238, «Донесения о ходе крестьянского дела по Черниговской губ.», лл. 15—17 об.

В основе волнений в Нежинском уезде, Черниговской губ., лежало убеждение крестьян, что наделы, которыми они пользуются, есть «дедовская» земля, а потому помещики по Положению 19 февраля должны отрезать им новые наделы. Начавшись в имении гр. Кушелева-Безбородко, волнение быстро распространилось по уезду, и для пресечения его были вызваны воинские части [1].

Натиск крестьян весной 1861 г., наиболее сильный и чреватый опасностями для полицейского строя, был отбит самодержавием. Но борьба на этом не закончилась и продолжалась в ближайшие месяцы и годы, принимая иногда острые формы.

В начале 1863 г. волна крестьянского движения стала резко подниматься вверх. В Козелецком уезде, Черниговской губ., крестьяне при введении уставной грамоты, в октябре-ноябре 1862 г. открыто говорили, что они ждут «слушного часа». С приближением 19 февраля все чаще стали они уклоняться от выполнения повинностей по уставной грамоте, а затем заявили, что с этого дня они работать на помещика не будут [2].

В д. Миткирей, Саратовской губ. крестьяне перестали выполнять работы, говоря, что «два года после объявления высочайшего манифеста 19 февраля 1861 г. — прошло, а потому они исполнять какую-либо повинность не считают для себя более обязанным»; к этому они добавляли, что «ждут от государя императора нового определения [3].

В других губерниях, например, Подольской, крестьяне многих имений после 19 февраля 1863 г. не вышли на работы, считая, что земля с этого момента является их собственностью и они не должны иметь никакого дела с помещиками [4].

Этой веры в «слушный час» власти не могли вполне рассеять никакими способами. 19 февраля 1863 г. во многих губерниях крестьяне съезжались в города (Воронеж, Харьков), заполняли церкви в ожидании приглашения выслушать новый царский манифест.

Подобные ожидания крестьян поддерживались и формулировались «зачинщиками», по официальной терминологии, стихийно выдвигавшимися из крестьянской массы.

Почти в каждом случае волнения можно обнаружить присутствие такого толкователя манифеста и Положений. В 1861—1863 гг. среди крестьян, административно понесших наказания, большинство было привлечено к ответственности за собственные мнения по крестьянскому делу. Крестьянин Ф. И. Леонов при чтении манифеста говорил: «Какая же это воля и милость. Это от царя

---

[1] Там же.

[2] ЦГИАЛ, фонд МВД, зем. отд., 4 дел-во, 1863 г., № 66, лл. 1—5.

[3] ЦГИАМ, III отд., IV эксп., 1863, № 214. «Донесение о ходе крестьянского дела по Саратовской губ.», лл. 11—12 об.

[4] Там же, № 209. «Донесения о ходе крестьянского дела по Каменец-Подольской губ.», лл. 1—2.

грабеж, а не милость»[1]. Ф. Драгуненко на сходе во время чтения речи Александра II к старшинам Московской губ. еще резче отозвался: «Кто сочинил, того за эти слова надо повесить»[2].

Следует отметить активную роль в волнениях женщин-крестьянок. Ярким примером могут служить события в Тарусском уезде Калужской губернии весною 1861 г. В рапорте царю о подавлении волнений в имении Мухина свитский генерал-майор Казнаков сообщал: «Во время взятия крестьян под стражу и наказания их, толпы, расположенные вдали, и преимущественно женщины, которых разогнать не было возможности, оглашали воздух плачем и воплями, поощряли крестьян к сопротивлению, кричали мужьям, чтобы выдерживали наказания до конца, не давая обещания исправлять барщину, старались убеждать солдат к неисполнению своего долга и осыпали меня бранью»[3].

Крестьянское движение против обманной реформы, которое в пензенских и казанских событиях получило особенно яркое выражение, прокатилось в течение 1861 г., как указано, почти по всей России. По отчету III отделения за этот год, не считая «незначительных ослушаний», прекращенных без вмешательства властей, временно-обязанными крестьянами было оказано неповиновение в 1176 имениях. В 337 из этих имений введены были воинские команды[4]. В 17 случаях III отделение отметило «нападения» крестьян на войска, в 48-ми — сопротивление арестам «виновных» или насильственное освобождение задержанных. В 126 имениях крестьяне, как выражается отчет, «буйствовали при укрощении неповиновавшихся». Официальный перечень жертв, понесенных крестьянами в борьбе против реформы за 1861 г.— перечень, бесспорно, преуменьшавший эти жертвы,— гласил: убито и умерло от ран — 140 человек, ранено — 170; заключено под стражу — 868, из них предано военному суду — 223, гражданскому — 257, наказано шпицрутенами — 117; сослано в Сибирь — 147; отдано в арестантские роты и рабочие дома — 93; подвергнуто наказанию розгами — 1807 человек[5].

Отпор крестьян продолжался и в 1862 и в 1863 гг. «Наиболее значительные» волнения в 1862 г. имели место, по данным отчета III отделения за этот год, в 400 имениях, воинские команды

---

[1] Там же, 1 эксп. 1862 г. № 34 «О лицах, произнесших дерзкие слова против особ императорской фамилии», ч. II, л. 2.

[2] Там же, 1863 г., № 53 «О лицах, произнесших дерзкие слова против особ императорской фамилии», ч. 18, л. 25.

[3] Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права, стр. 89.

[4] Министерство внутренних дел в обзоре своих действий сообщало такие цифры за 1861 г.: из 748 случаев волнений, охвативших 2.034 селения, спокойствие было водворено с содействием военной силы в 1666 селениях (499 случаев) (Алексей Попельницкий. Как принято было Положение 19 февраля 1861 г. освобожденными крестьянами, «Современный мир», 1911, № 3, стр. 171).

[5] Е. А. Мороховец. Крестьянское движение 1827—1869 г., вып. II, М.—Л. 1931, стр. 17—18.

были введены в 193 имения, из них в 93 крестьяне «буйствовали», в 4 нападали на войска, в 44 сопротивлялись аресту «виновных» или насильно освобождали арестованных; под стражу было заключено 844 человека, предано суду: военному — 144, общеуголовному — 366, наказано шпицрутенами 27 человек, розгами 1546, сослано в Сибирь — 47, заключено в арестантские роты и рабочие дома — 51 и отдано под надзор полиции — 66 человек [1]. В 1863 г. только «наиболее значительные» волнения произошли в 386 имениях, воинские команды были введены в третью их часть, нападений на солдат было 11, случаев сопротивления арестам «виновных» — 39, «исправительному наказанию» подверглись 1280 человек, суду было предано — 223 [2].

Размах и напряжение крестьянских волнений после 1861 г. как видно из этих данных, постепенно все же падали, хотя количество волнений еще и держалось в течение двух следующих лет на высоком уровне. Дальше, однако, число волнений падает уже довольно стремительно: 1864 г. дал всего 75 волнений, и потом до конца десятилетия цифра их ни разу не поднималась хотя бы до 100 (официальные данные о волнениях по годам: 1865 г.— 93, 1866 г. — 70, 1868 г. — 54, 1869 г. — 53 [3]. «Гидра мятежа», которой страшилось одно время землевладельческое дворянство, была раздавлена, и крестьянству, несмотря на понесенные им кровавые жертвы, так и не удалось «взять волю». Это ни в коем случае не означало, конечно, что крестьянская масса внутренно примирилась с совершенным над нею насилием. В конце 60-х гг. известный Скалдин (Ф. П. Еленев), в своих очерках «В захолустьи и в столице», мог констатировать «всеобщее между крестьянами ожидание новой, или чистой воли», «Царь подарит нам нашу землю»— вот тайный лозунг, передающийся «из уст в уста между крестьянами по всему пространству России», — писал Скалдин [4].

Что обусловило сравнительно легкую победу крепостнической власти над угнетенной крестьянской массой в годы реформы? Победа, в конечном счете, определилась общим соотношением всех боровшихся на политической арене сил, о чем нам подробнее придется еще говорить ниже. Но сейчас уже можно подвести некоторый итог особенностям самого крестьянского движения, которые способствовали его поражению и разгрому.

На примере даже наиболее упорных и острых выступлений, как кандеевское и бездненское, можно видеть, насколько еще политически отсталой была масса крестьянства в то время. Подобно вождям великих крестьянских восстаний XVII и XVIII вв., Разину и Пугачеву, которых И. В. Сталин называет царистами, выступившими против помещиков, но за «хорошего царя» [5], царистами же

[1] Там же, стр. 40.
[2] Там же, стр. 70.
[3] Е. А. Мороховец. Крестьянская реформа 1861 г., М. 1937, стр. 130.
[4] Скалдин. В захолустьи и в столице. СПб. 1870, стр. 262.
[5] И. В. Сталин. Статьи и речи от XVI до XVII съезда ВКП(б). М. 1934, стр. 159.

были и руководители местных крестьянских протестов 1861 г.; верой в царя были заражены и следовавшие за ними массы. Идейно-политическая почва всего крестьянского движения являлась вследствие этого в высшей степени зыбкой, «санкцией» для него служили различного рода слухи, фантастические толкования актов царской власти, которые не могли поднять крестьян на сознательную борьбу.

Крестьянскому движению недоставало не только сознательности, но и организованности. Кое-какие зачатки, зародыши организации можно, правда, найти в некоторых выступлениях, но все же это были именно только слабые зачатки и притом обнаруживаемые только в единичных случаях.

Между районами отдельных крестьянских протестов не было связи и согласованности, крестьяне действовали разобщенно, и протесты их усмирялись раньше, чем они могли бы создать серьезную угрозу режиму. В результате всего этого и количественные масштабы крестьянского движения, при всей значительности, оказались далеко недостаточными для уничтожения опиравшейся на огромную материальную силу царской власти. «В России в 1861 г.,— пишет Ленин,— народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую открытую сознательную борьбу за свободу. Крестьянские восстания того времени остались одинокими, раздробленными, стихийными «бунтами», и их легко подавляли» [1].

В России в период реформы была налицо, как указывает Ленин, революционная ситуация. Она назревала в конце 50-х гг. и обострилась особенно в 1861 г. Крестьянское движение было главным в числе факторов, из которых складывалась революционная ситуация. Но для превращения революционной ситуации в революцию требуется, как учит Ленин, наличие революционного *класса,* способного «на революционные массовые действия, достаточно *сильные,* чтобы сломить (или надломить) старое правительство» [2]. Крестьянство, боровшееся в период реформы за «чистую волю», не было и не могло стать таким классом. «Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями» [3]. Русское крестьянство в эпоху реформы, забитое, политически крайне отсталое, раздробленное и не организованное, еще не имело этого союзника и руководителя. И в своей борьбе за подлинное освобождение оно тогда потерпело поражение.

§ 2. «Олигархическая» и либеральная оппозиция

«Положения» 19 февраля вырабатывались под углом зрения максимальной защиты помещичьих интересов и привилегий.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4, стр. 65.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 21, изд. 4, стр. 190.
[3] И. В. Сталин. Статьи и речи от XVI до XVII съезда ВКП(б), стр. 159.

Александр II заявил при обсуждении крестьянской реформы в Государственном Совете (в январе 1861 г.): «Все, что можно было сделать для ограждения выгод помещиков,— сделано» [1]. «Дворянство видело, что власть старалась сделать для него все, что могла», в свою очередь подчеркивал год спустя Н. Г. Чернышевский [2]. Все же после опубликования «Положений» настроения недовольства и оппозиция в дворянских кругах в первое время приняли довольно обостренную форму.

С одной стороны, не заглохли тенденции «олигархического» порядка, ярким выразителем которых явился в период столкновений дворянских депутатов с редакционными комиссиями (1859 г.) Михаил Безобразов. Сторонники этих взглядов не хотели простить «бюрократии», что она не отдала в руки привилегированного дворянства всего дела реформы целиком; они продолжали негодовать на то, что крестьяне были освобождены «с землей» и получили якобы «независимое» от дворянства общественное устройство. Представители данного течения стремились к дворянско-аристократической «конституции». «Конституция, — писал в мае 1861 г. К. Д. Кавелин, бывший противником подобных стремлений, — вот что составляет теперь предмет тайных и явных мечтаний и горячих надежд дворян; она во всех устах и сердцах; о ней толкуется во всех кружках, в столицах и захолустьях, это теперь самая ходячая и любимая мысль высшего сословия» [3].

Вожделения «олигархической» группировки нашли выражение во время губернских дворянских выборов в январе 1862 г. в Москве. Влиятельные дворянские деятели Николай Безобразов и В. Орлов-Давыдов в своих выступлениях отстаивали дворянство, как «учреждение политическое», требовали согласования Положений 19 февраля с дворянской грамотой Екатерины II и «твердо стояли» на принадлежности всей земли помещикам. Характерно, что «дикое,— по отзыву одного из присутствовавших (помещика Томашевского), — мнение Безобразова, которого смысл (был) почти такой, чтобы уничтожить реформу», вызвало среди собравшихся на выборы дворян «живейшую демонстрацию с восклицаниями и аплодированием» [4]. Более половины присутствовавших одобрили предложения, внесенные Н. Безобразовым, в которых содержалось ходатайство о созыве «общего» или «государственного» дворянского собрания для «исправления» Положений 19 февраля в духе планов этой группировки [5].

---

[1] Журналы и мемории общего собрания Государственного совета по крестьянскому делу, П. 1915, стр. 4.

[2] Н. Г. Чернышевский. Избр. экономические произведения, т. II, стр. 629.

[3] К. Д. Кавелин. Дворянство и освобождение крестьян, Соч., т. II, СПб. 1898, стр. 136.

[4] Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 19, СПб, 1905, стр. 4—7.

[5] Н. А. Безобразов. Предложения дворянству. Берлин, 1862, стр. 35.

Отголоски аналогичных настроений и требований встречались среди московского дворянства и позднее; в январе 1865 года был принят адрес Александру II, в котором оно просило царя «довершить» «государственное здание» созывом выборных от «земли русской» и допустить избрание с этой целью лучших представителей «верного дворянства» [1]. Правительство систематически отклоняло все пожелания о призыве выборных представителей дворянства к участию в управлении страной.

В среде демократии понимали подлинную природу «оппозиционности» Безобразовых и Орловых-Давыдовых и знали действительную цену их попыткам «ограничить,— по меткому слову Герцена,— белой дворянской костью царский произвол» [2]. Но Герцен все же признавал за этими трениями между правительством и определенным кругом дворян положительное значение с точки зрения освободительного движения народа. «Все, — заявлял он, — что может подмыть, смыть казарму и канцелярию, все, что может увлечь в общий поток и в нем распустить бюрократию и сословные монополии... — все это будет принято нами с радостью и восторгом, чьими бы руками ни было сделано. Ломайте, господа, ломайте пуще всего друг друга...» [3].

Другое направление недовольного дворянства представляла либеральная группировка. По характеру своих целей и стремлений это было буржуазное направление, встречавшее сочувствие и поддержку со стороны крепнувшей буржуазной интеллигенции города, как и со стороны более просвещенных представителей торгово-промышленного класса. К либеральной группировке примыкали те элементы, которые сознавали, что к прошлому уже не может быть возврата, что дворянству необходимо скорее приспособиться к новым условиям развивающейся буржуазно-капиталистической России. Для этого ему надо было отказаться от пережившей себя сословной обособленности и вместе с другими родственными слоями населения добиваться правовых гарантий, обеспечивающих капиталистическое развитие его хозяйственной деятельности. Общее состояние неустойчивости и неуверенности, враждебное отношение народа к Положениям 19 февраля, тревожное ожидание крестьянских восстаний, финансовая разруха, вопиющие недостатки в администрации и суде, господствовавшая система бюрократического произвола и опеки — питали оппозиционные настроения этой группы и побуждали ее искать ответа на вопрос — «какой исход для России из нынешнего ее положения?» [4].

В «Письмах без адреса» Чернышевский указывал, что «поме-

---

[1] Б. Б Веселовский. История земства, т. III, СПб, 1911, стр. 97—98; Герцен, Полн. собр. соч., т. XVIII, II. 1920, стр. 48—49.

[2] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XVIII, стр. 46.

[3] Там же, стр 365.

[4] Так называлась брошюра А. И Кошелева, написанная в самом конце 1861 г.

щики ропщут и предъявляют требования, о которых не отваживались говорить не больше, как год тому назад» (писано было в начале 1862 г.), что среди дворянства возникают мысли о «реформе общего законодательства, об основании администрации и суда на новых началах, о свободе слова» [1].

Чернышевский писал о либерально-дворянской группировке, которая пыталась активизировать свою политику, определеннее и яснее заявить свои желания правительству.

Оценивая позицию русского дворянства в 1859—1861 гг., Ленин считает, что «самый сплоченный, самый образованный и наиболее привыкший к политической власти класс — дворянство — обнаружил с полной определенностью стремление ограничить самодержавную власть посредством представительных учреждений» [2].

Эти конституционные устремления наиболее ярко выразились в выступлении дворянских либералов Тверской губернии. В декабре 1861 г. на губернском съезде мировых посредников в Твери было признано, что «законоположение 19 февраля не удовлетворило народных потребностей ни в материальном отношении, ни в отношении гражданской свободы, а возбудило их в самой сильной степени». Единственным выходом из положения съезд признал обязательный выкуп и установление общественного порядка на «взаимном доверии» правительства и общества. В начале февраля 1862 года тверское губернское дворянское собрание также высказало убеждение в «несостоятельности» обязательных отношений с крестьянами и в необходимости их немедленного прекращения путем выкупа наделов «при содействии всего государства». Одновременно собрание высказалось за преобразование финансовой системы управления в том смысле, чтобы «оно зависело от народа, а не от произвола», за учреждение независимого гласного суда, введение полной гласности во все отрасли управления, за уничтожение сословных привилегий дворянства и слияние сословий. Считая, что само правительство не в состоянии осуществить эти реформы и что новые учреждения «могут выйти только из самого народа», собрание заявило: «Посему дворянство не обращается к правительству с просьбой о совершении этих реформ, но, признавая его несостоятельность в этом деле, ограничивается указанием того пути, на который оно должно вступить для спасения себя и общества. Этот путь есть собрание выборных от всего народа без различия сословий». В духе этих постановлений был составлен и адрес Александру II. Адрес заканчивался требованием созыва «выборных от всей земли русской», которые должны были разрешить вопросы, поставленные, но не разрешенные правительством в Положениях 19 февраля 1861 г. Вслед за тем собрались снова мировые посредники и, сославшись на ре-

[1] Н. Г. Чернышевский. Избр. экономич. произведения, т. II, стр. 621—631.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 5, изд. 4, стр. 24.

золюцию от декабря 1861 г. и на заключение губернского дворянского собрания, объявили о своей решимости в дальнейшей деятельности руководствоваться исключительно этими постановлениями. 13 человек, подписавших заявление мировых посредников (Н. и А. Бакунины, В. Кудрявцев, А. Кислинский и др.), были арестованы и отвезены в Петропавловскую крепость; после пятимесячного заключения их судили и приговорили к заключению на два с лишним года каждого (от этого наказания их потом освободили) [1]. «Вот как расправлялось во время самых «великих реформ» наше правительство с легально действовавшими дворянами-помещиками!», — писал об этом эпизоде В. И. Ленин [2].

Тверское выступление осталось изолированным фактом и не получило дальнейшего развития в либерально-оппозиционном движении 60-х гг. В целом, помещичье-буржуазный либеральный лагерь продолжал оставаться на позициях гораздо более умеренных и правых. Такой столп либерализма, как К. Д. Кавелин, всю свою программу сводил тогда к трем пунктам: «крепко и здорово» устроенный суд, свобода печати, местное самоуправление. Местному самоуправлению он придавал особое значение, полагая, что путем опыта работы в нем дворянство «приготовится как следует к дальнейшей, более обширной политической деятельности». О введении в России конституции он говорил тогда как о «бесплодных мечтах» [3]. Здесь сказывалось далеко не одно недоверие к специфически дворянскому «конституционализму», но и убеждение автора в «преждевременности» вообще конституции для России. Недоверие к общественным силам, панический страх перед политическим пробуждением народа дополнялись у Кавелина лакейским превознесением Александра II и его «реформ» [4]. Кавелин и либералы больше боялись народного движения, чем правительственной реакции, и оправдывали зверские репрессии власти против революционеров и революционного движения.

В августе 1862 г., после ареста Чернышевского и других революционеров, Кавелин писал Герцену с профессорско-лакейским, по выражению Ленина, «глубокомыслием»: «Аресты меня не удивляют и, признаюсь тебе, не кажутся возмутительными. Это война: кто кого одолеет. Революционная партия считает все средства хорошими, чтобы сбросить правительство, а оно защищается своими средствами» [5].

---

[1] Эпизод из истории общественных движений в России «Освобождение», кн. 1, Штутгарт, 1903, стр. 17—23. Ср. А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XV, стр. 71—78.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 5, изд. 4, стр. 25.

[3] К. Д. Кавелин. Дворянство и освобождение крестьян. Собр. соч., т. II, стр. 142; Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену, Женева, 1892, стр. 48.

[4] Письма К. Д. Кавелина А. И. Скребицкому «Вестник Европы» 1917, № 3, стр. 168. В начале 1864 г. Кавелин писал А. И. Скребицкому об Александре II: «Я перед ним преклоняюсь и не знаю меры глубочайшего уважения и сочувствия этому великому из великих русских царей».

[5] Письма Кавелина и Тургенева к Герцену, стр. 82.

Другой либерал (славянофильской окраски) А. И. Кошелев, хотя довольно зло и высмеивал сторонников «постепенного перехода» от местных собраний к центральному представительству, тоже боялся перспективы «согласия между крестьянами и мещанами, к которым присоединятся молодые и немолодые люди, сочинители и приверженцы Великорусса, Молодой России и пр.», т. е. демократическая интеллигенция. Он пытался запугать этой перспективой правительство и призывал его опереться на «умеренную, благомыслящую и самостоятельную оппозицию» [1].

Высказываясь против конституции, Кошелев предлагал созыв совещательной «земской думы» для разрешения крестьянского, дворянского, финансового вопросов. Он полагал, что из среды депутатов думы будет составлено министерство «единомысленное, дельное, знающее нужды и желания России и внушающее ей полное доверие».

Ленин писал по поводу рассуждений Кошелева: «Разве из пышных фраз этой тирады не вытекает с очевидностью тактика: истребить «отчаянные головы» и приверженцев «согласия между крестьянами и мещанами», а «благомыслящую умеренную оппозицию» удовлетворить и разъединить уступками? Только правительство оказалось умнее и ловчее, чем воображали г. г. Кошелевы, и отделалось меньшими уступками, чем «совещательная» Земская дума» [2].

Трусливая и предательская тактика либеральной оппозиции облегчила правительству разгром революционных сил, после чего оно могло уже игнорировать пожелания самих либералов [3].

§ 3. Чернышевский и первые прокламации (1861 г.). Студенческое движение

Борьба народных масс против крестьянской реформы была той основной осью, вокруг которой, главным образом, вращались интересы всех демократических элементов страны.

Крепостнический характер реформы вызвал резкое возмущение и осуждение со стороны руководителей демократического общественного мнения. Оценка реформы Чернышевским нашла наиболее яркое выражение в его прокламации «Барским крестьянам», где он высказывался вполне свободно, не стесняемый никакими цензурными рамками. Вывод, сделанный Чернышевским из анализа реформы, гласил: «Не к воле, а к тому оно идет, что в вечную кабалу вас помещики взяли, да еще в такую кабалу, которая гораздо и гораздо хуже нонешней» [4]. В «Письмах без

---

[1] А. Кошелев. Конституция, самодержавие и земская дума, Лейпциг, 1862, стр. 50—51.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 5, изд. 4, стр. 29.
[3] Там же, стр. 33.
[4] Процесс Н. Г. Чернышевского. Саратов. 1939, стр. 279.

адреса» (в начале 1862 г.) Чернышевский писал: «...Результат (реформы — Ш. Л.) оказался такой, что изменены были формы отношений между помещиками и крестьянами, с очень малым почти незаметным изменением существа прежних отношений» [1]. В «Колоколе» обстоятельной оценке реформы была посвящена серия статей Огарева под заглавием «Разбор нового крепостного права, обнародованного 19 февраля 1861 г. ». «Старое крепостное право,— писал Огарев,— заменено новым. Вообще крепостное право *не отменено. Народ царем обманут*» [2]. Об «облыжном» освобождении говорил, как мы уже упоминали, сам Герцен. Из герценовской типографии позднее появилась брошюра Петра Мартьянова, выходца из крестьянской среды, которого редакция «Колокола» справедливо характеризовала, как человека, «испытавшего на себе всю тягость крепостного состояния». У Мартьянова сущность Положений 19 февраля была резюмирована в следующих словах: «...Оно открыто объявило, что русский человек лишен всех прав на землю, что из нее не только половину отбирают для дворянства, навсегда, бесплатно, но и последнюю облитую и потом и слезами часть земли народ обязан у дворянства выкупить за деньги, заработанные где-нибудь с ушибами, с увечьем, с переломом ног и рук; а то попрежнему работать барщину и слушаться властей» [3].

То обстоятельство, что крестьянство встретило реформу массовыми волнениями, обнадеживающе подействовало на революционно-демократические круги.

Действительность не оправдала их надежд, но в первое время после реформы положение оставалось настолько напряженным, что предусмотреть заранее дальнейшее направление событий было едва ли возможно. Именно об этом моменте Ленин писал: «...При таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной [4].

Сам собою возникал вопрос о недостаточности уже одной литературной пропаганды среди интеллигенции, о необходимости перейти к более действенным методам агитации и пропаганды, к собиранию революционных сил, их постепенной организации, к сближению революционной интеллигенции с народной массой. Если и раньше необходимость вовлечения масс в активную борьбу против самодержавия была ясна в принципе лучшим представи-

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Избр. экономич. произведения, т. II, стр. 629.— Друг Чернышевского (а также Герцена) Ник. Серно-Соловьевич еще раньше, в середине 1861 г. выразил свою оценку реформы почти в таких же словах: «Отменен один призрак, уничтожено только название. Существо, права, последствия крепостного права остались» (Н. Серно-Соловьевич. Окончательное решение крестьянского вопроса, Берлин, 1861, стр. 66).

[2] «Колокол», лист 101, от 15 июня 1861 г., стр. 848.

[3] П. Мартьянов. Народ и государство. Лондон 1862 г. (на обложке 1863 г.), стр. 60. Ср. «Колокол», лист 132, от 8 мая 1862 г. стр. 1093.

[4] В. И. Ленин. Соч. т. 5, изд. 4, стр. 27.

телям демократической интеллигенции, то теперь вопрос о непосредственном обращении к народу получил уже более или менее конкретную, практическую, постановку. Довольно быстро происходил рост сторонников революционно-демократического движения. Николай Серно-Соловьевич, ученик и друг Чернышевского и Герцена, после своего ареста писал царю (11 февраля 1864 г.) о том, что новая обстановка необходимо должна была «выработать большое количество личностей, страшных энергиею и непримиримостью убеждений. О таких личностях мы не имели понятия лет пять назад. Но уже в последние два-три года между самою юною молодежью стали проявляться характеры, пред силою которых самые крайние люди поколений, воспитанных в прошлое царствование, оказывались почти детьми» [1].

Кадры революционеров рекрутировались более всего из среды студенческой молодежи как столиц, так и провинциальных университетских центров. Следует отметить также сравнительно значительное участие в революционном движении и офицерской молодежи. Герцен особенно тепло отзывался об участниках движения из военной среды [2]. Но студенчество давало главные кадры и оказалось, кроме того, гораздо более устойчивым элементом движения. Происходившие в то время изменения в социальном составе студенчества, его демократизация, усиление роли разночинца — имели в этом отношении весьма важное значение.

Выделению из студенческой среды активных революционеров способствовали массовые студенческие выступления начала 60-х гг. Их крупное общественное значение было отмечено впоследствии Энгельсом в речи 1875 г. в годовщину польского восстания. «Что же касается России,— говорил Энгельс,— то мы видим, что в 1861 г. там вспыхнуло первое серьезное движение среди студентов, которое было тем опаснее, что народ повсюду был в сильном возбуждении вследствие освобождения крепостных крестьян» [3]. «Студенческие беспорядки» включены В. И. Лениным в перечень тех факторов, из которых складывалась в России революционная ситуация в период отмены крепостного права [4].

Студенческие волнения в Петербурге и Москве в начале 1861 г. были ответом на «охранительные» мероприятия власти в университетах и на бесчинства царского правительства в Польше. Вслед за тем, в апреле 1861 г., состоялась известная демонстративная панихида казанских студентов по жертвам расстрела крестьян в Бездне. Движение казанских студентов 1861 г. с наибольшей наглядностью указывает на прямую связь, которая существовала между крестьянской борьбой против обманной

---

[1] М. К. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», 2-е изд., СПб., 1908, стр. 217.

[2] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XIV, П. 1920, стр. 377.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 672.

[4] В. И. Ленин. Соч., т. 5, изд. 4, стр. 27.

«воли» и брожением среди интеллигентной молодежи. Некоторые студенты-казанцы после расстрела ездили в Бездну и пытались вступить в сношения с Антоном Петровым. Кровавый усмиритель бездninского восстания граф Апраксин писал об этом в рапорте Александру II от 14 мая 1861 г. [1].

В те дни, когда казанские помещики, по словам современника, обнаруживали свою «неистовую радость», в связи с расстрелом крестьян в Бездне, студенты Казанского университета и духовной академии устроили (16 апреля 1861 г.) в кладбищенской церкви панихиду по «в смятении за свободу убиенным», на которой присутствовало до 400 человек. Характерно, что панихида совершалась студентом духовной академии иеродиаконом Мелетием (Якимовым) и священником Яхонтовым, также прибывшим в Казань для поступления в академию [2]. Если верить Апраксину, студенты, прежде чем отправиться на кладбище служить панихиду, собирали народ «по улицам и на площадях» Казани и «превратно толковали ему происшедшее в Спасском уезде», т. е. открыто разоблачали преступные насилия царских властей над крестьянами.

На кладбище после панихиды с речью выступил баккалавр духовной академии (и преподаватель Казанского университета) историк А. П. Щапов, сказавший о бездninских жертвах: «Вы первые нарушили наш сон, разрушили своей инициативой наше несправедливое сомнение, будто народ наш не способен к инициативе политических движений. Земля, которую вы возделывали, плодом которой питали нас, которую теперь желали приобрести в собственность и которая приняла вас мучениками в свои недра, — эта земля воззовет народ к восстанию и свободе». Речь свою Щапов закончил возгласом в честь «демократической конституции» [3]. Речь Щапова показывает, какое огромное значение придавалось передовой демократической интеллигенцией крестьянским протестам против «воли» и как жаждала она пробуждения в народе политического сознания.

Правительство Александра II усмотрело в «беспорядках» студентов удобный повод продемонстрировать свою «твердую власть», свою реакционную волю. Оно провело ряд репрессивных и ограничительных мер против студенчества, затрагивавших в особенности интересы наименее обеспеченной части молодежи. Изданные в середине 1861 г. новые правила для студентов сво-

[1] М. В. Нечкина. Восстание в Бездне. «Красный архив», 1929, т. IV (35), стр. 194; Бездninское восстание. Казань, 1948, стр. 33—36, 57—58.

[2] А. Попельницкий. Панихида по убитым крестьянам в с. Бездне Казанской губ. Спасского уезда в апреле 1861 г. «Голос Минувшего» 1917 г., № 9—10, стр. 90—109; Бездninское восстание, стр. 97—98, 101—129, 140—145.

[3] Речь А. П. Щапова после панихиды по убитым в с. Бездна крестьянам, «Красный архив», 1923, т. IV, стр. 409—410. Щапов был арестован и привезен в Петербург, где присужден был к ссылке в монастырь. Лишь выступление передовой общественности заставило правительство освободить Щапова, после чего он сотрудничал в «Русском слове» и др. изданиях; в 1864 г. Щапов был сослан в Иркутск, где и умер (в 1876 г.).

дили к нулю все их корпоративные права (воспрещены сходки, депутации и пр.), они почти полностью ликвидировали практику освобождения нуждающихся от учебной платы, с целью «ограничить наплыв в университеты бедняков» [1].

Репрессии встретили со стороны студенчества резкий отпор: по университетским городам прокатилась новая, еще сильнейшая, волна «беспорядков». В Петербурге произошла (25 сентября 1861 г.) первая уличная демонстрация университетских студентов — шествие к дому попечителя,— заставившая говорить о себе не только в России, но и в Западной Европе. 12 октября 1861 г. произошло нападение полиции и войск на собравшуюся у здания университета толпу студентов; несколько сот человек было арестовано и заключено в Петропавловскую крепость. Правительство вынуждено было пойти на закрытие университета впредь до пересмотра университетского устава. В Московском университете волнения ознаменовались шествием студентов к могиле Грановского (в годовщину смерти знаменитого историка, 4 октября) с произнесением при этом «весьма неумеренных», как отмечали власти, речей. 12 октября в Москве также произошло дикое избиение молодежи, явившейся к генерал-губернаторскому дому требовать объяснений по поводу начавшихся среди студентов арестов. В Казани, в результате новых волнений, дело дошло до временного закрытия университета [2].

Политическое значение и последствия студенческих волнений, происходивших осенью 1861 г., не могли укрыться ни от самого передового студенчества, ни от руководителя демократического лагеря Чернышевского, который в «Письмах без адреса» отмечал «небывалое движение молодежи в самом Петербурге» в числе тех важнейших «новостей» 1861 г., «из которых каждая передвигала общество все дальше и дальше по одному направлению» [3]. Чернышевский не оставался в стороне от движения, происходившего среди студенчества, он поддерживал связь с некоторыми его руководящими участниками и направлял их работу в период, последовавший за открытыми волнениями сентября-октября 1861 г. П. Л. Лавров, вспоминал через много лет, по поводу конфликта, происшедшего в начале 1862 г. у активной группы студентов с профессором Костомаровым: «мне остались живы в памяти несколько слов, сказанных им (Чернышевским — Ш. Л.)... и которые сделали для меня очевидным, что движение студентов против Костомарова... происходило с согласия Чернышевского, под его влиянием...» [4]. Одна из последних перед арестом статей

---

[1] А. И. Георгиевский. Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков, СПб, 1890, стр. 4.

[2] С. Гессен. Студенческое движение в начале шестидесятых годов, М. 1932, стр. 56—117.

[3] Н. Г. Чернышевский. Избр. экономич. произведения, т. II, стр. 633.

[4] Лавров о Чернышевском. «Литературное наследство», № 7—8, М. 1933, стр. 115.

Чернышевского «Научились ли?» была вся посвящена энергичной и остроумной защите студенчества от нападок во враждебной печати [1].

Крупное значение студенческого движения признавал Герцен, который готов был усмотреть в петербургских событиях, разыгравшихся осенью 1861 г., даже начало новой эпохи. В известной статье «Исполин просыпается!» он посылал молодежи свое «дальнее благословение», он призывал ее итти к народу и связать свое дело с делом народа. Герцен писал: «Со всех сторон огромной родины нашей, с Дона и Урала, с Волги и Днепра растет стон, поднимается ропот; это — начальный рев морской волны, которая закипает, чреватая бурями, после страшно утомительного штиля. *В народ! К народу!* — вот ваше место, изгнанники науки...» [2].

Агитация в народе, агитация в среде молодежи были поставлены в тот момент в порядок дня, и в этом направлении делались попытки повести работу.

В кружке, сложившемся вокруг Н. Г. Чернышевского, к которому примыкали литератор Н. В. Шелгунов, поэт и публицист М. И. Михайлов, профессор военной статистики в академии генерального штаба полковник Н. Н. Обручев [3] и др., возникла зимою 1860-61 г. мысль о выпуске ряда прокламаций, направленных к различным слоям населения. По сообщению видного участника движения 60-х гг. А. А. Слепцова, намечали обратиться ко всем тем общественным группам — крестьянам, солдатам, раскольникам и молодежи, в которых предполагалось недовольство существующим положением. «Соответственно с этим роли были распределены следующим образом: Чернышевский... должен был написать прокламацию к крестьянам; Шелгунов и Николай Обручев взяли на себя обращение к солдатам; раскольников поручили Щапову, а потом... передали Николаю Гавриловичу; молодое поколение взяли Шелгунов и Михайлов» [4]. Существует свидетельство Шелгунова о том, что сам он, действительно, написал зимою 1861 г. прокламации к солдатам и к молодому поколению, а Чернышевский написал прокламацию к народу [5].

Написанная первоначально Шелгуновым прокламация «Русским солдатам от их доброжелателей поклон» не была напечатана, попав в рукописи в руки III Отделения, но другая прокламация Шелгунова, «К солдатам», была затем издана небольшим числом экземпляров и получила распространение (частью в ру-

---

[1] Старое письмо Чернышевского к Лаврову, взятое у последнего при обыске в 1866 г., документально свидетельствует, что в конце 1861 г. Чернышевский проявлял большую заботу о репрессированных участниках студенческих волнений в Петербурге (Процесс П. Л. Лаврова 1866 г., «Сборник материалов и статей», вып. 1, 1921, стр. 67).

[2] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XI, Пгр. 1919, стр. 258—261.

[3] Впоследствии дослужившийся до поста начальника главного штаба.

[4] М. К. Лемке, Политические процессы в России 1860-х гг. Изд. 2, М.—П. 1923, стр. 318.

[5] Н. В. Шелгунов. Воспоминания, М.—П. 1923, стр. 33.

кописных копиях) осенью 1861 г. Она убеждала солдат не повиноваться начальству, посылающему их против крестьян, указывала им на общность их интересов с интересами народа и звала присоединиться к народу, «когда тот восстанет» [1].

Прокламацией к народу, о которой говорит Шелгунов, является также попавшее в рукописи в III Отделение воззвание: «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Она принадлежит перу Н. Г. Чернышевского — по крайней мере в основной своей части, что не исключает возможности отдельных вставок или поправок, сделанных кем-либо из его окружения (б. м., Михайловым) [2].

В своей прокламации Чернышевский с огромной силой и прозорливостью давал разбор Положений 19 февраля и их гибельных последствий для крестьянства, подчеркивая в частности вредное влияние «отрезков». Заслугой Чернышевского было то, что он в прокламации, обращенной к крестьянам, не остановился перед разоблачением истинной роли царя. «Вы у помещиков крепостные,— писал он,— а помещики у царя слуги; он над ними помещик. Значит, что он, что они — все равно». И Чернышевский предостерегал крестьян от всяких иллюзий в отношении царя: «не дождетесь вы от него воли, какой вам надобно».

Чернышевский останавливался на тех средствах, которыми русский народ может добиться свободы. «Можно это дело обработать, — писал он, — и не то чтобы очень трудно было; надо только единодушие иметь между собою мужикам, да сноровку иметь да силой запастись». Он предлагал барским крестьянам сговариваться с государственными и удельными крестьянами, а также с солдатами и с теми из офицеров, которые «за народ стоять будут». Разрозненные, неорганизованные вспышки воззвание отвергало. «Что толку то, ежели в одном селе булгу поднять, когда в других селах готовности еще нет? Это значит только дело портить да себя губить. А когда везде готовы будут, значит везде поддержка подготовлена, ну тогда дело и начинай». Сигнал к выступлению должна была дать революционная партия, те «доброжелатели» народа, от имени которых был написан листок [3]. Прокламация к «Барским крестьянам», не получив распространения, не могла оказать влияния на современников, но

---

[1] Там же, стр. 9—10, 303—309. А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. XI, стр. 321—323.

[2] В недавнее время редактор издания «Процесс Н. Г. Чернышевского» Н. Алексеев высказался довольно скептически по вопросу о принадлежности воззвания к «Барским крестьянам» Чернышевскому, полагая, что «прокламация, написанная, по свидетельству Шелгунова, Чернышевским, не тождественна с дошедшим до нас текстом воззвания к «Барским крестьянам» («Процесс Н. Г. Чернышевского», стр. 283—284). Но веских мотивов для своего заключения автор не приводит. Опровержению мнения Алексеева посвящено много внимания в статье М. В. Нечкиной «Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации», в «Исторических записках», т. X, 1941, стр. 6—15.

[3] Процесс Н. Г. Чернышевского, стр. 276—283.

она представляет тем не менее большой интерес, как один из ярких документов революционно-демократической агитационной литературы, как памятник мысли и борьбы Чернышевского.

Упомянутая выше прокламация «К молодому поколению» Н. В. Шелгунова была отпечатана летом 1861 г. в лондонской типографии Герцена. М. И. Михайлов доставил ее из Англии и организовал (в сентябре 1861 г.) ее распространение в Петербурге и провинции [1]. Текст воззвания «К молодому поколению» не мог служить в целом полным выражением взглядов всего круга Чернышевского. Сам Шелгунов утверждает: «Об этой прокламации никто не знал кроме Михайлова и меня» [2]. Чернышевский едва ли одобрил бы тот «самобытнический» тон, которым густо окрашена прокламация Шелгунова и Михайлова в части, касающейся характеристики социальных отношений России (в сопоставлении с западными странами). Но своей обличительной частью, своими демократическими требованиями, своим призывом к мобилизации революционных сил для подготовки решительного натиска против самодержавия прокламация, конечно, примыкала к революционно-демократической платформе Чернышевского.

Прокламация «К молодому поколению» содержала беспощадно-резкую оценку реформы 19 февраля. О характере реформы было сказано: «государь обманул ожидание народа — дал ему волю не настоящую, не ту, о которой народ мечтал и какая ему нужна». Необходимы, — указывал Шелгунов, — немедленные и решительные перемены, «уступки». Добровольная уступка народу со стороны Александра II могла, думал он, предотвратить общее восстание. Он предпочел бы такое мирное решение, он «разумеется» не хотел бы чтобы «дело доходило до насильственного переворота». Но он готов был и на самые крайние средства: «если нельзя иначе, мы не только не отказываемся от него (насильственного переворота — Ш. Л.), но мы зовем охотно революцию на помощь народу»; и «если для осуществления наших стремлений... пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого».

Программа прокламации сводилась к уничтожению самодержавной власти и замене ее властью выборной и ограниченной, к национализации всей земли и передаче ее в пользование крестьян при «сохранении общинного владения землей с переделами чрез большие сроки», к свободе слова, равенству всех граждан перед законом, радикальным реформам в области суда, полиции, армии. По вопросу о форме правления в прокламации оставалась все же неясность: говоря о необходимости замены царя «выборным старшиной», получающим за свою службу жалованье, она в дальнейшем требовала «сокращения расходов на царскую фа-

[1] 14 сентября 1861 г. Михайлов был арестован по делу о прокламации; он принял всю ответственность на себя и был сослан на каторгу, где умер в 1865 г.

[2] Н. В. Шелгунов. Воспоминания, стр. 33.

милию», допуская тем самым и ее сохранение (видимо, при условии серьезных «уступок»).

Правильно определяя свою программу, как стремление к «полному уничтожению следов крепостного права», автор, однако, не понимал, что он предлагает программу буржуазно-демократического переворота, и считал что ее осуществление выведет Россию на путь некапиталистического развития. Прокламация «К молодому поколению» целиком восприняла теорию об особом пути развития России, которая будто бы не знала и не знает феодализма, не знает настоящей буржуазии (русское «мещанство» — это «неудавшаяся русская буржуазия, выдуманная Екатериной II»), которая сохранила земледельческую общину, т. е. начало, вовсе, по ее мнению, «неизвестное европейцам». «Мы поняли, — говорилось в прокламации, — что имеем полнейшую возможность избегнуть жалкой участи Европы настоящего времени». «Освобождение крестьян есть первый шаг к великому будущему России или к ее несчастью; к благосостоянию политическому и экономическому, или к экономическому и политическому пролетариату». Осуществление программы, выдвинутой в прокламации, и должно было, по мнению ее автора, послужить гарантией от развития «экономического и политического пролетариата», т. е. «спасти» Россию от капитализма и его последствий.

Прокламация звала молодежь к составлению кружков, к увеличению «числа прозелитов», к настойчивой пропаганде в среде крестьянства и в армии. Она заканчивалась призывом: «ищите вожаков способных и готовых на все, и да ведут их и вас на великое дело, а если нужно, то и на славную смерть за спасение отчизны тени мученников 14 декабря» [1].

Важным памятником революционизирования общества в ближайшие месяцы после реформы являются листки «Великорусс» выходившие через неопределенные промежутки времени в 1861 г. Первый листок «Великорусса» именно и открыл собой серию прокламаций, распространявшихся в 1861 г. в России: он был отпечатан не позже конца июня 1861 г., так как уже 1 июля распространялся не только в Петербурге, но и в Самаре, Казани и др. городах [2]. В сентябре 1861 г. вышел второй листок «Великорусса», а через несколько недель третий и последний. Появление «Великорусса» было встречено в публике с огромным интересом. Чернышевский в «Письмах без адреса» говорит, подразумевая «Великорусс», о появлении в 1861 г. «программы, порицаемой одними, хвалимой другими, но принимаемой к сведению всеми». Противник «Великорусса» П. Заичневский, автор прокламации «Молодая Россия», вышедшей в 1862 г., признавал, что «успех «Великорусса» был громадный».

---

[1] Н. В. Шелгунов. Воспоминания, стр. 287—302.
[2] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XI, стр. 350.

«Великорусс» исходил из признания полной неудовлетворительности реформы 19 февраля. Он требовал нового разрешения крестьянского вопроса и коренного изменения всего государственного строя. Пересмотр реформы 19 февраля должен был, по мнению «Великорусса», свестись минимально к передаче крестьянам всех земель и угодий, находившихся в их пользовании при крепостном праве, с освобождением их от всяких особенных платежей и повинностей за это и выкупом за счет «всей нации».

«Великорусс» требовал установления конституции с ответственностью министров, вотированием бюджета, судом присяжных, свободой исповеданий и печати, уничтожением сословных привилегий, самоуправлением по областным и общинным делам. При этом он отвергал «октроирование конституции», потому что составленная правительством «конституция» представляла бы собою только «акт, сохраняющий, при новых словах, прежнее самовластие», и требовал «созвания депутатов для свободного ее составления», т. е. созыва фактически Учредительного собрания.

Большое внимание «Великорусс» уделял национальному вопросу. Считая вредным «насильственное удерживание других цивилизованных племен» в составе русского государства, он настаивал на признании «прав национальностей», как условии упрочения свободы России. С полной категоричностью он решал вопрос о независимости Польши, считая в противном случае неизбежным освобождение Польши силою восставшего ее народа. «Великорусс» считал, что и населению «южной Руси», т. е. Украины, должно быть предоставлено свободно решить вопрос о своих национальных требованиях.

«Великорусс» не решал окончательно вопроса о республике и конституционной монархии, давая понять, что он принадлежит к «республиканской партии», и вместе с тем заявляя, что «истинно конституционная монархия мало отличается от республики». В интересах единства действий всех противников существующего режима «Великорусс» предлагал начать с подачи адреса царю с требованием созыва народных представителей для составления конституции и осуществления других пунктов программы. Проект такого адреса был приложен к последнему номеру «Великорусса». «Быть снисходительными и терпеливыми — дело тех, которые убеждены, что довольно скоро всеми будет признана верность их взгляда», — писал «Великорусс» и выражал уверенность, что время, употребленное на этот опыт, «не будет потеряно для политического воспитания масс».

«Великорусс» выдвигал задачу организации и дисциплинирования движения, рекомендуя создание конспиративных комитетов по городам.

Побуждая т. н. «образованные классы» к действию, «Великорусс» указывал на неизбежность народного восстания летом 1863 г. в случае, если общество до этого не вынудит власть устранить причины недовольства. «Если мы увидим,— заключал «Ве-

ликорусс»,— что они не решаются действовать,— нам не останется выбора: мы должны будем действовать на простой народ и с ним будем принуждены говорить уже не таким языком, не о таких вещах».

Издание «Великорусса» было делом небольшого, повидимому, кружка, сделавшего все же практическую попытку создания нелегальной организации с широкими политическими задачами. Вопрос о личном составе этого кружка остается до сих пор мало выясненным. За распространение «Великорусса» в октябре 1861 г. был арестован родственник Н. Н. Обручева, В. А. Обручев — сотрудник «Современника», отставной офицер, осужденный вскоре по этому делу на каторгу. «Есть основания предполагать,— цитирует Лемке воспоминания А. А. Слепцова,— что членами «Великорусса» были также адъютант герцога Мекленбургского, потом эмигрант кн. Н. П. Трубецкой, В. Ф. Лугинин и Н. Н. Обручев; так по крайней мере, я слышал от первого из них за границей...» [1]. Вместе с В. А. Обручевым по делу о распространении «Великорусса» привлекался также доктор П. И. Боков, связанный, как и Обручев, с Чернышевским. Имеется указание на связь с «Великоруссом» А. В. Захарьина, тоже близкого к Чернышевскому [2]. Ряд современников связывал с «Великоруссом» самого Чернышевского; вопрос этот, вызвавший не мало споров в исторической литературе, нельзя считать решенным. С своей стороны, мы не признаем причастность (в той или иной форме) к «Великоруссу» Чернышевского исключенной и, во всяком случае, видим в его издателях людей, находившихся под влиянием последнего [3].

Кружок «Великорусса» действовал недолго — примерно несколько месяцев, или полгода. В то самое время, когда печатались и рассылались по России листки «Великорусса», в умах нескольких видных деятелей революционного движения уже зрели планы построения большой общероссийской революционной ор-

---

[1] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XVI, Пгр. 1920, стр. 72; В. Ф. Лугинин в 60-х гг. за границей был близок к Герцену, позднее видный ученый-химик.

[2] Возможно участие в «Великоруссе» брата В. Ф. Лугинина, С. Ф. Лугинина, литератора, рано умершего (1866 г.). См. Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, М.—Л., 1934, стр. 310.

[3] При решении вопроса о возможной причастности Чернышевского к деятельности «великоруссцев» нельзя (как это до сих пор делалось) игнорировать мыслей Чернышевского о «тактике венгерских радикалов», содержащихся в одном из летних международных политических обзоров «Современника» за 1861 г. Чернышевский признает здесь допустимость тактических маневров радикальной фракции венгерского сейма, связанных с кампанией вокруг адреса, направленных к тому, чтобы, по словам Чернышевского «укрепилось единодушие в венграх новою бесполезностью переговоров» (между венграми и австрийским правительством), чтобы утвердилась мысль о «невозможности примирения». Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VIII, СПб. 1906, стр. 473.

ганизации [1]. Эти планы получили окончательное осуществление, хотя, конечно, и не в таких внушительных масштабах, о каких мечтали инициаторы, в течение 1862 г., в форме известного тайного общества «Земля и воля». Между «Великоруссом» и «Землей и волей» была некоторая преемственность и политическая и личная. Один из участников «Великорусса» Николай Обручев стал членом центра «Земли и воли». В номере землевольческого органа «Свобода», вышедшем летом 1863 г. по поводу появления поддельного № 4 «Великорусса», было опубликовано заявление «бывших членов комитета «Великорусса», в котором указывалось, что комитет этот прекратил свое издание на третьем номере и бывшие его члены соединились «во имя одной общей цели» с обществом «Земля и воля» [2].

Нельзя пройти мимо полемики, возбужденной тактическими планами «Великорусса» в революционной среде. Апелляция «Великорусса» к «обществу» вызвала критику в статье «Ответ Великоруссу», напечатанной в «Колоколе», и приписываемой Николаю Серно-Соловьевичу. В привилегированном «обществе» автор «Ответа» видел «одни начала, одни стремления» с правительством и не допускал между ними «серьезной вражды». Он, правда, соглашался, что «шевелить одержимое спячкой общество»,— невредно, но «этим,— писал он,— дела не сделаешь». Автор верил только в «незначительное меньшинство» общества, враждебное большинству и принадлежащее «по чувствам» к народу. Несчастье этого интеллигентного меньшинства автор «Ответа» усматривал в том, что оно фактически не имеет с народом «никакой связи». «Надо, чтобы меньшинство соединилось с народом»,— указывал он: «Наша опора — те несчетные массы, которые, благодаря полутору века правительственного зверства, распутства, помешательства, иезуитизма, террора, представляют градации от апатии до безвыходного отчаяния, которым нечего ждать от этого порядка, нечего терять с ним, а остается только глубоко ненавидеть его. На эти массы мы и обопремся». «Ответ Великоруссу» призывал к тесному сплочению всех разбросанных по России революционно-настроенных «личностей» в «один союз, идущий к одной цели, действующий как один человек». В организации и объединении самих революционеров он признавал путь к тому, чтобы «сойтись с народом» [3].

Революционными прокламациями 1861 г. было положено начало нелегальному печатанию в самой России — в дополнение к печатным изданиям, исходившим от эмигрантского революционного центра (впрочем, воззвание «К молодому поколению», со-

---

[1] Вопрос о тайном обществе ставился в революционной среде уже и до (накануне) реформы 19 февраля, о чем нами упоминалось в главе I настоящего тома.

[2] Редчайшее революционное издание («Свобода» № 2), «Былое», 1906, № 8, стр. 192.

[3] «Колокол», л. 107 от 15 сентября 1861 г., стр. 895—897.

ставленное в России, печаталось еще, как выше отмечено, у Герцена).

Прокламации этого и следующих годов производили сильное впечатление. В. И. Ленин недаром «появление прокламаций» включил в общий перечень выдающихся фактов и явлений, которыми характеризовалась революционная ситуация в период падения крепостного права [1].

§ 4. Годы перелома (1862—63). «Молодая Россия». Общество «Земля и Воля»

1862-й год — год начала перелома в политическом движении 60-х гг. Кульминационный пункт в революционной ситуации оказывался уже пройденным, хотя многие участники движения еще не сознавали этого. В 1862 г. в несколько раз по сравнению с 1861 г. сократилось число крестьянских волнений. Революционные силы в течение 1862 г. жестоко страдали от правительственных преследований, от правительственной реакции.

Реакционные черты, отчетливо сказавшиеся в политике Александра II даже в «медовые» месяцы его «реформаторской» деятельности, явно и резко стали усиливаться сразу же после манифеста об отмене крепостного права.

Мероприятия против университетов и студенчества, проведенные в 1861 г., и были, собственно, первой крупной диверсией реакции. Каторжные приговоры поэту Михайлову — за прокламацию «К молодому поколению», и В. Обручеву — за распространение «Великорусса», высылка в марте 1862 г. профессора П. В. Павлова за несколько прогрессивных пожеланий, высказанных им в публичной речи по случаю «Тысячелетия России», — все это были отдельные симптомы усиливающегося реакционного курса. Но крайним реакционерам этого уже казалось мало, они требовали новых еще более «твердых» действий, требовали общего наступления против прогрессивных сил.

В конце апреля 1862 г. в III Отделении была составлена записка «О чрезвычайных мерах». Угрожая «пагубными последствиями», которые может повлечь за собой «необыкновенное брожение умов» среди интеллигенции, при ее враждебных чувствах к власти и существующим учреждениям, III Отделение высказывалось за необходимость «действия безотлагательного». Оно должно было выразиться в одновременном строжайшем обыске у пятидесяти «сомнительных лиц», с тем, чтобы одних из них предать суду, других выслать, третьих отдать под надзор полиции. В числе намеченных жертв находились Чернышевский, Шелгунов, Н. Обручев, братья Серно-Соловьевичи (Николай и Александр), Елисеев, Благосветлов, Лавров и др. Речь шла, таким

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 5, изд. 4, стр. 26.

образом, о том, чтобы одним ударом обезглавить демократическую интеллигенцию и левую публицистику [1]. Вскоре два обстоятельства облегчили и ускорили выполнение намеченной правительством задачи: выход прокламации «Молодая Россия» и знаменитые петербургские пожары 1862 г.

Первые экземпляры прокламации «Молодая Россия» попали в руки властей в середине мая 1862 г. [2]. Она вышла из среды учащейся молодежи. Ее автором был получивший в дальнейшем широкую известность, как деятель революционного движения, Петр Григорьевич Заичневский, в то время студент Московского университета. Вместе с П. Э. Аргиропуло он был одним из руководителей московского студенческого кружка, выделившегося из возникшей еще в 1859 г. революционной группы Ю. Мосолова, Н. Шатилова и др. (т. наз. «Библиотека казанских студентов») и занимавшегося преимущественно литографированием и распространением запрещенной литературы (сочинения Герцена, Огарева, Фейербаха, Бюхнера и т. д.) [3].

Заичневский в марте 1861 г. выступил с речью перед студентами поляками и русскими в католической церкви в Москве после мессы по убитым в Варшаве демонстрантам, выражая сочувствие освободительной борьбе поляков и призывая их к союзу с русскими революционерами. Летом того же года он сделал попытку вести пропаганду среди крестьян Орловской губернии, причем рассказывал об Антоне Петрове и говорил о необходимости вооружения для успеха крестьянского «возмущения» [4]. В июле 1861 г. Заичневский был арестован, и, находясь в заключении в Москве, он написал, видимо, в апреле 1862 г. «Молодую Россию», которую переслал на волю для напечатания. Содержавшееся в ней указание, что она исходит от «Центрального революционного комитета», представляло собою мистификацию. Составляя прокламацию, Заичневский, по его признанию, старался «нагромоздить» как можно больше «пороха», чтобы всем «либеральным и реакционным чертям стало тошно» [5]. Отсюда нарочито задорный и частью устрашающий тон прокламации.

Разделяя всю Россию на две «партии» — «партию императорскую» и партию народную, Заичневский о первой партии, в которую он включал помещиков, купцов, чиновников, писал: «В на-

---

[1] Н. Г. Чернышевский и III Отделение, с предисл. Б. П. Козьмина, «Красный архив», 1928, т. IV (29), стр. 183—188. Процесс Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1939, стр. 12—27.

[2] Б. Козьмин. К истории «Молодой России», «Каторга и ссылка», 1930, № 5 (66), стр. 52—53.

[3] Б. Козьмин, Кружок Заичневского и Аргиропуло, «Каторга и ссылка», 1930, № 7 (68), стр. 61—62, 74.

[4] Там же, стр. 87—89, 95—98.

[5] Письмо Заичневского от 1889 г., М. К. Лемке, Политические процессы, стр. 520—521.

стоящее время партия либеральничает, обиженная отнятием у нее права на даровую работу крестьян, ругает государя, требует конституции, но не бойтесь: она и царь неразрывно соединены между собою, и звеном соединения — собственность». Выход из антагонизма партий, неизбежного при существующем строе, и из невыносимого гнета, который этот строй с собой несет, он видел один: «революция, революция кровавая и неумолимая, которая должна изменить радикально все, все без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка».

«Молодая Россия» критиковала «Великорусс», признавая ошибочность и отсталость его мнений, она высказывалась против «Колокола», считая, что он не может служить «даже и отголоском» мнений революционной партии вследствие своего «конституционного» характера и «отвращения» Герцена «от кровавых действий, от крайних мер».

В связи с предстоящей революционной борьбой «Молодая Россия» писала: «Мы будем последовательнее не только жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х годах».

Свою положительную программу «Молодая Россия» формулировала в следующих основных пунктах: превращение России в республиканско-федеративный союз областей, состоящих из земледельческих общин; предоставление членам общин земли только на срок, с последующими переделами; заведение общественных фабрик и общественных лавок; правильное распределение налогов, которые должны падать всей тяжестью не на бедных, а «на людей богатых», общественное воспитание детей, полное освобождение женщин, «уничтожение» брака и семьи, независимость Польши и Литвы, предоставление всем областям права решить вопрос о вхождении в состав «федеративной Республики Русской».

Обращаясь к вопросу о силах революции, «Молодая Россия» рассчитывала на поддержку крестьянских масс, особенно старообрядцев, но не верила в их инициативу и ждала последней от войска, а в первую голову от молодежи — этой, в ее глазах, «главной надежды» революционеров. «Молодая Россия» полагала, что в случае успеха движения «революционная партия» захватит в свои руки диктатуру и при помощи сохраняемой еще централизованной власти введет «другие основания экономического и общественного быта». Заичневский по существу выступал здесь сторонником ошибочной «бланкистской» заговорщической тактики. План захвата власти, опираясь на небольшую группу интеллигентных заговорщиков, а не на революционный класс, выражал именно «бланкистские» симпатии Заичневского, проходя-

щие красной нитью через всю его дальнейшую деятельность [1]. Бланкистско-народнические идеи «Молодой России» получили в дальнейшем свое развитие у П. Н. Ткачева.

Прокламация предсказывала скорое наступление революции, которая начнется нападением на Зимний дворец с целью уничтожения царской семьи, и призывала бить тогда «императорскую партию» везде — «на площадях... в домах... в тесных переулках городов... на широких улицах столиц... по деревням и селам», — предупреждая при этом, что все, кто не присоединится к революции, будут рассматриваться как враги и истребляться «всеми способами». «Молодая Россия» заканчивалась трижды повторявшимся лозунгом «социальной и демократической республики Русской» [2].

Каковы бы ни были особенности прокламации «Молодая Россия», в ней нельзя не видеть своеобразного отражения обстановки революционной ситуации, которая к весне 1862 г. еще не была вполне изжита. Как об одном из симптоматичных проявлений «общественной обстановки» того периода упоминает о «Молодой России» В. И. Ленин в известной статье 1901 г. «Гонители земства и Аннибалы либерализма» [3]. Значительно раньше, в начале 70-х гг. о «Молодой России» упомянуто было в брошюре I Интернационала «Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих», как о «манифесте», в котором на основании характеристики внутреннего положения России делался «вывод о необходимости социальной революции» и содержался призыв «сплотиться вокруг радикального знамени» [4].

«Молодая Россия» была одним из крайних отголосков настроений ожидания революционного взрыва, которые были распространены накануне и особенно в первое время после объявления реформы 19 февраля.

«Молодая Россия» встретила в некоторых кругах молодой демократической интеллигенции прямое сочувствие. В. Кельсиев, в тот момент весьма близкий к Герцену, потом порвавший с революционным движением, в своей «Исповеди» (1867 г.) свидетельствовал: «Молодежь наша из себя выходила, толковала о революциях и баррикадах, «Молодую Россию» никто не хвалил, но думавших одинаково с нею было множество; ей только в вину

---

[1] Роль Заичневского в выпуске «Молодой России» осталась скрытой от властей. По другим обвинениям он был присужден в 1862 г. к каторге. В 1869 г. он вернулся из Сибири в Европейскую Россию. В течение 70-х и 80-х гг. он стоял в центре кружков молодежи в Орле и Костроме, энергично проповедуя свои «якобинские» (бланкистские) взгляды. Еще дважды, после 60-х гг. Заичневский подвергался ссылке в отдаленные губернии (в Олонецкую, затем Архангельскую губернии, в Восточную Сибирь). Заичневский умер в 1896 г.

[2] М. К. Лемке, Политические процессы, стр. 508—518.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 5, изд. 4, стр. 26.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 642.

ставили, что она разболтала то, о чем молчать следовало» [1]. Другой участник движения 60-х гг. П. Баллод утверждает, что «крайний радикализм» прокламации «пришелся по вкусу военным кружкам» [2].

Но тот же Баллод, с другой стороны, отмечает, что большая часть его товарищей критически отзывалась о «Молодой России», находя, что она «хватила через край». Действительно, можно считать установленным, что прокламация, как некоторыми чертами своего содержания, так и особенно своим тоном («бравадой» — по отзыву Ник. Серно-Соловьевича), вызвала в части демократического лагеря неодобрительное (или не вполне одобрительное) отношение.

«Молодая Россия» была встречена довольно скептически самим вождем революционно-демократического лагеря Н. Г. Чернышевским, который, по воспоминаниям современников, возложил на А. А. Слепцова миссию уговорить Заичневского с друзьями сгладить так или иначе нежелательное впечатление от «Молодой России» [3] и, будто бы, намеревался написать в назидание ее сторонникам специальный листок. Листка этого Чернышевский, очевидно, не написал; попытка отмежевать революционное подполье от «Молодой России», сделанная в листке «Предостережение» (взят в рукописи при обыске в Петербурге 15 июня 1862 г. у владельца тайной «карманной типографии», упомянутого П. Баллода), принадлежала не Чернышевскому, а вероятнее всего — Н. И. Утину, одному из руководителей студенческих волнений 1861 г., потом бывшему членом центра «Земли и Воли». «Предостережение», между прочим, подчеркивало, в противовес «Молодой России», что «революционная партия никогда не бывает в силах сама по себе совершить государственный переворот», что «перевороты совершаются народами» [4].

В эмигрантской литературе с «Молодой Россией» полемизировали Герцен и Бакунин. Критикуя некоторые стороны «Молодой России» и защищаясь против сделанных ею по его адресу заме-

---

[1] «Исповедь» В. И. Кельсиева, «Литературное наследство», т. 41—42, М. 1941, стр. 350.

[2] П. Баллод, Заметка о деле Д. И. Писарева, «Каторга и ссылка», 1924, № 3/10, стр. 47.

[3] А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. XV, Пгр, 1920, стр. 331 (ср. биографию А. А. Слепцова в «Большой энциклопедии» под ред. С. Н. Южакова, т. XXII, СПб. 1909, стр. 512). Мих. Лемке в своей книге «Эпоха цензурных реформ», изданной в 1904 г. (СПб. 1904, стр. 298) сделал заявление о том, что Чернышевский и его единомышленники к «Молодой России» отнеслись «если не отрицательно, то очень холодно». Заявление М. К. Лемке вызвало отклик со стороны рецензента «Вестника Европы» А. П. (несомненно А. Н. Пыпина, академика, историка литературы, двоюродного брата Чернышевского). «По давнему воспоминанию» автор рецензии утверждает, что Чернышевский будто бы «просто смеялся над этой прокламацией» («Вестник Европы», 1904, кн. VII, стр. 388).

[4] М. К. Лемке. Политические процессы 1860-х гг., 2-е изд. М.—П., 1923, стр. 527—530, Б. Козьмин, К истории «Молодой России», «Каторга и ссылка», 1930, № 6 (67), стр. 62—63.

чаний, Герцен одновременно обрушился на либеральные общественные круги, которые испугались «Молодой России», поддались из-за нее панике. «Остановите их (молодежь, стоящую за «Молодой Россией» — Ш. Л.),— писал Герцен,— вступите с ними в спор, отвечайте им, но не кричите о помощи, не подталкивайте их в казематы; III Отделение fara da se (постоит за себя)...» [1].

Настроение автора «Молодой России» Герцен характеризовал как «святое нетерпение», как «тоску ожидания», растущую «не по дням, а по часам, с приближением чего-то великого, чем воздух полон, чем земля колеблется и чего еще нет...» [2]. Не сочувствуя во многом «Молодой России», Герцен, как видим, признавал ее тем не менее отзвуком настроений, порожденных предгрозовой обстановкой, ожиданием великих сдвигов (ожиданием, которого дальнейшие события не оправдали, но которое казалось тогда обоснованным самым осторожным и трезвым политикам, говоря словами Ленина).

Нельзя упускать из виду, что, помимо тех или иных расхождений с нею, оценка «Молодой России» складывалась в большой зависимости от того, что появление прокламации почти совпало с петербургскими пожарами.

Прокламация «Молодая Россия» появилась в обращении с середины мая 1862 г., а огромные пожары в Петербурге произошли в двадцатых числах того же месяца (самый крупный из всех пожаров — в Апраксином и Щукином дворах — начался вечером 28 мая).

М. М. Стасюлевич, либеральный профессор-историк (будущий издатель-редактор «Вестника Европы») сообщал тогда же в письме из Петербурга, что «общество» видит существующую якобы связь между пожарами и программой «Молодой России» [3].

Несмотря на очевидную, казалось бы, бессмысленность предположений о причастности революционеров и студентов к пожарам, обвинения их в поджигательстве получили, при прямом поощрении и участии правительства, широкое распространение как среди темного и невежественного петербургского мещанства, так и среди буржуазно-либеральной интеллигенции, либеральных помещиков, которые в большинстве совершенно скатились к оправданию реакционной политики правительства. Ту же версию настойчиво поддерживали многие газеты.

Более чем через два месяца после пожаров Кавелин в письме к Герцену от 6 августа 1862 г. продолжал безапелляционно утверждать: «Что пожары в связи с прокламациями — в этом нет теперь ни малейшего сомнения» [4]. Поддерживая своим авторитетом дикие обвинения и подозрения против революционеров и всей ра-

[1] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XV, Пгр. 1920, стр. 313.
[2] Там же, стр. 314.
[3] М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. 1. СПб, 1911, стр. 400—402.
[4] Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену, Женева, 1892, стр. 82.

дикальной молодежи, либеральные «вожди» играли на руку правительству и прямо содействовали тому повороту от либерализма, от сочувствия всяким «реформам» и «прогрессам» — к «охранительной» политике, к поддержке самой разнузданной реакции, который проделывали в этот момент значительные круги привилегированного общества. Именно с этого времени становится особенно влиятельным московский журналист М. Н. Катков, открывающий в своем «Русском Вестнике» грязный, клеветнический поход против Герцена и «Колокола», чем привлекает к себе «милостивое» внимание самого Александра II. Реакционная роль Каткова еще более возрастает потом в связи с восстанием в Польше (1863 г.). О нем писал впоследствии В. И. Ленин: «Либеральный, сочувствующий английской буржуазии и английской конституции, помещик Катков во время первого демократического подъема в России (начало 60-х годов XIX века) повернул к национализму, шовинизму и бешеному черносотенству» [1].

Правительство торопилось в самых широких размерах использовать «благоприятный момент» для усиления борьбы с революционным движением. Министр внутренних дел Валуев писал позднее в своем «всеподданнейшем» отчете: «Опустошительные пожары... послужили поводом к принятию новых мер для ограждения общественной безопасности и, вместе с тем, произвели сильное нравственное впечатление не только на жителей столицы, но и на всю Россию... в эту эпоху совершился первый благоприятный переворот в общественном мнении; затихли похвалы, которые... упорно приносились молодежи; в некоторых литературных органах стала заметною перемена направления...» [2].

Конечно, пожары именно только п о м о г л и правительству в продолжении и усилении п р е ж д е усвоенного реакционного курса. В. И. Ленин, напоминая, что еще до пожаров, 12 мая 1862 г., были утверждены новые суровые правила о печати, подчеркивает (в работе «Гонители земства и Аннибалы либерализма»): «Следовательно, *«ход жизни»* резко направлялся в сторону реакции и независимо от пожаров» [3].

Не пожарами, разумеется, был создан также реакционный поворот в определенных «общественных» кругах, столь радовавший правительство. Глубокие причины этого поворота коренились в классовых интересах привилегированных слоев общества, в их паническом страхе перед ростом массового движения, в их враждебности к революционерам. Пожары, «Молодая Россия» ускорили поворот, дали выход уже зревшим раньше реакционным настроениям и, вместе с тем, увлекли на путь прямой поддержки реакции и репрессий некоторые неустойчивые элементы, которые при иных обстоятельствах могли бы еще держаться то или иное время на почве умеренной «оппозиции».

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 18, изд. 4, стр. 250.
[2] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XV, стр. 224—225.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 5, изд. 4, стр. 27.

Пропасть между демократами-революционерами и либералами углубилась, борьба обострилась, М. М. Стасюлевич недаром жаловался в июне 1862 г., что либералов «снизу», т. е. со стороны демократии считают «ретроградами и почти что подлецами» [1].

18—25 мая 1862 г. правительством была создана, в первое время специально для расследования о «мятежных воззваниях», особая следственная комиссия, которая затем, на правах самостоятельного учреждения, непосредственно подчиненного царю, в течение девяти лет вела усиленную борьбу с «крамолой» [2].

В июле 1862 г. были произведены многочисленные аресты. В числе арестованных находились Н. Г. Чернышевский, Н. А. Серно-Соловьевич, Д. И. Писарев. Было инсценировано несколько процессов — Чернышевского, Писарева, большое дело «о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами», т. е. с «Колоколом», с Герценом и Огаревым. После длительного заключения, Чернышевского на основании подложных материалов обвинили и сослали на каторгу (1864 г.)[3]. Н. Серно-Соловьевича отправили на поселение в Сибирь, где он вскоре же и погиб (1866 г.). Писарева продержали 4 года в Петропавловской крепости.

Подверглись запрещению (сначала временному) руководящие демократические журналы «Современник» и «Русское слово». По всей России были закрыты воскресные школы. В Петербурге закрыли даже литературный «шахматный клуб», как «сборище неблагонамеренных литераторов». Цензура была усилена, возможность проводить в печати, даже в завуалированной форме, прогрессивные взгляды стала еще более ограниченной, чем прежде.

Шеф жандармов Долгоруков в годовом отчете, представленном в начале 1863 г. царю, сделал заключение, что на этот раз удалось «рассеять скопившуюся над русской землей революционную тучу, которая грозила разразиться при первом удобном случае» [4].

* *
*

В демократическом лагере, несмотря на тяжелые потери, понесенные им летом 1862 г., и признаки отлива революционной волны, пока не отказывались от надежд на близкое революционное потрясение. Репрессии затруднили, но не оборвали дальнейшую работу по организации общества «Земля и Воля».

Исходная платформа будущей организации была намечена еще в статье Н. П. Огарева «Что нужно народу?», опубликованной в 102 листе «Колокола» от 1 июля 1861 г. Статья Огарева

---

[1] М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. 1, стр. 405.
[2] В. Я. Богучарский. Общественное движение 60-х годов под пером его казенных исследователей, «Голос минувшего», 1915, №4, стр. 198—201.
[3] См. подробнее ниже.
[4] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XV, стр. 589.

была издана отдельной брошюрой в большом числе экземпляров и отправлена для распространения в Россию. По утверждению исследователя движения 60-х гг. Лемке, статья была написана при содействии Н. Н. Обручева, а также «не без советов и указаний» Н. А. Серно-Соловьевича, А. А. Слепцова и др.[1]. Слепцов, один из организаторов и руководителей тайного общества «Земля и Воля», в недошедших до нас в оригинале воспоминаниях, прямо заявляет, что «эта прокламация была нашей (землевольцев — Ш. Л.) платформой»[2].

На поставленный в заголовке вопрос: что нужно народу? — статья Огарева отвечала в первой же строке: «Очень просто, народу нужна земля да воля». Конкретизируя это общее положение, статья выставляла следующие требования. Крестьяне получают всю землю, «которою теперь владеют», т. е. находящуюся в их пользовании. При недостатке земли у крестьян, производится прирезка из помещичьей земли. Крестьяне владеют землей на общинном начале. Выкуп помещикам принимает на себя государство, а помещичьи крестьяне платят общий налог в казну, не превышающий подати государственных крестьян. Расходы на войско и содержание царской семьи решительно сокращаются, причем царь лишается удельных владений. Народ надо избавить от чиновников, предоставив крестьянам и в общинах, и в волостях управляться самим, через выборных. Вводится уездное и губернское самоуправление и центральное представительство из выборных от губерний, помимо которого не могут решаться вопросы о налогах, о содержании армии и т. д.

Статья Огарева разъясняла крестьянам, что им нечего ждать добра от царя, который является не другом, а первым врагом народа. Она призывала крестьян сближаться с войском и при отдаче сыновей в рекруты брать с них клятву, что по народу стрелять они не будут. Крестьяне предупреждались от преждевременной огласки и изолированных выступлений: «Шуметь без толку и лезть под пулю в разбивку нечего; а надо молча сбираться с силами, искать людей преданных, которые помогали бы и советом и руководством, и словом и делом, и казной и жизнью, чтоб можно было умно, твердо, спокойно, дружно и сильно отстоять, против царя и вельмож, землю мирскую, волю народную, да правду человеческую»[3].

Таково главное содержание документа, на который основатели «Земли и Воли», согласно свидетельству Слепцова, смотрели, как на основу своей программы деятельности.

В листе 107-м «Колокола», вышедшем 15 сентября 1861 г., Николай Серно-Соловьевич (повидимому) в статье «Ответ Великоруссу», выше уже нами отмеченной, также обосновывал необходимость серьезной организации революционных сил. Серно-

[1] Там же, т. XI, стр. 136.
[2] Там же, т. XVI, стр. 76.
[3] «Колокол», лист 102, от 1 июля 1861 г., стр. 853—856.

Соловьевич писал: «Для страны, находящейся под вековым рабством, нет другого средства сбросить иго, как тайные союзы. Они образуют бойцов, соединяют силы, подготовляют движение; без них массы или не поднимутся, или, поднявшись неподготовленные, не выдерживают борьбы с организованным врагом» [1].

Нельзя с точностью установить, когда было вполне реально приступлено к созданию организации; приблизительно это следует отнести к концу 1861 г. Организаторы общества, несомненно, возлагали надежды на самое активное содействие группы «Колокола». С другой стороны, они, бесспорно, держали в курсе своего дела Н. Г. Чернышевского, рассчитывая иметь и в нем одного из своих идейных руководителей [2]. Чернышевский был лично близок с организаторами «Земли и Воли», он не мог не знать об их планах и известным образом на эти планы влиял [3].

К весне 1862 г. в центре «Земли и Воли» стояли, по сообщению того же Слепцова [4], он сам, Ник. и Ал. Серно-Соловьевичи, Н. Обручев и известный поэт-старик В. С. Курочкин. Июльские репрессии 1862 г. расстроили этот центр: Ник. Серно-Соловьевич был, одновременно с Чернышевским, арестован, а его брат Александр, находившийся к этому моменту за границей, вынужден был остаться в эмиграции. Взамен их, центр (с конца 1862 г. называвшийся «Русским Центральным Народным Комитетом») пополнился Н. И. Утиным и редактором демократического журнала «Русское Слово» Г. Е. Благосветовым [5]. В той или иной степени с «Землей и Волей» были связаны Г. З. Елисеев, П. Л. Лавров и др. видные представители передовой интеллигенции.

Общество постепенно установило связи среди студенчества обеих столиц и, частью, провинции, а также среди передового круга офицерства, преимущественно в гарнизонах Западного края. В Москве в роли отделения «Земли и Воли» выступала уже упоминавшаяся группа Мосолова и Шатилова. В воспоминаниях Слепцова упоминается о существовании комитетов и отделов общества в Астрахани, Саратове, Казани, Нижнем-Новгороде, Твери, Курске, Перми, Вологде, Полтаве [6]. Убедительных данных в пользу того, что в с е эти отделы, действительно, представляли уже серьезно организованные и активные единицы, не предоставлено. Вызывают сомнения и те очень большие для того времени цифры членов организации (до нескольких т ы с я ч человек в об-

---

[1] «Колокол», лист 107, от 15 сентября 1861 г., стр. 896.

[2] В не так давно опубликованных воспоминаниях М. Н. Слепцовой Чернышевскому приписана роль не только главного инициатора организации, но и создателя первой ячейки, из которой она, будто бы, выросла. Никаких материалов, подтверждающих это сообщение, однако, не имеется, не подтверждают его, прежде всего, воспоминания ее мужа, А. А. Слепцова. (М. Слепцова. Штурманы грядущей бури, «Звенья», № 2, М.—Л. 1933, стр. 404).

[3] А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 75.

[4] Там же, стр. 76.

[5] Там же, стр. 85.

[6] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 83—85.

щем), которыми оперировали в свое время некоторые участники общества, и которые от них перешли отчасти в историческую литературу.

Довольно большую активность проявляла местная петербургская группа общества во главе с Н. И. Утиным. Эта группа в связи с известной слабостью центра пыталась временами играть роль общего руководителя организации. Из нее же вышла самая ранняя землевольческая прокламация: «К образованным классам» (автор тот же Утин), распространявшаяся с начала сентября 1862 г.

Землевольческая молодежь хотела показать выпуском этого листка, что репрессии не убили организации, вместе с тем целью ее было повлиять на «образованное общество», заставить его опомниться от обуявших его, особенно с лета 1862 г., реакционных страхов, указать ему, что оно рискует, связывая себя целиком с правительством, разделить ожидающую последнее участь — оно погибнет вместе с ним [1].

Позднее были изданы два номера органа землевольцев «Свобода» (в феврале и июле 1863 г.). Первый номер «Свободы» позволяет яснее представить себе общие взгляды и тактику организации; второй номер посвящен польскому восстанию и борьбе против шовинистической кампании, поднятой в связи с ним. «Свобода» видела в самодержавном деспотизме единственный источник «всех бедствий, терзающих Россию». «Уродливые попытки разных реформ» только нагляднее показали всю несостоятельность самодержавия, которое «по самому принципу» неспособно удовлетворить общественных потребностей и добровольно не может отказаться «от вооруженного господства над жизнью людей и их свободою». Вследствие этого в России неизбежна революция. Народное восстание может вылиться в кровавую драму, если «все или по крайней мере большинство способное и честное из образованных классов» не станет на сторону «доведенного до восстания народа» и «не обессилит тем самым окончательно правительства, лишив его какой бы то ни было пользы в диком упорстве». «Свобода» призывала «на служение великому делу народного освобождения», торжество которого должно выразиться прежде всего в созыве «народного собрания» для определения «нового общественного строя нашего свободного отечества» [2].

Требование «народного собрания» или «земского собора» выдвигалось постепенно в центр агитации «Земли и Воли». Это вполне соответствовало позиции Герцена и Огарева, которые в 1862—63 гг. настойчиво подчеркивали значение лозунга «земского собора».

Связь группы «Колокола» с деятельностью общества «Земля и Воля» наиболее упрочивается к началу 1863 г. Герцен в этот

[1] Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, стр. 278—279. — «Колокол», лист 148, от 22 октября 1862 г., стр. 1227.

[2] «Колокол», лист 164, от 1 июня 1863 г., стр. 1349—1350.

момент готов был принять на себя серьезную долю ответственности за практическую деятельность революционного подполья в России (Огарев, несомненно, охотнее шел на это и раньше). Герцен готов был взять на себя теперь хотя бы отчасти ту роль практического революционного вождя, в какой его давно хотели видеть многие из его более молодых приверженцев и почитателей в России, в том числе Николай Серно-Соловьевич. Впервые 1 марта 1863 г. Герцен написал в «Колоколе», выдержанную в приподнятых тонах, заметку об обществе «Земля и Воля». «Приветствуем вас, братья, на общем пути!» — писал Герцен: «С жадностью будем мы следить каждый шаг ваш, с трепетом ждать от вас вестей, с любовью будем передавать их, с бескорыстной любовью людей, радующихся развитию стремлений целой своей жизни» [1].

Приближение весны 1863 г., с которой было связано у передовой демократической интеллигенции столько надежд, новое резкое обострение политического положения в связи с польским восстанием, возбуждали в Герцене все больше веры, толкали его на такие шаги, от которых он воздерживался раньше и на которые не шел уже впоследствии. 4 февраля 1863 г. Герцен писал Огареву: «Вперед я дольше лета не смотрю... Если инсуррекция (т. е. польское восстание — Ш. Л.) будет подавлена без малейшего участия в России... да и крестьяне пропустят желанный день, то не пора ли нам в отставку?» [2]. В «Былом и думах» Герцен потом признавал, что в описываемую пору не только «Бакунин верил в возможность военно-крестьянского восстания в России, верили отчасти и мы, да верило и само правительство» [3]. В этой обстановке Герцен придавал большое значение укреплению организации «Земля и Воля». При всем том Герцен оставался далек от какой-либо переоценки наличных уже сил и организованности «Земли и Воли» [4].

---

[1] А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 108. — 24 февраля датирована небольшая заметка Герцена во французском издании La cеoche («Колокол», выходило в Брюсселе), где он извещал иностранных читателей об образовании в России общей организации под лозунгом «Земля и Воля», кратко поясняя и смысл последнего.

[2] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 37. (Подчеркнуто нами).

[3] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 436. В недавно найденном М. В. Нечкиной документе, написанном Н. П. Огаревым, видимо, еще в 1862 г., рассматриваются вопросы о кампании с требованием Земского собора и о вооруженном восстании в случае отказа в удовлетворении этого требования. Огарев останавливается на трех элементах движения — чисто народном (крестьянском), военном, интеллигентском, оценивает революционное значение различных районов страны и снова подробно разбирает вопрос о построении тайного общества. (М. В. Нечкина, Н. П. Огарев в годы революционной ситуации. «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, 1947, № 2, стр. 115—117).

[4] 1 мая 1863 г. он писал, например, Огареву: «Миф «Земли и Воли» должно продолжать, потому уже, что они сами поверят в себя. Но что теперь «Земли и Воли» нет еще, это ясно». (А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 241).

Огарев и, в особенности, Бакунин были настроены более оптимистически. К тому же Бакунин в своих выступлениях сознательно давал в высшей степени преувеличенную оценку силам и средствам «Земли и Воли», распространял о ней сведения фантастического характера, чем вызывал протесты не только со стороны Герцена, но и Огарева. Так, находясь в Швеции по делам, связанным с организацией поддержки польскому восстанию, он в шведской прессе характеризовал «Землю и Волю», как крупное объединение, насчитывающее в числе своих членов часть армии, дворянства, бюрократии, даже духовенства, а также большое количество лиц из низших классов населения [1]. В таком же духе он говорил на банкете в Стокгольме.

На самом деле, «Земля и Воля» имела связи среди левой интеллигенции, студенчества, она завязала отношения среди наиболее передовых по своим настроениям офицеров, она старалась создать некоторые опорные пункты в крупных провинциальных центрах. Весь этот организационный процесс находился еще в первичной стадии, когда восстание в Польше поставило землевольцев перед лицом исключительно трудного положения и сложнейших задач. Подобно Герцену и его «Колоколу», руководители «Земли и Воли» хорошо понимали, как тесно в тот момент сплетались интересы и перспективы польской национальной революции и демократического движения в России. Но, отдавая себе ясный отчет в своей слабости и неподготовленности, они не могли взять на себя никаких определенных обязательств, когда поляки (в самом конце 1862 г.) начали переговоры с «Русским Центральным Народным Комитетом». В «Записках о польском восстании» О. Авейде, подтвержденных, в общем в этой части А. Слепцовым, который, вместе с Утиным, от имени «Земли и Воли» вел переговоры с польским представителем Сигизмундом Падлевским, сообщается: «Члены комитета («Земли и Воли» — Ш. Л.) откровенно объявили Падлевскому, что революционная организация в России только еще в начале, слаба и не имеет большого влияния в обществе. Касательно приблизительного срока революции они сказали, что об этом еще не подумали, но во всяком случае революция в России не мыслима прежде мая месяца 1863 г. [2], притом члены просили нас не начинать польского восстания ранее означенного времени, откровенно признаваясь, что в противном случае мы им помешаем в их действиях, а они не будут в состоянии подать нам ни малейшей помощи, разве только будут стараться располагать в нашу пользу общественное мнение в России»... [3]. В отчете о «конвенции», заключенной делегатом польского «Центрального Национального Комитета» в Петербурге 23 ноября 1862 г. с «уполномоченными Комитета Свободной Рос-

[1] Неизвестная ст. Бакунина о России, «Былое» № 27—28, 1924—25, стр. 27.

[2] Надежды на возможность крестьянского восстания весной 1863 г. еще не были в конце 1862 г. окончательно оставлены.— Ш. Л.

[3] А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 87.

сии», т. е. с представителями центра «Земли и Воли», наряду с признанием общих принципов «союза двух народов» и т. д., содержался и такой пункт: «Центральный Национальный Комитет» признает, что Россия еще не так подготовлена, чтобы сопровождать восстанием польскую революцию, если только она вспыхнет в скором времени».

В переговорах между польскими и русскими революционерами перед восстанием затрагивался еще вопрос о поддержке польского восстания частями русской армии, расположенными в Польше. Связанные с «Землей и Волей» русские офицерские кружки в Польше, действительно, вполне восприняли эту точку зрения. Борясь на стороне восставших поляков, сложил свою голову примкнувший к «Земле и Воле» и возглавлявший революционную работу среди русских войск в Польше офицер Андрей Потебня. Но переходы на сторону восстания русских военных не приняли широкого характера. Диверсия, предпринятая поляками внутри России, в Поволжье (так наз. «Казанский заговор»), встретила поддержку со стороны кружка местной студенческой молодежи, связанной с Казанским комитетом «Земли и Воли»; кружок действовал на свой риск и в разрез с решением комитета организации, который не признал возможным в этой диверсии участвовать [1].

«Земля и Воля» выступала в своих печатных изданиях в пользу поляков, резко осуждала шовинистическую кампанию, поднявшуюся в России. Она обличала зверства царских усмирителей и призывала русских офицеров и солдат не обагрять своих рук кровью повстанцев, не покрывать позором «чести и правоты русского народа» [2].

Но ни подпольные листки «Земли и Воли», ни пламенные статьи Герцена в «Колоколе» не могли создать достаточной плотины против мутного потока самого дикого шовинизма и человеконенавистничества, который затопил большую часть легальной печати. Привилегированные слои «общества», в большей своей части так постыдно реагировавшие летом 1862 г. на пожары и «Молодую Россию», еще сильнее шарахнулись вправо навстречу правительственной реакции. Правительство, в лице министра внутренних дел Валуева, утверждало потом, что польское восстание произвело «в общем направлении умов второй переворот, еще более благоприятный (для царизма — Ш. Л.), чем тот, который был последствием петербургских пожаров» [3].

Оправдались предчувствия руководителей демократического лагеря, опасавшихся последствий преждевременного взрыва восстания в Польше для судеб революционного движения в России. Вместе с подавлением польского восстания правительство Алек-

[1] О «Казанском заговоре» см. подробнее в гл. IV Восстание 1863 г. в Польше, Литве, Белоруссии и Правобережной Украине.

[2] А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 151—155.

[3] А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 444.

сандра II значительно упрочило свое положение в стране; революционным силам в России косвенно наносился весьма тяжелый удар.

Сильное разочарование постигло одновременно революционно-демократические круги с другого конца. 1863 год не принес с собой общего крестьянского восстания в России; крестьянское движение шло на убыль и в 1864 г. резко сократилось, дойдя до небывало низкого за много уже лет уровня.

Разгром польского восстания, несбывшиеся надежды на крестьянское восстание в России, резкое поправение общественного мнения господствующих классов — все это чрезвычайно неблагоприятно должно было отразиться на «Земле и Воле», подорвав ее деятельность, которая и свелась постепенно на-нет. Примерно к концу 1863 г. «Земля и Воля» фактически прекратила свое существование.

1863 год является концом периода революционного подъема, который, достигнув своей высшей точки в 1861 г., выразился в многочисленных крестьянских волнениях, в широком студенческом движении, в дворянской оппозиции, в деятельности первых революционных групп, усиленном распространении революционной литературы («Колокол», прокламации), в пропаганде «Современника», «Русского Слова», и одно время, казалось, серьезно угрожал подорвать устои романовской монархии. Революционный натиск демократических элементов страны в начале 60-х гг. не дал им победы.

Крестьянские волнения тогда не могли подняться до уровня сознательного массового политического движения, либеральные элементы дворянского и буржуазного общества не проявили никакой твердости в своей оппозиции и быстро пошли направо, поддерживая правительство в его борьбе против угрозы революции; революционные организации были еще слабы и не имели организационной опоры в народе. Пролетариата, впоследствии возглавившего борьбу против царизма и придавшего ей победоносную силу, еще не было на политической арене. Все это и послужило причиной того, что «волна общественного возбуждения и революционного натиска» [1] была отбита тогда самодержавием.

* *
*

Несмотря на то, однако, что первый демократический подъем в России, приходящийся на конец 50-х и начало 60-х годов, не привел к победе, историческое значение его очень велико.

В условиях именно революционной ситуации и в значительной мере на почве ее совершился тот шаг «по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию» [2], каким в действительности были реформа крестьянская (19 февраля 1861 г.) и

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 5, изд. 4, стр. 30.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4, стр. 88.

следовавшие за нею (начатые подготовкой как раз в период подъема революционного движения) земская, судебная и другие реформы.

Революционная ситуация дала России поучительные уроки классовой борьбы.

Крестьянство своей борьбой,— хотя и крайне неорганизованной,— за землю, за подлинную волю объективно поставило вопрос о демократических путях развития страны.

Борьба крестьянских масс много содействовала ускорению общественной диференциации. В годы революционной ситуации происходит кристаллизация главных общественно-политических течений, уясняются взаимоотношения общественных сил.

П. Л. Лавров, свидетель и участник событий, позднее, в 1875 г., справедливо отмечал в своей статье о Герцене, что «в 50-х годах и в начале 60-х, параллельно с крахом николаевщины и с карикатурными реформами первых времен александровщины», имел место «ожесточенный разрыв со старым... с постановкой практических вопросов все более резкой, с озлоблением партий, которые уже не могли ни уважать, ни выносить друг друга» [1].

Огромное значение имела твердая размежовка между демократическим и либеральным лагерями, важнейшие моменты которой падают на годы революционной ситуации (окончательный откол либералов от «Современника», полный разрыв Герцена с либералами — Кавелиным и др.).

Пусть демократическая тенденция, «опирающаяся на сознательность и самодеятельность не помещичьих, не чиновничьих и не буржуазных кругов, была,— как указывает В. И. Ленин,— крайне слаба в 1861-м году» [2]. Все же именно «представители сознательно враждебной либерализму демократической тенденции в реформе 1861-го года, казавшиеся тогда... беспочвенными одиночками, *оказались* на деле неизменно более «почвенными» [3], чем либеральные реформисты,— с дальнейшим развитием общественных противоречий в России. «История,— писал Ленин,— навсегда сохранит память о первых, как о передовых людях эпохи,— о вторых, как о людях половинчатых, бесхарактерных, бессильных перед силами старого и отжившего» [4].

Обстановка революционной ситуации дала возможность демократическому разночинству, выражавшему крестьянские интересы, проявить себя в действии, в революционных делах.

Ко времени революционной ситуации относятся первые серьезные попытки нелегального организационного строительства («Земля и Воля», послужившая во многом примером для последу-

---

[1] П. Л. Лавров. Александр Иванович Герцен. Избранные сочинения на социально-политические темы, т. IV, М., 1935, стр. 124 (Подчеркнуто нами).

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 17, изд. 4, стр. 88.

[3] Там же, стр. 90.

[4] Там же, стр. 90.

ющих революционных начинаний), а также — зарождение и заметное развитие подпольной революционной печати в России. На это же время приходятся первые серьезные и широкие студенческие волнения, послужившие началом студенческого демократического движения, как известно, игравшего крупную роль в дальнейшем ходе революционного движения в России (особенно — до возникновения пролетарского этапа освободительной борьбы).

Революционная ситуация дала толчок к более ясной и отчетливой постановке и формулировке целей борьбы демократического лагеря. «Утренняя заря наша», как писал во второй половине 60-х гг. Герцен, «высказывала наши стремления и, если не нашла путей, то указала цель и поставила вехи» [1]. Герцен подводит этот итог всему периоду 1856—1862 гг.; но, вспомнив революционные документы конца 50-х и начала 60-х годов, надо признать исключительно важную роль в уточнении и громком провозглашении задач революционно-демократического лагеря в особенности за годами наибольшего демократического подъема, за годами революционной ситуации.

Нельзя забывать и того, что период революционного подъема сыграл громадную роль не только в чисто политической сфере жизни русского народа, но и во всей культурной жизни России. Источники огромного подъема культурного творчества в 60-х гг., да и позже, коренятся в большой мере в политическом общественном подъеме, пережитом Россией на рубеже 50-х и 60-х гг.

§ 5. Усиление реакции. Процесс Чернышевского. Писарев и «Русское слово». Ишутинцы, дело Каракозова.

Руководители демократического общественного мнения после 1862—1863 гг. ясно видели упадок освободительного движения; но они отнюдь не складывали рук, они верили в новый подъем демократической борьбы и работали для его ускорения.

Реакцию тяжело переживал Герцен. Перед ним невольно возникал вопрос, стоит ли продолжать начатое дело. «Середь мрачной ночи... середь общего оподленья... при виде целого общества, лобызающего руки палачам» — не «приостановиться (ли) и переждать пароксизм безумной реакции». Но Герцен не «приостановился», не прекратил тогда своего дела, ибо он верил в неизбежность возрождения, нового подъема, он считал, что «наше общее дело продолжается под землей, продолжается в воздухе, продолжается середь оргии и раболепия...» [2].

В самой России реакция встречала смелый и систематический отпор со стороны легальной демократической журналистики. Здесь нельзя было высказаться так открыто, как в зарубежной

---

[1] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XX, М.— Пгр. 1923, стр. 106.

[2] А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. XVII, П. 1922, стр. 3; там же, стр. 294.

печати, и приходилось прибегать к иносказательной эзоповской речи, но и здесь умели заклеймить врагов и подать надежду друзьям, вдохновить их к новой борьбе.

«Кислое время, кислая жизнь», писал Салтыков-Щедрин в 1863 г. в «Современнике» в одной из своих внутренних хроник: «...спрашиваешь себя: да куда же она девалась, эта жизнь? Остановилась она или просачивается где-нибудь?» Нет, «жизнь не останавливается и не иссякает» — таков был ответ великого сатирика-демократа. Оптимизм его поддерживался верой в народ, в силы, которые зреют в массах, в низах. Щедрин указывал на ту «силу», которая, «несмотря на всю забитость и безвестность», «одна только и произвела» реформу 19 февраля (т. е. заставила произвести ее — Ш. Л.), разумея под этой силой крестьянство. «Мы принимаем за жизнь то, что собственно заключает в себе лишь призрак жизни, — писал Щедрин, — и забываем, что есть жизнь иная, которая одна в силах искупить наше бессилие, которая одна может спасти нас... Итак, не станем приходить в отчаянье, а будем верить» [1].

Пламенной верой в лучшее будущее, сознанием необходимости беззаветной, самоотверженной борьбы за него был проникнут знаменитый роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», созданный автором в Петропавловской крепости и опубликованный в 1863 г. в «Современнике». Он оказался как бы завещанием гениального мыслителя-революционера молодому поколению шестидесятых годов.

Роман «Что делать?» имел позаголовок: «Из рассказов о новых людях». К «новым» людям он и был обращен. «Добрые и сильные, честные и умеющие, недавно вы начали возникать между нами,— говорил Чернышевский,— но вас уже не мало, и быстро становится все больше» [2]. Показать этих людей, с их настоящими мыслями и чувствами, и тем наглядно опровергнуть распространяемую о них клевету — такова была одна только сторона задачи, поставленной себе Чернышевским. Наряду с этим он стремился самим «новым людям» лучше разъяснить стоящие перед ними революционные задачи, показать им, к чему они должны стремиться и какие качества в себе воспитывать, чтобы оказаться достойными этих задач и с ними успешно справиться. Пропаганда новой морали, всестороннего освобождения женщины, прославление труда и проповедь принципа ассоциации, изображение тех или иных черт будущего социалистического строя, призыв к революции — всем этим роман «Что делать?» оказал громадное влияние на лучшую часть молодежи 60-х гг., продолжая потом воздействовать и на последующие поколения. Особенно сильное впечатление на читателей производил образ непреклонного и несгибаемого революционера Рахметова — образ, надолго ставший для ре-

[1] Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полн. собр. соч., т. VI, Москва, 1941, стр. 101, 109, 112, 113.

[2] Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XI, М. 1939, стр. 11.

волюционной молодежи идеалом и в известной мере примером для подражания. П. А. Кропоткин свидетельствует: «Для русской молодежи того времени она (автор называет «Что делать?» повестью) была своего рода откровением и превратилась в программу... Ни одна из повестей Тургенева, никакое произведение Толстого, или какого-либо другого писателя, не имели такого широкого и глубокого влияния на русскую молодежь, как эта повесть Чернышевского» [1]. Плеханов, в свою очередь, заявлял: «...Пусть укажут нам хоть одно из самых замечательных, истинно художественных произведений русской литературы, которое по своему влиянию на нравственное и умственное развитие страны могло бы поспорить с романом «Что делать?»! Никто не укажет такого произведения, потому что его не было, нет и, наверное, не будет» [2].

Прием, оказанный роману передовым читателем, служил убедительным доказательством, что реакция бессильна «искоренить» революционно-демократические и социалистические идеи, под знаменем которых боролись демократические элементы страны, что разночинная демократия стала слишком серьезным фактором общественной жизни России, чтобы можно было какими бы то ни было репрессиями «укротить» ее, отбросить на дореформенные позиции.

Что революционно-демократическое движение, вопреки всем усилиям реакции, живет и будет жить, это показала вскоре и т. н. «гражданская казнь» Чернышевского. Варварский обряд был назначен на Мытнинской площади в Петербурге 19 мая 1864 г. Литераторы, студенты, офицеры, представители других групп интеллигенции пришли с раннего утра на площадь, чтобы выразить сочувствие любимому писателю-вождю, проститься с ним. Как гласило жандармское донесение, «публики было 2—3 тысячи, из них простого народа... не более $^1/_3$, остальные все чиновного сословия» (т. е. интеллигенты). Во время чтения приговора, а затем при возвращении кареты с осужденным с площади, Чернышевскому был брошен букет цветов [3].

Приговор над Чернышевским вызвал в «Колоколе» протестующую статью Герцена, в которой он с возмущением писал о правительстве и подкупной журналистике: «Да падет проклятьем это безмерное злодейство на правительство, на общество, на подлую, подкупную журналистику... А тут жалкие люди, люди-трава, люди-слизняки говорят, что не следует бранить эту шайку разбойников и негодяев, которая управляет нами!...» [4]. Герценовский «Колокол» ознакомил весь мир с зверской расправой самодержа-

---

[1] П. Кропоткин. Идеалы и действительность в русской литературе, СПб, 1907, стр. 306—307.

[2] Г. В. Плеханов, Соч., т. V, стр. 114—115.

[3] Мих. Чернышевский, Гражданская казнь Н. Г. Чернышевского, «Воля народа», 1917, № 18.

[4] А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. XVII, стр. 260—261.

вия над Чернышевским, показал, что этот процесс организован был при помощи провокации.

Чернышевский служит примером не только могучего мыслителя, но и закаленного несгибаемого революционера. Как Петропавловская крепость, так и последующие 20 лет каторги и ссылки не сломили революционной стойкости и ненависти к царизму этого великого деятеля русского освобождения.

Нельзя, конечно, думать, что крушение больших надежд, порожденных подъемом массового и общественного движения в годы реформы, осталось вовсе без последствий для внутренней, идейной жизни демократических кругов. Напротив, в ней сказывались некоторые сдвиги, стали пробиваться новые взгляды, заметнее стала идейная дифференциация внутри самой разночинной интеллигенции.

Главное и наиболее характерное для наступившей полосы заключалось в упадке среди известной части демократической интеллигенции веры в массовое движение, в народную революцию, с чем связано было распространение ошибочных, утопических теорий и планов достижения лучшего будущего без революции или без активного и решающего участия в революции народа. Некоторую, временную дань подобным настроениям отдал даже такой замечательный представитель русской передовой демократии, как Писарев.

Дмитрий Иванович Писарев (родился 2 октября 1840 г., умер 4 июля 1868 г.) начал свою литературную работу в конце 50-х гг. еще будучи студентом Петербургского университета. В конце 1860 г. он стал сотрудничать в редактируемом Г. Е. Благосветловым журнале «Русское слово» и уже в следующем году обратил на себя общее внимание своими блестящими статьями «Схоластика XIX века». Усвоив в это время радикально-демократические взгляды, Писарев в 1862 г. написал яркий памфлет-прокламацию, в котором — по поводу писаний наемного «литератора» самодержавия Шедо-Ферроти (барона Фиркса), направленных против Герцена, — разоблачал царское правительство и призывал к его низвержению: «Чтобы при теперешнем положении дел не желать революции,— писал Писарев,— надо быть или совершенно ограниченным, или совершенно подкупленным в пользу царствующего зла... Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть... Нам остается только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы»[1]. Памфлет Писарева предполагался к изданию в тайной «карманной типографии», заведенной его товарищем П. Баллодом, но еще в рукописи был захвачен властями. Писарев был арестован 2 июля 1862 г. и просидел в Петропавловской крепости до ноября 1866 г. В течение почти всех этих 4-х лет он продолжал работать для «Русского

[1] М. Лемке, Политические процессы в России 1860-х гг., изд. 2-е, М.—П., 1923, стр. 547.

слова» [1], поместив в нем ряд своих лучших статей на литературные, публицистические, исторические, естественно-научные темы. После освобождения, совсем незадолго до своей смерти Писарев вступил в число сотрудников перешедшего тогда в руки Некрасова и Щедрина журнала «Отечественные записки».

Писарев приобрел в части современной ему и последующей литературы славу неистового «отрицателя», главного вожака «нигилистического» направления.

Слово «нигилизм», вошедшее в широкий обиход после появления романа Тургенева «Отцы и дети» (1862), в устах противников демократического движения обычно имело значение течения, проповедующего будто бы беспринципную «критику для критики», «разрушение ради разрушения». На самом деле подобное направление представляло собою вообще выдумку реакционеров, предназначенную для запугивания обывателя. Мы не хотим этим сказать, что «нигилисты» не поднимали руку против таких общественно-культурных ценностей, которые следовало, напротив, поддержать, которые можно и должно было не «уступать» реакции, а возможно лучше использовать в интересах самой демократии. Достаточно сослаться на т. н. «разрушение эстетики», на «отрицание» Писаревым несловесных искусств, на его нашумевшую попытку развенчать Пушкина и т. д. Но все это было выражением не страсти к разрушению во что бы то ни стало, а слишком узкого, одностороннего понимания «полезного» в искусстве, отчасти же следствием того, что либеральная и реакционная критика прикрывалась «эстетическим» знаменем в борьбе против демократии. Не игнорируя всех этих ошибочных взглядов Писарева, следует подчеркнуть, что его «разрушительная» критика преимущественно направлялась против таких сторон и явлений жизни, которые вполне заслуживали обличения и разрушения.

Враждебность к самодержавию и крепостничеству, ко всем крепостническим пережиткам в общественных отношениях, быту, культуре, беспощадная, пламенная борьба против всякой патриархальщины, против всего сковывающего личность, защита ее свободы, творчества, самостоятельной мысли — характеризовали собою деятельность Писарева, как публициста, критика, ученого, и обеспечивали ей высокую общественную значимость.

Во враждебности Писарева к крепостничеству и всем его порождениям заключалась одна из важнейших черт мировоззрения и деятельности его, как просветителя русского общества. Эта черта дополнялась другим свойством, характерным, как указывает Ленин, для всякого просветителя — горячей защитой просвещения, самоуправления, свободы, прогрессивных европейских форм жизни.

---

[1] Вслед за Чернышевским, Писареву благодаря поддержке петербургского генерал-губернатора князя Суворова (внука знаменитого полководца) было разрешено заниматься в Петропавловской крепости литературной работой.

Писарев не говорил об «особых» путях развития России и не связывал надежд с так наз. «устоями» русского крестьянского быта, считая, что «сырые материалы», заключенные в недрах народной жизни, «должны быть оплодотворены и переработаны влиянием общечеловеческих идей» [1].

Писарев придавал громадное значение росту технического прогресса в России и пропагандировал необходимость широкого развития в ней промышленности, основанной на самой усовершенствованной технике, находя, что те земли, в которых промышленность достигла высокого уровня развития, являются счастливыми по сравнению со странами, «в которых свирепствует исключительное земледелие» [2].

В деятельности Писарева ярко выразилась и третья характерная черта просветителя, указываемая Лениным,— «отстаивание интересов народных масс», глубочайший интерес и сочувствие к положению трудящихся. «Конечная цель всего нашего мышления и всей деятельности каждого честного человека,— писал Писарев,— все-таки состоит в том, чтобы разрешить навсегда неизбежный вопрос о голодных и раздетых людях; вне этого вопроса нет решительно ничего, о чем бы стоило заботиться, размышлять и хлопотать» [3].

В своих поисках решения этого «неизбежного вопроса» Писарев несомненно склонялся к социализму, хотя его социалистические убеждения не имели столь последовательного, неизменного характера, как у Чернышевского и Добролюбова. В статье «Очерки из истории труда» Писарев смеялся над «очень близорукими мыслителями», воображающими, будто «так будет всегда», будто капитализм вечен; он разъяснял им: «Средневековая теократия упала, феодализм упал, абсолютизм упал; упадет когда-нибудь и тираническое господство капитала» [4]. Такие заявления Писарева выражали определяющую, ведущую линию его взглядов и настроений. Но случалось Писареву и уклоняться от этой позиции, и тогда он готов был считать, что возмущаться преобладанием «образованных и достаточных классов» над трудящейся массой — значит «стучаться головой в несокрушимую и непоколебимую стену естественного закона». Тогда он пытался найти выход на путях известного примирения интересов трудящихся и предпринимателей. Дайте капиталисту «полное, прочное, чисто человеческое образование», — писал Писарев в статье «Реалисты», — и он сделается «мыслящим и расчетливым руководителем народного труда» [5].

Не был Писарев совершенно свободен от колебаний и в своем

---

[1] Д. И. Писарев, Мотивы русской драмы, Избр. соч., т. 1, М, 1934, стр. 551.
[2] Д. И. Писарев. Очерки из истории труда, Избр. соч., т. 1, стр. 474.
[3] Д. И. Писарев, Реалисты, Избр. соч., т. II, М. 1935, стр. 88.
[4] Д. И. Писарев, Очерки из истории труда, Избр. соч., т. 1, стр. 479—480.
[5] Д. И. Писарев. Реалисты, Избр. соч., т. II, стр. 105.

отношении к революции и революционным методам борьбы. В прокламации, написанной в 1862 г., он прямо призывал к низвержению монархии. Идея насильственного, революционного разрешения общественных противоречий неоднократно пропагандировалась им и позднее. В известной статье «Генрих Гейне», выражающей взгляды Писарева последних лет его жизни, он заявил со всей решительностью: «Тот народ, который готов переносить всевозможные унижения и терять все свои человеческие права, лишь бы только не браться за оружие и не рисковать жизнью,— находится при последнем издыхании» [1]. В одной из предсмертных своих работ, в статье об Эркмане и Шатриане, он с огромным сочувствием говорит о революционном вмешательстве масс в ход исторических событий, о благодетельных результатах, какие имеет это вмешательство. «Как и почему разоренный и забитый народ мог в решительную минуту развернуть и несокрушимую энергию, и глубокое понимание своих потребностей и стремлений, и такую силу политического воодушевления, перед которой оказались ничтожными все происки и попытки внешних и внутренних, явных и тайных врагов... — это, конечно, одна из интереснейших и важнейших задач новой истории»,— так писал Писарев по поводу первой французской революции, причем он подчеркивал, что иностранцу романы о революции Эркмана и Шатриана «показывает наглядно, в живых образах то, чего он должен желать и добиваться для своего народа» [2].

Но не всегда революция представлялась Писареву единственным и наиболее желательным средством исцеления общественных зол; кроме того, он склонен был ее рассматривать скорее всего как чисто стихийный акт выведенных из терпения масс, к подготовке которого интеллигенция, собственно, не имеет отношения, наступления которого она не в состоянии приблизить. В первые годы надвинувшейся реакции Писарев довольно скептически расценивал ближайшие революционные возможности в России и был особенно расположен искать своего рода «обходных» путей для разрешения вопроса об освобождении горячо им любимой родины от сковывавших ее развитие крепостнических остатков. Тогда он построил свою собственную утопическую схему преодоления нищеты и бедствий народа путем распространения в среде «образованных классов» естественных наук, которые, будто-бы, могли «независимо от исторических событий», т. е. помимо революции, привести к коренному улучшению всей общественной жизни [3]. «Тут-то именно, в самой лягушке-то, — писал Писарев, имея в виду усвоение и развитие опытных естественно-научных

[1] Д. И. Писарев, Генрих Гейне, Избр. соч., т. 1, стр. 290.

[2] Д. И. Писарев. Французский крестьянин в 1789 г., Избр. соч., т. II, М. 1935, стр. 570, 573.

[3] «В науке, и только в ней одной, заключается та сила, которая, независимо от исторических событий, может разбудить общественное мнение и сформировать мыслящих руководителей народного труда». Д. И. Писарев. Реалисты, Избр. соч., т. II, стр. 106.

знаний,— и заключается спасение и обновление русского народа» [1]. Если естествознание оказывалось призванным спасти народ, то расширение в обществе круга «мыслящих людей», овладевших естествознанием и готовых применить его выводы в практической жизни (Писарев называл таких людей «реалистами»), становилось на его взгляд особенно важной общественной задачей, «альфой и омегой» общественного прогресса [2].

Общественно-политическая теория «реализма», разработанная Писаревым, не могла дать разрешения стоявших перед демократией России больших и трудных социально-политических задач. Другое дело — вопрос о роли страстной писаревской пропаганды естествознания и истории русской науки и просвещения. Энтузиазм Писарева в борьбе за передовую культуру, в пропаганде знания, науки действовал заражающе, и многие (не только в тот период, но и гораздо позднее) под влиянием Писарева посвящали себя изучению естественных наук. В этом смысле ему обязаны, в той или иной мере, такие прославленные деятели русской науки, как Павлов, Бах и др.

Необходимо подчеркнуть к тому же, что сам Писарев не очень долго придерживался тех крайностей своей теории «реализма», которые могли угрожать уводом от активной революционной борьбы. Уже, примерно, к концу 1865 г. чувствуется у Писарева новый поворот — в сторону более широкого понимания исторической роли масс и революционных методов борьбы за лучшее будущее. В частности, именно к 1866-68 гг. относятся те безоговорочно положительные высказывания Писарева о роли народных масс, о значении революции, которые цитированы выше.

Ни малейших уступок никогда не только самодержавию, но и либералам не делал Писарев даже в пору поисков им «обходных» путей прогресса, т. е. не обязательно связанных, как ему тогда казалось, с революционным вмешательством и немедленным прямым участием народных масс. В одной из статей 1867 г. «Подрастающая гуманность», посвященной разбору романа писателя-разночинца В. Слепцова «Трудное время», Писарев, давая презрительную и уничтожающую характеристику европейского и русского либерализма, между прочим писал: «Все усилия либерала должны постоянно направляться к тому, чтобы все его поступки противоречили всем его словам, и чтобы это противоречие оставалось постоянно совершенно незаметным для той бесхитростной сермяжной публики, которую следует ублажать и растрагивать либеральными представлениями... Либерал должен постоянно стремиться и порываться вперед, не двигаясь с места и тщательно удерживая других людей от всего того, что становится похожим на действительное движение» [3].

---

[1] Д. И. Писарев. Мотивы русской драмы, Избр. соч., т. I, стр. 550.
[2] Д. И. Писарев. Цветы невинного юмора, Избр. соч., т. I, стр. 527.
[3] Д. И. Писарев. Избр. соч, т. II, М. 1935, стр. 466—467.

Как в начале расцвета своей деятельности (когда еще был на свободе Н. Г. Чернышевский), так и потом, в условиях обострения реакции в середине 60-х гг., Писарев был одним из самых ярких, смелых и беспощадных борцов демократического лагеря, причем это была борьба не только на почве вопросов политики, но и литературы и культуры, науки, философии.

И философская, и литературно-критическая деятельность Д. И. Писарева освещается в том разделе настоящего издания, который посвящен истории русской культуры. Но невозможно и здесь не отметить, в нескольких словах, выдающейся роли Писарева в идейной жизни русского общества 60-х гг., как философа-материалиста и как блестящего поборника принципов высокой идейности, непреклонного служения народу, человечеству в литературе.

Несмотря на то, что Писарев уступал по теоретическому уровню своего материализма, по его последовательности Чернышевскому и Добролюбову, его роль воинствующего пропагандиста материалистических идей и борца против идеалистических построений, против религии и мистики, роль поборника передовых естественно-научных выглядов, одного из первых дарвинистов — трудно переоценить. То же следует повторить о заслугах Писарева, как большого деятеля русской литературы, на ряд лет унаследовавшего, после Чернышевского и Добролюбова, положение «первого критика» России.

Писарев был самым крупным, самым влиятельным в читательской массе представителем целой группы русских литераторов, имевшей своим органом журнал «Русское слово». К ней принадлежали Г. Е. Благосветлов, В. А. Зайцев, Н. В. Соколов и др.

Слабые стороны взглядов Писарева (несколько скептический взгляд на самостоятельную роль народной массы в деле общественного переустройства, преувеличенная оценка значения интеллигенции, «реалистов», «мыслящего пролетариата», переоценка роли естествознания в деле борьбы против общественных зол) у некоторых собратий Писарева по журналу принимали формы гораздо более крайние и резкие. Перенося центр тяжести своей пропаганды на вопросы распространения науки и знания, переоценивая роль личности, «Русское слово» выдвигало, вместе с тем, темы быта и личной морали или, по писаревской терминологии, темы «частной нравственности и житейских отношений». Это, в еще большей степени, надо сказать и о части читательской среды, шедшей за «Русским словом».

Значительные круги молодежи жадно воспринимали проповедь «Русского слова» и самого Писарева, чей сверкающий, обаятельный талант захватывал читательскую массу. Н. В. Шелгунов, сам деятельно участвовавший в «Русском слове», впоследствии писал, что «Писарев... деспотически овладел умами молодежи, частью разрушая старое и ниспровергая авторитеты и

заблуждения, а частью указывая на спасительный выход в реализме и естествознании»[1]. Н. К. Михайловский с своей стороны подтверждает: «Последователей страстных, слепых — у Писарева было много, и не скоро остыла эта наивная вера в единоспасающую мощь естествознания»[2].

Современная Писареву печать сохранила примеры этого преклонения части молодежи перед ним и его журналом. Во время полемики «Русского слова» с «Современником» неизвестный корреспондент прислал письмо в «Современник», в котором требовал, чтобы ошибки «Русского слова» критиковались «снисходительно, осторожно и со всею деликатностью», а о Писареве заявлял, что он «может увлекаться, может ошибаться, делать промахи,— но все-таки это лучший цветок из нашего сада,— грубо сорвавши его цвет и неделикатно отнесясь к нему, вы (т. е. «Современник» — Ш. Л.) восстановите окончательно против себя всю молодежь»[3]. Автор другого письма в редакцию «Современника» категорически утверждал, что «в настоящее время» (1865 г.) «Русское слово» «стоит во главе нашей мыслящей молодежи»[4].

Полемика, возгоревшаяся между «Современником» и «Русским словом», показывает, что люди, считавшие себя призванными блюсти во всей чистоте идейное наследие Чернышевского и Добролюбова, не хотели мириться с теми уклонениями от него, которые они видели справедливо, а иногда и необоснованно, в пропаганде «Русского слова», и начали против них борьбу. Редакцию «Современника», возобновленного в начале 1863 г. после вынужденного 8-месячного перерыва, составляли Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, М. А. Антонович, Г. З. Елисеев, А. Н. Пыпин[5]. Полемика с «Русским словом» начата была Щедриным, но в дальнейшем велась главным образом Антоновичем. «Современник», вступая в полемику, субъективно стремился, как указано, защитить целиком идеи Чернышевского — Добролюбова. Задача эта оказалась ему далеко не вполне по плечу, не только вследствие тяжелых цензурных обстоятельств, мешавших полностью развернуть важнейшие в политическом отношении объекты спора, но частью и ввиду недостаточно четкой идейной позиции большинства новых членов редакции «Современника».

Спор с «Русским словом» шел у «Современника» по поводу вульгаризаторских взглядов Зайцева в области философии и «нигилистических» излишеств Писарева в области эстетики, по поводу романа Тургенева «Отцы и дети», получившего со стороны

---

[1] Н. В. Шелгунов. Гр. Евл. Благосветлов, в кн.: Г. Е. Благосветлов. Соч., СПб. 1882, стр. IX.

[2] Н. К. Михайловский, Литературные воспоминания, Полн. собр. соч., т. VII, СПб. 1909, стр. 297.

[3] М. А. Антонович. Избр. статьи, Л. 1938, стр. 438—439.

[4] Б. П. Козьмин. От 19 февраля к 1 марта, М. 1933, стр. 77.

[5] В конце 1864 г. из редакции вышел Щедрин, замененный Ю. Г. Жуковским.

Антоновича и Писарева диаметрально противоположную оценку (Писарев поднял на щит героя романа — Базарова, Антонович увидел в нем карикатуру на молодое поколение и т. д.). Эти вопросы имели, конечно, свое важное значение; защита Антоновичем философских традиций Чернышевского, хотя и далеко неполноценная, так как Антонович не понимал диалектики, составляет безусловно его заслугу, как и некоторые его возражения против отдельных сторон эстетической концепции Писарева. Но вопросы, которые имели особенно животрепещущее значение,— вопросы о н а р о д е, его революционных возможностях, о революционном или мирном пути,— нашли по необходимости слишком бледное отражение в полемике «Современника». В сущности относительно широко и последовательно (в меру цензурных возможностей) эту тему выдвинул только Щедрин; у Антоновича же, основного участника полемики со стороны «Современника», она звучала большею частью слабо [1]. Кроме того, в самом «Современнике» Г. Елисеев, развивая, в противоречии со взглядами Чернышевского, сугубо «самобытнические» воззрения на ход русского общественного развития, высказывался иногда далеко не в революционном духе и прокладывал путь к полулегалистской форме народничества. Ю. Г. Жуковский использовал «Современник», как трибуну для широкой пропаганды прудонизма, а другой влиятельный сотрудник журнала Э. К. Ватсон пытался на его страницах «дополнить» материализм контовским позитивизмом. Словом, наследие Чернышевского отчасти подвергалось, сознательно или бессознательно, оппортунистическому пересмотру в самом «Современнике» 1863—66 гг.

Спорные вопросы обсуждались не только в журналах, они занимали видное место в жизни кружков интеллигенции столиц и провинции. Среди молодежи, наряду с «писаревскими» (широко распространенными одно время, как отмечено выше, и подчас извращавшими самого Писарева), были также «антиписаревские» настроения.

* * *

К представителям последних относятся члены важнейшей подпольной революционной группы середины 60-х гг. — т. н. «ишутинцы» (или «каракозовцы»). Об этом ясно говорили во время следствия по делу «ишутинцев» некоторые из привлеченных. Мотков, видный участник группы, заявил: «Относительно нигилистических убеждений я должен сказать, что все знакомые мои, с ко-

[1] Отстаивая добролюбовское толкование образа Катерины из «Грозы» Островского, Антонович в статье «Промахи» чрезмерной ориентации «Русского слова» на «мыслящих реалистов», интеллигенцию, овладевшую естествознанием, и его недооценке самодеятельности масс — противопоставлял ориентацию на массы, опираясь при этом на авторитет Добролюбова, значит и Чернышевского. (М. А. Антонович, Избр. статьи, Л. 1938, стр. 445—446).

торыми я только говорил об этом предмете, всегда смеялись над ними; «нигилист» и особенно «мыслящий реалист» — эти слова были постоянно насмешливой кличкой». Подсудимый Борисов, одно время считавший себя сторонником идей писаревского «реализма», потом отказался от них [1]. Много лет спустя ишутинец П. Ф. Николаев, отвечая на запрос историка В. Чешихина-Ветринского, писал: «Мы не только не были поклонниками Писарева, но даже его ярыми врагами, так как в его деятельности видели значительное отклонение от основных идей Чернышевского о службе народу и главным образом крестьянству» [2].

Самих себя ишутинцы считали верными последователями Чернышевского. На вопрос: «Находились ли так называемые каракозовцы в связи, конечно, идейно, с Н. Г.» (Чернышевским), П. Ф. Николаев отвечал: «Да, в самой близкой. Собственно говоря, они могут считаться непосредственными его учениками и последователями [3]...». Ознакомление с материалом следствия и суда по каракозовскому делу убеждает в том, что «ишутинцы», действительно, воспитывались на произведениях Чернышевского, что на них исключительно большое впечатление произвел роман «Что делать?», что они Чернышевского признавали авторитетнейшим руководителем революционного лагеря, который один лишь может правильно разъяснить вопрос о сущности социализма. Мечтая видеть Чернышевского во главе заграничного органа русских революционеров, они одной из ближайших своих практических задач считали организацию побега Чернышевского с каторги [4].

При всем том, отождествлять взгляды ишутинцев со взглядами Чернышевского — было бы глубоко ошибочным. Как в легальной журналистике «Современник» 1863-1866 гг. не мог удержаться вполне на теоретическом и идейно-политическом уровне, достигнутом Чернышевским, так (и даже в значительно сильнейшей степени) в подполье «ишутинцы» оказались не в состоянии достаточно правильно воспринять и практически проводить линию столь высоко ими чтившегося ученого и революционера.

Кружок ишутинцев возник в 1863 г. и окончил свое существование в 1866 г. Его принято называть «ишутинским» вследствие центральной роли, которую в нем играл Николай Андреевич Ишутин (1840—1879), разночинец из Пензенской губернии, прибывший в 1863 г. в Москву для продолжения образования и отдавшийся здесь целиком революционной работе. К кружку Ишутина принадлежали П. Ермолов, Д. Юрасов, М. Загибалов, Н. Странден, Д. Каракозов, В. Шаганов, П. Николаев, О. Мотков и др.,— большею частью настоящие и бывшие студенты или лица, недавно

---

[1] Покушение Каракозова, подготовили к печати М. М. Клевенский и К. Г. Котельников, т. II, М.— Л. 1930, стр. 373.

[2] В. Е. Чешихин-Ветринский, Н. Г. Чернышевский, Пгр. 1923, стр. 176.

[3] Там же, стр. 176.

[4] Там же, стр. 179. Ср. «Покушение Каракозова», подготовили к печати М. М. Клевенский и К. Г. Котельников, т. I, М. 1928, стр. 181, 189, 309 и др.

окончившие университет. Московский ишутинский кружок имел связь с петербургским кружком, группировавшимся около молодого талантливого литератора-фольклориста И. А. Худякова.

Ишутин хорошо охарактеризовал настроения своих товарищей, когда писал в одном из своих показаний: «Что же делать, ежели скорбь народа дошла до молодежи и больно отозвалась в их сердце и они хотят помочь ему? Что же делать, ежели в благосостоянии народа они видят благосостояние родины? Ведь это народолюбцы!» [1].

«Ишутинцы» признавали необходимым «действовать пропагандой на народ», они мечтали об «организации, опирающейся на народ» [2]. Целью своей они ставили «экономический переворот», устройство общества на «социальных началах» [3], не имея, впрочем, ясного представления ни о сущности этого «экономического переворота», ни о средствах, которые могли бы вести к осуществлению поставленной ими цели.

Большое место в планах «ишутинцев» отводилось начинаниям артельного характера, «ассоциациям». Здесь сказалось между прочим влияние на них некоторых планов и проектов, выдвигавшихся в целях социалистической пропаганды в отдельных произведениях Чернышевского. «Ишутинцы» организовали переплетную и швейную мастерские и принимали меры к устройству более крупных артельных предприятий — хлопчатобумажной фабрики в Можайском уезде и завода в Жиздринском уезде (для мальцевских рабочих). Целью их было, как рассказывал Ишутин на суде, «устройство образцовых ферм, производительных ассоциаций, (чтобы) показать народу новую форму жизни, показать, что общий труд не в пример прибыльнее единичного, и жизнь общая не в пример прибыльнее, чем жизнь единичная...» [4]. Кроме ассоциаций, «ишутинцы» интересовались устройством библиотек и небольших школ, которым придавали главным образом значение опорных пунктов для пропаганды и организации.

Первый период работы «ишутинского» кружка прошел в таких попытках и планах, имевших еще полулегальный, а иногда совершенно легальный характер. Но уже не позднее начала 1865 г., по свидетельству члена кружка Загибалова, «Ишутин начал говорить, что мы занимаемся пустяками и что для достижения нашей цели нужно употреблять самые энергичные меры» [5].

Употребление «энергичных мер» предполагало необходимость более строгой и оформленной организации своих сил. Она и происходит в течение 1865 г., когда прежний очень немногочисленный и сравнительно аморфный кружок, расширяясь в своем со-

---

[1] Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г., с предисл. А. А. Шилова. «Красный архив», 1926, т. IV (17), стр. 98.
[2] Там же, стр. 128.
[3] «Красный архив», 1926, т. IV (17), стр. 118, 122 и др.
[4] Покушение Каракозова, т. I, стр. 154.
[5] Там же, т. II, стр. 366.

ставе, принимает вид более или менее оформленной организации, так просто и названной: «Организация».

«Организация» строилась в расчете на подготовку «социальной революции». «Революцию должно было производить, действуя на страсти народа» [1], — показывал потом на следствии Ермолов. «Предполагалось,— говорит сам Ишутин,— когда будет достаточно приготовлен народ, предложить правительству устроить государство на социалистических началах, и если (оно) не согласилось бы, то произвести революцию, чтобы достичь непременно своей цели и основать новое правительство на началах социальных» [2].

Может показаться, что идея обратиться к правительству с требованием «устроить государство на социалистических началах» была придумана во время следствия, в интересах защиты. Однако, это было не так. Ишутину казалось, что революционеры располагают и средством воздействия на правительство, одновременно являвшимся в его глазах также подходящим способом возбуждения к борьбе народных масс. Средство это — обычное для деятелей, оторванных от народа и народного движения и на деле весьма вредное для развития последнего,— индивидуальный террор. «Посредством систематических цареубийств достигнуть социальной революции», — так формулировал стремления, по крайней мере, одной части организации, возглавляемой Ишутиным, один из подсудимых» [3]. Взгляд на террор, как на средство «произвести» «социальную революцию», находит подтверждение в рукописной прокламации, распространявшейся членом организации «ишутинцев» — Каракозовым, совершившим покушение на Александра II. В этой прокламации читаем: «Удастся мне мой замысел, я умру с мыслью, что смертью своею принес пользу дорогому моему другу, русскому мужичку. А не удастся, так все же я верую, что найдутся люди, которые пойдут по моему пути... Пусть узнает русский народ своего главного могучего врага, будь он Александр II или Александр III и т. д. — это все равно. Справится народ с своим главным врагом, остальные мелкие враги — помещики, вельможи, чиновники и другие богатеи — струсят, потому что число их вовсе незначительно. Тогда то и будет настоящая воля. Земля будет принадлежать не тунеядцам, ничего не делающим, а артелям, обществам самих рабочих, и капиталы... будут принадлежать тем артелям рабочих. Артели будут производить выгодные обороты этими капиталами и доход делить между всеми работниками артели поровну» [4]. Последние строки показывают также, что среди ишутинцев были распространены мелкобуржуазные уравнительные представления о социализме.

---

[1] «Красный архив», 1926, т. IV (17), стр. 115.
[2] Там же, стр. 119.
[3] Покушение Каракозова, т. I, стр. 177.
[4] Там же, т. I, стр. 294.

«Ишутинцы», в отличие от выступивших в конце 70-х гг. террористов-народовольцев, не считали цареубийство средством борьбы за политическую свободу. Этой последней задачи «ишутинцы» перед собой, по существу, не ставили.

По поводу конституционных планов либералов Ишутин, во время следствия, указывал, что в случае их победы «народу будет в сто раз хуже, чем теперь, ибо выдумают какую-либо конституцию на первый раз и вставят жизнь русскую в рамку западной жизни; эта конституция найдет сочувствие как в среднем, так и в высшем сословии, ибо она гарантирует личную свободу, даст дух и жизнь промышленности и коммерции, но не гарантирует от развития пауперизма и пролетариата, а скорее способствует» [1].

Здесь мы встречаемся с характерными потом для многих народников начала и середины 70-х гг. страхами перед политическим преобразованием России по образцу капиталистических конституционных государств. Ишутинцы в данном вопросе сделали шаг назад в сравнении с основными демократическими программами начала шестидесятых годов.

В этом отношении более зрелым был петербургский кружок, связанный с ишутинцами. Его руководитель И. А. Худяков придавал завоеванию демократических политических форм громадное значение и признавал необходимость демократической конституции и земского собора на основе «поголовной подачи голосов» [2].

В тесной связи с террористическими замыслами стоял план создания внутри «Организации» более узкого, особо законспирированного кружка, которому предполагалось дать название «Ад». Этот маленький заговорщический центр должен был бы, помимо организации покушений на царя, взять на себя тайный надзор за действиями и настроениями всех революционных кружков, предупреждать «злоупотребления» с их стороны, понуждать пассивных «к непременной деятельности» [3].

Любопытно, что «отправной точкой» для попытки организации «Ада» [4] явились слухи об образовании «Европейского революционного комитета». Слухи эти были привезены И. А. Худяковым, ездившим в 1865 г. по поручению Ишутина за границу. Худяков сообщил, как показывал потом на суде Ишутин, что «существует Европейский комитет, что он помогает революционным движениям во всех государствах, что к числу членов комитета могут принадлежать и русские, и французы, и англичане, потому то называется он Европейским комитетом» [5]. Возможно, что в сообщении

---

[1] «Красный архив», 1926, т. IV (17), стр. 127. В одном из своих показаний Каракозов передавал мнение Ишутина, что «политический переворот только вредит делу» (Покушение Каракозова, т. I, стр. 295).

[2] Там же, стр. 110, 124—126.

[3] Там же, 1926, т. IV (17), стр. 119.

[4] М. Клевенский. «Европейский революционный комитет» в деле Каракозова,— сб. «Революционное движение 1860-х гг.», М. 1932, стр. 147—167.

[5] Покушение Каракозова, т. I, стр. 52.

Худякова нашел отражение факт организации (в конце 1864 г.) «Международного товарищества рабочих» — Первого Интернационала. Однако, те подробности, которые передавал Ишутин своим товарищам по кружку о «Европейском комитете», ничего общего не имели с характером и целями Интернационала. Вообще склонный прибегать к мистификациям, Ишутин представил им «Европейский революционный комитет» в качестве интернационального заговорщического центра, снабжающего революционеров отдельных стран орудиями и средствами для террористической деятельности [1]. Разговоры о «Европейском революционном комитете» придавали более реальный характер планам цареубийства. Правда, проекты, связанные с организацией «Ада», и самый план цареубийства вызвали в группе «ишутинцев» разногласия. В группе было течение, руководимое Мотковым, которое вообще до конца стремилось держаться только пропаганды, насаждения «ассоциаций» и т. д. и противилось «энергичным мерам» Ишутина [2]. Но и среди ближайших единомышленников Ишутина (Ермолов, Юрасов, Загибалов и др.) немедленный переход к террору вызывал возражения. Однако, один из участников организации — двоюродный брат Ишутина Д. В. Каракозов — весною 1866 г. решился во что бы то ни стало привести в исполнение план цареубийства. Не считаясь с мнением остальных ее членов, [3] Каракозов 4 апреля 1866 г. стрелял в царя в Петербурге. Покушение не удалось; Каракозов был арестован, и вслед за этим была разгромлена вся «ишутинская» организация.

При всей ошибочности тактических взглядов ишутинцев, при всей утопичности их якобы социалистических планов (в том и другом отношении в настроениях и воззрениях организации ишутинцев можно видеть некоторый переход от подпольных групп и кружков начала 60-х гг.,— периода первой революционной ситуации,— к чисто народническому движению позднейшего времени),— ишутинско-каракозовское дело в целом было показателем безуспешности всех правительственных усилий к уничтожению духа борьбы и протеста в среде демократической интеллигенции.

Герцен, осудивший в «Колоколе» покушение Каракозова, вместе с тем, оттеняя отмеченную выше сторону дела, писал (в сентябре 1866 г.): «Все люди, слабые верой, думали, что страшные удары, которыми правительство било по молодому поколению за все — за пожары, в которых оно не участвовало, за польское восстание, за воскресные школы, за возбужденную мысль, за чтение книг, которые читает вся Европа, за мнения, сделавшиеся ходячей монетой, за общечеловеческие стремления, даже

[1] «Красный архив», 1926, т. IV (17), стр. 123.
[2] Покушение Каракозова, т. I, стр. 200; т. II, стр. 26—29.
[3] Возможно, однако, что он встретил сочувствие и поддержку в Петербурге, со стороны Худякова, который в таком случае руководствовался, вероятно, чисто политическими конституционными расчетами.

за желание работать — приостановили движение, начавшееся после Крымской войны. Нисколько. Оно только въелось глубже и дальше пустило корни». В существовании среди молодой московской интеллигенции, в течение нескольких лет, организации, стремившейся, по определению Герцена, «распространять социалистические учения и приготовлять переворот», он увидел утешительный и успокоительный симптом: «Отцы, думавшие идти за гробом детей, могут отереть слезы — дети живы. Правительство второй раз замучит, убьет их... а они останутся живы!» [1].

Нечего и говорить, что само правительство, вопреки логике и урокам действительности, признало продолжающееся революционное движение следствием «недостаточной» последовательности и жестокости преследований и стало на путь дальнейшего резкого усиления репрессий.

Во главе следственной комиссии, расследовавшей дело о покушении Каракозова, был поставлен Муравьев-вешатель, который ставил себе целью «вскрыть» все материальные и духовные нити «крамолы» и изыскать наиболее сильные средства для ее «искоренения».

Каракозов был повешен. Другие участники дела пошли на каторгу и в ссылку (Ишутину замена смертной казни каторгой была объявлена уже на эшафоте, после того, как его несколько минут продержали в саване и с веревкой на шее).

Аресты и высылки подозрительных на взгляд правительства людей приняли массовый характер. Муравьев всячески стремился напугать царя размерами «заговора». В докладах Александру II он доказывал, что «вредные элементы», проникнутые «самым крайним социализмом», образуют «обширную сеть, обнимающую не только обе столицы, но и губернии». Источник волнений он видел в «слабости» власти: «Нет власти, власть потрясена»,— так будто бы жаловалось, по его утверждению, общество, — и он выдвигал требование — «вновь восприять ускользнувшую власть». Из этого вытекали требования усмирения всех недовольных, подавления критики в печати, свобода которой «несовместима с нашим образом правления», всемерного усиления полиции, изменения в самом мракобесном духе «направления министерства народного просвещения». «Лучше на некоторое время приостановиться на пути просвещения», — писал Муравьев и для «восстановления» «извращенного народного образования» настаивал на «полном содействии» ведомству просвещения со стороны губернаторов и политической полиции. Особенное место в программе Муравьева, выступавшего, конечно, в качестве выразителя стремлений всего лагеря крайней реакции, занимал вопрос о «восстановлении землевладельческого класса и дворянства», как «лучшего орудия для противопоставления

[1] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XIX, Пгр. 1922, стр. 49, 50.

демократии». Он намечал целую систему мер по поддержанию и укреплению дворянства и крупного землевладения [1].

Александр II легко принял программу, предлагавшуюся ему Муравьевым, и в известном рескрипте на имя председателя комитета министров князя Гагарина (13 мая 1866 г.) санкционировал ее.

Для разработки мероприятий, вытекавших из рескрипта, была образована комиссия, в которую вошли виднейшие реакционные сановники, как тот же Муравьев, граф Д. А. Толстой, только что назначенный министром просвещения (на место либеральничавшего Головнина), Шувалов, Панин и др. По представлению комиссии были закрыты окончательно журналы «Современник» и «Русское слово». Комиссия решила воспретить все студенческие кружки и другие «вредные ассоциации», создаваемые с целью вспомоществования нуждающимся, а заодно закрыла вспомогательные кассы и нестуденческие, как типографщиков, приказчиков и др. Свою борьбу против «социализма и нигилизма» комиссия простерла до того, что воспретила «нигилистам» носить публично: длинные волосы и синие очки — мужчинам, короткие волосы — женщинам. За повторное нарушение этого запрещения угрожала высылка.

Запретительные меры коснулись школ, библиотек и т. д.

Правительство открыто вступило на путь «белого террора» против демократии, против всего прогрессивного в русском обществе. «Темные силы,— писал Герцен,— еще выше подняли голову, и испуганный кормчий (Александр II — Ш. Л.) ведет на всех парусах чинить Россию в такую черную гавань, что при одной мысли об ней цепенеет кровь...» [2].

§ 6. Революционное подполье конца 60-х годов. Оживление движения демократической интеллигенции. Нечаев. Бакунин.

Революционное движение в пореформенной России имело слишком глубокие корни, чтобы возможно было мерами подавления парализовать его развитие. Правительству ненадолго удалось внести некоторое замешательство в среду демократической интеллигенции, временно расстроить ее ряды, терроризовать наименее устойчивые ее элементы. Но недовольство, под влиянием самих этих репрессий, а прежде всего под влиянием прогрессирующего разорения и обнищания народа, постепенно расширялось и усиливалось. Оно должно было с течением времени найти новые формы выражения, новые проявления.

В феврале 1868 г. в Москве и Петербурге был ликвидирован кружок, организованный в предыдущем году Феликсом Волхов-

[1] П. Гуревич. Незабвенные мысли незабвенных людей. (Из истории реакции 60-х годов), «Былое», 1907, № 1, стр. 236—242.

[2] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XVIII, Пгр. 1920, стр. 391.

ским и Германом Лопатиным. Члены этого кружка (так наз. «Рублевого общества») [1] намеревались сблизиться, в качестве странствующих учителей, с крестьянством, проводить среди крестьян беседы на исторические и общественные темы и одновременно изучать экономическое положение и настроение крестьянства для выяснения вопроса о «доступности» его революционной пропаганде. Намечалось издание легальных книжек для народа. «Рублевое общество», однако, успело издать из них только «Древнюю Русь» И. А. Худякова [2].

Одновременно с «Рублевым обществом» и еще приблизительно в течение года после его разгрома, существовал в Петербурге другой, более многочисленный кружок, прозванный «Сморгонской академией». В некоторой степени он может считаться соединительным звеном между ишутинцами, с которыми были связаны его члены Д. Воскресенский, В. Черкезов и др., и нечаевцами. Литератор-народник, главный представитель русского «бланкизма» П. Н. Ткачев, братья Аметистовы, С. Г. Нечаев имели, очевидно, отношение к «Сморгонской академии». В этом кружке дебатировался вопрос о цареубийстве; его участники замышляли, подобно ишутинцам, освобождение Чернышевского; вслед за ишутинцами, «сморгонцы» также интересовались вопросом о «Европейском революционном комитете»; ездивший за границу их представитель (И. И. Бочкарев), между прочим, должен был установить связь с этим «комитетом» [3]. В общем, начинания кружка не вышли из стадии планов и обсуждений. Но кружок отразил не прекращающееся брожение среди демократической молодежи.

С осени 1868 г. признаки нового оживления заметны среди широкого круга учащихся Петербурга. По частным квартирам стали собираться многолюдные сходки, где ставился вопрос о протесте против стеснительной полицейской опеки, которой подвергалось студенчество, о заявлении требований относительно допущения открытых студенческих касс, сходок и т. д. Одна из современниц, Вера Засулич, в своих воспоминаниях так определяла настроение молодежи: «Конечно, это (т. е. студенческие волнения — Ш. Л.) не «дело», не работа для «блага народа», не «революция», но хоть «что-нибудь», какая-нибудь «жизнь». ...Кассам-то, собственно, несмотря на крайнюю бедность, придавалось лишь втростепенное значение: добьемся их — хорошо, но если не добьемся — тоже хорошо; сходки привлекательны сами по себе» [4].

---

[1] Для сочувствующих был установлен ежемесячный рублевый взнос.

[2] Г. А. Лопатин. Подготовил к печати А. А. Шилов, Пгр. 1922, стр. 9—10, 27—43. — Н. Ф. Бельчиков, Рублевое общество, «Известия Академии Наук СССР», отд. обществ. наук, 1935, № 10, стр. 941—1001.

[3] Б. П. Козьмин. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М. 1929.

[4]. Вера Засулич. Воспоминания, М. 1931, стр. 20—21.

Студенческие собрания устраивались группой инициаторов, среди которых находился Нечаев. Часть инициаторов считала, что сходки и связанная с ними агитация вовлекут в движение массы молодежи и послужат исходным моментом для создания организации, призванной объединить «народное восстание, момент которого приближается» [1]. В этом направлении, между прочим, толкал молодежь и полученный в Петербурге в сентябре 1868 г. первый номер женевского бакунинского журнала «Народное дело» [2]. В нем Бакунин сформулировал, окончательно к этому времени сложившуюся у него, анархистскую платформу. Но не ей обязано было тогда «Народное дело» сравнительной популярностью, а призывам к слиянию передовой интеллигенции с народом. Обращаясь к разночинной молодежи, Бакунин доказывал, что не через науку и культурно-просветительную работу сможет она помочь народу: «Путь освобождения народа посредством науки для нас загражден; нам остается поэтому только один путь — путь революции».

Ревностным сторонником лозунгов «Народного дела» выказал себя тогда Сергей Нечаев [3], попытавшийся вмешаться в назревшее студенческое движение с целью направить его в русло, ствечавшее планам самого Нечаева и его единомышленников.

В своих воспоминаниях о нечаевском деле В. Засулич впоследствии писала: «Нечаев не был продуктом нашей интеллигентной среды... Не взгляды, вынесенные им из соприкосновения с этой средой, были подкладкой его революционной энергии, а жгучая ненависть, и не против правительства только..., а против всего общества, всех образованных слоев, всех этих баричей, богатых и бедных, консервативных, либеральных и радикальных. Даже к завлеченной им молодежи он, если и не чувствовал ненависти, то, во всяком случае, не питал к ней ни малейшей симпатии, ни тени жалости и много презрения» [4].

Нечаев и его сторонники стремились к созданию своей всероссийской организации и в студенческих волнениях видели обстоятельство, благоприятствующее скорейшему разрешению этой задачи. Зимой 1868—1869 г. была выработана «Программа революционных действий», главными авторами которой могли быть либо сам Нечаев, либо, — что некоторым исследователям кажется более вероятным, — Ткачев. Программа исходила из необходимости «радикальной перестройки» существующих «нелепых и несправедливых общественных отношений». Усматривая препятствие к такой перестройке в «настоящем политическом строе общества», программа высказывалась за «политическую революцию». «Социальная революция — как конечная цель наша и

[1] Вера Засулич. Воспоминания, М. 1931, стр. 20—21.

[2] «Народное дело», как бакунинский орган, на этом номере, собственно, и закончилось (см. ниже в главе XI).

[3] С. Г. Сватиков. Студенческое движение 1869 г. (Бакунин и Нечаев), «Наша страна». Историч. сборн., СПб. 1907, стр. 185.

[4] Вера Засулич. Воспоминания, стр. 57.

политическая — как единственное средство для достижения этой цели» — в этих словах определяла свою позицию «Программа революционных действий». Это положение программы показывает, что Нечаев (поскольку он был ее автором, или одним из авторов) тогда еще не вполне усвоил себе бакунинское отрицание «государственности», его анархизм. Необходимо, впрочем, отметить полную неустойчивость теоретических взглядов Нечаева и его теоретическую беспринципность, в силу чего он иногда в одно и то же время высказывался и как анархист, и как бланкист, и как непримиримый враг «общества», и как «сторонник» объединенных действий с либералами и т. д.

Авторы «Программы революционных действий» ставили своей практической задачей «создать возможно большее количество революционных типов». Для достижения этого намечалось распространять листки, устраивать сходки и «частные протесты», кружки и кассы. До мая 1869 г. предполагалось деятельность сосредоточить в Петербурге, Москве и частью — в провинциальных университетских городах. В это время должен был быть проведен студенческий протест за «право официальных сходок», положено начало пропаганде среди столичной «голытьбы». С мая, по программе, деятельность переносилась в губернские и уездные города — в среду «разночинцев, семинаристов и провинциальной голытьбы». Осенью предстояло согласно «Программе» начать работу в «самой массе народа». «Самое удобное время восстания — весна 1870 года», — утверждали авторы «Программы» [1]. На случай неудачи восстания авторы «Программы» считали, что «летнее время будет благоприятствовать сепаративной войне по Волге и Днепру и укрывательству народа целыми массами в лесах» [2].

Студенческий протест, который приурочивался «Программой» к весне 1869 г., действительно, произошел в Петербурге в марте этого года. Волнения начались 6 марта в Медико-хирургической академии по случайному поводу. В течение недели происходили шумные сходки, затем академия была закрыта, и группа студентов-медиков арестована. Вслед за медиками выступили технологи и универсанты; с трудом удалось властям предупредить открытые «беспорядки» в Земледельческом институте. Студенты добивались права сходок, касс, участия выборных в распределении стипендий. Учебное начальство действовало в тесном контакте с полицией. Беспорядки были подавлены массовыми исключениями и арестами; все исключенные были высланы на родину. Следует подчеркнуть, что Нечаеву и его сторонникам далеко не удалось о в л а д е т ь студенческим движением. Противники Нечаева [3] признавали его оценку положения в народе и ближайших

---

[1] Имелось в виду, что предстоящее весной 1870 г. окончание 9-летнего срока, в течение которого крестьянам нельзя было отказываться от отведенных во время реформы наделов, приведет к крестьянским волнениям.

[2] Историко-революционная хрестоматия, т. I, М. 1923, стр. 81—85.

[3] Б. П. Козьмин. С. Г. Нечаев и его противники в 1868—1869 гг., сб. «Революционное движение 1860-х годов», М. 1932, стр. 168—226.

перспектив неправильной, а попытки осуществления его планов гибельными для роста революционного движения среди молодой демократической интеллигенции. К разногласиям программного и тактического характера присоединились глубокие расхождения в вопросе о способах действия, ибо очень скоро обнаружились специфические приемы Нечаева, наложившие самый тяжелый отпечаток на весь связываемый с его именем эпизод революционного движения.

Не чувствая себя кровно связанным с той средой, в которой он работал, относясь к ней с недоверием и презрением и встречаясь с сопротивлением со стороны людей, не разделявших его взглядов. Нечаев едва ли не с первых шагов стал применять в своей деятельности ложь, мистификации, шантаж. Все это, конечно, не сразу раскрылось перед молодежью. Тем не менее уже в начале 1869 г. сильная оппозиция против Нечаева в Петербурге была налицо. Покидая в январе этого года столицу, он не мог, несомненно, подвести утешительного для себя итога своим усилиям. Во время мартовских студенческих волнений 1869 г. большинство связанных с Нечаевым людей было арестовано, и начинавшаяся в Петербурге организационная работа нечаевцев оборвалась. Новую попытку создать свою организацию Нечаев сделал осенью 1869 г. в Москве. Ей предшествовала на этот раз «литературная» подготовка из-за границы, куда бежал Нечаев.

Главную роль в этой подготовке играл не сам Нечаев, а Бакунин, с которым у Нечаева установилось тесное сотрудничество. После поражения польского восстания Бакунин удалился на несколько лет в Италию, где он подверг пересмотру свои взгляды. Пересмотр этот шел в направлении а н а р х и з м а, элементы которого были и ранее у Бакунина, но который принял у него вид законченной «теории» только в течение второй половины 60-х гг. Большое влияние при этом пересмотре оказали на Бакунина взгляды Прудона. Плеханов в «Наших разногласиях» правильно назвал Бакунина «р е ф о р м а т о р о м п р у д о н и з м а», а все его мировоззрение метко определил, как «смешение социалистических теорий «латинских стран» с русскими крестьянскими «идеалами», народного банка Прудона — с сельской общиной, Фурье — со Стенькой Разиным» [1].

«Теории» Бакунина по-своему отражали стихийное недовольство и протест отсталых мелкобуржуазных, крестьянских масс и ремесленников; некоторым успехом они пользовались, естественно, в тех странах (Россия, Италия, Испания и т. д.), где капиталистические отношения были еще слабо развиты, кадры промышленного пролетариата еще не столь многочисленны, где капиталистическая эксплуатация осложнялась пережитками докапиталистических форм [2]. Бакунин, создав тайные сектантские

[1] Г. В. Плеханов. Соч. т. II, стр. 158, 320.

[2] К характеристике бакунинского анархизма мы вернемся в главе XI, посвященной революционному движению 70-х гг.

организации «Интернациональное братство», потом «Альянс социалистической демократии» на основе своей анархистской программы, «диаметрально противоположной», как он сам заявлял [1], программе Маркса и возглавляемого Марксом Первого Интернационала, попытался вмешаться в дела Интернационала и захватить руководство им. Это привело к острейшей борьбе между бакунистскими дезорганизаторами и руководимым Марксом Генеральным Советом Интернационала, в которой и нечаевский эпизод сыграл свою роль.

Через Нечаева Бакунин увидел возможность связаться с русским движением, от которого он был оторван со времени разгрома польского восстания, при его помощи надеялся перенести в Россию свой «Альянс», сделать проектируемую русскую ветвь «Альянса» руководителем революционной борьбы в России [2]. Поэтому Бакунин горячо поддержал приехавшего за границу Нечаева и до последней крайности держался союза с ним (разрыв Бакунина с Нечаевым произошел летом 1870 г., когда методы Нечаева обернулись и против него).

Начиная с весны 1869 г. Нечаевым и Бакуниным был выпущен за границей ряд листовок и воззваний, журнальчик «Народная расправа», зашифрованный «Катехизис революционера». Перу Нечаева принадлежала только некоторая часть этих документов, — автором большинства из них, в том числе и пресловутого «Катехизиса», был Бакунин [3].

Вся эта литература была рассчитана на интеллигентную молодежь, задачи которой излагались в последовательном анархическом духе. В ней выражалась уверенность в близости народного восстания: «Всенародное восстание замученного русского люда неминуемо близко» («Народная расправа»). На молодую интеллигенцию возлагалась задача объединения «разрозненных мужицких взрывов в народную революцию, осмысленную и беспощадную», на нее возлагалась роль «коллективного Стеньки Разина». «Ступайте в народ!» — призывал Бакунин: «Там ваше поприще, ваша жизнь, ваша наука». Молодежи предлагалось обратить особое внимание на «разбойничий мир». Разбойники, — по фантастическому мнению Бакунина, — составляли «мир русской революции», с которым должны быть связаны интеллигентные революционеры («Постановка революционного вопроса»). Так лозунг «в народ» дополнялся в бакунинско-нечаевской агитации другим «лозунгом» — к «разбойникам», за с л и я н и е крестьянского бунта с «разбойничьим бунтом». О «значении» союза с «разбойниками» говорилось и в «Катехизисе револю-

---

[1] Письмо М. А. Бакунина к интернационалистам Романьи, «Каторга и ссылка», 1926, № 5 (26), стр. 119.

[2] З. Ралли. М. А. Бакунин, «Минувшие годы», 1908, № 10, стр. 157—158.

[3] М. П. Сажин. Воспоминания 1860—1880-х гг., М. 1925, стр. 70; Б. Козьмин. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. М. 1922, стр. 190 и след.

ционера»: «Соединимся с лихим разбойничьим миром, с этим истинным и единственным революционером в России». По этому поводу в знаменитой антибакунистской брошюре Интернационала «Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих» указывалось: «Чтобы одурачить своих читателей, Бакунин смешивает в одну кучу вождей народных восстаний XVII и XVIII веков с современными русскими разбойниками грабителями... Единственная форма разбоя (если не считать, разумеется, разбоя правящих сфер), которая практикуется еще в крупном масштабе в России, — это конокрадство, поставленное на коммерческую ногу капиталистами, а «революционеры без фраз» являются в их руках простыми орудиями и жертвами» [1].

«Катехизис» представляет собой особо показательный для «нечаевщины» документ. Задачей революционеров «Катехизис» признавал полнейшее и скорейшее разрушение «государственного, сословного и так называемого образованного мира». Не может быть настоящим революционером тот, кому «чего-нибудь жаль в этом мире», кто «может остановиться перед истреблением положения, отношения или какого-либо человека, принадлежащего к этому миру, в котором все и все должны быть ему равно ненавистны». Все «поганое общество» «Катехизис» разделил на несколько категорий. Одни «неотлагаемо» осуждались на смерть, другим «даровалась» временно жизнь, чтобы они «рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта», третьих рекомендовалось «эксплоатировать всевозможными манерами и путями, опутать их, сбить их с толку и, овладев по возможности их грязными тайнами, сделать их своими рабами». Отдельный параграф был направлен против «доктринеров, конспираторов и революционеров в праздноглаголющих кружках и на бумаге», т. е. на деле против тех представителей демократической среды, которые останутся вне прямого руководства бакунинско-нечаевской организации. «Их надо, — говорилось в «Катехизисе», — беспрестанно толкать и тянуть вперед, в практичные головоломные заявления, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих» [2]. В целом «Катехизис» ориентировал активную молодежь на применение мистификаторских, двурушнических, авантюристических приемов. «Критиковать такой шедевр, значило бы затушевывать его шутовской характер», говорилось о «Катехизисе» в брошюре «Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих» [3].

При возвращении Нечаева в Россию Бакунин снабдил его мандатом за своей подписью, в котором Нечаев величался одним

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 600.

[2] А. А. Шилов. «Катехизис революционера», «Борьба классов», № 1—2, Л., 1924, стр. 262—273. Ср.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 623—628.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 628.

из «доверенных представителей» русского отдела Всемирного революционного союза. Мандат этот и объяснения Нечаева, выдававшего мифическую организацию, от имени которой он выступал, за часть Интернационала, при том якобы наиболее революционную и влиятельную [1], облегчили вербовку людей в тайное общество «Народная расправа», которое Нечаев начал создавать в Москве. Общество основывалось на слепом доверии и беспрекословном повиновении участников руководителю — Нечаеву, скрывавшему от своих новых товарищей правду о действительном положении затеянного им предприятия. Когда один из членов новой организации — студент Иванов — стал обнаруживать известную самостоятельность, недоверие к сообщениям руководителя, Нечаев, при участии других членов комитета общества (П. Успенского, А. Кузнецова, литератора И. Прыжова, Н. Николаева), убил Иванова (ноябрь 1869 г.). Нечаев, правда, обвинял Иванова в предательстве, но это обвинение не имело под собою почвы.

Лично Нечаеву удалось во время разгрома организации скрыться вторично за границу. Продолжая мистифицировать как русскую эмиграцию, так и отдельных представителей европейского революционного движения, он осуществил несколько новых издательских предприятий, из которых самым крупным была попытка возобновления «Колокола» при содействии Огарева и одной из дочерей Герцена (было выпущено весной 1870 г. 6 номеров). Нечаев выпустил также в течение 1870 г. новый ряд листовок, написанных частью им самим, частью Огаревым и др. Таковы воззвания: «К русскому мещанству» («Братья мещане, мужички городские...») от имени не существовавшей, конечно, «Думы всех вольных мещан», «К русскому купечеству» от имени столь же мифической «Конторы компании вольных русских купцов», «Сельскому духовенству» с подписью «От истинных пастырей» [2], «Благородное российское дворянство», подписанное «Потомки Рюрика и Партия российского независимого дворянства».

В прокламации к дворянству Нечаев призывал его «с львиным мужеством воспрянуть от унижения и встать под гордо развевающееся знамя потомков древнего рюрикова дома» для борьбы с «современной императорской властью». В числе «доблестей» дворянства фигурировали «рыцарское служение Николаю I», спасение Российского государства от «наплыва социальных утопий» во время «бурных ураганов народного безумия в Европе» в 1848 году и проч. Прокламация сочувственно упоминала о «сиявшем доблестями Михаиле Николаевиче Муравьеве» и гонимом «Михаиле Никифоровиче Каткове», который, де, «вынужден был заявить о несолидарности с дворянством, хотя он — наш и телом и душой [3]. Этот яркий «перл» нечаевщины хорошо иллюстрирует

[1] Вера Засулич. Воспоминания, стр. 33.
[2] «Литературное наследство», т. 41—42, М. 1941, стр. 140—145.
[3] «Красный архив», 1927, т. III (22), стр. 241—245.

невероятный политический авантюризм, безграничную неразборчивость в средствах Сергея Нечаева.

Против «нечаевщины» решительно подняли голос Маркс и Энгельс. Разоблачению Нечаева много содействовал Герман Лопатин. В 1870 г., бежав из ссылки за границу, Лопатин сблизился с Марксом и информировал его о деяниях Нечаева, вредивших престижу Интернационала, поскольку Нечаева выставляли в некоторых кругах в качестве, якобы, агента Интернационала. К тому же Маркс и Энгельс справедливо, вообще, увидели в «нечаевщине» крайнее выражение вредных анархических тенденций, которые пытался привить рабочему движению на Западе Бакунин. Объявив войну нечаевщине, они широко использовали ту помощь, которую оказали им, кроме Лопатина, известные элементы молодой русской эмиграции, группировавшиеся вокруг Николая Утина и создавшие к началу 1870 г. т. н. «Русскую секцию» Интернационала. Позже им помогли в этом корреспонденты из самой России (Даниельсон и др.). На Лондонской конференции Интернационала в сентябре 1871 г. Утин выступил с докладом о нечаевском деле. Конференция уполномочила Генеральный Совет сделать публичное заявление по этому делу. Оно было написано в октябре 1871 г. Марксом и опубликовано в печати. Маркс категорически заявлял в нем, что Нечаев никогда не был ни членом, ни представителем Интернационала, что он «узурпировал имя Международного Товарищества Рабочих и использовал его в своих целях, обманывая народ в России и создавая там жертвы»[1]. В неоднократно упоминавшейся брошюре против бакунинского «Альянса», изданной в 1873 г. по поручению Гаагского конгресса Интернационала («Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих»), вожди Первого Интернационала видное место уделяли разоблачению, на основании данных судебного процесса нечаевцев и разбора изданий Бакунина и Нечаева, — нечаевщины в целом и роли в ней Бакунина[2]. В трудах товарища Сталина мы встречаем резкое осуждение «нечаевщины». «...Думать, — говорит И. В. Сталин, — что партия может заменить собой массовые беспартийные организации пролетариата и всю пролетарскую массу вообще, — значит отрывать партию от масс, довести бюрократизацию партии до высшей точки, превратить партию в непогрешимую силу, насадить в партии «нечаевщину», «аракчеевщину».[3]

В 1872 г. Нечаев был выдан Швейцарией царскому прави-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 367.

[2] Там же, стр. 594—649. Энгельс в письме к Зорге от 26 июля 1873 г. заявлял: «Эта штука подействует на автономистов» (т. е. анархистов, сторонников Бакунина), как бомба и если кого убьет, то в первую голову Бакунина. Составляли брошюру Лафарг и я вдвоем, только заключение написано Марксом и мной. Ты сам удивишься гнусностям, которые там разоблачены...» (Соч., т. XXVI, стр. 350).

[3] И. В. Сталин. Соч., т. 9, стр. 79.

тельству и подвергнут долголетнему заключению в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. Ему удалось со временем распропагандировать крепостную стражу и подготовить себе побег, который, однако, провалился вследствие предательства; Нечаев умер в Петропавловской крепости в 1882 г. Характеризуя Нечаева, В. Засулич писала: «Он до конца сохранил свою почти невероятную энергию. Ничего не забыл он за долгие годы одиночного заключения, ничего не забыл и ничему не научился. До самого конца он сохранил глубокое убеждение, что мистификация есть лучшее, едва ли не единственное средство заставить людей сделать революцию» [1].

Еще до задержания и выдачи Нечаева, в 1871 году перед царским судом предстали арестованные в 1869 г. члены нечаевской организации (московской и петербургской) и многие так или иначе соприкасавшиеся с нею лица, не исключая также революционеров, составлявших оппозицию Нечаеву. Процесс раскрыл перед обществом (он шел при открытых дверях) неблаговидные приемы Нечаева. Но одновременно он явился показателем снова уже довольно быстро и широко нараставших с конца 60-х гг. среди активной интеллигентной молодежи — совершенно независимо от «нечаевщины» и вопреки ее крайне отрицательному опыту — революционных настроений. Процесс и сам в известной мере послужил толчком к их дальнейшему росту и усилению.

События 1868—1869 гг., с которыми связана и деятельность Нечаева, относятся уже, по сути дела, к той полосе в истории разночинно-демократического движения в России, когда непосредственно подготовлялся новый период этого движения, период собственно народнического революционного движения семидесятых годов (ср. главу XI настоящего тома). Процесс же так называемых «нечаевцев» (а в действительности, как упомянуто, далеко не одних бывших сотрудников и сподвижников Нечаева) происходил прямо-таки в начале этого нового периода.

Именно деятели революционного движения 70-х гг. и оставили нам свои впечатления об этом процессе, сопровождаемые показательными суждениями о влиянии его на последующий ход дел.

Дм. Клеменц, видный участник петербургской революционной организации первой половины 70-х гг. (потом — член редакции «Земли и Воли» конца 70-х гг.), в одном из зарубежных русских изданий того же десятилетия отмечал, что «лучшая, самая живая часть» русского общества «вынесла из процесса убеждение в честности обвиняемых и в правоте их главных стремлений», т. е. стремление демократической молодежи защитить интересы крестьян и бороться против помещиков и царизма, и таким образом процесс сам послужил «средством пропаганды», под его влиянием «выработалось немало новых революционных деятелей». С другой стороны, процесс выяснил русским революционерам их

[1] Вера Засулич. Воспоминания, стр. 56.

«ошибки и заблуждения» и «заставил искать других, лучших путей для деятельности» [1]. Последнее утверждение следует в частности отнести к вопросу о характере нечаевской организации, о приемах ее построения и работы: новое поколение революционеров-семидесятников решительно осудило этот характер и эти приемы. Революционная русская молодежь начала 70-х гг., как свидетельствует О. Аптекман, отнеслась «резко отрицательно к «нечаевщине», как к форме революционной борьбы» [2].

§ 7. Первые шаги рабочего движения в пореформенной России

Реформа 1861 г. при всей своей половинчатости дала сильнейший толчок процессу формирования русского пролетариата [3] и создала предпосылки для развития в России рабочего движения. Однако, в шестидесятых годах рабочее движение делало только первые шаги. Не особенно значительное по своему размаху, оно и по внутреннему содержанию отличалось переходным характером. Многие волнения были связаны непосредственно с условиями ликвидации крепостных отношений. Вчерашний крепостной рабочий выступал часто в них не только как пролетарий, продающий свою рабочую силу фабриканту, но и как крестьянин-земледелец, имеющий свои счеты с помещиком (в роли которого по отношению к нему часто выступал тот же фабрикант); интересы крестьянские, связанные с размером и качеством надела, с объемом повинностей за землю, выдвигались при этом не раз на первое место.

Такой именно характер имели во многом волнения горнозаводского населения Урала в начале 60-х годов, составившие, между тем, большой процент рабочих волнений шестидесятых годов вообще. Волнения уральских рабочих начала 60-х годов были связаны с условиями ликвидации крепостного права на Урале. Исключительно крестьянские требования были выдвигаемы здесь в выступлениях т. н. «сельских работников», сохранивших тесную связь с земледелием, выполнявших на заводах только подсобные, вспомогательные работы. Для них дело сводилось к тому, чтобы получить обеспечивающий пропитание надел и совершенно избавиться от работы для завода. Сложнее обстояло дело с «мастеровыми» — основным производственным костяком горнозаводского рабочего населения, для которых заработная плата была главным источником существования и вопрос об уровне ее представлял наиболее животрепещущий интерес. Однако, и для этого слоя вопрос о земле не являлся безраз-

---

[1] Статья Клеменца перепечатана в кн.: Л. Г. Дейч. Социалистическое движение начала 70-х годов в России. Ростов на Дону, 1925, стр. 57.

[2] О. В. Аптекман. Из истории революционного народничества. «Земля и воля» 70-х годов. СПб. 1907, стр. 33.

[3] См. гл. X «Формирование промышленного пролетариата России 1861—1894 гг.».

личным, поскольку реформа вызвала к жизни новые повинности в отношении и помещика-заводчика, и государства, а положение на заводах стало более шатким и число занятых рабочих в ряде случаев сокращалось. Одним из источников волнений служил произвольный перевод рабочих из «мастеровых» в категорию «сельских работников», ставивший их иногда в совершенно безвыходное положение [1].

Таким образом на горных заводах, при преобладании требований крестьянского характера, с последними переплетались, а иногда выступали и на передний план требования чисто рабочие, относившиеся специально к заработной плате.

Восстановить сколько-нибудь полную картину рабочего движения 60-х гг. пока трудно, ввиду недостаточной разработанности источников.

Опубликованные недавно документальные данные о рабочем движении 60-х гг. [2] содержат сведения примерно о полусотне различных рабочих выступлений и протестов. Случаев прекращения работ с предъявлением определенных требований среди них весьма немного (менее десятка).

В большинстве речь идет о брожении и волнениях, не вылившихся в форму стачек. Наряду с проявлениями более или менее активной борьбы — немало было фактов пассивного протеста, бегства с непосильных и слишком изнурительных работ, подачи прошений и жалоб административным властям и проч. Нет сомнения, что некоторое число рабочих выступлений не учтено официальными источниками или отражено источниками, пока не выявленными. В ряде случаев официальные данные могут быть пополнены сообщениями печати, в результате чего количество протестов, волнений и стачек увеличится, по всей вероятности, вдвое. Но общая картина рабочего движения 60-х гг., соотношение в нем различных форм недовольства и протеста не изменится существенно, т. е. останется факт большого удельного веса пассивных форм, с одной стороны, и незначительного числа настоящих стачек, с другой.

Значительная часть волнений и протестов рабочих приходится на 1861—1864 гг. (около 70% из числа волнений, учтенных за 1861—1869 гг. сборником А. М. Панкратовой). Широкие волнения имели место в начале 1861 г. среди рабочих Ревдинских чугуноплавильных и железоделательных заводов П. Демидова, известных бурными волнениями рабочих еще в крепостную эпоху, и происходили они из-за низкой оплаты труда. По той же причине происходили волнения и уход с рудников медеплавильных заводов (Воскресенского, Преображенского, Верхотурского, Архангельского) в Оренбургской губернии.

---

[1] Л. Айзенберг. К трагедии горнозаводских крестьян в Оренбургском крае. «Архив истории труда в России», кн. 6—7, Пгр. 1923, стр. 139—145.

[2] Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов, под ред. А. М. Панкратовой. Т. II, ч. I, М. 1950.

На почве требований рабочих о повышении заработной платы вспыхнула стачка на Лысвенском чугуноплавильном заводе Бутеро-Родали в Пермской губернии (19—22 мая 1861 г.).

Характерно, что уральские рабочие, несмотря на то, что в их волнениях, в силу особенностей экономического положения этой части рабочего класса, крестьянские мотивы звучали особенно заметно, проявляли иногда заботу о поддержании заводского производства, поскольку видели в нем источник своего существования и не собирались порывать с ним. Во время упомянутой стачки рабочих Лысвенского завода для поддержания работы домн были оставлены 52 человека.

Чрезмерно низкие заработки, а также попытки хозяев к еще большему сокращению существующей нищенской платы являлись одной из причин волнений среди рабочих разных профессий. Так, в 1864 г. строителям в Нижнем Новгороде путем угрозы прекратить работы на ярмарке удалось отбить попытку подрядчиков воспользоваться большим наплывом рабочих для сбавки цен на рабочие руки [1].

Одним из обычных источников конфликтов служили систематические задержки в выплате заработанных денег. Например, на Холуницких заводах Пономарева (близ Вятки) в апреле 1865 г. более 3 тысяч рабочих и государственных крестьян, не получая несколько месяцев платы, не допустили отправить проданное с завода железо, не повиновались мировому посреднику и присланным для усмирения чиновникам, а после ареста некоторых «подстрекателей» — напали на волостное правление и освободили их [2].

Поводами к волнениям служили также изнурительность работ и эпидемии (движение рабочих, занятых на прорытии Новоладожского канала), различные незаконные поборы — на больницу (Иваново-Вознесенск, 1861 г.), на постройку церкви (Дугненский чугуноплавильный завод, Калужской губ., 1861 г.), произвол при браковке изделий, работа в воскресные и праздничные дни, отсутствие медицинской помощи (те же волнения на Дугненском заводе) и т. д. [3].

Любопытный штрих вносят в общую картину рабочих волнений шестидесятых годов события на Людиновском заводе Мальцова [4] в Калужской губернии в апреле 1861 г., где рабочие про-

---

[1] «Голос», 1864, №№ 182, 183 (см. «опровержение» в № 185).

[2] А. А. Сергеев. К истории рабочего класса в России, — «Красный архив», 1922, т. II, стр. 194—195.

[3] А. Ф. Добрынин. Прорытие Ново-Ладожского канала, «Архив истории труда в России», кн. 10, Пгр. 1923, стр. 43—53. В. П. Безобразов; Село Иваново, «Отечественные записки». 1864 г., т. 152, отд. 1, стр. 285—286. М. Нечкина. Рабочие волнения в связи с реформой 1861 г. сб. «История пролетариата», т. I, М. 1930, стр. 105—109.

[4] С. И. Мальцов был владельцем многочисленных фабрик и заводов в нескольких губерниях. Его заводы в Жиздринском уезде Калужской губернии и смежном с ним Брянском уезде Орловской губернии представляли собой обширный заводской округ, где владелец пользовался огромной властью феодального характера и где правительственные чиновники фактически не имели никакого авторитета.

тестовали против наказания молодого рабочего Кучерова, которого по просьбе его отца горнозаводский исправник хотел подвергнуть порке. Рабочие не позволили исправнику высечь товарища. Как уверял в донесении по начальству исправник Еропкин, до 100 мастеровых бросились к нему и с «азартностью» кричали, что «его, Кучерова, никто не смеет наказывать, и мы его не дадим» [1].

Когда один из наиболее авторитетных среди своих товарищей рабочих Исай Равский (его потом начальство называло «коноводом беспорядка»), ведший от имени толпы переговоры с исправником, был арестован, рабочие настояли на его освобождении.

Вслед за этим по распоряжению заводовладельца и помещика Мальцова восемь рабочих (Равский, Вьюшкин и др.), как «зачинщики», были закованы в кандалы и отправлены для заключения в острог в гор. Мещовск; Мальцов требовал от генерала царской свиты Казнакова, командированного для проведения крестьянской реформы в Калужскую губернию, сдачи строптивых рабочих в солдаты на Кавказ или отправки их на поселение, а также предварительного их «примерного наказания» в присутствии мастеровых его заводов, которых он брался доставить в Мещовск [2].

Объясняя мотивы жестокости и злобы, проявленных к ним Мальцовым, рабочие Равский и Вьюшкин сообщили характерные факты: они не ходили к Мальцову после объявления манифеста 19 февраля 1861 г. с хлебом-солью, не подписали одобрительного адреса помещику-заводчику, составленного в конторе, не подписались также на сооружение ему памятника в Людинове, но зато подписали «одобрение» популярному среди рабочих и нелюбимому помещиком священнику Григорию, удаленному Мальцовым из села. Из показаний Василия Вьюшкина видно также, что вместе с другими мастеровыми он добивался «прибавки жалованья» [3].

Как само по себе выступление рабочих, так и дикое самоуправство демонстративно игнорировавшего «права» «освобожденных» рабочих Мальцова — вызвали смятение среди губернских властей. Губернатор В. Арцимович (из либеральных бюрократов) сообщал в отношении министру финансов Княжевичу об определении губернского по крестьянским делам присутствия, нашедшего, что Мальцов «столь явным нарушением высочайше дарованных прав и жестким образом действий может довести заводское население до крайности и до более серьезных проявлений, а волнение этого многочисленного населения весьма опасно для общественного спокойствия» [4].

---

[1] Указ. сборник под ред. А. Панкратовой, стр. 81.

[2] Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права. Подготов. к печати Е. А. Мороховец. М.—Л. 1949, стр. 81.

[3] Сборник под ред. А. М. Панкратовой, стр. 86—91.

[4] Там же, стр. 84.

Если часть представителей администрации порицала Мальцова за его действия, угрожающие «общественному спокойствию» (один из чиновников писал о Мальцове и его «рабах-управляющих», что они «видят в каждой просьбе мастеровых возмущение, их голова не может переварить, чтобы человек осмелился предъявлять желания, он должен молча, беспрекословно исполнять произвол «властелина»), то другие оказывали поддержку Мальцову и признавали рабочих, отстаивавших личное достоинство свое или товарищей, мятежниками. Так, горный инженер генерал Бутенев, занимавшийся расследованием Людиновского дела, утверждал, будто поводом к волнениям послужило убеждение рабочих, что после реформы «не правительством поставленные власти, а мир или общество будет управлять ими и только тот преступник будет подвергаться наказанию, которого приговорит мир». Бутенев называл это «коммунистской» идеей; «она держится, — писал он, — во многих умах и теперь, и от решения настоящего случая зависеть будет искоренить ее как гибельную или допустить укорениться и предать Россию демократии» [1].

В волнениях людиновских рабочих участвовали рабочие соседнего (тоже мальцовского) Сукременского завода. Среди арестованных восьми «зачинщиков» были и рабочие последнего завода.

Волнения на Людиновском и Сукременском заводах повторялись в 1865—66 гг., когда рабочие уклонились от уплаты недоимок и упорно отказывались от избрания старшин на место удаленных администрацией «за подстрекательство к ослушанию» [2]. В числе смещаемых оказался волостной старшина Василий Вьюшин, один из главных участников волнений 1861 г. [3]. Расследование выяснило, что с мальцовскими рабочими тогда имели связь и оказывали на них революционизирующее влияние «ишутинцы» [4]

В самое недавнее время обнаружены материалы о серьезных волнениях, сопровождавшихся стачкой части рабочих (около 300 человек из 1700 рабочих), на Морозовской мануфактуре в Орехово-Зуеве в 1863 г. [5]. Дикий произвол фабричной администрации (во главе с директором англичанином Риггом), громадные штрафы и вычеты, систематическая задержка заработанных рабочими денег были ближайшими причинами недовольства рабочих, приведшего к стачке (в августе 1863 г.). Стачка началась после того, как директор отказался удовлетворить требование о повышении расценок, предъявленное от имени рабочих группой

---

[1] Сб. под редакц. А. М. Панкратовой, стр. 96—97.

[2] А. А. Сергеев. Указ. соч., стр. 195—196.

[3] Сборник под ред. А. М. Панкратовой, стр. 203—222.

[4] Интересно отметить, что внимание Герцена было привлечено тем фактом, установленным следствием по ишутинско-каракозовскому делу, что «в московской молодежи была мысль пропаганды между фабричными работниками — крестьянами» (Полн. собр. соч., т. XIX, стр. 132).

[5] А. М. Панкратова и В. М. Соколов. Предшественница Морозовской стачки. «Исторический архив», VII, М. 1951, стр. 119—187.

ткачей из 34 человек. Стачечники проявили в борьбе немалое упорство, защищали своих представителей; многие продолжали бастовать невзирая на репрессии. В показаниях, данных некоторыми рабочими на следствии, звучали ноты протеста, как и пробуждавшееся сознание того, что административные власти вполне поддерживают фабриканта, говорят «слова не свои, а хозяйские» [1].

Несмотря на приведенные факты, следует признать, что в общем рабочее движение шестидесятых годов находилось еще на низкой ступени развития. Забастовок насчитывалось очень мало. Волнения носили стихийный характер. Волнениями охвачены были в первую очередь рабочие, занятые на постройке железных дорог, речном транспорте, горные и приисковые рабочие и т. д. Менее значительным было участие в движении текстильщиков, хотя именно их выступления дали уже повод наблюдателям из лагеря буржуазной публицистики говорить о стачках русских рабочих — «на манер английских работников».

Совсем ничтожным было тогда участие в движении наиболее развитого отряда пролетариата — металлистов, которые свою роль авангарда рабочего движения стали играть только позднее.

Все же рабочие волнения шестидесятых годов отнюдь не остались без влияния на последующее движение, явившись некоторой подготовкой к более сильному и высокому по уровню организованности и сознательности рабочему движению семидесятых годов.

§ 8. Русское революционное движение 60-х гг. и оживление освободительных движений на Западе

Русское освободительное движение конца 50-х и 60-х гг. занимает важное место во всем мировом революционном движении этой эпохи.

Известно, что реакция, наступившая в Европе после революций 1848—1849 гг., стала уже изживаться с конца 50-х гг. В. И. Ленин, характеризуя политические условия и конкретные признаки русского общественного подъема периода крестьянской реформы, вместе с чисто-внутренними обстоятельствами отмечает такие факторы, как «оживление демократического движения в Европе» (подчеркнуто нами), а также «польское брожение» и «недовольство в Финляндии». [2]

Борьба, направленная против господствовавших в Европе сил реакции, протекала в разных формах и имела своими носителями и предствителями различные общественные, классовые силы.

Большая роль в возрождении, после реакции 50-х гг., демократического движения на Западе принадлежала национальному

---

[1] Там же, стр. 167.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 5, изд. 4, стр. 26.

вопросу. Это было время нового подъема борьбы за освобождение и воссоединение Италии, время оживления борьбы за национальное освобождение угнетенных народов в Австрийской монархии и Турции. Вопрос об объединении стал снова на очередь в Германии.

Начинался новый подъем рабочего движения, которому, как известно, в значительной степени способствовал кризис второй половины 50-х гг. в Америке и Европе. Проявляясь по-своему в Англии, Германии, Франции (в последней существенную сторону движения составляла усиливавшаяся борьба против режима Наполеона III), — растущее рабочее движение подготовило почву для возникновения Первого Интернационала.

К числу крупнейших событий той же эпохи относится, разумеется, гражданская война в Северной Америке, в свою очередь оказавшая прямое влияние на рост рабочего движения в Европе.

Правительственные органы в России не без тревоги следили за ходом дел на Западе и стремились предотвратить использование русскими демократическими деятелями материала, доставляемого событиями в Европе и Америке, в интересах революционной борьбы в России. Главное управление цензуры в начале 1861 г. в специальном циркуляре указывало, что «при настоящем взволнованном положении умов в европейских государствах» должно признать «вредным распространение сочинений, в которых выставляются яркие описания революций, необходимых, будто бы, для оживления организма государства». Руководители цензурного ведомства очень опасались, что в России «читатель легко может применять к положению своей страны те действительные или мнимые недостатки управления, которые вызвали в других странах события, описанные с желанием сделать из них факты всеобщего значения» [1].

Но тщетны были усилия царизма отгородить Россию от политического и умственного движения в других странах, когда в самой России обострялась борьба против самодержавия и крепостничества, когда русская литература и наука выдвигали своих великих мыслителей и писателей, опережавших подчас в своей революционной последовательности прогрессивных деятелей Запада.

В одной из землевольческих прокламаций (1863 г.) подчеркивалось по этому вопросу, что от революционных идей «не загородиться ничем, они господствуют в настоящее время во всей Европе, народы которой находятся теперь в таком напряженном состоянии и до того сильно почувствовали гнет деспотизма, что малейший толчок произведет между ними общее революционное

[1] Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб. 1862, стр. 459.

движение, которое разрушит все основания, поддерживающие деспотизм» [1].

Естественно, что русская передовая печать использовала все возможности для пропаганды революционного опыта других народов, для мобилизации русского общественного мнения на поддержку (хотя бы моральную) их освободительных стремлений, для поднятия духа демократического лагеря в самой России, которому известия об успехах прогрессивных сил за рубежом давали дополнительную уверенность в грядущей победе родного народа, в освобождении своего отечества от ига враждебных сил.

В Чернышевском, Добролюбове, Герцене и во многих других менее крупных деятелях русского революционного движения и русской демократической литературы демократы и социалисты Европы и Америки имели самых надежных и искренних друзей и союзников.

Достаточно напомнить о замечательных ежемесячных политических обозрениях Чернышевского по международным вопросам, публиковавшихся с 1859 г. в «Современнике». По свидетельству читателей того времени, эти обозрения привлекали в русском обществе исключительный интерес и, конечно, оказывали на передовую общественную мысль сильное влияние.

Чернышевский давал в этих обзорах анализ общественной борьбы в других государствах, исходя в своих наблюдениях и оценках из последовательных революционно-демократических позиций. Констатируя обострение внутренних дел в Европе, он надеялся на дальнейшее углубление и расширение общественных столкновений в западных странах, что подняло бы выше шансы освободительной борьбы и в России.

«Зловещие птицы начинают каркать похоронную песню над существующим порядком Западной Европы... Мы не скажем, что ошибаются зловещие птицы. Обоняние у них тонкое»,— писал Чернышевский в одном из своих политических обозрений [2]. Это не было у него единичное высказывание: он неоднократно и часто на рубеже 50-х и 60-х гг. предсказывал то же самое, причем особые надежды возлагал тогда на народ Франции, считая, что именно Франция все еще остается вулканом, «взрывы которого потрясают Европу» [3].

Величайшее сочувствие в самых широких кругах общества возбуждала борьба итальянского народа. Из двух сталкивавшихся тенденций в итальянском национально-освободительном движении, из которых одну, либерально-соглашательскую, представлял Кавур, а другую, народную, демократическую, ярче всего выражал Гарибальди, подлинно прогрессивные русские люди безраздельно отдавали симпатии второй. Солидарность русских рево-

[1] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 153 (прокламация «Льется польская кровь, льется русская кровь», написанная А. А. Слепцовым).

[2] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IX, СПб. 1906, стр. 210.

[3] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IX, СПб. 1906, стр. 211.

люционеров с демократической линией в итальянском движении в высшей степени яркое выражение нашла в блестящих статьях Добролюбова об итальянских делах, в которых жестокой критике подвергнуты были оппортунистические, либеральные итальянские политики во главе с Кавуром.

Имя Гарибальди было в России окружено, по отзывам современников, «ореолом неувядаемой славы». Николай Серно-Соловьевич известную сицилийскую экспедицию Гарибальди 1860 года расценивал, как «геройское действие, напоминающее древние времена». Он видел в Гарибальди и его соратниках людей «того берега», самое явление которых... служит светлым залогом нового мира». Русское общество не ограничивалось одними выражениями сочувствия и восхищения Гарибальди,— ряд русских людей принял непосредственное участие в действиях его армии.

Национально-буржуазные и буржуазно-демократические движения Запада в конце 50-х и начале 60-х гг. стояли еще в глазах русского общества на первом плане при оценке им современного политического положения за пределами России. Постепенно, однако, нарастал и интерес к разгоравшейся все ярче борьбе западно-европейского пролетариата.

С первой половины 60-х гг. заметное внимание было возбуждено к деятельности Ф. Лассаля. Отрицательные стороны политической карьеры талантливого, но далеко не выдержанного, толкавшего рабочее движение на ложные, оппортунистические пути, немецкого агитатора — не были еще видны русской публике. К тому же некоторые мелкобуржуазные планы Лассаля (связанные с вопросом об организации государственной помощи производительным ассоциациям) прямо находили сочувственный отклик у тех или иных представителей утопического, мелкобуржуазного «социализма» 60-х и 70-х гг. в России. Главное же все-таки было в том, что возрождение и рост в Германии самостоятельного рабочего движения, в годы деятельности Лассаля, не могли пройти незамеченными в России, не могли не шевелить общественного сознания передовых кругов.

Центральным событием в рабочем движении 60-х гг., знаменовавшим целую эпоху в мировом рабочем движении, бесспорно явилось образование в 1864 г. в Лондоне «Международного товарищества рабочих», вошедшего в историю под именем «Первого Интернационала». Интернационал с самых первых шагов своей деятельности находился под непосредственным руководством Маркса и Энгельса. «Когда рабочий класс Европы опять достаточно окреп для нового наступления на господствующие классы, возникло Международное товарищество рабочих»,— писал позднее Энгельс, указывавший, что это Товарищество образовалось «с определенной целью — сплотить в одну организацию все боеспособные силы пролетариата Европы и Америки» [1]. В руковод-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 306.

стве Интернационалом Маркс и Энгельс исходили из великих принципов, что освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом, что оно возможно лишь путем насильственного ниспровержения господства буржуазии, путем победы пролетарской революции и диктатуры пролетариата.

Первый Интернационал распался после восьмилетнего существования (1864—1872 гг.). Попытка Маркса создать международное объединение борющегося пролетариата, — указывал Ленин, — «не могла иметь успеха, пока не сплотились и не окрепли национальные социалистические партии»; но Ленин тут же подчеркивал, что «деятельность Первого Интернационала оказала великие услуги рабочему движению всех стран и оставила прочные следы» [1].

Русское общество знало о деятельности Интернационала из сообщений прессы, как иностранной, так и русской. Часть легальной печати, консервативная, да и либеральная, представляла, правда, эту деятельность в извращенном виде. Отголоски влияния Интернационала можно найти в работе революционных групп уже второй половины 60-х гг., хотя и здесь подчас Интернационал отражался в кривом зеркале, как мы, например, видели это в истории ишутинского кружка. Как бы то ни было, авторитет Интернационала в среде демократической молодежи стоял к концу 60-х гг. достаточно высоко, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что Нечаев, чтобы привлечь к себе молодежь в Москве, стремился опереться именно на ее чувства большого уважения к Международному Товариществу рабочих. Яснее и правильнее, чем в кружках самой России, принципы деятельности Интернационала представляли себе в 60-х гг. некоторые русские эмигранты. К 1870 году среди одной группы эмигрантов даже оформляется так называемая «Русская секция» Первого Интернационала.

Знаменательно, что Герцен в конце своего жизненного пути испытал на себе воздействие Интернационала. Во втором из писем «К старому товарищу» (1869 г.), направленных против бунтарско-анархических взглядов Бакунина, Герцен об Интернационале писал: «Работники, соединяясь между собою, выделяясь в особое «государство в государстве», достигающее своего устройства и своих прав помимо капиталистов и собственников, составят первую сеть и первый всход будущего экономического устройства. Международный союз может вырасти в Авентинскую гору á l'intérieur. Отступая на нее, мир рабочий, сплоченный между собою, покинет мир, пользующийся без работы, и он, отлученный, nolens volens пойдет на сделки. А не пойдет, тем хуже для него» [2]. Ленин придавал большое значение тому, что Герцен в своих предсмертных статьях «обратил свои взоры» к Интернационалу,— «к тому Интернационалу, которым руководил Маркс, — к тому

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 13, изд. 4, стр. 66.
[2] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XXI. М.—П. 1923, стр. 439.

Интернационалу, который начал «*собирать полки*» пролетариата, объединять «*мир рабочий*», «покидающий мир пользующихся без работы» [1].

Таким образом, развитие европейского рабочего движения стало в 60-х гг. оказывать свое влияние на русское революционное движение. Мы не касаемся здесь вопроса о проникновении в Россию произведений Маркса и Энгельса, вопроса о знакомстве отдельных передовых представителей русского общества с тем учением, которое теоретически обосновывало деятельность Интернационала, т. к. эту тему целесообразнее осветить в связи с историей русского революционного движения 70-х гг. (там же необходимо будет и вернуться к вопросу об отношении к Интернационалу в России).

Изложенное выше свидетельствует о том, что освободительное движение в России на рубеже 50—60-х гг. и в 60-х гг. не было оторвано от демократической и революционной борьбы, происходившей вне России в тот же период. Вместе с тем следует подчеркнуть, что, если развивающееся в России революционное движение встречало немалую опору, благоприятствующую внешнюю атмосферу в росте освободительных движений за рубежом, то, с другой стороны, обострение классовой борьбы в России, рост в ней революционно демократических сил, большой идейный подъем в передовом русском обществе — оказывали воздействие на общий ход и судьбы мирового демократического движения.

В этом отношении важно не одно влияние корифеев русской передовой общественной мысли на общественное мнение других стран, в особенности (но не только) славянских, где хорошо знали и высоко ценили идейных вождей русского революционного движения 50—60-х гг. и где многому у них научились. Еще важнее огромное прогрессивное значение для Европы и всего мира происходивших вообще в конце 50-х и в 60-х гг. сдвигов в общественно-политической жизни России, подъема и обострения борьбы русского крестьянства, выступления на политическую арену русской разночинно-демократической интеллигенции. Русское революционное движение, подрывавшее устойчивость царской монархии, становившееся уже, несмотря на все свои неудачи, весьма серьезной угрозой для нее, превращалось неизбежно в крупнейший политический фактор не только внутреннего, но и международного значения.

* *
*

Как видно из предшествующего изложения, революционное движение в России за 1861—1869 гг. пережило несколько фазисов.

Движение первых годов этого десятилетия являлось самым прямым и непосредственным продолжением и развитием того про-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 18, изд. 4, стр. 11.

цесса, который определился в конце 50-х годов. Начавшаяся тогда, в канун крестьянской реформы, революционная ситуация приобрела наибольшее напряжение в ближайшие месяцы, в ближайший год после 19 февраля. Острая социально-политическая борьба продолжалась еще в течение 1862—1863 гг., при большой и смелой активности демократических элементов, стремившихся повернуть ход событий в пользу трудовой крестьянской массы, стремившихся к полному и последовательному раскрепощению родины.

Несмотря на то, что крестьянское движение было подавлено, несмотря на поражение революционной разночинной интеллигенции, передового сознательного отряда демократической «армии» той эпохи, революционная ситуация конца 50-х и начала 60-х гг. имела, как выше отмечено, огромное историческое значение. Она показала различные классы и слои в серьезных социальных и политических столкновениях, значительно обнажила их позиции, помогла более глубокой и определенной общественной диференциации, и в первую очередь еще резче, глубже прежнего провела водораздел между лагерем демократии и враждебным ему либерализмом. Демократия впервые приобрела важный практический опыт политических революционных действий. Была с достаточной ясностью сформулирована социально-политическая платформа революционной демократии (с теми или другими вариациями, характерными для отдельных оттенков демократической мысли).

В полосе упадка открытого революционного движения, после 1863 г., демократия, несмотря на очень осложнившиеся условия, продолжала борьбу, широко используя средства литературно-публицистической борьбы (легальной в России и нелегальной зарубежной) и настойчиво трудилась над распространением в обществе революционных и прогрессивных идей. Не умирало и подпольное революционное движение, но временно оно значительно сократилось по масштабам.

Новое резкое усиление реакции в 1866 г., после выстрела Каракозова, максимально использованного всеми силами реакции, привело к дальнейшему ослаблению революционно-демократического лагеря. Однако, уже примерно через два — два с половиной года наметились первые признаки нового оживления революционно-демократического движения. Оно сказалось в полной мере только в следующем десятилетии, когда, все более обостряясь и усиливаясь, освободительная борьба трудящихся слоев народа, преданной народу революционной интеллигенции, опять привела (в самом конце 70-х гг.) к большому демократическому подъему — ко второй революционной ситуации.

Подводя итог движению 1860-х годов, нельзя не поставить общего вопроса о значении революционно-демократической деятельности великих корифеев передовой русской общественной мысли 50—60-х гг., о роли того н а с л е д с т в а, которое впоследствии приняли от них (как и от их ближайших предшественников,

действовавших в 40-х гг.) представители третьего поколения русских революционеров, русские революционные социал-демократы.

Здесь уместно поэтому отметить сжато и обобщенно некоторые важнейшие черты русского революционного демократизма эпохи разложения крепостничества, падения крепостного права.

Глубочайшая преданность интересам народа, пламенная защита его прав, постоянная мысль о благе родины, о ее раскрепощении, о ее движении вперед — вот что одушевляло Белинского и Герцена, Чернышевского и Добролюбова в их деятельности, в их борьбе. Они были великими революционными демократами, революционными патриотами.

Оценивая деятельность В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевский писал: «Много было достоинств у критики гоголевского периода; но все они приобретали жизнь, смысл и силу от одной одушевлявшей их страсти — от пламенного патриотизма» [1]. То же самое смело можно повторить о самом Чернышевском, о Герцене или Добролюбове, об их ближайших соратниках.

Революционные демократы были патриотами народной России. Они исходили из сознания, что существуют две России — Россия верхов, правящих сфер и Россия народа, трудящихся масс, Россия передовых борцов за свободу. «В России сверх царя есть народ... Кроме России Зимнего дворца, есть Русь крепостная, Русь рудников», говорил Герцен [2]. От имени этой второй России и выступали они, как подлинные представители «народной совести» [3].

Патриотизм революционных демократов сочетался с интернационализмом, с сочувствием к передовым общественным и культурным силам других стран и народов, с готовностью помогать им и сотрудничать с ними. Революционные демократы были враждебны к националистическим идеям, к космополитизму, к расизму. «Ничто, — писал Герцен, — не отклоняет революции в такой степени от ее большой дороги, как мания классификаций и зоологических предпочтений рас» [4].

Революционные демократы были горячими сторонниками исторической самодеятельности масс, их активного вмешательства в общественную жизнь. Они считали необходимым и неизбежным революционный путь преобразования существующего общественного и политического строя [5]. Они стремились поднять в России крестьянство на широкую революционную борьбу, готовили крестьянскую революцию. Ленин подчеркивает, что Чернышевский проводил в печати идею крестьянской революции, идею борьбы

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, М. 1947, стр. 136.
[2] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. VIII, Пгр. 1919, стр. 143.
[3] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XIX, Пгр. 1922, стр. 287.
[4] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XXI, М.—П. 1923, стр. 81.
[5] Герцену на определенном этапе его деятельности были свойственны иллюзии «мирного» переустройства, но в конечном счете и в его взглядах демократ и революционер брал верх.

масс за свержение всех старых властей, что от сочинений его веет духом классовой борьбы.

Революционные демократы героически боролись за свержение самодержавия, за полное уничтожение помещичьего землевладения. Они видели в либерализме силу, препятствующую развертыванию революционной борьбы, враждебную массовому движению и интересам крестьянства. Беспощадно разоблачая существовавшие в царской России порядки, они в то же время выступали с острой критикой капиталистического строя, вскрывали классовую сущность буржуазной «демократии».

Великие революционные демократы придавали огромное значение выработке целостной революционной теории, охватывающей вопросы и философии и науки, и политики. Они были гениальными мыслителями-материалистами, борцами против идеализма и агностицизма, против религии и мистики.

Ленин писал о Герцене: «В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя «алгебру революции». Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом... Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом» [1]. О Чернышевском Ленин писал как о единственном действительно великом русском писателе, «который сумел с 50-х годов вплоть до 1888-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников» [2].

Великие революционные демократы неутомимо боролись за передовую культуру русского народа, они создали материалистическое и демократическое эстетическое учение, они оказали неоценимое влияние на становление, упрочение и развитие критического реализма в русской литературе и искусстве. «В области литературы,— указывал А. А. Жданов в докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград»,— наша партия устами Ленина и Сталина неоднократно признавала огромное значение великих русских революционно-демократических писателей и критиков — Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Плеханова». Представители революционной демократии не признавали так называемого «чистого искусства» и были «глашатаями искусства для народа, его высокой идейности и общественного значения» [3].

Для революционных демократов характерна теснейшая, неразрывная связь между их философией, эстетическими и литературными взглядами и их общественно-политическими стремле-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т 18, изд. 4, стр. 9—10.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 14, изд. 4, стр. 346.

[3] Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». Госполитиздат, 1946, стр. 23.

ниями. Философия, литература, искусство ставились на службу революции, народу, использовались для обоснования и пропаганды революционной борьбы за освобождение родины.

Революционные демократы верили в могучую силу народа, не сомневались в его великом и славном будущем, в его неминуемой победе над всеми врагами. Они отличались горячей верой в прогрессивность общественного развития, историческим оптимизмом и бодростью духа [1].

Русские революционные демократы, разумеется, не были научными социалистами, хотя их поиски правильной революционной теории шли в направлении научного социализма, и, в частности, Чернышевский — величайший, по словам Ленина, представитель утопического социализма в России [2] — ближе всех утопических социалистов подошел к научному социализму. Революционные демократы, несмотря на гениальные догадки в духе материалистического понимания истории, еще не знали подлинных законов развития общества. В силу отсталости русской жизни они не могли подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса. Они не видели, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма, и мечтали, как отмечает Ленин в отношении Чернышевского (это верно и в отношении Добролюбова, а в особенности Герцена) о переходе через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину к социализму [3].

Несмотря на все эти черты исторической ограниченности, великие революционные демократы подготовили почву для последующего распространения марксизма в России. Ленин и Сталин рассматривают их как предшественников русской революционной социал-демократии. Это место в истории освободительного движения обеспечили им революционный демократизм и патриотизм, преданность интересам народных масс, вера в массы, стремление поднять крестьянство на революционную борьбу против самодержавия и крепостничества, разоблачение ими всех открытых и скрытых врагов народа, борьба против буржуазного либерализма, их глубоко плодотворная работа в области философии, борьба за цельный философский материализм, за передовую культуру, служащую народу и ведущую его вперед.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 2, изд. 4, стр. 484—485.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 20, изд. 4, стр. 100.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4, стр. 97.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВОССТАНИЕ 1863 г. В ПОЛЬШЕ. ПОЛЬСКОЕ ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЛИТВЕ, БЕЛОРУССИИ И ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ

I. ВОССТАНИЕ 1863 г. В ПОЛЬШЕ

§ 1. Развитие капитализма в Королевстве Польском

За прошедшие десятилетия после восстания 1830—31 гг. Польша сделала в экономическом отношении несомненно шаг вперед.

Правда, непосредственно после восстания 1830—1831 гг. польская промышленность вошла в полосу кризиса. Новые таможенные правила 1831 г., повысившие пошлины на польские товары, экспортируемые в Россию, повлекли за собой сокращение польского вывоза,[1] а следовательно и производства. Наибольшее сокращение претерпела шерстяная промышленность. Одновременно усилился ввоз товаров из России в Польшу, в три раза превысивший ценность польского экспорта в Россию[2].

Тридцатилетие 30—50-х гг. было вместе с тем периодом перестройки польской промышленности. Именно тогда возникли и получили развитие новые отрасли производства, как кожевенная, сахарная, мыловаренная, бумажная и, наконец, хлопчато-бумажная, превратившаяся со временем в ведущую отрасль польской промышленности. Развитие хлопчато-бумажной промышленности представляет еще и тот интерес, что она ориентировалась в большой степени на внутренний рынок.

В 1834 г. Луи Гейер основывает в Лодзи крупную прядильно-ткацкую мануфактуру, на которой в следующем году устанавливается первая в польском текстильном производстве паровая машина. В 1854 г. в Лодзи пущена в ход самая крупная в то

[1] К. Лодыженский. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. стр. 223.

[2] И. И. Янжул. Исторический очерк развития фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском, М., 1887, стр. 41 (табл.).

время прядильно-ткацкая фабрика Шейблера с механическими ткацкими станками.

В 1860 г. текстильная промышленность насчитывала уже 320 предприятий с 36 тыс. рабочих [1].

В 50-х гг. польская промышленность обнаруживает особенно быстрые темпы развития.

Положительную роль в этом сыграли: ликвидация в 1851 году таможенной границы между Россией и Королевством Польским, возросший спрос на польские изделия в связи с закрытием морских границ в годы Крымской войны и улучшение коммуникаций между Польшей и Россией. Годовая продукция всей польской обрабатывающей промышленности оценивалась в 1845 г. в сумме 9,8 млн. рублей, в 1857 г. — 21,3 млн. руб. [2] и в 1860 г. только текстильная промышленность — 32 млн. рублей [3]. Эти цифры не являются точными. Поэтому нельзя утверждать, что продукция выросла именно в указанных размерах. Но о ее значительном росте они все же свидетельствуют. Одновременно растет численность рабочих, занятых в промышленности — с 46 тыс. человек до 56 тыс. человек за те же годы [4]. К этой цифре нужно добавить около 10 тыс. рабочих в горной и металлургической промышленности, большая часть которой принадлежала казне. Преобладающим типом предприятий в польской промышленности были мелкие мануфактуры и мастерские с 3—5—8 рабочими; крупные предприятия насчитывались единицами. Видное место в польской экономике того времени принадлежало ремеслу; стоимость годовой продукции ремесла в 1860 г. составляла 15,451 тыс. руб. Количество же ремесленников в 1860 году определялось в 90 тыс. человек [5]. Рабочие, занятые в промышленности, уступали в численности массе ремесленников.

Материальные условия жизни польских рабочих были крайне тяжелы. При изнурительном труде (минимально — 12-часовой рабочий день) рабочий получал очень низкую заработную плату. Так, заработок ткача составлял 15—20 коп. в день; на предприятиях польского Горного Ведомства месячный заработок рабочего выражался в сумме 3—4½ рублей [6]. С начала 50-х годов заработная плата рабочих еще более снижается при одновременном повышении цен на продукты питания. Лишения, голод, болезни и высокая смертность рабочего населения становится общепризнан-

---

[1] N. Gasiorowska „Mieszczaństwo w powstaniu Styczniowym" Przeglad Historyczny 1937-38, t. 34., str. 529.

[2] *W* Zaleski Krolestwo Polskie, W. 1876, str. 172

[3] Географические и статистические очерки Царства Польского. СПб., 1863, стр. 94.

[4] Zaleski W. Krolestwo Polskie W. 1876, str. 172

[5] Географические и статистические очерки Царства Польского. СПб., 1863, стр. 97.

[6] E. Boss Sprawa robotnicza w kr. Polskiem w okresie Paskiewiczowskim w latach 1831—55 Rozprawy Historyczne Tow. Nauk. Warsz 1931, т. X str. 63—74.

ным фактом. По ироническому выражению одного из современников (в 40-х годах) «больницы, приюты и тюрьмы — вот достойные зависти достижения рабочих» [1].

В Польше насчитывалось лишь несколько относительно крупных городов: Варшава (159 тыс. жителей в 1858 г.), Лодзь — выросшая с 20 тыс. жителей в 1840 г. до 32 тыс. в 1860 г., Люблин и др.; зато было множество небольших городков и местечек городского типа, населенных преимущественно торговым и ремесленным людом, чиновниками и т. п. Процент городского населения в 1862 г. выражался поэтому довольно высокой цифрой — 25%.

Уничтожение таможенной границы и рост товарооборота между Польшей и Россией имели обоюдоострое значение. Польским товарам был облегчен доступ на русские рынки, но и русские товары все в большем количестве протекали в Польшу, конкурируя с изделиями местной промышленности. С 1861 г. в связи с прекращением импорта американского хлопка (из-за гражданской войны в Америке) польская хлопчато-бумажная промышленность переживает кризис. Много предприятий и еще больше ремесленных мастерских сократили или прекратили совсем производство. Началась массовая безработица среди фабричных и ремесленных рабочих и волнения, принявшие широкий характер. Лодзинские рабочие нападали на фабрики, разрушали машины, требовали работы и хлеба.

Таким образом, в этой области почва для восприятия идей национально-освободительной борьбы была благоприятна. Раздражение польской буржуазии перспективой конкуренции с русской буржуазией, наличие значительной массы мелкого мещанства и ремесленников, постепенно разоряющихся под натиском крупной промышленности и мечущихся в поисках выхода, тяжелое положение рабочего класса, и в частности, безработица, и над всем этим национальный гнет, политическое бесправие, проявляющиеся на каждом шагу. Не случайно городское мещанство, ремесленники и во многих случаях рабочие составили солидный процент в кадрах будущего восстания.

Несмотря на успехи промышленного развития, Польша оставалась аграрной страной с преобладанием дворянско-помещичьего землевладения. Почти вся сельскохозяйственная площадь — за исключением казенных и церковных земель, а также земель ничтожного числа крестьян — собственников (преимущественно колонистов) — принадлежала дворянству. Около 60% этой площади занимали шляхетские фольварки (имения) и только меньшая часть составляла крестьянское землепользование.

Начиная с 40-х годов все более заметно возрастает производительность сельского хозяйства и в особенности товарность помещичьего хозяйства. Мы не располагаем точными статистическими данными о сборе хлебов в Польше того времени. Име-

[1] Там же, стр. 121.

ются лишь примерные оценки тогдашних польских экономистов. По этим оценкам в 1839 г. сбор пшеницы составлял 827 тыс. корцев, а в 1858 г. уже 2,492 тыс. корцев; сбор ржи соответственно 4 404 тыс. и 8 567 тыс. корцев [1]. Вероятно фактический рост был значительно меньше, но что он был значительным, это несомненно. Рост сельскохозяйственной продукции был вызван, во-первых, увеличением экспорта за границу, и во-вторых, постоянным возрастанием емкости внутреннего рынка в связи с ростом промышленности и городского населения. Перспективы, открывавшиеся перед помещичьим хозяйством, побуждали землевладельцев к еще более интенсивной эксплоатации крестьянства. Расширение фольварочного хозяйства за счет частичной прирезки крестьянских владений или выдворения крестьян с занимаемых ими участков — хотя и ограниченное по указу 1846 г. — на практике никогда не приостанавливалось. В конце 50-х годов (1859 г.) из 3 300 тыс. крестьянского населения Польши насчитывалось около 1 300 тыс. безземельных крестьян [2]. Обилие дешевых рабочих рук позволяло крупным землевладельцам с выгодой для себя дополнять барщинный труд вольнонаемным или в некоторых случаях переводить крестьян с барщины на денежный чинш (оброк). Шляхетское хозяйство крепло; стоимость застрахованных фольварочных построек возросла с 59 млн. рублей в 1844 году до 110 млн. рублей в 1858 году. Цена на землю повысилась с 1840 г. до 1860 г. на 330% [3].

Барщинные отношения оставались господствующей формой в польской деревне. На чинш переведено было к 1857 г. не более 40% помещичьих крестьян, причем зачастую в фольварках сосуществовали барщина и чинш. Крестьяне отбывали барщину со своим инвентарем и рабочим скотом. За сохранение барщины и других крестьянских повинностей стояла значительная часть среднего и мелкого дворянства, предвидевшая необходимость единовременных затрат на приобретение рабочего скота, сельскохозяйственного инвентаря и постройку жилищ для батраков в случае отмены барщины. Правда, с изменением экономических условий и роста товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве, в шляхетской публицистике все чаще обсуждался вопрос о реформе крестьянских отношений. Еще более убеждало шляхту в необходимости реформ возраставшее в грозную для нее опасность недовольство крестьянства. Глухое брожение в польской деревне становилось столь очевидным, что шляхетские идеологи спешили прибегнуть к паллиативам, поскольку никакие страхи не могли побудить их согласиться на отмену крестьянских повинностей и наделение крестьян землей. Таким паллиативом они считали перевод крестьян с барщины на чинш, но при условии так называемого полюбовного соглашения между

[1] W Grabski Hisrtoja Towarzystwa Rolniczego, t. i. w. 1904, str. 316.
[2] W. Zälëski Statystyka porownawcza krolestwa Polskieqo str. 107
[3] W. Grabski Historya Towarzystwa Rolniczego, t I, W, 1904, str. 321

помещиками и крестьянами. Эти соображения легли в основу постановления Совета Королевства Польского от 16(28) декабря 1858 года о добровольном очиншевании крестьян.

Согласно этому постановлению перевод крестьян на чинш происходил при условии обоюдного согласия сторон. В тех лишь случаях, когда стороны, приступив к очиншеванию не могли достигнуть окончательного соглашения, чиншевые контракты по желанию одной из сторон могли быть переданы для утверждения властям, после чего они получали обязательную силу. Размер чинша определялся доходностью земли и стоимостью всех видов крестьянских повинностей. Чинш был бессрочным — «вечным», как он назывался, и величина его в одних случаях была постоянной, в других могла пересматриваться каждые 20 лет и таким образом помещик получал возможность требовать повышения суммы чинша. Земля, находившаяся во владении крестьян, продолжала считаться помещичьей собственностью.

Однако за два года, прошедшие со дня принятия Постановления 1858 года, было заключено всего лишь 1017 чиншевых контрактов [1]. Саботаж со стороны помещиков и недоверие крестьян сводили на нет все попытки паллиативных реформ.

В течение нескольких десятилетий до 1863 года землевладельческая шляхта вела непрерывное наступление на польское крестьянство, на его землю. Указ 1846 г., сокративший количество крестьянских повинностей со 121 до 30 видов и пытавшийся ограничить присвоение помещиками крестьянских земель не внес каких-либо существенных изменений в положение польской деревни. В конце 50-х годов крестьянская земля составляла приблизительно 32% всей сельскохозяйственной площади страны, тогда как в годы 1810—1820 это соотношение выражалось в 58% [2].

Выдворение крестьян с земли или частичная прирезка крестьянской земли к фольварку, либо то и другое вместе затрагивало в большей или меньшей степени все категории польских крестьян. С 1846 г. до 1859 г. — общее число крестьянских хозяйств в Польше сократилось более чем на 30 тысяч. Уменьшился также и средний размер крестьянского хозяйства.

Крестьянство делилось на две основные группы: «земельных» и «безземельных». Каждая из них распадалась на несколько категорий. К группе «земельных» относились так называемые «рольники» — владельцы влок» (т. е. участков размером 30 моргов = 15 га), половинные рольники (10—15 моргов) и прочие (3—10 моргов). Владельцы участков до 3-х моргов (до 1,5 га) составляли категорию переходную к безземельным. Последние в свою очередь разделялись на «халупников», «загродников», «комориков» и т. д. Одни из них имели избу и маленький уча-

[1] A Swietochowski Historja chlopow polskich Poznan, 1928, t II, str. 287.
[2] W. Grabski, указ. соч. стр. 391 (табл.).

сток, другие — только избу и огород, третьи — не имели ничего и проживали в избах других крестьян. Каждая из категорий крестьян — земельных или «халупников», «коморников» и проч. несла установленные для нее виды и размеры повинностей. От крестьян владеющих участками в 10—30 моргов, помещик домогался отрезать часть земли, не уменьшая лежащих на них повинностей. Что же касается владельцев участков до 3-х моргов, то эти крестьяне, на которых даже формально не распространялось действие указа 1846 г., лишались земли и превращались в «халупников», «коморников» или в полностью безземельных. С 1846 г. до 1859 г. эта категория уменьшилась с 31 тыс. до 11 тыс. хозяйств [1].

В результате разнообразных форм эксплоатации и ограбления крестьянства можно установить, во-первых, сокращение площади крестьянского землепользования, во-вторых, уменьшение размеров крестьянских хозяйств, в-третьих, разорение крестьянства и переход из высших в более низшие группы, и наконец, в-четвертых, рост числа безземельных. Объем барщинных работ, выполняемых крестьянством, еще в 1859 г. выражался в огромных цифрах: тягловая барщина — 6.721 тыс., пешая — 13.554 тыс. рабочих дней.

При таком положении вещей последние 15—20 лет накануне восстания 1863 г. были для польского крестьянства периодом непрерывного обнищания и медленного вымирания. Такое заключение можно вынести, наблюдая движение численности населения Польши, поскольку крестьянство (вместе с рабочими и ремесленниками) составляло более 80% населения страны. В 1846 г. население Польши составляло 4.867 тыс. человек; в 1859 г. — 4.764 тыс. человек [2].

§ 2. Королевство Польское накануне восстания. Политические настроения шляхты накануне восстания

В 1856 г. скончался князь Паскевич, бессменный наместник Королевства Польского с момента подавления им восстания 1830—1831 гг. На пост наместника назначен был князь Михаил Горчаков. Его назначение — как и вступление на престол Александра II — в Польше склонны были рассматривать как начало нового курса правительственной политики; польская шляхта связывала с переменой царствования большие надежды. Однако уже первая речь Александра II к представителям шляхты и духовенства в Варшаве 23 мая 1856 г. должна была охладить их надежды. Александр заявил, что будет следовать политике своего покойного отца, произнеся при этом ставшую знаменитой фразу: «никаких мечтаний, господа». На практике, однако, правительство вынуждено было итти на ряд уступок, стараясь

[1] W. Grabski, указ. соч., т. 1. стр. 400 (табл.)

[2] W. Grabski, указ. соч., т. 1; стр. 338.

насколько возможно сделать их менее значимыми. Опубликован был указ о возвращении ссыльных поляков из Сибири и указ об амнистии эмигрантов (при условии личного прошения каждого желающего воспользоваться амнистией). В том же 1856 году отменено было в Польше военное положение, сохранившееся с 1831 г. В 1857 г. открыты были в Варшаве первые высшие учебные заведения: Академия Художеств и Медико-Хирургическая Академия. Наконец, что весьма важно отметить, правительство разрешило в 1857 г. основание в Польше дворянского «Земледельческого Общества»; уже в следующем (1858 г.) оно насчитывало больше 2-х с половиной тысяч членов и имело разветвленную сеть местных отделений и корреспондентов. Вначале «Земледельческому Обществу» разрешено было заниматься только вопросами сельскохозяйственного производства и экономики, но уже в октябре 1859 г. правительство поручило ему выработать план очиншевания крестьянства, тем самым предоставив «Обществу» право широкого обсуждения крестьянского вопроса.

Предложение правительства имело свою предисторию. Еще в 1856 г. Александр II направил в Польшу ген.-адъютанта Икскюля выяснить на месте необходимость изменений в положении крестьянства. Генерал Икскюль действовал в тесном контакте с польскими землевладельцами, пользуясь их советами и информацией. Его наблюдения и выводы были положены в основу Постановления 1858 г. о добровольном очиншевании крестьян.

Но затем, в связи с развертыванием подготовительной работы к проведению крестьянской реформы в России на иных началах (крестьянской земельной собственности) правительство, зная в общем, настроения шляхты по этому вопросу, все же решило запросить ее мнение.

«Земледельческое Общество» после длительного обсуждения на местах и на своих ежегодных съездах подтвердило точку зрения большинства шляхты о полной добровольности в очиншевании и невмешательстве властей. В последнее время помещики весьма неохотно шли на перевод крестьян с барщины на чинш, не только по соображениям экономической выгоды, но и потому еще, что сведение всех крестьянских повинностей к денежному взносу логически влекло за собой постановку вопроса о единовременном выкупе чинша и превращении крестьянина в собственника обрабатываемого им участка земли. Точка зрения «Земледельческого Общества» отражала настроения подавляющей части шляхты, опасавшейся закона о повсеместном обязательном очиншевании, а еще более — распространения на Польшу положений, принятых при проведении крестьянской реформы в России.

С основанием «Земледельческого Общества» в польской общественной жизни появился новый политический центр. В глазах современников «Земледельческое Общество» представлялось в некотором роде политической партией поместной шляхты.

Каковы были политические взгляды поместной шляхты? В значительной своей массе землевладельцы-дворяне, почти безвыездно засевшие в своих имениях, были поглощены хозяйственными делами. Царские власти, строго преследующие всякие попытки политической деятельности, ничем не стесняли помещиков в эксплоатации крестьянства. В свою очередь помещики, постоянно страшась крестьянского возмущения, зачастую прибегали к услугам властей для подавления крестьянских беспорядков. Эти обстоятельства побуждали шляхту лояльно держаться по отношению к правительству и отвергать повстанческие лозунги.

Было бы слишком поспешным сделать отсюда вывод о полном отказе шляхты от идеи восстановления национальной польской государственности. Отнюдь нет! Польская шляхта мечтала о самостоятельной Польше. Лучшим разрешением вопроса представлялось создание польского королевства, соединенного реальной унией с российским императорским домом.

В какой форме и какими средствами могло быть осуществлено это решение? Незыблемым постулатом польско-шляхетских концепций было восстановление границ 1772 г., т. е. присоединение к будущему польскому государству литовских, белорусских и украинских земель давней шляхетской Речи Посполитой. Эта великодержавная, националистическая традиция лежала в основе любых планов польской шляхты. Что касается средств, то таковыми польская шляхта считала единственно дипломатическое давление и угрозу военной интервенции со стороны западноевропейских держав, что вынудит Россию — ослабленную после Крымской войны — пойти на уступки польской шляхте.

Консервативное, или лучше сказать, реакционное по образу мыслей, польское дворянство проявляло мало интереса к политическим реформам, обсуждением которых заполнена была вся общественная жизнь России. Реформы суда, печати, народного просвещения и государственного строя не занимали шляхту; единственно чего она добивалась — это предоставления польскому элементу господствующего положения и полной свободы организации всякого рода польских национальных учреждений. При наличии названных обстоятельств, сохранение в Польше старого порядка (незатронутого либеральными реформами) открывало перед польской шляхтой широкие перспективы возврата былой славы и могущества шляхетского сословия.

Лидером польского землевладельческого дворянства, до известной степени выражавшим его идеологию и настроения, можно назвать графа Андрея Замойского, крупного магната и капиталиста. Граф Замойский был одним из инициаторов учреждения «Земледельческого Общества» и его председателем. На открытии «Общества» он произнес речь, умеренностью своей удовлетворившей даже Павла Муханова, бывшего правой рукой наместника, ярого руссификатора, председателя комиссии исповеданий и про-

свещения. При обсуждении вопроса об очиншевании крестьянства, Замойский выступал в качестве безусловного противника вмешательства властей в отношения между помещиком и крестьянами при проведении очиншевания. Точно также он возражал против предположения о последующем переходе обрабатываемой крестьянином земли в его собственность путем выкупа чиншей. Жестокий хозяин — Замойский в своих имениях перевел крестьян на чинш, при уплате которого группы хозяйств (от 80 до 100) были связаны круговой порукой.

Замойский, как и многие другие, считал вполне приемлемым династический союз Польши с Россией, при условии соответствующих уступок императора в вопросе о границах 1772 г. На вопрос, как он относится к тяготению поляков Галиции и Познани к России — Замойский ответил: «Поскольку мы не можем принадлежать самим себе, вполне естественно, что все поляки желали бы объединения по крайней мере под одним государем» [1].

Замойский не принадлежал к числу тех, кто считал эмиграцию представительством польской нации. «Кто покидает край, — уходит в оставку (abdykuje)» — любил повторять он.

Дворяне-помещики составляли по численности меньшую часть шляхетского сословия. К последнему принадлежали также дворяне-землевладельцы, участки которых не превышали по размеру зажиточное крестьянское хозяйство; в деревнях, в помещичьих имениях проживали шляхтичи арендаторы фольварков, экономий (посессоры), служащие (официалисты). Шляхтичами были в большинстве своем поляки-чиновники в администрации и суде, учителя, учащаяся молодежь высших учебных заведений и гимназий, служащие местных учреждений (Польский Банк, Кредитное Общество и др.), казенных заводов, частных предприятий. Вся эта разноликая по своему социальному положению категория людей, частью еще не совсем порвавших связь с сельским хозяйством, — сохраняла одни в большей, другие в меньшей степени черты сословно-шляхетской психологии.

Это многочисленное и неоднородное по своему составу шляхетское сословие во многом еще следовало политическим традициям польской эмиграции, питалось ее идеями. Но и сама польская эмиграция, ее политические доктрины за время между двумя восстаниями претерпели значительные изменения.

§ 3. Польская эмиграция

Польская эмиграция, как известно, не составляла однородного политического целого; она разделялась на два лагеря: консервативный, руководимый аристократической группой, во главе с Чарторыйским и демократический, представлявший совокупность нескольких образовавшихся в разное время обществ, из

[1] Polska jej dzieje i kultura W. 1930, t III, str. 314.

которых самым организованным и влиятельным в 40-х гг. было «Демократическое Общество».

Аристократическая партия держалась того взгляда, что разрешение польского вопроса возможно только при условии военно-дипломатического вмешательства западно-европейских держав. Она ориентировалась на европейские кабинеты. К идее восстания аристократическая партия относилась крайне сдержанно, опасаясь того, что восстание может перерасти в социальную революцию.

Демократическая эмиграция первоначально выдвинула иную политическую программу. Шляхетские демократы исходили из убеждения, что решающей силой, способной возвратить Польше независимость, является победоносное национальное восстание. Успех восстания зависит от участия в нем польского крестьянства, привлечь которое можно лишь путем проведения социальных и демократических реформ. Эти реформы: наделение крестьян землей, гражданское равноправие, демократическая республика.

Поражение революции 1848 г. породило в умах многих демократов-эмигрантов разочарование и неверие в революционно-демократические силы Европы и — что весьма важно — сомнение в силах польского народа.

Шляхетские демократы берут курс на сближение с аристократическим лагерем эмиграции. На первых порах это проявляется главным образом в сглаживании острых углов в публицистике демократического лагеря, в подчеркивании «общенационального» единства и руководящей роли шляхты. Решение крестьянского вопроса начинает приобретать в устах демократов отвлеченно-моральный характер («проявление справедливости по отношению к крестьянству»); демократический орган, начавший выходить в Париже в 1857 г. «стремится быть изданием чисто национальным, опирающимся на незыблемость исторического прошлого»; один из вождей шляхетской демократии в эмиграции Людвик Мерославский заявляет, что «задачей шляхты в будущем восстании должно быть стремление к консолидации народа» [1]; только шляхта должна призвать крестьянство к восстанию и руководить им. Несколько позднее, в 1862 г. образуется в Париже общий «Эмигрантский комитет» из представителей демократического и аристократического лагеря.

Условием, облегчавшим политическое сближение обоих лагерей эмиграции, или, другими словами, единение различных шляхетских группировок была тождественность их взглядов по кардинальному, с их точки зрения, вопросу — о границах 1772 г. В этом пункте разногласий внутри шляхты не было, а установление общих моментов привело в свою очередь к поискам наиболее приемлемых для всех форм политических действий, к сов-

[1] E. Kostolowski Studia nad kwestia wloscianska w latach 1848—64 ze szczegolnym uwzglednieniem literatury politycznej 1938 str. 30, 31, 321

падению взглядов на роль пресловутой «помощи Европы». Орган Демократического Общества — «Demokrata Polski» (Польский демократ) следующими словами формулирует лозунг эмиграции: «Все события и обстоятельства, которые могут случиться внутри — на родине, или во вне — заграницей, использовать для подготовки восстания»[1]. «Обстоятельства» эти понимались весьма широко, вплоть до ориентации на Англию и Францию.

Маркс, говоря о Мерославском, отмечает (в письме к Энгельсу): «В Мерославском ты сам заметишь: 1) тот самый человек, который считает невозможным un royaume diplomatique в Польше, хочет сделать там une revolution diplomatique революцию под auspices Луи Бонапарта и Пальмерстона»[2].

§ 4. Связи польской и русской демократии

Таковы были политические настроения в польском обществе в ту пору, когда после Крымской войны полоса революционно-демократического подъема, охватила Россию. Возбуждение захватило все слои русского общества. «...Требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, появление прокламаций, возбуждение крестьян...»[3] одним словом все то, что характеризовало революционную ситуацию на рубеже 50—60-х годов[4] производило огромное впечатление на польскую молодежь, особенно на ту ее часть, которая обучалась в русских университетах. Во многих университетских центрах России существовали в это время крупные польские землячества.

Наиболее многолюдной была польская колония в Петербурге, вступившая в живую связь с различными русскими общественными кругами. Польская цензовая интеллигенция, чиновники, виднейшими представителями которой были профессор петербургского университета В. Спасович, крупный служащий министерства финансов и редактор польской газеты «Слово» И. Огрызко — тяготели к либералам. Передовые люди из офицеров и академической молодежи — поляков сблизились с русскими революционными демократами.

Здесь, в Петербурге, в Москве, в Киеве, Харькове, Казани в студенческих кружках, в революционных организациях, на произведениях Герцена, Чернышевского и Добролюбова формировалось мировоззрение лучших представителей польской демократической молодежи.

Таким образом, наиболее образованная, воспитанная на традициях польской демократической эмиграции и на идеях русских

---

[1] „Demokrata Polski", от 31 декабря 1858 г. Передовая.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 161.
[3] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 5, стр. 26.
[4] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 21, стр. 190.

революционеров-демократов, эта «разночинная» — если можно так выразиться — шляхта являлась революционной частью польского общества. Из нее черпала шляхетская демократия своих сторонников и участников национально-освободительной борьбы; из этой среды выйдут в недалеком будущем кадры участников и руководителей восстания.

§ 5. Первые тайные польские организации. Начало революционного движения в Королевстве Польском

Первыми нелегальными организациями польской молодежи, возникшими в годы, предшествующие восстанию, были кружки Эдуарда Юргенса, Нарцисса Янковского и Яна Кужины.

Юргенс, воспитанник Дерптского университета, имел обширные связи в Варшаве, в помещичьих кругах и в среде крупной буржуазии. Он был человеком умеренных взглядов, он не верил в сближение с Россией, но в то же время скептически относился к лозунгам восстания, выдвигая на первый план необходимость поднятия просвещения, воспитания польского общества в национальном духе. Кружок Юргенса был близок к «Земледельческому Обществу», составляя как бы умеренное шляхетское либеральное крыло.

Кружок Янковского имел целью пропаганду восстания и подготовку к нему своих членов. Состав кружка был весьма разношерстным. В нем были представлены городская интеллигенция, купцы, ремесленники, мелкие служащие, студенты, техники и т. п. Этот кружок, разночинный по своему составу, радикальный по убеждениям, определенно тяготел к лозунгам демократической эмиграции.

Существовал в Варшаве еще один кружок, состоявший главным образом из студентов Медико-Хирургической Академии. Раньше (в 1858—1859 г.) в нем играл выдающуюся роль Ян Кужина и Ясневский, но после происшедших в Академии беспорядков, по случаю траурной панихиды в память Мицкевича, Красинского и Словацкого они скрылись за границу. Лидером кружка остался Карл Маевский [1], с которым Кужина поддерживал из Парижа постоянную связь. Кужина в Париже сблизился с Мерославским и его окружением и своими письмами и указаниями ориентировал в этом направлении кружок «академиков».

Янковский намеревался объединить все три кружка в одну революционную организацию, но Юргенс воспротивился этому предложению и в ноябре 1859 г. произошло объединение кружков Янковского и Маевского. На объединительном собрании избран был Комитет в составе пяти человек, из наиболее видных деятелей которого можно назвать кроме Маевского и Янковского еще Болеслава Денеля, литератора, участника познанского восстания 1848 г. Янковский вскоре отправился за границу и был

[1] В будущем сыгравший предательскую роль.

там арестован и выдан царским властям. Близко к Комитету стояли три брата Франковские и студент Академии художеств — Карл Новаковский.

В Комитете вскоре наметились разногласия. Братья Франковские, Новаковский стремились направить организацию на путь активных действий, но К. Маевский и еще один член комитета Ян Банземер (будущий экономист) возражали против этого плана, ссылаясь на то, что демонстрации, выступления и т. п. могут помешать работе других более умеренных групп. В конце концов Маевский вышел из комитета и примкнул к Юргенсу. В Комитет вместо Янковского вошел, прибывший от Мерославского — Франциск Годлевский. Последний, после ухода Маевского и др. из Комитета организовал вместе с Денелем и Яном Франковским новый кружок, названный ими «Комитетом Яновского». Радикальные взгляды этого кружка побудили Юргенса и Маевского добиваться объединения с ним, дабы стеснить деятельность Годлевского, Франковского и Денеля. Таким путем произошло объединение кружка Юргенса с кружком Годлевского.

В то время как в подполье шла борьба между различными группами, то распадавшимися, то вновь объединявшимися — политическая атмосфера в Польше (в особенности в Варшаве) становилась все более накаленной. В Варшаве все слои общества находились в состоянии возбуждения, изливавшегося в форме массовых демонстраций. Одна из первых демонстраций по случаю похорон вдовы генерала Совинского, погибшего во время восстания 1830—1831 гг. произошла 11 июня 1860 г. В октябре того же года во время пребывания в Варшаве австрийского, прусского и русского монархов — устроена была враждебная демонстрация. Наконец, 29 ноября 1860 г. в годовщину восстания 1830—31 гг., назначена была публичная панихида, собравшая огромную толпу, в которой преобладали ремесленники, студенты. Панихида, как и следовало ожидать, превратилась в политическую демонстрацию. Серия прошедших демонстраций произвела сильное впечатление на варшавское население. Умеренные «патриоты» (деятели национального движения), как например, Юргенс и «сибиряки» (вернувшиеся из сибирской ссылки по амнистии 1856 г.) — Гиллер, Рупрехт тщетно отговаривали молодежь от этой «горячки».

21 февраля (по н. ст.) 1861 г. в Варшаве открылся съезд «Земледельческого Общества» для обсуждения крестьянского вопроса. «Земледельческое Общество» собралось в исключительно напряженный момент. Оно находилось под воздействием двух факторов.

Во-первых, это было опасное возбуждение среди крестьянства под влиянием бесчисленных слухов и догадок о предстоящей крестьянской реформе в России. «Земледельческое Общество» было уже осведомлено в подробностях о готовящемся «Положе-

нии 19 февраля», которое не распространялось на Польшу. Превосходно учитывая то, что после опубликования «Положения» контраст между Россией и Польшей к невыгоде для второй неминуемо бросится в глаза каждому польскому крестьянину, «Земледельческое Общество» спешило преподнести последнему какой-либо суррогат реформы, чтобы предотвратить надвигавшийся взрыв крестьянского движения.

Во-вторых — растущее с каждым днем национально-освободительное движение, успех которого зависел — как многим казалось — от умения и желания шляхты привлечь на сторону этого движения крестьянство. Выполнение этой задачи опять-таки упиралось в разрешение крестьянского вопроса.

«Земледельческое Общество» приняло во внимание эти обстоятельства. В дискуссии на его заседаниях некоторые ораторы настойчиво предлагали одобрить резолюцию о наделении крестьян землей (на основе уплаты ими выкупа). Один из выступавших — Псарский «предостерегал, что если мы будем у себя проводить очиншевание, а наделение землей откладывать на будущее, то может оказаться поздно, ибо рядом с нами (намек на Литву и Белоруссию — У. Ш.) наделение крестьян землей станет совершившимся фактом»[1]. В результате дискуссии, сторонники более энергичных решений и на этот раз потерпели поражение и «Земледельческое Общество» приняло 25 февраля 1861 г. постановление о скорейшем переводе крестьян с барщины на чинш (очиншевание). На этот же день революционной молодежью назначена была манифестация по случаю годовщины Гроховской битвы (в восстании 1830—31 гг.). Манифестация, в которой участвовало огромное число жителей рассеяна была войсками и полицией.

Нежелание «Земледельческого Общества» согласиться на радикальные меры и тем самым откликнуться на происходящие события было столь очевидно, что на 27 февраля 1861 г. (последний день заседания «Земледельческого Общества» перед окончанием ежегодной сессии), революционные кружки решили устроить демонстрацию со специальной целью — оказать давление на «Земледельческое Общество». В самом «Обществе» было далеко неспокойно; многие дворяне высказывались за подачу адреса Александру II с изложением основных политических требований польской шляхты, но этому намерению противилось аристократическое руководство во главе с А. Замойским.

Демонстрация 27 февраля 1861 г. кончилась трагически. Впервые войска применили огнестрельное оружие против безоружной толпы; убитых оказалось 5 человек и несколько десятков раненых.

Впечатление от событий 27 февраля было исключительно велико. «Земледельческое Общество» потребовало от А. Замой-

[1] W. Grabski Historja Towarystwa Rolniczego, t II, str. 338.

ского заявить наместнику от имени «Общества» протест. Беседа Замойского с Горчаковым (в тот же вечер) не дала никаких результатов.

В эти дни на политическую арену выступила варшавская буржуазия и мещанство. 27 февраля, в своем клубе, т. н. «купеческой ресурсе» на собрании, в котором участвовали именитые граждане, фабриканты, купцы, ремесленники, постановлено было избрать делегацию для изложения наместнику пожеланий населения и протеста против действия властей. В состав делегации вошли представители различных групп варшавского населения: крупный банкир и предприниматель Леопольд Кроненберг, влиятельный среди буржуазии и ценимый дворянскими кругами, купеческий старшина Ксаверий Шленкер, И. Крашевский и И. Кениг — редакторы двух варшавских газет, сапожник, мастер цеха Станислав Гишпанский, профессор медицины Тит Халубинский и др., всего 13 человек. Делегация тут же отправилась к Горчакову, получила от него обещание немедленно нарядить следствие и наказать виновных в расстреле и кроме того добилась разрешения устроить торжественные похороны пяти жертв. Делегация гарантировала сохранение полного порядка при условии отстранения от этого дела полиции.

Горчаков согласился со всеми требованиями делегации. Наместник видел в ней представителя варшавского населения, которого страшился больше чем А. Замойского. Вообще происшествие 27 февраля повергло Горчакова в страх: он ожидал с минуты на минуту революционного взрыва и готовился к нему. Таково же было настроение и в Петербурге. Получив подробное донесение о событиях 27 февраля, Александр II приказал усилить гарнизоны Королевства Польского и предупредил наместника в случае повторения беспорядков «города Варшавы не оставлять ни под каким видом» и «в случае нужды бомбардировать из цитадели» [1]. Страхи оказались напрасными. Национально-революционный лагерь был еще в начальной поре своей организации, а шляхетская верхушка не желала восстания. Теперь она согласилась на подачу адреса царю.

В «Земледельческом Обществе» обсуждались два проекта адреса. Один, предложенный польским аристократом маркизом Велепольским, содержал такие пункты: восстановление выборных дворянских органов, проведение очиншевания крестьян, нерушимость гражданского кодекса 1807 года, основание университета, реформа среднего и низшего образования, смягчение цензуры, равноправие евреев, а в более отдаленном будущем восстановление конституции 1815 г. [2]. Проект Велепольского был отвергнут. Принятый «Земледельческим Обществом» адрес отличался большей широковещательностью и нарочитой неопределенностью в выражениях. Верные тактике — «не разменяваться

[1] С. С. Татищев. Александр II, т. 1, СПб., 1903, стр. 428.
[2] H. Lisicki Aleksandra Wielopolskiego projekt adresu t II, str. 24–30.

по мелочам» — составители адреса сформулировали свои пожелания в следующих словах: «Этот край (Польша — У. Ш.)... не достигнет развития своих моральных и материальных ресурсов до тех пор, пока основные принципы, вытекающие из духа народа, его традиций и истории, не будут осуществлены в церкви, в законодательстве, в народном просвещении» [1]. Интересно отметить, что Замойский сначала отказался подписать адрес и лишь после долгих настояний дал свою подпись. Царь не принял адреса и ответил весьма резким рескриптом.

Таким образом, попытка «Земледельческого Общества» доказать радикальной молодежи преимущества легальных методов не увенчалась успехом. Авторитет революционного лагеря еще более возрос. Мало плодотворной в конечном итоге оказалась деятельность варшавской «делегации». После состоявшихся 2 марта похорон жертв двадцать седьмого февраля, которые прошли при участии стотысячной толпы в полном порядке — делегация была сохранена Горчаковым, рассчитывавшим на ее популярность в городе. Однако вскоре ее авторитет среди населения стал падать. Делегация не имела никакой программы действия и не пыталась даже политически возглавить варшавское мещанство. Немногочисленная и политически незрелая польская буржуазия во всем следовала за шляхтой. Делегация без всяких возражений присоединилась к адресу «Земледельческого Общества». Между тем в провинции на нее смотрели как на представителя «третьего сословия». По примеру Варшавы делегации образовались в нескольких провинциальных городах. Когда члены люблинской делегации пожелали получать указания в варшавской, последняя отказала им в этом, посоветовав обратиться к «Земледельческому Обществу» как общепольской организации. Через каких-нибудь две-три недели варшавская делегация превратилась в придаток варшавского магистрата, пока по приказу из Петербурга она не была распущена.

§ 6. Уступки правительства. Назначение Велепольского

Несмотря на внешнюю непреклонность правительство, напуганное событиями 27 февраля, готово было пойти на некоторые уступки. Началось с отставки ярого руссификатора Муханова. На его место — председателем комиссии просвещения и духовных дел — назначен был маркиз Александр Велепольский. Одновременно с назначением Велепольского опубликованы были 27 марта 1861 г. указы о реформах в Королевстве Польском: восстановление Государственного Совета Королевства Польского — в качестве высшего совещательного органа при наместнике; учреждение выборных губернских и уездных советов, а также выборных муниципалитетов в Варшаве и в нескольких крупных городах; реформа образования.

[1] Там же, стр. 39.

Александр Велепольский, крупный землевладелец и аристократ, был своеобразной фигурой в шляхетском политическом мире. Во время восстания 1830—31 гг. представитель Национального Жонда в Лондоне, Велепольский, некоторое время после восстания оставался в Галиции, а затем вернулся в Королевство Польское, где он отдался всецело хозяйственной деятельности. Под впечатлением известий о провокационной политике австрийского правительства во время галицийской резни 1846 г., Велепольский опубликовал брошюру: «Открытое письмо польского дворянина князю Меттерниху о резне в Галиции». В брошюре Велепольский выступает сторонником сближения с Россией. «Польская шляхта, — писал он, — без сомнения предпочтет вместе с русскими пойти во главе славянской цивилизации, молодой, сильной и богатой будущим, нежели тащиться, подвергаясь пинкам, презрению, ненависти и оскорблениям, в хвосте Вашей одряхлевшей суетной и надменной цивилизации» [1].

Велепольский, один из немногих среди польской аристократии, придерживался той точки зрения, что шляхта первая должна протянуть правительству руку примирения и выразить готовность довольствоваться постепенностью уступок с его стороны. В противоположность Замойскому маркиз взял на себя инициативу примирения с царскими властями. Через обер-прокурора сената Еноха, маркиз Велепольский передал Горчакову обширный мемориал с проектами реформ, благожелательно принятый наместником. Считая восстановление Речи Посполитой делом невозможным, не возлагая надежд на европейское вмешательство и решительно выступая против революционных методов борьбы — Велепольский ставил целью в конечном итоге восстановление конституционной Польши по образцу и в границах 1815 года, т. е. без Литвы, Белоруссии и Украины.

Велепольский был аристократом и консерватором, но таким, который признавал необходимость некоторых буржуазных реформ как атрибутов утверждения начал польской помещичье-буржуазной государственности. Он энергично защищал свою программу, изложенную им в непринятом «Земледельческим Обществом» адресе царю. Во время предварительных переговоров с Горчаковым Велепольский настаивал на объявлении военного положения, чтобы разгромить революционный лагерь, распустить «Земледельческое Общество» и тем самым расчистить почву для проведения реформ сверху.

В сравнении с конкретными, черезчур быть может «мелочными» — с точки зрения шляхетских традиций — реформами Велепольского, такие формулировки как «свободные институции», «легальные органы», «осуществление принципов традиции и истории» (из адреса «Земледельческого Общества»), позволявшие

[1] Le marquis Wielopolski, sa vie et son temps 1803—1877 par Henry Lizicki t I, Vienne 1880 § 335

вкладывать в них самое широкое толкование импонировали шляхте и производили гораздо более сильное впечатление.

Но суть дела даже не в этом. Замойского и «Земледельческое общество» не удовлетворяли не самые реформы, которые считались ими более чем либеральными, а ограничение их только территорией Королевства Польского. Согласиться с реформами, в таком случае, значило бы согласиться с отказом от притязаний на Литву, Белоруссию, Правобережную Украину, т. е. отказаться от главного требования польской шляхты, что последняя ни в коем случае не хотела сделать. В письме к английскому консулу в Варшаве полковнику Симмонсу Андрей Замойский писал по поводу реформ: «Уступки хороши, но мы не можем быть удовлетворены до тех пор пока эти институции (т. е. реформы — У. Ш.) не будут распространены на польские провинции (так Замойский называет литовские, белорусские и украинские земли старой Речи Посполитой — У. Ш.) по ту сторону реки Буг»[1]. Рядом с Велепольским, ставшим русским сановником, импозантная фигура Замойского, хранителя шляхетских идеалов, бесконечно выигрывала в ее глазах.

§ 7. Крестьянское движение в 1861 и 1862 гг.

Назначение Велепольского совпало во времени с началом массового крестьянского движения, принявшего необыкновенно широкий размах. Непосредственным поводом к волнению явилось опубликование манифеста 19 февраля в России. Хотя «Положение 19 февраля», как упомянуто было выше, не распространялось на Польшу, известия о нем удивительно быстро проникли в польскую деревню и крестьяне, убежденные в том, что «царский манифест» обещает им отмену барщины и землю, стали повсеместно отказываться от выхода на барщинные работы.

Волнения начались 2 апреля 1861 г. в восточных уездах Польши, — население которых раньше других услышало о «Манифесте» от своих литовских, белорусских и украинских соседей. В течение апреля и половины мая волнения захватили значительную часть уездов страны. Со 2-го до 13 апреля волнения зарегистрированы в 176 деревнях с населением в 34 тысячи человек, до конца месяца к движению присоединилось еще 778 деревень с населением в 128 тысяч человек и в первой половине мая к ним прибавилось 122 деревни — 18 тысяч населения[2].

Власти Королевства Польского и шляхта — помещики по-своему реагировали на крестьянские волнения. Велепольский обещал от имени правительства ускорить очиншевание, а «Земледельческое Общество» в свою очередь стало распространять с

[1] Цит. по H. Wereszycki Anglija a Polska w latach 1830—65. Lw 1934 str. 21.

[2] H. Grynwaser Sprawa wloscianska W. Kr Pol. w latach 1861—62, Warszawa, 1938, стр. 15, 16, 17, 18.

церковных амвонов свое постановление от 25 февраля 1861 г. Однако эти попытки, диктуемые страхом и стремлением нажить политический капитал, не увенчались успехом. Обещания и уговоры дворянства еще более утвердили крестьян во мнении, что паны скрывают подлинное содержание «Манифеста» и хотят ограничиться только небольшими уступками; крестьяне отказывались вступать в переговоры с помещиками об очиншевании и заявляли, что считают себя собственниками, обрабатываемых ими участков.

Крестьянское движение носило стихийный характер и было направлено главным образом против помещиков. Лучше всего понимали это сами помещики, которые засыпали административные власти просьбами о присылке военных отрядов для принуждения крестьян возобновить барщину. И в высшей степени поучительно то, парадоксальное лишь на первый взгляд явление, что помещики стараются внушить властям взгляд на крестьянское движение, как на попытки «бунта», «мятежа», против «законного правительства». Напротив того, даже командиры отправленных в деревни военных отрядов, во многих случаях писали, что по настоящему нет оснований для применения военной силы против крестьян, так как последние держали себя спокойно. Директор комиссии внутренних дел Гечевич сообщает любопытные факты, имевшие место в деревне Меховского уезда. «Солдаты карательного отряда, прибывшего в деревни, где крестьяне отказываются от несения барщины, невольно дают повод к распространению превратных мнений своими рассказами об освобождении крестьян в империи и о бесплатной раздаче земли в собственность» [1].

Власти Королевства Польского и Петербургское правительство, напуганные огромным размахом движения, поспешили с выработкой закона об отмене барщины. В невероятно короткий срок (за две недели) закон был подготовлен и опубликован в форме высочайшего Указа 16 мая 1861 г. об отмене барщины с 1 октября 1861 г. и обязательном выкупе ее посредством уплаты денежного чинша.

Издание Указа не оправдало надежд на прекращение волнений. В июне и июле оказывало «неповиновение» свыше 30 тысяч крестьян [2]. Крестьяне сопротивлялись очиншеванию, требуя безвозмездной отмены барщины. В октябре — ноябре месяцах движение вновь активизируется главным образом в Варшавской и Плоцкой губерниях. Характерным для осеннего периода движения было вовлечение в него крестьян — владельцев карликовых участков (до 3-х моргов). Крестьянское движение возобновилось, хотя и в меньшем масштабе, весною 1862 года.

Таким образом, почти весь 1861 и частично 1862 год проходит под знаком массовых выступлений польского крестьянства.

---

[1] Grynwaser указ. соч., стр. 9—10.
[2] Там же, стр. 46—47.

Польский шляхетско-демократический лагерь в силу своей ограниченности не сделал попыток по настоящему объединить в своих планах потенциальную силу польского крестьянского движения.

Аграрно-крестьянский вопрос был и оставался в 1861—1862 гг. основным вопросом в национально-освободительной борьбе польского народа.

§ 8. Подготовка к восстанию. Образование Центрального Национального Комитета

В обстановке всеобщей к себе неприязни Велепольский повел трудную борьбу против дворянской оппозиции и революционной молодежи. С приходом к власти Велепольского для всех стало ясным, что дни Земледельческого Общества сочтены. Оно было распущено 6 апреля, а через два дня, 8 апреля в Варшаве состоялась многочисленная демонстрация протеста против закрытия «Земледельческого Общества». Демонстрация подверглась нападению войск, которые по приказу ген. Хрулева открыли огонь по толпе. Считается, что убито было около двухсот человек и еще больше ранено.

События 8 апреля означали удар по системе Велепольского, которая не оправдала себя в глазах правительственных кругов, ожидавших от нее и примирения польского общества с правительством и разгрома национально-революционного движения.

Преемник Горчакова на посту наместника (с июня до конца августа) генерал Сухозанет игнорировал Велепольского и признавал только крутые меры расправы, еще больше озлоблявшие все слои польского населения.

После 8 апреля в национально-революционном лагере все больше растет число сторонников вооруженного восстания, оттесняя на второй план умеренных, таких как Гиллер, Денель и некоторых других, призывавших ограничиться манифестациями и не мешать проведению реформ.

В связи с возникновением многочисленных тайных кружков в провинции, ростом организации в Варшаве и усилением повстанческих тенденций в октябре 1861 г., создан был Центральный Национальный Комитет в качестве общепольского руководящего центра по подготовке к восстанию. Внешним толчком, ускорившим создание Комитета, было объявление в Варшаве осадного положения и массовые аресты среди жителей (14—15 октября), в целях предупреждения готовившейся в годовщину смерти Костюшко манифестации. Комитет начал собирание кадров будущего востания. «Уже в начале декабря 1861 г., — говорит один из членов Комитета Владимир Милович, — почти все ремесленное население и весь интеллигентный пролетариат города Варшавы, равно как и молодежь высших учебных заведений и судебных учреждений вошли в организацию. В январе 1862 г. Центральный

Комитет назначил начальников во все воеводства, поручив им вести подобную организацию по всей стране» [1].

В течение трех — четырех месяцев состав Комитета менялся несколько раз. Наиболее видными его членами в этот период были: поэт Аполлон Коженевский и Игнатий Хмеленский, крайне «левый» поклонник Мерославского. В Комитете не было полного единодушия по вопросу о восстании; нетерпимость Хмеленского и его приверженность к Мерославскому не нравились его коллегам. Положение в корне изменилось с приездом в Варшаву Ярослава Домбровского, вошедшего в состав Комитета (в марте или апреле 1862 г.), Ярослав Домбровский, офицер русской армии, слушатель военной академии в Петербурге, принадлежал к той группе польской молодежи (Сигизмунд Сераковский, Валерий Врублевский, Константин Калиновский и др.), которая получила свое революционное воспитание в России. В Центральном Комитете Домбровский быстро занял руководящее положение. Являясь сторонником восстания, Домбровский считал его возможным в тесной связи с восстанием в России; вместе с тем он сумел подчинить себе Хмеленского с его путчистскими наклонностями. В Польше Домбровский связался с революционно-настроенными офицерами варшавского гарнизона и частей, расположенных в Королевстве Польском. Офицерскую организацию «Земли и Воли» возглавлял в то время штабс-капитан Андрей Потебня, друг Герцена. В организации состояли в числе других — офицеры Аргольд, Сливицкий, Ростковский. Революционно настроенные офицеры обещали оказать предстоящему восстанию всемерную поддержку. В начале мая офицерский кружок был раскрыт. Аргольд, Сливицкий, Ростковский были расстреляны, тридцать три офицера переведены в другие части.

Возобладание в Комитете точки зрения Домбровского о безусловности восстания (сроком назначено было лето 1862 г.) всполошило всех явных и скрытых противников вооруженной борьбы. Под влиянием агитации Карла Маевского, сколотившего блок умеренных (Гиллер, Рупрехт, Пашкевич) со сторонниками Мерославского, добивавшимися участия в руководстве (Данилов-ский, Костковский) Комитет был переизбран в июне месяце. Однако, в сущности говоря, Маевский не достиг успеха. Домбровский остался в Комитете, на его стороне был новый член Комитета Бронислав Шварце, а вновь избранные Гиллер и Костковский вынуждены были считаться с общим настроением варшавской революционной организации. Пересмотрена была только дата начала восстания после совещания с русским офицерским революционным кружком. На этом совещании большинство офицеров заявило, что план восстания, который основывается исключительно на поддержке войск безрассуден, «что пропаганда только недавно начатая среди солдат принесла пока небольшие резуль-

[1] Wydawnictwo materjalow do historji powstania 1863—64. t IV, str. 51—52.

таты..., что сами они без колебаний отдадут жизнь в борьбе за свободу, но они еще не могут рассчитывать повести за собой свои части» [1]). Восстание перенесено было на лето 1863 г.

§ 9. Программа Центрального Комитета. Лагерь «красных»

В то же время Центральный Комитет сформулировал свою программу, ставшую официальной платформой партии «красных» (как стала называться революционная партия восстания). Важнейшие пункты программы: восстановление независимой Польши в границах 1772 г., переход земли, находившейся в пользовании крестьянства в полную его собственность с вознаграждением помещиков из государственных средств; отмена сословных привилегий и гражданского равенства для всех, без различия языка, национальности и религии.

В программе «красных» обращают на себя внимание два пункта. Во-первых, границы будущей Польши, во-вторых, их проект разрешения аграрного вопроса. В первом вопросе программа «красных» воплощает в себе традиционную националистическую концепцию польской шляхты. Тезис о границах 1772 года имел далеко идущие последствия, обнаружившиеся в ходе будущего восстания; он означал выдвижение национального момента на первое место в ущерб социально-политическим задачам, которые некогда ставились в программах шляхетской демократии; он означал установление пресловутого «общенационального единства», а на деле — капитуляцию «красных» перед реакционной шляхтой и фактическую передачу ей руководства восстанием; он означал сознательную самоизоляцию польского национально-освободительного движения от русского революционного движения; он означал, наконец, забвение во имя все того же «национального единства» методов массовой революционной борьбы народа и ориентацию восстания на западно-европейские державы. Впоследствии в письме к Герцену Центральный Комитет разъяснит в каком смысле он понимает этот пункт... «Мы стремимся к восстановлению Польши в прежних ее границах, оставляя народам, в них обитающим, т. е. Литвинам и Руссинам, полную свободу оставаться в союзе с Польшей или распорядиться собою согласно их собственной воле» [2]. Иными словами — сначала присоединение к Польше — Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины, населенных не поляками, а потом государственное устройство восстановленной Польши на основе федерации. Но эти оговорки очень мало меняли суть дела. Не случайно, Герцен, во время переговоров в Лондоне с представителем Центрального Революционного Комитета выражал Бакунину свои сомнения. «Мне все кажется, — говорил Герцен, — что им (поля-

[1] A. Giller Historja powstania narodu polskiego w 1863—1864, Paryz, 1868, t II, stv 96.

[2] «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена (1857—1869). Женева, 1887, стр. 350.

кам — У. Ш.) до крестьянской земли, в сущности, мало дела, а до провинций слишком много» [1].

В своем проекте разрешения аграрного вопроса «красные» превращали существующее крестьянское землепользование в крестьянское землевладение на право собственности, что представляло известный шаг вперед, но не ставили вопроса о передаче помещичьей земли в руки всего крестьянства. Далее, аграрная программа, хотя и говорит об отсутствии выкупа, но предусматривает вознаграждение помещиков за счет государства. Подобное решение удовлетворяло «умеренных» (Гиллер, Руперехт) и многих дальновидных деятелей аристократического крыла эмиграции. Таким образом, «красные» не пошли по революционно-демократическому пути решения аграрно-крестьянского вопроса; они сохраняли помещичье землевладение.

Впечатления от крестьянских волнений 1861—62 гг., постоянная возможность повторения их в будущем, в особенности в условиях начинающегося восстания, побуждали шляхетских демократов принимать сугубые меры против возбуждения крестьянского антипомещичьего движения. Забегая несколько вперед, заметим, что специальная инструкция предписывала как должны доводиться до сведения крестьян аграрные декреты восстания: «отдельным лицам воспрещается призывать крестьян к восстанию... Только ксендзы и то лишь с церковных амвонов могут призывать народ... Не допускать ни малейших признаков социальной катастрофы» [2]. «...В случае открытой и грозной попытки этого рода (например, — убийство помещика и т. п.) обязанностью начальника ближайшего отряда (повстанческого — У. Ш.) было, безотлагательно рассмотрев дело, сжечь совершенно всю деревню (если виновна вся деревня целиком — У. Ш.) и наиболее виновных наказать смертью» [3].

Партия «красных» объединяемых общим руководством Центрального национального комитета — подобно демократической эмиграции в недавнем прошлом — представляла совокупность групп и течений, раздираемых разногласиями не только и не столько по вопросам программно-политическим, но в еще большей мере — тактическим, и персональным.

Правое крыло в ней (т. н. «умеренные») представляли А. Гиллер, Б. Денель, К. Маевский и др. Не выступая открыто против восстания, они стремились на практике отодвинуть его во времени возможно дальше. На первый план они выдвигали организацию в обществе «явной и скрытой оппозиции» против России. Умеренные тяготели к сотрудничеству с земледельческой шляхтой, к политическим взглядам которой они были близки.

Левое крыло «красных», в свою очередь распадалось по мень-

---

[1] А. И. Герцен. Былое и Думы. Л. 1947, стр. 755.

[2] Kostolowski с. 339.

[3] О. Авейде. Записки о польском восстании. Варшава, 1866 (Цит. по неопубликованной диссертации В. Н. Кондратьевой, с разрешения автора).

шей мере на две группы. К одной из них принадлежали Ярослав Домбровский, Валерий Врублевский, Сигизмунд Падлевский, Сигизмунд Сераковский и др. последовательно разделявшие демократические постулаты «красных» и стоявшие на позиции сотрудничества с русской революционной демократией и координации польского движения с русскими.

Вторая группа — это приверженцы Людвига Мерославского. Из руководящих деятелей лагеря «красных» к таковым относятся Ян Кужина, Игнатий Хмеленский, братья Франковские и др. Эта группа готова была легкомысленно начать восстание как можно скорее, не взирая на степень его подготовки и общие условия. В национальном вопросе и в отношении к русской революционной демократии сторонники Мерославского в Польше разделяли его крайне-националистическую точку зрения — безусловное включение литовских, белорусских и украинских земель и централизованное польское государство (против федерализма) и уклонение от сотрудничества с русскими революционными кругами.

До известного времени разногласия и соперничество между группировками и отдельными лидерами протекали внутри руководящего ядра и не затрагивали широкие круги партии и польского общества в целом. Программа Центрального Комитета оставалась официальным документом партии красных; сторонники Мерославского вынуждены были считаться со своими коллегами, а последние учитывали популярность в широких кругах польского населения имени Мерославского как одного из лидеров демократической эмиграции, известного своими выступлениями против аристократии и ролью его в Познанском восстании 1848 г.

С оформлением партии «красных» (осенью 1861 г.) и после того как окончательно был взят курс на восстание, Центральный Комитет приступил к созданию разветвленной сети подпольных организаций в Варшаве и в провинции. Раньше всех сложилась Варшавская организация, самая многочисленная, влиятельная и связанная непосредственно с центром. Первичная ячейка организации называлась «десятком», десять «десятков» составляли «сотню», десять «сотен» — «округ». В крупном городе (как Варшава) два — три округа образовывали «отдел». Возглавлял Варшавскую организацию «городской отдел», в составе трех человек — членов Центрального комитета; «городской отдел» назначал «коменданта города» в качестве главы исполнительной власти. Организации в провинциальных городах строились по такому же типу.

В 1862 г. была утверждена структура управления в провинции. В общих чертах она сводится к следующему. Территория Польши была разделена на 8 «воеводств»; а последние на «поветы» [1]. Во главе воеводства стоял комитет из 5 членов, в том

[1] До разделов конца XVIII века Польша делилась в административном отношении на воеводства, а воедводства — на поветы.

числе «начальник» воеводства и «комиссар» Центрального Комитета. В функции воеводского комитета входило формирование и вооружение отрядов, раскладка налогов и поставок, сбор их и, наконец, организация транспорта и связи. То же, но в меньших масштабах повторялось в поветах. В воеводские и поветовые комитеты Центральный Комитет назначал как правило местных помещиков, людей, очень часто, весьма умеренных политических убеждений, которые искажали и тормозили выполнение директив Центрального Комитета.

§ 10. Правительственная политика в 1861 и 1862 гг. «Белые» и «красные»

С закрытием «Земледельческого Общества» поместная шляхта лишилась единственного своего политического центра. Перед ней встала дилемма: либо уступить место «красным», либо добиваться сохранения своего влияния на польское общество с помощью других средств. Стремление парализовать агитацию «красных» и раздражение против репрессивной политики правительства побудили руководство бывшего «Земледельческого Общества» организовать нелегальный орган шляхты. В апреле месяце 1861 г. собрание доверенных бывшего «Земледельческого Общества» избрало «Национальную делегацию», преобразованную в октябре 1861 г. в «Дирекцию белых», во главе с Владиславом Замойским (сыном А. Замойского; последний отказался возглавлять «Дирекцию»).

В первые недели деятельности «Национальной Делегации», многим помещикам казалось, что она возьмет на себя руководство национальным движением. «Делегация» назначала своих эмиссаров в провинцию. «Дирекция белых» на первых порах была против восстания. Эмиссар в Седлецкой губ. Бронислав Дескур рассказывает, что после получения им инструкции о сборе денег, составлении списков лиц способных носить оружие, учета охотничьего оружия и лошадей он встретился с посланцем Андрея Замойского, который направлялся к нему, чтобы взять обратно это распоряжение «так как в связи с тем, что есть полная уверенность получить многое для края от правительства легальным путем, мы не можем рисковать в неравной борьбе судьбами целого народа» [1]).

Андрей Замойский писал в ноябре 1861 г. брату своему Владиславу в Париж: «Режим осадного положения очень строгий. Стиснув зубы, мы надеемся, что не произойдет никакого безрассудного взрыва и что с помощью божественного провидения все наше мы получим обратно» [2]. Не желая активной оппозицией против правительства косвенно поддерживать «красных», «белые» в сущности согласились на реформы Велепольского и хотя

---

[1] Wydawnictwo materialow; t II, str. 135—136.
[2] Polska, jej dzieje i Kultura t. III, str. 348

попрежнему Замойский и его группа держались особняком, тем не менее они обещали не мешать деятельности маркиза.

Правительство, страшась неизбежного взрыва и не зная какими средствами его предотвратить, бросилось от одной крайности к другой. За год с июня 1861 г. до июля 1862 г. в Королевстве Польском сменилось четыре наместника. После Сухозанета пост наместника занял граф Ламберт, надеявшийся смягчением режима успокоить польское общество. Его двухмесячное правление не оправдало надежд правительственных сфер. Массовые аресты на улицах и в костелах, к которым правительство прибегало в октябре 1861 г. прервали карьеру Ламберта. Снова на короткое время в Варшаву вернулся Сухозанет, а затем наместником назначен был генерал Лидерс, начавший действовать крутыми мерами. По его распоряжению были арестованы члены прошлогодней городской «Делегации», преследовалось католическое духовенство. Неудача режима Лидерса вновь побудила правительство изменить курс. В июле 1862 г. наместником Королевства Польского назначен был великий князь Константин Николаевич; начальником гражданского управления—Велепольский.

Этому назначению предшествовали длительные и настойчивые старания Велепольского в Петербурге. Еще в ноябре 1861 г. при вторичном возвращении Сухозанета в Королевство Польское, маркиз подал в отставку и был вызван в Петербург. В Петербурге маркиз защищал свою тактику, и утверждал, что наряду с беспощадным подавлением революционного движения в Королевстве Польском, необходимо скорейшее проведение реформы. При таких условиях выбита будет почва из-под ног партии «красных», а умеренные элементы польского общества поддержат правительство.

У Велепольского были некоторые основания рассчитывать на последнее. Шляхта приняла участие в выборах губернских и уездных советов; горожане — в выборах муниципалитетов. Велепольский добился назначения многих поляков на крупные административные посты в Королевстве Польском. Казалось, что на практике шляхта и городская буржуазия начинают сотрудничество с правительством.

Наиболее горячие головы из партии «красных», сторонники Мерославского, весьма влиятельные в варшавской революционной организации, решили взорвать политику Велепольского террористическими актами. В июле и августе организованы были покушения на Константина и Велепольского. Покушения не удались и их исполнители портной Ярошинский, литографские рабочие Рылль и Жоньца (Rzonca) были приговорены к смертной казни.

Казни и последовавшие за ними аресты подлили масла в огонь. Даже «белые», порицавшие «красных» за организацию покушений и выразившие свое сочувствие великому князю Константину и Велепольскому, вынуждены были считаться с растущей

оппозицией шляхетской молодежи и когда Константин обратился к Замойскому с призывом «удержать страну на краю пропасти» этот последний ответил весьма сдержанно, сославшись на необходимость запросить мнение всей шляхты. Созванный в сентябре съезд поместной шляхты в адресе на имя Замойского высказал свои пожелания. «От участия в дарованных нам институциях (Государственный Совет, губернские, уездные советы и муниципалитеты — У. Ш.) мы не отказываемся, — говорится в адресе, — но считаем себя обязанными заявить, что применяемыми до сих пор средствами край доведен до такого состояния, когда ни применение военной силы, ни военных судов, ни тюремного заключения, изгнания и даже смертной казни не в состоянии его успокоить... Мы как поляки тогда лишь сможем поддержать правительство, когда это правительство станет нашим польским и когда под сенью основных законов и свободных институций соединены будут все провинции (намек на Литву, Белоруссию и правобережную Украину — У. Ш.) нашей отчизны»[1]. А. Замойский вскоре вызван был в Петербург, откуда по приказанию царя выехал за границу.

Правительство, обозленное неудачами со всех сторон, решило по совету Велепольского, одним ударом покончить с «красными». В октябре 1862 г. выработан был проект рекрутского набора. Набор намечался только в городах и местечках (сельское население исключалось) и при том по заранее составленным спискам. Цель очевидна была для всех — отдать в солдаты революционную молодежь — кадры будущего восстания. Известие о проекте набора, сообщенное Центральному Комитету революционно-настроенными русскими офицерами, поставило его в крайне тяжелое положение. В это время в Комитете не было уже Домбровского, арестованного еще в сентябре 1862 г. На его место стал Сигизмунд Падлевский (сын крупного землевладельца, русский офицер) не обладавший таким влиянием как Домбровский. В комитете разгорелась жестокая борьба между противниками и сторонниками скорейшего объявления восстания. К первым принадлежал Гиллер, ко вторым — Шварце. Гиллер, умеренный шляхетский либерал, убежденный противник восстания, в данном случае, чтобы подкрепить свою позицию ссылался на неблагоприятную обстановку. Действительно, недостаток оружия, средств, организованных сил, а главное отсутствие перспектив восстания в России сулили восстанию в Польше печальные перспективы. Гиллер добивался в виду этих обстоятельств отложить восстание на неопределенное время. Шварце указывал на то, что нельзя допускать ухода революционной молодежи в армию, ибо это сделает невозможным восстание и в будущем. Падлевский в конце концов склонился перед этим доводом. Комитет «Земли и Воли» и Герцен, всегда предупреждавшие поляков об опасности опрометчивого решения, поняли, что восстание неиз-

[1] H. Lisicki Aleksanra Wielopolskiego projekt adresu t II, str. 426—427.

бежно. «Все усилия, просьбы, доводы, которыми многие старались остановить, задержать восстание — исчезли как прах перед набором. Вы видите, — говорил нам в декабре месяце Сигизмунд Падлевский в Лондоне, — можно ли медлить и в нашей ли воле остановить восстание? Если эта варварская травля на людей сбудется, мы может все погибнем, но восстание будет наверное. И он поехал с Потебней в Польшу»[1].

§ 11. Начало восстания. Предательская роль белых

Поскольку вопрос о восстании в связи с набором был в принципе решен, Центральному Комитету предстояло установить дату восстания. На совещании в декабре 1862 г. Сигизмунд Серакowский и Ружицкий (офицеры русской службы) предлагали отложить восстание по крайней мере до весны 1863 г. К этому времени Комитет располагал бы большими средствами, а главное, в марте месяце по общему мнению ожидали крестьянского восстания в России по окончании двухгодичного срока, установленного для введения «Положения 19 февраля». У Комитета было сначала намерение вывести из городов всю подлежащую набору молодежь и укрыть ее в сельских местностях, но не начинать восстания в дни набора. Против этого плана выступили сторонники Мерославского, которых поддержали некоторые начальники воеводств и комиссары Комитета в их числе два брата Франковских, Густав Василевский, Рольский и др. Выражая настроения молодежи, в первую очередь подлежащей набору, они настаивали на объявлении восстания в дни рекрутского набора.

Неожиданно Центральный Комитет получил сообщение — снова через русских революционных офицеров, — что набор в Варшаве назначен в ночь с 15 на 16 января. Значительную часть рекрутской молодежи удалось предупредить и вывести из города в Кампиносский и Сероцкий леса. 16 января на своем экстренном заседании Комитет постановил начать восстание до рекрутского набора в провинциальных городах (т. е. до 27 января).

22 января Центральный Комитет опубликовал воззвание, в котором призывал народ к оружию и объявлял «всех сынов Польши без различия веры, племени, происхождения и сословия свободными и равноправными гражданами страны»[2]. Одновременно изданы были два аграрных декрета. Первый — о переходе обрабатываемой крестьянами земли в их собственность без непосредственного выкупа; помещики при этом должны получить соответствующее возмещение из государственных средств. Второй — о наделении землей всех безземельных, которые вступят в повстанческие отряды. Декрет обещал, что «халупники загродники, коморники и батраки, и вообще все сельские жители, живущие исключительно на заработок, которые, будучи призваны к оружию станут сражаться за отчизну в рядах народного

[1] «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена, стр. 527.
[2] Wydawnie.wo mater,aeow t I str. 32.

войска получат по окончании войны (а за смертью их — жены и дети) из национальных имуществ земельные участки не менее трех моргов каждый» [1].

В ночь с 22 на 23 января повстанцы, собранные в различные районы страны, произвели одновременное нападение на русские гарнизоны в семнадцати пунктах, в том числе и на Плоцк.

По первоначальному замыслу Падлевского в Плоцк, после захвата его повстанцами, должен был перейти Центральный Комитет и объявить себя Временным национальным правительством. Для проведения Плоцкой операции предназначалась варшавская молодежь. Однако за несколько дней (с 14 до 22 января), в течение которых варшавская молодежь, страдая от голода и холода блуждала по лесам, ряды ее сильно поредели; 22 января Падлевский, вместо обещанных ему 4 тысяч, нашел там не многим более 500 человек к тому же, крайне слабо вооруженных. Такая же примерно картина наблюдалась и в других группах, предназначенных для аналогичных операций.

Недостаток оружия и опытных командиров, малочисленность и отсутствие военной выучки у повстанцев обрекли план на неудачу; несколько мелких русских гарнизонов понесли потери, но ни одного пункта повстанцы не заняли. Единственным результатом нападений был тот, что военное командование, захваченное врасплох внезапностью событий, отдало приказ сосредоточить разбросанные по Польше войска в немногие крупные центры, на время оставив в покое повстанцев. Последние воспользовались неожиданно свалившейся на них двух-трехнедельной передышкой для пополнения своих сил и формирования новых отрядов в воеводствах.

На пост революционного диктатора восстания Центральный Комитет назначил Людвига Мерославского. В середине февраля Мерославский с группой эмигрантов-офицеров прибыл в селение Кшивосонд (на прусской границе), где он должен был ожидать прибытия повстанческих частей и принять над ними командование. Известия о прибытии Мерославского, которого крестьянская молва превратила в Народного вождя восстания 1848 г. в Познани и с именем которого крестьяне бессознательно связывали борьбу с панами — вызвали в окрестных деревнях огромное возбуждение. Всю почти ночь крестьяне группами в 30—40 человек приходили в наш лагерь повидать давнего вождя и воодушевленные его речами вступали в наши ряды, — пишет в своих воспоминаниях один из деятелей лагеря «красных» Данилевский. В одну ночь около 200 добровольцев крестьян пополнили наш отряд» [2]. Но небольшой, едва только сформированный отряд подвергся двукратному нападению: под Кшивосондом и затем под Новой Весью (19 и 21 февраля) и был почти совершенно разбит. Под Кшивосондом вооруженные ко-

[1] Там же, стр. 35.
[2] W. Danilowski. Notatki do pamietnikow Krałow 1908 str. 240—241

сами крестьяне почти все погибли, защищая отход Мерославского.

Иначе встретила Мерославского шляхта. Меленцкий, командир одного из повстанческих отрядов, назначенного итти на соединение с Мерославским, не желал поступать под начальство последнего и несколько дней бродил в окрестностях. А между тем отряд Меленцкого (800 человек) мог бы оказать серьезную помощь малочисленной группе Мерославского. Военные неудачи и распри с Меленцким (после соединения с ним) побудили Мерославского покинуть территорию Царства Польского.

Провал Мерославского активизировал «белых».

В первые дни восстания «белые» не хотели иметь с ним ничего общего. В феврале влиятельная группа землевладельцев опубликовала даже «воззвание к соотечественникам», призывавшее повстанцев сложить оружие и разойтись по домам. Легко себе представить тревогу землевладельческой шляхты по случаю прибытия Мерославского, с именем которого связывались преувеличенные представления о чуть ли не крестьянской революции; шляхта решила вмешаться. Поэтому, узнав об отъезде Мерославского из Королевства Польского, «белые» поспешили предупредить его возвращение назначением нового диктатора и в результате их закулисных действий выбор пал на Мариана Лянгевича.

Лянгевич, уроженец Познани, бывший офицер прусской армии, сражался в отрядах Гарибальди, а затем был преподавателем в польской эмигрантской военной школе в Генуе. С начала восстания Лянгевич получил назначение начальника вооруженных сил Сандомирского воеводства (Радомской губ.). Будучи по общему мнению, опытным офицером, Лянгевич упрочил свой авторитет рядом побед в стычках под Бодзентином у Лысой Горы, под Сташовом и др. Отряд его после соединения с несколькими другими повстанческими группами оказался самым многолюдным (около 3500 человек) из действующих в Королевстве Польском. Однако Лянгевич держался ошибочной тактики, свойственной офицерам регулярной армии — он рассчитывал создать регулярную армию, чтобы вести настоящую войну. При недостатке оружия, обученных солдат, артиллерии этот план был явно нереален, что и подтвердило поражение при Малогоще (24 февраля). Несколько удачных сражений, в том числе под Скалой, в котором погиб Андрей Потебня, сражавшийся в рядах повстанцев — не изменили положения дел. 10 марта Лянгевич — «действуя независимо от Центрального Комитета («знал и одобрял его один Гиллер»)[1], инспирируемый группой познанских и галицийских землевладельцев, и представителями партии «белых», объявил себя диктатором. Но уже 19 марта, теснимый со всех сторон царскими войсками, Лянгевич с группой офицеров покинул свой отряд и перешел австрийскую границу. Здесь он был интернирован и на том закончил свою карьеру.

[1] Polska, jej dziege i kultura, t III, str. 400

Неудача Лянгевича обескуражила многих; «белые» расценивали ее как начало конца восстания. Но Центральный Комитет сумел устранить опасность безвластия и отступления. Председатель Комитета — Стефан Бобровский, начальник варшавской городской организации «красных», горячий и преданный делу восстания человек, находился в это время в Кракове, куда он отправился для переговоров с галицийскими кругами. Услышав об аресте диктатора и желая предупредить новые авантюры, Бобровский тотчас же опубликовал воззвание, в котором заявил, что «высшая национальная власть снова переходит в руки Центрального национального комитета, существующего в Варшаве... Отныне мы не сосредоточим верховной власти в одних руках, ибо это могло бы привести к упадку восстания» [1].

§ 12. Переход руководства восстанием в руки «белых»

Воззвание это по сути дела явилось лебединой песней Центрального Комитета прежней «формации». Сближение «белых» с Центральным Комитетом, начавшееся в марте 1863 г. во время диктатуры Лянгевича, и влияние их на Комитет определило судьбу последнего. Представитель «дирекции белых» Карл Рупрехт вошел в состав Центрального Комитета, а в мае месяце по настоянию «белых» Центральный Комитет принял название «Национального Правительства» (Rzad Narodowy).

Что побудило «белых» формально присоединиться к восстанию?

Прежде всего, желание взять в свои руки руководство движением. Поскольку восстание стало совершившимся фактом, самоизоляция «белых» не только теряла всякий смысл, но и становилась положительно опасна с точки зрения интересов землевладельческой шляхты.

Во-вторых, международная ситуация, которая открывала, как многие думали, широкие перспективы для решения польского вопроса европейской дипломатией.. Весной 1863 г. в Польше господствовало убеждение о неизбежности вмешательства европейских держав в дела Польши. В это именно время бывший французский министр иностранных дел граф Валевский заверял галицийского деятеля Павла Попеля в том, что «никогда еще со времени разделов, польский вопрос не имел в европейской политической обстановке лучших перспектив успешного разрешения» [2]. То же самое поляки слышали в Англии, в Австрии. Аристократическая партия эмиграции нашла, что пришло время действовать. Владислав Чарторыйский (после смерти князя Адама) вошел в контакт с французским министром иностранных дел и услышал от него обнадеживающие обещания. «Дер

[1] B. Limanowski Historja powstania 1863—64 r., Lwow, 1909, str. 240.
[2] St. Kozmian Rzecz o roku 1863, t I, str. 71.

житесь» — таков был совет европейских дипломатов; держитесь пока Европа не придет на помощь Польше.

Партия Чарторыйских сделала из этого свои выводы, которые можно формулировать примерно так: чтобы Польша получила поддержку европейских кабинетов, следовало лишить восстание его революционных черт и придать ему характер чисто национального движения. Для этого требовалось прекратить всякие отношения повстанческого правительства с русскими революционерами и европейской демократией. Сношения с Герценом, Бакуниным, Мадзини, Гарибальди могли скомпрометировать польское восстание в глазах правительств Западной Европы... Далее, следовало избегать массового привлечения крестьян к восстанию; восстание должно лишь «тлеть», — чтобы европейская дипломатия имела предлог для вмешательства в польские дела, если она того пожелает, — но не разгораться слишком ярко. Все эти соображения аристократическая эмиграция довела до сведения «дирекции белых» в Варшаве и рекомендовала ей войти в руководство восстанием, и соответствующим образом влиять на его ход и характер.

«Белые» достигли своего без особого труда. Центральный Комитет к этому времени в значительной мере утратил свой боевой революционный характер. В нем не было ни Б. Шварце — арестованного в декабре 1862 г., ни Падлевского, ни Бобровского, погибшего на дуэли с галицийским аристократом графом А. Грабовским, которого Бобровский обвинил в присвоении повстанческих средств. Вместо них в Комитете заседал Оскар Авейде, ярый оппортунист, в будущем — предатель, печально известный своими откровенными сознаниями перед следственной комиссией и, наконец, Агатон Гиллер.

Одной из первых ласточек новой политики было назначение Владислава Чарторыйского дипломатическим представителем «Жонда» в Париже. Назначение это несомненно свидетельствовало о молчаливом согласии повстанческого лагеря с тактикой «белых». В письме к Чарторыйскому от 4 мая 1863 г. (еще до официального его назначения) Национальное Правительство сообщало, что «венгерские патриоты хотят организовать за границей венгерский легион для оказания помощи нашему восстанию... Содержание легиона венгерцы берут на себя, не подымая даже вопроса о венгерском названии и знамени... Национальное правительство, лишенное в этот момент исчерпывающей информации о позиции иностранных держав дало венграм неопределенный ответ и в свою очередь постановило... запросить Вас — откуда можно скорей ожидать помощи: от консервативного порядка, существующего сейчас в Европе или из противоположного лагеря... Сейчас возникает вопрос с кем заключать союз: с консерватизмом или революцией! Любое решение мы примем без колебаний в зависимости от того какая

из этих сил окажет нам скорейшую и надежную помощь»[1].

Самая постановка вопроса свидетельствует уже о принципиальной сдаче позиций «красными».

Прежде всего следует отметить тот факт, что повстанческое руководство устанавливает формальный контакт с аристократическим лагерем эмиграции и передает ему официальные полномочия внешне-политического представительства. Притом, такое положение вещей сохраняет свою силу и при последующих сменах «Жонда», независимо от преобладания в нем «красных» или «белых». Это одно уже означает, что «красные» целиком усвоили гибельную для подлинных интересов польского народа, для его национально-освободительной борьбы тактику ориентации на монархов и кабинеты западно-европейских стран, готовых превратить польский народ в разменную монету, а польский вопрос в объект дипломатической игры. Затем, самая постановка вопроса в письме свидетельствовала о беспринципном отношении повстанческого руководства к вопросу о союзниках польского восстания, о готовности руководства порвать с демократическими элементами Европы, изолировать себя от них.

§ 13. Внутренняя борьба в повстанческом лагере

Назначение Чарторыйского и возобладание «белых» в Правительстве вызвали возмущения среди «красных», особенно в Варшавской организации.

В конце мая по инициативе начальника Варшавской организации «красных» Лемпке Национальное Правительство было распущено и вместо него сформирован был «Красный» Жонд, составленный из малоизвестных лиц: Кобылянского, Бонковского и др. Секретарем нового Жонда остался Оскар Авейде.

Деятельность «Красного» Жонда не могла похвалиться успехами. За кратковременное свое существование (меньше месяца) Жонд издал декрет о создании трибуналов и постановил созвать «посполитое рушение» (всеобщее ополчение).

Шляхетские демократы относились к этому вопросу, затрагивающему жизненные интересы землевладельческой шляхты, в теории положительно, но с большей осторожностью. Они рассматривали созыв посполитого рушения как средство создания многотысячной армии главным образом из крестьян, но не форму национально-освободительной борьбы народа в аграрно-крестьянской стране.

Постановление Жонда о посполитом рушении было принято по совету Мерославского, который после отъезда из Польши перебрался в Краков и завел обширную корреспонденцию со своими сторонниками в Варшаве. По проекту Жонда предполагалось сформировать стотысячную армию, но предварительно требовалось собрать с населения 21 млн. злотых, необходимых для содержания и вооружения этой армии. И первое, и второе осталось

[1] Wydawnictwo materjalow . . . . t V, str. 181—182

невыполненным. На местах повстанческие власти, среди которых с апреля месяца появилось много «белых», саботировали его декреты. «Белые» решили свергнуть «красный» Жонд. Они готовились создать правительство, приемлемое в глазах европейских кабинетов. Майское правительство было распущено и в июле образован был новый Жонд («белый»), куда вошли Маевский, Авейде, банкир Леопольд Кроненберг, крупный землевладелец Карл Курц из окружения Андрея Замойского и затем Карл Рупрехт и др.

«Июльское» правительство обратило внимание на упорядочение организационной структуры повстанческих властей как в центре, так и на местах (воеводствах, округах). Оно вошло в оживленные сношения с галицийской шляхтой, которая убедившись в преобладании «белых» стала оказывать восстанию более активную поддержку чем раньше. Из Галиции и через Галицию на территорию Королевства Польского перешло несколько отрядов. В своей политике новый Жонд следовал указаниям В. Чарторыйского. Вместо того, чтобы озаботиться вопросами точного выполнения аграрных директив и привлечения крестьян в ряды восстания — «июльское» правительство обсуждает авантюристические планы повстанческих экспедиций в Одессу и на кавказское побережье, и т. п. В рядах «белых» открыто проявляется вражда к революционным элементам в восстании. Комиссар Плоцкого воеводства Хондзинский писал «Национальному Правительству» (в сентябре 1863 г.): «Богатая шляхта согласна пока состоять в организации, но намерена держаться пассивно. Главная задача, к которой она стремится, это избавиться от революционных элементов. В доказательство приведу донесение одного из моих агентов. Помещик Яцковский сказал: «нужно отдать тысяч двенадцать негодяев москалям, пусть их ушлют куда-нибудь, у нас будет спокойно и край пойдет по пути прогресса» [1].

В июле и августе 1863 г. наибольший интерес Национального Правительства и Чарторыйского возбуждала позиция Австрии. Многие всерьез считались с возможностью династического союза Польши с Австрийской монархией.

К осени стало очевидным, что дипломатическое вмешательство держав ровно ничего не принесло полякам; напротив того, оно сыграло отрицательную роль, отвлекая внимание и усилия повстанцев от реальных задач, стоящих перед ними — развертывания внутренних сил восстания. В сентябре Национальное правительство было свергнуто и «красные» снова стали у руководства. Новый Жонд в составе Игнатия Хмеленского, Станислава Франковского и др. просуществовал около месяца (с половины сентября до половины октября).

«Красный» Жонд очутился в весьма трудном положении. Члены Жонда посвятили себя главным образом организации тер-

[1] B. Limanowski. Historja powstania 1863—64 гг., str. 405

рористических актов против представителей русского правительства в Польше. Что же касается развязывания внутренних сил восстания, то Жонд не обладал достаточной твердостью и властью, чтобы провести свои намерения в жизнь; повстанческие органы на местах игнорировали распоряжения Жонда. Когда в середине октября под влиянием В. Чарторыйского один из деятелей восстания — Ромуальд Траугут распустил Жонд и объявил себя диктатором, то он не встретил ни малейшего сопротивления.

Ромуальд Траугут — военный руководитель польских отрядов в Западной Белоруссии близок был к партии «белых». Приняв однако власть в период, когда восстание клонилось к упадку, когда можно было рассчитывать только на собственные силы Траугут в своей политике пытался, но слишком поздно, отступить от доктрины аристократической эмиграции и лагеря «белых». Траугут, не отказываясь от надежд на иностранную интервенцию, считал вместе с тем необходимым сохранять движение притоком новых сил; в этом он видел шансы продержаться зиму. Поэтому Траугут вновь привлек внимание к аграрным декретам от 22 января 1863 г. и потребовал от начальников повстанческих отрядов и гражданских повстанческих властей неукоснительного проведения их в жизнь. Декретом 27 декабря 1863 г. назначены были специальные суды по делам о злоупотреблениях помещиков по отношению к крестьянам. Траугут вернулся к мысли о «посполитом рушении» и выработал соответствующий план с генералом Гауке («Босак»). Напрасны оказались усилия Траугута. «Мысль эта, — пишет М. Дубецкий, соратник и позднейший биограф Траугута, — встретила полное равнодушие руководящей группы повстанческого лагеря. Траугут жаловался, что едва трое комиссаров (повстанческих — У. Ш.) поняли всю важность и актуальность этих распоряжений, остальные бездействовали, или притворялись, что работают» [1]. Разумеется и в этот раз дальше выработки плана дело не пошло. 11 апреля 1864 г. Траугут был арестован и затем повешен на гласисе Варшавской цитадели. Со смертью Траугута восстание потеряло последнего своего вождя и остававшиеся еще несколько отрядов были постепенно разбиты. К лету 1864 г. восстание фактически заглохло.

§ 14. Ход восстания.

Когда восстание началось Центральный Комитет не имел утвержденного военного плана. В Комитете обсуждались два плана, но ни один из них не был принят. Первый план представил Мерославский. Этот план предусматривал одновременное нападение на все военные гарнизоны, разоружение их или вытеснение за пределы Польши и создание крупных повстанческих сил (необходимость посполитого рушения), способных захватить в свои

[1] Wydawnictwo materjalow . . . . t W, str. 125.

руки значительную часть территории Польши, а также Литвы, Белоруссии, Правобережной Украины и вести регулярную войну с царскими войсками. В этом случае Польша могла бы с успехом держаться весьма длительное время, и при поддержке Европы добиться победы. Центром наступательных действий должен был стать четырехугольник, образуемый Неманом, Двиной, Балтийским морем и Припятью, т. е. северо-восточная часть Королевства Польского, Литва и Белоруссия.

Второй план — Падлевского в общих чертах совпадал с первым. Главный удар следовало наносить в восточном и северо-восточном направлениях (Плоцкая, Ломжинская и Седлецкая губ.) и прервать коммуникации с Петербургом. Таким образом, облегчались условия развития повстанческого движения в Литве и Белоруссии. Падлевский, по словам Бронислава Шварце считал, что «необходимым условием этого плана должно быть точное выполнение программы Центрального Комитета, а именно — массовое народное восстание в тесном союзе с русской революцией...»[1].

В действительности все оказалось иначе. Первые нападения на семнадцать гарнизонов (из 144 во всей Польше) оказались неудачными. Нехватка оружия не позволяла принимать в отряды всех добровольцев; в Седлецкой губ. на 8 тысяч членов организации «красных» было всего 300 ружей. Доставка оружия через прусскую границу стала невозможной ввиду принятых Пруссией чрезвычайных мер охраны границы. Таким образом, не удалось создать на северо-востоке Королевства Польского мощное повстанческое ядро. Более устойчивым плацдармом оказалась лесисто-холмистая южная и юго-западная часть Королевства Польского, примыкающая к австрийской границе.

План выдвинутый уже в разгар восстания имел в виду использование стотысячной армии посполитого рушения (запроектированного «красным» Жондом). Армию эту надлежало сосредоточить в Люблинском воеводстве, отрезав от связи с востоком русские силы, расположенные в юго-западной части Польши. Повстанческая армия, имея у себя в тылу австрийскую границу (Галицию) должна была развертывать свои операции в северном и юго-восточном (на Украине) направлениях.

Отсутствие плана и единого военного руководства, безконтрольность начальников отрядов — все это особенно сказалось осенью; пока что в весенние и летние месяцы 1863 г. восстание шло по восходящей линии.

В последние дни диктатуры Лянгевича повстанцы перешли к партизанским методам борьбы. Партизанская война была признана единственно возможной формой военной борьбы. Против повстанцев действовала армия, насчитывающая больше 100 тыс. солдат со 176 орудиями. Им противостояли повстанческие силы

---

[1] B. Limanowski. Historja powstania 1863—64, str. 205.

с максимальной численностью в 15—20 тыс. человек, плохо вооруженных и не имеющих артиллерии. Восставшие соединялись в отряды самой различной численности: от 30 человек до 1.000 человек в одном отряде. Таких отрядов насчитывалось около 50; цифра эта разумеется непрерывно изменялась. Переход к партизанским действиям можно было бы считать правильным шагом, если бы в основе этого решения не лежал порочный тезис о второстепенном, вспомогательном значении партизанского движения. Переход к партизанским формам по существу олицетворял на практике уже известный нам политический курс «Национального правительства», а именно курс на выжидание военно-дипломатической помощи европейских держав. Повстанческим отрядам предписывалось избегать открытого боя с царскими войсками и ограничивать свою боевую деятельность засадами, стычками с мелкими воинскими подразделениями, убийствами правительственных чиновников, нападениями на государственные учреждения, т. е. другими словами — заявлять о своем существовании и только. Партизанская борьба в интерпретации «Национального правительства» — это символ стабилизации и непрерывности восстания, символ «военной демонстрации».

§ 15. Крестьянство в восстании 1863 г.

Руководящая роль в восстании принадлежала шляхте; «Революционною была именно Польша в целом, не только крестьянство, но и масса дворянства» [1]. Что касается социального состава повстанческих отрядов, то он был весьма разнообразен. В основном все же в отряды вступала учащаяся молодежь, шляхетская интеллигенция, ремесленники, ремесленные рабочие, отчасти крестьяне, в меньшей степени землевладельцы. Об этом говорят даже официальные и полуофициальные русские источники, склонные в общем безмерно преувеличивать шляхетский элемент в восстании. Так, например, Гескет пишет, что первый отряд Лянгевича был пополнен почти исключительно фабричными из Суходнева, что отряд Янко-Сокола образовался из рабочих с сахарных заводов в окрестностях Венгрова, что Куровский пополнял свою партию в Ойцове, благодаря обилию заводов в Олькушском уезде, что Падлевский пользовался рабочими из Глиноецка, что Жахлинский отряд образовался исключительно из рабочих и т. п.» [2]. То же подтверждает Павлищев, что каждый отряд «имеет «довудцу» (предводителя), какого-нибудь помещика, мелкопоместного шляхтича, официалиста или чиновника низшего разряда... рядовые же все мещане» и вообще представители низших слоев населения [3].

Крестьянство в массе своей заняло по отношению к восстанию

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 6, изд. 4, стр. 416.

[2] С. Гескет. Военные действия в Царстве Польском в 1863 году, Варшава, 1894, стр. 365.

[3] Павлищев. Соч., т. V, СПб., 1887, стр. 13—14.

пассивную позицию. Аграрные декреты от 22 января 1863 г. были известны далеко не везде. Но и в тех случаях, когда декреты объявлялись крестьянам, последние относились к ним с недоверием, не видя реального их выполнения.

На практике участие крестьян в восстании в значительной мере зависело от положения дел в данном районе и от поведения местных повстанческих властей и начальников отрядов. В весенне-летние месяцы, в тех районах (Августовское, Люблинское воеводства и др.), где многие помещики не решались требовать от крестьян чиншей (повинностей) — крестьяне помогали повстанцам. «Повстанцы расквартированы по деревням и городкам, где они расхаживают в своих костюмах, перехватывают почты, ...а с приближением наших войск, обращаются в мирных жителей, работают в поле или на фабриках, так что отличить их от прочих жителей нет возможности» [1].

В Люблинском воеводстве (губернии) большое число крестьян состояло в отрядах Падлевского, Мартина Борелевского (С. Лелевеля) — ремесленника-типографщика; Гауке («Босака»), бывш. гвардейского полковника; Гейденрейха («Крука»), бывш. драгунского офицера, члена петербургского польского кружка, связанного с русскими революционерами в Плоцком воеводстве Томаша Кольбе и др.

Но все эти и другие еще, подобные им, примеры участия крестьян в восстании не могут опровергнуть тот факт, что в целом крестьянство осталось безучастным к движению. В единичных случаях демократически настроенные начальники отрядов своими личными качествами преодолевали недоверие крестьян, вовлекали последних в свои отряды, но не больше. Эти крестьяне-повстанцы *верили* своим начальникам, но крестьянство попрежнему *недоверяло* шляхте и не желало принимать участие в «ее» (шляхты) борьбе. Многочисленные свидетельства участников и современников восстания подтверждают это явление. «Нечего удивляться и упрекать крестьянина, если на призыв — сражаться за отчизну, крестьянин отвечает: «сражаться за других? Я всегда останусь таким, каким есть», — говорит один [2]. В Келецком воеводстве крестьяне горячо жалуются на поведение шляхты, заявляют, что «воевать уже поздно» [3].

Не следует, впрочем, думать, что крестьянству вообще чужды были боевые настроения. Крестьяне помнили о волнениях 1861—1862 года (также, как *не забыла* о них шляхта). Слухи и толки о приготовлениях к восстанию, о его объявлении возбуждали крестьян, в представлении которых вооруженная борьба неразрывно связана была с понятием борьбы за свободу, за землю. Крестьяне хотели оружия, борьбы, но не в тех рамках, которые были желательны шляхетским повстанцам. Шляхта боялась крестьян-

[1] Павлищев, Соч., т. V, стр. 119.
[2] A. Swietochowski Historja chlopow polskich, t II Lm 192, str. 8336.
[3] Kostolowski . . . . . str. 347.

ского движения, опасалась соединения крестьянского движения с национально-освободительным и единственно, что она допускала — это участие крестьян в «шляхетском» движении; выше мы видели, какими предосторожностями шляхетские демократы обставляли аграрные декреты.

В некоторых районах крестьянство ожидало объявления «посполитого рушения». В Плоцком воеводстве, в июне месяце объявлено было посполитое рушение. «Я был свидетелем, — пишет Дескур, — как во всех деревенских кузницах спешно перековывали косы, а массы крестьян, стали собираться, не дожидаясь созыва Под Остроленкой собралось около полутора тысяч вооруженных косами, которые намеревались ударить на Остроленку как только войско выйдет оттуда для преследования повстанцев... через три недели... приехал правительственный комиссар... (представитель Жонды), потребовал созыва гминных собраний, и предупредил крестьян, чтобы они переделали косы для полевой работы, т. к. правительство (повстанческое — У. Ш.) питает надежды, что дело дойдет до заграничного вмешательства, а потому правительство не может толкать народ на убийственную для него борьбу». На эту речь один из крестьян ответил: «Вы всегда так делаете. Вы подвели нас; москали уже знают о наших приготовлениях. Придет время мы сами поднимем восстание, но вас в нем не будет» [1].

В течение нескольких месяцев восстание распространилось на все губернии Королевства Польского. Из многочисленных отрядов можно отметить: в Люблинском воеводстве отряды Здановича Богдановича и доктора Нечая; в Полесском воеводстве (Седлецкой губ.) — отряды Рогинского; в Плоцком воеводстве — отряды Сигизмунда Падлевского (попавшего 23 апреля в плен и 15 мая расстрелянного царскими властями, Томаша Кольбе и др.; в Августовском воеводстве — отряд Павла Сузина, революционного демократа, снискавшего всеобщую любовь населения. В его отряд массами стекались литовские крестьяне; в Краковском воеводстве — отряды Чаховского; в Калишском — отряды Тачановского (гарибальдийца), французского офицера-добровольца Бланкенгейма и мн. др.

Не все начальники отрядов могли похвалиться военным опытом. Но что еще важнее — некоторые из них не обладали ни верой в восстание, ни желанием превратить его в народную войну. Когда отряд названного выше Бланкенгейма подвергся нападению превосходящего его по численности отряда царских войск, находившийся неподалеку повстанческий отряд Зейфрида не пришел к нему на помощь; «Я не могу рисковать своим отрядом, — заявил Зейфрид, — я должен его сохранить, чтобы поддерживать восстание до момента интервенции западно-европейских держав [2].

---

[1] Wydawnictwo materjalow . . . . . t II, str. 170.

[2] W czterdziesta rocznice powstania 1863—1903. (Сборник воспоминаний), str. 519.

§ 16. Подавление восстания

Известие о начавшемся в Польше восстании глубоко встревожило царское правительство, не вполне освободившееся еще от страхов перед крестьянскими волнениями в России. В Польшу, Литву и Белоруссию были отправлены новые контингенты войск. Одновременно с тем, правительство, в связи с общим внутренним положением в России, и отчасти по внешнеполитическим соображениям издало 13 апреля 1863 г. манифест об амнистии всем повстанцам, которые в течение месяца сложат оружие. Кроме того манифест обещал сохранить в Польше все реформы проведенные в 1861—62 гг.

С лета 1863 г. царское правительство более откровенно встало на путь беспощадного подавления восстания и массовых репрессий. В королевство Польское направлен был в качестве командующего войсками граф Ф. Берг. После отставки Велепольского в июне 1863 г. и отозвания наместника, вел. кн. Константина в сентябре — Берг стал наместником и фактическим диктатором в Польше. Виленским генерал-губернатором в мае 1863 г. назначен был с диктаторскими полномочиями М. Н. Муравьев.

Карательные меры Берга в королевстве Польском и в особенности Муравьева в Литве и Белоруссии проводились с крайней жестокостью. Репрессии за участие в восстании и сочувствие ему усилились; лица, уличенные (а на деле зачастую заподозренные) в оказании помощи повстанцам, приговаривались к суровым наказаниям, а их имущество конфисковывалось или предавалось огню.

В целях устрашения населения Муравьев практиковал публичные казни. На шляхту наложена была контрибуция. В деревнях крестьянское население отвечало круговой порукой за «сохранение порядка» в их селениях. «Крестьяне — шляхтичи» жители деревень Щуки, Сергайчики были арестованы и сосланы, а имущество их продано. Муравьев организовал для поимки повстанцев деревенскую стражу и приказал выдавать денежное вознаграждение за каждого арестованного.

Положение в Литве считалось более опасным в двух отношениях: во-первых, в виду крестьянского восстания и во-вторых, из-за опасения перерыва коммуникаций между Петербургом и Польшей (по Петербургско-Варш. жел. дор.). Стремясь привлечь на сторону властей некоторые прослойки крестьянтва, или по крайней мере нейтрализовать его, Муравьев в демагогических целях воспользовался вековым антагонизмом между помещиками и крестьянами. Муравьевым был проведен ряд указов, как например, о понижении выкупных платежей, о расширении прав крестьян на пользование пастбищными и лесными сервитутами на помещичьих землях.

Такую же тактику правительство решило принять и в отношении Польши. Осенью 1863 г. в Польшу были назначены

Н. А. Милютин, кн. Черкасский и др. для изучения крестьянского вопроса в Польше и выработки проекта реформы. Наблюдения и выводы этих лиц легли в основу проекта крестьянской реформы в Польше, утвержденного в феврале 1864 г.

§ 17. Польское восстание и русские революционные демократы

Польское восстание было крупным явлением в общественно-политической жизни России и стояло в центре внимания русского общества. Отношение к восстанию и оценка его разделили общество на два лагеря: лагерь революционной демократии и лагерь официальной России, в котором объединились все, начиная от крайних реакционеров до либералов включительно.

Национально-освободительная борьба польского народа нашла у русских революционных демократов безусловное сочувствие и поддержку. В 1863 г. они выразили неизменность своей точки зрения на польский вопрос, не один раз формулированной в предшествующие годы в статьях Герцена и Чернышевского, на страницах «Современника», в листках «Великорусса», в обществе «Земля и Воля».

Огромную роль в пропаганде идей революционного разрешения польского вопроса сыграл А. И. Герцен. Для Герцена освобождение Польши связано было прежде всего с общерусской революцией. Он полагал также, что наилучшим решением вопроса был бы добровольный союз освобожденной Польши с освобожденной Россией. «Польша как Италия, так Венгрия, — писал Герцен, — имеет *неотъемлемое полное* право на государственное существование, — независимое от России. Желаем-ли мы, чтобы свободная Польша оторглась от свободной России это другой вопрос. Нет, мы *этого не желаем* и можно ли этого желать в то время, как исключительные национальности, как международные вражды составляют одну из главных плотин, удерживающих общечеловеческое свободное развитие» [1].

Позиция Герцена в польском вопросе подвергалась нападкам не только со стороны сторонников официальной России, но и со стороны наиболее непримиримых, националистически настроенных польских деятелей. В ряде статей Герцен доказывал своим польским корреспондентам, что признание за Польшей права «на государственное существование, независимое от России» вовсе не противоречит его желанию видеть «братское соединение русских с поляками». И обращаясь к польским демократам Герцен восклицает: «Пойдемте ж вместе. И пусть нас сопровождает брань диких и узких националистов обеих стран...» [2].

Первые уличные демонстрации в Варшаве вызывают немед-

---

[1] «Колокол», Избранные статьи А. И. Герцена. Женева, 1887, стр. 95.
[2] Там же, стр. 282.

ленные отклики Герцена в «Колоколе». Близость революционного взрыва в Польше побуждает Герцена поднять вопрос о социальном характере грядущего восстания. «Первый акт восстановления Польши должен быть актом очищения перед земледельцем. Надобно было доказать обделенному народу, что он не забыт, что на этот раз идет дело общее, земское, дело всей Польши, а не одной шляхты» [1]. К вопросу о характере польского движения Герцен возвращался неоднократно. Неясность установок Центрального польского комитета относительно двух главнейших пунктов, а именно — разрешения крестьянского вопроса и взаимоотношения Польши с Литвой, Белоруссией и Правобережной Украиной заставляла Герцена в течение весьма длительного времени воздержаться от прямого соглашения с Центральным Комитетом. Только в октябре 1862 г., после получения письма Центрального Комитета с объяснением его точки зрения по обоим пунктам и под влиянием известий о нарастающем подъеме в Польше Герцен ответил согласием на сотрудничество польских и русских революционных сил в будущем восстании. Герцен обращается с призывом к революционно настроенным офицерам активно помочь польскому восстанию. «Земля крестьянам, самобытность областям (Литве, Белоруссии, Украине — У. Ш.). — на этом основании и только на нем, может утвердиться деятельный союз ваш с польскими братьями». Но союз с польскими революционерами отнюдь не означает растворение русской революционной организации в польской. «Не распуститься в польском деле должны вы, а сохранить себя в нем для русского дела... Помните это и старайтесь соединить общим планом польское движение с движением русским. Только от этой солидарности и можно ждать действительного успеха...» [2].

Революционно-демократическая публицистика в самой России не в состоянии была, по цензурным условиям, излагать в открытой форме свое мнение по поводу Польши. Однако, и в тех немногих случаях, когда Чернышевский, в присущей ему мастерски завуалированной форме, затрагивал на страницах «Современника» польский вопрос, позиция журнала не оставляла на этот счет никаких сомнений. В полемической статье «Народная бестолковость» [3], направленной против газеты И. С. Аксакова — «День» по поводу отношения славянофильского лагеря к Польше и другим славянским народам, Чернышевский выступает защитником политического освобождения польского народа. Эта точка зрения вполне ясно была выражена тайным революционным кружком «Великорусс» в форме признания прав национальностей, и, в первую очередь, — требования освобождения Польши.

Почти в одно время с переговорами в Лондоне Национальный

---

[1] «Колокол», Избранные статьи А. И. Герцена. Женева, 1887, стр. 277.
[2] «Колокол», лист 147. Избранные статьи А. И. Герцена, стр. 353, 354.
[3] Н. Г. Чернышевский. Полн. Собр. Соч., т. VIII, СПб., 1906, стр. 320—338.

Комитет вступил в переговоры с обществом «Земля и Воля» в Петербурге. Комитет «Земли и Воли» ответил Падлевскому (делегированному Комитетом), что Общество не обладает достаточной силой, чтобы обещать активную помощь, но что оно безусловно сочувствует польскому движению. Тут же Комитет «Земли и Воли» попытался убедить Падлевского в необходимости отсрочки восстания, на что последний возразил, что проведение рекрутского набора неминуемо должно вызвать взрыв [1].

Когда восстание разразилось Герцен посвятил ему ряд статей, проникнутых горячим сочувствием освободительной борьбы польского народа и стремлением защищать его от нападок и клеветы, идущих из шовинистического лагеря официальной России. «Мы с Полыпей, потому, что мы за Россию... Мы хотим независимости Польши, потому, что мы хотим свободы России. Мы с поляками потому, что одна цепь сковывает нас обоих» [2].

Общество «Земля и Воля» возвысило голос, чтобы заявить о своем сочувствии восстанию. 3 марта 1863 г. Комитет «Земли и Воли» распространил прокламацию, призывающую офицеров и солдат карательных отрядов, оперирующих в Польше, прекратить братоубийственную войну и оказать поддержку повстанцам. Потебня, руководитель варшавской революционной организации офицеров, Иванцев, Подхалюзин, Безкишкин все это были русские офицеры, сражавшиеся в рядах польских повстанцев. Участие русских революционеров-демократов могло быть еще более значительным, если бы Центральный Комитет нашел верный тон во взаимоотношениях с ними. Предложения Бакунина принять личное участие в повстанческой борьбе и его проект создания русского легиона на стороне повстанцев встречали уклончивое отношение со стороны Комитета [3].

Не проявляя склонности к сотрудничеству с русскими революционными кругами непосредственно в восстании Центральный польский комитет пытался самочинно организовать восстание в Поволжье. Намерение Центрального комитета сводилось к тому, чтобы произвести крупную диверсию, долженствующую отвлечь внимание и силы русского правительства от Польши. Центральный Комитет поручил вести подготовительную работу инженеру Кеневичу. Комитет «Земли и Воли», который Кеневич ознакомил с польским проектом, отклонил последний. Тогда Кеневич решил действовать независимо от «Земли и Воли»; он посвятил в свой план офицера М. А. Черняка. Последний в свою очередь через штабс-капитана Иваницкого связался с казанским кружком «Земли и Воли». Черняк и Иваницкий отрекомендовались казанскому кружку как агенты революционного комитета «Земли и Воли», отколовшегося, якобы, от общества «Земля и Воля».

---

[1] Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, ч. 1, стр. 287 и след.
[2] «Колокол», Избр. статьи А. И. Герцена, стр. 385.
[3] Письма М. А. Бакунина к А. М. Герцену и Н. П. Огареву, Женева. 1896, стр. 107.

После совместного обсуждения был принят план: начать восстание в Казани, рассчитывая на участие и поддержку революционно настроенных студентов и офицеров, из числа которых Мрочек и Станкевич были уже вовлечены в организацию. Казанские революционеры, весьма скептически расценивая перспективы восстания, тем не менее не пожелали уклониться от участия в нем.

Вследствие предательства одного из вовлеченных в организацию — И. Глассона, правительство узнало о готовящемся восстании и усилило казанский гарнизон. В этих условиях начинать восстание в городе было невозможно. Казанским кружком был принят другой план: поднять, в окружающих Казань деревнях, крестьян и итти с ними на Ижевск.

Между тем, Кеневич, не предупредив казанцев, обратился к первоначальному своему варианту — поднять восстание посредством возбуждения крестьян подложными манифестами. С этой целью четыре студента-поляка Московского университета начали распространение этих манифестов в Тамбовской, Пензенской и Саратовской губерниях, но были очень скоро арестованы.

Совершенно очевидно, что для Кеневича важны были не результаты готовящегося им восстания, а сам факт его, с точки зрения интересов польских повстанцев. Поэтому он не приостановил казанских приготовлений и даже обещал им помогать людьми, деньгами и оружием. Им, действительно, были доставлены 400 рублей денег и 14 револьверов. Однако, осведомленные уже ранее власти, следили за ходом подготовки и в последний момент арестовали руководителей казанского заговора. Позднее был задержан сам Кеневич. Главные участники заговора Кеневич, Черняк, Иваницкий, Мрочек и Станкевич были казнены.

Так закончилось это предприятие, нереальный характер которого, сродни был таким планам польских повстанцев, как экспедиция в Одессу, в Прибалтику, на Кавказ и проч.

На позиции сочувствия и поддержки восстания революционные демократы в России и Герцен в эмиграции оставались до конца. В декабре 1863 г. Герцен писал: «Польскому делу мы принесли что могли, далее нам приходится повторять одно и то же. Мы горды тем, что за него лишились нашей популярности, части нашей силы, мы горды той бранью, той клеветой, той грязью, которой бросали в нас за Польшу — ярыги патриотизма и содержанцы III Отделения. Ни нападения подлых врагов, ни сожаления слабодушных и слабоумных друзей не своротили нас с дороги... Мы остались вопреки всему верными польскому делу и верными русскому народу»[1]. Ленин высоко ценил Герцена за его позицию в польском восстании. «Когда вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все

[1] «Колокол», Избранные статьи А. И. Герцена, стр. 452, 453.

«образованное общество» отвернулось от «Колокола», Герцен не смутился. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вещателей Александра II. Герцен спас честь русской демократии» [1].

§ 18. Отношение к восстанию дворянско-либерального лагеря

Против Герцена, против русской демократии ополчилось все «образованное общество»; крайние реакционеры, славянофилы и либералы приветствовали «усмирение» Польши.

Выразителем мнений официальной России, центром вокруг которого сгруппировались все силы реакции того времени стали «Московские Ведомости» и их редактор М. Н. Катков. С первых дней восстания Катков занял по отношению к нему совершенно ясную и недвусмысленную позицию непримиримого противника, воздействуя в этом смысле на господствующие слои русского общества. Катков расценивал восстание не как национальное движение, а лишь мятеж небольшой кучки, оторванной от народа.

Но если с точки зрения Каткова восстание было не более как вспышкой, делом рук изолированной кучки революционеров, если широкие общественные группы населения Польши к нему равнодушны, и даже враждебны — то каково может быть отношение польского народа к целям восстания, к лозунгу создания независимой Польши. На этот вопрос Катков дает ответ, поразительный по своей наглости и скудоумию. Польский народ по мнению Каткова — не хочет независимости и «предпочитает повиноваться всякому другому народу...» [2].

Катков решительно высказывался против представления Царству Польскому автономии, отдельных от России гражданских учреждений и либеральных реформ [3]. Позиция Каткова — это позиция российской контрреволюции, душившей польское революционное движение.

Поворот славянофилов к официальной точке зрения в польском вопросе произошел уже во время восстания. До 1863 г. они придерживались иных взглядов и признавали за поляками право на самостоятельное государственное существование.

И. С. Аксаков, один из виднейших представителей славянофильства 60-х гг. в частном письме к графине Блудовой высказывался именно в этом смысле [4].

Другим пунктом несовпадения, на первых порах, взглядов славянофилов и Каткова было понимание характера польского

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 18, изд. 4, стр. 13.
[2] М. Н. Катков. 1863 год. Вып. 1, М., 1887, стр. 401.
[3] Там же, стр. 159.
[4] Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XVIII, СПб., 1904, стр 121.

восстания. «Настоящее движение, — писал И. С. Аксаков, — заслуживает самого серьезного нашего внимания, как имеющее в себе все элементы национального восстания. Это не просто мятеж или бунт» [1].

На деле, однако, по мере развития восстания, все рассуждения славянофилов об оставлении Польши были сняты и славянофилы выступили сторонниками безусловного подавления восстания и сохранения Польши в границах империи, все более приближаясь к точке зрения Каткова. В редактируемой им газете «День» И. С. Аксаков 15 апреля 1863 г. уже писал, что «польское восстание, т. е. восстание в Царстве Польском, есть дело собственно... двух партий, объединявшихся на этот раз, т. е. революционной и иезуитской, хотя известно, что оно не отвечает желаниям большинства коренных жителей Царства» [2]. 20 июля «День» пишет: «необходимо немедленное, хотя бы и «энергическое» подавление мятежа [3].

Палаческий режим М. Н. Муравьева И. С. Аксаков одобряет и приветствует. «По блистательным результатам двухмесячного управления Литвой генералом Муравьевым можем мы сделать заключение и о самой системе его управления» [4].

Наконец, русские либералы, которые еще на рубеже 50-х, 60-х годов словесно выражали свое сочувствие Польше с началом восстания присоединились к лагерю противников Герцена и польского народа. В августе 1862 г. К. Д. Кавелин думает еще, что «Польшу можно было бы успокоить, приняв с ней другой путь» [5], а в январе Кавелин более ясно формулирует свое отношение к польскому восстанию «считая их (поляков) надежды и способ действий для достижения цели — безумными» [6]. В статье «Кое о чем», написанной им в 1884 г., К. Д. Кавелин с восторгом отзывается о Каткове. «Его голос, — пишет Кавелин, — отрезвил умы, настроил расшатанное общественное мнение и тем дал твердую опору государству в самую критическую минуту... Когда все шатались и ползли врознь, он стоял твердо как скала» [7]. В высшей степени вероятно, что К. Д. Кавелин подписал адрес М. Н. Муравьеву [8].

---

[1] И. С. Аксаков. Соч., т. III, М., 1866, стр. 25.

[2] «День» 15 апреля 1863, № 15, стр. 1.

[3] «День» 20 июля 1863, № 29, стр. 3.

[4] «День» 17 августа 1863, № 33, стр. 12.

[5] Д. А. Корсаков. Из жизни К. Д. Кавелина во Франции и Германии в 1862—1864 гг. по его переписке за это время. «Русская Мысль», 1899, т. VIII, стр. 5.

[6] Там же, т. XI, стр. 18.

[7] К. Д. Кавелин. Собр. соч., т. 2, стр. 1147, 1148.

[8] В. И. Семевский. Адрес М. Н. Муравьеву 6 ноября 1863 г. и взгляды К. Д. Кавелина на польский вопрос. «Голос Минувшего» 1914, № 7, стр. 87—106.

§ 19. Западно-европейская дипломатия и польское восстание

Восстание в Польше возбудило внимание европейских держав, намеревавшихся использовать польский вопрос в своих внешнеполитических планах.

Острый и тревожный интерес проявляла к польскому вопросу Пруссия. Пруссия опасалась распространения национально-освободительной борьбы на Познань и боялась образования независимой Польши. Последнего варианта Бисмарк ни в коем случае не желал допустить.

В беседе с вице-президентом прусской палаты Берендтом в середине февраля 1863 г. Бисмарк высказал возможность, в случае оставления Польши русской армией, занятия Польши прусскими войсками, с тем, чтобы превратить Польшу в государство, связанное унией с Пруссией [1]. Таковы были максимальные планы Бисмарка, а в реальной политической обстановке того времени, преследуя широкие планы сближения Петербурга с Берлином, прусский канцлер афишировал готовность Прусссии оказать Александру действительную помощь в подавлении восстания. Берлинское правительство всегда и всецело одобряло реакционную политику в польском вопросе.

Как только вспыхнуло восстание, берлинский двор отправил в Петербург генерал-адъютанта Альвенслебена с предложением военной конвенции между обоими государствами. Бисмарк выбрал удачный момент для миссии Альвенслебена. Александр весь во власти тревоги и растерянности с радостью принял предложение Вильгельма I. Уже 8 февраля 1863 г. министр иностранных дел Горчаков и Альвенслебен подписали конвенцию, согласно которой «командиры русских и прусских частей уполномочены будут оказывать друг другу взаимное содействие, а в случае необходимости — переходить границу в целях преследования мятежников, перебегающих из одной страны в другую [2]. Конвенция подписана была вопреки мнению Горчакова и военного командования, не видевших в ней необходимости.

Английские правящие круги, усматривающие во всем, что способствует ослаблению России, свои выгоды, выражали удовлетворение начинавшимся восстанием; восстание хорошо одним тем, что оно ослабляет Россию и, в частности, парализует ее политику на Балканах, иными словами, косвенно способствует захватнической внешней политике Англии. Английский посол в Берлине Лорд Коулей пишет Росселю 26 января 1863 г.: «Ситуация на Востоке обернется в выгодную (для Англии — У. Ш.) сторону, если восстание в Польше распространится». «Таймс» (27 января) со злорадством констатирует, что примирение Польши с Россией

---

[1] J. Feldman Bismark a Polska Krakow 1947, str. 223—224

[2] Документ напечатан у Б. Э. Нольде, Внешняя политика. III. 1915, стр. 183 (перевод автора).

невозможно и выражает пожелание, чтобы всегда существовал этот спор, который связывает России руки [1].

Но английское правительство ни в малейшей степени не интересовала судьба и борьба польского народа; оно и не думало о поддержке польского восстания, а тем более о восстановлении польской независимости.

Французское правительство до начала восстания было равнодушно к польскому вопросу, не желая рисковать своими дружественными отношениями с царской Россией. В силу этих соображений французское правительство в 1861—1862 гг. во время, когда в Польше происходили революционные волнения избегало каких-либо представлений правительству Александра по поводу Польши, и выражало свое сочувствие реформам 1861—62 г. в Польше статьями в либеральной прессе [2].

Австрия занимала по отношению к польскому восстанию двойственную позицию. С одной стороны венское правительство видело в нем источник ослабления России — что было для нее безусловно выгодно — но, с другой стороны, Австрия боялась распространения национально-освободительных идей не только в Галиции, но и в Венгрии, и в Венеции.

Таково было положение вещей до 8 февраля 1863 года; заключение русско-прусской конвенции нарушило его. Бисмарк поспешил разгласить факт заключения конвенции, чем сразу побудил к активности Францию и Англию. Но эта активность направлена была отнюдь не на поддержку Польши. Франция желала в первую очередь оказать давление на Берлин и разорвать русско-прусское соглашение, Англия — подорвать антипрусский характер намечаемого Наполеоном демарша. Но и Франция и Англия, исходя из различных соображений, возобновляя свое соперничество на европейском континете, обратились в демагогических целях к одному и тому же средству — к польскому вопросу.

21 февраля 1863 г. Франция предложила Англии и Австрии выступить в Берлине с коллективным представлением против конвенции, которая придавала польскому вопросу характер международного. Предварительно — 18 февраля 1863 г. — французскому послу в Петербурге герцогу Монтебелло поручено было сообщить, что французское общественное мнение сочувствует полякам, с чем должно считаться и французское правительство. «Громко осуждая анархические и революционные действия поляков, — говорится в депеше к Монтебелло, — французское правительство выражает все же надежду, что не произойдет ничего такого, что могло бы затруднить сохранение добрых отношений с Петербургом и оказаться неприятным как для Франции, так и России» [3]. Наполеон III хотел всячески подчеркнуть, что де-

[1] H. Wareszycki . . str. 44, 45.
[2] J. Klaczko Studia dyplomatyczne Krakow, 1908. ч. 1, str. 29.
J. Klaczko Указ. соч., т. 1.

марш в Берлине даже косвенно не направлен против России.

Совершенно иначе, как сказано было выше, воспользовалась фактом заключения конвенции Англия. Она хотела в первую очередь оказать давление на Россию и английский кабинет направил русскому правительству (2 марта 1863 г.) ноту, в которой ссылаясь на венские трактаты 1815 г. предлагал восстановить польскую конституцию 1815 г. Франция примкнула к английскому демаршу, но видя, что Англия «обставляет» ее в предложениях по польскому вопросу, одновременно выступила с проектом создания независимой Польши, с присоединением к ней Галиции. Австрия в этом случае получила бы территориальную компенсацию на Адриатическом побережьи. Венский двор не принял этих предложений во-первых, из страха перед возможным конфликтом с Россией и Пруссией, и во-вторых, под влиянием Англии, возражавшей против восстановления Польши. «Не дело английского правительства, — говорил лорд Россель на заседании парламента спустя три месяца, — создание польского королевства, равно как и возрождение сильного государства на давних основах»[1]. Не придя к соглашению Англия, Франция и Австрия выступили в Петербурге с нотами 5(17) апреля 1863 г.

Ответные ноты Горчакова составлены были в общем осторожно. Сославшись в своем ответе британскому правительству на опубликованный перед этим манифест к повстанцам, Горчаков вновь подтверждал, что Польше будет дарована административная реформа. В таком же смысле, но более сухо изложены были ответы парижскому и венскому правительствам.

17 июня 1863 г. лондонское, парижское и венское правительства обратились с коллективным представлением Петербургу. На этот раз державы выступили с предложением созыва конференции восьми европейских держав, подписавших заключительный акт Венского конгресса. Суть горчаковских ответов заключалась не столько в дискуссии по поводу тех или иных предложений, сколько в выраженном в них отрицании права европейских держав на вмешательство в польские дела; польский вопрос вновь обращался во внутренний вопрос, касающийся только России. Поэтому русское правительство отвергло мысль о созыве европейской конференции и давало согласие лишь на обсуждение польского вопроса с Австрией и Пруссией (как странами — участниками разделов Польши).

Венский двор отклонил в ноте от 19 июля 1863 г. предложение Горчакова о соглашении Австрии, Пруссии и России по польским делам. Это заявление произвело благоприятное впечатление на Францию и на поляков. Отсюда, собственно говоря, берут свое начало разговоры, усиленно поддерживаемые партией «белых» о перспективах австро-польского сближения. «Истинные интересы либеральной Австрии, — говорится в письме повстанческого пра-

[1] J. Klaczko указ. соч., т. 1, стр. 91

вительства князю Чарторыйскому от 15 августа 1863 г., — так тесно и столькими нитями связаны с интересами Польши, что оба эти народа не могут навсегда оставаться врагами. Нам особенно приятно констатировать, что депеша графа Рехберга (австрийского министра иностранных дел — У. Ш.) от 19 июля встречена нами с всеобщим удовлетворением. Мы хотели бы видеть в этом исходный пункт новой политики, в которой Австрия найдет свою безопасность, а Польша свою независимость» [1]. В действительности, однако, венское правительство, не порывая с западно-европейскими державами, стремилось в то же время избежать разрыва с Россией, поскольку Австрия, как соседка России, в первую очередь должна была вступить с ней в столкновение.

Апрельский и июньский демарши Англии, Франции и Австрии, которым сами державы, в сущности, придавали меньшее значение, чем это казалось со стороны, представляют интерес в двух отношениях.

Во-первых, определились внутренние цели и позиции западноевропейских держав. Англия, прикрываясь «сочувствием к Польше», добивалась того, чтобы поссорить Францию с Россией, подчинить Францию и изолировать Россию. Франция потерпела фиаско в своих планах давления на Пруссию, и, желая парализовать роль Англии в «польском вопросе», Наполеон демагогически выдвигает план создания независимой Польши, в которой он видит своего эвентуального союзника. Как это прекрасно выразил Герцен: «Наполеон чувствовал то пламенное участие к судьбам Польши, которое ей стоило целого поколения...» [2].

В полной мере проявляется бессовестная спекуляция Англии и Франции польским вопросом, его жертвами.

Во-вторых, выступления западно-европейских даржав и последующие планы Франции были восприняты повстанческим руководством, его представительством в Париже и вообще широкими кругами повстанцев как признак серьезности англо-французских намерений, как симптом недалекого в будущем вмешательства Англии и Франции в «польские дела».

«Белые», в частности возлагают самые преувеличенные надежды на результаты английского «вмешательства» убеждая, с одной стороны, английский кабинет, с другой — повстанцев, что достаточно будет одного твердого дипломатического демарша со стороны Англии, чтобы Россия пошла на решительные уступки, т. е. — на согласие с границами 1772 г. Французское правительство, уклонясь от выступления, также поддерживало в поляках эту веру во «всемогущество» Англии, заявляя, что «успех дела зависит от позиции Англии» [3].

---

[1] Wydawnictwo materjalow . . . . . t V, str. 234.

[2] А. Н. Герцен. Былое и думы. Л., 1947, стр. 759.

[3] Wereszycki . . . str. 129—131.

Но Англия — (и не в меньшей степени Франция) — вовсе не собирались требовать (а тем более решительно требовать) образования независимой Польши. Для них имело значение то, чтобы восстание в максимально возможной степени ослабило Россию, следовательно, чтобы оно «держалось»; такой сигнал давался «белым» из Лондона и Парижа. Слепо следуя этим указаниям «белые», тем самым, становились орудием Англии и Франции, которые разрешали свои внешне-политические дела под прикрытием «заинтересованности» судьбами Польши.

Третье обращение лондонского, парижского и венского правительства в половине августа не содержало никаких предложений. В общей форме, хотя и в энергичных выражениях русское правительство предупреждалось об ответственности «за важные последствия, которые продолжение смут может повлечь за собой».

Что касается английского кабинета, то он следовал циничной формуле Пальмерстона: «интересоваться судьбами Польши наше право, но не обязанность». В сентябре месяце лорд Россель выдвинул мысль о денонсировании венских трактатов 1815 года (в части, касающейся Польши), чтобы тем самым лишить Россию прав на Польшу. Франция согласилась с этим предложением, но настаивала на привлечении Австрии с гарантией последней военной помощи в случае военного выступления России. Англия отказала в этом и Австрия естественно вышла из предполагаемой комбинации.

На этом, в сущности, прекратились коллективные выступления европейских держав по польскому вопросу. Австрийское правительство в октябре месяце обратилось к Горчакову с нотой успокоительного характера. Оно заверяло, что не хотело и не хочет принимать участия в политике, которая «могла бы быть использована как недружелюбная по отношению к России». Венский кабинет уверял, что он никогда не помышлял аннулировать трактаты 1815 года и признавать польских повстанцев русских подданных «воюющей стороной» и т. д.[1]. Наполеон III понимал, что война с Россией невозможна. Оставалось еще одно средство поставить польский вопрос на международное обсуждение — созыв европейского конгресса. Эту мысль Наполеон развил в речи на открытии законодательного корпуса 5 ноября 1863 г. Но это предложение не могло рассчитывать на успех. Горчаков ответил условным согласием России, но английский кабинет возражал против конгресса, опасаясь постановки на нем Россией восточного вопроса. Таким образом отпал и последний вариант европейского вмешательства в польский вопрос, который был окончательно признан внутренним вопросом России.

Результаты этой дипломатической шумихи по поводу польских дел самым роковым образом отразились на внутренних и

[1] J. Klaczko указ. соч. т. 1, str. 144

внешних судьбах восстания. Дипломатическая интервенция — или, лучше сказать, бесконечные разговоры и слухи о ней, гипнотизировали повстанческий лагерь, облегчали «белым» приход к руководству и во многих отношениях деморализовали движение. Перефразируя известное уже письмо «Жонда» кн. В. Черторыйскому (см. выше), можно сказать, что восстание действительно и безраздельно хотело соединиться «с консервативным порядком», но не с революцией.

§ 20. Классики марксизма-ленинизма о польском восстании 1863—64 гг.

Маркс и Энгельс с горячим сочувствием отнеслись к польскому восстанию. Для Маркса и Энгельса польский вопрос теснейшим образом связывался с задачами международного революционного движения. «Как известно, — писал Ленин, — Маркс стоял за независимость Польши с точки зрения интересов европейской демократии в ее борьбе против сил и влияния — можно сказать: против всесилия и преобладающего реакционного влияния — царизма» [1]. С другой стороны, разрешение польского вопроса революционным путем означало — как неоднократно отмечали это Маркс и Энгельс еще в 1848 г., — развязывание демократического движения в Германии. Такая же ситуация, по мнению Энгельса, существовала в 1863 г. «Независимость Польши и революция в России взаимно обуславливают друг друга. А независимость Польши и революции в России ...означают для немецких рабочих, что буржуазия и правительства Германии, короче говоря, — германская реакция, будут предоставлены своим собственным силам, — а с этими силами мы уж со временем справимся сами» [2].

Польское восстание назревало и происходило в эпоху буржуазно-демократических революций, а «образование самостоятельных национальных государств есть тенденция всех буржуазно-демократических переворотов» [3]. Нужно заметить, что Энгельс, разбирая за несколько лет перед этим вопрос о возможности подобного восстания, сомневался в его успехе. Его смущал шляхетский характер польского государства и живучесть шляхетских традиций в польском обществе. В экономическом отношении он находил Польшу более отсталой по сравнению с Россией, неоднородной по национальному составу и считал аграрную революцию в России более вероятной, чем в Польше. Ленин, комментируя это письмо Энгельса, соглашается с ним. «Энгельс не верит в успех восстаний польских шляхтичей. Но все эти мысли, в которых так много гениально-прозорливого, нисколько не по-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 22, изд. 4, стр. 325.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 223.
[3] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 20, стр. 420.

мешали Энгельсу и Марксу... отнестись с самым глубоким и горячим сочувствием к польскому движению»[1]. Маркс и Энгельс отнеслись положительно к мысли организации немецкого легиона для участия в восстании. Марксом написано было в Лондоне воззвание о помощи борющемуся польскому народу. Несмотря на ограниченность, проявленную в некоторых случаях польской демократией, Маркс и Энгельс расценивали восстание как прогрессивное.

Передовые слои европейского пролетариата с симпатией следили за национально-освободительной борьбой польского народа. Нельзя забывать, что именно сочувствие к этому восстанию было поводом к встрече английских и французских рабочих, положившей начало образованию I Интернационала.

В. И. Ленин в ряде статей выражает безусловное сочувствие польскому народу в его борьбе за национальное освобождение и высоко оценивает самое восстание. «Пока народные массы России, — пишет Ленин, — и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах не было самостоятельных, массовых, демократических движений, шляхетское освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской»[2].

Но если такая постановка вопроса была вполне правильной для эпохи буржуазно-демократических революций, то в последующую эпоху «перехода от прогрессивной буржуазии к реакционному и реакционнейшему финансовому капиталу»[3], она совершенно изменилась. «Шляхетская Польша,— пишет Ленин,— исчезла и уступила свое место капиталистической Польше»[4]. На историческую арену выступает пролетариат. Развитие капитализма в России и Польше поставило в порядок дня самостоятельное пролетарское движение в этих странах. Объединение революционных пролетарских сил в Польше и России против их общих врагов — русского царизма и русской, а также и польской буржуазии стало единственным условием подлинного освобождения Польши. Одной из существенных причин поражения польского восстания была та, что шляхетские демократы (о «белых» не могло быть и речи) пренебрегли основным условием успеха восстания — сочетанием польского и русского революционного движения. Только в тесном единении этих двух элементов зиждился залог успеха освобождения Польши.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 20, стр. 406.
[2] В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 20, стр. 403.
[3] В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 21, стр. 126.
[4] В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 20, стр. 404.

II. ПОЛЬСКОЕ ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЛИТВЕ, БЕЛОРУССИИ И НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ

§ 1. Польская шляхта в «Западном крае»

Как уже говорилось выше, общим, для всех группировок в польском повстанческом лагере, постулатом было присоединение к Польше «Литвы» (т. е. собственно Литвы и Белоруссии, составлявших некогда великое княжество Литовское) и «Руси» (Правобережной Украины), а следовательно, и организации восстания на этих территориях. Поскольку становым хребтом польского меньшинства в Белоруссии и на Правобережной Украине была польская шляхта, то и «белые», и «красные», расходившиеся в других вопросах, в данном случае единодушно ориентировались на нее.

Что представляла собой эта шляхта? Численность дворянства в Белоруссии (Гродненская, Витебская, Минская и Могилевская губернии) и на Правобережной Украине (Киевская, Волынская и Подольская губернии) в конце 50-х годов XIX столетия определялись в 323,5 тыс. человек (с семьями) [1], не считая огромного числа обедневших шляхтичей, исключенных правительством из дворянского сословия в 30—40-х годах XIX столетия. Только по Правобережной Украине таких шляхтичей насчитывалось 64 тыс. человек (глав семей) [2].

Цифра численности дворянского сословия складывается из суммы двух групп: потомственного дворянства и категории личных дворян и чиновников (87.358 чел.). Если мы допустим, что поляки составляли только 25% этой последней категории (цифра скорее заниженная), то и в этом случае остается, по меньшей мере, 250—260 тыс. человек польской — или некогда полонизированной шляхты [3]. В социально-имущественном отношении она не представляла однородного целого. Ведущую группу — не по численности, а по удельному весу в экономической и общественной жизни составляли польские помещики. Затем следует значительная, в количественном отношении, прослойка: арендаторов имений, экономов, управляющих и др. служащих в панских поместиях, лиц свободных профессий, чиновников на коронной службе и т. п. И, наконец, на низших ступенях этой дворянской

---

[1] Статические таблицы Российской империи. Вып. II. Наличное население империи на 1858 г. СПб., 1863, стр. 276—277. (Подсчеты автора).

[2] В. Шульгин, Юго-Западный край в последнее двадцатипятилетие (1838—1863). Киев. 1864, стр. 6.

[3] По данным Шульгина, в 3-х губерниях Юго-Западного края было около 2 тыс. поляков на государственной службе (цит. соч., стр. 173). Если принять во внимание суровый режим ген.-губ. Бибикова в Юго-Западном крае (до 1853 г.) и более благоприятные условия в этом смысле в Белоруссии, можно предположить, что в 4-х белорусских губерниях число чиновников-поляков было не меньше 3 тыс. человек.

лестницы обреталась масса безземельной, обнищавшей шляхты, находившейся в полной материальной зависимости и под безраздельным влиянием крупных польских помещиков, образуя многочисленный слой клиентелы в панских дворах.

В Белоруссии и на Правобережной Украине считалось в конце 50-х годов 12.757 помещиков [1] — или, приблизительно 20% к общему числу лиц дворянского сословия. Типической чертой дворянского землевладения в Белоруссии и на Правобережной Украине был высокий удельный вес в нем крупнопоместного хозяйства. В Белоруссии 357 помещиков, имевших каждый свыше 500 крепостных муж. пола, владели в общем 435 тыс. душ крепостных, а 6951 помещиков, имевших каждый до 500 крепостных, владели 522,6 тыс. крепостных. На Правобережной Украине эта диференциация еще разительнее; 673 помещика первой группы имели — 927,5 тыс. крепостных, 4776 помещиков второй группы — 556,6 тыс. крепостных [2]. Наряду с ключевыми позициями в экономической сфере, польская шляхта занимала видное положение в общественной и культурной жизни. В дворянских органах, прежде всего, а затем и в администрации, суде, школе польские шляхтичи играли влиятельную роль, в силу своей сословной принадлежности, богатству, а следовательно, и культурному уровню. Польское дворянское юношество составляло подавляющее большинство среди учащихся среднеучебных заведений. В «Северо-Западном крае» (т. е. в Белоруссии и Литве), например, по данным 1850 года из 9666 учеников гимназий и уездных дворянских училищ — 8.030 принадлежали к польскому дворянству [3]. Едва ли многим отличалась в этом смысле картина на Правобережной Украине (т. н. «Юго-Западный край»), поскольку и там «строго приводили в исполнение закон, не допускавший податных сословий в гимназии» [4].

Процент дворянства ко всему населению в «Западном крае» был самым высоким в Российской империи; губернии «Западного края» занимали в списке губерний и областей империи места в первом десятке (только Подольская губ. на 14 месте) [5]. По относительной численности крепостного крестьянского населения ко всему населению, губернии Белоруссии и Правобережной Украины были в числе первых пятнадцати в этом же списке [6]. Таким образом, эти губернии были в одно и то же время самыми «дворянскими» и — если можно так выразиться — самыми «крепостными».

---

[1] А. Тройницкий. Крепостное население России по 10-й народной переписи, СПб., 1861, стр. 45. (Подсчеты автора).

[2] А. Тройницкий. Указ. соч., стр. 45. (Подсчеты автора).

[3] С. Райковский. Польская молодежь Западного края в мятеже 1861—63 гг. «Русский Вестник», 1869, II, т. 79, стр. 121.

[4] В. Шульгин. Указ. соч., стр. 48.

[5] Статистические таблицы Рос. империи. Вып. II, Наличное население империи на 1858 г., стр. 295—296.

[6] А. Тройницкий, Указ. соч., стр. 85.

Идея восстановления Польши, именно в границах 1772 г., т. е. с включением в ее состав Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины была в высшей степени живуча в кругах польского дворянства этих территорий. Присоединение к Польше оно не только рассматривало как осуществление «национально-исторических» традиций, но прежде всего стремилось к этому в своих узкоклассовых целях. Резко ограниченная, в социальном и национальном отношениях, от остального населения, преимущественно крестьянского, шляхта рассматривала такое присоединение как средство сохранения своего господствующего положения в сословно-политическом смысле.

Условия политической жизни польской шляхты в т. н. «Западном крае» (Литва, Белоруссия и Правобережная Украина) в предшествующие десятилетия наложили своеобразный отпечаток на ее психологию и политические настроения. Правительственная политика мелочных стеснений и ограничений польского элемента — не столько угрожавшая шляхте, сколько раздражавшая ее — настраивала последнюю на оппозиционный лад. В то же время антагонизм между нею и подвластным ей крестьянством побуждал ту же шляхту, в целях защиты и укрепления своих сословно-классовых позиций искать сближения с правительством. Постоянно опасаясь крестьянских возмущений, шляхта, вместе с тем, принципиально отказывалась согласиться на уступки крестьянству, прикрывая в таких случаях свой узко-классовый эгоизм защитой якобы «национальных» интересов; она считала себя цитаделью «полонизма» на литовских, белорусских и украинских землях и всякую уступку, грозившую, по ее мнению, поколебать устои шляхты, расценивала как измену этому «полонизму».

Польский помещик в «Западном крае» — это тип закоренелого консерватора и в то же время воинственного националиста. Польская поместная шляхта «Западного края» с таким же предубеждением относилась к идее восстания, как и ее собратья в Королевстве Польском, но коль скоро восстание становилось реальностью, эта шляхта была вдвойне заинтересована взять его в свои руки: чтобы лишить его черт социального движения и, напротив того, оттенить его польский, по своим политическим целям, характер. Вот как характеризует политические установки польского дворянства в Литве и Белоруссии Оскар Авейде в своих показаниях. «Литовские «белые» ничем не отличаются от наших (варшавских) за исключением разве того, что тамошнее дворянство более нашего патриотично (по терминологии Авейде — У. Ш.), готово к большим пожертвованиям за свободу Польши. Поэтому, хотя они первоначально были противниками восстания, но скоро (прежде наших дипломатов) постановили принять в нем участие и войти в сношение с Варшавой. Желали только иметь в своих руках провинциальную революционную власть» [1]. Эти

[1] С. Райковский. Указ. соч., «Русский Вестник», т. 79, 1869, ч. II, стр. 621.

настроения были присущи вообще польскому поместному дворянству в «Западном крае».

Толчком, ускорившим присоединение шляхты «Западного края» к повстанческой программе — с соответствующими оговорками и опасениями — была крестьянская реформа 1861 г. в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине. Несмотря на свойственный ей мизерный характер, реформа эта, проведенная в момент, когда в Королевстве Польском не помышляли даже и о таком разрешении крестьянского вопроса, обострила тяготение помещиков «Западного края» к отделению от России и созданию польского государства. В этом выражалось и опасение шляхты перед надвигавшимся из России «либерализмом», и недовольство крестьянской реформой 1861 года, и желание решать самим все — и в первую очередь крестьянские вопросы в будущей Польше, в которой, по ее глубокому убеждению, дворянству попрежнему будет принадлежать решающая роль.

В «Западном крае», также как и в Королевстве Польском, существовало размежевание на «белых» и «красных», но для «Западного края» характерно, во-первых, относительно большая слабость «красных» и, во-вторых, обостренная враждебность к ним со стороны «белых». Социальные слои населения, которые составляют социальную базу «красных», как например, городская интеллигенция, мелкая буржуазия, ремесленники, рабочие были невелики в количественном отношении и, кроме того, экономически и идеологически находились под влиянием поместной шляхты. Сама деятельность «красных», за исключением немногих, носила больше черты просветительного характера. На правобережной Украине, например, молодежь, преимущественно студенты Киевского университета, предпринимали попытки «сближения с народом», посещали крестьянские народные праздники, проповедывали идеи братства, справедливости. Но и такая деятельность встречала со стороны помещиков враждебный отпор. «Многие из местных панов при тогдашних толках о предстоящем освобождении крестьян, со злобой смотрели на студенческую пропаганду и преусердно делали властям доносы на сближение молодежи с крестьянами» [1]. Такие фигуры, как студент киевского университета Розенталь, эконом Скавронский, известные своим участием в т. н. «Киевской козаччине» 1855 г., или В. Врублевский — в Белоруссии, встречались не часто.

Этой поместной шляхте противостояли массы белорусского и украинского крестьянства, не выходившего из состояния глухого брожения, принявшего особо оживленный характер при слухах о готовящейся крестьянской реформе. Реформа 1861 г. вызвала открытые волнения крестьян.

---

[1] С. Райковский, Польская молодежь Западного края в мятеже 1861—1863 гг. Указ. соч., «Русский Вестник», 1869, 1, стр. 150.

§ 2. Движение в Белоруссии в Литве

В Белоруссии двухлетие 1861—1862 гг. и часть 1863 года характеризуется крестьянскими волнениями в различных формах: начиная от пассивного сопротивления, кончая открытыми выступлениями. Крестьяне массами отказываются принять Уставные Грамоты и выполнять барщинные работы. В Гродненской губернии, например, к маю 1862 г. только в 47 имениях были приняты Уставные грамоты [1]. В Брестском и Пружанском уездах для подавления крестьянских «беспорядков» были применены карательные отряды, подвергавшие крестьян массовым экзекуциям [2]. Летом и осенью 1861 г. движение распространяется на западную и южную часть Белоруссии (Полесье, Мозырский и Пинский уезды Минской губернии). Из Минска в южные уезды были отправлены военные отряды [3]. Помещики беспощадно расправлялись с крестьянами, обращаясь к властям с постоянными просьбами о присылке военных отрядов. Просьбы эти сделались столь частыми, что виленский ген.-губ. Назимов направил начальникам губерний «Северо-Западного края» циркуляр, в котором предлагал губернаторам отказывать в посылке воинских отрядов и требовать от помещиков улаживания конфликтов своими средствами [4]. Военные экзекуции, впрочем не прекратились и продолжались весь 1862 г. и даже первые месяцы 1863 г. [5]. Со своей стороны, помещики сами жестоко подавляли крестьянские волнения и в числе таких помещиков можно встретить много имен будущих «повстанцев» (напр. граф Тышкевич и др.) [6].

Между тем, приближался момент восстания. Белорусские (как и литовские) «белые» с крайним недовольством взирали на действующий в Вильно «Центральный Комитет», в состав которого входил, как известно, в числе других К. Калиновский. Приказы и распоряжения «Красного» комитета саботировались и когда восстание в Польше вспыхнуло, в Литве и в Белоруссии, в сущности, ничего не было готово [7]. Съезд представителей от организаций «белых» в Вильно поспешил избрать новый комитет из «белых», в состав которого вошли Я. Гейштор, Ф. Далевский и др. Поскольку власть перешла в руки «белых», избранный ими комитет постановил присоединиться к восстанию.

В самые первые дни февраля 1863 г. на территорию Белоруссии перешли из Польши несколько повстанческих групп (Цихорского, Левандовского, Рогинского, Сокола, Яблоновского). Вблизи

---

[1] У. Пичета, Сялянскія рухі на Белорусі пасьля аграрной реформы 1861 г., «Полымя», 1929, № 89, стр. 137.

[2] Pamietniki J. Gieystora z lat 1854 - 65 Wilno 1913, t I, str. 110—111.

[3] Сборник документов музея гр. М. Н. Муравьева, том I, Вильно, 1906, стр. 7—16.

[4] Там же, стр. 130—131.

[5] С. Райковский. Указ. соч., «Русский Вестник», 1869, т. X, стр. 531.

[6] Pamietniki J Gieystora z lat 1854— 1865, t 1, стр. 112.

[7] Там же, т. II, стр. 92.

местечка Семятичи (Гродненской губернии) собралось в общей сложности около 3 тыс. повстанцев. Первые стычки с войсками окончились успешно для повстанцев, но 7 февраля, усиленные новыми подкреплениями, войска под командованием генерала Манюкина нанесли поражение повстанцам. Семятичи были сожжены по приказу Манюкина. Повстанческие отряды возвратились в Польшу, и в Белоруссии остался только отряд Рогинского, а на границе между Белоруссией и Польшей действовал отряд Левандовского вместе с отрядом Борелевского («Лелевеля»).

Отряды Левандовского и Борелевского — в особенности второй — встречали сочувственное отношение и поддержку крестьян окрестных деревень. В еще большей степени успешной среди крестьян была деятельность В. Врублевского. В Беловежской Пуще были созданы два отряда из крестьян и мелкой шляхты, обрабатывавшей свои участки собственным трудом. Сюда же прибыл и Рогинский со своим отрядом. Из отрядов в Гродненской губ., пользовавшихся благожелательным отношением со стороны крестьян, можно назвать отряд Косинского (Брестский уезд). Однако во всех этих случаях крестьяне помогали отрядам продовольствием, проводниками, но — за исключением отряда Врублевского — сами в ряды повстанцев не вступали.

Тем временем царские власти, встревоженные начинавшимся повстанческим движением в «Западном крае», начали со своей стороны помимо военных действий принимать иные меры. 1 (13) марта 1863 г. крестьяне «западных» губерний были освобождены от обязательных отношений к помещикам. 31 мая последовал новый указ, в силу которого крестьяне из временно-обязанных переводились на выкуп, установленный в размере на 20% меньшем против назначенного по Уставным Грамотам.

Присоединяясь к восстанию Литовско-Белорусский «белый» комитет выработал план повстанческих действий в Литве и Белоруссии. Исходным и главным пунктом этого плана был захват крепости Двинск (Витебская губ.). В соответствии с планом, организация повстанческих отрядов в Двинском уезде должна была стать первоочередной задачей. Эту задачу в апреле 1863 г. поручили местному магнату гр. Л. Зиберг-Плятеру. Между тем, стало известно, что из Двинска выйдет крупный транспорт с оружием. Плятеру было приказано захватить его. У Плятера не было сил; с трудом ему удалось сколотить отряд из своих дворовых и служащих, а также окрестной шляхты, численностью в 40—50 человек. 26 апреля близ местечка Креславка Плятер отбил транспорт.

Начавшееся движение в Витебщине, возглавляемое крупным землевладельцем графом Плятером, сразу возбудило недоверие и враждебность в окрестном крестьянстве. Среди последнего вновь ожили рассказы и слухи периода 1861—1862 гг. о том, что паны скрывают указ о «воле» и подняли теперь восстание, чтобы восстановить крепостное право. Крестьяне стали нападать на панские усадьбы, арестовывать и отправлять в город помещиков,

в том числе и тех, которые никакого отношения к восстанию не имели. В течение нескольких дней было разгромлено 51 имение. Антипомещичье движение перекинулось на соседний Режицкий уезд. Весьма интересно, что первые известия о выступлениях крестьян чрезвычайно напугали петербургский двор, одержимый страхом перед крестьянским движением: в Двинский уезд отправлен был против крестьян карательный отряд и лишь после разъяснений о начавшемся польском восстании, отряд был остановлен [1].

После выступления отряда Плятера и его фатальных последствий, движение в Витебской губ. временно затихает. Лишь несколько позднее в районах Полоцка, Лепеля, Себежа появляются повстанческие группы. Наиболее крупным был отряд Кульчицкого в Себежском уезде.

Также безуспешными были попытки поднять повстанческое движение в Могилевской губернии, где во главе движения стоял Л. Зверждовский («Топор»). В Оршанском, Рогачевском уездах, близ Горы-Горок сформировано было несколько отрядов, состоящих преимущественно из шляхты и служащих имений. Отряд Зверждовского (близ Горы-Горок) численностью около 100 человек напал в ночь на 6 мая на Горы-Горки, рассчитывая на поддержку и участие студентов Горы-Горецкого Сельскохозяйственного института, среди которых было много поляков. После взятия Горок отряд Зверждовского двинулся в направлении Могилева. Однако враждебное отношение крестьянства на пути следования отряда заставило Зверждовского пробиваться на запад, в Минскую губернию. По дороге отряд непрерывно таял и Зверждовский распустил его. Одновременно погасло движение в названных выше уездах.

В Минской губ. повстанческим военным комиссаром был крупный помещик Б. Свенторжецкий. Организованный им отряд в Игуменском уезде считался самым крупным. Здесь, в Игуменском уезде, сосредоточились повстанческие отряды из Минского, Борисовского уездов. Отряды сформированы были из помещиков, их служащих и дворовых, чиновников, мелкой шляхты, учеников старших классов гимназии. Крестьяне не вступали в отряды и держались по отношению к последним крайне враждебно. Со своей стороны, повстанческое руководство не делало решительно никаких попыток привлечь крестьянство на сторону восстания. Из числа, примерно 20 повстанческих отрядов, лишь один — под командой Р. Траугутта, будущего диктатора, сумел возбудить расположение крестьянства. Крестьянское население в районе деятельности этого отряда (Кобринский уезд Гродненской губернии — Пинский уезд Минской губернии) относилось к последнему с сочувствием, помогало продовольствием; крестьяне вступали даже в отряд Траугутта, что было редкостью в Белорус-

[1] М. Н. Муравьев. Записки об управлении Сев.-зап. краем и об усмирении в нем мятежа., «Русская старина», 1882, стр. 391 и след.

сии.[1] В последней декаде апреля и в мае отряды повстанцев имели несколько стычек с войсками: большинство стычек закончилось для повстанцев неудачно. Наиболее крупным было сражение 9 мая под дер. Юричи, Игуменского уезда между отрядом Свенторжецкого (400 человек) и крупной военной частью.

С лета 1863 г. движение идет на спад. Правда, возникают новые повстанческие группы, но небольшие по численности, с малым районом деятельности, они держатся недолго и рассеиваются, уступая место другим. Наиболее выдающиеся начальники отрядов по тем или иным причинам уходят в Польшу (Траугутт — ввиду болезни; Врублевский — теснимый войсками). Главное, однако, — это развал повстанческого центра в Вильно. «Красные» предприняли попытку захватить руководство. «Белые» были вытеснены, а ко всему — Я. Гейштор был арестован. Фактически диктатором стал К. Калиновский. Эти события окончательно вывели из себя поместное дворянство, уже раньше начинавшее тяготиться восстанием и искавшее случая спасти свои права и имущество, ценою капитуляции перед Муравьевым-вешателем. Приход к руководству «красного» Калиновского решил дело. Встав перед выбором: с Калиновским или с Муравьевым, они без колебаний остановились на втором. Начались сборы подписей под верноподданническими адресами и судьба восстания была фактически предопределена.

Измена поместной шляхты, а значит и закрытие источника средств, людей, оружия для восстания, с одной стороны, при повсеместной враждебности и в лучшем случае, нейтральности крестьянства, с другой стороны, — подрезали восстание в корне. Осталась лишь небольшая кучка демократов типа Калиновского, которая при всей энергии ничего не могла сделать.

В некоторых местностях Литвы восстание 1863 г. вызвало довольно значительный отклик в крестьянстве. Очевидцы и участники движения в Литве отмечают повстанческие настроения крестьянства. «Насколько мне известно, — говорит один из участников восстания 1863 г. — в Жмуди, под лозунгом «за веру и отчизну» можно было бы сформировать целый корпус: казенные крестьяне, те крестьяне прежних королевских имений — которых в Жмуди было весьма много — пошли бы все»[2].

Не говоря уже о значительном участии крестьян в отрядах Людвика Нарбутта, Клет-Корены, Колышки и др. в Литве оперировали отряды целиком составленные из крестьян и руководимые крестьянами. Таковы отряды Адама Битиса, Лукашунаса, Пуйдака. Неутомимую энергию проявил в восстании ксендз Мацкевич, продержавшийся дольше других. Но то что имело место в Литве носило специфический характер. Повстанческие настроения в крестьянской среде были именно крестьянскими, а не «поль-

---

[1] M. Dubiecki Romuald Traugutt i jego dyktatura pod czas powstania styczniowego 1863–64 str. 63

[2] Wczterdziesta rocznice str. 135

скими». Крестьянство поднималось на борьбу против ненавистного режима, вкладывая в это понятие все то, что было ненавистным для крестьянина — гнет и произвол со стороны чиновников, панов и т. п. Если можно так выразиться — крестьянское движение в Литве не вошло в польское повстанческое движение, а соединилось с ним.

Исключительную роль в литовском движении сыграл Сигизмунд Сераковский. Сераковский, член Петербургского революционного кружка, друг Чернышевского, Герцена, Шевченко, офицер генерального штаба — по прибытии в Литву принял на себя руководство всем движением. В течение двух недель Сераковский собрал отряд в 2 тыс. человек. Являясь сотрудником тесной увязки польского восстания с общерусским движением (как и Падлевский) — Сераковский поставил задачу пройти со своим отрядом в Курляндию и, объявляя по пути следования лозунги наделения крестьян землей и отмены сохранившихся еще повинностей, вызвать восстание латышских крестьян. С этой целью он двинулся к г. Биржа на границе с Курляндией. Интересно отметить, что эту же мысль высказывает и Энгельс в том письме к Марксу, где он говорит о крестьянском характере восстания в Литве. «Литовское движение сейчас — самое важное, так как оно 1) выходит за границы конгрессной Польши, и 2) в нем принимают большое участие крестьяне, а ближе к Курляндии оно приобретает даже прямо аграрный характер».[1]

У г. Биржа Сераковский встретился с трехтысячным отрядом русских войск, и после трехдневных стычек и сражений (2—4 мая) повстанцы были рассеяны. Раненый Сераковский через несколько дней попал в плен и 27 июня 1863 г. был казнен. Потеря Сераковского нанесла движению в Литве серьезный удар; оно продолжалось дальше под руководством Врублевского и Мицкевича, но не достигло уже такого размаха, как в первые месяцы.

Позднее началось и недолго продолжалось повстанческое движение на Правобережной Украине.

§ 3. Движение на Правобережной Украине

Если сравнить польского помещика Литвы и Белоруссии 60-х гг. — консервативного, пропитанного сословными националистическими воззрениями — с польским помещиком Правобережной Украины, то сравнение это будет не в пользу второго. Он еще более консервативен, аристократичен, «крупнопоместен», чем его литовско-белорусский собрат, цепко держится за свои сословно-классовые интересы. У него сохранилось еще нечто от колонизатора, какими были его предки на Украине. На Правобережной Украине все отношения и противоречия: социальные, национальные, имущественные были еще более обострены не-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 142.

жели в Литве и Белоруссии. Страх перед крестьянским восстанием, который польский помещик старался заглушить усилением гнета и жестоким обращением с крестьянином — заставлял его держаться постоянно на-чеку. Этот страх парализовал даже, в известной мере, его националистические чувства. К идее восстания он относился с крайней сдержанностью. Польский помещик на Украине был — в большей степени «белым», чем литовско-белорусский.

«Левые» элементы польского шляхетского общества там представляли собой также своеобразное явление. Их даже не вполне можно назвать «красными» в том смысле, в каком этот термин принят был в Королевстве Польском. Университетская молодежь, ученики старших классов гимназии, почти все выходцы из дворянских семей — они в сущности не имели определенных политических убеждений, соответствующих понятию «красный». Они относились к народу, крестьянству с каким-то этнографическим интересом, изучали его, но на самом деле не знали его подлинных нужд, настроений. «...Удивительно иной раз одетые в черные свитки, с обшитыми кожей воротниками и отворотами рукавов, в длинных юфтяных сапогах, вооруженные толстыми палками, они сновали по улицам» и шептали друг другу о скором восстании.[1] Этой молодежи, мечтающей о восстании, казалось, что стоит лишь притти к крестьянам с «золотой грамотой» и последние пойдут за ними во имя Польши. Старшее поколение расценивало возможность восстания совершенно иначе: трезво и опасливо. Когда в августе 1862 г. прибыл в Киев представитель Центрального Комитета из Варшавы Леон Франковский, чтобы убедить местную шляхту примкнуть к будущему восстанию, он услышал краткий, но выразительный ответ: «Делайте, что хотите — мы не двинемся».[2] Через несколько месяцев приехал в Киев Стефан Бобровский и организовал центральный орган под названием: «Исполнительный отдел (комитет) Руси». В состав «Отдела» вошел Эдмунд Ружицкий и др. В губерниях (примерно соответствующих давним провинциям) учреждены были «Управления»: Волыни, Подолии и Украины (Киев). «Комитет Руси» стал называться органом «красных», хотя ничего, кроме положительного отношения к идее восстания, не уподобляло киевских «красных» варшавским. Тем не менее противники восстания (подавляющее большинство шляхты), по аналогии названные «белыми», начали противодействовать его деятельности. С этой целью «белые» образовали свой комитет во главе с киевским губернским предводителем дворянства Хорватом. Такой же комитет образован был и в Подолии.

Взрыв восстания в Польше на первых порах не вывел польское дворянство Правобережной Украины из состояния покоя. Зато взволновались крестьяне после Указа 1(13) марта 1863 г.,

[1] Tr Rawita Gawronski, Rok 1863 na Russi, Lwow, 1903 str. 166
[2] Tr Rawita Gawronski указ. соч., str. 169.

о котором упомянуто было выше. Во многих местах крестьяне прекратили исполнение всяких работ, навязанных им «Положением» о реформе. Настороженность в отношении польского дворянства не останавливала, впрочем, правительство от посылки военных отрядов против «непослушных» крестьян и защиты «земельной собственности».

Варшавский центр требовал от «Комитета Руси» скорейшего начала восстания, но Комитет, ссылаясь на неподготовленность Правобережной Украины уклонялся от назначения срока. Начало восстания Комитет ставил в зависимость от помощи извне (из Галиции). Наконец, дата восстания была зафиксирована на 26 апреля (8 мая нового стиля). Поскольку восстание признано было делом решенным, «белые», хотя и не присоединились к нему, но и не мешали ему активно; восстание становилось национально-политической проблемой и «белые» в этом случае умолкали. Правда, они не оставляли намерений перевести борьбу на мирную почву «национальной самообороны», но и сами не придавали значения своим планам.

26 апреля (8 мая) из Киева вышла большая группа повстанцев тремя партиями, направляясь в установленные пункты концентрации в провинции. Одна из партий, заблудившись ночью, измученная долгой ходьбой, вернулась в город и попала в руки войск. Уже на следующий день генерал-губернатор Анненков отдал приказ генералу Кренке — командиру саперной бригады начать военные операции против повстанцев. Генерал Кренке, николаевский солдафон, приступил к выполнению своей задачи, не останавливаясь ни перед какими жестокостями.

Главный отряд повстанцев из Киева добрался до местечка Бородянка, потеряв по дороге несколько десятков человек. В Бородянке повстанческому отряду пришлось выдержать бой с подошедшей воинской частью. Часть повстанцев вырвалась из Бородянки, из оставшихся — 60 человек погибло и более 70 попало в плен. Ушедшие через два дня были снова атакованы и разгромлены. Неудачно закончилась попытка начать восстание в Овручском уезде (Волынской губ.); небольшой отряд Л. Вишневского был разбит.

В эти же дни (26—30 апреля) повстанческие группы собрались в некоторых других пунктах Киевской губернии (Васильковский, Бердичевский, Радомысльский уезды). Шляхта Липовецкого и Уманского уездов заявила, что отказывается организовывать отряды на территории этих уездов. В Черкасском, Чигиринском и Звенигородском уездах польских элемент был крайне незначителен.

Трагически закончилась экспедиция в составе 21 человека, выбравшаяся из Киева с «Золотыми грамотами» в окрестные деревни, чтобы поднять на восстание крестьянство. Группа эта во главе с Юревичем сделала первую остановку в дер. Мотовидловка; там прочли «Золотую грамоту» и вручили несколько

экземпляров ее присутствовавшим крестьянам. Слух об этой группе быстро перегнал последнюю; в деревне Фастовка экспедиция была встречена многочисленной, но спокойно державшейся толпой. Через некоторое время группа прибыла в Соловьевку, где ее встретила спровоцированная властями огромная толпа крестьян, вооруженных топорами, косами, палками и т. п. Здесь группу задержали и на другой день напавшая на группу толпа убила несколько человек, остальных передали властям.

На Украине в еще большей степени, чем в Белоруссии крестьянство, полное глубокого недоверия и ненависти к помещикам, возбуждаемое никогда не угасавшими слухами о «воле», которую прячут паны, и вдобавок ко всему натравливаемое в некоторых случаях властями — решительно выступало против панов. Обещаниям воли и земли крестьянство, не без основания, не верило, а идея присоединения к Польше, т. е. к государству их панов — была ему глубоко чужда. В этом лежит объяснение событий в Соловьевке. Аналогичный случай произошел в дер. Мировка. Крестьяне, увидев приближающийся к ним польский повстанческий отряд, ударились, буквально, в панику. Жители деревни целыми семьями, со скарбом направились было в лес. Повстанцы из отряда прочитали крестьянам «Золотую грамоту». Когда в Мировку прибыли крестьяне из другой деревни, толпа напала на повстанцев и стала их вязать.

Но крестьянство выступало против повстанцев отнюдь не из преданности царю и правительству, как это старались доказать царские власти. Крестьяне видели в повстанцах панов, помещиков и движение крестьян носило, именно, антипомещичий характер. Как раз это внушало скрытую тревогу царским чиновникам, делавшим вид, что все обстоит так, как должно быть. Но тревога эта, по необходимости, становилась иногда и явной. Властям приходилось принимать меры против крестьян. Еще накануне восстания генерал-губернатор предупреждал начальников губерний о том, что если «фальшивые надежды» крестьян на землю будут распространяться, следует уничтожить эти надежды в самом зародыше [1]. Летом и в начале осени 1863 г. репрессии властей против крестьян все учащаются. Продажный журналист, киевский чиновник Юзефович в письме в редакцию аксаковского «Дня» пишет: «Возбужденные народные инстинкты поневоле следовало сдерживать, иначе, при существовании в значительной степени социального характера в антипольском движении народа, легко было дать этому движению возможность распространиться до размеров полного народного восстания против помещиков» [2].

Восстание на Волыни возглавил Эдмунд Ружицкий. Он же командовал одним из трех крупных повстанческих отрядов. Двумя другими командовали Храницкий и Цехонский. Отряд

---

[1] Fr. Rawita Gawronski . . . указ. соч., str. 198.

[2] «День» 17 августа 1863 г., № 33, стр. 10.

Ружицкого насчитывал до 800 человек. Против Ружицкого вышли крупные силы; Ружицкий, опытный офицер, умело избегал встречи с войсками и двигался к местечку Мирополь. Мирополь занял военный отряд и Ружицкий решил выбить его оттуда. Эту задачу он выполнил успешно. Однако удача Ружицкого сильно ослаблялась поражением отряда Цехонского. План Ружицкого состоял в том, чтобы объединить все три отряда и итти к австрийской границе; Ружицкий ожидал из Галиции крупного отряда под командованием Высоцкого, равно как и отрядов из Подолии. Однако его планы не сбылись. Высоцкий не прибывал, а войска всеми мерами препятствовали соединению отрядов. В то же время стало ясно, что шляхта Подольской губ. не начнет восстания и не пришлет отрядов на Волынь. Ружицкому оставалось держаться на Волыни как можно дольше. Он выдержал успешную стычку под дер. Салихой.

Между тем, остальные два отряда были менее счастливы в своих действиях и после их распада Ружицкий, в конце мая 1863 г., перешел в Галицию.

* *
*

Польское повстанческое движение в Белоруссии и на Украине с самого начала было обречено на провал. Оно с самого начала не было (и не предполагалось) социальным, крестьянским по своим задачам. Этого боялась шляхта в самой Польше; и тем более невозможно было его ожидать в Белоруссии и на Украине, где столь сложно переплелись отношения социальные и национальные. Восстание было национально-польским, в буквальном смысле этого слова, но в таком качестве оно могло продолжаться лишь постольку, поскольку шляхта активно возглавляла его. С отходом шляхты от восстания, последнее теряло всякую видимость жизнеспособности.

III. КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1863 г. В ПОЛЬШЕ

В напряженной обстановке недавно прокатившегося крестьянского движения (1861—1862) и продолжающегося восстания, царское правительство решилось на некоторые уступки польскому крестьянству.

Из этих соображений рождается первое по времени и чрезвычайно важное по значению мероприятие — крестьянская реформа 1864 г. Еще осенью 1863 г., приняв решение о реформе, царское правительство направляет в Польшу для изучения этого вопроса и выработки проекта реформы Н. А. Милютина, князя Черкасского, Ю. Самарина и др. Комиссия эта на месте убедилась в том, что жалкий суррогат разрешения крестьянского вопроса, подобный реформе 1861 г. в России, недостаточен для Польши.

Правительство, следовательно, если оно хотело чего-либо добиться, должно было считаться со сложившимся положением вещей. Военная обстановка, необходимость парировать декреты повстанческого «Жонда» и страх перед возможным повторением крестьянских волнений 1861—62 годов определили характер реформы 1864 г. В некотором смысле она шла дальше в удовлетворении крестьянских нужд, чем реформа 1861 г.

Это одна сторона вопроса. Другая — вытекала из классовой сущности русского царизма. Царизм по природе своей не мог пойти на радикальное решение крестьянского вопроса в Польше. Радикальная реформа в Польше, во-первых, могла бы оказаться еще одним ферментом брожения русского крестьянства, и во-вторых, явилась бы нежелательным для всего дворянства прецедентом «нарушения» прав дворянской собственности. «Крестьян «освобождали» в России, — говорил В. И. Ленин, — сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники» [1], но то же помещичье правительство проводило реформу и в Польше.

Основные положения реформы — указ о которой был подписан царем 19 февраля 1864 г. [2] — заключались в следующем. Вся земля, состоявшая в пользовании крестьян ко дню издания указа (в казенных и помещичьих имениях) поступала в их собственность. Для удовлетворения землей некоторой части безземельных выделен был из казенной земли и из помещичьих пустошей фонд в 390 тыс. моргов, который предназначался на образование карликовых крестьянских хозяйств до 3-х моргов каждое. Крестьянским хозяйствам, подходившим под действие указа 1846 г., т. е. хозяйствам свыше 3-х моргов возвращались отрезки, отнятые у них помещиками после 1846 г. За крестьянами сохранялись сервитуты — право пользоваться в установленном порядке помещичьими и казенными пастбищами и лесами.

Сначала было намерение установить выкуп повинностей, но так как в период восстания огромное большинство крестьян не выполняло повинностей, а повстанческими декретами последние отменялись без непосредственного выкупа, то решено было вместо прямого выкупа повысить государственные налоги и ввести новый поземельный налог на 54 года. Помещики получали «вознаграждение» 4%-ными ликвидационными листами, подлежащими погашению в течение 42 лет. Размеры «вознаграждения» определялись путем капитализации из 6% суммы, составлявшей: в барщинных имениях $^2/_3$ стоимости повинностей, в очиншеванных имениях — $^4/_5$ чинша, т. е. путем умножения соответствующей суммы на $16^2/_3$ [3].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., 4-е изд., т. 17, стр. 65.

[2] П. С. З. XXIX, отд. 1, 1846, № 40609, стр. 120—128.

[3] П. С. З. XXIX, отд. 1, 1864, № 40611. Указ «О ликвидационной комиссии», ст.ст. 17—20, 26.

Такие факты, как наделение землей безземельных, возвращение крестьянам отрезков, подтверждение сервитутов и отсутствие прямого выкупа сочетались с введением нового и повышением существующих налогов, а, следовательно, с фактическим — хотя и в завуалированной форме — «вознаграждением» помещиков из казны — выкупом. Осознав политическую необходимость реформы и неизбежность уступок крестьянству, правительство и местные власти внесли в реформу, а еще больше — в проведение реформы — черты, усиливающие ее антинародный характер.

Одновременно с крестьянской реформой, Указом от 19 февраля 1864 г. «Об устройстве сельских гмин»[1] проведена была гминная[2] реформа. Гмина объявлялась «всесословной» единицей, хотя в строгом смысле слова не была таковой. Правомочными членами гмины считались сельские хозяева: крестьяне-собственники участков свыше 3-х моргов и помещики; исключались проживающие на территории гмины фабриканты, духовенство, лица свободных профессий. Юридически основой гминного управления считался гминный сход, собиравшийся четыре раза в год. Его ведению подлежали: хозяйственные и общественные дела гмины, установление и раскладка гминных сборов и повинностей, распоряжение начальными училищами, выборы должностных лиц и некоторые другие. Сход избирал гминного войта, членов гминного суда (лавников) и иногда писаря. Сельские общества (деревни), входившие в состав гмины, избирали солтысов, которые одновременно являлись помощниками войта.

Царское правительство демагогически представляло гминную реформу как воплощение начал крестьянского самоуправления, свободного от шляхетского руководства. Несомненно, в новом гминном устройстве влияние шляхты было в известной мере парализовано. Два-три десятка голосов помещиков тонули в массе нескольких сот голосов крестьян на гминных сходах. Но правительство не доверяло, разумеется, крестьянам и постаралось поставить гминное управление под свой непосредственный контроль. Избрание сходом гминного войта было недействительным без последующего утверждения его уездным начальником. Далее, войт находился в непосредственном подчинении уездного начальника и исполнял в гмине полицейские обязанности. Такое слияние в одном лице полицейского чиновника и главы органа «самоуправления» лишний раз подтверждало фиктивный характер последнего. Гминный войт имел право при несогласии схода с фискальными мерами, предложенными свыше, утверждать их собственной властью с санкции уездного начальника. Крупное

---

[1] П. С. З. XXIX, отд. 1, 1864, № 40610, стр. 128—141.

[2] Гмина — первичная административная единица в составе одного или нескольких сельских обществ (деревень). Соответствует, примерно, русской волости, но меньше ее по размеру.

значение в гмине получил гминный писарь, как единственный, во многих случаях, грамотный человек в управлении. Писарь мог быть «по выбору или по найму» и в большинстве случаев приглашался из лиц, рекомендованных уездным начальником.

Для проведения в жизнь этих реформ Указом от 19 февраля 1864 г. образован был Учредительный комитет в Царстве Польском. Учредительный комитет состоял под председательством наместника (гр. Берга), но руководящую роль в нем играли кн. Черкасский — гл. редактор комиссии внутренних дел, Соловьев — председатель Центральной Комиссии по крестьянским делам и др. Сам Н. А. Милютин в качестве статс-секретаря по делам Царства Польского действовал в Петербурге как представитель Учредительного комитета.

Центральная комиссия, равно как и крестьянские комиссии на местах (числом — 14), а также назначенные в поветах (потом — уездах) крестьянские комиссары должны были приступить к работе немедленно, т. к. положение в стране не терпело отлагательства. Уже в течение первых шести месяцев поступило от крестьян свыше 72 тыс. прошений, жалоб и т. п., из которых рассмотрено было лишь 21,5 тыс. [1]. Польское крестьянство ожидало существенных перемен; не изгладились во многих случаях надежды на получение помещичьих земель. Вот свидетельство чиновника Калишской крестьянской комиссии Н. Полевого: «Вслед за обнародованием высочайших указов 19 февраля военные начальники, а затем комиссары были завалены прошениями. Крестьяне спешили заявить свои права... Многие из крестьян ожидали гораздо большего, чем им предоставлялось новым законом. Некоторые предполагали даже, что все земли будут отобраны у бушевавшей шляхты и розданы крестьянам» [2].

Помимо ожидания и преувеличенных надежд, крестьян волновали все более учащающиеся случаи возобновления помещичьих домогательств. «В некоторых имениях, — пишет Полевой, — чинши были взысканы с крестьян еще в апреле 1864 года, в других отобраны сервитуты или строения, обменены земли, жилища». [3]

Нередко помещики обращались за содействием к командирам воинских частей, посланным на борьбу с повстанцами. «Помещики, не смея и не желая явно требовать повинностей, упраздненных прокламациями повстанцев, забегали к начальникам отрядов с просьбами взять на себя взыскание скупов и

---

[1] А. Корнилов, Судьба крестьянской реформы в Царстве Польском. «Русская мысль». 1894, № 8, стр. 51.

[2] Н. Полевой, Устройство быта крестьян в Царстве Польском Калишской комиссией по крестьянским делам 1865—1870 гг. «Русская старина», 1914, № 5, стр. 273—274.

[3] «Русская старина», 1914, № 5, стр. 279.

чиншей, в их пользу, что и исполняли военные начальники отрядов» [1].

Практически новые поземельные отношения устанавливались с момента утверждения так наз. ликвидационных табелей, в которые вносились списки крестьянских хозяйств данного селения, площадь крестьянских владений, сервитуты и размер платежей помещику. Составление табелей было предоставлено самим помещикам, проверялись табели в губернских крестьянских комиссиях и утверждались Центральной комиссией. При заполнении табелей помещики прибегали к всяческим злоупотреблениям, вносили фамилии фиктивных владельцев, умерших крестьян в качестве владельцев «пусток» (опустевших крестьянских усадеб), показывали завышенные повинности, а, следовательно, и размер вознаграждения, сокращали сервитуты и т. п. Табели должны были быть представлены в годичный срок, но помещики оттягивали их представление; за 8 месяцев поступило 1.250 табелей, а, например, за последние две недели — 9.734 таб. Всего поступило в крестьянские комиссии 17 400 табелей [2]. Свыше трех тысяч табелей поступило и было утверждено в последующие годы [3]. Понятно, что комиссии были завалены таким потоком и в сущности не могли тщательно проверять каждую табель. Памятуя о главной установке — не раздражать крестьянство, крестьянские комиссии не всегда следовали ей. Н. Полевой пишет, что в Варшаве не утвердили многие табели по Калишской губернии главным образом вследствие «...чересчур явного стремления комиссии решать сомнительные споры в пользу крестьян» [4].

Следует, наконец, принять во внимание одно важное обстоятельство. В среде военной и административной бюрократии Королевства Польского, в Учредительном комитете и его аппарате не было единодушия во взглядах на характер проведения реформы. В то время, как Милютин, Черкасский, Соловьев настаивали на строгом соблюдении буквы и политического духа Указа, наместник Берг и многие другие из местной бюрократии, жившие и работавшие бок о бок с польским дворянством, не одобряли целиком деятельность Учредительного комитета. Они считали реформу слишком «радикальной». Кастовое сочувствие представителей бюрократии к польским помещикам в известном отношении помогало смягчению и обходу неприятных для помещиков предписаний Указа. «Главная исполнительная власть в

---

[1] В. Спасович. «В. А. Арцимович». В сборнике: В. А. Арцимович. Воспоминания и характеристики. СПб., 1904, стр. 661.

«Я помню случай, — вспоминает бывш. военный начальник Ленчицкого уезда, — что в начале 1864 г. некоторые паны обращались ко мне с жалобами на неплатеж крестьянами из денежных повинностей» (В. М. Веньюков — В. Польше. «Голос минувшего», 1915, № 11, стр. 233).

[2] Отчет о ходе крестьянского дела за 1865 г.

[3] См. Н. Рейнке. Очерк законодательства Царства Польского (1807—1881). СПб., 1902, стр. 157.

[4] «Русская Старина», 1914, № 5, стр. 282.

крае никогда не сочувствовала тем началам, которые легли в основание крестьянской реформы в Привислянье», — говорит автор книги «Очерки Привислянья»[1]. В самом Учредительном комитете некоторые его члены, как Арцимович, Кошелев, также разошлись с руководящей тройкой, будучи несогласными с политическим курсом Комитета.

При всех обходах и смягчениях реформы результаты ее не могли, разумеется, нравиться польскому дворянству. Оно недовольно было потерей даровой рабочей силы, испытывало горечь и раздражение от утраты своего руководящего положения в обществе, от сознания того, что «холоп» формально равноправен с «паном» и может тягаться с ним в суде. Но в сущности говоря, реформа не повлекла за собой коренных экономических потрясений в польском дворянском землевладении. Прежде всего следует подчеркнуть, что реформа оставила у помещиков больше половины сельскохозяйственной площади. Соотношение между помещичьей и крестьянской землей, установившееся после реформы, выражается в следующих цифрах: помещичьей (в том числе и майораты) — 10.667 тыс. моргов, крестьянской — 7.219 тыс. моргов[2].

Непосредственные результаты реформы 1864 г. для крестьянства выразились в увеличении количества крестьянских хозяйств и уменьшении числа безземельных. В 1859 г. крестьянское население Королевства Польского исчислялось в 3300 тыс. человек с включением в это число около 1300 тыс. безземельных крестьян (с семьями). После реформы количество безземельных определялось в 200 тыс. семей[3].

В составе «земельного» крестьянства также произошли серьезные сдвиги. Правда, сведения, почерпнутые из официальной статистики, не дают точного представления об эволюции польской деревни. Официальная податная статистика делит крестьянские усадьбы по величине участков на три группы, установленные по соображениям фискального порядка. В первую группу зачислялись хозяйства с наделом свыше 15 моргов, во вторую — с наделом от 3 до 15 моргов и в третью — ниже 3 моргов. Такое деление, сводящее хозяйства различных в сущности категорий в одну группу, во многих отношениях неудобно. Но отсутствие других статистических данных лишает возможности произвести необходимую перегруппировку и вынуждает пользоваться указанной классификацией.

В 1859 г. польское крестьянство распределялось на следующие группы: первая и вторая вместе насчитывали 382.738 хозяйств, третья 42.000 хозяйств, а всего 424.738 хозяйств[4].

---

[1] В. Р. — Очерки Привислянья, стр. 86 (Автор — сын генерала-губернатора Гурко).

[2] Zaleski. Krolestwo Polskie . . . . . str. 109.

[3] Zaleski Statystyka porownawcza Kr. Polskiego W. 1876, str. 107

[4] То же, стр. 108.

В 1866 г., т. е. два года спустя после крестьянской реформы, картина решительным образом изменилась, что можно видеть из следующих данных [1]:

хозяйств	I	группы	— 209.248
»	II	»	— 190.323
»	III	»	— 114.542

При сравнении данных 1859 г. и 1866 г. бросается в глаза внушительный рост малоземельного крестьянства (владельцев мелких участков до 3 моргов). Объясняется это тем, что удовлетворение землей безземельной части крестьянства сводилось, главным образом, к созданию карликовых хозяйств. Таким путем достигались одновременно две цели. Во-первых, сокращение числа безземельных за счет использования сравнительно небольшой земельной площади; во-вторых, образование маломощных хозяйств, не обеспечивающих их владельцам минимума средств существования, неизбежно должно было привести последних к необходимости большую часть своего времени проводить в качестве сельскохозяйственных рабочих в помещичьих имениях. Наличие большого количества таких хозяйств, в сочетании с невысоким крестьянским наделом, составляло для шляхетского землевладения постоянный источник дешевой сельскохозяйственной рабочей силы.

Выше было упомянуто, что вместо выкупных платежей за землю были увеличены существующие и введен новый поземельный налог. По смыслу усиление налогового обложения распространялось и на помещичью землю, но на практике крестьянская земля облагалась по более высоким ставкам, нежели помещичья.

В 1859 г. общая сумма всех налоговых поступлений по бывшему Королевству Польскому составляла 4.256 тыс. руб., крестьянские платежи в этой сумме составляли 30,8% или 1.311 тыс. руб. В период 1864—1869 годов поступления по налогам возросли в среднем до 7.115 тыс. руб. в год, причем доля крестьянских платежей повысилась до 3.245 тыс руб., или 45,6% всей суммы [2].

---

[1] Вестник финансов, промышленности и торговли, 1886, № 36, стр. 613.
[2] Zaleski Stat. Porown kr Porisk str. 282.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕФОРМЫ И РЕФОРМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ 1863—1874 гг.

Реформы государственных учреждений и местного самоуправления, проведенные в 60-х и начале 70-х годов, являлись осуществлением программы капитализирующегося либерального дворянства, имевшей целью приспособить самодержавно-полицейский строй России к потребностям капиталистического развития, сохраняя его классовую дворянско-помещичью сущность. Но даже эту половинчатую, куцую программу правительство проводило в урезанном виде и с таким расчетом, чтобы не дать осуществиться главной мечте либералов об ограничении бюрократического всевластия в пользу «общества» и о подготовке почвы для перехода к буржуазно-конституционному «правопорядку».

§ 1. Реформы местного самоуправления

Одной из таких реформ было создание земских учреждений, которые должны были ведать делами местного хозяйства. Раньше эти дела находились в ведении государственных учреждений, имевших в своем составе представителей сословий. Таковы были комитеты о земских повинностях, состоявшие из губернских чиновников и представителей дворянства и городов, под председательством губернатора, и составлявшие сметы и раскладки повинностей на содержание земской почты, земской полиции, присутственных мест, тюрем, арестантских рот и пр. Были также специальные дорожные комиссии, состоявшие также из чиновников с участием предводителей дворянства, ведавшие повинностями по устройству и содержанию дорог (за исключением дорог общегосударственного значения). Аналогичный состав имели комиссии о народном продовольствии. Наконец, с екатерининских времен существовали приказы общественного призрения, состо-

явшие из депутатов от дворянства, горожан и государственных крестьян, ведавшие школами, больницами, аптеками, богадельнями, рабочими и смирительными домами.

25 марта 1859 г. Александр II утвердил выработанные Земским отделом Министерства внутренних дел «главные начала» устройства полиции и учреждений для разбора недоразумений между помещиками и крестьянами; этими «началами» было предусмотрено, между прочим, устройство «хозяйственно-распорядительного управления» в уезде, причем было решено предоставить этому управлению «большее единство, большую самостоятельность, большее доверие и определить степень участия в нем каждого сословия». Для разработки соответствующих законопроектов «высочайшим повелением» 27 марта была учреждена особая комиссия под председательством Н. А. Милютина, 23 октября 1859 г. на эту комиссию возложена была и разработка вопроса о преобразовании губернских учреждений. Милютинская комиссия занялась главным образом вопросом о реформе полиции; что касается «хозяйственно-распорядительного управления», то комиссия ограничилась лишь составлением проекта «временных правил об уездных земских присутствиях», которые предлагалось ввести до осуществления реформы губернских учреждений.

Выработанный милютинской комиссией проект «временных правил» не получил однако осуществления. Представленный в апреле 1860 г. в Государственный Совет, он был, по повелению Александра II 9 июня того же года, возвращен в министерство для представления одновременно с проектом положения о губернских учреждениях.

Довести реформу до конца Милютину не удалось: в апреле 1861 г. под давлением реакционной придворной клики и Милютин и Ланской были уволены как «либералы», возбудившие неудовольствие крепостников своей позицией в крестьянском вопросе. Министром внутренних дел был назначен П. А. Валуев, который принял на себя и председательство в комиссии. Новому председателю, несмотря на его реакционные тенденции, пришлось продолжать начатое Милютиным дело: небывалый размах крестьянского движения, усиление революционного движения в Польше, деятельность революционных кружков, студенческие волнения, рост конституционных притязаний дворянства — все это заставляло правительство итти на уступки либералам. Земская реформа должна была успокоить либералов, внушив им надежду, что она является лишь первым шагом к конституции, и тем привлечь их на сторону правительства в борьбе с назревавшей революцией. «Земство, — писал Ленин, — кусочек конституции. Пусть так. Но это именно такой кусочек, посредством которого русское «общество» *отманивали* от конституции. Это — именно такая, сравнительно очень маловажная, позиция, которую самодержавие уступило растущему демократизму, чтобы сохра-

нить за собой главные позиции, чтобы разделить и разъединить тех, кто требовал преобразований политических» [1].

Выработанный комиссией проект «основных начал», на которых предполагалось построить земское самоуправление, был утвержден Александром II (2 июня 1862 г.), а затем опубликован во всеобщее сведение.

Значительный интерес представляет записка Н. А. Милютина, направленная им в Комитет министров во время обсуждения «основных начал» реформы. Настаивая на расширении компетенции земства в хозяйственных вопросах и на предоставлении ему в этом отношении большей самостоятельности, Милютин мотивировал свое предложение главным образом необходимостью занять беспокойные общественные силы полезным делом, чтобы отвлечь их от участия в революционном движении; в то же время он считал нужным следить за тем, чтобы они не выходили из указанных им границ чисто хозяйственных вопросов, немедленно пресекая подобные поползновения. «Правильно поставленное земство, — писал он, — привлечет к себе лучших образованных людей, поднимет уровень местной администрации, освободит высшее правительство от массы дел, даст молодым поколениям практическое направление и отвлечет многих от анархии... При нынешнем настроении (1862 г.) русского общества можно рассчитывать на участие лучших и благонамеренных людей в таком только случае, когда они увидят, что их призывают не для исполнения каких-либо механических формальностей, но для разумной и истинно-полезной деятельности... С этой точки зрения должно особенно настаивать на необходимости дать самое, по возможности, широкое развитие хозяйственной деятельности новых учреждений... Тем не менее нужно отвратить всякое стремление выйти из пределов законов: забота об этом оправдывается нынешним состоянием умов при не вполне еще развитом понятии о законности» [2].

В марте 1863 г. комиссия закончила разработку проекта «Положения о губернских и уездных земских учреждениях», а 1 января 1864 г. «Положение» было утверждено Александром II, с некоторыми изменениями, внесенными Государственным советом.

На этом первоначально не предполагали остановиться. 13 апреля 1863 г. Валуев подал Александру II записку, в которой убеждал его, ввиду опасности со стороны восставшей Польши и возможности войны с европейскими державами, укрепить единение правительства с «обществом», предоставив ему «некоторую долю участия в делах законодательства или общего государственного управления» [3]. В своей записке Валуев яркими

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 5, изд. 4-е, стр. 59.

[2] С. М. Середонин. Исторический обзор деятельности Комитета министров, т. III, ч. 2, СПб., 1902, стр. 70—71.

[3] «Вестник права» 1905, № 9 (ноябрь), стр. 228.

красками рисовал внутреннее неустройство, переживаемое Россией: «Финансовые язвы прежних лет еще не исцелены; пути сообщения не устроены; предпринятые вашим величеством великие и необходимые преобразования не приведены к окончанию; разрозненность в направлениях и действиях разных правительственных ведомств не вполне устранена; все прежние связи внутреннего государственного строя поколеблены, а новые не установились на твердой почве; материальные интересы страдают; умы в волнении; между тем революционная пропаганда, пользуясь обстоятельствами, усиливается подкопать самые основания гражданского порядка [1]. При таких условиях Валуев считал необходимым пойти навстречу широко распространенной в обществе мысли, что если «во всех европейских государствах разным сословиям предоставлена некоторая доля участия в делах законодательства или общего государственного управления», — «то так должно сбыться и у нас». Эта мысль, — успокаивал он Александра, — отнюдь «не заключает в себе посягательства на верховные права самодержавной власти вашего величества». Для удовлетворения «общества» достаточно будет «призвания в Государственный совет, для совещательного участия при обсуждении подведомых ему дел, известного числа представителей дворянского и городских сословий и нескольких членов высшего православного духовенства» [2]. Об этом Валуев советовал Александру объявить торжественным манифестом немедленно.

Александр II признал, что «предположения эти столь важны и требуют столь зрелого обсуждения», что торопиться не следует, но в принципе одобрил идею Валуева и поручил ему разработать подробный проект.

В ноябре 1863 г. Валуев представил Александру II проект «нового учреждения Государственного совета», согласно которому при Государственном совете предполагалось организовать «съезд государственных гласных» из представителей губернских земств и городов (а от неземских губерний из представителей сословий), созываемый раз в год для предварительного обсуждения некоторых законодательных вопросов перед внесением их в Государственный совет; представители «съезда» должны были принимать участие и в обсуждении этих вопросов в общем собрании Государственного совета. Но пока Валуев разрабатывал свой проект, надобность в нем уже миновала, так как политическая ситуация успела измениться: крестьянское движение явно шло на убыль, восстание в Литве и Белоруссии было подавлено, близилась ликвидация восстания и в Царстве Польском, революционные кружки начала 60-х годов были разгромлены и руководители их арестованы, оппозиционные настроения в либеральных кругах в связи с событиями 1862—1863 гг. стали быстро выве-

[1] «Вестник права» 1905, № 9 (ноябрь), стр. 227.
[2] Там же, стр. 229.

риваться и они прочно стали поддерживать правительство. В результате Александр II отложил утверждение валуевского проекта, решив пока ограничиться реформой местного самоуправления.

Земские учреждения создавались как учреждения выборные. Распорядительные органы земства — уездные и губернские земские собрания, избиравшиеся на трехлетний срок, должны были созываться раз в год на несколько дней; кроме этих «очередных» собраний могли созываться в известных случаях «чрезвычайные». Земские гласные никакого вознаграждения за участие в земских собраниях не получали. Общее число уездных «гласных» колебалось по разным уездам от 10 до 96, губернских — от 15 до 100 по разным губерниям. Исполнительными, постоянно действовавшими органами земских собраний были уездные и губернские земские управы, избиравшиеся также на 3 года соответствующими собраниями. Уездная управа состояла из председателя и нескольких членов (от 2 до 6), губернская — из председателя и 6 членов. Председатели и члены управ получали жалованье, назначавшееся земскими собраниями. Председатели земских управ, как правило, были дворяне, из числа местных землевладельцев.

Выборы в уездные земские собрания основывались на буржуазном принципе имущественного ценза. Но избирательная система была устроена таким образом, что, при формальной бессословности земских выборов, фактическое преимущество принадлежало дворянскому сословию. Помимо общей тенденции царизма поддержать привилегированное положение дворянства имелось также в виду «вознаградить дворян за потерю помещичьей власти», предоставив им «первенство в местной хозяйственной администрации», как говорил еще Ланской в своей всеподданнейшей записке, представленной в августе 1859 г.[1] Приходилось учитывать и многочисленные ходатайства дворянских собраний (с конца 1860 до начала 1863 г.) по вопросу о подготовлявшейся реформе, в которых очень настойчиво проводилась мысль об обеспечении преимущественного влияния дворянства в будущих земских учреждениях.

Выборы производились на трех избирательных съездах: уездных землевладельцев, городских избирателей и выборных от сельских обществ. В съезде уездных землевладельцев участвовали все владельцы земель определенного размера (от 200 до 800 десятин по разным уездам), независимо от сословной принадлежности, а также владельцы других недвижимых имуществ, торговых и промышленных предприятий, находящихся в пределах уезда, ценою не менее 15 тыс. руб. или с оборотом не менее 6 тыс. руб.; кроме того в съезде принимали участие уполно-

[1] Н. П. Семенов. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II, т. 1, СПб., 1889, стр. 833.

моченные от землевладельцев, обществ и учреждений, не обладавших полным земельным цензом, но имевших не менее $^1/_{20}$ ценза, и от духовенства, пользовавшегося церковной землей. Число уполномоченных определялось соответственно общему количеству принадлежавшей их избирателям земли.

В городских избирательных съездах участвовали лица, имеющие купеческие свидетельства, владельцы торговых и промышленных предприятий, находящихся в пределах города, с оборотом не менее 6 тыс. руб. и владельцы недвижимых имуществ в городе, оцененных не ниже 500—3000 руб. (в зависимости от города). Избирательные съезды, созывавшиеся для выборов гласных от сельских обществ, состояли из выборщиков, которые избирались на волостных сходах. Число уездных гласных от каждой курии было установлено с таким расчетом, что в подавляющем большинстве уездов преобладание было обеспечено за курией землевладельцев, т. е. фактически за дворянами, так как частновладельческие земли установленного размера в большинстве уездов сосредоточивались в руках дворян. К тому же избирательные съезды «сельского сословия» могли выбирать гласных не только из своей среды, но также из числа землевладельцев и духовенства; нередко избранными от крестьян оказывались мировые посредники или другие лица из местного дворянства. По данным 1865—1867 гг. в 29 губерниях, в которых к этому времени было введено земство, среди уездных гласных было 41,7% дворян и чиновников, 38,4% крестьян, 10,4% купцов и 9,5% прочих сословий.

Губернские гласные избирались на уездных земских собраниях по расчету один губернский гласный на 6 уездных; естественно, что если дворяне преобладали в уездных собраниях, то в губернских земских собраниях это преобладание было еще больше: здесь дворян и чиновников, по тем же данным, было 74,2%, тогда как крестьян было 10,6%, купцов — 10,9%, прочих — 4,3%.[1]

Еще большее преобладание дворян было в исполнительных органах земства — в губернских и уездных земских управах; по данным 1886 г., в уездных управах дворян и чиновников было в среднем 55,5%, крестьян — 30,9%; в губернских управах дворян и чиновников было 89,5%, крестьян — 1,5%.[2]

Преимущественное влияние интересов дворянства в земских учреждениях обеспечивалось еще и тем, что председателем земского собрания по должности состоял предводитель дворянства, в уездном собрании — уездный, в губернском — губернский.

Но обеспечив преобладание в земстве дворянского сословия, правительство крепостников, стремившееся к бюрократической централизации, было далеко от того, чтобы передать новым учре-

[1] Обзор царствования гос. имп. Александра II и его реформ, СПб., 1871, стр. 370—371.

[2] Б. Веселовский. История земства, т. III, СПб., 1911, стр. 433—434.

жениям хотя бы часть действительной власти на местах, тем более, что среди местного дворянства, с развитием капитализма усиливались либеральные веяния. Компетенция земства была строго ограничена узкими пределами чисто хозяйственных «польз и нужд» данной губернии или уезда: земства должны были ведать путями сообщения местного значения, народным продовольствием, общественным призрением, взаимным страхованием, борьбою со скотскими падежами и вредителями сельского хозяйства, заботиться о местной торговле и промышленности, участвовать «преимущественно в хозяйственном отношении и в пределах, законом определенных, в попечении о народном образовании, о народном здравии и о тюрьмах» и пр. Земские учреждения по положению 1864 года подчинялись «общим законам на том же основании, как отдельные общества и частные лица», хотя они и выполняли некоторые функции государственного значения.

Не довольствуясь строгим ограничением компетенции земства, правительство нашло нужным поставить над ним контроль со стороны центральной власти в лице губернатора и министра внутренних дел, которым было предоставлено право приостанавливать исполнение всякого постановления земских собраний, «противного законам или общим государственным пользам». Постановления земских собраний по некоторым вопросам нуждались в формальном утверждении губернатора или министра внутренних дел. Председатель уездной управы также утверждался в должности губернатором, а председатель губернской управы — министром.

Нужно еще отметить, что земские учреждения, не обладая принудительной властью, не имели возможности добиться исполнения многих своих постановлений через свои органы, а должны были действовать через государственные органы, главным образом через полицию, ни в какой мере от них не зависевшую. Как раз перед земской реформой, временными правилами 25 декабря 1862 г., основанными на проекте милютинской комиссии, была осуществлена реформа полиции, в силу которой полицейская власть в уезде и городе, за исключением губернских и некоторых других крупных городов[1] объединялась в «уездном полицейском управлении», состоявшем из уездного исправника, его помощника и заседателей от сословий. Фактически власть сосредоточивалась в руках исправника и его помощника, назначавшихся губернатором (до этого земский исправник избирался дворянским собранием). Без содействия полиции земство не могло ни взыскать недоимок по земскому сбору, ни добиться выполнения натуральных земских повинностей, ни получить от

[1] В этих городах учреждалось особое «городское полицейское управление», состоявшее из полицмейстера, его помощника и двух заседателей от горожан.

волостных правлений сведения, необходимые для раскладок различных повинностей и сборов. Но полиция далеко не всегда в этом отношении шла навстречу земству. По мнению известного правоведа проф. А. Д. Градовского, земство оказалось учреждением «с компетенцией, но без власти»[1]. Подводя итоги деятельности земства за целое полустолетие, буржуазные либералы вынуждены были признать, что земские учреждения «не вошли необходимым элементом в строй местных государственных органов, а явились по отношению к ним каким-то чуждым по духу придатком, инородным телом в общем организме местного управления»[2]. Правда, некоторые из земских деятелей более поздней эпохи склонны переоценивать их «независимое положение среди правительственной администрации» в их распорядительных функциях. Гораздо справедливее мнение деятеля либерального движения Д. И. Шаховского, который считал, что даже в делах местного самоуправления «самостоятельность земства в значительной мере была фикцией», что еще ранее применения Положения в 1890 г. «от провозглашенного начала остались одни только жалкие клочки»[3].

«Земство, — писал Ленин, — с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, *допускаемым* бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось, а роль депутатов от населения ограничивалась голой практикой, простым техническим исполнением круга задач, очерченных все тем же чиновничеством»[4].

Земские учреждения вводились постепенно. К концу 70-х годов они были введены в 34 губерниях Европейской России и в Области Войска Донского[5]. Остались без земства Архангельская, Астраханская и Оренбургская губернии, где было слабо развито помещичье землевладение, Польша, Литва, Белоруссия и Правобережная Украина, где частное землевладение было преимущественно в руках польского дворянства, и Прибалтийский край, где были сохранены старые органы самоуправления, находившиеся в руках немецких баронов. Само собой понятно, что не получили земства такие колонии, как Сибирь, Кавказ, Казахстан и только что завоеванные владения в Средней Азии, где не было (или почти не было) русского дворянского землевладения.

На тех же началах, как земское самоуправление, было реформировано и городское самоуправление. Развитие городов еще в николаевское царствование выдвигало на очередь вопрос о пересмотре екатерининского городового положения. В виде

---

[1] Юбилейный Земский Сборник, 1864—1914, СПб., 1914, стр. 15.
[2] Там же.
[3] Юбилейный Земский Сборник, 1864—1914, СПб., 1914, стр. 444—445.
[4] В. И. Ленин. Соч., т. 5, изд. 4-е, стр. 32.
[5] В 1882 г. в Области Войска Донского земство было уничтожено.

опыта, 13 февраля 1846 г. было утверждено разработанное Н. А. Милютиным, тогда еще молодым чиновником Министерства внутренних дел, «Положение об общественном управлении г. С. Петербурга». По этому закону выборы в «общую думу» производились по сословиям, но для избирателей введен был также и имущественный ценз (100 руб. годового дохода). Каждая сословная группа гласных выбирала представителей в «распорядительную думу», которая в сущности и вела городское хозяйство. В последней господствующее положение занимали три «старшие» сословия — дворяне, почетные граждане и купцы, — избиравшие 9 членов из 12, остальные же два сословия — цеховые ремесленники и мещане — избирали всего 3-х членов. Деятельность городского управления была подчинена контролю губернатора; с тою же целью в состав «распорядительной думы» был введен особый «член от короны». Новое Положение являлось таким образом лишь частичной поправкой к старому, но все же многие города в начале царствования Александра II возбуждали ходатайства о применении к ним петербургского Положения. 20 марта 1862 г. оно было распространено на Москву, 30 апреля 1863 г. — на Одессу. По московскому Положению преобладание «старших» сословий в распорядительной думе было несколько ослаблено (6 членов из 10) и в нее не был введен «член от короны». По одесскому Положению в распорядительную думу избирались по 3 члена от трех разрядов «городских обывателей» — владельцев недвижимых имуществ, купцов и мещан; «члена от короны» тоже не было.

20 марта 1862 г. Александр предписал «безотлагательно приступить к улучшению общественного управления во всех городах империи».

Но если земская реформа подготовлялась в тайне канцелярий, так как правительство не решалось привлечь к ее разработке оппозиционное дворянство [1], то к подготовке городской реформы правительство нашло нужным привлечь буржуазно-дворянское «общество». 26 апреля 1862 г. Валуев разослал циркуляр об организации в городах всесословных комиссий для разработки оснований предстоящей реформы. Комиссии были образованы в 509 городах, и министерство получило огромный материал. Все комиссии единодушно заявляли о необходимости полной самостоятельности городского самоуправления, полного освобождения его от административной опеки и административного вмешательства. Почти все высказывались также за его всесословность или бессословность, предлагая построить избирательную систему на основе имущественного ценза, причем многие из них считали возможным заменять имущественный ценз для лиц интеллигентских профессий цензом образовательным.

[1] Только на заседания Государственного Совета при обсуждении проекта «Положения» были приглашены в качестве «экспертов» московские и петербургские губернские предводители дворянства и городские головы.

Словом, представленные комиссиями соображения, за очень немногими исключениями, свидетельствовали о широком распространении среди городских «обывателей» буржуазных идей.

В 1864 г. проект нового Городового положения был уже готов, но после обсуждения его во II отделении собственной его величества канцелярии был вновь переработан и 31 марта 1866 г. внесен в Государственный совет, где пролежал без движения почти два года — до марта 1868 г., когда Валуев был заменен на посту министра внутренних дел А. Е. Тимашевым; тогда проект был возвращен в министерство, еще раз переработан, обсужден в особой комиссии с участием экспертов — городских голов и гласных — и после рассмотрения в Государственном совете, получил, наконец, утверждение со стороны Александра II (16 июня 1870 г.). Такая задержка, помимо свойственной царской бюрократии медлительности, объяснялась также тем обстоятельством, что после каракозовского выстрела 4 апреля 1866 г. правительство стало на путь резкого усиления реакции.

По Городовому положению 16 июня 1870 года городские думы, введенные Екатериной II и составлявшиеся из депутатов от сословных групп, были заменены бессословными городскими думами, гласные которых избирались на 4 года на основании имущественного ценза. Общее число гласных колебалось по разным городам от 30 до 72; в Москве число гласных было 180, в Петербурге — 250. Городская дума избирала Городскую управу, состоявшую из городского головы и двух или более членов, по усмотрению думы; в небольших городах дума могла ограничиться, с разрешения министра внутренних дел, избранием вместо управы одного лишь головы.

В выборах гласных участвовали все плательщики городских налогов, причем они разделялись на три избирательных собрания: в первом собрании участвовали наиболее крупные плательщики, уплачивавшие третью часть общей суммы налогов; во втором собрании — средние плательщики, также уплачивавшие в общей сложности одну треть налогов; в третьем собрании — все остальные. Каждое собрание избирало третью часть общего числа гласных[1]. Таким образом обеспечивалось преобладание в думах и избираемых ими городских управах наиболее крупных плательщиков городских налогов, т. е. более или менее крупной (в масштабе данного города) буржуазии. В Москве, например, две первые курии, избиравшие $\frac{2}{3}$ гласных, включали всего 13% общего числа избирателей[2], в Саратове — $8\frac{1}{2}$%,

[1] Образцом в данном случае послужила избирательная система прусского ландтага по конституции 1850 г.

[2] М. П. Щепкин. Опыты изучения общественного хозяйства и управления городов, ч. 1, М. 1882, стр. 39.

в Киеве — 6½%[1]; в городе же Хвалынске, например, в 1880 г. число гласных от первой курии (22) даже превышало число избирателей по этой курии (20).

Но поле деятельности, предоставленное городской буржуазии, было очень тесно. Компентенция городского самоуправления, как и земского, была ограничена узкими рамками чисто хозяйственных вопросов: внешнее благоустройство города, устройство рынков и базаров, попечение о местной торговле и промышленности, о здравоохранении и народном образовании («преимущественно в хозяйственном отношении» и «в пределах, законами указанных»), меры предосторожности против пожаров и проч. Принудительной власти для исполнения своих постановлений не имели и городские учреждения; так же точно, как и земство, они подчинены были надзору губернатора и министра внутренних дел; городские головы губернских городов утверждались в должности министром, головы других городов — губернатором. Словом, городское самоуправление, как и земское, было не местным органом власти, а лишь подсобным органом правительства по вопросам местного хозяйства; власть и в городе, как и в уезде, в полном объеме сохранилась в руках центрального правительства и его местных органов — губернаторов и градоначальников.

Но на городовом положении отразилось, кроме того, значительное усиление правительственной реакции, имевшее место в те годы, которые отделяли земскую реформу от городской. Под влиянием реакции от буржуазного принципа имущественного ценза было сделано одно характерное отступление, отсутствовавшее в земском положении: число гласных не-христиан не должно было превышать ⅓ общего числа гласных; это же ограничение относилось и к составу городской управы; кроме того, специально было оговорено, что еврей не может быть избран на должность городского головы или его заместителя. Другим характерным отличием от Земского положения было то, что городской голова являлся в то же время председателем городской думы, т. е. того распорядительного органа, который должен был контролировать его действия. Характерна была откровенная мотивировка этого решения в журнале Государственного совета: «Совмещение обеих названных должностей (председателя думы и управы) в одном лице представляется весьма важным и для самого правительства, в интересах которого необходимо, чтобы во главе городского управления стояло лицо, значение коего давало бы ему способы во время сдержать увлечение и надлежащим образом направить общество; такое значение головы есть лучшее ручательство против незаконных постановлений как в Думе, так и в Управе. «Особый же председатель думы, «по-

[1] Я. Абрамов. Забытое сословие. «Наблюдатель», 1885, январь, стр. 272, 273.

буждаясь, напротив, желанием казаться вполне независимым от всякого влияния административной власти, мог бы нередко преследовать не вполне согласные с видами правительства цели» [1].

Наконец, следует упомянуть еще об одной черте, отличавшей Городовое положение от Земского. По Земскому положению конфликты между земством и губернатором рассматривались Сенатом, по Городовому же положению конфликты между городским самоуправлением и губернатором передавались на рассмотрение нового учреждения — Губернского по городским делам присутствия, состоявшего из вице-губернатора, управляющего казенной палатой, прокурора окружного суда, председателя мирового съезда, председателя губернской земской управы и городского головы губернского города, причем председателем присутствия состоял губернатор, т. е. одна из заинтересованных сторон. Таким образом зависимость городского самоуправления от местной администрации еще более усиливалась. Правда, решение Губернского присутствия городское управление можно все же было обжаловать в Сенат. Характерна мотивировка необходимости учреждения губернских присутствий Государственным советом: порядок разрешения конфликтов, установленный Земским положением, по мнению Государственного совета, был слишком громоздким и длительным; применив его к органам городского самоуправления, «правительство не имело бы действительного средства энергически, во-время, останавливать общественные управления в их неправильных действиях или незаконных увлечениях» [2].

В течение 70-х годов новое городовое положение было введено во всей России, за исключением Польши и Финляндии, где было сохранено прежнее городское устройство, и только что завоеванных районов Средней Азии.

При всей своей половинчатости, реформа местного самоуправления была все же известной уступкой буржуазии и шагом вперед: новые земские и городские учреждения гораздо больше были приспособлены к буржуазным условиям и гораздо лучше справлялись с делами местного хозяйства, чем прежние сословные и сословно-бюрократические органы. Лежавший в основе выборов имущественный ценз давал возможность влияния на местное самоуправление поднимающемуся классу буржуазии, — особенно, в городских думах, но отчасти и в земских собраниях; заседания городских дум и земских собраний были публичными и отчеты о них печатались в газетах, так что их деятельность подвергалась некоторому общественному контролю. Новые органы самоуправления в гораздо большей степени соответство-

---

[1] Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи, т. III, СПб., 1877, стр. 501.

[2] Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи, т. III, СПб., 1877, стр. 505.

вали потребностям капиталистического развития страны, чем екатерининские городские думы и всякие комитеты и комиссии по делам местного хозяйства.

§ 2. Судебная реформа

Более последовательной из буржуазных реформ 60-х годов была реформа судебная. Старый дореформенный суд ни в какой мере не удовлетворял потребности складывающегося буржуазного общества в устойчивом законном правопорядке, в известных гарантиях правильности судопроизводства, в ограждении деятельности судебных органов от вмешательства административного произвола. Несоответствие старого суда новым требованиям, выдвинутым развитием капиталистических отношений, ощущалось не только в общественных, но и в правительственных кругах еще в царствование Николая I. Особая комиссия под председательством графа Д. Н. Блудова разработала в 1856—1860 гг. и внесла в Государственный совет 14 отдельных законопроектов, касавшихся устройства суда и судебного процесса. Все эти проекты встретили решительные возражения со стороны министра юстиции графа В. Н. Панина, который согласился лишь на учреждение особого следственного института, подчиненного судебной власти. 8 июня 1860 г. был издан закон, согласно которому предварительное следствие по уголовным делам было изъято из рук полиции и передано особым чиновникам судебного ведомства — судебным следователям, которые назначались министром юстиции из лиц, получивших юридическое образование и имеющих опыт в судебных делах. Предшествующее следствию «дознание» было, однако, оставлено в руках полиции.

В 1861 г., в связи с обострением революционной ситуации, правительство решилось, наконец, отказаться от системы частичных поправок и поставить вопрос в полном объеме. В январе 1862 г. Александр II поручил Государственной канцелярии, с участием прикомандированных к ней известных юристов, изложить свои соображения «о тех главных началах, несомненное достоинство коих признано в настоящее время наукою и опытом европейских государств и по коим должны быть преобразованы судебные части в России»[1]. Прикомандированная к Государственной канцелярии группа юристов (С. И. Зарудный, Н. И. Стояновский, Н. А. Буцковский, Д. А. Ровинский, К. П. Победоносцев и др.), возглавлявшаяся государственным секретарем В. П. Бутковым, фактически действовала под руководством статс-секретаря департамента законов Государственного совета С. И. Зарудного, горячего сторонника буржуазных начал судоустройства и судопроизводства. Разработанные ею

[1] Министерство юстиции за сто лет, СПб., 1902, стр. 84.

«Основные положения» реформы, после обсуждения в Государственном совете, были утверждены Александром II (29 сентября 1862 г.), а затем опубликованы во всеобщее сведение и разосланы для отзыва в судебные учреждения и университеты. Министр юстиции граф В. Н. Панин, ярый противник буржуазных реформ, в октябре того же года был заменен Д. Н. Замятниным, а товарищем последнего был назначен Н. И. Стояновский. На основе утвержденных «положений», с некоторым учетом полученных отзывов (их было 400), был выработан проект новых «Судебных уставов», получивший утверждение Александра 20 ноября 1864 г.

В основу Судебных уставов 1864 г. были положены принципы, лежавшие в основе суда буржуазных государств Западной Европы и Америки. Это, во-первых, — принцип бессословности: старые сословные суды, сохранившиеся со времени Екатерины, были заменены общими судебными учреждениями для лиц всех сословий; независимо от принадлежности к тому или другому сословию, все судились в одних судах, по одним и тем же законам, при одном и том же порядке судопроизводства. Более крупные дела рассматривались в окружных судах. Территория, подведомственная каждому из них охватывала или губернию, или часть ее. Решения окружного суда, принятые с участием присяжных заседателей, считались окончательными, т. е. не подлежали обжалованию по существу; решения же его, принятые без участия присяжных заседателей, могли быть обжалованы в Судебную палату [1], являвшуюся высшей инстанцией по этим делам, решения которой считались уже окончательными. Решения судебных палат, так же как и решения окружных судов с участием присяжных заседателей, можно было обжаловать только в кассационном порядке, т. е. лишь в случае нарушения законного порядка судопроизводства. Кассационной инстанцией являлся Сенат, в составе которого учреждались для этой цели два кассационных департамента, один — для уголовных дел, другой — для гражданских; в случае отмены Сенатом решения суда, дело поступало на вторичное рассмотрение того же или другого суда. Мелкие проступки и правонарушения и мелкие гражданские иски рассматривались мировыми судьями при упрощенном порядке судопроизводства. Высшей инстанцией по отношению к мировому судье был съезд мировых судей всего уезда. Ограничением количества судебных инстанций имелось в виду устранить бесконечную судебную волокиту, характерную для дореформенного суда.

Предварительное следствие по уголовным делам производилось судебными следователями. Исполнение решений суда возлагалось на судебных приставов, состоящих при судебных ме-

[1] Округ суд. палаты охватывал территорию подведомственную нескольким окружным судам.

стах и подчиняющихся всецело их председателям (раньше их обязанности выполнялись полицией). Для засвидетельствования всякого рода актов были учреждены особые должности нотариусов. Наконец, для оказания юридической помощи нуждающимся в этом лицам был создан институт присяжных поверенных — адвокатов, не состоявших на государственной службе, но действовавших под контролем судебных палат; для вступления в присяжные поверенные нужно было иметь высшее юридическое образование и обладать пятилетним стажем судебной практики, хотя бы в качестве помощников присяжных поверенных или кандидатов на судебные должности. Адвокатам надо было платить гонорар, поэтому только состоятельные люди могли прибегать к их помощи. В уголовных делах бедняки получали бесплатного защитника по назначению, который часто вел дело невнимательно и формально. Надзор за законностью действий всех судебных учреждений возлагался на прокуратуру (обер-прокурор сената, прокуроры судебных палат и окружных судов и их товарищи), подчинявшуюся непосредственно министру юстиции.

Судебные уставы стремились обеспечить правильность самого процесса судопроизводства, соответствие его существующим законам. Этой цели должна была служить независимость суда от администрации; независимость обеспечивалась, как предполагалось, порядком назначения судей и их несменяемостью: председатели и члены судебных палат и окружных судов и судебные следователи утверждались императором, а мировые судьи Сенатом, после чего они не подлежали увольнению и даже временному отстранению от должности в административном порядке; они могли быть отстранены от исполнения обязанностей только в случае привлечения к суду по обвинению в уголовном преступлении, а совсем смещены лишь по приговору уголовного суда. С тою же целью введена была гласность судопроизводства; в противоположность дореформенному суду, где дела решались в тиши канцелярий, в новых судах судебный процесс совершался при открытых дверях, в присутствии публики. Отчеты о судебных заседаниях печатались в газетах. Введено было также участие сторон в судебном процессе: тяжущиеся стороны могли или сами непосредственно выступать на суде или поручать свое дело присяжным поверенным. Состязательный процесс применялся также и в уголовных делах: обвинителем выступал прокурор или его товарищ, а обвиняемый имел право защищаться лично или пригласить защитника. В старых же судах дело велось без участия заинтересованных лиц, путем канцелярской переписки.

Применен был частично также принцип выборности судей: мировые судьи избирались на три года уездными земскими собраниями, а в Петербурге и Москве — городскими думами из лиц, обладавших определенным имущественным цензом (от 400

до 1600 десятин земли или другой недвижимой собственностью, ценою в уездах в 15 тыс. руб., в городах — от 3 до 6 тыс.); председатель мирового съезда выбирался мировыми судьями уезда из своей среды. В неземских губерниях мировые судьи и председатели мировых съездов назначались администрацией. В окружных судах введен был институт присяжных заседателей из населения, — «судей общественной совести», как называли их тогда либералы. Присяжные заседатели, назначаемые по жребию в количестве 12 человек для рассмотрения каждого дела, решали вопрос о виновности или невиновности подсудимого в уголовных делах (гражданские дела рассматривались без участия присяжных). После решения присяжных состав суда (председатель и два члена), в зависимости от вынесенного присяжными «вердикта», определял степень наказания или освобождал подсудимого. Предполагалось, что присяжные, не связанные никаким официальным положением в суде и не стесненные никакими нормами, могут решить вопрос «по чистой совести». И присяжным заседателем мог быть не всякий: присяжные должны были обладать известным имущественным или служебным цензом, или иметь известного размера доход; кроме того, они должны были удовлетворять цензу оседлости — прожить не менее двух лет в пределах уезда.

Но все эти буржуазные принципы были применены не полностью, от них был сделан ряд отступлений. Рядом с новыми бессословными судами был сохранен сословный крестьянский волостной суд, учрежденный Общим положением 19 февраля 1861 г. Притом волостной суд судил не на основании общих для всего населения империи законов, а на основании местных крестьянских обычаев. Сохранились также особые суды для духовенства: духовные лица подлежали суду Духовной консистории [1] не только за нарушение церковных правил, но и по таким делам, как клевета, оскорбление словом или действием, несоблюдение обязательств и пр. Военные суды также судили военных не только за нарушение воинского устава, но и за некоторые правонарушения общего порядка. Наличие таких особых судов являлось отступлением от буржуазного принципа равенства всех перед судом. Такое же отступление представляли изъятия, сделанные для чиновников, совершивших преступления по должности [2] в этих случаях чиновники могли быть преданы суду только по постановлению своего начальства и судились в исключительном порядке, разными судебными учреждениями, в зависимости от своего чина и служебного положения. В особом порядке рассматривались также дела по преступлениям политическим: они

---

[1] Духовная консистория состояла под начальством архиерея из священников, назначаемых архиереем и утверждаемых Синодом.

[2] Если чиновник совершал обычное уголовное преступление, то он судился в общем порядке.

подлежали ведению не окружных судов, а судебных палат, или верховного уголовного суда. В судебных палатах, при рассмотрении дел о политических преступлениях, вместо присяжных принимали участие сословные представители — губернский и уездный предводители дворянства, городской голова и волостной старшина. Кроме того для репрессий по политическим делам правительство широко пользовалось арестами и ссылкою в административном порядке.

Ввиду того, что мировые судьи избирались уездными земскими собраниями, в которых преобладающую роль играло поместное дворянство, мировые судьи как общее правило, избирались из местных дворян-помещиков и, конечно, являлись представителями интересов своего класса.

Общий список присяжных составлялся особой комиссией, избранной уездным земским собранием, под председательством уездного предводителя дворянства. На каждую сессию окружного суда той же комиссиею составлялся так называемый очередной список, причем комиссия включала в него из общего списка тех или других лиц «по своему усмотрению и по внимательном обсуждении», в какой мере данное лицо «способно, по своим нравственным качествам и другим причинам, известным комиссии, к исполнению обязанностей присяжного заседателя». Ясно, что дворянский состав комиссии и председательство предводителя дворянства обеспечивало включение в очередной список только тех лиц, которые представлялись вполне «благонадежными» в политическом отношении.

Независимость суда от администрации не могла обеспечиваться несменяемостью судей, потому что для чиновников судебного ведомства сохранены были награды, чины и ордена. Судебный чиновник нередко старался выслуживаться перед начальством, чтобы получить орден или повышение в чине, так что косвенное давление на судей со стороны администрации сохранилось. Было и еще одно орудие давления — право перемещения судебных чиновников; правда, председатель или член окружного суда или судебной палаты мог быть перемещен только с его согласия, но кто же не согласился бы переехать из глухого медвежьего угла в крупный центр, заслужив милость начальства. Судебный же следователь и против своего желания мог быть перемещен из столицы или крупного губернского города в захолустье (в пределах того же округа), если не умел угодить своему начальству. Кроме того с 1867 г. стали обычно вместо следователей назначать «исправляющих должность следователей», на которых несменяемость не распространялась.

Не выдержан был и принцип гласности судопроизводства. Дела об «оскорблении святыни», о «порицании веры», об оскорблении родителей, о произнесении оскорбительных слов против особ императорской фамилии рассматривались при закрытых дверях. Не подлежали оглашению и данные предварительного

следствия, к участию в котором не допускались даже защитники подозреваемых в преступлении.

Не был доведен до конца и принцип отделения суда от администрации. Дознание по уголовным делам (предшествовавшее предварительному следствию) было оставлено в руках полиции, которой принадлежало право принимать «меры к пресечению подозреваемому способов уклоняться от следствия», т. е. попросту подвергать его предварительному аресту, а в случаях «не терпящих отлагательства», производить освидетельствования, обыски и выемки. «При недостатке судебных приставов» их обязанности также могли поручаться членам полиции.

Как видим, и судебная реформа сохранила немало элементов крепостнического порядка. Но все же, несмотря на отступления от буржуазных принципов, новый суд резко отличался от дореформенного суда, с его канцелярской тайной и взяточничеством, бесконечной волокитой по инстанциям, отсутствием адвокатуры и полным произволом администрации. Нужно сказать, однако, что Судебные уставы применялись далеко не всюду: они не были введены в Средней Азии и Сибири, а также на северной и юго-восточной окраинах Европейской России (губернии Архангельская, Олонецкая, Уфимская, Оренбургская и Астраханская); в Польше, Прибалтике и на Кавказе окружные суды решали все дела без участия присяжных заседателей.

Реформы коснулись и системы наказаний. Еще в марте 1861 г. кн. Н. А. Орлов, бывший в то время посланником в Брюсселе, представил Александру II записку, в которой настаивал на отмене телесных наказаний. Вопрос был передан на рассмотрение Комитета при II отделении собственной е. и. в. канцелярии, занятого пересмотром военно-уголовного законодательства. Несмотря на энергичное противодействие министра юстиции гр. В. Н. Панина и московского митрополита Филарета, выработанный комитетом проект закона был принят Государственным советом и 17 апреля 1863 г. утвержден Александром II. Совершенно отменялись варварские наказания шпицрутенами, плетьми и кошками [1] по приговорам гражданских и военных судов, представлявшие по правильному определению кн. Орлова, «квалифицированную смертную казнь как четвертование или колесование»; отменялось также наложение клейм и штемпельных знаков. Женщины были вовсе освобождены от телесного наказания.

Но и эта реформа остановилась на полдороге. Розги оставлялись как замена тюремного заключения или ареста в случае «явной невозможности» осуществить эти наказания. Для «нижних чинов», переведенных в разряд штрафованных, розги были вообще сохранены; сохранены они были также для ссыльных и каторжных (даже для женщин) и для заключенных в арестантские отделения. Для каторжан и ссыльно-поселенцев оставлены

[1] Плеть о многих хвостах из смоленой пеньки.

были и шпицрутены, замененные через полгода плетьми. Наконец, в неприкосновенности сохранилась розга для крестьян по приговорам волостных судов.

§ 3. Финансовые реформы

Был проведен ряд реформ буржуазного характера и в области финансов. Указом 31 мая 1860 г. «для оживления промышленности и торговли» был учрежден Государственный банк, которому были переданы все вклады из упраздненных кредитных учреждений (были ликвидированы земский и коммерческий банки, сохранные казны и приказы общественного призрения). Государственный банк получил право выдавать краткосрочные коммерческие ссуды (сроком до 9 месяцев). 26 октября 1860 г. был подписан Александром II закон об отмене характерной для феодально-крепостнического государства системы винных откупов и о замене ее акцизной системой. Утвержденное 4 июля 1861 г. новое Положение о питейном сборе было введено в действие с 1 января 1863 г. Согласно этому Положению, продажа вина становилась повсеместно свободной, но выпускаемое в продажу вино облагалось акцизным сбором, взимание которого возложено было на особые учреждения — акцизные управления.

Законом 22 мая 1862 г. внесен был новый порядок в составление смет отдельными ведомствами и в расходование ими ассигнуемых средств. Отдельные ведомства утратили свою финансовую самостоятельность: составляемые ими сметы проводились через Министерство финансов и Государственный совет; расходование средств должно было производиться согласно утвержденным сметам. Установлено было также так называемое «единство кассы»: все государственные доходы и расходы проходили через кассы Министерства финансов (именно, через главное, губернские и уездные казначейства). С 1862 г. роспись государственных доходов и расходов стала ежегодно публиковаться во всеобщее сведение; это имело очень важное значение для развития капиталистического хозяйства, так как сведения о состоянии государственных финансов влияют на положение кредита и на всю хозяйственную жизнь страны.

Указом 21 декабря 1864 г. был преобразован государственный контроль, во главе которого стал инициатор финансовых реформ этого времени В. А. Татаринов. Во всех губерниях были учреждены контрольные палаты, проверявшие ежемесячно расходы всех местных учреждений со стороны их законности и целесообразности. Контрольные палаты были независимы от местной администрации и подчинялись непосредственно государственному контролеру. С 1866 г. годичные отчеты государственного контролера об исполнении росписи также печатались для всеобщего сведения.

Назначенный в январе 1862 г. министром финансов М. Х. Рей-

терн сделал попытку восстановить твердый курс бумажного рубля [1]. Для увеличения золотого запаса был заключен в Лондоне заем в 15 млн. фунтов стерлингов, а с 1 мая 1862 г. был объявлен свободный размен кредитных рублей на звонкую монету по установленному курсу; этот курс постепенно повышался, с расчетом довести его до паритета. Но этим воспользовались спекулянты, скупавшие в большом количестве кредитные билеты и предъявлявшие их к размену при повышении курса. Бешеная спекуляция кредитными билетами привела к тому, что накопленный металлический запас уже к концу 1863 г. истощился и размен пришлось снова прекратить; в результате курс бумажного рубля понизился еще больше, чем стоял до попытки восстановить размен. Попытка реформы денежного обращения, таким образом, кончилась полной неудачей.

Достигнутое к середине 70-х годов довольно устойчивое превышение доходов над расходами [2], позволяло начать накопление свободной наличности государственного казначейства, как базы для перехода к металлическому обращению. Но начавшаяся в 1876 г. подготовка к войне с Турцией, а затем и самая война потребовали больших расходов и заставили вновь прибегнуть к выпускам бумажных денег в широком масштабе. Вопрос о переходе к твердой валюте пришлось снова отложить на неопределенное время.

Но наряду с этими мероприятиями буржуазного характера была сохранена подушная подать, введенная еще при Петре и не находившаяся ни в каком соответствии ни с доходом, ни с ценностью имущества, а падавшая на «душу», т. е. на рабочую силу, и носившая ярко сословный характер: облагались лишь так называемые «податные сословия», т. е. крестьяне, мещане и ремесленники. Дворянство было попрежнему свободно от личных податей, а купечество платило вместо подушной подати гильдейский сбор, соответствовавший размерам объявленного капитала. Правда, еще 10 июля 1859 г. была учреждена особая комиссия для пересмотра всей налоговой системы; комиссия эта работала в течение многих лет и пришла к заключению, что «без совершенной отмены подушной системы налогов невозможно достигнуть существенного улучшения в устройстве прямых податей» [3], — но практические результаты ее работ свелись лишь к мелким поправкам в действующей системе. Так, например, 1 января 1863 г. подушная подать с мещан в городах, посадах и местечках была заменена налогом на недвижимые имущества.

---

[1] Размен кредитных рублей на звонкую монету был приостановлен в 1858 г. Курс бумажного рубля стал падать (т. VII).

[2] И. С. Блиох. Финансы России XIX столетия, т. III, СПб., 1882, приложения.

[3] Труды Комиссии ...для пересмотра системы податей и сборов, т. III, Прямые налоги, СПб., 1863, «Представление» от 15 июня 1862 г., № 180, стр. 24.

Следует упомянуть еще о законе 1 июля 1870 г., согласно которому четвертая часть так называемого «государственного земского сбора», основывавшегося преимущественно на подушном обложении, была обращена с 1872 г. на земли, облагаемые местными земскими сборами, т. е. в том числе и на земли помещичьи. Законом 10 декабря 1874 г. государственный земский сбор был переименован в государственный поземельный налог. Размеры этого налога были невелики (от $^1/_4$ коп. до 10 коп. с десятины по разным губерниям), закон 1 июля 1870 г. имел принципиальное значение: до него дворянские земли государственными налогами не облагались, а местными налогами они стали облагаться впервые после издания Устава о земских повинностях 1851 г.

§ 4. Цензурная реформа

Еще в 1857 г. правительством был поставлен на очередь вопрос о пересмотре Цензурного устава. Целью этого пересмотра, как говорил министр народного просвещения А. С. Норов в представленной Александру II в 1858 г. записке, — было «положительно определить и обозначить ту долю благоразумной и законной свободы, которую правительство полагает возможным предоставить науке и литературе» [1]. Дело, однако, очень затянулось: сознавая необходимость уступки требованиям гласности со стороны широких общественных кругов, правительство стремилось ограничить эту гласность по возможности узкими пределами. Очень показательны в этом отношении были высказывания Александра II. «Есть стремления, — сказал он цензору А. В. Никитенко в марте 1859 г., — которые не согласны с видами правительства. Надо их останавливать. Но я не хочу никаких стеснительных мер. Я очень желал бы, чтобы важные вопросы рассматривались и обсуживались научным образом; наука у нас еще слаба. Но легкие статьи должны быть умеренны, особенно касающиеся политики» [2].

Колебания правительства выразились в смене противоречивых мероприятий. Внесенный в 1859 г. в Государственный совет министром народного просвещения Е. П. Ковалевским проект нового цензурного устава был вскоре взят обратно, так как в правительственных кругах возникла идея попытаться действовать на печать, как заявил Александр II, «не силою официальной строгости, а мерами убеждения и поощрения и приобретая таким образом нравственное на них влияние». 24 января 1859 г. был создан особый негласный «Комитет по делам книгопечатания», который должен был «служить орудием правительства для подготовления умов посредством журналов к предпринимаемым

[1] С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, СПб., 1902, стр. 390.

[2] А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. 1, СПб., 1904, стр. 556.

мерам» и «направлять по возможности новые периодические литературные издания к общей государственной цели, поддерживая обсуждение общественных вопросов в видах правительственных» [1]. Скоро выяснилось, что приобрести «нравственное влияние» на печать Комитету не удалось, и создана была новая, уже междуведомственная комиссия для разработки проекта цензурного устава.

Пока подготовлялся новый закон, правительство сочло нужным принять временные меры против «злоупотреблений» печати. 18 мая 1862 г. были утверждены «Временные правила», согласно которым рассуждать о «несовершенстве существующих у нас постановлений» и о «недостатках и злоупотреблениях администрации» дозволялось только в книгах объемом не менее 10 листов и в периодических изданиях ценою не менее 7 руб. в год, причем, в случае «вредного направления», периодическое издание могло быть не только лишено этого права, но и приостановлено на срок не свыше 8 месяцев. Наблюдение за печатью поручалось не только Министерству народного просвещения, в ведении которого находилась цензура, но и Министерству внутренних дел. 10 января 1863 г. цензура была окончательно передана в Министерство внутренних дел, при котором была создана новая комиссия по пересмотру цензурного устава. Летом 1863 г. она закончила разработку проекта нового цензурного устава, а 6 апреля 1865 г. проект с некоторыми изменениями, внесенными Государственным советом, был утвержден Александром II, опять в качестве «временных правил» (сохранивших однако свою силу вплоть до 1905 г.).

Временными правилами 6 апреля отменялась предварительная цензура для книг более или менее значительного размера (не менее 10 листов для оригинальных сочинений и 20 листов для переводных). Но для небольших книг и брошюр, т. е. для литературы, рассчитанной преимущественно на массовое распространение, предварительная цензура сохранялась. Периодические издания также могли освобождаться от предварительной цензуры, но с особого разрешения министра внутренних дел и при условии представления довольно значительного денежного залога (от 2500 до 5000 руб.). За нарушение закона издания, освобожденные от предварительной цензуры, подлежали ответственности только в судебном порядке, причем к суду могли быть привлечены не только автор или редактор, но также издатель, владелец типографии и книготорговец. В «чрезвычайных» случаях, когда распространение «противозаконного» сочинения или повременного издания могло причинить «значительный вред», на это издание мог быть наложен предварительный арест до решения суда. Периодические издания могли подвергаться кроме того административному воздействию в виде «предосте-

[1] С. М. Середонин. Указ. соч., т. III, ч. 2, стр. 197—198.

режений», временной приостановки (до 6 месяцев) и даже совершенного прекращения. Наконец, новые правила распространялись только на столицы, по отношению же к провинции предварительная цензура сохранила прежнюю силу (за исключением изданий правительственных и научных учреждений). Сохранена была также специальная духовная цензура. Таким образом, сделав некоторые незначительные уступки буржуазной свободе печати, правительство крепостников удержало в своих руках возможность самого непосредственного воздействия на печатное слово.

§ 5. Школьные реформы

Реформы коснулись и народного просвещения. Еще редакционные комиссии высказались о «настоятельной необходимости» учреждения повсеместно сельских училищ и представили свои соображения об этом в Главный комитет по крестьянскому делу; необходимость школы мотивировалась тем, что «распространение грамотности, как единственный способ ознакомления крестьян с распоряжениями правительства, действительнее всяких других мер предупредит безотчетное увлечение несбыточными ожиданиями и слепую веру, с которою принимаются часто самые неосновательные слухи»[1]. По высочайшему повелению 28 июля 1861 г. был образован особый междуведомственный комитет для разработки общего плана устройства элементарных школ и училищ разных ведомств. Одновременно разрабатывался проект устройства начальных школ и Ученым комитетом министерства народного просвещения. Оба проекта были разосланы на отзыв известным русским и иностранным педагогам; на основе всего этого материала был составлен проект «Положения о начальных народных училищах», утвержденный Александром II 14 июля 1864 г. Право открытия и содержания школ было предоставлено общественным учреждениям и частным лицам, но с разрешения правительственных органов. Учредителям были предоставлены заботы о материальном положении школ, но руководство учебной частью было передано губернским и уездным училищным советам. Уездный совет состоял из представителей различных ведомств с участием двух представителей от уездного земского собрания; председатель уездного совета избирался его членами из своей среды; в губернском же совете, состоявшем из губернатора, архиерея, директора училищ данной губернии и двух представителей от губернского земского собрания, председательствовал архиерей. Такой порядок вполне гармонировал с задачами школы, формулированными Положением: целью школы признавалось не только «распространение первоначальных по-

[1] Первое издание материалов редакционных Комиссий, ч. XVII, СПб., 1860. Доклады особой Комиссии, отдел III, стр. 3.

лезных знаний», но и главное, — «утверждение в народе религиозных и нравственных понятий». В соответствии с этим определялось и содержание учебного курса: «закон божий», чтение гражданской и церковной печати, письмо, четыре правила арифметики и церковное пение. Преподавание должно было производиться повсюду только на русском языке.

Еще в 1856 г. Ученому комитету Министерства народного просвещения было поручено составление проекта нового устава средних учебных заведений. Выработанный в 1860 г. проект был опубликован и вызвал широкое обсуждение в печати. Переработанный в 1862 г. с учетом сделанных замечаний, он был разослан на отзыв многим русским и заграничным педагогам. Получено было свыше 400 отзывов; одни из рецензентов выступали в защиту «классической» системы образования, основанной на изучении древних языков и греческой и римской литературы; другие настаивали на «реальной» системе, основанной на изучении дисциплин, находящих применение в практической жизни. Выработанный Ученым комитетом третий проект «устава гимназий и прогимназий» [1], получил утверждение 19 ноября 1864 г.

Устав 1864 г. вводил в среднюю школу буржуазный принцип формального равенства прав на образование для всех, имеющих возможность внести установленную плату за учение: в гимназии могли приниматься дети лиц «всех состояний, без различия звания и вероисповедания». Гимназии предусматривались двух типов — классические и реальные, те и другие семиклассные; в первых преподавались латинский и греческий языки, или один латинский; во вторых — древних языков не было, но взамен был увеличен объем курса математики и естествознания. Окончившие классическую гимназию имели право поступать без экзамена в университет; окончание реальной гимназии не давало этого права, а лишь «принималось в соображение» при поступлении в высшие технические учебные заведения. Таким образом, реальные гимназии далеко не были уравнены в правах с классическими.

Большой сдвиг произошел в области женского образования. «Ведомство учреждений императрицы Марии», наряду с закрытыми женскими учебными заведениями — «институтами благородных девиц», еще в 1858 г. начало открывать женские училища для приходящих, куда принимались дети лиц всех свободных сословий. 9 января 1862 г. эти школы получили свой устав, а указом 10 ноября того же года были переименованы в женские гимназии. Курс обучения в них был семилетний, но разрешалось иметь и 8-й дополнительный класс для подготовки учительниц.

30 мая 1858 г. было утверждено «Положение об училищах для девиц» Министерства народного просвещения. Училища

[1] Прогимназиями назывались неполные гимназии.

учреждались двух ступеней: 1-го разряда — шестиклассные и 2-го разряда — трехклассные. 10 мая 1860 г. было утверждено новое «Положение о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения», которое вводило в училищах педагогические советы по образцу педагогических советов гимназий. Объем курса как «мариинских» женских гимназий, так и министерских женских училищ был однако значительно меньше курса мужских гимназий — как классических, так и реальных; допуская женское образование, правительство все же не считало возможным установить одинаковый образовательный уровень для обоих полов: целью женской школы, как было указано в Положении 1860 г., признавалась лишь та степень «религиозно-нравственного и умственного образования», которая необходима преимущественно для «будущей супруги и матери семейства». Нужно прибавить, что Министерство народного просвещения предоставило открытие женских училищ целиком инициативе общественных учреждений, на которые возлагало и все расходы по их содержанию; при таких условиях многие земства и городские думы воздерживались от проявления инициативы или ассигновывали средства, совершенно недостаточные для сколько-нибудь удовлетворительной постановки дела.

Еще в самом начале царствования Александра II был поставлен также вопрос о пересмотре Университетского устава 1835 г. К началу 1862 г. особая комиссия из попечителей учебных округов с участием профессоров закончила разработку проекта нового устава, который был опубликован и разослан на отзыв в университеты и отдельным русским и иностранным ученым; кроме того министерством был командирован за границу К. Д. Кавелин (бывший до 1861 г. профессором Петербургского университета) для изучения постановки дела в иностранных университетах. 18 июня 1863 г. еще раз переработанный проект устава был утвержден с некоторыми изменениями Александром II. Устав 1863 г. восстанавливал автономию профессорской коллегии, упраздненную уставом 1835 г. Руководство всей жизнью университета принадлежало университетскому совету, состоявшему из профессоров; управление факультетами находилось в руках факультетских собраний. Ректор университета и деканы факультетов избирались профессорской коллегией; путем выборов замещались также должности профессоров и других преподавателей. Министерству, однако, было предоставлено право утверждать по своему усмотрению избранных советом профессоров и других должностных лиц, и даже назначать профессоров. Некоторые решения университетского совета подлежали утверждению попечителя округа или министра; попечитель мог также приостановить всякое решение совета, если находил его несогласным с уставом. Что касается студентов, то и по новому уставу они не получили никаких корпоративных прав; при поступлении в университет они должны были давать подписку

с обязательством подчиняться установленным правилам и подлежали профессорскому дисциплинарному суду, избираемому советом. Женщины в университет не допускались.

В каждом университете создавалось четыре факультета: историко-филологический, юридический, физико-математический (с математическим и естественным отделениями) и медицинский. Курс обучения был сохранен четырехлетний. Новый устав был введен во всех университетах [1].

Новый университетский устав сложился под непосредственным впечатлением студенческого движения 1861 г.; он должен был удовлетворить требования либеральной профессуры и обеспечить ее содействие в борьбе с революционным движением студенчества. Против сохранения власти попечителя и министра по отношению к профессорской коллегии не возражали и сами либеральные профессора. «После студенческих беспорядков, — писал Б. Н. Чичерин, — менее всего можно было думать о том, чтобы ограничить права начальства». И он совершенно прав, утверждая, что устав 1863 г. был плодом не «крайнего либерализма», а напротив — «здравого» консервативного направления» [2].

§ 6. Военные реформы

Военные реформы 60—70-х годов являлись прямым результатом тех социально-экономических сдвигов, которые происходили в России в пореформенную эпоху.

Обострение классовых противоречий в стране, нашедшее свое дальнейшее развитие в революционной ситуации 1859—61 гг. явилось одной из основных причин, вызвавших преобразование военной организации. Рост крестьянского движения, распространение революционных настроений среди разночинной интеллигентской молодежи, и в том числе среди части офицерства, — все это обусловливало стремление царизма укрепить армию, являвшуюся одним из основных орудий государственной власти.

Наряду с этим внешнеполитическая обстановка, сложившаяся после Парижского мира, также определяла стремления царского правительства реформировать армию, организация которой обнаружила в период Крымской войны свою полную несостоятельность.

Необходимость укрепления армии настоятельно диктовалась и напряженной международной обстановкой — захватническими

---

[1] В это время существовали университеты в Москве, Петербурге, Харькове, Казани, Киеве и Дерпте (сов. Тарту); в 1865 г. прибавился Новороссийский университет в Одессе, преобразованный из Ришельевского лицея. В 1869 г. в университет была преобразована Варшавская главная школа. В 1884 г. был открыт университет в Томске (с неполным количеством факультетов).

[2] Воспоминания Б. Н. Чичерина. Московский университет. М., 1929 г., стр. 57.

планами английской буржуазии на Ближнем и Среднем Востоке, а также стремлением прусского юнкерства создать в западных границах России мощное милитаристское государство.

Наконец, необходимость укрепления армии представлялась особенно очевидной в обстановке быстрого роста вооружений главнейших европейских стран, а также развития военной техники.

Военные реформы 60—70-х годов являлись неразрывной частью буржуазных преобразований того времени, отражая процесс эволюции царизма по пути превращения его в буржуазную монархию.

Эти преобразования, проведенные царизмом в интересах сохранения господства класса помещиков и приспособления военной организации к условиям капиталистического развития не могли быть последовательны, сохранив в значительной степени феодально-крепостнические пережитки в области военного устройства.

Еще во время Крымской войны начинается открытая критика существующих военных порядков. Уже в середине 1855 года была создана особая «комиссия для улучшений по военной части» под председательством главнокомандующего гвардейскими и гренадерскими корпусами генерал-адьютанта графа Ридигера и затем после его смерти под председательством его преемника по командованию ген. Плаутина. Вопросы, рассматриваемые этой комиссией, не касались основных принципов устройства и организации армии. Комиссия ограничилась лишь разработкой отдельных частных мер. Возглавивший военное министерство с 1856 г. ограниченный и крайне невежественный генерал Н. О. Сухозанет II не был в состоянии понять необходимость коренной реорганизации армии, а тем более возглавить ее.

Таким образом, в первые годы после Крымской войны никаких существенных изменений произведено не было.

Серьезные преобразования русской армии начаты были лишь с 1862 года, когда военным министром был назначен генерал Д. А. Милютин.

Последние годы перед назначением в военное министерство, Милютин занимал должность начальника штаба Кавказской армии.

По своим политическим взглядам Милютин был близок либералам, являясь сторонником буржуазных преобразований.

С конца 1861 г. во всей деятельности военного министерства произошел резкий перелом.

В результате большой работы, к которой было привлечено все министерство, общая программа по всем частям военного управления и организации армии была готова менее чем в двухмесячный срок и 15 января 1862 года представлена Александру II. В основу новой организации вооруженных сил Милютин положил следующий принцип: развивать в наибольшей соразмерности

боевые силы в военное время при наименьшем числе наличных войск в мирное время. Предполагалось изменить характер обучения войск, отказавшись от плац-парадной муштры, которой определялась система обучения дореформенной армии.

Одной из первых реформ Милютина явилась реорганизация системы центрального военного управления и создание местных территориальных органов в виде военных округов. Необходимость этой реформы заключалась, во-первых, в крайней бессистемности центрального военного управления и, во-вторых, в полном отсутствии системы местных органов. Военное министерство представляло собой в большей мере орган административно-хозяйственного управления, так как значительная часть войска ему вовсе не подчинялась. Так не подчинялась военному министерству вся артиллерия, находившаяся в ведении генерал-фельдцехмейстера, имевшего право непосредственного доклада царю. Инженерная часть также не подчинялась военному министерству, а генерал-инспектору по инженерной части. Обе эти должности замещались лицами императорской фамилии, а потому пользовались полной самостоятельностью.

Не подчинялась военному министерству вся гвардия, гренадерский корпус, а также Действующая Армия, сохранявшаяся в условиях мирного времени и расположенная на западной границе. Наконец, военно-учебные заведения также не входили в систему военного министерства. Еще хуже обстояло дело с местными органами военного управления. Если на окраинах существовали своеобразные местные органы (действующая армия, Кавказская армия, отдельные Оренбургский и Сибирский корпуса), то внутри империи они вовсе отсутствовали, за исключением некоторых департаментов, имевших на местах свои «представительства», ведавшие снабжением теми или иными видами довольствия. Однако, при этом надо отметить, что границы этих «представительств» не совпадали друг с другом, и войска, расположенные в одном и том же районе, получали снабжение из разных мест.

Отсутствие местных органов военного управления естественно вызывало излишнюю централизацию.

В результате проведенного преобразования по Положению 1867 года был создан аппарат центрального военного управления. Как войска, так и все отрасли военного управления, были подчинены военному министерству. Еще ранее реформы центрального управления были созданы военные округа. По Положению 6 августа 1864 г. вся территория России была разделена на 15 военных округов. Каждый округ являлся одновременно и органом строевого управления и органом военно-административного устройства, сосредоточивая в себе все функции военного управления и представляя собою как бы военное министерство в местном масштабе.

Военно-окружная система имела ряд крупных преимуществ,

устранялась излишняя централизация управления — один из основных недостатков дореформенной военной администрации. А главное, военно-окружная система создавала большие преимущества в деле оперативного руководства войсками, обеспечивая быструю мобилизацию их. Создание военных округов преследовало вместе с тем и другие цели: обеспечение «внутреннего порядка». Каждый военный округ представлял собою своеобразное «генерал-губернаторство», или точнее, мог в любой момент превратиться в таковое. Таким образом, борьба с революционным движением являлась также одной из причин создания военных округов.

Одновременно с реорганизацией военного управления проводилась огромная работа в области устройства армии. В своем докладе 15 января 1862 г. Милютин отметил, что главной задачей переустройства является создание необходимых резервов.

Основным недостатком дореформенной армии являлась стабильность ее состава как в мирное, так и в военное время. Причиной этого являлся принцип ее комплектования. С конца XVIII в. срок военной службы определялся 25 годами, ежегодный же контингент рекрутов в 30—50-е годы составлял 80 тыс. человек. Таким образом, основная масса населения оставалась вне армии. Увеличить же контингент призываемых за счет сокращения сроков службы, создав тем самым кадры обученного запаса без потрясения основ существовавшей системы, — было невозможно: при крепостном праве зачисленные в солдаты становились вольными. Таким образом, крепостное право являлось непреодолимым препятствием к созданию массовой армии. Правда, с 1834 года начали принимать некоторые меры к созданию обученного людского запаса, путем увольнения в бессрочный отпуск солдат, прослуживших в армии 20 лет.[1] Однако, эта палиативная мера не могла принести ощутительных результатов и к 1853 г. на миллионную армию приходилось всего 213.433 запасных,[2] причем в действительности число их было значительно ниже, так как среди увольнявшихся в бессрочный отпуск было немало инвалидов.

Исходя из принципа наибольшего сокращения армии в мирное время и наибольшего развертывания ее в военное, Милютин понимал, что достигнуть этого можно лишь при условии введения всесословной воинской повинности и установления сокращенных сроков службы. Однако, полагая, что это предложение встретит сильное сопротивление в реакционных кругах дворянства и не увенчается успехом, он решил на первых порах предложить лишь увольнение солдат во временный отпуск на 7—8 году службы, а также поставил вопрос о пересмотре существующего рекрут-

[1] С 1859 г. увольнение в бессрочный отпуск стало производиться после 15 и даже 12 лет службы.

[2] А. М. Зайончковский. Восточная война 1853—56 гг. в связи с современной ей политической обстановкой, т. 1, СПб., 1908, стр. 471.

ского устава, имея в виду привлечение к отбыванию воинской повинности привилегированные слои населения. Хотя эта частичная мера и не могла обеспечить создания массовой армии, но все же дала ощутительные результаты: к 1870 году в запасе находилось 553 тыс. человек вместо 210 тыс. в 1862 году. Вместе с тем Милютин добился и значительного сокращения численности армии в мирное время.

Большие изменения были внесены и в принцип развертывания армии: если ранее увеличение армии в случае войны осуществлялось формированием новых тактических единиц, то отныне оно достигалось увеличением штата, существующих в мирное время войсковых частей — с этой целью количество дивизий было увеличено с 31 до 47 и установлен сокращенный состав их в мирное время.

Состояние офицерского корпуса явилось одним из наиболее слабых мест русской армии в силу чего реформа военно-учебных заведений занимала большое место в системе военных преобразований.

Комплектование армии офицерами в дореформенный период происходило, во-первых, за счет оканчивавших кадетские корпуса и специальные военные училища (артиллерийское и инженерное), и во-вторых, за счет так называемых «недорослей из дворян», поступивших в армию добровольно юнкерами, а также и унтер-офицеров общих сроков службы, т. е. призывавшихся в армию по рекрутскому набору.

Основную же массу офицеров составляли «недоросли из дворян», не обладавшие почти никакими знаниями как в области военной, так и общеобразовательной.

Что касается воспитанников кадетских корпусов и военных училищ, то количество их не превышало 30% общего числа офицеров и к тому же военное образование их также было крайне неудовлетворительно. В середине 60-х годов, когда военно-учебные заведения были переданы в подчинение Военному министерству, проводится реорганизация всей системы военного образования.

Одной из первых реформ, проведенных в области военного образования, была реорганизация кадетских корпусов, которые состояли из общеобразовательных и специальных классов. Такое совмещение в одном учебном заведении и общего, и специального военного образования отрицательно сказывалось на качестве как преподавания, так и воспитания. В середине 60-х годов специальные классы кадетских корпусов, за исключением Пажеского и Финляндского, были уничтожены и вместо них созданы военные училища, в которые принимались лица со средним образованием. Кадетские корпуса были преобразованы в военные гимназии, представлявшие средние учебные заведения, лишь в известной мере военизированные, с программой, приближающейся к курсу реальной гимназии.

В результате этого преобразования качество преподавания и воспитания в военных гимназиях значительно улучшилось по сравнению с кадетскими корпусами. После реакционных реформ Д. А. Толстого в области средней школы военные гимназии явились лучшими средне-учебными заведениями в стране.

Воспитанники военных гимназий составляли в основном контингент поступающих в военные училища, которые в свою очередь выпускали ежегодно около 600 офицеров. Однако этого количества недоставало для пополнения командного состава армии и Военное министерство создало еще один вид военных учебных заведений — юнкерские училища, для поступления в которые требовались знания в объеме 4 классов средне-учебного заведения. Ежегодно из юнкерских училищ выпускалось более полутора тысяч офицеров. В результате создания военных и юнкерских училищ в середине 70-х годов удалось едва лишь ликвидировать некомплект офицеров. По штатам мирного времени, кадров офицерского запаса создано все же не было. Не была решена и проблема обеспечения офицерским составом артиллерии и инженерных войск. Большая часть офицеров этих родов оружия не имела специального образования. Состав офицерского корпуса попрежнему оставался дворянским.

Качество высшего военного образования также значительно улучшилось: коренным образом были пересмотрены учебные планы и программы Военных академий. Помимо трех существовавших: Генерального штаба, Артиллерийской и Инженерной, была открыта четвертая — военно-юридическая. Однако количество офицеров, оканчивавших военные академии, было ничтожно и не обеспечивало потребностей армии в офицерах с высшим образованием.

Серьезные реформы были проведены в области боевой подготовки войск. В своем докладе 15 января 1882 г. Милютин писал: «Совершенствование армии основано преимущественно на образовании единиц ее составляющих, на развитии их природных способностей не только физических, но и умственных...» [1].

Военное министерство пыталось существенно изменить принципы обучения солдат, возродив Суворовское положение: обучать лишь тому, что нужно для войны. В этих целях большое внимание уделялось физическому воспитанию солдат, подготовке их к трудным условиям боевой жизни. В войсках было введено преподавание гимнастики и фехтования. Стрелковое образование, развитие искусства стрельбы в цель получили большое распространение. Тактическое обучение войск также изменилось. В середине 60-х гг. был разработан новый воинский устав строевой пехотной службы.

Однако и эта новая система боевой подготовки содержала

---

[1] «Столетие Военного министерства. Приложение к историческому очерку развития военного управления в России». СПб., 1902, т. 1, стр. 92.

в себе серьезные недостатки. Основным недостатком ее являлось несоответствие тактических принципов уровню развития огнестрельного оружия; это находило свое выражение, главным образом, в сохранении сомкнутого строя в пехоте, игнорировании действий кавалерии, в спешенном строю, а также в недостаточном использовании возможностей новых видов вооружения (недооценка стрельбы на дальние расстояния).

Последовательное осуществление новых принципов обучения войск было невозможно в условиях сохранения самодержавно-дворянского строя. Живучесть феодальных традиций создавала непреодолимую преграду в деле должной боевой подготовки войск.

Одним из основных вопросов преобразования армии являлось снабжение ее новыми видами вооружения.

Отсталость вооружения русской армии, обнаружившаяся со всей очевидностью в период Крымской войны, а также дальнейшее развитие военной техники заставили правительство пойти по пути перевооружения войск.

В первые годы по окончании Крымской войны, перевооружение армии производилось крайне медленно, что объяснялось отсталостью военной промышленности, базировавшейся на крепостном труде, а также тяжелым финансовым положением государства. Лишь с начала 60-х годов темпы перевооружения несколько усиливаются.

Период перевооружения армии можно подразделить на два этапа: первый, примерно до 1866 года, когда происходила замена гладкоствольного вооружения нарезным, заряжающимся с дула, и второй этап — с 1866 года, характеризовавшийся введением нарезного, заряжающегося с казенной части вооружения.

В области стрелкового вооружения с 1866 года производилась переделка существовавших винтовок и изготовление новых по различным системам (Терри-Нормана, Карле, Крнка). Снабжение армии новыми винтовками осуществлялось крайне медленно вследствие слабого развития отечественных заводов и отсутствия средств для приобретения оружия заграницей.

Лишь в начале 70-х годов армия оказалась снабженной заряжающимися с казны винтовками (преимущественно системы Крнка).

Дальнейшее развитие военной техники ставило, однако, вопрос о переходе к новым видам стрелкового оружия — скорострельным винтовкам, обладавшим значительной дальностью действия.

В связи с этим еще в конце 60-х годов была принята на вооружение скорострельная винтовка так называемой системы Бердана, фактически сконструированная русскими офицерами Горловым и Гуниусом и именовавшаяся в Америке «русской винтовкой». Только с 1872 года на отечественных заводах было приступлено к освоению этой системы оружия.

В результате коренной реконструкции Тульского оружейного завода и механизации процессов производства на Ижевском и Сестрорецком заводах массовое изготовление этих винтовок было организовано в середине 70-х годов. Однако к началу русско-турецкой войны перевооружение армии скорострельными винтовками еще не было закончено, и из 47 пехотных дивизий лишь 16 были вооружены винтовками новой системы.

С 1866 года происходит перевооружение артиллерии как полевой, так и тяжелой, новыми орудиями, заряжающимися с казенной части.

Разработанные русскими учеными артиллеристами Маиевским, Гадолиным, Калакуцким, Лавровым системы артиллерийских орудий и снарядов к ним не только не уступали иностранным, но значительно превосходили их.

Эти изобретения характеризовали приоритет русской науки в ряде важнейших вопросов военной техники. Однако значительная часть этих изобретений не была своевременно реализована. Причина этого заключалась в косности и инертности правительственной машины, в преклонении царизма перед иностранщиной, игнорировании им творческих сил русского народа, в промышленной и экономической отсталости страны. Слабое развитие отечественной сталелитейной промышленности (Обуховский и Мотовилихинский заводы в этот период лишь осваивали изготовление орудий большого калибра) приводило к необходимости размещения заказов заграницей, главным образом, на заводах Круппа. В результате этого иностранные армии — прусская, бельгийская — не только имели на вооружении орудия, сконструированные русскими артиллеристами, но и снабжались ими ранее русской армии.

В результате работы Обуховского и Мотовилихинского заводов, освоивших к концу 60-х годов изготовление всех систем артиллерийского вооружения, а также реконструкции Брянского, Петербургского и Киевского арсеналов, было закончено в начале 70-х годов перевооружение всей полевой артиллерии новыми орудиями, заряжающимися с казенной части. Перевооружение же осадной и крепостной артиллерии не было завершено к началу русско-турецкой войны.

Надо отметить, что на Обуховском заводе с 1868 года начал применяться впервые принцип лейнерования орудий, (вставка в канал ствола внутренней втулки) неизвестный за границей и «открытый» иностранными учеными лишь в 20-х годах настоящего столетия.

В начале 70-х годов, в связи с дальнейшим развитием техники артиллерийского дела, возникла необходимость перехода к орудиям, обладавшим значительно большим радиусом действия. Тогда же русскими учеными-артиллеристами была сконструирована дальнобойная полевая пушка, однако вследствие инерт-

ности военного ведомства и отсутствия финансовых средств, она не была принята на вооружение. В результате этого армия к началу русско-турецкой войны не обладала вовсе дальнобойной полевой артиллерией.

Перевооружение армии продолжалось более 20 лет и не было закончено к началу русско-турецкой войны. Это объяснялось в первую очередь экономической отсталостью самодержавно-дворянского государства, а также неспособностью его организовать казенную военную промышленность на новых началах вольнонаемного труда.

Если в результате осуществленных мероприятий было обеспечено производство стрелкового вооружения на отечественных заводах, то в области изготовления артиллерийских орудий в значительной степени сохранялась зависимость от заграницы.

Таковы вкратце реформы в области военного управления и организации армии, осуществленные Военным министерством на протяжении первых 8—9 лет.

* *
*

Обострение классовых противоречий внутри страны к началу 70-х годов, с одной стороны, изменение внешнеполитической обстановки, выразившейся в росте милитаризма в Европе и образовании агрессивной Германии, с другой — все это требовало укрепления армии — одного из основных орудий государственной власти. Эти обстоятельства и дали возможность поставить вопрос о введении всесословной воинской повинности и увеличении количества войск.

Большую помощь в этом вопросе оказал Милютину П. А. Валуев, находившийся в 1870 г. заграницей и явившийся свидетелем разгрома Франции. Валуев представил царю через Милютина свою записку «Мысли невоенного о наших военных силах», в которой указывал на необходимость увеличения вооруженных сил на основе введения всесословной воинской повинности.

На основе этой записки, одобренной Александром II, был разработан проект, предусматривавший, на основе введения воинской повинности и сокращения сроков службы, значительное увеличение возможностей развертывания армии во время войны.

Для дальнейшей разработки предложенных мер были созданы две комиссии: одна — по введению всесословной воинской повинности, другая — по созданию резервных и запасных войск, а также по реорганизации ополчения.

В начале 1872 г. Милютин предложил Александру II созвать секретное совещание, дабы обсудить подготавливавшиеся мероприятия, как в области дальнейшего увеличения армии, так и других вопросов военного устройства. На совещаниях должна была обсуждаться стратегическая записка, составленная генера-

лом Обручевым, предусматривавшая строительство ряда железных дорог, а также и укреплений на западной границе.

На этих совещаниях, происходивших в феврале — марте 1873 года противники военных преобразований решили поставить вопрос об изменении всей системы военного управления и организации армии, созданной Милютиным.

Во главе оппозиции стоял фельдмаршал кн. Барятинский, являвшийся сторонником прусской системы организации армии. Рекомендовав в свое время Милютина на пост военного министра, кн. Барятинский рассчитывал при его помощи реализовать свои планы, однако, впоследствии найдя в лице Милютина принципиального противника, сделался его врагом.

Кн. Барятинский находил поддержку у ряда великих князей и других реакционных элементов. Объективный смысл этой борьбы заключался в стремлении сохранить феодальный характер армии, воспрепятствовать буржуазному ее преобразованию. Однако, на секретных совещаниях вся система военного управления, была сохранена.

Изменения заключались лишь в восстановлении в мирное время армейских корпусов, командиры которых подчинялись командующим военных округов, а также в восстановлении уничтоженного после Крымской войны деления дивизии на две бригады.

Но вместе с тем, весь план намеченных Военным министерством мероприятий в области проведения стратегических линий железных дорог и строительства крепостей не смог быть реализован из-за недостатка средств в государственном бюджете, вследствие чего Министерство финансов, категорически возражало против значительного увеличения бюджета военного ведомства.

Разработка и утверждение закона о всесословной воинской повинности вызвали также серьезное сопротивление реакционных элементов.

Министр народного просвещения гр. Д. А. Толстой, редактор «Московских ведомостей» Катков, шеф жандармов П. А. Шувалов и другие, являясь сторонниками сохранения исключительно дворянского состава офицерского корпуса и монополии на высшее и среднее образование за привилегированными сословиями, выступали противниками обсуждавшегося проекта. Однако победа осталась за Милютиным.

1 января 1874 г. был утвержден устав о воинской повинности. По этому закону воинскую повинность должно было отбывать все мужское население, достигшее 21 года без различия сословий. Ввиду того, что контингент ежегодно призываемых был все же значительно меньше числа лиц, подлежащих призыву, лишь часть призывников определялась на действительную службу, с последующим перечислением в запас армии, а затем в ополчение, другая же часть зачислялась прямо в ополчение. Вопрос

этот определялся во-первых, льготами по семейному положению, — и такие лица большей частью освобождались от военной службы; во-вторых, для прочих призываемых — жеребьевкой.

Срок действительной военной службы устанавливался в 6 лет. Большие льготы предоставлялись по образованию: срок действительной службы для лиц, окончивших военное учебное заведение устанавливался в 6 месяцев, для окончивших гимназии и соответствующие им учебные заведения — полтора года, прогимназии и городские училища — 3 года и, наконец, для получивших начальное образование — 4 года. Для лиц, получивших высшее и среднее образование, срок службы сокращался еще вдвое, при условии отбывания повинности в качестве вольноопределяющихся.

Устав о воинской повинности разрешил одну из основных задач реорганизации армии — создание запаса обученных резервов, необходимых для мобилизации армии. Постройка ряда важнейших железнодорожных магистралей создавала условия для быстрого ее проведения. Однако в условиях самодержавного строя эта реформа не могла быть последовательной до конца; устав 1-го января 1874 г., распространивший службу в армии на все сословия, все же не обеспечил введения всеобщей воинской повинности. Значительная часть «инородческого» населения окраин вовсе устранялась от воинской повинности, далее, освобождались от призыва лица духовного звания, меннониты, отдельные группы колонистов, не говоря уже о многочисленных отступлениях от закона для господствующих классов, практиковавшихся в условиях самодержавно-дворянского строя.

Все это давало Ленину основание говорить: «В сущности, у нас не было и нет всеобщей воинской повинности, потому что привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений» [1]. Однако при всем этом введение всесословной воинской повинности имело большое положительное значение. В результате введения ее господствующие классы вынуждены были «...обучать весь народ владеть оружием, так что последний приобретает возможность в известный момент осуществить свою волю вопреки командующему военному начальству» [2].

Таковы военные преобразования, осуществленные в 60—70 годы.

Эти реформы коснулись всех важнейших областей военного управления и организации армии, повысили боеспособность армии. Объективный смысл их заключался в приспособлении вооруженных сил России к потребностям буржуазного развития.

Однако эти реформы не могли обеспечить создание буржуазной армии, не могли заложить прочных основ обороны государства. Являясь неразрывной частью буржуазных реформ 60-х го-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 4, изд. 4-е, стр. 390.
[2] Ф. Энгельс. «Антидюринг», 1950 г., стр. 160.

дов, проводимых крепостниками, они также сохраняли в себе черты феодально-крепостнического строя.

Коренное переустройство вооруженных сил России, как и уничтожение феодально-крепостнических пережитков не могло быть проведено в условиях существования царизма. «Царизм, — писал Ленин, — оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела» [1].

§ 7. Значение реформ

Реформы 60-х годов носили, как мы видели, буржуазный характер: проводя эти реформы, правительство крепостников становилось на путь приспособления к потребностям капиталистического развития, пытаясь внести в самодержавно-крепостнический строй тогдашней России частичные поправки, вводившие в него элементы буржуазного государства. «Если, — писал Ленин, — бросить общий взгляд на изменение всего уклада российского государства в 1861 г., то необходимо признать, что это изменение было шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию. Это верно не только с экономической, но и с политической точки зрения. Достаточно вспомнить характер реформы в области суда, управления, местного самоуправления и т. п. реформ, последовавших за крестьянской реформой 1861 года, — чтобы убедиться в правильности этого положения. Можно спорить о том, велик или мал, быстр или медленен был этот «шаг», но *направление,* в котором этот *шаг* последовал, так ясно и так выяснено всеми последующими событиями, что о нем едва ли может быть два мнения» [2].

Действительно, реформы государственных учреждений этой эпохи, при всей их половинчатости и незавершенности, все же способствовали созданию более благоприятных условий для развития капитализма. Земству обязаны были многие губернии дорожным строительством и организацией почтовых сношений. Большую роль сыграло земство в деле народного образования и здравоохранения. Земством была создана почти вся сельская школа, а отчасти и средняя школа, особенно женская; земством же почти целиком была организована медицинская помощь в деревне, а отчасти и в городе. Приблизительно такое же значение имела во многих местах и деятельность городского самоуправления, особенно в значительных городских центрах.

Большое значение имела и судебная реформа: при всех ее отступлениях о буржуазных принципов, она все же создала такие судебные учреждения и такие порядки судопроизводства, которые обеспечивали известный минимум законности в гражданских и общеуголовных делах, необходимый для успехов капита-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 8, изд. 4-е, стр. 35.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4-е, стр. 88.

листического развития. Большое значение имели и финансовые реформы — централизация государственного кредита, реорганизация государственного контроля, опубликование бюджета и отчетов государственного контролера и пр. Цензурная реформа предоставляла все же, хотя и в очень ограниченных пределах, некоторую возможность выражения общественного мнения; реформа школы давала некоторую возможность распространения хотя бы элементарной грамотности в народных массах и облегчала доступ к среднему и высшему образованию для буржуазии и разночинцев; военные реформы дали возможность создать армию, в организационном и техническом отношениях гораздо более соответствующую потребностям капиталистического государства и т. д.

Значительные изменения произошли в результате реформ в сословном строе российского государства. Прежде всего уничтожено было крепостное состояние крестьянского сословия: не только помещичьи крестьяне, находившиеся на положении бесправных рабов, но и крестьяне других категорий («государевы», дворовые, удельные, государственные разных разрядов), находившиеся в крепостной зависимости от своих владельцев, были освобождены от этой зависимости, и за исключением коренного населения некоторых национальных районов, составили одно сословие «свободных сельских обывателей». Правда, пережитки средневековых перегородок между многочисленными дореформенными разрядами крестьянства надолго сохранились (особенно в области землевладения и землепользования), но все же было достигнуто значительное упрощение сложной сословной структуры, характерной для феодального общества.

Конечно, права «податных сословий», и особенно крестьян, были чрезвычайно ограничены по сравнению с правами сословий привилегированных, хотя крестьяне и получили ряд принадлежавших другим сословиям личных, семейных и имущественных прав. «Обыватели» податных сословий, наряду с привилегированными, судились в общих судах, участвовали в органах земского и городского самоуправления, имели право обучаться во всех низших, средних и высших учебных заведениях. С другой стороны, «первенствующее» сословие — дворянство — лишилось некоторых существенных привилегий, дарованных ему манифестом 18 февраля 1762 г. «о вольности и свободе российского благородного дворянства» — свободы от податей и от обязательной службы: закон 1 июня 1870 г. впервые обложил государственным налогом дворянские земли, а устав 1 января 1874 г. распространил и на дворян всеобщую воинскую повинность.

Все это представляло значительный сдвиг от феодального права к буржуазному.

Что касается самого содержания норм гражданского и уголовного права, то реформы непосредственно их не коснулись. В области гражданского права сохранило полную силу 3-е изда-

ние Свода законов, вышедшее в 1857 г.; в области уголовного права, в основном, осталось в силе «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., вышедшее новым изданием в 1866 г. с некоторыми исправлениями и дополнениями и с исключением статей, вошедших в «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», изданный в 1864 г. В эти старые феодальные кодексы вносились лишь отдельные, частичные, разрозненные поправки. Гораздо большее значение в смысле усвоения норм буржуазного права имела практика новых судов с их квалифицированным персоналом, прошедшим специальную школу, в которой господствовала буржуазная юридическая наука; особенно большую роль в качестве проводника буржуазных начал в судебную практику играла адвокатура.

В заключение необходимо подчеркнуть, что реформы совершенно не коснулись центрального правительственного аппарата. Единственным «новшеством», касавшимся центральных учреждений, было учреждение Совета министров (12 ноября 1861 г.). Совет состоял из всех министров и главноуправляющих ведомствами, под председательством императора. Ни определенных сроков заседаний, ни определенной компетенции у него не было: он созывался каждый раз по особому распоряжению императора и в нем рассматривались только те дела, которые последний считал нужным поставить на обсуждение. Таким образом, учреждение Совета министров не вносило решительно ничего нового в систему государственных учреждений: оно не разрешило даже и той скромной задачи, которую имел в виду инициатор, канцлер князь А. М. Горчаков, — заменить личные доклады отдельных министров царю так сказать «коллективным» докладом в целях достижения большей согласованности в деятельности различных ведомств.

Несмотря на все произведенные реформы, Россия сохранила в неприкосновенности своей самодержавно-бюрократический строй. «В России, — писал Ленин в 1895 г., — (и только в одной России из всех европейских государств) сохраняется до сих пор неограниченная власть самодержавного правительства, т. е. такое государственное устройство, при котором издавать законы, обязательные для всего народа, может один только царь по своему усмотрению, а исполнять эти законы могут одни только чиновники, назначаемые им»[1]. «Правительство Александра II, — говорит Ленин в другом месте, — и «задумывая» реформы и проводя их, ставило себе с самого начала совершенно сознательную цель: не уступать тогда же заявленному требованию политической свободы»[2].

Царизм и после реформ сохранил свою классовую сущность диктатуры помещиков-крепостников. Правда, чиновничество

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 2, изд. 4-е, стр. 94.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 5, изд. 4-е, стр. 56.

(«бюрократия»), выходившее нередко из буржуазной среды и отчасти с нею связанное, являлось в известной мере проводником буржуазных влияний на политику царизма. Царизм учитывал и в известной мере выражал интересы растущей новой экономической силы — буржуазии. Возражая меньшевикам, утверждавшим, что только при Николае II царизм начинал вырабатывать интересы буржуазии, Ленин заявлял, что этот процесс начинается значительно раньше: «при Александре II русский царизм начинал превращаться в «плутократическую» монархию, «*начинал* выражать классовые интересы буржуазии». Но он не мог их выразить без самостоятельной классовой *организации* буржуазии».[1] В обстановке политического господства крепостников-помещиков, даже и учитывая в той или иной мере интересы буржуазии, высшее чиновничество, в основном, руководствовалось помещичьими интересами, тем более, что правящая верхушка его в подавляющем большинстве принадлежала к помещичьему классу. «Пополняемая, главным образом, из разночинцев, — писал Ленин, — эта бюрократия является и по источнику своего происхождения, и по назначению и характеру деятельности глубоко буржуазной, но абсолютизм и громадные политические привилегии благородных помещиков придали ей особенно вредные качества. Это постоянный флюгер, полагающий высшую свою задачу в сочетании интересов помещика и буржуа».[2]

Таким образом, хотя царизм и сделал в период реформ шаг от феодальной монархии к монархии буржуазной, но этот шаг был очень ограничен и совершался крайне медленно. В основном, монархия Александра II, несмотря на ряд буржуазных реформ, сохранила свой прежний феодально-крепостнический характер.

§ 8. Историография реформ

Буржуазные историки (В. О. Ключевский, Г. А. Джаншиев, А. А. Корнилов, А. А. Кизеветтер, С. Ф. Платонов, И. В. Гессен, авторы юбилейного сборника «Судебная реформа», «Юбилейный земский сборник» и др.) в большей или меньшей мере идеализировали реформы 1863—1874 гг., как и крестьянскую реформу 1861 г., подвергая критике лишь имеющиеся в них отступления от буржуазных принципов.

Особенно высокую оценку они давали судебной реформе 1864 г., сравнительно более последовательно отразившей на себе буржуазные принципы. Не все из них так восторженно относились к реформам, как Г. А. Джаншиев, который говорил о «героической законодательной и общественно-творческой эпопее» «эпохи великих реформ», о «великой культурной миссии» и «гуманно-просветительном назначении великих начинаний царя-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 15, изд. 4-е, стр. 368.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 1, изд. 4-е, стр. 272.

освободителя», в Судебных уставах 1864 г. он видел «памятник», построенный на «началах истины и справедливости» и «долженствующий служить в отдаленном потомстве величайшей честью нашего времени», устав о воинской повинности 1874 г. считал проникнутым «человеколюбивым и просвещенным духом равенства, гуманности и справедливости» и даже скромнейший указ об «отмене» телесных наказаний 1863 г. объявлял «одной из самых светлых страниц в истории русского законодательства».[1] Другие буржуазные авторы подвергали реформы более или менее суровой критике, указывая существенные отступления от «начал истины и справедливости» даже в Судебных уставах. Но даже такие из них, как кадет А. А. Корнилов, признававший, что к реформам царизм толкали «могущественные побуждения, которые заставляли правительство — не только в эпоху реформ, но и в последующие годы — итти навстречу назревшему капитализму, подготовлять и поощрять его развитие и процветание», затушевывали буржуазный характер реформ, подчеркивая лежавшие в их основе якобы «демократические» начала. «Демократические основы нового всесословного строя нашли благоприятную для себя почву в русском народе», — писал, например, Корнилов [2].

Ленин дал четкую марксистскую характеристику реформ как определенного «шага» по пути превращения феодальной монархии в буржуазную. Из этого положения исходил и М. Н. Покровский, давший в своем четырехтомнике, несмотря на отдельные ошибки, правильный анализ реформ, как реформ буржуазных по содержанию, но сохранивших в большей или меньшей мере черты феодально-крепостнического строя. Но в противоположность Ленину, подчеркивавшему, что этот «шаг» еще отнюдь не изменял классовой природы царизма, остававшегося попрежнему диктатурой помещиков-крепостников, Покровский неправильно называл реформированную монархию Александра II «буржуазной монархией».

В основном правильно характеризовал реформы и Н. А. Рожков в XI томе своей «Русской истории в сравнительно-историческом освещении». Он признавал их буржуазную направленность и вместе с тем их половинчатость, урезанность, минимальность содержащихся в них уступок потребностям буржуазного развития. Пореформенный политический строй он называл «реакционной диктатурой», повидимому разумея под этим неясным, лишенным классового содержания термином, политическое господство крепостников-помещиков [3].

---

[1] Г. Джаншиев. Эпоха великих реформ, изд. 8-е, М., 1900, стр. XXX, 206, 389, 502, 546.

[2] А. Корнилов. Курс истории России XIX в., изд. 2-е, ч. II, стр. 267, М. 1918. Там же, ч. III, стр. 46.

[3] Н. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. XI, Л.—М., 1925, стр. 392—406.

На той же точке зрения в оценке земской реформы стоял и С. Я. Цейтлин, автор ценной статьи об этой реформе в III томе гранатовской «Истории России в XIX в.» «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» 1 января 1864 г., — писал он, — представляет собой уродливое сочетание элементов буржуазно-правового порядка, полицейского государства и дореформенного крепостнически-сословного режима. Преобладают, конечно, элементы полицейского государства, которые окрашивают все «Положение» в характерный цвет и выдают намерение его творцов — создать в лице нового учреждения орудие упрочения и укрепления самодержавно-полицейского режима на долгие годы» [1].

На фундаментальной «Истории земства» Б. Б. Веселовского весьма ценной не только богатством собранного в ней фактического материала, но и обстоятельно обоснованным анализом классовых интересов, проявлявшихся в деятельности земства, в значительной мере отразилось влияние либеральной концепции в земской реформе. Точку зрения Тверского губернского комитета на самоуправление (1859) он считал «демократической», говорил об отсутствии в 60-е годы общественных сил, на которые могли бы опереться «демократы-конституционалисты», и всецело солидаризировался с мнением «той группы земских деятелей, которые видели в земских учреждениях первый и необходимый этап к конституционному режиму» [2]. Между тем Ленин рассматривает земство «как орудие *укрепления* самодержавия посредством половинчатой уступки, как орудие привлечения к самодержавию известной части либерального общества», и говорит, что если можно рассматривать земство как «кусочек конституции», то лишь как «такой кусочек, посредством которого русское «общество» отманивали от конституции» [3].

---

[1] История России в XIX в, т. III, стр. 230.
[2] Б. Веселовский. Указ. соч., т. III, стр. 4, 46, 47.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 5, изд. 4-е, стр. 59, 60.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА ПОСЛЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ (1861—1892 гг.)

§ 1. Общая характеристика пореформенного хозяйства

Крестьянская реформа, проведенная крепостниками-помещиками в своих интересах и сохранившая многочисленные остатки крепостничества, не могла ликвидировать противоречия между производительными силами, развивавшимися в недрах крепостного строя, и производственными отношениями, препятствовавшими их развитию. Но реформа все же ослабила это противоречие, вывела народное хозяйство России из того тупика, в который оно зашло к середине XIX в. После реформы Россия вступила в капиталистический период своей истории. Производительные силы страны получили возможность своего дальнейшего развития. Техника производства во всех отраслях народного хозяйства вышла из долговременного застоя и стала быстро совершенствоваться. «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка» [1]. Развитие железнодорожной сети и пароходных сообщений способствовало росту товарного обращения, объединяло раздробленные местные рынки в общероссийский рынок и связывало последний с мировым рынком. Раздробленное мелкое производство постепенно уступало место концентрированному крупному производству, — прежде всего в промышленности, но отчасти и в сельском хозяйстве. С развитием капитализма разлагалась патриархальная сельская община, вытеснялись постепенно различные формы людской зависимости, сохранившейся от дореформенного строя, увеличивалась подвижность населения; все большая часть населения отрывалась от земледелия и уходила в город. В связи с новыми условиями жизни менялась и старая, патриархальная психика крестьянства. «На смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся «начальства» крепостному крестьянину вырастало новое поколение крестьян, по-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, изд. 4, стр. 524.

бывавших в отхожих промыслах, в городах, научившихся коечему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы» [1]. Отход в города повышал грамотность крестьянина, прививал ему культурные привычки и потребности, развивал его самосознание как личности, разлагал патриархальный строй семьи, — ставил женщину в равноправное положение с мужчиной. Имея в виду эти важные перемены, совершавшиеся в 60—80-х годах, — Энгельс писал в 1892 г. об «огромной социальной революции, переживаемой Россией со времени Крымской войны» [2].

Шестидесятые и семидесятые годы были временем усиленного железнодорожного строительства и развития банковского кредита. Рост внутреннего и внешнего сельскохозяйственного рынка, особенно быстрый в эти годы, влек за собой разложение крестьянства и развитие торгового земледелия. Созданные реформой новые условия для помещичьего хозяйства заставили помещиков начать перестройку своего хозяйства в капиталистическом направлении. Рост до середины 70-х годов хлебных цен, особенно в глубинных районах земледелия, где проведение железных дорог резко улучшило условия сбыта сельскохозяйственных продуктов, способствовал также развитию капитализма в земледелии России.

Рост товарного земледелия стимулировал развитие отраслей промышленности, производящих предметы потребления. В 60—70-х годах растут текстильная промышленность, быстро оправившаяся от сырьевого кризиса, вызванного гражданской войной в США, и промышленность пищевая, в особенности производство сахара.

Восьмидесятые годы проходят под знаком промышленного кризиса 1882—83 г. Только в 1888 г. промышленная продукция достигает докризисного уровня. Некоторое оживление происходит лишь в конце 80-х годов. Железнодорожное строительство в восьмидесятых годах значительно сократилось по сравнению с предыдущим периодом. Промышленность росла медленно, что было связано с сельскохозяйственным кризисом. Сельскохозяйственный кризис, вызванный падением мировых цен на хлеб, был в разгаре. Он затормозил переход помещиков от отработочной системы ведения хозяйства к капиталистической. Помещики, стремясь переложить всю тяжесть кризиса на плечи крестьянства, усилили в 80-х годах использование отработков и других докапиталистических способов ведения хозяйства. Сельскохозяйственный кризис замедлил и процесс разложения крестьянства. С другой стороны, в восьмидесятых годах в народном хозяйстве России появляется ряд новых моментов, делающих это десятилетие переходным периодом к девяностым годам — времени крупного промышленного подъема и роста тяжелой индустрии в России.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 66.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 251.

В восьмидесятых годах, в особенности во втором их пятилетии, сильно растет черная металлургия. За это десятилетие производство чугуна в России возросло немного более, чем в два раза. Этот рост связан с постройкой заводов на юге иностранным капиталом. За шестидесятые годы черная металлургия почти не увеличила своей продукции, за семидесятые годы выплавка чугуна увеличилась лишь на 25%.

Оставаясь небольшими по размерам производства и далеко не удовлетворяя потребностей страны, русское машиностроение и русская химическая промышленность делают все же в восьмидесятых годах заметные успехи. Их продукция в это десятилетие растет значительно быстрее, чем в предыдущем периоде.

Нефтяная промышленность, развитие которой началось в семидесятых годах после отмены откупной системы, сделала в восьмидесятые годы очень крупные успехи.

Таким образом, последующий подъем тяжелой промышленности девяностых годов в значительной мере был подготовлен в восьмидесятых годах.

Строительство железных дорог в восьмидесятых годах сильно замедлилось, но среди линий, построенных в это десятилетие, были дороги крупного промышленного значения, как например, Екатерининская железная дорога, соединившая донецкий уголь с криворожской железной дорогой.

Экономическая политика правительства в восьмидесятых годах делает поворот в сторону промышленного протекционизма и активного вмешательства в железнодорожное дело, руководство которым ранее почти всецело предоставлялось частному капиталу.

Наконец, нельзя не подчеркнуть значительного роста в восьмидесятых годах рабочего движения. Как указывает «Краткий курс истории ВКП(б)», в восьмидесятых годах «рабочее движение продолжало расти, охватывая все новые и новые районы. 80-е годы дают большое количество стачек. За пятилетие (1881—1886 гг.) было более 48 стачек с 80 тысячами бастовавших рабочих.

«Особенно большое значение в истории революционного движения имела большая стачка, вспыхнувшая в 1885 году на фабрике Морозова в Орехово-Зуеве» [1].

§ 2. Развитие транспорта

Необходимыми предпосылками быстрого капиталистического преобразования народного хозяйства были создание парового транспорта, давшего возможность быстро перебрасывать на большие расстояния огромные массы товаров, и развитие денежного кредита, облегчавшего мобилизацию необходимых для капиталистического производства капиталов.

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 9.

Уже в 1856 г. Комитет министров серьезно занялся железнодорожным вопросом: выработан был план железнодорожного строительства и решено было организовать «Главное общество российских железных дорог». План намечал сооружение четырех магистралей: 1) Петербург — Варшава — прусская граница, 2) Москва — Нижний-Новгород, 3) Москва — Курск — Феодосия, 4) Курск (или Орел) — Динабург — Либава. Признавая необходимость железных дорог как для мирного, так и для военного времени», — писал Александр II в указе от 28 января 1875 г. об учреждении Главного общества, — «мы вслед за первым прекращением военных действий повелели озаботиться о средствах к лучшему удовлетворению неотложной потребности». Излагая далее утвержденный план строительства, указ отмечал, что таким образом «непрерывным через 26 губерний железным путем соединятся взаимно: три столицы, главные судоходные реки наши, средоточие хлебных наших избытков и два порта на Черном и Балтийском морях, почти весь год доступные, облегчится сим образом вывоз заграничный, обеспечится привоз и продовольствие внутреннее» [1]. В том же 1857 году был решен вопрос о предоставлении концессии на постройку Московско-Саратовской железной дороги через Рязань и Моршанск. Эта дорога, как говорил главноуправляющий путями сообщения К. В. Чевкин в своем докладе Комитету министров, должна была облегчить вывоз «естественных произведений» Волги и Каспийского моря в центр и заграницу, открыть сообщение с Персией и Средней Азией для сбыта туда «мануфактурных произведений» и для усиления там политического влияния России и дать «прочное основание всем действиям в Кавказском крае, в котором они со времени изменения нашего положения на Черном море существенно нуждались» [2]. Таким образом, одним из основных мотивов, которыми руководствовалось правительство при первоначальном проектировании железнодорожной сети была забота о развитии внутреннего и внешнего рынка. Тем же мотивом оно преимущественно руководствовалось и в дальнейшем.

Другой мотив, определявший направление железнодорожного строительства, был мотив стратегический. Еще в 1857 г. Чевкин выдвигал его между прочим при проектировании Московско-Саратовской дороги. В 1831 г. кавказский наместник кн. А. И. Барятинский возбудил вопрос о постройке дороги Поти — Тифлис — Баку (в 1864 г. было решено строить пока линию Поти — Тифлис); в 1869 г. его преемник великий князь Михаил Николаевич настаивал на проведении дороги от Ростова до Владикавказа (включена в план 1870 года), а в 1875 г. — от Владикавказа до Петровска. В 1868 г. военный министр Д. А. Милютин представил записку о постройке целой сети стратегических дорог в запад-

[1] Наша ж. д. политика по документам архива Комитета министров, под ред. А. Н. Куломзина. СПб, 1902 г., т. 1, стр. 73.
[2] Там же, стр. 80.

ной полосе России, которые связали бы Польшу и «Западный край» с Центральной Россией и обеспечили бы возможность переброски войск из центра к западной границе, и из одного ее пункта в другой; план этот постепенно осуществлялся. Постройка Закаспийской железной дороги (1880—1886) была непосредственно связана с завоеванием Туркмении.

Намечаемые планы железнодорожного строительства далеко не всегда осуществлялись. Правительство в то время стояло на точке зрения предпочтительности частного ж. д. строительства перед казенным. Кроме того, развивать железнодорожное строительство за счет казны, сильно истощенной в результате Восточной войны, было невозможно; правительство прилагало все усилия к привлечению частных капиталов, особенно иностранных, так как русских капиталов тоже было недостаточно. Но несмотря на предоставляемые железнодорожным обществам льготы и правительственные гарантии доходов, солидные капиталисты первое время воздерживались от вложения своих капиталов в это дело в виду тяжелого состояния русских финансов и резких колебаний курса; соблазняемые же перспективой легкой наживы спекулянты обычно оказывались несостоятельными. Надежды на привлечение иностранных капиталов тоже не осуществлялись. Так, Главное общество железных дорог, основанное преимущественно иностранными капиталистами (большей частью французскими), с «комитетом» в Париже и с главным директором — французом, разместило свои акции и облигации преимущественно в России. При этом оно вскоре оказалось не в состоянии выполнить взятые им на себя обязательства, и в 1861 г. правительство вынуждено было снять с него обязательство постройки Либавской и Южной линий. Но все же известное количество капиталов удалось мобилизовать.

Постоянная нужда казны в средствах и убыточность эксплоатации ряда казенных линий при бюрократических порядках железнодорожного хозяйства побудили министра финансов М. Х. Рейтерна настаивать на постепенной передаче частным обществам и построенных казною дорог; к концу 1871 г. в руках казны осталась лишь незначительная Ливенская ветвь протяжением в 57 верст. Но вскоре обнаружилось, что частные общества тоже обходились казне очень дорого: к 1 января 1880 г. на них накопилось долгов казне на громадную сумму — около 580 млн. кредитных рублей, а если прибавить суммы, введенные в счет облигационного капитала, и авансы на усиление перевозочных средств и приспособления к перевозке воинских грузов, то общая сумма задолженности превысила 1 миллиард рублей [1]. В 1880 г., по инициативе министра финансов А. А. Абазы, Комитет министров решил возвратиться к постройке железных дорог преимущественно казною. Из открытых за 10 лет с 1881 г. по 1890 г. 7.772

[1] Наша ж. д. политика, т. II, СПб, 1902, стр. 309—310.

верст железных дорог было построено казною 5.023 версты [1]. Кроме того, состояние железнодорожного хозяйства в 70-х годах, а в особенности во время войны с Турцией в 1877—78 гг., привело в начале 80-х гг. правительство к убеждению в необходимости выкупа частных железных дорог казною. При преемниках Абазы Н. Х. Бунге (1881—1886) и И. А. Вышнеградском (1887—1892) усиленно производился выкуп частных дорог в казну: к концу 1894 г. в руках казны было сосредоточено уже 18.264 верст железных дорог из общего протяжения 32 562 верст [2], т. е. больше половины. Одновременно усиливается правительственный контроль над частными железнодорожными обществами. 12 июня 1885 г. был утвержден «Общий устав российских железных дорог»; 15 июня 1887 г. последовал закон, предоставлявший правительству право регулирования железнодорожных тарифов на частных дорогах, а 8 марта 1889 г. было издано «временное положение» о ж. д. тарифах, которым был учрежден особый комитет по тарифным делам, рассматривавший и утверждавший все тарифы. Вмешательство правительства в тарифное дело было вызвано хаотическим ведением этого дела ж. д. компаниями.

Все эти мероприятия способствовали некоторому повышению доходности железных дорог: в 1876—80 гг. расходы по эксплоатации составляли в среднем 69% валового дохода, в 1886—90 гг. этот процент понизился до 59%. Но все же железные дороги как казенные, так и частные продолжали приносить казне многомиллионные убытки: в 1892 г., например, эти убытки превысили 71 млн. рублей. Только в 1895 г. казна впервые получила небольшую прибыль в сумме 1 780 тыс. руб. Но прибыль и этого и следующих за ним годов всецело приходилась на счет казенных дорог; частные попрежнему продолжали приносить казне убыток, так как сумма их платежей казне неизменно была ниже расходов казны по уплате гарантий и всякого рода авансов [3].

Развитие железнодорожного строительства затруднялось первое время также недостатком соответствующих кадров и слабостью технической базы; рельсы, паровозы, вагоны приходилось получать из-за границы. В начале царствования Александра II был разрешен беспошлинный ввоз паровозов, вагонов, рельсов, мостовых скреплений и других принадлежностей для железных дорог. Насколько ввоз в эти годы превышал внутреннее производство, видно из следующей таблицы [4]:

---

[1] В. М. Верховский. Краткий исторический очерк начала и распространения жел. дор. в России по 1897 г. включительно. СПб, 1898. Приложения, стр. 1, (Подсчет автора).

[2] Наша железнодорожная политика, т. III, стр. 325.

[3] Там же, т. III, стр. 326—327.

[4] Там же, т. IV, стр. 222.

	Всего с 1836 по 1865 г. привезено из-за границы	Произведено на русских заводах
Рельсов	20.906 тыс. пуд.	2.499,5 тыс. пуд.
Паровозов	485 штук	187 штук
Вагонов пассажирских . . .	1.140 „	96 „
Вагонов товарных	4.788 „	2.191 „
Платформ	4.069 „	824 „

Но с конца 60-х годов производство железнодорожных принадлежностей быстро возрастает: за 5 лет с 1869 по 1874 г. на русских заводах было изготовлено 13.865 пуд. рельсов, 541 паровоз, 1077 пассажирских вагонов и 28.238 товарных вагонов и платформ [1]. В связи с этим резко понижается привоз [2]:

Привезено	1869 г.	1874 г.
Рельсов	12.700 тыс. пуд.	11.805 тыс. пуд.
Пассажирских вагонов . . .	1.527 штук	166 штук
Товарных вагонов и платформ	7.500 „	1.126 „

Однако, несмотря на все указанные затруднения, постройка железных дорог шла довольно интенсивно, особенно в конце 60-х и начале 70-х годов, как видно из следующей таблицы [3]:

Годы:	К началу пятилетия длина ж. д. сети была (в верстах)	В течение пятилетия открылось верст ж. д.
1861—1865	1492	2085
1866—1870	3577	6513
1871—1875	10090	7628
1876—1880	17718	3708
1881—1885	21225	3062
1886—1890	24288	4310
1891—1895	28598	5867

Из этой таблицы наглядно видно, что в развитии железнодорожной сети после реформы 1861 г. не было равномерности. В первой половине 60-х годов, когда строительство еще только начинало развертываться, естественно, построено было сравнительно немного железнодорожных линий. Вторая половина 60-х годов и первая половина 70-х годов были периодом весьма интен-

[1] Наша железнодорожная политика, т. IV, стр. 250.
[2] Там же, стр. 251.
[3] В. М. Верховский. Указ. соч., приложения, стр. 1. (Вычисления автора).

сивного ж. д. строительства. Во второй половине 70-х годов, в особенности после русско-турецкой войны, строительство пошло на убыль. Экономический застой 80-х годов вместе со стремлением правительства к финансовой экономии были причиною затишья в постройке железных дорог в 80-х годах. Девяностые годы, в особенности их вторая половина, явились периодом второго в нашей истории подъема ж. д. строительства.

Если посмотреть на географию русской железнодорожной сети в конце 70-х годов, то легко увидеть, что построенные к этому времени линии были сосредоточены в Европейской России и на Кавказе (в Сибири и Средней Азии железных дорог не было) и при этом, главным образом, в пространстве между Волгой с одной стороны и западной границей, Балтийским и Черным с Азовским морями с другой стороны. Эти линии составляли уже железнодорожную сеть с центром в Москве. Направление линий было продиктовано, как это было отмечено выше, двумя основными мотивами — потребностью хлебного рынка и стратегическими соображениями. Первыми были построены дороги, обслуживавшие внутренний рынок. Они соединили Москву с Волгой и хлебными, отчасти лесными губерниями. Они облегчили также распространение промышленных товаров центрального промышленного района по обширному пространству Европейской России. После постройки этих линий, составивших основной скелет русской железнодорожной сети, началось сооружение дорог, соединивших черноземную полосу с портами.

Дорог, построенных специально для нужд промышленности, в этом периоде было сравнительно немного. Первым (если не считать маленькой дороги от грушевских антрацитовых шахт к Дону) получил железную дорогу Шуйско-Ивановский текстильный район, далее было построено некоторое количество путей для нужд сахарной и донецкой угольной промышленности, а также была сооружена железная дорога на Урале, не соединенная, однако, в то время с основной сетью страны.

Стратегические соображения определили постройку ряда линий по направлению к западной границе и в особенности в Польше.

В 80-х годах при общем замедлении железнодорожного строительства несколько усилилась постройка линий для нужд промышленности, а также дорог стратегических. Железные дороги оказали глубокое и разностороннее влияние на народное хозяйство России. Они содействовали росту товарности земледелия и разложению крестьянства. Они содействовали сбыту промышленных товаров. Для некоторых отраслей промышленности — добычи угля, металлургии и машиностроения — железные дороги выступили в роли крупного потребителя.

Железные дороги усилили связь народного хозяйства России и в первую очередь русского земледелия с мировым рынком. Они в 60-х и первой половине 70-х годов несколько подняли цены на

хлеб в России, в особенности в производящих районах, и значительно уменьшили разницу в хлебных ценах между потребляющими и производящими губерниями.

Короче говоря, создание железнодорожной сети сыграло большую роль в процессе развития капитализма в России.

С развертыванием железнодорожного строительства правительство оставило речные пути почти вне своего внимания. В 60—80-х годах для улучшения условий внутреннего судоходства правительством почти ничего не предпринималось. Речные пути пребывали почти в том же состоянии, в каком их создала природа. Железные дороги резко сократили перевозки по мелким рекам. Например, до соединения Орла с Москвой рельсовым путем значительное количество хлеба сплавлялось из Орла в Москву по верхней Оке и Москва-реке. После постройки железной дороги хлеб из Орла в Москву пошел по рельсам. Но крупные водные артерии, и прежде всего Волга, не пострадали от конкуренции железных дорог. Перевозки по водным путям росли параллельно росту железнодорожных перевозок, сохраняя с 80-х годов по отношению к последним устойчивое отношение (на водные пути приходилось около 30% общей суммы перевозок, на железные дороги около 70%). Судоходство продолжало оставаться целиком в частных руках. Техника пароходного дела в 70-х годах значительно улучшилась (появление двухдечных пароходов на Волге). Улучшение техники речного транспорта снизило фрахты, бывшие значительно ниже железнодорожных тарифов.

Число речных пароходов росло быстро. В 1860 г. на всех речных бассейнах Европейской России было всего 399 пароходов, а к 1895 г. число их увеличилось до 2539, т. е. больше чем в шесть раз [1].

Морской транспорт тоже весьма значительно вырос. Морских пароходов на Белом, Балтийском и Черном морях на 1 января 1868 г. было всего 51, а на 1 января 1892 г. — 361, т. е. в семь раз больше. Но морской транспорт России обслуживал лишь небольшую часть русской морской внешней торговли (около одной десятой), и доля эта несмотря на рост флота не обнаруживала тенденции к возрастанию.

§ 3. Развитие кредита

В дореформенной России коммерческих банков в собственном смысле не было: деятельность дореформенных кредитных учреждений, находившихся всецело в руках правительства (за исключением немногих городских общественных банков) сводилась главным образом к поддержке дворянского землевладения и к предоставлению средств казне. В 1860 г. взамен этих учреждений был учрежден Государственный Банк, который имел право

[1] Статистический обзор железных дорог и внутренних водных путей России, СПб., 1900, стр. 134.

выдавать коммерческие ссуды. Но, обладая небольшим основным капиталом (15 млн. рублей)[1] и связанный обязательствами по удовлетворению клиентов упраздненных кредитных учреждений, Государственный Банк не имел возможности первое время широко развить коммерческий кредит. Правительство разрешило учреждение частных банков, которым оказывало всякого рода содействие. В 1864 г. был основан Петербургский частный Коммерческий Банк, за ним — ряд других акционерных банков; за 10 лет (1864—1873) число акционерных коммерческих банков достигло 39. Кроме того, к этому же времени насчитывалось 242 городских общественных банка (в 1861 г. их было всего 20) и 54 общества взаимного краткосрочного кредита (первое из них— Петербург — открыто в 1864 г.) [2]. В учреждении акционерных коммерческих банков принимали участие не только крупные капиталисты (В. А. Кокарев, братья Поляковы), но и государственные сановники и представители буржуазной интеллигенции, которые участвовали в управлении банками. Так, П. А. Валуев состоял председателем правления С.-Петербургского учетного и судебного банка, директор департамента торговли и мануфактур А. И. Бутовский был председателем совета Волжско-Камского коммерческого банка; после него председателем Совета этого банка стал б. директор Государственного банка Е. И. Ламанский, состоявший также председателем совета Русского для внешней торговли банка и членом правления С.-Петербургского общества взаимного кредита. В руководящих органах банков принимали участие также проф. Н. Х. Бунге (будущий министр финансов), проф. И. А. Стебут, проф. И. К. Бабст, издатель «Экономического указателя» проф. И. Вернадский и др. Активное участие в учредительстве акционерных банков принимали также иностранные банки, преимущественно немецкие. Так, ряд иностранных банкирских домов подписался на акции «С.-Петербургского частного коммерческого банка»; немецкий банк «Disconto—Gesellshaft» принимал участие в учреждении «С.-Петербургского учетного и ссудного банка», «С.-Петербургского Международного Коммерческого» и «Рижского Коммерческого банка» [3]. В конце 80-х годов начинается приток в русские банки французских капиталов; так, с их участием был основан в 1889 г. «Русский торгово-промышленный банк». Ажиотаж банковского учредительства в конце 60-х и начале 70-х годов охватил широкие круги публики; даже гвардейские офицеры и светские дамы бросились покупать акции учреждаемых банков.

С возникновением новых банков и с развитием их операций быстро увеличивалась сумма стягиваемых ими капиталов. В 1864

[1] Только к 1879 г. основной капитал Государственного банка был постепенно увеличен до 25 млн. рублей.

[2] И. И. Кауфман, Статистика русских банков. (Статистический временник Российской империи, серия II; вып. 11), ч. 2, т. II, СПб., 1875, стр. 432—433, 447, 497.

[3] Jubiläumsschrift d. r Direktio der Disconto-Gesellschaft.

году капиталы и вклады единственного в то время Государственного банка составляли около 278 млн. рублей, а в 1879 году капиталы и вклады всех коммерческих банков составляли 1055 млн. рублей, т. е. за 15 лет выросли почти вчетверо. Еще быстрее развивались ссудные операции банков: в 1864 г. Государственным банком было выдано ссуд на 42 млн. рублей, а в 1879 г. всеми банками ссуд было выдано на 1139 млн. рублей, т. е. в 27 раз больше [1].

С 80-х годов в процессе мобилизации капиталов значительную роль играли сберегательные кассы, концентрировавшие мелкие сбережения и направлявшие их в распоряжение Государственного Банка. С 1881 по 1887 г. число сберегательных касс увеличилось с 76 до 557, а сумма вкладов—с 8 млн. до 44 млн. рублей. Особенно усилилось развитие сберегательных касс после издания «временных правил» 26 июня 1889 г., на основании которых стали открываться кассы при почтово-телеграфных конторах и отделениях; в конце 1892 г. почтово-телеграфных сберегательных касс насчитывалось уже 1760. Всего сберегательных касс на 1 января 1893 г. было 2 439; сумма вкладов в них достигла 250,5 млн. рублей [2].

В 60-х годах возникают учреждения поземельного кредита. Первым из них был основанный в 1864 г. Херсонский земский банк (на началах взаимности). В 1866 г. было организовано при участии иностранного капитала «Общество взаимного поземельного кредита». С 1871 г. возникают частные акционерные земельные банки, которые выдавали ссуды по залог сельской и городской недвижимости.

§ 4. Развитие сельскохозяйственного рынка

Реформа 1861 года сильно содействовала развитию товарно-денежных отношений в деревне. Хотя решение вопроса о выкупе крестьянского надела положениями 19 февраля было всецело предоставлено усмотрению помещика, но сохранение обязанных отношений при ограничении помещичьей власти оказывалось еще более невыгодным, чем это было до реформы; барщинные работы выполнялись плохо, оброк вносился неаккуратно, взыскивать недоимки было хлопотно и долго. К этому же временно-обязанные отношения служили постоянным поводом для крестьянских волнений. Поэтому многие помещики, соблазняемые к тому же перспективами получения выкупной ссуды и возможностью освободиться от долгов, предпочитали сразу развязаться с крестьянскими повинностями и переводили своих крестьян на выкуп. К 1881 году в Европейской России сохранилось всего 15% вре-

[1] Николайон, Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб, 1893, стр. 12—13. (Подсчеты автора).

[2] П. П. Мигулин. Наша банковая политика. Харьков, 1904, стр. 103, 234, 236.

менно-обязанных крестьян [1], остальные были переведены на выкуп, а согласно указу 28 декабря 1881 г. и эти 15% должны были перейти на выкуп к 1 января 1883 г. С ликвидацией обязанных отношений разрывалась (в большей или меньшей степени) связь крестьянского хозяйства с помещичьим, крестьянское хозяйство, как и хозяйство помещичье, становилось в непосредственное соприкосновение с рынком.

После реформы сельское хозяйство все более втягивается в торговый оборот. Оно все более становится товарным, все более производит для рынка. «Основная черта пореформенной эволюции земледелия, — писал Ленин, — состоит в том, что оно принимает все более и более торговый, предпринимательский характер» [2]. Чем более связывается сельское хозяйство с рынком, тем более оно приспособляется к требованиям последнего, специализируясь на производстве тех или иных продуктов, в зависимости от местных условий. Территория России все более распадается на ряд различных сельско-хозяйственных районов, характеризующихся преобладанием тех или иных отраслей хозяйства. Так, южные и юго-восточные окраины («Новороссия», Нижнее Поволжье, Предкавказье) специализируются на производстве зерновых хлебов, преимущественно главного экспортного хлеба — пшеницы: в 80-х годах эти районы по сбору зерновых хлебов на душу населения обгоняют центрально-черноземные губернии, которые еще в 70-х годах занимали в этом отношении первое место. Губернии северные, северо-западные, прибалтийские и центрально-промышленные становятся районом наибольшего развития молочного хозяйства. Появляются специальные районы технических культур — льна, конопли, картофеля, свекловицы; культура льна развивается преимущественно в губерниях нечерноземных, производство картофеля для винокуренных заводов — в Прибалтике, Литве, Белоруссии и центрально-черноземных губерниях, культура сахарной свекловицы — в Правобережной Украине, в Левобережье, в центрально-черноземном районе и в Польше; культура конопли — в губерниях Орловской, Калужской, Курской, Черниговской и Могилевской. В районах крупных городских центров развивается торговое огородничество, садоводство и т. д.

Специализация земледелия усиливала рост обмена сельскохозяйственными продуктами между различными районами, расширяя, таким образом, сельскохозяйственный рынок. Вывоз льна, например, из Псковской губернии в течение 60-х годов увеличился (по данным железнодорожных перевозок) с 255,9 тыс. пудов до 1.406,9 тыс.; за это же время ввоз зерна и муки в Псковскую губернию вырос с 43,4 тыс. пудов до 1 809,3 тыс. [3]. Развитие промышленности также повышало спрос на продукцию сельского

[1] Министерство Внутренних Дел. Исторический очерк. СПб, 1902, стр. 123.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 3, изд. 4-е, стр. 267.
[3] В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 3, стр. 243.

хозяйства, которое поставляло, с одной стороны, сырье для промышленности, а с другой — средства питания для занятых в промышленности рабочих. С развитием промышленности росло население городов и вообще неземледельческое население. Рост городского населения шел гораздо быстрее, чем сельского: с 1863 г. по 1897 г. сельское население Европейской России увеличилось в $1^1/_2$ раза (с 55 315,4 тыс. до 82 088,3 тыс.), а городское — в 2 раза (с 6 105,1 тыс. до 12 127 тыс.); в 1863 г. население городов составляло 9,94% всего населения, а в 1897 г. — уже 12,76% [1]. Нужно еще иметь в виду, что значительное количество населенных пунктов чисто городского типа официально не считалось городами, и потому их население не вошло в подсчет населения городов; таковы, например, села Орехово и Зуево на границе Московской и Владимирской губерний, с. Кимры Тверской губ., с. Павлово Нижегородской губ. и др. Кроме того, нужно учесть, что неземледельческое население у нас было сосредоточено не только в городах и поселениях городского типа, но и в сельских местностях было большое количество крестьян, занятых разного рода кустарными промыслами. О росте внутреннего сельскохозяйственного рынка можно в известной мере судить по данным о железнодорожных перевозках внутреннего сообщения. По подсчетам А. Д. Билимовича, хлебные грузы внутреннего сообщения составляли в 1876—1880 гг. в среднем 120,5 млн. пудов, а в 1891—1895 гг. — 257 млн., т. е. за 15 лет увеличились больше чем вдвое [2].

Наряду с внутренним рынком продолжал развиваться и внешний. В связи с развитием промышленности в Западной Европе, вывоз хлебов из России возрастал чрезвычайно быстро, как можно видеть из следующей таблицы [3].

Годы	Тысячи пудов
1861—1865	79 886
1866—1870	130 056
1871—1875	194 113
1876—1880	287 005
1881—1885	301 735
1886—1890	413 746
1891—1895	441 139

Мы видим, что за 30 лет хлебный вывоз России, непрерывно возрастая, увеличился в $5^1/_2$ раз. Однако, внутренний рынок, по-видимому, развивался все же быстрее: в 1875—1880 гг. внутренние перевозки составляли 45% всех хлебных перевозок, а в

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 490.
[2] А. Д. Билимович. Товарное движение на русских жел. дорогах, стр. 59.
[3] П. И. Лященко. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М. 1927, стр. 311—312.

1891—1895 гг. — 54%, т. е. с первой половины 90-х годов уже более половины перевозимого по железным дорогам хлеба шло на внутренний рынок [1].

О росте товарности сельского хозяйства дает известное представление отношение хлебных перевозок к сбору хлебов: за 11 лет с 1883—1887 гг. по 1894—1898 гг. перевозки хлебных грузов по железным дорогам и водным путям увеличились на 48%, тогда как сбор хлебов увеличился за это время на 26%; товарная доля хлеба повысилась за это время с 24,2% до 28,5% [2].

Огромное влияние на развитие сельскохозяйственного рынка имело создание железнодорожной сети. Железные дороги связали производящие сельскохозяйственные районы (Центральная Черноземная область, Украина, Поволжье, юго-восток) с одной стороны с районами потребления (московский и петербургский промышленные районы и вся нечерноземная половина России), а с другой стороны — с портами Черного, Азовского и Балтийского морей, которые являлись главными путями вывоза русского хлеба за границу. В первой половине 70-х годов (в период усиленного железнодорожного строительства) хлебные грузы составляли значительную и все возрастающую долю всех железнодорожных грузов: в 1870 г. они составляли 27,5% всех грузов малой скорости, в в 1876 г. уже 42%; некоторые же дороги преимущественно или даже почти исключительно были заняты перевозками хлеба: на Рыбинско-Бологовской дороге в 1876 г. на хлебные грузы приходилось 57,6% всех перевозок, на Тамбово-Козловской 73,1%, на Орловско-Грязской—83,6%, на Ряжско-Моршанской—88,9% [3]. Железные дороги способствовали тому, что в торговый оборот втягивались самые отдаленные районы. Рядом с теми, сравнительно немногочисленными, крупными центрами хлебной торговли, которые существовали в крепостное время, теперь появляется множество мелких и мельчайших центров, сосредоточенных у железнодорожных станций. Скупщик продуктов сельского хозяйства, прежде всего хлеба, становился в непосредственное соприкосновение с крестьянским хозяйством, а это чрезвычайно способствовало разложению натурального крестьянского хозяйства, превращению его в хозяйство товарное. В какой мере крестьянское хозяйство уже в 80-х годах было втянуто в рыночный оборот, показывают относящиеся к этому времени данные о крестьянских бюджетах Воронежской губ. Денежная часть как доходного, так и расходного бюджета воронежского крестьянина в среднем составляла около половины его бюджета: 47,9% своих доходов он получал в денежной форме и 49,14% стоимости своих потребностей удовлетворял посредством рынка; в отдельных же

---

[1] А. Д. Билимович. Указ, соч., стр. 59.

[2] Там же, стр. 37.

[3] П. И Ляшенко. Очерки аграрной эволюции в России, т. 1, 1908, стр. 243.

группах эта доля значительно повышалась, достигая, например, в более зажиточной группе 59,2% дохода и до 60,18% расхода [1].

§ 5. Разложение крестьянства

На почве роста товарности крестьянского хозяйства чрезвычайно ускорился процесс разложения крестьянства, образования в его среде новых классов капиталистического общества, — процесс, совершавшийся, хотя и медленно, и в дореформенной России. К 80-м годам разложение крестьянства достигает уже значительных размеров. В своей классической работе «Развитие капитализма в России» Ленин, на основании главным образом земских статистических исследований 80-х годов, изображает следующую картину.

В руках зажиточной группы, составляющей (условно) 20% крестьянского населения, сосредоточивается по разным губерниям от 34% до 56% надельной земли посевной площади, а в руках бедноты, составлявшей 50%, остается всего от 14,9% до 31% [2]. Даже надельная земля, несмотря на уравнительные тенденции общины, сохранившейся в большей части России, распределяется чрезвычайно неравномерно: в руках зажиточной верхушки крестьянства стягивается гораздо больший процент земли, чем сама эта верхушка составляет по отношению к общей массе сельского населения. К этому нужно еще прибавить, что и то незначительное количество надельной земли, которое остается в руках маломочного крестьянства, не вполне используется: многие семьи из крестьянской бедноты не в состоянии обработать даже своих маленьких клочков, — у них нет для этого часто ни достаточных средств производства, ни достаточного количества рабочей силы (так как наиболее работоспособные члены семьи уходят на заработки), и они оказываются вынуждены сдавать их в аренду своим соседям, зажиточным крестьянам, часто за бесценок, нередко только за одни подати, уплачиваемые съемщиком за бедняка, сдающего свой надел в аренду, причем иногда сдатчик даже переплачивает съемщику некоторую сумму в счет уплаты податей. От 63,3 до 98% всей сдаваемой в аренду надельной земли это земли бедноты; в некоторых губерниях (Саратовской, Орловской и др.) почти одна только беднота и сдает надельную землю [3].

Гораздо более неравномерно распределялась между крестьянами земля купчая и арендованная.

Нужно сказать, что после крестьянской реформы значительно усилилась мобилизация землевладения, особенно дворянского. Многие дворяне помещики оказались не в состоянии приспособиться к новым условиям хозяйства и продавали свои имения,

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 3, стр. 124.
[2] Там же, стр. 102—105.
[3] Там же, стр. 104—105.

которые переходили преимущественно в руки других сословий. За 30 лет (с 1863 по 1892 г.) дворяне потеряли по 45 губерниям Европейской России (без Прибалтийских губерний, Архангельской и Астраханской) свыше 24 млн. десятин земли [1], что составляет не менее 30% дворянского землевладения начала 60-х годов (примерно 75 млн. десятин) [2].

Дворянские земли покупали преимущественно крестьяне и купцы, причем доля крестьянских покупок все возрастала: в первое десятилетие после реформы на долю крестьян пришлось всего 18% земли, проданной другим сословиям, во второе десятилетие — 32%, в третье — 57% [3]). При этом купцы значительную часть покупаемых ими дворянских земель распродавали по мелочам крестьянам. Большая часть проданных дворянами земель оказалась, таким образом, в руках крестьян, которые приобрели к 1892 г. уже около 9 млн. десятин [4].

В связи с мобилизацией земли сильно росли земельные цены. По данным «Материалов по статистике движения земельной собственности» средние земельные цены за десятину выросли с 60-х годов до 80-х почти вдвое, в черноземных же губерниях — больше чем вдвое, как видно из следующей таблицы.

Годы	По всем губерниям	По нечерноземным	По черноземным
1863—1872	17 р. 40 к.	10 р. 90 к.	22 р 88 к.
1873—1882	20 р. 67 к.	11 р. 57 к.	30 р. 79 к.
1883—1892	36 р. 07 к.	19 р. 72 к.	52 р. 15 к.

Приобретали землю преимущественно зажиточные крестьяне, которые имели для этого достаточно средств. В 80-х годах 20% крестьян, составлявшие зажиточную группу, владели от 59,7 до 99% всей земли, купленной крестьянами единолично; в некоторых местах (например, в Самарской губ.) почти вся купленная единолично земля принадлежала зажиточным; на долю же бедноты, составлявшей 50%, этой земли приходилось всего от 0,4 до 15,4% [5]. Девять десятых земли, купленной крестьянами единолично в 1893 г., состояло из участков размером от 25 до 4000 десятин [6]: ясно, что многие из этих «крестьян» были крестьянами только по сословному признаку; из них выходили новые помещики — «чумазые лэндлорды», как их тогда называли. Уже

---

[1] Материалы по статистике движения землевладения в России, (вып. IV. СПб., 1901, стр. 4—5; 10—11. Всего было продано дворянами за эти 30 лет 57,5 млн. дес., а куплено 33,3 млн., разница составляет 24,2 млн. десятин.

[2] Там же, вып. IV, стр. 4—5, 10—11. (Вычисление автора).

[3] В. В. Святловский. Мобилизация земельной собственности в России, изд. 2, СПб., 1911, стр. 127.

[4] В. В. Святловский. Указ. соч., стр. 86.

[5] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 102—105.

[6] М. Гельрот. Мобилизация земельной собственности в России. «Народное хозяйство», 1903, № 4 (июль—август), стр. 14.

в 1877—1878 гг. насчитывалось 6439 «крестьян», владевших имениями от 100 до 10.000 дес. и больше; у них числилось свыше 2 млн. дес. земли; на долю каждого приходилось в среднем 322 дес. Из них ничтожное число — 689 человек владело почти 9 млн. десятин (994 тыс.), что составляло в среднем около $1^1/_2$ тыс. десятин на каждого[1]. Кроме единоличных покупок практиковались еще покупки земли «товариществами» и даже целыми обществами, но в товарищества объединялись обычно кулаки, при покупке же обществом земля распределялась большей частью «по деньгам», т. е. в зависимости от того, сколько денег каждый домохозяин вложил в эту общую покупку, а так как зажиточные крестьяне имели возможность вложить больше денег, то они получали львиную долю земли, покупаемой крестьянскими обществами. К тому же на долю общества приходилось и вообще сравнительно немного купчей земли: за 30 лет после реформы «единоличники» купили 3 339 тыс. дес., товарищества — 4 307 тыс., а общества 1 257 тыс., т. е. всего 14%[2].

То же самое мы видим и в отношении земель, арендуемых крестьянами у казны и помещиков. На долю зажиточного крестьянства приходилось от 49,2 до 83,7% всех арендуемых крестьянами земель, на долю бедноты — от 5 до 16,4%. Эти цифры могут вызвать недоумение, потому что, как известно, арендовали землю и очень многие середняки и даже бедняки. Действительно, если брать число арендаторов, то число арендаторов из бедноты будет гораздо больше, чем из зажиточных, но крестьянская беднота арендовала ничтожные клочки, а зажиточное крестьянство арендовало значительные площади; поэтому площадь арендуемой земли у зажиточных была значительно больше, чем у бедняков.

Если взять общий итог крестьянского землепользования, т. е. сложить землю надельную, купчую и арендованную, то окажется, что (в губерниях, материал по которым изучен Лениным в его знаменитом труде) группа зажиточного крестьянства (20%) сосредоточивала в своих руках от 34,1 до 49,6% всей площади крестьянского землепользования, а группа маломочного крестьянства (50%) удерживала в своих руках всего от 18,6 до 31,9%.

Еще более яркую картину представляет распределение других средств производства — рабочего и продуктивного скота и мертвого инвентаря — сельскохозяйственных орудий. Зажиточной верхушке принадлежит от 38 до 62% рабочего скота и от 70,1 до 86,1% улучшенных орудий, на долю же бедноты рабочего скота приходится от 9,6 до 30,5%, а улучшенных орудий — от 1,3 до 3,6%[3]. Большая часть живого и мертвого инвентаря, как видим, сосредоточивалась в руках зажиточного крестьянства, причем в его руках был и лучший скот и более совершенные орудия, тогда

[1] Статистический временник, серия III, вып. 10, стр. 40—41.

[2] Вычисления сделаны на основании Материалов по статистике движения землевладения в России, Материалы, вып. IV, стр. 4—5, 10—11.

[3] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 102—105.

как в руках бедноты оставались лишь примитивные орудия и слабосильный, малодоходный скот.

Зажиточный крестьянин, расширяя площадь своего землевладения и землепользования, становился уже не в состоянии обработать эту площадь руками собственной семьи и вынужден был прибегать к найму рабочей силы. На долю зажиточной верхушки приходилось от 48,4 до 78,4% всех дворов, нанимающих постоянных рабочих (батраков), не считая еще более распространенного найма поденных рабочих; на долю же бедноты приходилось всего от 4,4 до 18,9% дворов с батраками [1] — это обычно самые слабосильные хозяйства, с острым недостатком рабочей силы, вдовьи хозяйства или хозяйства, из которых здоровые мужчины уходят на заработки. Зато дворов с разного рода «заработками» подавляющее большинство было, естественно, среди бедноты (от 59,3 до 93,5% всех дворов, имеющих заработки), тогда как на долю зажиточной группы дворов с заработками приходится всего от 0,6 до 15,8% [2], при этом заработки бедноты, это — преимущественно, конечно, продажа своей рабочей силы, «заработки» же зажиточной верхушки, это — обычно доходы от разных торговых и промышленных предприятий.

Таким образом, зажиточные крестьянские хозяйства превращаются в хозяйства капиталистические, производящие при помощи наемной рабочей силы; пусть эти капиталисты — маленькие, зародышевые, но их хозяйство обладает основным признаком капиталистического производства — в нем происходит присвоение владельцем средств производства прибавочной стоимости, производимой наемными рабочими. Беднота же все более пролетаризируется. Именно эти слои поставляют наемную рабочую силу для капиталистических хозяйств, выходящих из крестьянской среды, а также, разумеется, и для хозяйств помещичьих, переходящих к капиталистическому производству. Среднее крестьянство постепенно «вымывается», выделяя с одной стороны единицы сельской буржуазии, с другой — массы пролетаризирующейся бедноты. «Старое крестьянство..., — писал Ленин, — совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения, типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством» [3].

§ 6. Распределение земельного фонда

Разложение крестьянства совершалось в обстановке остатков крепостничества, во множестве сохранившихся и после реформы 1861 года. Прежде всего нужно припомнить, что значительная часть земли осталась попрежнему в руках дворянства, т. е. вче-

[1] В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 3, стр. 102—105.
[2] Там же
[3] Там же, стр. 142.

рашних крепостников, и преимущественно в руках владельцев крупных латифундий. По данным 1877—1878 гг. из общего количества 91,6 миллионов десятин частновладельческих земель (в 49 губерниях Европейской России) дворянам принадлежало свыше 73,2 млн. дес (т. е. 79,8%). Если считать размеры сельскохозяйственного фонда в это время во всяком случае не более 280 млн. дес. [1], то дворяне владели 26% этого фонда, тогда как крестьянские надельные земли, вместе с землями башкир, колонистов и пр. (за исключением лишь земель астраханских и оренбургских казаков) составляли 39% (109,8 млн. дес.)[2]. При этом $^3/_4$ дворянских земель (55 млн. дес.) принадлежало 13,3 тысячам крупных помещиков, владевших свыше 1000 десятин каждый, т. е. 60% всех частновладельческих земель или около 20% всего сельскохозяйственного фонда сосредоточивалось в руках небольшой кучки владельцев крепостнических латифунций, на долю каждого из которых приходилось в среднем свыше 4 тыс. десятин [3].

Правда, как мы видели, дворянское землевладение непрерывно сокращалось: дворяне и после 1877 г. больше продавали земли, чем покупали: но если учесть эти потери после 1877 г., все же окажется, что в руках дворянства к 1893 г. сохранилось 58,4 млн. десятин, или около 21% сельскохозяйственного фонда. При этом важно отметить, что мобилизация дворянских земель способствовала укрупнению дворянского землевладения: средний размер покупавшихся дворянами участков за 30 лет (346 дес., значительно превышал средний размер продававшихся ими участков 225 дес.)[4]. Интересно также отметить значительную разницу в уменьшении дворянского землевладения между различными районами. Быстрее всего уходили из дворянских рук земли в северных и центрально-промышленных губерниях [5], где земля не представляла большой ценности и где еще до реформы помещики держали крестьян преимущественно на оброке; отношение количества проданной дворянами за 30 л. земли к купленной ими в этих районах выражается цифрами 2,4 : 1 (22,1 млн. дес. : 9,4 млн.). Значительную часть своей земли дворяне потеряли также в степных губерниях Новороссии и Заволжья [6], где еще до реформы начался переход помещичьих земель к капиталистической системе хозяйства; здесь это отношение составляет 1,8 : 1

---

[1] По подсчетам Ленина с. х. фонд Европейской России составлял в 1905 г., 280 млн. дес. (Соч., т. 13, изд. 4, стр. 199).

[2] П. Скворцов. Распределение крестьянской поземельной собственности в Евр. России и падающие на землю платежи. «Юрид. вестник», 1892, т. X, кн. 4 (апрель), стр. 603.

[3] Статистический временник Российской империи, серия III, вып. 10, СПб, 1886, стр. 28—29, 30—31, 34—35.

[4] М. Гельрот, Указ. соч., стр. 10.

[5] Петербургская, Олонецкая, Вологодская, Вятская, Пермская, Новгородская, Смоленская, Калужская, Тверская, Ярославская.

[6] Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская, обл. Войска Донского, Самарская, Уфимская, Оренбургская.

(12,6 млн. : 7,2 млн.). Значительно крепче держали землю в своих руках дворяне центрально-черноземных и средне-волжских губерний и Левобережной Украины [1], и еще крепче — дворяне Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины [2] (отношение 1,2 : 1; 10,3 : 8,7 млн. дес.); именно эти последние районы были районами господства барщинной системы помещичьего хозяйства [3].

В результате реформы помещичьи и удельные крестьяне потеряли, как мы видели [4] значительную часть находившихся в их пользовании земель. Особенно пострадали в этом отношении помещичьи крестьяне черноземных губерний. Кроме общего уменьшения площади наделов бывших помещичьих крестьян нужно еще иметь в виду разницу в качестве крестьянских и помещичьих земель, состав крестьянских надельных земель и их расположение по отношению к землям помещичьим. Так как положение 19 февраля предоставляло помещикам возможность отвести крестьянам землю в любом месте, то они старались обычно взять себе лучшую землю, а крестьянам дать похуже. Кроме того, помещик не обязан был, за немногими исключениями, наделять крестьян лесом и лугами, так что в крестьянский надел леса и луга обычно входили в совершенно недостаточном количестве. Наконец, чересполосица помещичьих и крестьянских земель, существовавшая в дореформенное время, не только сохранилась и после реформы, но нередко даже умышленно увеличивалась помещиками, которые стремились расположить свои и крестьянские земли так, чтобы помещичья земля врезывалась клином в крестьянские наделы и крестьяне были вынуждены арендовать эти вклинившиеся в их наделы помещичьи участки.

§ 7. Аренда вненадельных земель

Малоземелье и чересполосица, недостаток леса и сенокосных угодий — все это создавало почву для развития аренды крестьянами вненадельных земель, и преимущественно земель помещичьих, так как казенные и удельные земли в Европейской России составляли примерно лишь 17% сельскохозяйственного фонда [5] и были расположены крайне неравномерно по территории России, частновладельческие же земли (преимущественно

[1] Курская, Орловская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Воронежская, Казанская, Симбирская, Саратовская, Черниговская, Харьковская, Полтавская.

[2] Ковенская, Виленская, Гродненская, Витебская, Могилевская, Минская, Киевская, Волынская, Подольская.

[3] Материалы, вып. IV, стр. 16—17, 22—23, 28—29, 34—35, 40—41; 46—47, 52—53, 58—59, 64—65, 70—71, 76—77, 82—83, 88—89, 94—95, 100—101, 106—107.

[4] См. главу II.

[5] Ст. временник, серия III, вып. 10, стр. 28—29. Принимая размеры сельскохозяйственного фонда в 280 млн. дес. и вычитая из общего количества казенных и удельных земель (157,8 млн. дес.) 111 млн. дес., получаем 46,8 млн. дес.

дворянские) составляли около 33% этого фонда. Преобладание дворянских земель в составе арендного фонда отмечают единогласно земские статистические обследования по всем районам [1].

В 80-х годах общая площадь только одной пашни, арендуемой крестьянами, по земским статистическим данным, касающимся 126 уездов, составляла около 20% площади крестьянских наделных и купчих земель, в отдельных же уездах земледельческих губерний, где было много «дарственников», доходила почти до размера надела: так, в Саратовском уезде арендная площадь составляла 70,8% надела, в Самарском — 76,6%, в Ростовском н/Дону — 80,1, в Одесском — 97,3% [2].

Почти половина крестьянских дворов арендовала землю: в 80-х годах по 103 уездам, по которым есть соответствующие сведения, количество арендующих дворов составляло в среднем 42,5%, в отдельных же уездах этот процент поднимался значительно выше: в Евпаторийском уезде — 74,2%, в Перекопском 75,2%, в Славяносербском (Екатеринославской губ.) — 82,9%, в Сычевском (Смоленской губ.) — 85%.

Погоня крестьян за помещичьей землей способствовала быстрому росту арендных цен. За 20, примерно, лет после реформы средние арендные цены на пашню в Саратовском уезде повысились почти в 2,5 раза (с 3 р. 30 к. до 8 руб.), в Темниковском у. Тамбовской губ. в 3—4 раза (с 1 р. 50 к. — 2 р. до 5—6 руб.), в Борисоглебском у. той же губернии в 5—6 раз (с 2—3 руб. до 12—16 руб.), в Бахмутском у. (Екатеринославской губ.), в 5—10 раз (пашня с 50 к. до 3 р. 78 к., сенокос с 30 коп. до 3 р. 18 коп.), В 80-х годах по 76 уездам, по которым есть соответствующие сведения, арендная плата составляла в среднем 25 р. на двор, т. е. значительно превышала выкупные платежи (15 р. 31 к. на двор, а после их понижения в начале 80-х годов — 11 р. 22 к.) [3].

Интересно отметить, что аренда отрезков стоила крестьянам значительно дороже аренды других земель; так, в Гжатском уезде Смоленской губ. в 80-х годах средняя цена за пашню и сенокос на отрезных землях была 2 р. 51 к., а на остальных — 1 р. 25 к., т. е. за отрезки приходилось платить ровно вдвое дороже. При этом особенно высоки были цены за аренду мелких участков земли и на короткие сроки. Так, например, в Хвалынском уезде Саратовской губ. в 80-х годах при долгосрочной аренде (9—12 лет) пашня стоила 5 р., а при аренде на 1—2 года — 7 р. 80 к.: в Сосницком уезде Черниговской губ. при аренде на 9 лет — 3 р. 60 к., а при аренде на один посев — 6 р. 22 к.; в Острогож-

---

[1] Н. Карышев, Крестьянские вненадельные аренды. Итоги экономического исследования России по данным земской статистики, т. II, Дерпт, 1892, стр. 80, 84.

[2] Итоги экономического исследования России, т. 2, Н. Карышев. Крестьянские вненадельные аренды. Дерпт, 1892, стр. VII, 13.

[3] Н. Карышев. Указ. Соч., стр. VII, VIII, 6, 327—330.

ском уезде Воронежской губ. при долгосрочной аренде 3 р. 70 к., а при погодной — 7 руб. Это и понятно: мелкими клочками и на короткие сроки, преимущественно на один посев, арендовала землю именно крестьянская беднота; заключать долгосрочные договоры с помещиками на аренду значительной земельной площади она была не в состоянии. Помещик пользовался безвыходным положением бедноты и увеличивал цены на арендуемые ею участки. Бедняку, таким образом, арендованная земля обходилась значительно дороже, чем зажиточному крестьянину. В Рязанском уезде, например, в 90-х годах, крестьяне, имевшие от 1,5 до 3 дес. надельной пашни на двор, платили за аренду десятины земли 11 р. 21 к., а имевшие свыше 5 дес. пашни — 5 р. 77 к., т. е. почти вдвое дешевле. При таких условиях нет ничего удивительного, что арендная плата, уплачиваемая бедняком, поглощала значительную часть дохода с арендуемой им земли, оставляя ему лишь ничтожный заработок, а иногда и превышала этот доход. Так, например, в Сердобском уезде Саратовской губ. в 90-х годах валовой доход арендатора с десятины (за вычетом арендной платы) составлял 12 р. 37 к., а стоимость обработки десятины при вольном найме равнялась 13 р. 18 к.; в результате за обработку этой арендованной десятины крестьянин получал на 79 коп. меньше, чем на обработку десятины помещичьей земли по вольному найму, в качестве наемного рабочего. В неурожайные же годы дохода с земли иной раз нехватало для покрытия арендной платы.

Формы аренды часто практиковались докапиталистические: помимо денежной аренды очень распространена была аренда отработочная, при которой крестьяне должны были отработать в помещичьем хозяйстве ту сумму, в которую оценивалась аренда снимаемой ими земли, должны были выполнить ряд работ на помещичьем поле, обычно со своим инвентарем. Разновидностью отработочной аренды была аренда из доли урожая. Отработочная форма аренды особенно тяжела была для крестьянства, — прежде всего потому, что при этой натуральной форме арендной платы арендуемая земля обходилась гораздо дороже, чем при денежной аренде: крестьянский труд при такого рода сделке ценился несравненно дешевле, чем при условии свободного найма.

В Саратовском уезде в 80-х годах натуральная плата была в среднем вдвое выше денежной (испольная 16 р. 50 к., денежная 8 р.); то же соотношение было в Ржевском уезде Тверской губ. (7 р. и 3 р. 50 к.), в Екатеринославском же уезде денежная аренда обходилась крестьянину 2 р. 88 к., отработочная 4 р. — 4 р. 50 к., испольная 9 р. 71 к. — 10 р. 08 к. По расчетам земских статистиков 80-х гг., обработка и уборка десятины помещичьей земли в Саратовском уезде при отработочной аренде обходилась 9 р. 40 к., а по вольному найму от 17 р. 50 к. до 20 р. 50 к.[1]

[1] Н. Карышев. Указ. Соч., стр. 290, 318.

В 90-х годах в южных уездах Крыма натуральная арендная плата втрое превышала денежную: в Феодосийском уезде натуральная плата равнялась 24 р. 40 к., денежная 8 р. 06 к., в Симферопольском 20 р. 50 к. и 7 р. 10 к., в Ялтинском 31 р. 30 к. и 10 р. 60 к[1]. Кроме того, отработочная форма аренды тяжело ложилась на крестьянское хозяйство еще и потому, что при сезонном характере сельских работ крестьянину приходилось отрабатывать свой долг помещику в то самое время, когда у него поспевал урожай в собственном хозяйстве; свою работу он должен был бросать, чтобы работать на помещика. А между тем крестьянской бедноте волей-неволей приходилось итти на эти тяжелые условия, потому что ее давило малоземелье, заставлявшее соглашаться на любые условия, и потому, что в ее распоряжении было мало денежных средств и денежная аренда являлась для нее часто совершенно недоступной.

§ 8. Переселения

От этой кабалы крестьяне пытались избавиться путем переселения в Новороссию, Заволжье, Предкавказье, Сибирь и т. д., но и переселения очень мало помогали. Во-первых, для переселения нужно было иметь некоторые средства: нужно было иметь в своем хозяйстве такую сумму ценностей, чтобы ликвидировав его, можно было выручить необходимую сумму денег для переселения на новые места и для обзаведения хозяйством. Как раз именно крестьянская беднота, острее всего нуждавшаяся, имела слишком недостаточные запасы ценностей в своем хозяйстве. Переселение доступно было лишь для той части бедноты, которая стояла еще на грани между беднотой и середняком. По данным 1895 года более половины сибирских переселенцев из 16 черноземных губерний приходилось на долю крестьян с наделом от 1 до 5 дес. (53,8%), тогда как на долю крестьян с наделами менее 1 дес. и совсем безнадельных приходилось менее четверти переселенцев (24,3%)[2]. По сведениям А. А. Станкевича, обследовавшего в 1893 г. свыше 4 тысяч переселенческих хозяйств Тобольской губ., 42% из них взяли с собой от 100 до 250 г., 18% — больше 250 руб., тогда как имевших от 50 до 100 руб. оказалось 24%, а имевших менее 50 руб., — всего 16%. «Богатым незачем итти, бедным не на что», — говорили переселенцы статс-секретарю А. Н. Куломзину при его объезде в 1896 году переселенческих поселений Сибири; из бедных по их словам переселяются только те, «кто в силах пройти»[3].

[1] Данные об аренде за 80-е годы заимствованы из работы Н. А. Карышева. Крестьянские вненадельные аренды, стр. 351—353, 356; данные за 90-е годы из работы А. А. Мануйлова, Аренда земли в России в экономическом отношении, сб. «Очерки по крестьянскому вопросу», под ред. А. А. Мануйлова, вып. II, М., 1905, стр. 157.

[2] П. Маслов. Аграрный вопрос в России, т. I, изд. 4, СПб., 1908, стр. 252.

[3] Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом, изд. Комитета министров, СПб, 1900, стр. 157, 158.

Во-вторых, правительство, руководствуясь интересами помещиков, ставило препятствия крестьянскому переселению. Помещики правильно с своей точки зрения рассуждали, что если большое количество крестьян переселится из данной местности, если крестьянская масса разделится и малоземелье будет менее остро, то труднее будет найти дешевого и неприхотливого работника или выгодного арендатора, который согласился бы арендовать помещичью землю на кабальных условиях. Даже официальное издание Комитета министров признавало «отрицательное отношение» правительства к переселению крестьян в первые десятилетия после реформы, вызванное опасением развития «вредной подвижности и бродяжничества в сельском населении», тем более, что это опасение «разделялось и большинством поместных владельцев»: «уход крестьян на многоземельные окраины представлялся землевладельцам весьма нежелательным, угрожая им возвышением цен на рабочие руки и уменьшением спроса на их земли». Но были мотивы и политического порядка, побуждавшие царизм препятствовать переселению. В 1879 г., по заключению П. А. Валуева, бывшего тогда министром государственных имуществ, было отклонено ходатайство Черниговского земства о разрешении переселения черниговских крестьян в Оренбургскую и Уфимскую губернии. Валуев писал в своем заключении, что к этому вопросу нужно подходить «с величайшей осторожностью, дабы тем внушить населению, что правительство, раз устроив поземельный быт сельского населения, не считает себя обязанным продолжать это устройство и раздавать ценные казенные земли для удовлетворения временных и случайных потребностей»; эта осторожность особенно необходима «вследствие повсеместно наблюдаемого настроения сельского населения, которое на основании ложных слухов и злонамеренных толкований везде ожидает новой нарезки земли в видах дополнения наделов» [1]. Правительство ограничивалось поэтому лишь легализацией положения уже переселившихся «самовольно» крестьян в Самарской, Уфимской, Оренбургской, Тобольской и Томской губ. (Законы 9 апреля 1869 г., 6 февраля 1871 г., 28 января и 9 ноября 1876 г.).

Но рост «самовольных» переселений (из одной Полтавской губ. за 16 лет с 1861 г. по 1877 гг. выселилось свыше 9 тыс. человек) [2] побудил правительство поставить вопрос о регулировании переселений. В 1880 г. по высочайшему повелению была учреждена особая комиссия под председательством П. П. Семенова для разработки общего переселенческого закона, а пока поручено было министрам внутренних дел, финансов и государственных имуществ выработать «временные правила», которые и были утверждены 10 июля 1881 г., но не подлежали обнародованию. Согласно этим правилам, переселения допускались лишь с осо-

[1] Колонизация Сибири, стр. 105.

[2] Вычисления сделаны по кн. И. Ямзина. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян, Киев, 1912, стр. 10.

бого на каждый случай разрешения министра внутренних дел по соглашению с министром государственных имуществ, причем предварительно наводились справки через местные крестьянские учреждения об экономическом положении переселяющихся крестьян.

Обсуждение проекта общего закона затянулось; только 13 июля 1889 г. проект закона был наконец утвержден Александром III под названием «Правил о переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли». По этому закону также требовалось особое разрешение, обусловленное «уважительностью причин» переселения и наличием пригодных для переселения земель. Крестьянам «дозволялось» указывать, куда они желают переселяться, но удовлетворялось это желание лишь при условии согласия с общими видами правительства». Земли, отводимые переселенцам в пределах Европейской России, предоставлялись им только на правах аренды от 6 до 12 лет, а в Азиатской России в бессрочное пользование без права продажи и залога. Переселенцы получали льготу по уплате казенных сборов и арендной платы на 2—3 года и могли получать ссуду на обзаведение, обсеменение и продовольствие. «Самовольные» переселенцы подлежали принудительному возвращению на прежние места в административном порядке. Закон этот был опубликован во избежание ложных толков, за исключением пункта о ссуде. Но самовольные переселения не прекратились: до 1892 г. министром внутренних дел было выдано разрешение на переселение в разные места 17 тысячам семейств, а только за Урал переселилось за это время около 29 тыс. семейств. 6 марта 1892 г. был разослан циркуляр губернаторам о временном запрещении переселений ввиду недостатка заготовленных участков; но в том же году самовольно переселилось свыше 84,2 тыс. душ, а в следующем — около 61,5 тыс. [1].

Иной политики правительство держалось по отношению к переселению на Алтай и Дальний Восток. В целях укрепления власти царизма в только что присоединенных дальневосточных владениях, уже 26 марта 1861 года были изданы «Правила для поселенцев русских и иностранных в Амурской и Приморской областях», которыми предоставлялось право переселения на Дальний Восток всем желающим на свой счет; переселенцы получали до 100 дес. земли на семью в аренду или в собственность (по цене 3 руб. за десятину с уплатой в рассрочку), освобождались навсегда от подушной подати, на 10 лет от рекрутской повинности и на 20 лет от взноса арендной платы. В 1866 г. для переселенцев в Южно-Уссурийский край были установлены ссуды до 100 руб. на семью и снабжение продовольствием на год. Но переселение шло туго, так как большая часть переселенцев оседала по дороге — в Оренбургском крае, в Западной Сибири, в Енисей-

[1] Колонизация Сибири, стр. 117—118.

ской губ. Для увеличения притока переселенцев 1 июня 1882 г. был издан закон, согласно которому переселенцы переводились в Владивосток морским путем, на пароходах Добровольного флота, за счет казны; на месте они получили в качестве безвозвратного пособия материал для построек, лошадь, корову, семена, орудия и инструменты. Желающих переселиться оказалось много, так что пароходы Добровольного флота не успевали их перевозить. Поэтому законом 18 апреля 1886 г. бесплатность перевозок была отменена, а по закону 12 мая 1887 г. вместо безвозвратных пособий переселенцы получали ссуду (не свыше 600 р. на семью) с рассрочкой на 28 лет. За 10 лет, с 1883 по 1892 г. было перевезено морем на Дальний Восток всего 2634 семьи (16 974 души обоего пола) [1].

В Алтайском горном округе, принадлежавшем «Кабинету его величества», после освобождения горнозаводских рабочих начал ощущаться недостаток рабочих рук. Поэтому законом 30 июля 1865 г. было разрешено крестьянам переселяться в Алтайский округ, без предоставления однако каких-либо льгот, кроме бесплатного отпуска леса для построек и топлива. Несмотря на это, началось довольно широкое переселение на Алтай крестьян, привлекаемых сюда земельным простором, плодородием почвы и сравительной близостью к Европейской России. За время с 1866 г. по 1892 г сюда переселилось, по неполным данным, 219 328 душ обоего пола. В 1885—1890 гг. алтайские переселенцы составляли около половины (48%) всех переселенцев, направлявшихся в Сибирь [2].

До открытия движения по Сибирской ж. д. (1894) Сибирь играла довольно скромную роль в переселенческом движении; переселенцы предпочитали направляться в Новороссию, в Предкавказье, в заволжские степи. Из Полтавской губ., например, занимавшей первое место по проценту переселенцев, в 1861—1876 гг. из 9 с лишним тысяч переселенцев половина (50,2%) выселилась на Северный Кавказ, 34,7% в Новороссию, 2,3% в Заволжье и всего 7,1% в Сибирь и Казахстан; в 1877—1893 гг. из 20 с лишним тысяч переселенцев на Северный Кавказ — 43,5%, в Новороссию — 14,2%, в Заволжье — 4,8%, в Сибирь и Казахстан — 14,6% [3]. Но, как видно и из этого примера, значение Сибири в качестве переселенческого фонда с течением времени возрастало. Более или менее точный учет сибирских переселенцев начинается только с 1885 г.; до этого времени имеются лишь отрывочные сведения. За трехлетие с 1885 по 1887 гг. переселилось 320 155 душ, за следующее трехлетие (1888—1890) — 84 171 душ, а за трехлетие с 1891 по 1893 гг. — 195 318 душ [4]. Из переселившихся на эти

[1] Колонизация Сибири, стр. 321.
[2] Там же, стр. 336, 337.
[3] И. Ямзин. Указ. соч., стр. 10.
[4] Материалы высоч. учрежд. 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движ. с 1861 г. по 1900 г. благосост. сельского населения Средне-землед. губ., сравнит. с другими местностями Европ. России, ч. 1 СПб., 1903, стр. 22—23.

9 лет за Урал 311 504 душ 75% осело в Томской губ. (преимущественно в Алтайском округе); на Тобольскую губ. падает 8%, на Енисейскую тоже 8%, на Акмолинскую и Семипалатинскую области Казахстана — 4%, на Дальний Восток (Амурская и Приморская обл.) — 5%[1].

Район, дававший подавляющую массу переселенцев, состоял из 16 черноземных губерний, тянувшихся довольно узкой полосой с юго-запада на северо-восток, в большинстве которых особенно развиты были крепостнические пережитки (Полтавская, Черниговская, Харьковская, Курская, Орловская, Тульская, Воронежская, Тамбовская, Рязанская, Пензенская, Симбирская, Саратовская, Нижегородская, Казанская, Вятская, Пермская). За 1885—1893 гг. на эти губернии приходится 96,75% всех переселенцев, направившихся в Сибирь и Казахстан[2].

Несмотря на рост переселения, число переселенцев по отношению к общему количеству населения тех губерний, из которых шли переселенцы, было ничтожно: даже в занимавшей первое место по проценту переселенцев Полтавской губ. за 1877—1893 гг. выселилось всего 3,26% крестьянского населения, а естественный прирост сельского населения за эти годы составил 18%, т. е. число переселенцев не достигло и одной пятой естественного прироста, таким образом, переселения не могли заметно ослабить крестьянскую нужду в земле.

На передвижение переселенцы затрачивали месяцы, передвигаясь и по железной дороге, и на пароходах и баржах, и на подводах, и просто пешком, везя свои пожитки, больных и детей на ручных тележках и тачках. Даже до сравнительно недалекого Алтайского края переселенцы из Рязанской губ. добирались только через 11—13 недель, из Орловской — через 13—16 недель, из Воронежской — через 10—18 недель. За время тяжелого, длительного пути переселенцы часто успевали израсходовать почти все небольшие деньги, которые им удавалось выручить при ликвидации своего хозяйства; по свидетельству А. А. Кауфмана, около половины (44,8%) переселенцев Томской губ. в момент прибытия на место не имели уже ни копейки[3]. Правительственные мероприятия по устройству переселенцев на новых местах были организованы из рук вон плохо, и подавляющее большинство переселенцев было предоставлено собственным силам. При таких условиях устроиться на новом месте многим из них не удавалось, и они были вынуждены возвращаться на родину. Процент обратных переселенцев с течением времени увеличился: в 1881—1885 гг. число обратных переселенцев составляло в среднем всего 3,4% переселившихся, в 1886—1893 гг. — 3,6%, в 1895 г. этот процент поднимается до 7,2% (7396 душ) в 1896 г. —

[1] Колонизация Сибири, стр. 196.

[2] Материалы высоч. учрежд. 16 ноября Комиссии..., ч. 1, СПб., 1903, стр. 22—23.

[3] А. А. Кауфман. Переселение и колонизация. СПб., 1905, стр. 34.

до 12,9% (22 906), в 1897 г. — до 29,5% (19 996) [1]. Обратно переселенцы возвращались уже совершенно разоренными, пополняя собой ряды деревенского пролетариата.

§ 9. Крестьянские платежи

Помимо тех остатков крепостничества, которые сохранила реформа 19 февраля в области земельных отношений, крепостнические пережитки сохранились и в других сферах крестьянской жизни, — прежде всего в налоговой системе. Лежавшие на крестьянах платежи были непомерно велики.

Нужно припомнить, что крестьяне должны были выплачивать в казну выкупные платежи за полученный ими надел, являвшиеся непосредственным наследием крепостного права. Мы видели, что размеры выкупа значительно превышали рыночную стоимость крестьянского надела [2].

Но помимо погашения выкупной ссуды крестьяне должны были еще, как мы знаем, уплачивать ежегодно 5% роста по ссуде и $^1/_2$% на расходы по выкупной операции. К концу 1905 г., когда выкупные платежи были отменены, крестьяне внесли выкупных платежей 1 541 млн. руб.; кроме того, было внесено досрочного погашения выкупной ссуды 26 млн. руб.; общий итог составляет 1 565 млн. руб., т. е. почти вдвое больше того, что стоила по рыночным ценам полученная крестьянами надельная земля (867 млн. руб.), и все-таки они не выплатили всего того, что с них причиталось: общий долг за приобретенную помещичьими крестьянами по выкупу землю составлял на 1 января 1906 г. 323 532 тыс. руб. [3]. К сумме выкупных платежей нужно еще прибавить доплаты наличными деньгами, которые вносили крестьяне непосредственно помещику в случаях перехода на выкуп по «добровольному соглашению»; сумму этих доплат определить, разумеется, невозможно. Выкупные платежи, как мы уже знаем, вносили не только помещичьи крестьяне, но и удельные и государственные. Удельные крестьяне уплатили до отмены выкупных платежей около 100 млн. руб., государственные — свыше 900 млн. Таким образом, крестьяне всех разрядов уплатили за свою землю свыше 2,5 млрд. руб., не считая оброков и барщинных повинностей, которые временно обязанные крестьяне отбывали до перехода на выкуп, и оброчной подати, уплачивавшейся государственными крестьянами до замены ее выкупными платежами (в середине 80-х годов) [4].

---

[1] Цифры за 1881—1885 гг. и 1886—1893 гг. по А. А. Кауфману. Указ. соч., стр. 248. Остальные по Н. Ямзину. Указ. соч., стр. 145.

[2] См. главу II.

[3] Д. Шаховский. Выкупные платежи сб. «Великая реформа», т. VI, 1911, стр. 106, 132.

[4] А. В. Пешехонов. Эконом. положение крестьян в пореформенное время. — «Великая реформа», т. VI, стр. 218.

Прямые налоги всякого рода, лежавшие на крестьянах, тоже составляли значительную сумму. Крестьянам приходилось платить, во-первых, подушную подать — старинную сословную подать, идущую от петровских времен и падавшую только на низшие сословия, подать, не находившуюся ни в каком соответствии с доходами крестьянского хозяйства, так как она исчислялась на ревизскую душу, т. е. на зарегистрированную по ревизии душу мужского пола. Правда, при разверстке подушной подати сельскими обществами между отдельными домохозяевами учитывалась обычно обеспеченность отдельных дворов надельной землей, но купчие земли, как правило, при разверстке в расчет не принимались, а господство кулаков на сельских сходах обычно сводило к минимуму поправки на хозяйственную мощность двора. Кроме того, и между отдельными обществами были большие различия в обеспечении надельной землей и вообще в уровне зажиточности, которые не учитывались при разверстке волостными сходами подушного сбора между отдельными обществами. В результате крестьянской бедноте приходилось уплачивать гораздо большую долю своего дохода, чем зажиточному крестьянину [1]. Далее — крестьянин платил сословный мирской сбор — на содержание крестьянского общественного управления, хотя, как мы видели, это «общественное» управление было по существу полицейско-административным органом правительственной власти, и на всякого рода «мирские повинности» и расходы по борьбе с эпидемиями и эпизоотиями, устройство и поддержание хлебозапасных магазинов, содержание и исправление проселочных дорог, принятие мер против пожаров, наводнений, саранчи и пр. За время с 1881 по 1894 г. волостные и сельские расходы по 46 губерниям Европейской России (без Прибалтийского края и области Войска Донского) увеличились почти вчетверо (с 14,8 млн. руб. до 56,9 млн.), причем около половины всех мирских расходов (48%) шло на содержание сельского и волостного управления [2]. Наконец, крестьяне должны были в обязательном порядке страховать свои постройки, расположенные в черте их усадебной оседлости, что также можно рассматривать как особый вид сословной подати. Кроме этих сословных податей, на крестьян распространялись и общие для всех сословий налоги — государственный поземельный налог, губернский и уездный земские сборы (на содержание земских учреждений и земских расходов), которые исчислялись тоже таким образом, что главной своей тяжестью падали опять-таки на крестьян.

По данным 1891 г. по 28 губерниям Европейской России (без Киевской и Лифляндской) и 3 областям (Донской, Кубанской и Терской) на крестьян падало 102,5 млн. руб. казенных сборов, 21,2 млн. руб. земских, 22,8 млн. руб. мирских, 1,5 млн. руб. про-

[1] Подушная подать была отменена только в середине 80-х годов.

[2] Н. Бржеский. Натуральные повинности крестьян и мирские сборы. СПб., 1906, стр. 173—194.

довольственных и 13,0 млн. руб. страховых — всего 161,0 млн. руб. Если разложить все эти платежи на десятину облагаемой земли (119,6 млн. дес.), то окажется, что с десятины крестьянину приходилось платить 1 р. 35 к. Помещики же платили с своих земель (93,9 млн. руб.) казенных сборов 6 млн. руб., земских 12,9 млн. руб. и сословных 1,4 млн. руб. всего 20,3 млн. руб., т. е. 22 коп. с десятины. Таким образом, крестьянская земля была обложена тяжелее помещичьей ровно в 6 раз. В отдельных же губерниях крестьянские платежи превышали помещичьи даже в 10—12 раз [1]. В 70-х гг., по расчетам Ю. Янсона, в черноземных губерниях крестьянские платежи в 1,5—3,5 раза превышали «чистый доход» с крестьянского надела, а в нечерноземных — в 2—6,5 раза [2], т. е. крестьянину для уплаты налогов далеко нехватало «чистого дохода» с надела, и ему для этого приходилось или арендовать у помещика землю или искать приработка на стороне.

Особенно велико было несоответствие платежей доходности земли у бывших помещичьих крестьян: в 70-х годах помещичьи крестьяне платили выкупных платежей и подушной подати (не считая других сборов) в среднем по 7 р. 51 к. с ревизской души, что составляло 198% чистого дохода с их наделов; бывшие государственные крестьяне платили подушных и оброчных, вместе с лесным налогом, в среднем 5 р. 70 к. с ревизской души, что составляло 92,75% их чистого дохода. С 1887 г. после отмены подушной подати, понижения выкупных платежей помещичьих крестьян и введения выкупных платежей с крестьян государственных, платежи бывших помещичьих крестьян понизились до 4 р. 59 к., а платежи бывших государственных — до 5 р. 08 к.; но по отношению к чистому доходу с надельных земель платежи бывших государственных крестьян составляли 88,6%, а платежи бывших помещичьих 121,2% [3].

Насколько непосильны были для крестьянина ложившиеся на его хозяйство платежи, показывает рост недоимок, накоплявшихся ежегодно, несмотря на понижение платежей в 80-х годах. Процентное отношение суммы недоимки по казенным платежам к годовому окладу в среднем по 50 губерниям Европейской России выражалось в следующих цифрах:

Годы	% к окладу	Годы	% к окладу
1871—1875 . . .	22	1886—1890 . . .	49
1876—1880 . . .	27	1891—1895 . .	98
1881—1885 . . .	36	1896—1900 . . .	119

[1] Свод сведений о поступлении и взимании казенных, земских и общественных окладных сборов за 1891 год, СПб., 1898, стр. IV, XI, 60—61, 120—121.

[2] Вычислено по книге Ю. Янсона. Опыт стат. иссл. о крестьянских наделах и платежах, изд. 2-е, СПб., 1881, стр. 35—36, 82—86.

[3] П. Скворцов. Распределение крестьянской поземельной собственности в Европ. России и падающие на землю платежи, — «Юридич. вестник», 1892, т. X, кн. 4, (апрель), стр. 605—607.

Как видим, в конце XIX в. общая сумма казенных недоимок значительно превышала годовой оклад; в некоторых же местностях сумма недоимок была в несколько раз выше оклада: так, например, в некоторых уездах Нижегородской, Казанской, Самарской и Оренбургской губ. недоимка превышала годовой оклад в 6—8 раз (615—796%) [1].

Помимо прямых налогов, являвшихся в большей или меньшей мере пережитками феодально-крепостнической системы обложения, крестьянам приходилось платить еще косвенные налоги. Косвенные налоги с середины 80-х годов, со времени отмены подушной подати, составляли основу государственного бюджета: в 1892 г., например, они составляли 343,3 млн. руб., т. е. свыше 60% общей суммы налогового обложения (566,2 млн. руб.), а вместе с таможенными пошлинами 474,9 млн., т. е. 83,9% общей суммы налогового обложения и около половины всех так называемых «обыкновенных» доходов (970,2 млн. руб.) [2]. При этом косвенные налоги устанавливались таким образом, что главной своей тяжестью они падали на предметы массового потребления. водка, например, была обложена гораздо выше, чем дорогие вина, махорка облагалась значительно больше, чем высшие сорта турецкого табака, и т. д.

Таможенные пошлины на ввозимые из-за границы товары также ложились в значительной мере на крестьянское хозяйство, хотя крестьяне заграничных товаров и не покупали — за исключением разве китайского чая да австрийских кос, широко распространенных среди крестьян ввиду низкого качества кос отечественного производства: высокие таможенные тарифы способствовали сильному повышению цен на продукты русской промышленности, без которых крестьянская семья и крестьянское хозяйство уже не могли обходиться. По данным 1890-1891 гг. средние цены на чугун в Лондоне были 34 коп. за пуд, в Гамбурге — 57 коп, в Одессе — 1 руб. 08 коп; на хлопок (американский): в Ливерпуле 6 руб. 62 коп. — 6 руб. 87 коп. за пуд, в Гамбурге 7 руб. 12 коп., в Петербурге 9 руб. 86 коп. — 10 руб. 02 коп.; на чай: в Лондоне 20 руб. 70 коп. за фунт, в Москве 1 руб. 49 коп. — 2 руб. 80 коп.; на сахарный песок (русский): в Лондоне 2 руб. 36 коп. за пуд, в Петербурге 5 руб. 22 коп.; на керосин (русский) в Лондоне 75 коп. за пуд, в Петербурге 1 руб. 57 коп. [3].

Наконец, кроме всякого рода денежных платежей, крестьянам приходилось нести ряд натуральных повинностей, как например, дорожная повинность — по содержанию дорог и мостов, подводная повинность — по доставке подвод для казенных надоб-

---

[1] Материалы высоч. учрежд. 16 ноября 1901 г. Комиссии..., ч. I, СПб., 1903, стр. 252—294.

[2] Министерство финансов, 1802—1902. СПб., 1902, т. II, стр. 640, 641.

[3] Вычислено на основании данных Свода товарных цен на главных русских и иностранных рынках за 1890—1899 гг. СПб., 1900, стр. 12—13, 20—21, 23—24, 36.

ностей, квартирная повинность — по размещению войска, повинность по тушению лесных пожаров, по борьбе с саранчой и пр. Эти повинности, носившие сословный характер (как и подушная подать) и являвшиеся также пережитком феодально-крепостнического строя, уцелели в значительной мере вплоть до XX века.

§ 10. Правовое положение крестьян

Нужно коснуться также и правовых пережитков крепостничества, которые тоже тяжело отражались на крестьянском хозяйстве. Как мы видели, реформа 19 февраля оставила в неприкосновенности крестьянскую общину, причем эта община носила принудительный характер: выход из общины крестьянам фактически был заграждён; согласно 165 ст. положения о выкупе, только расплатившись полностью за свой надел, крестьянин мог выйти из общины, а так как подавляющее большинство крестьян было не в состоянии в короткое время внести всю выкупную сумму, то фактически этим правом выхода оно воспользоваться и не могло; 165-й статьей могла воспользоваться лишь небольшая зажиточная верхушка крестьянства. Законом 14 февраля 1893 г. выход из общины без согласия последней был и формально запрещен. Теперь и наиболее зажиточные крестьяне были лишены возможности, выйдя из общины, поставить свое хозяйство рационально, поднять его на более высокий уровень чем тот, на котором стояла подавляющая масса крестьянских хозяйств, владельцы которых не могли поднимать своего хозяйства, так как были разорены или были на пути к разорению.

Сохранена была реформой 19 февраля также и круговая порука, в силу которой все сельское общество отвечало за уплату лежавших на нем податей и повинностей и было поэтому заинтересовано в том, чтобы не отпускать от себя плательщиков. Временно уйти, правда, можно было, но и то лишь с разрешения общества и волостного правления, причем уходящий обязан был уплачивать все повинности по наделу, хотя бы им и не пользовался; окончательное же увольнение из общества было чрезвычайно затруднено, помимо согласия на это общества, еще и условием отказаться в пользу общества безвозмездно от своего надела.

В результате реформы крестьяне оказались в полной зависимости от произвола администрации. Крестьяне были лишены целого ряда таких прав, которые имели другие сословия — например, права свободного передвижения. Даже те весьма ограниченные права, которые за ними признавались законом, нередко были фиктивны: добиться их осуществления крестьяне сплошь и рядом не имели возможности; потому что вся администрация и в значительной степени судебные учреждения стояли на страже интересов крепостников-помещиков, непосредственно же ведавшие крестьянскими делами административные органы (мировые

посредники, затем сменившие их в 1874 г. непременные члены уездных по крестьянским делам присутствий и, наконец, сменившие последних в свою очередь в 1889 г. земские начальники) являлись прямыми представителями местного дворянского общества.

Царское правительство, опасаясь, что умственно развитой крестьянин станет менее терпеливым и покорным, сознательно старалось держать его в невежестве и темноте. Для грамотности крестьян показательно то, например, что среди новобранцев призыва 1890 г. больше двух третей было неграмотных (69%), тогда как в Италии в том же году неграмотных новобранцев было 41,1%, во Франции — 9,9%, в Бельгии — 5,9%, в Германии же все новобранцы, за редкими исключениями, были грамотны (неграмотных — 0,5%)[1].

§ 11. Влияние остатков крепостничества на крестьянское хозяйство

Все эти крепостнические пережитки — господство крупного дворянского землевладения, чересполосица помещичьих земель с крестьянскими, распространенность отработочной аренды, при которой крестьянское хозяйство в значительной мере оставалось «придатком» помещичьего хозяйства, непосильная тяжесть выкупных платежей и других крестьянских повинностей, правовые ограничения крестьян и безграничность административного произвола — все это самым тяжким образом отражалось на крестьянском хозяйстве.

Под давлением гнета со стороны помещиков и помещичьего государства происходит падение производительных сил в хозяйстве крестьянской массы. Резко сокращается количество рабочего и продуктивного скота на единицу населения: в 1870 г. на 1000 душ сельского населения приходилось в среднем по 50 губерниям Европейской России 1.456 голов всего скота, в частности 207 голов рабочих лошадей: к 1900 г. количество скота на 1000 душ уменьшилось до 102,6 голов, количество рабочих лошадей — до 144 голов; таким образом, за 30 лет относительное количество всего скота сократилось на 29,5%, а относительное количество рабочих лошадей на 30,3%. Сокращение количества скота происходило главным образом за счет тех районов, где крепостнические пережитки были особенно прочны и где давление их оказывалось сильнее. Например, в юго-восточной группе земледельческого района (Харьковская, Воронежская, Тамбовская, Пензенская, Саратовская губ.) относительное количество всего скота уменьшилось за это время на 36,5% (с 1638 до 1040), количество рабочих лошадей — на 44,6% (с 224 до 124). Совсем другую картину представляет например, Новороссия (Бессарабская, Херсонская, Таврическая и Екатеринославская губ.): в то время как относительное количество всего скота, в связи с быстрым рос-

[1] Б. С. Э., т. XVIII, стр. 775—776.

том населения и усиленной распашкой степей, уменьшилось здесь на 58% (с 2561 до 1086), относительное количество рабочих лошадей увеличилось на 45% (с 102 до 148) [1].

С уменьшением количества рабочего скота сокращалась и посевная площадь в крестьянском хозяйстве. Хотя в целом по 50 губерниям Европейской России абсолютная величина посевной площади под зерновыми хлебами и картофелем на надельных землях за время с 60-х по 90-е годы несколько увеличилась (с 44 672 тыс. до 46 016 тыс. дес., т. е. на 3%), но сельское население за это время возросло гораздо больше, так что по отношению к количеству населения посевная площадь сильно сократилась: в 1861—1870 гг. на 1000 душ сельского населения посевная площадь составляла 7307 дес., а в 1891—1900 гг. — всего 5081 дес., т. е. на 30,5% меньше. Что касается сбора, то несмотря на повышение за это время урожайности десятины по зерновым хлебам на 34% (с 29 до 39 пудов), а по картофелю на 47% (с 267 до 393 пуд.), сбор хлебов и картофеля на душу населения понизился почти на 6% (с 24,8 пуд. до 23,4 пуд.). Очень резко обнаружился упадок земледелия в районах наибольшей устойчивости крепостнических пережитков; приводимая ниже таблица показывает абсолютное сокращение площади посева на крестьянских надельных землях в средних земледельческих губерниях (в тысячах десятин):

Годы	1861—1870	1870—1880	1881—1890	1891—1900
Юго-восточная группа	8210,3	7903,3	7935,5	6733,5
Северо западная группа [2] . .	4398,9	4201,3	3862,5	3697,4

Как видно из этой таблицы, площадь посева на крестьянских наделах сократилась за 30 лет в северо-западной группе губерний этого района на 16%, а в юго-восточной группе почти на 18%. По отношению же к количеству населения сокращение посевной площади было еще более значительным: в северо-западной группе в 60-х годах на 1000 душ приходилось 783 дес. посева, а в 90-х — 441 дес., на 43% меньше: в юго-восточной группе в 60-х годах — 1034 дес., а в 90-х — 554 дес., т. е. почти вдвое меньше (на 46%).

Совсем другую картину видим опять в Новороссии: посевная площадь увеличилась здесь за это время с 3696,4 тыс. дес. до 5339,7 тыс., т. е. на 44%, и хотя, в связи с быстрым ростом населения, относительные размеры посевов на 1000 душ населения сократились больше чем на 26% (с 1263 до 926 дес.), но сбор хлебов и картофеля на 1 душу населения увеличился на 39% (с 24,2 до 33,7 пудов), что объясняется необычайно быстрым по-

[1] Материалы высоч. учрежд. 16 ноября 1901 г. Комиссии..., ч. 1, СПб, 1903, стр. 211.

[2] Курская, Тульская, Рязанская губернии.

вышением урожайности: сбор с десятины повысился за это время почти вдвое (по зерновым хлебам с 19 до 35 пуд., по картофелю с 155 до 300 пуд.). Между тем, в среднеземледельческих губерниях урожайность десятины хотя и повысилась, но далеко не в такой пропорции: по зерновым хлебам в юго-восточной группе на 30% (с 30 до 39 пуд.), в северо-западной всего на 14% (с 35 до 40 пуд.), по картофелю в юго-восточной на 24% (с 302 до 376 пуд.), в северо-западной на 28% (с 329 до 423 пуд.); поэтому, в связи с резким сокращением посевной площади сбор хлебов и картофеля на душу населения понизился в юго-восточной группе на 26% (с 31,5 до 23,2 пуд.), в северо-западной на 28,5% (с 28,4 до 20,3 пуд.) [1].

При таких условиях крестьянская масса быстро пауперизировалась. Пауперизация крестьянства выражалась, например, в сокращении потребления крестьянами различных продуктов. Не говоря уже о таких продуктах, как водка, душевое потребление которой с 1870—74 гг. по 1890—1894 гг. сократилось на 36% (с 0,36 ведра до 0,23 ведра в год) [2], сокращалось потребление даже таких продуктов, как хлеб, составлявший, как известно, основу питания крестьянина. По размерам потребления хлеба на душу населения Россия занимала одно из последних мест в Европе: в среднем за 16 лет с 1883 по 1899 гг. годичное потребление зерновых хлебов и картофеля на душу населения составляло в Европейской России 18,8 пуд., тогда как в Англии за это же время оно составляло 26,4 пуд., в Германии — 27,8 пуд., во Франции — 33,6 пуд., а в Дании даже 57 пуд. Почти все страны Европы потребляли хлеба и картофеля на душу населения больше, чем Россия производила (22,4 пуд)[3]. Нужно еще принять во внимание, что значительная часть потребляемого в стране хлеба и картофеля перерабатывалась в спирт, водку и пр., так что душевое потребление этих продуктов как предметов питания было еще меньше. При таких условиях подавляющее большинство крестьянства естественно не могло и думать о каких-нибудь запасах: весь хлеб, который удавалось оставить на собственное потребление (значительную часть его приходилось продавать), в большинстве крестьянских хозяйств подъедался до зерна, часто еще задолго до нового урожая. Благодаря этому неурожайный год неизбежно вызывал голодовку, и чем дальше, тем более частыми и более опустошительными становятся голодовки крестьянской массы; только на фоне массового обнищания крестьян и

---

[1] Материалы высоч. учрежд. 16 ноября 1901 г. Комиссии..., ч. 1, СПб., 1903, стр. 174—177. При всей неточности этих цифр, особенно за первые два десятилетия, они в общем достаточно правильно характеризуют как основную тенденцию развития, так и существенные различия между отдельными районами.

[2] Там же, стр. 43.

[3] П. Лохтин. Состояние сельского хозяйства в России, сравнительно с другими странами. СПб., 1901, стр. 217, 219. Надо иметь в виду, что эти цифры включают и расход кормовых хлебов на корм скоту.

были возможны такие явления, как голод 1891—1892 гг., охвативший огромную часть земледельческой России и повлекший чрезвычайно сильное повышение смертности.

В результате сокращения потребления и периодических голодовок происходило физическое вырождение крестьянской массы. Об этом свидетельствует, например, повышение процента забракованных при приеме на военную службу: в 1874—1878 гг. процент бракованных и получивших отсрочку по «невозмужалости» составлял 11,2%, а в 1889—93 гг.— 17,9%, т. е. людей, негодных к военной службе по слабости своего организма и физическим недостаткам, стало за эти 15 лет в 1,5 раза больше [1]. Чрезвычайно высока была смертность: во второй половине 80-х гг. смертность в Европейской России составляла 32 чел. на 1000, в Германии 26,2 человека, во Франции 22, в Англии 18,5, в Швеции 16,5%. По высоте смертности Россия занимала первое место в Европе; при этом следует отметить, что особенно высокая смертность наблюдалась у нас в сельских местностях, тогда как в Западной Европе города давали больший процент смертности, чем деревня [2].

Крепостнические пережитки тормозили развитие капиталистических отношений в деревне. Задавленная остатками крепостничества крестьянская масса не столько пролетаризировалась, не столько превращалась в свободных от личной зависимости и «свободных» от средств производства наемных рабочих, сколько пауперизировалась, т. е. просто разорялась, превращаясь в задавленных нуждой и кабальной зависимостью бедняков; эти бедняки однако не окончательно еще освободились от средств производства, ставших уже тяжелым бременем для них самих, но нужных крепостнику-помещику, ведущему отработочное хозяйство руками привязанного к земле крестьянина-паупера при помощи крестьянского же инвентаря. С другой стороны, крепостнические пережитки задерживали также превращение хозяйств зажиточных крестьян в капиталистические предприятия. Высокие цены на землю, высокая арендная плата, высокие платежи в казну — все это замедляло процесс накопления в среде зажиточного крестьянства, задерживало распространение в хозяйстве зажиточных крестьян, усовершенствованных машин и наемного труда. Пережитками крепостничества объясняется в значительной мере и то обстоятельство, что зажиточные крестьяне (особенно в промышленных районах, где сельское хозяйство играло меньшую роль) часто предпочитали накопленные ими средства обращать в торговлю и ростовщичество, превращаясь в «кулаков-мироедов», чем вкладывать их в сельскохозяйственное производство. Деревенский кулак закабалял крестьянскую бедноту, ссужая ее деньгами, хлебом или продуктами своей лавки под ро-

[1] Материалы высоч. учрежд. 16 ноября 1901 г. Комиссии..., ч. 1, СПб., 1903, стр. 32—33.

[2] Ю. Э. Янсон. Сравнительная статистика населения. СПб., 1892, стр. 257.

стовщические проценты или на условиях отработки, сдавая ей в аренду на кабальных условиях купленную им землю и пр. Эта кулацкая кабала, в свою очередь, задерживала развитие капиталистического производства в сельском хозяйстве.

§ 12. Эволюция помещичьего хозяйства

Что касается помещичьего хозяйства, то в течение второй половины XIX века в нем совершался процесс постепенного приспособления к условиям капиталистического развития, постепенного превращения из крепостнического, барщинного хозяйства в хозяйство капиталистическое. Процесс этот протекал, однако, весьма замедленным темпом. Каковы причины этого?

«Во-1-х,— писал Ленин,— не было еще налицо тех условий, которые требуются для капиталистического производства. Требовался класс людей, привыкших к работе по найму, требовалась замена крестьянского инвентаря помещичьим; требовалась организация земледелия как и всякого другого торгово-промышленного предприятия, а не как господского дела. Все эти условия могли сложиться лишь постепенно, и попытки некоторых помещиков в первое время после реформы выписать себе из-за границы заграничные машины и даже заграничных рабочих не могли не окончиться полным фиаско. Другая причина того, почему невозможен был сразу переход к капиталистической постановке дела, состояла в том, что старая, барщинная система хозяйства была лишь подорвана, но не уничтожена окончательно. Крестьянское хозяйство не было вполне отделено от хозяйства помещиков, так как в руках последних остались весьма существенные части крестьянских наделов: «отрезные земли», леса, луга, водопои, выгоны и пр. Без этих земель (или сервитутов) крестьяне совершенно не в состоянии были вести самостоятельного хозяйства, и помещики имели таким образом возможность продолжать старую систему хозяйства в форме отработков. Возможность «внеэкономического принуждения» тоже оставалась: временно-обязанное состояние, круговая порука, телесное наказание крестьянина, отдача его на общественные работы и т. д.» [1].

Все эти крепостнические пережитки задерживали капиталистическое развитие помещичьего хозяйства. Помещикам часто бывало выгоднее вести хозяйство при помощи издольщины и отработков, сдавая крестьянам в аренду часть своей земли под отработки и даже всю землю на условиях издольщины, чем переходить к капиталистическому хозяйству — заводить свой инвентарь, приобретать машины и применять труд вольнонаемных рабочих. Отработочная система хозяйства, взятая с чисто экономической стороны, чрезвычайно близка к феодально-крепостнической системе — к барщине. И здесь, и там крупный землевладелец

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 160.

эксплоатирует крестьянина, владеющего своими средствами производства и получающего от землевладельца участок земли, который является и в том и в другом случае, выражаясь словами Ленина, «как-бы натуральной заработной платой» или «средством обеспечения помещика рабочими руками» [1]. Разница между отработочной системой и системой барщинной сводилась в сущности лишь к тому, что барщина основывалась на юридической зависимости крестьян от помещика, а отработки вызывались тяжелой экономической зависимостью крестьянина, его нуждой. Но и в последнем случае элементы «внеэкономического принуждения», как мы видели, еще в значительной мере сохранились, чрезвычайно способствуя с своей стороны устойчивости отработочной системы.

К концу 80-х годов из 43 губерний Европейской России, в которых было более или менее значительное количество посевов на частновладельческих землях, только в 19 губерниях преобладала капиталистическая система помещичьего хозяйства, тогда как отработочная система преобладала в 17 губерниях и в 7 губерниях преобладала система смешанная; следовательно, отработочная система играла более или менее значительную роль в 55,3% этих 43 губерний [2].

Но несмотря на все пережитки крепостничества, несмотря на их задерживающее влияние по отношению к развитию капиталистического сельского хозяйства, это последнее все же развивалось. Переход помещичьего хозяйства от отработочной системы к капиталистической все же совершался, так же, как совершалось развитие капиталистического хозяйства и на землях зажиточных крестьян, превращавшихся в капиталистических предпринимателей. За 18 лет — с 1876 по 1894 г.— потребление сельскохозяйственных машин увеличилось с 3 957 тыс. руб. до 14.639 тыс., т. е. выросло более чем в 3,5 раза, причем этот прирост совершался преимущественно за счет внутреннего производства; в то время как привоз с.-х. машин из-за границы увеличился за это время втрое (с 1 628 тыс. до 5.194 тыс. руб.) внутреннее производство их возросло более чем вчетверо (с 2.329 тыс. до 9.445 тыс. руб.). Производство плугов увеличилось с 1879 до 1894 г. больше, чем в 5 раз (с 14,5 тыс. до 75,5 тыс. штук), а производство жнеек — в 34 раза с лишним (с 780 до 27 тыс. штук) [3].

Чрезвычайно возросло также число наемных рабочих в сельском хозяйстве: по подсчетам статистики Руднева, общее число сельскохозяйственных рабочих в Европейской России в начале 90-х годов доходило до 3,5 млн., что составляет около 20% всего мужского населения рабочего возраста в это время (Ленин считает эту цифру минимальной) [4].

---

[1] Там же, стр. 158.
[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 162.
[3] Там же, стр. 185, 188, 189.
[4] Там же, стр. 203.

В связи со специализацией с.-х. культур, о которой упоминалось выше, развивается и переработка продуктов сельского хозяйства в помещичьих имениях. За время с 1867 по 1893—1894 гг. количество переработанных на винокуренных заводах зерна и картофеля увеличилось втрое (с 83.875 тыс. до 266.707 тыс. пудов), а количество переработанной на сахарных заводах свеклы за время с начала 60-х годов до конца 90-х выросло более чем в 8 раз (в 1860—1864 гг. перерабатывалось ежегодно в среднем 4,1 млн. берковцев, а в 1895/6—1897/8 гг. — 35 млн. берковцев [1].

Развитие капиталистического помещичьего хозяйства происходило тем быстрее, чем быстрее совершалось разложение крестьянства, чем быстрее протекал процесс вымывания середняка, на котором собственно и держалась отработочная система, опиравшаяся преимущественно на крестьянина-хозяина, имеющего свой рабочий скот и инвентарь. «Зажиточное крестьянство,— писал Ленин,— естественно, не может служить основанием для системы отработков, так как только крайняя нужда заставляет крестьянина браться за наихудше оплачиваемые и разорительные для его хозяйства работы. Но и сельский пролетариат равным образом не годится для отработочной системы, хотя уже по другой причине: не имея никакого хозяйства или имея ничтожный клочок земли, сельский пролетарий не так привязан к нему, как «средний» крестьянин, и вследствие этого ему гораздо легче уйти на сторону и наняться на «вольных» условиях, т. е. за более высокую плату и без всякой кабалы» [2].

§ 13. Темпы капиталистического развития в разных районах

Развитие капитализма в сельском хозяйстве совершалось далеко не одинаковыми темпами в различных районах России. Медленнее всего оно совершалось во внутренних областях земледельческой России, особенно в губерниях черноземного центра (Курская, Орловская, Тамбовская, Тульская, Рязанская) и в губерниях среднего Поволжья (Симбирская, Пензенская, Нижегородская, Казанская). Развитие капитализма задерживалось здесь потому, что это были до 1861 г. районы наибольшего развития барщинного хозяйства; поэтому и пережитки крепостничества сохранились здесь в гораздо более сильной степени, чем в других районах; к тому же эти районы были отдалены от рынков сбыта.

Крепостных крестьян было много и в Центрально-промышленной области, но барщинное хозяйство здесь в значительной степени исчезло еще до реформы. К тому же здесь был под руками емкий рынок — крупные промышленные центры, куда легко было сбывать продукцию сельского хозяйства, и в некоторых промышленных губерниях (Московской, Ярославской, Петербургской)

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 247, 249. Цифры переработанного зерна и картофеля, приводимые Лениным суммированы нами.

[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 172.

капиталистическое развитие сельского хозяйства быстро двигается вперед. С другой стороны, развитие промышленности в этом районе давало возможность крестьянам иметь неземледельческий заработок и таким образом позволяло разредить густоту земледельческого населения, уменьшить остроту крестьянского малоземелья. В результате крепостнические пережитки в Центрально-Промышленной области исчезли гораздо быстрее, чем в губерниях черноземного центра.

В других районах, расположенных по западной и южной окраинам России — в Польше, Прибалтике, Литве, Западной Белоруссии, правобережной Украине, в «Новороссии», на Северном Кавказе — темпы развития капитализма были особенно быстры. Это зависело, во-первых, от того, что эти окраины находились в особенно благоприятном положении по отношению к рынку — лежали близко к морским портам или к сухопутным границам, через которые шел вывоз за границу. С другой стороны, крепостнических пережитков там было гораздо меньше, чем в коренной России. В «новороссийских» губерниях и в Предкавказье барщинное хозяйство, как мы знаем, было развито слабо и до реформы: крепостных крестьян там было гораздо меньше, чем в Великороссии, и помещики еще до реформы применяли наемный труд. В западных губерниях крестьянская реформа носила менее крепостнический характер, чем в других районах: крестьянские наделы были там сохранены в тех размерах, какие были до реформы, а местами даже увеличены; выкуп еще в 1863 г. был сделан обязательным, так что временнообязанных в этом крае не было; выкупные платежи были исчислены по пониженным нормам в сравнении с другими губерниями. Что касается Польши и Прибалтийского края, то там личная зависимость крестьян была отменена, как мы видели, еще в начале XIX в., а в результате аграрных реформ 60-х годов была ликвидирована и барщинная повинность.

Для иллюстрации сказанного о разнице темпов развития капитализма в разных районах сопоставим данные о разложении крестьянства по двум различным местностям: 1) по степным уездам Таврической губ. (Днепровский, Мелитопольский и Бердянский) и 2) по типичным центрально-черноземным северо-западным уездам Воронежской губ. (Задонский, Землянский, Коротоякский и Нижнедевицкий). В первой из них (Таврическая губ.) в руках зажиточного крестьянства (20% дворов) сосредоточивалось 49% землепользования (земли надельной, купчей и арендованной), 44,6% скота и 85,5% улучшенных орудий, эта же группа включила 62,9% всех дворов, пользовавшихся наемным трудом. Во второй местности (Воронежская губ.) в руках тех же 20% зажиточных дворов находилось 34,1% землепользования, 37,2 скота и 70,1% улучшенных орудий; в эту группу входило 48,4% всех дворов, прибегавших к найму рабочей силы. Что касается бедняцких слоев (50% общего числа дворов), то на долю

их приходилось в Таврической губ. 23,8% землепользования, 26% скота, 3,6% улучшенных орудий, 72,7% всей земли, сдаваемой крестьянами в аренду, и 68,2% всех дворов, отпускающих работников. В Воронежской губ. на эти 50% бедняцких дворов падало 29,9% землепользования, 23,4% скота, те же 3,6% улучшенных орудий, 67% сдаваемой в аренду земли и 63,8% дворов, отпускающих работников [1]. Как видно из этих данных, процесс разложения крестьянства (т. е. процесс развития капиталистических отношений). В Таврической губ. продвинулся значительно дальше, чев в Воронежской.

Точно так же и помещичье хозяйство быстрее превращалось из крепостнического в капиталистическое на окраинах Европейской России, чем в старом земледельческом центре. В конце XIX в. капиталистическое хозяйство в помещичьих имениях являлось преобладающим в Прибалтийском крае, в Литве, Западной Белоруссии, в правобережной Украине, в Новороссии и в Саратовской губ., а также в промышленных — Московской, Ярославской и Петербургской губ.; в губерниях же черноземного центра и среднего Поволжья (Курская, Орловская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Пензенская, Симбирская, Казанская, Нижегородская и др.) все еще преобладала отработочная система помещичьего хозяйства [2].

Таким образом, капиталистическая эволюция сельского хозяйства после реформы шла одновременно двумя путями — и путем «прусским» и путем «американским».

«Если земледельческий центр России и ее земледельческие окраины,— писал Ленин в 1907 г., показывают нам, так сказать, пространственное или географическое распределение местностей, в которых преобладает аграрная эволюция того или другого типа, то основные черты той и другой эволюций явственно видны также во всех местностях, где существует рядом помещичье и крестьянское хозяйство... Помещичье хозяйство эволюционирует капиталистически, заменяя постепенно отработки «вольнонаемным трудом», трехполье — интенсивной культурой и крестьянский стародедовский инвентарь усовершенствованными орудиями владельческой экономии. Крестьянское хозяйство *тоже эволюционирует капиталистически*, выделяя сельскую буржуазию и сельский пролетариат... Две струи аграрной эволюции имеются, следовательно, налицо повсюду. Борьба крестьянских и помещичьих интересов, которая проходит красной нитью через всю пореформенную историю России и составляет важнейшую экономическую основу нашей революции, есть борьба за тот или другой тип буржуазной аграрной эволюции» [3].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 112, таблицы А и Б.

[2] Там же, стр. 162.

[3] Там же, стр. 217—218.

§ 14. Аграрный кризис

Процесс развития капитализма в сельском хозяйстве осложнился аграрным кризисом, наступившим в конце 70-х гг. и затянувшимся до середины 90-х. Кризис этот был отражением мирового сельскохозяйственного кризиса, вызванного резким падением хлебных цен на мировом рынке, в связи с конкуренцией дешевого заокеанского хлеба, хлынувшего в Европу.

Тонна пшеницы стоила в западноевропейских странах в среднем (в марках)[1]:

Годы	Англия	Франция	Пруссия
1871—1875	246,40	248,80	235,20
1876—1880	206,80	229,40	211,20
1881—1885	180,40	205,60	189,00
1889	137.00	198,30	192,00

В молодых странах—Америке и Австралии, свободных от феодальных пережитков, тяготевших в большей или меньшей степени над странами Европы, производство хлеба обходилось гораздо дешевле, чем в последних, где львиную долю доходов от земледелия поглощали получатели ренты, монополисты — земледельцы,— настолько дешевле, что европейский хлеб не мог выдержать конкуренции в цене со стороны заокеанского хлеба, несмотря на сравнительно значительные расходы по транспорту последнего.

Падение мировых хлебных цен отразилось, разумеется, и на России, давно уже тесно связанной с мировым рынком. Следующая таблица дает представление о движении средних экспортных цен на русские хлеба за эти годы (в копейках за пуд)[2]:

Годы	Пшеница	Рожь	Ячмень
1871—1875	90,1	65,7	60,6
1876—1880	85,1	63,1	56,1
1881—1885	76,7	63,4	52,0
1885—1890	64,6	42,5	37,6
1891—1895	55,6	46,6	35,9

За годы кризиса средняя вывозная цена ржи упала на 29%, пшеницы — на 38%, ячменя — почти на 41%. В отдельные же годы цены падали еще ниже, в 1894 г., например, цена на пшеницу была 46,7 коп., на рожь — 35,2 коп., на ячмень — 29,1 коп., т. е. примерно вдвое ниже уровня первой половины 70-х годов.

---

[1] К. Каутский. Аграрный вопрос. Перевод под ред. А. Б. Фейнберга, ч. 1, СПб., 1906, стр. 313—314.

[2] Л. Крживицкий. Аграрный вопрос. СПб., 1906, стр. 155.

Посмотрим как отразился аграрный кризис 80—90-х годов на помещичьем и крестьянском хозяйстве. В наиболее развитых в капиталистическом отношении районах — на западной и южной окраинах — помещики старались преодолеть кризис в общем теми же способами, к которым прибегали с тою же целью капиталистические предприниматели и в Западной Европе: стремясь удешевить производство хлеба, они старались повысить технику земледелия, вводя усовершенствованные машины или сокращая посевы зерновых хлебов, развивали молочное хозяйство, расширяли посевы технических растений, строили винокуренные и свеклосахарные заводы. Винокуренное производство, хотя и медленно, но все же продолжало развиваться и в годы кризиса: за десятилетие с 1873/4 по 1882/3 г. перекуривалось на вино в среднем за год 123 066 тысяч пудов зерна и картофеля, за следующее десятилетие (1882/3—1891/2 гг.) — 128 706 тыс., а в 1893/4—150 857 тыс. Сахароварение в эти годы развивалось значительно быстрее: за 20 лет кризиса количество переработанной на сахарных заводах свекловицы увеличилось почти втрое: в 1875—1879 гг. перерабатывалось в среднем 12,8 млн. берковцев в год, а в 1895/6—1897/8 гг. — 35 млн.[1]. Приведенные выше данные о росте потребления сельскохозяйственных машин относятся также как раз к периоду кризиса.

Но подобные меры борьбы с кризисом, требовавшие значительных затрат, были доступны, разумеется, лишь наиболее мощным хозяйствам и преимущественно в тех районах, где капиталистическое развитие к этому времени наиболее продвинулось вперед. Более слабые хозяйства принуждены были искать других путей для выхода из затруднительного положения, созданного кризисом. Многие помещики, используя непрерывный рост арендных цен, шли по линии наименьшего сопротивления, сокращая свое хозяйство и сдавая землю в аренду крестьянам, а некоторые из них, особенно в тех районах, где крепостнические пережитки были особенно сильны (Черноземный центр и Среднее Поволжье), возвращались от капиталистической системы хозяйства к системе отработочной. По данным дворянского банка, как видно из помещенной ниже таблицы, во второй половине 80-х гг. сдача земель в аренду полностью или частично практиковалась в 60% заложенных в банке дворянских имений, а во второй половине 90-х гг. уже 71% владельцев, т. е. около трех четвертей, прибегали в той или иной степени к сдаче в аренду своих земель. Использование же полностью всей сельскохозяйственной площади имения в собственном хозяйстве помещика во второй половине 80-х годов имело место в 40% дворянских имений, а во второй половине 90-х гг. — только в 29%[2].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 248—249.

[2] Материалы высоч. учрежд. 16 ноября 1901 г. Комиссии..., ч. 1, СПб., 1903, стр. 310.

Годы	Число имений, заложенных в дворянском банке [1])	Из них вели хозяйство					
		за счет владельца:		сдачею в аренду:		смешано: за счет владельца с сдачею в аренду:	
	в них земли в тыс. десятин:	число имений в них земли (в тыс. дес.)	в %	число имений в них земли (в тыс. дес.)	в %	число имений в них земли (в тыс. дес.)	в %
1886—1890	8686 / 7494,8	3498 / 2406,2	40 / 32	3389 / 2306,9	39 / 32	1799 / 2721,7	21 / 36
1891—1895	5188 / 4815,0	1976 / 1426,6	38 / 30	2186 / 1585,8	42 / 33	1056 / 1792,7	20 / 37
1896—1900	5357 / 5090,1	1556 / 1093,3	29 / 21	2736 / 2397,6	51 / 47	1095 / 1599,0	20 / 32

Денежные затруднения, вызванные кризисом, способствовали росту задолженности частного землевладения, резко усилившейся в эти годы. К 1 января 1870 г. было заложено всего 2,2% частновладельческих земель (2,1 млн. дес.), к 1 января 1875 г. — 12,9% (12,0 млн. дес.) и янв. 1894 г.— уже 40,1% (37,5 млн. дес.); сумма задолженности частного землевладения в 1872 г. по 1895 г. выросла с 92,4 млн. руб. до 1 028,7 млн. руб., т. е. увеличилась больше чем в 11 раз [2].

Неуплата процентов и погашения по ссуде нередко приводила к продаже заложенных имений. В годы кризиса число случаев продажи заложенных имений с торгов очень быстро растет. Помещики не только усиливали сдачу земли в аренду в годы кризиса. Они стремились усилить натуральную аренду за счет денежной. Крестьянство, за исключением сельской буржуазии, арендовавшей преимущественно за деньги в годы кризиса в свою очередь стремилось к натуральной аренде, так как снижение цен на хлеб снимало их без того скудные денежные ресурсы. По сведениям, собранным в статье Карышева в известном народническом сборнике «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны нашего народного хозяйства» в годы низких хлебных цен всюду натуральная аренда увеличивалась за счет денежной. А натуральная аренда давала помещику возможность, снижать плату за обработку той части земли, которая оставалась в его запашке.

[1] По 46 губерниям Европейской России (без Архангельской, Олонецкой, Курляндской и Лифляндской).

[2] Д. И. Рихтер. Задолженность частного землевладения. Сб. «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства», СПб., 1897, т. 1, стр. 382—385.

По данным саратовской земской статистики, приводимым В. И. Лениным [1], обработка одной десятины пашни при отработках за аренду пашни обходилась помещику вдвое дешевле обработки при помощи вольного найма. Эти данные относятся к годам кризиса.

Таким образом, помещики стремились переложить тяжести кризиса на плечи крестьянства и это в значительной мере им удавалось. Крестьянин был вынужден не только нести тяготы, которые падали на его хозяйство, вследствие мирового аграрного кризиса, но и нести часть потерь помещика от этого кризиса. В результате этого массы крестьянства беднели и разорялись.

Крестьянская буржуазия, свободная от крепостнических навыков, гораздо лучше помещиков сумела справиться с последствиями кризиса, усиливая применение машин и вообще повышая технику своего хозяйства, особенно в тех районах, где капитализм еще до кризиса достиг значительного развития и где остатков от крепостничества сохранилось меньше. Те данные о росте применения машин в сельском хозяйстве, которые были приведены выше, в значительной степени относятся именно к хозяйству крестьянской буржуазии, особенно в южных степных губерниях. Обороты земских складов Полтавской губ. за 6 лет с 1890 г. по 1895 г. увеличились в 9 раз (с 22,6 тыс. руб. до 210,1 тыс.), причем 70% всех плугов и конных молотилок было куплено крестьянами и казаками. В Верхнеднепровском уезде (Екатеринославской губернии) в 1894 г. насчитывалось плугов, бункеров и запашников у «владельцев» — 5220, у крестьян — 27271, конных молотилок у «владельцев» — 131, у крестьян — 671, т. е. на долю крестьян приходилось 84% указанных орудий [2]. Один из крупнейших помещиков Херсонской губернии граф И. В. Стенбок-Фермор сообщал в 1897 г. в своем докладе на заседании Вольного экономического общества, что крупные землевладельцы не в состоянии конкурировать с богатыми крестьянами. Многие из владельцев заводят сакковские плуги, рядовые сеялки, черный пар, травосеяние, но арендные цены растут быстрее доходов с хозяйства, так что оказывается выгоднее сдавать землю в аренду, чем вести свое хозяйство, так как крестьянин, работая вместе с рабочим, «умеет использовать его труд так, как это невозможно крупному хозяину». В результате «овцеводство уничтожается, экономические запашки сокращаются, и большая часть владельческих земель, в той или другой форме, переходит в распоряжение хозяйственного мужика, обладателя бункера и жатки лобогрейки... Итак, владелец бункера и жатки, хозяин-собственник или арендатор участка в 30, 50, 100 десятин земли — вот герой дня, по-

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, гл. 3, стр. 150—158.

[2] Там же, стр. 191.

бедитель над всеми другими видами хозяйства и над самим сельскохозяйственным кризисом» [1].

«Аграрный кризис,— писал Ленин,— как и всякий кризис, разоряет массы хозяев, производит крупную ломку установившихся отношений собственности, *местами* ведет к техническому регрессу, к оживанию средневековых отношений и форм хозяйства, но в общем и целом он *ускоряет* общественную эволюцию, вытесняет патриархальный застой из его последних прибежищ, вынуждает дальнейшую специализацию земледелия (один из основных факторов сельскохозяйственного прогресса в капиталистическом обществе), дальнейшее применение машин и т. д.» [2].

§ 15. Развитие внутреннего рынка для промышленности

Развитие капитализма в сельском хозяйстве послужило основой развития капитализма и в промышленности.

Прежде всего с ростом товарности крестьянского хозяйства развивался внутренний рынок для промышленной продукции. Как было упомянуто выше, по данным бюджетного обследования крестьянских хозяйств Воронежской губ., относящимся к концу 80-х годов в среднем почти половину своих расходов крестьяне производили в денежной форме (49,1%), в денежной форме получали и около половины своих доходов (47,5%). При этом связь крестьянского хозяйства с рынком увеличивалась по мере того, как росло разложение крестьянства. В то время как у середняков, по тем же данным, денежная часть расходного бюджета составляла от 41,47 до 43,57%, а доходного — от 42,3 до 45,7% у безлошадных — 54,6% доходов и 57,1% расходов имели денежную форму, а у наиболее зажиточных (имевших свыше 4 голов рабочего скота) — 59,2% доходов и 60,18% расходов [3].

Высокая степень товарности хозяйства зажиточного крестьянина вполне понятна: чем зажиточнее хозяйство, тем больший процент его продукции поступает на рынок, тем следовательно большую часть своего дохода владелец его получает в денежной форме. С другой стороны, чем зажиточнее крестьянин, тем больше его личные потребности, при чем у него появляется все больше таких потребностей, которые удовлетворить в пределах собственного хозяйства невозможно, которое можно удовлетворить только путем покупки на рынке. Кроме предметов личного потребления зажиточное крестьянство предъявляло все больший спрос на средства производства, которые, конечно, внутри крестьянского хозяйства производиться не могли, — на улучшенные орудия, сельскохозяйственные машины и пр.

---

[1] И. В. Стенбок-Фермор. Прогресс сельского хозяйства и развитие новой формы землепользования на юге России. — Труды вольного экономического общества, № 5, 1897, стр. 106.

[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 4, стр. 140.

[3] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 121.

Наконец, хозяйство зажиточного крестьянина в наибольшей мере работающего на рынок, должно было в наибольшей мере и приспособляться к требованиям рынка, специализируясь на производстве именно тех продуктов, которые в данных условиях имели наибольший спрос и приносили наибольшую выгоду. Поэтому, те отрасли хозяйства, которые невыгодно было развивать в данных условиях, просто свертывались, а свои потребности в соответствующих продуктах крестьянская семья удовлетворяла путем рынка. В подгородной местности, например, находящейся близко к крупному промышленному центру, сильно развиваются огородные культуры и молочное хозяйство, потому что под руками имеется емкий рынок на овощи и молочные продукты. Расширяя эти отрасли своего хозяйства, зажиточный крестьянин сокращает, например, овцеводство, которое для него является при данных условиях уже невыгодным. В связи с этим семья уже теряет возможность одеваться домашним способом, изготовлять себе одежду из шерсти собственных овец и вынуждена обращаться к рынку.

Что касается маломощных крестьянских хозяйств, беднеющих и разоряющихся, то здесь нужно припомнить, что по мере того, как крестьянское хозяйство беднеет, слабеет,— членам крестьянской семьи все более становится необходимым продавать свою рабочую силу, искать себе заработка где-нибудь на стороне: развивается батрачество и поденный наем на сельскохозяйственные работы, или крестьяне уходят на, так называемые, отхожие — в земледельческий или неземледельческий отход. О размерах отхода можно судить по количеству выданных волостными правлениями паспортов, быстро возрастающему к концу XIX в. За десятилетие с 1861 по 1870 г. в среднем по 50 губерниям Европейской России выдавалось ежегодно 13,9 паспортов на 1000 душ обоего пола, а за последнее десятилетие XIX в. (1891—1900 гг.) — 53,1 на 1000 душ, т. е. почти вчетверо больше; в некоторых же районах это число было значительно выше среднего: в губерниях северо-западной группы Центрально-черноземного района (Курская, Орловская, Тульская, Рязанская) оно достигало 86,1, в столичных губерниях (Московская и Петербургская) — 96,2, а в Центрально-промышленном районе (Владимирская, Ярославская, Костромская, Тверская, Калужская, Смоленская) — 113,1 [1]. В некоторых селениях Калужской, Костромской, Ярославской, Тверской и др. губерний все взрослое мужское население уходило на заработки; дома для работы в своем хозяйстве оставались лишь женщины, старики и дети.

При таком отливе рабочей силы из собственного хозяйства, при недостатке к тому же рабочего скота и инвентаря, поддерживать хозяйство на прежнем уровне, удовлетворяя свои по-

[1] Материалы высоч. учрежд. 16 ноября 1901 г. Комиссии..., ч. 1, СПб., 1903, стр. 222—227.

требности продуктами своего хозяйства, становилось невозможным. Ряд отраслей хозяйства приходилось ликвидировать — уже не из тех соображений, выгодны они или нет (как это делал зажиточный крестьянин), а просто из нужд, потому что крестьянин-бедняк не в состоянии был поддерживать все отрасли своего хозяйства, при помощи которых он мог бы удовлетворять потребности своей семьи, не обращаясь к рынку. Хозяйство такой разоряющейся крестьянской семьи вообще становится все менее доходным; все больший процент ее доходов приходится на денежные доходы, получаемые путем продажи рабочей силы,— и следовательно все больше приходится удовлетворять свои потребности путем покупки продуктов на рынке, в том числе и продуктов промышленности.

Таким образом, капитализм, вторгаясь в деревню, разлагая крестьянство на буржуазию и пролетариат, создавал себе рынок, необходимый для его дальнейшего развития.

Громадное значение в процессе развития внутреннего рынка для промышленности имело железнодорожное строительство. Железные дороги, прежде всего чрезвычайно способствуют территориальному расширению рынка; промышленные центры связываются с отдаленными районами; товарные отношения проникают в самые глухие «медвежьи» уголки, появляются новые массы потребителей промышленных продуктов. Но кроме того постройка железных дорог доставляет крупные заказы для железоделательной и машиностроительной промышленности, а стало быть и для тех отраслей промышленности, которые поставляют сырье и топливо железоделательным и машиностроительным заводам — для промышленности горной и горнозаводской. Далее, введение в эксплуатацию новых железнодорожных линий повышает также спрос на минеральное топливо — каменный уголь и нефть. Наконец, постройка железных дорог занимает большое количество рабочей силы; массы занятых постройкой рабочих повышают спрос на предметы личного потребления, что, конечно, в свою очередь способствует развитию тех отраслей промышленности, которые производят эти предметы, — различных отраслей так называемой легкой индустрии.

§ 16. Развитие рынка рабочей силы

Одновременно с развитием рынка для промышленной продукции рос и рынок для рабочей силы. Уже реформа 1861 г. выбросила на рынок громадное количество людей «свободных от средств производства». Помимо дворовых, которых насчитывалось около $1^1/_2$ млн. душ обоего пола, не получили земли около $1^1/_2$ млн. крестьян, значительная часть фабрично-заводских рабочих, громадное большинство отставных и бессрочно-отпускных солдат, солдатских детей и кантонистов (которых насчитывалось свыше миллиона), — в общей сложности не менее 4 млн. душ обо-

его пола [1]. Процесс разложения крестьянства выталкивал на рынок огромные массы разоряющихся крестьян, не находивших уже применения своей рабочей силе в своем собственном хозяйстве: одни из них бросали совсем хозяйство, сдавая свои наделы кулакам, другие временно оставляли хозяйство в поисках сторонних заработков. Процесс разложения совершался и среди городского населения: отдельные единицы из среды городских ремесленников и мелких торговцев превращались в капиталистических предпринимателей, громадное большинство разорялось, ликвидировало свои карликовые «предприятия» и превращалось в наемных рабочих. Все эти массы людей, вынужденных искать себе заработка, находили его в значительной мере в крупной промышленности, поставляя кадры наемных рабочих для фабрик и заводов. Мы видели, что еще до реформы количество наемных рабочих в промышленности было довольно значительно; в пореформенное время оно быстро возрастает: по вычислениям Ленина число фабрично-заводских рабочих за 25 лет с 1865 г. по 1890 выросло вдвое, с 706 тыс. до 1432 тысяч [2]. В конце XIX в., по данным всероссийской переписи населения 1897 г., наемных рабочих в России насчитывалось более 9 млн. человек (9 156 080), что составляло четверть, так называемого, самодеятельного населения, т. е. населения, имеющего самостоятельный доход в той или иной форме (37 549 093). Около 3 млн. из этих 9 млн., т. е. около трети, заняты были в промышленности и транспорте. Если сюда прибавить еще чернорабочих, которые тоже были заняты преимущественно в промышленности и транспорте, то количество промышленных и транспортных рабочих выразится примерно в сумме около 4 млн. человек, т. е. около 45% всех наемных рабочих [3].

Как видим, к этому времени составилась уже значительная промышленная армия, пополнявшаяся все возраставшим притоком рабочей силы из деревни. Размеры резервной армии, т. е. количество безработных, определить невозможно за полным отсутствием соответствующего статистического учета. Некоторые данные имеются только в так называемой «скрытой» форме резервной армии, т. е. о временных и случайных заработках: одних лесных рабочих насчитывалось в конце XIX в. около 2 млн. [4]. Несомненно, размеры резервной армии были весьма значительны и непрерывно возрастали по мере разорения и пролетаризации крестьянской массы. Во всяком случае, недостатка в рабочей силе российская промышленность никогда не испытывала.

---

[1] См. гл. II.

[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 436—438.

[3] А. Лосицкий. Этюды о населении России. По переписи 1897 г. «Мир божий», 1905, № 8, стр. 236, 238, 242.

[4] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 462.

§ 17. Накопление капитала

Кроме рынка и рабочей силы капиталистической промышленности нужны капиталы. Источники накопления капитала были очень различны. Наиболее старый способ, типичный способ эпохи первоначального накопления состоит в непосредственном грабеже захватываемых колоний: подобно тому как в XVII в. систематическому ограблению подвергались «инородцы» Сибири, в XIX в. те же методы колониального грабежа были распространены на покоренные народы Кавказа и Средней Азии. Большое значение попрежнему имело также развитие внешней торговли: за пятилетие — с 1886 г. по 1890 г. — активный торговый баланс, т. е. превышение вывоза над ввозом, достиг 238,5 млн. руб. ежегодно (в среднем) [1].

Росли также торговые прибыли, извлекаемые из внешней и внутренней торговли: один хлебный экспорт за 30 лет — с 1870 по 1900 г. дал, по приблизительным подсчетам П. И. Лященко, до $1^1/_5$ миллиарда руб., торговой прибыли [2]. Громадные средства извлекало правительство из населения путем налогов, таможенных пошлин и внутренних займов, уделяя немалую долю государственных доходов промышленности и транспорту в виде ссуд и субсидий, а также и непосредственно путем развития железнодорожного строительства за счет казны. Очень крупным источником накопления были винные откупа: в середине XIX в. одни «легальные» доходы откупщиков (не считая взяток и произвольных поборов) достигали 600 и 780 млн. руб. в год [3].

Наконец, большую роль в процесс накопления сыграли суммы, выручаемые помещиками от реализации выкупных свидетельств и усиленной продажи своих имений после реформы; значительная часть средств также вкладывалась в промышленность и в железнодорожное строительство.

Капитал, направляющийся в промышленность и транспорт, до 80-х годов был преимущественно туземного происхождения, накопляясь в руках торговцев, винных откупщиков, помещиков, получивших миллионы по выкупным свидетельствам биржевых спекулянтов и пр. Приток иностранного капитала был в это время еще слаб, так как для домонополистической стадии, в какой тогда находился капитализм на Западе, характерен вывоз товаров, а не капиталов. Хотя более крупные русские банки и железнодорожные общества и образовывались тогда при посредстве заграничных банков, но их капиталы принимали в этом лишь слабое участие; хотя все почти железнодорожные займы, были размещены заграницей, но затем бумаги в большом количестве

---

[1] Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, т. 1, СПб., 1902, стр. XXXIV, под ред. В. И. Покровского.

[2] П. И. Лященко. История русского народн. хозяйств, М-Л, 1927, стр. 278.

[3] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. 1. М. 1948 г., стр. 13.

переправлялись на русский же денежный рынок. Как видно из помещенной ниже таблицы [1], приток иностранного капитала усиливается лишь с середины 70-х годов, когда в капитализме на Западе начинают складываться империалистические тенденции.

Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях (в миллионах рублей):

Годы	1860	1865	1870	1875	1880	1885	1890
Основной и облигационный капитал	9,7	16,3	26,5	78,7	97,7	159,5	214,7

Распределение иностранных капиталов по странам видно из следующей таблицы [2]:

	Годы			
	1880		1890	
	млн. руб.	%	млн. руб.	%
Франция	31,4	32,3	66,6	31,0
Англия	30,1	36,0	35,3	16,4
Германия	29,8	30,7	79.0	36,8
Бельгия	1,7	1,7	24,6	11,5
Другие страны	4,2	4,3	9,2	4,3
Итого	97,2	100	214,7	100

Как видим в 1880 г. из иностранных капиталов в русских акционерных предприятиях господствующее место занимают капиталы французские, английские и германские; к 1890 г., Германия, занимавшая ранее третье место, выдвигается на первое, оттесняя Францию и особенно Англию; с другой стороны, довольно значительную роль начинают играть бельгийские капиталы. Если сложить капиталы держав будущей Антанты (Франции, Англии и Бельгии), то окажется, что они и в 1890 г. составляли больше половины всех иностранных вложений в России (58,9%).

Однако удельный вес иностранного капитала в русской промышленности и к началу 90-х гг. все еще был невелик сравнительно с последующим временем: в 1880 г. доля импортного капитала по отношению к общей сумме вложенного в промышленность акционерного капитала составляла 17%, в 1890 г. повысилась до

[1] П. В. Оль. Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России, Л. 1925, стр. 12.

[2] П. В. Оль. Указ. Соч., стр. 15.

26% и в 90-х годах продолжала резко расти[1]. Но важно отметить, что иностранный капитал шел преимущественно в тяжелую промышленность, как видно из следующей таблицы:

	1880			1890		
	весь основн. капитал в млн. р.	иностранный капитал		весь основн. капитал в млн. р.	иностранный капитал	
		в млн. р.	в %		в млн. р.	в %
Горное дело	69,1	28,3	40,5	85,8	55,7	61
Обработка металлов и машиностроение . .				27,8	13,9	—
Обработка материальных веществ . .				6,7	0,2	3
Механическая обработка дерева	5,0	0,2	4	3,3	0,2	6
Химическое производство	10,5	1,6	15	15,6	6,4	41
Обработка вкусовых и питательных веществ	82,4	6,7	8	87,6	7,5	8
Обработка животных продуктов	3,9	3,0	75	7,3	3,1	43
Бум. полиграф. производство	—	0,4	—	11,4	1,1	9
Текстильная промышленность	109.0	7,8	7	197,6	26.0	13
Итого . . .	279,9	48,0	17,5	443,1	114,1	26

Уже в 1880 г. иностранный капитал, вложенный в горную металлообрабатывающую машиностроительную и химическую промышленность, составлял около 38% всего акционерного капитала, вложенного в эти отрасли; к 1890 г. доля иностранного капитала в этих отраслях поднимается до 59%, т. е. превышает половину.

Несмотря на быстроту накопления туземного капитала и на приток капитала иностранного, промышленность не была еще насыщена капиталами. Это видно из того, что деньги в России были дороги, учетный процент Государственного банка, а за ним и других банков, держался с 60-х годов в среднем на уровне 6%, повышаясь иногда до 8% и только в 1886 г. снизился до 5%, оставаясь все же значительно выше учетного процента заграничных банков: в Лондоне за этот период (1861—1887) учетный процент колебался от 4,3 до 2,5%, в Париже — от 4,78 до 2,6%, в Берлине — от 4,5 до 3,25%[2]. Это свидетельствует о том, что денег в стране было еще мало.

[1] Л. Я. Эвентов. Иностранные капиталы в русской промышленности. М., 1931, стр. 22—23.

[2] Вычислено на основании книги Л. Я. Эвентова. Иностранные капиталы в русской промышленности, М.-Л., 1931, стр. 20.

В течение первого десятилетия после реформы накопляемый капитал обращался не столько в промышленность, сколько в те отрасли хозяйства, которые создают необходимые условия для ее развития,— паровой транспорт и организацию денежного кредита. Из общей суммы капиталов акционерных предприятий, учрежденных в 1861—1873 гг. (1 115,6 млн. р.), в промышленные предприятия было вложено всего 128,9 млн. руб., т. е. 11,6%, тогда как в банки и др. кредитные учреждения было вложено 20,3% (226,9 млн. руб.), а в железнодорожные компании и пароходные общества — 63,2%, т. е. почти $^2/_3$ (705,8 млн. руб.). С середины 70-х годов положение резко меняется: из общей суммы капитала предприятий, основанных в 1874—1881 г. (305,6 млн. руб.) на долю кредитных учреждений приходится всего 0,8% (2,5 млн. руб.), на железные дороги и пароходные общества — 20,3%, а на промышленность 58%, т. е. значительно больше половины акционерного капитала (177,4 млн. руб.)[1].

§ 18. Формирование буржуазии

С развитием капиталистической промышленности, транспорта и кредита растет класс промышленной и финансовой буржуазии. Он пополняется представителями торгового капитала, вкладывавшими средства, накопленные путем торговых операций и особенно откупов в железнодорожное строительство, в банковое дело в промышленные предприятия и пр. Таковы были, например, крупный откупщик — миллионер В. А. Кокарев, основатель Волжско-Камского банка и Северного страхового агентства, участник учреждения ряда других банков, строитель (совместно с И. Ф. Губониным) Уральской горнозаводской дороги, владелец ряда промышленных предприятий; И. Ф. Губонин, тоже бывший откупщик, затем подрядчик на постройке железных дорог, наконец, один из «железнодорожных королей»; другой «железнодорожный король» — С. С. Поляков, в прошлом содержатель почтовых станций, затем подрядчик; бывший железнодорожный подрядчик И. С. Блиох, превратившийся также в крупного железнодорожного магната; крупные сахарозаводчики Бродские, разбогатевшие на хлебной торговле и др. В ряде промышленной и финансовой буржуазии вступали и некоторые дворяне-помещики, нередко титулованные, многие из которых в прошлом также не брезгали откупами. Характерной фигурой является Ф. В. Чижов в прошлом небогатый Костромской помещик, впоследствии — один из организаторов и руководителей Московского купеческого банка и Московского купеческого общества взаимного кредита, участник строительства Московско-Ярославской железной дороги, организатор товарищества Московско-Курской железной

[1] Вычислено на основании данных в работе М. Балабанова. Промышленность России в начале XX в. сб. «Обществ. движение в России в начале XX в.», т. 1, СПб., 1909, стр. 40.

дороги и товарищества Архангельско-Мурманского пароходства, оставивший после смерти капитал в 6 млн. руб., завещанный им на устройство профессиональных технических школ. Из дворянских кругов вышли П. Г. фон-Дервиз и К. Ф. фон-Мекк строители ряда железнодорожных линий, нажившие на этом деле огромные состояния.

Ряды крупной буржуазии пополнялись также и за счет разбогатевших выходцев из мелкой промышленной и торговой буржуазии — владельцев кустарных мастерских, торговцев, сколотивших капиталы на скупке сельскохозяйственного сырья и кустарных изделий, кулаков.

Надо подчеркнуть также значительный рост в пореформенную эпоху кадров мелкой буржуазии в городе и деревне.

Разложение крестьянства, рост мелких промыслов после реформы, развитие капитализма в мелкой промышленности, рост торговли вследствие развития товарного хозяйства — все это было благоприятной питательной средой для формирования кадров мелкой буржуазии в городе и в деревне.

В 70—80-х годах зарождаются организации промышленной буржуазии, создавшиеся для защиты ее классовых интересов. Учрежденные еще в начале царствования Николая I мануфактурный и коммерческий советы в Петербурге с их отделениями в Москве и коммерческие и мануфактурные комитеты в провинциальных городах не могли в надлежащей мере служить этой цели ввиду их полубюрократического характера. Не оживила деятельности этих учреждений ни реорганизация местных комитетов, согласно закону 7 июня 1872 г., предоставившему право их учреждения городским думам и купеческим обществам, ни объединение в 1876 г. Мануфактурного и Коммерческого советов в «Совет торговли и мануфактур». Гораздо большее значение в деле объединения промышленной буржуазии имели добровольные общества, возникавшие еще в 60-е годы.

В 1866 г. в Петербурге было основано «Русское техническое общество»; в 1867 г. в Петербурге возникло «Общество для содействия русской промышленности и торговле»; в 1870 г. в Москве образовалось «Политехническое общество». Эти общества состояли преимущественно из представителей буржуазной интеллигенции (инженеров, профессоров и пр.), но они сыграли значительную роль в деле организации промышленных предпринимателей. По их инициативе в 1870 г. был создан в Петербурге «первый всероссийский съезд фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественной промышленностью», в 1882 г. в Москве было созвано почти одновременно два всероссийских торгово-промышленных съезда: один из них был организован Обществом содействия, другой — Русским техническим обществом.

В 1885 г. по инициативе Общества содействия в Петербурге был созван съезд железозаводчиков, в 1887 г. съезд представите-

лей винокурения и торговли спиртом. «Общество для содействия русской промышленности и торговле» имело ряд отделений в других городах, издавало свой периодический орган, обсуждало на своих заседаниях вопросы о вексельном уставе, о Сибирской железной дороге, о судоходстве по Волге о таможенной политике и пр.; в 1871 г. его секретарь К. А. Скальковский был командирован, правительством, в Индию с целью изучения условий для развития русско-индийской торговли.

В 1874 г. в Таганроге состоялся первый съезд горнопромышленников юга России, положивший начало их периодическим съездам: в 1877 г. съезды созываются ежегодно в разных городах, а с 1880 г. постоянным местом их заседаний становится Харьков.

В 1884 г. был выработан устав съездов («Положение о горнопромышленных съездах южной России»), вступивший в действие с 1885 г. Главным содержанием работ съездов было возбуждение всевозможных ходатайств перед правительством о разного рода мероприятиях в интересах горнопромышленников.

«Для поддержания ходатайств съездов и представительства их интересов в правительственных и общественных предприятиях» уже на II съезде (1877) был избран постоянный орган — коллегия уполномоченных из 5 человек; для осуществления намечаемых съездом практических мероприятий. С 1878 г. избирается особая «Комиссия выборных». В 1892 г. оба эти органа заменяются постоянным «Советом съездов».

В 1880 г. возникает съезд горнопромышленников Урала, в 1882 г. съезд горнопромышленников Королевства Польского с «Советом» в Варшаве, один из членов которого жил постоянно в Петербурге для связи с правительственными сферами.

Подобного же типа организацией была «Постоянная совещательная контора железозаводчиков», учрежденная в 1887 г. в Петербурге; в нее входили представители от важнейших металлургических районов (Урал, Новороссия, Польша, Северный и Замосковный районы); она объединяла наиболее крупные металлургические заводы, дававшие около $^3/_4$ всего производства.

§ 19. Промышленный протекционизм

Развитию капиталистической промышленности способствовала покровительственная политика правительства. Тяжелое финансовое положение государства заставляло правящие круги крепостнического дворянства усиленно заботиться о развитии отечественной промышленности, чтобы сократить насколько возможно отлив тощего золотого запаса заграницу. «Русское государство,— писал Энгельс в 1894 г.,— при его безграничной задолженности и при его почти совершенно подорванном кредите за границей, вынуждено было в прямых интересах фиска заботиться об искусственном насаждении отечественной промышленности. Оно посто-

янно нуждается в золоте для уплаты процентов по государственным долгам заграницей... Поэтому, если правительство не желает для уплаты процентов по заграничным долгам прибегать к новым иностранным займам, ему надо позаботиться о том, чтобы русская промышленность быстро окрепла настолько, чтобы удовлетворять весь внутренний спрос. Отсюда — требование, чтобы Россия стала независимой от заграницы самодовлеющей промышленной страной; отсюда — судорожные усилия правительства в несколько лет довести капиталистическое развитие России до высшей точки» [1]. С другой стороны, самодержавие, в целях своего самосохранения, не могло не считаться с растущей мощью промышленной буржуазии, которая, отнюдь не претендуя еще на раздел власти с крепостническим дворянством, все более настойчиво требовала внимания со стороны правительства к ее экономическим интересам, располагая при этом указанными выше организациями, при помощи которых она оказывала давление на правительственные сферы.

Наибольшие выгоды промышленная буржуазия извлекала из таможенной политики правительства. Бесчисленные ходатайства промышленников о повышении таможенных пошлин встречали всегда положительное отношение со стороны власти. Правительство тем охотнее шло им навстречу, что это соответствовало и интересам казны: повышение таможенных пошлин, с одной стороны, увеличивало приток денежных средств в казну, с другой, затрудняя доступ в Россию иностранным товарам, способствовало улучшению расчетного баланса; кроме того, испытывая затруднения в ввозе своих товаров, иностранные капиталисты тем охотнее ввозили в Россию капиталы, в которых последняя нуждалась. В ряде случаев самодержавие прибегало к повышению таможенных пошлин и в чисто фискальных целях: так, согласно закону 10 ноября 1876 г., изданному в целях притока денег в казну в связи с подготовкой к войне с Турцией, таможенные пошлины с 1877 г. взимались в золотой валюте вместо кредитного рубля, что способствовало повышению пошлин почти в полтора раза (на 48%); фискальными мотивами было вызвано и общее повышение пошлин в начале 80-х годов. Фискальный характер имели пошлины на такие товары, как например, чай. Но в основном таможенная политика носила не столько фискальный, сколько покровительственный характер, и министр финансов Вышнеградский имел достаточные основания заявить в 1890 г., что министерство вообще смотрит на пошлины исключительно с точки зрения «покровительственной». Только в разное время это покровительство оказывалось разным отраслям промышленности. Так, в 1868 г. был разрешен беспошлинный ввоз чугуна для машиностроительных и рельсовых заводов, а с другой стороны впервые были введены пошлины на машины, в том числе и сельскохозяйственные.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 399—400.

В 1880 г. по ходатайству горнозаводчиков, беспошлинный ввоз чугуна и железа для машиностроения отменяется, но одновременно облагается ряд изделий (паровозы, вагоны, косы и пр.), в 1884 г. и 1887 г. повышается пошлина на чугун, а в 1885 г. и на железо. В 80-х годах по ходатайству владельцев угольных копей, трижды повышается пошлина на каменный уголь (в 1884, 1866 и 1887 гг.). Тарифом 11 июня 1891 г. строго покровительственная система была положена в основу всей таможенной политики; тариф этот имел для многих товаров почти запретительный характер; особенно значительно были повышены пошлины на обработанные изделия. В среднем обложение по этому тарифу достигло 33% по отношению к ценности товаров.

Покровительственная таможенная политика была далеко не единственным методом промышленного протекционизма. Громадные выгоды приносили промышленности казенные заказы, обеспечивавшие ряду отраслей промышленности внутренний рынок, нередко к тому же по повышенным ценам. Так в 1874 г. Путиловскому заводу был дан заказ на стальные рельсы по 2 р. 37 коп. за пуд, тогда как заграничные рельсы, включая пошлину и расходы по доставке, обходились от 1 р. 70 коп. до 1 р. 95 коп.; паровозные оси были заказаны Обуховскому заводу по 6 р. 80 коп. за пуд, тогда как германские фирмы брались поставлять их по 2 р. 17 коп.[1]. Помимо повышенных цен, заводчики получали из казны в некоторых случаях и премии. Так, в 1876 г. была установлена премия за рельсы в 35 к. с пуда и за паровозы — 2400 до 3000 руб. за паровоз[2]. В 80-х годах были установлены вывозные премии на сахар и спирт.

Покровительственный характер носила и железнодорожная политика. Предоставляя концессии на постройку и эксплуатацию железных дорог, правительство гарантировало концессионерам определенный доход, перекладывая таким образом миллионы казенных денег в карманы концессионеров. При выкупе железных дорог в казну (с 80-х годов) к ним потекли и новые миллионы: к концу царствования Александра III (1894) с них было списано долгов (считая и платежи по гарантиям) на 706,9 млн. руб.[3].

В результате усиленного покровительства промышленности русские промышленные предприятия давали огромные барыши. В начале 90-х годов напр. (1891—1893), несмотря на заминку сбыта в связи с голодом 1891—1892 гг.,фабрика Швейблера в Лодзи давала прибыли 32%, Никольская мануфактура Морозова — 52,8%[4].

---

[1] Наша железнодорожная политика, (по документам архива Совета Министров под главной ред. Куломзина), т. IV, стр. 255, 259.

[2] Там же, стр. 268, 270.

[3] Там же, т. IV, стр. 379.

[4] А. Ерманский. Крупная буржуазия до 1905 г. «Общественное движение в России в начале XX в.», т. 1, СПб., 1909, стр. 316.

Наконец, развитию капиталистической промышленности в России чрезвычайно способствовало то обстоятельство, что Россия имела возможность использовать опыт передовых стран Европы и Америки, а иногда и прямое их содействие. «Развитие капитализма в молодых странах,— говорит Ленин,— значительно *ускоряется* примером и помощью старых стран» [1].

По образцу передовых капиталистических стран в России основывались акционерные общества, организовывались банки, строились фабрики и заводы, железные дороги и пароходы. Из этих стран заимствовалась техника банковского дела, железнодорожного строительства, промышленного и сельскохозяйственного производства. Иностранные банки участвовали в учредительстве русских акционерных компаний, содействовали размещению железнодорожных займов. Из-за границы получались рельсы и паровозы, разные машины и другие предметы оборудования для промышленных и транспортных предприятий, не производившиеся еще в России или производившиеся в недостаточном количестве. Иностранные капиталисты приобретали акции железных дорог, и промышленных предприятий, а иногда основывали целые предприятия на свои капиталы, особенно с 80-х годов. Крупнейшие металлургические заводы Донбасса, мощные рудники Криворожья, нефтяные промыслы Бакинского района в значительной степени обязаны своим возникновением иностранному капиталу. Иностранные предприниматели выписывали из-за границы усовершенствованные машины и квалифицированный технический персонал и ставили производство по последнему слову западноевропейской техники.

Но эта «помощь» иностранного капитала имела и свою обратную сторону: она создавала зависимость России от иностранного капитала, которая впоследствии, все усиливаясь, способствовала превращению России в «полуколонию» западно-европейских империалистических держав. Особенно большое значение в этом процессе имело то, что иностранный капитал, как мы видели, стремился овладеть именно ведущими отраслями промышленности, производящими средства производства.

§ 20. Завершение промышленного переворота

Основной процесс в развитии промышленности после реформы, начавшийся еще в дореформенное время, состоял в смене трех стадий развития капитализма: мелкое товарное производство превращалось в капиталистическую мануфактуру, а последняя перерастала в крупную машинную индустрию. «Связь и преемственность указанных нами форм промышленности,— писал Ленин,— самая непосредственная и самая тесная. Факты совершенно ясно показывают, что основная тенденция мелкого товарного производства состоит в развитии капитализма, в частности в

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 429.

образовании мануфактуры»[1]. Мелкие крестьянские промыслы переживают тот же процесс разложения, что и мелкое крестьянское сельское хозяйство: «расширение, развитие, улучшение мелких крестьянских промыслов не может происходить в данной общественно-хозяйственной атмосфере иначе, как выделяя меньшинство мелких капиталистов, с одной стороны, а с другой, — большинство наемных рабочих или таких «самостоятельных кустарей», которым живется еще тяжелее и хуже чем наемным рабочим»[2]. Семейная кооперация превращается в капиталистическую простую конкуренцию, а последняя переходит в капиталистическую мануфактуру. С другой стороны мелкие крестьянские промыслы порождают в массе случаев особых скупщиков, специально занятых торговыми операциями по сбыту продуктов и закупке сырья и обыкновенно подчиняющих себе в той или другой форме мелких промышленников». Отрезав мелкого промышленника от рынка сбыта и от рынка сырья, скупщик в конце концов начинает раздавать материал кустарям на выработку за определенную плату. «Кустарь становится de facto наемным рабочим, работающим у себя дома на капиталиста; торговый капитал скупщика переходит здесь в промышленный капитал. Создается капиталистическая работа на дому»[3], из которой также вырастает мануфактура.

Вот ряд конкретных примеров. В 1817 г. ивановский крестьянин Яков Куваев основал небольшую набивную мастерскую, работа в которой велась первоначально исключительно силами его семьи. Затем мастерская была значительно расширена, в 1845 году появилась первая печатная машина с конным приводом, в 1857 — первая паровая машина, а после реформы фабрика превращается в одно из крупнейших ивановских предприятий, насчитывавшее в 1890 г. свыше 1200 рабочих с продукцией свыше 4 млн. руб. Аналогичную историю имеет Шуйская фабрика Кокушкиной, фабрика Коновалова близ Вичуги и пр.[4].

Другой тип возникновения мануфактуры представлен например, Павловским районом сталеслесарных промыслов. В. Г. Короленко в своих «Павловских очерках» дает яркую картину эксплоатации кустарей скупщиками в 80-х годах, но уже в 1866 г. в селах Павлово, Ворсма, и Вача было 15 промышленных предпринимателей, у которых было 500 рабочих в заведениях и свыше тысячи рабочих на стороне. Из них у одного только Завьялова в мастерской было занято более 100 рабочих. В 80-х годах у Завьялова был уже паровой двигатель, но все же значительная часть детальных рабочих была занята не в хозяйской мастерской, а у себя на дому[5].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд 4-е, т. 3, стр. 475.
[2] Там же, стр. 307.
[3] Там же, стр. 320.
[4] Ленинский сборник XXXIII, 1940 г., стр. 497—500.
[5] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 363—364.

Наряду с основным процессом превращения мелкого товарного производства в мануфактуру, а мануфактуры в фабрику происходил и процесс роста мелких крестьянских промыслов.

По данным кустарной переписи в Пермской губ. рост кустарных заведений по десятилетиям выражается следующей таблицей [1]:

В 1855—1865 гг. возникло новых заведений	533
„ 1865—1875 „ „ „ „	1339
„ 1875—1885 „ „ „ „	2652
„ 1885—895 „ „ „ „	3469

«Совмещение, — писал Ленин по этому поводу, — в одной стране в одно время двух этих, повидимому противоречивых процессов на самом деле не заключает в себе никакого противоречия: вполне естественно, что капитализм в более развитой области страны или в более развитой области промышленности прогрессирует тем, что стягивает мелких кустарей на механическую фабрику, тогда как в захолустных местностях или в отсталых отраслях промышленности процесс развития капитализма только начинается, проявляясь в возникновении новых производств и промыслов» [2].

О темпах роста фабрично-заводской промышленности после реформы можно судить по следующим данным: с 1866 по 1890 г. число крупных промышленных предприятий в Европейской России (с числом рабочих не менее 100) увеличилось почти в $1\frac{1}{2}$ раза (с 644 до 951), причем среди этих заведений процент предприятий с паровыми двигателями увеличился с 48 до 73% (с 307 до 694); число занятых на всех этих предприятиях рабочих увеличилось ровно вдвое (с 232 тыс. до 464 тыс.), сумма продукции — почти втрое (с 201 млн. руб. до 588 млн.) [3].

Как было уже указано в предыдущем томе, переход от мануфактуры к фабрике начался еще до крестьянской реформы, причем этот процесс особенно усилился со второй половины сороковых годов. Ко времени отмены крепостного права в ряде отраслей промышленности машина завоевала уже значительные позиции. Наибольшие успехи распространение машин получило в дореформенную эпоху в технически передовой и экономически ведущей отрасли промышленности того времени — в хлопчатобумажном производстве, работавшем почти исключительно на вольнонаемном труде. Но не во всех стадиях обработки хлопка

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 2, стр. 353.

[2] Там же, стр. 254.

[3] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 445—446. (Проценты вычислены автором).

внедрение машины было одинаковым. Ручное бумагопрядение у нас почти не имело места. Бумагопрядение возникло у нас сразу в виде машинизированного производства; развиваясь сначала медленно, оно с половины сороковых годов делает очень быстрые успехи и вытесняет привозную английскую пряжу. К шестидесятым годам русские ткачи работали уже почти исключительно на русской пряже, вырабатываемой при помощи машин.

Механическое ткачество бумажных материй стало развиваться гораздо позже и его успехи к 1861 г. были сравнительно скромными. Накануне реформы на механических станках вырабатывалось лишь около одной пятой[1] всего суровья, а четыре пятых давало ручное ткачество, организованное преимущественно в форме домашней системы крупного производства. В заключительной стадии хлопчатобумажного производства — в ситцепечатании механизация к шестидесятым годам достигла значительно больших успехов, чем в ткачестве, но меньших чем в бумагопрядении. Ручная набойка, которая стала сокращаться со второй половины 30-х годов, окончательно пришла в упадок в первой половине пятидесятых годов. Но в ситцепечатании в противоположность бумагопрядению, целиком работавшему при помощи паровых машин накануне реформы еще значительное распространение имел конный привод, который вышел из употребления только в пореформенную эпоху.

Таким образом, в хлопчатобумажной промышленности, где применение машин сделало наибольшие успехи, все же в шестидесятых годах фабрика сочетается с ручным трудом ткачей, составлявших свыше двух пятых общего числа рабочих, занятых на всех стадиях хлопчатобумажного производства вместе взятых. В общей стоимости продукции доля продукции, вырабатываемой ручным трудом, была конечно, значительно меньше двух пятых, вследствие значительно меньшей производительности ручного труда по сравнению с работой при помощи машин. Другими словами, в хлопчатобумажной промышленности, еще до ликвидации крепостного права работа при помощи машин получила значительный перевес над ручным трудом, но далеко еще не вытеснила его.

В других отраслях промышленности, ко времени крестьянской реформы 1861 г. успехи механизации производства были меньше.

В шерстяной промышленности на купеческих предприятиях, базировавшихся на вольнонаемном труде, во второй половине сороковых годов, а в особенности в пятидесятых годах появляются паровые машины и даже — правда в весьма скромном количестве — механические ткацкие станки.

---

[1] Данные взяты из рецензии В. К. Яцунского на кн. С. Г. Струмилина «Промышленный переворот в России» — («Вопросы истории», 1945, № 1).

На вотчинных и посессионных фабриках крупных сдвигов в технике, в огромном большинстве предприятий в дореформенные годы не было.

В Московской губернии, где преобладали купеческие фабрики в 1853 году, за который мы располагаем сведениями, 29 крупных фабрик с 15.635 рабочими имели паровые машины, обычно по сравнению с числом рабочих очень небольшой мощности, что указывает лишь на частичную механизацию производства. 15 предприятий с 3 224 рабочими пользовались водяными двигателями. 25 небольших в большинстве случаев предприятий с 2.054 рабочими, имели конные приводы. 120 заведений с общим числом 12 168 рабочих никакими двигателями не располагали [1].

В последнюю группу вошли мелкие предприятия и некоторое количество крупных, главным образом, дворянских мануфактур.

Таким образом, даже в передовой по технике Московской губ. в 1853 г. из общего числа рабочих шерстяной промышленности на фабриках, применявших паровые машины было занято менее половины. В шерстяной промышленности других губерний России за немногими исключениями, уровень механизации был значительно ниже, чем в Московской губернии в силу большого распространения в этих губерниях дворянских мануфактур с принудительным трудом и низкой техникой.

В льняной промышленности первые шаги в механизации прядения были сделаны сравнительно рано — в начале XIX века. Это дело было налажено на казенной Александровской мануфактуре в Петербурге [2]. Но механическое льнопрядение на этой фабрике долго оставалось одиноким явлением в русской промышленности, оставалось почти без подражания. Только в пятидесятых годах, в особенности же после Крымской войны, оно стало получать распространение [3].

Механическое ткачество в льняной промышленности до реформы было значительно слабее развито, чем в хлопчатобумажном производстве. Преобладало ручное ткачество из пряжи, раздаваемой предпринимателями для работы на дому.

До 1861 г. паровая машина сделала также значительные успехи в сахарной промышленности, несмотря на преобладание в этой отрасли принудительного труда.

По своему техническому уровню русская металлургия в XVIII столетии стояла высоко. До промышленного переворота в Англии русская металлургическая техника в некоторых отношениях даже превосходила западноевропейскую.

---

[1] Подсчет сделан по данным книги «Статистическое обозрение промышленности Московской губ., составленное Ст. Тарасовым». М., 1856 г.

[2] Первая в мире машина для прядения льна была изобретена в России Родионом Глинковым еще в 1760 г., но его начинание заглохло в социальной обстановке крепостной России. См. Е. Цейтлин «Технический переворот в льнопрядении и начало машинного производства льняной пряжи в России», М-Л, 1936, стр. 125—126.

[3] Е. Цейтлин. Указ. соч.

В первой половине XIX века техническая мысль в области черной металлургии имела выдающиеся достижения, как например, работы П. П. Аносова по стали [1]. Но в заводской практике техническое развитие шло очень медленно. Крепостническая организация производства порождала косность и застой. Таможенная политика правительства обеспечивала заводчикам монопольный сбыт по высоким ценам на внутреннем рынке. Но народное хозяйство того времени в России предъявляло очень ограниченный спрос на металл и не толкало заводчиков к расширению производства путем усовершенствования техники.

Накануне реформы 1861 г. энергетическое оборудование металлургии, в подавляющем большинстве, почти целиком состояло из водяных колес, на которые приходилось в 1859 г. 88,1% общей мощности всех энергетических установок, в то время, как на паровые машины падало только 7,1% [2], и на водяные турбины 4,7%. Водяное колесо является типичным двигателем докапиталистической эпохи. На этого рода энергетических установках работала черная металлургия в XVII и XVIII веках.

Другим типичным признаком феодальной техники в металлургии был кричный горн, на смену которого в эпоху промышленного переворота в Англии пришла пудлинговая печь.

В данном отношении русская металлургия сделала в дореформенную эпоху более значительные успехи, чем в энергетике. По подсчетам С. Г. Струмилина в 1860 г. около половины всего железа было получено в пудлинговых печах [3].

Подводя итоги можно сказать, что по пути перехода мануфактуры в фабрику русская промышленность еще до ликвидации крепостного права сделала весьма значительные успехи, преимущественно в отраслях, работавших на вольнонаемном труде, но этот переход был далеко не закончен.

После реформы 1861 г., когда капитализм в России делается господствующей общественно-экономической формацией, хотя и опутанной докапиталистическими пережитками, технический прогресс в русской промышленности ускоряется и переход мануфактуры в фабрику завершается сравнительно быстро. Естественно, что в разных отраслях как темпы, так и результаты технической перестройки были неодинаковы.

Анализируя технический прогресс в пореформенной промышленности надо иметь в виду две его стороны: 1) вытеснение машиной ручного труда, т. е. завершение перехода мануфактуры в фабрику, 2) дальнейшее улучшение самих машин и технических приемов производства.

---

[1] В. В. Данилевский. Русская техника, 2-е изд. Л., 1948, стр. 95—102.

[2] Проценты вычислены на основании абсолютных цифр, приводимых С. Г. Струмилиным в книге «Черная металлургия в России и в СССР». М-Л, 1935, стр. 221.

[3] С. Г. Струмилин. Указ. соч., стр. 216.

В хлопчатобумажной промышленности после реформы 1861 г. окончательное завершение перехода мануфактуры в фабрику выразилось в вытеснении механическим ткачеством ручного ткацкого станка и в резком сокращении раздаточной системы, сохранившейся лишь в ткачестве некоторых видов изделий.

В шестидесятых и начале семидесятых годов ручное ткачество хотя еще и сохраняло большое значение, но удельный вес его в производстве неотделанных хлопчатобумажных тканей снижался и к концу семидесятых годов сильно упал. В 50-ти губерниях Европейской России в 1879 г. на дому на ручных станках было произведено лишь около одной десятой части общего количества неотделанных хлопчатобумажных тканей. Роль ручного ткачества продолжала падать и в 80-х и в 90-х годах, но полной ликвидации ручного ткачества не было и в эпоху империализма.

В льняной промышленности механическое льнопрядение получило после реформы 1861 г. значительное распространение, но чеса льна механизировалась медленно и в 80-х годах еще преобладала ручная чеса. В шестидесятых годах численность ручных ткацких станков на льноткацких предприятиях в несколько раз превышала численность механических ткацких станков. В 1880 году из общего количества станков на ткацких фабриках и мануфактурах ручных было около $^1/_3$, а механических около $^2/_3$ [1].

Ликвидация крепостного права повлекла за собой закрытие весьма многих вотчинных суконных фабрик. Те, которые сумели перестроиться на новых капиталистических началах, должны были ввести у себя капиталистическую технику. Купеческие фабрики, конечно, не стояли на месте в техническом отношении. В результате в 70-х годах в шерстяной промышленности ручной труд был оттеснен машиною на второй план.

В сахарной промышленности в семидесятых годах примитивные по технике огневые заводы были вытеснены паровыми.

В черной металлургии технический уровень производства в пореформенный период был неодинаков в разных районах. Заводы центра (так называемые замосковные) шли в техническом отношении несколько впереди заводов Урала. В семидесятых годах начинает работать молодая украинская металлургия в техническом отношении стоявшая на значительно более высоком уровне, чем металлургия старых районов. В энергетическом оборудовании заводов мощность водяных колес после реформы, постепенно снижается, мощность водяных турбин и в особенности паровых машин растет. В начале 80-х годов в металлургической промышленности России, взятой в целом, мощность паровых машин уже заметно превышала мощность водяных колес. Но на Урале еще в 1883 году мощность паровых машин и водяных турбин вместе немного отставала от суммарной мощности водяных колес.

---

[1] А. А. Нольде. Льноводство и льняная промышленность в России. (Приложение к книге А. Автальон, Борьба хлопка и льна. М., 1909, стр. 209).

Накануне реформы в пудлинговых печах получалось около половины всего железа, выплавлявшегося в России. После 1861 года производство кричного металла начинает снижаться — в 60-х годах медленно, в 70-х несколько быстрее. Производство пудлингового железа напротив быстро растет, и кроме того со второй половины семидесятых годов стремительно развивается производство литого металла (бессемеровского — мартеновского). Уже во второй половине 60-х годов кричное железо составляло менее сорока процентов всего производства железа. В 1882 г. из общего количества железа и стали, произведенного в России на долю металла, полученного в кричных горнах приходилось лишь около одной девятой.

Таким образом, к 80-м годам XIX века в основных отраслях крупной промышленности машина оттеснила ручной труд на второстепенные позиции.

Для формирования пролетариата и консолидации промышленной буржуазии завершение технического переворота в промышленности имело крупное значение, а тем самым оно было также одной из причин тех сдвигов самодержавия в сторону буржуазной монархии, о которых говорит Ленин. Обо всех этих явлениях говорится в последующих главах.

Говоря о техническом прогрессе русской промышленности, нельзя не коснуться развития русской технической мысли в пореформенную эпоху. Достижения русской технической мысли в это время были весьма значительны в целом ряде областей. В ряде случаев русским ученым принадлежит приоритет в открытиях мирового значения. Достаточно назвать работы Д. К. Чернова по стали, которые дали ему в мировой технической литературе имя «отца металлографии», труды А. Н. Лодыгина и П. Н. Яблочкова, пионеров в области электрического освещения, изобретение электросварки русскими инженерами Н. Н. Бенардосом и А. Г. Славяновым, наконец, многочисленные работы по химической технологии Д. И. Менделеева, бывшего не только великим теоретиком в области химии, но и выдающимся практиком и горячим патриотом, который умел, несмотря на свое буржуазное мировоззрение, ставить крупные народнохозяйственные проблемы, как, например, проблему развития Донбасса (в работе «Будущая сила, покоящаяся на берегах Донца»). Прогрессу русской технической мысли второй половины XIX века посвящается отдельная глава во 2-й части данного тома.

§ 21. Развитие основных отраслей промышленности после реформы 1861 г.

Соотношение отдельных отраслей промышленности видно из следующей таблицы (по официальным данным за 1890 г. по всей империи) [1].

[1] Фабрично-заводская промышленность и торговля России, СПб., 1893, стр. 59.

	Сумма производства		Число рабочих	
	в млн. кред. руб.	в %	в тыс.	в %
Хлопчатобумажная	346	21,7	255	17,5
Льняная	41	2,6	46	3,2
Шерстяная	106	6,7	95	6,5
Шелковая	13	0,8	18	1,2
Добыча и обработка чугуна	61	3,8	233	16,0
Обработка железа и стали	186	11,7	118	8,1
Добыча цветных металлов	58	3,7	106	7,3
Добыча и переработка нефти	27	1,7	11	0,8
Добыча кам. угля, соли и других ископаемых	29	1,8	86	5,9
Производство сахара, спирта, пива и табака	265	16,6	189	13,0
Прочие отрасли	464	28,9	296	20,5
Всего	1597	—	1453	—

Как видно из этой таблицы, на первом месте по размерам производства и числу рабочих попрежнему оставалась хлопчатобумажная промышленность. Оправившись от кризиса, связанного с хлопковым голодом первой половины 60-х годов, она быстро двинулась вперед. За время с 1866 по 1879 г. по 60 губерниям Европейской России (без Польши и Финляндии) число бумагопрядильных веретен увеличилось почти вдвое (с 971,5 тыс. до 1.779 тыс.), число самоткацких станков почти вчетверо, с 13 тыс. до 50 тыс. Число рабочих, занятых в хлопчатобумажной промышленности, выросло за это время на 72% (с 94,6 тыс. до 162,7 тыс.), производство пряжи — больше чем вдвое (с 1895,5 тыс. до 4290 тыс. пудов), производство бумаготкацких фабрик — в $3^3/_4$ раза (с 3972 тыс. до 14821 тыс. кусков), производство ситца — больше чем в $2^1/_2$ раза (с 3384 тыс. до 9050 тыс. кусков) [1]. В денежном выражении продукция хлопчатобумажных фабрик всей империи за 30 лет с 1860 по 1890 г. увеличилась больше чем в $4^1/_2$ раза [2]. За 20 лет с 1866—1870 гг. по 1886—1890 среднее годовое количество поступивших на внутреннее потребление хлопка

[1] Н. Я. Масленников. К вопросу о развитии фабричной промышленности в России — «Записки ин. Русск. Геогр. об-ва по отделению статистики», т. VI, СПб., 1889, стр. 259, 264, 299, 301.

[2] Сборник сведений по истории и статистике, т. 1, стр. 276.

и бумажной пряжи увеличилось втрое (с 3 млн. до 10 млн. пуд.)[1].

Русская крупная хлопчатобумажная промышленность, сосредоточенная преимущественно в Центральном промышленном районе, испытывала конкуренцию со стороны более совершенной технически и быстрее развивавшейся промышленности бывшего Королевства Польского (главным образом Лодзинский район). За 30 лет с 1860 по 1890 г. сумма продукции польских хлопчатобумажных фабрик увеличилась почти в 6 раз (с 8 млн. до 47,6 млн. руб.); в 1877 г. на долю Польши приходилось 8% общего количества бумагопрядильных веретен империи и 8,9% самоткацких станков, а в 1886 г. уже 14,6% веретен и 14% станков[2]. Лодзинские товары успешно конкурировали с русскими и на внутреннем рынке и на рынке внешнем (в Китае, Иране, Малой Азии), вывозились в Румынию и Болгарию, куда русские товары совсем не шли. В 1886 г. московские фабриканты отправили в Петербург депутацию с ходатайством о восстановлении таможенной единицы между Россией и бывшим Королевством Польским. В Польшу была послана правительственная комиссия под председательством проф. И. И. Янжула, собравшая богатый материал по истории и современному состоянию польской промышленности. Но ходатайство московских фабрикантов удовлетворения не получило.

Наиболее показательным для роста капитализма является развитие тех отраслей промышленности, которые заняты производством средств производства, т. е. тяжелой индустрии, составляющей основу капиталистического производства. В дореформенной России этих отраслей промышленности почти не существовало, за исключением горнозаводского дела на Урале. Каменноугольная промышленность существовала только в Польше; в Донбассе уголь добывался в ничтожном количестве (4—5 млн. пудов накануне реформы). Металлургическое производство в Донбассе было представлено одним казенным Луганским заводом, основанным в конце XVIII в., но влачившим довольно жалкое существование.

После реформы тяжелая промышленность быстро развивалась. Добыча угля с 1860 по 1890 г. увеличилась (по всем районам) в 20 раз (с 18 млн. до 367 млн. пудов)[3]; выплавка чугуна, несмотря на временный упадок уральской промышленности в 60-х годах выросла за это время почти втрое (с 20,5 млн. до 56,6 млн. пудов)[4]. При незначительных еще абсолютных цифрах продукции темп роста ее был довольно быстрым, а для каменно-

---

[1] М. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. 1, 1907, стр. 313.

[2] Н. Я. Масленников. Указ. соч., ст. 292.

[3] Мировые экономические кризисы 1848—1935 гг., под общей ред. Е. Варга, М., 1937, стр. 543.

[4] С. Г. Струмилин. «Черная металлургия в России и СССР», стр. 231.

угольной промышленности даже очень быстрым. Это обусловливалось, главным образом, развитием железнодорожного строительства и перевооружением армии и флота.

В 1863 г. в Петербурге был основан Обуховский завод для производства литой стали для пушек по способу инженера Обухова; в 1873 г. открылся рельсопрокатный завод Новороссийского общества в Юзовке, в 1874 г. рельсопрокатный завод Брянского товарищества (Губонина и Голубева) в Орловской губ. За 5 лет с 1869 по 1874 г. русские заводы дали около 14 млн. пуд. рельс при ввозе из-за границы в среднем около 60 млн. пудов, т. е. 19% потребности, тогда как за время с 1836 по 1865 г. на 21 млн. пудов привоза рельс на производство русских заводов пришлось всего 2,5 млн. пудов, т. е. 10,6%. С переходом (в 1873 г.) с железных рельс на стальные значение привоза рельс из-за границы совсем упало: с 1877 по 1880 г. привоз стальных рельс понизился с 10,5 млн. пуд. до 1,8 млн. Пассажирских и товарных вагонов и платформ за 1869—1874 гг. было произведено около 30 тысяч; в связи с этим упал привоз их из-за границы: в 1869 г. их было привезено свыше 9 тысяч, а в 1874 г. всего около 1300. В связи с развитием паровозостроения сократился привоз и паровозов и отдельных частей к разным машинам было ввезено 965 тыс. пуд., а в 1874 г. всего 46 тыс., причем, по утверждению специальной правительственной комиссии это сокращение произошло всецело за счет паровозов [1].

Особенно быстро развивалась тяжелая промышленность, на Юге России, главным образом на Украине; крупную роль в этой промышленности стал играть иностранный капитал.

До реформы 1861 г. добыча угля в Донецком бассейне, восточная часть которого расположена в Донецкой области, а западная на Украине, была незначительна. При этом разрабатывалась главным образом восточная антрацитовая часть бассейна, расположенная удобнее по отношению к водному пути по Дону к Азовскому морю. Рынком сбыта для антрацита служили, преимущественно города степного побережья Азовского и Черного морей.

Металлургии в Донбассе, если не считать влачившего жалкое существование казенного Луганского завода, не было.

После реформы огромную роль в развитии Донбасса сыграло строительство железных дорог. Первой из железных дорог, построенных для нужд донецкой угольной промышленности, была небольшая линия Шахтная—Аксай, построенная в 1861 г. от грушевских антрацитовых рудников к Дону. Ее назначение было дать грушевскому антрациту выход к морю.

Эта линия стимулировала развитие антрацитовой части Донбасса.

---

[1] «Наша железнодорожная политика», т. IV, стр. 222, 225, 250, 251.

В 1869 г. была открыта для движения так называемая Курско-Харьково-Азовская железная дорога. Построена она была не столько для угольной промышленности, сколько для нужд хлебного экспорта. Но она прошла через Донбасс и дала выход углю на север. После нее был построен ряд других линий. При этом в конце семидесятых годов была проведена специально для нужд каменноугольной промышленности, Донецкая железная дорога, которая прошла через Донецкий бассейн с востока на запад между Воронежско-Ростовской и Азовской линиями.

Такой громоздкий товар, как уголь нуждается в дешевых путях сообщения. Железные дороги дали донецкому углю выход на рынки сбыта и сами выступили как крупнейший потребитель угля. В 1878 г. 61% всего добытого в Донбасе угля потребили железные дороги, крупным потребителем были также сахарные заводы. Вместе с тем центр тяжести добычи угля переместился с восточной антрацитовой части Донбасса в его западную каменноугольную часть.

Добыча угля и антрацита росла быстрыми темпами. Было добыто в среднем в год:

в 1860—1864 гг.	7,3 млн. пудов
в 1865—1869 гг.	10,8 „ „
в 1870—1874 гг.	29,0 „ „
в 1875—1879 гг.	60,9 „ „

В семидесятых годах происходит и организационно-техническая перестройка донецкой каменноугольной промышленности. Начинается оттеснение мелких шахт на задний план крупными капиталистическими предприятиями. В начале семидесятых годов в донецкой угольной промышленности возникают акционерные общества с иностранным капиталом. В 1872 г. было образовано акционерное общество южнорусской каменноугольной промышленности, в котором играл крупную роль французский капитал.

Основанное англичанином Юзом известное «Новороссийское общество каменноугольного, железного и рельсового производства» помимо выплавки металла занималось также добычей угля.

Приток иностранного капитала в угольную промышленность продолжался в дальнейшем и в 70-е и в 80-е годы. В 80-х годах добыча в Донбассе угля росла, хотя и несколько более медленными темпами, чем в 70-х годах. В 1880 г. в Донбассе было добыто 186 млн. пудов, а в Домбровском бассейне в Королевстве Польском, который в 70-х годах занимал по добыче угля первое место в Российской империи, добыча составила 78 млн. пудов. Таким образом, Донбасс занимал первое место по добыче угля и в дальнейшем его доля продолжала расти. В 1892 г. он дал 218 млн. пудов, что составило 51% всей добычи угля в империи (424

млн. пудов), тогда как Домбровский бассейн дал 176 млн. пудов, т. е. 41,5% [1].

В начале семидесятых годов в Донбассе начинают работать основанные на передовой, для того времени, технике два крупных частных завода черной металлургии.

Вопрос о создании на юге черной металлургии на минеральном топливе был поставлен правительством еще в конце XVIII столетия, когда был основан Гаскойном Луганский казенный завод. Неудачные опыты по выплавке чугуна на минеральном топливе неоднократно производились там в дореформенную эпоху. Только в семидесятых годах эта крупнейшая народнохозяйственная проблема была практически успешно решена.

Первый из двух заводов был завод на Украине, основанный английским капиталистом Юзом учредителем Новороссийского общества. Первая домна на этом заводе была пущена в ход в январе 1872 г. Стремясь к снабжению железных дорог, которые тогда усиленно строились, правительство оказало Юзу ряд льгот. Новороссийскому обществу была бесплатно отведена земля с залежами угля и дарована очень крупная денежная субсидия в виде премии в течение 10 лет до 50 коп. с каждого пуда рельса, выделанных на заводе в количестве до 300.000 пудов ежегодно.

Заводской поселок в котором жилищные условия для рабочих были отвратительны, получил название Юзовки. Ныне это — город Сталино, Советская столица Донбасса, по своему облику совсем не похожий на прежнюю Юзовку.

Почти одновременно в Донской области в антрацитовой части Донбасса русский капиталист Пастухов выстроил Сулинский металлургичесикй завод, который выплавлял чугун на антраците. Наладить плавку на антраците первое время долго не удавалось. Только в 1887 г. после многочисленных перерывов на нем возобновилась выплавка чугуна. Оба завода начали выплавку чугуна на местной донецкой руде с невысоким содержанием железа (около 40%), запасы которой к тому же были невелики. В 70-х годах Донбасс, несмотря на наличие в нем металлургии, все же был по преимуществу угольным районом.

В 80-х годах растет значение южной металлургии, которая стала развиваться, как в Донбассе, так и вне его.

В 80-х годах началась разработка Криворожских железных руд. Для этой цели местный помещик Поль, истративший на разведки криворожской руды большое состояние, привлек французский капитал. Кривой Рог был соединен с Донбассом в 1884 году Екатерининской железной дорогой. Это позволило заводам Донбасса перейти на богатую криворожскую руду и послужило толчком к возникновению во второй половине 80-х годов нового металлургического района в Приднепровьи.

[1] Производительные силы России. Под ред. В. И. Ковалевского СПб., 1896, отдел VII, стр. 36.

В 1887 г. пущен русским капиталом Александровский завод Брянского общества в Екатеринославе, (впоследствии большая часть его акций была в руках иностранцев), в том же году возобновил выплавку, притом в больших размерах, Сулинский завод; в 1889 г. начал выплавку Днепровский завод Южно-Днепровского металлургического общества, в котором руководящую роль играл оельгийский капитал; в 1892 — Гуанцевский завод французского общества Криворожских руд в Кривом Роге. В 1893 г. здесь действовало уже 5 металлургических заводов — гигантов, давших в этом году 20 млн. пудов чугуна. Доля Украины по выплавке чугуна в 1892 г. составляла 26% (17 млн. пудов из 65 млн.) против 3,7% в 1880 г. (1 млн. пудов из 27 млн.); по выплавке чугуна Украина также перегнала Польшу, которая дала в 1892 г. всего 9 млн. пудов, т. е. около 14%; но на первом месте еще попрежнему стоял Урал, давший в 1892 г. 30,6 млн. пудов, т. е. 45,5% всей выплавки по империи.

Южная металлургия не только работала в противоположность Уралу, на минеральном топливе. Она была гораздо выше Урала в техническом отношении вообще. Это легко видеть из сопоставления технического уровня Юга и Урала в 1890 году.

	Юг	Урал[1]
Число лошадиных сил на одного рабочего . . .	1,02	0,11
Выплавка чугуна на одного рабочего	990 пуд.	194 пуд.
„ „ „ одну домну	958 т. п.	259 т. п.
„ стали на одну мартеновскую печь . .	244 т. п.	47 т. п.

Превосходство юга в технике и в производственном труде было залогом его дальнейшего роста и завоевания им впоследствии роли основной металлургической базы России.

В 60 и 70-х годах, благодаря железнодорожному строительству рост спроса на металл в России сильно обогнал рост производства. В общем потреблении металла местной продукцией удовлетворялось значительно менее половины. Развитие южной металлургии вместе с некоторым ростом выплавки на Урале и в других районах изменили положение. В 1870 году русским производством было покрыто 35% потребления, в 1880 г. — 43%, в 1892 г. — 80%[2]. Это было достигнуто ценой высоких цен на металл, стимулировавших приток иностранного капитала.

В угольной и металлургической промышленности Юга России господствующую роль стал играть иностранный, преимущественно бельгийский капитал.

В области тяжелой промышленности возник в этот период и ряд новых производств, не существовавших или почти не существовавших в дореформенное время. К таким новым производ-

[1] И. Гливиц. Железная промышленность России, СПб., 1911, стр. 114.
[2] Там же, Приложения, стр. 41, табл. 27.

ствам относится прежде всего нефтяная промышленность. Еще в 1865 году добыча нефти составляла всего 557 тыс. пудов, а в 1890 г. она составляла уже 242,5 млн. пудов [1]. Почти вся нефть добывалась в Бакинском районе: в 1890 г. в Бакинском районе было добыто 226 млн. пудов, т. е. 93% [2]. Развитию нефтяной промышленности очень мешала существовавшая еще с дореформенных времен система сдачи нефтяных колодцев на откуп (на 4 года). «Откуп, — писал в 1867 г. Д. И. Менделеев, — парализует правильный ход нефтяной разработки, а следовательно и все нефтяное дело». «Откупщикам нефти нет никакого расчета, имея краткосрочный откуп, заводить большое и хлопотливое дело, затрачивать капиталы на разведки и пробные бурения, рыть девять колодцев для того, чтобы десятым окупить все свои расходы» [3]. Только законом 1 февраля 1872 г. откупная система была отменена, и нефтяные участки стали сдаваться с торгов в долгосрочную аренду. Первыми крупными предпринимателями были И. Мирзоев, заложивший первые буровые скважины, и В. А. Кокорев с И. Ф. Губониным, образовавшие акционерное «Бакинское нефтяное общество». В 1874 г. шведский подданный Роберт Нобель арендовал у частных лиц нефтеносные земли, затем купил небольшой керосиновый завод, привлек к делу братьев Людвига и Альфреда и основал в 1879 г. акционерное «Товарищество нефтяного производства бр. Нобель», с капиталом в 30 млн. рублей — самое крупное нефтяное предприятие в России. Товарищество выписывало бурильщиков из Соединенных Штатов и Галиции, устроило лабораторию в Баку и Петербурге, построило бензиновый завод, соединило свои заводы с промыслами нефтепроводом, ввело в употребление по примеру Соединенных Штатов вагоны — цистерны и цистерны для хранения нефтепродуктов, а затем наливные суда, которых в это время не было еще и в Америке; организовали вывоз нефтяных продуктов за границу, преимущественно в Германию и Австро-Венгрию. В 1886 г. при главном участии парижского банкирского дома Ротшильдов, образовалось «Российско-Черноморское торговое и промышленное общество», с капиталом в 10 млн. руб., организовавшее вывоз нефтяных продуктов (главным образом в Англию и ее колонии) морским путем через Батуми, куда они подвозились из Баку по Закавказской железной дороге, открытой на всем протяжении в 1883 г. К 1892 г. вывоз нефтяных продуктов из Батуми составлял 51,4 млн. пудов [4].

Совершенно новой отраслью промышленности была добыча марганцевой руды, сосредоточенная почти исключительно в Чиа-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 429.

[2] Б. Ф. Брандт. Иностранные капиталы. Их влияние на экономич. развитие страны, СПб., 1901, ч. III, стр. 319.

[3] Там же, ч. III, стр. 263.

[4] Там же, т. III, стр. 288. В. С. Зив, Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях, вып. 1, Пгр., 1915, стр. 90.

турском районе в Грузии. Разработка чиатурских руд началась только в 1879 г., в этом году было добыто всего 12 тыс. пудов, а в 1892 г. добыча превысила 12 млн. пудов. В 1893 г. добыча марганцевой руды в России составляла 55½% мировой добычи (244 тыс. тонн из 439 тыс.)[1].

В этот же период двинулось вперед развитие русского машиностроения, которое до реформы было ничтожно (если не считать Польшу), за исключением немногих заводов сельскохозяйственных машин. В 60-х — 80-х гг. возник ряд крупных машиностроительных заводов в Петербурге (Нобеля, Обуховский и др., заводы Листа, Перенуда, Вейхельта в Москве, Коломенский завод под Коломной, Пермский пушечный и механический завод в Мотовилихе, завод Беллина — Фандериха в Одессе, механические отделения Кушвинского завода на Урале и Воткинского завода на Каме и др.), образовались новые центры сельскохозяйственного машиностроения, главным образом на Украине, — Харьков, Одесса, Бердянск, Александровск, Елизаветград.

В 1860 г. в 50 губерниях Европейской России (без Польши и Финляндии) машиностроительных «заводов» числилось 92 с 1862 рабочими; вся сумма производства составляла 846 тыс. руб., т. е. на каждый «завод» приходилось в среднем 20 рабочих и 9 тыс. руб. продукции. В 1890 г. заводов было 338, рабочих на них — 43 тыс., сумма производства — 42,7 млн. руб.[2]. По всей империи в 1892 г. было 569 заводов с 50 тыс. рабочих и 53½ млн. руб. продукции[3]. В области сельскохозяйственного машиностроения на первое место выдвигается Украина, оттесняя Польшу и Прибалтику: в 1878 г. на долю Польши приходилось 32% стоимости сельскохозяйственных машин, производимых в Империи (1 млн. руб. из 3,2 млн.), в 1892 г. — всего 6% (331 тыс. из 5,8 млн.), доля Прибалтики понизилась за это время с 13% (422 тыс. руб.) до 4% (257 тыс.). Доля же украинских заводов, постепенно возрастая, к 1892 г. достигла 61% (3,5 млн. руб.)[4]. Застой с.-х. машиностроения в Прибалтике и резкое сокращение его в Польше связаны главным образом с резким повышением в 1887 г. пошлин на чугун, т. е. и польские и прибалтийские заводы работали на иностранном чугуне. Развивалось преимущественно транспортное и сельскохозяйственное машиностроение. Отстающим участком было производство машин для промышленности.

Что касается соотношения между тяжелой и легкой промышленностью, то тяжелая промышленность все еще значительно отставала от легкой: сумма производства тяжелой промышленности

---

[1] Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, т. 1, стр. 226—227.

[2] Фабрично-заводская промышленность и торговля России, СПб., 1893, стр. 216, 221.

[3] Производительные силы России, отдел XII, стр. 5.

[4] Л. Б. Кафенгауз, Развитие русского сельскохозяйственного машиностроения, Харьков, 1910, стр. 26, 27, 29.

в 1890 г. составляла лишь 22,6% стоимости производства всей промышленности (361 млн. из 1597 млн. руб.), число рабочих — 38,1% общего числа промышленных рабочих (554 тыс. из 1453 тыс.); даже к 1900 г. после бурного промышленного подъема 90-х годов, тяжелая промышленность еще не вполне догнала легкую [1]. Тем не менее и в этот период удельный вес тяжелой промышленности, судя по более быстрому темпу ее развития, несомненно повышался, что очень характерно для развития капитализма.

§ 21а. Дальнейший технический прогресс промышленности и концентрация производства

Развитие капиталистической промышленности было связано с ее техническим прогрессом. Росла мощность паровых двигателей: за 16 лет с 1875—78 по 1892 г. число паровых двигателей в России увеличилось почти вдвое (с 6.353 до 13.085), а мощность их втрое с 115 тыс. до 345 тыс. лошадиных сил)[2].

В металлургии с 70-х гг. все больше применялись бессемеровский и особенно мартеновский способы, принятые в передовых капиталистических странах: за 10 лет с 1882 по 1892 г. продукция бессемеровских и мартеновских печей увеличилась больше чем вдвое (с 14,9 млн. до 30,4 млн.)[3].

Технические успехи в области металлургии относились главным образом за счет Польши и Украины; Урал, занимавший все еще господствующее положение в горнозаводской промышленности, прогрессировал в техническом отношении медленно.

Техническая отсталость Урала обусловливалась наличием там значительных пережитков крепостничества, державших рабочих в кабальной зависимости и понижавших заработную плату. «Уральские заводчики, — писал Ленин, — и теперь являются крупнейшими землевладельцами... Средством приобретения рабочих рук является на Урале не только наем, но и «отработки», благодаря этому «...заводы получают «своих», привязанных к заводу и дешевых рабочих» [4]. Но все же и Урал, хотя и медленно, начинал двигаться вперед: в 1882 г. еще только 33% доменных печей действовали на горячем дутье (34 из 103), а в 1893 г. уже 67% (74 из 111)[5]. Увеличилось и производство пудлингового железа за счет кричного, и применение мартеновского способа производства стали.

В нефтяном деле в 70-х годах примитивные колодцы заменяются буровыми скважинами; в 1878 г. в Бакинском районе не

---

[1] В. Е. Варзар. Статист. сведения о фабриках и заводах за 1900 г. СПб., 1903, стр. VIII, X—XI.

[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 444.

[3] С. Г. Струмилин. Черная металлургия в России и в СССР, стр. 277.

[4] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 425.

[5] Б. Ф. Брандт, Иностранные капиталы. Их влияние на экономическое развитие страны. СПб., 1899, ч. II, стр. 96.

осталось уже ни одного колодца. В 80-х годах главным образом в связи с деятельностью бр. Нобель ручная двигательная сила заменяется паровой, применяются газовые и нефтяные двигатели, вводится непрерывная перегонка нефти, распространяется применение нефтяных остатков в качестве топлива.

В текстильном производстве также все больше вводилось усовершенствованных машин и станков. О росте применения механических двигателей в текстильной промышленности можно судить по данным, относящимся к Московской губ., где была развита преимущественно текстильная промышленность: за 10 лет с 1871 г. до начала 80-х годов число паровых двигателей увеличилось почти в $1^1/_2$ раза (с 471 по 703); мощность их возросла почти на 75% (с 6,9 тыс. лош. сил до 12 тыс.)[1].

На период 60—80 гг. приходится в основном технический переворот в русской промышленности, начавшийся еще в 40—50 годах и окончательно завершенный в 90-е годы. «Введение паровых двигателей и машин, — писал Энгельс по этому поводу Николаю — ону в 1892 г.; — попытки изготовлять текстильные и металлические продукты при помощи новейших средств производства, хотя бы только для отечественного потребления, *должны* были иметь место раньше или позже, но во всяком случае в какой-либо момент между 1856 и 1880 годами»[2].

Рост крупной индустрии сопровождался концентрацией производства. Производство все более сосредоточивалось на крупных предприятиях, стягивающих к себе все большее количество рабочих и поставлявших на рынок все большую долю продукции. В 1866 г. на крупнейших хлопчатобумажных фабриках (с 1000 и более рабочих) было сосредоточено 49% всех рабочих хлопчатобумажной промышленности, а в 1894 г. уже 74%. В каменноугольной промышленности на фирмы с производительностью свыше 5 тыс. вагонов в 1882—83 гг. приходилось 43,5% всей добычи, а в 1892—93 гг. — 78%.

Этот процесс концентрации характерен для всей промышленности в целом. По подсчету В. И. Ленина число промышленных предприятий со 100 и более рабочих за время с 1866 по 1890 г. увеличилось всего в полтора раза, тогда как число рабочих в них выросло вдвое, а сумма производства почти втрое. При этом особенно быстро росли крупнейшие предприятия (свыше 1000 рабочих): число их увеличилось за это время больше, чем вдвое, количество рабочих — больше чем втрое, а сумма продукции — почти в пять раз. В 1890 г. эти крупнейшие предприятия, составлявшие всего 10% общего числа крупных предприятий, сосредоточивали 46% рабочих и 43% суммы производства.

[1] Сборник статистических сведений по Московской губ., Отдел. санитарной статистики, М. 1890, т. IV, ч. 1, стр. 160.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма ОГИЗ, 1948, стр. 450.

§ 22. Промышленные циклы

Втянутая в круговорот мирового хозяйства, русская промышленность испытывала в основном те же колебания, что и промышленность Западной Европы, ту же смену периодов подъема и кризисов. Правда, в первое десятилетие после реформы 19 февраля на некоторые отрасли русской промышленности большее влияние оказали внутренние условия, чем состояние мирового рынка; реформа вызвала серьезное потрясение в тех отраслях промышленности, которые пользовались в более или менее значительной мере принудительным трудом. Особенно отразилась реформа на горнозаводской промышленности Урала, основанной почти исключительно на принудительном труде. Освобожденные от крепостного гнета рабочие массами бросали производство и переселялись в другие губернии. Березовский завод за одно лето лишился до 800 лучших рабочих, с Миасских золотых приисков выселилось около 2.000 семейств, из Богословского горного округа ушло $^3/_4$ взрослого мужского населения. В результате производство уральских заводов резко сократилось: с 1860 по 1862 г. выплавка чугуна упала с 14,5 млн. пудов до 10,5 млн., т. е. почти на 28% и только к 1870 г. достигла уровня 1860 г. Многие заводы до конца 60-х годов не могли оправиться от этого потрясения: Кушвинский завод в 1868 г. выплавил чугуна на 26% меньше, чем в 1858 г. (353 тыс. пуд. вместо 476 тыс.), Верхнетуринский — на 44% (256 тыс. пуд. вместо 457 тыс.), Нижнетуринский — на 57% (64 тыс. пуд. вместо 150 тыс.), Верхнебаранчинский завод с 1865 г. совсем прекратил производство [1].

Сходным было положение и в суконной промышленности, тоже основанной преимущественно на принудительном труде: число суконных фабрик с 1860 по 1863 г. уменьшилось на $15^1/_2$% (с 432 до 365), число рабочих — на 24% (с 94,7 тыс. до 71,8 тыс.). Дворянские вотчинные фабрики закрывались или переходили в купеческие руки: в Симбирской губ. в 1860 г. из 30 суконных фабрик 28 принадлежало дворянам: к концу 60-х годов в руках дворян осталось только 6; 10 фабрик сдано в аренду купцам; на 10 производство совсем прекратилось; но зато за это время возникло 8 новых купеческих фабрик [2]. Те отрасли промышленности, в которых еще до реформы господствовал вольнонаемный труд, такого потрясения не испытали.

Тяжелый кризис, перенесенный хлопчатобумажной промышленностью в первой половине 60-х годов, был вызван не внутренними условиями, а недостатком сырья. В годы гражданской войны в Соединенных Штатах Америки (1861—1865) резко упал вывоз в Европу американского хлопка, вследствие чего цены на хлопок в европейских странах выросли в гораздо большей мере,

---

[1] М. Туган-Барановский. Указ. соч., т. 1, стр. 308—309.
[2] Там же, стр. 310—311.

чем цены на хлопчатобумажные изделия. Под влиянием этих условий и в России цены на хлопок и пряжу необычайно возросли: в 1861 году пуд пряжи стоил в Иванове 16 р. 75 к., в июле 1862 г. — 27 руб., а в конце августа — 30—32 руб., т. е. за один год цена на нее выросла почти вдвое; многие ткацкие и ситцевые фабрики прекратили производство [1]. Количество поступившего на внутреннее потребление хлопка с 1860 по 1862 г. сократилось больше, чем втрое (с 2840 тыс. пуд. до 850 тыс.) [2].

Число рабочих на бумагопрядильных фабриках сократилось почти вдвое (с 41,3 тыс. до 22,4 тыс.) [3]. Только с 1865 г. хлопчатобумажная промышленность стала понемногу оправляться.

Другие отрасли промышленности, за немногими исключениями, продолжали в эти годы развивать производство: сумма продукции этих отраслей увеличилась с 1863 по 1866 г. в среднем на 42% [4].

Мировой промышленный кризис 1866 г. коснулся и России. С 1866 по 1868 г. производство сократилось почти во всех отраслях промышленности; в некоторых из них сокращение было значительным; так производство сахарных заводов сократилось на 35%, добыча каменного угля — на 42% [5].

Кризис ударил прежде всего по трудящимся. В октябре 1867 г. в корреспонденции из Иванова «Промышленная газета» писала: «Фабрики почти все остановились, производства нет, рабочий люд без работы» [6].

Вызванное кризисом сокращение производства в первую очередь коснулось мелкого производства, хуже оснащенного с технической стороны. Газета «Москвич» в феврале 1868 г. отмечала: «Ручных миткалей становится все меньше и меньше. Большая часть бывших мелких, кустарных, миткалевых хозяев обратилась или к совершенному иному делу, именно торговле дровами и т. п. или нанялась в ткачи» [7]. Таким образом, кризис усилил пролетаризацию мелких производителей.

С 1869 г. начинается быстрый промышленный подъем; наступает период грюндерства — усиленного учредительства промышленных и торговых предприятий. Стремительно растет число акционерных компаний: за пятилетие с 1869 по 1873 г. была основана 281 акционерная компания, т. е. в среднем по 56 в год, тогда как за пятилетие с 1861 по 1865 г. их было основано всего 44; за один 1873 г. возникло 106 новых компаний. Капиталы ак-

---

[1] Я. П. Гарелин, Город Иваново-Вознесенск, ч. II, Шуя, 1885, стр. 26.
[2] М. И. Туган-Барановский, Указ. соч., стр. 313:
[3] Обзор деятельности акционерных предприятий в России. «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1900, № 129, стр. 104—105.
[4] С. Струмилин. Промышл. кризисы в России. «Проблемы экономики», 1939, № 5, стр. 141.
[5] С. Струмилин. Промышленные кризисы в России. — «Проблемы экономики», 1939, № 5, стр. 144.
[6] «Промышленная газета» № 41 от 15 октября 1867 г.
[7] «Москвич» № 34 от 7 февраля 1868 г.

ционерных обществ, основанных за пятилетие с 1869 по 1873 г. составляли 697,5 млн. руб., тогда как капиталы обществ, основанных за пятилетие с 1861 по 1865 г., составляли всего 99 млн.)[1].

В надежде на высокие прибыли и быстрое обогащение множество владельцев небольших сбережений бросалось покупать акции учреждаемых предприятий; в результате ажиотажа акции стремительно повышались в цене, но многие из возникших в это время предприятий оказывались «дутыми», взятые ими на себя обязательства не соответствовали размерам акционерного капитала. Такие предприятия неизбежно «лопались», их «учредители» успевали заблаговременно распродать свои акции, «заработав» значительные суммы на повышении их курса; наживались также многочисленные спекулянты, скупавшие акции для перепродажи; мелкие же акционеры совершенно разорялись, теряя часто все свои сбережения и кончали нередко самоубийством или помешательством.

Но, конечно, не все предприятия, основанные в это время, были дутыми; многие из возникших в это время железнодорожных, банковых и промышленных компаний оказались устойчивыми и вполне способными выполнять свои обязательства. Большая часть этих капиталов вкладывалась, правда, в железнодорожное строительство, но «железнодорожная горячка» конца 60-х и начала 70-х годов толкала вперед и развитие промышленности, повышая спрос и на средства производства и на предметы потребления рабочих. За пять лет с 1867 по 1872 г. выплавка чугуна возросла на 38,6% (с 17,6 млн. до 24,4 млн. пуд.), производство железа и стали — на 43,2% (с 11,8 млн. до 16,9 млн пуд.)[2]; добыча каменного угля — на 147% (с 26,8 млн. до 66,3 млн. пуд.).

Промышленный подъем конца 60-х и начала 70-х годов, который переживали также страны Западной Европы и Соединенные Штаты Америки, привел к перепроизводству и кризису. В мае 1873 г. кризис разразился в Германии и Австрии, затем перебросился в Соединенные Штаты и охватил почти всю Европу, в том числе и Россию. К этому времени развитие капитализма сделало в России уже довольно значительные успехи и поэтому кризис 1873 г. поразил русское народное хозяйство сильнее, чем предыдущие кризисы. Уже во время Нижнегородской ярмарки 1873 г., ввиду недостатка спроса и падения цен на товары, обанкротился ряд торговых фирм. Учредительство значительно сократилось: за пятилетие с 1874 по 1878 г. было основано 177 акционерных обществ с капиталом 175,7 млн. руб., тогда как в предыдущее пятилетие было основано, как мы видели, 281 общество ка-

[1] Обзор деятельности акционерных предприятий в России. — «Вестник финансов», 1900, № 29, стр. 104—105.

[2] С. Г. Струмилин. Черная металлургия в России и в СССР, стр. 231.

питалом 697,5 млн. руб.[1]. Недостаток капитала вызвал резкое сокращение железнодорожного строительства, что тотчас же отразилось на положении промышленности. Цены на железо упали с 1874 по 1878 г. на 17,5% (с 1 р. 49 к. до 1 р. 23 к. за пуд), на каменный уголь на 27,2% (с 8,1 до 5,9 к. за пуд), на сахар с 1874 г. на 41,7% (с 5 р. 58 к. до 3 р. 26 к. за пуд), на миткаль с 1872 г. на 43,4% (с 8,3 коп. до 4,7 коп. за аршин), на пряжу на 41% (с 14 р. 61 к. до 8 р. 62 к. за пуд)[2]. «Конец 1872 г. и начало 1873 годов, — писал Я. П. Гарелин о хлопчатобумажной промышленности, — ознаменованы были банкротствами, которые по большей части кончались мировыми сделками со скидкою от 40 до 50 и более копеек с рубля... Главная причиная такой плохой торговли заключалась в том, что ситцев наработано было громадное число и их нужно было сбыть во что бы то ни стало»[3].

В одном только Московском районе за трехлетие с 1874 по 1876 г. оказалось несостоятельными 237 промышленных и торговых предприятий с общим пассивом в 47,7 млн. руб.[4]. Тяжесть кризиса усиливалась еще тем обстоятельством, что в первой половине 70-х годов был ряд неурожайных лет. В ряде отраслей производство сильно сократилось: в кожевенной на 12%, в стекло-фарфоровой на 14%, в писчебумажной на 14,5%, в сахарной на 18%, в ситцевой на 20,8%, в химической на 21%[5]. Кризис повлек за собой сильную безработицу. Уже в феврале 1873 г. московский корреспондент газеты «Биржа» сообщал: «Большая часть фабрик или приостановили работы или ведут их на половину. Суконные фабрики Носова, Жукова, Ремизова и Суворова совершенно приостановили работы. Можно сказать прямо, что на 100 тыс. человек фабричных, работавших на московских фабриках, теперь работают не более 40 тыс. человек»[6]. Депрессия после кризиса 1873 г. тянулась в течение 1874—77 годов с обострением в 1876 — отчасти в 1877 годах. Журнал «Вестник Европы» в обзоре внутреннего положения за 1877 год писал: «В настоящее время в Москве нет ни одной фирмы, которая не понесла бы более или менее значительных убытков и не была бы вынуждена к более или менее значительному сокращению своих оборотов. Сведения из провинции еще хуже московских». Пресса того времени пестрит сообщениями о безработице во многих частях России, — так газета «Наш век» сообщала: «Известно, что в двух только столицах и на подстоличных фабриках осталось без заработков до 200 тыс. человек, да если прибавить

---

[1] «Вестник финансов», 1900, № 29, стр. 105.

[2] С. Г. Струмилин. Промышленные кризисы в России (1873—1907 гг.). «Пробл. экон.», 1940 г. № 2, стр. 115.

[3] Я. П. Гарелин. Указ. соч., стр. 59—60.

[4] М. Туган-Барановский, Указ. соч., стр. 328.

[5] С. Г. Струмилин. Промышленные кризисы в России. — «Проблемы экономики», 1940, № 2, стр. 117.

[6] «Биржа» № 32 за 1873 г.

сюда Владимирскую губернию, которая тоже, вероятно, до 50 тыс. фабричного люда оставила без дела, то и составится почтенная цифра — в 250 тыс.» (№ 109 за 1877 г.). Эта же газета сообщала о безработице в Туле и Лодзи, отмечая относительно последней, что «страшная нужда между рабочим и заводским промышленным населением этого города и его окрестностей вследствие уменьшения и даже совершенного прекращения работ на некоторых фабриках и заводах, возрастает весьма заметным образом чуть ли не с каждым днем» (1877 г. № 23).

Угнетенное состояние промышленности затянулось до 1877 года; только с 1878 г. у нас, как и на Западе, начинается новое оживление промышленности, которому способствует также окончание турецкой войны и ряд урожаев. «Первая, после войны с Турцией и заключения мира, Нижегородская ярмарка 1878 г.,— писал В. П. Безобразов, — разыгралась необыкновенно блистательно во всех отношениях. Подобной ярмарки не запомнят в летописях Макария. И сбыт всех товаров был необыкновенно бойкий, почти по всем отраслям спрос превышал предложение. И цены были выгодны для продавцов... Чрезвычайно блистательная ярмарка 1878 г., при промышленном оживлении начавшемся у нас уже ранее (в конце войны, преимущественно после падения Плевны, в конце 1877 г.), усилила до нельзя возбуждение в нашем промышленном мире... Это возбуждение, какого давно не запомнят в нашей промышленности,— необыкновенное усиление производства на всех прежних фабриках и заводах и размножение новых,— достигло своего апогея к средине 1879 г... и оно продолжалось до 1880 г.» [1].

За 4 года с 1877 по 1880 г. производство железа и стали выросло почти вдвое (с 19 млн. до 36,6 млн. пуд.) [2], добыча угля — также почти вдвое (с 109,1 млн. до 200,8 млн. пуд.), в бумагопрядильной промышленности за один 1879 г. было поставлено, по словам Безобразова, 900 тысяч (а может быть и миллион) новых веретен [3]. Прибыли торговых и промышленных предприятий достигали в это время огромных размеров: некоторые акционерные общества, по их собственным официальным отчетам, получали 40, 50 и даже 70% прибыли на акционерный капитал [4].

Но этот период оживления оказался очень недолгим. Уже на Нижегородской ярмарке 1880 г. обнаружилось несоответствие между огромным количеством завезенных на ярмарку товаров и недостаточным спросом на них, вызвавшее понижение цен. Хлопчато-бумажных товаров привезено было на 34,7 млн. руб., продано на 27,2 млн. (78%). Еще хуже было положение на ярмарке 1891 г., из привезенных на 51 млн. руб. хлопчатобумажных

[1] В. П. Безобразов. Народное хозяйство России, ч. 1, СПб., 1882 г., стр. 276—277.
[2] С. Г. Струмилин. «Черная металлургия в России и в СССР», стр. 231.
[3] В. П. Безобразов. Указ. соч., стр. 279.
[4] В. П. Безобразов. Указ. соч., стр. 290.

товаров было куплено всего на 11,6 млн., т. е. всего 23% [1]. Предприниматели начали сокращать производство. Зимою 1880—1881 г. петербургские механические заводы увольняют значительное количество рабочих: на заводе Берда, на котором раньше работало 3—4 тысячи человек, осталось всего тысяча, на Самсониевском заводе вместо 1200—1500 человек осталось 450, на заводе Нобеля вместо 900—1200 рабочих около 600. Значительные сокращения числа рабочих были произведены также на текстильных фабриках Центрального промышленного района. В Александровском уезде Владимирской губ. на шелко-ткацких предприятиях осталось без работы более 9000 человек. В Костромской губернии уволена была третья часть рабочих. Значительная часть рабочих была уволена, на фабриках Морозова и Берга в Твери, а оставшимся заработная плата сокращена на 20%. Большое количество безработных было также в Иваново-Вознесенске. В посаде Клинцах Черниговской губ. было уволено 40% рабочих, а заработная плата понижена на 30—50%.

Сильно пострадали от кризиса и кустари, заработок которых резко уменьшился. В с. Павлово например, недельный заработок кустарей, занимавшихся замочно-ножевым производством упал с 2 р. 50 к. до 60—80 коп. Большое количество промышленных рабочих, оставшись без работы, возвращалось в деревни.

В 1882 г. сильно сократилось производство в б. Королевстве Польском: в Варшаве летом 1882 г. насчитывалось около 20 тысяч безработных; большое количество безработных было и в других промышленных центрах Польши. Многие промышленные предприятия, особенно мелкие, прекратили производство [2].

Мировой промышленный кризис, начавшийся в 1882 г. во Франции и охвативший Англию, Соединенные Штаты и ряд других стран, тежело отразился и на России, усилив начавшийся здесь кризис и затянув последовавшую за ним депрессию до 1886 г. включительно, когда депрессия особенно обострилась. Орган горно-промышленников юга России «Горнозаводский листок» отмечал: «Упадок заводской и фабричной промышленности, застой в торговле, все это факты, достигшие в 1886 году своего кульминационного пункта» (1888 г. № 7). За 4 года с 1882 до 1886 г. производство сократилось в среднем на 15,2%; в хлопчатобумажной промышленности — на 20%, в суконной (с 1879 г.) на 30%, в машиностроительной (с 1880 по 1885 г.) — на 32% [3]. Учредительство резко сократилось; сократилось даже общее число акционерных компаний и сумма их капиталов: в начале 1882 г. действовало 586 акционерных обществ с акционерным капиталом

---

[1] С. Г. Струмилин. Промышленные кризисы в России. «Проблемы экономики», 1940 г., № 2, стр. 120.

[2] С. Приклонский. Хроника рабочего труда в России, — «Дело», 1883 г., № 1, стр. 54, 55, 57—59, 75.

[3] С. Г. Струмилин. Указ. соч., стр. 122.

в 1.104 млн. руб.; на 1 января 1889 г. было 566 обществ с капиталом всего 756,9 млн. руб.[1].

Длительность депрессии была усугублена аграрным кризисом, чрезвычайно снижавшим покупательную способность русского крестьянства.

В 80-х годах, по свидетельству крупного буржуазного экономиста конца XIX века А. И. Чупрова: «Полный застой в сбыте хлеба при низких ценах на него, заставлял каждого обычного потребителя мануфактурных изделий из среды землевладельцев и земледельцев сокращать свой спрос до пределов крайней необходимости».

Как и всегда, в годы кризисов и депрессии предприниматели стремились переложить тяжесть неблагоприятной экономической конъюнктуры на плечи рабочего класса, не только сокращая число занятых рабочих, но и снижая заработную плату остающихся на производстве. Так как русский пролетариат к этому времени уже накопил некоторый опыт классовой борьбы, наступление предпринимателей в первой половине 80-х годов вызвало обострение стачечного движения, нашедшего свое наиболее яркое выражение в знаменитой морозовской стачке 1885 года.

Только с 1887 г., как и в других странах, в России началось новое оживление промышленности; цены на товары повышались, росли прибыли предпринимателей; старые предприятия расширяли производство, возникло много новых предприятий. За трехлетие с 1887 по 1890 г. выплавка чугуна возросла на 51% (с 37,4 млн. до 56,6 млн.), производство железа и стали за 2 года (1888—1890) — на 38% (с 35,8 млн. до 49,5 млн. пуд.)[2] добыча угля за 3 года — на 33% (с 276,8 млн. до 367,2 млн. пуд.)[3].

Но в 1890 году русская промышленность снова вступает в полосу кризиса в связи с мировым кризисом 1890 г., а отчасти и в связи с голодом 1891—1892 гг. За время с 1888 по 1891 г. продукция промышленности понижается в среднем на 6%; в машиностроительной промышленности с 1889 по 1892 г. производство сократилось на 11,5%, в хлопчатобумажной на 11%, в шелковой на 16,8, в кожевенной на 17, в суконной на 17,4, в сахарной на 20%[4]. В черной металлургии производство продолжает расти, но значительно более медленным темпом: выплавка чугуна увеличивается с 1890 по 1892 г. на 15,5% (с 56,6 до 65,4 млн. пуд.), производство железа и стали на 25% (с 49,5 млн. до 61,9 млн. пудов)[5]. Капитал акционерных обществ, основанных

---

[1] «Вестник финансов», 1900, № 29, стр. 106.

[2] С. Г. Струмилин. «Черная металлургия в России и в СССР», стр. 231.

[3] Мировые экономические кризисы 1848—1935 гг., т. 1, под общей редакцией Е. Варга. М., 1937, стр. 513.

[4] С. Г. Струмилин. «Промышленные кризисы в России». «Проблемы экономики», 1940, № 2, стр. 125—127.

[5] С. Г. Струмилин. «Черная металлургия в России и в СССР», стр. 231.

в 1891 г., составлял всего 34 млн. руб., а капитал обществ основанных в 1892 г. — 27,5 млн., тогда как в 1889 г. новый акционерный капитал составлял 49,5 млн. в 1890 г. — 47 млн.[1]. Кризис сопровождался ростом безработицы и сокращением заработной платы. Грандиозный неурожай 1891 г. еще ухудшил положение трудящихся. Все это усиливало стачечную борьбу, обострившуюся в начале 90-х годов.

Новый промышленный подъем начался в 1893 году.

Промышленные кризисы и в России, как и в других капиталистических странах, способствовали концентрации производства и повышению технического уровня промышленности: мелкие, слабо оборудованные в техническом отношении предприятия разорялись, а за их счет расширялись крупные предприятия, технически более совершенные и имеющие возможность бороться с кризисом путем дальнейшего повышения техники. Но крепостнические остатки, замедлявшие развитие капиталистических отношений в деревне, а следовательно, и рост внутреннего рынка, приводили к тому, что кризисы в России особенно тяжело отражались на народном хозяйстве. В то время как в передовых капиталистических странах кризисы обычно изживались в 2—3 года, в России они принимали затяжной характер, сопровождаясь длительными депрессиями.

§ 23. Развитие торговли

С ростом общественного разделения труда и с развитием капиталистических отношений в городе и деревне развивалась внутренняя торговля. Показателями ее развития могут служить рост оборотов Нижегородской ярмарки и рост товарного движения по сухопутным и водным путям. Привоз товаров на Нижегородскую ярмарку за десятилетие 1857—1866 гг. составлял в среднем 104 млн. руб. ежегодно, в следующее десятилетие (1867—1876) — 155 млн., за десятилетие 1877—1886 гг. — 191 млн., т. е. увеличился за 20 лет на 84,6%[2]. Перевозки грузов по железным дорогам в 1865—1869 гг. составляли в среднем 377 млн. пудов в год, а в 1890—1894 гг. достигли 4.648 млн., т. е. выросли в $12^1/_2$ раз, тогда как длина железнодорожной сети за эти 25 лет увеличилась в 6 раз (с 4.682 до 27.940 верст); таким образом, грузооборот рос вдвое быстрее, чем длина железнодорожной сети. Еще быстрее возрастал пробег грузов: за те же 25 лет он увеличился с 72,9 миллиардов пудоверст до 989,2 миллиарда, т. е. в $13^1/_2$ раз: это означает, что в товарный оборот вовлекались все более отдаленные районы. Росли и водные перевозки, хотя и медленнее железнодорожных: в 1876—1880 гг. по

[1] Вестник финансов, 1900, № 30, стр. 168.

[2] Фабрично-заводская промышленность и торговля России. Изд. Д-та торговли и мануфактур, СПб., 1893, стр. 243. Надо иметь в виду, что вследствие уменьшения роли ярмарок в торговле России в конце XIX в. данные Нижегородской ярмарки дают несколько преуменьшенную картину роста торговых оборотов России за эти годы.

водным путям перевозились в среднем ежегодно 852 млн. пудов, а в 1891—1895 гг.—1.228 млн., т. е. почти в $1^1/_2$ раза больше, тогда как железнодорожные перевозки увеличились за это время больше чем вдвое (с 1059 млн. пудов до 2270 млн.) [1].

Более быстрый темп развития капиталистической промышленности в сравнении с сельским хозяйством вызвал более быстрый рост перевозок промышленных грузов сравнительно с сельскохозяйственными, как видно из следующей таблицы [2]:

Перевезено по железным дорогам в среднем за год в млн. пуд.	1876—1878	1897	Прирост в %%
Нефть и керосин	6,4	200,7	3035
Каменный уголь	90,3	446,6	395
Чугун, железо, сталь, рельсы	23,8	99,5	318
Лесные строит. материалы	67,8	201,7	197
Соль	26,7	67,0	151
Сахарный песок и рафинад	21,6	51,1	136
Хлопок	7,2	16,9	135
Мясо	3,2	6,8	112
Шерсть	4,2	8,4	100
8 главных хлебов	30,9	572,0	83
Табак	4,0	7,0	75
Лен и пенька	12,4	20,3	64
Сало	2,1	3,3	57
Кожи не выделанной	3,0	4,4	47
Спирт	7,5	9,0	32
Дрова	124,8	148,4	19
Рыба	19,9	23,0	16
Прочие грузы	522,2	922,2	—
Всего грузов малой скор.	978,0	2808,3	189

В то время, как хлебные перевозки увеличились всего на 83%, перевозки каменного угля и черных металлов выросли в 4—5 раз, а перевозки нефтяных продуктов в 31 раз.

По отношению к общему количеству грузов доля хлебных грузов понизилась за это время с 32 до 20%, тогда как доля каменного угля повысилась с 9 до 16%, доля нефтяных продуктов с 0,7 до 7%, доля черных металлов — с 2 до $3^1/_2$. В общей сложности минеральное топливо и продукты металлургии составляли в середине 90-х годов свыше 46% всех железнодорожных грузов, тогда как хлеб всего 20%. Ту же картину дают и перевозки по внутренним путям: за 10 лет с 1881—85 гг. до 1891—95 гг. хлебные перевозки увеличились всего на 36% (с 118 до 161 млн. пуд.) тогда как перевозка каменного угля выросла вдвое (с 3 до

[1] А. Д. Балимович. Товарное движение на русских рельсовых дорогах, Киев, 1902, стр. 2, 258.

[2] Там же, стр. 12—13.

6 млн. пуд.), перевозка нефтяных продуктов — почти в 5 раз (с 23,7 до 114,6 млн. пуд.) [1].

Характерное явление, связанное с быстрым ростом неземледельческого населения, представляет увеличение внутренней хлебной торговли за счет внешней: в 1876—88 гг. внутренние перевозки хлеба составляли 45% всех хлебных перевозок по железным дорогам (120,5 млн. пуд. из 281,7 млн.), а в 1891—95 гг., уже 54%, (257 млн. пуд. из 476,3 млн.), т. е. более половины [2].

Быстро росла также и внешняя торговля, как видно из следующей таблицы [3].

Годы	Вывоз в среднем за год в тыс. зол. руб.	Привоз	Баланс
1861—1865	225 852	209 703	+ 16 149
1866—1870	317 344	317 753	— 409
1871—1875	470 563	565 757	— 95 194
1876—1880	527 294	517 757	+ 9 537
1881—1885	549 878	494 261	+ 55 617
1886—1890	630 912	392 350	+ 238 562
1891—1895	621 420	463 465	+ 157 955

В 1861—65 гг. оборот внешней торговли составлял в среднем 432,6 млн. руб., а в 1891—95 гг. — 1.084,9 млн., т. е. за 30 лет увеличился в $2^1/_2$ раза. При этом, при непрерывном почти росте вывоза, ввоз со второй половины 70-х годов столь же непрерывно падает, несколько повышаясь лишь в начале 90-х годов; в результате создается активный торговый баланс. Этот результат достигается таможенной политикой царизма, непрерывно повышавшего ввозные пошлины, начиная с 1876 года.

Тоннаж судов, приходящих в российские порты, с 1860 по 1890 г. увеличился с 2 млн. тонн до 7 млн., т. е. в $3^1/_2$ раза [4]. При этом все большее значение, особенно по вывозу, приобретали черноморско-азовские порты.

Годы	Ценность привоза (в %%)		Ценность отпуска (в %%)	
	Балт. порты	Черно-Азов. порты	Балт. порты	Черно-Азов. порты
1846—1850	83,7	13,5	60,6	33,1
1866—1870	77,3	20,7	48,2	46,8
1886—1890	63,3	25,4	37,6	59,5

[1] Кратк. обзор ж. д. и внутренних водных путей..., стр. 156.

[2] Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, т. 1, стр. XXIV.

[3] П. И. Лященко. Очерки аграрной эволюции России, изд. 3-е, Л. 1924, стр. 203.

[4] Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, т. 1, стр. XXXV.

Как видно из этой таблицы [1], до реформы подавляющее большинство грузов вывозилось и особенно ввозилось Балтийским морем; к 1890 же году больше четверти грузов ввозилось и больше половины вывозилось через Черное и Азовское моря. В связи с развитием черноморской торговли быстро растет торговое значение Одессы, превращающейся в крупнейший из русских портов. Уже в 1877 г. по размерам вывоза Одесса обгоняет Петербург, а в 1888 г. вывоз из Одессы вдвое превышает вывоз из Петербурга. Главным предметом одесского вывоза был хлеб: в конце 80-х годов через Одессу шло от $^1/_5$ до $^1/_4$ всего вывозимого из России хлеба [2]. Вслед за Одессой растут и другие черноморские порты, обслуживающие также преимущественно хлебный вывоз, — особенно Николаев и Новороссийск.

Рост значения южных портов связан был с ростом хлебного вывоза, преимущественно вывоза пшеницы и ячменя, производившихся главным образом в южных губерниях — на Украине и в Предкавказье. Вообще среди предметов вывоза господствующее положение занимали продукты сельского хозяйства, что свидетельствует о преимущественно аграрном характере страны, несмотря на развитие капиталистической промышленности: в начале 90-х годов продукты сельского хозяйства составляли 75—80% стоимости всего вывоза. Среди же продуктов сельского хозяйства на первом месте стояли зерновые хлеба, доля которых неуклонно повышалась: в 1861—65 гг. они составляли 31% всей ценности вывоза, т е около трети, а в 1891—95 гг. свыше 47%, т. е. около половины [3]. Неуклонно повышалось и отношение хлебного вывоза к сбору хлебов: в 1861—65 гг. вывозилось всего 4,6% валового сбора (9,9 млн. четв. из 216 млн.), а в 1888—93 гг. — 14,1% (38,2 млн. четв. из 269,6 млн.), т. е. доля вывоза увеличилась втрое [4]. По вывозу хлеба Россия заняла первое место в мире: в 1887—1891 гг. Россия поставляла 42% всего хлеба, поступавшего на мировой рынок, тогда как на долю Соединенных Штатов приходилось в эти годы около 28% [5]. С другой стороны, среди предметов вывоза последнее место занимали готовые изделия: в 1896—98 гг. они составляли всего 4% стоимости вывоза [6].

Среди предметов ввоза, готовые изделия, наоборот, занимали первое место: в 1896—98 гг. они составляли 29,4% всей его ценности [7]. Особенно большое значение для развития капитализма

---

[1] Сб. свед. по истории и статистике внешней торговли России, т. 1, стр. XXXVI.

[2] Торговля и промышленность. «Одесса 1794—1894». Одесса, 1894—1895, стр. 198, 201.

[3] П. И. Лященко. История народного хоз-ва СССР, т. 1, М., 1948, стр. 143.

[4] Сб. сведений по истории и статистике внешней торговли России, т. 1, стр. 6.

[5] Там же, стр. 8.

[6] Там же, стр. XXXVI.

[7] Там же.

имел ввоз машин и разных инструментов. Привоз машин и инструментов по европейской границе составлял в среднем (в млн. рублей) [1].

1861—1865	7,5	1881—1885	22,7
1886—1870	18,1	1886—1890	18,9
1871—1875	29,5		
1876—1880	51,1	1891—1895	34,6

Как видно из таблицы, привоз машин быстро возрастал до конца 70-х годов, достигнув, особенно крупной цифры в годы подъема конца 70-х годов, затем резко упал в 80-е годы и снова стал быстро повышаться только в 90-е годы. Резкое падение ввоза машин в 80-х годах было связано с трехкратным повышением пошлин за эти годы (в 1881, 1885 и 1887 гг.), совпавшим к тому же с острым кризисом и депрессией. Подъем же 90-х годов вызвал такую потребность в машинах, что и высокие пошлины не помешали быстрому росту их ввоза. Некоторое уменьшение потребности в импорте машин было вызвано также ростом русского машиностроения в особенности производства паровозов и вагонов.

§ 24. Рост городов

Социальный состав населения по переписи 1897 г.

С ростом промышленности и торговли меняется характер городов, которые превращаются из административных центров в центры торговли и промышленности. Особенно показателен в этом отношении рост больших городов. Число городов Европейской России, имеющих не менее 50 тыс. жителей, увеличилось с 1863 г. по 1897 г. с 13 до 44, т. е. больше чем втрое, а число жителей в них — с 1.693½ тыс. до 6.397½ тыс., т. е. почти вчетверо. В 1863 г. в таких городах было сосредоточено лишь около 27% всего городского населения (1,7 млн. из 6,1 млн.) в 1897 г. — около 53% (6,4 млн. из 12 млн.) [2].

Некоторые города росли прямо американскими темпами: за 11 лет с 1885 по 1897 г. население Ростова на Дону выросло на 89% (с 79 тыс. до 149 тыс.), Либавы — на 117% (с 30 тыс. до 65 тыс.), Баку — на 143% (с 46 тыс. до 112 тыс.), Екатеринослава — на 157% (с 47 тыс. до 121 тыс.), Лодзи на 196% (с 113 тыс. до 315 тыс.) [3].

Наряду с городами растут торгово-промышленные центры и в сельских местностях: число селений с количеством не менее 1000 фабрично-заводских рабочих увеличилось с 1879—1890 г.

---

[1] Сборник свед. по истории и статистике внешней торговли России, т. 1, стр. 267—268.

[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 490.

[3] В. Михайловский. Факты и цифры из русской действительности, «Новое слово», 1897 г. № 9, июнь, стр. 11.

на 39% (с 38 до 53), а число рабочих во всех сельских промышленных центрах — на 54,7% (с 98½ до 152½ тыс.) [1].

Особенно сильно выросло в пореформенную эпоху население обеих столиц — Петербурга и Москвы. Население каждой из них к концу XIX века превысило миллион человек (по переписи 1897 г. в Петербурге насчитывалось 1 267 тыс. и в Москве 1 036 тыс. жителей). По своим размерам Петербург и Москва резко выделялись среди всех городов России. Занимавшая, если не считать Варшавы, третье место по численности населения Одесса имела в 1897 г. только 405 тыс. жителей, т. е. в 2½ раза меньше Москвы и в три раза меньше Петербурга. Обе столицы имели всероссийское экономическое значение, будучи крупнейшими в России центрами промышленности и торговли, обслуживавшими хозяйство всей страны. По размерам своей промышленной продукции, расходившейся по всей России, и по сумме торговых оборотов, которыми обе столицы были связаны с отдаленнейшими уголками страны, Петербург и Москва также выделялись среди русских городов как и по численности населения.

По своему хозяйственному значению в России конца XIX века Москва и Петербург несколько отличались друг от друга.

Москва была центром внутреннего рынка с основным узлом всей железнодорожной сети страны. Петербург был главным портом России. Москва была основным центром текстильной промышленности. Ее хлопчатобумажные, шерстяные, шелковые фабрики играли ведущую роль. Машиностроение и химическая промышленность в пореформенную эпоху росли в Москве довольно быстро, но все же значительно уступали по размерам продукции и числу рабочих текстильному производству. Петербург развился как главный центр русского машиностроения. Текстильное производство не играло в его промышленности той роли, как в Москве, хотя и не было незначительным ни по размерам, ни по качеству продукции. Петербург сделался после реформы банковским центром для всей России. Московские банки обслуживали лишь центральный промышленный район и кроме того отличались от петербургских по характеру своих операций. В составе петербургской буржуазии было гораздо больше выходцев из-за границы, а то и просто иностранцев и вообще влияние иностранного капитала сказывалось в Петербурге значительно больше, чем в Москве.

Из остальных городов России наиболее выделялись своими размерами крупные торговые города. Развитие товарности земледелия, рост внутренних и внешних торговых связей были естественной причиной роста торговых центров. Те из этих центров, которые обладали выгодным географическим положением и имели хорошие транспортные связи с тяготевшими к ним местностями выросли очень сильно. В качестве примеров можно

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 457.

назвать ряд центров внутренней торговли: многие волжские города (Саратов, Самара, Казань, Нижний-Новгород и др.), а также Оренбург, Ташкент, Тбилиси, Воронеж, Киев, Винница, Вильно, Минск и др. В эту же группу надо отнести крупные портовые города — Одессу, Ростов на Дону, Ригу и др.

В некоторых из торговых городов промышленность получила настолько значительное развитие, что их правильнее назвать торгово-промышленными центрами. Наиболее крупным из городов такого рода была Рига (256 тыс. жителей). Железная дорога Рига — Царицын, связавшая город с глубинными районами России в соединении с приморским положением Риги, способствовала не только ее росту как торгового форта, но и формированию ее как одного из крупных промышленных центров России; рижские фабрики и заводы обслуживали рынок всей России.

Значительное развитие промышленность получила также в Екатеринославе, Харькове, Ярославле, Твери и некоторых других торговых городах. В меньшей степени это можно сказать о таких крупных торговых городах как Одесса и Ростов на Дону, которые несмотря на заметное промышленное развитие, послужившее базой для развившегося в них рабочего движения, все же были в то время по преимуществу торговыми центрами.

Города чисто промышленного типа, большая часть населения которых работала на фабриках и заводах по своим размерам значительно уступали крупным торгово-промышленным и торговым центрам, но были наиболее характерными для капиталистического развития пореформенной России. К этому типу относились текстильные города центрально-промышленного района, наиболее крупным из которых был Иваново-Вознесенск (54 тыс. жителей). К этому же типу надо отнести и фабрично-заводские села, которые не имели прав города, но по своей хозяйственной структуре были поселениями городского типа, как например, Орехово-Зуево, Карабаново, Тейково, Озеры, Сормово, а также заводские поселки юга и Урала, как например, Юзовка, Каменское, Нижний Тагил.

Наиболее крупным по численности населения из промышленных городов России конца XIX века был Баку (112 тыс. жителей по переписи 1897 г.). Размеры и социально-экономическое лицо весьма значительного количества уездных городов дореформенной России, в особенности тех, которые остались в стороне от железной дороги, как например, Руза и Верея в Московской губ., Перемышль и Мосальск Калужской, Пошехонье и Любим Ярославской после крестьянской реформы мало изменились. Они остались центрами мелких рынков чисто местного значения и центрами уездной администрации. Население их или совсем не увеличилось или выросло очень мало. Аналогичным образом, некоторые губернские города, несмотря даже на наличие железнодорожной связи также не приобрели крупного экономического значения, оставшись лишь центрами администрации и мелких

местных рынков и не получив ни промышленного, ни торгового развития. Типичными губернскими городами такого рода были Новгород, Псков и Владимир.

Значительно изменился после реформы и социальный состав населения.

Интересные данные для характеристики социальной структуры населения содержат материалы переписи 1897 года. На основании этих данных Лениным составлены две таблицы, характеризующие профессиональный и социальный состав населения в конце XIX в. [1]:

Профессиональный состав		Социальный состав	
Сельскохозяйственное население	97,0 млн.	Крупная буржуазия, помещики, высшие чины и прочие	3,0 млн.
Торгово-промышл.	21,7 „	Зажиточные мелкие хозяева	23,1 „
Непроизводительное	6,9 „	Беднейшие мелкие хозяева	35,8 „
		Пролетарии и полупролетарии	63,7 „
Всего	125,6 млн.	Всего	125,6 млн.

«Из этой картины,— пишет Ленин,— ясно видно, с одной стороны, что товарное обращение и, следовательно, товарное производство вполне прочной ногой стоит в России. Россия — страна капиталистическая. С другой стороны, отсюда видно, что Россия еще очень отстала, по сравнению с другими капиталистическими странами, в своем экономическом развитии» [2]. Действительно, подавляющее большинство населения было занято сельским хозяйством (77%, а не считая непроизводительного населения — 81%, что свидетельствует об аграрном преимущественно характере страны; около половины населения составляли хозяева (47%); пролетариат (не менее 22 млн. по подсчетам Ленина) составлял всего 18%; целую треть населения (33%) составлял полупролетариат, еще не «освободившийся» от средств производства.

§ 25. Отсталость России от передовых капиталистических стран

Отсталость экономического развития России сказывавалась и в других отношениях. Так, протяжение железных дорог Европейской России (без Финляндии, но с Кавказом) составляло в конце XIX в. (1896—98) всего 7,9 верст на 1 тыс. кв. верст, тогда как во Франции в эти годы оно составляло 83,7 верст, в Англии 117,4, в Бельгии 166,1. На 1 млн. жителей железных дорог прихо-

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 439—442.
[2] Там же, стр. 439.

дилось в Европейской России 333,3 версты, в Бельгии 653,1, в Англии 804,7, во Франции 1009,8 [1].

В отношении техники промышленных предприятий Россия несмотря на техническое переоборудование промышленности в 60—80 гг. все же сильно отставала от передовых стран Западной Европы и Америки; только отдельные заводы стояли на уровне современной передовой техники. Производительность труда русского рабочего была поэтому невысока. В хлопчатобумажной промышленности, например, в начале 90-х г. производительность труда русского рабочего была в 2—5 раз меньше английского; на 1000 прядильных веретен в России приходилось 16,6 рабочих, а в Англии — только три; на одного ткача (при выделке самых простых тканей) в России приходилось два станка, а в Англии — от 4 до 6 станков [2]. Для непосредственного обслуживания домны с выплавкой до 1000 пудов в сутки в начале 70-х годов на Урале требовалось 22—23 рабочих и 4 лошади, в Австрии же — не более 5 рабочих [3]. В каменноугольных копях все подземные работы производились вручную; поэтому в России в 1894 г. выработка угля на одного рабочего составляла 10,5 тыс. пудов, тогда как во Франции — 12,4 тыс., в Пруссии — около 15 тыс., в Англии 16,3 тыс., а в Соединенных Штатах — 35 тыс. [4]. Техническая отсталость русской промышленности обусловливалась прежде всего сохранением диктатуры крепостников, поддерживавших полукрепостнические порядки на фабрике, мешавшие повышению культурного уровня рабочих и препятствовавших им объединиться для борьбы за улучшение условий труда.

О сравнительной слабости развития русской промышленности свидетельствуют незначительные размеры душевого производства и потребления минерального топлива и черного металла — даже в 90-х годах, несмотря на бурный промышленный подъем. В 1895 г. на душу населения в России добывалось каменного угля всего 49 пуд., тогда как во Франции — 60 пуд., в Германии 120, в Соединенных Штатах — 150, в Бельгии — 200, в Англии — 250 [5]. Потребление продуктов металлургии (в переводе на чугун) в 1895 г. составляло в России на душу населения всего 1,15 пуда, тогда как во Франции оно составляло 3,3 пуда, а Германии — 5,4, в Бельгии — 6,6, в Англии — 6,8, в Соединенных Штатах — 8,8 [6].

Сохранение многочисленных остатков крепостничества в деревне, тормозивших развитие капитализма в сельском хозяйстве,

---

[1] Статист. обзор жел. дорог и внутренних водных, путей России, стр. 95—96.

[2] Г. Шульце-Геверниц. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России, СПб., 1901, стр. 97—98.

[3] С. Г. Струмилин. Черная металлургия в России и в СССР, стр. 243.

[4] Б. Ф. Брандт, Указ. соч., ч. II, стр. 119.

[5] Там же, стр. 112.

[6] Русская металлургическая промышленность, «Вестник финансов», 1897 г., № 21, стр. 535.

и тяжелый податной гнет, лежавший на крестьянине, замедляли развитие внутреннего рынка. Но медленность развития рынка «вглубь», на территории метрополии, до известной степени уравновешивалось возможностью развития его «вширь», возможностью «распространения сферы господства капитализма на новые территории», на Новороссию, Заволжье, Сибирь, а также на национальные окраины — Кавказ, Среднюю Азию.

После реформы, как мы видели, в Новороссию, в заволжские степи, в Предкавказье, в Сибирь устремляются массы крестьян из внутренних губерний. За 46 лет с 9-й ревизии губерний (1851 г.) по переписи 1897 г. население новороссийских губерний увеличилось на 120—207%, губерний Нижнего Поволжья и Южного Приуралья на 109—160%, губерний и областей Сибири на 64—330%, Кавказа на 95%, Дальнего Востока (с 1857 г.) — в 23 раза [1]. По приблизительным подсчетам В. Михайловского, за 11 лет с 1886 по 1896 г. на Кавказе переселилось 532 тыс. человек (из них свыше 500 тыс. в Предкавказье и Черноморье), в Сибирь и на Дальний Восток — 912 тыс., в Среднюю Азию (главным образом Казахстан) — 12 тыс., а всего в Азиатскую Россию около $1^1/_2$ миллиона, не считая остальных переселенцев, которых он насчитывает за это время приблизительно 200 тысяч [2]. Что касается Новороссии, то по свидетельству гр. И. В. Стенбок-Фермора в одной Херсонской губ. за 15 лет с начала 80-х годов до середины 90-х возникло 160 новых поселков с 70 тыс. душ обоего пола [3].

Оседая на новых местах, переселенцы распахивают земли и производят хлеб на продажу, покупая взамен продукты русских фабрик и заводов.

Новороссия и Заволжье быстро превращаются в один из важнейших районов товарного производства зерновых хлебов; вместе с тем здесь быстро развиваются капиталистические отношения в сельском хозяйстве, а, следовательно, расширяется рынок для промышленности Центральной России. Приток переселенцев в Сибирь также способствует развитию здесь капиталистического сельского хозяйства. В 4 округах Енисейской губ., по данным обследования конца 80-х годов, 36,4% дворов с 5-ю и более лошадей (51,2% населения) сосредоточивали в своих руках 73% запашки и 74,5% всего скота и широко пользовались наемным трудом, тогда как на долю 39,4% дворов безлошадных, однолошадных и двухлошадных (24% населения) приходилось только 6,2% всей запашки и 7,1% всего скота, причем от 20 до 59% этих бедняцких дворов отпускали рабочих [4]. Усиленная колонизация Северного Кавказа также сопровождалась широкой запаш-

[1] П. П. Семенов. Первая всеобщая перепись. «Вестник финансов» 1897 г., № 21, стр. 555, 557.
[2] В. Михайловский. Указ. соч., стр. 100—101.
[3] Труды Вольного Экономического общества, 1897, № 5, стр. 99.
[4] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 96—97.

кой земли для производства на продажу пшеницы, табака и пр., что привлекало массы сельских наемных рабочих из России.

В. И. Ленин указывал, что степные окраины были в пореформенную эпоху *колонией* (курсив Ленина) центральной давно заселенной европейской России. Обилие свободных земель привлекало сюда громадный приток переселенцев, которые быстро расширяли посевы. Широкое развитие *торговых* (курсив Ленина) посевов было возможно только благодаря тесной экономической связи этих колоний, с одной строны, с центральной Россией, с другой стороны с европейскими странами, ввозящими зерно. Развитие промышленности в центральной России и развитие торгового земледелия на окраинах стоят в неразрывной связи, создают взаимно рынок одно для другого... Только благодаря тесной связи, с внутренним и внешним рынком могло итти так быстро экономическое развитие этих местностей; и это было именно капиталистическое развитие [1].

Коренное население национальных окраин также втягивается в товарный оборот, превращаясь в потребителей промышленности центральных губерний. С другой стороны шло вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, падающих под конкуренцией, привозных московских фабрикантов [2].

В Баку, а отчасти и в некоторых других местах Кавказа русский, а также и иностранный капитал организовал добычу полезных ископаемых. Стали возникать предприятия по обработке сельскохозяйственного сырья на Кавказе и в Средней Азии.

Через национальные окраины прошли железные дороги, которые с одной стороны втягивали их в систему российского капитализма, с другой стороны требовали рабочих рук различной квалификации для своего обслуживания.

Среднюю Азию вскоре после ее завоевания, русский промышленный капитал старается превратить в источник сырья для русских хлопчатобумажных фабрик. Хлопковые фирмы раздают крестьянам ссуды под условием расширения посевов американского хлопка, с обязательством сдачи урожая данной фирмы в уплату ссуды; нередко прибегает с этой целью и к мерам внеэкономического принуждения — предписаниям начальства, угрозам, иногда прямым насилиям. За 9 лет с 1884 г. по 1892 г. площадь посевов американского хлопка в Средней Азии увеличилась с 450 десятин до 139 тыс. дес., производство американского хлопка к 1892 г. превысило 2 млн. пудов. С другой стороны Средняя Азия являлась обширным рынком сбыта для продуктов русской промышленности.

Развитие капитализма на национальных окраинах вызывало там расслоение крестьянства и образование пролетариата и буржуазии. В составе рабочего класса, формирование которого на-

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 219.
[2] Там же стр. 521.

чалось на национальных окраинах благодаря проведению железных дорог и возникновению промышленных предприятий были как пришлые рабочие из России так и выходцы из местной национальной деревни, которых гнал на внеземледельческие заработки процесс расслоения крестьянства. Экономическое завоевание национальных окраин российским капиталом влекло за собой появление на национальных окраинах представителей русской буржуазии в роли промышленников и торговцев, но наряду с этим у нерусских народов, Российской империи стала формироваться своя национальная буржуазия, у некоторых из них она сложилась еще до реформы, среди этих национальностей были такие (евреи, армяне), буржуазия которых отличалась экономической мощью и значительной численностью, с другой стороны, в Российской империи были такие нации, на территории которых кроме своей национальной буржуазии особенно значительную роль играла буржуазия других национальностей, — например, на Украине крупную роль играла русская и еврейская буржуазия, в Грузии — армянская. На этой почве у буржуазных националистов некоторых народов например, на Украине впоследствии возникли «теории» об отсутствии у них своей национальной буржуазии. «Теории» эти резко противоречат действительности и являются политически реакционными.

Однако, распространение капитализма «вширь», ослабляя остроту противоречия между «самыми передовыми формами промышленности и полу-средневековыми формами земледелия» способствовало сохранению остатков крепостничества и, следовательно, в свою очередь задерживало развитие капитализма в метрополии. «Если бы русскому капитализму, — писал Ленин, — некуда было расширяться за пределы территории, занятой уже в начале пореформенного периода, то это противоречие между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни (прикрепление крестьян к земле и пр.) должно было бы быстро привести к полной отмене этих учреждений, к полному расчищению пути для земледельческого капитализма в России. Но возможность искать и находить рынок в колонизуемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его разрешение[1].

Неблагоприятно отражалось на развитии капиталистической промышленности и неудовлетворительное состояние государственного хозяйства, упорядочить которое мешала крепостническая политика царизма, поддерживавшего всеми средствами дворянское землевладение и выколачивавшего все, что возможно из крестьянской массы. С 1855 по 1886 г. лишь в течение немногих лет, накануне русско-турецкой войны, правительству удавалось свести государственный бюджет без дефицита; только в мини-

[1] В. И. Ленин., Соч., изд. 4-е, т. 3, стр. 522.

стерство И. А. Вышнеградского (1887—1892), ценой крайнего напряжения платежных сил населения, бюджет систематически сводился без дефицита, но и без всяких остатков. При таком состоянии финансов и при агрессивной внешней политике, вызывавшей крупные «чрезвычайные» расходы все больше возрастал государственный долг. К 1892 г. он достиг громадной для того времени суммы 7 млрд. руб., уплата процентов и погашения по государственным займам поглощала свыше 28% «обыкновенных» государственных (276 млн. руб. из 976 млн.) [1]. Выпускаемые в громадном количестве для покрытия дефицитов бумажные деньги не разменивались на звонкую монету, что приводило к постоянным колебаниям их курса: в 1881 г. например, кредитный рубль равнялся 65,7 коп. золотом, в 1888 г. упал до 59,5 коп., в 1890 г. поднялся до 72,6 коп., в 1892 снова упал до 62,1 коп. [2]. Расстроенные финансы с громадной задолженностью дезорганизовывали денежный рынок и товарное обращение, задерживали рост внутреннего рынка, понижая и без того слабую покупательскую способность большинства населения. Отсталость торгово-промышленного законодательства, поддержание «патриархальных» фабричных порядков, задерживавших технический прогресс, слабое развитие технического образования, неграмотность подавляющей массы населения и общая культурная отсталость страны в условиях политического и национального гнета, — все это в свою очередь задерживало развитие капитализма.

«Если сравнивать, — писал Ленин, — докапиталистическую эпоху в России с капиталистической, (а именно такое сравнение и необходимо для правильного решения вопроса), то развитие общественного хозяйства при капитализме придется признать чрезвычайно быстрым. Если же сравнивать данную быстроту развития с той, которая была бы возможна при современном уровне техники и культуры вообще, то данное развитие капитализма в России... придется признать медленным. И оно не может не быть медленным, ибо ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей, которые «страдают и от капитализма и от недостаточного развития капитализма» [3].

---

[1] П. П. Мигулин, Русский государственный кредит, т. II, Харьков 1900, стр. 552—553.

[2] Там же, т. I, стр. 490 и т. II, стр. 504.

[3] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 527.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА в 60-х и 70-х годах

§ 1. Нарастание реакции

Внутренняя политика царизма в 60-х и 70-х годах имела двойственный характер: с одной стороны, в эти годы был проведен ряд буржуазных реформ, вызванных ростом капитализма; с другой стороны, проведенные реформы немедленно подвергались систематическим урезкам, по мере того, как царизм оправлялся от потрясения, испытанного им в период революционной ситуации 1859—1861 годов. Между тем, примерно с середины 70-х годов наметилась полоса новых потрясений для царизма. К 1879—1880 гг. в стране опять сложилась революционная ситуация. Понуждаемое ею царское правительство искало новые приемы управления. Наметившийся кризис политики господствующего класса ярче всего проявился в последние годы царствования Александра II в деятельности М. Т. Лорис-Меликова.

Сразу же после опубликования «Положения 19 февраля» был сделан поворот к реакции, знаменовавшийся увольнением в отставку министра внутренних дел Ланского и товарища министра внутренних дел, Н. А. Милютина, и назначением на пост министра консервативно настроенного Валуева. Это назначение являлось определенной уступкой реакционным кругам дворянства.

Однако, продолжавшаяся еще волна революционного натиска значительно ослабила возможность усиления реакции и даже царский бюрократ Валуев принужден был в 1863 году выступить с либеральным проектом, предусматривающим единение правительства с «обществом». Проект предоставлял «обществу», то есть, избранным представителям имущих классов «некоторую долю участия в делах законодательства общего государственного хозяйства».

К середине 60-х годов правительству удалось путем репрессий подавить национально-освободительное движение в Польше, а также расправиться с революционным движением внутри страны, что создавало возможность для нового усиления реак-

ционного курса. Поводом к этому явилось покушение Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 года.

Действительно, после этого события вплоть до конца 70-х годов, до возникновения новой революционной ситуации, политика правительства характеризовалась неуклонным нарастанием реакционного курса. Робкое стремление либералов противодействовать этой политике, рассчитанной на усиление репрессий, нашло свое отражение в записке К. Д. Кавелина и Д. А. Милютина, поданной последним Александру II вскоре после покушения Каракозова и озаглавленной «О нигилизме и мерах против него необходимых». В этой записке, являвшейся яркой иллюстрацией чаяний русских либералов, авторы доказывали, что наиболее действенным средством борьбы с революционным движением, являются не репрессии, а дальнейшее осуществление буржуазных преобразований. «Напротив, — писали они, — факты доказывают, что нигилизм внедрился в России и заразил молодое поколение в эпоху самого тяжелого террора и гнета...» [1]. Известно, что эта записка не оказала никакого влияния на Александра II, который полагал, что в деле борьбы с революционным движением он понимает не менее либералов.

Фактическим руководителем внутренней политики России становится реакционер граф Петр Шувалов, назначенный в 1866 году шефом жандармов и имевший огромное влияние на царя.

«Над Россией распростертой
Стал внезапною грозой
Петр по прозвищу IV
Аракчеев же второй».

Так характеризовала Шувалова эпиграмма современника.

Таким образом с 1866 года внутренняя политика правительства знаменует собой новый резкий поворот к реакции.

Уже 15 мая 1866 г. Александр II дал рескрипт на имя председателя Комитета министров князя П. П. Гагарина [2], в котором предписывал последнему сообщить к руководству всем министрам и главноуправляющим «главные начала», к «утверждению и охранению» которых «должны стремиться все лица, облеченные правами и несущие обязанности государственной службы». Заявляя о лежащей на нем обязанности «охранять русский народ от тех зародышей вредных лжеучений, которые со временем могли бы поколебать общественное благоустройство, если бы развитию их не было поставлено преград», царь указывал на гибельные для России последствия, которых «надлежит ожидать от стремлений и умствований, дерзновенно посягающих на все

[1] Отдел рукописей Госуд. ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина, фонд. Д. А. Милютина, М., 1926, л. 4.

[2] Автор предложения о «дарственном» наделе, вошедшего в Положение 19 февраля 1861 г. (см. главу II).

для нее искони священное, на религиозные верования, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уважение к установленным властям». Прежде всего он считает нужным обратить внимание на «воспитание юношества». «Мною даны, — пишет он, — указания на тот конец, чтобы оно было направляемо в духе истин религии, уважения к правам собственности и соблюдения коренных начал общественного порядка, и чтобы в учебных заведениях всех ведомств не было допускаемо ни явное, ни тайное проповедание тех разрушительных понятий, которые одинаково враждебны всем условиям нравственного и материального благосостояния народа». «Не менее важна, — продолжает он, — для истинных польз Государства в его совокупности, и в частности для каждого из моих подданных, полная неприкосновенность права собственности во всех его видах, определенных общими законами и Положениями 19 февраля 1861 г.». Наконец, «надлежит прекратить повторяющиеся попытки к возбуждению вражды между разными сословиями и в особенности к возбуждению вражды против дворянства и вообще против землевладельцев, в которых враги общественного порядка естественно усматривают своих прямых противников» [1]. В рескрипте Гагарину была изложена целая программа нового решительного поворота правительственной политики в сторону реакции.

Одним из конкретных проявлений усиливавшейся реакции было утвержденное Александром II 22 июля 1866 г. положение Комитета министров об усилении власти губернаторов. Губернаторам предоставлялось право «производить во всякое время общую и внезапную ревизию» во всех находящихся в губернии административных учреждениях гражданского ведомства. Все распоряжения всех губернских административных учреждений об определении на службу и перемещении чиновников должны немедленно сообщаться губернатору с представлением всех документов, характеризующих их личность, а губернатор, «буде признает сих последних неблагонадежными, может изъявить свое несогласие, в каковом случае определение или перемещение не может состояться». Все представления административных учреждений о награждениях чиновников также должны были проходить через губернатора. «Все служащие в губернии лица, даже не подчиненные в служебном отношении губернатору», несмотря «на особый характер служебной деятельности, иногда совершенно независимый от административной власти, в случае их вызова или приглашения губернатором, обязаны непременно подчиняться его законным требованиям и оказывать ему должное уважение». Далее, губернатору разрешалось, «в видах охранения общественного благоустройства и государственной безопасности», «закрывать своею властью собрания разных част-

[1] II ПСЗ, т. XLI, № 43298. 1866 г.

ных обществ, клубов и артелей, в случае обнаружения в них чего-либо противного государственному порядку и общественным безопасности и нравственности». Наконец, губернаторы должны «разъяснить» исправникам, что они, «как ближайшие и непосредственные на местах органы представителя высшей правительственной в губернии власти, т. е. губернатора, обязаны под ответственностью в противном случае за бездействие власти а) иметь неослабный надзор в уезде за охранением общественной безопасности, б) немедленно доносить губернатору о всяком беспорядке, лично усмотренном или в кругу их служебной деятельности или сделавшимся им известным лишь по дошедшим до них сведениям, и в) в случаях крайних, не терпящих отлагательства принимать на месте все надлежащие меры, доводя о них немедленно до сведения губернатора»[1]. Новое положение усиливало контроль губернатора за всеми ведомствами губернии и, особенно, за личным составом чиновников.

Указом 13 октября 1869 г. право надзора губернаторов за назначением и перемещением чиновников было распространено и на контрольные палаты, не подчиненные губернаторской власти. Согласно же утвержденному царем 19 августа 1879 г. положению Комитета министров, те же права были предоставлены губернаторам и при замещении постоянных должностей по земским и городским учреждениям. Служащие этих учреждений не числились на государственной службе, но «независимо от сего», земские и городские служащие, признанные губернатором «неблагонадежными», должны быть по его требованию «немедленно удаляемы от должностей». Вся эта политика свидетельствовала о централизации государственной власти в губернии и государственно-бюрократическом контроле, — мероприятиях, которые шли в разрез с демагогически провозглашенной программой административных реформ.

§ 2. «Крестьянское дело»

Активное сопротивление крестьян замедляло введение уставных грамот. К марту 1863 г., когда истек установленный законом срок введения уставных грамот (они были введены полностью только в 12 губерниях, всего к этому времени было введено в действие 97.539 грамот на 8.861.748 душ крестьян, что составляло 88,67% общего числа крепостных душ (за исключением мелкопоместных имений, в которых составление уставных грамот было необязательным); причем лишь меньше половины грамот было подписано крестьянами, от подписи остальные крестьяне отказались. Только к концу 1864 г. введение уставных грамот было закончено[2].

---

[1] II ПСЗ, т. XLI. № 43501.

[2] «Великая реформа», т. V, стр. 246: Министерство внутренних дел Историч. очерк, СПб, 1902, стр. 120.

Наиболее крепостнически настроенные круги помещиков, надеявшиеся на сохранение оброка и барщины на основании положений 19 февраля, скоро разочаровались. Барщина оказалась невыгодной при ограничении помещичьей власти; получение оброка было связано с рядом затруднений: накоплялись недоимки, которые взыскивать было и хлопотно и долго. Главное же, обязательные отношения, как предвидел в свое время Ростовцев, являлись постоянным источником крестьянских волнений, нежелательных и опасных и для помещичьего землевладения и для царской власти. Поэтому даже заядлые крепостники часто предпочитали развязываться с обязательными отношениями, переводя крестьян на выкуп. Но, по Положению о выкупе предоставление правительственной ссуды обусловливалось предварительным переводом крестьян на оброк. Между тем крестьяне нередко отказывались от перевода на оброк, учитывая большую возможность уклонения от «исправного» отбывания повинностей при сохранении барщины, или не желая вообще никаких перемен в ожидании желанного «слушного часа» и получения «настоящей» воли и нужной им земли. Поэтому уже в 1861 г. начинают поступать ходатайства помещиков о распространении «содействия правительства» при выкупе и на барщинные имения. Помещичье правительство пошло навстречу. Ответом на эти ходатайства был закон 27 июня 1862 г., согласно которому ссуда выдавалась и при выкупе барщинных имений. Но, переводя своих крестьян на выкуп без их согласия, помещик лишался права требовать с них доплаты к тем 75 или 80% стоимости надела, которые он получал от казны в виде ссуды. В полном размере ссуда выдавалась лишь в том случае, если уплачиваемый крестьянами оброк был ниже установленного Местными положениями, но и то только в случае добровольности выкупной сделки. Помещики ходатайствовали о распространении этой статьи (67 ст.) Положения о выкупе и на те случаи, когда выкуп производился без согласия крестьян, по одностороннему требованию помещика. Законами 10 мая и 10 сентября 1862 г. были удовлетворены и эти домогательства. Таким образом помещик, сделав незначительную скидку с суммы оброка, получал ссуду в полном размере, расплачиваться же на эту ссуду приходилось крестьянам. Вот пример. При оброке в 10 руб. душевой надел оценивался по выкупу в 166 руб. 66 коп., причем ссуда равнялась, если крестьяне получали надел по высшей норме, 133 р. 33 к. (80%). Скинув с оброка полтинник, помещик приобретал право на получение ссуды в размере 158 р. 27 к. (9,5 × 16,66). Если у него было, например, 500 душ, то он получал чистого барыша от этой операции 12 470 руб. (24 р. 94 к. × 500).

Все эти дополнения к Положениям 19 февраля, всецело шедшие на пользу помещиков и имевшие в виду удовлетворить интересы помещиков за счет крестьян, стимулировали перевод

крестьян на выкуп. К концу царствования Александра II (1881 г.) число «крестьян-собственников» из бывших помещичьих крестьян (т. е. переведенных на выкуп) составило 8 560 тыс. душ, т. е. 85% всех временно обязанных. Из них только 2 716½ тыс. приходилось на 9 «западных» губерний, где выкуп был проведен в 1863 г. в обязательном порядке; остальные 5 843½ тыс., т. е. 58% перешли на выкуп с согласия помещиков или по их одностороннему требованию»[1].

Большинство мировых посредников, в руках которых находилось на местах «крестьянское дело», принадлежало к местному дворянству, руководствовалось в своей деятельности, естественно, интересами помещиков, не останавливаясь нередко даже, перед прямым нарушением закона. Но в связи с общественным подъемом начала 60-х годов в их общей массе оказались и лица, заботившиеся об ограждении интересов крестьян, поскольку это было вообще совместно с Положениями 19 февраля. Таковы были, например, бывший декабрист А. Е. Розен в Харьковской губ., Л. Н. Толстой в Тульской, ряд мировых посредников Тверской, Калужской, Нижегородской губ. и др. Относительная же независимость положения посредников (они утверждались на трехлетний срок сенатом, которому только и принадлежало право их устранения) давала им возможность сопротивляться давлению со стороны не только местной, но и центральной администрации.

С таким положением царское правительство не могло примириться. Назначенный в апреле 1861 г. министром внутренних дел П. А. Валуев начал свою деятельность с похода против «независимости» мировых посредников «первого призыва». Уже в июле 1861 г. он внес в «Главный комитет об устройстве сельского состояния» (преобразованный 19 февраля 1861 г. из Главного комитета по крестьянскому делу) предположение об изменении порядка увольнения мировых посредников с целью поставить их в зависимость от администрации, но Главный комитет с ним не согласился. Но в 1862 г. Валуеву удалось добиться, под предлогом сокращения расходов, уменьшения количества мировых участков, причем были упразднены как раз те участки, в которых действовали наиболее «непокорные» посредники. Одновременно Валуев добился отставки ряда «либеральных» губернаторов: так, были удалены нижегородский губернатор, бывший декабрист А. Н. Муравьев, калужский губернатор В. А. Арцимович и др.

Преемник Валуева на посту министра внутренних дел, крайний реакционер А. Е. Тимашев (с 1868 по 1877 гг.) добился предоставления губернским по крестьянским делам присутствиям права временного устранения мировых посредников от должно-

---

[1] Министерство внутренних дел, Исторический очерк, СПб, 1902, стр 123. (Процентные подсчеты автора).

сти (закон 18 февраля 1870 г.), а через несколько лет, по его же инициативе, были ликвидированы почти повсеместно все мировые учреждения. По «положению» 27 июня 1874 г. взамен мировых посредников и уездных мировых съездов создавались «уездные по крестьянским делам присутствия», состоявшие под председательством уездного предводителя дворянства, из председателя уездной земской управы, одного из почетных мировых судей, уездного исправника и особого «непременного члена», избираемого уездным земским собранием и утверждаемого министром внутренних дел. В уездных присутствиях сосредоточивались все административные полномочия упраздненных мировых учреждений (судебные их полномочия передавались мировым судьям и их съездам) с правом издания обязательных инструкций для органов крестьянского общественного управления и наложения дисциплинарных взысканий на должностных лиц этого управления. Непосредственный надзор за устройством поземельных отношений крестьян возлагался на непременного члена, а надзор за поступлением податей и выкупных платежей и за выполнением полицейских обязанностей крестьянских властей на исправника, причем последнему предоставлялось право дисциплинарных взысканий по отношению к крестьянским должностным лицам. Новое положение, таким образом, давало возможность широкого вмешательства царской полиции в крестьянское управление; эта возможность еще более усилилась с учреждением по закону 9 июня 1873 г. новой должности полицейских урядников, подчиненных становым приставам.

В результате крестьянское управление превратилось преимущественно в низший орган уездной полиции. «...Предоставленная исправникам, — говорил в начале 80-х гг. один из современников, — свобода в принятии мер к усиленному взысканию с крестьян повинностей и права подвергать наказанию крестьянских должностных лиц сделали исправников прямыми и почти полновластными начальниками крестьянского населения в уездах и de facto подчинили исключительно им все крестьянское управление... Такое чрезмерное влияние исправников не может не переходить от них и к прочим чинам уездной полиции, так что низший полицейский чин, урядник, также карает по своему волостных старшин и сельских старост и распоряжается начальником над крестьянами» [1]. Самоуправство и произвол чинов полиции в деревне были фактически ничем не ограничены: они нещадно пороли крестьян розгами, вынуждая волостные суды выносить соответствующие приговоры, а нередко обходясь даже и без посредства волостных судов, в широких размерах «рукоприкладствовали», облагали население разными поборами в свою пользу, насильничали, пользовались выборной сельской по-

[1] С. А. Приклонский. Очерки самоуправления земского, городского и сельского, СПб, 1886, стр. 189.

лицией — сотскими и десятскими — как своими крепостными слугами. «...Сечение в деревнях, — писал либеральный публицист С. А. Приклонский, — сделалось самым простым, заурядным делом, так что всякий, через посредство волостных и сельских начальников, может высечь крестьянина так же легко, как легко можно, например, купить лошадь, нанять работника и т. п.» [1].

Волостное правление представляло бюрократическую канцелярию, которая сообщала всевозможные «сведения», требуемые начальством, объявляла крестьянам различные начальственные распоряжения, производила раскладку податей и повинностей, вела учет их выполнения, выдавала паспорта, заверяла различные акты и документы, оказывала содействие полиции в ее разнообразных функциях и пр. Фактическим «хозяином» в волостном правлении являлся старшина, еще чаще волостной писарь, нередко единственный грамотный человек в составе правления и почти всегда единственный человек, умевший сколько-нибудь разбираться в законах. «Фактически, — констатировала в начале 80-х годов комиссия Кинешемского уездного земства Костромской губернии, — волостные правления не суть учреждения коллегиальные, а состоят повсюду из единоличной власти старшины. Единственным руководителем по всем делам в правлении, в большинстве случаев, является волостной писарь, назначаемый... в сущности теми же волостными старшинами, или же присутствиями по крестьянским делам...» [2].

Стараясь угождать начальству, волостной старшина и писарь широко пользовались своим положением для устройства за счет крестьян личных дел. В значительной зависимости от волостного правления, т. е. от старшины или часто от того же писаря, находились и сельские власти. Несколько большей самостоятельностью пользовались сельские сходы в решении вопросов, связанных с общинным землепользованием, но на сельских сходах господствовали обычно кулаки. Кулаки же выбирались обычно и в сельские старосты и в волостные старшины. Но и из кулаков не всякий шел на эти должности: многие предпочитали откупиться от выборов вином; охотно шли только люди, находившиеся в приятельских отношениях с полицией или готовые на любые унижения в целях наживы.

§ 3. Земство

Реакция проявилась и по отношению к органам местного самоуправления. Вновь организованные по положению 1864 г. земские учреждения оказались с самого начала в очень трудном финансовом положении. Средства дореформенных местных учреждений им не были переданы полностью и передавались очень

[1] С. А. Приклонский. Очерки самоуправления земского городского и сельского, СПб., 1886, стр. 356.

[2] Там же, стр. 193.

медленно, а между тем на земства были возложены многочисленные «обязательные» расходы — на устройство и содержание помещений для местных органов управления и должностных лиц, содержание присутствия по крестьянским делам и мировых судебных установлений, устройство и ремонт дорог, содержание подвод для разъездов должностных лиц, наем помещений для воинских команд, расходы по «общественному призрению» и пр. К тому же, в интересах усиливавшейся буржуазии было крайне стеснено право земских собраний облагать торговые и промышленные предприятия. 12 января 1866 г. был разослан циркуляр, объявлявший незаконным обложение лиц, торгующих лесом на пристанях; 17 мая того же года последовал циркуляр о недопущении обложения промышленных изделий и продуктов; наконец, 21 ноября 1866 г. был издан закон, согласно которому гильдейские свидетельства первых двух гильдий, а также патенты винокуренных заводов и заведений для продажи питей могли облагаться не выше 25% взимаемых с них казенных сборов, а прочие торговые и промысловые документы — не выше 10%; на основании того же закона помещения торговых и промышленных предприятий могли облагаться лишь по ценности и доходности самих помещений, независимо от ценности продукции и размеров оборота. 3 июля 1867 года последовало впрочем «разъяснение», разрешавшее при оценке фабрично-заводских помещений учитывать и находящиеся в них машины и инструменты.

Когда Петербургское губернское земское собрание заявило резкий протест против закона 21 ноября и отказалось пересмотреть составленную уже смету, указывая, что закон не должен иметь обратной силы, все земские учреждения Петербургской губ. по распоряжению царя были закрыты, а некоторые земские деятели подверглись репрессиям: председатель Губернской управы Н. В. Крузе был выслан в Оренбург, гласный граф А. П. Шувалов — за границу, другому гласному сенатору М. Н. Любощинскому было предложено подать в отставку.

Враждебное отношение правительства к земству проявилось и в других ограничительных мерах. Сенатское разъяснение 4 мая 1867 г. объявило незаконными сношения земств разных губерний между собою. Законом 13 июня 1867 г. земствам было запрещено без разрешения губернатора печатать свои постановления и отчеты о заседаниях, а другой закон, изданный в тот же день, предоставил председателям земских собраний право закрывать их в случае «нарушения порядка» или нежелательного направления прений. Многочисленные ходатайства земств по разным вопросам обычно не имели успеха: из 2039 ходатайств за время с 1865 по 1879 год более 55% было отклонено, многие же ходатайства были оставлены совсем без ответа.[1] «И, сделав та-

[1] Н. А. Карышев. Земские ходатайства 1865—1884 гг. М., 1900, стр. 2.

кую безвредную для себя уступку, — писал Ленин о введении земских учреждений, — правительство на другой же день после введения земства принялось систематически стеснять и ограничивать его: всемогущая чиновничья клика *не могла* ужиться с выборным всесословным представительством и принялась всячески травить его»[1]. Естественно, что при таком отношении к земству со стороны правительства и губернаторы, пользуясь предоставленными им Положением 1864 г. полномочиями, нередко старались ставить всяческие препятствия деятельности земства.

Вследствие господства в земских учреждениях дворянства, в деятельности земства в 60-е и 70-е годы резкое проявлялись классовые помещичьи интересы. В области медицины это сказалось в распространении «разъездной» системы врачебной помощи и «фельдшеризма», как наиболее дешевой системы медицинской помощи «мужику», а также стремлением переложить максимальную часть расходов на медицину непосредственно на крестьян; в большинстве земств устанавливалась плата за лечение в земских больницах, а нередко и амбулаториях, взималась плата за отпускаемые из земских аптек лекарства, содержание фельдшерских пунктов и квартир для фельдшеров возлагалось на сельские общества, на последние возлагались также расходы на содержание оспопрививателей. В области народного образования земства в это время ограничивались преимущественно лишь «поощрением» инициативы сельских обществ, бравших на себя львиную долю расходов по постройке и содержанию школ. Расходы по постройке школ или найму школьных помещений всецело ложились на сельские общества, так же как и расходы по отоплению, освещению, ремонту, содержанию сторожей и пр. Только немногие земства выдали сельским обществам ссуды на постройку школ и лишь одно Московское губернское земство с конца 70-х годов начало выдавать на этот предмет безвозвратные пособия. Даже расходы на жалованье учителям и на приобретение учебных пособий земства лишь частично брали на себя: в конце 70-х годов в среднем 45% этих расходов приходилось на сельские общества, а в некоторых уездах этот процент достигал 88,8 и даже 91,7%[2].

Значительные средства земства расходовали на содержание управского аппарата, особенно на жалование председателям и членам управ, избиравшимся преимущественно из среды местного дворянства, смотревшего на занятие выборных должностей как на источник добавочных доходов. «Есть целые уезды, — писал в 1875 г. обозреватель «Отечественных записок», — управляемые родами. Из членов рода и примкнувших к роду изгоев состоят все мировые посредники уезда, все мировые судьи, все члены управы и т. д.». «Относительно окладов жалованья во всех почти земствах идет борьба между гласными от крестьян и глас-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 5, изд. 4, стр. 32.
[2] Б. Б. Веселовский. История земства, т. 1, СПб, 1909, стр. 470—471.

ными от землевладельцев. Первые хлопочут обыкновенно о том, как бы уменьшить оклады жалованья, последние напротив стараются их увеличить»[1]. В некоторых губерниях расходы на управский аппарат достигали громадных размеров: в Смоленской губ. в конце 60-х годов на содержание управ расходовалось 86 тыс. руб., что составляло 38% бюджета, в Тульской губ. эти расходы составляли 85 тыс. руб., тогда как на медицину и народное образование вместе расходовалось около 40 тыс.[2]. В общем по всем земским губерниям расходы на содержание управского аппарата колебались около $2^1/_2$ миллионов руб. в год, что составляло в первые годы существования земства 19,2% общеземского бюджета. К 1880 г., в связи с увеличением бюджета больше чем вдвое, этот процент понизился до 9,6%[3].

Усиленное внимание земства уделяли вопросам о борьбе с порубками и потравами, об организации долгосрочного поземельного кредита для землевладельцев, о насаждении крестьянских ссудо-сберегательных товариществ в надежде, что развитие мелкого кредита облегчит помещикам сдачу своих земель в аренду на выгодных условиях, об организации маслобойных и сыроваренных артелей, являвшихся филиалами помещичьих ферм и т. д.

«Сельский кредит, — писала, например, Екатеринославская губернская управа в своем докладе собранию 1872 г., — принесет громадную пользу земледельцам и землевладельцам: первым она даст возможность усилить свою деятельность увеличением найма земли и приобретением, сообразно этому, рабочего скота и земледельческих орудий; землевладельцы же, при развитии сельского кредита, получат возможность отдавать выгодно свои земли в наем...»[4]. Что касается сыроваренных артелей, то даже ярый защитник «народного производства» народник В. П. Воронцов вынужден был признать, что в насаждении их были заинтересованы именно помещики, так как «при недостаточном количестве собственного скота, им все равно пришлось бы пользоваться крестьянским молоком, а обеспечить доброкачественность поставляемого молока им казалось возможно только путем привлечения их поставщиков к участию в деле на правах пайщиков»[5].

Очень озабочены были земства «рабочим вопросом», т. е. вопросом об обеспечении помещичьих хозяйств дешевой и послушной рабочей силой. Многие земства ходатайствовали об обязательном введении рабочих книжек, в которых регистрировались бы все случаи нарушения рабочими договора, об установлении уголовной ответственности рабочих за досрочный уход с работы,

---

[1] Внутреннее обозрение. «Отечественные записки», 1875, № 5, стр. 179—181.

[2] Земские итоги «Вестник Европы», 1870, № 8, стр. 756.

[3] Б. Б. Веселовский. История земства, т. 1, стр. 252.

[4] П. А. Соколовский. Деятельность земств по устройству ссудосберегательных товариществ, СПб, 1890, стр. 235.

[5] В. В. Артельные начинания русского общества, СПб, 1895, стр. 34—35.

который должен караться арестом или тюрьмой, или даже арестанскими ротами; ананьевское земство (Херсонской губ.) ходатайствовало в 1866 г. о приводе «беглых» рабочих через полицию и о введении материальной ответственности крестьянских властей и обществ за «убытки», причиненные нанимателю «побегом», а за троекратный «побег» требовало лишения рабочего на год права наниматься и принудительной отдачи на исправление бесплатно «хорошему хозяину» [1].

Помещичьи интересы проявлялись и в усиленном обложении крестьянских надельных земель сравнительно с помещичьими землями: по официальным данным, в 1877 г. в среднем по всем земским губерниям на десятину крестьянских надельных земель земский сбор составлял 14,8 коп., а на десятину остальных облагаемых земель (в том числе и помещичьих) — 6,5 коп. [2]. В отдельных земствах эта разница бывала значительно больше: так, например, в Белозерском уезде Новгородской губ. по данным 1879 г. крестьянские земли были обложены в $6^1/_2$ раз выше помещичьих, в Устюженском — в 8 раз [3].

Отношение земств к «неплательщикам» разных категорий обычно тоже было очень различным: с крестьян земский сбор взыскивался принудительно через полицию, к крупным же помещикам земства относились весьма терпимо. В Соликамском уезде Пермской губ. за тремя крупными магнатами (кн. Голицын, гр. Шувалов и наследники Всеволожского) к 1876 г. накопилось недоимки по земскому сбору свыше 75 тыс. руб. [4]. Чрезмерность обложения крестьянских земель вела к накоплению безнадежных недоимок, и земствам пришлось поставить вопрос о более точном учете «платежных сил крестьянства»; в связи с этим в 70-х годах зарождается земская статистика, развитие которой относится уже к 80-м годам.

В то же время земства очень неохотно переходили к замене натуральных повинностей (дорожной, подводной и пр.) денежными, так как первые лежали преимущественно на крестьянах. Так, при исполнении дорожной повинности на обязанности частных землевладельцев, казны и удела лежал только отпуск лесных материалов, доставка же его на место и производство всех работ по исправлению полотна, постройке мостов и гатей и пр. ложилось на крестьян. Но и от отпуска материалов помещики часто уклонялись, предлагая умышленно лес из дальних дач, что часто делало невозможным его использование, крестьяне же сгонялись на работы со всего уезда, не считаясь с расстоянием.

---

[1] Г. П. Сазонов. Обзор деятельности земств по сельскому хозяйству, т. II, СПб, 1896, стр. 855—856. Положение 12 июня 1886 г. о найме на сельские работы таким образом было ответом на многочисленные ходатайства земских собраний.

[2] В. Ю. Скалон. Земские вопросы, М., 1882, стр. 11.

[3] Б. Б. Веселовский. История земства, т. 1, стр. 644.

[4] В. Ю. Скалон. По земским вопросам, СПб., 1905. стр. 214.

Только невероятно плохое состояние дорог и мостов, затруднявшее передвижение, заставляло помещичье земство постепенно заменять дорожную повинность денежным сбором.

Было, однако, некоторое количество уездных земств (около 13% их общего числа), в которых крестьянам принадлежало 50% и более гласных (главным образом, в Вятской, Пермской, Олонецкой и Вологодской губ.). Эти «крестьянские» земства отличались меньшим обложением крестьянских земель, меньшими расходами на управский аппарат и более щедрыми производительными расходами. Разница в деятельности «дворянских» и «крестьянских» земств бросалась в глаза современникам уже в первые годы существования земства. «Самыми щедрыми, — писал в 1870 г. «Вестник Европы», — в отношении жалования «земским людям» и в то же время самыми бережливыми в расходах производительных, идущих на потребности крестьянского сословия, оказываются губернии Калужская, Курская, Орловская, Тульская и Смоленская, т. е. губернии земледельческие с преобладающим влиянием помещичьего элемента, где преимущественно раздавались возгласы о безвозмездной службе... Напротив, самыми щедрыми на производительные расходы являются губернии, где в земских собраниях преобладает везде или в значительной части элемент крестьянский. Это губернии: Вятская, Казанская, Самарская, Саратовская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская. В этих губерниях значительная часть натуральных повинностей переложена в денежные и ассигнованы значительные суммы на медицинскую часть и народное образование» [1].

Но все же и «дворянские» земства уделяли немало внимания таким вопросам, как медицина и народное образование: заботы о медицине вынуждались распространением эпидемий, а заботы о народном образовании подсказывались соображениями о том, что крестьянские «бунты» питаются «невежеством» народных масс. «...Чем более образована и развита масса, — говорил в 1866 г. крупный земский деятель барон Н. А. Корф в своем докладе Екатеринославскому губернскому земскому собранию, — тем выгоднее для права собственности и общественного порядка, на которых зиждется государственная жизнь... Мало ли Россия уже пострадала от невежества масс? Во что обошлась России пугачевщина, холерные бунты, выжидание второй воли?.. » [2]. К концу 70-х годов расходы земств на медицину достигли почти 6½ млн. руб. (в среднем около 18% земского бюджета), а расходы на народное образование — 5 млн. руб. (свыше 14% бюджета) [3]. К 1880 г. в земских губерниях насчитывалось около 12 тыс. земских школ, а врачей приходилось в среднем по 3 на

[1] «Вестник Европы», 1870, кн. 8, стр. 756.

[2] Б. Б. Веселовский, История земства, т. III, СПб, 1911, стр. 86.

[3] Там же, т. 1, стр. 252. (Цифры взяты округленно).

уезд [1]. Это, конечно, чрезвычайно скромные цифры, но все же это был шаг вперед по сравнению с тем, что было до введения земства, когда число сельских школ было совершенно ничтожным, а медицинская помощь в деревне совсем отсутствовала.

§ 4. Городское самоуправление

Городская реформа передала органы городского самоуправления в руки крупной буржуазии, обеспечив ведущее положение в Городских думах крупнейшим капиталистам. По городскому положению 1879 г. в Москве, например, при 601.959 человек населения города (перепись 1871 г.), избирательными правами по выборам гласных в думу пользовались только 20.579 чел., т. е. не более 3% всего населения города. Подавляющее большинство московских жителей лишено было этого права. К этому следует добавить, что и среди $20^1/_2$ тысяч избирателей наибольшее представительство в Думе по закону получали крупнейшие собственники. При разбивке избирателей на три разряда, каждый из которых выбирал $^1/_3$ гласных, к первому разряду в начале 70-х гг. было отнесено только 446 человек, ко второму — 2220 чел. и к третьему — 17.913 человек [2].

Количество избирателей в капиталистической Москве и в конце 80-х гг. XIX века продолжало оставаться незначительным. При выборах в Думу на четырехлетие 1885—1892 гг. правом голоса могли пользоваться только 23.679 чел., хотя общее количество населения Москвы к тому времени достигало не менее 800 тыс. человек [3]. Московская буржуазия, опираясь на закон 1870 г., захватила органы городского самоуправления Москвы и подчинила своим интересам всю деятельность Городской думы.

На органы городского самоуправления, так же как и на земство, возложен был целый ряд «обязательных» расходов, большая часть которых, в сущности, должна быть отнесена на общегосударственные средства. Таковы, например, расходы на различного рода «воинские потребности», на содержание тюрем, полиции, жандармерии, мировых судебных учреждений, на «пособия» казне и пр. Московское городское управление, например, израсходовало на эти статьи в 1879 г. свыше $1^1/_2$ млн. руб., что составляло 37% городского бюджета, причем свыше $^1/_2$ млн. руб. шло на содержание полиции и жандармерии [4]. Около $1^1/_2$ млн. руб. составляли обязательные расходы Петербургского городского управления по данным за 1881 г., что составляло 30% город-

---

[1] Б. Б. Веселовский. История земства, т. 1, стр. 361 и 476, примечание.

[2] А. А. Гурко. — Наши выборы вообще и московские городские в особенности. М. 1890 г., стр. 14

[3] Выборы в гласные Моск. Городск. думы на 4-летие 1893—1896 гг. («Известия Моск. Гор. думы», 1897 г., вып. 1, стр. 4).

[4] М. П. Щепкин. Опыты изучения общественного хозяйства и управления городов, ч. 1, М., 1882, стр. 171 (Подсчеты автора).

ского бюджета, причем расходы на содержание полиции и жандармерии достигали почти 1 млн. руб.[1]. По подсчетам М. П. Щепкина, только на содержание полиции Москва расходовала в конце 70-х годов свыше 14% своего бюджета, Петербург — почти 17%, а вместе с расходами на ремонт полицейских домов и содержание генерал-губернаторского управления — Москва — 22%, Петербург — 25%. В более мелких городах тяжесть обязательных расходов была еще больше. В Чернигове в 1883 г. они поглощали 48% бюджета[2], в Коротояке — 56%, в Козлове — 57%[3].

Основными источниками городских доходов были оценочный сбор с недвижимых имуществ и налоги на торговлю и промыслы. В Москве в 1879 г. эти источники дали свыше 3 млн. руб., что составляло 76% доходного бюджета[4], Петербург в начале 80-х годов получил из этих источников свыше 57% всех своих доходов (около $3^1/_2$ млн. руб.), все города Европейской России в среднем — свыше 31 млн.[5].

Так как руководящая роль в городском самоуправлении принадлежала крупной (относительно) буржуазии и домовладельцам, то последние старались переложить бремя городских налогов на менее имущие слои городского населения. Оценочный сбор по городовому положению 1870 г. не должен был превышать 1% стоимости имущества или 10% чистого дохода, но оценка имущества и доходов находилась в руках городского самоуправления, т. е. фактически крупной буржуазии. Поэтому домишки городской бедноты, ютившейся на окраинах, облагались относительно гораздо тяжелее, чем находившиеся в центре богатые особняки и доходные дома крупных домовладельцев, купцов и фабрикантов. Также неравномерно раскладывались и сборы с торговли и промыслов: мелкие лавочки и ремесленные мастерские облагались относительно тяжелее, чем крупные торговые и промышленные предприятия. В Москве в 1879 г. сборы с торговли и промыслов составляли свыше $1^1/_2$ млн. руб. (почти столько же, как и оценочный сбор); из них почти третью часть (около 498 тыс. руб.) уплачивали приказчики, мелочные торговцы, ремесленники, разносчики, огородники, извозчики и пр. Правда, закон ограничивал размеры обложения мелких торговцев и «промышленников» в пользу города 10-ю процентами уплачиваемых ими казенных сборов, тогда как купцы первых двух гильдий могли быть обложены до 25% гильдейских пошлин, а

[1] Десять лет С.-Петербургского городского общественного управления, СПб., 1883, стр. 37—38.

[2] Тридцатилетие деятельности Черниговского городского обществ. управления, Чернигов, 1901, стр. 247.

[3] Энциклопед. словарь Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 330—331.

[4] М. П. Щепкин. Указ. соч., ч. 1, стр. 165. (Подсчеты автора).

[5] Статистика доходов и расходов городов Европейской России с 1870 по 1884 гг. «Статист. временник Российской империи», серия III, вып. 22, СПб., 1887, стр. III—IV, 184—185.

виноторговцы — до 20% патентного сбора. Но некоторые города вводили еще дополнительные налоги, падавшие преимущественно на городскую бедноту. Таков был, например, «тепловой сбор», которым облагались отопляемые помещения, занятые под торговлю или промыслы; в Москве тепловой сбор взимался в размере 5% наемной платы, если торговцы или «промышленники» сами жили в облагаемых помещениях, и в размере 10%, если эти помещения были необитаемы. Еще более тягостен для бедноты был «адресный сбор», который должны были уплачивать иногородние жители, «отправляющие должности по найму в частных домах»; этот сбор в Москве взимался по 1-му разряду в размере 3 р. с мужчин и 1 р. 50 к. с женщин, по 2-му разр. 90 коп. с мужчин и 30 коп. с женщин; кроме того плательщики адресного сбора уплачивали еще 1 р. на больницу для чернорабочих. В 1879 г. адресный сбор дал Московскому городскому управлению 139 тыс. руб., а тепловой сбор — около 265 тыс.[1].

Очень важной доходной статьей большинства городов был доход с городских недвижимых имуществ и оброчных статей; в среднем по всем городам Европейской России он составлял в начале 80-х годов 26,6% городского бюджета[2]. Богатое купечество, ставшее «у власти», старалось использовать городские имущества в целях личной наживы. Городские земли, находившиеся в пользовании мещан, отбирались у них и сдавались в аренду богатым купцам, которые затем передавали их по мелочам по повышенным ценам тем же мещанам или окрестным крестьянам. В Ставрополе — Кавказском богачи, снявшие городскую землю по 2—3 руб. за десятину, передавали ее по 10, 15, 20 руб. В Трубачевске (Орловской губ.) огороды, снятые богачами по 15 р., передавались по 75 руб. В Камышине (Саратовской губ.) громадный городской выгон в 8 тыс. десятин был сдан через подставное лицо директору Городского банка, который брал отдельную плату за каждую корову, овцу и свинью, часть выгона распахал и собрал большой урожай[3]. В Чернигове городской луг свыше тысячи десятин был также сдан одному предпринимателю, который передавал его по частям крестьянам, причем сам не вносил причитающейся с него арендной платы в Городскую кассу[4].

Для увеличения городских доходов устанавливались пошлины на ввозимые в город товары, взимались сборы за право продажи продуктов на городских рынках, за пользование городскими весами и мерами и пр. Нередко эти сборы были очень высоки: в Киеве, например, за право продажи привезенных продуктов на

---

[1] М. П. Щепкин. Указ. соч., ч. 1, стр. 165, ч.II, стр. 98, 102, 103

[2] Статистика доходов и расходов городов Европейской России, СПб., 1887. стр. IV.

[3] С. А. Приклонский, Указ. соч., стр. 255—256, 276.

[4] Тридцатилетие деятельности Черниговского городского общ. управления, стр. 182—183.

городских рынках, за пользование городскими весами и мерами и пр. Нередко эти сборы были очень высоки: в Киеве, например, за право продажи привезенных продуктов на городской базар, взималась по 3 р. 20 к. за «место» [1].

Таким образом вся система городских доходов была построена в интересах наиболее зажиточной части населения. Ее же интересы преимущественно обслуживало и городское хозяйство. Крупнейшей статьей городских расходов, не считая указанных выше расходов на общегосударственные нужды, были расходы по благоустройству: в Москве в 1879 г. расходы по этой статье составляли около 1 350 тыс. руб. (около 31% расходного бюджета)[2], в Петербурге в 1881 г. — около $1^1/_2$ млн. руб. (32% бюджета)[3]. В центре города, где жили богатые купцы и фабриканты, были и мостовые и тротуары, и уличное освещение, и конка, тогда как окраины, населенные беднотой, утопали в грязи и мраке и лишены были удобных способов сообщения с центром. Сравнительное благоустройство центральных районов привлекало в них зажиточных квартирантов, способствуя повышению цен на квартиры в доходных домах, строившихся в центре богатыми предпринимателями.

В маленьких городишках благоустройство вообще почти отсутствовало: не было почти ни мостовых, ни тротуаров, ни уличного освещения, все отбросы скоплялись во дворах и на улицах, реки загрязнялись отбросами домашнего хозяйства и промышленных предприятий, улицы были покрыты непроходимой грязью или толстым слоем пыли, в зависимости от погоды. Из 541 города, в которых было введено городовое положение 1870 г., только в 36 был к 1890 г. водопровод и лишь в 17 было газовое освещение части улиц [4]. По всем городам 50 губерний Европейской России расходы по благоустройству составляли в начале 80-х годов в среднем всего около 15%[5]. В 13 городах и посадах Московской губ. (за исключением Серпухова и Коломны) расходы на городское благоустройство составляли в 1879 г. в среднем менее 5% бюджета, причем Клин внес в смету 1879 г. на этот предмет всего 101 р. (1,2%), Верея — 90 р. (1,3%), Воскресенск — 35 р. (0,6%)[6]. Но зато в мелких городках значительную долю бюджета поглощал управский аппарат. В среднем по 50 губерниям содержание городского общественного управления составляло около $13^1/_2$% бюджета, тогда как в Москве и в Петербурге на эту статью расходовалось менее

---

[1] С. А. Приклонский, Указ. соч., стр. 323.

[2] М. П. Щепкин. Указ. соч., ч. 1, стр. 171.

[3] Десять лет С.-Петербургск. гор. общ. управления, стр. 37—38. (Подсчеты автора).

[4] Министерство внутрен. дел, стр. 130.

[5] Статистика доходов и расходов городов, стр. IV.

[6] Щепкин. Указ. соч., ч. 1, стр. 404—405.

10%, в Одессе — около 7%[1]. С другой стороны, напр.; уездные города и посады Московской губ. внесли в смету 1879 г. на содержание городского управления более 25% своих доходов, причем Воскресенск и Руза ассигновали на эту статью около 40% доходов, а Можайск — даже почти 46%; более половины ассигнованных по этой статье сумм приходилось на жалование выборному составу городских управ[2].

Наиболее существенное значение для масс городского населения имели заботы городского самоуправления о народном образовании, народном здравии и «общественном призрении» Правда, эти заботы были очень невелики: по всем городам 50 губерний в начале 80-х годов на учебные заведения расходовалось около 3 млн. руб., на больницы, приюты, богадельни и пр. — около $2^1/_2$ миллионов. В общей сложности это составляло 13,3% общегородского бюджета[3]. Даже Москва на народное образование расходовала в начале 80-х годов 6,3% бюджета, Петербург — 5,3%, Одесса — 6,7%[2]. Некоторые города не уделяли на этот предмет ни копейки и не только такие уездные захолустья как Воскресенск, но и такие губернские центры как Пермь или Вятка.

Нужно, однако, отметить, что наряду с этим были и такие города, как Коломна, которая внесла в смету 1879 г. на народное образование свыше $12^1/_2$ тыс. руб., что составляло более четверти ее бюджета[5]. Правда, например, в Петербурге за 5 лет (1877—1882) число городских училищ увеличилось с 16 до 128; в 1892 г. в них было свыше 5 900 учащихся, но по отношению к общему числу детей школьного возраста (110 тыс.) это составляло всего 5,4%[6].

Еще хуже обстояло дело с медицинской помощью, на которую в начале 80-х годов расходовалось в среднем всего 430 тыс. в год на все города Европейской России (1% общегородского бюджета). Расходы Петербурга на этот предмет не достигали и 1% его бюджета, расходы Одессы были менее $^1/_2$%[7]. Из 15 уездных городов и посадов Московской губ. только в 4 были городские больницы, в остальных расходы на «врачебную часть» ограничивались преимущественно жалованием городовому врачу и выдачей квартирных денег акушеркам[8].

---

[1] Статистика доходов и расход. городов Европейской России. стр. III—IV, 208—209, 216—217, 222—223. (%% вычислены автором).

[2] М. П. Щепкин. Указ. соч., ч. 1, стр. 386—387. (%% вычислены автором).

[3] Статист. доходов и расход. городов, стр. 9—IV.

[4] Статист. доходов и расход. городов, стр. 208—209, 216—217, 222—223. (%% вычислены автором).

[5] М. П. Щепкин. Указ. соч., ч. I, стр. 404.

[6] Десять лет С.-Петербургск. гор. общ. управл., стр. 47, 49.

[7] Статист. доходов и расходов. городов, стр. III—IV, 216—217, 222—223

[8] М. П. Щепкин. Указ. соч., ч. 1, стр. 405.

§ 5. Суд

Судебные уставы 1864 г. особенно резко дисгармонировали с самодержавно-крепостническим строем Российской империи тем более, что с открытием новых судов в них устремилась либеральная интеллигенция, проникнутая буржуазными идеями и искавшая возможности осуществления их в судебной практике. Из рядов ее вышли такие крупные судебные деятели, как А. Ф. Кони, П. Н. Обнинский, П. Я. Александров, перешедший затем в адвокатуру и приобревший известность, блестящей защитой Веры Засулич, такие яркие представители буржуазной адвокатуры, как В. Д. Спасович, А. М. Унковский (бывший тверской предводитель дворянства), В. Н. Герард, Ф. Н. Плевако, кн. А. И. Урусов. Большое значение в качестве проводника буржуазной юридической мысли имело Московское юридическое общество, основанное в 1863 г. по инициативе проф. В. Н. Лешкова; общество издавало «Юридическую газету» (1866—1867), а затем журнал «Юридический вестник» (1867—1892); по его же инициативе в 1875 г. был созван первый всероссийский съезд юристов. В Петербурге существовал ряд частных юридических кружков; особенное значение имел кружок В. Д. Спасовича, послуживший ядром Петербургского юридического общества, возникшего в конце 70-х годов.

Реакция, естественно, не могла мириться с судебными уставами 1864 г. Главные удары были направлены против независимости судебных чиновников от администрации и против суда присяжных. Положение Комитета министров 22 июля 1866 г. было направлено в значительной мере именно против независимости судей: в нем резко подчеркивалось, что являться по вызову к губернатору, подчиняться его «законным» требованиям и оказывать ему «должное уважение» должны все служащие, «даже не подчиненные в служебном отношении губернатору», несмотря на особый характер служебной деятельности, иногда совершенно независимый от административной власти; здесь явно имелись в виду именно чиновники судебного ведомства. К тому же 1866 г. относится и первый удар, нанесенный суду присяжных: в связи с оправдательным приговором Петербургского окружного суда по делу о напечатании в «Современнике» статьи Ю. Р. Жуковского «Вопрос молодого поколения», законом 12 декабря 1866 г. было изъято из окружных судов и передано судебным палатам судопроизводство по делам печати.

В апреле 1867 г. либеральный министр юстиции Д. Н. Замятнин, при котором была проведена судебная реформа, был уволен, а на его место был назначен реакционер, граф К. И. Пален, который начал свою деятельность с того, что испросил высочайшее повеление о предоставлении ему права вместо несменяемых по закону следователей назначить «исправляющих должность следователя» чиновников, на которых несменяемость не распространялась.

Далее последовал ряд новых отступлений от общего порядка судопроизводства по политическим делам. Законом 19 мая 1871 г., в связи с делом нечаевцев, производство первоначального дознания по политическим делам поручалось чинам жандармских управлений, причем по соглашению министра юстиции с шефом жандармов, при недостатке улик для обвинительного приговора, могло быть испрошено высочайшее повеление о решении дела без суда, в административном порядке. Летом того же года Александр II выразил свое неудовольствие по поводу слишком мягкого, по его мнению, приговора Петербургской судебной палаты по делу нечаевцев и поручил министру юстиции гр. К. И. Палену изыскать меры «для предупреждения подобных ни с чем не сообразных приговоров». В результате «изыскания» Палена 7 июня 1872 г. был издан закон, согласно которому более значительные политические дела должны были рассматриваться не судебными палатами, а особым присутствием сената, с участием тех же сословных представителей; этим же законом ограничивалась публичность судебных заседаний. Но и этого оказалось недостаточно с точки зрения правительства. Приговором особого присутствия сената, по делу 193 (январь 1878 г.), Александр II также остался недоволен. На ходатайство особого присутствия о смягчении приговора он ответил отрицательно, а значительное число оправданных особым присутствием было отправлено в ссылку в административном порядке. 9 мая 1878 г., в связи с оправдательным вердиктом присяжных по делу Веры Засулич, из ведения суда присяжных были изъяты и переданы судебным палатам дела о сопротивлении распоряжениям правительства, о неповиновении властям, об оскорблении начальников подчиненными, о насильственных действиях и угрозах против должностных лиц и пр. Наконец, 9 августа 1878 г. последовало высочайшее повеление о передаче значительной части дел политического характера военному суду для суждения по законам военного времени.

Таким образом, путем разных изъятий и отступлений от обычного порядка судопроизводства, прокламированного судебными реформами, царизм старался превратить суд в послушное орудие в борьбе с революцией, а там, где это орудие оказывалось недостаточным, или пользоваться им почему-либо было неудобно, с революционерами расправлялись и без суда, в порядке административного произвола.

Очень беспокоила реакцию также независимость адвокатуры, ставшей средоточием либеральных тенденций в судебных кругах. Правилами 25 мая 1874 г. министру юстиции было предоставлено право исключать из адвокатуры частных поверенных за «предосудительный образ действий, не соответствующий званию поверенного» [1]; домогательство Палена о распространении этого

[1] II ПСЗ, т. XLIX, № 53574, 1874 г.

права и на присяжных поверенных было, однако, отклонено Государственным советом. 5 декабря 1874 г. последовало высочайшее повеление о «временной» приостановке учреждения советов присяжных поверенных [1], с передачей функций советов окружным судам, ввиду якобы того, что учрежденные уже советы присяжных поверенных не оправдали возложенной на них задачи надзора за охранением достоинства и нравственной чистоты в действиях лиц, принадлежавших к этому сословию [2].

Практика, естественно, шла еще дальше в нарушении судебных уставов, чем законодательство. В 1866 г. Замятнину стоило большого труда убедить Александра II в «неудобстве» увольнения несменяемого председателя Петербургского окружного суда Мотовилова за оправдательный приговор по делу «Современника». Но в начале 1867 г. Замятнину уже не удалось убедить царя в «неудобстве» увольнения сенатора Любощинского за его выступление в Петербургском губернском земском собрании с критикой закона 21 ноября 1866 г. и Любощинскому было предложено подать в отставку.

31 марта 1878 г. Александр II приказал арестовать Веру Засулич, только что оправданную в этот день судом присяжных, но она уже успела скрыться. Пример царя нашел, конечно, подражателей. Уже в 1867 г. председатель Московского окружного суда удалил из судебного заседания защитника. Бывали и другие случаи грубого нарушения судебных уставов самими чинами судебного ведомства.

Таким образом, в итоге натиска сильной и неразборчивой в средствах реакционной политики самодержавия буржуазная судебная реформа 1864 г. была к середине 70-х годов в значительной степени «обезврежена» с точки зрения интересов крепостников.

§ 6. Печать и школа

Даже куцые «временные правила» о печати 6 апреля 1865 г. казались реакции слишком радикальными, и в них сразу же начали вносить поправки, все более стеснявшие положение «бесцензурной» печати. В 1866 г., когда редакция приостановленного на 5 месяцев «Русского Слова» разослала своим подписчикам сборник «Луч», последовало издание закона (17 октября), воспрещавшего редакциям приостановленных журналов рассылать подписчикам какие-либо другие издания. 14 июня 1868 г. было утверждено принятое по инициативе нового крайне реакционного министра внутренних дел А. Е. Тимашева положение Комитета министров о предоставлении министру внутренних дел права, в качестве карательной меры, запрещать розничную продажу газет. Законом 7 июня 1872 г. министру внутренних дел было

[1] II ПСЗ, т. XLIX, № 54130, 1874 г.
[2] Там же.

предоставлено право передавать вопрос о запрещении выпуска в свет произведения печати, признанного им «особенно вредным», не в суд, а в Комитет министров, причем виновные лица могли быть все-таки привлечены к судебной ответственности. В силу закона 16 июня 1873 г. министр внутренних дел получил право «временно» (без определения однако срока) запрещать периодическим изданиям, под угрозой приостановки, обсуждение вопросов, признаваемых правительством «неудобными» для оглашения и обсуждения. Наконец, временными правилами 5 апреля 1879 г., изданными в связи с покушением Соловьева, право приостанавливать и даже прекращать издание газет и журналов предоставлялось и генерал-губернаторам.

На практике эти законы часто толковались администрацией расширительно, а нередко и прямо нарушались. Предварительный арест, который мог быть наложен на издание лишь в «чрезвычайных случаях», налагался часто без всяких законных оснований. Так например, был наложен арест на «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова и на русский перевод сочинений Герберта Спенсера, а затем судебные власти, с согласия самой администрации, признали эти книги вообще не подлежащими судебному преследованию.

В 1866 г., с нарушением законного порядка, были закрыты радикально-демократические журналы «Современник» и «Русское слово», а в 1868 г. либерально-славянофильская аксаковская газета «Москвич». Периодические органы все реже привлекались к судебной ответственности и все чаще подвергались карам в административном порядке. По подсчету К. К. Арсеньева, со времени опубликования закона 6 апреля 1865 г., до 1 марта 1880 г. было объявлено 174 предостережения, 50 раз временно приостанавливалось издание журналов и газет, 6 изданий было совсем закрыто и 82 раза запрещалась розничная продажа газет [1]. Множество напечатанных без предварительной цензуры книг и журнальных статей было предано уничтожению.

Резкое усиление реакции с 1866 г. проявилось и в школьной политике царизма. 14 апреля 1866 г. министром народного просвещения был назначен один из столпов реакции, обер-прокурор Синода граф Д. А. Толстой, сменивший на этом посту либерального А. В. Головнина. Руководством для его деятельности должен был служить рескрипт Александра II на имя П. П. Гагарина, данный 15 мая 1866 г. [2].

Немедленно по назначении на пост министра, Толстой поставил на очередь пересмотр устава гимназий. Толстой считал необходимым положить в основу среднего образования изучение древних языков, которому он придавал важное политическое значение. Допущенные ранее отступления от классической си-

[1] К. К. Арсеньев. Законодательство о печати, СПб, 1903, стр. 25, 85, 98—99.

[2] См. выше стр. 3.

стемы образования, утвержденной уставом 1828 г., были, по его мнению, «если не единственной, то одной из важных причин так сильно охватившего наше учащееся юношество» материализма, нигилизма и самого пагубного самомнения...». Вопрос о древних языках, как «основе всего дальнейшего научного образования, и всяким другим способом обучения, есть вопрос не только между серьезным и поверхностным учением, но и вопрос между нравственным и материалистическим направлением обучения и воспитания, а, следовательно, и всего общества» [1].

Вопрос о древних языках вызывал оживленную полемику в печати. Ярыми защитниками классической системы выступили в «Московских ведомостях» М. Н. Катков и его ближайший сотрудник по газете, профессор Московского университета П. М. Леонтьев; они же приняли деятельное участие в разработке учебных планов и программ, проектированных Толстым, классических гимназий. Сторонники «реальной» системы образования выступали главным образом в либеральных петербургских газетах — «Голосе» А. А. Краевского и «С.-Петербургских ведомостях» В. Ф. Корша. Толстой был настолько обеспокоен резкой критикой классической системы в печати, что весной 1871 г. добился, при содействии министра внутренних дел А. Е. Тимашева, особого высочайшего повеления, воспрещавшего печатание статей, содержащих «порицание законов и предположений правительства». Внесенный Толстым в Государственный совет проект нового устава гимназий не встретил там сочувствия. Против него высказывались не только «либералы», как Д. А. Милютин, А. В. Головнин, К. В. Чевкин и др., но и такие реакционеры, как граф В. П. Панин, А. Е. Тимашев и кн. П. П. Гагарин. Проект получил всего 18 голосов «за» (не считая голоса самого Толстого) при 29 голосах «против», но Александр II согласился с мнением меньшинства и 30 июля 1871 г. новый устав получил утверждение.

Устав 1871 г. предусматривал только классические гимназии, срок обучения в которых увеличивался до 8 лет; реальные гимназии упразднялись. Основной задачей гимназического образования Толстой признавал не усвоение реальных знаний, а достижение «надлежащей умственной зрелости на изучении предмета, равномерно развивающего и упражняющего все стороны человеческого духа» [2]. Поэтому главными предметами курса были признаны древние языки и математика, как предметы развивающие и дисциплинирующие ум; число учебных часов по древним языкам было увеличено в $1^1/_2$ раза (86 часов в неделю во всех классах вместо 58). Взамен было уменьшено число уроков истории и литературы; преподавание естествознания было почти совсем упразднено.

---

[1] С. В. Рождественский. Историч. обзор деятельности Министерства народного просвещения, СПБ, 1902, стр. 520.

[2] С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 527.

Программы и методы преподавания строго регламентировались министерскими инструкциями. Права педагогического совета были сильно урезаны за счет усиления единоличной власти директора, являвшегося «начальником» гимназии. Для учеников были изданы особые правила, которыми предписывалось «безпрекословное повиновение» ближайшим начальникам и наставникам и «должное почтение» к высшему начальству. Все поведение ученика в гимназии и вне ее этими правилами строго регламентировалось. Для наблюдения за учениками в стенах школы и вне ее был введен институт «классных наставников» и их помощников — надзирателей. Для удобства надзора введено было обязательное ношение учащимися форменной одежды.

Взамен упраздненных реальных гимназий были учреждены шестиклассные, реальные училища, устав которых, также отвергнутый большинством Государственного совета, был утвержден Александром 15 мая 1872 г. Согласно уставу, целью реальных училищ было дать учащимся «общее образование, — приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических знаний»; курс их, по словам Толстого, должен быть приноровлен «к специальным потребностям различных родов промышленности и торговли» [1]. Поэтому объем преподавания общеобразовательных предметов был очень сокращен за счет расширения предметов узко-технических. Доступ в университет реалистам был закрыт совершенно; Александр прямо предписал «не допускать окончивших курс в реальных училищах ни в один из факультетов университетов» [2]; затруднен был доступ и в техническую школу, куда могли поступать лишь окончившие дополнительный седьмой класс по одному из четырех отделений, так называемых, «общему», да и то только по экзамену. Реальные училища были явно предназначены для детей буржуазии, для которых высшее образование считалось излишней роскошью; высшее образование, по словам апологета толстовской школы М. Н. Каткова, «есть потребность высшего класса; руководящего судьбами своего народа и создающего ему его будущее», т. е. дворянства; для «высшего промышленного класса», т. е. для буржуазии достаточно было, по его мнению, реальных училищ; что касается «низших промышленных классов», т. е. крестьян и мещан, то они могут ограничиться «народной первоначальной школой» [3]. Таким образом, в замаскированном виде воскрешался сословный принцип, лежавший в основе школы николаевского царствования.

24 мая 1870 г. было утверждено «Положение о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения»; шестиклассные женские училища преобразовывались в семиклас-

[1] С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 521.
[2] Там же, стр. 525.
[3] М. Н. Катков. Собрание передовых статей «Московских ведомостей», 1871 год, М., 1897, стр. 267.

ные гимназии с дополнительным педагогическим классом (или даже двумя), но объем преподавания в них был попрежнему значительно меньше, чем в мужской средней школе. По новому Положению женские гимназии получали от министерства ничтожную субсидию (не свыше 2 000 р. в год), но зато самостоятельность их была сильно урезана. «Главное руководство учебной и воспитательной частью» было возложено на председателя педагогического совета, которым по должности являлся директор мужской гимназии, а если в городе мужских гимназий не было — штатный смотритель уездного училища. В случае разногласий между большинством совета и председателем вопрос решался попечителем учебного округа. Применяемые в женских гимназиях программы и учебники должны были утверждаться учебным начальством. «Почетным попечителем» всех женских гимназий губернии являлся губернатор, который «в случае замеченных им беспорядков» делал «указания» попечительному совету, ведавшему административно-хозяйственными делами гимназии, а в более важных случаях сообщал о замеченных «беспорядках» попечителю округа или министру народного просвещения.

По отношению к начальной школе Толстой был озабочен главным образом усилением непосредственного влияния контроля со стороны министерства. С этой целью 25 мая 1869 г. была учреждена должность инспекторов народных училищ (по одному на губернию), наблюдению которых была подчинена вся жизнь начальной школы. Согласно новому «Положению о начальных народных училищах» 25 мая 1874 г. учреждалась особая должность директоров народных училищ (по одному на губернию); инспектора (по 2 на губернию) были подчинены директору; реформированы были училищные советы: круг их деятельности был строго ограничен хозяйственными и административными вопросами, руководство же всей учебной частью было сосредоточено в руках органов министерства — директоров и инспекторов народных училищ; «общее наблюдение за ходом и направлением первоначального обучения» было возложено на губернаторов. Председательство в училищных советах было передано губернским и уездным предводителям дворянства; это было выполнением указаний рескрипта Александра II Толстому от 25 декабря 1873 г. «Я призываю, — писал Александр, — верное мое дворянство стать на страже народной школы. Да поможет оно правительству бдительным наблюдением на месте к ограждению оной от тлетворных и пагубных влияний» [1].

31 мая 1872 г. было утверждено Положение о городских училищах, учреждавшихся взамен уездных училищ «для доставления детям всех сословий начального умственного и религиозно-нравственного образования». Городские училища могли откры-

[1] «С.-Петербургские Ведомости», 1873, 27/XII, № 355, стр. 2.

ваться как министерством, так и органами земского и городского самоуправления, а также обществами и частными лицами, но независимо от того, кто является их учредителем, ближайший надзор за ними поручался директорам народных училищ. Курс обучения в них был шестилетний; кроме «закона божия», русского языка и арифметики, в них преподавались в сжатом объеме геометрия, физика, естествознание, история и география; разрешалось вводить и обучение ремеслам. Целью учреждения городских училищ, по словам самого Толстого, было — отвлечь от гимназий учащихся, которые не имели возможности окончить полный курс и выходили из средних школ, т. е. преимущественно детей малообеспеченных родителей. Городские училища заняли, таким образом, промежуточное место между низшей и средней школой, нарушая преемственность различных ступеней школы. Таким образом было создано две параллельных школьных системы — для богатых и для бедных. Городские училища и были тем пределом образования, которым должны были довольствоваться «низшие промышленные классы», выражаясь словами Каткова.

По отношению к высшей школе правительство занято было главным образом мерами борьбы с революционным движением среди студенчества. По высочайшему повелению 26 августа 1866 г. была учреждена особая комиссия из ректоров университетов и директоров других высших учебных заведений под председательством товарища министра народного просвещения И. Д. Делянова для изыскания средств «успешного надзора» за студентами вне учебных заведений. Результатом работ этой комиссии были «правила» 25 мая 1867 г., устанавливавшие «сотрудничество» учебного начальства и полиции в деле надзора за студентами: полиции вменялось в обязанность следить за студентами и доводить до сведения их учебного начальства обо всех их действиях, навлекающих сомнения их нравственной и политической благонадежности»; начальство же высших учебных заведений в свою очередь должно было сообщать полиции подобные же сведения о студентах.

В связи со студенческими «беспорядками» 1869 г. в Петербурге опять был учрежден особый комитет для изыскания мер предупреждения студенческих волнений. Выработанный комитетом проект был утвержден 8 июля 1869 г.: устанавливались жесткие условия приема в высшие учебные заведения, повышались требования при приемных экзаменах, затруднялся переход студентов в другие учебные заведения, усиливался надзор инспекции, при распределении стипендий предписывалось сообразоваться с успехами и поведением студентов. Но все эти меры не привели к желательным для правительства результатам: революционное движение среди студенчества неудержимо росло. В конце 1874 г. было образовано особое совещание министров под председательством П. А. Валуева, признавшее необходимым поставить на очередь пересмотр университетского устава 1863 г.;

намечены были и основные линии этого пересмотра: ограничение автономии профессорской коллегии, замена выборов профессоров назначением, усиление контроля за преподаванием и сокращение притока в университет «мало подготовленных и материально не обеспеченных» слушателей.

В апреле 1875 г. была учреждена комиссия под председательством И. Д. Делянова для выработки проекта нового устава. В 1879 г. было решено, не дожидаясь окончания работ комиссии, принять временные меры: по поручению особого совещания министров, Толстой составил инструкцию для университетской инспекции, правила для студентов и циркулярное предложение попечителям учебных округов; эти административные распоряжения, одобренные 5 ноября 1879 г. Александром II и введенные в жизнь, вносили значительные «поправки» в устав 1863 г. в реакционном направлении. Суд профессоров упразднялся, и его функции передавались правлению; инспектор должен был назначаться министром, а его помощники попечителем; инспекция освобождалась от подчинения совету университета; совет устранялся от распределения стипендий, которое должно было производиться правлением совместно с инспекцией; студенты были подчинены самому бдительному надзору инспекции, а профессора должны были оказывать ей содействие. В феврале 1880 г. выработанный Деляновской комиссией проект нового устава был внесен в Государственный совет, но правительство, испытывавшее тогда чрезвычайные затруднения[1] ввиду назревания новой революционной ситуации, вынуждено было сделать уступку «обществу», уволив в отставку ненавистного всей стране Дм. Толстого (в апреле того же года), а преемник его А. А. Сабуров взял этот проект обратно.

Не избегла натиска реакции и область внешкольного образования. Появление с конца 50-х годов многочисленных воскресных школ, в которых вела занятия преимущественно учащаяся молодежь, а отчасти и молодые офицеры (в 1862 г. воскресных школ насчитывалось по официальным данным 274)[2], сразу же заставило правительство насторожиться. Уже в декабре 1860 г. шеф жандармов В. А. Долгоруков представил Александру II записку, в которой заявлял, что «правительство должно необходимо принять безотложные и деятельные меры, дабы стать во главе сего движения, обратить на пользу бессознательное (sic!?) увлечение праздных и бродящих умов; дабы правильным, зрело обдуманным руководством предупредить всякую возможность уклонения к вредным началам, коих присущность очевидна»[3]. 30 декабря 1860 г. министр народного просвещения

---

[1] См. «Общественное движение 70-х годов».

[2] М. Лемке. Очерки освободит движения 60-х годов, 1908, стр. 416.

[3] М. Лемке. Очерки освободит. движения 60-х гг. СПб., 1908, стр. 403.

Е. П. Ковалевский разослал попечителям округов одобренный Александром II циркуляр об усилении надзора за воскресными школами. Обнаружение весною 1862 г. революционной пропаганды в некоторых воскресных школах послужило предлогом, в связи с общим поворотом царизма к реакции, к принятию «решительных мер»: высочайшим повелением 7 июня были закрыты все школы для лиц, не принадлежащих к военному ведомству, при воинских частях, а 12 июня последовало высочайшее повеление о закрытии всех вообще воскресных школ и народных читален[1]. Уцелела только одна Харьковская женская школа, основанная Х. Д. Алчевской; в течение 8 лет школа продолжала занятия неофициально на дому у Алчевской, а в 1870 г. последней удалось в результате усиленных хлопот добиться ее официального открытия. Воскресные школы в дальнейшем разрешалось открывать только при духовных семинариях. Лишь положение 1874 г. о начальных народных училищах предоставляло учреждениям и частным лицам право открывать воскресные начальные школы, но на тех же основаниях, как и ежедневные начальные школы.

Так как народные читальни, в силу высочайшего повеления 12 июня 1862 г. были закрыты, то единственным местом, откуда человек «из народа» мог получить книгу, остались школьные библиотеки (земские народные библиотеки-читальни начали появляться только в 80-х годах). Но министерство народного просвещения тщательно следило за тем, чтобы в руки читателя из народа не попала «вредная» книга. 19 мая 1869 г. был учрежден Особый отдел Ученого комитета министерства для рассмотрения всех книг, предназначенных для народного чтения (в том числе и вышедших ранее учреждения Особого отдела); только отобранные Особым комитетом книги допускались в школьные библиотеки. Таким образом, книги для народного чтения проходили двойную цензуру — общую и специально «педагогическую», как она официально называлась.

В 1871 г., по инициативе петербургского обер-полицеймейстера Ф. Ф. Трепова, введены были в Петербурге «в виде опыта» «занимательные чтения» для народа с целью, якобы, отвлечения его от пьянства и разгула; чтения производились по специально одобренным министром народного просвещения книгам. Опыт был признан удачным, и в 1872 г. Александр II поручил особой комиссии разработать общие правила для устройства народных чтений. 24 декабря 1876 г. выработанные комиссией правила были утверждены Александром II. Согласно этим правилам чтения могли устраиваться только в губернских городах, с разрешения попечителя учебного округа по соглашению с губернатором, под наблюдением директора народных училищ, но ни в коем случае не должны были производиться на фабриках

[1] «Северная почта» 1862, 13/VI, № 127, стр. 1.

и заводах. К чтению допускались только сочинения, одобренные для этой цели Ученым комитетом М. Н. П., или Синодом, без всяких изменений и дополнений; во избежание всяких недоразумений, читать могли только «благонадежные» лица, получившие специальное разрешение на это по соглашению директора народных училищ с губернским начальством.

Но как раз время Толстого оказалось неожиданно благоприятным для развития высшего женского образования в России. Правительство было очень обеспокоено все усиливавшейся тягой за границу женской молодежи, не допускаемой в университеты уставом 1863 г. В 1872 г. была даже учреждена особая комиссия, состоявшая из министров народного просвещения и внутренних дел и шефа жандармов, для изыскания мер к сокращению притока русских женщин в иностранные университеты; комиссия пришла к заключению о необходимости учреждения высших женских учебных заведений в России. Между тем, в конце 60-х годов среди образованных женщин крупных городов возникло широкое движение, ставившее своей задачей добиваться высшего образования для женщин. Во главе этого движения стояли писательницы и общественные деятельницы Е. И. Конради, Н. В. Стасова, М. В. Трубникова, А. П. Философова и др.

Имея в виду отвлечь русских женщин от заграничных университетов, Толстой в известной мере пошел навстречу этому движению, не препятствуя открытию по частной инициативе и на частные средства общеобразовательных курсов для женщин. В апреле 1869 г. в Петербурге открылись общеобразовательные женские курсы, имевшие целью пополнить скудное образование, полученное слушательницами в средней школе (т. наз. «Аларчинские» курсы, помещавшиеся у Аларчина моста); в октябре того же года в Москве были открыты публичные курсы для женщин по программе мужских классических гимназий (т. наз. «Лубянские курсы»); в 1870 г. в Петербурге открылись «публичные лекции для мужчин и женщин», уже с характером университетского преподавания (т. наз. «Владимирские курсы»); в том же году в Киеве возникли «систематические публичные курсы по естественным наукам». В 1872 г. по инициативе проф. В. И. Герье в Москве были открыты «Высшие женские курсы» (т. наз. «Герьевские»), развернувшиеся в настоящее высшее учебное заведение по словесно-историческим наукам; Лубянские курсы также превратились постепенно в высшее учебное заведение с программой физико-математических факультетов. В 1876 г. открылись «Высшие женские курсы» в Казани с двумя факультетами — словесно-историческим и физико-математическим; в 1878 г. — в Киеве и в Петербурге, также с двумя факультетами. Особенно широко развернулась работа Петербургских курсов, получивших в публике название «Бестужевских», по имени первого председателя педагогического совета проф. К. Н. Бестужева-Рюмина. Женская высшая школа почти цели-

ком содержалась за счет платы за учение и частных пожертвований; только Бестужевские курсы получали небольшую субсидию от казны.

§ 7. Национально-колониальная политика

В связи с польским восстанием 1863 г. царизм проводит ряд мер, направленных против украинской и белорусской культуры. Уже 20 января 1863 г. Валуев «с высочайшего одобрения» предложил цензурному ведомству не допускать к печатанию никаких книг на украинском языке, кроме беллетристики. С 1864 г. начала проводиться обширная программа мероприятий, разработанная «усмирителем» Белоруссии и Литвы М. Н. Муравьевым и одобренная царем. В 1867 г. было запрещено печатать что бы то ни было на белорусском языке, а в 1876 г. последовал аналогичный указ относительно украинского языка, запрещавший также и ввоз украинской литературы из-за границы.

В 1866 г. была введена процентная норма для студентов-поляков в русских университетах. 1 мая 1869 г. правительством было предписано ввести преподавание на русском языке во всех средних учебных заведениях бывшего Королевства Польского; польский язык был сохранен лишь в качестве необязательного предмета для желающих. 8 июня 1869 г. варшавская Главная школа была преобразована в «русской» университет с преподаванием на русском языке. В 1871 г. было дано «словесное» высочайшее повеление о постепенном введении преподавания на русском языке и в начальных школах Польши; учителей было предписано назначать «по возможности» из русских.

С конца 60-х годов принимаются меры и к распространению русского языка в Прибалтике, который должен был вытеснить из общественно-культурной жизни немецкий язык. В 1867 г. был поставлен вопрос о введении русского языка в делопроизводстве учреждений, но на первое время было решено ограничиться учебными заведениями. Согласно высочайшему повелению 21 октября 1869 г. все учебные заведения должны были ввести «внешнюю» переписку на русском языке, а на должности директоров и инспекторов гимназий и смотрителей уездных училищ должны назначаться лица, основательно знающие русский язык. В последующие годы в крае был открыт ряд русских мужских и женских гимназий с преподаванием на русском языке.

Одновременно шло насаждение православных церквей на западных окраинах, особенно в Литве, Белоруссии и Правобережной Украине. К 1881 г. в 9 «западных» губерниях было вновь построено, возобновлено и переделано около $3^1/_2$ тыс. православных церквей, в «Привислинских» губерниях было построено 250 церквей и 50 зданий для причта, в Прибалтийском крае — 55 церквей, 67 зданий для причта и 49 зданий для церковно-приходских школ [1].

[1] Министерство внутренних дел, Исторический очерк, стр. 160.

С конца 60-х годов начинается новая серия ограничительных законов для евреев: городское положение 1870 г. ограничивало право участия евреев в городовом самоуправлении; в 1875 г. было запрещено назначать стипендии евреям и еврейкам, обучающимся в русских учебных заведениях; в 1877 г. было ограничено процентной нормой число евреев, вносимых в списки присяжных заседателей в губерниях «черты оседлости». В 70-х же годах снова начинаются еврейские погромы и так называемые «ритуальные процессы» против евреев.

С 1863 г. правительство вновь обращает усиленное внимание на руссификацию народов Поволжья — татар, чувашей, мари, удмуртов; проводится в жизнь «система», выработанная казанским профессором М. И. Ильминским и состоявшая в насаждении «русско-инородческих» школ с преподаванием на местных языках в целях руссификации и христианизации «инородцев». В 70-х годах проводились также усиленные мероприятия по христианизации народов Сибири. В 1865 г. было основано «Миссионерское общество для содействия распространению христианства между язычниками», преобразованное 21 ноября 1869 г. в «Православное миссионерское общество». В ведении общества находился ряд православных миссий в Поволжье и в Сибири. Оно издавало свой журнал «Православный благовестник». Для сбора средств в пользу общества были организованы специальные «епархиальные комитеты».

Феодально-крепостнический характер национально-колониальной политики сказывался и в системе экономической эксплоатации колоний. Под покровительством царизма, а отчасти и при непосредственном его содействии совершалось расхищение принадлежавших местному населению земель помещиками, чиновниками и купцами в Башкирии, на Северном Кавказе, в Средней Азии; лучшие земли казахов, киргиз и кавказских горцев отводились для поселения казачьих войсковых частей и русских крестьян переселенцев. В осуществлении своей колониальной политики царизм попрежнему стремился опираться на союз с феодально-родовой верхушкой угнетенных народов колоний [1].

§ 8. Государственный бюджет

Хотя царизм и сделал в период реформ шаг от феодальной монархии к монархии буржуазной, но этот шаг был очень ограничен. В основном монархия Александра II сохранила свой прежний феодально-крепостнический характер, продолжая оставаться диктатурой крепостников.

Классовая сущность монархии очень ярко проявилась в государственном бюджете. Для примера возьмем бюджеты за три года, — 1851 г. — один из последних «благополучных» годов

[1] Подробнее о национально-колониальной политике см. в главах, посвященных истории отдельных народов.

Государственные доходы[1]

(в млн. руб.)

	1851	1866	1880
Обыкновенные доходы. Правительствен. регалии			
Почтово-телегр. доход	—	9,3	21,2
Монетный и горный доходы	—	5,3	5,4
Казенные имущества			
От лесов	—	4,3	14,5
От жел. дорог	—	12,5	13,4
От горн. заводов и др. казенных имуществ	—	6,6	8,7
Прямые налоги			
Подати и оброк с гос. крестьян	45,0	65,9	112,6
За право торговли		8,3	15,3
Госуд. поземельн налог	—	—	14,5
Косвенные налоги			
Питейный	74,8	121,5	223,4
Соляной	7,5	10,8	13,8
Табачный	—	5,2	13 0
Сахарный	—	0,5	4,3
Таможенный	30,7	31,7	96,3
Гербов., паспортн. и пр.	—	14,0	33,6
Прочие поступления	54,1	45,3	38,5
Возвратн. и оборотн.	19.2	11,5	22,5
Итого	231,3	352,7	651,0

Государственные расходы[2]

(в млн. руб.)

	1851	1866	1880
Обыкновенные расходы			
Министр. импер. двора	10,5	11,2	11,1
Высш. гос. учр.		1,8	3,0
Духовное ведомство	3,8	5,8	10,2
Министр иностр. дел	1,9	2,6	4,8
Министр юстиции	3,6	7,8	16,8
Министр народн. просвещения	2,8	6,8	16,9
Министр. внутр. дел	11,2	15,7	40,8
Почтово-телегр. ведомство	3,7	14,0	21,8
Министер. госуд. имущества	5,8	8,7	19,9
Министер. путей сообщения[3]	21,8	23,8	13,0
Министр. финанс.[3]	40,9	80,5	112,8
Военное минист.	88,6	129,7	208,6
Морское минист.	18,2	24,0	29,4
Государственный контроль	0,2	1,4	2,3
Главное управление государств. конозаводства	—	0,6	0,9
Гражд. управление Закавказск. краем	—	4,2	8,9
Платежи по госуд. долгам	46,3	74,7	173,5
Оборотный расход[4]	21,3	—	—
Итого	280,6	413,3	694,5

[1] В основу положены таблицы, помещенные в издании „Министерства финансов 1802—1902". ч. 1. СПб, 19 2, стр. 6.6–627, 6'4—635; дополнения взяты из работ И. С. Блиоха, Финансы России XIX столетия, т III, СПб, 1882, прилож. П. Сабурова, Материалы для истории русских финансов, СПб, 1899, прилож. 35 и 36.

[2] В основу положены таблицы из издания „Министерства финансов", т. 1, стр. 628 629, 635—639; дополнения взяты из работы И. С. Блиоха. Финансы России в XIX ст., т. III, приложения.

[3] С 1878 г. платежи обществам железных дорог по гарантиям перенесены из сметы Министерства путей сообщения в смету Министерства финансов.

[4] С 1866 г. оборотные расходы особой статьей в роспись не вносились.

Государственные доходы (в млн. руб.)

	1851	1866	1880
Чрезвычайные ресурсы			
Из разных посторонних капиталов	—	7,3	—
Займы внутр. и внешние	36,6	59,9	12,1
Спец. ресурсы для постройки жел. дорог и портов	—	18,3	77,5
Итого . . .	36,6	85,5	89,6

Государственные расходы (в млн. руб.)

	1851	1866	1880
Чрезвычайные расходы			
На сооружение жел. дорог и портов	—	25,2	44,1
На военные потребности . . .	—	—	54,8
Итого . . .	—	25,2	98,9
Всего расходов . . .	280,6	438,5	793,4

царствования Николая I, накануне Восточной войны, 1866 г. — первый год, за который был опубликован отчет государственного контролера об исполнении росписи, и 1880 г. — последний год царствования Александра II, к которому успели уже в основном изгладиться результаты финансовых потрясений, вызванных войной 1877—1878 гг. (см. таблицы на стр. 346—347).

За 30 лет, с 1851 по 1880 г., государственный бюджет России увеличился почти втрое: «обыкновенные» доходы увеличились на 182%, сумма всех расходов выросла на 183%. При этом как те, так и другие особенно быстро росли в пореформенное время: за 15 лет с 1866 по 1880 г. доходы увеличились на 84,5%, расходы — на 83%, тогда как за предшествовавшие 15 лет этот рост соответственно составлял 52,5 и 56%. Это было связано с быстрым развитием товарно-денежных отношений в стране после крестьянской реформы. С этим же связано и увеличение роли косвенных налогов: уже в 1851 г. они составляли 49% «обыкновенных» доходов (113 млн. руб.), в 1866 г. — 52% (185,7 млн. руб.), в 1880 г. — 59% (385 млн. руб.); если же к косвенным налогам прибавить правительственные регалии, являющиеся по существу тоже косвенными налогами, то в 1866 г. косвенные налоги составят 56% бюджета, а в 1880 г. — 63%, т. е. почти две трети. Прямые налоги в течение всего тридцатилетия составляли скромную долю бюджета, причем эта доля не возрастала: в 1851 г. она составляла 19% (45 м. р.), в 1866 г. — 21% (74,3 м. р.), в 1880 г. — 20% (127,8 м. р.). Это находилось в соответствии с тем, что система прямого обложения не подверглась за это время никаким существенным изменениям. В основе ее лежали попрежнему, как и до реформы, подушная (или в некоторых местностях подымная) подать и оброк с государственных крестьян, составлявшие в 1866 г. 85% всех

прямых налогов (63,9 м. р.), в 1880 г. — 72% (92,4 м. р.). Сохранился также старый налог на право торговли, дававший очень незначительные суммы: в 1866 г. он составлял всего 11% прямых налогов (8,3 м. р.), в 1880 г. — 12% (15,3 м. р.). К этим старым налогам прибавились только налог на недвижимые имущества в городах, введенный в 1863 г. взамен подушной подати с мещан, и государственный поземельный налог, вносившийся в роспись с 1875 г. и падавший на все земли, облагаемые местными земскими сборами, т. е. и на земли помещичьи. Первый из них составлял в 1866 г. всего 2,8% прямых налогов (2,1 м. р.), в 1880 г. — 4% (5,6 м. р.), второй в 1880 г. — 11% (14,5 м. р.). Таким образом, плательщиком прямых налогов попрежнему оставался преимущественно крестьянин. Он же был главным плательщиком и большинства косвенных налогов: один питейный налог попрежнему давал целую треть всех государственных доходов (в 1851 г. — 32%, в 1866 и 1880 гг. — 34%); на крестьян падали преимущественно также соляной налог и акциз на табак.

Что касается государственных расходов, то прежде всего нужно отметить значительный рост расходов на пути сообщения, средства сношений и финансовые операции казны, что связано с развитием капитализма: расходы по министерствам путей сообщения и финансов (вместе с чрезвычайными) увеличились за 30 лет на 171%, по почтово-телеграфному ведомству — на 489%; значительно выросли также платежи по государственным долгам — на 275%. Рост государственного долга был вызван как займами капиталистического развития страны (прежде всего на железнодорожное строительство) так и займами на военные нужды.

Очень значительное повышение расходов было связано с проведением буржуазных реформ. Расходы по военному и морскому ведомствам увеличились (вместе с чрезвычайными) на 175%, по министерству юстиции — на 367%, по министерству народного просвещения — на 504%; расходы по ведомству государственного контроля, составлявшие в 1851 г. ничтожную сумму в 200 тыс. руб. выросли в 11½ раз. Но вместе с значительным увеличением всех этих расходов, характерных для буржуазного государства, росли также расходы на укрепление основ феодально-крепостнического государства — полиции и церкви: расходы по духовному ведомству выросли на 168½, по министерству внутренних дел (за исключением почтово-телеграфного ведомства) — на 264%.

Если взять отношение отдельных статей расходов к общему расходному бюджету, то это отношение за 30 лет в основном не изменилось. Из государственных расходов попрежнему первое место занимали расходы на армию и флот; в 1851 г. они составляли 38% бюджета, в 1880 г. — 37%. Затем шли расходы по финансовым операциям казны (организация прямых и кос-

венных сборов, уплата процентов и погашения по государственным долгам и пр.), составлявшие свыше трети бюджета (в 1851 г. — 34%, в 1880 г. — 36%, в 1880 г. сюда входила также уплата по гарантиям железнодорожным обществам). Расходы на содержание аппарата классового угнетения (высшие государственные учреждения, синод, министерства двора, юстиции и внутренних дел) составляли 1/10 часть бюджета (10,4% в 1851 г. и 10,3% в 1880 г.). Все эти расходы поглощали в 1851 г. 82% бюджета, в 1880 г. — 83%. На долю же, например, министерства народного просвещения приходился в 1851 г. — 1%, в 1880 г. —2%.

Таким образом и анализ государственного бюджета показывает, что хотя Российская империя и сделала некоторый шаг от феодальной монархии к буржуазной, но в основном все же сохранила свою прежнюю классовую сущность.

Все рассмотренные материалы показывают, что монархия Александра II, став на путь буржуазных реформ и начав выражать интересы промышленной, буржуазии вместе с тем являлась политической формой господства крепостников-помещиков; буржуазный характер реформ систематически ограничивался. Вся внутренняя и вся финансовая политика была продиктована стремлением охранять духовные и материальные привилегии помещиков дворян; шла ли речь о школе или об университете, о земском самоуправлении или суде и т. д. Финансовая система монархии Александра II ложилась налоговыми тяготами на народные массы, а в расходной части преследовала задачу укрепления военно-феодального режима царской монархии.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ПЕРИОД 1856—1878 гг.

(от Парижского трактата до Берлинского конгресса).

Крымская война, все нараставшее широкое крестьянское движение, революционная деятельность Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена и других революционеров-демократов, наконец, революционная ситуация 1859—1861 гг.— нанесли российскому самодержавию тяжелый удар, от которого оно не смогло по-настоящему оправиться даже после проведения крестьянской и других реформ. Хотя царизму удалось отбить демократический натиск и добиться временного спада революционного движения, однако, силы революционных кругов не были окончательно сломлены. В 70-х гг. возникает широкое движение революционного народничества, которое в значительной степени подрывало устойчивость самодержавия. В конце 70-х гг. вновь возникает революционная ситуация.

Революционное движение в России было тем могучим фактором, который ослаблял царизм изнутри и мешал ему выполнять функции жандарма Европы.

Крымская война нанесла русскому царизму не только военное, но и дипломатическое поражение.

Русский царизм перестал быть арбитром в международных отношениях, он все больше утрачивал свое самостоятельное значение.

«Дело в том, что со времени Крымского поражения России (пятидесятые годы прошлого столетия) самостоятельная роль царизма в области внешней политики Европы стала значительно падать, а к моменту перед мировой империалистической войной царская Россия играла в сущности роль вспомогательного резерва для главных держав Европы»,— писал товарищ Сталин [1].

Окончательно рухнула система Священного союза, так долго связывавшая царскую Россию с Пруссией и Австрией.

Россия оказалась в состоянии полной изоляции.

---

[1] И. В. Сталин. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». «Большевик», 1941, № 9, стр. 4.

Россия со времени Парижского трактата утратила исключительное влияние на дела христианских подданных Оттоманской империи, поскольку русский протекторат был заменен на Парижском конгрессе коллективной гарантией всех европейских держав.

Поражение в Крымской войне заставило русские правящие круги несколько изменить методы своей дипломатии. С другой стороны новое положение России на международной арене поставило и новые задачи в области внешней политики.

В своих отношениях с Германией, Австро-Венгрией, Францией и Великобританией русское правительство в период 1856—1870 гг. действует с крайней осторожностью, по возможности воздерживаясь от заключения каких-либо связывающих Россию соглашений. Обострение отношений с Великобританией заставили Россию вступить в т. н. «Союз трех императоров», а события Восточного кризиса 1875—1878 гг. вынудили русское правительство пойти на заключение тяжелых для России соглашений с Австро-Венгрией и Великобританией.

Одной из самых важных задач внешней политики России после Крымской войны была отмена тех статей Парижского трактата, которые делали Россию беззащитной перед нападением с моря.

Для русского правительства также важно было восстановить свои позиции на Балканах. Это диктовалось прежде всего тем обстоятельством, что, оказавшись в период восточной войны 1853—1856 гг. перед лицом европейской враждебной коалиции, русское правительство поняло, что единственными надежными союзниками, хотя и очень слабыми в военном отношении, являются славянские народы Балканского полуострова и Австро-Венгерской монархии, у которых в эту эпоху с особой силой стало развиваться освободительное движение. Использование этого движения в целях ослабления турецкой империи и завоевания влияния на Балканах стало одним из руководящих методов балканской политики русского правительства.

На Дальнем Востоке оно стремится к овладению Амурским и Уссурийским краями, к развитию политических и торговых отношений с Китаем и Японией.

Польский вопрос рассматривается русским правительством, как вопрос исключительно внутренней политики, не подлежащий обсуждению в международном масштабе.

§ 1. Франко-русские отношения 1856—1859 гг.

Отмена тех статей Парижского трактата, которые создавали постоянную угрозу экономической и военной блокады Черноморского побережья,— являлась, как уже было указано ранее, одной из важнейших задач внешней политики русского правительства в первые годы после Крымской войны. В связи с этим очень

важно было найти в среде европейских держав содействие в этом вопросе. Эту поддержку Александр II и Горчаков надеялись найти у Наполеона III, который еще на Парижском конгрессе проявил тенденцию к сближению с Россией. После конгресса он обнаружил еще большее стремление к этому. Это объяснялось тем, что Наполеон, замышляя войну против Австрии, желал изолировать ее. Наполеон рассчитывал, что если возникнет война с Австрией, то русские выставят свои войска на границе с Австрией [1].

Послом в Петербурге Наполеон III назначил гр. де-Морни, своего побочного брата. Ему было поручено заверить Александра II в благорасположении французского императора и выяснить позицию русского правительства.

Стремление к сближению было обоюдным, но цели, ставившиеся той и другой стороной были совершенно разными.

Де-Морни, ехавший в Россию в июле 1856 года, был принят Александром II, который выразил полную готовность установить дружеские отношения с Францией. В беседах с де-Морни он неоднократно высказывал недовольство Австрией, осуждая ее за коварство, проявленное в период Крымской войны [2].

В свою очередь, Наполеон III, на заседаниях с русским послом в Париже гр. П. Д. Киселевым [3] и с прибывшим во Францию в апреле 1857 года вел. кн. Константином Николаевичем, выражал готовность пойти на самое тесное сближение с Россией. Он не раз заговаривал при этом о возможных осложнениях в Италии, виновником которых выставлял Австрию. Он спросил Константина Николаевича — «не захочет ли Россия присоединить Галицию?», предлагая ее в качестве компенсации, если Россия выступит против Австрии. На это ему не было дано определенного ответа [4].

Русское правительство в своих первоначальных переговорах с французским императором еще не выдвигало каких-либо определенных предложений. Речь шла вообще об установлении тесных, дружеских отношений, но еще не о заключении каких-либо соглашений.

13 сентября 1857 года в Штуттгарте состоялось свидание Александра II и Наполеона, с участием русского министра иностранных дел Горчакова и министра иностранных дел Франции Валевского. В течение трех дней шли оживленные политические беседы о необходимости поддержания мира и «равновесия» в Ев-

---

[1] Наполеону не удалось привлечь к союзу Англию, слишком враждебную России. Кроме того, мешало и ухудшение англо-французских отношений в 1858 г., когда обнаружилось, что английское правительство в какой-то мере замешано в покушении Орсини на Наполеона. — История дипломатии, т. 1, стр. 472—473.

[2] С .С. Татищев. Император Александр II. СПб., 1911, т. 1, стр. 215—217. Донесения де-Морни Наполеону III за сентябрь—декабрь 1856 года.

[3] Был назначен в июне 1856 года.

[4] С. С. Татищев, т. 1, стр. 217—218.

ропе. Наполеон вновь говорил о возможных волнениях в Италии и снова указывал на Австрию, как на главного виновника этого. Александр II обещал Наполеону, что в случае возникновения франко-австрийской войны он не будет поддерживать Австрию, как то сделал Николай I в 1849 г.[1]. Он стремился в свою очередь получить от Наполеона обещание, что Франция окажет поддержку, если Россия поставит вопрос об отмене некоторых статей Парижского трактата. Он дал понять, что помощь России будет обусловлена содействием Франции.

Переговоры между Александром II и Наполеоном протекали мирно до тех пор, пока Наполеон не заговорил о Польше. Он стремился ослабить Россию путем отрыва от нее Польши, которую хотел сделать слабым, зависимым от Франции государством. Наполеон заявил, что не может отречься от тех обязательств, которые он несет перед французским «общественным мнением» в польском вопросе. Александр II ответил, что всякое вмешательство в польский вопрос может лишь помешать исполнению его «добрых» намерений в смысле сближения с европейскими странами. «Со мною посмели заговорить о Польше!», — раздраженно сказал после свидания царь, обращаясь к своим подчиненным[2]. Переговоры были фактически прерваны, а подготовленные Горчаковым акты, касавшиеся вопроса о режиме в Дарданеллах и Дунайских княжеств, остались неподписанными[3]. Была лишь достигнута договоренность о том, что без предварительного совещания между собой обе державы не будут принимать участия ни в одном «европейском вопросе»[4]. Постановка польской проблемы Наполеоном сильно охладила франко-русские отношения.

20 июля 1858 г. между Наполеоном III и премьер-министром Сардинии Кавуром было заключено тайное соглашение, по которому Франция обязывалась помочь освобождению Италии от австрийцев, а Сардиния должна была вознаградить ее уступкой Ниццы и Савойи. По существу этим «пломбьерским заговором»[5] была предрешена франко-австрийская война, которая действительно началась в апреле 1859 года. Совершенно естественно, что вопрос о поддержке со стороны России являлся весьма существенным для Наполеона. Особенно настойчиво французы заговорили о заключении союза осенью и зимой 1858 г., когда выяснилась угроза вступления в войну Пруссии на стороне Австрии, причем они добивались разрыва России в Австрией[6].

---

[1] С. С. Татищев, Указ. соч., т. I, стр. 226.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Доклад А. И. Горчакова Александру II от 26/14 сентября 1857 г. — «Красный архив», 1938, т. 3 (88), стр. 247. Там же текст договора между Россией и Францией о нейтралитете и сотрудничестве — Преамбула, стр. 215.

[5] А. Дебидур. Дипломатическая история Европы, т. II, М., 1947, стр. 169.

[6] К истории франко-русского соглашения 1859 г. «Красный архив», 1938, т. 3 (88), стр. 185.

13/25 ноября 1858 г. Горчаков послал принцу Наполеону, который вел переговоры, проект договора. Русское правительство соглашалось придерживаться благожелательного нейтралитета и выставить на границе с Австрией наблюдательный корпус, чтобы удерживать австрийские войска и не давать им возможности уйти в Италию, но отказывалось от разрыва с Веной, которого так добивался Наполеон. Статьи III и IV говорили о том, что русские суда останутся в Средиземном море, что военные агенты обеих стран будут действовать согласованно. По ст. V Александр II соглашался признать территориальные приобретения Франции. «Его величество император всероссийский признаёт при заключении мира территориальные приобретения, которые будут уступлены Франции со стороны ее итальянских границ» [1].

За свой нейтралитет и за посылку наблюдательного корпуса к границам Австрии русское правительство желало получить от Франции согласие на изменение стесняющих Россию условий Парижского трактата. Это желание и было сформулировано в ст. VII проекта: «Так как император Александр рассматривает статью Парижского трактата, ограничивающую его морские силы в Черном море, как посягательство на его суверенные права, император Наполеон обещает при заключении мира поддержать изменение трактата в смысле изъятия этой статьи, и обязуется не придать значения гарантии, которая выпала на его долю касательно сохранения этой статьи, если представится случай. Та же самая декларация применяется к статье, которая обусловливает уступку Россией части территории Бессарабии княжеству Молдаванскому» [2].

Русский проект совершенно не удовлетворил Наполеона III. Русская дипломатия не принимала тех условий союза, который, по существу, как правильно заметил Горчаков, принес бы большие и несомненные выгоды Франции, а России лишь туманные обещания Галиции и поддержку в отношении изменения Парижского трактата, «обусловленную обстоятельствами, не поддающимися никакому разумному учету» [3]. В письме принца Наполеона к Горчакову от 23/11 декабря 1858 г. было сказано, что «его величество (т. е. Наполеон III) был несколько разочарован вашим контр-проектом» [4]. Там же говорилось о том, что раз Россия не хочет итти на военный союз, то Наполеон III считает более целесообразным заключить «простой договор о нейтралитете». При этом Наполеон заявлял, что он не может «обещать считать себя свободным от соблюдения Парижского трактата. Все, что он может обещать,— это использовать первый же благоприят-

[1] К истории франко-русского соглашения 1859 г. — «Красный архив», 1938, т. 3 (88), стр. 196.
[2] К истории франко-русского соглашения 1859 г. — «Красный архив», 1938 г., т. 3 (88), стр. 198.
[3] Там же, стр. 190.
[4] Там же, стр. 197.

ный случай, чтобы попытаться уговорить великие державы по своей доброй воле отказаться от статей этого трактата, которые вы считаете посягающими на суверенные права российского императора в Черном море» [1].

Одновременно с письмом принца Наполеона Горчакову был передан проект договора, очень близкий к тексту русского проекта с тем отличием, что в ст. III говорилось, что «Их величества договорятся об изменениях в существующих договорах, которых они будут совместно добиваться в интересах обоих государств при заключении мира» [2].

Таким образом, вопрос об изменении Парижского трактата формулировался крайне неопределенно, туманно. В ответ на это с русской стороны было представлено два проекта. Один был почти аналогичен французскому. Во втором проекте русское правительство вновь попыталось обусловить свой нейтралитет обязательством Франции поддержать Россию в аннулировании некоторых статей Парижского трактата. Статью III русская сторона формулировала следующим образом: «Со своей стороны французский император при заключении мира обязуется употребить все усилия с целью аннулировать статьи Парижского трактата, которые ограничивают русские силы в Черном море и обусловливают уступку части Бессарабии Молдавии» [3].

В письме Александра II к Наполеону III от 26 декабря 1858 г. было сказано: «Я буду честно оказывать вам поддержку, но представьте мне выбор средств, времени и пределов ее» [4]. Он просил согласиться на «различие», т. е. на приведенную выше ст. III. «Я прошу Вас согласиться, ввиду моих личных соображений и для того, чтобы мы друг друга поняли и шли бы вместе к единой цели» [5]. Но с французской стороны этого согласия так и не последовало. Русское правительство и дипломатия также не пошли на расширение помощи. Русский посол в Париже П. Д. Киселев в письме к Горчакову 13/1 февраля 1859 г. писал, что, по его мнению, даже нейтралитет является слишком большой уступкой России, он предлагал еще более широкую редакцию договора [6].

В конце концов 3 марта 1859 года был подписан секретный договор между Россией и Францией. Он соответствовал французскому проекту, но отпала статья о русском корпусе на австрийской границе. Не было и статьи, предложенной Александром II, об отмене неугодных России статей Парижского мира [7].

Таким образом, был заключен договор, по которому Россия обещала лишь соблюдать нейтралитет. Попытка Наполеона III

---

[1] Там же, стр. 198.
[2] Там же, стр. 199.
[3] Там же, стр. 201.
[4] Там же, стр. 202.
[5] Там же
[6] Там же, стр. 212.
[7] Там же, стр. 215—216.

втянуть Россию в войну с Австрией, заставить ее оттянуть австрийские войска из Италии окончилась неудачей. Русская дипломатия не дала себя связать далеко идущими обязательствами, принятие которых втянуло бы ее в конфликт с Австрией.

Россия не оказывала никакого нажима на Австрию. Императрица Евгения жаловалась Киселеву, что «до сих пор позиция, занятая Россией, мало беспокоит наших врагов» [1]. Русское правительство ограничивалось лишь моральной поддержкой. Оно предупредило германские государства, что враждебные действия против Франции будут рассматриваться как нарушение трактата 1855 года. Когда же Наполеон спросил русского военного агента при главной квартире французских войск П. А. Шувалова — объявит ли Россия войну Пруссии, если та выступит против Франции, — тот ответил: «Ни за что на свете» [2].

Наполеон III не счел нужным после этого ответа продолжать войну против Австрии. Война с Пруссией, образование большого итальянского государства были ему крайне нежелательны. Для войны сразу против Пруссии и Австрии, при отсутствии русской помощи, у него нехватило бы сил. 8 июля 1859 года, в Виллафранко был заключен мир между Францией и Австрией. Это было сделано в нарушение договоренности о согласованных действиях, достигнутой с Россией в Штутгарте, это было прямое нарушение недавно заключенного с Россией договора 3 марта 1859 г. Наполеон III бросал этим вызов русскому правительству и выражал недовольство позицией России во время войны.

По получении известий о заключении Виллафранкского мира, Александр II заявил, что доверие его к политическим видам Наполеона сильно поколеблено. «Его приемы небезупречны. Нужно внимание, чтобы не вдаться в обман» [3].

Договор между Россией и Францией от 3 марта 1859 г. оказался совершенно недействительным, поскольку цели той и другой стороны оказались противоречивыми.

Россия, сближаясь с Францией, желала достигнуть с ней соглашения о Балканах, найти в ней поддержку в деле отмены унизительных для России статей Парижского трактата. Наполеон III не собирался давать каких-либо реальных обязательств, стремился лишь обеспечить себе союзника в борьбе с Австрией. С другой стороны, он считал желательным создание независимой Польши, чтобы ослабить позиции России в Европе, старался столкнуть ее с Австрией и Пруссией, что отвлекло бы последних от действий Франции в Италии.

Русская дипломатия в переговорах с Францией проявила большой такт, бдительность и осторожность. Она не поддалась на неопределенные обещания о поддержке в отношении отмены ста-

[1] Красный архив, 1938, т. 3 (88), стр. 235.
[2] С. С. Татищев, т. 1, стр. 254.
[3] Там же, стр. 255.

тей Парижского трактата, не поддалась на предложение овладеть Галицией. Горчаков в записке о секретных переговорах писал: «Были основания полагать, что предложенный союз не отвечал бы такой справедливой программе. Помощь, которую от нас требовали, неизбежно ввергла бы нас в европейский пожар, который революция и общее пробуждение народностей сделали бы вдвойне опасными и который поглотил бы средства, необходимые для проведения наших внутренних реформ, нанеся ущерб стране. Что нам предлагали взамен таких жертв? Галицию, но ценою войны с неизвестным исходом; что касается тягостных для нас условий трактата 1856 г., нам обещали при заключении мира эвентуальную поддержку, обусловленную обстоятельствами, не поддающимся никакому разумному учету. Совершенно ясно, что такое положение было для нас неприемлемо» [1]. Несомненно, что в ходе франко-русских отношений сказалась дальновидность и осторожность русской дипломатии, которая сознательно не пошла на ослабление своих позиций, на ослабление армии и страны.

Если еще до 1860 г. Франция поддерживала Россию в восточном вопросе [2], то позднее французская дипломатия выступает в восточных делах на стороне Великобритании и Австрии. Позиция Наполеона III во время польского восстания 1863 г. была уже резко враждебной России. Франко-русское сближение 50-х гг. носило чисто временный характер, оно не могло принять устойчивого характера ввиду противоречивости целей обеих сторон.

§ 2. Русская дипломатия во время польского восстания 1863 г. [3]

Польское восстание 1863 г., явившееся результатом жестокой, кровавой руссификаторской политики русского царизма, поставило правительство Александра II в крайне затруднительное положение.

В восстании приняли участие не только представители польского дворянства, но и городская беднота, а отчасти и крестьянство.

Восстание из Польши перебросилось в Литву и Белоруссию.

Восстание в Польше вызвало горячее сочувствие в рядах русских революционеров-демократов. Тайное общество «Земля и Воля» выпустило воззвание «К русским офицерам и солдатам», призывая выступить против царизма совместно с польскими революционерами.

Герцен в своем «Колоколе» решительно встал на сторону восставших. В статье «Resurrexit» он восторгался героизмом пов-

---

[1] Красный архив 1938, т. 3 (88), стр. 190.

[2] Например, в 1858 г., когда Франция совместно с Россией поддерживала Черногорию против Турции, и поддержка Милана Обреновича в Сербии против кандидата Австрии Александра Карагеоргиевича.

[3] См. гл. IV.

станцев. «Хвала вам» восклицал он [1]. С негодованием писал он о тех русских либералах и монархистах, которые стали на защиту престола и призывали к жестокому подавлению восстания. В «Письмах к противнику», адресованных славянофилу Ю. Ф. Самарину, Герцен клеймил позором тех, кто бросился на «полицейское усмирение Польши, на полицейское водворение русского элемента, на полицейскую пропаганду православия, на чиновничью демократизацию края...» [2]. Он приветствовал русских, сражавшихся в рядах польских повстанцев. «Русские юноши смертью в польских рядах засвидетельствовали не рознь свою с народом русским, а единство славянского мира, понимающего все отрасли одного дерева» [3].

Ленин в статье «Памяти Герцена» высоко оценил эту деятельность Герцена. «Герцен спас честь русской демократии» [4].

Во время польского восстания 1863 года вновь стало ясно, что Россия и царизм не одно и то же. Царизм прекрасно понимал это, отсюда стремление представить поляков мятежниками, посягающими на целостность России, на благополучие русского народа. Царское правительство всеми мерами разжигало шовинистическую кампанию в печати. Его пугало и революционное движение в самой России, оно боялось объединения русских и польских революционеров.

Серьезность создавшегося положения усугублялась тем, что польское восстание оказалось событием, вызвавшим реакцию со стороны европейских держав. Франция, Австрия и Великобритания усмотрели в польском восстании благоприятный момент для ослабления России, для нажима на нее.

Методы, которыми эти державы действовали по отношению к России, оказались неодинаковыми, но основная задача — ослабление России — была для них единой. Сходились они и в нежелании допустить образование сильной и самостоятельной Польши. Они использовали польский вопрос, как орудие в борьбе против России. Им были глубоко чужды освободительные стремления поляков. Надежды последних на поддержку западных держав всегда оказывались ложными [5].

Наполеон III давно уже лелеял план создания подвластной ему Польши, отсюда его, правда, неопределенные обещания помощи представителям польской эмиграции.

Английское правительство поддерживало движение поляков, во-первых потому, что это ослабляло Россию, во-вторых, потому, что это могло повести к желательному для него конфликту между Россией и Францией. Но оно поддерживало движение только до

---

[1] А. И. Герцен. Соч., т. XVI, стр. 25.
[2] А. И. Герцен. Избранные философские произведения, т. II, М. ОГИЗ, 1948, стр. 291.
[3] Там же, стр. 292.
[4] В. И. Ленин. Соч., т. 18, изд. 4, стр. 13.
[5] См. гл. IV.

известных пределов, отнюдь не желая восстановления независимой Польши, которая, став союзницей Франции, могла усилить позиции Франции.

Австрии были выгодны волнения в Польше, ослаблявшие Россию и приводившие к франко-русской размолвке.

Эти три державы выступили в «защиту» Польши, они потребовали от России выполнения условий Венских трактатов 1815 г., потребовали восстановления конституции Польши.

Иную позицию заняла Пруссия. Прусскому правительству слишком хорошо была известна ненависть польского народа к немецким германизаторам.

Когда восстание вспыхнуло, Бисмарк произнес в прусской палате депутатов речь (6. II—63 г. н. ст.) о том вреде, какой может польское восстание принести Пруссии, он говорил, что независимая Польша не будет вести прусской политики и будет враждебна Пруссии, что опасность будет угрожать Познани и Данцигу. Тогда же он заявил вице-президенту прусской палаты депутатов Берендту: «Польский вопрос может быть разрешен только двумя способами: или надо быстро подавить восстание, в согласии с Россией, и предупредить западные державы совершившимся фактом, или же дать положению развиться и ухудшиться, ждать, покуда русские будут изгнаны из Царства, или вынуждены просить помощи, и тогда смело действовать и занять Царство за счет Пруссии. Через три года все там было бы германизировано» [1].

Бисмарк предпочел в тот момент применить первый способ.

Товарищ Сталин в своей работе «Национальный вопрос и ленинизм» писал: «Царско-русские руссификаторы и немецко-прусские германизаторы, мало чем уступавшие в жестокости турецким ассимиляторам, более ста лет кромсали и терзали польскую нацию...» [2]. В этих немногих словах дана характеристика союза царизма и прусского юнкерства в деле уничтожения независимости польского народа. Каждый раз, когда царизму угрожала опасность со стороны Польши, на помощь ему приходил прусский милитаризм.

То же произошло и теперь. Бисмарк поспешил рассеять колебания Александра II, который под влиянием событий в Польше даже был склонен пойти на уступки полякам. Как впоследствии писал в своих воспоминаниях Бисмарк, с которым царь об этом беседовал: «Польша представляла,— по его словам,— источник беспокойства и европейских опасностей для России, а руссификация ее неосуществима из-за различия вероисповеданий и из-за недостаточных административных способностей русских властей» [3]. Бисмарк принял все меры, чтобы разуверить Александра II в целесообразности уступок. Он воспользовался слабоха-

---

[1] С. С. Татищев. Император Александр II, т. 1, СПб., 1911, стр. 441.
[2] И. В. Сталин. Соч., т 11, стр. 347—348.
[3] О. Бисмарк. Мысли и воспоминания, т. 1, М. ОГИЗ, 1940, стр. 225.

рактерностью Александра II и убеждал его в необходимости принять самые решительные меры для быстрейшего подавления восстания.

Прусское правительство приняло энергичные меры: вдоль границы были выставлены войска, не допускавшие повстанцев в прусские пределы; население Познани было предупреждено, что присоединение к мятежу будет караться, как государственная измена. В двадцатых числах января в Петербург приехал ген.-ад. Вильгельма I Альвенслебен и флиг.-ад. Раух, чтобы договориться с русским правительством о мерах подавления восстания. 8 февраля н. ст. 1863 г. Горчаковым и Альвенслебеном была подписана союзная конвенция, согласно которой войска заинтересованных государств могли переходить границу, чтобы преследовать восставших, перешедших из одной страны в другую [1].

Бисмарк рассматривал заключение конвенции, как крупную политическую победу прусской политики над стремлением Горчакова, вел. кн. Константина Николаевича и ряда других русских государственных деятелей пойти на некоторые уступки Польше и тем ослабить нараставший антагонизм между Россией, с одной стороны, и Францией, Великобританией и Австрией, с другой [2].

Оглашение Бисмарком условий конвенции было новым шагом Пруссии, рассчитанным на разжигание конфликта между Россией и западно-европейскими государствами.

Конвенция Альвенслебена вызвала страшное возмущение общественного мнения во Франции, Великобритании и даже в самой Пруссии [3].

Первым выступило английское правительство. 26 февраля 1863 г. (н. ст.) английское правительство обратилось к русскому правительству с предложением, во исполнение Венских трактатов 1815 г. даровать полякам амнистию и возвратить Польше права, полученные ею от Александра I. Французское правительство, которое приглашалось английским к совместному выступлению, воздержалось от него. Горчаков устно ответил английскому послу, что царь даст амнистию, когда только прекратится вооруженное сопротивление, что он уже даровал Польше учреждения, обеспечивающие ей административную автономию и выборное представительство [4].

В это же время Наполеон через своего посла в Петербурге пытался воздействовать на царя, побудив его к уступкам в польском вопросе. Наполеон III обратился с личным письмом к Александру 29/II—63 г. н. ст., убеждая удовлетворить требования поляков, чтобы предупредить замышляемые Англией коллективные представления и не бросить Францию в объятия врагов России.

---

[1] Б. Э. Нольде. Внешняя политика. Исторические очерки. Пгр. 1915, стр. 183. (Французский текст.)

[2] О. Бисмарк, т. 1, стр. 270.

[3] Там же, стр. 271.

[4] С. С. Татищев, т. 1, СПб. 1911, стр. 443—444.

Александр отказался дать какие-либо обязательства. В марте Англия предложила Франции сделать России коллективное представление по польскому вопросу. Франция соглашалась при условии, если Австрия присоединится к этому выступлению. Французский дипломатический представитель в Вене предлагал Францу-Иосифу союз на следующих условиях: 1) восстановление Польши в старых границах; 2) за утрату Галиции Австрия компенсируется Силезией; 3) Австрия уступает Венецию Италии и получает одну из турецких провинций на берегу Адриатики; 4) Турция компенсируется за счет русских владений на Кавказе [1]. Франц-Иосиф не пошел на союз; опасаясь войны с Россией, но и не отказал Наполеону III, стараясь оттянуть время. Три державы не достигли соглашения и по вопросу о коллективной ноте. Было решено, что каждая выступает самостоятельно, но все выступления будут приурочены к одному дню.

5/IV—63 г. н. ст. послы Великобритании, Франции и Австрии вручили Горчакову копии полученных ими от своих правительств депеш. Английская депеша настаивала на возвращении Польши к положению 1815 года, австрийская, ссылаясь на близость Галиции, говорила о необходимости скорейшего «умиротворения края»; французская — говорила в общих выражениях о новом устройстве, которое должна получить Польша.

Это было время, когда восстание находилось в полном разгаре, охватывая также районы Белоруссии, Литвы, Волыни и Подолии, когда руководивший восстанием Центральный комитет объявил себя «народным правительством» и провозгласил полное отделение Польши, Литвы и части Украины от России. Горчаков отвечал всем трем державам в письменной форме: ответ был осторожный и сводился к тому, что царь — «лучший друг Польши», но, что ему мешает работа «партии всесветной революции». Горчаков даже просил французское правительство оказать содействие в умиротворении Польши.

После ответа Горчакова парижский и лондонский кабинеты обратились ко всем европейским державам с приглашением принять участие в давлении на Россию. К ним присоединились Италия, Турция, Испания, Швеция, Нидерланды, Дания, Португалия, а также папа Пий IX.

Пруссия категорически отклонила предложение, заявив себя решительной сторонницей подавления восстания. Отклонили предложение также США, исходя из принципов невмешательства в дела Старого Света. За ними последовала Бельгия, Швейцария и представители германских дворов, ссылаясь на свою нейтральность.

5 июля ст. ст. в Петербурге были получены ноты из Парижа, Лондона и Вены, перечислявшие конкретные меры, предлагаемые державами для разрешения польского вопроса. Это было время,

---

[1] А. Дебидур. Дипломатическая история Европы, т. II, М.-Л., 1947, стр. 241.

когда Муравьев проводил беспощадное подавление восстания, а вновь назначенный командующий войсками и Царстве Польском ген. Берг начал не менее решительные действия на территории Польши. Царское правительство чувствовало себя теперь значительно увереннее. Эта уверенность возрастала также и потому, что позиция лорда Росселя и позиция лорда Нэпира (английского посла в Петербурге) говорили о том, что Англия не заинтересована в передаче вопроса на международную конференцию, и что она не склонна к решительным действиям. Австрия не намерена выступать сколько-нибудь решительно, опасаясь войны с Россией, — в этом царское правительство было также уверено. Свой ответ державам (1. VII—63 г.) Горчаков составил теперь в твердых тонах, заявив, что предложение перенести польский вопрос на международную конференцию является недопустимым вмешательством во внутренние дела России, что для России возможно соглашение по польскому вопросу лишь с Австрией и Пруссией. Раздраженный ответом французский кабинет, предложил Англии и Австрии подписать протокол или конвенцию о совместных решительных мерах против России. Англия отклонила это предложение. Цель ее была уже достигнута — Франция была оторвана от России. Французскому министру иностранных дел Друэн-де Люису удалось добиться только того, чтобы все три державы ответили нотами на отказ Горчакова. 30 июля ст. ст. ноты трех держав были пересланы в Петербург. Общая мысль, в них заключающаяся, сводилась к тому, что занятая Россией позиция возлагает на нее ответственность за последствия.

26 августа (7 сентября) Горчаков ответил, что государь позаботится о благосостоянии Польши. Ответственность по международным отношениям определяется международным правом, которое Россия всегда неуклонно соблюдала [1]. Горчаков отвечал дерзко и уверенно, зная, что обстановка в Европе изменилась, Англия более не поддерживала поляков, т. к. на севере возникал серьезный конфликт между Данией и Пруссией из-за герцогства Шлезвига и Голштинии. Англия заявила 20 октября 1863 г. о том, что она с удовлетворением принимает намерения России по отношению к Польше.

Наполеон III пытался еще действовать в прежнем духе. В конце октября он предложил державам созвать конгресс в Париже. В пригласительных письмах (25/X и 4/XI 1863 г.) польский вопрос даже не упоминался, говорилось об умиротворении Европы и пересмотре Венского трактата.

Александр II ответил согласием принять участие, но просил «...точно указать вопросы, которые по вашему (т. е. Наполеона III) мнению, должны бы послужить предметом соглашения...» [2].

---

[1] С. С. Татищев, Александр II, т. I, СПб. 1911, стр. 458.
С. С. Татищев, т. 1, СПб., 1911, стр. 459.

Проектированный Наполеоном конгресс не состоялся, вследствие решительного отказа Англии, которая не хотела обсуждать вопрос о границах Франции и балканские проблемы, которые не замедлила бы поставить русская дипломатия. Не хотела она и создания независимой Польши.

После этого и Наполеон III уже более не возбуждал польского вопроса. Европейские державы забыли о Польше, предали ее в руки царских усмирителей-руссификаторов.

Герцен в январе 1863 г. предсказал, что Польша будет предана Европе. Он горько иронизировал: «Что-то сделает Европа? Она не допустит? Допустит ли она еще раз?» и отвечал: «Допустит. Она устами другого монарха (Наполеона III) обеспечит, что «национальность польская не погибнет», и успокоит народное сочувствие известием с трибуны, что «порядок царствует в Варшаве» [1].

Польский вопрос в руках французской и английской дипломатии был лишь орудием борьбы против России. Правительства Франции и Великобритании так же как и Бисмарк ненавидели революционную Польшу. Этим воспользовалась русская дипломатия в лице Горчакова, который не только считал, что польский вопрос является внутренним делом России, но был уверен в том, что противоречия между Францией и Англией настолько велики, что они никогда не решатся на какие-либо действенные меры в польском вопросе и ограничатся лишь дипломатическими нотами.

События 1863 года способствовали, с одной стороны, сближению России с Пруссией, а с другой стороны, еще большему охлаждению ее отношений с Францией и Великобританией.

§ 3. Балканская политика России в 50—60-х гг. XIX века

Поражение в Крымской войне и потеря исключительного влияния в делах Востока после того как Парижским трактатом было установлено всеевропейское покровительство над христианскими подданными Оттоманской империи, не ослабило настойчивости русской дипломатии в восточном вопросе.

Напротив, восточная политика России приобрела более последовательный характер. Она проводилась не только через дипломатические каналы, но и через посредство общественного мнения как России, так и балканских стран.

Активность России в восточном вопросе не случайна.

Она была вызвана стремлением русского правительства восстановить свое влияние на Балканах, а также и тем обстоятельством, что в результате войны стало ясно, что только народы Балканского полуострова могут быть надежными союзниками в разрешении восточного вопроса, что сломить Оттоманскую импе-

[1] А. И. Герцен. Соч., т. XVI, стр. 27.

рию можно только путем активной поддержки борьбы этих народов за независимость против феодальной Турции.

Крымская война явилась поражением российской дворянской империи, поражением господствующего класса дворянства. Вот почему именно в дворянских кругах в конце 50-х и в 60-х гг. настойчиво начинает проводиться мысль о необходимости самого тесного союза с славянством. В дворянской среде развивается течение панславизма в его великодержавном обличии.[1] Объединение славян мыслится панславистами и «присоединившимися» (Герцен) к ним славянофилами, как создание обширнейшей славяно-греко-румынской империи во главе с русским монархом. В союзе с славянством видят панслависты путь к возрождению мощи российского самодержавия, уничтожению Оттоманской империи и захвату Константинополя и проливов.

В эти годы славянофилы в лице И. С. Аксакова, А. С. Хомякова, А. Ф. Гильфердинга и др. окончательно смыкаются с «императорскими панславистами» (Герцен), наиболее активными представителями которых являлись М. П. Погодин, В. И. Ламанский, К. П. Победоносцев, М. Н. Катков, генералы: Р. А. Фадеев, М. Г. Черняев, Н. П. Игнатьев. При дворе они нашли поддержку у вел. кн. Александра Александровича (впоследствии Александра III) и императрицы Марии Александровны.

Они использовали все средства для идеологического и непосредственного воздействия на правительство и общество в целях возбуждения славянского вопроса и развязывания войны против Турции, якобы, единственно с целью «освобождения» славян, на самом деле для осуществления захватов на Балканах и подчинения славян, греков и румын русскому самодержавию.

Реакционные теории панславизма нашли резкий отпор со стороны Н. Г. Чернышевского и А. И. Герцена. Н. Г. Чернышевский, выражая горячее сочувствие борьбе балканских народов за свое освобождение, считал, что объединение их против Турции должно стать делом самих балканских народов. Он решительно выступал против панславистских планов создания славяно-византийской империи на Балканах. В статье «Народная бестолковость» (День, №№ 1 и 2), напечатанной в 1861 году, в связи с выходом первых номеров славянофильской газеты «День», Н. Г. Чернышевский писал:

«Есть между нами, русскими, люди, фантазия которых обуревается фальшивой робостью, будто мы, русские, сами по себе недостаточно сильны, и которые хотели бы увеличить могущество своей родины прибавкой новых областей.

Но они замечают, что завоевать обширные области в Европе против желания завоевываемых населений теперь дело слишком

[1] «Императорских панславистов» в России, как называл их Герцен, и их теории не следует смешивать с ранними панславистами типа Л. Штура, Я. Коллара, которые под термином «панславизм» понимали главным образом культурное объединение всех славян.

трудное, едва ли возможное для какой бы то ни было державы. Поэтому продумали они другую тактику. Они стремятся пробудить в славянских племенах желание добровольно искать нашего покровительства, возбуждая в них племенную ненависть ко всем другим цивилизованным народам, развивая в этих племенах мысль, что сами по себе они слишком слабы, что они без нашей помощи ничего не смогут сделать для себя и, что только под нашим покровительством могут они сохранить свою народность. С этой целью толкуют они о любви нашей к славянским племенам. Но дело тут вовсе не в любви к ним, а в эгоистическом расчете подчинить нам их, — тут не желание добра им, а желание увеличить собственное могущество». [1]

В 1859 году произошло объединение Молдавии и Валахии в единое румынское государство. В Сербию, вернулся после свержения австрийского агента Александра Карагеоргиевича основатель сербского княжества кн. Милош Обренович. Н. Г. Чернышевский в статье: «Возвращение князя Милоша Обреновича в Сербию» [2] писал:

«В чувствах, с которыми было принято сербами восстановление единства румынов, а румынами восстановление национального правления в Сербском княжестве, надобно видеть лучший залог возможности удовлетворительной развязки натянутого положения дел в христианских областях Европейской Турции, поскольку они понимают, что должны действовать дружно, и что федерация [3] их разных племен — необходимое условие для приобретения и сохранения их свободы» [4].

А. И. Герцен в ряде своих статей заклеймил *«присоединившихся»* [5] к «императорским панславистам» славянофилов. Он охарактеризовал их как лакеев царизма и руссификаторов. «Это — любители холопства, — писал Герцен, — принимающие абсолютизм за единственную просвещенную правительственную форму, пропагандирующие превосходство донских вин над французским Кот-д'Ора, проповедующие *руссификацию* [6] западным славянам и наполняющие их души той благородной ненавистью к немцам и мадьярам, которая сослужила такую хорошую службу разным Гайнау и Виндишгрецам [7]. Не признавая официально их учения, правительство оплачивает их путевые издержки [8] и посылает их чешским и кроатским друзьям голштинские кресты св. Анны, подготовляя для них такие братские объятия, какими

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Соч., т. VIII, СПб., 1906, стр. 331—332.
[2] Написана в 1859 г.
[3] Повидимому слово «федерация» применено здесь в смысле союза балканских народов против Турции, а не как государственного объединения.
[4] Н. Г. Чернышевский. Соч., т. X, СПб., 1906, ч. 2, стр. 124.
[5] Курсив А. И. Герцена.
[6] Курсив А. И. Герцена.
[7] Усмиритель революции в Венгрии в 1848—1849 гг.
[8] Речь идет о путешествии М. П. Погодина в славянские страны.

оно задушило Польшу»[1]. В статье от 20 октября 1860 г. «Сербы и черногорцы» А. И. Герцен, обращаясь к южным славянам, подчеркивал, что существует резкая грань между русским царизмом и русским народом. Он указывал на непрочность самодержавия и на рост революционных сил России.

«По счастью Зимний дворец — не вся Россия, даже не весь Петербург; его золотое время, то время, когда он, как феникс, по манию Клейнмихеля, возникал из огня на трупах работников, прошло.

Другая Россия, вне дворца, вне табели о рангах растет; она слаба, но и Зимний дворец не так крепок, — он без гроша (разве Австрия даст взаймы?). Другая Россия приветствует вас своими братьями, протягивает вам руки»[2].

Герцен предлагал балканским славянам свой «Колокол», как средство для связи с «настоящей Россией». «На первый случай мы предлагаем вам наш вольный заграничный орган, чтоб перекликнуться с Россией. Он слишком слаб, чтоб служить мостом для легионов, но он может служить доской, брошенной через овраг, на которой могут встретиться два брата, потолковать о своих делах и пожать друг другу руки!»[3].

Революционные идеи Н. Г. Чернышевского и А. И. Герцена находили широкий отклик среди славян, особенно среди тех, которые жили и обучались в России. Известно, какое влияние оказали Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен на формирование мировоззрения великого болгарского революционера Христо Ботева, выдающегося болгарского писателя Любена Каравелова, сербского демократа Светозара Марковича[4]. Любен Каравелов на страницах русской печати выступал против панславистских воззрений московских панславистов[5]. Лучшие представители балканских славян питали большую любовь к «настоящей России», к братскому русскому народу и решительно отвергали попытки русских панславистов подчинить их своему влиянию.

* * *

В период после Крымской войны своей основной задачей русское правительство считало укрепление своего влияния в балканских странах, устранение соперничества со стороны Австро-Вен-

---

[1] А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России, гл. VI. «Московский панславизм и русский европеизм». (1851). Соч., т. VI, стр. 386.

[2] А. И. Герцен. Соч., т. X, стр. 437.

[3] А. И. Герцен. Соч., т. X, стр. 438.

[4] Д. Б. Слейша и И. С. Нарский. «Из истории философской мысли западных и южных славян». — «Вопросы философии», 1950, № 1, стр. 200—225.

[5] Примером может служить его статья «По поводу славянского отдела газеты «День», где Каравелов резко критиковал панславистские концепции аксаковской газеты по славянскому вопросу. — «Русская речь и Московский вестник» 1862, № 1, 4 января, стр. 15—16. Отдел «Смесь».

грии и Великобритании, подготовляя таким образом обстановку для отмены тяжелых и унизительных статей Парижского трактата в отношении Черного моря. И в этом отношении деятельность панславистов оказывала ему существенную помощь. Александр II разрешил организацию в 1858 г. Московского славянского комитета, панславистской организации, которая официально ставила своей задачей установление культурных сношений России с славянами, оказание помощи учащимся-славянам в России. Но в действительности, главной задачей комитета было укрепление среди славян мысли о том, что только русский царизм может освободить славян, что только в составе российской империи мыслимо их существование. Эта организация была очень удобным для правительства посредником в деле укрепления русского влияния на Балканах. Славянский комитет завязал тесные сношения с деятелями национально-освободительного движения на Балканах, правда, связи устанавливались преимущественно с представителями правого направления, тяготевшими к официальной России, сторонниками идей панславизма. Нельзя отрицать известного значения деятельности Комитета в смысле расширения культурных связей России с славянскими странами, но не это, как уже было указано, являлось основной функцией комитета.

Русская дипломатия и сама действовала чрезвычайно активно, постоянно являясь инициатором всех предложений об улучшении положения православного населения Ближнего Востока. Вначале русское правительство пыталось добиться объединения всех народов Балканского полуострова против Турции, т. е. греков, румын и славян. Но к концу 60-х гг., ввиду враждебности греческого и румынского правительств, русская дипломатия развивала свою деятельность преимущественно в славянских странах Балканского полуострова.

Русской дипломатии приходилось действовать в одиночку, не только не встречая поддержки у других держав, но наталкиваясь на яростное сопротивление, особенно со стороны Великобритании и Австрии. Это одиночество зачастую вело к безрезультатности дипломатических предприятий России, что правда не ослабляло ее настойчивости. [1]

В целях ослабления Турции царская дипломатия встает на путь поощрения национально-освободительной борьбы славян, греков и румын против оттоманского владычества. Борьба народов Балканского полуострова против Турции была борьбой за уничтожение рабства, бесправия и феодального гнета, была борьбой против жестоких турецких ассимиляторов, о политике которых товарищ Сталин писал: «Турецкие ассимиляторы, — наиболее жестокие из всех ассимиляторов, сотни лет терзали и кале-

[1] Записки Н. И. Игнатьева. «Известия Министерства иностранных дел», СПб., 1914, кн. 1, стр. 101. Игнатьев пишет, что представители иностранных держав всегда договаривались между собой, когда дело шло о том, чтобы противодействовать России.

чили балканские нации, но они не только не добились их уничтожения, а оказались вынужденными капитулировать».[1]

В своем сочинении «Относительно марксизма в языкознании» товарищ И. В. Сталин отмечает, что турецкие захватчики пытались даже лишить балканские народы их родного языка, но не добились успеха. «Сотни лет турецкие ассимиляторы старались искалечить, разрушить и уничтожить языки балканских народов. За этот период словарный состав балканских языков претерпел серьезные изменения, было воспринято не мало турецких слов и выражений, были и «схождения» и «расхождения», однако балканские языки выстояли и выжили. Почему? Потому, что грамматический строй и основной словарный фонд этих языков в основном сохранились».[2]

Борьба балканских народов против турецких угнетателей происходила в условиях крайне враждебного отношения европейских держав, поддерживавших феодальную Турцию и стремившихся сделать балканские народы объектом своей колониальной политики. В связи с этим политика русского правительства, в своих целях поддерживавшего эту борьбу славян против турецких феодалов, объективно содействовала достижению независимости балканских народов от власти султана.

* *
*

Отношения России с Румынией в 50—60-х гг. XIX в. складывались неблагоприятно для русской стороны. В Румынии русская дипломатия постоянно наталкивалась на противодействие французской и прусской дипломатии. В августе 1858 г. Парижская международная конференция решила вопрос об объединении Молдавии и Валахии, которые получили название «Соединенных княжеств»[3]. Единым господарем был избран князь Александр Куза (январь 1859 г.). До 1861 года, однако, продолжали существовать отдельные собрания и министерства для каждого княжества. В декабре 1861 года Куза особым манифестом объявил о полном объединении румынской нации. Куза, выражавший интересы румынского дворянства и буржуазии, провел целый ряд реформ, вызвавших недовольство румынского боярства и особенно духовенства. Он провел секуляризацию монастырских земель и аграрную реформу, несколько улучшившую положение румынских крестьян, поскольку была отменена барщина. При нем были произведены преобразования в области судебного законодательства. Кузу поддерживал Наполеон III, отстаивавший выгоды французских капиталистов, успевших уже к тому времени

[1] И. В. Сталин. Соч., т. XI, стр. 347.
[2] И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950, стр. 26.
[3] Конвенция относительно устройства Дунайских княжеств от 7/19 августа 1858 г. Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, т. XV, стр. 360—377.

проникнуть в Румынию и завладеть финансами молодого государства.

Русская дипломатия поддерживала оппозиционное Кузе боярство и духовенство. Но этим она не изменила положения, не завоевала симпатий в стране. Когда в 1866 г. Куза был свергнут боярской оппозицией, то возобладало влияние Пруссии и Франции. На румынский престол европейские державы поставили Карла Гогенцоллерна — племянника прусского короля, родственника Наполеона. Русское правительство вынуждено было признать новый порядок, примирившись таким образом с полной утратой там своих позиций. Русский посол в Турции Игнатьев писал, что Россия сочла невозможным протестовать против объединения, так как «мы не могли быть более турками, чем сами турки», да к тому же «невозможность возврата к старому порядку стала очевидной...», «...идея объединения пустила глубокие корни в сознании масс». [1] В письме Горчакова к Игнатьеву от 9/21 ноября 1866 г. говорилось, что русское правительство может только приветствовать объединенные княжества и их князя — Карла Гогенцоллерна. [2]

В Греции после низложения короля Оттона, бывшего принца Баварского, на престол был избран принц датский Вильгельм-Георг (1863 г.). Это означало торжество английского влияния. В компенсацию за избрание своего ставленника английское правительство уступило Греции (2/XI—63 г. н. ст.) находившиеся до тех пор под протекторатом Англии Ионические острова. Ни Греция, ни Румыния не могли служить точкой опоры для политики царской России на Востоке.

Султанское правительство, издавшее после решений Парижского конгресса обширный меморандум с обещанием реформ, предоставления равноправия своим православным подданным, не собиралось однако выполнять свои обещания, тем более, что державы и не настаивали на этом.

В мае 1860 г. русское правительство в связи с восстанием в Боснии и Герцеговине и войной Черногории против Турции, обратилось к европейским державам с предложением вмешаться и защитить славян, так как обещания Турции остались лишь на бумаге. Оно подчеркивало, что время «иллюзий прошло и что всякое колебание, всякое затягивание дела будет иметь серьезные последствия» [3].

Весной 1862 года четырехлетняя война маленькой Черногории с Турцией закончилась победой турок. Порта предъявила

---

[1] Записки Н. П. Игнатьева. «Известия Министерства иностранных дел», 1914, кн. 1, стр. 115.

[2] Das Staatsarchiv Bd. 12 1867 Hamburg 1867. № 2703, s. 323

[3] С. С. Татищев. Император Александр II, т. 1 СПб,, 1911, стр. 244. Das Staatsarchiv. Bd 12 186 . Hambourg. 1867, № 2703, s. 325. Горчаков—Циркулярная депеша представителям России заграницей от 20 мая 1 июня 1860 г.

Черногории ультиматум, по которому эта маленькая страна должна была вновь стать провинцией Турции. Россия вступилась за Черногорию, которой Турция навязывала унизительные условия мира. Но в своем протесте она столкнулась с сопротивлением Англии, которая нашла условия мира, вновь делавшие Черногорию подвластной провинцией Турции, вполне приемлемыми. Английский министр иностранных дел — Россель в существовании Турции видел залог ослабления сепаратистских стремлений греков и славян, которые «клонятся к ослаблению уз повиновения Оттоманской империи и состоят в более или менее тесной связи с преступными происками, действие которых Турция испытывает в Сербии и которых конечная цель столько же низвержение всякой монархии в Европе, сколько и разрушение целости Оттоманской империи» (письмо Росселя к Лумлею, английскому поверенному в делах в С.-Петербурге от 18 сентября 1862 г.) [1].

Горчаков отвечал, что насильственные меры, применяемые Турцией, ведут к положению, «при котором возможно только прибегнуть к силе» [2]. Таким образом, Россия оправдывала действия повстанцев. Русская дипломатия настояла на сохранении прежнего положения Черногории, как вассального, но внутренне автономного княжества.

* * *

К началу 60-х гг. в Сербии широкую популярность приобрели планы создания Балканского Союза для борьбы против Турции, в целях достижения полной независимости страны, уничтожения остатков турецкого господства. Это стремление Сербии нашло сначала единодушный отклик в среде болгар, румын, греков. Сербское правительство в 1860 г. связалось с выдающимся болгарским революционером Георгием Раковским. Последний увидел в боевом союзе с Сербией прекрасное средство для освобождения своей родины. Он начал готовить в Белграде болгарские дружины для совместного с сербскими войсками выступления против Турции, намечавшегося на конец 1862 г. Однако эти планы не получили осуществления. В мае 1862 г. в связи с уличным инцидентом турецкий гарнизон белградской крепости произвел обстрел незащищенного города. Это вызвало решительный протест со стороны сербского правительства, использовавшего это событие для того, чтобы потребовать от Порты удаления турецких гарнизонов. Русская дипломатия поддержала сербского князя Михаила. Европейская конференция, созванная в Канлидже под Константинополем, после долгой борьбы между русскими и австрийскими делегатами, потребовала от Порты удаления гарнизонов из всех крепостей, за исключением Белграда, Шабаца и Сме-

[1] С. С. Татищев. т. 1, СПб., 1911, стр. 385.
[2] Там же, стр. 386—387.

редева.[1] Сербия ввиду вмешательства держав должна была на время отказаться от вооруженного выступления против Турции. Поэтому планы совместного сербо-болгарского выступления не смогли осуществиться. Этому помешали кроме того пан-сербистские тенденции князя Михаила, стремившегося к установлению господства Сербии над всеми народами Балканского полуострова. Демократические круги Болгарии, усмотрев эту тенденцию, значительно охладели к идее союза.[2]

Однако и после 1862 г. сербское правительство не прекращало подготовки к созданию Балканского союза. Одновременно оно настойчиво добивалось от Порты вывода последних турецких гарнизонов. Вновь, при содействии русской дипломатии, оно добилось того, что в феврале 1867 г. турки окончательно покинули Сербию.

Русское правительство принимало деятельное участие в организации балканского союза. Переговоры Сербии с Грецией, начавшиеся еще в 1861 году, не привели к соглашению, поскольку притязания Греции на занятие Фессалии, Эпира и Македонии не встретили поддержки со стороны Сербии. В 1866 г. переговоры возобновились, но вновь возник спор о Македонии. Игнатьев, русский посол в Константинополе, пытался уладить этот спор, указывая, что необходимо сначала добиться объединения против общего врага, а по достижении основной цели, заниматься разделом еще принадлежащей Турции территории. В этом вмешательстве Игнатьева раскрывались цели русской дипломатии — сохранить единство балканских народов в борьбе против Турции, поскольку лишь всеобщее объединение могло обеспечить успешность действий в борьбе против Оттоманской империи.[3]

В те годы это объединение казалось наиболее возможным, тем более, что в Греции в это время развернулось широкое движение помощи восставшим в 1866 г. против Турции критянам, в Болгарии крайне обострилась борьба за независимость болгарской церкви, за ее отделение от константинопольской патриархии, за освобождение страны от турецкого ига.

Русское правительство оказывало самую энергичную поддержку Сербии, как центру этого всего объединения.[4] Русская дипломатия, с другой стороны, всячески предупреждала Сербию против преждевременного, неподготовленного выступления, что было особенно опасно ввиду военной слабости Сербии, а также

---

[1] С. А. Никитин. Дипломатические отношения России с южными славянами в 60-х гг. XIX в. — в кн. «Славянский сборник», М. Госполитиздат, 1947, стр. 267—268; Н. С. Державин. История Болгарии, т. IV, М.—Л., 1948, стр. 118—120.

[2] Н. С. Державин. Указ. соч., т. IV, стр. 118—120.

[3] Записки Н. П. Игнатьева, «Известия МИД», СПб., 1914, кн. 3, стр. 104—105.

[4] Об этом см. статью С. А. Никитина. Дипломатические отношения России с южными славянами 60-х гг. XIX в. Славянский сборник. М. Госполитиздат, 1947, стр. 281—288.

и вследствие враждебной, реакционной политики Великобритании и других европейских держав по отношению к освободительному движению балканских народов против турецкого господства.

К концу 1867 года Балканский союз казалось был близок к завершению. Сербия заключила союз с Грецией, Черногорией, а также соглашение с одним из болгарских комитетов,[1] и конвенцию с Румынией.

Но в это время в сербском правительстве обнаружились колебания. Австрийский канцлер Андраши приложил все силы, чтобы взорвать союз изнутри.

В мае 1868 г., при загадочных обстоятельствах, был убит главный инициатор союза кн. Михаил. Его преемник Милан встал на сторону Австро-Венгрии против России.

Идея Балканского союза рухнула, объединенный натиск славян, греков и румын на Турцию не состоялся.[2]

Освобождение принесла лишь русско-турецкая война 1877—1878 гг.

В Болгарии в те годы шла напряженная борьба против турецкого гнета и против засилия греческого духовенства, поддерживаемого турецким султаном.

Революционные болгарские комитеты, руководившиеся такими выдающимися деятелями национально-освободительного движения как Христо Ботев, Любен Каравелов, все усилия направляли на борьбу против турецкого господства, правильно подчеркивая, что уничтожение гнета турок приведет к исчезновению духовного порабощения со стороны реакционного греческого духовенства. Однако, силы революционных кругов Болгарии были еще очень слабы, и неоднократные восстания болгар против турок приводили к неудачам.[3]

Борьба болгарского народа за национальную церковь в те годы, как правильно отмечает академик Н. С. Державин, «представляла собой один из существенных пунктов содержания национального движения болгар, вытекавшего из всего комплекса основных факторов и противоречий данного исторического момента, противостоявших национальной буржуазии на путях ее капиталистического развития. Борьба за национальную и церковную независимость на этом этапе развития болгарской буржуазии была поэтому прогрессивным явлением и представляла собой по существу, борьбу за национальное самоопределение».[4]

Учитывая это обстоятельство, можно сказать, что поддержка, оказанная русской дипломатией болгарам в этом вопросе, имела положительное значение, тем более, что со стороны Франции, Англии и Австро-Венгрии была попытка или поддержать Турцию,

[1] На этот раз соглашение было заключено с «Болгарским центральным тайным комитетом», состоявшим из тех представителей болгарской буржуазии, которые желали государственного объединения Болгарии с Сербией.

[2] См. Указ. выше статью С. А. Никитина.

[3] Н. С. Державин. История Болгарии, т. IV, стр. 103.

[4] Там же.

или же попытка навязать Болгарии унию с католической церковью, или распространить там протестантизм для того, чтобы подчинить болгар своему влиянию, уничтожить их культуру.[1] В 1870 г. болгары, при поддержке русской дипломатии, добились того, что турецкое правительство издало фирман, которым учреждался Болгарский экзархат, болгарская церковь становилась фактически независимой от греческой патриархии. Это было первым крупным успехом болгар в их борьбе за свою национальную свободу и сохранение своего языка и культуры.[2]

В 1866 г. вспыхнуло восстание на о. Крите, населенном греками, но находившемся в вассальном подчинении у султана. Движение в пользу соединения Крита со своей «матерью» Грецией было делом не новым. В 1866 г. национальное собрание критян приняло решение «сбросить с себя иго трактатов». Греческое правительство активно поддерживало восставших. Князь Михаил сербский вступил в сношения с Афинами по вопросу о совместных действия против турок. Присутствие в Средиземноморских водах русской эскадры, перевозившей семьи восставших с о. Крит в греческие порты, действовало ободряюще на греков.

Русская дипломатия, в противовес западно-европейской, выступила инициатором самых решительных действий против Турции. Горчаков писал в одной из своих депеш русскому послу в Париже бар. Буббергу 16/28 ноября 1866 года: «нам представляется недопустимым, чтобы при этих обстоятельствах какая-либо держава вязла на себя смелость отстаивать турецкое владычество против отчаяния христиан», т. е. против восстания[3]. В дни Критского восстания русское правительство предложило на рассмотрение держав широкий проект реформ в Турции, гарантирующих Албании, Болгарии, Боснии, Герцеговине, Эпиру, Македонии и Фессалии внутреннее самоуправление[4].

Но русская дипломатия оказалась одинокой, ее проект никто не поддержал. Не было поддержано и ее предложение о передаче Крита Греции и об эффективных действиях против Турции.

Восстание на Крите было жестоко подавлено.

Англия, Франция, Австро-Венгрия остались и в этом случае на позиции поддержания status quo, т. е. увековечения угнетения турками балканских народов.

Действия русской дипломатии на Балканах в период 60—70-х гг. постоянно наталкивались на антирусскую коалицию Великобритании, Франции и Австро-Венгрии.

---

[1] Там же, т. V, стр. 103—114; С. А. Никитин. Дипломатические отношения России с южными славянами в 60-х гг. XIX в. Славянский сборник, 1947, стр. 269—281.

[2] Указ. соч., Н. С. Державина, стр. 106—109 и указ. статья С. А. Никитина.

[3] С. С. Татищев, Император Александр II, т. II, СПб., 1911, стр. 60. Das Staatsarchiv, 1 Bd 18 [illegible] Hamburg 8 8. № 3017 s. 19.

[4] С. С. Татищев, т. II, СПб., 1911, стр. 60; Das Staatsarchiv, 14. Bd 1868. Hamburg, № 3025, s 38-45.

Правда, это обстоятельство не ослабляло активности русского правительства.

Отмена некоторых статей Парижского трактата усилила позиции России на Балканах. Авторитет русской дипломатии значительно возрос и привел к ослаблению австрофильских тенденций, обнаружившихся было в Сербии и Черногории. В 1873 году происходит теснее сближение России с Сербией и Черногорией.

В Болгарии русское влияние очень усилилось после фирмана 1870 г. об организации болгарского экзархата.

§ 4. Политика России на Дальнем Востоке

Присоединение крупных территорий в Приамурье и Уссурийском крае к России намечалось еще в 40-х гг. Приамурский край по существу не был еще никем заселен, китайцы, которым он принадлежал по Нерчинскому договору 1689 г., не сумели его колонизировать между тем для России приобретение его принесло бы значительные выгоды как в экономическом, так и стратегическом отношении, поскольку это способствовало бы развитию торговли с Китаем, соединило бы Сибирь с Тихим океаном, наконец, помешало бы проникновению англичан в пограничные с Китаем области.

В 1844 г. Николай I предписал Российско-американской компании провести обследование реки Амура. Весной 1846 г. оно было начато судном компании «Константин» под командой Гаврилова. В 1849 г. обследование устья р. Амур было поручено капитан-лейтенанту Г. И. Невельскому. Экспедиция Невельского была организована при деятельной поддержке генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева.

Муравьеву хорошо были известны намерения англичан, закрепившихся к тому времени на юге Китая, обосноваться на северных его границах, захватить единственный путь из Сибири в Тихий океан и, таким образом, создать угрозу для русских владений в Восточной Сибири, лишить русских возможности торговать с Китаем.

В записке, относящейся к 1849 г., Муравьев писал: «Для вящего и полного обладания торговлею в Китае, англичанам неоспоримо нужно устье Амура и плавание по этой реке. Если бы Амур не была единственная река, текущая из Сибири, то мы могли бы еще быть снисходительны к их предприятиям, но плавание по Амуру, как по единственному пути к Востоку, есть вековая мечта сибиряков всех состояний, может быть, инстинктивная, но тем не менее основательная» [1].

Он указывал, что овладение Амуром даст возможность развить торговлю с Китаем, и вместе с тем поможет не потерять связей с Китаем, где все усиливались англичане.

---

[1] И. Барсуков. Граф Н. Н. Муравьев-Амурский. Материалы для биографии, кн. II, М. 1891, стр. 46—47.

Экспедиция Невельского собрала огромный материал об Амурском крае. Научная экспедиция действовала одновременно с торговой, организованной в Российско-американской компанией. Обе экспедиции завязали сношения с местным населением — гиляками, которые просили у русских помощи против набегов манчжур. Выяснилось, что весной 1850 г. в районе о-ва Сахалина появились два больших военных судна, вооруженные пушками. Они пробыли там около полутора месяцев, измеряли глубину океана, производили топографические снимки. Это была английская разведка, сильно встревожившая местное население. Муравьев писал в своем отчете о результатах экспедиции Невельского, что «...не только гиляки, но и сами манчжуры встревожились этим посещением; и последние, из опасения, чтобы рыжие (как они называют англичан) не проникли по Амуру и впадающим в него судоходным рекам внутрь междуречья, сознаваясь перед русскими, что они сами в силах воспрепятствовать этому вторжению, и находя даже полезным для себя, чтобы русские защищали вход в р. Амур, вместе с тем очень желают завести торг с нашими в тех сторонах» [1].

Муравьев настаивал на том, чтобы возможно скорее договориться с китайским правительством и предупредить таким образом намечавшийся англичанами захват края.

Осуществлению агрессивных замыслов Англии помешало вспыхнувшее в Китае восстание тайпинов. Это обеспечило успех русским, действовавшим исключительно мирными методами.

В 1850 г., с согласия китайского правительства, возникло первое русское поселение на Амуре — Петровское. В 1851 году служащие Российско-Американской Компании были поселены на посту Николаевском [2].

В 1854 г., во время Крымской войны, когда англо-французский флот угрожал Камчатскому побережью, Н. Муравьев перевел Петропавловский гарнизон и суда в устье Амура. В 1855 г. в низовья Амура прибыли первые русские поселенцы и начались переговоры с китайским правительством о разграничении по Амуру. Муравьев добивался признания за Россией права на левый берег Амура и на свободную торговлю в северных провинциях Китая. Переговоры затянулись сначала вследствие неуступчивости китайского правительства, а затем из-за начавшейся в 1856 г. новой англо-китайской войны. Англичане жестоко расправились с Китаем. К Англии присоединилась Франция. Англо-французские бандиты разрушали города, истребляли население. Под дулом английских пушек китайское правительство пошло на кабальные условия мира, превращавшие Китай в полуколонию английского капитализма.

В это время китайские правители находились в таком критическом положении, что Россия вполне могла захватить Амурский

[1] И. Барсуков. Указ. соч., т. II, стр. 78—79.
[2] С. Б. Окунь. Указ. соч., стр. 208—209.

край и не добиваясь их согласия. Энгельс писал, что «китайская империя превратилась в империю, настолько разложившуюся, что едва ли где-нибудь она способна держать в руках свой народ или оказать сопротивление чужеземному вторжению»[1].

Но русское правительство было заинтересовано в сохранении мирных отношений с Китаем, как средства развития торговли с ним. Важно было завоевать симпатии китайцев, противопоставить русскую мирную политику жестокой истребительной поработительной политике англичан.

16/28 мая 1858 г. Н. Муравьев и айгунский дзянь-дзюнь И-Шань подписали в Айгуне договор, по которому левый берег Амура от реки Айгуна до устья Амура отходил к России, а Уссурийский край от впадения Уссури в Амур до моря признавался совместным владением России и Китая [2].

1/13 июня 1858 года в Тянь-Цзине русский уполномоченный вице-адмирал Путятин подписал договор об определении взаимных отношений. Этот договор представлял России целый ряд привилегий и льгот, по существу на русских распространялся режим капитуляций, действовавший в Китае до войны 1851 г., когда господство англичан и французов уже стало почти безраздельным и не оговаривалось никакими условиями и соглашениями. По этому договору поощрялась деятельность русских миссионеров в Китае [3].

Условия Айгунского и Тянь-Цзинского договоров не были сразу утверждены. Лишь в 1860 г. молодой русский дипломат граф Н. Игнатьев, воспользовавшись разрывом Китая с Англией и Францией, добился согласия Пекинского правительства утвердить Айгунский и Тянь-Цзиньский договора. Пекинский договор 2/14 ноября 1860 г. не только подтверждал условия первых двух договоров, но и передал Уссурийский край в полное обладание России [4].

Таким образом, России мирным путем удалось добиться возвращения Приамурья и уступки Уссурийского края. Россия получила выход в Тихий океан, прекрасный водный путь, право сухопутной торговли с Китаем, укрепление дружеских отношений с Китаем, предотвращение английской экспансии в Приамурье.

В 1860 г. началась колонизация приобретенных областей. В 1860 г. был основан Владивосток, ставший важнейшим стратегическим и экономическим центром на Дальнем Востоке.

Энгельс в статье «Успехи России на Дальнем Востоке» указывал, что русское правительство, удачно воспользовавшись отвлечением внимания Англии собственной захватнической поли-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 1, стр. 368—369.

[2] Сборник договоров России с Китаем 1689—1881. Изд. МИД. СПб., 1889 стр. 110—112.

[3] Там же, стр. 122—158.

[4] Там же, стр. 159—173.

тикой в Китае, завладело территорией к северу от Амура и большей частью берега Манчжурии к югу от этой реки, укрепилось там и начертало планы городов и гаваней [1].

Несмотря на то, что реакционный царский режим мешал быстрому освоению присоединенных земель, русская колонизация с течением времени способствовала заселению этих областей и их хозяйственному развитию. Здесь уместно вспомнить сделанное еще в 1853 г. в письме к Марксу замечание Энгельса, что несмотря на отрицательные черты царизма «Россия действительно играет *прогрессивную роль* (подчеркнуто мною. — И. К.) по отношению к Востоку» [2].

Перешедшие к России территории не имели китайского населения и были почти безлюдным краем, в котором жили лишь весьма малочисленные туземные племена, стоявшие на низкой ступени хозяйственного и культурного развития.

§ 5. Россия и США в 60-х гг. XIX в.

Сближение России с США началось еще в 50 гг. XIX в. В основе этого сближения лежали с одной стороны англо-русские противоречия в восточном вопросе, англо-русский антагонизм в среднеазиатских областях, с другой стороны — англо-американские противоречия, находившие свое выражение во все возраставшем соперничестве Англии и США в области промышленности и особенно морской торговли.

Сближение между Россией и США началось еще в период Крымской войны, когда США, в противоположность другим державам, заняли благожелательную России позицию. В 1855 г. федеральное правительство приняло меры к охране имущества и привилегий Российско-Американской Компании от возможных посягательств англичан. Когда в 1853 г. возникла со стороны англичан угроза русским владениям на Аляске, то был разработан проект договора о передаче имущества и привилегий Российско-Американской Компании — «Американско-Русской Компании из Сан-Франциско». Не раз возникал тогда вопрос о совместных действиях в случае нападения английских судов. Правда уже тогда американская дипломатия, учитывая крайне тяжелое положение России, находившейся в состоянии войны против мощной европейской коалиции, весьма прозрачно намекала на то, что угроза со стороны англичан могла бы быть предотвращена продажей Аляски США [3].

Поражение царизма в Крымской войне, расстройство финансов, ослабление военных сил создавало такую обстановку, что царское правительство все больше и больше склонялось к мысли

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 1, стр. 368—369.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 261.
[3] С. Б. Окунь. Российско-американская компания, М.-Л., ОГИЗ, 1939, стр. 226.

о «необходимости «урегулирования», или «уступки» своих владений на Аляске, а попросту о продаже их США. Царизм чувствовал, что не сможет оказать сопротивление экспансионистским планам Великобритании в отношении Аляски. Известие об открытии русскими старателями и геологами золотых залежей еще больше напугало царское правительство, столкновение с Англией теперь становилось еще более неизбежным. Несмотря на то, что уже тогда в русской печати указывалось на то, какие выгоды принесет разработка золота, что она увеличит богатства России, правительство решило продать земли, открытые и освоенные русскими мореплавателями еще в XVIII веке. Оно пошло на явное предательство национальных интересов России, сделало это вопреки общественному мнению. Уже в 1857 г. русскому послу в США Стеклю было предложено позондировать почву относительно уступки колоний «на выгодных условиях».

Необходимо учесть, что причиной, побуждавшей русское правительство к продаже Аляски, была не только экономическая и военная слабость царизма, но и стремление нанести удар Англии, усилив ее соперника приобретением столь выгодных для него территорий. К этому же стремились и США. С 1859 по 1862 гг. шли переговоры об условиях продажи. Они были прерваны начавшейся войной между Севером и Югом.

Русское правительство в этом конфликте заняло осторожную позицию. Русская дипломатия неоднократно высказывалась за сохранение целостности США. Разрыв Севера с Югом ослаблял США, возможную опору России в борьбе против английского могущества.

Русское правительство считало, что «дезорганизация Соединенных Штатов, как державы, с нашей точки зрения, прискорбное событие. Американская конфедерация была противовесом английскому могуществу, и в этом смысле ее существование являлось элементом мирового равновесия» [1].

Русское правительство в течение всей Гражданской войны в США придерживалось той позиции, что «американский союз» должен быть сохранен во что бы то ни стало. Если русское общество и особенно его передовые представители — в лице Чернышевского — приветствовали борьбу американской демократии против рабовладельческого Юга, то царское правительство склонялось на сторону Севера, в силу чисто политических расчетов в целях ослабления Англии. Однако, объективно, отказ русского правительства от участия в интервенции против Севера, от посредничества между Севером и Югом, неоднократные заявления русского правительства о «дружеском интересе» к американской нации сыграли свою положительную роль в исходе войны между Севером и Югом, и это — в тот момент, когда английский капи-

[1] Соединенные Штаты в эпоху гражданской войны и Россия — «Красный архив», 1930, № 1, (38), стр. 154.

тализм стремился объединить силы Европы в защиту рабовладельческого Юга.

М. Малкин, автор монографического исследования «Гражданская война в США и царская Россия» недостаточно подчеркивает то обстоятельство, что позиция русского правительства оставалась по существу неизменной в течение всей Гражданской войны, начиная с 1861 по 1863 год. В 1863 году в период, когда воспользовавшись польским восстанием 1863 г. Англия и Франция попытались оказать давление на Россию, позиция последней в отношении федерального правительства США совершенно не изменилась. Поэтому неверно представлять дело так, что в 1863 г. позиция России стала особенно дружественной, только вследствие дипломатической интервенции европейских держав, а потом между США и Россией наступило охлаждение [1]. Факты, имеющиеся в нашем распоряжении, опровергают это утверждение и доказывают, что русско-американские отношения становились все теснее.

Еще в мае 1863 г., когда правительства Англии и Франции поставили вопрос о вмешательстве в польские дела, то США на приглашение к совместному выступлению против царской России ответили отказом.

В июле 1863 г. управляющий морским министерством России — Краббе дал начальнику русской атлантической эскадры контр-адм. Лесовскому инструкцию следовать к атлантическому побережью Сев. Америки и, бросив якорь в Нью-Йорке, выжидать исхода переговоров по польскому вопросу. Эскадра Лесовского была во много раз слабее соединенных сил своих возможных противников. Поэтому в случае, если бы Россия оказалась в состоянии войны с третьей державой, Лесовскому, было предписано всеми доступными ему средствами действовать «против наших противников», «нанося посредством отдельных крейсеров наичувствительнейший вред и урон неприятельской торговле или делая нападения всею эскадрою на слабые и малозащищенные места неприятельских колоний [2]. В начале сентября эскадра Лесовского появилась в Нью-Йорке и тогда же русская эскадра Попова бросила якорь в Сан-Франциско. По словам Стекля, появление русских эскадр «произвело сенсацию в стране». Хотя в Гражданской войне Севера с Югом адмиралы должны были соблюдать строгий нейтралитет, порты США являлись для русских эскадр удобною базой для возможных военных действий против Англии и Франции. Между тем отношения России с Великобританией все обострялись. У США они были весьма враждебными. Вследствие этого и Россия, и США ищут путей для

---

[1] М. М. Малкин. Гражданская война в США и царская Россия, М.-Л., 1939, стр. 308.

[2] Соединенные штаты в эпоху гражданской войны и Россия. „Красный Архив". 1930, т. 38, стр. 159—160.

еще большего сближения. Их объединяет общая вражда к английскому сопернику, стремление ослабить его.

В августе 1864 г. в американском посольстве в Петербурге был устроен торжественный прием вернувшемуся из Америки вице-адмиралу Лесовскому. В свою очередь Лесовский устроил не менее пышную встречу американским дипломатическим представителям в Кронштадте. По этому случаю орган русского Министерства иностранных дел „Journal de St-Petersbourg" выпустил на английском языке брошюру, озаглавленную: „Sequel to the late visit of the Russian fleet to the United States under command of rear admiral Lessoffsky. St-Petersbourg. August 18. 1861."

Речь Лесовского была опубликована на английском языке. Ответные заявления ген. Клея были опубликованы на английском и русском языках.

Эти приемы и выпуск брошюры несомненно имели целью подтвердить наличие дружественных отношений между Россией и США, подчеркнуть значение того восторженного приема, который был оказан русским эскадрам в Америке и указать, что петербургские торжества являются продолжением американских. Недаром брошюра начиналась словами «Sequel» (Продолжение). Малкин почему-то ничего не говорит об этом весьма значительном факте. Малкин также ничего не пишет о том, что и после 1861 г. отношения между США и Россией не прекратились. В июне 1866 года в Россию прибыла американская делегация во главе с товарищем государственного секретаря Фоксом. В резолюции конгресса США, привезенной Фоксом Александру II, говорилось, что «многообразные узы, искони соединявшие великую империю на Востоке с великой республикой на Западе, *умножились и окрепли* (подчеркнуто мною — И. К.) под влиянием неизменной дружбы, явленной императорским правительством к правительству нашей республики в течение последнего периода наших политических потрясений» [1]. Делегация была принята Александром II и Горчаковым. Она посетила Москву, Нижний-Новгород, где ей были устроены торжественные встречи русским купечеством и промышленниками. По справедливому замечанию современного советского историка С. Б. Окуня «это было открытой демонстрацией Соединенных штатов в союзе с Россией против Англии» [2].

Однако американцы приехали в Россию не только для того, чтобы устроить антианглийскую демонстрацию. Главной их целью было возобновить начавшиеся еще в 1859 году переговоры о продаже Аляски.

Царское правительство после польского кризиса 1863 года, было еще более склонно к тому, чтобы продажей Аляски, кото-

---

[1] С. С. Татищев. Император Александр II, т. II, стр. 12—13.

[2] С. Б. Окунь. Российско-американская компания. М.-Л., 1939 г., стр. 246.

рую оно не было в состоянии защитить, усилить своего союзника и нанести удар давнему врагу. Оно за бесценок, с чрезвычайной поспешностью продало Аляску США. Русская печать тогда выступила против этого. Договор о продаже был оформлен 18/30 апреля 1867 года.

За 7.200 тысяч долларов была отдана территория, открытая русскими мореплавателями, освоенная русскими. Россия утратила выгодные стратегические позиции в Тихом океане.

Продажа за бесценок крайне выгодных для России в экономическом и стратегическом отношении территорий должна рассматриваться как факт исключительно позорный, как факт, который лишний раз доказал бессилие царизма, его полную немощность после поражения в Крымской войне. С потерей Аляски русскому влиянию был нанесен огромный ущерб, а американский капитализм неизмеримо усилил свои позиции в бассейне Тихого океана, что в дальнейшем в 90-х гг. позволило ему выступить уже в качестве соперника России, а в период русско-японской войны стать на сторону Японии против России. Потеря Аляски была первым поражением России на выходах в Тихий океан.

Вторым явилась капитуляция царизма в русско-японской войне.

Возвращаясь к русско-американским отношениям 60-х гг., нужно сказать, что они продолжали укрепляться и в последующие годы. В 1871—1872 гг. США посетил сын царя, вел. кн. Алексей. Он посетил целый ряд городов Северных Штатов, выступал с речами, в которых подчеркивал прочность русско-американской дружбы. Ему был оказан самый пышный прием как правительственными, так и общественными кругами Америки [1]. В период восточного кризиса 1875—1878 гг. США не включились в антирусскую коалицию держав. В США подчеркивали свою дружескую позицию к России, к борьбе славян против Турции. Разумеется, что в основе этих дружественных отношений лежала как и в 60-х гг. вражда к Англии.

Отношение России к США не изменилось и в последующие годы. Позиция же США претерпела сильные изменения в 90-х гг. Из дружественной державы она стала соперником, который особенно проявил свое враждебное отношение в период русско-японской войны, помогая японскому империализму захватывать Корею, Манчжурию.

§ 6. Позиция России в прусско-датском конфликте из-за Шлезвиг-Голштинии и во время австро-прусской войны.

Позиция России в период прусско-датской войны из-за Шлезвиг-Голштинии (1863—1864) была крайне осторожной. Русское правительство, хотя и сознавало опасность усиления Пруссии и

[1] См. кн. His imperial highness the grand duke Alexis in the USA during winter of 1871—72. Cambridge, 1872.

упрочения ее морского господства на Балтийском море, однако, положение России в тот момент было настолько затруднительным, что она не могла пойти на разрыв с Пруссией и принять участие в морской демонстрации, которую ей предлагала Англия. Положение ее осложнялось, во-первых, обострением отношений с западно-европейскими державами после недавнего польского кризиса 1863 г. Позиция Великобритании, Франции и Австрии в отношении России была крайне враждебной. Пойти в то время на войну с Пруссией означало подвергнуть себя большой опасности, во-вторых, русское правительство прекрасно сознавало свою экономическую и военную слабость. Горчаков в своем докладе Александру II об итогах внешней политики за 1863—65 гг. писал: «Конечно, императорский кабинет признавал важность тех изменений, которые были внесены в равновесие морских сил на севере Европы. Но мы не преувеличиваем значения этого факта. Великая морская держава не создается в один день, или по желанию. Тем не менее, мы не можем скрыть, что вероятный исход этого кризиса не соответствует нашим интересам. Но те же соображения, которые побудили нас примириться с расчленением датской монархии, требуют от нас такой же осторожности по отношению к возможным последствиям этого факта.

Эта осторожность соответствует основной точке зрения императорского кабинета, а именно: при современном положении нашего государства и Европы вообще, главное внимание России должно быть направлено на осуществление дела нашего внутреннего развития и вся внешняя политика должна быть подчинена этой основной задаче» [1].

На попытки Бисмарка добиться активного участия России в прусско-датском конфликте, русская дипломатия ответила напоминанием о позиции Пруссии в период 1853 г. Пруссия тогда заявила, что не может дать немедленного ответа по вопросу о помощи России в случае французского десанта в Балтике, но что возможно форс-мажор принудит ее к вмешательству. Убри, русский посланник в Берлине, напоминая об этом Бисмарку, заметил иронически: «Мне кажется, что наше теперешнее положение похоже на ваше. Мы будем приветствовать ваши успехи, если Франция попытается использовать теперешнее затруднение. В случае неудач, — ведь надо учитывать возможности всяких случайностей, — мы посмотрим, что нам следует предпринять. Быть может условия форс-мажора заставят нас не допускать французские войска на берега Вислы. Но все это, повторяю, является только моим личным впечатлением и, кроме того, стоит ли уже теперь обсуждать столь отдаленные возможности» [2].

---

[1] Доклад Горчакова Александру II, 3.IX—1865 г. Россия и Пруссия в Шлезвиг-Гольштинском вопросе. — «Красный архив», 1939, т. II (93), стр. 108.

[2] См. об этом «Красный архив», 1939, т. II, 1931, стр. 64. Депеша Убри Горчакову 20/8 января 1864 г.

Этим ироническим ответом Убри дал понять, что русское правительство не позволит втянуть себя в прусскую авантюру и будет действовать совершенно самостоятельно.

Между тем позиция Англии и Франции в прусско-датской войне была крайне неопределенной, французской и английской дипломатии желательно было втянуть Россию в активные действия против Пруссии, а самим остаться в стороне.

Горчаков тогда же очень метко определил позицию Франции: «Тюильрийский кабинет очевидно выжидает. Он не отказывается от обязательств, которые он взял на себя Лондонским договором [1]. Он обещает дипломатически их поддерживать, но он сохраняет свободу действий, когда английское правительство просит у него материального содействия» [2].

Англия предлагала России принять участие в совместной морской демонстрации, если Пруссия займет герцогства. Горчаков отклонил это предложение, поскольку английское правительство так и не ответило на его вопрос о размерах помощи, да и русский флот был слишком слаб для этого. Помимо того, участие России повлекло бы за собой сухопутные действия, т. е. столкновение между Россией и Пруссией на польских границах. Попытки английской дипломатии не допустить усиления Пруссии на севере Европы руками России не увенчались успехом [3].

Русское правительство неоднократно в течение прусско-датского конфликта заявляло, что оно допускает оккупацию Шлезвига и Голштинии только как средство, гарантирующее выполнение условий Лондонского договора 1852 г. Оно не раз заявляло, что оно против нарушения неприкосновенности датской монархии [4].

Особенно эта позиция России подчеркивалась в инструкции уполномоченному России на конференции в Лондоне по обсуждению датско-германского вопроса — бар. Бруннову: «Что касается нас, — писал Горчаков Бруннову 26/16 марта 1864 г., накануне созыва конференции, — то имеется один существенный общий принцип, обусловливающийся сложностью этой проблемы и доминирующий над всем конфликтом. Это сохранение в неприкосновенности датской монархии и порядка престолонаследия, установлению которого мы содействовали в этих целях» [5].

Собравшаяся в Лондоне конференция затянулась и не разрешила этого конфликта. Во-первых, все переговоры свелись к

---

[1] Речь идет о Лондонском договоре 1852 г., которым державы, подписавшие его (в том числе конечно и Франция) признавали наследственные права датского короля на Шлезвиг и Гольштинию.

[2] Горчаков—Убри. 28/16 января 1869 г. «Красный архив», 1939, т. II, стр. 70.

[3] См. об этом «Красный архив», 1939, т. II, стр. 71. Письмо Горчакова — Убри. 28/16 1864 г. и доклад Горчакова Александру II, стр. 108.

Об этом см. Письмо Горчакова Убри, 28/16 1864 г.— «Красный Архив», 1939, т. II (93), стр. 72; С. С. Татищев. Император Александр II, т. II, стр. 45.

[5] Там же, стр. 83.

обсуждению условий перемирия Дании с Пруссией, а не к разрешению проблемы по существу. Между тем, Пруссия и Австрия окончательно заняли герцогства и держали себя крайне вызывающе. Это объяснялось тем, что Англия уже сразу пошла на уступки, ее представители говорили о возможности отделения от Дании Голштинии и южных округов Шлезвига. Позиция России по вопросу о неприкосновенности датской монархии не была поддержана.

Бруннов очень метко определил положение, создавшееся тогда. «После того, как я изложил вам положение воюющих держав, проанализируем положение нейтральных. Есть ли у них воля и средства для того, чтобы отнять у пруссаков Ютландию и Шлезвиг и у германцев Голштинию. Франция не хочет, Англия не может этого сделать.

Ясно, таким образом, что пруссаки являются хозяевами положения. Бисмарк это отлично знает» [1].

Россия оставалась одинокой. По состоянию своих финансов и армии она в одиночку не могла пойти в тот момент на разрыв с Пруссией, зная, что Англия и Франция не поддержат ее и не окажут никакой помощи, предпочитая ее руками ослаблять Пруссию и Германский Союз.

Дания была окончательно разгромлена и была вынуждена подписать мир, отторгавший от нее Шлезвиг и Голштинию.

Русское правительство примирилось с этим фактом не потому, что оно хотело усиления Пруссии, а потому что оно в тот момент было бессильно помешать этому. В этом еще лишний раз сказалось бессилие царизма после Крымской войны. Об этом довольно ясно сказал Горчаков в упоминавшемся докладе Александру II. «При современном положении нашего государства и Европы вообще, главное внимание России должно быть упорно направлено на осуществление дела нашего внутреннего развития и вся внешняя политика должна быть подчинена этой основной задаче» [2]. Главное это проведение реформ и воздержание от каких-либо действий, могущих вовлечь Россию в войну, для которой у нее нет средств.

Однако примирение с усилением Пруссии не означает, что Россия пошла на тесное сближение с Пруссией.

Горчаков так охарактеризовал путь дальнейшего развития русско-германских отношений: «Наши отношения с двумя великими германскими дворами поддерживаются в направлении этих основных взглядов... [3]. Они остаются дружественными с Пруссией, но та цель, которую преследует берлинский кабинет и характер его современной политики, ни перед чем не останавливающейся, чтобы добиться своего, *исключает возможность тес-*

---

[1] Письмо Бруннова Горчакову 4 мая (22 апр. 1864 г.— «Красный Архив», 1939, т. II (93), стр. 93.

[2] Там же. Доклад Горчакова Александру II, стр. 108.

[3] Т. е. принципов, указанных выше.

ного сближения» [1]. В этих словах — трезвая оценка агрессивного существа внешней политики прусского правительства и оценка причин, мешающих настоящему сближению России и Пруссии.

Такова же была и позиция России в период австро-прусской войны. Австро-русские противоречия предыдущих лет, предательская политика Австрии в период Крымской войны, постоянные столкновения между Россией и Австрией по восточному вопросу, соперничество на Балканах — все это обусловило полный нейтралитет России в австро-прусской войне 1866 г. Опасность усиления Пруссии вполне была ясна для русской дипломатии. Помимо того как и в Шлезвиг-Голштинском конфликте позиция русского правительства диктовалась военной слабостью царизма и отсутствием поддержки со стороны Англии и Франции, Россия предложила европейским державам поставить австро-прусский конфликт на обсуждение. В правительственном сообщении, появившемся в августе 1866 года, было заявлено: «Императорское правительство предложило нейтральным дворам потребовать участия Европы в рассмотрении территориальных и политических перемен, происшедших в равновесии европейской системы, утверждающейся на основании подписанных ими сообща договоров. Это предложение не было поддержано прочими кабинетами, и так как вследствие этого принцип европейской солидарности временно нарушен в настоящее время теми самыми державами, взаимное согласие которых составляет существенное основание этой солидарности, то императорское правительство сочло нужным воздержаться от дальнейших представлений. Мнение России, ее права, как великой державы, остаются обеспеченными за нею. Она свободна в своих действиях и руководством для нее служат одни лишь национальные интересы России» [2].

§ 7. Борьба за отмену Парижского трактата

В результате франко-прусской войны потерпела поражение Франция — одна из главнейших участниц Крымской кампании, участница Парижского конгресса 1856 года, соперница России на Балканах. Настал благоприятный момент для отмены унизительных статей Парижского трактата.

Внутреннее, экономическое и политическое положение Турции продолжало ухудшаться. Побежденная Франция утратила всякое влияние в восточных делах. С начала августа 1870 г. Игнатьев вел доверительные беседы с вел. визирем Порты Али-Пашою. Заверяя турок в миролюбии России, Игнатьев говорил

[1] (Подчеркнуто мною. — И. К.). Там же. Доклад Горчакова Александру II 3. IX 1865 г., стр. 109.

[2] С. С. Татищев. — Император Александр II, т. II. СПб., 1911, стр. 57—58. Опубл. «Северная почта», 20 авг. 1866 г.

о тех выгодах, которые извлечет Турция в результате отмены запретительных статей Парижского трактата. Али-паша согласился с доводами Игнатьева, возражая только против открытия проливов. Игнатьев пришел к заключению, что лишившись на долгое время сильной поддержки Франции, Турция пойдет на сближение с Россией.

Англия, бывшая союзница Франции в Крымскую войну и поручительница, совместно с нею и Австрией, за неприкосновенность Оттоманской империи, была теперь одинока.

Другая поручительница за Турцию — Австрия, приниженная Пруссией и парализованная присутствием русских корпусов на своей восточной границе, молчала. Италия, занятием Рима только что нарушившая старые трактаты, не могла считаться опасным противником. В Европе создалось положение, при котором казалось, ни одна из держав не решилась бы защищать вооруженной рукою стеснявшие Россию пункты Парижского трактата. Несмотря на выраженное Бисмарком пожелание не возбуждать вопроса до окончания войны, Горчаков спешил воспользоваться создавшейся обстановкой с тем, чтобы поставить державы перед фактом раньше, чем соберется мирный конгресс.

Циркулярной депешей от 19/31.X 1870 г. Горчаков известил европейские дворы о принятом русским правительством важном решении. Он указал на то, что в течение последних лет международные трактаты неоднократно подвергались нарушению, что статья Парижского договора о нейтрализации Черного моря оказалась фиктивной благодаря тому, что Турция увеличила свои морские силы в Архипелаге и Проливах, а Англия и Франция держат свои эскадры у входа в Черное море и в любой момент могут войти в него, чтобы напасть на беззащитное русское побережье. Горчаков напомнил о том, что Парижский трактат уже нарушен фактом образования Соединенных Дунайских княжеств, что он неоднократно нарушался европейскими державами, вводившими свои эскадры в объявленное нейтральным Черное море.

Он отметил, что введение нового типа броненосных судов, непредвиденных трактатом 1856 г., нарушило предусмотренное им равенство морских сил.

Горчаков подчеркнул, что Россия не может примириться с тем фактом, что в то время, как происходит фактическая отмена существенных постановлений трактата, для нее остаются обязательными именно те пункты, которые нарушают безопасность ее владений. Горчаков заявил, что Россия не считает себя более связанною с теми обязательствами договора 1856 г., которые ограничивают ее верховные права на Черное море. Она выражает вместе с тем готовность вступить с державами, подписавшими трактат, в соглашение по его пересмотру[1]. Нота Горчакова явилась для европейских дворов неожиданностью и произ-

[1] «Правительственный Вестник», 1870, № 235, стр. 1.

вела переполох среди дипломатов. Она оказалась неожиданной даже для Бисмарка, который был недоволен тем, что Александр II не поставил его в известность о тех формах, в какие он решил облечь отмену нейтрализации Черного моря, и выбрал для этого дела момент, когда Пруссия особенно боялась новых международных осложнений.

Циркуляр Горчакова вызвал большое недовольство в Австрии, которая усмотрела в этом нежелательное для нее усиление позиций России в Турции и на Балканах. Большинство членов нового французского правительства, несмотря на полное бессилие Франции, готовы были выступить с протестом.

Англия заявила, что циркуляр является оскорбительным для королевы и для достоинства Великобритании, что кабинет не может примириться с односторонним расторжением договора. В Англии стали говорить о войне.

О войне, разумеется, всерьез не думал никто. 29/X—10/XI 1870 г. прусский посланник в Петербурге кн. Рейс передал обещание Бисмарка поддержать Россию. Когда Али-паша убедился в том, что речь идет не об отмене всего договора 1856 г. в полном объеме и не о нарушении принципа закрытия проливов, когда он получил от Игнатьева уверения в том, что принятие Портой русских требований приведет к умиротворению балканских христиан, отклонение же их — к неминуемому восстанию, он признал русские требования умеренными. Австрийскому министру иностранных дел Бейсту, русский посол в Вене равным образом указал, на то, что при удовлетворении требований России восстания христиан прекратятся. Итальянское правительство в результате обмена мнений заявило, что не желая отделяться от Австрии и Англии, оно будет стремиться к мирному исходу. Тьеру удалось убедить членов делегации в Туре в крайней нецелесообразности для Франции всякой дипломатической демонстрации против России. Наконец, 21/XI—70 г. н. ст. Бисмарк в беседе с английским уполномоченным в Версале Росселем заявил, что Парижский трактат заключал в себе несправедливость по отношению к России, как к великой державе, что Пруссия намерена ее поддерживать, что по форме шаг, сделанный Горчаковым, нарушает международное право, но что по существу Россия права и из-за формы спорить не стоит. Бисмарк выдвинул предложение созвать конференцию держав, подписавших Парижский трактат.

В результате переговоров между Петербургом, Берлином и Лондоном было решено созвать конференцию в Лондоне.

Позиция, занятая Пруссией в связи с декларацией Горчакова, отказ Франции участвовать в конференции, на которой было решено не ставить вопроса о франко-прусской войне, положение создавшееся для Англии, лишенной континентального союзника и поставленной перед фактом поддержки России Бисмарком, наконец, сближение России и Турции — все это пред-

определило ход и исход конференции. Конференция открылась 5/17 января 1871 г., она имела всего пять заседаний и закончилась 2/14.III 1871 г. Русскому уполномоченному пришлось, однако, выдержать в течение этих двух месяцев упорную дипломатическую борьбу.

Главная опасность шла со стороны Австрии. Сначала она пыталась заменить нейтрализацию Черного моря другой гарантией безопасности Турции — ограничением количества судов, которое имеет право держать на море Россия, затем австрийский уполномоченный внес предложение об учреждении морской станции для западно-европейских эскадр на малоазиатском берегу против Севастополя; наконец, он возбудил вопрос об увеличении числа военных судов, охраняющих устья Дуная и о превращении международной Дунайской комиссии в постоянную. Первое предложение встретило решительный отпор с русской стороны и не возобновлялось. Второе предложение вызвало бурный протест со стороны турецкого уполномоченного и было снято. Третье же предложение было поддержано немцами и было принято: готовясь к провозглашению Германской империи, Бисмарк не хотел раздражать Австрию, он поддержал австрийцев даже в вопросе об усилении тех выражений в протоколе, которые были направлены против России.

Когда конференция приступила к выработке положения о закрытии проливов, австрийцы предложили такую редакцию, благодаря которой султану представлялось право открывать проливы для военных судов всех держав, кроме России: в статье эти другие державы определялись как «неприбрежные». Бруннов предложил слово «неприбрежные» заменить словом «дружественные», что уравнивало Россию с другими. Но представитель Англии Грэнвиль поддержал австрийское предложение и даже настаивал на нем. К тому же редакция этого пункта неоднократно менялась, то говорилось о проливах, то о Черном море. В первом случае Россия оказывалась в числе «неприбрежных», во втором дело приобретало другой оборот. Турецкий уполномоченный Муссурус-паша решительно настаивал, чтобы вместо «неприбрежных» державы были определены как «дружеские и союзные». Было принято выдвинутое итальянцами компромиссное предложение: проливы могут быть открыты султаном дружественным союзным державам, если этого требуют интересы сохранения Парижского трактата.

Царская Россия не добилась равноправного с Турцией положения в вопросе о пропуске военных судов через проливы. Предоставленное султану право закрытия проливов вместе с правом открытия их являлось заменой нейтрализации Черного моря новою гарантией против России и открывало для западно-европейских держав возможность посылать свои эскадры в Черное море против России «в защиту» Турции. Но определенные достижения все же были налицо. Статьи Парижского трактата,

устанавливавшие нейтрализацию Черного моря и запрещавшие России возводить на Черноморском побережьи арсеналы, строить суда и держать флот на Черном море, конвенцией 1/13 марта 1871 г. были отменены, что имело огромное экономическое и стратегическое значение для России [1].

§ 8. Соглашение трех императоров (1873 г.) Военная тревога 1875 года

Взаимоотношения между Россией и Пруссией в период с 1856 г. вплоть до франко-прусской войны складывались таким образом, что русское правительство своими действиями способствовало усилению Пруссии, поощряя ее агрессию. Военная слабость царизма заставляла его придерживаться нейтралитета и в период шлезвиг-голштинского конфликта и во время австро-прусской войны. Общественное мнение России не раз восставало против подобной политики правительства, но Александр II и его кабинет были бессильны что-либо противопоставить все укрепляющемуся прусскому милитаризму.

Разумеется, нельзя упускать из виду и того обстоятельства, что известную роль сыграли и личные симпатии Александра II и его окружения к прусской реакционной монархии. Династические связи были еще одной причиной, которая ослабляла действия русского правительства против германской агрессии в Европе. Нейтралитет же, декларированный Александром II, в связи с франко-прусской войной, был одним из решающих факторов, содействовавших национальному объединению Германии и образованию германской империи — реакционного юнкерско-капиталистического государства.

Карл Маркс писал в сентябре 1870 года, что Александр II «льстил себя надеждой, что война 1870 г., истощив все силы Германии и Франции, даст ему возможность стать вершителем судеб всей Западной Европы» [2]. Для К. Маркса уже тогда было ясно, что в результате войны не только не произойдет ослабления Германии, но возникнет германская империя, которая будет угрожать западной России. «Точно так же, как Вторая империя считала невозможным свое существование рядом с существованием Северо-германского союза,— так самодержавная Россия должна чувствовать для себя опасность со стороны Германской империи с Пруссией во главе» — указывал К. Маркс [3].

Образование Германской империи заставило русское правительство задуматься о необходимости преобразований в русской армии. Военный министр Д. А. Милютин вспоминал о тех днях:

«Война франко-прусская произвела сильное впечатление во

---

[1] Лондонская конвенция. СПб., 1871, стр. 350. Д. Н. Дранов. Черноморские проливы. М. Юриздат, 1948, стр. 118—124.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 97.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 97.

всей Европе. Умы поражены были громадностью военных сил, развернутых Пруссией, совершенством их организации, быстрыми ударами, нанесенными могущественному врагу. Тогда поняли и у нас, как несвоевременно было заботиться исключительно об экономии, пренебрегая развитием и совершенствованием наших военных сил. Заботы о сбережениях отодвинулись (по крайней мере временно) на задний план; заговорили о том, достаточны ли наши вооруженные силы ограждения безопасности России в случае каких-либо новых политических пертурбаций в Европе» [1].

И если до того все проекты Милютина о введении воинской повинности хотя и получали одобрение царя, но не проводились в жизнь, то теперь на них обратили внимание и, несмотря на оппозицию со стороны реакционного высшего офицерства во главе с кн. Барятинским, 1 января 1874 года был принят закон о введении воинской повинности, способствовавшей увеличению русской армии и ее преобразованию.

Военное усиление России не входило в расчеты Бисмарка. А быстрое возрождение Франции беспокоило его, и он уже лелеял мысль о новой войне. Он хотел разбить Францию прежде, чем она оправится.

Вот почему важно было ему привлечь Россию на свою сторону. Последняя тоже не склонна была пренебрегать дружбой с Германией, поскольку слишком обострены были ее отношения с Великобританией, особенно в Средней Азии.

Бисмарк желал создать блок трех императоров и включить в предполагаемый союз Австро-Венгрию. Последняя сначала не хотела вступать в союз с Россией, и в 1871 г. при свидании с Бисмарком в Гаштейне австро-венгерский министр иностранных дел Андраши пытался заставить Германию вступить на путь антирусской политики. Но открытая антирусская политика не входила в планы Бисмарка, Германии нужнее был союз с Россией. Андраши тогда попробовал привлечь Россию на свою сторону. При свидании с Горчаковым в Берлине в сентябре 1872 г. он зондировал почву относительно того, как отнеслась бы Россия к слиянию Германии и Австро-Венгрии под эгидой Австро-Венгрии. Горчаков уклонился от ответа и перевел разговор на балканские дела. Андраши заявил, что он недоволен великосербскими тенденциями кн. Милана, что он против какого-либо вмешательства европейских держав в деле Турции. Горчаков поддержал этот принцип, заявив, однако, что Россия, будет настаивать на предоставлении христианским народам Балкан прав, гарантированных международными договорами [2].

---

[1] Отдел Рукописей Биб-ки им. Ленина. Воспоминания Д. А. Милютина. 1870—1871, стр. 89—90.

[2] Meyendorff—Convevsotlans of Covchaxov with Andvas sy ond Bismark in 1872—„Slavonic Review", 1929, vol. VIII, № 23, p, 400—408.

Бисмарк настойчиво продолжал втягивать Россию в союз. Он стремился всеми мерами еще более обострить ее отношения с Англией. Он старался очернить последнюю в глазах России [1].

Бисмарк говорил Горчакову, что «он смотрит на тесное согласие с Россией, как на единственно разумную политику для Пруссии; что это убеждение покоится не только на чувстве благодарности, но является даже вопросом выгоды» [2]. Он подчеркивал, якобы, горячее стремление Германии упрочить позиции России на Востоке и заявлял об отсутствии политических интересов Германии на Востоке [3].

В начале мая 1873 г. германский император Вильгельм посетил Петербург в сопровождении Мольтке и Бисмарка. Тогда Александр II и решил заключить военную конвенцию с Германией. Горчаков возражал против этого, замечая, что конвенция будет выгодна только Германии, а для России «представит неудобства» и указывал на «необходимость» предосторожностей» [4]. Горчаков боялся заключения какого-либо связывающего Россию соглашения.

6 мая/24 апр. 1873 г. была подписана военная конвенция между Россией и Германией. В ней говорилось о том, что императоры российский и германский, желая «упрочить господствующий ныне в Европе мир и удалить возможность войны, которая могла бы его нарушить» уполномочили своих фельдмаршалов заключить военную конвенцию, которая, как указывалось в ст. 2, «проникнута духом, не имеющим в себе ничего враждебного ни к какой нации и ни к какому правительству». Этим подчеркивался ее чисто оборонительный характер.

Статья 1 конвенции гласила:

«1. Если какая-либо европейская держава напала бы на одну из двух империй, то последняя в возможно кратчайший срок получит помощь в виде армии из двух сот тысяч человек боеспособного войска» [5].

Бисмарк настаивал на том, чтобы Австро-Венгрия присоединилась к конвенции. Ему важно было оторвать ее от Англии и окончательно подчинить ее влиянию Германии [6].

Русское правительство также было заинтересовано в том, чтобы Австро-Венгрия стала его союзником.

В начале июня 1873 г. Александр II прибыл в Вену, как бы подчеркивая этим полное сближение с Австро-Венгрией. Австрийское правительство не согласилось на подписание военной конвенции, которая связала бы ее действия против России на Бал-

---

[1] Русско-германские отношения — «Красный Архив», т. 1, 1922, стр. 11—19.

[2] Там же, стр. 21. Беседа Бисмарка с Горчаковым 25 мая 1873 г.

[3] Там же, стр. 17. Беседа Бисмарка со Стремоуховым 18 апр. 1873 г.

[4] Красный архив, т. I, стр. 27. Горчаков Александру II, 22. IV, 1873 г.

[5] Там же, т. 1, стр. 20.

[6] История дипломатии, т. II, стр. 11, 14.

канах, да и могла повлечь полный разрыв с Англией, чья поддержка в балканской политике была весьма существенна для австрийского правительства [1]. Австро-венгерское правительство предложило соглашение иного характера.

6 июня/25 мая 1873 г. в Шенбрунне Александр II и Франц-Иосиф подписали конвенцию, текст которой отличался крайней неясностью и туманностью. По существу конвенция не содержала никаких обязательств. Даже в самом тексте конвенции говорилось о возможности возникновения разногласий.

В ст. 1 говорилось:

«Их величества обещают друг другу, даже когда в требованиях интересов их государств окажется некоторое разногласие по поводу частных вопросов, сговориться так, чтобы эти разногласия не могли одержать верх над соображениями высшего порядка, какими они озабочены. Их величествами решено не допускать, чтобы кому-либо удалось разлучить их на почве принципов, считаемых ими за единственно способные обеспечить и, если нужно, принудительно поддержать европейский мир против всяких потрясений, откуда бы таковые не проистекали» [2].

По ст. 2 обе стороны, в случае нападения на одну из них со стороны третьей державы, обязывались «не ища и не заключая новых союзов, сначала сговориться между собой, чтобы условиться относительно образа действия, какого следует держаться сообща» [3].

Если бы возникла необходимость в военных действиях, то они будут сообразованы с особой конвенцией, которую императоры тогда заключат (ст. 3) [4].

23/11 октября 1873 года к этой конвенции присоединился Вильгельм I. В акте о присоединении было указано:

«...е. в. император Германии, принявши к сведению вышеизложенный договор, составленный и подписанный в Шенбрунне, императором австрийским, королем венгерским и императором всероссийским, и находя содержание его соответствующим руководящей идее соглашения, подписанного в С.-Петербурге их величествами императором Вильгельмом и императором Александром, согласен со всеми постановлениями, содержащимися в нем» [5].

Это соглашение трех императоров не обещало быть прочным. Слишком противоречивы были намерения трех союзников.

---

[3] В период 1877—1878 Австро-Венгрия и Англия всегда действовали согласованно против России; примером могут служить переговоры о союзе в период 1877 года, прерванные лишь падением Плевны, австро-английское соглашение о разделе Болгарии, заключенное накануне Берлинского конгресса и, наконец, совместные выступления против России на конгрессе в Берлине.

[2] Красный архив, т. I, стр. 30—31. (Перевод мой. — И. К.).

[3] Там же, стр. 30.

[4] Там же.

[5] Там же, стр. 34—35.

России это соглашение нужно было как некоторый противовес Великобритании, с которой отношения все более и более обострялись, в связи с неуступчивостью английской дипломатии по вопросу о нейтральной зоне между среднеазиатскими владениями России и Индии. Согласившись вначале на то, чтобы этой нейтральной зоной стал Афганистан, Великобритания потом заявила, что эта зона должна затронуть территорию намного севернее Афганистана и захватить Мерв. На это русская дипломатия не шла, изъявляя в то же время полную готовность признать независимость Афганистана и дать гарантию его целостности [1]. Соглашение с Германией и Австро-Венгрией несколько гарантировало безопасность западной границы. Но было совершенно ясно, что, в случае новой франко-германской войны, Россия не поддержит Германию и не позволит разгромить Францию. События военной тревоги 1875 года явились ярким доказательством этого.

Соглашение не ослабило австро-русских противоречий на Балканах. Австро-Венгрия не прекратила своих действий по подрыву русского влияния в балканских странах, особенно в Сербии. Это особенно ярко сказалось в период восточного кризиса 1875—1878 гг., когда австрийское правительство действовало крайне враждебно по отношению к России [2], несмотря на заключение с нею Рейхштадтского соглашения и Будапештской конвенции.

Германия в тот же период, в самые острые для России моменты, оказывалась на стороне ее противников. С полной остротой это выявилось на Берлинском конгрессе, когда враждебность Бисмарка стала очевидна даже для Александра II, который долее всех верил в прочность и силу соглашения трех императоров. Нейтралитет же Германии и Австро-Венгрии в период русско-турецкой войны объяснялся тем, что им было крайне выгодно ослабление России в войне против Турции.

Германия, хотя и обещала помощь России в восточных делах, не собиралась оказывать ей какую-либо реальную поддержку. Бисмарк стремился лишь к тому, чтобы отвлечь внимание России от западно-европейских дел и заставить ее увязнуть в борьбе против Турции. Он с другой стороны всячески поощрял продвижение Австро-Венгрии на Балканах и ее экспансионистские намерения в отношении Боснии и Герцеговины.

Непрочность этого соглашения обнаружилась очень скоро в связи с обострением франко-германских отношений, и попыткой Германии втянуть Францию в новую войну.

В начале февраля 1875 года в Петербург прибыл германский дипломат Радовиц с особой миссией. Он должен был выяснить

---

[1] State papersi 1873—1874. vol. LXV, p. 93—94. Англо-русские противоречия в Средней Азии освещены в специальной главе VIII тома, касающейся истории Средней Азии в 70—90-х гг. XIX в.

[2] Об этом см. соответствующие параграфы.

вопрос о том, какую позицию займет Россия в случае, если Германия выступит против Франции. Радовиц намекал на то, что Германия поможет России в балканской политике. Но Александр II и Горчаков заявили ему, что у России нет никаких намерений овладеть Константинополем и уверяли его, что во Франции отсутствует враждебность по отношению к Германии. Миссия Радовица не увенчалась успехом.

В начале апреля французский посол в Петербурге Ле-Фло просил Горчакова поддержать Францию против угрожающей ей германской агрессии. Горчаков заверил Ле-Фло в том, что Россия сделает все от нее зависящее, чтобы не допустить нарушения Германией мира. Несколько дней спустя Александр II дал Ле-Фло частную аудиенцию. Он выразил удовольствие по поводу состоявшегося принятия французским Национальным собранием конституционного закона, как залога устойчивости правительства и прочности государства. Он выразил также твердую уверенность в том, что Германия не нарушит мира. Через несколько дней, действуя по поручению Парижа, Ле-Фло снова поднял вопрос с русской поддержке. Заверения о поддержке были повторены Александром [1]. Тогда же русскому послу в Лондоне была дана директива условиться с Великобританским правительством об общих мерах к поддержанию мира. В Англии были сильны опасения за судьбу, которая могла постигнуть Бельгию в случае германского военного выступления. Английская дипломатия была заинтересована в достаточно сильной Франции, которая могла бы явиться противовесом Германии. Она была заинтересована в ослаблении и даже уничтожении соглашения трех императоров. Английский кабинет поддержал Петербург, несмотря на наличие антагонизма англо-русских интересов в Средней Азии. В начале мая английский посол в Берлине сделал официальное представление о необходимости сохранения мира. Тогда же Александр II в сопровождении Горчакова приехал в Берлин. Вильгельм I заверил своего племянника, что никаких агрессивных действий по отношению к Франции предпринято не будет. Горчаков послал из Берлина русским представителям при иностранных дворах телеграмму следующего содержания: «Император покидает Берлин уверенный в господствующих здесь миролюбивых намерениях. Сохранение мира обеспечено» [2]. Телеграмма эта попала в печать в искаженном виде. Последняя фраза прозвучала: «Теперь мир обеспечен». Бисмарк был взбешен подобным оборотом дел и обвинял Горчакова в «тщеславии». Но он свалил ответственность за занятую Германией агрессивную позицию на Мольтке. Антифранцузская кампания в германской печати была прекращена.

---

[1] История дипломатии, т. II, стр. 18—19. С. С. Татищев. Император Александр II, т. II, СПб., 1903, стр. 108—109.

[2] «История дипломатии», т. II, стр. 21.

«Военная тревога» улеглась. Но эти тревожные дни показали, что в случае войны с Францией Германия больше не может рассчитывать на нейтралитет России. Россия показала Германии пределы того значения, какое для нее имеет соглашение трех императоров. Совместное выступление России и Англии было срывом надежд Бисмарка на то, что англо-русские противоречия позволят Германии безнаказанно напасть на Францию. Выступление России на стороне Франции было предверием франко-русского союза 90-х гг., было началом формирования нового соотношения сил в Европе, возникшего после Берлинского конгресса. Военная тревога весны 1875 г. была первой брешью в так называемом «Союзе трех императоров». Выявились резкие расхождения между двумя главными союзниками. Выступление России на стороне Франции повело к еще большему сближению Германии с Австро-Венгрией, Германия стала с этих пор еще более активно поддерживать Австро-Венгрию в ее балканской политике против России.

§ 9. Внешняя политика России в период восточного кризиса (1875—1878)

В июне 1875 г. в находившейся под властью Турции Герцеговине вспыхнуло народное восстание, непосредственным поводом к которому послужило значительное увеличение турецкими войсками десятинного сбора и взыскание налогов за несколько лет вперед.

Это восстание мало чем отличалось от многочисленных восстаний, не раз возникавших ранее в Герцеговине.

Однако оно вызвало широкий отклик в соседней Сербии и Черногории, перебросилось в Боснию, а позднее, в сентябре, в Болгарию. Это восстание повлекло за собой осложнения в международных отношениях, повело к углублению кризиса Оттоманской империи, что в дальнейшем привело к сербо-турецкой войне и, наконец, русско-турецкой войне 1877—1878 гг., за которой и последовали коренные изменения в жизни балканских народов, особенно Болгарии.

Ближайшая причина этого кроется прежде всего в разложении и экономическом упадке Турции. Ее финансы находились в исключительно тяжелом положении. Государственный долг в середине 1875 г. достиг суммы в 5 миллиардов рублей. В связи с этим Оттоманское правительство предприняло новое увеличение налогов, а это вызвало возмущение среди христианского населения ее провинций и прежде всего отозвалось в Герцеговине. Султанское правительство оказалось уже неспособным собственными силами сдерживать восстания христиан, карательные экспедиции не помогали, а лишь усиливали сопротивление и решимость бороться до полного освобождения. В поисках выхода правительство прибегало к разжиганию религиозного фанатизма, натравливая мусульман на христиан.

Если в 1853 г. Маркс и Энгельс уподобляли Турецкую империю гниющей падали, то эта характеристика была еще более верна для 1875 года [1].

В 1875 г. как и в 1853 сохранение пресловутого status quo попрежнему означало увековечивание угнетения балканских славян Турцией. Выход был только в революции, в коренном, качественном изменении положения на Балканах.

Причиной того, что восстание в Герцеговине вызвало кризис в международных отношениях, было обострение взаимоотношений между Россией, с одной стороны, и Великобританией и Австро-Венгрией, поддерживаемой Германией, с другой стороны.

К 1875 г. чрезвычайно обострились англо-русские противоречия в Средней Азии и на Балканском полуострове. Англия, преследуя свои агрессивные цели, всячески противодействовала и русской политике на Балканах и с этой целью придерживалась своей традиционной политике сохранения неприкосновенности Оттоманской империи, замышляя в то же время захват турецкой территории, ярким примером чего явилось присоединение Кипра в 1878 году. Она вела резко выраженную антиславянскую политику. Она попрежнему, как и в период Крымской войны, являлась сторонницей угнетения балканских славян Турцией. Но она и сама уже весьма активно проникала в Балканские страны; англичане играли значительную роль в балканской торговле. Английские «миссионеры», в большом количестве появившиеся в 60—70-х гг. на Балканах, являлись агентами-разведчиками, собиравшими сведения о естественных богатствах балканских стран.

Австро-Венгрия вступила на новый путь. Почувствовав всю бесполезность борьбы против сильной объединенной Германии, она при ее поддержке повела наступление на Балканы, действуя очень осторожно, стараясь привлечь на свою сторону балканские народы, поощряя развитие их экономики, помогая развитию освободительного движения. Внутри Австро-Венгрии боролись две партии: одна, представляемая австрийскими военными и церковными кругами, требовала скорейшего присоединения к Австро-Венгрии Боснии и Герцеговине. Эта, как ее называли тогда, «славянская партия» мечтала о создании триалистического австро-венгерско-славянского государства во главе с премьер-министром, тогда губернатором Далмации бароном Родичем [2]. Эта партия находила поддержку в лице Франца-Иосифа. Другая партия, выражавшая интересы буржуазии и венгерского дворянства, была против этого, так как не без основания полагала, что в случае создания «триалистического государства» славянский элемент может возобладать в империи и привести к крушению австрий-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, Национальности в Турции стр. 372—373.

[2] Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867—78 гг. М. изд. Биб-ки им. Ленина, 1948, Письмо Н. А. Киреева А. А. Кирееву, стр. 107.

ской монархии. Выразителем интересов этой партии был австро-венгерский министр иностранных дел, мадьярский помещик Андраши, который вначале выступает под маской сторонника сохранения целостности и неприкосновенности Турции, как противник присоединения Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии.

«Славянская» партия отпускала большие средства на католическую пропаганду среди славянского населения Далмации, Боснии и Герцеговины. Весной 1875 г. Франц-Иосиф совершил поездку по Далмации, сопровождавшуюся пышными приемами славянских делегаций, долгими беседами с распропагандированными представителями славянского духовенства. Создавалось впечатление, что из всех государей Европы он самый близкий, доступный и великий. Так, в среде герцеговинцев и босняков рождались неоправданные надежды на австрийскую помощь. Эти надежды способствовали в какой-то степени подготовке герцеговинского восстания. Эти действия «славянской партии» и Франца-Иосифа были проявлением не только попытки завоевать симпатии славян, но и стремления вытеснить оттуда влияние России.

Германия, не имея еще в то время возможности сама предпринять наступление на Балканы, поощряла в этом Австро-Венгрию. Она всячески стремилась столкнуть ее с Россией, вовлечь последнюю в войну с Турцией и в конфликт с Австро-Венгрией и, таким образом, развязать себе руки в отношении Франции. Неудача в попытке начать войну с французами весной 1875 г. и отказ России в поддержке усилили враждебность Германии, которая в дальнейшем проявлялась в самые критические для России моменты.

К 1875 г. России удалось восстановить свой пошатнувшийся было после критского восстания 1867 г. престиж в среде славянских народов Балканского полуострова. В Болгарии русское влияние усилилось после того, как русская дипломатия стала на путь поддержки церковной борьбы болгар. Слишком явные попытки Австро-Венгрии подчинить себе Сербию путем неясных обещаний раздела Боснии, привели к тому, что в Сербии победила руссофильская партия. Депеша Горчакова 1870 г. способствовала укреплению авторитета России в славянских странах, в частности, в Сербии. В 1872 г. после поездки сербского князя Милана в Ливадию происходит сближение между Россией и Сербией. Последняя вновь попадает в орбиту русского влияния.

В Черногории позиции России были достаточно прочными. Антирусские интриги Австро-Венгрии не имели там успеха.

Однако упрочение русских позиций в славянских странах и областях Балканского полуострова еще не означало, что Россия могла при помощи своих славянских союзников противодействовать все усиливающейся враждебности европейских держав. Славяне были очень слабы и сами нуждались в помощи, ждали ее от России. Слабость России в финансовом и экономическом отношениях, нарастание внутреннего кризиса, усиление революци-

онного движения, заставляли русское правительство действовать очень осторожно, временами итти на компромиссы с европейскими державами, чтобы обеспечить себе, если не поддержку, то хотя бы нейтралитет на случай, если война против Турции станет неизбежной.

В период 1875—1878 гг. царское правительство не ставило своей непосредственной целью захват Балкан или Константинополя. Действия русской дипломатии на Балканах в период с 1856 до 1875 г. объективно способствовали освобождению славянских народов Балкан от турецкого господства.

В период восточного кризиса 1875—1878 гг. русское правительство снова выступило в защиту славян. На этот раз оно не ограничилось методами дипломатического воздействия, но и вступило в вооруженную борьбу с Турцией.

Когда русское правительство получило известие о восстании в Герцеговине, о том, что турки двинули крупные силы на его подавление, оно обратилось к венскому кабинету с предложением о совместном выступлении в Константинополе с указанием на необходимость принятия решительных мер для прекращения начавшегося кровопролития. Центром посредничества между восставшими и Портой должна была стать Вена, как столица наиболее близкая к театру военных действий.

Австро-венгерский министр иностранных дел Андраши вначале отказался от вмешательства, объявив восстание внутренним делом Турции. Но потом, под влиянием Бисмарка, венский кабинет присоединился к России. Германия и Австрия опасались, что отказ может побудить Россию к единоличным действиям, тем более, что на этом всячески настаивал русский посол в Константинополе граф Н. П. Игнатьев, сторонник сепаратных соглашений России с Турцией, в целях изоляции Австро-Венгрии [1].

В середине августа 1875 г. три державы отправили Порте ноту протеста против кровавого подавления восстания. Они заявили о посылке консульской комиссии в Боснию и Герцеговину, в целях умиротворения и посредничества. Консульская комиссия потерпела полную неудачу. На ее предложение передать жалобы турецкому комиссару повстанцы ответили просьбой прежде всего дать твердые гарантии поддержки со стороны европейских держав, так как обещаниям Порты они более не верят. Они требовали перемирия, которое было отвергнуто Портой [2].

Между тем восстание из Герцеговины перебросилось в Боснию. На помощь восставшим двинулись отряды добровольцев из Черногории, Сербии, Хорватии и Далмации. Турецкие войска терпели поражение за поражением [3]. В Сербии и Черногории

[1] С. С. Татищев. Император Александр II, т. II, СПб., 1903, стр. 293.

[2] П. П. Игнатьев. Записки. «Исторический Вестник», 1914 г., № 1—2 февраль, стр. 441—443.

[3] С. С. Татищев, т. II, стр. 293—294; Јовановић Слободан. Влада Милана Обреновића, кн. 1. Београд, 1928, стр. 280—281.

росло движение за оказание помощи герцеговинцам и боснякам, за вступление в борьбу против Турции, за достижение полной независимости [1]. Положение становилось все более напряженным.

Между тем, чтобы предупредить вмешательство держав, и особенно Австро-Венгрии Игнатьев убедил султана издать «Ирадэ» (20/IX—75 г.), и фирман с обещанием христианам облегчения податей и налогов и равноправие с мусульманами. В декабре Порта издала проект реформ в Боснии и Герцеговине в целях предупреждения вмешательства держав и насильственного умиротворения. Русское правительство, одобряя эти действия, замечало, однако, что они все же не внушают доверия, так как Порта никогда не выполняла своих обещаний. Она должна дать «обязательные доказательства твердой и непреклонной решимости своей выполнить точно нынешние торжественные обязательства относительно христиан и этим положить конец ненормальному положению...» [2]. Русское правительство выдвинуло проект автономии Герцеговины и Боснии [3].

Действия Игнатьева в Турции вызвали тревогу и недовольство австрийского правительства, увидевшего в этом успех русской политики в Турции. Андраши был возмущен. У него был уже разработан проект реформ. Когда было опубликовано «Ираде» султана, Россия одобрила действия султана. Это означало, что Россия вырвала инициативу из его рук. Андраши усмотрел в этом интриги Игнатьева и жаловался Александру II, что подобные действия означают перенесение центра соглашения из Вены в Константинополь. Его пугало и то обстоятельство, что движение в Сербии и Черногории могло привести к объединению Боснии и Герцеговины с Сербией и Черногорией, к созданию объединенного славянского государства, что противоречило интересам австрийской буржуазии. Нужно было срочно принимать меры. Андраши поспешил представить свой проект правительствам России и Германии. Этим он хотел завоевать симпатии славян, доказать им, что реальные гарантии исходят именно от Австро-Венгрии, что она их благодетельница. Он, однако, был против предлагаемой Россией автономии Герцеговины и Боснии, и навязывал им лишь свой проект реформ, мотивируя неподготовленностью босняков и герцеговинцев к самостоятельному существованию. В проекте намечалось улучшение системы управления в Боснии и Герцеговине, которые должны были остаться под властью султана; исключалась возможность образования из Боснии и Герцеговины автономной области, тем более возможность раздела их между Сербией и Черногорией.

Проект, выработанный Андраши, был послан в Петербург и был одобрен Горчаковым и вскоре был предъявлен Порте и поддержан представителям всех великих держав в Константино-

[1] Там же, стр. 284—292.
[2] «Правительственный Вестник», 1875, 17 октября, № 230, стр. 1, стб. 3.
[3] Чубрилович. Указ. соч., стр. 90.

поле. В марте 1876 г. в Герцеговину был послан наместник Далмации, австрийский генерал Родич, для переговоров с вождями повстанцев. Повстанцы не удовлетворились, однако, намеченными реформами и потребовали прежде всего передачи $^1/_3$ земель христианскому населению, вывода из области турецких войск, возмещения убытков, обезоружения мусульман, выполнения реформ, предлагаемых Андраши, контроля европейской комиссии за их проведением и посылки постоянных агентов России и Австро-Венгрии в те места, где будут сохранены турецкие гарнизоны. Порта отказалась удовлетворить требования повстанцев. Главнокомандующий турецкими войсками Мухтар-паша возобновил в апреле 1876 года военные действия. Австро-Венгрия и Англия высказались против удовлетворения этих требований, находя их чрезмерными. Русская дипломатия увидела в них основу для соглашения, основу для разработки проекта автономии. По мнению Горчакова, если бы Порта отказалась выполнить эти требования, следовало бы предпринять европейскую оккупацию восставших областей и занять порты Турции [1].

В конце 1875 г. вспыхнуло восстание в Болгарии. Оно было вскоре подавлено турками. Однако, революционные комитеты решили готовиться к новому восстанию. Подготовка началась с зимы 1875 г. Порта, между тем, стала готовиться к походу на Черногорию, которую она считала зачинщиком всех восстаний. Российское министерство иностранных дел было в курсе переговоров, которые с конца 1875 г. вело черногорское правительство со своими соседями по вопросу о совместной борьбе против Турции.

Когда Горчаков узнал о подготовляющемся походе Турции против Черногории, он тотчас же поручил Игнатьеву протестовать и заявить Порте, что подобный шаг может повести к разрушению Оттоманской империи.

Когда, в середине апреля 1876 г., турецкий и английский послы обратились к Горчакову с просьбой сделать черногорскому князю внушение, чтобы удержать его от вмешательства в борьбу герцеговинцев против турок, он ответил резким отказом. Горчаков указывал, что непримиримая позиция Порты может повести к дальнейшему развитию восстания, пламя которого распространится на Болгарию, Эпир, Фессалию, Албанию и которое Порта будет не в состоянии потушить [2].

В последних числах апреля Александр II в сопровождении Горчакова приехал в Берлин. Туда же прибыл и Андраши. Начались совещания по балканским делам.

На совещании в Берлине Горчаков попытался провести проект автономии для Боснии и Герцеговины и добиться вмешательства держав в дела Турции, но эта его попытка потерпела пол-

[1] С. С. Татищев. Указ. соч., т. II. СПб., 1903, стр. 301—303.
[2] Там же, стр. 304.

ный крах. Под давлением Бисмарка и Андраши Горчаков изменил свой проект и в результате был выработан так называемый Берлинский меморандум, составленный в очень сдержанных тонах, не формулировавший никаких практических мероприятий. В нем констатировалось наличие опасности, усилившейся после убийства французского и германского консулов в Салониках. Говорилось о необходимости давления на Порту. Предлагалось прекратить военные действия на два месяца. Повторялись требования повстанцев. В заключение говорилось о том, что если эти меры не будут выполнены, то державы придут к соглашению о «действительных мерах», но что это за меры не указывалось. В меморандуме ничего не говорилось об автономии Боснии и Герцеговины [1].

Правительства Англии, Франции и Италии были приглашены присоединиться к меморандуму. Франция и Италия изъявили на это свое согласие. Англия решительно отказалась, мотивируя это принципом невмешательства во внутренние дела Порты.

Между тем обстановка на Балканах усложнялась. Оправдывались предсказания русской дипломатии.

В апреле 1876 г. в Южной Болгарии вспыхнуло широкое, подготовлявшееся еще с начала 1876 г. революционными комитетами народное восстание. В одном из округов — Панагюрском была провозглашена республика. Турецкие власти двинули против восставших отряды черкесов. К маю 1876 г. восстание было подавлено с исключительной жестокостью. Было вырезано около 30 тысяч человек населения. Многие города и селения были стерты с лица земли [2]. Известие о жесточайшем подавлении восстания вызвало возмущение и негодование как в России, так и в Европе. Необходимо отметить, что в деле заявления протеста против турецких зверств общественное мнение во всех странах шло впереди правительств.

Особенно остро реагировала русская печать и русское общество опередившие в своем протесте против турецких зверств общественное мнение других стран [3]. Русское правительство не сразу решилось открыто выступить в защиту повстанцев. Сначала оно через своего дипломатического агента в Пловдиве (Филиппополе) князя Цертелева передало на пособие пострадавшим 2000 рублей, оно поощряло инициативу Цертелева по организации Международного общества помощи болгарам в этом городе [4].

В начале августа 1876 г. русское правительство заявило, что оно распространяет требование предоставления автономии Боснии

---

[1] Русско-германские отношения. Секретные документы. М. Изд. Центрархива, 1922, стр. 45—49.

[2] Н. С. Державин. История Болгарии, т. IV, стр. 162—219.

[3] И. В. Козьменко. «Русское общество и апрельское болгарское восстание 1876 г.». «Вопросы истории», 1947, № 5, стр. 95—108.

[4] Документы на Българската история, т. II, София, 1932, стр. 214—215.

и Герцеговине на пострадавшую Болгарию [1]. Тогда же оно опубликовало документы о жестокостях турок в «Правительственном вестнике». Таким образом, оно, хотя и сдержано, но выразило свое сочувствие болгарам [2].

Зверства турок в Болгарии вызвали целую волну возмущения в Англии, особенно в рабочих центрах. Население страны требовало от правительства Дизраэли решительной политики в отношении Турции. Консервативное правительство Дизраэли вначале поддерживало Турцию, объявив восстание делом шайки бандитов. Но под напором общественного мнения оно было вынуждено принять участие в расследовании обстоятельств резни [3]. В Англии началась ожесточенная борьба между консерваторами и либералами. Первые поддерживали Дизраэли в его антиславянской, антирусской и туркофильской политике. Они отражали интересы колониальной, империалистической английской буржуазии, стремившейся сохранить Турцию, как трамплин для наступления на Балканы, для превращения их в рынок сбыта для своих товаров.

Либералы, возглавляемые Гладстоном, выступили якобы, как друзья славян. В своей брошюре «Болгарские ужасы» Гладстон требовал изгнания турок из Европы «со всем их скарбом». Он высказывался за сближение с Россией, за союз с нею в деле разрешения восточного вопроса [4]. Однако, внезапно возникшая любовь Гладстона и либералов к славянам и России объяснялась не искренним стремлением помочь славянам и сблизиться с Россией. Либералы выражали стремление финансовых кругов, которые еще совсем недавно скупили акции Суэцкого канала и, таким образом обеспечили безопасность английских путей в Индию. С другой стороны, финансовое банкротство Турции делало ее для этих кругов непривлекательной добычей. Она стала невыгодным местом для реализации их капиталов [5]. Гораздо важнее было завоевать симпатии славянских народов с тем, чтобы сделать Балканы сферой своего влияния. Поэтому необходимо было

---

[1] С. С. Татищев. Указ. соч., т. II, СПб., 1903, стр. 320.

[2] «Правительственный вестник», 1876, № 82, 10 августа, № 175, стр. 2—3.

[3] Wirthwein Ph. D. Britain and the Balkan crisis N—Y, 1935.

[4] Gladston W. E. Bulgarian horrors and Russia in Turkestan. Leipzig. 1876.

[5] В дневнике военного министра Милютина от 25 марта 1876 г. записан его разговор с Шуваловым, русским послом в Лондоне. Последний говорит о внезапно изменившемся за последнее время в Англии отношении к Турции. «...давно ли Англия была горячей заступницей Турции и поддерживала все безобразия, все бесчинства, какие только ни творились под властью султана над угнетенными райями. Но вот Турция обанкрутилась, перестала платить свои счеты, и вдруг общественное мнение всей Великобритании перевернулось: теперь уже не слышно в Англии ни одного голоса за Турцию». (Дневник Д. А. Милютина. 1876—1877, т. II, М., 1949, стр. 36). Слова о том, что ни «единого голоса» не слышно в пользу Турции, являются несомненным преувеличением, поскольку, в связи с болгарскими событиями, консерваторы открыто встали на защиту Турции.

временно объединиться с Россией, чтобы, с одной стороны, доказать свою, якобы, гуманность, с другой стороны, не дать возможности России безраздельно господствовать на Балканах. Это стремление гладстоновцев уже в те дни было должным образом оценено в русской печати, их демагогия не смогла убедить в искренности их чувств к несчастным болгарам. Газета «Неделя» писала о «здравом расчете» [1]. «Русские ведомости» говорили, что в этом сказывается опасение гладстонцев «потерять престиж в Турции и дать дорогу России» [2].

Народная революция в Болгарии ускорила решение Сербии и Черногории объявить войну Турции. Еще Герцеговинское восстание возбудило умы в Сербии. Демократы и либералы решительно высказались за войну. Князь Милан и консерваторы колебались, они не без основания опасались вмешательства и угрозы со стороны Австро-Венгрии. У Сербии не было денег, в военном отношении она также не была готова. Попытка подписать с Черногорией военную конвенцию, содержащую определенные обязательства, не увенчалась успехом. Последняя соглашалась только на совместные действия против Турции. Установлению более тесного союза мешали споры о разделе Боснии и Герцеговины. Греция не пошла на заключение военного соглашения. От Румынии удалось добиться только согласия на нейтралитет. Русское правительство в лице Александра II и Горчакова отговаривало Сербию и Черногорию, предупреждая, что Россия не в силах оказать им помощь. Когда до Петербурга дошли слухи, что Сербия и Черногория собираются заключить военный союз с Грецией, то им было заявлено, что «все последствия падут на их ответственность, и чтобы они не рассчитывали на помощь России» [3]. В марте 1876 г. Россия присоединилась к ноте Австро-Венгрии, требовавшей, чтобы Сербия и Черногория сохраняли мир с Турцией.

Однако, сразу же следует заметить, что в отношении Сербии у русского правительства не было четкой, ясной линии поведения. С одной стороны, оно слало грозные предупреждения, с другой стороны, министр иностранных дел Горчаков в беседе с русским консулом в Белграде Карцовым замечал, что не стоит слишком сдерживать ее военные приготовления, так как неизвестно, что может произойти в дальнейшем.

Русский посол в Константинополе Игнатьев, являвшийся представителем панславистских кругов русского дворянства, негласно поощрял сербов к войне. Русский консул в Белграде Карцов занимал колеблющуюся позицию и то поддерживал сербов в их стремлении начать войну, то отговаривал их. Русский посол в Вене, Новиков, придерживался точки зрения Австро-Венгрии и

---

[1] «Неделя», 1876, № 31, стр. 998.
[2] «Русские ведомости», 1876, № 281, стр. 1—2.
[3] Д. А. Милютин. Дневник, т. II, стр. 18.

предостерегал против нарушения мира [1]. Князь Милан колебался в выборе решения. Однако, внутри Сербии ширилось движение за объявление войны Турции. Революционно-демократические элементы, либералы и радикалы видели в войне путь к окончательному освобождению Сербии от турецкой зависимости. Сербская буржуазия, представляемая либералами и радикалами, помимо того усматривала в этом возможность расширения сербской территории за счет Боснии и Герцеговины.

Князь Милан вынужден был пойти на объявление войны. Сербское правительство, несмотря на все предыдущие предупреждения русского правительства, все же твердо рассчитывало на его помощь. В этих расчетах оно опиралось на такие факты, как приезд в Белград в мае месяце генерала М. Г. Черняева, которого рассматривали как посланца России, хотя и было известно, что он уехал вопреки воле Александра II. Но все знали, что ему покровительствует наследник (будущий Александр III). Широкая кампания в русской печати в защиту славян — все это заставляло думать, что и правительство русское в конце концов поддержит сербов. 30 июня 1876 г. Сербия и Черногория объявили войну Турции.

Вступление Сербии и Черногории в войну крайне осложнило положение России. Перед русским правительством встал вопрос о войне против Турции на стороне славян, которых Россия в прошлом всегда поддерживала. Все труднее становились попытки разрешить восточный вопрос мирными средствами — путем ничего не значащих нот, меморандумов, соглашений.

Положение осложнялось, во-первых, чрезвычайно напряженной международной обстановкой. Союз трех императоров не сулил ничего прочного. Конвенции 1873 г. были туманны и содержали лишь обязательства нейтралитета, а не военной помощи, да и то в случае, если Россия станет объектом нападения.

Это прекрасно сознавал даже Александр II, который дольше всех верил в прочность Союза. В беседе с Милютиным 15 июля 1876 г. он сказал: «Конечно, если нас заставят воевать — мы будем воевать, но я не должен сам подать ни малейшего повода к войне. Вся ответственность падет на тех, которые сделают вызов, и пусть тогда бог решит дело. При том не надо забывать, что секретный союз, заключенный мною с Германией и Австрией, есть исключительно союз оборонительный; союзники наши обязались принять нашу сторону, если мы будем атакованы, но они не сочтут себя обязанными поддерживать нас в случае инициативы с нашей стороны, в случае наступательных наших предприятий, и в этом случае может выйти то же, что было в Крымскую войну — опять вся Европа опрокинется на нас» [2].

Уже военные приготовления Сербии и Черногории и болгарские события весны 1876 г. доказали, что неминуемы осложне-

[1] Ю. С. Карцов. За кулисами дипломатии, СПб., 1908, стр. 23.
[2] Дневник Д. А. Милютина, т. II, стр. 58.

ния на Балканском полуострове. Необходимо было заручиться союзником. В связи с этим попытались договориться прежде всего с Австро-Венгрией, как державой, непосредственно заинтересованной в Балканах, как одной из участниц Союза трех императоров.

В конце июня 1876 г. Александр II и Горчаков прибыли в замок Рейхштадт в Чехии. Там между двумя императорами — австрийским и русским и их министрами открылось совещание по балканским делам. Письменного соглашения в Рейхштадте заключено не было. Ограничились устным обменом мнений, который был зафиксирован для памяти каждым из министров. Они договорились о том, чтобы воздержаться в данный момент от вмешательства в сербо-турецкую войну; но отказались от признания «принципа полного невмешательства» в дальнейшем. Что касается будущего, то было установлено: в случае, если Турция одержит верх над повстанцами, Россия и Австрия выступят в защиту сербов и будут настаивать на осуществлении серьезных реформ в Боснии и Герцеговине; если же напротив, успех будет на стороне сербов и Оттоманская империя распадется, Австрия получит турецкую Хорватию и часть Боснии, Россия вернет себе потерянную ею в 1856 г. часть Бессарабии и получит Батум; Болгария и Румыния будут автономными; некоторые территориальные приращения должны были получить Сербия, Черногория и Греция; первая — Герцеговину и порт на Адриатическом море, вторая — некоторые части старой Сербии и Боснии. Греция — Эпир и Фессалию, но должно было быть предотвращено образование «большого славянского государства» на Балканах, а Константинополь должен был стать вольным городом [1].

Согласно австрийскому варианту Австро-Венгрия должна была получить значительную часть Герцеговины. Австро-Венгрия не соглашалась признать Сербию вполне независимым государством [2]. В пунктах о недопущении создания большого славянского государства, о сохранении для Сербии статута вассального государства сказались, с одной стороны, стремление Австро-Венгрии не допустить, чтобы эта страна стала центром объединения южных славян, а, с другой, опасение, что это объединение даст нежелательный пример славянским народам самой «лоскутной» монархии.

Рейхштадтское соглашение содержало в себе много неясных пунктов, которые можно было трактовать по-разному. Особенно туманным был пункт о несоздании большого славянского государства. В момент заключения соглашения речь шла о том, чтобы не допустить усиления и расширения Сербии, которая могла в результате успешной войны против Турции присоеди-

[1] Русско-германские отношения 1873—1914 гг. — «Красный Архив», т. I, 1922, стр. 36—39. Запись русской старины.

[2] Pribram A. F. The secret treaties of Austria-Hungary Vol. Oxford, 1921 p. 188—191. Австрийский вариант.

нить тяготевшие к ней Боснию и Герцеговину. Но впоследствии, когда в 1878 году по Сан-стефанскому договору была создана Болгария в полных этнографических пределах, Андраши ловко использовал этот пункт против России, пользуясь, что там не было обозначено, о каком именно славянском государстве идет речь. Русское правительство пошло на компромисс, соглашаясь на раздел Боснии и Герцеговины, оно, таким образом, пыталось мирным путем достичь соглашения с одним из своих соперников на Балканах, не обострять с ним отношений. Русское правительство прекрасно понимало, что это было предательством славян, что это было нарушением традиционной политики покровительства славянам. Оно понимало, что опубликование подобного соглашения вызвало бы негодование и возмущение в среде славянских народов, подорвало бы его престиж на Балканах. Это неминуемо вызвало бы возмущение в русском обществе, которое в этот момент было единодушно в своих славянских симпатиях [1]. Вот почему оно сохраняло в величайшей тайне это соглашение. Его тщательно скрывали от всех. Н. П. Игнатьев узнал о нем лишь во время заключения Сан-Стефанского договора. Рейхштадтское соглашение было первым отступлением от той политики, которую со времени Крымской войны вело русское правительство на Балканах и которая заключалась в стремлении не связывать себя далеко идущими обязательствами. Оно явилось ядром всех последующих важнейших соглашений — Будапештской конвенции 1877 г., англо-русского компромисса 1878 г., наконец, Берлинского трактата. Оно было обусловлено международной обстановкой и прежде всего наличием такого опасного и постоянно угрожающего врага, как Великобритания, с резко выраженной антирусской и антиславянской политикой.

Герцеговинское восстание 1875 года, апрельское восстание в Болгарии весны 1876 года и, наконец, война Сербии и Черногории против Турции вызвали широкий отклик в самых различных кругах русского общества. Движение помощи южным славянам к осени 1876 года приобрело такие большие размеры, что правительство Александра II вынуждено было в известной мере считаться с ним по вопросу о поддержке балканских славян.

«Славянское движение», как его обычно называли тогда, было явлением чрезвычайно сложным, сложным вследствие того, что представители различных классов относились к борьбе южных славян по-разному, действовали в силу иногда совершенно противоположных взглядов и интересов.

Искреннее сочувствие борьба южных славян против турецкого господства вызвала в русском крестьянстве, рабочем классе, среди мелких конторских служащих, ремесленников, среди низов городского населения.

В передовой статье либерального эмигрантского журнала «Общее дело» от 9 июня 1877 г. давалась следующая характе-

[1] Об отношении русского общества — см. дальше.

ристика отношений крестьян и рабочих к страданиям южных славян:

«Народ при слухе о турецких зверствах заволновался, как один человек. О том, кого эта рука разила, он не мог дать подробных показаний; но он знал, что это христиане и свои и для него этого было достаточно. Ему кричали иные: «куда ты, остановись, ты сам несчастен!». Но он понес свою кровь и достояние на поле борьбы с тем же чувством, с которым голодный крестьянин делит последний кусок хлеба с своим голодным собратом в пору народного бедствия. Его страдания не затушили в нем сострадания; в своих великих несчастьях он оказался великим народом» [1].

Орган анархистов-народников — «Община» отмечал, что по мере развития событий на Балканах росло сочувствие в России «...и, наконец, пробудило в простом народе его старинную вражду к туркам и магометанству, его симпатии к единоверцам. Тогда-то посыпались пожертвования мужицкими грошами, и стали являться сотни добровольцев для борьбы с исконным врагом русского народа» [2].

В 1914 г. в «Русском архиве» были помещены воспоминания некоего Ст. Никольского, который писал, что если русско-японская война была очень непопулярной в народе, то в 1876 г. сочувствие славянам было искренним.

«До того времени газета еще редко проникала в деревню, но «Крестный календарь» Гатцука нашел себе уже широкое распространение среди грамотных крестьян, благо и стоил недорого — всего 15 к. И в город за ним ездить было не надо: мелкие торговцы — перехожие коробейники — запасались им во множестве и разносили его по самым глухим деревням. Календарь крестьяне читали и перечитывали и по нему познакомились с герцеговинским восстанием — «православных славян против нехристей-турок». Читали, волновались, судили, рядили, и в результате село в сто дворов собирало 100 руб. в пользу герцеговинцев. Интерес к перипетиям борьбы с нехристями все разгорался в среде крестьян, росли вместе с тем и их пожертвования в пользу сербов и добровольцев, отправлявшихся к Черняеву» [3].

Председатель Московского Славянского Комитета И. С. Аксаков в своей речи от 24 октября 1876 г. говорил, что к октябрю месяцу комитетом было собрано 3 000 000 рублей и что основная масса пожертвований поступала от крестьян, рабочих, ремесленников. Он говорил о том, что собрано не так уже много денег.

---

[1] Цит. по кн. В. Богучарского. Активное народничество 70-х гг. М. 1912, стр. 265.

[2] «Община», 1878, январь, № 1, стр. 23. Цит. по указ. кн. Богучарского, стр. 265.

[3] С. Никольский, Народный патриотизм.— «Русский архив», 1914, № 10, стр. 213.

«Мало — в виду молвы о десятках миллионах жертвованных рублей. Громадно — потому, что две трети пожертвований внес все же он, наш бедный, обремененный нуждою, простой народ, и каждый его медный грош, без сомнения, по нравственному результату подаяния значил и на весах истории весил тяжелее сотни червонцев. Вообще можно заметить, что пожертвования по общественной лестнице шли в обратной прогрессии: чем выше, чем богаче, тем относительно слабее и скуднее» [2].

Корреспондент «Отечественных записок» Елена Лихачева писала из Белграда о том, что присланные для сербских женщин русскими крестьянками вещи сделаны исключительно любовно. «Сарафаны не только новенькие, с иголки, с красивым рисунком, но еще в некоторые из них воткнуты целые ряды иголок и булавок. Видно, что отдавалось лучшее, думалось о том, что и мелочи могут понадобиться тому, кому вещи предназначались. Вообще в крестьянских посылках, самом выборе их, проглядывает трогательная заботливость о сербах» [2].

Директор правления Ярославской железной дороги Ф. В. Чижов писал в своем дневнике, что служащие дороги просили, чтобы с них удерживали 1% жалованья в пользу южных славян до конца их борьбы против турок [3].

Представители крестьянства, рабочих мелких служащих составили и основную массу русских добровольцев. Именно среди этих добровольцев было больше всего людей, искренне, самоотверженно сражавшихся против турок за свободу сербов. Глеб Успенский, который в качестве военного корреспондента ездил в Сербию, в письмах из Белграда отмечал искренность чувств простых людей и противопоставлял их действия наглым выходкам «уродцев» главным образом из среды русского офицерства и чиновничества, которые поехали в Сербию ради славы, забавы и позорили там честь русского имени [4].

Бескорыстная помощь трудового населения отмечалась всеми современниками.

Однако сбор пожертвований, организация добровольческого движения осуществлялась Славянскими Комитетами, панславистскими организациями [5].

Крестьяне, рабочие, служащие охотно откликались на их воззвания о пожертвованиях, ехали в Сербию, но в их среде не возникло каких-либо организаций по сбору денег и вещей, по

---

[1] И. С. Аксаков. Славянский вопрос. М., 1886, стр. 228.

[2] Е[лена] Л[ихачева]. Английская и русская благотворительность в Сербии. Письмо из Белграда.— «Отечественные записки», 1877, № 2, стр. 284.

[3] Ф. В. Чижов. Дневник. 12 авг. 1876 г. Отд. Рукописей Госуд. Биб-ки им. В. И. Ленина. Фонд Чижова. Дневник Чиж. п. 3, № 4, л. 117.

[4] Глеб Успенский. Из Белграда. (Второе письмо невоенного человека).— «Отечественные записки», 1877, № 1, стр. 115, 264. Подписано: Г-въ. Авторство Успенского установлено по Словарю псевдонимов, т. 1, М. 1941, стб. 264; Глеб Успенский. Соч., т. 1, СПб., 1889, стр. 922—950.

[5] О деятельности панславистов будет сказано ниже.

отправке добровольцев. Причина этого кроется в том, что еще не созрело классовое самосознание народных масс. В. И. Ленин отмечал, что во второй трети XIX века их общественная активность была крайне невелика. Рабочий класс находился еще под сильным влиянием народничества, а крестьянская масса «тогда еще спала глубоким сном» [1].

Кроме того, в условиях самодержавного строя и немыслимо было существование каких-либо легальных крестьянских или рабочих организаций, даже с благотворительными целями. Их существование неминуемо вызвало бы подозрения и преследования полиции. Когда в июне—августе 1876 года в Москве происходили массовые проводы добровольцев и сестер милосердия в Сербию, то это вызвало у московского генерал-губернатора кн. Долгорукова ужас перед возможностью массовых волнений. Он запретил служение молебна у Иверской при отправлении сестер милосердия, хотя они посылались Московским Славянским комитетом, организацией, находившейся под покровительством наследника и императрицы [2].

Несмотря на это, велико было моральное значение помощи, оказанной трудящимся населением России южным славянам. Крестьяне, рабочие, ремесленники, мелкие служащие жертвовали последние гроши в пользу своих соплеменников, храбро сражавшихся против турецкого господства.

Эти же люди в солдатских шинелях в период русско-турецкой войны сражались за освобождение болгарского народа, за полную независимость сербов, черногорцев и румын от султанской Порты.

События на Балканах, героическая борьба герцеговинцев, болгар, черногорцев и сербов за свою независимость возбудили внимание народников.

Народоволец Н. А. Морозов в своих воспоминаниях прекрасно отразил настроение своих товарищей: «Наше прозябанье в полутьме без солнечных лучей, без ярких впечатлений, было как я уже сказал, мучительно своим однообразием и своей замкнутостью. Однако, до нас долетали и отголоски внешней жизни и одним из первых ударов отдаленного грома было восстание Боснии и Герцеговины против турецкого ига. Известие о нем проникло к нам, конечно, контрабандным путем.

У всех нас появилось горячее сочувствие восставшим славянам.

Не будь мы в заточении, не менее половины из нас оказалось бы в их рядах. Я по крайней мере рвался всей душой туда, на Балканские горы, в начавшуюся там «борьбу за гражданскую свободу».

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, изд. 4, стр. 99.

[2] Указ. выше дневник Ф. В. Чижова. 1876. Запись 4 авг., л. 113 об.—114. Чиж. п. 3, № 4.

Туда же поехал мой друг Кравчинский и многие из сочувствовавшей нам учащейся молодежи» [1].

А. И. Желябов организовал в Одессе комитет помощи герцеговинцам. Этот комитет занимался сбором средств и отправкой волонтеров в Герцеговину. Сведения о деятельности желябовского комитета так скудны, что можно говорить только о том, что поехали в Герцеговину главным образом украинцы, студенты, гимназисты [2]. В Герцеговине побывали М. П. Сажин, О. М. Габель, П. Енкуватов, И. Дебагорий-Мокриевич [3]. В Сербию в качестве добровольцев ездили С. М. Кравчинский, А. Ерошенко, Д. А. Клеменц, П. С. Поливанов, Н. Д. Далматов [4]. Настроения народников отразились и в «Записках революционера» П. А. Кропоткина, который писал: «Мои лучшие друзья — Сергей Степняк, Дмитрий Клеменц и многие другие — отправились на Балканский полуостров, чтобы присоединиться к инсургентам. Друзья писали мне: «Мы читаем корреспонденции Daily News о турецких зверствах в Болгарии, мы плачем при чтении и идем записываться в отряды инсургентов, как добровольцы или как сестры милосердия» [5]. А. П. Корба принимала участие в сборе средств и отправке русских добровольцев в Сербию. В декабре 1877 года она отправилась на фронт в качестве сестры милосердия [6].

Сведения об участии народников в движении по оказанию помощи южным славянам очень скудны. Эта скудость мешает точно установить, кто еще из народников поехал на Балканы, какова была там их деятельность. Кропоткин пишет, что вместе с Кравчинским и Клеменцем в Сербию поехали «многие другие». Н. Морозов, почти повторяя его слова, указывал, что в Герцеговину поехали, кроме народников, «многие из сочувствовавшей нам молодежи». Он же подчеркивает, что если бы не репрессии царского правительства, то «не менее половины из нас оказалось бы в их (восставших славян) рядах». Своим примером народники увлекали молодежь.

Нужно указать на то обстоятельство, что на Балканы народников влекло не только сочувствие славянам, но и стремление на опыте познать «борьбу за гражданскую свободу», [7] «принять участие и научиться ведению партизанской войны» [8]. Они думали заимствовать методы ведения «социальной борьбы» и применить их в борьбе против русского самодержавия.

---

[1] Н. А. Морозов. Повести моей жизни. т. II, М.—Л., 1947, стр. 227—228. Подчеркнуто мною. (И. К.).

[2] Богучарский. Указ. соч., стр. 288—289

[3] М. П. Сажин. (Арман Росс) — Воспоминания. 1860—1886. М. 1925, гл. «Поездка в Герцеговину. Август 1875 года», стр. 99—105.

[4] Богучарский. Указ. соч., стр. 290—291. Н. А. Морозов, т. II, стр. 227—228; Клеменц Д. А. Из прошлого.— «Русские ведомости», 1910, № 232, стр. 2.

[5] П. А. Кропоткин. Записки революционера. Л. 1933, стр. 250.

[6] Богучарский. Указ. соч., стр. 290.

[7] Н. А. Морозов. Повести моей жизни, т. II, стр. 228.

[8] М. П. Сажин. Воспоминания, стр. 99.

В 70-х гг. XIX века журнал «Отечественные записки» находился под сильным влиянием народничества. В числе его сотрудников был и один из вождей народников — Н. К. Михайловский. Этот журнал живо откликнулся на балканские события.

В «Отечественных записках» публиковались статьи и очерки, посвященные прошлому балканских славян. Журнал призывал русское общество к пожертвованиям в пользу славян, сообщал о полученных деньгах и вещах. В статье «На всемирную свечу» содержался следующий призыв: «Откажемся же и мы все 100 000 000 русских и славянских людей, откажемся только на один день от какой-либо прихоти, без удовлетворения которой мы могли бы удобно существовать этот день, но откажемся все разом...», «пожертвуйте же, русские люди, на «всемирную свечку». [1] «Отечественные записки» выступали за самую энергичную поддержку борющихся славян. «Русским не все равно «как устроятся славяне — сделаются ли они совершенно свободными, или подпадут под новое ярмо». [2] Если не помогут общественное мнение Европы, или сила правды, — «тогда зажжем пламя войны во всей Европе, сольемся со всем славянским миром, будем драться по-герцеговински и, подобно Александру первому, дадим обет не положить оружия, пока не добудем свободы для всего славянского мира, для славян не только турецких, но и австрийских». [3] Н. К. Михайловский в «Записках профана» писал о великом значении славянского движения в России, которое объединив различные классы общества, может послужить к возрождению России. «Тон нашей жизни приподнят. Воздух очищается. Самоотвержение, преданность идее, исполнение раз сознанного долга, ненависть к гнету и насилию, — все это море великих, святых чувств тут под боком. Всякий даже дрянной или пустой человек может, окунувшись в него, окрестившись в нем возродиться. В нем могут надолго заговорить заглохшие чистейшие струны его души, звенеть и по окончании турецко-славянской распри, отзываться и на другие запросы жизни. В-третьих, наконец, мы имеем до известной степени возможность не скрывать своих чувств». [4] Он сурово критиковал тех «добровольцев славянофильства», которые подобно суворинскому «Новому времени», вдруг стали славянолюбцами и претендовали на роль руководителей общественных симпатий. [5] «Отечественные записки» заклеймили тех из русских добровольцев, преимущественно из офицерской и чиновничьей среды, которые своими действиями позорили честь русского имени. Глеб Успенский в письмах из Белграда давал

---

[1] На всемирную свечку.— «Отечественные записки», 1876, № 7, стр. 105—106.

[2] Воевать или не воевать.— «Отечественные записки», 1876, № 6, стр. 358.

[3] Там же, стр. 376.

[4] Н. К. Михайловский. «Записки профана», Полное собр. соч., т. 3, изд. 4-е, СПб., 1909, стр. 854. Были опубликованы в «Отечественных записках», 1877, № 1.

[5] Там же, стр. 895.

исключительно меткую характеристику этим проходимцам, «которые отлично умеют облечь свою плотоядную жадность в форму общественных вопросов, нужд, в форму требований целого общества, народа, и, главное, ведь они не задумаются добиться своего, раз сообразив, что дело верное в финансовом отношении».[1] «Отечественные записки» попытались в известной степени принять участие в организации славянского движения — призывая к пожертвованию, сделав редакцию одним из центров сбора пожертвований.

Если народники, чья деятельность протекала главным образом в самой России, примкнули к славянскому движению и даже побуждали к участию в нем учащуюся молодежь, то группа лавристов отнеслась к этому движению крайне отрицательно. Они увидели в нем только «простое оживление» русского общества, которое обрадовалось, что правительство разрешило свободно говорить о славянском вопросе.[2] Лавристы не увидали в этом движении искреннего участия трудящихся масс, прогрессивной интеллигенции. Лавристы считали, что если бы русское правительство не так лезло вперед с славянским вопросом, то другие европейские державы и особенно Англия поддержали бы славян, но так как «при решении славянского вопроса необходимо считаться с видами и затеями русского правительства», то Европа очень осторожна в выражении своих симпатий[3]. В этом сказалось полное непонимание автором истинной реакционной позиции английского и прочих европейских правительств, которые были против поддержки турецких славян в их борьбе за независимость, а выступали на стороне угнетавшей славян султанской феодальной Турции. Автор брошюры считал, что Россия может дать славянам только европейскую цивилизацию, так пусть же лучше они берут ее от немцев и прочих западноевропейских народов, т. к. «от нас же русских до сих пор они (славянские народы) получали кое-какие украшения для церквей, да послания Хомякова и других славянофилов с советом не поддаваться искушениям гнилого Запада».[4] Они, таким образом, совершенно игнорировали огромное значение влияния русской культуры на славянские народы, забывали о могучем воздействии революционных идей Чернышевского, Герцена и других революционеров-демократов на балканских славян и в славянском движении видели лишь действия панславистов, да руководимых ими людей, обрадовавшихся разрешению свободно говорить и писать хотя бы уж о славянском вопросе. По мнению лавристов, славяне должны были произвести сначала социальную революцию в своих странах и потом, объединившись с русскими революционерами,

[1] Г. Успенский. Из Белграда. (Второе письмо невоенного человека).— «Отечественные записки», 1877, № 1, стр. 115. Подписано: «Г-въ».

[2] Брошюра «Славянский вопрос». СПб., Издание газеты «Вперед», ноябрь, 1876, стр. 22.

[3] Там же, стр. 10.

[4] Там же, стр. 11.

итти против самодержавия и турецкого деспотизма. Они считали, что участие в нынешней борьбе славян против Турции есть содействие «процессу временного ослабления социалистической пропаганды среди южных славян и отложения в более дальнее будущее социальной революции среди них».[1] В этом сказалось полное непонимание лавристами того факта, что феодальный строй являлся тормозом на пути социального развития славянских народов, они полагали, что социальный переворот мог привести славянские народы прямо к социализму, минуя стадию капитализма.

В одной из статей газеты «Вперед» (15 июня 1876, № 35) доказывалось, что положение славян в Турции нисколько не хуже положения русских. В России все гораздо хуже, чем в Турции. В Турции говорят уже о конституции «...какова бы она ни была, эта конституция, наверное, так или иначе, ограничит произвол верховной власти султана», в России же ничего этого не предвидится и славянам нечего ждать освобождения от русских.[2]

Мысль о том, что Россия не может принести славянам освобождения, повторена и в стихотворении «Война», опубликованном в журнале «Вперед» уже в 1877 году. Там утверждалось, что «с русскими полками свобода рядом не идет». Стихотворение заканчивалось словами: «не взойдет для Вас в России освобождения звезда».[3]

Такое ошибочное понимание лавристами освободительной роли России в отношении славян несомненно объясняется тем, что они не могли в то время дать объективной оценки действий русского правительства в славянском вопросе. Они видели лишь агрессивные замыслы русского царизма на Балканах, они не могли в то время понять, что балканская политика русского правительства в указанный период не стремилась к захвату Балканского полуострова, что поддержка русским правительством национально-освободительного движения сербов, черногорцев и болгар имела объективно положительное значение, особенно ввиду открыто враждебной славянам позиции английского и австро-венгерского правительств. Они переоценивали силы балканских славян, которые в то время были так слабы, что не могли без поддержки извне освободиться от гнета турецких феодалов, поддерживаемых европейской реакцией.

Необходимо отметить, что когда осенью 1876 года русское правительство выступило в защиту Сербии, когда Александр II в своей «московской» речи 30 октября заявил о решимости русского правительства единолично выступить в защиту славян, даже если Россия не будет поддержана другими державами, то это вызвало смущение в рядах народников. Они не могли понять,

---

[1] «Вперед», 1879, ноябрь, № 44, стр. 665.
[2] Газ. «Вперед», 1876, 15 июня, № 35, стр. 355.
[3] Журнал «Вперед», 1879, т. V, разд. 1, стр. 128.

как русский царизм мог выступить в защиту славян, когда он столь жестоко расправлялся с борцами за свободу России. Н. А. Морозов очень хорошо отразил то волнение и смущение, которое охватило при этом народников: «Но вот прошло несколько месяцев, и к нам пришло известие, что и наше правительство под влиянием общественного увлечения, неофициально вступилось за восставших. Это нас ошеломило!

— Что такое случилось, — говорили мы друг другу. — Как могут заклятые враги гражданской свободы у себя дома защищать ее в других странах? Те же самые люди, которые мучат нас здесь за одни слова о ней, поддерживают в Турции восставших за нее с оружием в руках, т. е. много худших, по их мнению, чем мы. Весь наш маленький изолированный мирок был страшно взволнован». [1]

Когда же с вопросом об оказании помощи славянофильско-панславистские круги начали связывать вопрос о войне, когда правительельство, под напором преимущественно этих элементов и придворной «партии войны», объявило частичную мобилизацию и стало готовиться к войне, то и те народники, которые ранее принимали участие в славянском движении, решительно отошли от него, считая, что участие в нем будет поддержкой реакционного правительства.

Говоря об участии народников в славянском движении, необходимо отметить, что они не попытались вовлечь широкие массы в орбиту своего влияния, использовать славянское движение в своих целях. Комитет помощи герцеговинцам, созданный Желябовым в 1875 г. был, повидимому, узкой и недолговечной организацией, включавшей лишь народнические элементы. Различные группы народников не поддержали организационной инициативы «Отечественных записок». Они ничего не сделали для того, чтобы взять руководство славянским движением в свои руки, противопоставить свои действия славянофильско-шовинистической деятельности Славянских комитетов. Они ничего не делали для того, чтобы создать организации помощи славян среди крестьянства и рабочего класса. Но, с другой стороны, им трудно было действовать в условиях самодержавной России, в условиях жестоких репрессий со стороны правительства. Основной их целью была борьба против самодержавия. Этой цели они подчиняли всю свою деятельность. Это отвлекало их от других вопросов, в том числе и от славянского. Им казалось, что освобождение славян сможет осуществить только совершенно свободная Россия.

Борьба южных славян за свою независимость возбудила живейшее сочувствие особенно в среде интеллигенции, русских писателей и художников, особенно тех, которые были связаны с народническими и либеральными кругами общества.

Под влиянием кровавых событий в Болгарии И. С. Тургеневым было написано замечательное по силе и остроте стихотворение

[1] Н. А. Морозов. т. II, стр. 228.

памфлет «Крокет в Виндзоре». Оно было направлено против английской королевы Виктории, которая враждебно отнеслась к восстанию болгар. Тургенев иронически рисует королеву Викторию, играющую в крокет. Катятся шары, и вдруг королева

«Умолкла... лицо побледнело...
Ей чудится: вместо точеных шаров,
Гонимых лопаткой проворной,
Катаются целые сотни голов
Обрызганных кровию черной». [1]

Стихотворение датировано 26 июня 1876 года. Позднее, в октябре того же года, Тургенев в письме к кн. Е. А. Черкасской писал: «Болгарские безобразия оскорбили во мне гуманные чувства: они только и живут во мне, и коли этому нельзя помочь, как войною, ну так война! Зарезанные болгарские жены и дети были бы не христианской веры и не нашей крови, — мое негодование против турок не было бы нисколько меньше». Он также сообщал, что пытался в переводе на английский язык поместить стихотворение в либеральной лондонской газете Daily News, однако последняя отказалась, убоявшись, что это оскорбит королеву. [2] В письме к поэту Я. П. Полонскому он писал: «за торжество, за победу Сербии я бы готов дать очень многое — будь я моложе, я бы сам туда поехал». [3] Поэт Я. П. Полонский [4] в эти дни посвятил славянам целый ряд своих стихотворений: «Болгарка» и другие. В. М. Гаршин, тогда еще студент Горного Института, находившийся под сильным влиянием народничества, писал одному из своих товарищей 18 июня 1876 года:

«За сообщение новостей профессорского мира весьма благодарен, хотя по правде сказать, электрофорная машина Теплова и соединение химического и физического обществ интересуют меня гораздо меньше, чем то, что турки перерезали 30 тыс. безоружных стариков, женщин и ребят. Плевать я хотел на все ваши общества, если они всякими научными теориями никогда не уменьшат вероятностей совершения подобных вещей». [5] Гаршина в продолжение всего 1876 года, по выражению его товарища Павловича, «так и подмывало бросить все и ехать в Сербию», но его не пустили, так как он был призывного возраста. Когда началась война он поступил рядовым в 138 болховский пехотный полк.

Г. И. Успенский побывал в Сербии в качестве военного корреспондента «Отечественных записок». Его «Письма из Сербии»

[1] И. С. Тургенев. Соч., т. X, 5-е изд. СПб., 1911, стр. 531—532.
[2] Н. А. Бродский. Неопубликованные письма И. С. Тургенева. Записки Института Мировой литературы им. А. М. Горького, т. 1, М. 1946.
[3] Документы по истории литературы и общественности. Вып. II. И. С. Тургенев, М. 1923, стр. 60.
[4] Был близок к славянофильским кругам.
[5] В. М. Гаршин. Рассказы. 9-е изд., СПб., 1903, стр. 21.

проникнуты горячим сочувствием к борющемуся против турок сербскому народу и болью за то, что помощь России недостаточна, беспорядочно организована.[1]

Многие русские художники отразили в своем творчестве события на Балканах. В. Д. Поленов, поехавший добровольцем в Сербию, привез оттуда массу этюдов, изображавших виды и типы Сербии, Черногории и Герцеговины.[2] В Сербии побывали К. Е. Маковский и М. О. Микешин. Первый написал полную драматизма картину «Болгарские мученицы», изображавшую один из эпизодов подавления апрельского болгарского восстания, когда отряды баши-бузуков истребляли женщин и детей. В. В. Стасов считал эту картину едва ли не лучшей картиной Маковского.[3] М. О. Микешин поместил в журнале «Пчела» за 1876 год ряд своих рисунков: «Балканская мученица», «Россия у порога Балкан» и др. Художник-иллюстратор Н. Н. Каразин, ездивший в Сербию, создал ряд замечательных рисунков, изображавших военные действия, отдельные эпизоды, лица. В период русско-турецкой войны он снова поехал на фронт и сделал целый ряд блестящих зарисовок. Героическую борьбу русских воинов за освобождение Болгарии отразили в своем творчестве такие выдающиеся русские художники-баталисты как В. В. Верещагин, А. П. Боголюбов, П. П. Соколов, Н. Д. Дмитриев-Оренбургский, А. Д. Кившенко, Б. Д. Виллевальде и др.[4] И. Е. Репин откликнулся на события русско-турецкой войны замечательными этюдами «Герой минувшей войны» и «Вернулся», изобразив на них русских воинов, завоевавших освобождение болгарскому народу.[5] Картины и рисунки русских художников отражали борьбу южных славян за свою независимость, их страдания под турецким гнетом, они изображали тех представителей русского народа, которые больше всего сделали для поддержки балканских славян. В этом огромное прогрессивное значение их творчества. Их произведения волновали зрителей, пробуждали в них сочувствие к страданиям сербов, болгар, герцеговинцев, черногорцев, побуждали оказывать им помощь.

В среде либерального дворянства и либеральной буржуазии не было единства по славянскому вопросу. Представитель либералов-эмигрантов М. П. Драгоманов в памфлете «Турки внут-

---

[1] Г. И. Успенский. Письма из Сербии. Соч., т. I, СПб., 1889, стр. 992—950.

[2] И. Э. Грабарь. Страницы истории.— «Славяне», 1951 г. № 3, стр. 49—50. См. статью И. С. Зильберштейна. Репин в годы борьбы России за независимость славян — Художественное наследство. Репин, т. 1, М., Из-во АН СССР. М.-Л., 1948, стр. 390. О пребывании Поленова в Сербии см. его дневник в кн. Е. Сахарова — «Василий Дмитриевич Поленов. Письма, дневники, воспоминания». Изд. 2 ,М.—Л., «Искусство», стр. 122—123.

[3] См. Н. Собко. Иллюстрированный каталог художественного отдела Всероссийской художественной выставки в Москве. 1882. Второе изд. П. 1882, стр. 23. (репродукция на 62 л.).

[4] См. указ. выше статью И. С. Зильберштейна, стр. 392.

[5] Там же, стр. 396—402.

ренние и внешние», выражая полное сочувствие славянам, считал, что поскольку в России существуют беды «одного порядка с теми, которые возмущают нас в Турции» невозможно настоящее освобождение славян Россией. По его мнению, необходимо было сначала в России ввести буржуазные свободы, а потом уже освобождать славян».[1] В этом отношении Драгоманов высказывал взгляды довольно близкие народникам-лавристам.

Часть либералов, представляемая в печати «Вестником Европы», была за оказание помощи славянам, сочувствовала им, но высказывалась против развязывания войны, которая привела бы страну к разорению. Следовало, по их мнению, прежде всего позаботиться об улучшении положения своего собственного народа.[2]

Орган умеренных либералов «Голос», газета «Русские Ведомости» в вопросе о войне смыкались с славянофилами и панславистами. Если мирные средства ни к чему не приведут необходимо итти войной против Турции, помогать балканским странам не нарушать традиционной политики России в этом вопросе.[3]

Либералы увидели в славянском движении средство для борьбы с революцией. Газета «Голос» в августе 1876 года писала о славянском движении:

«Это здоровое и могущественное историческое движения России на помощь единоверных и единокровных ей племен всего более способно снести все наносные, напущенные и прибитые волною Запада революционные стихии в умственной жизни русского общества».[4]

В этих словах раскрывались истинные причины «славянолюбия» умеренных либералов, которые и в этом вопросе тесно сближались с представителями реакционно-панславистских кругов дворянства — И. С. Аксаковым, К. П. Победоносцевым и другими.

К. Ф. Головин — писатель, реакционный дворянский публицист, так характеризовал планы панславистов для рассматриваемого периода и их причины: «Многие очень умные люди, как И. С. Аксаков и М. Н. Катков, а, пожалуй, и сам канцлер Горчаков, находили, что славянское движение откроет спасительный клапан и примет в свое русло тревожную потребность волноваться и воевать, которая в мирное время отвлекала в революционной стране так много горячих молодых голов. Расчет был может быть и верен, но вот что просмотрели тогдашние руко-

---

[1] М. П. Драгоманов. Турки внутренние и внешние. Письмо к издателю «Нового времени», 1876, стр. 8, 16, 26.

[2] Внутреннее обозрение. «Вестник Европы», 1876, октябрь, стр. 799. М. М. Стасюлевич. М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Под ред. М. Лемке, т. II, СПб., 1911, стр. 133 — письмо К. Д. Кавелина, стр. 433—434. Письмо П. А. Корфа.

[3] «Голос», 1876, 9 сентября, № 249.

[4] «Голос», 1876, № 233.

водители нашего общества: много революционных элементов было, правда, увлечено славянским потоком, но самый этот поток дал новую пищу брожению, сильно возбудив общественные нервы. И в результате революционная волна нисколько не улеглась». [1]

Однако отвлечение внимания общества от революционного движения было не единственной целью славянофилов и панславистов. Они явились представителями тех кругов русского дворянства, которые были заинтересованы в разрешении проблемы проливов.

Наиболее яркими идеологами этой группировки были И. С. Аксаков, председатель Московского славянского комитета, генералы: М. Г. Черняев и Р. А. Фадеев, в печати М. Н. Катков и Н. Е. Данилевский. В событиях на Балканах они увидели наступление давно жданного ими момента, когда при помощи объединенного наступления можно было сокрушить Оттоманскую империю, создать на Балканах славянское государство под покровительством российского монарха и захватить Царьград. В войне против Турции они, кроме того, видели спасение от революции в России.

Они находили полную поддержку со стороны имп. Марии Александровны, наследника (Александра III), К. П. Победоносцева, русского посла в Константинополе Н. П. Игнатьева, гр. А. Д. Блудовой. Последние всячески поощряли деятельность Славянских комитетов.

Возбуждение славянского вопроса для них являлось лишь средством осуществления их агрессивных планов.

В своих целях они широко использовали традиционные дружеские связи русского народа с другими славянскими народами, симпатии русских к славянам.

В воззваниях Славянского комитета постоянно указывалось на то, что русский и славянские народы связаны общностью исторических судеб, напоминалось о борьбе славянских народов против турецких угнетателей. Славянские комитеты распространяли свои воззвания в городах и деревнях. Они посылали своих агентов в провинцию для сбора денег и вещей, для пропаганды они широко использовали печать. Не имея своего специального органа, славянские комитеты печатали свои обращения в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике». М. Н. Каткова, являвшегося членом Московского славянского комитета, в «Голосе» А. А. Краевского, «Русском мире» генерала М. Г. Черняева, [2] в «Новом времени» А. С. Суворина. Они выпускали многочисленные брошюры, листовки, лубки, в которых русский народ призы-

[1] К. Ф. Головин. Мои воспоминания, т. 1, СПб., Б. г., стр. 301. Характеристика отношения славянофилов и панславистов к славянскому вопросу дана в § 3 «Балканская политика России в 50—60-х гг. XIX в.». См. выше.

[2] Издатель «Голоса» В. Бильбасов был членом Петербургского славянского комитета.

вался оказать помощь страждущим братьям-славянам. «Московские ведомости», «Голос», «Новое время» требовали от правительства оказать вооруженную поддержку славянам. Одновременно они выдвигали планы о необходимости захвата Константинополя и проливов. Славянофилы и т. н. «военная партия» при дворе оказывали постоянный нажим на правительство Александра II. Одним из средств воздействия была организация добровольческого движения. Они думали, что убедившись в популярности добровольческого движения, правительство пойдет на войну с Турцией.

Славянские комитеты явились организаторами добровольческого движения. На их средства добровольцы отправлялись в Сербию, куда еще в мае 1876 года уехал член Петербургского славянского комитета ген. М. Г. Черняев, возглавивший сербскую армию [1].

Центром, откуда посылались добровольцы, был Московский славянский комитет. Его призывы нашли широкий отклик. Состав добровольцев был неоднороден. Ехали люди, искренне желавшие помочь славянам — это были крестьяне, рабочие, мелкие служащие, отставные солдаты, представители народнически настроенной интеллигенции — студенты, врачи, учителя, журналисты. Ехали агенты Славянских комитетов, выполнявшие определенные задания комитета. Ехали, наконец, представители военной касты — офицеры-неудачники, авантюристы, желавшие выслужиться, получить ордена, добыть денег. Это добровольческое движение встретило полное сочувствие в русском обществе. Проводы добровольцев выливались в шумные демонстрации, пугавшие высшую администрацию. [2] Но Славянские комитеты очень плохо организовали встречу добровольцев в самой Сербии. Приезжавшие туда люди не знали куда ехать, оказывались без всяких средств, очень долго не могли получить направления на фронт. Это вносило дезорганизацию, разложение в среде добровольцев, порождало апатию. [3] Военное руководство — М. Г. Черняев, его штаб, офицерство оказались не на высоте. В штабе Черняева царили распри. Сам он «архистратиг славянской рати» разыгрывал маленького царька, постоянно ссорился с сербским правительством и ничем не помог сербским войскам. Подвиги отдельных русских отрядов, героическое поведение части русских добровольцев, разумеется, имели огромное моральное значение, но сербским войскам нужна была более широкая поддержка и помощь. Русское правительство не рискнуло оказать военную помощь Сербии. Оно выступило лишь с дипломатической поддерж-

---

[1] Об этом см. Н. Дурново. К истории сербо-турецкой войны. — «Исторический вестник», т. XXV, 1899, стр. 531—537 и «Славянский сборник», М., изд. Биб-ки им. В. И. Ленина, 1948, стр. 146—147, 148.

[2] Об этом см. выше.

[3] Об этом писал В. Д. Поленов. Е. В. Сахаров — В. Д. Поленов, изд. 2, М.—Л., «Искусство», 1950, стр 122.

кой. Русские добровольцы оказались в тяжелом состоянии. Славянские комитеты не имели своих достаточных средств, чтобы им помочь. В октябре — ноябре 1876 г. добровольцы начинают возвращаться в Россию.

Вследствие этих обстоятельств добровольческое движение оказало южным славянам меньшую помощь, чем сбор денег и вещей, отправка санитарных отрядов.

Панслависты и славянофилы постоянно шумели и кричали о своей любви к славянам. Ярким свидетельством того, что их славянский патриотизм был лишь средством для осуществления их реакционнейших планов создания всеславянской империи под скипетром российского монарха, является письмо И. С. Аксакова к одному из агентов Московского славянского комитета. Оно было написано в конце 1876 года, когда Сербия потерпела полное поражение. Казалось бы, что именно теперь Славянские комитеты должны были особенно усилить помощь сербскому народу. Но политический расчёт заставил поступать иначе. «Мы покуда должны перенести главный центр нашей деятельности в Болгарию. Она важнее для нас и славянской будущности, чем Сербия» — писал Аксаков. Внимание панславистов теперь было обращено в сторону Болгарии, которая должна была стать ареной военных действий, в случае войны России с Турцией. [1]

Действиями панславистов в славянском вопросе руководил исключительно политический расчёт. То же обстоятельство, что именно они явились руководителями славянского движения объяснялось тем, что народные массы еще не могли, в силу своей отсталости, задавленности, проявить собственную общественную инициативу, народники ничего не сделали для организации славянского движения, либералы в большинстве своем примкнули к панславистам. Последние же располагали известными средствами, большими связями, широко использовали русскую печать. Исходя из своих целей и задач, они невольно способствовали лучшему знакомству русского общества с жизнью болгар, сербов, черногорцев, оказывали влияние на него своей агитацией, будили симпатии к славянам, вовлекали в славянское движение широкие слои населения. В этом объективная сторона их деятельности, несмотря на реакционную сущность их целей и планов.

Необходимо указать, что их агитация, особенно в печати, носила шумливый, крикливый, шовинистический характер. Она находила самый резкий отпор со стороны передовых представителей русского общества того времени. Уже указывалось на пример «Отечественных записок». Против панславистов резко выступили народники-лавристы. [2] К славянофильской шумихе отрицательно

[1] Письмо от 4 декабря 1876. Адресат не указан. Опубл.— «Накануне нашей последней войны».— «Русский архив», 1897, № 6, стр. 261.

[2] Указываемая выше брошюра газ. «Вперед» — «Славянский вопрос», СПб., 1876.

отнесся Лев Толстой. В эпилоге к «Анне Карениной», который не был напечатан Катковым в «Русском вестнике», он обрушился именно на эту панславистскую шовинистическую пропаганду.[1] За этой славянофильской шумихой он не смог усмотреть и искреннего отношения народных масс и прогрессивной интеллигенции. Так же отрицательно отнесся к славянскому движению в целом и Салтыков-Щедрин. Он писал, что «славянский вопрос овладел публикой, которая повидимому обрадовалась ему потому, что он освобождает ее от обязанностей читать».[2]

Славянское движение в России затронуло самые различные классы общества. «Настоящая Россия», о которой еще в 60-х гг. писал, обращаясь к сербам, Герцен,[3] отнеслась к борьбе южных славян сочувственно, искренне, оказала большую моральную и посильную материальную помощь. Умеренные либералы и панслависты пытались осуществить реакционные планы — отвлекать массы от революции и развязать не освободительную, а захватническую войну против Турции. Они лишь прикрывались сочувствием к славянам.

Были в среде придворной бюрократии и такие лица, которые были решительно против поддержки славян. К их числу принадлежал русский посол в Лондоне граф П. А. Шувалов, шеф жандармов А. Л. Потапов, московский генерал-губернатор кн. Долгоруков, которые считали, что смешно поддерживать «революционный элемент» за границей, когда у себя дома подавляешь революционеров.[4]

Отношение правительства к славянскому движению было колеблющимся и неодинаковым в разные периоды. Вначале оно сочло полезным как для укрепления своего положения внутри страны, так и для укрепления русского влияния на Балканах, тем более, что балканский кризис, как сначала казалось, мог получить благоприятное разрешение и без всякого вооруженного выступления России — поддержать славянское движение в России, не переходя к более активной поддержке национально-освободительного движения самих славянских народов.

Агрессивные действия Порты, поддерживаемые Англией, ставили царское правительство перед дилеммой — либо оказывать дипломатическое воздействие на Турцию, или перейти к решительной тактике, объявив ей войну.

Сойти с позиций покровительства и защиты славянских народов перед лицом проявлявшегося Портой упорства, означало для

---

[1] Л. Н. Толстой. Анна Каренина. Неизданные тексты.— «Литературное наследство», т. 35—36, 1939, стр. 381—486. Брошюра «Христианство и патриотизм». Б. М. «Обновление», 1906, стр. 1—50.

[2] М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма. 1845—1889. Труды пушкинского дома. Л. 1925, стр. 152. Письмо к П. В. Анненкову. 1 ноября 1876 г.

[3] А. И. Герцен. Соч., т. X, стр. 437—438.

[4] Ф. В. Чижов. Дневник. 1876, Чиж. п. 3, № 4, К. Ф. Головин. Воспоминания, т. 1, стр. 299.

царского правительства не только упустить благоприятный момент для разрешения восточного вопроса, но, признав свое дипломатическое поражение, еще более расшатать свой престиж во вне и внутри.

Как никогда в этот момент сказывалось отсутствие мужества в правительственных сферах по вопросам внешней политики.

Олигархическая группировка — Шувалов, Валуев, Толстой, Тимашев, Грейг, Пален, Адлерберг — относилась к славянофильской агитации с большим скептицизмом и высказывалась против форсирования русской политики на Ближнем Востоке.

Горчаков первоначально твердо рассчитывал на дипломатическую победу и разрешение восточного вопроса мирным путем при содействии союзной Германии. [1]

По мере углубления восточного кризиса у Горчакова росли подозрения в отношении союзных правительств Австро-Венгрии и Германии. Он прилагал все усилия к тому, чтобы, охранив Россию от изоляции, создать для нее возможно более благоприятную дипломатическую конъюнктуру. Но определяющей роли в решении вопроса о войне и мире Горчаков не играл.

Одним из самых решительных и серьезных противников войны, не принадлежавших к группировке Шувалова, был министр финансов Рейтерн, неизменно выступавший в этом смысле на особых совещаниях в октябре 1876 г. [2], когда он заявил, что война приведет к государственному банкротству и пытался подать в отставку. Война угрожала, по его мнению, планам восстановления русских финансов. Поддерживаемый Бунге, Абазой, Бабстом, Заблоцким-Десятовским, Небольсиным — Рейтерн категорически высказывался против войны.

В царской семье курс на войну нашел энергичных сторонников в лице императрицы, наследника и вел. кн. Николая Николаевича. Императрица, по словам Милютина, «принимала близко к сердцу нынешние дела турецких славян и не скрывает своего негодования на то, что наша дипломатия держится в этом вопросе такой пассивной роли». [3] Она часто упрекала Горчакова в примирительной и сговорчивой политике и не стеснялась резко высказываться в этом смысле. Императрица принимала активное участие в организации врачебно-санитарной помощи повстанцам. Наследник проявлял не меньший интерес к делу вербовки добровольцев и вполне разделял мнение своего наставника — Победоносцева о желательности войны. Вел. кн. Николай Николаевич настаивал на скорейшей мобилизации войск. Когда в Петербурге узнали о самовольном отъезде Черняева в Сербию, Горчаков, по требованию царя, запретил русскому консулу в Белграде Карцеву, принимать Черняева. «При всем том, не забы-

[1] Д. А. Милютин. Дневник, т. II, стр. 46.
[2] Там же, стр. 93.
[3] Там же, стр. 43.

вайте, — добавлял от себя тому же Карцеву Горчаков, — что, если государь против войны, — его сын, наследник престола, стоит во главе движения». [1]

«Исходящая из Аничковского дворца агитация, — отмечал военный министр в октябре 1876 г., — идет совершенно в разрез принятой официальной политике...» [2]

Александр II долго колебался и его колебания постоянно отражались на внешней политике. Первоначально он вместе с Горчаковым был склонен к тому, чтобы придерживаться системы «абсолютного нейтралитета».

Отзываясь на раздавшиеся по адресу правительства нападки за его пассивность в славянских делах, царь говорил, что не следует подавать малейшего повода к войне, необходимо, чтобы в случае ее возникновения, ответственность пала на других. [3] Собираясь, с одной стороны, соблюдать максимальную осторожность, царь, с другой стороны, к немалому удивлению военного министра, официально разрешил офицерам выходить в отставку, чтобы ехать на сербский театр войны. [4]

В конце августа, когда Милютин решительно заговорил о войне, царь удивил его «своим спокойным и почти равнодушным взглядом на военную сторону возбужденного дела» и произвел впечатление, — «как будто и теперь он вполне убежден в сохранении мира quand-même». [5] Осторожную позицию занимал военный министр Милютин, игравший тоже руководящую роль в делах внешней политики. Восточный вопрос Милютин рассматривал, как вопрос первостепенного значения для Росси и был убежден, что главное препятствие к разрешению его лежит «в самом организме мусульманской державы», что это препятствие «нет возможности преодолеть иначе, как полным государственным и социальным переворотом. Надобно, — говорил он, — рассечь мечом гордиев узел». [6]

Милютин до осени 1876 года ориентировался на разрешение восточного вопроса дипломатическим путем, при помощи союза трех императоров. Когда же в середине 1876 г. в связи с серботурецкой войной положение стало угрожающим, Милютин стал настойчиво проводить мысль о необходимости военной мобилизации, дабы Россия не была застигнута врасплох. Он решительно опровергал слухи о неготовности русской армии. Он уверял, что в случае необходимости Россия может смело вступить в войну, хотя и считал, что последняя будет «бедствием» для России, так как она не подготовлена в дипломатическом отношении и нет лиц, способных возглавить армию. [7]

---

[1] Ю. С. Карцев. За кулисами дипломатии, стр. 43.
[2] Д. А. Милютин. Дневник, т. II, стр. 86.
[3] Там же, т. II, стр. 58.
[4] Там же, т. II, стр. 62.
[5] Там же, т. II, стр. 75.
[6] Там же, т. II, стр. 24.
[7] Там же, т. II, стр. 64—65.

Внутреннее положение России усложнялось и международной обстановкой.

Сербия, начиная с августа месяца, вследствие крайне неудачных действий генерала Черняева, терпела поражение за поражением. Надежды сербов, что вслед за русскими добровольцами придет русская армия, не оправдались. Сказались разногласия в стратегических планах Черняева и сербского правительства. «Архистратиг славянской рати» мыслил сербо-турецкую войну, как начало всеобщей славянской войны против Турции. Он хотел распространить военные действия и на территорию Болгарии. Сербское командование ставило более узкие цели. Оно сражалось лишь за независимость Сербии. Славянские комитеты надеялись, что добровольческое движение заставит русское правительство выйти из состояния апатии. Однако, этого не случилось. Русское правительство согласилось лишь на предоставление займа в размере 3 750 000, из которых Сербия в июле 1876 г. получила только 2 130 000 рублей. Оно негласно поощряло отправку добровольцев, но дальше этого не шло.

Между тем, турки развернули широкое наступление и в августе сербы начали терпеть поражение за поражением. В конце августа кн. Милан обратился к державам с просьбой о прекращении бесцельного кровопролития. Это обращение вызвало переговоры между державами по вопросу об условиях перемирия и возможного мира. 3 сентября между Сербией и Портой было заключено 10-дневное перемирие, с 4-го по 15-е сентября. Турция требовала полной капитуляции Сербии.

Поражение сербских войск резко ставило перед русским правительством вопрос о вооруженном выступлении в защиту Сербии, т. е. о войне против Турции.

Это заставило русское правительство с одной стороны еще энергичнее искать путей для мирного урегулирования сербо-турецкого конфликта, с другой стороны, искать союзников против Турции.

В начале августа 1876 года Горчаков обратился к Бисмарку с предложением взять на себя инициативу созыва конференции для разрешения сербо-турецкого конфликта. Бисмарк отказался. Для Германии было выгодно затянуть создавшийся кризис, втянуть Россию в войну против Турции. Но, чтобы замаскировать истинные намерения германского правительства, Вильгельм I отправил в конце августа 1876 г. к Александру II фельдмаршала Мантейфеля, который заверил Александра в благорасположении германского императора, но ничего не сказал о том, как намерена Германия поступать в дальнейшем.[1] Англия и Франция неохотно встретили предложение о конференции. Австро-Венгрия, подобно Германии, отказывалась от ее созыва.

В начале сентября Биконсфильд выдвинул программу мира, согласно которой Босния и Герцеговина должны были получить

[1] Д. А. Милютин. Дневник, т. II, стр. 74.

автономию, в качестве гарантии допускалась оккупация Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, а Болгарии — Россией. Константинополь должен был стать свободным портом под протекторатом Англии.

Русское правительство приняло эту программу, но, вместо объявления Константинополя вольным портом под покровительством Англии, предложило ввести в Мраморное море соединенную эскадру из судов всех держав. Это предложение русских вызвало бурную реакцию со стороны английского правительства. Оно решительно высказалось против вступления союзного флота в Босфор, оно теперь выступило и против своего предложения об оккупации Болгарии русскими войсками и согласилось лишь на австрийскую оккупацию Боснии и Герцеговины.

Дизраэли и вся консервативная партия подняли шум о захватнических планах России в отношении Болгарии и проливов [1].

10 сентября 1876 года Александр II отправил в Вену гр. Сумарокова-Эльстон с письмом к Францу-Иосифу, в котором категорически ставил вопрос о позиции Австрии — согласна ли она на одновременную оккупацию Боснии, Герцеговины и Болгарии и на ввод своих судов в Босфор [2]. 25 сентября Сумароков-Эльстон привез ответ австрийского императора. Последний отвечал отказом на предложение согласованной оккупации и ввода своих судов в Босфор. Австро-Венгрия не будет препятствовать действиям русских в Болгарии, но сохранит за собой право ввести свои войска в Боснию и Герцеговину, когда сочтет это нужным [3].

Этот ответ Франца-Иосифа вызвал крайнее раздражение Александра II. Он написал ему резкое письмо, напоминая о соглашении в Рейхштадте и о союзных отношениях по Шенбруннской конвенции. Решительный тон письма заставил Франца-Иосифа смягчить враждебный тон и в начале октября представитель Австрии в Константинополе Зичи заявил Игнатьеву, что он будет во всем поддерживать русского посла [4].

Когда предложение о созыве конференции и о понудительных мерах против Турции не дали результатов — русское правительство выдвинуло предложение о шестинедельном перемирии для Сербии. Россию поддержали все державы. 10 октября Порта ответила согласием заключить перемирие сразу на 5—6 месяцев. Порта, поощряемая Англией, желала выиграть время, затянуть оккупацию сербской территории, перегруппировать свои силы, и весной окончательно разгромить сербов и, совместно с Англией и Австро-Венгрией, выступить против России [5]. Русская дипломатия решительно высказалась против такого маневра Порты. Англия и Австро-Венгрия поддержали последнюю. Милютин за-

---

[1] Д. А. Мюлютин. Дневник, т. II, стр. 86.
[2] Там же, т. II, стр. 80.
[3] Там же, т. II, стр. 87—88.
[4] Там же, т. II, стр. 92.
[5] Милютин. Дневник, т. II, стр. 92.

писывал 1 октября в своем дневнике: «Вчера и сегодня подтвердилось решение Порты предложить 6 месячное перемирие; выдумке этой радуются в Лондоне и Вене, несмотря на наши возражения» [1].

Германское правительство также не поддержало настояния русской дипломатии. Милютин писал: «Из Берлина получены сведения крайне бесцветные: германский кабинет «не встречает препятствия» согласиться на предлагаемое нами 6-недельное перемирие, — однако же и не берется поддерживать наши требования, чтобы не поссориться с другими своими «друзьями». Если таков будет окончательный ответ Германии, то, спрашивается, какую же выгоду извлекает Россия от своей пресловутой дружбы и тесного союза с Германией? — Кажется, сам государь начинает разочаровываться насчет этого друга; относительно же Австрии — разочарование уже совершившийся факт». [2]

«Друзья» по «Союзу» трех императоров открыто принимали сторону врагов России — Англии и Порты.

Правда военные приготовления России заставили Австро-Венгрию и Англию несколько изменить тон. Они выступили с поддержкой русского предложения о 6-недельном перемирии. [3]

18 октября ст. стиля было получено известие о поражении сербов при Джунисе и Алексинаце. Князь Милан прислал телеграмму Александру II, в которой просил — «спасти Сербию». [4]

Русскому послу в Константинополе гр. Игнатьеву было предписано назначить Порте двухдневный срок для принятия русского предложения о перемирии от 6 недель до 2 месяцев. В случае неудовлетворительного ответа Порты, Игнатьев должен был прервать дипломатические отношения и покинуть Константинополь. [5]

Порта, испугавшись войны с Россией, согласилась на русские требования. Перемирие было заключено немедленно. Выступление России спасло Сербию.

В это же время русское правительство пытается договориться с Англией.

21 октября (ст. ст.) Александр II принял в Ливадии английского посла лорда Лофтуса. Александр II остановился на господствующих среди англичан предубеждениях относительно русской политики на Востоке. Он заверил посла в том, что планы покорения Индии или завоевания Константинополя не более, как устаревшие легенды, и просил посла рассеять в Англии подозрительность и недоверие к политике Росссии. Он заявил, что будет стремиться до последней возможности действовать в Восточном вопросе вместе с европейским концертом, но, что, если Европа

---

[1] Милютин. Дневник, т. II, стр. 92.
[2] Там же, стр. 96.
[3] Там же, стр. 97.
[4] Там же, стр. 102.
[5] Там же, стр. 102.

не проявит достаточной твердости, он будет действовать один. Он выразил надежду, что конференция послов в Константинополе в скорейшем времени приступит к обсуждению условий мира между Турцией и Сербией.[1] 23.X—76 г. н. ст. английский кабинет разослал всем великим державам программу занятий конференции. Имелось в виду декларировать принцип территориальной целости и независимости Турции, сохранить статус-кво Сербии и Черногории, потребовать административной реформы (в духе местной автономии) для Боснии, Герцеговины и Болгарии. Депешей от 22.X—76 г. ст. ст. Горчаков, со своей стороны, старался убедить английское правительство в возможности примирить интересы России и Англии на Ближнем Востоке. Горчаков заявил об отсутствии у России притязаний на обладание проливами и указал лишь на необходимость улучшить положение балканских христиан. Договориться с англичанами Горчакову не удалось. 28 октября Биконсфильд на банкете у лондонского лорд-мэра произнес вызывающую и угрожающую по адресу России речь, заявив о готовности Англии к войне «за правое дело». Речь Биконсфильда произвела сенсацию в Константинополе. После этой домонстрации там уже никто не верил в удовлетворительный исход предстоящей в Константинополе конференции. В ответ на это, прибывший из Ливадии в Москву Александр II произнес в Кремле на приеме дворянства и купечества речь, в которой заявил, что если совещания Константинопольской конференции не приведут к желанным результатам, то он имеет «твердое намерение действовать самостоятельно и уверен, что в таком случае вся Россия отзовется на мой призыв, когда я сочту это нужным и честь России того потребует».[2]

1 ноября 1876 г. был подписан указ о частичной мобилизации.

Русскому правительству важно было теперь окончательно выяснить намерения Германии и Австро-Венгрии. Отношения с Австро-Венгрией обострились, особенно после второго письма Франца-Иосифа, которое было получено в Ливадии 16 октября. Он писал, что не может, в случае русско-турецкой войны, обещать со стороны Австрии бо́льшее, чем сохранение нейтралитета, предлагал заключить секретный договор. Совершенно ясно, он давал понять, что и без договора Австрия захватит Боснию[3]. Милютин, которому это письмо было прочитано, записал в дневнике, что «...государь имел вид расстроенный»[4]. Он «находил циничным ответ своего союзника, указывал на изолированное наше положение».[5] Обострение отношений грозило войной не с одной только Турцией, но и с Австро-Венгрией.

---

[1] С. С. Татищев. Указ. соч., т. II, СПб., 1903, стр. 330—334.
[2] С. С. Татищев. Император Александр II, СПб., 1903, т. II, стр. 335—336.
[3] Милютин. Дневник, т. II, стр. 100.
[4] Там же, т. II, стр. 100.
[5] Там же, т. II, стр. 100.

Решено было узнать, какова позиция германского «союзника». Через германского военного уполномоченного ген. Вердера Александр II запросил Бисмарка о том, займет ли Германия позицию нейтралитета, если Россия вступит в войну с Австрией [1].

Этот запрос поставил Бисмарка в затруднительное положение. Нужно было давать определенный ответ, а это было крайне нежелательно, так как Бисмарк не хотел обострять отношений с Россией, но и не желал поражения Австро-Венгрии. Лишь 23 октября германский посол Швейниц заявил, что Германия постарается уговорить Австро-Венгрию поддержать Россию. Он заявил, что Германия будет глубоко задета, если австрийской монархии будет угрожать потеря независимости. Бисмарк через Швейница дал ясно понять, что Германия не допустит разгрома Австрии, если только Россия не поддержит ее против Франции и не гарантирует ей обладание Эльзас-Лотарингией. Но это предложение было отклонено русской дипломатией [2].

Русскому правительству в этих условиях пришлось принимать срочные меры для обеспечения нейтралитета Австро-Венгрии.

В ноябре, в Вене между Новиковым и Андраши начались переговоры о заключении военной конвенции. Результаты переговоров были закреплены секретной конвенцией между Россией и Австро-Венгрией от 3/15 января 1877 г. По этой конвенции Сербия, Черногория и полоса земли, их отделяющая, должны были составить нейтральную территорию, запретную для действия русских войск. Этим предупреждалась возможность соединения русских войск с сербами и черногорцами и предотвращалась возможность роста русского влияния на Балканах и превращения войны с Турцией из русской в общеславянскую. Всякие расширения владений Сербии и Черногории за счет территории Боснии и Герцеговины могли быть произведены только с согласия Австро-Венгрии.

Австро-Венгрия выговорила себе право в момент, когда она сочтет это нужным, занять своими войсками не только Боснию, но и Герцеговину. Австро-Венгрия обещала за это соблюдать во время русско-турецкой войны благожелательный по отношению к России нейтралитет, не стесняя деятельности русских судов на Дунае, не препятствуя русским правительственным агентам производить закупку припасов на австрийской территории, разрешая устройство русских военных лазаретов в Галиции и Буковине. [1]

Заключенная Россией конвенция явилась уточнением условий Рейхштадтского соглашения. Россия делала крупные уступки в своих позициях на Балканах. Нейтралитет Австро-Венгрии покупался дорогой ценой, ценой подрыва авторитета России в славянском мире.

---

[1] Бисмарк О. Мысли и воспоминания, т. II. М., 1940, стр. 191.

[2] История дипломатии, т. II, стр. 34—35; Бисмарк, т. II, стр. 193.

[3] Русско-германские отношения.— «Красный архив», 1922, т. 1, стр. 51—57.

В половине ноября начались переговоры между Россией и Румынией. Речь шла только о свободном проходе русской армии через румынскую территорию. Переговоры затянулись и хотя вопрос был с самого начала предрешен в положительном смысле, конвенция о свободном проходе русской армии через Румынию под условием признания политических прав княжества была подписана только 4.IV—1877 г.

Известие о русской мобилизации вызвало тревогу в Европе. Англия, спасая Турцию, выступила инициатором созыва конференции для рассмотрения балканских дел. Конференция открылась в первой половине декабря в Константинополе. На предварительных совещаниях, без участия представителей Порты, обсуждались выработанные Игнатьевым условия мира: небольшие территориальные прирезки к Сербии и Черногории, назначение генерал-губернаторов христианских областей европейской Турции с согласия великих держав, свобода исповедания, уравнение христиан в правах с мусульманами, учреждение международной комиссии из делегатов великих держав для наблюдения за введением в действие новых порядков, автономия Болгарии. Однако, англичане вели двойную игру. Подписав проект шести держав, выработанный на предварительных заседаниях, Генри Эллиот в то же время советовал Порте не принимать его, обещая помощь Англии в случае русско-турецкой войны.

23 декабря 1876 г. султан провозгласил конституцию. Ссылаясь на введенную в Турции конституцию по западно-европейскому образцу, турецкие уполномоченные отклонили программу реформ, предложенных им от имени шести великих держав. Они заявили, что конституция обеспечит равенство подданных перед законом и поэтому работа конференции является беспредметной.

Константинопольская конференция разошлась, не достигнув цели. Порта согласилась на условное принятие некоторых статей предложенной ей программы реформ, отвергнув главнейшие — назначение в христианские области генерал-губернаторов с согласия держав и учреждение международной наблюдательной комиссии.

В начале января 1877 г. державы объявили об отзыве своих послов из Константинополя.

Горчаков обратился к европейским державам с запросом о том, что они намерены предпринять. Порта поспешила вывести их из затруднительного положения. Поддерживаемая Англией, она заявила, что, отвергая вмешательство держав во внутренние дела, она намерена по собственному почину провести ряд реформ на всем пространстве Оттоманской империи. Одновременно она предложила Сербии и Черногории прислать своих уполномоченных для заключения мира.

16 февраля 1877 г. был подписан мир с Сербией на условиях сохранения довоенного положения.

Переговоры с Черногорией, не желавшей признавать себя в вассальном подчинении султану, затянулись. Русское правительство еще колебалось. В начале февраля Горчаков снова обратился с циркулярной депешей к европейским дворам. Он заявил, что Россия предпочитает мирный исход, хотя и имеет уже под ружьем полмиллиона готовых к выступлению солдат. Он предлагал державам объявить, что они продолжают считать необходимым действительные изменения в положении балканских христиан и будут этого добиваться на деле. Для обсуждения этого вопроса и выяснения того, при каких условиях может быть начата русская демобилизация, в главные европейские столицы был отправлен гр. Игнатьев.

Во второй половине марта, по инициативе русской дипломатии, представителями шести великих держав в Лондоне был подписан протокол, который должен был служить последним средством предотвращения вооруженного вмешательства России: державы требовали от Порты демобилизации и скорейшего проведения в жизнь возвещенных ею реформ; они указывали на то, что неисполнение данных Портою обещаний побудит их к принятию сообща более действительных мер. В приложенной к протоколу декларации русского правительства в Лондоне Шувалов предлагал Порте прислать в Петербург уполномоченного для переговоров о разоружении [1]. 28.III был получен ответ Порты — она решительно отвергла протокол. Колебания русского правительства кончились.

7.IV—77 г. Александр II выехал в Кишенев, в главную квартиру действующей армии. 12/IV был подписан манифест об объявлении войны Турции.

Русское правительство, с одной стороны, вступило в войну, побуждаемое к тому создавшимся внутренним кризисом. Реакционные круги и само правительство видело в войне средство отвлечения умов от революционно-оппозиционных настроений.

Демонстрация у Казанского собора в декабре 1876 г., начавшийся в январе 1877 г. процесс «50-ти» делали обстановку угрожающей. Реакционер Катков писал в те дни об опасности промедления: «с каждым днем мы ослабляем себя внутри» [2].

С другой стороны, правительство сознавало, что потеряет влияние и свои позиции на Балканах, если не вступит в войну. Австро-Венгрия и Великобритания вели там интенсивную антирусскую пропаганду, которая в случае пассивности России, могла принести свои результаты.

Россия вступала в войну при очень неблагоприятной международной ситуации, фактически не имея союзников. Конвенция с Австро-Венгрией не рассматривалась как нечто надежное. Переговоры в Вене показали враждебность Австро-Венгрии. Пози-

---

[1] Правительственный вестник, 1877, № 67, 27 марта/8 апреля.
[2] «Московские ведомости», 1877, 18 февраля, № 49, стр. 3.

ция Германии представлялась двойственной и тоже не сулила ничего благоприятного. «Союз трех императоров» не оправдал надежд русского правительства. Даже Александр II более не верил в его прочность.[1]

Враждебность Англии была очевидна. Она не замедлила вскоре проявиться.

Балканские союзники были очень слабы.

Румыния могла оказать лишь незначительную помощь. Черногория, не прекратившая войны, сама истекала кровью и нуждалась в поддержке. Сербия на время вышла из строя.

Правительство шло на большой риск, надеясь лишь на слабость Турции и боевую доблесть русской армии.

§ 10. Русско-турецкая война (1877—1878)

Обзор военных действий

Предпринятое русским правительством после неудач Крымской войны преобразование военных сил должно было, по замыслу высшего военного командования, серьезно изменить организацию и комплектование армии, ее хозяйство, систему военного образования и принципы обучения войск. Важнейшей из реформ было введение всесословной воинской повинности, которую удалось осуществить только в 1874 г. «Ни одно из предпринятых преобразований еще не закончено, — писал военный министр Милютин в записке от 7/II 1874 г. — Экономические и нравственные силы государства еще не приведены в равновесие с его потребностями. По всем отраслям государственного развития сделаны или еще делаются громадные затраты, от которых плоды ожидаются только в будущем. Словом, вся жизнь государства поставлена на новые основы, только еще начинающие пускать первые корни»[2].

К началу войны с Турцией предпринятые в русской армии преобразования, отражавшие переход России от феодально-крепостнического строя к дворянско-буржуазному, хотя и значительно усилили ее, однако, не успели еще сказаться в полной мере. Перевооружение русской армии велось неорганизованно и поэтому не могло поспевать за темпами развития западно-европейской техники, тем более, что вооруженные силы должны были базироваться или на импорте или на отсталой промышленной базе.

Высший командный состав русской армии, состоявший из николаевских офицеров, воспитанных в старых военных традициях и отличавшийся консерватизмом, и низким уровнем теоретической подготовки, являлся серьезной помехой в деле этого пере-

---

[1] Милютин. Дневник, т. II, стр. 96.

[2] М. Газенкампф. Мой дневник. 1877—78 гг., СПб., 1908, Приложение № 2, стр. 1.

вооружения. Вооружение пехоты скорострельными ружьями признавалось многими делом вредным, понижающим боевой дух войсковых частей. Распространенная в пехоте 6-линейная винтовка «Крнка», отличавшаяся малой скорострельностью, но бившая на 2000 шагов, была снабжена прицелом только на 600 шагов [1]. Винтовкой Бердана, вполне соответствовавшей передовой технике того периода, с прицелом до 1500 шагов, — была вооружена только 1/3 пехотных дивизий.

Хотя в русской полевой артиллерии были введены нарезные орудия, но орудия эти преимущественно (4—9-фунтовые с клиновым затвором) были попрежнему медные [2], и вообще отставали по своим техническим показателям от современной им западноевропейской артиллерии. Причина этого была отчасти в отсталости русской промышленности, а отчасти в реакционности артиллерийского командования, не дававшего хода русским изобретениям.

Русская артиллерия имела орудия с навесной траекторией еще в XVIII — начале XIX века, но в середине XIX они исчезают. Состоявшие же на вооружении пушки были пригодны в основном лишь против войск, находившихся на открытой местности.

Боевая подготовка русской армии, значительно шагнувшая вперед по сравнению с 1854 г., все еще далеко не удовлетворяла новым требованиям военного искусства. В русской армии не дооценивалась роль огнестрельного оружия, не принималась во внимание его мощь, а также не завоевал признания рассыпной строй. Русский командный состав не умел применять взаимодействия трех родов войск. Вся тяжесть войны ложилась на пехоту. Пехота была снабжена шанцевым инструментом в очень малой степени. Кавалерия была плохо подготовлена к войне и являлась самым слабым родом войск. Действовал «полевой устав», изданный еще до Крымской войны, хотя на практике в него было внесено много изменений. Полевой телеграф применялся мало и служба связи в основном поддерживалась архаическими ординарцами. Местность, которая должна была служить театром военных действий, изучена была недостаточно: русский штаб в значительной степени пользовался австрийскими картами, так как русских карт, составленных под руководством полковника Артамонова — нехватало.

Турецкая армия была организована по принципу прусской ландверной системы под руководством иностранных инструкторов. Комплектование армии происходило только за счет мусульманского населения империи, так как половина населения Турции, лишенная к тому же гражданских прав, не служила источ-

---

[1] Описание русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове, т. 1, 1901, стр. 123.

[2] Там же, стр. 127.

ником комплектования армии, и даже рассматривалась правительством как потенциальный противник. У турок ощущался значительный недостаток в обученном офицерском составе. Сильная в обороне турецкая армия была слаба в наступлении, поскольку она плохо маневрировала на поле боя. У нее была слабо организована обозная часть. Уступая русской армии в тактической подготовке, турецкая армия превосходила ее, однако, качеством вооружения. 75% турецкой пехоты было вооружено мелкокалиберными ружьями Генри-Мартини с прицелом на 1800 шагов, остальные 25% — ружьями Снайдера с прицелом на 1300 шагов[1]. В артиллерии имелось много дальнобойных стальных орудий, изготовленных на заводах Круппа. Армия обслуживалась полевым телеграфом в большем масштабе чем русская.

Громадным преимуществом турок являлось их господствующее положение на море; из броненосных судов Россия располагала на Черном море только двумя так наз. «поповками» — военными суднами береговой обороны весьма низкого качества, тогда как остальные не имели брони или являлись просто торговыми пароходами. У Турции же было 22 бронепалубных судна и кроме того 82 не бронированных — имевших всего 15.000 чел. команды при 763 орудиях[2]. Личный состав турецкого флота был крайне слаб, минное дело развито не было.

Театр войны, по своим условиям благоприятный для турецкой обороны, был неблагоприятен для русского наступления. Румыния, составлявшая северную часть театра военных действий, где должно было происходить развертывание русской армии, располагала слабыми продовольственными ресурсами и отличалась мало развитою дорожною сетью. Далее шла естественная преграда в виде Дуная, с шириною русла от 800 м до 1,5 км., а в разлив доходившего до 10 км и более. Придунайская Болгария была плодородна, а ее население, в большей части, дружественно России, — исключение составляли турки и черкесы, жившие в восточной ее части. Далее шло крупнейшее препятствие — Балканский хребет, протянувшийся на 600 км., имевший в ширину от 20 до 65 км и высоту до 2 км., уже в сентябре начавший заноситься снегом, а в зимнее время считавшийся для вражеской армии практически непреодолимым. Трудности наступления усиливались наличием ряда турецких крепостей.

Непосредственно после объявления войны русские войска, сосредоточенные на границах с Турцией в Европе и Азии, приступили к активным операциям. Перейдя румынскую границу, русская Дунайская армия развернулась в Румынии, и начала двигаться к Дунаю. Общая численность действующей русской

---

[1] Там же, стр. 33—34.
[2] Там же, стр. 47.

Дунайской армии (вместе с нестроевыми) определялась цифрою около 260 тыс. чел [1].

Румынская армия вступила в войну не сразу, т. к. князь Карл долго пытался торговаться с русским и турецким правительством, не зная с кого из них можно будет получить больше за участие в войне. Союзницей России была Черногория, которая вела войну на своем театре, отвлекая туда часть турецких сил. К русской армии присоединилось также болгарское ополчение в составе около 6 тыс. чел.

Турция не была еще вполне подготовлена к войне с Россией. У турок на европейском театре было около 190 тыс. чел. из них 160 тыс. чел. регулярных войск. 135 тысяч были сосредоточены в Придунайской Болгарии, остальные находились за Балканами.

Первоначальный план турецкого командования заключался в превентивном, до объявления войны, занятии Румынии и в активной обороне Дуная. Слабая маневренность турецких войск привела турецкое командование к плану строго оборонительной войны, — пассивной оборны Дуная и сосредоточению главных сил в четырехугольнике крепостей Силистрия, Варна, Рущук (Русе), Шумла (Шумен). Имелось в виду завлечь русские войска в глубь страны и нанести удары по обоим флангам.

Хорошо разработанного и законченного плана кампании у русского командования не было, хотя проекты Обручева не были плохими. Русское командование недооценивало силы Турции, рассчитывая покончить войну быстро, одним ударом, главным образом, на европейском театре. Предполагалось, переправив главные силы армии через Дунай, двинуться к Балканам для овладения горными проходами. Допускалась возможность, что эти операции будут достаточными, чтобы заставить Турцию просить мира. Дальнейшие операции рисовались в самой расплывчатой форме в виде движения через Адрианополь к Константинополю.

При отсутствии флота и наличии на пути сильных крепостей, наступательное движение на Константинополь кратчайшим путем по побережью для русских было очень трудно. Поэтому направление для главного удара было выбрано западнее — в обход четырехугольника крепостей — через Среднюю Болгарию.

Русский командный состав, хотя в значительной своей части и слабый, по уровню своей боевой подготовки был все таки выше турецкого. В рядах русской армии находились будущие крупнейшие военачальники, как ген. Гурко, Радецкий, Скобелев, которые выдвинулись в ходе войны. Главное командование русской армии было вверено вел. кн. Николаю Николаевичу старшему, лишенному всяких данных к тому. По его выбору начальником штаба действующей армии был назначен ген. Непокойчицкий, дряхлый и безличный службист. В качестве специалиста военного дела к нему был приставлен бывший профессор воен-

[1] Описание русско-турецкой войны, т. II, стр. 66.

ной академии ген. Левицкий, — фигура, пользовавшаяся всеобщей ненавистью и никакими талантами не отличавшаяся.

Положение существенно ухудшилось благодаря непосредственному присутствию на театре войны императора Александра II с его громадной Главной квартирой, приводившею всех, по словам одного из чинов этой главной квартиры, в изумление «многочисленностью праздношатающихся дармоедов».

Вместо интенданства по снабжению армии продовольствием и фуражем «работало» «Товарищество для продовольствия действующей армии», Грегера, Горвица и Когана, снабжавшее армию очень плохо и недостаточно.

На Кавказском театре у русских было 159 тысяч войск, но непосредственно на фронте сосредоточена 70-тысячная армия, формально под главным командованием вел. кн. Михаила Николаевича, а фактически генерала Лорис-Меликова. Ей противостояли турецкие силы, исчислявшиеся самыми приблизительными подсчетами в 55 тысяч чел., легко пополнявшиеся иррегулярными частями.

Первые действия русских войск в Европе и Азии сопровождались успехами. Для обеспечения их 11/VI [1] Александр II обнародовал воззвание к болгарскому населению, с обещанием оградить его от притеснений турецких властей и воззвание к мусульманам, где говорилось, что мести не будет и что турецкие власти будут заменены болгарскими, под контролем России.

Военные действия начались с того, что русские моряки установили на Дунае минные заграждения, парализовавшие действия турецкой речной флотилии. Одновременно русские минные катера перешли к активным действиям против турецких мониторов.

В ночь на 10/VI началась демонстративная переправа русских сил через Дунай у Галаца. Хотя русские действовали не совсем удачно, но турки не сумели не только помешать переправе, но также и захвату Буджанского полуострова.

15/VI главные русские силы начали переправу у Зимницы и, преодолев сопротивление 4-тысячного турецкого отряда, овладели с боем плацдармом на правой стороне реки. После захвата Систова, лежавшего против Зимницы на правом берегу, переправа через Дунай поддерживалась сперва через один, а позднее через 3 моста. Эта операция была проведена блестяще и имела очень большое стратегическое значение, так как дала возможность русским войскам не только прочно обосноваться на южном берегу Дуная, но и развить наступление на сев. Болгарии.

75-тысячному отряду под начальством наследника престола было поручено обложение Рущука и наблюдение за турецкими силами, сосредоточенными в четырехугольнике крепостей (Рущук-Шумла-Варна-Силистрия).

---

[1] Все даты даны по старому стилю.

35-тысячному отряду Криденера было дано задание, действуя на правом фланге, овладеть Никополем. 42-тысячный корпус Радецкого должен был придвинуться к Балканским проходам. Наконец, 10-тысячный, преимущественно кавалерийский отряд ген. Гурко, включавший в себя несколько дружин болгарского ополчения, должен был двигаться на юг с целью овладения балканскими проходами.

В непосредственном распоряжении главнокомандующего числилось 85 тыс. человек; часть из них еще не успела перейти через Дунай, часть еще не прибыла из России.

В течение этого же времени развивали активные операции и русские войска, находившиеся на Кавказе; они стремились выйти на линию Ардаган — Карс — Баязет, чтобы затем начать движение к Эрзеруму; 17/IV эриванским отрядом Тер-Гукасова без боя был занят Баязет; 5/V ахалцикский отряд Девеля после штурма овладел Ардаганом. Турки отступали по всей линии фронта. В двадцатых числах мая началось обложение Карса.

Первые успехи, достигнутые на обоих театрах войны, были однако непрочны и непродолжительны.

25/VI 1877 г. Гурко занял Тырново, древнюю столицу Болгарии, узел путей к перевалам восточной части Средних Балкан. Для обороны Средних Балкан турки имели около 7.000 человек под начальством Реуфа-паши, занимавших Шипкинский перевал, а остальные 9 000 были разбросаны по другим перевалам и у южной подошвы хребта. Обстоятельством, благоприятствовавшим русским, было то, что Балканские горы, крутые с юга, имели более отлогий спуск к северу.

30/VI из Тырнова Гурко двинулся к незащищенному Хаинкиойскому перевалу, чтобы выйти в Южную Болгарию, а затем в тыл Шипке. Одновременно отряд Радецкого наступал от Габрова на Шипкинский перевал с севера. Преодолев без боя Хаинкиойский перевал, Гурко спустился в долину р. Тунджи и начал движение на Казанлык. Гурко действовал быстро, не выпуская инициативы из своих рук. Отступавшие к югу войска Реуфа-паши он разбил по частям, и к 15/VII почти весь передовой отряд сосредоточился у дер. Шипки, близ южного спуска с Шипкинского перевала. После двухдневных атак с севера отряда Радецкого и с юга отрядов Радецкого и Гурко, перевалы оказались в руках русских. Путь на юг был открыт, но воспользоваться достигнутыми успехами русские войска не смогли. Для движения вперед нужно было больше войск и крепкая коммуникационная линия. Русское главное командование, боявшееся за фланги Дунайской армии, сколько нибудь значительных подкреплений отряду Гурко не посылало. К Шипке была послана только одна пехотная бригада. В результате русские части, занявшие перевал, оказались предоставленными самим себе.

Между тем, турки начали оправляться от первой растерянности. Из Антивари морем в Деде-Агач была перевезена армия

Сулеймана-паши, действовавшего против Черногории, которому было приказано двинуться против Шипки. Эта задача была выполнена успешно и Сулейман, соединив остатки отряда Реуфа с 43-тысячным войском, двинулся русским навстречу.

19/VII он обрушился всеми своими силами на небольшую часть отряда Гурко, выдвинувшуюся к Эски-Загре и после упорного боя, в котором со стороны русских особо отличились болгарские дружины, отбросил ее на восток.

Видя превосходство сил противника и узнав о неудачах под Шипкой, Гурко отступил на Хаинкиой, а затем и далее в Северную Болгарию [1]. Сулейман всю силу своих ударов направил на Шипку. Чтобы исправить ошибку командования Дунайской армии, отряд, занимавший этот перевал, должен был теперь выдержать натиск в пять раз сильнейшего неприятеля и отстоять Шипку до того времени, пока успеет подойти посланный к нему на выручку резерв отряда ген. Радецкого.

8/VIII турецкие войска показались у Шипки, а 9/VIII они бешено ринулись на русские позиции. Целые колонны ложились под огнем русской артиллерии, но наступление турок не прекращалось в течение целого дня.

Русский отряд защищался упорно. Когда нехватало патронов солдаты сами кидались вперед и в рукопашном бою опрокидывали наступающих. В течение первого дня турки произвели 6 атак, стали заходить в тыл русским, но сбить их с основных позиций не смогли. Ночью не спали. На всем пространстве русских позиций не было безопасного места, так как турки окружили русские позиции подковой. 10/VIII боя не было, а на третий день (11.VIII) турки с новыми силами бросились на русские позиции. Сулейман решил сделать все, чтобы покончить с Шипкой до прибытия русских подкреплений. Положение было крайне тяжелое — солдаты обессилели, но не хотели отдавать Шипки. На исходе этого третьего дня боев (в ночь на 11/VIII) подошли подкрепления из отряда ген. Радецкого. Забыв голод и истощение, вместе с вновь прибывшими бойцами, защитники бросились в контрнаступление. Турки были смяты и скрылись в окрестных лесах.

На следующий день подошла бригада 14 пехотной дивизии Драгомирова. Турецкая подкова погнулась. 13/VIII русские перешли к контратакам на широком фронте перевала. Потеряв треть своей армии, Сулейман прекратил наступление и к 14/VIII на позициях наступило затишье. Русское главное командование признало невозможным перейти в наступление против Сулеймана и решило оставить войска на Шипке в оборонительном положении.

Уже за месяц до событий на Шипке начали неудачно развиваться действия русских к северу от Балкан.

---

[1] Там же, т. II, ч. 1, стр. 111—126.

Отряду командира IX корпуса Криденера было дано задание овладеть Никополем, а когда эта крепость капитулировала, то по дополнительному заданию он должен был занять гор. Плевну, важную как узел путей западной Болгарии.

3/VII Кридене атаковал Никополь. Турки сопротивлялись около суток и 4/VII сдались. Русские потеряли 1311 чел. убитыми и ранеными. Турки — ок. 1000 чел. убитыми, 7000 пленных и 113 орудий [1]. Этот небольшой успех Криденера был чреват, однако, крупными неблагоприятными для русских последствиями. Когда Криденер был во взятом Никополе, Плевна 7/VII была занята турецкими войсками Осман-паши, проделавшими за 6 суток 190 км. от Виддина. Всего в Плевне было собрано до 17 тыс. чел. при 57 орудиях.

Русская разведка работала плохо, поэтому посланный Криденером для занятия Плевны 7-тысячный отряд под начальством Шильдер-Шульднера силой «несколько более 7000 штыков и 1.600 сабель» ничего об этом не знал. При попытке занять Плевну 8/VII он наткнулся на турок и был отброшен, потеряв 2400 чел. [2].

Весть о неудаче под Плевной произвела сильное впечатление в русской главной квартире, поскольку в нескольких десятках километров от единственной переправы через Дунай оказывался турецкий корпус. Никаких серьезных выводов отсюда сделано не было и главнокомандующий, направив к Криденеру в качестве подкреплений части неполного XI корпуса, приказал во что бы то ни стало взять Плевну. Пока русские войска собирались с силами, Осман укрепил Плевну и увеличил ее гарнизон до 24 тыс. чел. при 58 орудиях. Вместе с тем он занял Ловчу и тем обеспечил с фланга свою коммуникационную линию, шедшую через Орхание к Софии.

18/VII Криденер с 30-тысячным корпусом атаковал Плевну. Имевшаяся у руских пушечная, легкая, снабженная лишь гранатами и шрапнелью, артиллерия, была бессильна против земляных укреплений полевого типа. Криденер стремился атаковать Плевну в лоб, игнорируя те возможности, какие предоставлял ему мало укрепленный западный участок ее. Атака была отбита. Русские понесли большие потери — 7000 чел. убитыми и ранеными [3]. Благодаря плохой постановке санитарного дела, значительная часть раненых в строй не вернулась: они были перевезены только на третий день и только на четвертый получили пищу; по свидетельству современника многие умерли от истощения; несмертельные раны становились смертельными. Вторая неудача под Плевной вызвала в главной квартире панические настроения и произвела переворот в ходе кампании.

---

[1] Там же, т II, СПб., 1901, стр. 267—277.
[2] Там же, стр. 296—306.
[3] Там же, т. IV, ч. 1, СПб., 1904, стр. 343—344.

В это же время приходили неблагоприятные известия из Малой Азии. Турецкий главнокомандующий, отступивший первоначально за Саганлугский хребет, успел собрать крупные силы и в начале июня перешел в наступление. 6/VI был осажден занятый русскими Баязет, 13/VI под Зовином потерпел поражение отряд ген. Геймана. Тер-Гукасов с трудом пробился к осажденному Баязету, но только с тем, чтобы вывести русские войска из крепости. 28/VI Лорис-Меликов был вынужден снять осаду Карса. К началу июля руские войска на всем кавказско-малоазиатском театре перешли к обороне, очистив занятую ранее территорию за исключением Ардагана. Однако, турки этим не воспользовались и никаких серьезных наступательных операций не развивали.

Командование Дунайской армии совместно с Александром II решило вызвать гвардейские и гренадерские части из России и привлечь румынские войска в количестве 30 тыс. к более активному участию в войне наравне с рускими. В то же время русское главное командование решило, сохраняя оборонительное положение на прочих участках, собрать необходимые силы, чтобы в третий раз атаковать Плевну.

Под Плевной были сосредоточены русские силы в количестве 84 тыс. чел. при 424 орудиях [1].

Кн. Карл Румынский был назначен номинальным командующим всем западным отрядом, а фактически таковым стал ген. Зотов.

Армия Османа-паши за это время также усилилась — численность ее достигла теперь цифры 56 тыс. чел. Из них на долю гарнизонов Плевны и Ловчи приходилось около 35 тыс. человек.

Значительно усилились укрепления Плевны. Укрепленные позиции были продолжены далеко на юг поперек ловченского шоссе.

22/VIII 20-тысячный отряд Имеретинского, действовавший под руководством Скобелева, овладел Ловчей. На 30 августа, день царских именин, русским главным командованием была назначена атака Плевны.

План наступления, выработанный ген. Левицким, намечал общий одновременный штурм всех плевненских укреплений. Произведенная накануне штурма артиллерийская подготовка не подготовила ничего. Осадных орудий у русских почти не было, гранаты же полевых орудий, благодаря слабому разрывному заряду, для разрушения земляных насыпей совершенно не годились.

При слабости артеллерийской подготовки и при плохо разработанной диспозиции штурма оставалось рассчитывать на инициативу начальников отдельных частей и храбрость войск, но и она не всегда помогала. Атака по всему фронту была назначена на 15 часов, но уже в 11 часов Скобелев, используя туман, начал наступление, тогда как на других участках было бездействие.

---

[1] Там же, т. V, СПб., 1903, стр. 81.

На правом фланге, где бой начался в 15 часов, соединенными русско-румынскими силами был взят Гривицкий редут, но развить операции здесь наступающим не удалось. В центре положение было не лучше и лишь на левом фланге, где действовал со своим отрядом ген. Скобелев, руские ворвались в самую середину неприятельских войск, захватили позицию, являвшуюся ключом к овладению всей крепостью. Утвердившись на ней, Скобелев запросил подкреплений. Зотов не тронул имевшихся в его распоряжении крупных резервов, и, оставив их при себе в полном бездействии, послал Скобелеву приказ держаться до конца. Скобелев держался до следующего дня, но далее его отряд обороняться уже не смог, ввиду больших потерь, и ключ к плевненскому лагерю попал снова в руки турок. Сражение 30—31/VIII было проиграно. Потеряв около 16 тыс. чел. убитыми и ранеными, соединенные русские и румынские силы отступили [1]. «Третья Плевна» настолько деморализовала главнокомандующего, что он считал кампанию этого года проигранной.

Многие представители руского и румынского командования склонялись к тому, чтобы отвести войска за Дунай и на зимних квартирах ждать прибытия новых подкреплений. На собранном 1/IX военном совете при участии военного министра Милютина царь утвердил мнение представленного Милютиным меньшинства: было решено кампанию продолжать, от Плевны не отступать и принудить ее к сдаче блокадой. Из Петербурга был вызван Тотлебен, к которому перешло руководство всеми осадными операциями.

Чтобы блокировать Плевну, нужно было прервать ее сообщение с Софией. В этом плане были начаты активные операции против турецких укреплений, лежащих на плевненском коммуникационном пути в направлении в Орханние. На это дело были брошены прибывшие из России гвардейские части в числе около 50 тыс. чел. под общей командой Гурко. Начали с Горного Дубняка, имевшего 4-тысячный турецкий гарнизон. Атака была предпринята без достаточной артиллерийской подготовки, а гвардейские части оказались в тактическом отношении совершенно неподготовленными. Храбрость русских солдат победила и, несмотря на ожесточенное сопротивление, оказанное турками, 12/X Горный Дубняк был взят. Потери русских при этом были относительно очень велики, 127 офицеров и 3400 солдат убитых и раненых. Турки имели 2000 человек, павших в бою, из них половина оказалась переколота штыками. Остатки гарнизона (2200 чел.) сдались.

Под другой турецкой крепостцой Телишем наступление было сначала совсем неудачно, но урок Горного Дубняка был учтен русским командованием — к Телишу подвезли артиллерию, и

[1] Там же, т. V, стр. 256.

16/X после артиллерийского боя Телиш был взят почти без потерь. 20/X был занят без боя Дольний Дубняк.

К началу ноября кольцо обложения вокруг Плевны сомкнулось. Тотлебен осуществлял тесную систематическую блокаду плевненского укрепления лагеря, заключавшего в себе теперь около 50 тыс. чел. солдат при 96 орудиях, обеспеченных продовольствием на месяц. У руских под Плевной была теперь 117-тысячная армия при 578 орудиях. Взятие Плевны стало вопросом времени и русским приходилось только ожидать когда Осман сделает попытку прорваться. Чтобы предотвратить возможный контрудар с юга на военном совете было решено выделить из состава отряда обложения Плевны отдельный 50-тысячный западный отряд при 147 орудиях под командованием ген. Гурко, направив его на Орханние. В первых числа ноября Гурко выступил в указанном направлении: рассеяв турецкие войска в районе Орханние, он выдвинул свои передовые части в горы к перевалам через Балканский хребет и стал, согласно указаниям Тотлебена, ожидать развязки под Плевной.

В эту же осень, сделав неудачную попытку (2. IX) атаковать правый фланг Рушукского отряда, турецкое командование пыталось начать наступление (14/XI) от Рушука на Систово. Наступление было отражено. Одержанный (22/XI) Сулейманом успех над отрядом Домбровского в бою под Еленой не был развит. Повторное наступление Сулеймана на Систово (30.XI), вылившееся в боях под Мечной и Трестенином, окончилось снова неудачей.

Наступательные операции туркам не удавались. Между тем, шипкинский отряд продолжал свое героическое «сидение». Ген. Радецкий неизменно сообщал о том, что на его боевых позициях «спокойно». Теперь бороться приходилось не столько против турецких пуль и снарядов, сколько против холода и голода. Начиналась зима. Продовольствия не хватало. Жили, главным образом, на сухарях. Огонь зачастую разводить было трудно, землянки при оттепелях заливались водой. Солдаты 24-й дивизии прибыли без теплой одежды. Промерзшие полы шинелей ломались. Сапоги износились, новых не подвозили и приходилось делать самим из сырых кож — опорки. В результате в одном из полков значилось по прибытии на горы в первый же день 174 чел. с отмороженными ногами. Достаточно сказать, что с 5/IX по 24/XII шипкинский отряд потерял всего 700 человек убитыми и ранеными и $9^1/_2$ тысяч обмороженными и больными. С лишениями и стихийными бедствиями шипкинский отряд боролся также стойко, как и с неприятелем.

С сентября стали приходить более благоприятные известия с Кавказа — малоазиатского театра военных действий. Получив подкрепления, русские переходят в наступление. Они идут на главные позиции турок под Аладжа—Дагом, откуда открывался путь на Карс. Бои длились сначала неудачно 20—22/IX, а затем успешно 1—3/X—77 г. Турецкая армия была разгромлена. Турец-

кий главнокомандующий Мухтар-паша бежал в Эрзерум, оставив русским 8500 чел. пленных и 25 орудий. Уцелевшие турецкие войска укрылись в Карсе.

10/X 25-тысячный отряд ген. Лазарева начал обложение Карса, располагавшего гарнизоном в составе 20 тыс. человек при 300 орудиях и обильно снабженного продовольственными запасами. В ночь с 5 на 6/XI был произведен ночной штурм крепости. Действия русских были энергичны. Попытки турок прорваться к Эрзеруму не удались. Карс сдался на капитуляцию. Было взято 17.800 человек пленных и 303 орудия при сравнительно небольших потерях русских (2200 чел.).

Русской армии открывался путь на Эрзерум, и, наступая на этот важнейший опорный пункт турок, она разбивала неприятеля у Девебойну. Ошибка ген. Геймана позволила туркам сохранить Эрзерум. С начавшейся зимой в войсках развивалась эпидемия тифа. Русские активных операций не продолжали.

В течение всего того времени, когда продолжались военные действия на суше, война шла также и на море. Она шла, несмотря на явную недостаточность у России на Черном море военного флота.

На другой день после объявления войны турецкий флот напал на пограничный пост св. Николая и затем провел несколько очень слабых бомбардировок портов Черноморского побережья.

23/IV—1877 г. Турция объявила о блокаде русских черноморских портов. Осуществить блокаду туркам не удалось, так как она была сорвана минной войной и действиями вооруженных пароходов. Для обеспечения минных заграждений заготовлялись мелко сидящие суда, закупавшиеся у русского общества пароходства. Суда эти вооружались орудиями и минами и распределялись по важнейшим портам. Русские не ограничились пассивной обороной. Так как применявшиеся на Дунае минные катера имели слишком незначительный ход и недостаточный запас топлива, то по инициативе будущего русского флотоводца, а тогда лишь лейт. Макарова, была организована перевозка этих катеров на борту крупных морских пароходов. Так, на пароходе «Константин» Макаров установил 4 минных катера, поднимавшихся на шлюпбалках. В случае необходимости в течение 5 минут на катерах разводились пары и спущенные на воду они были готовы к бою. Первый неудавшийся опыт минной атаки Макаров осуществил 1/V—77 г. у Батума. 28/V ему удалось нанести некоторые повреждения турецкому броненосцу, стоявшему на Сулинском рейде. В июне пароходы активной обороны потопили несколько коммерческих судов.

В августе «Константин» спустил свои катера у абхазских берегов и заставил турецкий броненосец прекратить обстрел русских отрядов, закрепившихся на прибрежных позициях. Затем Макаров произвел минную атаку турецкой флотилии, стоявшей у Сухума и нанес повреждение турецкому броненосцу.

Это были первые опыты русских моряков, осваивавших минное дело. В результате этих опытов было признано необходимым перейти к самодвижущимся минам. Но и эти первые опыты принесли немало хлопот турецкому флоту и в значительной мере парализовали его деятельность [1].

К ноябрю положение на обоих театрах войны складывалось неблагоприятно для турок. Решительный перелом в кампании создался с падением Плевны.

Израсходовав продовольствие, Осман 23/XI сделал попытку прорвать блокадные линии на левом берегу Вида. Турки бросились вперед со всей силой отчаяния. Первая линия русских окопов дрогнула. Но на второй турки столкнулись с твердой стеною блокадного корпуса. Потеряв после пятичасового боя 6000 человек, Осман—паша положил оружие. 40 пашей, 2000 офицеров, 44 тыс. солдат, 84 пушки, весь лагерь и обоз были трофеями русских. Падением Плевны закончился второй, оборонительный период действий русской армии на Балканском полуострове. Русское командование могло теперь не бояться за свой правый фланг. Соотношение сил складывалось теперь благоприятно для русских. Дунайская действующая армия располагала 336 тыс. чел., румынская армия имела в строю 49 тыс. чел. После взятия Плевны вышла из нейтралитета Сербия, выставившая против турок 82-тысячную армию. У турок (если не считать войск, действовавших против Черногории) было в строю 213 тысяч. Падение Плевны не могло не внести в ряды турецких войск деморализации. Балканские проходы охранялись отрядами, не превышавшими в общей сложности 50 тыс. чел.

Турецкое командование считало, что Балканские горы в течение зимних месяцев являются непреодолимым препятствием для противника. Того же мнения придерживался германский фельдмаршал Мольтке, считавшийся, знатоком турецкого театра войны.

Между тем, на военном совете, собранном царем в Порадимме 30/XI, было решено немедленно начать поход на Балканы. Были намечены два операционных направления — одно от Тырнова на Шипку и Адрианополь, и другое — от Орханние на Софию, Филиппополь, (Пловдив) и Адрианополь.

13/XII 70-тысячный отряд под командой Гурко при 318 орудиях начал переход через Балканский хребет, обходя 20-тысячный корпус Шакира-паши, стоявший на Араб — Конеке. Это была шестидневная героическая борьба с горами, 20-градусными морозом, снежными бурями: по занесенным снегом горным кручам люди тащили орудия на руках. 18/XII отряд Гурко спустился в Софийскую долину и, разбив турецкий заслон, двинулся на Софию, Шакир, которому удалось отступить от Араб—Конака, скрылся со своими войсками за Ихтиманские горы. Туда же бе-

[1] Описание русско-турецкой войны 1877—78 гг., т. IV, ч. 2, стр. 221—272.

жал и софийский гарнизон. 23/XII Гурко занял Софию. В это же время (16/XII) сербская армия взяла Пирот и 24/XII заняла Ниш. Несколько позже еще более важное событие произошло у Шипки. 24/XII ген. Радецкий, располагавший 50-тысячным корпусом при 200 орудиях, направил через Балканы для обхода турок с флагов две колонны: левую — Святополка—Мирского и правую — ген. Скобелева, а сам намечал напасть на турок с фронта. 28/XII, обойденная с флангов и тыла и атакованная с фронта 23-тысячная армия Весселя-паши, охранявшая выход из Шипкинского прохода, сдалась в плен. В то же время в трехдневном упорном бою под Пловдивом (Филиппополем) отряд Гурко разбил и рассеял армию Сулеймана, потерявшую 100 орудий. Преодолев Балканский хребет, русские войска стали на южных склонах его. Окрыленные победой, стремительным неудержимым потоком с трех сторон — от Филиппополя, от Эскры—Загры и от Ямболя двинулись войска Гурко, Радецкого и Скобелева на Адрианополь.

Рущукскому и Нижне-Дунайскому отряду было приказано перейти в наступление против четырехугольника крепостей. Турецкое командование, отдав Сулейману распоряжение задержать русских перед Адрианополем, спешило вывести из района крепостей возможно большее число войск, и через Варну морским путем отправить их в Константинополь.

Но было уже поздно. Турецкие войска теряли силу сопротивления. Целые батальоны сдавались небольшим кавалерийским отрядам. Казаки легко забирали артиллерийские орудия. Авангард Скобелева приближался к Адрианополю.

Турецкие войска оставили этот город без боя и продолжали отход к Константинополю. 7/I в русскую главную квартиру прибыли турецкие уполномоченные. 8/I Адрианополь был занят без выстрела.

14/I туда прибыл главнокомандующий с главной квартирой. 19/I было заключено перемирие и начались переговоры о мире. В те же дни (3/II), войдя в Мраморное море, английская броненосная эскадра адм. Горнби показалась в виду Константинополя и бросила якорь у Принцевых островов

Тем временем русская армия своей главной массой достигала Адрианополя и продолжала медленное продвижение к Константинополю.

19/II (2. III) в предместье Константинополя Сен-Стефано был подписан прелиминарный мирный договор между Россией и Турцией.

§ 11. Деятельность Русского гражданского управления в Болгарии. Болгарское ополчение.

Еще в период военных совещаний в Ливадии, в августе—октябре 1876 года возник вопрос о Болгарии, как территории,

где развернутся военные действия. Тогда же было решено, что по мере того, как русские войска будут продвигаться вглубь страны, Русское гражданское управление будет заниматься организацией местной администрации, судебных органов, туземной милиции для охраны порядка, разработкой новой системы налогового обложения. По предложению Милютина во главе Гражданского управления был поставлен кн. В. А. Черкасский [1]. Черкасским были разработаны основы местного самоуправления, функции так называемых «управительных советов» в городах, порядок выбора в административные и судебные органы. Существенные изменения были внесены в финансовую систему. Были отменены откупа, уничтожены ненавистные десятинные сборы.

Он создал местную милицию для охраны порядка в освобожденных местностях для предотвращения столкновений между мусульманами и болгарами. Черкасский организовал раздачу хлеба беженцам, организовал приюты для сирот и мастерские для трудоспособного населения. Эти мероприятия, конечно, имели положительное значение для болгар. Правда, эта положительная сторона его деятельности в значительной степени подрывалась следующими двумя обстоятельствами. Верховное командование постоянно отвлекало его требованиями о поставках хлеба и фуража для армии. Оно заставляло его облагать болгарское население разного рода обременительными продовольственными сборами. Из-за этого у него были постоянные столкновения с главной квартирой и главным штабом. С другой стороны сам Черкасский вызывал недовольство болгар тем, что с первых же дней своего пребывания в Болгарии он поставил себя в крайне враждебные отношения с болгарами как правого направления, представителями чорбарджийских кругов, т. е. торговой буржуазии и кулачества, так, особенно, с представителями «молодых», т. е. болгарскими революционерами, в которых он видел лишь «бунтовщиков», не желавших подчиниться русским освободителям. Он заставил Центральный революционный комитет в Бухаресте прекратить свою деятельность. Черкасский не сумел сдержать произвол и насилия русских гражданских и военных чиновников да и сам действовал, как руссификатор, не желавший считаться с местными условиями. Все это вызывало озлобление и недовольство среди болгарского населения и подрывало авторитет России — освободительницы.

Эта политика Черкасского вызывала резкую критику со стороны русской либеральной печати и в среде славянофилов. Первые использовали факты руссификаторской деятельности Черкасского для критики существующего режима. Славянофилы ви-

---

[1] В 1859—1861 гг. он принимал деятельное участие в разработке крестьянской реформы, в 1863—1867 гг. был заместителем наместника Царства Польского, в 1870 г. московским городским головой.

дели в этом подрыв престижа России [1], как носительницы освобождения славянского мира.

На том же ливадийском совещании, где было принято решение об организации гражданского управления, было решено сформировать в составе русской армии болгарское ополчение, которое должно было стать основой вспомогательных милиционных отрядов для организации порядка в освобожденных районах Болгарии. Во главе этого ополчения был поставлен генерал Н. Г. Столяров.

Заботы по набору добровольцев и их экипировке должен был взять на себя Московский славянский комитет. Это ополчение действительно было создано в значительной степени из числа болгарских добровольцев, сражавшихся в период сербо-турецкой войны и по окончании ее переправившихся в Бессарабию. Правительство отнеслось к его формированию весьма небрежно. Вначале на него даже не обращали внимания и о нем вспомнили, когда начались серьезные столкновения с турками.

В первых же боях оно показало свои исключительные боевые качества и вызвало всеобщее восхищение. Это болгарское ополчение, послужив сначала основной местной милиции, позднее стало ядром болгарской армии [2].

Болгарское ополчение было включено в состав действующей русской армии и с первых же дней показало свои отличные боевые качества. Сразу же сказалась хорошая подготовка, полученная от русских опытных офицеров. Сознание того, что они борются за освобождение своей родины, вдохновляло ополченцев и удесятеряло их силы. Современники были единодушны в восторженных отзывах о действиях болгарского ополчения. «Болгарские дружины дерутся отчаянно, и по мере того, как одни убывают из строя, свежие охотники заступают место убитых. Они на своих плечах вынесли все первые атаки турок, которые на второй день боя повторялись до десяти раз» [3].

«Четыре дружины болгар под начальством генерала Гурко дрались львами. Стремительно кидались они в атаку, отступали стойко лицом к неприятелю, держа ружье на руку. Все рассказы о них преисполнены восторга и удивления. Окруженные 20.000

---

[1] Е. И. Утин. — Письма из Болгарии, 1877, СПб., 1879; А. Н. Пыпин. — Наша печать и болгарские дела — «Вестник Европы», 1877 г. № 10, стр. 895. — Переписка И. С. Аксакова с кн. В. А. Черкасским, — п-мо Аксакова кн. Е. А. Черкасской 11.VII.1879 г.— В кн.:— Славянский сборник. М. Изд. Биб-ки Ленина. 1948, стр. 176—177.

[2] Об истории ополчения см. И. В. Козьменко.— Из истории болгарского ополчения — в кн.: Славянский сборник. Изд. Биб-ки им. В. И. Ленина. 1948 г., стр. 121—131. Новейшие данные о болгарском ополчении см. в статье В. Конобеева «Русско-болгарское боевое содружество» — «Вопросы истории», 1951, № 10.

[3] В. А. Черкасский.— Черкасский Е. А. 13/25 августа 1877 г. Биб-ка им. В. И. Ленина. Отдел рукописей. Фонд Черкасского. Черк. II, к 1, № 9—10.

турок, 3000 болгар — не отдали, отстояли свой пост. Наступление их отмечалось мужеством «неукротимым» [1].

Еще в мае, перед отправлением на фронт 3-й болгарской дружины было вручено знамя, привезенное из России делегацией г. Самары. На ленте, прикрепленной к полотнищу знамени, было написано «Болгарскому народу». Это знамя явилось символом дружбы русского и болгарского народа. Несколько раз во время боев оно попадало в руки турок, но всегда ополченцы вырывали его. О самарском знамени болгарским народом сложено много песен, рассказов. Оно хранится в историческом музее в Софии, как священная реликвия героических битв русско-турецкой войны.

Не менее стойко и мужественно сражались и русские офицеры, стоявшие во главе дружин, особенно отличился полковник Калитин, который три раза вырывал знамя из рук турок и сам умер на спасенном им знамени [2]. Болгарское ополчение принимало самое активное участие в боях за Шипку.

Немногие из ополченцев остались в живых. Ветераны составили ядро земского болгарского войска. Они вместе с русскими офицерами обучали болгарскую молодежь. Их опыт оправдал себя во время сербо-болгарской войны 1885 г., когда молодая болгарская армия наголову разбила сербскую, прекрасно вооруженную австрийцами армию. Действия болгарского ополчения в составе русской армии, освобождавшей Болгарию от турецкого рабства, замечательный пример русско-болгарской боевой дружбы, дружбы, которая укрепилась и еще более закалилась в совместной героической борьбе против фашистско-немецких захватчиков в период сентября 1944—мая 1945 года.

Русские войска встречались болгарами с радостью и ликованием. Русских воинов осыпали цветами, угощали вином, фруктами. Однако, было бы неправильно рисовать продвижение русских по Болгарии как сплошное триумфальное шествие. Бывали случаи, когда болгары встречали русских недоброжелательно, настороженно, особенно в те периоды, когда русские терпели неудачи и отступали из некоторых местностей, а турки устраивали погромы и резню жителей-болгар. Угроза возвращения турок и карательных экзекуций делала болгар, столь долго терпевших турецкий гнет, иногда недоверчивыми к русским. Но эти отдельные эпизоды не охлаждали общего дружественного, любовного отношения к героической русской армии, Свидетельством тому — памятники, воздвигнутые болгарским народом русским героям в местах боев, песни, сложенные в их честь. Русская армия принесла болгарам освобождение от пятивекового турецкого гнета, она уничтожила феодальный гнет, она сделала их из несчастных «райя» свободными гражданами.

---

[1] В. И. Немирович-Данченко.— Год войны. (Дневник русского корреспондента). 1877—1878, т. II, СПб., стр. 11.

[2] Немирович-Данченко. Указ. соч., стр. 11.

§ 12. Русская дипломатия в период русско-турецкой войны (1877—1878 гг.)

В циркуляре Горчакова представителям России при иностранных дворах от 7 апреля ст.ст. 1877 г. говорилось, что ввиду того, что методы убеждения не приводят к результатам, русское правительство ставит своей целью мерами понуждения добиться от Порты улучшения участи балканских народов [1].

12 апреля ст.ст. Россия объявила войну Турции. Это событие вызвало крайнее недовольство европейских держав. И хотя они объявили о нейтралитете, но одновременно они поспешили отправить в Константинополь своих послов. Эта поспешность была явным вызовом русскому правительству. «Союзники» по «Союзу трех императоров» проявили не меньшую торопливость, чем Великобритания. Германия послала принца Рейсса, а Австро-Венгрия — гр. Зичи. Австрийскому послу в С.-Петербурге Лангенау было поручено указать русскому правительству, что весьма нежелательно упоминание о славянах в манифесте об объявлении войны [2].

Если Германия и Австро-Венгрия маскировали свою враждебность России уверениями в дружественном расположении, то Англия с первых же дней заняла открыто враждебную позицию.

В течение всей войны русской дипломатии приходилось вести ожесточенную борьбу против Англии. Эта борьба усиливалась по мере успехов русского оружия.

24 апреля н. ст. 1877 г. английский министр иностранных дел Дерби вручил русскому послу в Лондоне Шувалову ноту, в которой английский кабинет протестовал против нарушения Россией Парижского трактата и предупреждал против нападения на коммуникации, на Суэцкий канал, Босфор и Дарданеллы, Константинополь и Персидский залив и Египет. Горчаков через Шувалова заверил Дерби, что английские интересы не будут нарушены, что Россия не имеет намерения угрожать Суэцу, Египту, что же касается Константинополя, то это вопрос общий, который должен решаться на международной конференции, и что единственной целью войны является улучшение положения балканских христиан. В мае (28.V.77 г.) Шувалову было поручено поставить англичан в известность о тех условиях, на каких Россия готова заключить мир, если Порта станет просить мира ранее, чем русская армия станет переходить Балканы: Россия требовала автономии для северной Болгарии, земельных приращений в пользу Сербии и Черногории; автономии для Боснии и Герцеговины, возвращения утраченной части Бессарабии и уступки Батума; предусматривалась возможность компенсации Австро-Венгрии частью босно-герцеговинских территорий, провозглашение неза-

---

[1] С. С. Татищев. Император Александр II, т. II, СПб., 1911, стр. 347.

[2] С. С. Татищев, Александр II, т. II, СПб., 1911, стр. 349; С. Горяинов — Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907, стр. 313—314.

висимости Румынии и компенсация ее Добруджей. Россия предупреждала, что в случае отклонения Портою русских требований, война будет продолжаться, и что в порядке стратегических операций возможно занятие Константинополя. Русское правительство заверяло, что занятие это будет временным, но при всяких обстоятельствах считало необходимым пересмотр существующего положения в проливах, согласно которому Черное море, закрытое на время мира, открывалось в случае войны всем флотам, враждебным России [1].

Таким образом, русское правительство выставляло весьма умеренные требования, в которых ясно было стремление возможно скорее окончить войну, затяжка которой была нежелательна, ввиду крайне тяжелого финансового состояния, плохой организации снабжения армии, неувязки в развертывании военных действий. Помимо того, угрожала опасность со стороны Англии, которая сосредоточивала свой флот в Безикском заливе и подготовляла на острове Мальте войска для возможных десантных операций.

Но заявление Горчакова и Шувалова о том, что Россия готова прекратить войну на изложенных выше условиях, вызвало возмущение со стороны главнокомандующего русской армией, вел. князя Николая Николаевича и всей военной клики и вновь сказалась двойственность русской внешней политики, борьба придворных партий. Под давлением брата Александр II заявил Англии об отказе от этих условий. Это вызвало ярость со стороны Англии, которая в секретном меморандуме заявляла, что не потерпит даже временной оккупации Болгарии или окрестностей Константинополя [2].

В конце июня 1877 г. Дерби предложил Андраши заключить секретную конвенцию, направленную против России; Австро-Венгрии выразила было полную готовность. Но успехи русских под Плевной испугали ее и она прервала переговоры.

В начале июля, когда действия русских войск еще развивались успешно, Дерби напомнил Шувалову о том, что занятие Константинополя побудит Англию выйти из нейтралитета и тогда же предлагал посредничество Лондона в деле скорейшего восстановления мира. Шувалов отклонил это предложение посредничества и отказался дать какие-либо обязательства не занимать турецкой столицы [3]. Во второй половине июля, во время плевненских неудач, Александр II соглашался на английское посредничество в ведении мирных переговоров. Но теперь идею посредничества отклонила Англия.

В августе Александр II в беседе с английским военным атташе Уэлеслеем, уличенным позднее в шпионской деятельности, за-

---

[1] С. С. Татищев, т. II, СПб., 1911, стр. 316.

[2] Foundations of British foreign policy Cambridge. 1938, p. 359

[3] Там же, p. 360.

явил, что ведет войну только ради улучшения жизни балканских христиан, что Константинополь будет занят только в случае несговорчивости Порты [1].

Враждебность европейских держав, неудачи в ходе войны побудили Россию искать союзников на Балканах.

После разгрома Сербии и после того как она в феврале 1877 г. заключила мир с Турцией, встал вопрос о восстановлении сербской армии. В Сербию выехала военная комиссия во главе с ген. Никитиным и полк. Бобриковым. Она привезла с собой миллион рублей на поддержание армии. Но по выяснении оказалось, что Сербия может дать только 15.000 человек, т. е. действовать лишь как вспомогательная сила. 14 июля 1877 г., когда обстановка на фронте стала угрожающей, Александр II обратился к Милану с просьбой начать военные действия не позднее чем через 12 дней. Милан заявил, что у него нет денег. Ему было прислано еще полмиллиона. Расчеты на то, что сербы прервут сообщение между Плевной и Софией, не оправдались. Милан смог выступить только 1 декабря, т. е. уже после падения Плевны. Таким образом, моральное значение вступления Сербии в войну было ослаблено. Александр II упрекнул Милана в медлительности. Но все же, действия сербских войск в районе Ниша-Софии содействовали переходу русских через Балканы.

Падение Плевны вызвало ярость в Лондоне. Дизраэли негодовал на Турцию и писал английскому послу в Константинополе Лайярду, что «после взятия Плевны они должны были отбросить русских за Дунай, разрушить мост и взять императора в плен» [2]. Дерби снова предупредил Горчакова о необходимости воздержаться от занятия Константинополя и Галлиполи. Англия угрожала направить свой флот в воды Босфора. Султан обратился к державам с просьбой о посредничестве. Германия ответила отказом, Австро-Венгрия ответила очень уклончиво, Англия откликнулась на просьбу султана. Предложенное Англией посредничество было отклонено Горчаковым. Русское правительство спешно вырабатывало свои «основания» для заключения перемирия. Те требования, какие были сообщены Англии в начале войны, были дополнены теперь требованиями присоединения к России Карса, Ардагана и Баязета и признания за Россией права проводить свои военные суда через проливы. Проект условий мира был сообщен германскому и австрийскому императорам и здесь была допущена ошибка. Сообщая для сведения эти «основания», Россия давала, таким образом, возможность Германии и Австро-Венгрии одобрить или неодобрить их. С другой стороны, на последовавший от английского министерства иностранных дел запрос, готова ли Россия пойти на мир, Горчаков просил уточнить интересы английского двора, дабы сообща изыскать

[1] Sumner B—Russia and the Balkans. Oxford 1937. Приложения № 11, p. 617—619.

[2] Foundations . . . p 36.

меры для согласования интересов. Уже в этих двух актах проявилась уступчивость.

В декабре Турция не приняла «оснований» для перемирия. она никак не могла согласиться на создание автономной Болгарии. Ее отказ вызвал дальнейшее продвижение русских войск и вступление их в Адрианополь в январе 1878 года.

Турки попытались еще сопротивляться, но под угрозой занятия Константинополя, пошли на переговоры.

7.1.1878 г. в русскую главную квартиру в Казанлыке явились турецкие уполномоченные Сервер и Намык-паша. К этому времени армия Сулейман-паши не существовала, а русские были уже в Адрианополе. В Петербурге ждали выступления англичан и спешили с заключением мира. Главнокомандующему была послана инструкция для заключения перемирия на базе самых общих условий, которые могли бы быть приняты турками. Не сообразуясь с петербургскими инструкциями, главнокомандующий предложил турецким делегатам условия в неурезанном виде. Переговоры прервались. Движение русской армии продолжалось. 14.1.1878 г. русская главная квартира была перенесена в Адрианополь. Главнокомандующий писал в Петербург о желательности занять Константинополь и Галлиполи.

Петербургская и московская печать призывала к решительным действиям. «Московские ведомости» напоминали о том, что «дело идет о подведении итогов всему тому, что достигнуто геройским усилиями русских войск и ценою потоков русской крови» [1]. Останавливаясь на тяжелых для страны экономических последствиях войны, газета писала: «в виду этих жертв Россия не может удовольствоваться простым вознаграждением денежным и территориальным: требуется гарантия в том, что необходимость таких жертв не повторится. Такую гарантию может дать только радикальное решение восточного вопроса [2].

«Новое время» находило, что приобретение крепостей Турецкой Армении не может составлять достаточную компенсацию за принесенные в войне жертвы: «Ключом к Черному морю, а вместе с тем ко всему нашему югу был, есть и будет на веки вечные Босфор, и, пока этот ключ не у нас в кармане — Россия не может быть совершенно спокойна» [3].

С такими же призывами выступал А. Градовский в «Голосе» [4].

Настроения становились настолько напряженными, что когда в Москве разнесся официально неподтвержденый слух о вступлении русских войск в Константинополь, на домах стали развешивать флаги и толпы народа появились на улицах [5].

---

[1] «Московские ведомости», от 16/1—1878 г. № 16.
[2] Там же, от 12/1—1878 г. № 12.
[3] «Новое время», от 5/1—1878 г. № 666.
[4] «Голос»», от 21/1—1878 г. № 21, стр. 1.
[5] «Московские ведомости», от 3/II—1878 г. № 33.

Опасаясь международных осложнений, Горчаков и Милютин сдерживали пыл царя. Главнокомандующему была дана директива не занимать Галлиполи, а занятие Константинополя произвести только в том случае, если турки откажутся подписать условия мира. 17/I—1878 г. турецкие уполномоченные приняли русские условия мира.

19/I—1878 г. было подписано Адрианопольское перемирие: в нем намечалось создание большого автономного княжества Болгарии, признавалась независимость Черногории, Румынии и Сербии, для них предусматривались значительные земельные приращения; Боснии и Герцеговине предоставлялась административная антономия. Говорилось и о денежной и территориальной компенсации России за издержки войны и заключении в будущем особого соглашения между Россией и Турцией по вопросу о проливах. Эти условия, казалось, являлись достойным завершением столь кровопролитной войны, стоившей стольких жертв.

Однако, ни в правительстве, ни в обществе эти условия не вызывали должной радости. Всем было ясно, что они вызовут яростное сопротивление Европы. Еще 11/I—1878 г. английское правительство вынесло решение о посылке средиземноморской эскадры в Дарданеллы и потребовало от парламента чрезвычайных ассигнований в 6 млн. ф. ст. на вооружение.

14/I—1878 г. английская эскадра под начальством адм. Горнби вошла в Мраморное море, но на следующий день вернулась на свою стоянку в Безикский залив. Горчаков заявил державам, что ответом на появление английского флота в Мраморном море явится занятие Константинополя русскими войсками. Начались взаимные объяснения Шувалова с Дерби. При обсуждении вопроса о проливах Шувалов сталкивался с непреодолимыми трудностями. Занятие русскими войсками Чаталджи вызвало новый взрыв шовинистической пропаганды в Англии. 1/II Горнби снова вошел в Мраморное море и бросил якорь у Принцевых островов. Это был тот самый момент, о котором писал Энгельс:

«После долгой борьбы русские войска подошли в январе 1878 г. к самым воротам турецкой столицы, как вдруг в Босфоре появились четыре английских броненосца и принудили русских, уже видевших купола Софийского собора, остановиться и отдать свой проект Сан-Стефанского договора на рассмотрение европейского конгресса» [1].

Английское правительство от дипломатических актов перешло к применению силы и заставило царизм капитулировать. С тех пор англо-русская вражда еще более усилилась, она не прекращалась и в период временных сближений. В. И. Ленин писал об англо-русских отношениях: «С 1878 г., когда русские войска подходили к Константинополю и английский флот появился перед

[1] Ф. Энгельс. Внешняя политика русского царизма. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 32.

Дарданеллами с угрозой расстрелять русских, как только они покажутся в Царьграде — до 1885 г., когда Россия была на волосок от войны с Англией из-за дележа добычи в Средней Азии (Афганистан; движение русских войск вглубь Средней Азии угрожало господству англичан в Индии) — и до 1902 года, когда Англия заключила союз с Японией, подготовляя войну ее против России — за все это долгое время Англия была сильнейшим врагом разбойничьей политики России, потому что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов» [1].

России в тот момент грозила война не только с Англией, но и с Австро-Венгрией, которая очевидно была бы поддержана Германией. В Берлине были недовольны тем, что условия перемирия были выработаны без участия Австро-Венгрии. Андраши резко протестовал против «оснований» будущего мирного договора, как не отвечающих интересам Австро-Венгрии и якобы противоречащих рейхштадтским условиям, особенно в пункте о недопущении создания большого славянского государства. Андраши предложил Горчакову созвать в Вене общеевропейскую конференцию. Отклонив предложение Андраши, Горчаков, со своей стороны, выразил пожелание устроить в Вене предварительное частное австро-русско-германское совещание.

Бисмарк, который был заинтересован в том, чтобы предотвратить сближение Австрии с Англией и сохранить за собой руководящую роль в системе Союза трех императоров, пошел навстречу предложению Горчакова.

В конце января в Вене начались австро—русско—германские переговоры. Андраши не хотел примириться с созданием единой Болгарии. Он настаивал на созыве общеевропейской конференции. Бисмарк заявлял, что Германия заинтересована только в открытии для европейской торговли водных путей и что он ограничит свою роль ролью «честного маклера». В то же время он указывал русским на необходимость не вооружать против себя Австрию, чтобы не толкнуть ее на путь сближения с Англией.

Совещание не дало никаких результатов. Оно лишь выявило враждебную позицию Австро-Венгрии и двуличную политику Бисмарка. Против России складывалась мощная коалиция. Союзников у нее не было. В этих условиях русское правительство естественно спешило с заключением мира.

В конце января в русскую главную квартиру прибыл гр. Н. П. Игнатьев, назначенный для ведения переговоров о «предварительных условиях мира». Туда же приехал сменивший Сервера в должности министра иностранных дел Савфет-паша. По переезде главной квартиры в Сан-Стефано начались переговоры о мире. В инструкциях, данных Игнатьеву, указывалось на то, что вопрос о пропуске русских военных судов через проливы встретит непреодолимое препятствие на европейской конференции. Игнать-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 23, изд. 4-е, стр. 116.

еву предписывалось поэтому требования этого в условия мира не вводить.

Это была первая и самая важная уступка со стороны русской дипломатии.

Заинтересованные в выигрыше времени, турки оттягивали переговоры сколько могли. Русские делегаты заявляли турецким, что не согласятся на переговоры о мире, если прелиминарные условия не будут подписаны. Турецкие уполномоченные особенно возражали против выставленного русскими пункта, по которому стороны обязались действовать на будущей европейской конференции согласованно и не допускать никаких изменений в принятых условиях мира. Пункт этот был русскими снят. Турки согласились в конце концов со всеми прочими условиями именно потому, что они носили прелиминарный характер и что помощь европейских держав была Турции заранее обеспечена.

19 февраля — 3 марта 1878 г. уполномоченные обеих держав подписали в Сан-Стефано прелиминарный мирный договор.

По Сан-Стефанскому договору вся Болгария от Дуная до Эгейского моря и от Черного моря до Охридского озера превращалась в самоуправляющееся княжество, хотя и вассальное султану, но вполне самостоятельное, со своим правительством и земским войском. Ст. VII предусматривала избрание князя болгарским населением и разработку устава (конституции) княжества. Турецкие войска выводились из Болгарии, турецкие крепости должны были быть срыты. Русские войска должны были оставаться в Болгарии в течение 2-х лет. Введение нового образа правления должно было происходить под наблюдением русского комиссара.

Порта признавала независимость Черногории, получавшей значительные земельные приращения со стороны Албании и Герцеговины, а также по Адриатическому побережью.

Сербия становилась совершенно независимой, территория ее расширялась к югу за счет Старой Сербии.

Провозглашалась независимость Румынии, которая взамен отходившего к России участка Бессарабии получала Добруджу.

В Боснии и Герцеговине вводились реформы, проектированные Константинопольской конференцией. С населения их снимались недоимки, а доходы этих провинций должны были пойти на помощь вернувшимся беженцам и на нужды страны.

Сан-Стефанский договор был первым дипломатическим документом, санкционировавшим освобождение Болгарии от пятивекового турецкого ига, предусматривавшим создание государственности Болгарии, устанавливавшим такие границы Болгарии, которые включали все болгарское население Балканского полуострова. В истории Болгарии день 19 февраля—3 марта 1878 года является знаменательной датой, ежегодно торжественно отмечаемой всем народом.

Сан-Стефанский договор должен был положить конец турецкому господству на Балканах — в этом его огромное значение. Но враждебная России и народам Балканского полуострова коалиция европейских держав приложила все усилия, чтобы добиться его изменения, однако, она не смогла уничтожить главного, она не смогла полностью возродить господство Турции на Балканах. Даже в Македонии, Южной Болгарии власть Турции была так подорвана, что Берлинский трактат, вернувший их Турции, не смог ее уже полностью восстановить.

Размер понесенных Россией издержек войны определялся в 1410 миллионов рублей. Однако, в виду финансовых затруднений Турции, Россия согласилась заменить уплату большей части контрибуции территориальными уступками в виде участка Бессарабии, отторгнутого от России по Парижскому трактату 1866 г., а также крепостей Карса, Ардагана и Баязета. 310 миллионов Турция должна была уплатить деньгами [1].

Вопрос о проливах Сан-Стефанским договором разрешен не был.

В России этот мир, столь выгодный для балканских народов и для России, не мог вызвать радости, так как оснований для тревоги было больше, чем раньше. Было совершенно ясно, что Европа не допустит усиления России на Балканах и такого значительного ослабления Турции.

Милютин записал тогда в своем дневнике: «Однако-ж, общая радость парализуется опасениями враждебных действий со стороны Англии и Австрии. Счастливый мир, подписанный у ворот Константинополя, и все плоды блестящей кампании могут быть опрокинуты на предстоящих конференциях» [2].

§ 13. Берлинский конгресс

Борьба западно-европейских держав за ликвидацию Сан-Стефанского договора началась тотчас же по его подписании. Она происходила в неблагоприятных для России условиях, в условиях ее полной дипломатической изоляции. Горчаков решил искать выхода из создавшегося положения в Берлине. 16/II—1878 г. он обратился к Бисмарку с просьбой взять на себя инициативу созыва в Берлине конгресса представителей великих держав под личным своим председательством.

Бисмарк дал свое согласие и разослал великим державам приглашения на участие в конгрессе. Австрия и Италия приняли приглашение. Франция ответила условным согласием, потребовав, чтобы на конгрессе не подвергались обсуждению вопросы, касающиеся западно-европейских дел, а также Сирии и Египта. Условие Франции было принято. Англия заявила, что примет уча-

[1] «Правительственный вестник», 1878, № 54, 9/21 марта, стр. 1—3.
[2] Д. А. Милютин. Дневник, 1878, 20 февраля, стр. 40. Отдел рукоп.

стие в конгрессе лишь под условием, если на нем будут подвергнуты пересмотру все статьи Сан-Стефанского договора.

20/III—1878 г. н. ст. в Англии был издан королевский приказ о созыве резервов. Умеренно настроенный лорд Дерби вышел в отставку. Новый статс-секретарь по иностранным делам Сольсбери обратился к державам с циркуляром, носившим характер обвинительного акта против России. Сольсбери говорил о том, что Сан-Стефанский договор, создавший новое могущественное славянское государство под протекторатом России приведет к гегемонии России на Балканах, что приобретение Россией Батума и крепостей Армении даст ей преобладание на всем черноморском побережье и создаст угрозу европейской торговле, ведущейся через Трапезунд с Персией, что весь договор в целом, составлявший угрозу той державы, которая владеет проливами, должен быть пересмотрен и коренным образом изменен [1].

Горчаков выступил с решительным опровержением тезисов Сольсбери, доказывая, что приобретение Батумского порта является единственной реальной выгодой, извлеченной Россией из войны, выгодой далеко не отвечающей принесенным Россией жертвам [2]. Обвиняя русскую дипломатию в нарушении ею соглашений, заключенных с Австро-Венгрией до войны, Андраши требовал предоставить Австро-Венгрии право занять не только Боснию и Герцоговину, но и Новобазарский санджак, т. е. местность, расположенную между Сербией и Черногорией; Андраши протестовал против превращения Болгарии в большое славянское государство и против двухлетнего срока оккупации ее русским войсками; Андраши возражал также против предоставления Черногории порта на Адриатическом море и против территориального увеличения Сербии.

Вслед за Австрией выступила Румыния, протестовавшая против замены Добруджей отходившего от нее участка Бессарабии. Далее заявила о своем недовольстве Греция, требовавшая компенсации за нейтралитет, и, наконец, Сербия, жаловавшаяся на недостаточность выговоренных ей договором земельных приращений.

Посланный в Вену Игнатьев пытался прийти к соглашению с Андраши. По словам Игнатьева, Андраши дал ему понять, что «если вооруженное столкновение произойдет между нами и Англией, он не может обязаться воспротивиться течению, которое увлечет не только венгерцев, но как ему кажется, и немцев Габсбургской монархии к союзу с Великобританией» [3].

Явно вырисовывалась перспектива войны России против Англии и Австро-Венгрии, к которой Россия не была готова. «Желание русского правительства, — пишет Бисмарк, — заключить

---

[1] С. С. Татищев. Указ. соч., т. II, СПб., 1911, стр. 434—435.
[2] Там же, стр. 436.
[3] Записки — После Сан-Стефано, гр. П. Н. Игнатьева, Пгр., 1916, стр. 11.

при содействии конгресса мир с Турцией доказывало, что Россия, упустив благоприятный момент для занятия Константинополя, не чувствовала себя достаточно сильной в военном отношении, чтобы довести дело до войны с Англией и с Австрией» [1].

В условиях создавшейся полной изоляции России, русское правительство вынуждено было пойти на уступки Великобритании. В апреле 1878 г. начались переговоры Шувалова, русского посла в Лондоне с английским министром иностранных дел Сольсбери.

Переговоры Шувалова с Сольсбери были непродолжительными и закончились подписанием трех секретных меморандумов от 18/30 мая 1878 года. Англия согласилась на присоединение к России придунайского участка Бессарабии, Карса и Батума. Россия отказывалась от притязаний на Баязет и Алашкертскую долину; самым же главным было то, что Россия согласилась на разделение Болгарии на две части — северную, которая должна была стать автономным княжеством, и южную, которая возвращалась под владычество Турции и получала лишь административную автономию. Россия требовала ухода турецких войск из Южной Болгарии, Англия соглашалась, но оговаривала, что конгресс должен определить «способ и случай, когда турецким войскам будет разрешено вступить в Южную провинцию, чтобы предотвратить восстание или вторжение...» Английское правительство сохранило за собой право вопроса о продолжительности оккупации, а также все вопросы о проливах, настаивая на сохранении статус-кво в этом вопросе [2].

Это соглашение было началом капитуляции русского правительства, завершившейся на Берлинском конгрессе. Но это была капитуляция, продиктованная создавшейся обстановкой — союзников не было, рессурсов не было, армия была истощена. Создалась мощная антирусская коалиция во главе с Великобританией.

6 июня (н. ст.) между Англией и Австро—Венгрией было заключено секретное соглашение, согласно которому было решено, что Болгария будет разделена на две части. Вопрос об устройстве Южной Болгарии должен быть отложен. Русский комиссар там должен быть заменен европейским. Русская оккупация не должна длиться более 6 месяцев. Англия обязывалась поддержать притязания Австро-Венгрии на Боснию и Герцеговину [3]. Также накануне конгресса была подписана Кипрская конвенция между Англией и Турцией, согласно которой Великобритания, также вопреки англо-русскому соглашению, обещала Турции оказать помощь в сохранении ее азиатских владений. Одновременно за свою поддержку англичане получали от Турции остров Кипр. Английские дипломаты не стеснялись в средствах.

---

[1] О. Бисмарк. Мысли и воспоминания, т. II, стр. 194.

[2] Sumner Bn.—Russia and the Balkans 1870—1880 Oxford 1937 p 646—649.

[3] Крачунов, Сан-Стефанский мир, Изграждане и разрушаване на Велика Болгария, София, 1932, стр. 111—112.

Вопрос о Боснии и Герцеговине был решен предыдущими русско-австрийскими соглашениями в Рейхштадте. Таким образом, на самом конгрессе речь могла идти в сущности о деталях, поскольку основные линии были уже фактически предопределены всеми этими секретным соглашениями.

Берлинский конгресс открыл свои заседания 1/13 июня 1878 г. под председательством Бисмарка. Русская делегация была представлена двумя уполномоченными в лице Горчакова и Шувалова.

Первая роль на конгрессе принадлежала самому председателю. Бисмарк решил начать обсуждение Сан-Стефанского договора не по статьям, а с наиболее важных вопросов, т. е. с границ Болгарии. Те вопросы, которые составляли предмет спора между Англией и Россией, были в основном уже предрешены соглашением Шувалова — Сольсбери. На конгрессе Биконсфильд резко выступил против образования независимой Болгарии, получившей выход к Эгейскому морю. Он заявил, что допущение на берега Эгейского моря новой морской державы вызывает «сожаление» соседних с Болгарией государств, так как это усиление славянского элемента угрожает грекам [1].

Биконсфильд и Андраши дружно высказались против русской оккупации Болгарии. Андраши заявил, что русская оккупация вызовет протесты со стороны болгар — «общественное мнение не будет считать, что военное положение кончилось» [2]. Он настаивал на сокращении русской оккупации Болгарии до 6 месяцев. И он и Биконсфильд считали, что лучше всего пойти на смешанную оккупацию Болгарии под наблюдением европейской комиссии [3]. Это было попыткой оккупировать Болгарию и превратить ее в свою колонию. Шувалов, возражая против этого, заявил, что смешанная оккупация лишь вызовет анархию. Он соглашался на сокращение срока русской оккупации до 9 месяцев, что и было принято конгрессом [4].

Долгая борьба шла между русской и английской дипломатией из-за Софийского санджака. Англичане требовали оставить этот санжак за Турцией, так как он «... чрезвычайно важен для Турции» [5]. Ген. Д. Г. Анучин, присутствовавший на конгрессе в качестве эксперта, писал, что Шувалов находился в крайне затруднительном положении. «Ему приходится защищать дело, во многом уже предрешенное безвозвратно и непоправимо» [6]. Англичане действовали нагло и уверенно: «Попытка наша установить какие-либо общие основания для разграничения не удалась. Англичане упорно ни на что не соглашались и протестовали против всяких оснований стратегических, географических и этнографиче-

---

[1] 1878. Протокол № 2 от 17 июня, стр. 13.
[2] Протокол № 5 от 24 июня, р. 20.
[3] Там же, р. 20.
[4] Там же, р. 21.
[5] А. С. Анучина. — Берлинский конгресс 1878 г. СПб., 1912, стр. 53.
[6] Там же, стр. 32.

ских. Подобные отрицания нисколько не стесняли их, однако, обращаться к этим основаниям, всякий раз, когда это было для них выгодно, т. е. уменьшены размеры Болгарии и побольше оставлено за Турцией» [1].

Милютин писал в своем дневнике: «... Австрийская дипломатия действует как торгаш, который после заключения договора требует для исполнения принятого на себя обязательства еще добавочной приплаты» [2]. Он писал, что Шувалов «...имеет против себя отчаянных и злых противников; не только приходится ему ежедневно бороться с нахальными и цепкими представителями Англии и Австрии, но и со стороны всех остальных членов встречает он сопротивление; даже кн. Бисмарк, с которым гр. Шувалов был прежде в самых лучших отношениях, не доставляет ему той поддержки, которой мы вправе были ожидать» [3].

На одном из заседаний конгресса между Шуваловым и Сольсбери возникла острая дискуссия по вопросу о проливах. Сольсбери заявил: «Принимая во внимание, что Берлинский трактат изменит значительную часть соглашений, санкционированных Парижским трактатом 1856 года и что толкование второй статьи Лондонского трактата также может быть предметом спора, я от имени Англии заявляю, что обязательства правительства ее величества по вопросу от закрытии проливов ограничиваются исключительно обязательством в отношении султана, уважать независимые решения по этому вопросу его величества, согласные с духом существующих трактатов» [4]. Великобритания желала этим заявлениям создать такое положение, при котором режим проливов регулировался бы не коллективным договором, а односторонними обязательствами держав по отношению к Порте. Великобритания могла в любой момент заявить, что султан действует несамостоятельно, и, воспользовавшись этим, войти в Дарданеллы.

Помимо этого, Сольсбери и Биконсфильд попытались использовать этот вопрос для того, чтобы не дать России Батума. Они требовали, чтобы Россия приняла английскую формулировку о проливах и только тогда соглашались на присоединение Батума к России. Русская делегация решительно отвергла эти наглые претензии англичан. Шувалов заявил на конгрессе 12 июля 1878 года: «Уполномоченные России, не имея возможности дать себе ясный отчет относительно подлинного смысла предложений г. второго уполномоченного Великобритании по вопросу о закрытии проливов, ограничиваются со своей стороны просьбой о внесении в протокол оговорки о том, что, по их мнению, принцип закрытия проливов есть принцип общеевропейский, и что ус-

---

[1] Там же, стр. 51.
[2] Дневник Д. А. Милютина, т. III, стр. 71—72.
[3] Там же, стр. 72. О том же см. Анучина, стр. 100—101.
[4] Цит. по кн. Б. А. Дранова. — Черноморские проливы, М. 1948, стр. 133.

ловия, заключенные на этот счет в 1841, 1856 и 1871 гг., утвержденные в настоящее время Берлинским трактатом, обязательны для всех держав, и согласно духу и букве трактатов, должны быть соблюдаемы не только в отношении султана, но и в отношении всех держав, подписавшихся под этими соглашениями» [1].

Русская делегация подчеркивала коллективный характер соглашений о проливах.

Ст. 63 Берлинского трактата устанавливала, что проливы закрыты для военных кораблей всех держав, в том числе и причерноморских. Россия, Болгария и Румыния не имели возможности оборонять свое побережье.

Заседания конгресса продолжались ровно один месяц. 1/13 июля 1878 г. был подписан новый трактат. Берлинский трактат коренным образом изменял принятые в Сан-Стефано условия.

Проектированная в Сан-Стефано Болгария была разрезана на три части. Самоуправляющееся княжество включало теперь лишь Северную Болгарию до Балкан.

Для него оставались обязательными все трактаты о судоходстве и торговле, заключенные с иностранными державами Портой. Ему запрещалось взимать пошлины с иностранных товаров, проходящих транзитом. Оно должно было сохранить все привилегии иностранных подданных и права консульской юрисдикции, установленные капитуляциями, и взять на себя часть оттоманского долга и оставить в силе все обязательства по железнодорожному строительству, выданные Портой Австро-Венгрии. Оно должно было платить дань Порте. Предусмотренный договором срок оккупации Болгарии русскими войсками был сокращен до 9 месяцев. Русскому комиссару «с целью контроля» были приданы оттоманский комиссар и консулы великих держав. Южная Болгария получала название «Восточной Румелии». Она оставалась под суверенитетом Порты, ей была дана лишь административная автономия. Турецкие войска сохранили право занимать границы области и в некоторых случаях вступать внутрь страны. Она должна управляться христианским генерал-губернатором, назначаемым Портой на 5 лет, с согласия европейских держав. Европейская комиссия должна была разработать ее устав. Ей же передавалось и управление финансами области. Македония возвращалась Оттоманской империи.

Признавая независимость Черногории, Берлинский трактат отказывал ей в приращениях за счет Герцеговины и Старой Сербии. Ей предоставлялась только узкая полоса на Адриатическом море, но запрещалось иметь свой флот, а все черногорское побережье ставилось под контроль Австро-Венгрии. Железнодорожное строительство Черногории также ставилось под контроль Австро-Венгрии. Черногория брала на себя часть оттоманского долга.

---

[1] Цит. по кн. Б. А. Дранова. — Черноморские проливы. М. 1948, стр. 134—135.

Признавая независимость Сербии, Берлинский трактат отдал ей районы Ниша и Пирота. Сербия также брала на себя часть оттоманского долга, не должна была изменять условий для иностранной торговли и сохраняла все те обязательства, которые взяла Порта перед Австро-Венгрией в постройке железных дорог.

Берлинский трактат подтвердил провозглашение независимости Румынии и предоставление ей Добруджи взамен Юго-Западной Бессарабии.

Босния и Герцеговина отторгались от Турции и отдавались во временное (но без определения срока) управление Австро-Венгрии. Австро-Венгрии предоставлялось право содержать там гарнизоны и иметь военные и торговые дороги на всем протяжении Ново-Базарского санджака.

Берлинский трактат санкционировал возвращение России участка Бессарабии.

России предоставлялись районы Ардагана, Карса и Батума, который становился порто-франко. Россия отказалась от Баязета [1].

Результаты Берлинского конгресса привели к усилению противоречий между державами и возникновению новых сложных проблем международной политики.

Освобожденная от турок героическими русскими войсками Болгария была разрезана на три части, причем южная ее часть, наиболее пострадавшая от кровавых экзекуций турецких властей, была возвращена под турецкий суверенитет. Болгарии не дали выхода к Эгейскому морю, выхода столь необходимого для ее экономического развития. Это разделение Болгарии было проявлением традиционной политики европейских держав сохранения феодальной умирающей Турции, которая тормозила развитие капитализма в балканских странах.

Решения Берлинского конгресса увеличили влияние Австро-Венгрии на Балканах, которая с этого времени усилила свою антирусскую активность и делала все для того, чтобы уничтожить русское влияние в Сербии и Болгарии.

Но, как ни значительны были уступки, сделанные русской дипломатией, сплотившимся против России на Берлинском конгрессе европейским державам, однако, победы русской армии были настолько велики, что решения Берлинского конгресса, носившие ярко выраженный реакционный характер, не смогли полностью ликвидировать положительные результаты русско-турецкой войны. Освобождение Болгарии было закреплено Тырновской конституцией, проект которой был разработан в России. Для своего времени это была одна из наиболее демократических буржуазных конституций. Она зафиксировала основные результаты освобождения, ликвидацию феодального гнета, закрепила

[1] Ф. Мартенс. — Собрание трактатов и конвенций, т. VIII, СПб., 1888, стр. 639—676.

права болгар, как равноправных, граждан независимого государства. Она положила начало государственности Болгарии. Болгарскому народу войной был проложен путь к его окончательному освобождению от турецкого владычества. Болгария вступила на путь капиталистического развития.

Вождь болгарского народа Георгий Михайлович Димитров высоко ценил дружбу великого русского народа. Он писал в сентябре 1943 года в статье: «Куда идет Болгария?»: «Два исторических факта глубоко связали болгарский народ с великим русским народом. Во-первых, своё национальное освобождение Болгария получила из рук русского народа. Этот факт укрепил в среде болгарского народа глубокие традиции признательности и любви к русскому народу. Во-вторых болгарский и русский народ связаны общностью судеб славянских народов в борьбе против тевтонского стремления к поглощению славян».[1]

Болгарский народ чтит героев русско-турецкой войны, освободивших его страну от ига феодализма, от гнета султанской Турции. В связи с заключением советско-болгарского договора о дружбе и сотрудничестве, «Правда» 20 марта 1948 года писала:

«Дружественные отношения между Советским Союзом и Болгарией, прочно сложившиеся в последние годы, имеют глубокие исторические корни. Вся Болгария торжественно праздновала на этих днях семидесятилетие своего освобождения русскими воинами от турецкого ига. В памятных и дорогих сердцам болгар и русских местах жестоких битв — в Плевне, на Шипке, в Старой Загоре и в других городах и селах, многочисленные памятники русской воинской славы были засыпаны цветами».[2]

Тов. Василь Коларов в своей речи, посвященной 70-летию освобождения Болгарии от турецкого рабства, говорил, что «Освобожденная русскими войсками Болгария возрождалась к жизни не только как свободная от иноземного гнёта держава, но и как передовая в духе той эпохи, держава, наделенная наиболее прогрессивной и демократической по тому времени конституцией»[3]. Он говорил и о том, что русское правительство, независимо от целей его восточной политики, объективно способствовало освобождению борющихся против султанской феодальной Турции балканских народов, а либеральная Англия и полуфеодальная Австро-Венгрия являлись хранителями гнилого феодального режима и препятствовали освободительной борьбе славян. «Политика царской России объективно способствовала прогрессивному развитию Ближнего Востока, а восточная политика европейских держав была пропитана духом консерватизма, они стре-

[1] Г. М. Димитров.— В чем спасение Болгарии. М. Госполитиздат, 1944, стр. 10.

[2] «Правда», 20 марта 1948.

[3] Коларов Васил — Освобождението на България от турско робство. София. 1948, стр. 6.

мились к сохранению гнилой Оттоманской империи и были враждебны пробуждающимся, жизнеспособным и прогрессивным балканским нациям». [1]

Народы Черногории, Сербии и Румынии получили полную независимость, были сняты последние путы турецкого феодализма.

Ленин писал, что: «Основным объективным содержанием исторических явлений во время войны не только 1855, 1859, 1864, 1866, 1870, но и 1877 года (русско-турецкая) и 1896—1897 годов (войны Турции с Грецией и армянские волнения) были буржуазно-национальные движения или «судороги» освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества». [2]

Берлинский трактат был поражением царизма, проявлением его бессилия. Сказался глубокий кризис всей системы царизма, авантюризм его внешней политики.

После Берлинского конгресса изменилось соотношение держав в Европе.

Полный крах потерпел «Союз трех императоров». Лопнула «дружба» России и Германии, окончательно объединившейся с Австро-Венгрией против России.

Еще более обострились австро-русские противоречия на Балканах.

Русско-английские отношения приняли открыто враждебный характер.

Энгельс указал, что после русско-турецкой войны «крупные военные державы континента разделились на два больших угрожающих друг другу лагеря: Россия и Франция с одной стороны, Германия и Австрия — с другой» [3].

Таковы были внешнеполитические итоги русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Русско-турецкая война сильно истощила экономические ресурсы страны. Это еще более обострило нужду и бедствия рабочего класса. Революционное движение в стране, не прекращавшееся в период войны, с 1878 года принимает новый характер. В него вливаются широкие массы рабочих. Возникает революционная ситуация. Царизм выходит из кризиса лишь благодаря предательской тактике либералов, которые способствовали действиям реакции. Русское самодержавие вступает на путь жесточайшей реакции и ликвидации реформ 60—70 гг. Революционное движение с этого времени характеризуется активным участием русского рабочего класса. Происходит формирование нового класса — класса пролетариата, который возглавил борьбу трудящихся России против самодержавия.

---

[1] Там же, стр. 11—12.
[2] В. И. Ленин, соч., т. 21, изд.4-е, стр. 127.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. XVI, ч. 2, стр. 33.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ ОТ ОКОНЧАНИЯ БЕРЛИНСКОГО КОНГРЕССА ДО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ФРАНКО-РУССКОГО СОЮЗА (1878—1893)

И. В. Сталин в своем замечательном письме о статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» дает блестящую характеристику внешней политики России в конце прошлого века. Охарактеризовав взгляды Энгельса на международное положение Европы к началу 90-х гг. XIX века, И. В. Сталин заключает: «Нельзя не заметить, что в этой характеристике положения Европы и перечне причин, ведущих к мировой войне, упущен один важный момент, сыгравший потом решающую роль, а именно— момент империалистической борьбы за колонии, за рынки сбыта, за источники сырья, имевший уже тогда серьезнейшее значение, упущена роль Англии, как фактора грядущей мировой войны, момент противоречий между Германией и Англией, противоречий, имевших уже тогда серьезное значение и сыгравших потом почти определяющую роль в деле возникновения и развития мировой войны».

Указав, что это упущение составляет главный недостаток статьи Энгельса, И. В. Сталина показывает, что отсюда вытекают и остальные недостатки этой статьи. Из них на первое место И. В. Сталин ставит «переоценку роли стремления царской России к Константинополю». И. В. Сталин говорит далее о переоценке Энгельсом роли буржуазной революции в России в деле предотвращения надвигавшейся мировой войны. На самом деле, как показывает И. В. Сталин, «новый буржуазный строй в России с его «национальным собранием» не мог бы предотвратить войну хотя бы потому, что главные пружины войны лежали в плоскости империалистической борьбы между основными империалистическими державами». «Дело в том, — продолжает товарищ Сталин, — что со времени Крымского поражения России самостоятельная роль царизма в области внешней политики Европы стала значительно падать». «Завоевательная политика со всеми ее мерзостями и грязью вовсе не составляла монополию русских царей», — говорит И. В. Сталин в этом своем письме. «Всякому известно, что завоевательная политика была также присуща — не в меньшей, если не в большей степени — королям и дипломатам всех стран Европы, в том числе такому императору буржуазной формации, как Наполеон».

Эти замечательные высказывания И. В. Сталина служат надежной основой для работы историка, изучающего внешнюю политику России в конце XIX века. Письмо И. В. Сталина, являющееся одним из гениальнейших произведений марксистской мысли, покончило с глубоко ошибочной трактовкой внешней политики царской России, основанной как раз на переоценке исторической роли стремления русского царизма к Константинополю и на ошибочном изображении русского царизма в качестве якобы последнего оплота общеевропейской реакции.

§ 1. Международное положение России после Берлинского конгресса

История внешней политики России после Берлинского конгресса является ярким свидетельством падения самостоятельной роли царизма, о котором говорит И. В. Сталин и которое началось после поражения России в Крымской войне. В новой войне на Востоке, начавшейся в 1877 г., русская армия одержала полную победу на отдаленном и тяжелом театре военных действий. Однако царское правительство не смогло отстоять плоды победы, купленной ценою крови русского солдата. Царское правительство не решалось рисковать конфликтом с великими западными державами и отступило перед ними, когда две из них — Англия и Австро-Венгрия — при поддержке третьей — Германии — потребовали от России передачи Сан-Стефанского мирного договора на суд «Европы». На Берлинском конгрессе представители Западных держав и прежде всего Англии заставили русское правительство отказаться от многих преимуществ, приобретенных по Сан-Стефанскому договору Россией и другими славянскими странами.

После дипломатического поражения, понесенного на Берлинском конгрессе, положение царской России еще более осложнилось. Внутри страны тучи сгущались: царизм стоял на пороге 1-го марта 1881 года. Финансы русского правительства находились в плачевном состоянии. Бюджет сводился со значительным дефицитом. Угрожала инфляция и расстройство денежного обращения. Внешний кредит был подорван.

Война еще раз подтвердила блестящие боевые качества русского солдата и русского офицера, но вместе с тем она вскрыла вопиющие недостатки в материально-технической части армии, ужасающую коррупцию интендантства, неподготовленность высшего командования. К концу войны снабжение армии пришло в полнейшее расстройство, ее санитарное состояние стало катастрофическим.

Не менее тяжелым было и международное положение России, которая пребывала в состоянии полной изоляции. Англия, а по существу и Австро-Венгрия, были прямыми ее врагами. Германия на словах выступала в роли «честного маклера», а на деле поддерживала Австро-Венгрию и вела политику враждебную

России. Что же касается Франции, то она в те годы слишком боялась Германии, чтобы отважиться на проведение политики, неугодной германскому правительству.

В период после Берлинского конгресса опасность для интересов России грозила прежде всего со стороны Англии. Правительство Биконсфильда (1874—1880 гг.) воспользовалось русско-турецкой войной, изоляцией и ослаблением России для того, чтобы усилить свою экспансионистскую активность на всем Востоке — в Турции и на Балканах, в Иране и в Туркмении, в Афганистане и в Китае.

Последние три десятилетия XIX века характеризуются резким усилением колониальной экспансии капиталистических держав, что было связано с начавшимся переходом капитализма в его империалистическую фазу. Раньше всего и сильнее всего это обострение экспансионистской политики проявилось в Англии. Английский капитализм в расширении колониальных владений и сфер влияния искал средства укрепить свое положение, подорванное конкуренцией более молодых капиталистических стран — Германии, США и др. Теперь, когда Россия была истощена войной и политически изолирована на международной арене, ей приходилось особенно опасаться британской агрессии.

Английская экспансия проявлялась и в Африке, и в Азии, и в Европе. Об агрессивной войне, затеянной в 1878 г. английским правительством против Афганистана, ниже придется говорить подробнее. В то же время подготовлялся захват Египта. Пустая и наглая шумиха английской печати насчет «защиты» Турции от России имела одной из своих целей прикрытие того грабежа Оттоманской империи, который учиняли сами англичане. «Из-за денежных интересов западных спекулянтов Англия и Франция решили свергнуть с престола вассала Порты!» — писал в своем дневнике Милютин, имея в виду египетского хедива [1]. Но наиболее угрожающий для России характер английская агрессия приняла в самой Турции. В то время, как английская печать во время и после русско-турецкой войны кричала о попытках России захватить проливы, в действительности ими старалось овладеть английское правительство. Об этих сокровенных замыслах Биконсфильд писал лорду Дерби еще до русско-турецкой войны — 4 сентября 1876 г. Он говорил в этом конфиденциальном письме, что при решении восточного вопроса «Константинополь с соответствующим округом должен быть нейтрализован и превращен в свободный порт под опекой и защитой Англии» [2]. Когда немного позже, осенью 1876 г., русское правительство, понимавшее, куда клонят англичане, предложило ввести в Мраморное море соединенную эскадру всех великих держав, то английский

---

[1] Дневник Д. А. Милютина, том III, стр. 147.
[2] Monypenny and Buckle, The Life of B. Disraeli, т. VI, стр. 52.

кабинет отклонил это предложение, которое было рассчитано на то, чтобы оградить проливы и турецкую столицу от посягательств Англии.

После русско-турецкой войны Англия фактически оказалась хозяйкой проливов. «При теперешнем положении дел, — записал Милютин в своем дневнике 22(10) марта 1879 г., — Англия уже владеет фактически и Константинополем и проливами. Настоящий хозяин в столице Турции не султан, а представитель Англии». «Флот английский, — продолжал Милютин, — хотя бы и вышел из Мраморного моря, может во всякое время снова войти в проливы и даже в Черное море; никто ему воспрепятствовать не может. Турецкие батареи на берегах Босфора и Дарданелл, конечно, не откроют огня по британскому флоту» [1]. Характерно, что в 1879 г. русское правительство обсуждало проект обращения к великим державам с предложением принять по общему соглашению постановление, что «в случае окончательного распадения турецкой империи не будет допущено занятие Константинополя и проливов ни одною из больших держав» [2].

С Берлинского Конгресса Биконсфильд возвратился в Англию в роли триумфатора. Мало того, что Биконсфильд добился пересмотра Сан-Стефанского договора и тем самым содействовал оставлению значительной части болгарского народа под гнетом Турции. Без единого выстрела он захватил Кипр, ловко ограбив ту самую Турцию, «защитником» которой он себя изображал. Кипрская конвенция от 4 июня 1878 г. (н. ст.) являлась довольно своеобразным союзным договором — из числа таких, которые легко превращаются в протекторат одного «союзника» над другим. В империалистической концепции Биконсфильда Восток мыслился в качестве центра колониальных интересов Англии и превращение Турции в английского вассала составляло одну из главнейших составных частей экспансионистских замыслов британского правительства. Англичане явно собирались фактически ликвидировать принцип закрытия проливов для иностранных военных кораблей. На Берлинском конгрессе английская делегация огласила декларацию, в которой давалось произвольное толкование постановлений Лондонской Конвенции 1871 г. В этой декларации за постановлениями Лондонской конвенции относительно закрытия проливов отрицался характер взаимного обязательства великих держав. В декларации объявлялось, что обязательства, принятые английским правительством на основе этой конвенции сводятся исключительно к обязательствам перед турецким султаном. Иначе говоря, английское правительство отрицало, что обязательство уважать принцип закрытия проливов было дано державами не только Турции, но также и друг другу. Отсюда следовало, что по мнению английского правительства, с разрешения султана британский флот может войти в Черное море. Бри-

[1] Дневник Д. А. Милютина, т. III, стр. 127.
[2] Там же, стр. 126.

танская дипломатия явным образом намеревалась обеспечить Англии возможность в случае надобности вводить в проливы свой военно-морской флот.

§ 2. Английский флот в проливах — угроза Южной России

Такое намерение английского правительства означало для России угрозу на будущее. Что же касается настоящего, то налицо был факт посерьезнее всяких деклараций на международных конгрессах: эскадра английского военно-морского флота стояла в Мраморном море. Иначе говоря, не было никаких препятствий военного порядка, которые могли бы помешать английскому флоту войти в Черное море и приблизиться к берегам Южной России — ибо Россия на Черном море в 1878 г. военным флотом не располагала. 10 августа (29 июля) 1878 г. английский министр иностранных дел лорд Солсбери в беседе с русским поверенным в делах Бартоломеем заявил о желании английского правительства заключить с русским правительством соглашение о немедленном отводе русских войск и английского флота от Константинополя [1]. В связи с эвакуацией турками 19(7) июля Шумлы, а затем 8 августа (27 июля) также и Варны царь отдал приказ главнокомандующему ген. Тотлебену о начале отвода русских войск из окрестностей Константинополя. В тот же день 10 августа (29 июля) поверенному в делах в Лондоне было поручено уведомить Солсбери, что со своей стороны русское правительство ожидает немедленного отвода английского флота [2]. Вслед за этой телеграммой несколькими днями позже министерство иностранных дел направило Бартоломею письмо, в котором разъяснялась русская позиция по вопросу об отводе вооруженных сил: «является несомненным, что со своей стороны мы не упустим абсолютно ничего, чтобы придти к соглашению с английским правительством и с Портой в целях наибольшего возможного ускорения отвода русской армии и английского флота от Константинополя. Характер инструкций, которые Лайард (посол в Константинополе. В. Х.) получит из Лондона, окажет на это чувствительное воздействие», — так гласило письмо русского Министерства иностранных дел, поверенному в делах в Лондоне [3]. Не трудно видеть, что английское правительство, стремясь сделать вопрос об отводе вооруженных сил предметом специального англо-русского соглашения, рассчитывало тем самым лишить Россию важного средства воздействия на Турцию, посредством которого Россия могла добиваться от Турции выполнения

---

[1] Телеграмма Бартоломея от 10 августа (29 июля) 1878 г. Архив Внешней политики России; Канцелярия, дело «Лондон», 1878 г.».

[2] Телеграмма МИД поверенному в делах в Лондоне от 10 августа (29 июля) 1878 г., там же.

[3] Телеграмма МИД поверенному в делах в Лондоне от 13(1) августа 1878 г., там же.

тех постановлений Берлинского трактата, которые туркам выгодно было саботировать — ибо возможная задержка в эвакуации русских войск была именно таким средством. Но более того, оказалось, что англичане мыслили себе это соглашение на условиях, которые нельзя назвать иначе, как надувательством. Когда Бартоломей начал обсуждать с Солсбери подробности предложенного английской стороной соглашения об отводе вооруженных сил, то выяснилось, что при отводе русских войск из окрестностей Константинополя английское правительство готово было отвести свой флот только в Галиполи, т. е. в Дарданельский пролив. Совсем же вывести флот из пролива оно намеревалось только после отвода всех русских войск в пределы В. Румелии и Болгарии [1]. Русское правительство сообщило в Лондон, что по его мнению нет оснований для задержки флота в Галиполи [2]. Позже, 29(17) сентября поверенному в делах в Лондоне было поручено сообщить англичанам, что русское правительство ставит отвод русской армии в зависимость от точного выполнения Турцией условий Берлинского трактата [3].

Фактически английский флот оставался в Мраморном море до весны 1879 г. — и вплоть до этого времени имела место непосредственная военная угроза русскому югу. Русское правительство на протяжении второй половины 1878 г. не один раз запрашивало от своего посольства в Лондоне информацию по вопросу о том, готовится ли Англия к войне против России в близком времени [4]. Чувство тревоги ни на минуту не покидало правящие круги Петербурга.

§ 3. Миссия генерала Столетова в Кабул

Вскоре после того, как в феврале 1878 г. английский военный флот вошел в проливы и в те дни, когда английское и австро-венгерское правительства вели интриги, направленные на пересмотр Сан-Стефанского мирного договора, в Петербурге со своей стороны принялись искать такие рычаги, посредством которых и Россия могла бы оказать контрдавление на своих противников. В связи с этим, когда в Англии 28 марта 1878 г. был объявлен призыв резервистов, русское правительство в ответ на это в мае 1878 г. предприняло сосредоточение войск Туркестанского военного округа в районах Чарджуя (на Аму-Дарье), Джамы и в Алайской долине. А затем последовал, говоря словами Маркса, «шахматный ход русских в Афганистане» [5]. В конце

[1] Телеграмма повер. в делах в Лондоне от 13(1) августа 1878 г. Архив внешней политики России, канцелярия, дело «Лондон, 1878 г.».

[2] Депеша МИД от 15(3) августа 1878 г. поверенному в делах в Лондоне, (Там же).

[3] Телеграмма МИД поверенному в делах в Лондоне от 29(17) сентября 1878 г. (Там же).

[4] Телеграмма МИД повер. в делах в Лондоне от 23(11) августа 1878 г. (Там же).

[5] Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 502.

апреля 1878 г. русское правительство вынесло решение о направлении в Кабул миссии во главе с генерал-майором Столетовым. Миссия выехала из Ташкента 9 июня (28 мая) 1878 г. и лишь в начале августа прибыла в столицу Афганистана. Добраться туда скорее не позволили пути и средства сообщения Средней Азии того времени.

Предпринимая обе эти меры — сосредоточение войск и отправку миссии — русское правительство не только подготовляло себе плацдарм, с которого оно могло посредством ответных действий в Средней Азии оборонять от Англии русские интересы на Балканах. Русское правительство вместе с тем пыталось предотвратить этими мерами английскую экспансию, направленную непосредственно в Среднюю Азию, в первую очередь на захват Афганистана, а затем и Туркмении. Английская агрессия против Афганистана или, точнее говоря, новый очередной этап этой агрессии начался еще в 1875 г., когда англичане захватили Келат. В 1876 г. они захватили Кветту, а затем утвердили свою власть над всем Белуджистаном, произведя, таким образом, охват афганских владений с юга. В январе — марте 1877 г. в Пешаваре состоялась англо-афганская конференция и тут английские представители сообщили афганцам о том, что вице-король Индии желает, видите ли, оказывать эмиру «действенную помощь» против «опасности вмешательства извне», хотя эмир и не думал просить англичан о какой-либо помощи. В обмен за эту совершенно непрошенную «помощь» англичане нагло требовали от эмира согласия на размещение английских агентов на тех границах Афганистана,« в отношении которых британское правительство берет на себя обязательство оказывать помощь в их защите» [1]. Речь шла о границах с Россией. Афганские представители в Пешаваре, наученные печальным опытом англо-афганских отношений, отказались принять английские предложения, прямо заявив посланникам вице-короля, что удовлетворение притязаний Англии фактически означало бы конец независимости Афганистана [2]. Следует добавить к этому, что в то же самое время английские агенты весьма активно орудовали в Туркмении [3]. Если учесть все это, то будет ясна картина широкой английской экспансии в Средней Азии, усилившейся в связи с осложнениями на Ближнем Востоке, связавшими руки России. На конференции в Пешаваре представители вице-короля угрожающе намекали афганцам, что если английские домогательства будут отвергнуты, англичане захватят Герат и Кандагар [4]. Тем не менее, эмир Шир-Али отклонил английские требования, не поддавшись этим запугиваниям.

Следует решительно отвергнуть английскую версию, будто бы

---

[1] Hanna, The Second Afgan War; Westminster, 1899, стр. 137.
[2] Там же, стр. 132 и след.
[3] Депеша Горчакова Шувалову от 12 февраля (31 января) 1879 г.
[4] Hanna, указ. соч., стр. 140.

появление русской миссии в Кабуле и явилось причиной, побудившей правительство Биконсфильда начать войну против Афганистана. Такого род концепция основана на грубой фальсификации фактов. Стремление Англии к захвату Афганистана выяснилось еще во время первой англо-афганской войны в 1839—42 гг. Ближне-восточный кризис 1875—78 гг. создал условия для возобновления английских попыток захватить эту страну. Сосредоточение англо-индийских войск у горных проходов, ведущих в Афганистан из Индии и пешаварская конференция свидетельствуют о том, что военная и дипломатическая подготовка войны против Афганистана производилась английскими правящими кругами задолго до прибытия ген. Столетова в афганскую столицу.

Летом 1878 г. английский посол в Петербурге обратился в российское министерство иностранных дел с запросом относительно сосредоточения русских войск в Средней Азии. Ему ответили, что эти военные меры вызваны враждебным поведением английского правительства по отношению к России и что они будут отменены в случае, если Англия изменит свое отношение к России [1]. Посылка миссии Столетова имела целью поддержать эмира Шир-Али в его борьбе против Англии. Однако царское правительство при этом не было склонно идти в этой поддержке настолько далеко, чтобы вызвать риск военного столкновения с Англией.

В конце августа 1878 г. Столетов был вызван из Кабула для доклада царю. Покинув Кабул, он оставил во главе миссии ген. Разгонова. После прибытия Столетова, в октябре 1878 г. в Ливадии под председательством Александра II состоялось совещание, для участия в котором был вызван из Лондона русский посол в Англии Петр Шувалов [2]. На этом совещании было постановлено, что Россия не может оказать Афганистану военную помощь, как это предлагали туркестанский генерал-губернатор Кауфман и Столетов. Было однако принято решение предпринять в Лондоне попытку обеспечить независимость Афганистана дипломатическими средствами, оградив его, таким образом, от покушений со стороны Англии. Русское правительство рассчитывало использовать при этом то беспокойство, которое вызвало в английских правящих кругах пребывание русской миссии в Кабуле. В ноябре 1878 г. английские войска напали на Афганистан и англо-афганская война началась. Вскоре же, в начале декабря, русское правительство предприняло в Лондоне дипломатическое выступление в целях противодействия английской экспансии. 9 декабря 1878 г. Горчаков телеграфировал Шувалову, что царь готов дать эмиру «совет — стараться положить конец нынешнему

[1] Письмо Горчакова Бартоломею от 18(6) июля 1878 г. Архив Внешней политики России. Канцелярия. Дело «Лондон», 1878 г.».

[2] Телеграмма МИД послу в Париже Орлову для передачи Шувалову от 19(7) сентября 1878 г. Там же.

столкновению с Англией», но при условии, что Англия «будет уважать независимость Афганистана». Если такое предложение, продолжал Горчаков, будет принято лордом Солсбери, посол может ему обещать, что русская миссия немедленно покинет Афганистан [1]. Предложение Горчакова Шувалов изложил Солсбери, при чем неожиданно выяснилось, что английский министр был убежден в том, что русская миссия уже покинула Кабул. Солсбери не сумел скрыть своего удивления и тем самым полностью разоблачил всю несостоятельность и лживость легенды, распространявшейся тогда английской пропагандой и гласившей, будто бы именно пребывание русской миссии явилось причиной, побудившей Англию начать войну против Афганистана.

Высказав Шувалову свое неудовольствие по поводу того, что русская миссия всё еще находится в Кабуле, Солсбери принялся рассуждать насчет того, что понятие «независимость» можно де понимать различно. Он заявил так же, что Англия во всяком случае потребует допуска постоянного английского посольства в Кабул и «исправления границы» между Афганистаном и Британской Индией, причем он имел в виду захват Хайберского перевала и других стратегических пунктов большой важности, открывающих пути для вторжения в Афганистан, обладание которыми позволяло бы Англии перманентно держать Афганистан под угрозой английского нашествия. Что касается существа русского предложения, изложенного ему Шуваловым, то Солсбери обещал доложить о нем кабинету [2].

На другой же день — 12 декабря — Солсбери сообщил Шувалову ответ английского правительства. Ответ этот гласил, что кабинет не может принять предложение царя и отвергает всякое вмешательство России в англо-афганский конфликт. Солсбери выразил пожелание, чтобы русская миссия была отозвана из Кабула «без промедления» [3]. Таким образом английское правительство отвергло эту русскую попытку, направленную на восстановление мира в Средней Азии на основе обеспечения независимости Афганистана. Шувалов заявил Солсбери, что такая позиция английского правительства делает отозвание русской миссии из Кабула «невозможным» [4]. Шувалов намекнул также на возможность посылки русских войск в Мерв [5].

Такого рода язык оказался более доходчивым до сознания английского правительства. Через несколько дней в результате последовавших переговоров, Шувалов в обмен за обязательство русского правительства отозвать свою миссию из Кабула все-таки добился от Солсбери подтверждения обязательства Англии соблюдать прежние англо-русские соглашения относительно

---

[1] Телеграмма Горчакова Шувалову от 9 декабря (27 ноября) 1878 г. Архив Внешней политики России. Канцелярия, дело «Лондон, 1878 г.».

[2] Депеша Шувалова от 11 декабря (29 ноября) 1878 г. Там же.

[3] Депеша Шувалова от 12 декабря (30 ноября) 1878 г. Там же.

[4] Сов. секр. депеша от указанной даты. Там же.

[5] Письмо Шувалова 24(12) декабря 1878 г. Там же.

Афганистана. Английское правительство дало официальное заверение в том, что оно будет рассматривать все соглашения между Россией и Англией по вопросу об Афганистане и Средней Азии «как обязательные для обеих сторон». Соответствующее соглашение было оформлено посредством обмена письмами между Шуваловым и Солсбери 19(7) декабря 1878 г.

Что же представляли собой эти прежние соглашения, которые теперь официально подтверждались обеими сторонами? Длинный ряд нот, которыми начиная с 1872 г. обменивались Англия и Россия по вопросу об Афганистане, завершился английским меморандумом от 25 октября 1875 г. В этом документе английское правительство заявляло, в частности, что политика, проводимая доселе обоими правительствами, имела целью «совместно поддерживать целостность Афганистана», причем английское правительство тут же высказывалось в своем меморандуме за необходимость продолжения этой политики и в будущем. В этом же меморандуме устанавливалось, что во всех переговорах, происходивших между Россией и Англией, Афганистан рассматривался «исключительно как независимое государство, которое должно остаться вне действия России». Русское правительство не ответило на этот меморандум, который и остался, так сказать, «последним словом», произнесенным в нотной переписке по вопросу об Афганистане. Таким образом, в англо-русской нотной переписке по вопросу об Афганистане так и не была устранена только что цитированная формула, исключавшая Афганистан из сферы влияния России, но отнюдь не из сферы влияния Англии. При всем том необходимость соблюдать «целостность» и «независимость» Афганистана английское правительство удостоверило в этом своем меморандуме — в отношении «целостности» оно делало это безоговорочно, а в отношении «независимости» — более двусмысленно. Таково было содержание «прежних соглашений», обязательность которых ныне была подтверждена в письмах, которыми обменялись Шувалов и Солсбери. Еще 15 (3) декабря 1878 г. русской миссии в Кабуле было послано указание покинуть афганскую столицу.

Это указание совпало по времени с решением эмира Шир-Али оставить Кабул ввиду приближения английских захватчиков к столице Афганистана и искать убежища в России. Эмир и русская миссия покинули Кабул одновременно. Они двинулись на север по направлению к русской границе, но, как известно, эмиру Шир-Али не пришлось достигнуть русских пределов. Он заболел в пути и умер от гангрены в Мазар-и-Шерифе 21 (9) февраля 1879 г.

Несмотря на данное русскому правительству обязательство уважать независимость Афганистана, Биконсфильд возвестил в парламенте о намерении английского правительства осуществить «исправление границ» между Британской Индией и Афганистаном и водворить в Афганистане английскую миссию. Сообщая

об этих намерениях английского правительства, Шувалов в своих донесениях отмечал «бесстыдство» англичан [1] и с сомнением задавал вопрос, «достаточно ли словесных заявлений» [2] с их стороны относительно готовности соблюдать независимость Афганистана. Сомнения Шувалова полностью разделялись и в Петербурге, и в связи с этим русское правительство предприняло еще один шаг, рассчитанный на то, чтобы несколько сдержать английскую экспансию в Средней Азии. 12 февраля (31 января) 1879 г. Горчаков поручил Шувалову [3], в случае, если английские захваты не ограничатся Хайберским проходом, Курамской долиной и «может быть Кандагаром», сделать английскому правительству новое представление. Шувалов должен был заявить, что ввиду нарушения Англией ее обязательств по старым соглашениям, которые устанавливали независимость Афганистана, Россия со своей стороны возвращает себе свободу действий в Средней Азии. Предупреждая об этом английское правительство, писал Горчаков Шувалову, «мы имеем в виду остановить его, если это возможно» [4]. Как известно, эти усилия русского правительства, направленные на сохранение независимости Афганистана, не увенчались успехом. В мае 1879 г. английское правительство навязало Афганистану Гандамакский договор, который превращал весь Афганистан в английский протекторат, и, следовательно, означал грубое нарушение английских обязательств о сохранении независимости и целостности Афганистана. Русское правительство вынуждено было думать об ограждении от английской экспансии уже не Афганистана, а хотя бы Туркмении. В связи с этим оно начало подготовлять экспедицию в Ахал-Теке и далее на Мерв.

§ 4. Переговоры Петра Шувалова с Андраши

Однако, экспедиция в Туркмению была сложным делом, подготовка которого требовала месяцев. Между тем, положение русского правительства на Балканах было таково, что требовало с его стороны немедленного воздействия на главного противника, т. е. на ту же Англию.

Как известно, исполнение значительной части постановлений Берлинского трактата было возложено на международные комиссии, составленные из представителей подписавших трактат держав. На такого рода «Европейскую Комиссию», как она была названа в трактате, согласно статье 2-й Берлинского трактата была возложена задача по болгаро-турецкому и болгаро-румынскому разграничениям. Другая «Европейская комиссия» должна

---

[1] Телеграмма Шувалова от 6 декабря (24 ноября) 1878 г. Архив Внешней политики России. Канцелярия, дело «Лондон, 1878».

[2] Письмо Шувалова от 15(3) декабря 1878 г. (Там же).

[3] Сов. секр. депеша Горчакова от 12 февраля (31 января) 1879 г. Там же.

[4] Там же.

была разработать статут Восточной Румелии и временно заведывать финансами этой области. Князь Болгарии, согласно трактату (статье 3-й), утверждался турецким правительством «с согласия держав». Их согласие требовалось (по статье 17-ой) и для назначения турецким правительством генерал-губернатора Восточной Румелии. Временное управление Болгарией вручалось российскому комиссару, но для наблюдения за ним, к нему были приставлены (согласно статье 6-й) турецкий комиссар и консулы «для сего назначенные прочими державами, подписавшими трактат». Державы-сигнатарии должны были также (согласно статье 9-й) определить размер дани, которую княжество болгарское обязано было платить сюзеренному турецкому правительству. По статье 16-й Порта была обязана ставить в известность державы-сигнатарии, в случае, если бы она приняла решение ввести турецкие войска в Восточную Румелию. Далее, статья 21-я трактата предусматривала посредничество великих держав в случае, если Греция и Турция не смогут достичь соглашения относительно исправления греко-турецкой границы — фактически дело шло об уступке Турцией Фессалии. Наконец, статья 61 обязывала Порту осуществить «улучшения и реформы» в областях, населенных армянами, обеспечить безопасность армян от черкесов и курдов и периодически сообщать о мерах, принятых ею для этой цели, державам-сигнатариям, «которые будут наблюдать за их применением». Коротко говоря, установленный Берлинским трактатом порядок исполнения содержащихся в нем постановлений был таков, что отдавал это дело под опеку великих держав — «европейского концерта». Даже те области Балканского полуострова, которые в течение девяти месяцев должны были оставаться оккупированными русскими войсками, т. е. Болгарское княжество и особенно Восточная Румелия, также не миновали, как мы видим, этой иноземной опеки со стороны Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии и Италии. Эти державы не проливали крови, но их правительства присвоили себе право вмешиваться в дела Балканского полуострова и в отношения между Россией и Турцией. Военный министр Д. А. Милютин записал в своем дневнике следующие впечатления от работы комиссий по разграничению на Балканском полуострове: «рассказы Бобрикова рельефно выказывают крайнюю недобросовестность английских и австрийских офицеров и пассивное подчинение им французских и итальянских. Как ни горячо представители наши ген.-л. Анучин, ген.-м. Бобриков и полк. Боголюбов... отстаивали интересы освобождаемых христианских областей, как ни отлачались они перед всеми другими превосходством своих знаний и искусством аргументации, во всех вопросах брало верх большинство, покорное заранее полученной инструкции держаться заодно с англичанами»[1]. Такова была обстановка и во всех других международных комиссиях по исполнению трактата. Дневник Милютина за

[1] «Дневник Д. А. Милютина», том III, стр. 77.

летние месяцы 1878 г., да и дальше, пестрит жалобами на «нахальство» и «возмутительные проделки» англичан [1], которые «окончательно забрали Турцию под свою опеку» [2]. Когда турецкое правительство после разных проволочек очистило, наконец, в июле — августе 1878 г. крепости Шумлу, Варну и Батуми, которые оно удерживало внутри зон русской оккупации и которые оно обязано было передать России, русское правительство начало (в августе) отвод русских войск из окрестностей Константинополя, из Фракии, Македонии и из района Эрзерума. Однако в ряде эвакуированных русскими пунктов турки тут же учиняли резню славянского и армянского населения. Терпеть такое положение — значило для русского правительства ставить на карту свое влияние на Порту, свой престиж среди всего славянства и среди армян. Русское правительство не могло без борьбы сдать свое влияние на Балканах и в Армении.

Поскольку русское правительство оказалось изолированным во всех комиссиях, созданных для исполнения постановлений Берлинского трактата, оно было лишено возможности использовать этот аппарат, созданный Берлинским конгрессом. В руках русского правительства было, правда, такое мощное средство давления и на султана, и на Англию, и на Австро-Венгрию, как наличие русской оккупационной армии, занимавшей значительную часть европейской Турции. 15 сентября русская главная квартира была отведена в Андрианополь и после этого эвакуация русских войск из Турции была приостановлена. Однако, хотя русское правительство и использовало такой рычаг давления, как приостановку эвакуации, но оно прибегало к этому средству с большой неохотой, опасаясь, что задержка с эвакуацией русских войск может втянуть его в новые международные осложнения. Оно решило предпринять попытку помочь себе дипломатическими средствами и вывести себя из состояния изоляции. При этом оно надеялось сделать это на старых путях соглашения «трех императоров» — казалось бы достаточно скомпрометированного во время русско-турецкой войны в результате враждебности Австро-Венгрии и провокационного поведения Германии. Однако, невзирая на этот печальный опыт, царское правительство решило искать выхода из изоляции путем сближения опять-таки с Веной и Берлином. Такое решение было принято после того, как Горчаков в августе 1878 г. сдал дела Гирсу и уехал лечиться за границу. Теперь в качестве советников царя по вопросам внешней политики выступали Гирс и Милютин — пожалуй, в первую очередь этот последний. Кроме того, как мы уже видели, осенью 1878 г. около царя некоторое время находился посол в Лондоне граф Петр Шувалов, бывший второй уполномоченный русского правительства на Берлинском конгрессе.

В сентябре Шувалов во время своего отпуска посетил Вену,

[1] Там же, стр. 77, 78, 92 и др.
[2] Там же, стр. 92.

где был любезно принят императором Францем-Иосифом и Андраши, которые распространялись перед ним о своем желании поддерживать с Россией самые дружественные отношения[1]. Теперь царское правительство решило было послать Шувалова в Австро-Венгрию с важным дипломатическим поручением.

Из дневника Милютина явствует, что именно эти три сановника — Милютин, Гирс и Шувалов — присутствовали в Ливадии на совещании у царя при обсуждении вопроса относительно зондажа в Вене и в Берлине. Было решено, что Шувалов отправится из Крыма к своему посту в Лондон через Австро-Венгрию и Германию и по пути повидается с австро-венгерским министром иностранных дел графом Андраши, а затем в случае надобности также и с Бисмарком. Как сообщает в своем дневнике Милютин, главной целью Шувалова должно было быть прощупывание настроения австро-венгерского кабинета с тем, чтобы убедиться, «есть ли в самом деле возможность восстановить желаемое кн. Бисмарком прежнее единство в действиях трех империй в отношении Турции, дабы побудить ее к скорейшему исполнению всех условий Берлинского трактата и тем устранить причины, заставляющие нас, против воли, держать значительные силы за Балканами»[2]. Ниже мы увидим, насколько и в каком смысле было правильным утверждение Милютина относительно пожеланий Бисмарка. Из сказанного же ясно, что «единство в действиях трех императоров» во всяком случае отвечало желаниям самого русского правительства.

Инструкции Шувалову, изложенные в весьма секретной депеше Гирса от 20 октября 1878 года[3], с очевидностью свидетельствуют о намерении русского правительства вновь обратиться к старой внешнеполитической комбинации — к союзу трех императоров. В инструкциях говорилось, что по мнению царя, для устранения затруднений, связанных с исполнением Берлинского трактата «нельзя найти более действенного средства, чем установление согласия между тремя императорскими дворами в целях совместных действий».

В беседах с Андраши Шувалову поручалось остановиться на следующих вопросах. Он прежде всего должен был изложить австро-венгерскому министру те мотивы, которые заставили русское правительство «временно приостановить отход нашей армии в связи с беспорядками, угрожавшими безопасности христиан в тех районах, из которых мы должны были уйти и побуждавшими их к массовому бегству». Далее Шувалов должен был дать понять, что отвод русских войск произойдет не раньше, чем Турция подпишет с Россией «дополнительный к Берлинскому трактату акт, который согласно этому трактату мы имеем право за-

[1] Татищев «Император Александр II», том II, стр. 533.
[2] Дневник Д. А. Милютина, т. III, стр. 100.
[3] Архив Внешней Политики России, фонд Канцелярии МИД России, дело Лондон, 1878 г.».

ключить непосредственно с Турцией с целью урегулировать финансовые и другие вопросы, которые касаются только нас». «Пока этот акт не будет заключен, наши вооруженные силы не могут быть сведены к оккупационному корпусу, предусмотренному Берлинским договором». Под финансовыми вопросами разумелась выплата Турцией военного возмещения, обусловленного Сан-Стефанским прелиминарным договором. Далее, Шувалов должен был в беседе с Андраши констатировать, «что ни Греция, ни Сербия, ни в особенности Черногория еще не вступили во владение» теми территориями, которые отходили к ним от Турции по постановлению Берлинского конгресса. Шувалов должен был выразить надежду, что граф Андраши «сумеет понять трудности нашего положения и что Венский кабинет не откажет нам в своей моральной поддержке во всех тех случаях, когда настоятельные и независимые от нашей воли соображения, которые к тому же мы будем неуклонно сообщать австро-венгерскому правительству, станут препятствовать или задерживать отвод нашей армии».

В заключение в инструкции говорилось о том, что «все эти вопросы вызывают необходимость обмена мнениями между кабинетами Вены, Берлина и нашим кабинетом. Общность взглядов, а, быть может, и действий, если таковая могла бы быть установлена, представляется нам в настоящее время более желательной, чем когда-либо». Если бы переговоры Шувалова с Андраши увенчались успехом, Шувалову поручалось сообщить о их результатах Бисмарку, и договориться с ним «относительно наиболее практичных мер для дальнейших шагов, основанных на соглашении трех императорских дворов». Шувалову предоставлялось однако самому судить о целесообразности этого последнего шага.

11 ноября 1878 г. Шувалов прибыл в Вену. Его миссия до сего времени почти не описана в исторической литературе. Крайне беглое упоминание, имеющееся у Татищева в его биографии Александра II [1], существенно искажает факты, приписывая инициативу ноябрьского визита Шувалова графу Андраши. Между тем, миссия Шувалова заслуживает внимания, как первая после Берлинского конгресса попытка русского правительства восстановить соглашение трех императоров. Осложнения, наступившие во взаимоотношениях Австро-Венгрии и Турции в связи с передачей Боснии и Герцеговины — опять же во исполнение постановления Берлинского трактата — были, повидимому, тем обстоятельством, которое в представлении русского правительства делало момент удачным для зондажа о возможности установления контакта с Веной и Берлином.

В момент прибытия Шувалова в Вену Андраши находился в Будапеште и Шувалову пришлось отправиться в венгерскую столицу. Там, 12 ноября 1878 г. у него состоялась встреча с Анд-

[1] Татищев «Император Александр II», том II, стр. 533.

раши. Содержание этой беседы нам известно из донесения Шувалова [1]. Шувалов указал Андраши на желательность сближения между Россией и Австро-Венгрией и заверил его, что царь намерен точно придерживаться постановлений Берлинского конгресса. Он обращал внимание Андраши на трудности, которые проистекают для России из насилий, чинимых турками над христианским населением областей, эвакуируемых русскими войсками, и из факта массового бегства этого населения от турок вслед за уходящими русскими. Он жаловался на то, что турки саботируют выполнение постановлений Берлинского трактата касательно передачи Подгорицы и некоторых других районов Черногории и т. д. Из донесения Шувалова следует, что он при этом просил Андраши как о совместном дипломатическом воздействии на Турцию в целях урегулирования спорных вопросов в желательном для России смысле, так и согласии на продление срока пребывания русских войск на турецкой территории.

В ответ на заявление Шувалова Андраши начал пространно говорить о том, что общественное мнение Австро-Венгрии уже и так обвиняет его в излишних симпатиях к России. Он заверял Шувалова, будто он не поддается этому нажиму. Со своей стороны он обвинял русских представителей на Балканах в агитации за единую Болгарию, т. е. против Берлинского трактата, как известно, расчленившего страну. Ответ на вопросы Шувалова Андраши обещал дать на следующий день [2]. Действительно 13 ноября Андраши встретился с Шуваловым и сделал ему следующее сообщение. Он заявил Шувалову, что о безопасности христианского населения вне пределов болгарского княжества согласно Берлинского трактата должна заботиться не одна Россия, а «вся Европа». Он решительно высказался против продления сроков русской оккупации — разве что на несколько дней или недель — и прямо и цинично рекомендовал бросить беженцев на произвол судьбы. Он отказал России в каком-либо содействии также и в вопросе о заключении русско-турецкого договора, подтверждающего те статьи Сан-Стефанского договора, которые не были заменены постановлениями Берлинского трактата — и в числе этих статей статьи о возмещении издержек и убытков, причиненных России войной. Андраши заявил, что этот вопрос Австро-Венгрии не касается, это, дескать, дело России и Турции. Словом, по всем пунктам Шувалов получил полный отказ. Единственный вопрос, в котором Андраши готов был оказать некоторую помощь — это вопрос о турецко-черногорских отношениях. Он согласился с тем, что Россия не эвакуирует территорий, расположенных к югу от В. Румелии, пока турки не уйдут из Подгорицы и других районов, переходящих к Черногории. Таков был

[1] Письмо Шувалова Гирсу от 12 ноября (31 октября) 1878 г., № 1; Архив Внешней Политики России, С. А., № 37/38.40.

[2] Письмо Шувалова Гирсу от 13(1) ноября 1878 г. — Архив внешней политики России; Секретный Архив, № 37/38.40.

ответ австро-венгерского министра иностранных дел на просьбы царского правительства.

Еще перед отъездом в Пешт, во время своего краткого пребывания в Вене, 11 ноября 1878 г. Шувалов повидал германского посла в Австро-Венгрии князя Генриха VII Рейса. Шувалов поставил Рейса в известность о цели своего предстоящего визита к Андраши и просил сообщить об этом Бисмарку. На другой же день в Пеште, тотчас после вышеописанной беседы с Андраши, Шувалов получил ответ германского канцлера. Бисмарк сообщал, что он будет весьма удовлетворен, если бы было достигнуто соглашение между Шуваловым и Андраши. Никакой активности, однако, Бисмарк, как явствовало из этого сообщения, проявить не собирался. «Как Вы видите, — доносил Шувалов Гирсу, — (Бисмарк) остается верен своей роли первосвященника; он соглашается благословить соглашение, но он ничего не делает для того, чтобы его достигнуть» [1]. Сочтя тщетными надежды на помощь Бисмарка и на то, что он окажет на Андраши воздействие в смысле желательном для России, Шувалов отказался от визита к германскому канцлеру.

Так закончилась эта неудачная попытка русского правительства восстановить соглашение «трех императоров». Неточно утверждение Татищева, будто бы Андраши дал Шувалову обязательство — при условии, что пребывание русских войск в Болгарии не продлится слишком долго — не присоединяться к протестам других держав против действий России. Во-первых, в беседах Шувалова с Андраши речь шла о пребывании русских войск не в Болгарском княжестве, а в Турции, вне пределов княжества. Во-вторых, Андраши, согласно донесению Шувалова, заявил последнему следующее: «я не стремлюсь ни причинять вам трудности, ни присоединяться к протестам, которые могут быть направлены против вас». Если вывод русских войск замедлится на несколько дней или недель, то он, Андраши, не усмотрит в этом опасности, однако, на длительное продление русской оккупации Австро-Венгрия «не сможет согласиться» [2]. Конечно, заявление, сделанное в такой форме трудно назвать «обязательством».

§ 5. Борьба по вопросам внешней политики в правящих кругах России

Говоря о миссии Шувалова, необходимо отметить, что в правящих кругах России после Берлинского конгресса не было единодушия в отношении направления внешней политики прави-

[1] Письмо Шувалова Гирсу от 12 ноября (31 октября) 1878 г. № 2 — Архив внешней политики России; Секретный Архив, № 37/38.40.

[2] Письмо Шувалова Гирсу от 13(1) ноября 1878 г. Архив Внешней политики России; Секретный Архив, № 37/38.40. Шувалов пишет, что сделанную им запись их беседы он зачитал Андраши. Таким образом, можно полагаться на точность этой записи.

тельства. В этой связи следует прежде всего сказать несколько слов о тех людях, которые оказались у руля внешней политики царизма после Русско-турецкой войны и Берлинского конгресса. Во главе министерства иностранных дел формально все еще стоял князь А. М. Горчаков. Когда-то Горчаков был одним из самых ловких и блестящих дипломатов своего времени. Но теперь это был уже дряхлый старик — в 1878 г. ему минуло 80 лет. Раз или два еще будет иметь место его активное вмешательство в политику, но в общем после Берлинского конгресса роль Горчакова все более сходит на-нет, а с лета 1879 г. он совсем отстраняется от дел, хотя номинально и остается министром до 1882 г.

Вместо него министерством с 1878 г. фактически руководил товарищ министра Н. К. Гирс, в 1879 г. официально назначенный управляющим министерством иностранных дел. После отставки Горчакова в 1882 г. Гирс был назначен министром. То был чиновник и по личному положению и по натуре. Весьма неглупый, до крайности осторожный Гирс умел до известной степени понять объективные интересы царской политики. Но так уж был устроен его ум, что всего яснее видел он трудности и наиболее слабые стороны своей собственной позиции. Робость и нерешительность были едва ли не доминирующими его свойствами.

Гирс был человеком без связей и без состояния, очень дороживший своим положением. Страх за свое место, страх перед сильными мира сего никогда не покидал его. Царя Александра III он боялся панически. Когда Гирс уезжал на доклад к царю, ближайший помощник его граф Ламздорф шел в церковь молиться за благополучный исход доклада. Но Гирс боялся, как это будет показано ниже, не только царя. Он боялся Бисмарка, в зависимость от которого он поставил политику России. Он боялся Каткова, который именно за эту зависимость от Германии и нападал на Гирса. Пуще всего Гирс боялся ответственности. А между тем на него, на его слабые плечи, была возложена формальная ответственность за внешнюю политику огромной страны.

В 1878—1881 гг., т. е. в последние годы царствования Александра II, рядом с Гирсом мы видим другую фигуру, во всех отношениях более крупную. Мы имеем в виду военного министра Д. А. Милютина. Милютин участвовал в целом ряде походов, но по своему складу он был больше профессором военного искусства и вместе с тем первоклассным военным организатором, но не полководцем и не боевым генералом. Он никогда не занимал командных должностей. Милютин был занят прежде всего завершением преобразования русской армии, намеченного и начатого им еще в 60-х гг. С введением всеобщей воинской повинности (в 1874 г.) это преобразование пошло было полным ходом, но затем было прервано русско-турецкой войной. По ее окончании Милютин больше всего заботился о том, чтобы новых таких помех не наступило. Это было для него главным. Милютин не обладал дипломатическим опытом, но в отличие от Гирса, был во-

левым человеком. Пока он оставался у власти — т. е. пока жил Александр II, Милютин более всех других царских сановников может считаться подлинным руководителем внешней политики России.

Каковы были внешне-политические установки этих людей?

Вернувшись с Берлинского конгресса, Горчаков застал в России большое возбуждение в дворянско-буржуазных кругах. Глашатаем поднявшегося недовольства выступали московские славянофилы с И. Аксаковым во главе. Начатая ими кампания была направлена против министерства иностранных дел и особенно против русской делегации на Берлинском конгрессе, позволившей западным державам отнять у России плоды ее победы, причем среди этих западных держав особенно сильные нападки делались на Германию и на Бисмарка.

Сам Горчаков, озлобленный против Бисмарка, вернулся с Берлинского конгресса с убеждением, что германская ориентация русской политики себя изжила и что необходим поворот в сторону сближения с Францией. Защищаясь от нападений славянофильской печати, Горчаков все неудачи русской политики стал приписывать провокационной и предательской политике «честного маклера». Связанная с Горчаковым петербургская газета «Голос» стала застрельщиком антигерманской кампании в русской печати. Германский посол в Петербурге генерал Швейниц писал, что русское правительство «с удовольствием смотрит на то, что недовольство общественного мнения обращается не против него, а против иностранных держав» [1].

Франко-германская военная тревога 1875 года показала, что русское правительство рассматривает дальнейшее усиление Германии, как невыгодное и даже опасное для России. Во время восточного кризиса 1875—1878 гг. выявилось и еще другое обстоятельство. Подобно тому, как Россия считала себя заинтересованной в том, чтобы защитить Францию в случае франко-германской войны, совершенно также Германия намеревалась поддерживать целостность и великодержавное положение Австро-Венгрии в случае австро-русской войны. Таким образом уже в 70-х гг. в перспективе намечалось распадение великих держав европейского континента на две враждебных военных группировки: Германия и Австро-Венгрия, с одной стороны, Россия и Франция — с другой.

Но, если австро-германский союз стал фактом уже осенью 1879 г., то оформления франко-русской группировки пришлось ждать более 10 лет. В тот момент, сразу после Берлинского конгресса, франко-русский союз был еще невозможен, и франкофильство Горчакова, как показали факты, для того времени, т. е. для конца 70-х и начала 80-х гг., практически было беспочвенным. На пути франко-русского сближения стоял целый ряд пре-

[1] Die Grosse Politik, т. III, Nr. 443.

пятствий, которые сразу устранить было невозможно. Наиболее важных была два. Первым был страх тогдашних руководящих кругов Франции перед Германией. Долголетний царский посол в Париже кн. Орлов остроумно заметил про французского министра иностранных дел Ваддингтона, что он «не только англичанин по рождению и воспитанию, но еще и пруссак из страха» [1].

Этот страх имел своей основой не только военную мощь Германской империи. Осложнения с восточным соседом Франции могли серьезно затруднить осуществление обширных колониальных захватов, отвечавших интересам французской финансовой олигархии. Активная колониальная политика была для Франции чревата конфликтом с Англией. Пусть тот же Ваддингтон стремился осуществлять колониальные захваты по соглашению с Англией — раз Франция встала на путь широкой колониальной экспансии, осложнения с Англией были делом всегда возможным. А раз так, то значит отношения с Германией — с сильнейшим соседом на континенте — приобретали для Франции особое значение, ибо то или иное развитие этих отношений могло либо ослабить, либо упрочить позиции Франции в борьбе против коварного Альбиона. Нужен был целый ряд сдвигов во внутреннем положении Франции, начавшихся в 1885 г. и имевших своим результатом ослабление группировки так называемых «умеренных республиканцев», чтобы руководители французской дипломатии вернулись к политике Деказа и вновь начали ориентироваться на сотрудничество с Россией, уже не считаясь с тем, что это разгневает германское правительство.

Вторым препятствием для франко-русского союза был англо-русский антагонизм. Соперничество с Англией и интересы восточной империи заставляли Россию не столько искать сотрудничества Франции, сколько добиваться от Германии гарантии безопасности русской западной границы. Фактически «газетная война», происходившая между русской и немецкой печатью в 1878—79 гг., ни на одну иоту не подвинула дела франко-русского союза.

«Газетная война» не ограничивалась полемикой вокруг поведения Бисмарка на Берлинском конгрессе, вокруг вопроса о том, предал ли русских «честный маклер» или же, как, не моргнув глазом, заявлял сам Бисмарк, именно ему русские обязаны абсолютно всем, что все-таки удалось сохранить от постановлений Сан-Стефанского договора. Очень скоро правящий помещичий класс был весьма болезненно задет еще двумя мероприятиями Бисмарка, грубо нарушавшими экономические интересы русского дворянства. В самом начале 1879 г. Бисмарк воспользовался несколькими случаями чумы в станице Ветлянской Астраханской губернии, чтобы под предлогом ветеринарных мер предосторожности запретить ввоз русского скота в Германию. Затем в конце того же года в Германии последовало введение пошлин на импор-

[1] «Русско-германские отношения, 1873—1914, изд. Центраархива», М., 1922 г., стр. 89.

тируемый хлеб. Германский посол в Петербурге генерал Швейниц записал в своем дневнике, что мероприятия против ветлянской чумы вызвали в России больше ненависти к Германии, нежели вся та поддержка, которую Германия оказала Австро-Венгрии в Восточном вопросе. Эти мероприятия, говорит Швейниц, «образуют прямо таки поворотный момент в отношении русских к немцам» [1].

Но эти экономические мероприятия Бисмарка, направленные против интересов русских помещиков при всей их враждебности нимало не умаляли потребности русского правительства в обеспечении безопасности западных границ России, а равно и заинтересованности русского дворянства в удержании немецкого рынка.

В связи с этим, в условиях аграрного кризиса конца 70-х — начала 80-х годов экономические интересы русских помещиков требовали сближения с Германией. К русско-германскому сближению толкала и так называемая монархическая солидарность обоих дворов и обоюдная ненависть к революции со стороны правящих классов обеих стран. Когда после Берлинского конгресса царское правительство стало на путь сближения с Германией и Австро-Венгрией, то эта политика полностью отвечала интересам помещичьего землевладения. Такой политический курс должен был вместе с тем обеспечить безопасность западной границы России, а тем самым — выигрыш времени для реорганизации армии и свободу рук для борьбы с Англией и проведения политики царизма в Средней Азии. Преобразование армии, которое почиталось Милютиным за основную задачу, тормозилось недостатком средств. «Наша слабость по сравнению с нашими противниками, — писал Гирс Шувалову 5 января 1879 г. (24 дек. 1878 г.), — заключается, главным образом, в том, что, как известно, наши финансы истощены. В связи с этим лучшее средство для того, чтобы вновь стать достаточно сильными и иметь возможность импонировать нашим противникам, заключается в восстановлении нашего финансового равновесия, а для этого прежде всего необходимо избегать бесполезных и неуместных осложнений». Всеми этими соображениями и определялась внешняя политика царского правительства под руководством Милютина и Гирса — политика последних лет царствования Александра II.

§ 6. Константинопольский мирный договор и эвакуация русских войск из Турции. Воссоздание Болгарского государства

Начало 1879 г. принесло русскому правительству некоторое облегчение в области внешней политики: задержка эвакуации русских войск из Турции побудила в конце концов турецкое правительство подписать мирный договор с Россией. Акт этот совер-

[1] Schweinitz. Denkwürdigkeiten, II, s. 40.

шился в Константинополе 8 февраля (27 января) 1879 г.[1]. Договор устанавливал, что условия Берлинского трактата заменили те статьи прелиминарного Сан-Стефанского договора, которые были отменены или изменены на Берлинском конгрессе. Остальные же условия Сан-Стефанского договора были «окончательно определены» новым, Константинопольским договором.

Согласно этому договору военное вознаграждение, причитающееся России от Турции, было определено в сумме 802 миллиона 500 тысяч франков, не считая претензий русских подданных за убытки, понесенные ими во время войны. Общая сумма таких претензий не должна была превышать 26750000 франков. Кроме того, Турция должна была оплатить России часть расходов по содержанию турецких военнопленных.

Эти постановления имели политическое значение: при крайней финансовой слабости турецкого правительства наличие у Турции финансовых обязательств перед Россией являлось в руках русского правительства рычагом для давления на Турцию, эффективность которого не следует недооценивать.

Согласно договору, обе стороны взаимно обязались не преследовать и не допускать никаких преследований против российских или турецких подданных, заподозренных в сношениях с неприятельскими армиями во время войны. Объявлялась полная амнистия всем турецким подданным, замешанным «в последних событиях, имевших место в областях европейской Турции», т. е., иначе говоря, всем участникам национально-освободительного движения против турецкого владычества. Турецкие власти, согласно договору, обязаны были не чинить препятствия всем тем, кто пожелал бы покинуть Турцию вместе с эвакуируемыми русскими войсками. Эти постановления договора (статьи 8 и 9) также имели некоторое значение с точки зрения обеспечения престижа русского правительства на Востоке. Добавим к этому, что вскоре, 7 мая (25 апреля) 1879 г. русскому правительству удалось добиться от султана заявления о том, что он в настоящее время не имеет намерения вводить турецкие войска в Восточную Румелию, на что он имел право согласно постановлениям Берлинского трактата. Таким образом, после ухода русских войск, в Восточной Румелии в качестве единственной вооруженной силы осталась местная милиция, вооруженная русским правительством «дабы дать болгарам возможность подобно албанцам отстаивать свою независимость», — как говорилось в указаниях, преподанных главнокомандующему русскими войсками Тотлебену 15(3) ноября 1878 г.

После подписания мирного договора русские войска в течение февраля—марта 1879 г. эвакуировали все турецкие территории, за исключением провинции Восточная Румелия и Болгарского Княжества, где они на основании Берлинского трактата (статьи

[1] Текст см. «Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами». Т. IV, стр. 324—327; СПб., 1896 г.

22-й) русские имели право оставаться в течение 9 месяцев после ратификации этого трактата, т. е. до апреля 1879 г., после чего они имели еще трехмесячный срок для осуществления эвакуации.

22(10) февраля 1879 г. в Тырнове русский комиссар в Болгарии князь Дондуков-Корсаков открыл болгарское учредительное собрание, призванное принять первую конституцию болгарского государства, возрожденного благодаря победам русского оружия, освободившего Болгарию от турецкого гнета, тяготевшего над нею в продолжении многих веков. Русский комиссар предложил собранию проект «Органического устава», выработанный русскими властями в Болгарии, затем подвергнутый пересмотру в Петербурге и утвержденный царем [1]. Открывая собрание, Дондуков-Корсаков заявил, что этот проект имеет своей целью только облегчение трудов Собрания, что члены Собрания ни в какой мере не связаны им, так что Собранию принадлежит право свободно решить вопрос о характере конституции [2]. В день годовщины Сан-Стефанского договора Собрание вручило комиссару адрес, в котором депутаты торжественно заявляли о том, что болгарский народ никогда не забудет «великого значения этого священного дня, который будет для них... символом беспримерной в истории братской любви народа русского к болгарам». Собрание было настроено крайне враждебно к постановлениям Берлинского конгресса, воспрепятствовавшего осуществлению Сан-Стефанского договора, расчленившего Болгарию и оставившего часть болгарского народа под ненавистным турецким игом. В предварительных полуофициальных переговорах с депутатами русский комиссар не без труда уговорил их встать на почву берлинских решений [3], т. е. приступить к обсуждению конституции для Болгарского Княжества в тех урезанных территориальных пределах, которые были ему отведены Конгрессом по воле врагов славянства с Англией во главе.

Как известно, Тырновское Собрание приняло конституцию Болгарского Княжества. Согласно этой конституции Болгария становилась конституционной монархией, в ней вводилось всеобщее избирательное право и устанавливалась свобода печати, собраний и ассоциаций. Вопрос о вассальных отношениях князя к султану был обойден молчанием. Русский комиссар утвердил конституцию, и она вступила в силу.

29 (17) апреля 1879 г. на основе этой конституции в Тырнове открылось Великое Народное Собрание для выборов князя. Русское правительство провело на этот пост своего кандидата — представителя одного из мелких немецких княжеских домов, принца Александра Баттенбергского, причем порукой верности этого немецкого принца России и славянскому делу в глазах цар-

---

[1] И. Козьменко, «Петербургский проект Тырновской конституции 1879 г., «Исторический Архив», т. IV, М.—Л., 1949.

[2] Овсяный, Русское управление в Болгарии. Т. II, стр. 59—60.

[3] Овсяный, указ. соч., т. II, стр. 57—58.

ского правительства являлись родственные связи Баттенберга — он доводился племянником русской императрице. Известно, что вскоре же после своего прибытия в Болгарию Баттенберг показал себя настоящим англо-австрийским агентом. По прибытии князя в Болгарию русский комиссар отбыл в Россию и русское временное управление в Болгарии закончилось. В июле последние части русских войск покинули как В. Румелию, так и Болгарию [1].

Эвакуация русских войск вновь ухудшила положение русского правительства на Балканах. После эвакуации стало еще более затруднительным урегулирование остававшихся неразрешенными вопросов, связанных с исполнением Берлинского трактата. Дело шло в первую очередь о делимитации границ Болгарии, Сербии, Греции и Черногории, в чем Россия была весьма заинтересована, особенно поскольку дело шло о границах Болгарии.

Положение русских представителей в комиссиях по разграничению ухудшилось также и ввиду возросшей враждебности германского правительства. «Во всех комиссиях наши делегаты не находят поддержки ни в ком. Германия уже положительно является везде заодно с Австрией», — писал в своем дневнике Милютин 7-го августа (26 июля) 1879 г. «Государь продолжает быть озабоченным», — заключил Милютин свою запись [2].

§ 7. Русское правительство и вопрос о возобновлении соглашения «трех императоров»

Среди множества проявлений враждебной политики германского правительства — «газетной войны», карантинных мероприятий против русского экспорта, подготовки нового таможенного тарифа, предусматривавшего повышение пошлин на ввозимый в Германию хлеб, враждебных в отношении России высказываний Бисмарка в беседах с иностранными дипломатами — именно позиция германских представителей в комиссиях по исполнению Берлинского трактата явилась непосредственным поводом для известного письма, которое Александр II направил кайзеру Вильгельму 15(3) августа 1879 г. и которое вызвало в свое время не мало шуму и суеты в деятельности дипломатии обеих стран.

В этой обстановке, когда враждебность Германии, казалось, возрастала изо дня в день, Горчаков, находясь на курорте в Бадене, дал интервью корреспонденту французской газеты «Солей», в котором выразил пожелание, чтобы Франция «была сильной». Несомненно, что Горчаков был не одинок в правящих сферах России, когда он высказывался в пользу сближения с Францией — а его интервью, конечно, могло быть понято только как выступление в пользу такого сближения. Однако правительство Александра II не пошло по тому пути, по которому был склонен

[1] Овсяный, Указ. соч., стр. 57—58.
[2] Дневник Д. А. Милютина 1878—1880. Том III, стр. 151.

пойти Горчаков. Александр II и его ближайшие советники — Гирс, Милютин, Адлерберг, Шувалов — думали не о сближении с Францией, а о восстановлении дружбы с Германией и о соглашении с ней. И когда Александр II, раздраженный враждебным поведением германской дипломатии, жаловался кайзеру на «поведение различных германских дипломатических агентов в Турции», которое, по словам царя, «вот уже несколько времени как проявляется, к несчастью, в духе, враждебном России», — царь действительно был преисполнен забот по поводу ухудшения русско-германских отношений. «Я считаю обязанностью, — писал он Вильгельму, — обратить Ваше внимание на печальные последствия, которые это может иметь для наших отношений доброго соседства, озлобив обе нации одну против другой, как и начинает это делать печать обеих стран» [1].

Вскоре после того, как было отправлено это письмо, царю была доложена памятная записка, представленная бывшим русским посланником в Афинах Сабуровым, который летом 1879 г. на немецком курорте Киссенген встречался с Бисмарком и дважды — 22(10) и 26(14) июля — имел случай беседовать с ним. В своей записке, датированной 25 (13) августа 1879 г., Сабуров, резюмируя свои впечатления от этих разговоров с Бисмарком, приходил к выводу, что «наши отношения с Германией двигаются к кризису более серьезному, чем мы склонны думать» [2]. Записка Сабурова произвела на царя большое впечатление. Она «пролила новый свет на обстановку», — как писал граф Ламздорф, один из руководящих чиновников министерства иностранных дел [3].

Вместе с тем, в министерстве пришли к заключению, что в словах Бисмарка «сквозь горечь тех жалоб, которые канцлер изложил Сабурову, можно рассмотреть известную тенденцию к тому, чтобы отвести бурю посредством откровенных объяснений» [4].

Между тем подоспел срок для отъезда царя из Петербурга в Варшаву на маневры. Александра II сопровождали туда Гирс и Милютин. В Варшаву к царю прибыл посланец от кайзера — фельдмаршал фон Мантейфель, который вручил Александру II ответ Вильгельма на его письмо. Письмо было составлено в дружественных выражениях, но содержало встречные упреки по адресу русского правительства. Впечатление русского министерства иностранных дел от этого письма передает «исторический обзор», составленный Ламздорфом. «Это письмо, — говорится в обзоре, — вводило отношения между двумя государствами на

---

[1] В. Н. Татищев «Император Александр II», т. II, стр. 665—667.

[2] Русско-германские отношения 1873—1914. Изд. Центрархива, М. 1922; стр. 65—66.

[3] «Исторический обзор», составленный гр. Ламздорфом. Архив Внешней политики России. Секр. Архив министра, дело № 101/109, л. 50 «Обзор» содержит резюме первой фазы русско-германских переговоров о возобновлении соглашения «трех императоров».

[4] Там же, л. 51.

прискорбный путь взаимных упреков, которые неизбежно нанесли бы тяжкий ущерб их старинной дружбе» [1]. Всемерно стремясь наладить отношения с Германией, Гирс подсказал царю мысль об организации личного свидания обоих монархов» [2].

Александр II с готовностью подхватил эту мысль. Он обратился к Вильгельму с предложением объясниться лично, и это предложение было принято немецким кайзером. 3 сентября (22 августа) 1879 г. царь и кайзер встретились на пограничной станции Александрово. Они объяснились и расстались весьма дружественно — но их личные настроения мало отразились на взаимоотношениях обоих правительств и на позиции германского канцлера, который продолжал вести политику, враждебную России.

§ 8. Заключение австро-германского союзного договора 7 октября 1879 г.

Бисмарк возражал как против поездки Мантейфеля, так и против того, чтобы кайзер отправился на свидание с царем. И когда Вильгельм, вопреки своему обыкновению, ослушался совета своего канцлера и послал Мантейфеля в Варшаву, Бисмарк 30 августа 1879 г. отмежевался от миссии Мантейфеля посредством заметки официозной Norddentsche Allgemeine Zeitung, смысл которой сводился к тому, что поездка Мантейфеля была предпринята без согласования с рейхсканцлером и имеет чисто протокольный характер.

Бисмарк в это время энергично подготовлял заключение австро-германского союза. Он уже давно пришел к выводу, что международная ситуация, создавшаяся в 1870—71 гг. в результате разгрома Франции, образования Германской империи, заключения Франкфуртского мира и аннексии Эльзаса и Лотарингии, чревата возможностью франко-русского сближения и даже тройственной австро-франко-русской коалиции. Затем подоспели события 1875 г., когда Бисмарк предпринял попытку возобновить агрессию против Франции и когда русское правительство, невзирая на наличие соглашения «трех императоров», заключенного в 1873 г., заняло позицию явно благоприятную для Франции. Эти события укрепили руководителя германской политики в таком убеждении. Результатом этого была поддержка, оказанная Бисмарком Австро-Венгрии во время восточного кризиса 1875—1878 гг., а затем — подготовка союза с нею.

Австро-венгерское правительство и прежде всего министр иностранных дел граф Андраши были готовы подписать союзный договор с Германией. Упорное сопротивление Бисмарк встретил со стороны своего кайзера, не желавшего заключить договор, направленный против царя. Бисмарк запугивал кайзера мнимой враждебностью России по отношению к Германии. Письмо царя

[1] «Исторический обзор», составленный гр. Ламздорфом. Лист 51.
[2] Там же.

он попытался изобразить перед Вильгельмом в качестве грубого выпада против Германии и германского кайзера, доказывая, будто Александр угрожает войной. Свидание в Александрово потому и было для Бисмарка нежелательным, что явилось добавочным препятствием к достижению намеченной им цели — заключению союза с Австро-Венгрией. В целях подготовки союзного договора с Австро-Венгрией германский канцлер 21 сентября 1879 г. прибыл в Вену, где его ожидала пышная и теплая встреча. Во время пребывания в Вене, он достиг договоренности с Андраши о тексте союзного договора.

Переговоры были довольно бурными. Бисмарк первоначально добивался от Австро-Венгрии такого соглашения, которое было бы направлено одновременно и против России и против Франции, однако Андраши наотрез отказался от договора, непосредственно направленного против Франции. Бисмарк уступил: австро-германский союзный договор был принят в формулировке Андраши и по форме заострен против одной России. Первая статья договора гласила: «В случае, если бы одна из обеих империй, вопреки надеждам и искреннему желанию обеих высоких договаривающихся сторон, подверглась нападению со стороны России, обе высокие договаривающиеся стороны обязаны выступить на помощь друг другу со всею совокупностью вооруженных сил своих империй и соответственно с этим не заключать мира иначе, как только сообща и по обоюдному согласию». В случае нападения на одну из договаривающихся сторон не России, а какой-либо другой державы, Германия и Австро-Венгрия обещали друг другу благожелательный нейтралитет, если только к нападающему не присоединится Россия. В случае, такого присоединения немедленно вступала в силу статья 1-я, согласно которой каждая из договаривающихся держав обязывалась вступить в войну на стороне своей союзницы. Австро-германский договор должен был оставаться секретным.

Чтобы сломить сопротивление кайзера, Бисмарк по возвращении из Вены 26-го сентября 1879 г. созвал прусский совет министров и получил от своих коллег согласие заявить императору, что прусское правительство коллективно подаст в отставку в случае, если союзный договор с Австрией не будет подписан. Кайзер сдался, и 7-го октября 1879 г. в Вене графом Андраши и германским послом князем Рейсом был подписан австро-германский союзный договор на только что изложенных условиях. Бисмарк составил проект письма кайзера царю, имевшего целью замаскировать истинную цель поездки канцлера в Вену и существо австро-германского союза и представлявшего редкостный образец дипломатической мистификации. Кайзер собственноручно переписал предложенный ему проект и, скрепив его своей подписью, послал царю.

Австро-германский союзный договор, как видно из сказанного выше, по форме имел оборонительный характер. Этот договор предусматривал обоюдную военную помощь в случае нападения

России на одного из союзников. Но кому принадлежало решение вопроса о том, имеет ли в каждом данном случае место «нападение»? Фактически, поскольку война скорее всего могла возникнуть из-за каких-либо австро-русских конфликтов на Балканском полуострове, т. е. возникнуть из-за столкновений между Россией и Австрией, решение вопроса о том, кто на кого напал, на деле оказывалось за германским правительством. Иначе говоря, Бисмарк мог сам решать вопрос о том, кого считать нападающей стороной, а это означало на практике, что он имел возможность придать договору агрессивный характер. На деле австро-германский договор стал становым хребтом агрессивного милитаристического блока, возглавляемого Германией и направленного против России и Франции. Истинную природу австро-германского союзного договора, заключением которого Бисмарк положил начало созданию военных блоков, в конце концов столкнувшихся в первой мировой войне, вскрыл И. В. Сталин на XIV съезде ВКП(б): «...Я вспоминаю факты из истории после франко-прусской войны, — говорит И. В. Сталин, — когда Германия оказалась победительницей, когда Франция оказалась побежденной, когда Бисмарк всячески старался сохранить «статус-кво», т. е. тот порядок, который создался после победоносной войны Германии с Францией. Тогда Бисмарк стоял за мир, потому что этот мир давал ему целый ряд привилегий перед Францией. Франция тоже стояла за мир, по крайней мере, в первое время, пока она еще не оправилась от неудачной войны. Вот в этот период, когда все говорили о мире, а фальшивые певцы воспевали мирные намерения Бисмарка, Германия и Австрия заключили соглашение, совершенно мирное и совершенно пацифистское соглашение, которое послужило потом одной из основ будущей империалистической войны. Я говорю о соглашении между Австрией и Германией в 1879 году. Против кого было направлено это соглашение? Против России и Франции»... [1].

Германия, в конечном счете, дорого заплатила за заключение австро-германского союза, хотя расплата наступила и не сразу. Договор против России, в конце концов, привел к провалу всей политики Бисмарка, важнейшей задачей которой была изоляция Франции. «Последствием этого соглашения о мире в Европе, а на деле о войне в Европе, — продолжает И. В. Сталин, — послужило другое соглашение, соглашение России и Франции в 1891—1893 годах» [2].

§ 9. Переговоры о возобновлении соглашения «трех императоров»

Заключая союз с Австро-Венгрией, Бисмарк не закрывал глаз на таящиеся в нём опасности, но он рассчитывал, что ему удастся их избежать и предотвратить франко-русское сближение.

[1] И. Сталин, Соч., т. 7, стр. 274—275.
[2] Там же, стр. 275.

Он надеялся, что ему удастся безнаказанно проделать этот враждебный России шаг, воспользовавшись ее ослаблением и ее политической изоляцией. Он не собирался совершенно рвать с Россией и впрягаться в колесницу антирусской политики Австро-Венгрии. Посредством австро-германского союзного договора, он привязывал к себе Австро-Венгрию, обещав ей при определенных условиях помощь против России. Таким образом, он создал себе в лице Австро-Венгрии союзника против России. Но теперь он рассчитывал воспользоваться этим, воспользоваться возрастающей стесненностью положения России, чтобы приковать себе также и ее и удержать ее от сближения с Францией. Почти до самого конца 80-х гг. германскому канцлеру удавались эти хитрые манёвры, удавалось разыгрывать австро-русские и англо-русские противоречия в свою пользу, ставя и Россию и Австро-Венгрию в зависимость от благорасположения Германии. Из сказанного явствует, что Бисмарк был заинтересован в том, чтобы после заключения австро-германского союза возобновить соглашение «трех императоров».

Как мы видели русская дипломатия догадывалась о таких намерениях германского канцлера. Тем не менее не удивительно, что поездка Бисмарка в Вену не на шутку встревожила русские правящие круги, а мистификаторское письмо кайзера не внесло успокоения, так как не было принято всерьез. Из Варшавы царь направился в Ливадию, куда вскоре был вызван Сабуров, представивший здесь еще пять записок, более подробно излагавших его летние разговоры с Бисмарком и те выводы, которые Сабуров из них извлекал. Основной его вывод сводился к признанию необходимости начать переговоры с Германией, с тем чтобы восстановить с ней дружественные отношения [1].

Эта точка зрения была одобрена царем, Гирсом, Милютиным, и Сабурову было дано поручение отправиться в Германию с тем, чтобы начать переговоры с Бисмарком в целях нормализации отношений. Было постановлено, что в случае, если Бисмарк выкажет склонность заключить соглашение, Сабуров должен был поддержать эту мысль. При этом русское правительство предпочитало заключить с Германией соглашение вдвоем, без Австрии. Сабуров, которого прочили послом в Константинополь, вскоре получил назначение на пост посла в Берлине. Гирс и Милютин принимали при этом все меры к тому, чтобы держать Горчакова как можно дальше от тех переговоров, которые было поручено вести Сабурову.

Бисмарк встретил Сабурова любезно. Но он поставил условием, чтобы соглашение было тройственным, чтобы в нем, кроме России и Германии, участвовала также Австро-Венгрия. Переговоры, которые начались между Сабуровым и Бисмарком, а затем и новым австро-венгерским министром иностранных дел бароном Гай-

[1] Русско-германские отношения 1873—1914 гг., стр. 69—85.

мерле, оказались чрезвычайно длительными. Они продолжались около полутора лет [1]. Не сразу русское правительство согласилось на привлечение Австро-Венгрии. Нелегко было достигнуть соглашения между Россией и Германией. Еще больше затруднений и проволочек причиняло австро-венгерское правительство, долго колебавшееся стать на путь соглашения с Россией и восстановления союза «трех императоров». Для правящих кругов монархии Габсбургов вопрос об ориентации внешней политики Австро-Венгрии стоял следующим образом: либо Австро-Венгрия могла продолжать сотрудничество с Англией в целях совместной борьбы против России в интересах австрийской экспансии на Балканах, либо же Австро-Венгрия могла попытаться достигнуть соглашения с Россией о том или ином размежевании интересов на Балканском полуострове. В Австро-Венгрии шла внутренняя борьба за тот или иной курс внешней политики. При этом немецкая буржуазия Австрии и венгерское дворянство, представителем которого являлся Андраши, предпочитали антирусский курс, в то время, как австрийская земельная аристократия и славянские круги стояли за соглашение с Россией. Пока в Вене имелась надежда на тесное сотрудничество с Англией против России, Андраши, как и его преемник Гаймерле, не желали идти на мировую с главным соперником Австро-Венгрии.

Однако в апреле 1880 г. наступило событие, сделавшее Австро-Венгрию более сговорчивой. В Англии произошла смена правительства: пал кабинет Биконсфильда и к власти пришло правительство либеральной партии во главе с Гладстоном.

В своей программной предвыборной речи, произнесенной 27 ноября 1879 г. Гладстон заявил, что он будет проводить политику экономии в расходах, сохранения мира, поддержания европейского концерта, т. е. согласованных действий шести великих держав. Он заявил далее, что намерен «избегать ненужных обязательств, способных запутать» Англию [2]. На практике вся эта фразеология свелась к попытке проводить в наиболее последовательной форме традиционную политику английской буржуазии — бить своих противников чужими руками. Гладстон собирался проводить эту политику более последовательно, чем Биконсфильд, который заключил англо-турецкий союз и установил англо-австрийское сотрудничество. Сразу же после своего вступления в должность новый министр иностранных дел лорд Гренвиль 4 мая 1880 г. направил английским послам при правительствах пяти великих держав циркулярную телеграмму, в которой высказывался за объединенные усилия держав с целью положить конец проволочкам турецкого правительства в исполнении постановлений Берлинского трактата, касательно уступок, которые были в нем предусмотрены со стороны Турции в пользу Греции,

[1] С. Д. Сказкин, Конец австро-русско-германского союза, М., 1928 г., стр. 103—173.

[2] Times от 28 ноября 1879 г.

Черногории и армян [1]. Это означало, что в вопросе об исполнении Берлинского трактата Англия отходит от поддержки Турции, практиковавшейся Биконсфильдом, и приближается к русской точке зрения.

Осенью 1880 и в начале 1881 гг. правительство Гладстона совместно с русским правительством принудило Турцию уступить Греции Фессалию и осуществить наконец исправление границы Черногории, предусмотренное Берлинским трактатом [2]. Как он это сообщал английскому послу в Петербурге: Гладстон был склонен «как можно меньше ссылаться на Кипрскую конвенцию [3] и якобы даже подумывал о том, чтобы совсем отказаться от неё» [4]. «Мысль, что интересы Англии требуют поддержания Оттоманской империи силой оружия не составляет основы или части нашей политики», — писал Гладстон.

Рассчитывать на поддержку Англии Австро-Венгрия теперь уже не могла — во всяком случае эта поддержка стала более сомнительной, чем при Биконсфильде, хотя уже и тогда у англичан постоянно имелось стремление толкнуть Австро-Венгрию на первую линию огня против России, а самим остаться в стороне. А теперь и того хуже — вырисовывались перспективы англо-русского соглашения [5] — иллюзорные, но успевшие напугать австро-венгерские правящие круги.

Некоторое время австрийцы не хотели верить тому, что Англия изменила свою политическую тактику в отношении Турции. Ввиду этого, русско-германо-австрийские переговоры о заключении соглашения «трех императоров» протянулись еще свыше года после прихода Гладстона к власти. Однако, в конце концов, австро-венгерскому правительству пришлось убедиться, что от Англии ему нечего ждать помощи.

6 (18) июня 1881 г. был, наконец, подписан австро-русско-германский договор, вошедший в историю подобно договору 1873 г. под громким названием «Союза трех императоров», хотя на самом деле он отнюдь не являлся союзом в подлинном смысле этого слова.

Согласно статье первой этого договора [6] все три договаривающиеся стороны взаимно обязались соблюдать благожелательный нейтралитет в случае, если бы одна из них оказалась в состоянии войны с 4-й великой державой. В переводе с языка дипломатических формул на более простой, эта статья фактически означала, что Россия обязывается перед Германией соблюдать нейтралитет во франко-германской войне, а Германия и Австро-

---

[1] Temperley and Penson, Foundations of Foreign Policy (1792—1902). Cambridge. 1938, документ № 150.
[2] Там же, док. № 158.
[3] Там же, док. № 151.
[4] Там же, док. № 152.
[5] С. Д. Сказкин, Конец австро-германского союза, М. 1928, стр. 135 и сл.
[6] Русско-германские отношения. Москва, 1922 г., стр. 131.

Венгрия гарантируют то же самое России на случай англо-русской войны. Последующий абзац статьи первой распространял гарантию нейтралитета и на случай войны одной из трех держав с Турцией, при том, однако, непременном условии, чтобы между всеми тремя участниками договора было предварительно заключено соглашение касательно результатов этой войны.

На практике по условиям международной обстановки того времени это постановление договора означало, что Австро-Венгрия и Германия обязывались соблюдать нейтралитет в случае новой русско-турецкой войны, при условии, что их интересы — прежде всего интересы Австро-Венгрии — будут заранее обеспечены чем-то вроде нового издания Рейхштадского и Будапештского соглашений, посредством которых Австро-Венгрия оградила свои интересы и обеспечила себе компенсацию перед войной 1877—78 гг.

Согласно статье второй Россия, в согласии с Германией, заявляла «о своем твердом решении уважать интересы Австро-Венгрии, вытекающие из ее нового положения, обеспеченного ей Берлинским трактатом», причем под «новым положением» Австро-Венгрии подразумевалась оккупация Боснии и Герцеговины. Далее эта статья гласила, что все три участника договора «дают взаимное обещание в том, что какие-либо изменения в территориальном «статус-кво» в Европейской Турции могут произойти не иначе, как по их взаимному соглашению». Подписывая такое обязательство, как Россия, так и Австро-Венгрия как бы взаимно страховались от разных неприятных неожиданностей, которых каждая из них могла ждать со стороны своей соперницы.

Согласно статье третьей «все три двора признают европейский и взаимнообязательный характер принципа закрытия проливов Босфора и Дарданелл для военных кораблей, основанного на международном праве, подтвержденного трактатами и формулированного в декларации второго уполномоченного России на заседании Берлинского конгресса от 12 июля». Это постановление договора означало, что Германия и Австро-Венгрия присоединяются к русскому толкованию принципа закрытия проливов и отклоняют тем самым английское толкование этого принципа, изложенное Солсбери на Берлинском конгрессе и сводящееся к тому, что обязательство соблюдать этот принцип державы приняли только перед турецким султаном, но не друг перед другом и только на тот случай, если этот принцип будет выражен в «свободно принятом» решении султана. Присоединяясь к русской точке зрения, Германия и Австро-Венгрия отрицали тем самым за Англией право вводить свой флот в проливы и Черное море по соглашению с Турцией.

Далее, статья третья постановляла, что Россия, Германия и Австрия будут сообща следить за тем, чтобы Турция не допускала исключения из правила закрытия проливов, предоставляя проливы для военных операций какой-либо воюющей державы. В случае

нарушения этого условия или чтобы предотвратить таковое, если бы предвиделась возможность такого нарушения, все три правительства обязывались предупредить Турцию, что они в подобном случае будут считать, что Турция находится в состоянии войны с той державой, в ущерб которой будет нарушен принцип закрытия проливов и что с этого момента Турция лишается гарантии ее территориальной неприкосновенности, обеспеченной Берлинским трактатом.

Это последнее постановление статьи третьей было очень важным для русского правительства. Оно означало гарантию дипломатического содействия Германии и Австро-Венгрии в предотвращении пропуска Турцией английского военного флота в Черное море.

Было постановлено, что договор «трех императоров» должен оставаться секретным.

Каков смысл этого договора? Коротко говоря, смысл этот сводится к тому, что Германия посредством него гарантировала себе нейтралитет России в войне с Францией, а Россия — нейтралитет Германии и Австро-Венгрии в войне с Англией и Турцией — с последней при условии специального договора, заранее лимитирующего в интересах Австро-Венгрии результаты возможной победы. Вместе с тем договор имел своей целью установление австро-русского сотрудничества на Балканах. Помимо статьи второй, этой цели должен был служить особый протокол, составлявший приложение к договору, конкретизировавший статью вторую и содержавший постановления относительно тех балканских проблем, по которым между тремя правительствами было достигнуто определенное соглашение.

Согласно этому протоколу Австро-Венгрия сохраняла за собою право аннексировать оккупированные ею турецкие провинции Боснию и Герцеговину «в тот момент, который она найдет для этого подходящим». Далее, все три державы обязывались в случае надобности совместно предпринять шаги к тому, чтобы убедить Турцию отказаться от занятия своими войсками Восточной Румелии и Балканского хребта, на что ей давал право Берлинский трактат. Россия в интересах болгар всячески старалась предотвратить реализацию этого права. Три державы соглашались также «не противиться возможному соединению Болгарии с Восточной Румелией в пределах территориальных границ, указанных им Берлинским трактатом, в случае, если бы этот вопрос был выдвинут силою вещей». Они взаимно согласились «отклонять болгар от всяких агрессивных действий по отношению к соседним провинциям, а именно к Македонии и объявить им, что в подобном случае они действовали бы на свой риск». Три правительства уславливались снабдить своих представителей и агентов на Востоке общей инструкцией, «предписывающей им стремиться сглаживать их разногласия в каждом отдельном случае друже-

скими переговорами, а в случае, когда это не будет достигнуто, сноситься по этому поводу со своими правительствами».

Если внимательно рассмотреть пункты протокола, то нетрудно убедиться в том, что он, с одной стороны, обеспечивал интересы Австро-Венгрии в Боснии, Герцеговине и Македонии, через которую пролегает путь из Австро-Венгрии на Салоники, а с другой — интересы Болгарии и России, предусматривая меры по предотвращению появления турецких войск в Восточной Румелии и обязывая державы не противиться воссоединению Восточной Румелии с Болгарией.

Уязвимое место всей дипломатической комбинации, нашедшей свое выражение в русско-австро-германском договоре от 6(18) июня 1881 г., заключалось в том, что согласие трех императоров могло держаться лишь до тех пор, пока не обострятся вновь австро-русские противоречия, теперь было смягчившиеся после окончания восточного кризиса 1875—1878 гг. Иначе говоря, соглашение «трех императоров» было прочно лишь постольку, поскольку положение на Ближнем Востоке оставалось более или менее спокойным [1].

§ 10. Экспедиция в Туркмению и Афганский кризис 1885 г.

Главным побудительным мотивом к заключению договора с Германией был для царского правительства страх перед Англией и перед возможностью англо-австро-турецкого блока, направленного против России. Опасность со стороны такого блока ослабела вместе с уходом Биконсфильда. Более того, одно время могло казаться, что на Балканах появилась даже возможность англо-русского сотрудничества на базе отказа нового английского кабинета от политики поддержки Турции против балканских народов. Однако, в Афганистане английская экспансия не прекращалась. Несмотря на частичное изменение Гандамакского договора 1879 г., Афганистан и по новому англо-афганскому договору 1880 г. остался под протекторатом Англии. В связи с этим русское правительство приняло меры к предотвращению английского проникновения в Туркмению, организовав в 1879 г. так наз. Ахалтекинскую экспедицию, которая должна была преградить англичанам путь на север.

Первоначально русские войска не смогли добиться успеха и в 1880 г. поход в Туркмению пришлось предпринимать вторично. В 1881 г. русские войска под начальством Скобелева взяли Ахалтекинский оазис. В 1884 г. они заняли Мерв [2]. Русские войска подошли, таким образом, почти вплотную к пределам Афганистана, который — особенно после англо-афганской войны — составлял, по английским понятиям, сферу исключительного влияния Англии.

Английские агенты в Афганистане усиленно провоцировали

[1] История Дипломатии, том II, стр. 58.

[2] См. об этом подробнее в главе X.

афганское правительство на конфликт с Россией. Английское правительство, не желало установления дружественных добрососедских отношений между Россией и Афганистаном и было заинтересовано в осложнении отношений Афганистана с его северным соседом. В 1884 году эмир Абдурахман, находившийся под влиянием Англии, направил свои войска в оазис Пенджде, населенный туркменами из племени сарыков, и занял его, в то время, как к этому оазису приближались русские войска из состава туркменской экспедиции. Абдурахман просил при этом у английского правительства военной помощи, чтобы удержать Пенджде. Действиями афганцев руководили английские офицеры, однако, в более серьезной военной помощи англичане отказали эмиру, заявив ему, что и без поддержки английских войск, «какое бы место ни было занято афганскими войсками, русские не посмеют тронуть его» [1]. В марте 1885 г. русские войска вошли в непосредственное соприкосновение с афганскими войсками, занявшими туркменские земли оазиса Пенджде. В последних числах марта афганцы, переправились на левый берег р. Кушка, которая разделяла расположение русских и афганских войск и в результате этого произошел бой, в котором афганцы потерпели поражение. Эмир Абдурахман пишет в своей автобиографии, что едва начался бой «узнав об этом, английские офицеры сейчас же бежали в Герат, совместно со всеми своими войсками и свитой». Афганские войска вынуждены были оставить занятую ими Туркменскую территорию. Неудивительно, что поражение, понесенное афганцами в результате неуклюжей английской провокации, уронило престиж и влияние Англии в Афганистане [2].

Английское правительство требовало, чтобы при предстоявшем разграничении Россия передала Афганистану Пенджде, а также некоторые другие туркменские территории. Русское правительство отказалось выполнить это требование, ссылаясь на то, что земли эти населены туркменами и никогда не принадлежали Афганистану. В результате непрошенного вмешательства Англии в отношения между Россией и Афганистаном англо-русские отношения, несколько улучшившиеся после падения Биконсфильда, вновь стали весьма напряженными и после боя на р. Кушке на некоторое время возникла даже опасность войны. В своей таблице главнейших кризисов в международной политике великих держав Ленин отмечает: «1885: Россия — на волосок от войны с Англией» [3].

Планируя войну против России, английское правительство и его военные органы намечали главный удар нанести ей со сто-

---

[1] Автобиография Абдурахман-хана, эмира Афганистана. Русский перевод., СПб., 1901 г., т. 1, стр. 325—326. Ср. для последующего «Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией. — 1872—1885». Изд. МИД. СПб., 1886 г., часть 1, стр. 34 и сл.; часть 2, док. №№ 23 и сл.

[2] Автобиография Абдурахман-хана, эмира Афганистана. Русский перевод. СПб., 1901 г., т. 1, стр. 326—327.

[3] В. И. Ленин. Тетради по империализму. Госполитиздат, 1939 г., стр. 620.

роны Черного моря, подобно тому, как это было в Крымской войне. При этом английское правительство проектировало тесное сотрудничество с Турцией, руками которой англичане рассчитывали воевать против России в Закавказье. Далее предполагалось, что Турция пропустит английский военный флот в Черное море, намечался десант на кавказском побережье и морская диверсия против Одессы [1].

Опасность заключалась для России в том, что она была тогда почти безоружна на Черном море. Правда, в 1881 г. на особом совещании под председательством нового царя Александра III было постановлено приступить к сооружению черноморского флота. Но к 1885 г., когда разразился англо-русский конфликт, первые русские черноморские броненосцы еще только что были спущены на воду и до их вступления в строй было далеко. Что касается английских планов в отношении удара по Кавказу, то следует иметь в виду, что Кавказ являлся базой для операций русских войск в Туркмении, коммуникации которых шли через Красноводск, по Каспийскому морю, на Баку, уже соединенный железной дорогой с центральной Россией, в то время, как железная дорога Оренбург — Ташкент еще не была построена.

При сложившейся обстановке русское правительство предприняло попытку расстроить английские военные планы дипломатическими средствами. В этих целях русская дипломатия использовала договор 1881 г., который в 1884 г. был продлен на новое трехлетие. В апреле 1885 г. царское правительство обратилось к германскому, и, напомнив ему о статье 3-й договора «трех императоров», предложило совместно воздействовать на Турцию, как это было предусмотрено в этой статье.

Германское правительство на этот раз выполнило свое договорное обязательство и мобилизовало при этом для давления на Турцию не только Австро-Венгрию, но и Италию, к этому времени ставшую союзницей Германии по «тройственному союзу», заключенному в 1882 г. К этому делу была привлечена также и Франция, отношения которой с Англией осложнились после того, как английские войска оккупировали Египет. В итоге русская дипломатия предотвратила англо-турецкий сговор и обеспечила соблюдение Турцией принципа закрытия проливов для иностранных военных кораблей [2]. Кавказ и русское черноморское побережье оказались неуязвимыми для Англии. Русское правительство принимало также дипломатические шаги к обеспечению строгого нейтралитета Швеции и Дании.

В последующих переговорах английское правительство должно было отказаться от своих требований в отношении Пенджде

---

[1] См. об этом „Die Grosse Politik", т. IV, док. 778. Ср. Катков „Собрание передовых статей за 1885 г., стр. 152—153, 158 и сл.

[2] Обо всем этом эпизоде см. „Die Grosse Politik", IV, №№ 764, 765, 767, 768, ср. также, т. VII, № 1376; „Documents diplomatique francais, серия 1-я, т. VI, док. №№ 6, 8, 10, 12, 14. Schünemann, „Archiv für Politik", Politik und Geschichte, 1926 г., выпуск 7/8, стр. 118.

и признать оазис владением России. В обмен Россия согласилась передать Афганистану район Зульфакара, на который афганцы также заявляли претензии. Достигнутое соглашение было зафиксировано в протоколе, подписанном в Лондоне 10 сентября (29 августа) 1885 г.[1].

Течение афганского кризиса оправдало договор «трех императоров» с точки зрения интересов царской дипломатии. В этой связи встает вопрос о тех мотивах, которые побудили Бисмарка выполнить в данном случае свои обязательства, что он делал, как известно, далеко не всегда. Противники Бисмарка и прежде всего Гольштейн, когда-то ближайший сотрудник канцлера позже явившийся одним из тех, кто содействовал его отставке, упрекали Бисмарка за то, что, оказав содействие России, он воспрепятствовал, якобы, возникновению англо-русской войны. Они доказывали, что это было ошибочным с точки зрения интересов Германской империи[2]. Апологеты Бисмарка совсем напротив не могли достаточно нахвалить проявленное им «миролюбие». Документы свидетельствуют, однако, что противники Бисмарка напрасно порицали своего старого шефа, а апологеты напрасно его хвалили. Бисмарк также, как и Гольштейн, считал англо-русскую войну выгодной для Германии и, помогая России обеспечить закрытие проливов, он заботился вовсе не о предотвращении англо-русской войны. Он заботился совершенно о другом — о предотвращении англо-русского соглашения, ибо, оставшись без поддержки, русское правительство могло, по его мнению, пойти на уступку и на сближение с Англией и переориентировать свою политику против Германии. «Если бы возник англо-русский союз, — писал Бисмарк в докладной записке кайзеру, — он смог бы в любой момент усилить себя посредством присоединения Франции». Этот союз «стал бы основой такой коалиции, ничего опаснее которой для Германии и быть не может»[3].

Русское правительство сталкивалось с влиянием Англии не только у южных, но также и у восточных границ среднеазиатских владений России, ибо английская экспансия распространилась и на Синьцзян. Английское правительство снабжало оружием и денежными средствами хана Якуб-бека — властителя Кашгарского ханства, поднявшего восстание против китайского правительства и отложившегося от Китая. Кашгарское ханство находилось под английским влиянием и под воздействием англичан оно держало себя враждебно не только в отношении Китая, но и в отношении России. Кашгария была наводнена английскими агентами[4]. В связи с этим в сентябре 1870 года русское правительство заняло своими войсками Музартский перевал на Тянь-

---

[1] «Афганское разграничение», ч. 2, стр. 379.

[2] См. переписку Гольштейна, изд. Rogge, стр. 164, а также воспоминания Лерхенфельда, стр. 142—143.

[3] „Die Grosse Politik", т. IV, № 777.

«Исторический вестник», т. 124, 1911 г.

Шане, а затем г. Кульджу и Илийскую долину с тем, чтобы закрыть туда доступ Якуб-беку. При этом, как это было постановлено на междуведомственном совещании под председательством военного министра 20 апреля 1871 года, имелось в виду, что «вмешательство наше в дела Западного Китая имеет единственной целью оказать содействие китайцам к восстановлению их власти в отторгнутых западных провинциях Китайской империи» [1]. Некоторые самочинные попытки русских местных военных властей в Туркестане придать русскому управлению в Илийском крае постоянный характер вызвали совершенно определенные указания из Петербурга: «избегать всяких мер, клонящихся к упрочению нашего владычества в Илийском крае» [2].

Возвращение Илийского края Китаю стало возможным во второй половине 70-х годов, поскольку к этому времени положение Якуб-бека пошатнулось, а в 1877 году китайское правительство совсем ликвидировало его государство и заняло своими войсками территорию Кашгарского ханства, этого, по словам туркестанского генерал-губернатора Кауфмана, «излюбленного детища англичан» [3].

2 октября (20 сентября) 1879 г. Гирсом и китайским представителем Чун-Хоу был подписан так называемый Ливадийский договор. Согласно этому договору восстанавливалась власть китайского правительства в Илийском крае и определялись условия передачи Илийского края китайскому правительству. Ливадийский договор предусматривал некоторое изменение в интересах России русско-китайской границы в районе Черного Иртыша, в западной части Илийской долины и в долине реки Текес. Согласно этому договору создавалось семь новых русских консульств в Китае и устанавливалось право русских подданных вести беспошлинную торговлю в Монголии, а также в Синьцзяне. Договор предоставлял русским купцам право провозить товары в порты Тянь-Цзин и Ханькоу через города Калган и Цзянь-юй-Гуань, а также продавать свои товары в нескольких городах Китая, указанных в договоре.

Однако, Ливадийский договор не получил в Пекине одобрения. Недовольство китайского правительства было вызвано главным образом содержавшимися в договоре постановлениями об изменении границы — особенно в долине реки Текес. Китайское правительство отказалось ратифицировать Ливадийский договор. Возникший в результате этого конфликт был улажен, поскольку русское правительство пошло навстречу пожеланиям китайского правительства и согласилось начать переговоры о пересмотре Ливадийского договора.

---

[1] Архив внешней политики России; фонд «Главный Архив», раздел 1—9, 1870—1872 гг., дело № 10, л. 49.

[2] Там же, 1878—1879 гг., дело № 8, л. 5.

[3] «Исторический вестник», том 124, 1911 г., стр. 899.

24(12) февраля 1881 года между Россией и Китаем был подписан взамен Ливадийского новый, так наз. Петербургский договор. Согласно этому договору русское правительство, приняв соответствующие требования китайского правительства, отказывалось от территории долины реки Текес. Кроме того, во изменение Ливадийского договора, для провоза русских товаров к китайским портам по Петербургскому договору открывался лишь один путь, а именно через Калган и Тун-Чжоу в Тянь-Цзин, а не два пути, как это предусматривалось Ливадийским договором. Русским подданным предоставлялось право отправляться для торговых дел в Су-Чжоу и Цзянь-юй-Гуань, но далее этого пункта русские караваны не имели права проходить. В этом состояло отличие от постановлений Ливадийского договора, согласно которому русским купцам разрешался провоз товаров вплоть до Ханькоу.

В 1885 г., во время англо-русского конфликта из-за Афганистана, английское правительство пыталось осложнить русско-китайские отношения, провоцируя маньчжурских правителей Китая на враждебные действия в отношении России. В то же время английское правительство, подготовляя базы для агрессии против Владивостока временно захватило острова Комунь-до близ южного побережья Кореи.

§ 11. Болгарский вопрос в 1879—1885 гг.

Отношение болгарского народа к России определялось той ролью, которую сыграл русский народ в освобождении Болгарии. Память о героических сынах русского народа, положивших свою жизнь за свободу Болгарии сохранялась в сознании болгарского народа. Память эта живет в его сознании и поныне.

Берлинский конгресс, подвергнув пересмотру условия Сан-Стефанского договора, вследствие происков Англии, Австро-Венгрии и Германии оставил значительную часть болгарского народа под гнетом Турции. Завершение национального освобождения болгарского народа и его воссоединение большинству болгар не без основания представлялись невозможными без содействия России.

С другой стороны русский народ и русская прогрессивная общественность продолжали с неизменным сочувствием относиться к братскому болгарскому народу и его национальным интересам.

Но если говорить об отношениях между правительствами, то здесь положение было совершенно иным. Царское правительство в 1879 г. поставило ставку на князя Александра Баттенбергского и через короткое время оказалось вовлеченным Баттенбергом в его антинародную реакционную политику. А вскоре после этого царскому правительству пришлось убедиться в том, что поддерживаемый им Баттенберг глубоко враждебен России, и действует фактически как английский и австрийский агент.

В скором времени после водворения Баттенберга в Болгарии между ним и Народным Собранием возникли серьезные осложнения. В Собрании большинством располагала либеральная партия. Эта партия и ее лидеры — Цанков, Каравелов и др., принадлежавшие преимущественно к мелкобуржуазной интеллигенции,— ориентировались в то время на Россию, считая, что завершение национального воссоединения Болгарии может совершиться только с русской помощью. Интересы либеральной партии совпадали с интересами России и требовали поддержания русского влияния на Балканах. В области внутренней политики эта партия требовала сохранения Тырновской конституции, которая сразу же вызвала неудовольствие князя Александра. Баттенберг привез с собой в Болгарию все навыки прусского лейтенанта и очень скоро стал проявлять абсолютистские замашки. За спиной князя стояла антинародная партия консерваторов, представлявшая интересы болгарского крупного капитала, экономически связанного с Западной Европой и, главным образом, с Австрией, и в силу этого глубоко враждебная России.

Уже через несколько месяцев после своего приезда в Болгарию Баттенберг стал замышлять ликвидацию Тырновской Конституции. Между либеральным большинством Народного Собрания и князем с конца 1879 г. на этой почве начался конфликт, причем князь искал поддержки у царского правительства. Баттенберг писал Александру II, прося содействия в осуществлении своих замыслов касательно ликвидации Конституции 1879 года [1]. Ответные письма царя свидетельствуют о том, что русское правительство предостерегало князя от каких бы то ни было coup d'Etat и самое большее допускало возможность добиваться пересмотра Конституции легальным путем, неизменно «оставаясь на почве закона» [2]. В марте 1880 г. Баттенберг приезжал в Петербург, с тем чтобы попытаться лично воздействовать на русские правящие круги и добиться их согласия на задуманный им государственный переворот. Однако ему не удалось получить одобрения своих планов. Русское правительство старалось отклонить Баттенберга от мысли о государственном перевороте и советовало придерживаться существующей Конституции [3].

Дипломатический агент в Софии Давыдов, пытавшийся поддержать Баттенберга, получил отставку, и инструкции новому агенту Кумани были составлены в духе тех советов, которые были даны Баттенбергу во время его пребывания в России. Правда, по требованию князя был одновременно отозван из Бол-

---

[1] Архив внешней политики России. Фонд канцелярии мин-ва, д. «Болгария» № 23. Письма князя Болгарского от 20(8) сентября 1879 г. и от 9 декабря (27 ноября) 1879 г.

[2] Архив внешней политики России; ф. «Секретный Архив», 1879 г., д. № 40/44, лл. 10—13. Письмо Александра II князю Болгарскому от 10 октября (28 сентября) 1879 г.; см. также письмо Александра II от 29(17) декабря 1879 г. (там же, л. 42 и сл.).

[3] Дневник Д. А. Милютина, 1878—1880, т. 3, стр. 178, 190, 232 и др.

гарии русский генерал Паренсов, находившийся на болгарской службе и занимавший должность военного министра. По мере своих возможностей Паренсов противодействовал попыткам организации государственного переворота, за что и навлек на себя ненависть Баттенберга [1]. Вместо Паренсова на болгарскую службу вступил другой русский генерал — Эрнрот, который и был назначен военным министром болгарского правительства вместо Паренсова.

Главным виновником срыва попыток Баттенберга заручиться согласием царя на государственный переворот являлся Милютин. В своем дневнике Милютин следующим образом излагает причины, побудившие его встать на защиту Тырновской Конституции: «Отнять у Болгарии дарованное ей под русским знаменем политическое устройство,— значит играть в руку австрийцам и другим врагам славянства и нашим» [2]. Были все основания предполагать, что Болгарское Народное Собрание при сравнительной демократичности Тырновской Конституции будет в известной мере отражать действительные настроения болгарского народа и, следовательно, будет настроено дружественным образом в отношении русского народа. Именно вследствие этого английские, австро-венгерские и германские представители в Софии всемерно поддерживали Баттенберга в его стремлениях упразднить Конституцию и в его притязаниях на роль абсолютного монарха[3]. В связи с этим русское правительство с точки зрения влияния России в Болгарии было заинтересовано в сохранении Конституции, не говоря уже о не популярности самого факта возможной ее отмены.

По возвращении из Петербурга Баттенберг ввиду позиции, занятой русским правительством, счел себя вынужденным сформировать либеральное министерство во главе с Цанковым, а затем — с Каравеловым.

Однако царское правительство не смогло удержаться на занятой им позиции. Это и не удивительно, ибо симпатии царизма могли находиться, конечно, только на стороне князя, а отнюдь не на стороне Народного Собрания. Правда, когда Баттенберг вновь прибыл в Петербург на похороны Александра II в марте 1881 г., новый царь Александр III, подобно своему предшественнику, даже по свидетельству иностранных источников [4], отказался оказать Баттенбергу активную поддержку в деле изменения Конституции. Но не желая вмешиваться в болгарские дела, он тем не менее выразил Баттенбергу свое согласие с его отрицательной оценкой болгарской Конституции. И Гирс и Милютин предостерегали как русских военных на болгарской службе, так

[1] Паренсов. Из прошлого, часть IV. СПб., 1908, см. напр., стр. 260—261 и др.

[2] Дневник Д. А. Милютина, 1878—1880 гг., т. 3, стр. 209.

[3] См. напр., Corti, Alexander von Battenberg, стр. 89, а так же Сказкин, стр. 234. 235; см. так же дневнк Д. А. Милютина, т. 3, стр. 178—179.

[4] Corti, стр. 108—109.

и русских дипломатических агентов в Софии от вмешательства во внутренние дела Болгарии. О позиции нового царя и русского правительства свидетельствует инструкция, данная новому дипломатическому агенту Хитрово и датированная 20(8) апреля 1881 г. В этой инструкции, утвержденной царем, Гирс писал: «Не иначе как с величайшим благоразумием и только законным путем можно при случае искать улучшения существующего в Болгарии положения посредством конституционной реформы». Далее Гирс указывал, что необходимо избегать потрясений, и добавлял, что «кажется, вопрос о Конституции в настоящее время устранен под влиянием наших советов умеренности» [1].

Русское правительство ошиблось: не прошло месяца, как в мае 1881 г. Баттенберг совершил государственный переворот, приостановив действие конституции и установив самодержавное правление.

Русское правительство оказалось неподготовленным к этому событию, явившемуся для него неожиданностью [2]. Лишь отдельные русские и, прежде всего, Эрнрот, были замешаны в осуществлении планов Баттенберга. Сам Эрнрот впоследствии заявил в печати, что он не получал никаких указаний из Петербурга относительно отмены Конституции и даже не ставил русское правительство в известность об этих планах [3].

Однако русское правительство не дезавуировало Эрнрота и не возражало, когда Баттенберг назначил этого русского генерала главой нового — антиконституционного — правительства. Таким образом, русское правительство оказалось соучастником реакционной политики Баттенберга. Эта политика противоречила интересам России и задаче поддержания русского влияния в Болгарии, но зато вполне отвечала политической природе самого царского правительства и встречала с его стороны искренние симпатии, хотя многие его представители и понимали всю рискованность такой политики с точки зрения престижа России в Болгарии. Александр III, встав на путь поддержки абсолютистских тенденций князя, руководствовался своими политическими симпатиями и антипатиями, своей ненавистью к «паршивому либерализму». Неповоротливый тяжелодум, каким был Александр III, он не сразу сообразил, что по существу ему гораздо легче иметь дело с болгарскими либералами, чем с консерваторами, ибо последних экономические интересы влекли к Австрии. Баттенберг ловко использовал русское влияние в Болгарии в своих целях и при этом рассчитывал убить сразу двух зайцев — подкрепить себя в решающий момент авторитетом России и в то же время нанести удар этому самому авторитету, упрочивать который на долгий срок этот немецкий принц отнюдь не собирался.

---

[1] С. Д. Сказкин, указ. соч., стр. 239—240.

[2] С. Д. Сказкин, указ. соч., стр. 240—241.

[3] «Русская старина» 1886 г., ноябрь, стр. 477.

Консервативная партия уже в конце 1881 г. начала развивать активную деятельность во вред русскому влиянию. Наиболее серьезный конфликт разыгрался по вопросу о железнодорожном строительстве в Болгарии. Австро-Венгрия была заинтересована в том, чтобы в первую очередь был построен проходивший по болгарской территории участок железнодорожной линии, связывавший Вену с Константинополем через Белград, Ниш, Софию, Адрианополь, которую строило находившееся в руках австрийского капитала Общество восточных железных дорог. Болгарские консерваторы горой стояли за то, чтобы Болгария была как можно скорее соединена с австрийской железнодорожной сетью и начали кампанию за первоочередную постройку железнодорожной линии, составлявшей болгарский участок дороги Вена — Константинополь. Русское правительство не было заинтересовано в постройке дороги, которая должна была открыть Болгарию и весь Балканский полуостров для австрийского капитала, австрийской торговли и австрийского политического влияния. Русское правительство добивалось, чтобы возможно скорее было приступлено к стройке железной дороги по совсем иному направлению: от Дуная (от Рущука или от Систово) к Софии. Эта железная дорога должна была связать Болгарию с Россией, и интерес русского правительства к сооружению этой линии понятен. В постройке этой дороги был заинтересован русский капитал и, прежде всего, крупнейшие железнодорожные грюндеры, Гюнцбург и Поляков [1]. Болгарские капиталисты, опиравшиеся на консерваторов, желали сами строить железные дороги в Болгарии. Русское правительство, придавая железнодорожному вопросу большое значение, все же не считало его вопросом первой важности, но его представители в Болгарии — особенно Хитрово — пыл которых подстегивался Гюнцбургом и Поляковым, на почве железнодорожного вопроса в течение 1881—83 гг. в конец испортили свои отношения с князем и с консерваторами.

Народное брожение против князя и консервативной клики между тем усиливалось, подогреваемое агитацией либералов. Князь мог держаться, только опираясь на поддержку царского правительства, и продолжал управлять посредством министерства с участием русских генералов — за Эрнротом последовал Крылов, затем летом 1882 г. — Соболев и Каульбарс. В то же время Баттенберг в конце 1882 г. и в 1883 г. особенно энергично работал над укреплением своих связей с Австро-Венгрией, с тем, чтобы опереться на нее против того самого русского правительства, которое его до сего времени так поддерживало.

Прошло еще несколько месяцев, пока русское правительство поняло двойную игру Баттенберга. Раскусив ее, в 1883 г. русское правительство вновь изменило свою политику в Болгарии, вернувшись собственно говоря к тому курсу, который оно проводило с 1878 по 1881 гг. Русское правительство добилось от князя

[1] С. Д. Сказкин. Указ. соч., стр. 255, 265.

восстановления Тырновской конституции, действие которой было приостановлено Баттенбергом двумя годами раньше. Либералы вернулись к власти. Отношения русского правительства с кн. Александром сделались крайне напряженными. В Вене были готовы поддержать Баттенберга, но России боялись и поэтому не решались открыто выступать против нее.

§ 12. Румелийский кризис. Свержение А. Баттенберга

В сентябре 1885 г. в Пловдиве (Филипополе), главном городе В. Румелии, болгарские националисты совершили переворот: они изгнали турецкого губернатора, прокламировали воссоединение «обеих Болгарий» и направили князю Александру сообщение об объединении В. Румелии с болгарским княжеством и с приглашением признать совершившийся факт и распространить свою власть на В. Румелию. Александр согласился, будучи заранее посвящен в планы пловдивских повстанцев.

Воссоединение северной и южной Болгарии, представляя нарушение Берлинского трактата и ущемляя интересы Турции, легко могло быть чревато международными осложнениями. Реакция царского правительства на румелийский переворот хорошо известна. Следует сказать, однако, что было бы грубой ошибкой упускать из виду тот факт, что в принципе русское правительство осталось сторонником единства Болгарии, за которое оно боролось и в Сан-Стефано и на Берлинском Конгрессе. Однако русское правительство не намеревалось втягиваться в осложнения из-за авантюры Баттенберга. Александр III со своей обычной грубостью сформулировал политику своего правительства: «Они нас не слушали, — писал он о болгарских правителях, — так пусть теперь сами расхлебывают кашу ими же заваренную» [1]. И царь отозвал из Болгарии русских офицеров, служивших в болгарской армии и явившихся в 1879 г. ее создателями и организаторами.

В целях избежания международных осложнений, русское правительство предложило, чтобы послы великих держав в Константинополе совместно обсудили создавшееся положение. Это предложение было принято всеми державами, причем русское правительство предложило конференции послов проект, означавший полную болгаризацию В. Румелии при формальном сохранении постановлений Берлинского трактата. Русское правительство предложило, чтобы статут В. Румелии был пересмотрен и ее административное и судебное устройство и вообще все порядки были максимально приближены к болгарским, но чтобы при этом буква Берлинского трактата была соблюдена и ради этого во главе провинции остался бы губернатор, назначаемый султаном [2]. На такой основе и был выработан послами и Портой проект уре-

[1] Письмо Александра III ген. Обручеву от 24 сентября 1885 г. Красный Архив, книга 46, стр. 180—181.

[2] Die Grosse Politik, т. V, № 959.

гулирования румелийского вопроса, аппробированный всеми державами, подписавшими Берлинский трактат, за исключением Англии и Франции. Англия настаивала на том, чтобы генерал-губернатором Румелии султан назначил князя Александра Баттенбергского, а Франция заявляла, что в вопросе о В. Румелии она присоединится к такому соглашению, которое получит одобрение всех держав. В декабре 1885 г. русское правительство приняло английское предложение, добившись, однако, чтобы в указе султана о назначении ген.-губернатора был назван не «князь Александр», а «князь болгарский». Это означало, что во главе южной Болгарии, благодаря воздействию России, был поставлен не лично Баттенберг, а глава болгарского государства.

Здесь не место описывать сербо-болгарскую войну, начатую 14 ноября 1885 г. сербским князем Миланом, желавшим получить компенсацию ввиду расширения соседней Болгарии. Австро-Венгрия поддерживала своего агента, каким являлся Милан и снабдила его денежными средствами [1]. Однако, не взирая на эту поддержку, войска Милана понесли полное поражение от болгарской армии и только грубое давление Австро-Венгрии заставило Баттенберга согласиться на заключение мира с Сербией на основе статус-кво, существовавшего до начала войны [2]. В России вмешательство Австро-Венгрии вызвало глубокое негодование.

Баттенберг после нанесенного ему австрийцами дипломатического поражения стал еще больше домогаться их благожелательства. Вследствие этого в Болгарии его престиж падал. Либералы-цанковисты составили заговор против князя и в ночь с 20 на 21 августа 1886 г. совершили дворцовый переворот. Баттенберг был низложен и выдворен за пределы Болгарии. Его сменило временное правительство во главе с митрополитом Климентом, составленное из цанковистов. Но их торжество было непродолжительным. Прошло всего лишь несколько дней, и в Софии произошел новый переворот. Правительство Климента было свергнуто и его заменило регентство во главе со Стефаном Стамбуловым, которое придерживалось австрийской ориентации и немедленно пригласило Александра Баттенбергского возвратиться на болгарский трон. Следуя этому призыву, Баттенберг вернулся в Болгарию, но не решался остаться там без согласия царя и обратился к нему с телеграммой, содержавшей так сказать ходатайство о прощении. Александр III ответил более чем холодно, и, получив такой ответ, Баттенберг побоялся принять власть в свои руки. В первых числах сентября он вторично уехал из Болгарии — на этот раз навсегда. Но Стамбулов остался, а вместе с ним оста-

---

[1] Parliamentary Papers, LXXV, 1886, Turkey № 1, стр. 93 Corti, цит. соч., стр. 208, 224; Andrassy (младший). Bismarck und Andrassy, стр. 102. Schünemann, указ., соч., стр. 152. Grosse Politik. т. V, № 957, стр. 9.

[2] Corti., указ соч., стр. 227 и сл. Parl. Papers, 1886, Turkey, № 1, стр. 341, 361.

лось правительство из австрийских агентов, не менее враждебное России, чем правительство свергнутого князя.

Диктатура Стамбулова, утвердившаяся в Болгарии, оказалась не в состоянии подорвать братские узы, связывающие два славянских народа — русский и болгарский. Но что касается царского правительства, то его влияние в болгарских правящих кругах оказалось вытесненным влиянием западных держав и в первую очередь — Австро-Венгрии.

В смысле общего влияния русского правительства на Балканах урон, причиненный событиями в Болгарии, лишь частично компенсировался, во-первых, ростом в Сербии оппозиции против хозяйничания Австро-Венгрии и ее агента князя Милана, а во-вторых, улучшением русско-турецких отношений. Это улучшение объяснялось резким обострением отношений Турции с Англией в результате прогреческой позиции, занятой правительством Гладстона в вопросе о Фессалии в 1880—1881 г., а главное вследствие беззаконной оккупации Египта английскими войсками, последовавшей в 1882 г.

С этого времени (т. е. с 1882 г.) английское влияние уже отнюдь не доминировало в Константинополе. Наиболее влиятельными державами стали там теперь Россия и Германия, причем влияние последней поддерживалось отчасти и тем, что она с 1883 г. поставляла Турции военных инструкторов, а также оружие заводов Круппа и Маузера. Из числа задач, которые ставила себе русская дипломатия после Берлинского конгресса, сближение с Турцией принадлежало к тем, которые были разрешены наиболее успешно. Это не случайно. Турецкое правительство понимало, что Россия далека от мысли об отторжении каких-либо турецких земель, в то время как Англия, не удовлетворившись захватом Кипра, только что захватила Египет, составлявший одно из вассальных владений султана.

После свержения Баттенберга, а вслед за ним и цанковистов и утверждения в Болгарии регентства, враждебно настроенного в отношении России, перед царским правительством встал вопрос о том, как вернуть себе влияние на болгарское правительство. Оно начало с того, что направило в Болгарию в качестве временно управляющего дипломатическим агентством в Софии, а фактически в качестве чрезвычайного представителя царя генерала Каульбарса, который должен был восстановить прежние отношения между русским и болгарским правительствами. Миссия Каульбарса потерпела крах вследствие непримиримой враждебности Стамбулова и стоявшей за ним крупной болгарской буржуазии, связанной с венской биржей, а также вследствие дипломатической неумелости и неопытности царского посланца. Русскому правительству пришлось убедиться, что на Стамбулова никак не повлияешь, покуда он не почувствует, что против него готовы применить силу. Однако, русское правительство отвергало мысль о введении в Болгарию своих войск. Гирсу

очень хотелось, чтобы нажим на Стамбулова осуществили не русские войска, а «союзные императорские дворы», действуя дипломатическими методами [1]. Если Стамбулов не считается с Россией, рассуждал Гирс, то быть может, он испугается, если на него хором прикрикнут целых три императора. Германское правительство было до некоторой степени склонно пойти в этом вопросе навстречу Гирсу. Но австро-венгерское правительство отказалось от этого и предложило принять принцип невмешательства в болгарские дела. Это предложение было с его стороны понятным: правительство Стамбулова столь же соответствовало интересам Австро-Венгрии, насколько оно было враждебным в отношении России. Идея Гирса побудить Австро-Венгрию помочь России в болгарских делах была совершенно утопичной: зачем было Австро-Венгрии способствовать усилению своей соперницы и собственными руками разрушать столь благоприятно складывавшуюся для нее обстановку?

§ 13. Австро-русско-германские отношения и болгарский вопрос в 1886 г.

Несколько иной была позиция германского правительства. С одной стороны, оно боялось толкнуть Россию на сближение с Францией и в силу этого опасалось полностью отказать ей в поддержке в болгарском вопросе. С другой стороны, оно не желало ослаблять австро-германский союз и ставить преданные этому союзу элементы в правящих кругах Австро-Венгрии в затруднительное положение. Уже вследствие одного этого безоговорочная поддержка России со стороны Германии была исключена. Учесть обе эти заботы сразу — было делом далеко не легким. Та политическая линия, которая вытекала из этого, оказалась весьма сложной и весьма двуличной.

В первые недели после падения Баттенберга германский канцлер обнаружил столь несвойственные ему обычно колебания в выборе политического курса. Он начал с того, что во время свидания с Гирсом в Франценсбаде обещал поддержать Россию в дипломатическом воздействии на болгарских регентов. Затем под влиянием резких протестов австро-венгерского министра иностранных дел графа Кальноки, Бисмарк с этой позиции, предусматривавшей вмешательство Германии в болгарский вопрос в интересах России, вдруг соскользнул на другую позицию, сводившуюся к предоставлению России «свободы действий» в Болгарии — т. е. иначе говоря, отказался от собственного вмешательства Германии в болгарский вопрос. Главное же он счел теперь

---

[1] Письмо Гирса Муравьеву от 20(8) сентября 1886 г. и телеграммы Гирса Лобанову и Шувалову от 25(13) сентября 1886 г. Архив Внешней политики России, фонд канцелярии МИД, дело «Берлин, 1886 г. III». Ср. также тел. Гирса Лобанову от 10 октября (28 сентября) и его же письмо от 13(1) октября 1886 г.

необходимым к формуле о «свободе действий» сделать добавление о необходимости для России предварительно согласовать эти «действия» с Австро-Венгрией. Ясно, что при таких условиях от содержания этой формулы осталось немного [1].

Но вот в ноябре до Бисмарка (через французское правительство) дошли слухи, что представители влиятельных (хотя и не официальных) русских кругов ведут в Париже какие-то беседы, стараясь выяснить возможность франко-русского сближения. Этот зондаж производили люди связанные с известным московским журналистом Катковым, как раз в это время открывшим в своей газете «Московские ведомости» кампанию против внешней политики Гирса, ориентирующегося на сближение с Германией. Это известие не преминуло произвести на Бисмарка большое впечатление и побудило его вновь изменить линию своего поведения. Постоянное добавление ко всем его беседам с русскими о необходимости предварительного соглашения с Австрией было им теперь отброшено. Бисмарк стал намекать, что в понятие «свобода действий» он готов включить даже и военную оккупацию Болгарии русскими войсками, независимо от того, как отнесется к этому Австро-Венгрия.

К этому времени безнадежность миссии Кальбарса окончательно выяснилась, и он был отозван, — так и не убедив болгарских регентов в том, что им следует уступить свои места другим людям. Вместе с ним Болгарию покинули все русские консулы. В Западной Европе распространились слухи — совершенно ложные — о том, что русское правительство, якобы, замышляет военную оккупацию Болгарии. В связи с этими слухами австро-венгерский министр иностранных дел Кальноки 13 ноября 1886 г. выступил перед «Делегациями» [2] с заявлением, в котором он дал понять, что появление русских войск в Болгарии означало бы для Австро-Венгрии войну против России [3]. Это заявление означало конец «Союза трех императоров», конец, который подготовлялся всем ходом болгарских событий и связанным с ним обострением австро-русского соперничества.

В течение болгарского кризиса между английским правительством, во главе которого стоял уже не Гладстон, а новый лидер торие в, лорд Солсбери, и австро-венгерским правительством все время происходила сложная игра, сущность которой хорошо выразил английский публицист Чарльз Дилк: Австрия, писал он, заверяет Англию, что она будет в восторге сделать первый шаг в действиях против России, как это ей предлагает лорд Солсбери, но только она сделает этот шаг после того, как лорд Солсбери

[1] Письма Муравьева Гирсу от 20(8) и 25(13) сентября 1886 г. Архив внешней политики России, фонд Канцелярии мин-ва, дело «Берлин», 1876 г. „Die Grosse Politik", том V № 10 13.

[2] Для обсуждения общих имперских дел, оба парламента — и австрийский и венгерский — выделяли каждый по особой «Делегации». Эти «Делегации» периодически собирались в Вене и заседали порознь одна от другой.

[3] Shsulthess, Europäischer Geschichtskalender, 1886, стр. 256—261.

положит почин, предварительно сделав второй шаг [4]. Кальноки боялся, что если «первый шаг» в самом деле сделает Австро-Венгрия, то английское правительство ее подведет, само не сдвинувшись и с места и предпочтя загребать жар австрийскими руками. К чему бы привела эта игра в прятки, если бы русские войска в самом деле вступили в Болгарию — об этом гадать бесполезно. Русское правительство никогда не принимало решения об оккупации Болгарии. Ему была нужна не бисмарковская формула о «свободе действий», а активная дипломатическая поддержка со стороны Германии, но как раз этого-то германское правительство и не желало ему предоставить.

§ 14. Борьба Каткова против внешней политики Гирса

Потеря влияния на болгарское правительство явилась серьезной неудачей царской дипломатии. Соглашение «трех императоров» потерпело крах, а вместе с тем серьезное поражение понесла и внешняя политика царского правительства, которая с 1881 г. ориентировалась на Германию и Австро-Венгрию. В свое время эта политика была выработана и начала осуществляться фактически тремя лицами — царем Александром II, Милютиным и Гирсом. После убийства Александра II Милютин вскоре получил отставку, но новый царь и Гирс продолжали старый политический курс. Против этого курса внутри русских господствующих классов нарастала оппозиция, а неудачи, которые царское правительство потерпело в Болгарии, помогли этой оппозиции развязать открытую кампанию против политики правительства, хотя действительные источники ее недовольства проистекали отнюдь не из болгарского вопроса.

Летом 1886 г. Катков, редактор газеты «Московские Ведомости», начал кампанию против политики Гирса. Закипела жаркая борьба вокруг основных вопросов внешней политики России. Германская ориентация Гирса отвечала интересам помещичьего класса. Правда, введенные в Германии в 1879 г. таможенные пошлины на импортный хлеб, вновь повышенные в 1885 г., жестоко задевали русских аграриев и вызывали в них раздражение против Германии. Однако это раздражение не могло серьезно повлиять на русско-германские отношения, ибо Германия попрежнему оставалась важнейшим рынком для русского хлеба и сырья. В 1879 г. она поглощала 30% русского экспорта. В условиях жестокого аграрного кризиса 80-х гг. найти замену для германского хлебного и сырьевого рынков было совершенно невозможно, и в интересах помещиков надо было во что бы то ни стало держаться за этот рынок. В силу этого помещичьи интересы требовали дружественных отношений с германским правительством, дабы предотвратить те трудности, которые оно могло чинить и действительно чинило на германском рынке русским аграриям в угоду прусским юнкерам. Монархическая солидарность в свою очередь

[4] Ch. Dilke, Present Position of European politics (London 1887).

влекла русскую аристократию и двор к Германии, и в той или иной мере этот мотив тоже оказывал свое влияние на внешнюю политику, равно как и упадок старого славянофильства, наступивший в 80-х гг.

Была еще и другая общественная группа, сочувствовавшая политической линии Гирса. Это были банковские и биржевые круги, в первую очередь, петербургские, весьма близкие к ним железнодорожные грюндеры и часть русской машиностроительной промышленности, именно та ее часть, которая работала на импортном угле и на импортном металле. Сюда относились прежде всего владельцы петербургских заводов, а также так наз. переделочных заводов в западных губерниях. Еще во времена Горчакова газета «Голос», умеренно-либеральный орган Краевского, был одновременно и рупором министерства иностранных дел и рупором железнодорожных грюндеров Полякова, Гюнцбурга и компании. Петербургская биржа выказывала к Гирсу неизменное благоволение, проявляя его на свой лад: на известия об укреплении его позиции она отвечала повышением курсов [1].

Еще недавно, в 70-х гг., биржа и железнодорожные грюндеры, как это было в то время во всей Европе, находились в зените своего процветания. В лице княгини Юрьевской они имели ходатая при русском дворе, либеральная таможенная и финансовая политика Рейтерна, равно как и практика сдачи железнодорожных концессий частному капиталу, полностью отвечали их интересам. Но в 80-х гг. внутри русской буржуазии на первое место стала быстро выдвигаться другая группировка, которая была заинтересована в экономической политике, во многом диаметрально противоположной той, которая была выгодна железнодорожным воротилам и финансировавшим их банкам. Владельцы металлургических и угольных предприятий Урала и Донецкого бассейна, в котором как раз тогда начиналось быстрое развитие промышленности, были заинтересованы вовсе не в том, чтобы получать как можно дешевле из-за границы рельсы, паровозы, вагоны и уголь, а в том, чтобы оградить свои заводы и шахты от конкуренции иностранного угля и металла. Они требовали перехода к протекционизму, и в этом с ними были согласны московские и ивановские текстильные фабриканты, добивавшиеся защиты от конкуренции иностранных тканей. Финансовые затруднения, связанные с подготовкой к войне, заставили правительство Александра II в 1876 г. вступить на путь повышения пошлин. В 80-х гг. требования протекционистов еще более, чем фискальные мотивы, толкали правительство к дальнейшему повышению пошлин, которые сплошь и рядом принимали запретительный характер. В 1882 г. был пересмотрен либеральный тариф 1868 г., а затем последовали одно за другим новые повышения пошлин [2]. Однако в обстановке

[1] Ламздорф, Дневник, 1886—1890 стр. 82.

[2] Соболев, История русско-германского торгового договора, стр. 13—19; «Министерство финансов», ч. 2, стр. 204 и сл.

борьбы за рынки, обостренной мировой депрессией 80-х гг., и эти — крайне высокие — пошлины казались заинтересованным промышленникам недостаточными, и протекционистские круги русской буржуазии не переставали требовать дальнейшего их повышения. Эти круги нашли себе влиятельного и искусного представителя в лице Каткова.

Русский промышленный протекционизм и усилия русского промышленного капитала по возможности монополизировать русский внутренний рынок, освободившись от иностранной конкуренции, весьма серьезно задевали интересы германской промышленности. До 80-х гг. она, можно сказать, царила на русском рынке. В 1879 г. 48% русского импорта поступало из Германии. Теперь германский капитал начал быстро терять свое былое положение на русском рынке: в 1889 г. доля Германии в русском импорте понизилась до 33%, причем абсолютная ценность германского экспорта в Россию за те же годы упала с 266 до 124 миллионов рублей [1].

Громче всех жаловалась на свою участь германская тяжелая промышленность — металлургическая и угольная. В числе недовольных был сам Крупп, но особенно большие потери несли промышленники Верхней Силезии. И Бисмарк, в качестве верного защитника интересов германского капитала, не остался глух к их жалобам.

Начиная с 1885 г., когда недовольство немецких промышленников особенно возросло, германское правительство предпринимает зависящие от него меры для того, чтобы удержать царское правительство от дальнейшего повышения таможенных пошлин. Оно не раз самым серьезным образом грозило русскому правительству, что повышение пошлин повлияет на отношение Германии к России. Германское правительство заявляло русскому, что на повышение русских пошлин Германия ответит новым повышением пошлин на хлеб и даже таможенной войной против России. В то же время Бисмарк намекал новому царскому послу в Берлине графу Павлу Шувалову, что в обмен за снижение русских тарифов он готов предоставить России «свободу действий» не только в Болгарии, но даже и в проливах [2]. Германскому правительству не удалось сломать русскую таможенную стену, но ему в ряде случаев удавалось воспрепятствовать её дальнейшему повышению. В 1886 г. оно добилось отказа русского правительства от уже подготовленного повышения пошлин на уголь и металл. В конце 1885 г. съезд русских железозаводчиков не ограничивался уже требованием повышения пошлин, а добивался установления квоты импорта иностранного металла в качестве переходной меры к полному запрещению ввоза через 7 лет [3]. Катков в

---

[1] Statistical abstracts for the foreign countries, 1879—1889, № 17, с. 114—115.

[2] Письма Шувалова Гирсу от 20 мая и 27 июня 1886 г. Архив внешней политики России, фонд канцелярии, дело «Берлин, 1886 г., 1».

[3] «Московские ведомости» 1886 г., № 20.

своей газете утверждал, будто «злые языки» говорят, что проект закона о повышении пошлин на железо «вносился даже в Государственный совет, но тотчас же по требованию князя Бисмарка был взят оттуда обратно» [1].

Катков и его газета далеко не всегда были настроены враждебно по отношению к Германии. В 1878—79 гг. в антигерманской кампании, которую тогда вела большая часть русской прессы, Катков правда тоже принимал участие, но при этом линия его газеты отнюдь не выделялась из типического поведения большинства других органов русской печати. В дальнейшем, в первой половине 80-х гг. он порой был склонен прямо таки словословить Бисмарка, восторгаясь его внутренней политикой, реакционность которой была любезна сердцу Каткова [2]. Только с 1886 г. Катков выступает в качестве решительного противника германской ориентации русской политики и начинает борьбу против Гирса, как ее носителя. Катков открыл в своей газете кампанию против «Союза трех императоров», требуя разрыва соглашения с Германией, Катков приходил к выводу о необходимости франко-русского сближения.

Поскольку царское правительство ориентировалось на Германию в своей внешней политике, оно вынуждено было в какой-то мере считаться с немецкими интересами в таможенных вопросах. Поднятая Катковым кампания против немецкой ориентации русской внешней политики имела своей целью побудить царское правительство покончить с тем приспособлением русской таможенной политики к интересам Германии, которое в известных пределах правительство считало необходимым [3]. Для достижения своей цели Катков доказывал, что сближение с Германией не принесло России никакой пользы — прежде всего в болгарском вопросе. Хотя Катков резко критиковал русскую политику в Болгарии, но по существу интересовало его, собственно говоря беспрепятственное проведение таможенной политики «в национальном духе». В этом убеждает простое сопоставление дат. Первое обострение болгарского кризиса приходится на вторую половину 1885 г. и первых трех месяцев 1886 г. Катков уже в то время полагал, что «Союз трех императоров» с точки зрения России себя не оправдал [4]. Но тогда это обстоятельство не побудило его начать борьбу про-

---

[1] «Московские ведомости» от 9 августа 1886 г. № 218; ср. № 137 от 1 июня (20 мая) 1886 г. «Неужели Силезия русскому министерству ближе чем Урал?», — язвительно спрашивал Катков. Ср. также № 163 от 27(15) июня 1886 г., где Катков писал о том, что намеченное повышение пошлин отложено «вследствие, как говорят, настояний из Германии». См. также № 141 от 5 июня (24 мая) и № 196 от 30(18) июля 1886 г.

[2] Катков, собрание передовых статей за 1885 г., стр. 1, 148 и др.

[3] В этой связи становится понятной ошибочность тезиса Покровского о «соперничестве русского и прусского помещиков на хлебном рынке», как об «основном смысле» русско-германского конфликта, второй половины 80-х гг. Об этом см. Сборник «Против антимарксистской концепции Покровского» ч. II, цит. соч., стр. 360—367.

[4] «Московские ведомости» № 87, от 28 марта 1886 г.

тив внешней политики правительства и открыть в своей газете кампанию против Германии. Он ограничивался отдельными колкостями, вроде замечания насчет того, что Германия слишком дорого ценит свою дружбу; декламациями против политики «европейского концерта» и т. д. [1]. И только в конце июля 1886 г. Катков вдруг поднял страшный шум по поводу того, что германский «союзник» предает русские интересы на Востоке. Он вспомнил об этом в момент, который был относительно самым спокойным в смысле положения болгарского вопроса на всем протяжении болгарского кризиса 1885—1887 гг. Очевидно, что в такую минуту вовсе не болгарские дела, а нечто другое заставило Каткова начать поход против русско-германского сближения. Что именно побудило к этому московского журналиста? Ответ на это подсказывается тем фактом, что как раз на май—август 1886 г. приходятся с одной стороны полемика Каткова с германской печатью по вопросу о повышении пошлин на уголь и железо, а с другой — временный отказ русского правительства от нового повышения этих пошлин. В это же время Катков ведет борьбу против экспорта в Россию германского капитала — против проектов Круппа об основании филиального завода в Николаеве, против «переделочных» заводов в Петербурге, Либаве, Сосновицах и др. Еще в марте 1886 г. Катков утверждал что «угорелая французская печать» клевещет на восточную политику России [2], а 24 июля 1886 г. Катков открыл свой поход против Гирса и «Союза трех императоров» [3] и принялся пропагандировать смену германской ориентации русской политики на французскую. Из появившейся в этот день статьи Каткова читатели могли узнать, что Франция никогда не выступит против России, в то время как германский канцлер на каждом шагу Россию обманывает. Катков иронически писал, что в случае англо-русского столкновения Бисмарк гарантирует России неприкосновенность московского кремля от нападения британского флота, а с Англии он одновременно что-нибудь да сорвет за предоставление ей свободы действий в тех районах, которые являются для нее фактически доступными. Еще резче все это было развито в нашумевшей статье от 31 июля 1886 г. В этой статье Катков писал, что в то время как Бисмарк уладил все интересующие его дела, «нас, между тем, вытеснили с Балканского полуострова». «Мало того, нас именем дружбы обязуют даже в нашем народном хозяйстве согласовываться с надобностями не своими, а чужой страны...» Катков настаивал на сближение с Францией. Французские реваншисты ухватились за эту статью и известная в свое время французская журналистка Адам перепечатала ее в своем журнале «Нувель ревю» [4]. Нельзя приписывать начатую Катковым кампанию разоблачениям Сабурова, который выдал Кат-

[1] Московские ведомости» 1886 г., №№ 35, 72 и др.
[2] «Московские ведомости», № 83, март 1886 г.; №№ 3 и 8 за тот же год.
[3] «Московские ведомости», № 190 от 24(12) июля 1886 г.
[4] «Нувель ревю» от 15 августа 1886 г.

кову государственную тайну, рассказав о существовании договора «трех императоров» и о его возобновлении в 1884 г. Это разоблачение было сделано Сабуровым уже через несколько месяцев после того, как Катков открыл кампанию против Гирса — зимой 1886 г. [1].

Современники понимали смысл пропаганды Каткова. Гирс объяснял германскому поверенному в делах, что «поворот в поведении Каткова связан с тем, что он лично заинтересован в предприятиях и спекуляциях ультрапротекционистских промышленников, которые сердиты на Германию за то, что она не хочет согласиться с дальнейшим повышением наших пошлин на железо и на уголь. Даже сам император на днях согласился со мной, — продолжал Гирс, — что политическое направление Каткова часто определяется весьма материальными причинами и целями» [2].

§ 15. Россия и опасность франко-германской войны в 1887 г.

В то время как в России развертывалась борьба между Катковым и Гирсом, в Западной Европе в конце 1886 и в особенности в январе 1887 г. обстановка приняла угрожающий характер — надвинулась опасность франко-германской войны. Царское правительство вынуждено было решать вопрос о том, какую позицию следует занять в случае, если война в самом деле разразится.

Широко распространенную легенду относительно миролюбия политики Бисмарка в период после франко-прусской войны необходимо полностью отбросить как одно из произведений буржуазных фальсификаторов истории. Политика Бисмарка в 70-х — 80-х годах носила агрессивный характер, и мысль о новом, на этот раз уже полном, разгроме Франции не покидала германского канцлера [3]. В конце 1886 г. с точки зрения интересов германских милитаристов сложилась благоприятная обстановка для начала войны против Франции: нельзя сказать чтобы внутреннее положение Германии делало войну нежелательной для германского правительства; соотношение вооруженных сил Франции и Германии давало немцам верные шансы на успех [4]; наконец, крикливая буланжистская агитация в пользу реванша доставляла германскому правительству материал для того, чтобы обмануть народные массы Германии, изобразив агрессивную войну против Франции в качестве «оборонительной».

---

[1] «Победоносцев и его корреспонденты», т. 1, стр. 690—691.

[2] Die Grosse Politik, т. V, № 977; ср. там же № 979, ср. также т. XIII, стр. 73 и Ibbeken Das aussenpolitische Problem, Staat und Wirtschaft in der deutschen Reichspolitik 1880—1914, стр. 135.

[3] В. М. Хвостов. Россия и германская агрессия в дни европейского кризиса 1887 г. «Исторические записки», вып. 18.

[4] Lucius von Ballhausen, Bismarckerinnerungen, стр. 354, 355, 357—358; Waldersee, Denkwürdigkeiten, том I, стр. 303, 309, 311. Die Grosse Politik, том VI. № 1234 и особ. примечание на стр. 154.

Но Бисмарк допускал возможность войны лишь при том условии, что она останется локализованной. Цель франко-германского поединка должна была привести по его мнению, к тому, чтобы обессилить Францию «на 30—40 лет», как он однажды выразился в откровенной беседе. Нейтралитет Австро-Венгрии после заключения австро-германского союза был Бисмарку обеспечен. С Англией он в данном вопросе не особенно считался, ввиду ее военной слабости на суше. Дело было в первую очередь за Россией. Именно она могла стать серьезнейшим препятствием для германской агрессии в Европе. Если бы война с Францией осложнилась участием России и превратилась для Германии в войну на два фронта, тогда обстановка изменилась бы коренным образом и военный успех Германии становился в этом случае более, чем сомнительным. Поэтому обеспечение нейтралитета России являлось для Бисмарка обязательной и важнейшей предпосылкой для развязывания войны против Франции. Несмотря на наличие соглашения «трех императоров», первая статья которого обеспечивала, казалось, такой нейтралитет, Германия никак не могла быть в нем вполне уверенной. Дело в том, что уже вскоре после заключения договора 1881 г. в русских правящих кругах и прежде всего у Александра III безоговорочная формулировка обязательства России сохранять нейтралитет во франко-германской войне, стала вызывать опасения. В русских правящих кругах было распространено мнение, что новый разгром Франции приведет к гегемонии Германии в Европе и подорвет безопасность России. В связи с этим в 1884 году при переговорах о продлении соглашения «трех императоров» на новое трехлетие — с 1884 по 1887 г. — Гирс, стремясь обеспечить согласие царя на продление этого соглашения добился от Бисмарка письменного заверения в том, что Германия ни в коем случае не намеревается напасть на Францию [1]. После этого политическая природа статьи первой австро-русско-германского соглашения, несмотря на неизменность ее текста, фактически существенно изменилась: обязательство России касательно нейтралитета отныне существовало одновременно с официальным заявлением Германии об отсутствии у нее намерения совершить нападение на Францию.

Наиболее надежный метод нейтрализовать Россию заключался для Бисмарка в том, чтобы связать ей руки на Востоке. Стремление запутать Россию в болгарских или других балканских вопросах привело к тому, что Бисмарк с ноября 1886 г. начал провоцировать царское правительство на активную политику в Болгарии и в проливах. Для наблюдательных современников было ясно, что в случае, если Россия будет связана новыми осложнениями на Востоке, то безопасность Франции окажется под угрозой. В этом смысле доносил своему правительству в 1886 г. французский посол в Берлине де-Курсель [2]. Если бы Россия увязла в

[1] Копия телеграммы Бисмарка Швейницу, врученная Швейницем Гирсу. Архив Внешней Политики России, Секретный архив, дело № 108.

[2] Documents Diplomatiques, серия 1, том VI, №№ 217 и 281.

какой-либо авантюре на Балканах, то вольно ли, невольно ли, но она была бы вынуждена гарантировать Германии свой нейтралитет и позволить ей разгромить Францию, что обеспечило бы гегемонию Германии во всей Западной Европе.

Русское правительство не поддавалось на провокации Бисмарка и в своей балканской политике было далеко от мыслей о каких-либо рискованных авантюрах. Но оно жаждало дипломатического содействия германского правительства для урегулирования тех многочисленных осложнений, которые доставлял ему болгарский вопрос. В конце 1886 г. царское правительство и лично Александр III были озабочены возможностью возвращения Баттенберга в Болгарию. И вот в начале января 1887 г. русское правительство послало в Берлин Петра Шувалова, брата нового русского посла в Германии, Павла Шувалова. Петр Шувалов прибыл со специальным поручением царя — просить, чтобы германский император не позволил Баттенбергу возвратиться в Болгарию, если бы тот возымел такое намерение. Бисмарк тут же обещал такое содействие и вскоре на этот счет русскому правительству было дано формальное обязательство.

Но Шувалов не ограничился выполнением поручения царя. Вместе с братом он завел с Бисмарком разговор о замене соглашения «трех императоров», срок которого истекал летом 1887 г. двойственным русско-германским договором без участия Австро-Венгрии. Братья Шуваловы совместно с Бисмарком 10 января 1887 г. составили проект такого договора. Согласно этому проекту Германия должна была признать за Россией «исключительное право осуществлять влияние в Болгарии, а также в Румелии в случае, если эта последняя объединиться с Болгарией». Далее устанавливалось, что «Россия может рассчитывать на дружественный нейтралитет Германии, если забота об интересах России заставит российского императора обеспечить закрытие проливов и сохранить в своих руках ключ от Черного моря». Со своей стороны Германия «сможет рассчитывать на такой же дружественный нейтралитет России во всяком конфликте, который мог бы возникнуть между Германией и Францией». Проект предусматривал, что «Россия и Германия, признавая, что существование Австро-Венгерской империи необходимо для поддержания европейского равновесия, обязываются ничего не предпринимать против ее территориальной целостности, за исключением случая агрессии со стороны Австрии». Наконец, согласно проекту, Германия и Россия «признают необходимость сохранения независимости Сербии» «под скипетром короля Милана» [1].

Беседа с Шуваловыми окрылила Бисмарка. На другой же день, 11 января 1887 г., он выступил в рейхстаге с речью, полной угроз по адресу Франции и почти подобострастной в отношении России. Это выступление явилось началом целой серии агрессивных мероприятий германского правительства против Франции.

[1] Die Grosse Politik, т. V., № 1063.

Германское правительство и прежде всего его глава не знали при этом, что в Петербурге проект Бисмарка и Шуваловых не получил одобрения. Бисмарк не подозревал, что Шуваловы действовали без инструкций, по своей инициативе и своему разумению и на свой собственный риск. Даже Гирс при всей своей склонности к соглашению с германским правительством нашел, что Шуваловы зашли слишком далеко. Он не одобрял возвращения к активной политике на Ближнем Востоке. Для него, как и для Александра III, соглашение с Германией было лишь средством обеспечения безопасности России от Англии, отчасти от Австро-Венгрии, но отнюдь не орудием дальнейшей экспансии на Ближнем Востоке. Ламздорф, который к этому времени стал ближайшим сотрудником Гирса, отметил в своем дневнике, что записка Шувалова «чрезвычайно слаба». «Он предлагает соглашение о соблюдении благожелательного нейтралитета в случае войны между Францией и Германией с сохранением неприкосновенности Австрии, независимости Сербии под скипетром Милана и все это лишь для того, чтобы за нами было признано право исключительного влияния в Болгарии и Румелии, когда последняя будет к ней присоединена, а также для обеспечения нейтралитета Германии на случай, если бы мы пожелали настаивать на соблюдении принципа закрытия проливов» [1]. «Я не могу скрыть от министра своего удивления по поводу того, — продолжает Ламздорф, — что государственный деятель, бывший послом и ведший переговоры на Берлинском Конгрессе, мог составить столь мало серьезный проект».

Что касается Гирса и Ламздорфа, то, возражая против проекта Шуваловых, они, однако, полностью одобряли самую мысль о возобновлении соглашения с Германией — без Австрии, поскольку соглашение с ней оказывалось невозможным после осложнений, наступивших осенью 1886 г. между нею и Россией. Иначе думал Александр III. У него явились колебания относительно самой необходимости возобновлять договор — хотя бы даже и с одной Германией. Гирса такая позиция царя устраивала еще менее, нежели проект Шуваловых. Ламздорф, в своем дневнике 17 (5) января 1887 г. следующим образом отзывается о настроении царя: «Повидимому, интриги Каткова или какие-нибудь другие пагубные влияния опять сбили нашего государя с пути». «Его величество высказывается не только против тройственного союза, но даже против союза с Германией» [2]. На следующий день Ламздорф сделал в своем дневнике следующую запись: «Вчера государь, говоря о национальных антипатиях к Германии, сказал министру: «прежде я думал, что это только Катков, но я убедился, что это вся Россия» [3].

17 (5) января, по указанию царя, Гирс сообщил Павлу Шувалову, что он «смотрит на предложение его брата князю Бис-

[1] Ламздорф. Дневник, 1886—1890, стр. 30—31.
[2] Там же, стр. 34—35.
[3] Там же, стр. 36.

марку, как на частный разговор двух друзей, который не может иметь никакого официального характера». Нехотя Гирс предписал Шувалову воздерживаться пока от высказываний по вопросу о возобновлении соглашений с Германией «ввиду нашей неуверенности в их судьбе» [1]. Положение Гирса пошатнулось. В Петербурге шли разговоры о его предстоящей отставке [2]. Как сообщает Ламздорф, от расстройства Гирс лишился сна.

Между тем, международная обстановка осложнялась. Нажим германского правительства на Францию и германские угрозы по адресу Франции приближались к кульминационной точке. 22 января 1887 г. Бисмарк предписал наместнику Эльзас-Лотарингии предпринять репрессивные меры против неблагонадежных французских элементов в аннексированных провинциях и при этом сообщил штатгальтеру что «он считает вероятным, что война возникнет не в слишком-то отдаленном времени» [3]. В эти же дни германскому поверенному в делах в Париже было предложено сообщить имеющиеся у него сведения относительно военных приготовлений Франции. Германский канцлер, очевидно, знал, что ничего более серьезного ему услышать не удастся — только этим можно объяснить, что он просил сведений относительно массовых закупок французским правительством леса на постройку бараков для размещения войск в пограничных районах и материалов для изготовления мелинита [4]. Канцлер раскрыл при этом в своем письме к поверенному в делах, зачем ему собственно говоря нужны эти сведения. Бисмарк писал, что его «занимает вопрос», «не следует ли обратить внимание французского правительства на то, что его военные приготовления заставляют сомневаться в его мирных намерениях» [5]. Слухи о том, что в Берлине готовятся сделать французскому правительству какое-то угрожающее представление проникли в печать. Со своей стороны немецкие правительственные органы заявляли о том, что необходимо получить от французского правительства объяснения по поводу сооружения бараков близ границы. С таким требованием 23 января 1887 г. выступила «Националь-Цайтунг». На другой день после этого 24 января разразилась паника на парижской и берлинской биржах [6]. В последующие дни германское правительство пошло еще дальше. 26 или 27 января 1887 г. им было принято решение призвать под знамена и сосредоточить на французской границе в Лотарингии 73 000 резервистов к 7 февраля 1887 г. под предлогом учебных сборов [7]. В последующие

[1] Ламздорф. Дневник, 1886—1890, стр. 34—35.

[2] Ламздорф. Дневник, 1886—1890, стр. 36, 47, 50; Toutin, Alexandre III et la Republique Francaise; стр. 168.

[3] Hohenlohe, Denkwürdigkeiten, том II, стр. 404.

[4] Die Grosse Politik, том 6, № 1242.

[5] Die Grosse Politik, том 6, № 1242.

[6] Docum. Diplomat., серия 1, том VI, № 408, стр. 417—418.

[7] Телеграмма Шувалова от 29(17) января 1887 г. Архив внешней политики России, фонд канцелярия МИД, дело «Берлин, 1887 г., 1» Ср. Waldersee, указ. соч., т. 1, стр. 311.

дни начальник германского генерального штаба Мольтке, его заместитель Вальдерзее и начальник императорского военного кабинета совместно наметили кандидатов на высшие командные должности в предстоящей войне [1]. 28 января Бисмарк заявил французскому послу, с которым он не встречался до этого в течение нескольких недель, что если генерал Буланже станет председателем совета министров или президентом республики, то последует война [2]. 2 февраля Бисмарк повторил это английскому послу [3]. Через 2 дня после встречи с французским послом Бисмарк сообщил о своей беседе с ним на заседании прусского совета министров и при этом заявил о «возможности возникновения войны в течение ближайших же недель». На этом же заседании он известил министров, что поскольку рейхстаг соберется только после выборов, «на следующей неделе в прусский ландтаг должен быть внесен закон, санкционирующий выпуск займа в 300 млн. марок на покрытие первых военных надобностей». «Это означает войну», — записал в своем дневнике один из членов прусского правительства Люциус фон Бальгаузен [4]. В ближайшие же дни законопроект был одобрен прусским советом министров [5].

В такой обстановке 21 января 1887 г. французский министр иностранных дел Флуранс посетил русского посла в Париже барона Моренгейма. Флуранс был очень взволнован. Он заявил послу, что прибыл для того, чтобы обратить его внимание на неоспоримые симптомы агрессивных намерений Германии. Сообщая в Петербург об этой беседе, Моренгейм одновременно информировал русское правительство о том, что «по дошедшим слухам», французское правительство желало бы иметь уверенность в моральной поддержке русского правительства на случай, если бы Германия предъявила французскому правительству требование относительно разоружения Франции [6]. Повидимому, это пожелание было доведено до сведения русского посла через журналиста Ганзена, имевшего тесные связи с французским министерством иностранных дел. Ганзен сообщает в своих мемуарах о том, что Флуранс обращался к нему с просьбой переговорить об этом с русским послом.

Гирс намеревался дать Флурансу весьма сдержанный ответ, сообщив ему, что русское правительство не сомневается в миролюбии Бисмарка. Однако, Александр III держался иного мнения. Возможно, что царь находился под влиянием аргументации Каткова, который как раз в эти дни представил Александру III записку с протестом против каких бы то ни было обязательств России перед Германией относительно соблюдения нейтралитета в

---

[1] Waldesee, указ. соч., стр. 313—315.
[2] Documents Diplomatiques., серия 1, том 6, № 415, стр. 426.
[3] Там же, № 419, стр. 433.
[4] Licius von Ballhausen, указ. соч., стр. 366.
[5] Там же, стр. 367.
[6] Ламсдорф, Дневник, 1856—1850, стр. 45—46; ср. Горяинов. The End of Alliance of the Emperors, в American Historical Review за 1918 г., стр. 331.

случае франко-германской войны [1]. Какова бы ни была тут роль Каткова, но во всяком случае царь отклонил проект ответа Моренгейму, представленный ему Гирсом. Александр наложил на этот проект следующую резолюцию: «Мы ничего не знаем про намерения князя Бисмарка, так что же мы будем их (т. е. французов — В. Х.) успокаивать. От Бисмарка можно всего ожидать» [2]. На просьбу французов о моральной поддержке в случае, если Германия потребует разоружения Франции, царь реагировал следующей пометкой на донесении Моренгейма: «Конечно, да» [3].

Гирс не сообщил Моренгейму об отношении Александра III к тем заявлениям, которые французы сделали русскому послу. Гирс ограничился тем, что в тот же день (22 января 1887 г.) поручил Шувалову осведомиться у Бисмарка «имеют ли сведения Моренгейма какое-либо основание» [4].

26 (14) января, выполняя поручения министра, Шувалов встретился с германским канцлером. Во время этой беседы речь шла о двух вопросах: во-первых, об опасности войны между Германией и Францией; во-вторых, об ответе германского кайзера на обращение царя по поводу возможности реставрации Баттенберга. В отношении военной опасности канцлер с обычным своим лицемерием рассыпался перед Шуваловым в самых успокоительных заверениях. По делу Баттенберга Бисмарк дал самые категорические заверения в желательном для царя смысле, которые через несколько дней (30 января) были подтверждены личным письмом императора Вильгельма царю [5]. В этой беседе Шувалов ни словом не упомянул о заключении русско-германского соглашения. «Его величество, — писал в связи с этим Гирс Шувалову в письме от 2 февраля (21 января) 1887 г., отвечая на донесение посла о его беседе с Бисмарком, — высоко оценил Вашу сдержанность в деликатном вопросе о возобновлении нашего секретного соглашения». «Император не считает момент подходящим для того, чтобы начинать переговоры на этот счет». При существующих напряженных отношениях между Германией и Францией, — продолжал Гирс, — России не следует торопиться связывать себе руки [6].

Молчание Шувалова относительно договора имело бо́льшее значение, чем все то, что он сказал в беседе с германским канц-

---

[1] Записка Каткова от 20(8) января («Красный архив», № 58, стр. 77—79).

[2] Ламздорф, Дневник, 1886—1890, стр. 39.

[3] Там же, стр. 45—46.

[4] Архив внешней политики России, фонд Канцелярии МИД, «Берлин, 1887, II»; телеграмма Гирса Шувалову от 10(22) января 1887 г.; ср. Ламздорф, указ. соч., стр. 43, 46, 49; Toutin Alexandre III et la Republique Francaise, стр. 175—176; Doc. Dipl. серия 1, т. 6, № 422, прим. 2.

[5] Архив внешней политики России, фонд Секрет. архива, дело № 105, 111, 112; письмо Шувалова Гирсу от 26(14) января 1887 г. Die Grosse Politik, т. 5, № 1033.

[6] Архив внешней политики России, фонд. Секретного архива МИД, дело № 107, письмо Гирса от 2 февраля (21 января) 1887 г.

лером. Это молчание поколебало канцлера в его расчетах купить нейтралитет России.

На другой день, 27 января 1887 г. Бисмарк вызвал одного из наиболее доверенных своих журналистов Морица Буша. Он предложил Бушу выступить в печати во враждебном России духе. В ходе беседы Бисмарк заметил, что если Россия и позволит Германии разбить Францию, то она во всяком случае «вряд-ли дозволит нам так использовать победу, чтобы основательно ослабить Францию на ближайшие 30 или 40 лет, как это следовало бы сделать» [1].

Но германский канцлер в результате визита Шувалова был только поколеблен в уверенности, что он в состоянии обеспечить себе нейтралитет России на случай войны против Франции. Он еще не полностью освободился от иллюзий на этот счет. В связи с этим и угрозы по адресу Франции еще продолжались после разговора с Шуваловым в течение полутора недель. Молчание Шувалова несомненно означало оттяжку решения. Эта оттяжка вызывала у Бисмарка сомнение в благополучном исходе дела и возбуждала тревогу. Но молчание все-таки не отказ. Бисмарк ждал.

Однако в соответствии с полученной им инструкцией, Шувалов и в последующие дни ничего не сообщал германскому правительству относительно судьбы проекта русско-германского договора. «Согласно Вашим желаниям, я продолжаю хранить самое полное молчание в деликатном вопросе о возобновлении нашего соглашения», — доносил Шувалов Гирсу 15 (3) февраля 1887 г. В конце концов, слишком долгое промедление с ответом сделало для Бисмарка очевидным, что проект Шувалова не получил одобрения со стороны русского правительства. В связи с этим в начале февраля наступило разряжение франко-германских отношений, и 6 февраля французский посол в Германии смог сообщить своему правительству о наступившем успокоении [2]. 20 февраля в заграничном официозе русского правительства, брюссельской газете «Nord», появилась статья, которая положила конец всяким сомнениям относительно позиции России в франко-германском конфликте. В этой статье было напрямик заявлено о том, что Россия, в случае новой франко-германской войны, не сможет соблюдать такой же благожелательный (в отношении Германии) нейтралитет, как в 1870 г., так как петербургский кабинет ни при каких условиях не может допустить нового ослабления Франции. Чтобы иметь на этот случай руки свободными, Россия будет избегать всякого конфликта с Австро-Венгрией и Англией и предоставит болгарские дела их собственному течению [3]. Отказ русского правительства гарантировать нейтралитет России в случае войны

---

[1] Busch, Tagebuchblätter, том 3, стр. 214.
[2] Documents. Diplomatiques, серия 1, том VI. № 426. ср. № 435.
[3] Schulthess Europäischer Geschichtskalender, 1887, с. 433.

между Германией и Францией расстроил расчеты германского правительства на локализацию этой войны. Тем самым Россия спасла Францию от угрожавшей ей опасности. Россия еще раз предотвратила возможность нападения Германии на Францию — как она однажды уже сделала это в 1875 году.

§ 16. Заключение русско-германского договора «перестраховки»

В результате позиции, занятой русским правительством в отношении франко-германской войны, оно почти тотчас же оказалось перед фактом сильнейшего нажима со стороны Германии. Германское правительство рассчитывало добиться своего от России не мытьем, так катаньем. 17-го февраля 1887 г. канцлер телеграфировал германскому послу в России Швейницу, что поскольку предложение Шувалова осталось без всякого отклика, то он заключает, что это предложение не имело успеха [1]. Он запретил Швейницу начинать с русскими какие бы то ни было разговоры о русско-германском соглашении, не желая создавать в Петербурге впечатления, что Германия в этом соглашении особенно нуждается [2]. На самом деле Бисмарк задумал угрозами побудить русское правительство ввести свою политику в угодное ему русло. В тот же день 17-го февраля германскому послу в Константинополе было предписано прекратить всякую поддержку русской дипломатии в болгарском вопросе. Причем, Бисмарк пояснил послу, что эта директива вызвана «неясностью относительно поведения России» в случае франко-германского конфликта. Послу вместе с тем предписывалось оказывать поддержку английской политике [3].

Вслед за этим германское правительство стало подготовлять новый удар России, приступив к подготовке законопроекта, предусматривающего дальнейшее повышение пошлин на хлеб, причем эта подготовка сопровождалась антирусской кампанией в печати. Швейниц сообщает в своем дневнике, что 27 февраля 1887 г. он получил из Берлина извещение «о начале газетной и таможенной войны» [4]. При этом Швейницу было предписано сделать Гирсу следующее сообщение: «Мы потеряли надежду получить от России справедливую оценку наших усилий облегчить ей разрешение болгарских затруднений... До сих пор мы сопротивлялись требованиям нашего сельскохозяйственного населения, которое добивается защиты своих интересов. Мы избегали возбуждать русское общественное мнение. Теперь, видя, что мы не

---

[1] Die Grosse Politik, т. V, № 1007, ср. № 1034.

[2] Там же, № 1068, 1070.

[3] Там же, т. V, №№ 1007, 1034, 1068, 1070; ср. Radowitz, Aufzeichnungen und Erinnerungen, том II, стр. 226—227; Schweinitz, указ. соч., т. II, стр. 334—335.

[4] H. Schweinitz, указ. соч., т. II, стр. 365.

встречаем взаимности и что подготовляемые таможенные меры направлены против нас, нам становится затруднительным не заняться своими собственными интересами»[1]. Отныне Россия оказывалась под непрерывным давлением со стороны Германии, причем это давление осуществлялось и в чисто дипломатической, и в экономической, и в финансовой области.

Германское правительство пыталось силой поставить Россию на колени, но в то же самое время оно не прекращало дипломатического зондирования, стараясь выяснить, не склонно ли русское правительство пойти наконец на уступку и заключить с Германией сделку, гарантировав ей свой нейтралитет. 23 февраля 1887 г. сын канцлера, Герберт Бисмарк, занимавший должность статс-секретаря иностранных дел, поручил германскому послу в Петербурге высказываться перед русскими в том смысле, что было бы совершенно ошибочно предполагать, что после победоносной войны с Францией Германия станет чинить России препятствия на Черном море: «наши интересы ни в коем случае не будут затронуты, если Россия распространит свое господство на Черном море из южной Болгарии до проливов»[2]. 2 марта Швейниц, беседуя с Гирсом[3], упомянул о том, что в 1884 г. при возобновлении «Союза трех императоров» русское правительство выражало опасения, как бы Германия не напала на Францию. Бисмарк, — рассказывал Швейниц Гирсу, — вспомнил об этом обстоятельстве. Канцлер готов и сейчас подтвердить сделанное им тогда заявление, что он скорее уйдет в отставку, нежели согласится совершить такое нападение. «Но если вопреки всякому предвидению, — продолжал Швейниц, — если вопреки намерениям Германии война все же начнется, что тогда произойдет? Этот вопрос, по мнению канцлера, следовало бы «улубить». Не теряя времени, посол тут же и взялся за такое «углубление». Он принялся заверять Гирса, что русским не следует сомневаться «в искренности внутреннего убеждения канцлера относительно невозможности полного уничтожения Франции». Ведь еще и сегодня польский вопрос доставляет большие трудности, и пример Польши доказывает, что в случае победы Германии будет трудно «сохранить господство над такой страной, как Франция».

Эти слова трудно читать без улыбки. Нечего сказать, хорошее это было успокоение: знать, что в с ю Францию Бисмарк аннексировать не собирается! К тому же последующие слова Швейница обнаруживают, что, говоря о трудностях господства «над такой страной, как Франция», Бисмарк имел в виду именно невозможность полной и формальной аннексии французской терри-

---

[1] Документы из личного архива Швейница, опубл. в „Archiv fur Politik und Gesch t", 1923, кн. I, стр. 77.

[2] Цит. по Trützschler von Falkenstein. Bismarck und die Kriegsgefahr des Jahres 1887, стр. 62.

[3] Архив внешней политики России, фонд Секретного архива МИД, д. № 107. Запись этой беседы Гирса со Швейницем, написанная рукой Ламздорфа.

тории: «Германия, — продолжал Швейниц развивать мысли канцлера, — предпочитает ограничиться тем, что включит Францию в сферу своего влияния, стараясь привлечь ее на свою сторону полнейшим великодушием», — «как Австрию после 1866 г.». Что и говорить, программа канцлера не страдала отсутствием размаха.

Если сопоставить письмо Герберта Бисмарка Швейницу и эту беседу Швейница с Гирсом, то получается совершенно определенная программа русско-германской сделки: германское правительство любезно предоставляло царю свободу рук на Востоке, в обмен за такую же свободу рук для Германии в отношении Франции.

В менее официальных беседах эта программа развивалась германской дипломатией с еще большей откровенностью. В начале марта германский посол в Константинополе Радовиц, беседуя со своим русским коллегой Нелидовым, «откровенно предложил соглашение обеих сторон на основе их взаимных интересов. Наши интересы сосредоточены на Востоке», резюмировал слова Радовица Гирс. «Германия их полностью признает и предоставляет нам полную свободу действий. Ее интересы лежат на Рейне, и она ожидает нашего нейтралитета на случай возникновения войны там» [1].

Получив донесение Нелидова, Гирс сообщил в Берлин Шувалову о предложениях Радовица и вновь высказал при этом свое давнее пожелание о том, чтобы германское правительство помогло России разрешить болгарский вопрос в желательном для нее смысле. В письме Гирса не было однако ни намека на возможность соглашения с Германией на началах, предложенных Радовицем. Тем не менее, Гирс, поскольку это от него зависело, продолжал вести линию на возобновление соглашения с Германией, хотя и на другой основе, нежели та, которую предлагал немецкий дипломат. Главной причиной, которая не позволяла русскому правительству согласиться на сделку, намеченную в проекте Бисмарка и Шуваловых от 10 января 1887 г. и теперь вновь предложенную Радовицем, была заинтересованность России в сохранении Франции, как независимой великой державы.

Поскольку Россия продолжала вести независимую политику, германское правительство старалось вредить ей по мере своих возможностей и сил. Оно поощряло Стамбулова пригласить в Софию Баттенберга, и советовало болгарским регентам восстановить его на престол. Оно рекомендовало им провозгласить полную независимость Болгарии, порвав вассальные отношения к султану. Оно подсказывало болгарским правителям также и разные другие столь же провокационные действия. Бисмарк интриговал не только в Софии, но и в Лондоне: он уговаривал английского премьер-министра Солсбери со своей стороны поощ-

[1] Архив внешней политики России, фонд Канцелярии МИД, дело «Берлин, 1887, II».

рить болгарских правителей на такие поступки, которые явились бы провокацией по адресу царя. Он втайне работал над организацией англо-австро-итальянского блока в целях противодействия России на Ближнем Востоке и Франции в Средиземном море и в Сев. Африке и побуждал Солсбери пригласить турецкого султана присоединиться к этому блоку, желая вовлечь и Турцию в антирусскую группировку [1].

Работая над созданием коалиции против России, германское правительство однако свои собственные руки стремилось сохранить при этом свободными. «Мы не можем ставить наши решения о войне или мире с Россией в зависимость от Англии или Турции», писал по этому поводу германский канцлер [2]. Стараясь вовлечь Турцию в англо-австро-итальянскую «Средиземноморскую антанту», образовавшуюся как раз в это время, он отказывал Турции в принятии ее в Тройственный союз, поскольку в этом союзе участвовала сама Германия. Смысл этих маневров и ухищрений Бисмарка можно охарактеризовать словами Солсбери, по мнению которого «князь Бисмарк желал войны с Францией», а когда Бисмарку стало очевидно, что Россия не согласится гарантировать свой нейтралитет, «князь постарался посеять вражду между Россией и Болгарией, надеясь, что в таком случае руки царя будут слишком заняты, чтобы позволить ему вмешаться в пользу Франции» [3]. Даже один германский автор был вынужден признать, что, поощряя возвращение Баттенберга, Бисмарк стремился «поджечь фитиль у болгарской мины и вызвать всеобщий взрыв» — иначе говоря, разжечь англо-австрийскую войну против России [4].

В связи с этим французское правительство, которое оценивало положение так же, как и Солсбери, 15 февраля 1887 г. обратилось к русскому правительству со своего рода призывом и предостережением. Флуранс поручил французскому послу в России довести до сведения русского правительства следующее: «Если Россия попадет в ловушку, которая расставлена для нас, — для нас и для нее; если она ввяжется в большую войну на Востоке, мы тотчас подвергнемся нападению на нашей восточной границе. Изобретая одну хитрость за другой и предлог за предлогом, Германия сосредоточила 120 тысяч на расстоянии выстрела от французской границы» [5]. Гирс заверил французов, что Россия не ввяжется в конфликт на Востоке [6].

---

[1] G. Cecil. I ife of Salisbury, т. IV, стр. 25—27; Corti. Указ. соч., стр. 294. 298; автореферат книги Панаиотова „Русско-ниеметските отношение и булгариат вопрос при 1887 године". („Hist. Zeitschrift", кн. 152, вып. 2).

[2] Holborn. Bismarck und die Turkei, с. 53—54.

[3] G. Cecil указ соч., т. IV, стр. 26—доклад Солсбери королеве от 4 апреля 1887 г.

[4] Rachfahl. Deutschland und die Weltpolitik, B. I, Stuttgart, 1923, стр. 678 и сл.

[5] Documents. Diplomatiques. сер. 1, т. VI, № 441.

[6] Там же, № 447; E. Toutin. Указ соч., стр. 189—192.

Тем не менее в Париже продолжали тревожиться. В середине марта Флуранс писал: «Мне кажется, что отношение Германии к России и Болгарии существенно изменилось». «Теперь она готова одобрить все эксцессы (болгарских правителей — В. Х.) и подстрекать их на то, чтобы уязвлять самолюбие русского народа и его государя» [1].

Гирс и Ламздорф, решительно отклоняя проект Шуваловых, оставались ревностными сторонниками соглашения с Германией, хотя и не на основе развязывания русской агрессии на Востоке, а германской — на Западе. Они старательно сочиняли записки, в которых пытались доказать царю необходимость возобновить переговоры о русско-германском соглашении и обосновывали нецелесообразность союза с Францией, которого добивался Катков. Гирс и Ламздорф при этом ссылались на то обстоятельство, что «республиканское правительство не раз выказывало себя немецким из страха» [2]. Что касается позиции царя, то 28 января 1878 г. он несколько поколебался в отрицательном отношении к договору с Германией и уведомил Гирса, что по «чрезвычайно важному» вопросу о русско-германском договоре у него «еще не установилось определенного мнения» и «окончательно» он сказать ничего не может. Во всяком случае царь заявлял, что предпочитает «тройственному союзу двойственный с Германией» [3]. В таком положении вопрос о заключении русско-германского договора оставался без движения около двух месяцев. Вскоре влияние Каткова снова пересилило: «Все неудовольствие Бисмарка ясно, — писал Александр III, — он понял, что раздавить Францию ему не дадут, вот и все» [4].

Однако враждебные действия германского правительства не замедлили доставить России серьезные трудности. Прежде всего это сказалось на отношениях России с Турцией. «Наш посол в Константинополе свидетельствует, — писал Ламздорф в одной из только что упомянутых записок, — что германское влияние является решающим у султана. Расположение султана меняется в соответствии со степенью интимности, существующей между им-

---

[1] Documents Diplomatiques серия 1, т. VI, № 470; В „Grosse Politik" отсутствуют какие-либо данные об этом этапе в болгарской политике Бисмарка. Издатели Grosse Politik, придерживаясь лживой версии, изложенной Бисмарком в его мемуарах, опубликовали по болгарскому вопросу только документы, относящиеся к таким периодам германской политики, в Болгарии когда Бисмарк поддерживал русских. Ввиду этого большие фазы в развитии болгарского вопроса в Grosse Politik почти не нашли освещения. Так, напр., отсутствуют документы за время с января по апрель 1886 г., за март, октябрь и ноябрь 1887 г. Понятно, что германская публикация дает фальсифицированное представление о политике бисмарковского правительства в Болгарии.

[2] Архив внешней политики России, фонд Секретного архива МИД, д. № 101/109 — „Notice trés secréte, часть первая от 31(19) января 1887 г., часть вторая от 13(1) марта 1887 г. Обе части написаны рукой Ламздорфа.

[3] В. Ламздорф, указ. соч., стр. 56.

[4] Там же, копия резолюции царя на донесения Шувалова от 7 марта (23) февраля 1887 г.

ператорским кабинетом и Берлином». Ухудшение русско-турецких отношений было существенным ударом для Петербурга, поскольку русское правительство рассматривало русско-турецкое сотрудничество в качестве лучшей гарантии безопасности России на Черном море [1].

Новые осложнения ждали Россию и в Болгарии. Выше уже говорилось о той провокационной политике, которую вел Бисмарк в Софии. Выдвинутая царским правительством на болгарский престол кандидатура князя Мингрельского потерпела фиаско. Такая же судьба постигла и другой прожект, придуманный Гирсом: заменить болгарское регенство во главе со Стамбуловым, состоявшее из людей, продавшихся Австро-Венгрии, одним «временным» регентом. Проекты эти были мертворожденными, и создается впечатление, что Гирс выдвигал их просто потому, что считал необходимым хоть «что-то» да предпринять в целях разрешения болгарского вопроса. У него нехватало духу откровенно расписаться в неспособности вернуть утерянные в Болгарии позиции. В связи с неудачами русской политики в болгарском вопросе Нелидов сообщал: «Если бы... берлинский кабинет стал поддерживать» русские предложения «перед Портою, я не сомневаюсь, что это послужило бы к скорейшему и успешному с ее стороны соглашению, наперекор уверениям великого визиря (англофила Киамиля-паши — В. Х.), который представляет султану Россию совершенно уединенною, бессильною предпринять какие-либо решительные действия в Болгарии и, следовательно, обязанною в конце концов согласиться на решение этого вопроса в приятном Европе, а не одной России смысле» [2]. Александр III лаконично резюмировал положение, создавшееся для него теперь в Константинополе: «Толковать с султаном все равно, что воду толочь. Не стоит» [3].

В Петербурге не без основания опасались, что Бисмарк интригует также и в Вене, занимая и там резко враждебную России позицию. Еще в конце февраля советник российского министерства иностранных дел Жомини указывал в записке на имя Гирса, что без соглашения с Германией Россия «не будет иметь возможности использовать влияние князя Бисмарка чтобы заставить Австрию умерить свою враждебность по отношению к нашим интересам» [4].

В конце концов все эти трудности на Ближнем Востоке позволили Гирсу добиться согласия царя на возобновление пере-

---

[1] Архив внешней политики России, ф. Секретного архива МИД, д. № 107. — «Исторический обзор», написанный рукой Ламздорфа.

[2] Архив внешней политики России, ф. канд. МИД, дело «Константинополь», 1887, 1. — Депеша Нелидова № 74 от 28(16) апреля 1887 г.

[3] Архив внешней политики России, ф. канц. МИД, дело «Константинополь», 1887 г. Помета царя на депеше Нелидова № 74 от 28(16) апреля 1887 г.

[4] Архив внешней политики России, ф. секретного архива МИД, д. № 107. Записка Жомини от 27(15) февраля 1887 г.

говоров с Германией относительно замены соглашения «трех императоров» истекавшего в июне 1887 г., новым договором. Соглашение с Германией в том смысле, как это предлагали Бисмарк и Шуваловы в январе 1887 г., было признано в Петербурге неприемлемым. Приходилось думать об иной основе для такого соглашения.

19 марта после двухмесячного молчания Гирс, наконец, заговорил со Швейницем о желательности возобновления договора между Россией и Германией, без участия Австро-Венгрии. Гирс подчеркнул, что это возможно только при условии строжайшей секретности [1]. Он боялся, как бы о переговорах не проведал Катков. Катков оставался опасным, несмотря на то, что как раз в это время замечалось охлаждение к нему со стороны царя в связи с тем, что Катков в своей газете разоблачил существование договора «трех императоров» [2].

13 апреля 1887 г. Гирс приступил к предварительным переговорам о заключении русско-германского политического договора с германским поверенным в делах Бюловым. В беседе с Бюловым Гирс начал с жалоб на положение дел в Константинополе. Он указал, что с августа 1886 г. по февраль 1887 г. Порта придерживалась скорее русской ориентации, но теперь она поддерживает Стамбулова, и султан в качестве сюзерена Болгарии отказывается назначить на место Стамбулова нового, приемлемого России регента. Гирс жаловался, что султан не верит больше в возможность русско-германского соглашения, и поэтому обращает мало внимания на пожелания и интересы России. «Это вина Каткова», — отметил Бисмарк на полях донесения Бюлова. Далее Гирс заявил, что об оккупации Болгарии Россия не помышляет и может приступить к ней только в «исключительной крайности». Ввиду этого, по его мнению, только путем совместного воздействия держав на Порту и на самих болгарских регентов можно добиться их отставки и освободить место для «временного регента», назначенного султаном из числа таких кандидатов, на которых царь мог бы дать согласие [3].

С осени 1886 г.,— продолжал Гирс,— России в ближне-вос-

---

[1] Die Grosse Politik, т. V, № 1076.

[2] Феоктистов. За кулисами политики и литературы, стр. 253—256, 258 и сл. Немного позже, в конце мая, Гирсу удалось еще более ухудшить отношение царя к Каткову. В дальнейшем царь снова вернул свое благоволение московскому журналисту, но это случилось за несколько дней до смерти этого противника германской ориентации российской внешней политики. Катков умер в июле 1887 г. (там же, стр. 260 и сл.). Для характеристики обоих конфликтов Каткова с царем (в апреле и мае 1887 г.) ср. также письма К. П. Победоносцева Александру III, т. II, стр. 141—144; 150; см. также «Победоносцев и его корреспонденты», т. I, стр. 644—645, 684—685, 688, 689—693, 711—720, 793—794; 30 мая 1887 г. последовало увольнение в отставку генерала Богдановича, которого считали правой рукой Каткова. См. также Dokuments Diplomatique сер. I, т. VI, № 552, 553, Die Grosse Politik, т. V, № 1094; т. VI, № 1213: Schweinitz. Указ. Соч., т. II, стр. 346.

[3] Die Grosse Politik, т. V, № 1034, 1035.

точных делах обеспечена поддержка Франции. Но на Вену и на Рим можно воздействовать только через германское правительство. Если бы удалось договориться с Германией, то в оппозиции к России оставалась бы одна Англия. Гирс утверждал, что оппозицию Англии Россия сумеет сломить, оказав на нее нажим в Средней Азии [1].

Затем Гирс перешел непосредственно к вопросу о возобновлении договора с Германией и довольно прозрачно намекнул Бюлову, что согласие царя на заключение договора находится в зависимости от услуг, которые Германия захочет оказать России в болгарском вопросе [2]. Пометы Бисмарка свидетельствуют, что он в общем был согласен со всем, о чем его просил Гирс, но считал полезным «выждать» [3].

24 апреля 1887 г. Гирс совместно с вызванным для этой цели в Петербург Павлом Шуваловым докладывал царю по вопросу о договоре с центральными державами и получил официальное согласие царя на возобновление договора с одной Германией, без привлечения Австро-Венгрии [4]. 29 апреля Гирс в беседе со Швейницем изложил ему общие основы будущего договора: Россия обязывается перед Германией соблюдать нейтралитет в случае франко-германской войны «без оговорки, что Германия не нападет на Францию», удовлетворяясь прежним заявлением, сделанным германским правительством в 1884 г. относительно того, что оно не имеет намерения нападать на Францию. В инструкции Шувалову Гирс поручал послу заявить Бисмарку, что «наше обязательство соблюдать нейтралитет в случае войны между Германией и Францией не может обозначать, что мы остаемся равнодушными свидетелями смертельного удара, нанесенного одной из воюющих сторон» [5]. В обмен Гирс просил у немцев обязательства, что Германия: 1) признает право России на «исключительное влияние в Болгарии», 2) будет всеми дипломатическими средствами противодействовать всякому несогласованному между Германией и Россией изменению существующего порядка на Балканах и 3) обязуется способствовать соблюдению султаном принципа закрытия проливов. Гирс не соглашался на пожелание немецкой стороны относительно гарантии территориальной целостности Австро-Венгрии, предусмотренной в проекте Шуваловых и Бисмарка от 10 января. Гирс предлагал удовольствоваться заверением, что покушение на Австро-Венгрию не входит в намерения русского правительства. Гирс высказывался против включения в договор каких-либо условий, касающихся захвата проливов [6].

---

[1] Die Grosse Politik, т. V, № 1034.

[2] Там же, № 1072.

[3] Там же, №№ 1034 и 1072; пометы Бисмарка (особенно №№ 4, 6 и 9 к документу № 1034 и № 1 к документу № 1072).

[4] Там же, № 1073.

[5] Архив внешней политики России, фонд Секретного архива МИД, дело № 107, письмо Гирса Шувалову от 3 мая (21 апреля) 1887 г.

[6] Ср. Die Grosse Politik, т. V, № 1076. стр. 229–230.

В инструкции Шувалову Гирс указывал, что не следует включать в договор статью о согласии Германии на установление контроля России над проливами, если это согласие придется покупать какими-либо дополнительными уступками. Но если последних не потребуется, то подтверждение Бисмарком такого согласия признавалось полезным [1]. Такое отношение Гирса свидетельствует о том, как мало интересовал главу русской дипломатии вопрос о захвате проливов, совершенно не входивший в рассматриваемый период в сферу практической политики русского правительства.

В Петербурге был составлен проект договора, отвечающий только что изложенным идеям, и в начале мая 1887 г. Шувалов привез этот проект в Берлин в качестве базы для переговоров с Бисмарком [2].

Те изменения, которые претерпел в ходе переговоров проект Гирса, глубоко симптоматичны для природы русско-германских отношений того времени.

В начале мая 1887 г. Павел Шувалов прибыл в Берлин и 11 мая приступил к обсуждению с Бисмарком привезенного им из Петербурга проекта русско-германского договора. И тут почти с первых же слов еще раз подтвердилось, что объективная международная обстановка оставляет для русско-германского соглашения довольно узкие рамки.

Первая статья первоначального русского проекта гласила: «В случае, если одна из высоких договаривающихся сторон окажется в войне с третьей державой, другая будет со своей стороны соблюдать благожелательный нейтралитет и приложит усилия к локализации конфликта» [3]. Вокруг этой-то статьи и сосредоточились основные разногласия.

Бисмарк заявил Шувалову, что он не может допустить нападения России на Австрию. Он открыл портфель, извлек из него документ и к величайшему изумлению Шувалова прочитал ему текст австро-германского союзного договора, согласно которому в случае нападения России на Австро-Венгрию последней была обеспечена военная помощь Германии. Бисмарк лицемерно рассыпался в сожалениях по поводу того, что обстановка 1879 г. принудила его заключить этот союз, но подчеркнул, что теперь он бесповоротно связан этим союзным договором. Ссылаясь на это, Бисмарк предложил ограничить содержание первой статьи будущего русско-германского соглашения, оговорив, что содержащиеся в ней обязательства не распространяются на случай нападения России на Австрию.

Русский посол принялся протестовать: «Если неожиданные осложнения на Балканах испортили бы наши отношения к Ав-

---

[1] Архив внешней политики России, фонд Секретного архива МИД, дело № 107, письмо Гирса Шувалову от 3 мая (21 апреля) 1887 г.

[2] Die Grosse Politik, т. V. № 1076.

[3] Там же, № 1076, стр. 230.

стрии, кто же смог бы определить, которая из сторон является нападающей?» — спрашивал Шувалов. «Опасения, что Россия нападет на Австрию,— заявил он,— совершенно неосновательны, разумеется при условии, что венский кабинет будет считаться с нашими интересами на Балканском полуострове» [1]. Иначе говоря, Шувалов не хотел согласиться на такую редакцию, при которой русско-германский договор предоставил бы германскому правительству положение арбитра, призванного в случае австро-русского конфликта решать вопрос о том, кто является нападающей стороной. Вместе с тем в составленной министерством иностранных дел инструкции Шувалову прямо указывалось, что «следует обязательно избежать согласия на гарантию безопасности Австрии» ибо такая гарантия приведет к тому, что Австрия сможет безболезненно творить на Балканах все, что ей вздумается [2].

Однако Шувалову пришлось убедиться, что Бисмарк не уступит и видя, что ничего другого ему не остается, Шувалов, скрепя, сердце, согласился на германские требования.

Но зато в ответ он поспешил и со своей стороны также внести «уточнения» в статью первую. Он предложил Бисмарку добавить к ней еще одно ограничение, определяющее, что нейтралитет России не распространяется на случай «нападения Германии на Францию». Теперь уже наступила очередь Бисмарка предаваться разочарованию по поводу поведения своего партнера [3]. Свои разговоры с Шуваловым Бисмарк начал с заверения, что Германия совсем не собирается нападать на Францию [4]. И в то же время Бисмарк оказывался крайне недовольным, когда Россия отказывалась соблюдать нейтралитет в этом, по его словам, совершенно невероятном случае!

Но все возражения канцлера оказались тщетными. Шувалов настаивал, что раз уже в договор вводится ограничение принимаемых обязательств, то это должно быть сделано и в отношении нейтралитета России в случае нападения Германии на Францию. Шувалов дал понять, что гарантия великодержавности Франции в той или иной форме является для русского правительства обязательным условием для заключения договора с Германией [5].

Дискутируя таким образом с Шуваловым по поводу проблем, связанных с возможной европейской войной, Бисмарк не скупился соблазнять русское правительство различными выгодами на Востоке, в достижении которых он, якобы был готов ему содействовать. В первой же беседе он предложил Шувалову добавить к

---

[1] Русско-германские отношения 1873—1914, М., 1922; стр. 99—103.

[2] Архив внешней политики России, фонд секретного архива МИД, дело № 107 — письмо Гирса от 24(12) мая 1887 г. На необходимости поддерживать у австрийцев «спасительный страх» перед Россией очень настаивал посол в Вене Лобанов (его письма Гирсу от 10.V (28.IV) и 11.VI (30.V) 1887 г. (там же, д. № 108).

[3] Там же, стр. 117 и сл.

[4] Там же, стр. 93.

[5] Там же, стр. 117—121.

договору сугубо секретную статью, в которой он готов был обещать царскому правительству содействие в случае, если бы оно решилось овладеть Босфором. В дальнейшем ходе переговоров Бисмарк по собственному почину предложил включить в договор еще одно добавление — пункт об обязательстве Германии не давать согласия на реставрацию Баттенберга на болгарском престоле [1].

Примечательно, что, приглашая Россию овладеть Босфором и указывая — добавим при этом — на соглашение с Турцией, как на путь к достижению этой цели, Бисмарк в то же самое время способствовал англо-турецкому сближению [2]. Обещая России, согласно новому русско-германскому договору, свой нейтралитет в случае нападения на нее Австрии, Бисмарк по условиям австро-германского союза обещал в то же время Австрии вооруженную помощь в случае нападения на нее со стороны России. Он избегал при этом всяких уточнений того, что следует считать «агрессией». Решение вопроса о том, кто на кого «напал» в каждом данном случае, германское правительство и здесь, как и при заключении австро-германского союза в 1879 г., всецело оставляло за собой и предлагало своим партнерам положиться на его лойяльность, в которой эти партнеры со своей-то стороны отнюдь не были уверены [3].

При создавшемся положении вещей каждая сторона — и Россия и Австрия — должна была основательно подумать раньше, чем решиться на войну. Во всяком случае ни одна сторона не решилась бы этого сделать без предварительной консультации с германским правительством. Но стараясь предотвратить австро-русский поединок, их столкновение один-на-один, германское правительство посредством нового договора продолжало вносить посильную лепту в дело подготовки коалиционный войны против России с обязательным участием Англии. Пытаясь заманить Россию в авантюру на Востоке, обещая ей содействие в захвате Босфора и даже Константинополя, обещая препятствовать английскому флоту войти в Черное море [4], германское правительство одновременно поощряло консолидацию англо-австро-итальянской антанты, ставившей цели диаметрально противоположные и прямо враждебные тем, которые выдвигал русско-германский договор. Значит, одной рукой германское правительство приглашало Россию двинуться на Восток, а другой рукой оно подталкивало Англию, Австрию и Италию оказать ей энергичный отпор.

---

[1] Русско-германские отношения 1873—1914, М. 1922, стр. 97—115.

[2] Trützschler von Falkenstein. Указ. соч., стр. 88—89.

[3] „Красный архив", т. 1, стр. 109. Grosse Politik, т. V, № 1087, стр. 247—248; ср. там же, № 1100 и т. VI, № 1180, помета № 13; ср. также Hoffmann. Fürst Bismarck, т. II, статьи „Hamburger Nachrichten" от 15 июля 1892 г. и от 7 ноября 1896 г.

[4] Согласно ст. 3 русско-германского договора, перенесенной в него без изменений из договора «трех императоров».

Наконец, необходимо вспомнить, что в 1883 г. германское правительство присоединилось к австро-румынскому союзу, согласно которому обязалось оказать Румынии военную помощь в случае нападения России.

Теперь, по договору с Россией, Бисмарк обещал ей нейтралитет в случае всякой войны с л ю б о й державой, сделав ограничение лишь для войны против Австрии.

Когда в конце 1887 г. австрийский император Франц-Иосиф упомянул об обязательствах Германии по союзу с Румынией, Бисмарк возразил, что, собственно говоря, он дал свою подпись под этим договором только для того, чтобы поощрить Румынию заключить союз с Австро-Венгрией. «Что же касается войск, то у нас их немного найдется для Румынии»... [1].

Ввиду такой дипломатической акробатики становится понятным, почему такой опытный дипломат, как Швейниц, мечтал о том, чтобы в Германии временно установилось «менее гениальное» политическое руководство.

Договор с Россией был подписан Шуваловым и Бисмарком 6(18) июня 1887 г. Он получил название «договора перестраховки»: застраховав себя с помощью тройственного союза, Германия как бы перестраховывала себя договором с Россией от ее вмешательства во франко-германские отношения.

Содержание договора перестраховки сводится к следующему: Согласно статье первой, в случае если бы одна из договаривающихся сторон оказалась в состоянии войны с третьей великой державой, другая сторона обязывалась соблюдать благожелательный нейтралитет и приложить все старания к локализации конфликта. Далее говорилось, что это обязательство не относится к войне против Австрии или Франции, в случае если бы таковая возгорелась вследствие нападения на одну из этих держав одной из договаривающихся сторон.

В статье второй устанавливалось, что Германия признает «права, исторически приобретенные Россией на Балканском полуострове и особено законность ее преобладающего и решающего влияния в Болгарии и в Вост. Румелии». Обе стороны обязывались не допускать никаких изменений территориального статус-кво на Балканском полуострове без предварительного соглашения между ними и противодействовать всякой попытке нарушить это статус-кво без их согласия.

Статья третья, касавшаяся вопроса о закрытии проливов, воспроизводила третью статью договора 1881 года, с той разницей, что вместо трех договаривающихся сторон теперь говорилось о двух.

Договор был заключен на три года и должен был сохраняться в тайне.

К договору был приложен дополнительный совершенно секретный протокол, согласно которому Германия обещала оказы-

[1] Die Grosse Politik, т. VI, № 1162, помета № 5.

вать России содействие в восстановлении в Болгарии законного правительства и не давать согласия на реставрацию Баттенберга. Кроме того, в случае, если бы русское правительство оказалось вынужденным принять на себя защиту входа в Черное море в целях ограждения интересов России, Германия обязывалась соблюдать благожелательный нейтралитет и «оказывать моральную и дипломатическую поддержку тем мерам», к каким русский император «найдет необходимым прибегнуть для сохранения ключа к своей империи».

Как видим, статья первая была принята в договоре в суженной формулировке, которая далеко не удовлетворяла германское правительство: русско-германский договор не давал Германии безусловной гарантии русского нейтралитета. Германское правительство могло рассчитывать на нейтралитет России лишь в оборонительной войне, но договор то был ему нужен прежде всего в целях агрессии.

Итак, Бисмарк не добился своего. Он не смог вовлечь Россию в фарватер своей политики. Летом 1887 г. германское правительство возобновило давление на Россию, а осенью того же года это давление достигло высшего напряжения. Германская дипломатия вновь принялась интриговать в Болгарии, поддержав избрание на болгарский престол принца Фердинанда Кобургского, являвшегося австро-германским агентом, и совершенно неприемлемого для России. Германская дипломатия продолжала работать над укреплением англо-австро-итальянского блока и над вовлечением в него Турции. Но все было напрасно.

Угрожая России и нарушая ее интересы, германское правительство потерпело неудачу. Вместо того, чтобы добиться безусловного обязательства России соблюдать нейтралитет в войне между Германией и Францией, оно лишь ускорило заключение франко-русского союза, предотвращению которого Бисмарк в течение долгих лет своего канцлерства посвящал все силы своего изобретательного ума, столь опытного и изощренного в дипломатической интриге.

§ 17. Кризис русско-германских отношений в конце 1887 г. Предпосылки франко-русского союза

Договор «перестраховки» не улучшил русско-германских отношений. Германское правительство не получило по нему главного — гарантии безусловного нейтралитета России в случае франко-германской войны, неограниченного никакими условиями относительно того, кто является нападающей стороной. К тому же русское правительство продолжало проведение мероприятий, направленных на ослабление экономических позиций германского капитала в России. 24(12) мая 1887 г. был обнародован подписанный еще 26(14) марта императорский указ о запрещении иностранным подданным владеть недвижимостью в западных губерниях России. Этим указом иностранным поддан-

ным запрещалось также занимать должности управляющих имениями. На деле это запрещение было направлено главным образом против немцев. Затрудняя проникновение германского капитала, оно вместе с тем затрудняло и деятельность германской разведки в России. Тогда же, весной 1887 г. последовали постановления о повышении пошлин на железо, сталь и металлические изделия, а затем на уголь и кокс, против чего так долго и упорно возражало германское правительство, защищая интересы германских промышленников. Были также подняты пошлины на аммиак, нашатырь, аммиачные соли, отчего пострадали интересы германской химической промышленности. Затем были введены пошлины на хмель, повышено обложение галантереи и ряда других товаров.

Летом 1887 г. русское правительство поддержало Францию в египетском вопросе, в борьбе против оккупации Египта Англией. После совместных протестов, заявленных турецкому правительству послами России и Франции, султан отказался ратифицировать конвенцию, только что подписанную его правительством с представителем английского правительства Друммондом Вольфом, известную в истории под именем конвенции Друммонда Вольфа и предусматривавшую легализацию султаном беззаконной и самочинной оккупации Египта английскими войсками [1]. В августе 1887 г. в Россию приезжал в частном порядке один из лидеров французских реваншистов Поль Дерулед, причем его визит сопровождался различными общественными манифестациями русско-французской дружбы и взаимных симпатий. Швейниц, старавшийся улучшить русско-германские отношения и ради этого в своих донесениях стремившийся скорее преуменьшить значение этих фактов, не мог не признать, что «за последнее время сильнее обозначается сближение России и Франции» [2]. Все это вызывало тревогу в германском правительстве, и в сентябре и октябре 1887 г. оно доводило о своем недовольстве до сведения русского правительства, причем Бисмарк поручил германскому представителю в России предостеречь Гирса, что «против стремлений, направленных к заключению франко-русского союза Германия постарается защитить себя другими коалициями» [3].

После короткого перерыва, летом 1887 г. германское правительство возобновило давление на Россию. Вместе с правительством Австро-Венгрии, оно тайно поддержало избрание Фердинанда Кобургского на болгарский престол. В дополнение к тем методам давления, которые Бисмарк применил весной, он предпринял попытки подорвать русский государственный кредит. Средства для достижения этой цели, как ему казалось, у него име-

[1] Documents Diplomatiques, Серия 1, том VI, №№ 580, 553 (стр. 762), № 561 и др.

[2] Die Grosse Politik, т. VI, № 1216; ср. Schweinitz, т. II, стр. 348.

[3] Die Grosse Politik, т. V, №№ 1117—1119 и 1123; т. VI, № 1218.

лись: Германия была тогда главным кредитором царского правительства и в германских руках в 1887 г. было сосредоточено 60% русских государственных и частных иностранных обязательств [1]. Летом 1887 г. германская печать открыла поход против русского кредита, требуя мер по освобождению германского фондового рынка от русских ценных бумаг и стараясь посеять в публике сомнения в платежеспособности русского правительства. 11 октября 1887 г. прусское правительство предписало всем прусским государственным учреждениям продать принадлежавшие им русские ценные бумаги. В ноябре последовал указ Рейхсбанку о запрещении ему принимать русские ценные бумаги. В декабре 1887 г. Рейхстаг принял закон о новом (третьем по счету) повышении пошлин на хлеб.

С той же целью — оказать давление на Россию — осенью 1887 г. германская печать начала бить тревогу по поводу передислоцирования нескольких соединений русской армии из внутренних губерний в западные приграничные районы России. Это мероприятие русского правительства было составной частью широкого плана коренного изменения дислокации русской армии, который был выработан Милютиным еще в 70-х годах. План этот исходил из стратегической обстановки, сложившейся после франко-прусской войны и образования Германской империи, в результате чего у западной границы России вместо сравнительно слабой Пруссии появилось мощное государство, развязавшее гонку вооружений невидимого ранее масштаба. Вследствие этих событий и последующего ухудшения русско-германских отношений защита западной границы стала наиболее сложной и важной задачей обороны Российской империи. Учитывая медленность сосредоточения русской армии вследствие недостаточности железнодорожной сети и огромного пространства страны, русское правительство по предложению Милютина еще до русско-турецкой войны приняло решение сконцентрировать возможно большее количество войск в западных губерниях. Для реализации этого плана были предприняты перемещения на западную границу ряда соединений из внутренних губерний, с Кавказа и из Южной России, невзирая на то, что содержание войск обходилось там дешевле, чем в западных районах.

Следует иметь в виду, что после крымской и кавказских войн весьма значительные силы русской армии были расположены на юге и что перемещение части войск, расположенных на юге и в центре, в западные губернии представляло собой весьма серьезное мероприятие, означавшее коренное изменение дислокации русской армии, которое производилось постепенно, начиная с момента окончания русско-турецкой войны. Несомненно, что концентрация войск на западных границах была также средством давления на Австро-Венгрию с тем, чтобы умерить враждебность ее политики в Болгарии и вообще на Балканах. Известно, что в

[1] Ibbeken, указ. соч., стр. 109.

1887 г. германский генеральный штаб в лице Мольтке и Вальдерзее предлагал начать вместе с Австро-Венгрией превентивную войну против России. Эти планы не получили одобрения со стороны германского правительства. Но уже самое наличие таких планов, ставших известными в Петербурге, делало русские военные приготовления вполне понятными. При этом русское правительство отнюдь не собиралось в самом деле нападать на Австро-Венгрию, а тем более эти русские военные мероприятия не преследовали агрессивных целей против Германии, сближения с которой русское правительство так упорно добивалось. Но германское правительство умышленно раздувало значение и извращало смысл изменения дислокации русской армии, дабы создать себе повод грозить России ответными военными мероприятиями и добиваться от Рейхстага увеличения ассигнований по военному бюджету.

В результате враждебных мероприятий, предпринятых германским правительством против русских финансов, а также в результате принятия закона о повышении пошлин на хлеб и враждебной кампании в печати, в ноябре—декабре 1887 г. русско-германские отношения достигли значительного, еще невиданного напряжения. В связи с этим, Александр III в ноябре 1887 г., возвращаясь домой из Дании, где он был с фамильным визитом у датской королевской семьи, под предлогом болезни своих детей отказался от поездки морем и решил ехать по железной дороге через Германию. При этом он по пути на один день остановился в Берлине. Бисмарк встретил царя довольно своеобразно: как раз к его приезду он издал упомянутый указ Рейхсбанку, направленный против русских фондов [1]. Во время пребывания царя в Берлине между ним и Бисмарком состоялась беседа, во время которой канцлер старался доказать, что он не причастен к избранию Фердинанда Кобургского и что поступившая к царю переписка, обнаружившая противное, является фальшивкой. Бисмарк жаловался на русскую печать и на манифестации франко-русской дружбы, намекая, что от их прекращения зависит предоставление Германией дипломатической поддержки России в Болгарии и вообще на Балканах. Он хвастался военной мощью Германии и, прямо заявив царю, что генеральный штаб требует превентивной войны против России, заверял, что он, Бисмарк, войны не допустит. Так чередовал он в этой беседе по своему обычаю угрозы и посулы разных выгод. Александр III заявил Бисмарку, что не имеет намерения заключать союз с Францией и обещал принять меры против антигерманских выпадов в русской печати [1].

Приезд царя в Берлин непосредственным образом не изменил политической обстановки. Однако скоро Германское правитель-

---

[1] Die Grosse Politik, т. V, №№ 1141—42; Schweinitz, II, с. 358.

[2] Die Grosse Politik, т. V, №№ 1129, 1133, 1057 (помета Бисморка № 11); т. VI, № 1176 (помета № 6); Lucius v. Ballhausen, указ. соч., стр. 404, 405; Radovitz, указ. соч., II, стр. 276.

ство поняло, что ему не удается заставить русское правительство ввести свою политику в угодное германскому канцлеру русло. Германское правительство использовало созданную им тревожную атмосферу, чтобы провести в рейхстаге новый военный закон, предусматривавший увеличение резервных формирований, что давало Германии в военное время лишних 600 тыс. солдат. В начале 1888 г. оно сбавило тон в своих отношениях с Петербургом.

Есть существенная разница между политическим напряжением начала 1887 г. и по внешности не менее острым положением в конце этого года. Когда в начале 1887 г. германское правительство обостряло отношения с Францией (и тоже использовало, тогда это обострение для проведения военного закона и для воздействия на выборы в рейхстаг), то оно в самом деле было готово довести дело до локализованной войны с Францией. Во время обострения русско-германских отношений в конце 1887 г. дело обстояло иначе. Генеральный штаб в лице Мольтке и Вальдерзее в это время действительно планировал начало войны против России, однако Бисмарк воспрепятствовал осуществлению этой авантюры [1]. В противоположность генеральному штабу канцлер не желал войны с Россией — и не по недостатку агрессивных тенденций, их у него всегда было достаточно, а просто из осторожности. Известно, что Бисмарк чрезвычайно боялся войны против русского народа — именно против народа, ибо гнилость русского царизма он очень хорошо понимал и как раз поэтому считал царизм наиболее желательным для себя в России строем [2]. Германское правительство хотело только запугать Россию, но это ему не удалось. Оно думало добиться отказа России от поддержки Франции, а на деле ускорило то, чего оно больше всего боялось и чему много лет успешно препятствовало: оно дало лишний толчок для сближения России с Францией. Его интриги против русского кредита потерпели полный провал. Правда, развязанная германским правительством антирусская кампания привела к тому, что германский денежный рынок оказался для России закрытым. Но в 1887 г. свободных денег на мировом рынке было много. Средства, которые были нужны царскому правительству и в которых ему отказывал Берлин, оно нашло в Париже. В 1887 г. царское правительство заключило первый заем во Франции на крупную сумму в 500 млн. золотых франков и провело конверсию бумаг общества поземельного кредита. В 1888—89 гг. с помощью французского денежного рынка была проведена крупная операция по конверсии прежних русских займов [3]. В 1889 г. русское правительство заключило во Франции два больших займа, один на 700 млн. франков, другой на 1 миллиард 242 млн. франков. В последующие годы до 1896 г. Россией

---

[1] Die Grosse Politik, т. VI, №№ 1163, 1164, 1165 и др.

[2] См., например, Сказкин, указ. соч., а также предисловие редактора к тому IV Дневника Д. А. Милютина.

[3] «Министерство финансов», стр. 85—86.

было заключено во Франции не менее 10 крупных займов и роль главного кредитора царской России от Германии, перешла к Франции. Следующим шагом в деле франко-русского сближения явились закупки Россией оружия во Франции: в 1889 г. русским правительством был размещен во Франции заказ на изготовление 500 тыс. винтовок Лебеля.

Предпосылки франко-русского союза коренились во всей европейской ситуации, как она сложилась в результате франко-прусской войны, воссоединения Германии и, наконец, заключения австро-германского союза. В январе 1887 г. Александр III еще раз выразил существо этой ситуации в беседе со Швейницем: «не подлежит сомнению», заявил царь, «что мы не можем допустить нового ослабления Франции». Два фактора тормозили однако заключение франко-русского союза, при чем действие каждого из них в конце 80-х гг. ослабело. Первым препятствием было англо-русское соперничество, которое, увеличивая потребность России в безопасности западной границы, поддерживало германскую ориентацию внешней политики Гирса. Однако события 1886—1887 гг., осложнившие русско-австрийские и русско-германские отношения, по существу положили этой ориентации конец — несмотря на заключение договора перестраховки и на то, что русско-английские противоречия продолжали развиваться своим чередом. Другим тормозом для заключения франко-русского союза был страх Франции перед Германией. В конце 1886 г. этот страх побудил Фрейсинэ донести Бисмарку о деятельности друзей Каткова, зондировавших во французских правящих кругах почву относительно возможности франко-русского союза. В начале 90-х гг. этот страх во Франции однако несколько ослабел. Установление же тесных финансовых связей между царским правительством и французской финансовой олигархией создали новые основания для политического союза.

С точки зрения своей экономической структуры, французский капитализм был для русского царизма весьма подходящим союзником поскольку царизм систематически нуждался в иностранных займах, а в 80—90-х гг. XIX века ни одна страна не имела таких возможностей для вывоза капитала и финансирования царской России, как Франция. В Германии не имелось таких излишков капитала для экспорта, а в Англии эти излишки шли преимущественно в колонии.

В качестве одного из важных факторов, содействовавших сближению между Россией и Францией, нельзя не отметить наличие у них обеих общего противника на колониальной арене в лице Англии. Правда, столкновение интересов России с Англией имело место в совсем иных районах, нежели столкновение интересов Англии и Франции. Тем не менее, в ряде случаев между Россией и Францией установилось сотрудничество против Англии. Одним из важнейших примеров такого сотрудничества является деятельность русских и французских представителей на

Парижской конференции по вопросу о режиме Суэцкого канала, открывшейся 30 марта 1885 г. Французские представители при поддержке русских и немецких включили в проект выработанной конференцией конвенции статью, предусматривающую международный надзор за исполнением постановлений конвенции со стороны «пребывающих в Египте агентов держав» — сигнатариев конвенции. Представители английского правительства резко возражали против такой статьи, и когда она тем не менее была принята, сделали оговорку, заявив, что постановления конвенции, могущие стеснить свободу действий Англии как оккупирующей державы, не должны применяться.

Солидарные действия России и Франции в Константинополе, направленные на срыв конвенции Друммонда Вольфа, также свидетельствовали о сотрудничестве России и Франции в египетском вопросе, причем Германия в египетских делах, наоборот, поддерживала Англию.

В начале 1888 г. русское правительство выступило с заявлением о незаконности пребывания на болгарском престоле принца Фердинанда Кобургского. Царское правительство добилось того, что султан в качестве сюзерена Болгарии не утвердил избрания Фердинанда, как это требовалось по условиям Берлинского трактата, чем было предопределено и непризнание Фердинанда de jure всеми подписавшими Берлинский трактат державами, даже и теми, которые фактически Кобурга всячески поддерживали. Удовлетворившись этим морально-политическим успехом, царское правительство на практике отказалось от активной борьбы против незаконного режима в Болгарии.

В июне 1889 г. один из наиболее деятельных агентов русского Министерства иностранных дел на Балканах, посланник в Бухаресте, Хитрово, признал, что «деятельность противников принца Фердинанда и его правительства совершенно почти прекратилась», что «настоящий режим значительно упрочился и продолжает укрепляться». Это приводило Хитрово к убеждению, что поддержка болгарской оппозиции русским правительством «представляет собою лишь совершенно непроизводительную трату денег и деятельность совершенно бесполезную, способную лишь создавать нам бесполезные затруднения без всяких шансов серьезных результатов»[1]. В Петербурге это поняли еще раньше. Поэтому неудивительно, что в начале 1888 г. наступила некоторая нормализация русско-австрийских, а рикошетом и русско-германских отношений. Нормализация эта была довольно неустойчивой. Сознавая, что ему нечем заменить уходившую русскую дружбу и что во время кризиса 1887 г. он сам способствовал потере благорасположения России, Бисмарк старался сохранить от этой дружбы все, что еще было возможно спасти. На рубеже 1889 и 1890 гг. он начал с русским правительством переговоры

[1] «Авантюры русского царизма в Болгарии», стр. 153 и 156.

о возобновлении договора, «перестраховки», срок которого истекал ближайшим летом.

Российское министерство иностранных дел в лице Гирса отнеслось к намерению канцлера весьма сочувственно. Гирса поддержал министр финансов Вышнеградский: обеспокоенные успехом русских займов во Франции, берлинские банкиры стали предлагать русскому правительству деньги на более выгодных для нее условиях, чем французы, и Вышнеградский находил, что интересы русского правительства требуют проведения такой политики, которая давала бы ему возможность по собственному выбору пользоваться то парижским, то берлинским денежным рынком [1].

В Германии политика Бисмарка, направленная на возобновление договора «перестраховки» встретила решительную оппозицию со стороны генерального штаба. Прусские военные круги имели собственную политическую концепцию, весьма отличную от политики канцлера. Начальник генерального штаба Мольтке, его преемник на этом посту с 1888 г. Вальдерзее и другие представители военных кругов полагали, что Германии не удастся избежать войны на два фронта и что все усилия Бисмарка, направленные на изоляцию Франции, до сих пор не имели успеха да и в дальнейшем также обречены на неудачу. В кругах генерального штаба считали, что вместо того чтобы тратить время на безнадежные с их точки зрения попытки договориться с Россией, следует усилить тройственный союз путем привлечения к нему Англии и скорее начать против России превентивную войну, пока она еще не закончила своих военных приготовлений. Новый германский император Вильгельм II, вступивший на престол в 1888 г., и ненавидевший Бисмарка, находился под влиянием этих идей генерального штаба. Как Бисмарк отмечает в своих мемуарах в июне 1889 г. Вильгельм II отдал распоряжение, чтобы печать выступила против русских конверсионных операций на берлинском фондовом рынке: «он не желает, чтобы еще большие суммы немецких денег, затраченные на покупку русских бумаг, попали в Россию, которая оплачивает ими только свои военные приготовления». На возражения сына канцлера Герберта Бисмарка, указывавшего кайзеру на необходимость согласовать меры против русских финансовых операций как с министром финансов, так и с рейхсканцлером, «...его величество, — рассказывает Бисмарк, — распорядился, чтобы мой сын срочно написал мне о желании императора открыть в печати кампанию против русской финансовой операции и через адъютанта распорядился передать заместителю отсутствовавшего как раз в это время министра финансов, что совету старейшин берлинской биржи следует дать указание воспрепятствовать займу» [2].

---

[1] Ламздорф, Дневник 1886—1890, ч. 1, 1926 г., стр. 137.

[2] О. Бисмарк, Мысли и воспоминания, т. III, стр. 112—113.

§ 18. Конец русско-германского договора

Уже в конце 1889 г. русская дипломатия начала готовиться к переговорам о возобновлении договора «перестраховки», срок действия которого истекал летом 1890 г. 31(19) декабря 1889 г. Александр III одобрил предложение Гирса о необходимости возобновления русско-германского договора, однако, без дополнительного секретного протокола и с рекомендацией не спешить с переговорами [1]. Возобновление протокола Гирс и Ламздорф считали нецелесообразным, полагая, что вопрос о Баттенберге (ст. 1-я) отпал, а статью вторую (о сохранении «ключа от своего дома») применять на деле России не придется [2]. Царь согласился с мнением своего министерства иностранных дел. В феврале 1890 г. Гирс вызвал Шувалова в Петербург для обсуждения вопроса о возобновлении русско-германского договора.

Перед отъездом из Берлина Шувалов 24(12) февраля имел продолжительную беседу с Бисмарком, во время которой обсуждался вопрос о возобновлении договора. Вопрос был затронут по инициативе Шувалова, но Бисмарк сразу и решительно высказался в пользу возобновления договора. В ходе беседы оба собеседника напомнили друг другу основные вехи своей политики. Бисмарк, как всегда, повторил, что Германия якобы не заинтересована в том, чтобы препятствовать русской политике в проливах и в Болгарии, но что она «будет защищать целостность австро-венгерской территории». Шувалов со своей стороны подчеркнул постоянный тезис русского правительства о том, что «территориальная целостность Франции является необходимым условием европейского равновесия».

Бисмарк, положение которого у кайзера было в это время уже поколеблено, повидимому, пытался побудить царское правительство выступить перед Вильгельмом II на его поддержку. Бисмарк пугал Шувалова, что с его отставкой восторжествуют «английские влияния» при германском дворе и договорился до того, что в окружении императрицы-матери будто бы составлен «настоящий заговор английских радикалов и германских социалистов!» [3]. Этот фантастический заговор в изображении Бисмарка оказывался направленным против него и против России...

В этой беседе Бисмарк предложил сделать русско-германский договор бессрочным: «было бы лишним, сказал он, фиксировать срок договора. Его текст является, так сказать, выражением твердого и непоколебимого положения».

Александр III был склонен согласиться с этой мыслью. Читая донесение Шувалова об этой беседе, царь написал на полях: «Это было бы, быть может, и возможно», но только при таком

---

[1] Ламздорф, Дневник 1886—1890, стр. 246.

[2] Записка Ламздорфа от 6 августа 1889 г., одобренная Гирсом. Архив внешней политики России, фонд Секретный архив, д. № 122.

[3] Goriainow. Ammerilan Hist. Revien, 1918. XXIII, P. 340—341.

решении было бы необходимо установить, при каких случаях мы можем и отказаться от этого соглашения и за сколько времени вперед предупредить друг друга» [1]. В конечном итоге Гирс и царь предпочли все же установить для договора определенный срок его действия, хотя готовы были согласиться на срок более продолжительный, чем это было установлено в 1887 г., а именно на пять лет вместо трех [2]. В беседе с Шуваловым перед его отъездом в Петербург Бисмарк по своему обыкновению повторял что «совершенно не заинтересован ни в Болгарии, ни в Константинополе. Вы можете,— говорил он,— делать там все, что вы хотите, я не буду в числе тех, кто станет вам мешать. Мы будем защищать лишь целость австро-венгерской территории» [3]. Но Гирс не имел намерения воспользоваться этими заявлениями главы германского правительства. В Петербурге было твердо решено на этот раз возобновить договор без дополнительного протокола. В инструкции Шувалову говорилось, что «в виду того, что все три пункта его (т. е. протокола — В. Х.) не могут быть применены при настоящем положении вещей, его величество предпочитает, чтобы они были опущены» [4]. В намерения русского правительства захват проливов не входил, в качестве сколько-нибудь практической возможности. Гирс готов был расстаться и с частью 2-й статьи основного договора, в которой говорилось о признании «преобладающего» и «решающего» влияния России в Болгарии [5]. Если выкинуть секретный протокол и постановление о «преобладающем и решающем» влиянии в Болгарии, то в договоре осталось бы следующее: статья первая о взаимном нейтралитете, которая практически обеспечивала русскому правительству средство для некоторого воздействия на Австрию в балканских делах и гарантировала германский нейтралитет в случае войны России с Англией; — остаток 2-й статьи о поддержании статус-кво на Балканах и, наконец, статья 3-я о закрытии проливов.

В марте 1890 г. Вильгельм II уволил Бисмарка. Хотя главные причины отставки коренились в отношениях кайзера и канцлера и в вопросах внутренней политики, но разногласия по вопросам русско-германских отношений также сыграли свою роль.

Как раз к моменту отставки Бисмарка, 17 марта 1890 г., Павел Шувалов возвратился из Петербурга в Берлин, снабженный полномочиями на возобновление русско-германского договора. Таким образом, германское правительство в самые дни отставки старого канцлера было поставлено перед необходимостью принять срочные решения по данному вопросу.

---

[1] Записка Шувалова о беседе с Бисмарком 24(12) февраля 1890 г. Архив внешней политики, Секретный архив, 122.

[2] Ламздорф, указ. соч., стр. 292.

[3] Записка Шувалова о беседе с Бисмарком 24(12) февраля 1890 г. Архив внешней политики, Секретный архив, дело № 122.

[4] Ламздорф, Дневник 1886—1890, стр. 292.

[5] Die Grosse Politik, том VI, 1372, 18.

19 марта 1890 г. Герберт Бисмарк сообщил императору о следующем заявлении, будто бы сделанном ему Шуваловым: «после того как император Александр узнал, что ваше величество не откажется от предоставления отставки кн. Бисмарку, он решил воздержаться от возобновления тайного договора, так как столь секретное дело не может быть обсуждаемо с новым рейхсканцлером» [1]. Это заявление Г. Бисмарка было отъявленной ложью. Шувалов доносил о своей беседе с канцлером совсем иначе: «Конечно, писал он Гирсу, я хотел бы поговорить о некоторых вопросах, которые мы подняли в Петербурге, и с которыми, не правда ли, нам следовало бы теперь несколько повременить. Расставаясь с князем, я не преминул напомнить ему о нашем интимном разговоре». Шувалов имел в виду разговор, состоявшийся между ним и Бисмарком 24 февраля, перед отъездом Шувалова в Россию, когда между ними было решено начать переговоры о возобновлении тайного договора. «Я не скрыл от него,— продолжал Шувалов,— как нежелателен для нас возможный поворот в германской политике, в тот именно момент, когда, как с его, так и с нашей стороны, было достигнуто полное согласие относительно пользы возобновления договора столь, повидимому, соответствующего условиям и потребностям обоих наших государств» [2]. И только. Но ни о какой возможности отказа от переговоров с новыми людьми Шувалов не упоминал. Что касается Бисмарка, то он действительно апеллировал в этом разговоре с Шуваловым к русской помощи. Шувалов доносил, что по словам Бисмарка «император ставит ему, между прочим, в упрек проводившуюся им до сих пор руссофильскую политику» и что «в сфере внешней политики на императора оказывает воздействие Вальдерзее или какой-либо другой генерал». Все поведение Бисмарка Шувалов понял как попытку «вызвать с нашей стороны демонстрацию, которую он мог бы использовать как доказательство того, что только он один является гарантией добрых отношений между нашими государствами» [3]. Шувалов отговаривал свое правительство от того, чтобы итти навстречу Бисмарку. Он считал, что отношения последнего с императором слишком уж обострились, русское вмешательство все равно останется безрезультатным и только осложнит отношения русского правительства с кайзером [4]. Именно так и взглянули на дело в Петербурге, хотя у самого царя, повидимому, были некоторые колебания [5]. Царь не любил Бисмарка, звал его «обер-скот», но Вильгельма II он презирал и относился к нему с еще большим недоверием, чем к старому канцлеру.

---

[1] Die Grosse Politik, том VII, №№ 1366—67. Ту же версию развивает Бисмарк в своих мемуарах, т. III, стр. 99 и 109 (русск. пер.) ср. Radowitz, II, стр. 314.

[2] Ламздорф, Дневник, 1887—90, стр. 281.

[3] Ламздорф, Дневник, 1887—90, стр. 273, ср. стр. 279.

[4] Там же, стр. 273, 181.

[5] Там же, стр. 274.

Поняв, что Бисмарк пытается интриговать с помощью русских, Вильгельм II принял свои меры. Получив донесение Бисмарка младшего, в котором тот сообщал о мнимом отказе русского посла продолжать переговоры о договоре, Вильгельм тотчас же вызвал к себе Шувалова. Он так торопился, что послал за ним поздно ночью с предложением приехать на следующий день, т. е. 21 марта к 8 часам утра. Шувалов никак не мог объяснить себе причин такой необычной спешки. Перепугавшись, он решил, что, вероятно, получены сведения о скоропостижной смерти или убийстве Александра III. Когда Шувалов прибыл во дворец, Вильгельм со всей энергией постарался уверить посла, что с уходом Бисмарка политика Германии по отношению к России останется неизменной, что он «вынужден крайне сожалеть», если русское правительство отказывается от переговоров относительно договора и что он со своей стороны готов его возобновить [1].

Однако, новый рейхсканцлер генерал Каприви отказался от возобновления договора «перестраховки». Каприви был одним из представителей прусской военной касты и придерживался политической линии генерального штаба. Война с Россией представлялась ему неизбежной. Каприви считал, что «возобновление договора, правда, сделало бы Россию несоюзоспособной, но его условия, — не столько по букве, сколько по духу, — не согласуются с Тройственным союзом, с договором, который у нас существует с Румынией, и с воздействием, которое Германия оказывает на Англию»; «разглашение договора» поставило бы под угрозу существование Тройственного союза и могло бы отдалить от нас Англию». Пользуясь этими аргументами, Каприви 27 марта убедил Вильгельма II отказаться от слова, только что данного им Шувалову [2]. Коротко говоря, точка зрения Каприви сводилась к тому, что не стоило тормозить образование враждебного Германии франко-русского блока, поскольку такие попытки были связаны с риском ослабить свою собственную военную группировку.

Русское правительство было весьма заинтересовано в возобновлении договора. Не говоря о более общих соображениях, этого требовали и потребности текущей политики. С января 1890 г. велись переговоры между царским правительством и турецким великим визирем об устранении из Болгарии Фердинанда [3]. Помощь Германии могла оказаться весьма ценной. Следует отметить, что с точки зрения русского правительства, статья третья касательно закрытия проливов, несомненно, была наиболее ценной частью договора. Как уже указывалось, Гирс и Ламздорф не придавали цены широковещательным обещаниям германского правительства, содержавшимся в дополнительном

---

[1] Ламздорф, Дневник 1886—1890, стр. 283.
[2] Die Grosse Politik, том VII, № 1369; ср. там же № 1379.
[3] Ламздорф, Дневник 1886—90, стр. 275; то же, 1891—92, стр. 132—134.

протоколе, от которого они намеревались отказаться [1], понимая провокационный характер его постановлений.

Как реагировало русское правительство на отказ новых германских правителей от договора с Россией? Согласно германским документам, опубликованным в «Die Grosse Politik», Гирс, узнав об отказе германского правительства от возобновления договора, трижды обращался в Берлин с просьбой в той или иной форме возобновить взаимные письменные договорные обязательства: 31 марта 1890 г., 14 мая и, наконец, в сентябре 1890 г. [2]. Однако, версия «Die Grosse Politik» противоречит документам архива русского МИД и дневнику Ламздорфа. Согласно русским источникам, Шувалов 26(14) марта 1890 г. телеграфировал Гирсу о разговоре, который он имел с Гербертом Бисмарком. Сын бывшего канцлера, еще остававшийся некоторое время на службе, сказал Шувалову, что он подал императору мысль перенести переговоры о возобновлении договора из Берлина в Петербург, возложив их на Швейница, в виду полного незнакомства с этим вопросом преемников обоих Бисмарков. Вильгельм II, по словам Бисмарка младшего, согласился с этим предложением [3]. После этого 27 марта 1890 г. состоялся тот доклад Каприви Вильгельму, во время которого новый канцлер убедил кайзера отказаться от договора с Россией [4]. Из русских источников мы узнаем, что 28(16) и 30(18) марта Шувалов сообщил Гирсу, что Швейниц выехал в Петербург без полномочий на подписание договора из-за того «что только что получившие назначение лица еще недостаточно знакомы с положением... чтобы теперь же дать свои подписи» [5]. Следует иметь в виду, что Вильгельм, видимо, чувствуя неловкость своего положения, просил Шувалова вообще не посылать в Петербург никаких сообщений по вопросу о договоре [6]. При всей смехотворности этой просьбы и всего поведения молодого кайзера, его просьба тем не менее могла оказать влияние на поведение Шувалова. С 1 апреля (20 марта) 1890 г. дневник Ламздорфа прерывается вплоть до 13(1) апреля и не содержит записи разговора между Гирсом и Швейницем, имевшего место по приезде Швейница в Петербург 31(19) марта. В архиве российского МИД имеется письмо Гирса Шувалову с сообщением об этой беседе. Гирс сообщал послу, что Швейниц подтвердил все то, о чем доносил Шувалов [7]. В немецких документах, а именно,

---

[1] Ламздорф, Дневник 1886—1890, стр. 89, 149—150, 161, 267.

[2] Die Grosse Politik, №№ 1370, 1372, 1612.

[3] Ламздорф, Дневник, 1886—1890, стр. 294.

[4] Die Grosse Politik, том VII, № 1369.

[5] Ламздорф. Дневник 1886—1890, стр. 296—297. Телеграмма Шувалова Гирсу от 30(18) марта 1890 г. Архив внешней политики России, фонд Секр. Архив МИД, дело № 123.

[6] Radowitz, Указ. соч. II, стр. 323.

Архив внешней политики России, фонд Секр. Архив, дело № 123, л. 54.

в донесении Швейница содержится совершенно иное изложение этой беседы. Швейниц сообщил в Берлин о том, что он «дал Гирсу понять, что его правительство сейчас не намерено возобновлять договор». Более того, по словам Швейница русский министр, обескураженный этим отказом, выразил горячее желание, почти просьбу, возобновить в письменной форме хотя бы часть содержавшихся в договоре обязательств [1]. Если теперь снова обратиться к дневнику Ламздорфа, самого близкого сотрудника Гирса, то становится ясным, что Швейниц доносил неточно, так как из дневника Ламздорфа видно, что еще в мае в русском Министерстве иностранных дел не получили уведомления об отказе германского правительства от возобновления договора. Ламздорф писал в дневнике о том, что «полное молчание берлинского кабинета касательно возобновления наших тайных договоров» наводит его «на размышление» [2]. Еще 28(16) мая Гирс оставался в неведении об отказе германского правительства, так как в этот день он отправил Шувалову письмо с поручением выяснить «причины этого таинственного молчания» [3]. Из этого письма ясно, что Гирс и Ламздорф даже в конце мая все еще были уверены в том, что Швейниц ожидает полномочий, в то время как германское правительство давно поручило Швейницу уведомить через Шувалова русское правительство об отказе от возобновления договора. «Из моих конфиденциальных бесед с генералом Швейницем, — писал Гирс Шувалову, — для меня ясно, что он еще не получил предписания приступить со мной к обсуждению вопроса о нашем тайном договоре» [4]. Получив это поручение, Шувалов, который был осведомлен об истинной позиции немцев, начал под разными предлогами откладывать его исполнение [5]. Пока с ним велась переписка по этому вопросу, 4 июня (23 мая) 1890 г. Швейниц, наконец, сделал Гирсу сообщение об отказе германского правительства от возобновления договора [6]. Таким образом, из русских источников вытекает с совершенной очевидностью, что как Швейниц, так и Шувалов по каким-то причинам долгое время не сообщали русскому правительству об отказе германского правительства от возобновления договора «перестраховки». Приходится предположить, что оба они, будучи сторонниками русско-германского сближения, намеревались выиграть время — Шувалов, в надежде, что новые руководители германской политики изменят свою точку зрения, а Швейниц — чтобы постепенно подготовить русское правительство к этому отказу. В обширной немецкой литературе по вопросу о договоре «перестраховки» не обращено внимания на тот факт,

---

[1] Die Grosse Politik, том VII № 1370, особ., стр. 12 и 13.
[2] Ламздорф, Дневник 1886—1890, стр. 309—10; ср. также стр. 300 и 362.
[3] Там же, стр. 311.
[4] Ламздорф, Дневник 1886—1890, стр. 311.
[5] Там же, стр. 312—13.
[6] Там же, стр. 313—314; Die Grosse Politik, том VII, № 1382.

что русское правительство не сразу узнало об отказе немецкого партнера от договора [1]. Между тем при таких условиях два обращения Гирса к Швейницу с предложением возобновить договор выглядят существенно иначе, чем по документам немецкой публикации. Они оказываются только напоминаниями, попытками ускорить приступ к делу в связи с затяжкой начала переговоров, а вовсе не просьбами, заявленными после полученного отказа. Узнав, наконец, 4-го июня (23 мая) об отказе германского правительства продлить договор, Гирс намеревался поручить Шувалову выяснить в Берлине возможность замены договора обменом нотами, в которых констатировалось бы «сохранение основ нашего соглашения как по вопросам Балканского полуострова, так и ненарушимость принципа закрытия проливов» [2]. Шувалов, хорошо осведомленный о настроении германского правительства, не советовал возвращаться к этому вопросу, и Александр III согласился с его мнением, отклонив, вопреки, советам Гирса, подобную попытку [3]. В августе Вильгельм II приезжал в Россию с протокольным визитом к царю. Сопровождавший его Каприви заявил тогда Гирсу, что отказ от договора по существу ничего не изменяет в отношениях, что он намерен продолжать прежнюю политику и т. д. [4]. После этого в сентябре 1890 г. русское правительство действительно сделало единственную попытку получить от Каприви «нечто письменное», добившись от него подтверждения тех заявлений, которые новый германский канцлер сделал Гирсу при личном свидании.

Мысль получить от Каприви такой документ принадлежала Ламздорфу. Каприви в этот момент не было в Берлине и Ламздорф посоветовал Гирсу поручить Муравьеву воспользоваться этим для того, чтобы переслать Каприви запись его разговора с Гирсом в форме памятной записки. Такой способ передачи с точки зрения дипломатической практики делал бы довольно естественным получение от канцлера письменного ответа, подтверждающего получение записки и тем самым как бы выражаю-

---

[1] Даже авторы, занявшиеся проблемой разрыва русско-германского договора специально под влиянием выхода в свет «Дневника Ламздорфа» обходят противоречие между этим источником и Grosse Politik. См. Lewin, Neue russische Dokumente uber das Ende des Rückversicherungsvertrages, Ost—Europa, 1925—1926. Книга 10, стр. 579; H. Uebersberger, Abschluss und Ende des Rückversicherungsvetrages, Berliner Monatshefte, 1927. октябрь, стр. 959. Широко использовавший дневник Ламздорфа Wahl (Deutsche Geschiche, том III. стр. 164—165) также умалчивает об этом противоречии, как и Oncken (Das deutsche Reich und die Vorgeschichte des Weltkreiges, том III. Langer и биограф Гирса Ada Erdmann (Zeitschrift fur osteuropaische Gesch., Bd, IX, H. 4). У Горяинова, писавшего исключительно на основе материалов русского архива до выхода в свет германских документов, естественно, создалось впечатление, что Швейницу по приезде в Петербург пришлось долгое время ждать инструкций, а когда они пришли, то оказалось, что Германия отказывается возобновить соглашение с Россией".

[2] Ламздорф, указ. соч., стр. 321—322.

[3] Там же, стр. 324—325 и 328.

[4] Ламздорф, указ. соч., стр. 332 и сл.; Die Grosse Politik, том VII, № 1612.

щего его согласие с ее содержанием и ее аппробацию [1]. Гирс согласился с предложением Ламздорфа, но в письме к Муравьеву (который замещал находившегося в отпуску Шувалова) он подчеркнул, что ему «следует избегать всяких явных настояний» [2]. Муравьев перестарался, — исполнил это поручение неловко и был дезавуирован Гирсом [3].

Не подлежит сомнению, что Гирс, в противоположность Александру III, очень хотел возобновить договор с Германией. Но и его огорчало не столько то, что между Россией и Германией не будет больше формального договора, сколько самый факт и форма отказа. «Приведенные мотивы, — пишет Ламздорф, — так мало убедительны», «что они произвели на министра крайне неприятное впечатление; признаюсь, что мое еще более тягостно». «Их (немцев — В. Х.) образ действий в этом вопросе не только не успокоителен, но даже не корректен», — записал Ламздорф дальше. «Я чувствую себя оскорбленным, хотя и не несу никакой ответственности» [4]. Александр III был, напротив, удовлетворен тем, «что Германия первая не желает возобновить трактата». Но факт разрыва и ему показался подозрительным: «взгляды нового канцлера на наши отношения довольно знаменательны. Мне кажется, что Бисмарк был прав, говоря, что политика императора переменится с его, Бисмарка, уходом». «Нам надо быть готовым ко всяким случайностям», — заключал он в другой раз [5]. Заметим, что русская дипломатия очень хорошо поняла истинные причины разрыва договора: Шувалов сообщал, что Каприви «испугался двойной игры, которую в случае подписания нашего договора, ему пришлось бы вести по отношению к Австрии, на союз с которой он очевидно смотрит серьезнее, чем его предшественник» [6]. Гирс считал, что «одним из главных симптомов» «происшедшей в германской политике очевидной перемены» является «сближение с Англией» [7]. Оба эти соображения были совершенно правильными.

Отказ Германии от договора «перестраховки» ускорил заключение франко-русского союза. Вопрос о сближении с Францией являлся предметом упорной борьбы в русских правящих сферах, которую ярко рисует, например, дневник Ламздорфа. Отказ Германии возобновить договор ослаблял позиции противников франко-русского союза. Более того, они сами стали внутренне колебаться. 16(4) ноября 1890 г. Гирс и Ламздорф восхищались «замечательной речью» «молодого депутата по фамилии Делькассе», доказывавшего необходимость франко-русского со-

---

[1] Личная записка Ламздорфа Гирсу (АВП, С. А., № 123, л. 279).
[2] Личное письмо Гирса Муравьеву 3 сентября 1890 (АВП, С. А., № 123, л. 185—287).
[3] Ламздорф, Дневник 1886—1890, стр. 334—335.
[4] Ламздорф, указ. соч., стр. 314—315.
[5] Там же, стр. 317, 328.
[6] Там же, стр. 320; ср. донесение Лобанова на стр. 330.
[7] Там же, стр. 329; ср. донесение Шувалова на стр. 324.

юза [1]. До разрыва договора «перестраховки» совершенно невозможно представить себе Гирса и Ламздорфа, этих двух поборников сближения с Германией, в роли восторженных слушателей Делькассе. Тем более Александр III, который никогда не был приверженцем дружбы с Германией, стал склоняться к необходимости теснейшего сближения с Францией. Мы уже видели, что в отказе Германии от договора он усмотрел «перемену» в политике Германии и необходимость для России «быть готовым ко всяким случайностям» [2].

«Мы не можем больше рассчитывать на помощь Германии в Болгарии»,— писал Муравьев 18 июля 1890 г. Позиция Германии по всем вопросам текущей политики,— продолжал он,— определяется «отставкой Бисмарка, серьезным сближением с Англией и более лояльным, чем прежде, отношением к Австро-Венгрии». «К отношениям с Австро-Венгрией Каприви относится гораздо серьезнее, чем Бисмарк» и он «решил твердо поддерживать ее повсюду» [3]. Таково было впечатление русского дипломата, наблюдавшего германскую политику на месте, в Берлине. Несомненно, что русские источники, показывая меньшую заинтересованность русского правительства в договоре, нежели это можно было заключить из «Grosse Politik» заставляют скромнее оценить значение самого этого договора. Но эти же самые источники показывают, что отказ от договора был тем не менее весьма болезненно воспринят в Петербурге — и притом не столько из сожаления о тех гарантиях, которые договор предоставлял России, сколько потому, что отказ от него был понят в качестве симптома перемены германской политики в направлении, враждебном России.

§ 19. Заключение франко-русского союза

Все же на заключение союза с французской республикой царское правительство решилось не сразу. В первой половине 1891 г. французское правительство зондировало в Петербурге относительно возможности заключения союзного договора, но потерпело неудачу.

В связи с этим царскому правительству в Париже было отказано в очередном займе. Было бы неправильно представлять дело так, что уже тогда, в начале 90-х гг. XIX века, Россия попала в такую зависимость от Франции, в какой она оказалась в XX веке, ко времени первой мировой войны. В военном союзе Франция была заинтересована больше, чем Россия, и в силу этого, тогда, в начале 90-х гг., именно она, а отнюдь не Россия домогалась заключения союза и выступала в роли просительницы. Тем не ме-

---

[1] Ламздорф, Дневник, 1886—1890, стр. 337.

[2] Там же, стр. 328. 19 июня германский поверенный в делах доносил, что в отношении русских правящих сфер к Франции наступила «решительная перемена», Die Grosse Politik, т. VII, № 1489.

[3] Архив внешней политики России, фонд Канцелярии МИД, дело «Берлин, 1890 г.».

нее, как видим, уже с самого начала, Франция имела возможность оказывать на царизм давление финансового порядка.

Трудно сказать, явился ли бы отказ в займе достаточным средством для того, чтобы склонить царское правительство к заключению договора с Францией, но одновременно подоспели события совсем иного порядка, которые тоже лили воду на мельницу сторонников франко-русского союза. В мае и июне 1891 г. последовало демонстративное возобновление тройственного союза и появились признаки сближения участников этого союза с Англией. Это последнее обстоятельство напугало царское правительство, и в Петербурге решились пойти Франции до известной степени навстречу и заключить с ней, если не союзный договор, то политическое соглашение, предусматривающее проведение согласованной политики. Переговоры на этот счет начались между Гирсом и французским послом в Петербурге де Лабулэ 16 (4) июля 1891 г. 27 (15) августа 1891 г. между французским министром иностранных дел Рибо и русским послом во Франции Моренгеймом было заключено соглашение, облеченное в форму обмена письмами. В этих письмах обе стороны выражали готовность «совещаться между собой по каждому вопросу, который может угрожать всеобщему миру» и в случае, «если бы мир оказался действительно в опасности, и в особенности в том случае, если бы одна из двух сторон оказалась под угрозой нападения, обе стороны уславливаются договориться о мерах, немедленное и одновременное проведение которых... окажется в случае наступления означенных событий настоятельным для обоих правительств» [1].

Это соглашение, конечно, еще не было союзом в полном смысле этого слова. Это был скорее консультативный пакт и принятые обязательства звучали довольно неопределенно.

Первоначальный проект соглашения, предложенный французами, имел в виду только соглашение о мерах против угрозы, исходящей от одной из держав тройственного союза. В окончательном тексте речь шла о мерах против угрозы миру без оговорок относительно того, от кого исходит эта угроза. Такая существенная перемена редакции была принята в результате настояний русской стороны [2], причем, расширяя сферу действия соглашения, русская дипломатия в первую очередь имела в виду распространить соглашение и на случай борьбы против Англии. Соглашение от 27 (15) августа было секретным, однако, визит эскадры французского военно-морского флота в Кронштадт в июле 1891 г. явился большой публичной демонстрацией франко-русского сближения и сделал его очевидным для всех.

В 1892 г. в связи с новым увеличением германской армии,

---

[1] Ламздорф. Дневник 1891—1892, стр. 171 и 177—178; Livre Jaune, L' Alliance Franco-Russe, s. 15—16.

[2] Сборник „Кто должник", статья А. Зайончковского Франко-русские отношения", стр. 14—15; Livre Jaune, l'Alliance Franco-Russe.

русское правительство решилось на дальнейший шаг. В Петербурге между заместителем начальника французского генерального штаба ген. Буадефром и начальником русского генерального штаба ген. Обручевым состоялись переговоры о заключении военной конвенции. Буадефр привез с собой из Парижа проект французского генерального штаба [1]. Этот проект имел в виду обоюдную мобилизацию России и Франции в случае мобилизации всего тройственного союза «или одной Германии» и не предусматривал каких-либо обязательств на случай мобилизации одной Австро-Венгрии. Если бы русское правительство приняло конвенцию в таком виде, то оно не получило бы поддержки Франции в случае мобилизации одной Австро-Венгрией. Ввиду этого Обручев отклонил французское предложение, предложив со своей стороны иные основы для конвенции [2], согласно которым Россия и Франция должны были немедленно и одновременно провести мобилизацию не только в случае мобилизации тройственного союза в целом или одной Германии, но и любой державы тройственного союза (т. е. также и Австро-Венгрии или Италии). Эти русские поправки были приняты и 10 августа (29 июля) Обручев и Буадефр подписали военную конвенцию, согласно которой в случае, «если Франция подвергнется нападению Германии или Италии, поддержанной Германией, Россия употребит все свои наличные силы для нападения на Германию. Если Россия подвергнется нападению Германии или Австрии, поддержанной Германией, Франция употребит все свои наличные силы для нападения на Германию». Таково было содержание первой статьи подписанного документа. Первоначальный французский проект гласил: «в случае нападения тройственного союза или одной Германии...».

В статье второй, которая подверглась наиболее существенным изменениям предусматривалось, что «в случае мобилизации сил тройственного союза или одной из входящих в него держав, Франция и Россия немедленно по поступлении этого известия и не ожидая никакого предварительного соглашения мобилизуют немедленно и одновременно все свои силы и придвинут их как можно ближе к своим границам». Первоначальный французский проект этой статьи имел в виду случай «мобилизации сил тройственного союза или одной Германии...».

Третья статья гласила: «Силы, которые должны быть направлены против Германии, будут со стороны Франции равняться 1 300 000 человек, со стороны России — от 700 000 до 800 000 человек.

Эти силы будут целиком и со всей быстротой введены в дело, так чтобы Германии пришлось сражаться сразу и на востоке и на

---

[1] Livre Jaune, стр. 63; русский перевод—Зайончковский, Подготовка России к мировой войне, стр. 73.

[2] А. Зайончковский. «Франко-русские отношения» в сборнике «Кто должник», стр. 16—18.

западе». Таковы были важнейшие положения франко-русской конвенции, подписанной 5 (17) августа 1892 г. представителями генеральных штабов — генералами Обручевым и Буадефром [1].

Ссылаясь на опасения, вызываемые новым законом об усилении германской армии, французы торопили с ратификацией конвенции. Однако, Гирс на некоторое время затормозил это дело. Царь послал ему конвенцию на заключение и Гирс продержал документ у себя несколько месяцев. Предлогом для этой проволочки явилась для Гирса неустойчивость внутреннего положения Франции в эти годы, обнаружившаяся в связи с так называемым «панамским скандалом». Вскрытие преступлений, связанных с этим грязным делом, вызвало резкое обострение политической борьбы, и доверие к стабильности французской политики было на некоторое время подорвано.

Русско-германские отношения тем временем продолжали ухудшаться. Давно уже длившиеся таможенные конфликты привели, наконец, в 1893 г. к таможенной войне между Россией и Германией, причем обе стороны ввели у себя запретительные боевые пошлины. Принятый в этом же самом году германским рейхстагом закон новом значительном усилении армии также не способствовал улучшению отношений. В связи с этим было решено, что русский военно-морской флот отдаст визит французскому флоту, и в 1893 г. русская эскадра посетила Тулон, где ей была оказана торжественная встреча. В декабре 1893 г. Александр III одобрил проект военной конвенции, формальная ратификация которой состоялась в январе 1894 г. Тем самым был окончательно оформлен франко-русский союз. Он был в конечном счете ответом на австро-германский союз 1879 г., превращенный в 1882 г. с присоединением Италии в так называемый тройственный союз. «Последствием этого соглашения о мире в Европе, а на деле, о войне в Европе, послужило другое соглашение, соглашение России и Франции в 1891—1893 гг.» [2]. В этих замечательных словах товарища И. В. Сталина вскрыта связь, существующая между заключением австро-германского союза, положившего начало созданию милитаристических блоков великих держав и заключением союза франко-русского, явившегося последствием австро-германского союза. Иначе говоря, в этих словах вскрыта та связь основных фактов, характеризующих международное положение конца XIX века. Заключение франко-русского союза означало существенный сдвиг в европейском международном положении. До этого Франция была изолирована. Германия стояла во главе значительной группировки держав. Теперь положение изменилось, и великие державы европейского континента разбились на две военно-политические группировки, вне которых пока оставалась Англия.

---

[1] Цит. по А. Зайончковскому. Подготовка России к мировой войне, стр. 73.

[2] И. Сталин. Политический отчет ЦК XIV съезду ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 15.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ЗАВОЕВАНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ В 60—80-х ГОДАХ XIX ВЕКА

§ 1. Народы Средней Азии в середине прошлого столетия [1]

На территории Средней Азии в начале второй половины XIX века наряду с усилившимися тремя ханствами (Бухарским, Хивинским и Кокандским), лежавшими по берегам Аму- и Сыр-Дарьи существовали также полунезависимые мелкие феодальные владения, признававшие власть какого-нибудь из трех крупных ханств лишь номинально, за которые шла постоянная борьба между Бухарой, Хивой и Кокандом.

Кроме того, на обширных степных и пустынных пространствах к северу от Аральского моря и к востоку от Каспийского моря кочевали туркменские и казахские племена, часть которых находилась в зависимости от названных выше крупных ханств.

Границы этих крупнейших ханств Средней Азии в середине XIX века не были определенными и устойчивыми. Формально, например, области Шихризябза и Китаб считались бухарскими владениями, но власть эмира фактически на них не распространялась. Помимо этого, в результате почти непрекращающихся феодальных войн между Бухарой, Хивой и Кокандом части их территории нередко захватывались победившей стороной на более или менее длительный срок. Мервский и Ташкентский оазисы, Ура-Тюбе, Ходжент и др. не раз переходили от одного из трех ханств к другому. Так, к середине XIX века западная часть кокандских владений была захвачена Бухарой, которая в то время являлась наиболее крупным государством Средней Азии.

В основе политической разобщенности среднеазиатских народов тогда лежало отсутствие между ними прочных экономических связей. Товарно-денежные отношения заметно стали развиваться уже с конца XVIII века, но еще не проникли глубоко в хозяйственную жизнь даже крупнейших ханств. По свидетель-

[1] Подробные сведения о социально-экономическом строе народов Средней Азии накануне ее завоевания Россией и в колониальный период даются во 2-й части данного тома, посвященной истории отдельных народов СССР в эпоху капитализма.

ству Мейендорфа (1820 г.), в Бухаре государственные налоги уплачивались населением преимущественно в натуральной форме, что было особенно характерно для земледельческого района Самарканда [1]. Из сохранившегося до нас финансового отчета по Самаркандскому бекству за 1860 г. мы узнаем, что только 20% дохода вносилось его жителями деньгами. Денежная же часть расходов бека достигала 40—50% лишь благодаря продаже на рынке известной доли натуральных поступлений в счет налогов [2]. То же явление наблюдалось в середине XIX века и в других ханствах Средней Азии. В Коканде, например, в денежной форме взыскивалось не более 15% всех государственных сборов [3].

У народов Средней Азии в первой половине XIX века господствовал феодальный способ производства.

Существовало три основных вида землевладения: 1) земли амляковые или подшалычные, 2) земли мульковые, 3) вакуфные.

Амляковые земли были государственным фондом, увеличивавшимся по мере процесса централизации среднеазиатских государств, которая сопровождалась конфискацией земель феодальной знати, сопротивлявшейся усилению центральной власти ханов. Эти земли находились в распоряжении хана, часть их становилась его частной собственностью, часть отдавалась в пользование крестьянам, часть жаловалась представителям светской и духовной знати, составлявшей опору ханской власти. Амляковые земли не составляли собственности населения, которое владело ими как бы на правах вечной аренды.

Мульковые земли были частной собственностью хана, его родственников и других представителей феодальной верхушки.

Вакуфные земли представляли собою собственность духовных учреждений. Распорядителями этих земель были представители высшего духовенства, на долю которых фактически и приходились доходы с них. Существовали и светские вакуфы — земли завещенные в нераздельное пользование семьи.

Как видно из описания отдельных видов землевладения, значительная часть земельного богатства сосредотачивалась в руках светской и духовной феодальной знати, составлявшей господствующий класс в среднеазиатских государствах.

Основная масса населения сидела или на землях феодалов или на амляковых землях, которые были государственной собственностью. Мелкая крестьянская собственность была мало распространена.

---

[1] Meyendorff G. Voyage d'Orenbourg a Boukhara, en 1820, Paris, 1826, pp 267—268.

[2] Л. Н. Соболев. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе. Записки русского географич. об-ва, т. IV. СПб., 1874, стр. 161—454.

[3] Записки русского географического общества, кн. III, СПб., 1849.

Богатства этого класса не ограничивались земельными владениями: высшие сановники, высшие духовные лица, беки, юзбаши и другие получали от казны определенное денежное содержание, а также выдачи натурой и деньгами под видом награждений.

На другом полюсе стояла масса трудового сельского населения — крестьянство. Размеры земельных владений указывают на ярко выраженное имущественное неравенство: некоторые крестьянские хозяйства владели одним танапом[1] земли, в то время как размеры имений отдельных феодалов достигали 2—3 тысячи танапов. Заметное место среди крестьян занимали безземельные (биватан).

Масса крестьянского населения эксплоатировалась господствующим классом феодалов. В сельском хозяйстве почти не применялся наемный труд. Труд рабов, которых относительно больше было в Хиве, применялся, главным образом, в домашнем хозяйстве феодалов. Исключение составляли поместья (хаули) хивинского хана и части крупных сановников, в которых рабы были заняты сельскохозяйственными работами.

Основной рабочей силой в сельском хозяйстве феодалов было крестьянство. Крестьяне обрабатывали землю в ханских имениях, в мульковых и вакуфных землях светской и духовной аристократии, в подшалычных землях феодалов, которые сдавали населению участки в аренду. Арендаторы (ярымчи, чайрикер, карандэ) обрабатывали землю из доли урожая. Кабальная аренда была господствующей формой феодальной эксплоатации.

Положение массы трудящегося населения еще более ухудшилось обременительными налогами и повинностями. Основным налогом была поземельная подать. В Бухарском эмирате она, под названием хораджа, взималась или частью деньгами и частью определенным количеством зерна, или долей урожая. В Хивинском ханстве с подшалычных и отчасти с мульковых земель население платило натуральную подать даяк или ушр, а с мульковых земель — денежную подать салгут. Существование значительного количества землевладельцев, освобожденных по ханским ярлыкам от уплаты поземельной подати, приводило к тому, что основная тяжесть налога ложилась на массу трудового населения, которая страдала не только от размеров поземельной и других существовавших податей, но и от системы взимания налогов, при которой сборщики податей по произволу взимали лишнее в целях личного обогащения.

Кроме податей существовал целый ряд натуральных повинностей, основной из которых была повинность по ремонту оросительных каналов и по ремонту и постройке дамб.

Система поливного земледелия, требовавшая проведения сети каналов и поддержания их в исправности, ложилась добавочной

[1] Танап хивинский — 4000 кв. метра.

тяжестью на плечи населения. Право пользования водой было также политическим орудием в руках господствующего класса. Так, например, хивинский хан при подавлении многочисленных восстаний туркмен и факалисков или лишал их посевы воды или наоборот затоплял засеянные поля.

При господстве феодальной системы эксплоатации происходил захват мелких участков крупными землевладельцами. Хивинские источники показывают, что земля переходила из рук в руки. Некоторые беки и аталыки приобретали иногда до половины земли принадлежавшей жителям определенной мечети [1]. Существовал и способ захвата земли племенной знатью под видом «приговора» биев, юзбаши и «народа».

В последнем случае проявлялись сильные еще пережитки родового строя, которые прикрывали процесс образования и роста феодального землевладения и классового расслоения общества.

Особенно сильно пережитки родового строя проявлялись в районах с кочевым населением, занимавшимся скотоводством. Здесь характерной является фигура бия, захватывавшего богатства на почве распределения им пастбищ и других хозяйственных угодий. Среди скотоводческого населения также происходил процесс имущественного и классового расслоения. Существовали хозяйства имевшие всего 20—30 голов баранов, но были и такие, которые владели тысячами голов крупного рогатого скота и баранов.

Беднейшая часть кочевого населения, разорявшаяся в процессе образования крупной феодальной собственности, искала выход в переходе к земледелию. Однако, система поливного земледелия требовала орошения новых земель, что затрудняло рост земледельческого хозяйства.

Кочевое население, так же как и земледельческое, испытывало на себе двойной гнет: от эксплоатации феодальной верхушкой и от бремени налогов, взимавшихся центральной властью. Основным из этих налогов был зякат, который кочевое население уплачивало или деньгами или определенным количеством голов скота.

У народов Средней Азии к середине прошлого столетия промышленность еще не выделилась из сельскохозяйственного производства. Специализация имела место только в металлообрабатывающих и горных промыслах, получение сырья для которых не было связано с сельским хозяйством. В наибольшей степени было распространено изготовление хлопчатобумажных и шелковых тканей, обуви и кожевенных изделий, отчасти гончарное и примитивное пищевое производство (маслобойки, крупорушки и т. д.).

Изготовление тканей, одежды, обуви и продуктов питания на стадии домашнего производства распространено было в хан-

[1] Единица административного деления в Хивинском ханстве.

ствах повсеместно. Ремесленная промышленность сосредотачивалась в городах, главным образом, в центрах караванной торговли. Типичной формой ремесленного производства был «дукан» (или «дюкан») — лавка-мастерская.

Масса городского населения также как и сельского находилась в зависимости от феодальных верхов. Базары, где помещались не только лавки, но и ремесленные мастерские были во владении светских и духовных феодалов, взимавших с ремесленников и торговцев определенную плату за место. Наиболее крупные купцы (баи), были в то же время феодалами-землевладельцами, сдававшими земельные участки на праве издольной аренды.

Верхушку ремесленников составляли мастера, в зависимости от которых находились подмастерья и городская беднота: поденщики, носильщики, водоносы и др.

Масса производителей находилась в кабальной зависимости от ростовщического капитала.

В мануфактурную стадию промышленное производство в Средней Азии в первой половине XIX века еще не вступило. По свидетельству чиновника Министерства финансов Мейендорфа, в 1820 г. в Бухаре мануфактур не было и на отдельных промышленных предприятиях было занято не более 4—5 рабочих [1]. Очень незначительными размерами отличались промышленные предприятия Ташкента еще и в 1870 г. — средняя сумма производства их исчислялась в нескольких сотнях рублей (не превышая сумму 1 100—1 400 руб. в год), а количество занятых на них рабочих обычно колебалось в пределах 2—5 человек [2].

Однако, при отсутствии централизованной мануфактуры существовала, хотя и слабо развитая, мануфактура рассеянная: известны случаи, когда предприниматели отдавали хлопок для прядения, или пряжу для ткачества рабочим на дому. Вывоз значительного количества текстильных изделий за пределы среднеазиатских государств едва ли мог иметь место без организации производства крупным капиталом.

Ремесленные мастерские, торговые места, а также и караванная торговля были обложены зякатом. Взимаемый при перевозке товаров во многих местах зякат носил характер внутренней феодальной пошлины, существование которой тормозило процесс образования внутреннего централизованного рынка.

Бухарское ханство в середине XIX века было крупным феодальным государством Средней Азии. Численность его населения определялась тогда примерно в $2^1/_2$—3 млн. человек и отличалась в национальном отношении большой пестротой. Основная

---

[1] Meyendorff G. Voyage d'Orenbourg à Boukhara en 1820, Paris 1826, p.p. 216.

[2] М. Я. Терентьев. Статистические очерки Среднеазиатской России, т. V. (Из IV т. Записок Отделения Статистики Императ. Русск. географич. Общества), СПб., 1874. Приложение 7.

масса узбеков подвластных бухарскому хану обитала между г. Гиссар (Хиссар) и рекой Аму-Дарья, хотя значительное количество их было и в восточной части ханства (до г. Куляба). Таджики жили преимущественно в юго-восточных районах и в городах. Зависимые от бухары казахские и кара-калпакские племена кочевали у северных, а туркменские — у юго-западных границ ханства. Имелись также поселения арабов (около Самарканда) и евреев (в городах).

Границы степных и полупустынных окраин Бухары носили условный характер. Что же касается основных районов размещения оседлого населения, то они лежали в бассейнах рек: Зарафшан (от Самарканда до Кара-Куля), Кашка-Дарьи, Сурхан-Дарьи и Кафирнигана. Водные ресурсы именно этих небольших рек и использовались для оросительной системы поливного сельского хозяйства ханства, в котором решающее значение имело земледелие. Торговыми и промышленными центрами являлись города: Бухара, Самарканд, Карши, Катта-Курган и Гиссар. Последний город (Гиссар) был политическим центром полунезависимого бекства и славился производством оружия (здесь имелось, между прочим, шесть небольших чугунолитейных предприятий, работавших на сырье, привозившемся из России).

Хивинское ханство занимало территорию по левому берегу нижнего течения Аму-Дарьи и в зависимости от него находились некоторые туркменские и казахские племена, кочевавшие на его западных и южных окраинах. Состав населения ханства тоже был крайне разнородный. В северо-восточной части (приаральской) преобладали кара-калпаки; по зап. окраинам, обычно, обитали туркмены; среди оседлого населения наиболее многочисленны были узбеки, составлявшие в северо-западных районах преобладающую часть населения. Общее количество населения ханства исчислялось примерно в 700—800 тыс. человек.

Для сельскохозяйственного производства природные условия Хивы были мало благоприятны. Отсутствие небольших рек делало Аму-Дарью единственным источником поливного земледелия. Это обстоятельство затрудняло создание разветвленной системы оросительных сооружений и требовало дополнительных приспособлений для подъема воды на более высокий уровень (устройство «чигирей» — подъемных снарядов, приводившихся в движение силою животных или течением воды). К тому же при бурном течении воды Аму-Дарьи содержали много минеральных частиц, которые засоряли систему каналов и требовали ее постоянной очистки. Посевы хлопчатника в Хиве были невелики, так как необходимая для его культуры высокая температура была лишь в южной части ханства, сравнительно плохо обеспеченной ирригационными каналами.

В пустынных и полупустынных окраинах ведущее хозяйственное значение имело разведение рогатого скота, преимущественно

мелкого, коневодство и верблюдоводство. В связи с этим у туркмен получил развитие ковровый промысел, а у казахов — войлочный. Кочевые племена зависели от привозного хлеба, что отчасти и являлось причиной их политической зависимости от Хивы. Распад родовых отношений у кочевников близ оседлых районов протекал более быстрым темпом, чем в глубине степи.

Торговыми и ремесленными центрами ханства были в первую очередь города Хива и Новый Ургенч. Производство тканей распространено было на юге ханства. Выгодное положение Хивы на караванных путях, ведущих с запада в другие ханства Средней Азии, выдвинуло некоторые ее города как важные пункты транзитной торговли (в первую очередь Новый Ургенч).

Кокандское ханство занимало Ферганскую долину, область Ташкента и примыкавшие с севера к ним некоторые районы современной Казахской ССР. Вассалами Коканда считались некоторые мелкие феодальные владения, расположенные на юге от г. Коканда. В разной степени зависимости от него находились киргизские племена на территории современной Киргизской ССР. По национальному составу население этого ханства было, как видим, еще более сложным, чем в Бухаре. Общая численность его в середине XIX века составляла приблизительно до 2 млн. человек.

По сравнению с Бухарой и Хивой Кокандское ханство отличалось более высоким уровнем экономического развития. Его важнейшие торговые и ремесленные центры, в первую очередь такие города, как Ташкент, Коканд, Маргелан, Ура-Тюбе и др. имели большое значение в хозяйственной жизни всей Средней Азии. Особенно велика была роль Ташкента, являвшегося узлом караванных путей, связывавших все три среднеазиатских ханства и с Казахской степью, и с Россией, и с Западным Китаем. Ташкент занимал ведущее положение как главнейший центр и внутренней, и транзитной, и внешней торговли. В нем насчитывалось до 18 караван-сараев и до 20 тыс. домов.

Шире чем в других ханствах развита была в Коканде и обрабатывающая промышленность. В Ташкенте ремесленники славились изготовлением бумаги, хлопчатобумажных и шелковых тканей, войлочных изделий и шляп. Коканд и Наманган считались центрами текстильного производства, металлоизделий, кожаных товаров. Маргелан известен был производившейся в нем персидской парчей, бархатом, шерстяными тканями и т. д. Сравнительно большое развитие получила в Кокандском ханстве и горная добывающая промышленность.

Богаче и разнообразнее было и сельское хозяйство в Кокандском ханстве. В северных его районах ведущее место занимали посевы зерновых (пшеницы), садоводство, бахчеводство и скотоводство. В более южном Кураминском районе большое значение имело рисоводство. В районах Ура-Тюбе и Ходжента, кроме посевов пшеницы, распространена была культура хлопчатника и

развито было шелководство. В Кокандском же районе хлопчатник настолько вытеснил продовольственные культуры, что туда стал необходим завоз хлеба из других мест.

Феодальное хозяйство в Кокандском ханстве достигло, как видим, большего развития, чем в Хиве и даже Бухаре. Оно стало наиболее богатым и сильным государством Средней Азии. Феодалы Коканда располагали более значительными материальными ресурсами сравнительно с другими ханствами и в борьбе с последними к середине XIX века добились расширения подвластных им территорий. Распространив свое влияние на таджикские районы, Кокандское ханство превратилось тогда в одно из крупнейших среднеазиатских объединений, простирая свои владения от Памирского предгорья на юге, до низовьев Сыр-Дарьи на севере и до границ Западного Китая на востоке.

К тому времени Бухара начала утрачивать свое былое политическое влияние и постепенно теряла подвластные ей территории: г. Туркестан был захвачен Кокандом, а Мервский район — Хивой.

*

* *

Феодальные войны разобщали и ослабляли народы Средней Азии. Борьба между ханствами велась непрерывно и осложнялась широкими народными восстаниями против нарастающей феодальной эксплоатации. В 40-х годах XIX века бухарский эмир предпринял поход на Коканд, завоевал его, но не смог удержать завоеваний под своей властью. Через три года он отнял у Коканда Ташкент, но не сумел удержать и его.

В Кокандском ханстве вскоре после того вспыхнуло восстание кипчаков и киргизов, составлявших значительную часть беднейшего населения 100-тысячного Ташкента. Повстанческое движение охватило всю Ферганскую долину.

Одновременно шла война между Хивой и Бухарой из-за Мерва и происходила затянувшаяся борьба Хивинского ханства с туркменскими племенами. Последняя приняла исключительно ожесточенный характер в 50-х годах: в течение двух лет три последовательно сменившихся хивинских хана погибли в столкновениях с вассальными им туркменами. Одновременно хивинцам пришлось подавлять вооруженными силами восстание подвластных им кара-калпаков.

Феодальные войны тяжелым бременем ложились на трудящееся население. Хозяйство подвергалось уничтожению. Мужское население или поголовно истреблялось, или уводилось вместе с женщинами и детьми в качестве военной добычи. Во время войн все население обязано было платить особые военные налоги и в любое время по требованию хана являться на военную службу с собственным вооружением и продовольствием.

Всеобщее разорение приводило к восстаниям беднейших слоев населения. Восстания влекли за собой новые карательные походы. Развитие производительных сил замедлялось. Скотовод-

ческое хозяйство приходило в упадок. Кочевые племена разорялись и оседали на землю. Переход значительных масс населения к оседлости требовал организации больших оросительных работ. Это способствовало усилению экономической власти феодалов, дальнейшей экспроприации общинных земель, дальнейшему обезземелению крестьянства, росту эксплоатации разоряемых масс.

Итак, среднеазиатские феодальные государства и племена, отсталые в хозяйственном и социальном развитии, разобщенные в политическом отношении, еще более ослаблялись непрекращающимися феодальными войнами. К исходу первой половины XIX в. народы Средней Азии оказались в безвыходном положении. Они уже не имели сил для успешной борьбы с более сильными соседними государствами, стремившимися захватить их земли и угрожавшими их независимости. Правители западных провинций Китая, афганские эмиры, иранские шахи, колониальные английские власти в Индии и царское правительство все активнее вмешивались во внутренние дела Средней Азии. Они разжигали вражду между ханствами, поддерживали боровшихся с ними племена кочевников, готовя почву для завоевания территорий.

С 30-х годов XIX века наибольшая опасность народам Средней Азии стала угрожать со стороны Англии. Бурное развитие ее промышленности, раньше чем в других странах вставшей на путь фабрично-заводского производства, толкало английских капиталистов на широкий захват колониальных владений и на расширение сбыта английских промышленных товаров во всех частях света. Маркс и Энгельс в 1853 г. специально отмечали, что в планах мирового господства капиталистической Англии Средняя Азия занимала тогда весьма видное место: «Настоятельная необходимость беспрерывного расширения торговли, этот рок, преследующий современную Англию, подобно привидению, которое, если его не тотчас удовлетворить, вызывает ужасные потрясения, ощущающиеся на всем протяжении от Нью-Йорка до Кантона и от Петербурга до Сиднея, — эта неумолимая необходимость принуждает английскую торговлю наступать на внутреннюю Азию одновременно с двух сторон: с Инда и с Черного моря...» [1].

Особый интерес Англии к странам Средней Азии связан был с развитием ее колониальных владений в Индии. Еще в 1813 г. Ост-Индская компания лишена была права на монопольную торговлю с Индией, а в 1833 г. было разрешено беспрепятственное там поселение для всех европейцев. Внимание капиталистов Западной Европы привлечено было к торговле с Востоком, и англичане начали поспешно закреплять за собой в Индии все новые территории. В 1831 г. они захватили Майсор, в 1843 г. — Синд, в 1849 г. — Пенджаб, в 1852 г. овладели Нижней Бирмой и в 1853 г. — Ниппуром.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 383.

Средняя Азия приобретала для англичан значение не только как рынок сбыта английских промышленных изделий, но и как территория, по которой проходят кратчайшие пути сообщения из Западной Европы в Индию. Суэцкий канал был закончен, как известно, только в 1869 г., и от Константинополя и Трапезунда начинались главные караванные пути через страны Переднего Востока, по которым шла значительная часть английской торговли с Индией и Китаем. «До открытия прямого пути в Индию Константинополь был огромным торговым рынком; турецкие гавани еще и теперь являются посредниками для очень значительного и все растущего торгового оборота между Европой и внутренней Азией, хотя продукты из Индии идут в Европу сухим путем, через Персию, Туран и Турцию» [1].

Явная угроза военного проникновения англичан в Среднюю Азию наметилась еще с 30-х гг. XIX века. Уже в то время они стали предпринимать ряд разведывательных экспедиций вверх по течению р. Инд. В 1831—1832 гг. английский офицер Бёрнс поднялся по Инду до Лагора, посетил Кабул и проник в Бухару. В 1835 г. была составлена карта устья Инда, и по этой реке англичане пустили первый паровой катер. В 1836—1838 гг. тот же Бёрнс совершил по Инду более длительную экспедицию, снова побывал в Кабуле и оттуда добрался до истоков Аму-Дарьи. Во время последней экспедиции производилась съемка фарватера рек, собирались важные сведения о русской торговле в Бухаре и Афганистане и на среднем течении Инда был даже намечен пункт, который, по расчету англичан, должен был отвлечь купцов Средней Азии от Нижегородской ярмарки. Отдельные английские агенты в конце 30-х гг. посылались в Хиву, и в Бухару, стремясь оказать давление на политику этих ханств в желательном для Англии направлении. Особенно упорно и высокомерно настаивал на требованиях Англии посланный в Бухару полковник Стоддарт.

В 1839 г. Англия предприняла открытое наступление на Среднюю Азию, 22-тысячная армия из английских и сипайских частей вторглась из Индии в Афганистан и оккупировала его территорию. Однако, несмотря на подкуп местных феодалов, англичанам не удалось удержаться в Афганистане — в конце 1841 года афганский народ восстал против иноземного господства, и английские войска, потеряв всю артиллерию, понеся огромные потери, поспешно отступили в Индию.

Потерпев неудачу в военном захвате плацдарма на подступах к Средней Азии, английские капиталисты направили свои усилия на «мирное» проникновение в нее — путем расширения торговли со среднеазиатскими народами.

Поднятая в 40—50 гг. XIX века в английской печати широкая кампания против экономического и политического влияния России в Средней Азии имела целью замаскировать агрессивную

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 382.

политику по отношению к среднеазиатским народам со стороны самой Англии. Шумихой вокруг якобы намечающейся «угрозы» похода русских войск на британские колониальные владения в Индии английская буржуазия пыталась отвлечь внимание от своей собственной экспансии в страны Ближнего Востока.

На лицемерность этой антирусской пропаганды английской печати указывали даже некоторые видные ученые и общественные деятели в самой Англии. Даже весной 1865 г. президент королевского географического общества в Лондоне Р. Мурчисон в своем публичном выступлении подчеркивал весьма давние экономические связи России с народами Средней Азии и вполне оправдывал военные экспедиции туда русских войск, ссылаясь на аналогичные методы колониальных английских властей в Индии. Он говорил: «Надо припомнить, что гораздо ранее, чем Англия имела учреждения в Ост-Индии, цари вели торговлю с Китаем и великими ханствами Бухарским, Самаркандским и другими...». Объясняя расширение сферы военно-административного влияния оренбургского генерал-губернатора интересами охраны русской торговли в Средней Азии, он продолжал: «Таким образом действия сходны с поведением, которого придерживается собственное наше правительство в Индии по отношению ко всем разбойникам на нашей границе... Я желал бы особенно заставить тех моих соотечественников, которые только изучали карты Азии в масштабе 100 миль в дюйме, отказаться от нелепой мысли, что русский император, взяв за операционную базу эту наиболее неплодородную, наиболее отдаленную часть своей обширной империи, может иметь какие-нибудь замыслы против английской Индии» [1].

Никакой действительной опасности со стороны России английским колониям в Индии, разумеется, не существовало. Больше того, как увидим ниже, в течение первой половины XIX века отсутствовала реальная угроза завоевания царской Россией и среднеазиатских ханств. Планы широкого военного вторжения в Среднюю Азию стали разрабатываться правительством в Петербурге не ранее конца 40-х годов прошлого столетия. При этом задачей ставился отнюдь не мифический «поход в Индию», а обеспечение развития русской торговли с народами Средней Азии, которому именно англичане в то время серьезно угрожали.

§ 2. Нарастание англо-русских противоречий в Средней Азии в 40—50-х годах XIX века

Экономические связи народов Средней Азии с Россией на протяжении первой половины XIX века расширялись. Уже в первой четверти прошлого столетия значительно оживилась русская торговля со среднеазиатскими ханствами, что было связано как

[1] Ф. Ф. Мартенс. Россия и Англия в Средней Азии, СПб., 1880, стр. 25—26.

с нарастающей потребностью сбыта в восточных странах русских промышленных изделий, так и с политическим объединением ханств, обеспечившим для местного купечества благоприятные условия для торговли с Россией. К середине 20-х годов XIX века вывоз туда русских товаров, по сравнению с началом столетия, возрос примерно с 1 млн. руб. до 4 млн. руб. За те же 25 лет привоз среднеазиатских товаров в Россию увеличился с 2 млн. почти до 6 млн. рублей.

Нарастающее значение торговли со Средней Азией, в частности роли ханств, не только как рынка сбыта, но и как сырьевой базы для русской текстильной промышленности нашло отражение в записке генерал-майора Веригина, составленной в 1826 г. Отмечая невысокое качество русских мануфактурных изделий, Веригин признавал необходимость обеспечить им более широкий сбыт на Восток и откровенно писал, что Средняя Азия должна стать для России тем потребителем, каким до того времени являлась сама Россия для западно-европейских промышленных товаров. Он указывал, что для стран Востока Россия — промышленная держава. Веригин считал, что развитие русской торговли в Средней Азии тормозится отсутствием благоприятных условий для русских купцов, которые нередко подвергались ограблению, и ставил вопрос о «поднятии престижа» России в ханствах силою оружия. Он предлагал спешить с этим, указывая на опасность «приближения англичан». По его мнению, следовало начать с завоевания Хивы, что важно не только для поступления дешевого сырья (хлопка), но и для расширения торговли с Китаем и даже Северной Индией [1].

Как видим, в записке Веригина, относившейся к середине 20-х годов XIX века, была выражена мысль о военном вторжении в Хивинское ханство для обеспечения русской торговли в Средней Азии. Но на указанный им курс политики по отношению к среднеазиатским ханствам царское правительство тогда не пошло. Прежде всего в то время еще не наблюдалось очевидных признаков широкой угрозы русской торговле на среднеазиатском рынке со стороны английской конкуренции. Кроме того в 20—30-х годах XIX века внимание Николая I отвлечено было сложными европейскими событиями и обостренной борьбой за черноморские проливы.

Иное положение сложилось в торговле России со странами Средней Азии во второй четверти XIX века. Русский экспорт туда к середине столетия увеличился до 15 млн., а импорт среднеазиатских товаров до 10,5 млн. руб. [2]. Однако этот значительный, казалось бы, рост объема торговых оборотов с ханствами отставал от развития русской текстильной промышленности, ко-

[1] Туркестанский край. Собрание материалов для истории его завоевания, ч. II, Ташкент, 1914.

[2] Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, под ред. В. И. Покровского, т. 1, СПб., 1902, стр. XXXI.

торая в 30-х—40-х гг. XIX века в значительной уже мере стала переходить на стадию машинного, фабричного производства. Именно в эти десятилетия стало ясно намерение англичан захватить среднеазиатский рынок в свои руки — английская промышленная продукция стремилась вытеснить русские изделия, усилилась деятельность агентов Англии в Хиве и Бухаре, и англичане вторглись в Афганистан, подойдя вплотную к границам Средней Азии.

Угрожающие перспективы для русской торговли в Средней Азии вызвали сравнительно широкое обсуждение этого вопроса в среде заинтересованных русских купцов. Уже в приговоре собрания Московского купеческого общества в мае 1846 г. отмечено было падение требования на русские товары со стороны приезжавших в Россию среднеазиатских купцов, которые предпочитали продавать привезенные ими товары на наличную звонкую монету, так как на нее в Средней Азии можно было купить английские изделия более высокого качества [1].

К тому же времени относится обсуждение этой темы на страницах русской периодической печати и прежде всего в московских изданиях, так как именно купечество Москвы было в первую очередь заинтересовано в развитии среднеазиатской торговли [2]. Насколько пристально следила российская буржуазия в предреформенные десятилетия за положением в Средней Азии, свидетельствует широкая издательская и меценатская деятельность одного из виднейших представителей московских капиталистов 40-х годов XIX века П. В. Голубкова, который финансировал перевод и издание на русском языке всех основных трудов, освещающих рост колониальной империи Англии и рисующих стремление английских купцов к захвату всей торговли с Востоком, включая и среднеазиатские страны. Голубков субсидировал ряд работ Географического общества по изучению азиатских стран. На его средства был организован ряд экспедиций, в том числе научная поездка П. И. Небольсина, в результате которой было издано обширное сочинение «Очерки торговли России в Средней Азии». Наконец, Голубков сам неоднократно выступал в печати по этим вопросам и разработал любопытный проект учреждения акционерного общества «Российско-Азиатского торгового дома» с капиталом в 4 млн. руб. В поданной на эту тему в 1848 г. Николаю I записке он выражал уверенность, что при помощи правительства это предприятие сможет обеспечить ведущее положение русской торговли на Востоке и в первую очередь в Средней Азии, совершенно вытеснив оттуда англичан [3]. К 40-м годам относится также отправление в

---

[1] Е. Н. Кушева. Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-х гг. XIX века. Труды исторической комиссии Академии Наук СССР. Исторический сборник, кн. 3, Л., 1934, стр. 138.

[2] Там же, стр. 141—145.

[3] Там же, стр. 151—157.

Среднюю Азию первых караванов русских купцов (в предшествующий период русские купцы торговали при посредстве среднеазиатских), а также и русских текстильных фабрикантов Центрального промышленного района [1].

Однако и на этот раз царское правительство не рискнуло встать на путь широких завоеваний новых территорий в Средней Азии. Неудачный зимний поход Перовского в конце 1839 г. в Хиву был, несомненно, связан с переходом англичан в открытое наступление на Афганистан. Перовский преследовал цель «восстановить и утвердить влияние России в Средней Азии, ослабленное... в особенности тем постоянством, с которым английское правительство, во вред нашей промышленности и торговле, стремится к распространению своего господства в тех краях» [2]. Но поспешно организованная экспедиция 1839 г. кончилась полной неудачей и показала, что без серьезной предварительной подготовки военное наступление в Средней Азии обречено на провал. Для предпринятия же широкого завоевания на далекой окраине царизм не располагал тогда необходимыми ресурсами. Достаточно напомнить, что именно на 40-е годы XIX века падают наибольшие усилия по завоеванию Кавказа, которые требовали от царского правительства огромных сил и средств. В конце же 40-х годов все внимание Николая I было сосредоточено на борьбе с грозным для феодальных монархий общеевропейским революционным движением.

Поэтому настоятельные пожелания со стороны представителей растущей российской буржуазии об усилении борьбы за среднеазиатский рынок с Англией, не получили поддержки со стороны Николая I. Проект же Голубкова, не имевший широкого распространения в кругах русской буржуазии, был в частности отвергнут потому, что в нем значительное место занимали планы привлечения торговли индийскими колониальными товарами через Россию, что не соответствовало ни интересам русской буржуазии, стремившейся к сбыту промышленных изделий на собственно среднеазиатском рынке, ни политическим и экономическим планам правительства, которые ограничивались пределами среднеазиатских ханств [3].

К тому же, вскоре после неудачного похода Перовского в Хиву, выяснилось и поражение англичан в Афганистане. Царское правительство предприняло попытки оградить интересы русских купцов в восточной торговле путем дипломатических переговоров со среднеазиатскими ханствами. Одновременно с этим была усилена экономическая и стратегическая разведка в Средней Азии, в частности было обращено внимание на изучение ведущих туда

[1] М. К. Рожкова. Русские фабриканты и рынки Среднего Востока во второй четверти XIX в. «Исторические записки», т. 27.

[2] Туркестанский край. Собрание материалов для истории его завоевания, ч. II, Ташкент, 1914.

[3] Е. В. Бунаков. К истории сношений России со среднеазиатскими ханствами в XIX веке, «Советское востоковедение», т. II, 1941, стр. 5—26.

путей. В 1841 г. была отправлена в Бухару целая экспедиция инженеров и ученых (Бутенев, Ханыков и др.), а в Хиву была послана военная миссия капитана генерального штаба Никифорова. Результатом этих мероприятий было появление ценной работы Ханыкова «Описание Бухарского ханства» и составление особой записки «О возможности и средствах похода на Бухарию с войсками». Переговоры в Хиве о снижении пошлин на русские товары, об освобождении русских пленников и о признании ханом земель к северу от Сыр-Дарьи и к востоку от Каспийского моря, владениями России, — затянулись. При повторной посылке миссии полковника Данилевского удалось добиться лишь только обещания со стороны хана охранять русские караваны от нападения туркмен и хивинских казахов.

К началу 50-х годов XIX века царское правительство решилось начать подготовку к широкому военному продвижению в Среднюю Азию. Еще в 1847 г. было захвачено устье Сыр-Дарьи, где было заложено Раимское укрепление. В 1851 г. на должность оренбургского и самарского генерал-губернатора был назначен Перовский, который известен был как ярый сторонник активной политики по отношению к ханствам. Закрепившись на побережьи Аральского моря, русские войска могли продвигаться по берегам обеих водных магистралей в пределы всех трех среднеазиатских ханств.

Приняв решение продвигаться вверх по Сыр-Дарье, Перовский сделал в 1852 г. попытку захватить расположенную на ее правом берегу кокандскую крепость Ак-Мечеть, но потерпел неудачу. Ак-Мечеть была им взята лишь в конце следующего года и на месте ее был заложен военный форпост — форт Перовск (ныне г. Кзыл-Орда). Так была создана «Сырдарьинская оборонительная линия». Одновременно с этим началось продвижение на юг от Семипалатинска военных отрядов, подчиненных западносибирскому генерал-губернатору, который таким путем распространил свою власть на так называемый Заилийский край. На подступах к Средней Азии с севера вытягивалась новая «Сибирская оборонительная линия».

Сырдарьинская и новая сибирская линии не соприкасались друг с другом. Между ними находились обширные ворота, лишенные пограничной черты. В 1853 г. западносибирский генерал-губернатор Гасфордт поставил перед правительством вопрос о соединении обеих линий.

Но осуществление такой задачи означало продвижение на расстояние около 1000 километров в пределы территории, уже занятой кокандцами. Операция эта должна была привести к длительным военным действиям против непрерывной линии кокандских укреплений — Токмака, Пишпека, Аулие-ата, Чимкента, Туркестана, Джулека.

Однако неудачный для Николая I ход военных событий уже в самом начале Восточной войны 1853—1856 гг. делал невозмож-

ным дальнейшее продвижение военного наступления в Среднюю Азию.

Состоявшееся в начале 1854 г. особое совещание признало проект Гасфордта «несвоевременным». Ему было разрешено ограничиться лишь занятием Заилийской долины и верховьев р. Чу. В том же 1854 г. Гасфордт заложил на реке Алма-Ата крепость Верный и занял войсками долину р. Или в ее среднем течении.

Со стороны Сырдарьинской линии в годы войны дальнейшее продвижение тоже не предпринималось. Здесь приходилось обороняться от среднеазиатских ханств, решивших использовать выгодную обстановку, чтобы оттеснить русские войска назад.

Уже в половине сентября 1853 года через полтора месяца после взятия Ак-Мечети, кокандцы разрушили плотину Карабугут, в связи с чем прервалось судоходство по Сыр-Дарье и укрепления по Сырдарьинской линии оказались разобщенными [1].

Вскоре после того, как Перовскому удалось исправить плотину, появились из степи отряды «мятежников» Исета Кутебарова [2], который стал собирать с казахов, считавшихся русскими подданными, зякет в пользу хивинского ханства [3]. А через два месяца главнокомандующий хана кокандского Якуб-бек с 12 тысячным войском обложил Ак-Мечеть.

8 декабря 1853 года осажденный гарнизон, состоявший из 1 056 человек, предпринял контратаку, Якуб-бек был разбит и бежал [4]. Но нападение кокандцев показало, по словам военного министра, что «мы имеем дело с народом упорным, предприимчивым и который, невзирая на претерпеваемые им потери, может часто и в больших размерах возобновлять свои нападения» [5].

Одновременно с этим до Петербурга дошли тревожные сообщения, что кокандский хан обратился за помощью к турецкому султану, что в Бухаре появились турецкие агенты, которые должны были, примирив эмира с ханом кокандским, склонить Бухару к войне против России. Вскоре стало также известно, что вернувшийся из Константинополя хивинский посланец привез от султана аналогичное предложение к хану хивинскому — прекратив войну из-за Мерва, объединиться с Кокандом и Бухарой для выступления единым фронтом против России.

Ко всему этому в странах Средней Азии наметилось снова оживление деятельности англичан. Сразу после взятия Ак-Мечети английские инженеры были посланы на Гиндукуш для укрепления горных проходов. Еще накануне Крымской войны (в 1853 г.) Англии удалось прервать начавшиеся между Петербургом и Те-

---

[1] ЦВИА, № 44—1072, ч. 2, л. 70—72. Отношение Перовского от 13/IX 1853.

[2] Там же, л. 123—124. Всеподданнейший доклад министра от 7/XI 1853.

[3] Там же, ВУА, № 44072, лл. 77—78.

[4] Там же, ВУА, № 44072, ч. 2, лл. 143—145, рапорт Огарева от 19/XII 1853.

[5] Там же, лл. 211—214.

гераном переговоры о вооруженном выступлении Персии против Турции. Англия заставила также шаха подписать обязательство не вмешиваться в герагские дела, не чеканить для Герата монеты, не посылать туда войск и не держать там постоянно дипломатического агента [1]. Англичанам удалось вызвать «неприязненные» против России действия со стороны персидских курдов и толкнуть соудж-булакские власти на доставку туркам военного снаряжения.

Во второй половине 1856 г. пришли известия о появлении английских агентов в Коканде [2], Хиве и туркменских степях. Правитель Кабула Дост-Могамед, поддерживаемый англичанами, овладел Балхом и занял ряд городов к западу от Аму-Дарьи. Шах персидский порывался выступить против афганцев. Англичане же ждали удобного случая, чтобы повести наступление на дружественную России Персию.

Разгорался очередной афгано-персидский конфликт из-за Герата. Шах, нарушив данное им англичанам обязательство, занял своими войсками Герат и готовился отразить наступление поддерживаемого англичанами Дост-Магомеда. За спиной Персии стояла Россия, за спиной Герата — Англия. Это было как бы продолжением Восточной войны на среднеазиатском плацдарме. Персидские войска действовали небезуспешно. Но англичане двинули свою эскадру в Персидский залив — к ноябрю 1856 г. ими были захвачены Бендер-Бушир, остров Каракх Мохаммера и Ахваз на р. Каруне. Россия оказать помощь персам в эту пору не могла.

Шах принял предъявленный англичанами ультиматум и 4 марта подписал договор об эвакуации Герата и о предоставлении англичанам в Персии прав наиболее благоприятствуемой нации.

Падение международного веса царской России после поражения ее в Крымскую войну отразилось и на среднеазиатских делах. Англичане стремились тогда получить права на открытие английских консульств в портах Каспийского моря и прежде всего в Астрабаде. Русский канцлер Горчаков заявил решительный протест против учреждения английских консульств в каспийских портах и особенно в Астрабаде, которые рассматривались как ключ к Средней Азии [3]. Царскому правительству удалось отвести эти притязания англичан и сохранить дружественные отношения с Персией. Но оно считало необходимым, упрочив свои позиции в Персии, принять срочные меры к укреплению и расширению своего влияния в Средней Азии.

Обстоятельства благоприятствовали царской России: начиналось восстание сипаев против жестокого колониального режима

---

[1] П. А. Риттих, Политико-статистический очерк Персии, СПб., 1896.

[2] ЦВИА ВУА, № 18, 291, л. 1—18.

[3] Г. А. Вызинский. Настоящее и будущее английской Индии. «Русский Вестник», 1858, январь, стр. 241—302.

англичан в Индии. Реакционная часть русской печати официально осуждала «чернокожего Спартака» и развивала тему о борьбе «цивилизации против варварства». Но, отражая настроения правящих кругов, графиня Растопчина писала Погодину: «Тут по-моему перст божий» [1].

Царское правительство до 60-х годов XIX века считало возможным, однако, воспользоваться благоприятной конъюнктурой только для выступления дипломатического, но отнюдь не военного.

На заседании Особого комитета от 4 января 1858 г. было решено послать две экспедиции — одну, «научную», во главе с Ханыковым, в Афганистан, другую дипломатическую, во главе с Игнатьевым, в Хиву и Бухару [2]. Миссия Игнатьева должна была следовать через Оренбург к Чернышеву заливу на Аральском море, оттуда на судах аральской флотилии к Аму-Дарье и, обследовав устье реки, двинуться вверх по ней, если не последует разрешение хивинского хана. Из Хивы Игнатьев должен был отправиться в Бухару. С обоими ханствами предполагалось заключить торговые договоры.

13 июня 1858 г. миссия Игнатьева в составе 117 человек, перевалив через Усть-Урт, подошла к заливу Чернышева и встретилась здесь с пароходом «Перовский», шедшим под начальством капитана Бутакова. «Перовский» не получил разрешения итти вверх по течению. Обследовав дельту Аму, Бутаков вернулся в Аральское море. Игнатьев же со своей миссией продолжал путь по правому берегу реки. 19 июля миссия прибыла в Хиву. Хан принял ее враждебно. Благодаря отсутствию судов флотилии, миссия не могла сноситься с Оренбургом. Положение ее становилось «тяжелым», «затруднительным» и даже «опасным».

Игнатьев все же вступил в переговоры о заключении соглашения. В числе прочих хану были предъявлены требования о свободном плавании русских судов по Аму-Дарье, об учреждении в Хиве русского торгового агентства и об установлении единообразной $2^1/_2$ % пошлины для русских товаров. Хан со своей стороны потребовал определения твердой пограничной линии и признания своих прав на Усть-Урт до Эмбы, на левый берег Сыр-Дарьи и на воды Аральского моря. Согласиться на пропуск русских судов в пределы ханства он категорически отказался. Игнатьев угрожал, заявляя, что Россия предъявит требования возмещения убытков за все разграбленные караваны за время с 1841 г. После бурных объяснений, ничего не добившись, Игнатьев в конце августа 1858 г. выехал из Хивы в Бухару.

Враждовавший с Хивой и Кокандом, стремившийся к овладению Балхом и другими афганскими владениями, лежащими по

---

[1] Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, СПб., 1901, т. XV, стр. 101—102.

[2] ЦВИА ВУА, Департамент III отделения, № 37585, л. 187—189.

левому берегу Аму, бухарский эмир искал дружбы с Россией. Игнатьев добился от эмира согласия на установление 5%-ной таможенной пошлины, на устройство в Бухаре караван-сарая для русских торговцев и на пропуск в Бухару неограниченного числа купцов из России. Эмир не возражал против плавания русских судов по Аму-Дарье. Игнатьев, со своей стороны, обещал ему помощь и против Коканда и против Хивы. Эмир выразил пожелание приступить совместно с Россией к разделу хивинских владений.

Иные задачи преследовала поездка Ханыкова в Афганистан. Ему было поручено в переговорах с афганцами поставить вопрос о федерации среднеазиатских ханств. Царское правительство имело некоторые основания опасаться, что этот вопрос может быть разрешен в той или иной форме помимо него и во вред его интересам. Поэтому важно было взять разрешение вопроса в свои руки и расположить в свою пользу правящие круги среднеазиатских государств.

В записке, составленной директором Азиатского департамента Ковалевским, пояснялось, что миссия в Афганистане должна была убедить его правителей в заинтересованности со стороны России существования достаточно сильных и независимых феодальных государств в Средней Азии, которые могли бы противостоять агрессии других государств и были бы в состоянии поставить оплот завоевательным стремлениям Англии.

Для разрешения стоявшей перед ним задачи царскому правительству приходилось на деле при решении этого вопроса учитывать замыслы англичан. В той же записке Ковалевского прямо отмечалось расширение агрессии Англии в Средней Азии: продвижение англичан из Индии к среднеазиатским ханствам и назначение английского комиссара в Афганистан, а также распространение английского влияния на Герат. Ковалевский считал все это последствием ошибочного мнения министерства иностранных дел, по которому в интересах России было бы сохранение в Средней Азии по возможности большего количества, «так сказать, нейтральных земель», не находящихся в сфере воздействия крупных капиталистических стран.

В то время как Игнатьев вел переговоры об укреплении торговых связей с Хивой и Бухарой, оренбургский генерал-губернатор Катенин, смотревший на миссию Игнатьева, как на вторжение в область, составлявшую компетенцию оренбургских властей, разрабатывал проект развития торговли с Китаем через Кашгар и план завоевания Коканда. Указывая на то, что вопрос о Хиве является вопросом «второстепенным» и отмечая необеспеченность и слабость новой сырдарьинской линии, Катенин в письме к товарищу министра иностранных дел от 6 июля 1858 г. высказал мнение, что дальнейшее сохранение существовавшего положения невозможно и что занятие Туркестана и Ташкента является настоятельной необходимостью, от которой зависит как

утверждение влияния России на среднеазиатские ханства, так и существование сырдарьинской линии.

Катенин настаивал на необходимости в течение 1859 г. занять по крайней мере Джулек. В особой записке, представленной царю в сентябре 1858 г., Катенин развивал те же мысли, причем необходимость занятия Туркестана и Ташкента мотивировал удешевлением содержания дорогостоящей сырдарьинской линии, для урегулирования же взаимоотношений с Бухарой он намечал организацию после взятия Ташкента военной экспедиции в глубь собственно бухарских владений.

В это же самое время генерал-губернатор Западной Сибири Гасфордт, указывая на активизацию кокандцев в верховьях р. Чу, просил разрешения овладеть крепостью Пишпек. Главнокомандующий же Кавказской армией кн. Барятинский, отмечая усиленную деятельность англичан в Персии и Туркмении, настаивал на занятии пункта на юго-восточном берегу Каспийского моря для устройства там укрепления под флагом торговой фактории.

Особое совещание, заседавшее 2 и 9 января 1859 г., признав планы Катенина преждевременными, склонялось на сторону проекта князя Барятинского, заострявшего внимание на английской опасности и на необходимость утвердиться на восточных берегах Каспия. На его юго-восточное побережье решено было послать экспедицию полковника Дандевиля.

Экспедиция эта прибыла в Красноводский залив 24 мая 1859 г. Она была встречена прибрежными туркменами недружелюбно. Предпринятые Дандевилем ответные репрессии привели к росту враждебных настроений среди туркмен. В результате произведенных обследований Дандевиль пришел к заключению, что лучшим местом для устройства укрепленной фактории является Красноводский залив. Политические результаты экспедиции Дандевиля были неблагоприятны: приходилось считаться с возможностью враждебных действий со стороны обычно дружественно настроенных к России болханских и красноводских туркмен и опасаться контрвыступления англичан, а также чрезвычайно опасного в этой связи охлаждения русско-персидских отношений. Поэтому на заседании особого совещания 31 октября 1859 г. было решено устройство укрепления с факториею на восточном берегу Каспийского моря на время отложить.

Не более удачной оказалась относящаяся к рассматриваемому времени повторная попытка царского правительства исследовать русло Аму-Дарьи и утвердиться в ее низовьях. Когда в начале 1859 г. находившийся в России бухарский посланец собирался возвращаться на родину, министерство иностранных дел взялось доставить его на русском пароходе по р. Аму-Дарье. Капитану Бутакову было предложено взять на «Перовский» десант, держать курс на Кунград и постараться закрепиться в нем. В Кун-

граде власть находилась в руках вождя Хизинских повстанцев — русофила Магомеда Фаны. Последний опирался в значительной мере на силы туркмен, действовавших против правительства Хивы под начальством Ата-Мурада, хорошо известного оренбургским властям. Бутакову предписывалось достигнуть Бухары, невзирая ни на какие препятствия и разрешалось употребить в случае надобности силу оружия.

Бутаков с десантом выехал 11 июня 1859 г. на «Перовском» из Аральского моря. Фарватер оказался мелководным, и пароход не мог подняться выше Кунграда. В то же время переговоры Бутакова с Ата-Мурадом не дали благоприятных результатов: Ата-Мурад отказывался пропускать хивинские караваны, не хотел выдать задержанных русских «киргизов» и кара-калпаков и не поднимал, как это прежде бывало, вопроса о принятии туркмен в российское подданство. Насилия, чинимые туркменскими отрядами над жителями города, вызывали недовольство кунградцев. В августе 1859 г. Магомед-Фана был убит, и Кунград вновь подчинился хану хивинскому. Произведя промеры устья Аму-Дарьи, Бутаков вернулся на Сыр-Дарью.

На заседании особого совещания от 16 января 1860 г. было «признано достаточным довольствоваться теми сведениями, которые мы приобрели в течение двух экспедиций фл.-ад. Бутакова и новой экспедиции на Аму-Дарью не предпринимать». Аральскую флотилию было признано необходимым усиливать, имея, однако, при этом в виду нужды сырдарьинской линии. Таким образом, только к началу 60-х годов XIX века выбрано было наиболее удобное место для будущего военного наступления вглубь Средней Азии.

Итак, и в 50-х годах XIX века царское правительство не решилось приступить в Средней Азии к широким завоеваниям. Этому мешали не только внешнеполитические события (Восточная война 1853—1856 гг.) и не только сложная обстановка в последние предреформенные годы в самой России (подготовка отмены крепостного права и явно назревавшая тогда внутри страны революционная ситуация). В правящих кругах еще не находило всеобщего признания мнение о необходимости завоевания Средней Азии.

Достаточно указать, что целесообразность такого завоевания оспаривалась видными чиновниками на страницах периодических изданий того времени. В 1857 г., например, состоявший на службе в министерстве финансов ученый экономист, бывший редактор официального органа «Журнал мануфактур и торговли» Гагемейстер опубликовал в «Русском вестнике» статью, в которой доказывалась мысль, что среднеазиатский рынок имеет очень небольшое значение для русской промышленности. А так как положение России «на северной покатости Азиятского материка», по мнению автора, достаточно твердое и «никем потрясаемо быть

не может», то он приходил к выводу: «Среднеазийскую торговлю можно предоставить самой себе» [1].

Переход царизма к осуществлению широких территориальных захватов в Средней Азии относится к 60-м годам XIX века

§ 3. Начало военного наступления царизма на Среднюю Азию в 60-х годах XIX века

Завоевание Средней Азии царской Россией началось в 60-х годах XIX века и вытекало прежде всего из решительного поворота правительства Александра II в сторону капиталистического развития страны. Несмотря на то, что крестьянская реформа 1861 года осуществлялась крепостниками с учетом в первую очередь интересов помещиков-дворян, она открывала путь для более быстрого роста капитализма в России. «Крестьянская реформа», — писал В. И. Ленин, — была проводимой крепостниками буржуазной реформой. Это был шаг по пути превращения России в буржуазную монархию» [2].

В. И. Ленин, как известно, неоднократно отмечал, что развитие капитализма в России происходит не только «вглубь», на коренных, так сказать, территориях страны, но и «вширь» на новых колонизируемых землях.

Став на путь буржуазных реформ, царское правительство пошло по «прусскому пути» развития капитализма в России и, чтобы ослабить остроту противоречий между быстро растущими капиталистическими отношениями в стране и сохранившимися пережитками крепостничества, должно было неизбежно стремиться к захвату новых колониальных владений. «Разрешение свойственных капитализму и порождаемых им противоречий временно отсрочивается вследствие того, что капитализм легко может развиваться вширь... Если бы русскому капитализму некуда было расширяться за пределы территории, занятой уже в начале пореформенного периода, то это противоречие между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни (прикрепление крестьян к земле и пр.) должно было бы быстро привести к полной отмене этих учреждений, к полному расчищению пути для земледельческого капитализма в России. Но возможность искать и находить рынок в колонизуемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его разрешение» [3].

Ко времени крестьянской реформы наметилось возросшее значение Средней Азии не только как рынка сбыта для русской промышленной продукции, но и как важной сырьевой базы для фабричной хлопчатобумажной промышленности России.

---

[1] Ю. А. Гагемейстер. Взгляд на промышленность и торговлю России «Русский вестник», 1857, январь, стр. 5—52.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4, стр. 95.

[3] В. И. Ленин, т. 3, изд. 4, стр. 522 (примечание).

Роль среднеазиатского рынка для русских капиталистов возросла в связи с упадком торговли с Китаем через Кяхту. Кяхтинская торговля стала упорно сокращаться уже со второй половины 50-х годов XIX века. Еще больший урон был ей нанесен в 1861 г., когда она лишилась монополии на ввоз китайского чая для всего внутреннего рынка России в этом году было разрешено допускать чай из Китая в русские морские порты. При обменном характере кяхтинской торговли сокращение привоза чая неизбежно вызвало сокращение и вывоза русских товаров, в первую очередь, текстильных изделий. Экспорт их только с 1862 по 1863 г. уменьшился сразу на 25% [1], а по сравнению с 1855 г. более чем в два раза [2].

Упадок вывоза русских текстильных товаров через Кяхту явился серьезным ударом по интересам владельцев фабрик, особенно московского промышленного района. Как известно, хлопчатобумажные и шерстяные ткани из России шли на экспорт почти исключительно в восточные страны — на сумму до 6—7,5 млн. руб. [3] (по европейской границе их экспортировалось тогда не более чем на 100 тыс. руб., в том числе бумажных изделий всего на 10—14 тыс. руб.). И большая часть их вывозилась именно через Кяхту. Резкое сокращение кяхтинской торговли уже в самом начале 60-х годов XIX века поставило перед русскими фабрикантами вопрос о необходимости быстрых мероприятий по расширению экспорта тканей из России в другие восточные страны. В первую очередь внимание их привлекли среднеазиатские ханства — возможность широкого сбыта туда русских тканей установлена была еще в 40-х годах.

Одновременно с этим, тоже в самом начале 60-х годов XIX века, Средняя Азия оказалась крайне важным источником сырья для наиболее механизированной к тому времени отрасли русского текстильного производства — для хлопчатобумажной промышленности. Хлопчатобумажные фабрики России работали в основном на привозном хлопке американского происхождения, которого ежегодно доставлялось во второй половине 50-х годов XIX века на сумму от 16 до 22 млн. руб. Кроме того, закупался в Россию хлопок в восточных странах, включая среднеазиатские ханства, на сумму от 600 тыс. до 900 тыс. руб., что составляло в среднем всего лишь около 4% общей стоимости перерабатывавшегося на русских фабриках хлопка. Если даже брать удельный вес этого вида промышленного сырья из восточных стран в реальном весовом выражении (качество его было ниже и стоило оно дешевле), то и в таком случае для предреформенного пятилетия он возрастет только до 8—9%.

---

[1] Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений через Кяхту, М., 1896, стр. 74.

[2] Торговый сборник. Еженедельный журнал торговли и финансов. 1865 г., № 10 от 6 марта.

[3] См. ежегодные официальные публикации «Государственная внешняя торговля в разных ее видах» за 1855—1859 гг., СПб.

Вполне понятно, что разразившийся на мировом рынке с начала 60-х годов XIX века хлопковый кризис (в связи с резким сокращением экспорта хлопка из США во время гражданской войны 1861—1865 гг. между южными и северными штатами) нанес русской хлопчатобумажной промышленности тяжелый удар. Привоз хлопка в Россию по европейской границе в эти годы изменялся следующим образом [1]:

Годы	Привоз хлопка в тыс. руб.	Привоз хлопка в тыс. пуд.
1861	20 682	2491
1862	5 186	445
1863	9 376	587
1864	22 637	933
1865	17 212	1147
1866	36 063	2404

Из данной таблицы видно, что в ценностном выражении импорт в Россию хлопка по европейской границе (в основном это был американский хлопок) в 1862 году уменьшился сразу в три-четыре раза, а в весовом выражении за тот же год оно окажется еще значительнее — почти в шесть раз.

Как видим, поступление американского сырья для хлопчатобумажной промышленности России уже в 1862 г. резко снизилось — текстильные предприятия получили меньше чем 18% его обычного количества. Острая нехватка этого сырья ощущалась и в следующем году. Завоз его несколько возрос в 1864—1865 гг. но и тогда составлял меньше половины годовой нормы, необходимой для русских фабрик. Только лишь в 1866 г. импорт хлопка из США в Россию приблизился к обычному уровню.

Кризис на мировом хлопковом рынке в начале 60-х годов XIX века вызвал серьезные и сравнительно длительные перебои в снабжении импортным сырьем русской хлопчатобумажной промышленности. Для многих фабрикантов это угрожало катастрофическими последствиями. Вполне понятно, что именно в те годы крайне обострился интерес русских капиталистов к среднеазиатским ханствам как к источнику получения остродефицитного привозного сырья.

[1] Таблица составлена на основании ежегодно выходившего официального издания «Государственная внешняя торговля в разных ее видах». Приведенные дальше данные об импорте хлопка по азиатской границе взяты из того же источника.

Поступление в Россию хлопка из восточных стран по азиатской границе за первую половину 60-х годов XIX века очень усилилось, что видно из следующих данных:

Годы	Привоз хлопка	
	в тыс. руб.	в тыс. пудов
1861	665	152
1862	2181	405
1863	3729	495
1864	9188	704
1865	4663	466
1866	5798	580

В ценностном выражении импорт среднеазиатского хлопка в Россию уже за 1862 г. возрос в три раза, продолжая увеличиваться в следующие два года и в 1864 г. достиг суммы, почти в четырнадцать раз превышающей уровень 1861 года. Не так бурно возрастало по азиатской границе поступление хлопка в реальном весовом выражении: в 1862 г. оно увеличилось в два с половиной раза, а в 1864 г. уже в четыре с половиной раза. Но наиболее важным было то, что и в ценностном, и в весовом выражении удельный вес привозного среднеазиатского хлопка в общей массе его импорта в Россию возрос тогда крайне резко. Из сравнения показателей, приведенных выше таблиц ясно видно, что в 1862—1864 гг. стоимость хлопка, закупленного для русской промышленности в среднеазиатских странах, немного не достигла третьей части (свыше 28%) общей ценности импортированного в Россию хлопка. В те же годы доля хлопка восточного происхождения составляла почти половину всего количества хлопка (43—48%), доставлявшегося на русские фабрики. Практическая возможность увеличения поставки из Средней Азии сырья, столь нужного для русской текстильной промышленности, была доказана.

Однако цены на среднеазиатский хлопок, поступавший с территорий, не подвластных России, не поддавались контролю русских фабрикантов. В связи с общей конъюнктурой на хлопковом рынке тех лет они росли исключительно быстро: стоимость 1 пуда хлопка на Нижегородской ярмарке с 4—5 руб. в 1861 г. поднялась до 7 р. 50 к. и уже в 1862 г. дошла до 22—24 руб. Началось сокращение хлопчатобумажного производства в России, предприятия закрывались, массы рабочих увольнялись. Встал вопрос требовавший безотлагательного решения, — укрепление сырьевой базы одной из ведущих отраслей русской текстильной промышленности.

В этой связи завоевание земель Средней Азии, являвшихся ближайшим и богатым потенциальным источником хлопкового сырья, становилось для царского правительства первоочередной

и неотложной задачей. В русской печати уже в начале 60-х годов XIX века стали раздаваться голоса, отражавшие мнения купцов и фабрикантов, доказывавшие необходимость такого завоевания и толкавшие правительство в сторону более решительных действий в этом направлении.

Весьма показательно, что с подробным обоснованием неотложности завоевательной политики по отношению к среднеазиатским ханствам в 1862 г. выступил уже известный нам Гагемейстер, который всего лишь пять лет тому назад категорически возражал против всяких попыток военного вторжения в Среднюю Азию. На эту тему он написал статью «О торговом значении Средней Азии в отношении к России», которая была опубликована влиятельным журналом «Русский вестник».

Теперь Гагемейстер заявлял, что благодаря экономической зависимости среднеазиатских ханств от России «правительство наше всегда властно покорить их своей воле, угрожая им прекращением торговых с ними сношений». Однако вслед за тем он приходил к заключению, что «подобное мирное средство может быть гораздо тягостнее для государства, чем даже употребление военной силы» [1].

Он теперь решительно предлагал занять войсками верховья Сыр-Дарьи и все течение Аму-Дарьи — «путем принудительных средств», «утвердить цивилизующее влияние» в Коканде и покончить с «разбоем и анархией» в Хиве.

Это типично колониальная программа захватов в Средней Азии в интересах российских капиталистов, остро нуждавшихся тогда не только в рынке сбыта, но и в колониальном сырье, по мнению Гагемейстера, сулила огромные выгоды: «Польза, которую Россия извлечет из сношений с Средней Азией так очевидна, что все пожертвования на это дело вскоре окупятся» [2].

Настоятельные требования от правительства в начале 60-х годов XIX века военного вторжения в среднеазиатские ханства полностью отвечали интересам господствующих классов. Влиятельная часть российских капиталистов рассчитывала таким путем быстро получить новые территории для монопольного сбыта промышленной продукции и обеспечить себя дешевым сырьем уже «отечественного» происхождения, что в условиях хлопкового кризиса казалось тогда наиболее важной задачей. Переход к завоеванию Средней Азии рисовал также заманчивые перспективы для военнослужилого и чиновного дворянства. Следует учитывать, что именно в те годы заканчивалось «покорение» царскими войсками Кавказа и освобождались силы для переброски их на новые завоевания.

В какой мере эти завоевания колониальных окраин были заманчивы для офицеров царской армии, видно из того, что помимо наград и быстрого продвижения в чинах даже вполне «законным»

---

[1] «Русский вестник», 1862 г., октябрь, стр. 714.
[2] Там же, стр. 729.

образом, они ухитрялись наживать при этом немалые состояния. По словам художника В. В. Верещагина, лично наблюдавшего ход завоевания ханств Средней Азии в 60-х годах XIX века, артиллерийские офицеры имели крупный регулярный «доход» от вполне легальной «экономии» казенных средств: они платили за ячмень для лошадей 1 руб. за пуд, в то время как официальная «справочная цена» достигала 3½ руб. В Ташкенте тогда передавали слова одного командира батареи: «Кабы на этой речке, да на такой травке, да батарейку... да хорошие справочные цены! ...умирать бы не надо!» [1].

Но, как известно, колониальные войны сопровождаются, как правило, прямым ограблением населения захваченных деревень и городов, особенно после штурмов и подавлений народных восстаний. Такие грабежи широко применялись и в Средней Азии, служа источником обогащения для дворянского офицерства царской армии. Тот же Верещагин пишет, что после подавления в 1868 г. восстания в Самарканде «за несколько рублей можно было купить ...целые сокровища для этнографа» [2].

Неслучайно в военных кругах царской России с начала 60-х гг. XIX века планы военного вторжения в Среднюю Азию пользовались особой популярностью, а военный министр Д. А. Милютин был безусловно их сторонником. С этой точки зрения следует признать особенно типичной специальную записку, составленную в 1861 г. генералом Циммерманом. Обосновывая необходимость открытого завоевания Средней Азии, он писал: «Если бы при царе Иване Васильевиче IV рассуждали так, что Россия слишком велика и ей не следует расширяться, то Волга и теперь была бы в руках мусульман, и отечество наше было бы маленьким московским государством, если бы еще успело сохранить свою самостоятельность». Призывая к колониальным захватам Циммерман прямо ссылался на опыт ограбления народов Востока англичанами и французами. Он утверждал, что после «большой экспедиции» на Коканд русская торговля оживится, подобно тому как оживилась торговля в Англии и Франции... после Пекинской экспедиции».

По своему служебному положению Д. А. Милютин хорошо знал о военной неподготовленности царской России после Крымской войны для серьезной борьбы с капиталистическими державами. Но военные действия против среднеазиатских ханств в то время он считал вполне осуществимыми, — значительных сил и средств, по его мнению, они не требовали. Недаром в своем дневнике за 1862 г. Милютин осуждал осторожную линию в данном вопросе министерства иностранных дел: «Наше министерство иностранных дел с давних времен держалось в азиатской политике системы пассивного консерватизма. Заботясь более всего о поддержании дружбы с Англией, оно противилось всякому на-

[1] В. В. Верещагин. На войне в Азии и Европе. М., стр. 69.
[2] Там же, стр. 57.

шему успеху в Средней Азии, дабы не возбуждать дипломатических запросов лондонского кабинета, ревниво следившего за каждым нашим шагом в степях» [1].

В высших военных сферах царской России тогда рассматривали территорию Средней Азии еще и как удобную позицию для оказания давления на Англию в случае столкновения с ней. В середине 1863 г. Милютин же, отстаивая необходимость занятия русскими войсками Коканда, имел в виду Англию, когда прямо писал: «Это тем более важно, что только здесь мы можем быть опасны для этого врага нашего».

Более решительную позицию в вопросе о завоевании Средней Азии заняло в начале 60-х годов XIX века и министерство иностранных дел. Уже в марте 1860 г. там стало известно об усиливающемся влиянии англичан в Афганистане и о появлении в бухарских войсках английских инструкторов. Затем поступило известие, что афганцы, действуя по наущению англичан, требуют от эмира бухарского открытого выступления против России и что в Туркестан прибыли англо-афганские агенты с предложением организовать изготовление артиллерийских снарядов по европейскому образцу.

В министерстве имелись также сведения о вновь обострившейся борьбе между отдельными ханствами Средней Азии. Сообщалось, например, об осаде Ташкента «кара-киргизами» и «кипчаками». О занятии войсками бухарского эмира Ходжента и о походе его на Ташкент. Одновременно с этим кокандцы еще в 1857 г. продолжали натиск на Кашгар, поддерживая восставшее против китайских властей население края и стремясь захватить его у Китая.

Все это облегчало дипломатическое обоснование военного вторжения царизма в Среднюю Азию и делало осуществление последнего более реальным. Между воинственными намерениями руководящих лиц в военном министерстве и настроениями в министерстве иностранных дел с 60-х годов XIX века наметилось сближение. Новый канцлер Горчаков лично среднеазиатскими делами занимался мало, поручая эту область ведению директора азиатского департамента. В 1861 г. во главе департамента был поставлен генерал Игнатьев. Молодой, честолюбивый и энергичный, хорошо знакомый с Азией и получивший уже известность по своим дипломатическим поездкам в Хиву, Бухару и Китай, Игнатьев был в близких, «почти товарищеских» отношениях к Милютину. «Благодаря этим личным отношениям, — отмечал Милютин в своем дневнике, — мы входили в частные между собою соглашения по азиатским делам и общими силами успокаивали вице-канцлера» [2].

---

[1] Рукописное отделение Ленинской библиотеки в Москве, архив Милютина. Дневник за 1862 г., № 7845, л. 232.

[2] Рукописное отделение Ленинской биб-ки в Москве. Архив Милютина. Дневник за 1862 г., № 7845, л. 234.

Дело началось с вопроса о соединении передовых линий — сырдарьинской и заилийской. В 1861 г. оренбургский генерал-губернатор Безак выступил с проектом — приступить немедленно к соединению линий и предлагал занять Туркестан и Ташкент. В то же время генерал-губернатор Западной Сибири Дюгамель заговорил о «прочном занятии Зачуйского края» и о необходимости возвести в Аулие-Ата укрепления. Вопросы эти обсуждались на заседании Особого комитета 9 марта 1862 г. Оба плана Александр II принципиально одобрил и распорядился о согласовании их. Правительством тогда же была дана обоим губернаторам директива произвести необходимые для того рекогносцировки: Безаку в направлении Туркестана, Дюгамелю в направлении Пишпека и Аулие-Ата.

Кокандские крепости Пишпек и Токмак, расположенные в Чуйской долине в Северной Киргизии, занятые осенью 1860 г. русскими войсками и потом ими оставленные были осенью 1862 года вновь и окончательно завоеваны, при чем при осаде Пишпека русским войскам активно помогало местное киргизское племя солтинцы, вопрос о дальнейших действиях в Средней Азии был поставлен на обсуждение Особого комитета собравшегося 23 февраля 1863 г. Безак снова настаивал на безотлагательном овладении Туркестаном и Ташкентом. Более осторожный Дюгамель, руководствуясь соображениями экономической и международной политики, предлагал объявить Ташкент независимым ханством.

Министерство финансов в лице своего руководителя Рейтерна, обремененное не только заботами о финансировании буржуазных реформ, но и необходимостью чрезвычайных сметных ассигнований на подавление польского восстания, категорически возражало и против всяких комбинаций с Ташкентом и против своевременности соединения линий. Рейтерн указывал на трудность «привлечения в новый край рабочей силы и капиталов», он говорил о нежелательности «отвлечения этих сил от сердца России», о необходимости на время отказаться от наступательных действий в Средней Азии.

Горчаков поддерживал Рейтерна, и, хотя военный министр Милютин высказался за проект Безака, комитет постановил: осуществление объединения оренбургской и сибирской линий, как оно ни желательно пока отложить и ограничиться «изучением пространства между двумя линиями посредством продолжения рекогносцировок.

Ровно через четыре месяца Безак сообщил Милютину, что полковник Черняев, выступивший с отрядом в рекогносцировку, в нарушение данных ему директив «овладел крепостью Сузак и объявил ее с окружающим населением под покровительством России». Чтобы оправдаться в глазах высшего начальства, Безак осуждал образ действий Черняева. Но Милютин не осуждал ни Черняева, ни Безака. Сообщая 7 июля 1863 г. о совершившемся

факте Горчакову, он замечал, что со своей стороны остается при прежнем мнении, что рано или поздно необходимо будет связать уже существующие первоначальные линии — оренбургскую и сибирскую.

Горчаков, который совсем недавно приветствовал умеренность, Дюгамеля, теперь, когда западный тыл был обеспечен Альвенлебенской конвенцией, поддержал точку зрения Милютина. В своем ответе последнему 16 июля 1863 г. он указывал, что положение вопроса существенно изменилось, поскольку успешные действия полковника Черняева без особых расходов и пожертвований приблизили к цели, которая имелась в виду первоначально. Оба министра сошлись на том, что в данный момент удастся обойтись без того, чтобы брать Ташкент и Туркестан силой и что дело соединения линий довершат торговые сношения.

Однако в конце июля 1863 г. Безак доносил, что торговые сношения с Туркестаном не увенчались успехом. Директор азиатского департамента Игнатьев развивал мысль о необходимости силой прорваться к Ташкенту. Точка зрения Милютина-Игнатьева победила. 20 декабря 1863 года царь передал Милютину свое решение: «С будущего 1864 г. приступить к соединению передовых оренбургской и сибирской линий на предложенных ген.-ад. Безаком основаниях, т. е. от Джулека на Сыр-Дарью через Сузак на Аулие-Ата и далее по хребту Каратаусских гор..., чтобы впоследствии перенести границу на Арысь, проведя оную от Аулие-Ата через Чимкент».

Встревоженный действием царизма, кокандский хан стал снаряжать посольство в Россию. Условием приема посольства было поставлено: не требовать от России возвращения занятых ею земель, разрешить русским купцам свободную торговлю в Коканде. Хан этих условий не принял. Посольство также принято не было. Вопрос о будущих судьбах Ташкента оставался открытым. Однако в апреле 1864 г. Милютин уже писал Безаку о том, что было бы полезно «и овладение Туркестаном».

Характерной чертой военного наступления царизма на Среднюю Азию являлось, как видим, то, что главным сторонником и двигателем в составе царского правительства выступал военный министр, при явном противодействии министра финансов и при колеблющейся позиции руководителя внешней политики.

Однако, вопреки, казалось бы, военно-стратегическим мотивам, которыми руководствовался Милютин объективно он осуществлял, как уже сказано, прежде всего задачу расширения колониальных владений царской России. В составленной для царя в министерстве иностранных дел записке, датированной октябрем 1864 г. и получившей одобрение военного министра, говорилось о «таинственном, но неопреодолимом тяготении» России к Востоку и о невозможности «строго миролюбивой политики при соприкосновении с племенами полудикими». Но наряду с этим тут же упоминалось об огромных природных богатствах Кокандского

ханства, при чем не случайно на первом месте в перечне этих богатств упоминался *хлопок,* затем шелк, марена и драгоценные металлы. Тут же указывалось, что через Коканд проходит прямой путь торговли с Кашгаром. Реальное содержание «таинственного тяготения» царизма к Востоку раскрыто здесь в конце концов совершенно ясно. Средняя Азия нужна была господствующим классам царской России прежде всего как рынок сбыта, как источник важного промышленного сырья и как объект колониального ограбления.

§ 4. Завоевание Ташкента и образование Туркестанского генерал-губернаторства

Циркуляром от 21 ноября 1864 г. ст. ст., ко всем европейским дворам Горчаков напоминал о той неизбежности, с какою «образованные» страны, приходя «в соприкосновение с народами полудикими, бродячими, без твердой общественной организации», обычно увлекаются «на путь движения вперед», на котором «величайшая трудность состоит в умении остановиться» [1]. Выступление Горчакова означало, что пореформенная Россия намерена последовать примеру других капиталистических стран.

Милютин был недоволен содержавшимся в циркуляре Горчакова заверением в том, что Чимкент будет крайним пределом продвижения русских войск. «Надежды эти были совершенно призрачны,— отмечал он в своем дневнике,— по крайней мере со стороны военного министерства не было таких иллюзий». Милютин сожалел, что министерство иностранных дел прибегло к «подобным успокоительным заверениям и тем связало себе руки в дальнейших действиях», создавая почву для возможных в будущем упреков по адресу царской России в «коварстве» и «вероломстве» [2].

В первых числах мая ст. ст. 1864 г. со стороны Сибири, из Верного был двинут отряд в 2500 человек под начальством Черняева. Почти одновременно со стороны Оренбурга (из форта Перовского) навстречу ему выступил отряд в 1 200 человек под начальством Веревкина. Черняев шел на Аулие-Ата и далее на Чимкент, важный узловой пункт. Веревкин двигался на г. Туркестан, крупный культурный центр, считавшийся очагом панисламистской пропаганды и агитации. После занятия этих пунктов отряды должны были соединиться и сомкнуть оренбургскую линию с сибирской.

4 июня 1864 г. отряд Черняева после двухчасовой бомбардировки взял штурмом Аулие-Ата. Отряд Веревкина после недолгой осады 12 июня овладел г. Туркестан. Ожесточенные контратаки защитников Туркестана были бесплодны. Атакующие массы кокандской кавалерии, вооруженные шашками и кисте-

[1] Ф. Мартенс. Указ. соч., стр. 22—23.

[2] Рукописное отделение Ленинской библиотеки в Москве. Архив Милютина. Дневник за 1862 г., № 7845, л. 250.

нями, погибали от артиллерийского и ружейного огня на расстоянии нескольких десятков шагов от русских войск.

Стремясь опередить Черняева, Веревкин выслал малочисленный отряд для взятия Чимкента. Чимкент оказал неожиданно сильное сопротивление. Потерпев значительный урон, отряд вынужден был вернуться. Черняев, подошедший к Чимкенту со своими войсками, не решился брать его приступом. Кокандцы деятельно готовились к обороне. «В последнее время кокандская артиллерия,— доносил Черняев из под Чимкента,— под руководством не туземного техника — сделала громадные успехи» [1]. Только в сентябре 1864 г. после образования передовой новококандской линии и назначения Черняева начальником этой линии с подчинением ему всех действующих войск, было приступлено к осаде Чимкента.

Кокандцы защищались упорно и храбро, но отстоять крепость не могли. 22 сентября 1864 г. отряд Черняева внезапным ударом опрокинул выдвинувшиеся вперед кокандские войска и на плечах отступавших ворвался в крепостные ворота. Кокандская артиллерия была захвачена (19 чугунных гладкоствольных пушек, 4 медных орудия и 8 мортир). «Мы замкнули наши степи,— писал впоследствии по поводу взятия Чимкента один из участников среднеазиатских походов, генерал Романовский,— вышли из них на пространство хлебородное, дававшее возможность довольствовать войска местными средствами» [2].

Казалось, намеченный первоначально план действия был выполнен. Ассигновки из Петербурга прекратились. Но легко давшиеся первые военные успехи питали военный ажиотаж. Немедленно после взятия Чимкента Черняев двинулся на Ташкент. Он выступал теперь без формального согласования своих действий с высшим начальством. Крупнейший городской центр Средней Азии оказался обнесенным стенами протяжением свыше 24 километров, имел артиллерию и значительный гарнизон. Черняев не решался брать город штурмом. Он должен был просить Петербург дать ему разрешение на подготовку действий против Ташкента. В Петербурге были заметны колебания по вопросу о дальнейшем развитии военных операций в Средней Азии.

Заграничная пресса, не исключая английской печати, казалась благожелательно и даже поощрительно относилась к действиям России в Средней Азии. Несколько позднее, в начале сентября 1865 г., лорд Россель в своем письме к Бруннову признавал «совершенно законными цели, которые русское правительство имеет в виду». Выражая единственное пожелание, чтобы не была нарушена неприкосновенность Афганистана и соблюдено «равновесие» в Персии, Россель считал нужным заметить: «Вообще, я всегда на стороне державы цивилизованной против страны

[1] Д. И. Романовский. Заметки по среднеазиатскому вопросу, СПб., 1868, стр. 147.

[2] Д. И. Романовский. Указ. соч., стр. 30.

варварской. Мы сами действовали в Индии, соображаясь с настоятельными требованиями обстоятельств, которые всегда завлекали нас далее, чем было нам желательно»[1]. Занятую в то время Англией позицию многие были склонны рассматривать как провокацию.

В начале марта 1865 г. «Московские ведомости»[2] выражали опасение, как бы среднеазиатский вопрос «не упредил с собой решения других вопросов, с которыми связано для России значение великой «европейской» державы». Особенную настороженность вызывала у Каткова позиция Англии: ему казалось подозрительным то, что она, известная своим постоянным противодействием русской активной политике на Среднем Востоке, теперь «рукоплещет недавным успехам нашего оружия в Центральной Азии». Ссылаясь на статьи английского ежегодника «Saturday Review», поощрявшие русскую экспансию в Средней Азии, Катков усматривал в этом желание англичан отвлечь Россию среднеазиатскими делами и тем самым ослабить ее позиции в Европе и на Ближнем Востоке[3].

Тогда же и «Голос» высказывался за необходимость остановить дальнейшее продвижение войск в Средней Азии, занявшись освоением приобретенного и оставив дорогостоящие завоевания как задачу «для наших потомков»[4].

На совещаниях у Александра II с участием Безака, Дюгамеля и вновь назначенного директора азиатского департамента Стремоухова обсуждался вопрос о дальнейших действиях в Средней Азии и об устройстве вновь занятых территорий. Было решено образовать новую Туркестанскую область с подчинением ее оренбургскому губернатору. Начальником новой области был назначен Черняев, но с подчинением его оренбургскому губернатору Крыжановскому.

В Петербурге надеялись, что Ташкент сам отложится от Коканда. Поэтому завоевание Ташкента предпринимать не хотели, рассчитывая мирным путем добиться превращения его в независимое от Коканда владение, находящееся под протекторатом России. Только в случае, если эмир бухарский сделал бы попытку присоединить Ташкент к своим владениям, Черняев должен был занять его военной силой. Войска эмира бухарского весной 1865 г. вступили во владение Кокандского ханства и захватили крепость Ходжент.

Оренбургский генерал-губернатор Крыжановский передал соответствующие директивы Черняеву, сообщил ему о своем намерении приехать из Оренбурга и предлагал до того наступления

---

[1] Рукописное отделение Ленинской библиотеки в Москве. Архив Милютина. Дневник за 1865 г., № 7846, л. 149—150.

[2] «Московские ведомости», 1865, № 47 от 3 марта.

[3] «Московские ведомости», 1865 г., № 47 от 3 марта.

[4] «Голос», 1865 г., № 172, 24 июня.

на Ташкент не предпринимать. Черняев не стал ждать приезда Крыжановского. Он не желал «делиться славой» с оренбургским генерал-губернатором и на свой страх и риск в конце апреля 1865 г. двинуля на Ташкент.

На этот раз Черняев действовал по заранее разработанному плану. Прежде всего он принял решение лишить население Ташкента воды и бросил свои войска против крепости Ниязбек на р. Чирчик, охранявшей ключевые позиции всей системы водоснабжения города. Эта операция ему удалась. После двухдневной бомбардировки, 29 апреля 1865 г. гарнизон Ниязбека капитулировал. Черняев приказал отвести два рукава Чирчика в сторону и прекратил таким путем приток воды в сеть каналов Ташкента.

Затем Черняев овладел крепостью Чиназ у места впадения р. Чирчик в Сыр-Дарью. Эта крепость контролировала переправу через Сыр-Дарью со стороны Бухары. Укрепившись в ней, русские войска встали на пути движения бухарских отрядов с запада и прекратили обычный подвоз продовольствия для ташкентских жителей. Черняев блокировал Ташкент со стороны Бухарского ханства и лишил его не только воды, но и продуктов питания.

После того Черняев, имея под своим командованием, по официальным данным, всего лишь 2 тыс. солдат ($9^1/_2$ рот) при 12 орудиях, приступил к осаде Ташкента. Гарнизон осажденного города к тому времени пополнился отрядом кокандских войск прорвавшихся в Ташкент под командованием фактического правителя Коканда Алимкула. С приходом кокандцев численность ташкентского гарнизона достигла примерно 30 тыс. человек. Численное превосходство его над силами Черняева не могло, однако, иметь решающего значения: примерно наполовину он состоял из наскоро вооруженного гражданского населения и значительно уступал русским регулярным войскам в организованности и военной технике. Это сказалось уже при первой попытке Алимкула сорвать блокаду Ташкента смелой вылазкой. Вылазка не удалась и началась осада.

Располагая незначительным количеством войск, в первые дни Черняев не предпринимал решительных действий, так как рассчитывал, что в блокированном городе, лишенном воды и запасов продовольствия, усилится движение за соглашение и капитуляцию. Явно на это он ориентировался, предпринимая 9 мая первый демонстративный штурм Ташкента. Но ожидания его не оправдались. Ташкентский гарнизон принял сражение, перешел в контратаку, и плохо подготовленные к штурму русские части (они не имели даже штурмовых лестниц и плохо ориентировались в пересеченной местности) от захвата города «с налета» вынуждены были отказаться.

Черняев начал разрабатывать детальный план дальнейших операций. Для решительного штурма города он наметил наиболее слабое место городских укреплений — Камеланские ворота

на южной стороне, где крепостного рва почти не было. Не тревожа гарнизон с этой стороны, именно здесь, с окружавших Ташкент широкой полосой садах, стали готовиться штурмовые части, обеспеченные на этот раз откидными лестницами на арбах, колеса которых были обернуты кошмами. Одновременно ложными маневрами на остальных участках обороны Черняев добился распыления сил защитников города на протяжении всех 24 километров городских стен. К тому времени гарнизон Ташкента заметно уменьшился,— после смертельного ранения Алимкула при штурме 9 мая кокандские войска стали разбегаться, в городе начались волнения.

Решительный штурм Ташкента начался в ночь на 15 июня со стороны как раз Камеланских ворот. (Небольшой вспомогательный отряд тем временем начал демонстративное нападение на Кокандские ворота, находившиеся в 6 километрах). Уже передовым отрядам удалось врасплох захватить караул, проникнуть в город и открыть ворота для русских войск. Ворвавшись в город, основные силы Черняева разделились — часть их пошла вдоль городской стены, на протяжении 14 километров захватывая поставленные на ней орудия и истребляя отдельные отряды; другая часть пробилась через весь город в его северо-восточный район, где находились цитадель и дворец. Начавшийся во дворце пожар угрожал взрывом порохового погреба, и войска отсюда были уведены.

К вечеру в городе разгорелись упорные бои. Уличные бои продолжались и 16 июня. Из города началось бегство «почтенных лиц» — купцов и феодальной знати. Уверившись в бесполезности дальнейшего сопротивления, городские власти послали к Черняеву для переговоров депутацию. 17 июня Ташкент сдался на капитуляцию; началось разоружение войск и жителей.

Самый крупный город Кокандского ханства и важнейший экономический центр Средней Азии был занят войсками Черняева. Для русского гарнизона в Ташкенте за $2^1/_2$ месяца была выстроена новая цитадель. Военные отряды занимали крепости Ниязбек и Чиназ.

Черняеву удалось уговорить некоторых представителей ташкентских властей подать ходатайство о якобы добровольном подчинении города власти российского императора, которое и послано им было с двенадцатью золотыми ключами Ташкента при официальном рапорте в Петербург в начале июля 1865 г.

Царь наградил Черняева «бриллиантовой» шпагой с надписью «За взятие Ташкента». Но Крыжановский не хотел примириться с успехами своего удачливого подчиненного. В это время бухарские войска продолжали продвигаться вглубь Кокандского ханства, и Черняев вступил с эмиром в переговоры о пограничной линии. Эмир, стремившийся установить над Ташкентом собственный протекторат, требовал оставления его русскими войсками. Черняев отправил к эмиру посольство во главе с дипломатиче-

ским чиновником Струве, снабдив последнего импровизирован ными инструкциями. Русское посольство было задержано в Бу харе. Отправленное эмиром посольство не было принято в Петер бурге. Бухарские купцы задерживались в занятых русскими го родах.

В сентябре 1865 г. Крыжановский приехал в Ташкент. О объявил город независимым владением, предложил жителям из брать правителя и чиновников. Черняев, не сообразуясь с дирек тивами Крыжановского, двинулся со своим отрядом на Джизак Один из чиновников министерства иностранных дел сообща 24 февраля 1866 г. в Петербург из Ташкента о «военной лихо радке», охватившей царский генералитет и о соперничестве Чер няева с Крыжановским. Успехи Черняева подняли на ноги вс офицерство, рвавшееся к наградам... Автор письма полусерьезн отмечал, что ему снилось тоже награждение георгиевским кре стом.

Крыжановский обвинял Черняева в самовольных действиях прежде всего в том, что тот хотел заключить с Бухарой соглаше ние за счет отнятых у кокандцев территорий. Милютину неодно кратно приходилось выслушивать упреки в том, что в военно ведомстве культивируется «безнаказанность подчиненных», бе ответственные действия которых даже «награждаются и прослав ляются». Милютин «находил вредным лишать их вовсе собствен ной инициативы»; он считал только необходимым, «чтобы подоб ные отступления от программы в частностях не противоречил общей цели и действительно оправдывались необходимостью» [1].

Однако в действиях Черняева Милютин готов был признат не только элементы самоуправства, но и «нарушение основны правил службы», «самодурство», неумение «соразмерять сво предприятия со средствами» [2] и «опрометчивость» [3]. Дело ослож нялось тем, что в администрации и финансах Туркестанской об ласти в результате деятельности Черняева царил хаос. Не име нужных кредитов, Черняев расходовал суммы, какие попадалис под руку, даже денежные переводы, шедшие на адреса частны лиц [4].

В начале марта 1866 г. Черняев был отозван в Петербург заменен генералом Романовским, поставленным в подчиненно положение к Крыжановскому [5]. В инструкции, полученной Рома новским от военного министерства, говорилось о желательност скорейшего восстановления торговых отношений с Бухарой, н вместе с тем напоминалось, что «азиятец уважает только сил

---

[1] Рукописный отдел Ленинской библиотеки в Москве. Архив Милютин Дневник за 1864 г., № 7845, лл. 247—248.

[2] Там же. Дневник за 1866 г., № 7847, л. 236.

[3] Рукописный отдел Ленинской биб-ки в Москве. Архив Милютин Дневник за 1865 г., № 7846, л. 146.

[4] Там же. Дневник за 1866 г., № 7847, лл. 237—238.

[5] М. Терентьев. Указ. соч., т. 1, стр. 335.

оружия» [1]. Романовский призывался к умеренности, но ему развязывались руки для военных действий. Крыжановский теперь не препятствовал открытию активных действий и против Ходжента.

Военные действия с Бухарой продолжали развиваться. Эмир собрал большое войско. Русским отрядам, казалось, угрожала опасность окружения и полного истребления. Однако 8 мая 1866 г. войскам эмира было нанесено тяжелое поражение у Ирджара. 24 мая 1866 г. после восьмидневной осады был занят Ходжент. Овладение Ходжентом было фактом крупного не только стратегического, но и политического значения. Последствия его скоро сказались: в русский лагерь прибыло бухарское и кокандское посольства с заверениями о дружбе; русское посольство, задержанное в Бухаре, было возвращено; прибыл посланец от магараджи Кашмирского с просьбой о помощи и покровительстве.

Однако положение малочисленных русских отрядов из 13 тыс. человек, бывших в распоряжении оренбургского генерал-губернатора (в действующих отрядах насчитывалось немногим более 3 тыс. [2]), было далеко не блестящим.

Петербург не оказывал Крыжановскому необходимой помощи для развития операций, но и никаких принципиальных возражений действия Крыжановского там не встречали. К июню 1866 г. Крыжановский разработал план занятия всего Кокандского ханства — до пределов Тянь-Шаня. Он решил послать отряд для рекогносцировки по р. Чирчик, а для регулярного пополнения доходов приступил к сбору податей и повинностей. Он предписал вместе с тем Романовскому обращаться с новым кокандским ханом Худояром как с вассалом России: «Если обидится и будет действовать против нас — тем лучше, это даст предлог покончить с ним». Он предписывал Романовскому «не уступать ни в чем» эмиру бухарскому [3].

В августе 1866 г., приехав в Ташкент, Крыжановский сделал распоряжение о принятии жителей Ташкента, Ходжента и Зачирчикского района в русское подданство. Эти земли были включены в состав Российской империи. Прибывшее в сентябре того же года в Ходжент посольство от эмира бухарского выразило согласие заключить мир на предложенных ему условиях, в числе которых был пункт о возмещении России военных издержек. Но Крыжановский взял курс на срыв переговоров, — он выставил заведомо невыполнимые условия об уплате контрибуции в 10-дневный срок. Переговоры были прерваны.

Крыжановский получил предлог для продолжения военных действий против бухарского ханства. Он выступил 20 сентября 1866 г. против кокандской крепости Ура-Тюбе и овладел ею 2 октября. Затем 5 октября был взят штурмом бухарский город Джизак с гарнизоном в 11 тыс. человек. А через несколько дней без

---

[1] Там же, стр. 336.
[2] Д. Романовский. Указ. соч., стр. 108.
[3] М. Терентьев. Указ. соч., стр. 362.

боя была занята и взорвана соседняя кокандская крепость Яны-Курган. Таким образом, перед Крыжановским был открыт путь в глубь Бухарского ханства. Весной 1867 г. столкновения между его войсками и бухарскими силами происходили уже на пути к Самарканду.

Из Петербурга в те месяцы не поступало никаких определенных указаний. Сменивший Игнатьева еще в конце 1864 года новый глава азиатского департамента Стремоухов в конце 1866 г. растерянно писал в специальной докладной записке, что при всем желании составить себе определенное понятие о состоянии среднеазиатских дел, сделать это на основании сообщений тамошнего местного начальства становится решительно невозможно. Но в таких указаниях не было теперь и надобности. В Среднюю Азию был назначен генерал-губернатор, пользовавшийся особым доверием Александра II и близкий к Милютину генерал-адъютант К. П. Кауфман, облеченный чрезвычайно широкими полномочиями.

Назначение Кауфмана отмечало новый этап правительственного курса в Средней Азии. Широкий размах завоеваний новых колониальных владений выдвинул вопрос о создании там особого административного аппарата. Весной 1867 г. было решено образовать туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте, в составе Сырдарьинской и Семиречинской областей. Учитывая особое положение в Средней Азии назначенный туда первый генерал-губернатор Кауфман получил исключительную полноту военной и гражданской власти. Он мог самостоятельно начинать военные действия с соседними государствами и вступать с ними в дипломатические переговоры. В указе Александра II было сказано:

«Мы признали за благо снабдить нашим высочайшим полномочием нашего туркестанского генерал-губернатора, ген.-адъютанта Константина Кауфмана и уполномочиваем его к решению всяких политических, пограничных и торговых дел, к отправлению в сопредельные владения доверенных лиц для ведения переговоров и к подписанию трактатов, условия и постановлений, касающихся пользы обоюдных подданных».

Указ заканчивался следующими словами: «Обещаем императорским словом нашим за нас и за преемников наших за благо принять все то, что в силу сего означенным уполномоченным нашим заключено и подписано будет».

Для придания большего авторитета власти Кауфмана среди местного населения, текст указа был отпечатан в виде особой грамоты золотыми буквами в рамке из гербов всех губерний и областей России. Грамота была переплетена в золотой глазет и прошнурована толстым шнуром, пропущенным сквозь массивный серебряный вызолоченный ковчежец и залитым красным воском с оттиском на нем «большой государственной печати». Кауфман не упускал случая показывать представителям местного населения

столь пышно оформленный документ о его необычайно широких полномочиях и скоро получил прозвище «ярым-падишаха», т. е. полуцаря.

Впечатление Кауфмана от положения дел в Средней Азии отражены в его письме к Милютину от 13 ноября 1867 г. Отметив, что он верит в преданность царским властям лишь ничтожной части местного населения — евреев и индусов, которые ищут защиты от коренных жителей, Кауфман пришел к убеждению, что среди населения наблюдается нерасположение к русской власти и готовность воспользоваться удобным случаем, чтобы освободиться от нее. Кауфман заявлял, что хотя военный разгром Бухарского ханства и может поднять престиж царского правительства в Средней Азии, однако полагал более целесообразным дать другой оборот делу, т. е. прежде всего заняться устройством управления края.

Туркестанский генерал-губернатор явно опасался за состояние своего тыла. Он поставил своей первой задачей добиться соглашения с кокандским ханом Худояром, предложив ему подписать очень умеренные пункты специально составленного трактата: предоставление русским купцам повсеместного пребывания в ханстве и устройства ими караван-сараев, уравнение их с местными купцами в отношении уплаты торговых пошлин, свободный транзит через Коканд русских товаров в другие страны. В этом документе предусмотрительно обходился вопрос о территориальных разграничениях между генерал-губернаторством и владениями кокандского хана. Но хан Худояр, по словам Струве, «понимал свое настоящее положение и вел себя хорошо». Предложенный ему Кауфманом «скромный трактат» он беспрекословно подписал, и посольство кокандское было допущено в Петербург.

Азиатский департамент министерства иностранных дел, который был занят в эту пору балканскими делами и предусматривал скорую неизбежность решительного выступления по вопросу о проливах, надеялся, что роль военного министерства на Среднем Востоке теперь должна кончиться и дипломатически небезопасные военные операции там должны прекратиться.

Однако военное министерство расходилось в оценке положения с министерством иностранных дел. В ведомстве Милютина считали, что хивинский хан держится исключительно силой Бухарского ханства, которое «является ключом всего Аму-Дарьинского бассейна». А поскольку англичане попрежнему стремятся направлять политику Бухары в ущерб интересам России, терпимо это быть не может. В специально изданной по этому вопросу для узкого круга лиц записке Глуховского указывалось, что в данное время Бухара представляет для русской промышленности особый интерес как источник сырья и что необходимо для получения его создать благоприятные условия. Бухарское ханство должно быть «приближено» к России и неразрывно с нею свя-

зано. Таможенная черта должна быть перенесена на Аму-Дарью [1].

Александр II поддержал точку зрения военного министерства. Поход на Бухару был решен.

§ 5. Падение независимости Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств

Для осуществления похода на Бухару к весне 1868 г. складывалась благоприятная обстановка — в самом ханстве нарастало недовольство лавирующей политикой эмира. Во главе недовольных стояло духовенство, беки и крупное купечество. Правительство обвинили в слабости, призыв духовенства к священной войне нашел широкий отклик среди столичного населения. Эмир вынужден был уступить — в марте 1868 г. он отказался от утверждения выработанных уже условий для переговоров с Кауфманом и объявил «газават» против «неверных». В поисках союзников он разослал своих эмиссаров в Хиву, Коканд, Кашгар, Афганистан, Турцию и Ост-Индию.

Напряженное положение наблюдалось тогда и в Самарканде. Среди «почтенных людей», главным образом купечества, здесь сильно было желание пойти на сговор с царскими властями. Но сильны были и воинственные настроения, разжигавшиеся духовенством в массах городского населения. В Самарканде дело дошло до открытого столкновения жителей с войсками наместника эмира, которое закончилось массовыми избиениями. Напряженная обстановка в городе осложнялась еще острой классовой борьбой — народ был озлоблен притеснениями феодалов, которым покровительствовал наместник. Не было единодушия и среди лиц, стоявших во главе Самарканда.

Кауфман 30 апреля 1868 г. начал наступление по самаркандской дороге. Переправившись через Зарафшан, 2 мая, он с боями подошел к Самарканду. Вышедшие навстречу бухарские войска занимали одну из возвышенностей около города и были разбиты стремительной атакой русских, на их глазах по грудь в воде переправившихся через поток. Конница из добровольцев «гази» (борцы за веру) обратилась в бегство. Непродолжительное сопротивление оказали русским войскам и военные отряды эмира. Самарканд оказался беззащитным. Возмущенные жители его разгромили дом и имущество наместника.

В Самарканде усилилась агитация сторонников соглашения с победителями. К Кауфману была послана депутация, заявившая о капитуляции города. Русские войска вошли в него и заняли цитадель, над которой был поднят русский флаг. Из Самарканда Кауфман послал эмиру предложение подписать предъяв-

[1] Глуховский. Записка о значении Бухарского ханства для России и необходимости принятия решительных мер для прочного водворения нашего влияния в Средней Азии. Изд. на правах рукописи. СПб., 1867.

ленные ему ранее условия, дополнив их пунктом о признании перехода Самаркандского бекства к России. Эмир медлил с ответом, и Кауфман, несмотря на значительные потери в его 6-тысячном отряде от болезней, оставив небольшой гарнизон в Самарканде, решил продолжать поход.

Падение Самарканда вызвало новый подъем движения в Бухарском ханстве за «газават». В Гиссаре выступление против эмира возглавил его сын Абдулмалик (Катта-Тюря), которого поддержали беки полунезависимого Шахризябза. Сюда стали стекаться со всего ханства «борцы за веру». В ряде городов наместники эмира были смещены. Поспешно стали собираться отряды, намеривавшиеся итти на освобождение Самарканда, с жителями которого была установлена связь.

Кауфман не знал об этих событиях в Шахризябзе и двигался в глубь Бухары, захватывая крепости, города: 6 мая им без боя был взят Чилек, 12 мая было преодолено сопротивление бухарских войск в Ургуте, 17 мая был занят Катта-Курган. Наконец, 2 июня произошла решительная встреча с главными силами эмира около Зерабулака. Инициатива боя и на этот раз принадлежала русским отрядам. Они атаковали войска хана, расположившиеся на возвышенности. Первый приступ был отбит. При вторичном наступлении сил Кауфмана на помощь им пришла русская артиллерия, и бросившаяся в атаку отборная гвардия эмира была расстреляна в упор. Остальные части бухарского войска обратились в бегство. Исход боя был решен. Путь к столице Бухары перед Кауфманом был открыт

Но на следующий день, 3 июня, к Кауфману прибыл гонец, известивший о восстании в Самарканде. Оставленный там гарнизон, вместе с нестроевыми насчитывал не более 650 человек. А к стенам города стали собираться отовсюду прибывающие многотысячные отряды. Только из одного Шахризябза беки привели свыше 20 тысяч человек. Начали вооружаться и жители Самарканда. В мечетях муллы открыто призывали к борьбе с «неверными».

Восстание началось утром 1 июня. В город беспрепятственно вступили из Шахризябза и окружающих Самарканд местностей многочисленные вооруженные отряды. Вместе с самаркандцами они повели осаду цитадели, за стенами которой укрылся русский гарнизон. Ожесточенный штурм цитадели продолжался два дня. Восставшие обстреливали русский отряд с крыш домов, с мечетей, подожгли ворота и несколько раз врывались внутрь крепости, но каждый раз отступали, не выдержав огня бивших в упор орудий. Осажденные мужественно отбивали все приступы повстанцев. Они не раз производили вылазки, разрушая и поджигая окружавшие цитадель строения.

3 июня шахризябские беки узнали о разгроме войск эмира при Зерабулаке и поспешно отвели свои отряды от Самарканда.

Но жители города и его окрестностей продолжали осаду цитадели.

Положение осажденного гарнизона становилось угрожающим и командование обсуждало вопрос об оставлении крепостных стен и о продолжении обороны во дворце эмира. Неоднократные попытки известить о восстании Кауфмана результатов не давали — вестей от него не было.

Уведомленный 3 июня о восстании, Кауфман дал приказ о возвращении к Самарканду только 5 числа, отряд двигался обратно не спеша и достиг города лишь 8 июня. В Катта-Кургане он оставил один батальон при двух орудиях. Получив сообщения об обратном движении главных русских экспедиционных сил, восставшие самаркандцы 7 июня прекратили осаду крепости. Руководители их скрылись в Бухару.

Вернувшись в Самарканд, Кауфман жестоко расправился с участниками восстания. По его приказанию город был разграблен и значительная его часть была сожжена. Все жители, оказывавшие сопротивление и даже только подозревавшиеся в причастности к восстанию, беспощадно истреблялись.

Тем временем в Самарканд прибыл посол эмира с предложением о заключении мирного договора. Немногочисленные русские войска были изнурены непрерывными походами, несли большие потери от болезней, и Кауфман не решился на новый поход. Он ограничился подписанием с эмиром соглашения от 23 июня 1868 г., по которому Бухара признавала присоединение к России Самаркандского и Катт-Курганского округов, уплачивала 500 тыс. руб. сер. контрибуции, представляла русским купцам свободный и безопасный въезд в Бухару с правом иметь склады для своих товаров в бухарских городах и держать в них своих торговых агентов, обязалась ограничить обложение ввозимых в Бухару русских товаров $2^1/_2$-процентной пошлиной, т. е. такою, какою облагались ввозимые в Россию бухарские товары.

От первоначальной мысли внести в текст договора пункт, запрещающий эмиру вступать в договорные отношения с другими государствами, Кауфман отказался. Он нашел это требование излишним потому, что не рассчитывал в настоящих условиях добиться его осуществления.

Главное значение этого договора заключалось в присоединении к России Самарканда. В Самаркандской области находились верховья реки Заравшан, которая питала своими водами значительную часть бухарских владений. Здесь были расположены главнейшие гидравлические сооружения, приводившие в действие ирригационную систему Бухары.

Подписание мирного договора, наносившего удар по независимости Бухары, вызвало в стране волну народного недовольства. Национально-освободительное движение разрасталось. К осени 1868 г. старший сын эмира Абдулмалик-хан (Катта-Тюря) возглавил его. Он вошел в сношение с Хивою, соседними

туркменскими и казахскими племенами. Англия оказывала ему финансовую поддержку [1]. Старый эмир в качестве вассала обратился к Кауфману за помощью. 21 октября 1868 г. Кауфман двинул в пределы Бухары небольшой отряд под начальством генерала Абрамова. Повстанцы оказали отряду упорное сопротивление, но в конце концов власть эмира была восстановлена. Катта-Тюря бежал. Эмир окончательно примирился со своим вассальным положением.

Заключенные с Бухарой условия мирного договора получили одобрение в Петербурге. Но Александр II от официального утверждения договора отказался, — он не считал «бухарский вопрос» окончательно разрешенным. Из Самарканда и Катта-Кургана был образован особый Зарафшанский округ. Контролируя отсюда всю ирригационную систему Бухарского ханства, царские власти могли быть уверены, что «дружба» формально независимого эмира будет обеспечена.

Завоевание территории Средней Азии продолжалось. Министерство иностранных дел и министерство финансов были поставлены перед совершившимся фактом. Желания российских купцов и фабрикантов осуществлялись военным ведомством. Подводя итоги военным походам 60-х годов XIX века, «Московские ведомости» писали: «Благодаря этому завоеванию, мы приобрели твердое положение относительно среднеазиатских ханств, сильное влияние на них и полную возможность развить там нашу торговлю к великой выгоде национального мануфактурного производства» [2]. «Вестник Европы» тоже одобрил завоевание Самаркандского района: «Возвращать ключ от Бухары, когда можно поручиться, что в будущем нам предстоят новые столкновения с нынешним ее владетелем или с его преемниками, было бы слишком странно» [3].

Уже в период завоевания 60-х годов намечалось оживление деятельности русских капиталистов в Средней Азии. В то время как торговля с Бухарой и Хивой шла неравномерно и определялась военной конъюнктурой, торговля с Кокандом и Ташкентом неуклонно росла. Уже в 1867 г. русский экспорт в эти области превысил объем вывоза в Китай [4].

Еще в ноябре 1865 г. полковник Романовский ездил в Москву для привлечения частных капиталов в среднеазиатскую торговлю. Ему удалось при содействии Милютина, несмотря на скептицизм Рейтерна, достигнуть известных успехов: по инициативе председателя московских отделений мануфактурного и коммерческого советов Хлудова в декабре 1865 г. было образовано Московско-

---

[1] Д. Н. Лагофет. Бухарское ханство под русским протекторатом СПб., 1911, ч. 1, стр. 28—29.

[2] «Московские ведомости» 1867 г., № 141, 28 июня 1869 г., № 37, 14 февраля.

[3] «Вестник Европы», 1869 г., май, стр. 378.

[4] «Московские ведомости», 1868 г., № 274, 19 декабря.

ташкентское товарищество для ведения русской торговли в Средней Азии [1].

В 1866 г. красноярский купец Савельев выступил со смелым проектом образования товарищества для устройства железноконной дороги от Каспийского моря к морю Аральскому и предложил учредить торговое пароходство по Аральскому морю и по рекам Сыр- и Аму-Дарья. Поддержанный Милютиным проект этот встретил возражения со стороны Крыжановского и утвержден не был [2]. В те же годы многие предприниматели во вновь завоеванных местностях начали разработку земных недр: инженер Татаринов искал каменный уголь. Первушин — золото и свинец. Когда в 1868—1869 годах возник вопрос об уплате эмиром контрибуции, представитель торгового дома Хлудова выступил с проектом финансирования эмира, но не получил от правительства требуемой гарантии.

В 1869 г. Окунев выступил с проектом устройства в Сырдарьинской области железоделательного и механического заводов. Испрашивавшийся Окуневым аванс от правительства в сумме 400 тыс. руб. послужил препятствием для организации дела. Чтобы «обеспечить преобладание русских мануфактур на среднеазиатском рынке и сохранить экономическую связь Туркестанского края и соседних ханств с Европейской Россией», чтобы удешевить поставку в Россию среднеазиатского хлопка, в 1870 году было образовано в составе Северцева, Хлудова и Первушина акционерное общество среднеазиатского торгового пароходства с капиталом в 2 400 000 руб.

Значительная часть предприятий по разработке земных недр, возникшая в порядке ажиотажа, скоро заглохла. Торговля с Кокандом шла хорошо, но в Бухаре дела были хуже; за время перерыва в русско-бухарских отношениях английские товары успели завоевать новые позиции на бухарском рынке [3].

Как еще отмечал Гагемейстер, отсутствие удобных путей сообщения являлось одним из главнейших факторов, снижавших значение Средней Азии и как рынка сбыта и как рынка сырья: для доставки в Россию 2 млн. пудов хлопка, потреблявшихся ежегодно русской хлопчатобумажной промышленностью, если бы даже Средняя Азия того времени могла дать такое количество, нехватило бы всего имеющегося в Средней Азии наличного количества верблюдов [4]. Вопрос о «приближении» Средней Азии к России, об удешевлении перевозки товаров вставал во всей остроте. Внимание правительства снова останавливалось на юго-восточном побережье Каспийского моря, откуда через Хиву шел

---

[1] ЦВИА, 1856, оп. 287, № 31, лл. 18—47.
[2] ЦВИА, оп. 1773, 87, ст. 3565, п. 2, св. 7, л. 1—6.
[3] «Торговый сборник». Еженедельный журнал торговли и финансов 1865 г., № 10.
[4] «Русский вестник», 1862 г., № 10, октябрь, стр. 721—722.

более короткий путь к важнейшим экономическим центрам Средней Азии.

При беглом взгляде на географическую карту становится ясным то значение, какое при известных условиях могла иметь река Аму-Дарья для развития русской торговли со Средней Азией. Сухопутное расстояние от Оренбурга до Бухары и Хивы насчитывалось 1 700 и 1 300 верст, а путь от Красноводского залива до Бухары и Хивы составлял всего лишь 700 и 600 верст. Положение Аму-Дарьинского бассейна между Персией, Афганистаном, Кокандом и Китайским Туркестаном придавало ему первостепенную важность и в политическом отношении.

Однако вопрос о занятии Красноводского залива и о проложении нового пути в Среднюю Азию был решительно поставлен только в 1869 г., после окончания завоевания Коканда и заключения соглашения с Бухарой. Теперь интерес к этому вопросу стали проявлять и широкие торгово-промышленные круги.

В заседании комитета Общества для содействия русской промышленности и торговли, состоявшемся 9 апреля 1869 г., была заслушана записка о положении Туркестанского края, составленная прибывшим из Ташкента чаеторговцем С. Трубчаниновым. Вопрос о развитии торговли со Средней Азией ставился в записке в прямую связь с развитием удобных путей сообщения. Так как путь Оренбург — Ташкент пролегал по безводной пустыне и так как ответвление от проектировавшейся Сибирской железной дороги на Троицк, Петропавловск и Акмолинск было делом лишь отдаленного будущего, внимание автора записки привлекала мысль о скорейшем проложении пути от Каспийского моря до Аральского, что должно было сократить стоимость и сроки доставки товаров [1].

Общество устроило еще несколько заседаний, на которых обсуждался вопрос о том, какой именно пункт на Каспийском побережье следует избрать для намеченной цели. Был выбран Красноводский залив и было решено «ходатайствовать перед правительством о крайней необходимости безотлагательного открытия торгового пути от восточного берега Каспийского моря к р. Аму-Дарье и далее в Среднюю Азию» [2].

Когда Крыжановский ознакомился с протоколами Общества для содействия, он ответил на них пространной запиской, заключавшей в себе резкую критику проекта нового пути, устройство которого было, по его мнению, невозможно без завоевания Хивы. Со своей стороны, как первоочередное практическое мероприятие, Крыжановский намечал проведение железной дороги от Самары к Оренбургу [3].

---

[1] Материалы по вопросу о торговых путях в Среднюю Азию, СПб., 1869, стр. 1—12.

[2] Там же, стр. 51.

[3] ЦВИА, оп. 908, св. 501, 1869, № 43, лл. 44—65.

Милютин соглашался с соображениями Крыжановского о желательности постройки железной дороги на Оренбург и считал правильным его замечание о необходимости завоевания Хивы, как гарантии безопасности Красноводского пути. Вместе с тем Милютин 10 октября 1869 г. известил председателя Общества для содействия о том, что будет оказывать полную поддержку его проекту [1].

Военное министерство было заинтересовано в данный момент в открытии военных операций в Красноводском заливе также и потому, что, готовясь продолжать начатое в Средней Азии продвижение, оно должно было думать о создании прочного тыла.

Между тем на некоторых участках этого тыла было далеко неблагополучно. Весной 1869 г. у казахов оренбургского края стало вводиться новое управление. Упразднялась власть султанов. Муллы стали утверждаться гражданским начальством (а не уфимским муфтием, как то было прежде). Вдвое увеличился покибиточный сбор. Распространились слухи о предстоящем введении в Казахстане воинской повинности. Среди казахов Тургайской и Уральской областей начались волнения. Участились нападения на купцов. Были случаи сожжения почтовых станций на Орско-Казалинском тракте. Главным очагом брожения являлся район Мангышлака, где волновались казахи адаевского и чумыш-табинского родов [2].

Хивинский хан распространял среди казахов «возмутительные письма» и возбуждал их, вторгаясь по временам в русские владения, нападая на караваны, захватывая невольников. Письма, которые в августе и сентябре 1869 г. Кауфман посылал хивинскому хану, оставались без ответа. Отправленный к нему в качестве посла волостной старшина Бушуев был задержан на три месяца под арестом [3]. Кауфман сообщал Стремоухову, что сложившаяся обстановка очень осложнила положение в Средней Азии. Он считал, что это неопределенное обстоятельство слишком затянулось и заставляет иногда задумываться над осуществимостью намеченных планов.

Перед Кауфманом стояла задача — отрезать адаевцев от Хивы. Для этого нужно было выставить от восточного берега Каспийского моря на путях к Хиве вооруженный заслон. Он полагал, что высадка в Красноводском заливе военных сил покажет хивинцам и казахам, что принято решение остановить движение «мятежа» и что в случае упорства Хивы она будет раздавлена. Кауфман указывал, что хан не послушает советов до тех пор, пока не увидит наглядного доказательства решительных мер для его наказания.

---

[1] ЦВИА, оп. 208, св. 501, 1869, № 43, л. 6.

[2] Терентьев. Указ. соч., т. II, СПб., 1903, стр. 62; П. Л. Юдин. Адаевский бунт на полуострове Мангышлаке в 1870 г. «Русская старина», 1894 г., июль.

[3] М. Терентьев. Указ. соч., т. II, стр. 66—67.

Директор азиатского департамента 31 мая 1869 г. в свою очередь сообщал Кауфману, что в Красноводске решено по дружескому соглашению с Персией устроить укрепленную факторию для стоянки эскадры, а, главное для развития торговли. Зная о намерениях Кауфмана относительно Хивы, он подчеркивал, что при этом «вовсе не предполагалось ходить войною на Хиву». Стремоухов выражал уверенность, что не окажется надобности ни в каких заграничных экспедициях и скорее полагал, что правительство должно употребить все возможные усилия для решительного подавления волнений в степи. Он 14 октября 1869 г. извещал Кауфмана о предписании Александра III занять Красноводск немедленно, хотя и признавал, что это решение представит серьезные затруднения для царских дипломатов. Стремоухов при этом добавлял, что он не сожалеет о возможных дипломатических осложнениях, поскольку таким путем будет обеспечено развитие в Средней Азии русской торговли и Хива будет приведена к тому же положению по отношению к России, в каком уже находятся Коканд и Бухара.

Отправленный с Кавказского побережья военный отряд высадился в Красноводской бухте 5 ноября 1869 г. Начальник штаба Кавказского военного округа генерал Свистунов выбор этого места для высадки войск обосновывал тем, что пункт этот, находящийся от Хивы в расстоянии 700 верст, может служить исходною точкою и базою для действий отряда кавказских войск, переброшенного через Каспийское море для совместных с войсками Туркестанского округа операций. Через некоторое время кавказским военным властям передано было в подчинение основанное еще в 1834 г. Мангышлакское укрепление (с 1845 г. переименовано в Александровский форт).

Таким образом создан был плацдарм наступления на Хивинское ханство с запада. Кауфман вел дело к разрыву с ханом и не получая ответа на первые три письма, новое обращение к нему в январе 1870 г. заканчивал угрозой, что всякому терпению есть конец, и что, если он не получит удовлетворительного ответа, то будет действовать силой. План будущей военной экспедиции на Хиву уточнялся, определялась даже сумма необходимых для того расходов [1]. Предполагалось вторжение в ханство начать с осени 1871 г., устроив специальный опорный пункт на Аму-Дарье, о чем было сообщено в Петербург в марте 1871 г.

Осуществление этого плана было, однако, задержано в связи с развивавшимися событиями в Западном Китае. Вспыхнувшее там в начале 60-х годов XIX века восстание дунган (потомки переселившихся в Китай мусульман из Средней Азии), приняло скоро широкий размах и привело к объединению под властью Якуб-бека обширной территории в составе Кашгарского, Яркендского, Хатанского и Янги-гиссарского округов. Появление но-

[1] ЦВИА ВУА, дон. 2, отд. 42—492, л. 203—219.

вого сильного соседа стало тревожить туркестанского генерал-губернатора. К тому же начали поступать сведения об усилении на подвластной Якуб-беку территории влияния англичан. Русский консул в Кульдже еще в конце 1865 г. сообщал о прибытии в Яркенд английских агентов из Кашмира, хлопотавших о разрешении на открытие торговой фактории. А в начале 1867 г. тот же консул известил, что прибывшие из Индии англичане ведут переговоры с Якуб-беком о торговле в Кашгарии.

Еще более тревожные вести начали поступать из бывших западных провинций Китая в 1870 г. Якуб-бек стал притеснять русских купцов, явно оказывал покровительство англичанам (английское посольство Форсайта, подарившее ему артиллерийскую батарею и 10 тыс. руб., было принято с исключительной пышностью). Затем в 1871 г. удалось перехватить письмо Якуб-бека к кокандскому хану, в котором он ставил вопрос о совместной борьбе с русскими в Средней Азии.

Из Петербурга было дано распоряжение сосредоточить войска на границах владений, подвластных Якуб-беку. Использовав один из пограничных инцидентов, русские отряды получили приказание начать военные действия. Летом 1871 г. семиреченские войска перешли границу и после упорных боев 19 июня взяли крепость Чинча-хо-дзи, 20 июня — Суйдын, а 22 числа того же месяца без боя заняли Кульджу. Не предрешая формально судьбу занятого «Илийского края», русское военное командование разбило его на четыре участка и организовало управление ими из состава офицеров, подчинив последних губернатору Семиреченской области.

Авторитет Якуб-бека в Средней Азии был подорван. Узнав к тому времени о чрезмерных притязаниях англичан на монопольную торговлю в Западном Китае, он вступил в переговоры с Кауфманом. Посланный последним в апреле 1872 г. уполномоченный без особого труда заключил с Якуб-беком торговый договор, аналогичный ранее заключенным договорам с Бухарой и Кокандом. Торговля русских купцов с Кашгаром была восстановлена на крайне льготных условиях.

На особом совещании 4 декабря 1872 г. под председательством Александра II по специальному докладу Кауфмана были рассмотрены все стороны политики правительства в Средней Азии и окончательно было принято решение о походе на Хивинское ханство. Туркестанскому генерал-губернатору, при содействии войск Оренбургского и кавказского округов, предлагалось осуществить этот поход в ближайшем будущем. При этом на него возлагалась ответственность, чтобы Хивинское ханство не было присоединено к империи, а было лишь подчинено подобно другим среднеазиатским ханствам, влиянию царской администрации для обеспечения развития торговых интересов. Кауфману было, таким образом, поручено силою заставить хана исполнять эти требования.

По намеченному плану новой кампании войска должны были двигаться на Хиву сразу с четырех сторон: из Ташкента, из Оренбурга, с Мангышлака и из Красноводска. Общее руководство военными действиями принадлежало Кауфману.

В течение второй половины 1872 г. красноводский отряд производил неоднократные рекогносцировки и был занят сбором верблюдов. Шедший с Мангышлака отряд под начальством генерала Ломакина задержан был в пути на почве реквизиции верблюдов казахским восстанием. Соединенные силы кавказских войск в количестве 4 300 человек начали свое продвижение в начале февраля 1873 г. Собрать нужное количество верблюдов военному начальству не удалось. Колодцы на пути были редки и не оправдывали ожиданий. Растратив силы и изнурив солдат, отряд вернулся в Красноводск.

В конце февраля выступил из Оренбурга (из Эмбинского форта) отряд силою в 3 400 человек под начальством генерала Веревкина. Одновременно Кауфман повел из Ташкента свой отряд в количестве 4 600 человек. И организация похода и условия пути давали оренбургскому и туркестанскому отрядам большие шансы на успех.

Чтобы избежать дипломатических осложнений, Горчаков, державший все время английского посла в курсе переговоров Кауфмана с Хивой, решил пойти еще на одну уступку Англии. В январе 1873 г. два небольших ханства, Бадахшан и Вахан, до этого времени являвшиеся предметом притязаний, с одной стороны, эмира бухарского, с другой — эмира афганского были включены в пределы Афганистана, который плотно придвигался, таким образом, к Аму-Дарье. Вскоре после того в Лондон был послан Шувалов, который должен был предупредить англичан о предстоящем походе на Хиву и дать успокоительные заверения в том, что русское правительство не ставит своей целью завоевание Хивы и что военная оккупация Хивы будет непродолжительна.

После того как русские войска заняли Бухару и высадились в Красноводском заливе, положение Хивы в стратегическом отношении становилось совсем безнадежным. Между тем оренбургский и туркестанский отряды подошли к столице ханства 29 мая 1873 г.

Хивинцы не сопротивлялись. В тот же день Хива открыла ворота. Хан Мухамед-Рахим II, бежавший сначала в туркменские степи, через несколько дней вернулся, и Кауфман сохранил за ним ханское достоинство, заставив признать новый выработанный для Хивы порядок управления и подписать предложенные ему условия мирного договора.

12/24 августа 1873 г. хивинский хан подписал предъявленный ему текст мирного договора. Условия этого договора существенно отличались от тех, какие были предъявлены Бухаре в 1868 г. И в экономическом и в военном отношении Хива была значительно слабее Бухары. Россия располагала на территории Хивы доста-

точно крупными военными силами. Соседняя с Хивой Бухара была в «дружбе» с Россией и во время похода снабжала русские войска фуражем и продовольствием.

По мирному договору Хива должна была уплатить 2 200 тыс. руб. контрибуции. Хан отказывался от права непосредственных сношений с иностранными государствами. Институт рабства отменялся. Все хивинские земли, лежавшие по правому берегу Аму-Дарьи, отходили к России. Русским судам представлялось исключительное право свободного плавания по Аму-Дарье. Русские купцы получили право свободной и беспошлинной торговли в Хиве. Русским подданным предоставлялось право иметь в ханстве недвижимое имущество; устанавливалась и неподсудность хивинским судам. Хан обязался выдавать русским властям всех скрывающихся в его пределах «нарушителей русских законов» [1].

Из части хивинских земель, отошедших к России, был образован Аму-Дарьинский отдел. Неподалеку от столицы ханства воздвигалось Петро-Александровское укрепление, которое должно было выполнять роль «приставленного к нему особого часового» [2]. Часть хивинских земель была передана Россией эмиру бухарскому.

Договором 1873 г. устанавливался таким образом над уцелевшей частью Хивы фактический и формальный протекторат царской России.

Утверждение русской власти в Хиве не могло не отразиться на международно-правовом положении и Бухары. Это выразилось в заключении 28 сентября 1873 г. с Бухарой нового договора. Сохраняя за собой право взимать с русских товаров 2½% пошлины, Бухара предоставляла русской торговле во всех прочих отношениях права, выговоренные для нее в договоре России с Хивою. В Бухаре также отменялся институт рабства. Постоянное бухарское «представительство» учреждалось в Ташкенте; русское правительство получало право держать своего «представителя» в Бухаре [3].

В отличие от русско-хивинского договора, договору русско-бухарскому была придана форма двустороннего обязательства. В договоре не было ни пункта об отказе эмира от права непосредственных сношений с иностранными государствами, ни пункта о неподсудности русских подданых бухарским законам. Бухара сохраняла собственную таможенную линию.

Русско-бухарский договор 1873 г. не устанавливал формального протектората России над Бухарой. Но степень ее зависимости от России усиливалась.

События развернувшиеся вслед за тем в Кокандском ханстве, толкнули царское правительство еще на одну военную операцию

---

[1] С. В. Жуковский. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пгр., 1915, стр. 179—183.

[2] История русской армии и флота, т. XII, М., 1913, стр. 95.

[3] С. В. Жуковский. Указ. соч., стр. 184—187.

в Средней Азии. В то время как Бухара и Хива, потерпевшие полный военно-политический разгром, были в качестве вассальных владений уже крепко привязаны к Российской империи, Кокандское ханство, избегнувшее благодаря приспособленческой политике Худояр-хана окончательного разгрома, сохранило формально большую самостоятельность.

Кокандский хан Худояр, легко пошедший на сделку с завоевателем, не был популярен среди населения ханства. Лишившись с потерей Ташкента, Ходжента, Ура-Тюбе и других городов многих своих доходов, он возмещал свои убытки поборами и усиленной эксплоатацией крестьянства. В середине июля 1875 г. в окрестностях города Узгента вспыхнуло народное восстание против Худояр-хана. Во главе восставших стоял киргиз Пулат-хан и один из придворных военных чинов Абдурахман-Автобачи. Восставшие двинулись на Коканд. Худояр-хан бежал под покровительство царских генералов. Феодальная верхушка провозгласила ханом сына Худояра Наср-Эддина. Одновременно с походом на Коканд восставшие вторглись и в бывшие кокандские земли, отошедшие к России. Они окружили Ходжент и прервали сообщение его с Ташкентом. Был провозглашен газават. Кауфман решил воспользоваться восстанием для ликвидации последних остатков привилегий Кокандского ханства.

В полученном в середине августа царем донесении Кауфмана сообщалось об успешных действиях русских войск, теснящих повстанцев к кокандской границе. Кауфман добавлял, что если ему будут присланы подкрепления, результатом военных действий может быть занятие всего Кокандского ханства. Милютин, одобрявший действия Кауфмана в отношении Хивы, на этот раз колебался. Царь выслушал сообщение Кауфмана «совершенно равнодушно, как последствие, которое он ожидал» и распорядился об отправлении войск. «Таким образом, — отмечал Милютин в своем дневнике, — в 5 минут, без всяких рассуждений решился вопрос о присоединении к империи новой области — ханства Кокандского» [1].

Между тем Кауфман продолжал развивать решительные операции. Он двинулся во главе большого отряда на Ходжент, освободил осажденных и 22 августа под Махрамом разбил главные силы восставших. Столица ханства г. Коканд открыла перед ним ворота. 25 сентября 1875 г. с Наср-Эддином был заключен мирный договор, по которому все земли Кокандского ханства по правому берегу Сыр-Дарьи переходили к Российской империи.

Однако соглашение с кокандской феодальной верхушкой мало изменило создавшееся внутри страны положение. Массовое движение продолжало расти. Вся восточная часть ханства представляла собой бурлящий котел. Абдурахман-Автобачи сосредоточил

[1] Рукописный отдел Ленинской биб-ки в Москве. Архив Милютина. Дневник за 1875 г., № 7852, лл. 61—62.

в Андижане до 70 000 человек. Коканд был снова в руках восставших. Наср-Эддин вслед за своим отцом бежал под покровительство царских властей.

Кауфман послал карательную экспедицию под начальством генерала Скобелева. Огнем и мечом прошел отряд Скобелева по всей Ферганской долине в зимние месяцы 1875/76 г. В январе 1876 г. он взял Андижан. С отрядом из 400 всадников был взят в плен Абдурахман-Автобачи, затем был настигнут и вождь восстания Пулат-хан.

Никаких договоров с Кокандом царское правительство больше не заключало. 19 февраля 1876 г. было объявлено о ликвидации Кокандского ханства и об образовании из его земель Ферганской области в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Ликвидацией Кокандского ханства закончилось завоевание царской Россией среднеазиатских ханств в восточной части Туркестана.

§ 6. Установление границ Туркестанского края

Всего лишь за одно десятилетие (1865—1875 гг.) среднеазиатские ханства, экономически отсталые, не преодолевшие феодальной раздробленности, ослабляемые внутренними классовыми противоречиями и истощаемые взаимными феодальными войнами, оказались фактически включенными в состав Российской империи. Отсталые в своем историческом развитии, имея войска, вооруженные старинными пушками, кремневыми ружьями, главным же образом холодным оружием, ханства Средней Азии не могли противостоять регулярной армии такой сильной европейской державы, как Россия. Самовольное выступление небольшого отряда Черняева на Ташкент вылилось в широкое наступление царской России на все среднеазиатские ханства, отвечавшее интересам и крепнущей русской буржуазии и помещиков-дворян.

Другая капиталистическая держава — Англия, преследуя агрессивные цели укрепления и расширения своих колониальных владений, прилагала все усилия, чтобы распространить свое влияние и на Среднюю Азию. Продвигаясь к северу от Инда и дойдя до хребта Гиндукуш, она оказалась, однако, не в силах прорваться в бассейны Сыр- и Аму-Дарьи. Стремясь утвердить свое влияние в Афганистане, как на ближайшем плацдарме от Индии и Средней Азии, англичане пристально следили за укреплением там экономического и политического влияния России.

Еще в самом конце 1867 г. статс-секретарь по делам Индии Норскотт, касаясь продвижения русских войск в Среднюю Азию, не находил в этом для Англии ничего опасного. Он тогда писал: «Завоевания, уже сделанные Россией, равно как и те, которые она, как кажется, сделает еще в Средней Азии, представляются английскому правительству естественным последствием обстоятельств, в которые она была поставлена, и не дают ни малей-

шего повода для представлений, вызываемых подозрением или страхом в отношении этой страны [1].

Но уже в 1868 г. в английской печати началась широкая кампания против завоевательной политики царского правительства в Средней Азии, которая усиленно представлялась как прямая угроза для индийских колониальных владений Англии. На страницах английских газет и журналов, в парламентских прениях и в правительственных выступлениях «среднеазиатский вопрос» стал занимать одно из виднейших мест. Тон его обсуждения по временам приобретал особую резкость не раз, казалось, грозившую серьезными международными последствиями.

Наиболее ярким выразителем агрессивной политики английской буржуазии в восточных странах был Раулинсон, выступивший с сенсационным разоблачением тайных якобы намерений царской России захватить Индию. В его специальной записке, составленной в 1868 г., английские колонии в Индии представлялись уже прямо как осажденная страна со стороны России: «Следя по карте поступательное движение русских в Средней Азии, — писал Раулинсон,—поражаешься сходством этого движения с военными операциями заложения параллелей против осаждаемой крепости». Перечислив «этапы» этого «движения» за последние 25 лет и отметив неизбежность занятия русскими войсками Мерва — «ключа от Индии», Раулинсон восклицал: «Когда Россия утвердится на этой базе, положение ее сделается грозным» [2].

Английские дипломаты рассматривали Афганистан не только как «ворота» в Индию, как высоту, над нею господствующую, но и как «рычаг», при помощи которого можно утверждать английское влияние в Средней Азии. Поэтому англичане готовы были итти на материальные жертвы и по Амбальскому договору 1869 г. отпустили Шир-Али ружья, артиллерию и три миллиона фунтов стерлингов деньгами [3]. Русский посланник в Тегеране 9 октября 1869 г. доносил, что Шир-Али взял под свое покровительство враждебного России сына эмира бухарского и подчинил своему влиянию правителя Шахризябза [4]. Кауфман сообщал Милютину 19 января 1870 г. о намерениях эмира совершить поход на Аму-Дарью и заложить там под руководством английских инструкторов крепость [5]. В то же время приходили известия о готовности текинцев признать покровительство Шир-Али-хана.

В начале 70-х годов XIX века снова повис грозный призрак среднеазиатских коалиций во главе с афганским эмиром, скла-

---

[1] Ф. Мартенс. Указ. соч., стр. 32—33.
[2] Ф. Мартенс. Указ. соч., стр. 37.
[3] Д-р Руир. Англо-русское соперничество в Азии в XIX веке, М., 1924, стр. 77.
[4] ЦВИА ВУА, № 6796, л. 9.
[5] Там же, № 6821, л. 14.

дывающейся под руководством англо-индусского правительства [1].

В начале 1869 г. английский министр иностранных дел Кларендон предложил Бруннову притти к соглашению об образовании в Средней Азии нейтральной зоны, которая предохранила бы и Россию и Англию от взаимного соприкосновения. Бруннов, получив санкцию Горчакова, согласился в принципе с проектом Кларендона, заверив последнего, что «считает Афганистан совершенно вне той сферы, на которой Россия могла бы быть признана оказывать свое влияние». По поводу полученного ответа Кларендон выразил удовлетворение.

Однако через некоторое время английский поверенный в делах в Петербурге Румбольд заявил, что Афганистан не может быть признан нейтральной территорией, и предложил считать нейтральной территорию, лежащую к югу от Аму-Дарьи и сопредельную с Бухарой. Это означало, что англичане хотят изолировать Россию от Хивы и от Аму-Дарьинского бассейна.

Горчаков отклонил английское предложение. В начале сентября 1869 г. в Гейдельберге состоялось свидание Горчакова с Кларендоном. Кларендон говорил об опасностях, проистекающих от честолюбия генералов, и настаивал на необходимости создания нейтральной зоны. Он снова предложил наметить буферную полосу по линии левого берега Аму-Дарьи. С своей стороны Горчаков предложил признать в качестве буфера Афганистан. Кларендон указал на недостаточную определенность границ Афганистана [2]. Обмен мнений не привел ни к какому практическому результату.

В самом конце декабря 1869 г. Петербург посетил ответственный чиновник индийской службы Дуглас Форсайт, уполномоченный вице-королем Индии на ведение переговоров с Россией. Форсайт снова поднял вопрос об определении нейтральной зоны. Он проявил готовность пойти на сближение с петербургским кабинетом. Было признано, что границы Афганистана определяются землями, находящимися в его действительном владении, и что Россия воспрепятствует эмиру бухарскому причинять вред афганской территории. Афганистан, — в этом, по крайней мере, Горчаков был уверен, — признавался во время переговоров нейтральной территорией. Горчаков одобрил представленную ему на прочтение депешу Форсайта не дочитав ее до конца; в post scriptum'е значилось, что английские офицеры могут посещать «нейтральный» Афганистан.

Договориться по вопросу о том, что считать действительными владениями Шир-Али, окончательно не удалось: Бадахшанская и Ваханская области, хотя и платили дань эмиру, но фактически не подчинялись эмиру и считали себя независимыми; русская

[1] «Военный сборник», 1872 г., № 3, статья «Красноводский отряд в 1869—1870 гг.», стр. 45.

[2] Ф. Мартенс. Указ. соч., стр. 45.

дипломатия находила, что они не могут быть отнесены к числу афганских владений [1]. Соглашение снова не было достигнуто.

Переговоры продолжались. Но весь ход дипломатических переговоров с Англией по Среднеазиатским делам убеждал Горчакова в том, что стараясь всячески противодействовать утверждению русского влияния в бассейне Аму-Дарьи, Англия не отказалась от мысли утвердить свое могущество в Афганистане, как плацдарме для дальнейших действий в Средней Азии.

Обнародование договора России с Хивой и Бухарой вызвало новую бурю в Англии. Полного единодушия в английских политических кругах не наблюдалось. Примыкавший к либералам герцог Аргайль оправдывал русскую политику в Средней Азии. «Никогда еще, — писал он по поводу похода на Хиву, — война против государя полудикой страны не была более справедлива и более необходима» [2].

Успехи царской России в Средней Азии активизировали прежде всего англо-индийские правительственные круги. В конце 1873 г. афганистанский эмир Шир-Али отправил в Симлу одного из своих министров для переговоров о помощи, на какую он мог рассчитывать со стороны англо-индийского правительства. Лорд Нортбрук, вице-король Индии, предполагал обещать эмиру, что «под условием его согласия придерживаться советов Великобритании в вопросах внешних сношений, ему будут предоставлены, в случае необходимости отразить не вызванное им самим нападение, деньги, оружие и войска» [3].

План Нортбрука не был санкционирован в Лондоне. Позиция либерального кабинета (Гладстона) подверглась критике со стороны оппозиции. 21 июля 1874 г. (н. ст.) Гладстон пал и был заменен Дизраэли, сторонником агрессивной имперской политики.

После смены английского кабинета переговоры между Лондоном и Петербургом о нейтральной зоне продолжались. Англичане отстаивали полную свободу действий Англии в отношении Афганистана. Отказываясь от идеи о нейтральной зоне и подтверждая незаинтересованность России в афганских делах, Горчаков сохранял в остальном в вопросе о Мерве и туркменах за Россией свободу действий.

Переговоры не дали результатов. Но становилось очевидным, что царское правительство не отказывается от продолжения активной политики в сопредельной с Хивой Туркмении, а Англия не оставит в покое Афганистан. Еще в январе 1875 г. новый статс-секретарь по делам Индии Солсбери поставил правительство эмира в известность о желании королевы иметь в Афганистане своих резидентов.

Лорд Нортбрук вышел в отставку и был заменен на посту вице-короля Литтоном, сторонником политики «продвижения».

---

[1] Ф. Мартенс. Указ. соч., стр. 52.
[2] The eastern question, т. VII, стр. 303.
[3] Д-р. Руир. Указ. соч., стр. 78.

Английские агенты деятельно работали над укреплением исключительного влияния Англии в Белужистане, чтобы дать возможность англо-индийским войскам расположиться на южном склоне афганского плоскогорья. Англо-индийские войска посылались для занятия Кветты.

В английском военном министерстве разрабатывался (1876 г.) план войны с Россией, предусматривавший посылку, по соглашению с вассальным афганским эмиром, 60-тысячной остиндской армии на будущий малоазиатский театр войны [1]. В этом плане для англичан особенно важное значение приобретали Кандагар и Герат, как ворота в Индию и из Индии [2].

И Англия и Россия стояли в Средней Азии еще перед рядом неопределенных препятствий. «Англичане поставили караул, — говорил Шир-Али по поводу занятия Кветты, — у задней двери моего собственного дома, чтобы ворваться во время моего собственного сна» [3]. Хорошо зная о том, что поддерживая его, Англия одновременно поддерживает и его соперников и заинтересована в ослабленном и раздробленном Афганистане, Шир-Али приходил к заключению, что дружба англичан есть слово, написанное на льду». «Теперь, ваше величество, — писал он турецкому султану 19 января 1875 г., — имеете возможность убедиться собственным опытом, как мало надо верить в их дружбу, и вы видите, что англичане постоянно оставляют своих друзей в их несчастьи на произвол судьбы... Считаю своим долгом просить покорнейше ваше величество отстранить всякий союз с Англией и вступить в соглашение с Россией» [4]. Кризис в англо-афганских отношениях приобретал в эту пору для России в связи с балканским кризисом исключительно важное значение.

Дипломатическое поражение, которое потерпела царская Россия на Берлинском конгрессе, не могло произвести на отдаленные от балканского театра государства Средней Азии такое впечатление, какое произвело появление победоносной русской армии у ворот Константинополя и видимая пассивность английской средиземноморской эскадры. К тому же, начав с выступления в качестве защитницы неприкосновенности Турции, Англия заканчивала свою роль участием в общем дележе турецких земель.

У эмира Афганистана были особые основания к тому, чтобы проникнуться недоверием к англичанам. Чувство дружбы к Англии он утратил еще за год до войны [5]. В 1876 г. англо-индийское правительство отправило в Кабул миссию Пелля, на которую воз-

---

[1] Л. Н. Соболев. Англо-афганская распря, СПб., 1882, стр. 512.
[2] М. А. Терентьев. Указ. соч., т. II, стр. 321.
[3] Mayer and Poget. Afganistan, its political and military history, London 1879, p. 191.
[4] Mayer and Poget. Afganistan its political and military history, London 1879, p. 191.
[5] Л. И. Соболев. Англо-афганская распря, (Очерк войны 1879—1880 гг.). СПб., 1882, т. 1, стр. VII.

лагалась задача заключить военно-оборонительный и наступательный союз с Афганистаном с тем, чтобы создать нужные гарантии для реализации плана английского военного министерства о посылке в азиатскую Турцию англо-индийской армии против русских.

Миссия Пелля не только ничего не добилась, но, обнаружив стремления Англии к подчинению соседней страны своему безраздельному влиянию, содействовала росту англо-фобских настроений в Афганистане [1]. В начале 1877 г. Шир-Али отказался допустить в Кабул английских офицеров в качестве аккредитованных представителей индийского правительства [2]. Ответ эмира вызвал крайнее раздражение в англо-индийских политических кругах: становилось ясным, что Шир-Али считает себя свободным в определении своей внешнеполитической ориентации, а русских — равноправной с англичанами страной. Отказавшись принять миссию Англии, Шир-Али согласился на приезд русской миссии Столетова.

Столетову было поручено искать дружбы с эмиром «на случай вооруженного столкновения нашего с Англией» [3]. Миссия Столетова снаряжалась в глубокой тайне. Осведомленный о ней английский посол в Петербурге сделал соответствующий запрос в министерстве иностранных дел. Он получил ответ, что в министерстве о ней ничего не известно [4].

Столетов выехал из Самарканда в Кабул 2 августа 1878 г. когда там еще не были получены сведения о заключении мира. Он должен был действовать согласно инструкций, данных ему Кауфманом: укрепив дружбу с эмиром, договориться с ним о пропуске русского 30-тысячного отряда к индийским границам и заключить с Афганистаном, если это удастся, военно-оборонительный союз [5].

Уже по приезде в Кабул, 28 июля, Столетову были сообщены новые директивы из Петербурга. Кауфман советовал ему воздержаться от каких-либо решительных обещаний эмиру и не поднимать вопроса о войне с Англией. Однако Столетов повел с эмиром переговоры в плане полученных им ранее инструкций. Ему не стоило большого труда заключить договор с эмиром (9 августа 1878 г.). Россия брала на себя обязательство защищать Афганистан от всякой грозящей ему опасности; Россия обязалась содействовать эмиру в отвоевании провинций, отторгнутых от Афганистана соседними государствами; Россия брала на себя посредничество в случае возникновения у Афганистана конфликтных отношений с другими государствами; Россия обещала дать Афганистану своих военных инструкторов и обучать посылаемых в Пе-

[1] Л. И. Соболев. Англо-афганская распря, стр. 512.
[2] А. Гамильтон. Афганистан, перев. с англ. СПб., 1908, стр. 7.
[3] М. Терентьев. Указ. соч., т. II, стр. 428.
[4] Parlam papers, 1878 (Central Azia № 1, p. 132).
[5] М. Терентьев, указ. соч., т. II, стр. 429.

тербург молодых афганцев разным специальностям. Согласно тексту составленного Столетовым договора никаких обязательств эмир на себя не брал. Пообещав эмиру прислать в скорейшем времени 30-тысячный отряд, Столетов 11 августа выехал из Кабула.

Генерал Кауфман не решился взять на себя ответственность за самовольные действия Столетова и направил последнего в Ливадию для личного доклада царю [1]. В сентябре 1878 г. Столетов прибыл в Ливадию. У царя было устроено несколько совещаний по афганскому вопросу. Принятие окончательного решения было отложено до приезда Шувалова из Лондона [2].

«Такой неожиданный для нас самих оборот дела, — отмечал Милютин в своем дневнике по поводу известий, привезенных Столетовым, — которому мы не придавали особенного значения, может повести к большим усложнениям в наших взаимоотношениях с Англией» [3].

С приездом Шувалова было решено советовать эмиру «действовать примирительно для избежания войны» с Англией [4], поручить Шувалову рассеять подозрения, вызванные у английского правительства, и отклонить войну Англии с Афганистаном. Вместе с тем, по свидетельству Милютина, было «приказано на всякий случай собрать, где удобнее, все игольчатое оружие, которое останется за перевооружением войск Туркестанского округа мелкокалиберными винтовками дабы можно было, когда окажется нужным, снабдить афганцев означенным игольчатым оружием» [5].

Пока в Ливадии распутывался узел, завязанный Столетовым, английское правительство обратилось к Шир-Али с требованием принять в Кабуле отправлявшуюся англо-индийским правительством миссию с Невилем Чемберленом во главе. Эмир, ожидавший прибытия русского 30-тысячного отряда, на английский запрос не ответил. Англо-индийское правительство решило послать в Кабул военную экспедицию. Английское министерство иностранных дел запросило Горчакова, какую позицию займет при этом Россия. Горчаков ответил в примирительном духе, заявив, что военная демонстрация на границе Афганистана прекращается, что Россия заинтересована в сохранении независимости Афганистана, но не стремится к преобладающему влиянию в стране.

В ноябре 1878 г. три колонны английских войск, общей численностью около 35 тысяч, вторглись в пределы Афганистана. Отправив в Петербург посольство с просьбой о помощи,

---

[1] Рукописный отдел Ленинской библиотеки в Москве. Архив Милютина. Дневник за 1878 г. № 7855, л. 209.
[2] Там же, л. 219.
[3] Там же, л. 209.
[4] Там же, л. 223.
[5] Там же.

Шир-Али бежал в Мазари-Шериф, где скоро умер. Его сын Якуб-хан с энергией продолжал борьбу. Афганцы оказывали английским войскам упорное сопротивление. Но силы сопротивления афганцев подтачивались внутренней борьбой между феодалами, выступавшими в качестве соперников Якуб-хана, и претендентов на власть.

Англичане воспользовались этим и поспешили заключить с Якуб-ханом 14(26) мая 1879 г. мирный договор в Гандамаке: контроль и руководство внешней политикой Афганистана эмир передавал в руки Англии; английская дипломатическая миссия получала право постоянного пребывания в Кабуле; к англичанам отходили три афганских округа, из которых Курамский имел границы, отстоящие от Кабула всего на 85 верст, и два весьма важных горных прохода — Хайберский и Мичнийский, ведущие, с одной стороны, в долину Кандагара, Герата и Газни, с другой же — к Кабулу. Англичане праздновали победу. «Благодаря вашей энергии и предусмотрительности, — писал Биконсфильд вице-королю Индии, — мы обеспечили себе научные границы Индийской империи»[1].

Экспедиционные войска скоро были отозваны, в Кабуле осталось дипломатическое представительство с Каваньяри во главе. Поддерживать свое господство в Афганистане англичанам удалось лишь при помощи суровых репрессий над мирным населением, путем подкупа пограничных племен и постоянного возбуждения против власти эмира его соперников. В стране росло недовольство против завоевателей. В августе 1879 г. в результате заговора, в котором принимало участие духовенство и кабульская знать, английская миссия подверглась нападению. Глава миссии майор Каваньяри был смертельно ранен, большинство членов миссии было перебито. 2(14) октября английские войска снова вошли в Кабул. Началась расправа с повстанцами.

Одновременно в Ширкапуре английским командованием в глубокой тайне подготовлялась другая колонна силой около 9 тыс. человек под начальством генерала Дональда Стюарта, с целью, создав предварительно в Кандагаре операционную базу, начать решительные действия против Герата[2]. Тогда же была начата постройка железной дороги на Кандагар; она велась с исключительной быстротой — по 2 версты в день (к началу февраля 1880 г. поезда ходили от Инда уже на 210 верст).

Кандагар намечалось превратить в независимое от Афганистана вассальное владение Англии. Герат должен был быть занят англичанами по соглашению с Персией совместно с шахскими войсками.

Плодородный Герат, который мог прокормить 100-тысячную армию, рассматривался англичанами как опорный пункт влияния

[1] Г. П. Гуч. История современной Европы, М.—Л., 1925, стр. 23.
[2] Г. П. Гуч. Указ. соч., стр. 66.

в Средней Азии. Через Герат долина Нижнего Инда получила единственно хороший, не знающий естественных непреодолимых препятствий путь в Персию и в Туркестан, в Малую Азию и на Кавказ, в Афганистан и в Белуджистан.

В январе 1879 г., когда англичане заняли своими войсками Афганистан и собирались продиктовать эмиру, свою волю, Горчаков писал Шувалову в Лондон: «Мы хотим, наконец, обеспечить себе надежную базу для действий со стороны Каспийского моря до центра Туркменской степи на случай, если нападение, угрожающее нам с этой стороны, заставит нас развернуть свои оборонительные силы. Эти меры предупреждения нам властно приказываются политическим движением Англии в Средней Азии... Теперь англичане приблизились к нам. Мы стоим лицом к лицу с могучим врагом. Мы должны серьезно подумать об обороне»[1].

Весной 1879 г., когда англичане уже хозяйничали в Афганистане, когда английские офицеры Напир, Ботлер, Гилль были посланы в Хорасан для связи с туркменами и для объединения туркменских племен против России, было решено отправить из Красноводска крупные силы для овладения Ахал-Текинским оазисом с его центром Геок-Тепе. В конце июля 1879 г. туда был двинут отряд численностью в 12 тыс. человек при 34 орудиях под начальством генерала Лазарева.

Продвижение отряда было начато без предварительной военной и дипломатической подготовки. О заготовке продовольствия и фуража начали думать уже после того, как отряд двинулся в путь. Предполагалось, что по вопросам снабжения удастся сговориться с соседней Персией: персидское правительство было, казалось, заинтересовано в удачном исходе экспедиции, так как текинцы, разорявшие своими набегами северную часть Хорасана, держали персидские власти в постоянном страхе. Но шах, не оставлявший своих старых претензий на обладание Мервом, опасался вместе с тем слишком глубокого продвижения русских. Поэтому активизировавшимся английским агентам в Тегеране было нетрудно, пугая шаха будущей судьбой Мерва, удержать его от всяких соглашений с русским военным начальством. Через Герат же к туркменам шла постоянная помощь оружием. Было совершенно очевидно, что без помощи Персии поход обречен на неудачу. Войска продолжали двигаться налегке.

На собравшемся в Ахале совещании ханов и родовых старшин текинского племени было решено очистить все селения оазиса и, подпустив царские войска к аулу Геок-Тепе, дать им решающий отпор под стенами расположенной около аула крепости Денгиль-Тепе.

После смерти Лазарева экспедицию возглавил генерал Ломакин. Не встречая на своем пути сколько нибудь значительного со-

[1] М. Терентьев. Указ. соч., т. II, стр. 535—536.

противления, не заботясь о должной организации транспорта, генерал Ломакин привел к стенам Геок-Тепе всего лишь 3000 утомленных тяжелым переходом солдат. Здесь он неожиданно был встречен крупными силами текинцев. Потеряв в ожесточенном бою 453 человека убитыми и ранеными, оставив на поле битвы часть вооружения, отряд в беспорядке отступил.

Куропаткин вынужден был признать, что неудача царских войск в Туркмении подорвала влияние России в Средней Азии. Особенно, по его мнению, эта неудача могла сказаться на позициях царского правительства в Бухаре и Хиве, находившихся в зависимости от России. Это опасение нашло отклик и на страницах русской печати [1]. «Неудача эта, — откликались «Московские ведомости», — неизбежно повлияет не только на народы, живущие по ту сторону Каспийского моря, но отзовется во всем Туркестане, а потому нужно принять своевременные меры, чтобы к весне восстановить наше утраченное влияние» [2].

Царское правительство стояло не только перед задачей поднятия своего поколебленного военного престижа, но и перед тем, чтобы на гератском направлении опередить англичан. Поэтому было решено немедленно же начать подготовку к новой экспедиции, целью которой должно было быть овладение не только Геок-Тепе, но и Мервом, отстоявшим от Герата на расстоянии 200 миль и считавшимся ключом к нему.

Еще в дни подготовки экспедиции Лазарева известная часть русской печати открыто говорила о том, что конечной целью похода должен быть Мерв, что, так как Англия первая нарушила «джентльменское соглашение», заняв Афганистан, Россия получила право присоединить себе Мерв [3]. Через болтливого Шувалова в Англии стало известно о цели экспедиции. Английское «общественное мнение» стало проявлять «нервозность».

Еще 3 июля 1879 г. Сольсбери заявил Шувалову, что... Англия не может остаться равнодушной, если со стороны России создается угроза для Мерва или будет нарушена неприкосновенность Персии. Шувалов поспешил тогда заявить, что русское правительство ни того, ни другого не имеет в виду, и что русская граница не продвинется к Мерву ближе, чем на 250 километров. Несколько дней спустя такое же объяснение последовало в Петербурге между Гирсом и английским послом Л. Дефферином. Гирс дал понять, что все относящееся к Мерву будет действительно только в том случае, если Англия не займет Герата. Дефферин, ответил, что Англия не займет Герат своими войсками.

26 августа 1879 г. Гирс дополнительно заявил Дефферину, что занятие Мерва не входит в планы России «в данный мо-

---

[1] А. Н. Куропаткин. Завоевание Туркмении. СПб., 1899, стр. 101.
[2] «Московские ведомости», № 269, 23 октября 1879 г.
[3] «С.-Петербургские ведомости», № 79, от 21 марта 1879 г.

мент», но что русское правительство вовсе не имело в виду обязаться на все времена не занимать Мерва.

Между тем Англия начала с шахом переговоры о занятии Герата персидскими войсками. В январе же 1880 г. на открытии английского парламента Биконсфильд заявил, что Англия освободила Персию от наложенного на нее в 1868 г. обязательства не занимать Герата.

Царское правительство решило держаться тактики постепенности и, не поднимая вопроса о Мерве, ограничить в первую очередь свои задачи овладением Геок-Тепе.

Во главе экспедиции был поставлен генерал Скобелев завоевавший себе крупный военный авторитет во время русско-турецкой войны и получивший громкую известность в деле беспощадного подавления кокандского восстания 1876 г. Начальником штаба экспедиционного отряда был назначен полковник Гродеков.

Отряд формировался по численности небольшой, не бóльший, чем в предыдущую экспедицию, — всего силой в 11 тыс. человек, но он располагал 97 орудиями, и было обращено самое серьезное внимание на создание прочных баз на пути следования отряда, на планомерный подвоз продовольствия и прочную организацию коммуникационной линии. Началась прокладка железной дороги от Узун-Ада на побережье Каспийского моря в глубь туркменских степей.

Наконец, с Персией стремились поддерживать самые дружеские отношения. Когда среди курдов в Салмасте и Урмии вспыхнуло восстание, Скобелев оказал шаху помощь в деле его подавления[1]. В то же время он задаривал ильханиев и через Зиновьева (русского посланника в Тегеране) просил шаха разрешить им оказывать русским помощь организацией курдских набегов на туркмен.

Шах выразил согласие помогать русской экспедиции и разрешил жителям Бурджа и Кучана активно участвовать в русских операциях. Тыл экспедиции был обеспечен, вместе с тем были обеспечены провиант, фураж и верблюды. В то же самое время шах запретил текинцам закупать в Мешеде пшеницу и переселяться в Персию, — тем самым создалась экономическая изоляция текинцев.

К 10 мая 1880 г. передовые части экспедиции продвинулись без боя до Бами, который был превращен в хорошо укрепленную операционную базу. В начале июля была произведена рекогносцировка в окрестностях Денгиль-Тепе. Постепенно подходили войска. К ноябрю подошел из Туркестана отряд полковника Куропаткина, и концентрация войск была завершена.

Туркмены применили свою старую испытанную тактику — отступать без сопротивления к Геок-Тепе, где собрав силы, предпо-

[1] А. И. Медведев. Персия. Военно-статистическое обозрение, СПб., 1909, стр. 75.

лагали дать решительный отпор наступающим. Такой обзор действий туркмен для Скобелева оказался выгодным. Он располагал данными экспедиции Лазарева и мог воспользоваться ее уроками. В середине декабря 1880 г. Скобелев сосредоточил под стенами Данги́ль-Тепе 6300 человек при 52 орудиях и начал осаду. 20 декабря он взял штурмом укрепление Янги-Кала, питавшее водой Денги́ль-Тепе. В крепости было до 45 тысяч защитников. Душою обороны был Тыкми-Сердар. Текинцы защищались упорно, проявляя исключительную отвагу и стойкость. Все население, не исключая стариков, детей и женщин, принимало посильное участие в борьбе. По словам полковника Гродекова, «во время войны с текинцами мы не имели ни одного лазутчика из их среды [1].

В ночь на 28 декабря туркмены, произведя вылазку, напали на Апшеронский полк, понесший большие потери, и вызвали переполох в лагере осаждающих. Скобелев усилил работу по подведению подкопа под крепостные стены. 12 января 1881 г., взорвав стены, Скобелев бросил свой отряд на штурм крепости. Текинцы защищали каждую пядь земли, бились за каждую юрту. Они потеряли около 8 000 человек убитыми и ранеными. Потери русских определялись цифрою 398 человек. В течение осады и штурма русскими было выпущено 872 тыс. патронов и израсходовано 12½ тыс. снарядов.

Крепость была взята. Уцелевшее население бежало в степи. Найденные в крепости запасы продовольствия и скота Скобелевым были конфискованы. Прочее имущество было отдано солдатам на разграбление в течение четырех дней.

Падение Геок-Тепе решило участь всего Ахал-Текинского оазиса. 18 января без боя был занят Асхабад, затем Каахка и другие аулы. Бежавшие в степи туркмены постепенно возвращались, изъявляя покорность и сдавая оружие.

Хан Тыкмы-Сердар, скрывшийся в Мерве, пытался собрать вновь войска, чтобы продолжать борьбу. Благодаря прогрессировавшему среди текинцев разложению, — многие уже занялись поставкой для русских продовольствия и верблюдов, — попытка эта была обречена на неудачу. Скобелев обещал Тыкми-Сердару и другим текинским вождям, изъявившим покорность, помилование и направил их в Петербург представляться царю. Ханы получили назначение на административные должности во вновь завоеванном крае. До Скобелева доходили известия, что в соседнем Мервском оазисе появились английские агенты, которые вели агитацию за принятие мервцами английского подданства.

После взятия Денги́ль-Тепе Скобелев запросил из Петербурга инструкций. 26 января 1881 г. Милютин дал ему указание приостановить дальнейшее продвижение к востоку, заняв в Закас-

[1] Н. И. Гродеков. Война в Туркмении, СПб., 1883, т. 1, стр. 58.

пийском крае такое положение, чтобы с наименьшими затратами держать под угрозой Ахал-Текинский оазис. Вопрос о движении к соседнему Мервскому оазису, таким образом, снимался с очереди. Ближайший помощник Скобелева Гродеков склонялся даже к тому, чтобы не занимать навсегда земли Ахал.

Русский посланник в Тегеране Зиновьев высказался, однако, категорически за включение завоеванного оазиса в русские границы. Он считал, что это даст России возможность обеспечить за собой первенствующее положение в Персии. Только в таком случае, указывал он, будут всегда доступны пути к Герату, что заставит Англию держаться умеренной политики в среднеазиатских вопросах и не пускаться на интриги против России. Доводы Зиновьева победили. 6 июня 1881 г. Александр III утвердил представление кавказского наместника о присоединении занятой территории к России с подчинением ее кавказскому начальству. Решение вопроса о Мерве признано было целесообразным временно отложить.

Тем временем, несмотря на проводившиеся англичанами репрессивные меры, положение их в оккупированной стране было непрочным. В Герате господствовал враждебный англичанам Аюб-хан. Лагерь командовавшего экспедиционными войсками Англии Робертса скоро попал в блокаду. От плана похода на Герат англичанам пришлось временно отказаться. Колонну генерала Дональда Стюарта приходилось направлять на подавление восстания в Газни и затем в Кабул на выручку Робертса. Убедившись в невозможности военным путем покорить Афганистан, Робертс решил стать на путь сделок с сердарями.

В англо-индийской печати была опубликована программа будущих отношений Великобритании к Афганистану. Предполагалось Герат предоставить Персии; Южный Афганистан со столицей в Кандагаре обратить в особую область, независимую от Кабула; часть афганских земель передать Келату и Кашмиру; другую часть, примыкавшую к р. Кабул, присоединить к Индии; из Мерва образовать государство под общей гарантией Англии и Персии [1].

Положение англичан становилось тем более затруднительным, что в Северном Афганистане, где угнетенное афганцами население тяготело к России, появился прибывший из России внук Дост-Магомеда, один из кандидатов на афганский престол, — Абдурахман-хан. В русской печати стала развиваться тема о предстоящем образовании нового независимого государства — Афганского Туркестана [2].

Умный и энергичный, обладавший незаурядными организационными способностями, Абдурахман к марту 1880 г. успел утвердиться в Северном Афганистане. Он выступал в качестве

[1] Л. Соболев, Англо-афганская распря, стр. 401.
[2] «Новое время», 1880 г., № 1449, 11 марта.

борца за единство Афганистана. Для англичан не было иного выхода, как искать дружбы с Абдурахманом, терпевшим недостаток в деньгах. Завязались переговоры об условиях, на которых он мог быть признан эмиром. Абдурахман соглашался со всеми английскими требованиями, кроме требования об отделении Кандагара.

Решив передать Герат Персии, англичане еще в конце марта 1880 г. поспешили объявить независимость Кандагара. 29 апреля (11 мая) 1880 г. состоялась даже торжественная церемония образования Кандагарского государства [1]. План этот англичанам провести в жизнь не удалось. Правитель Герата Аюб-хан, собрав 12-тысячное войско, двинулся на Кандагар и овладел им. Попытка договориться с Персией о совместных действиях против Герата не увенчалась успехом.

10 июля 1880 г. Абдурахман был провозглашен эмиром, и королева Виктория признала его [2].

Предоставив Абдурахману расправиться с приверженцами Аюб-хана, англичане стали выводить свои войска из Афганистана. Абдурахман обязался во внешних сношениях подчиняться контролю Англии и с июня 1883 г. стал получать от англо-индийского правительства постоянную субсидию в 1 200 000 рупий в год, предназначавшуюся для оплаты войск и для других мер защиты северо-западной границы Афганистана [3].

Пока англичане восстанавливали свои позиции, в Афганистане шли переговоры о разграничении территориальных владений между русским правительством и персидским. Русское правительство стремилось прежде всего добиться присоединения Атека, плодородной территории, лежащей в северо-восточном направлении от границы Афганистана и в юго-восточном от Мерва. Приобретение Атека должно было приблизить Россию к благоприятному разрешению вопроса о Мерве. Русская дипломатия в Тегеране прилагала усилия к тому, чтобы обеспечить полное невмешательство шаха в туркменские дела. Для этого надо было связать шаха соответствующей конвенцией и затем заставить его самого обратиться к России за защитой от мервских туркмен. 9 декабря 1881 г. секретная конвенция о принципах разграничения в районе устья р. Атек до Баба-Дурмаз была подписана [4].

В марте 1882 г. шах дал обязательство не прибегать к постороннему посредничеству в делах, касающихся интересов России и Персии. С фактическим проведением пограничной черты русское правительство медлило, опасаясь возможного вмешательства англичан.

Осенью 1883 г. среди туркмен долины Мургаб появились аф-

---

[1] Л. Соболев, Англо-афганская распря, стр. 612—613.
[2] Там же, стр. 481.
[3] А. Гамильтон. Указ. Соч., стр. 257.
[4] Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией, СПб., 1886, стр. 14.

ганские эмиссары, которые повели агитацию, направленную против России. Возбужденные агитацией туркменские отряды пришли в движение и хлынули в северные провинции Хорасана [1]. Командующий войсками Закаспийской области генерал Комаров воспользовался этим и направил войска на реку Теджен.

Военная угроза Мерву со стороны царской России заставила мервских старшин изъявить желание признать русскую власть и просить принять их в русское подданство. На английский протест, последовавший 25 февраля 1884 г., российское министерство иностранных дел ответило указанием на то, что действия России отвечают желаниям туркмен и соответствуют интересам Персии, избавляемой от туркменских набегов. Занятое египетскими делами английское правительство не спорило. В палате общин, где известия из Средней Азии вызвали некоторое возбуждение, депутат Фиц-Морис выступил даже в защиту России, указывая на ее цивилизаторскую роль в Средней Азии [2].

В марте 1884 г. русские войска вошли в г. Мерв. Весной 1885 г. перешли в русское подданство туркменские племена сарыков и салоров, живших к югу от Мерва вплоть до афганской границы. Были образованы два новых округа — Иолатанский и Серахский. Предстояло определить границу новых владений России с Афганистаном.

Разрешение этого вопроса затянулось. Англичане еще не потеряли надежды взять реванш в среднеазиатских делах. Именно в 1884 г. заметно оживилась их деятельность в Герате. Над укреплением Герата ежедневно работало до 1000 человек. Туда был выслан многочисленный английский отряд, производились большие закупки провианта и фуража. Русский торговый агент в Мешеде сообщил, что англичанами израсходовано на фортификационные работы 100 000 туманов. В это же время Англия вступила в переговоры с Турцией о пропуске английского флота в Черное море и о направлении турецкой армии в Закавказье в случае англо-русской войны; в это же время она вела переговоры со Швецией об активном в случае конфликта выступлении Швеции на море и усиливала дипломатический нажим на Турцию.

В результате переговоров, которые велись между Петербургом и Лондоном по вопросу об афгано-русской границе (апрель 1884 г.), в спорный район должна была отправиться смешанная англо-русская разграничительная комиссия. Царское правительство предлагало, чтобы все связанные с разграничением принципиальные вопросы были разрешены заранее между Петербургом и Лондоном. Так как часть туркменских племен населяла афганские владения, правительство было заинтересовано в том, чтобы

[1] Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией, СПб., 1886, стр. 57.

[2] «Московские ведомости» № 35 от 4 февраля 1884 г.

в основу разграничения был положен этнический, а не географический принцип. В этой связи оно настаивало на признании населенного туркменами-сарыками оазиса Пенде территорией, независимой от Афганистана. Англичане стояли на том, чтобы все спорные вопросы были разрешены на месте самою комиссией [1].

В конце 1884 г. когда переговоры о принципах разграничения еще продолжались, генерал Лемсден в сопровождении многочисленной свиты и вооруженного численностью около 1000 человек прибыл в пограничную зону. Русского представителя генерала Зеленого в условленном месте встречи он не нашел. Царское правительство сослалось на его болезнь.

Между тем начались передвижения афганских отрядов, стремившихся занять стратегические пункты, и, в частности, Зульфагарский проход, ведущий в Герат из южной Туркмении. Начальник Закаспийской области генерал Комаров стал продвигать на перерез афганцам свои пограничные отряды [2].

4 марта 1885 г. (н. ст.) королева Виктория телеграфировала царю, прося его предотвратить вооруженное столкновение русских войск с афганскими, чреватое крупными международными последствиями. В то же время англо-индийскому правительству была дана из Лондона директива держать войска наготове для защиты Герата, а Лемсдену было сообщено о желательности, чтобы дальнейшему продвижению русских афганцы дали должный отпор [3].

В начале марта 1885 г. генерал Комаров, продвинувшийся вдоль афганской границы, занял г. Таш-Кепри. Подходившие афганские войска, действовавшие по указаниям английских офицеров, стали окружать русский отряд. 18 марта 1885 г. Комаров решил дать бой наседавшим на него афганцам. Потеряв около 500 человек убитыми и ранеными, афганцы были разбиты и рассеяны.

Когда английский посол в Петербурге узнал о происшедшем столкновении, он сказал, что «война неизбежна» [4]. В английской печати поднялась буря возмущения. Парламентом был открыт правительству кредит в размере 11,5 млн. фунтов стерлингов на военные нужды [5]. Английское правительство категорически требовало строгого расследования действий генерала Комарова, заявив, что неисполнение его требования будет означать войну.

Обеспечив договором с Германией от 1884 г. спокойствие на западных границах, царское правительство действовало уверенно и твердо. К тому же не могло не быть ясным, что война в на-

---

[1] W. Habberton. Anglo-Russion Reletions concerning Afganistan 1837—1907 1937, p 37—57.

[2] Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией, стр. 54—66.

[3] W. Habberton. Ans-Russian Rolations p. 53.

[4] Freycinet, Souvenirs, II, 300—302.

[5] Fitzmanrice The life of granwille, II. p. 440; Die grosse Politik, B IV S 100—121.

стоящий момент вовсе не была в интересах Англии, занятой египетскими и суданскими делами. Одновременно с тем, когда английское правительство требовало самого строгого суда и следствия над генералом Комаровым, английский статс-секретарь по иностранным делам Гранвилль в личной беседе с русским послом Сталем заверял последнего в том, что его правительство вовсе не намерено привлекать к суду «доблестных офицеров».

Для успокоения «общественного мнения» было тогда же решено передать пенджийский инциндент на третейское рассмотрение. Предложенная Гранвиллем на роль арбитра кандидатура германского императора была отклонена Сталем и было принято русское предложение — пригласить в качестве арбитра датского короля.

Представлявшаяся англичанами неотвратимой война была легко предотвращена, и 29 мая 1885 г. (н. ст.) на торжественном обеде в королевской академии Гранвилль мог заявить, что мир в Европе не будет нарушен [1]. Английское «общественное мнение» не было вполне удовлетворено действиями своего правительства, и в палате общин вотум доверия прошел только тридцатью голосами [2]. Но мир был сохранен.

Это представлялось для самой Англии тем более необходимым, что афганский эмир, опасавшийся слишком энергичной «помощи» со стороны англичан, с своей стороны, пошел навстречу России и предложил отдать ей Пендж при условии сохранения за ним Зульфагарского перевала. Россия приняла это предложение, обусловив свое согласие предоставлением ей восточных выходов перевала [3].

Прибегать к арбитражу датского короля не пришлось. Вопрос о пограничной черте между новыми русскими владениями и северо-западным Афганистаном от Ходжа-Салеха до Герируда получил разрешение в протоколе, подписанном Сталем и Сольсбери 10 сентября 1885 г. (н. ст.); весь оазис Пендж до реки Кушки отошел к России. Зульфагарский перевал был предоставлен Афганистану [4].

Смешанная разграничительная комиссия по определению новых границ между северо-западным Афганистаном и Россией завершила свои работы только в 1887 г. Приблизившись к Герату на расстоянии 120 километров, царская Россия заканчивала свои завоевания в Средней Азии. Оставались неурегулированными только пограничные вопросы, связанные с трудно проходимой памирской грядой, лежащей между Афганистаном и территорией бывшего ханства Кокандского.

---

[1] Fifzmanrice. The life of granwille. II p 442—443; Die grosse Politik, B, IV S 120 u cueg.

[2] Baron Korff, Russia's Foreign Relations during half Century; p 33.

[3] Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872—1805, стр. 86.

[4] Там же, стр. 379—381.

Афгано-русская граница на Памире была определена окончательно только в 1895 г. в результате переговоров с Англией, длившихся около трех лет [1]. Часть Дарваза, лежащая на левом берегу Пянджа, перешла во владение Афганистана; расположенная же по правому берегу Пянджа часть Рошана и Шугнана была предоставлена России. Между русскими и англо-индийскими владениями была оставлена, таким образом, узкая полоса афганских земель на протяжении около 70 верст и шириной местности не более 15 верст, которая для англичан должна была служить буфером, прикрывающим гиндукушские перевалы, ведущие в Индию.

Англия продолжала рассматривать Афганистан как сферу своего исключительного влияния. Запас «спорных» и «бесхозяйных» территорий в Средней Азии подходил к концу. Подходил к концу и процесс их раздела между Россией и Англией.

Завоевание Средней Азии втянуло ханства в близкие взаимоотношения с Россией, и это, несмотря на тяжелый колониальный гнет царизма, имело свои положительные политические, экономические и культурные последствия. Народы Средней Азии, которым угрожало порабощение английского империализма, избегли судьбы Индии. Прекратились феодальные войны, изживалась феодальная раздробленность. Средняя Азия втягивалась в мировое товарное обращение, шло развитие товарно-денежных отношений, в особенности в связи с проведением железной дороги, дошедшей в 1888 г. до Самарканда через территорию Туркмении и Бухарского ханства. «Закаспийская дорога, — писал В. И. Ленин, — стала «открывать» для капитала Среднюю Азию» [2]. Общение с русскими крестьянами, переселявшимися в Среднюю Азию, способствовало применению в сельском хозяйстве Средней Азии более усовершенствованных орудий и овладению более передовыми навыками ведения хозяйства. Огромное прогрессивное значение имело для народов Средней Азии культурное сближение с русским народом, прогрессивное влияние передовой русской культуры на развитие культуры народов Средней Азии.

---

[1] М. Грулев. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909, стр. 85.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 5, изд. 4, стр. 74.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОЛЕТАРИАТА РОССИИ (1861—1894 гг.)

§ 1. Источники формирования пролетариата

Процесс создания кадров фабрично-заводских рабочих в России начался еще в недрах крепостного строя, задолго до отмены крепостного права, но протекал крайне медленно. Крестьянская реформа 1861 г. создала условия для более быстрого развития капитализма, для отделения производителя от средств производства, в земледелии и мелкой промышленности и тем самым обеспечила создание громадных резервов свободной рабочей силы.

Развитие капиталистических отношений в дореформенной России обусловило постепенное образование значительных групп промышленных рабочих. В своем гениальном труде «Развитие капитализма в России» Ленин указывал, что число рабочих в крупных капиталистических предприятиях достигло к 1865 году 706 тысяч.

Накануне реформы 1861 года складывались уже крупные промышленные центры, в которых сконцентрировались основные массы фабрично-заводских рабочих.

Наиболее значительная часть фабрично-заводских рабочих была сосредоточена в Центральной России во главе с Москвой и Петербургом. В обрабатывающей промышленности наиболее промышленных губерний — Московской, Владимирской и Петербургской — в 1860 г. было сконцентрировано 227,8 тыс. фабрично-заводских рабочих, главным образом, текстильщиков.

В основных губерниях центральной России (Московской, Владимирской, Петербургской, Тамбовской, Пензенской, Нижегородской, Симбирской, Калужской, Рязанской, Тверской, Тульской, Курской, Саратовской, Костромской и Казанской) было занято в обрабатывающей промышленности 368,4 тыс. рабочих. Прибавив к ним 41.900 рабочих горнозаводской промышленности, получим 410,3 тыс. фабрично-заводских рабочих.

В трех губерниях Урала (Пермской, Оренбургской и Вятской) работало 167,1 тыс. рабочих, из них в горно-заводской промышленности 135,5 тыс. человек.

В четырех губерниях Украины — Киевской, Харьковской, Чер-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4-е, стр. 436.

ниговской и Полтавской — в обрабатывающей промышленности насчитывалось в 1860 г. 53,2 тыс. рабочих, главным образом, в сахарной промышленности [1].

Крестьянская реформа освободила значительные кадры фабрично-заводских рабочих и безземельных крестьян от крепостной зависимости, сделав их свободными продавцами своей рабочей силы для нужд растущей промышленности. Значительная часть этих дореформенных рабочих, получавших гражданские права — хотя и ограниченную свободу передвижения, — составила первые кадры нового класса — промышленного пролетариата.

Отмена крепостного права происходила в обстановке продолжавшегося промышленного переворота. Переход от мануфактуры к фабрике, до реформы особенно заметный главным образом в хлопчатобумажной промышленности, значительно усилился и в других отраслях производства. Но в первые годы после реформы численность рабочих в ряде отраслей промышленности даже несколько сократилась.

Резко уменьшилось производство и количество нанятых рабочих на бывших вотчинно-крепостных и посессионных мануфактурах, ранее державшихся на принудительном труде. В связи с хлопковым кризисом 1861—63 гг. сократилась рабочая сила и на предприятиях хлопчатобумажной промышленности, хотя здесь еще до реформы преобладал вольнонаемный труд.

В горной и горнозаводской промышленности уменьшение количества рабочих непосредственно после реформы 1861 г. было еще более значительным, чем в обрабатывающей промышленности.

Однако, отлив рабочих в деревню продолжался недолго. Условия «реформы» 1861 г. не замедлили сказаться. Реформа обезземелила значительную часть крестьянства. Прежде всего, совершенно не получили наделов дворовые и так называемые «месячники», которых в совокупности до реформы насчитывалось 1.461 тысяча душ. Не получили также наделов 12 тысяч крестьян, принадлежавших беспоместным и 137 тысяч крестьян, принадлежавших мелкопоместным помещикам [2]. С некоторыми другими группами обезземеленных рабочих и крестьян, по подсчетам Лохтина, общее число обезземеленного реформой населения, судя по цифрам 1877 года, определяется до 2,6 миллиона душ мужского пола, или около 11,4% крестьянства [3]. К ним можно прибавить до одного миллиона душ, получивших надел менее одной десятины и составлявших до 5,5% общего количества крестьян. По подсчетам проф. П. И. Лященко, кадры безземельного крестьянства, созданные реформой, можно определить примерно до 4 миллионов душ обоего пола [4].

---

[1] Подсчитано по данным А. Г. Рашина.
[2] П. И. Лященко. История народного хозяйства, 1948, т. II. стр. 24.
[3] П. Лохтин. Безземельный пролетариат в России, М., 1905, стр. 30.
[4] П. И. Лященко. История народного хозяйства, т. II, 1948, стр. 25.

Таким образом, реформа создала значительный резерв свободной рабочей силы, который мог быть использован развивающейся капиталистической промышленностью. Но это был не единственный резерв. Реформа 1861 года, освободившая от крепостной зависимости свыше 10 миллионов помещичьих крестьян, обставила это освобождение такими условиями, которые привели к экспроприации у «освобожденных» крестьян значительной части земли, находившейся в их пользовании. Полученные крестьянами ничтожные земельные наделы не обеспечивали даже их продовольственной потребности. Если к этому добавить высокие выкупные платежи и многочисленные подати и повинности, то станет ясно, что вопрос о дополнительном заработке, о «вольном найме» для огромного большинства малоземельных крестьян стал вопросом жизни. Разоренная «реформой» крестьянская беднота быстро теряла хозяйственную самостоятельность и поставляла основную массу наемных рабочих во все неземледельческие промыслы и в фабричную промышленность.

После реформы 1861 г. разложение крестьянства значительно усилилось. Быстрое развитие капитализма в деревне приводило к выделению, с одной стороны, деревенской буржуазии, — кулачества, а с другой — значительных слоев обнищавшей, разоренной крестьянской бедноты. Сельская буржуазия, составлявшая по примерному подсчету В. И. Ленина, не более одной пятой части всех дворов и около 0,3 всего сельского населения, составляла в пореформенной деревне экономически ведущую группу. Безземельное и малоземельное крестьянство, составлявшее примерно около половины дворов и около двух пятых всего населения, становилось главным источником рабочей силы, как для кулацко-помещичьего сельского хозяйства, так и для промышленности.

В пореформенной русской деревне формировался тот своеобразный «класс *наемных рабочих с наделом*» [1], который был главным источником пополнения кадров промышленного пролетариата. Давая социальную характеристику этого источника, Ленин писал: «Сюда входит неимущее крестьянство, в том числе и совершенно безземельное, но типичнейшим представителем русского сельского пролетариата является батрак, поденщик, чернорабочий, строительный или иной рабочий с наделом» [2].

Почти половина безлошадных дворов сдавала свои наделы, а иногда даже даром отдавала их в общество, так как обрабатывать свой надел без лошади было крестьянам не под силу. К представителям сельского пролетариата Ленин относил не менее половины крестьянских дворов (приблизительно 0,4 населения, т. е. всех безлошадных и большую часть однолошадных крестьян).

Земские переписи 80—90-х годов отражают дальнейший рост

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 145.
[2] Там же.

полупролетарской прослойки деревни, указывая на большое количество «бездомовых», «не сеющих», «бесхозяйственных» дворов, значительная часть которых сдавала в аренду или совсем бросала свои скудные земельные наделы.

Глубокие социально-экономические противоречия в деревне, составляющие сущность процесса разложения крестьянства, сами крестьяне определяли метким термином «раскрестьянивание». Процесс «раскрестьянивания» усилился после реформы в результате возросшей в деревне потребности в деньгах.

«Доставать деньги нужно было во что бы то ни стало: и на уплату податей, увеличенных благодетельной реформой, и на наем земли, и на покупку тех нищенских продуктов фабричной промышленности, которые стали вытеснять домашние продукты крестьянина, и на покупку хлеба и пр.» [1].

К 80-м годам развитие капитализма в деревне, а с ним и процесс «раскрестьянивания» стали еще более интенсивными. Оценивая итоги социальной диференциации пореформенной деревни, Ленин писал: «Все пореформенное сорокалетие есть один сплошной процесс этого раскрестьянивания, процесс медленного, мучительного вымирания» [2].

В результате пореформенного «раскрестьянивания» в деревне создавались резервы избыточной рабочей силы, искавшей применения в сельском хозяйстве или в промышленности. Исследователь экономики пореформенной деревни С. Короленко подсчитал, что избыток рабочих рук, искавших себе применения либо в промышленности, либо в сельском хозяйстве, достигал уже к 80-м годам 6 млн. 360 тыс. человек.

В начале 80-х гг. в Европейской России было выдано около 5 миллионов паспортов крестьянам, ушедшим из деревни в отхожие промыслы.

«Остатки крепостнического хозяйства, — говорится в Кратком курсе истории ВКП(б), — громадные подати и выкупные платежи помещикам, которые нередко превышали доходность крестьянского хозяйства, вызывали разорение, обнищание крестьянских масс, заставляли крестьян уходить из деревень в поисках заработка. Они шли на фабрики и заводы. Фабриканты получали дешевую рабочую силу» [3].

Особенное значение для отрыва производителя от орудий и средств производства в пореформенной деревне имел неземледельческий отход, ускорявший отделение производителя от основного средства производства — от земли и отрывавший крестьянина от его хозяйства на более длительные сроки, чем раньше.

Промышленность получала из деревни не только обильную и дешевую рабочую силу, но и достаточно обученную. Больше, чем

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 4, изд. 4, стр. 396.
[2] Там же.
[3] История ВКП(б). Краткий курс, 1945 г., стр. 6.

наполовину, фабричные рабочие на крупных предприятиях происходили из крестьян, получивших уже производственные навыки и квалификацию в крестьянских промыслах до реформы. Таким образом, промышленный пролетариат в России формировался не только за счет разорившихся земледельцев, но и за счет «кустарей» и отчасти городских ремесленников.

Это исчерпывающе было доказано В. И. Лениным, на основе громадного фактического материала, подвергнутого им тщательной критической обработке и проверке.

Разрушая народнические легенды о «некапиталистическом» народном и т. п. характере кустарной промышленности, Ленин показал, что домашняя система крупной промышленности является наиболее распространенной среди «кустарей» капиталистической России. Он показал, что развитие кустарных промыслов идет в сторону все большей экспроприации мелкого товаропроизводителя. Одно из доказательств связи кустарной промышленности с капиталистической мануфактурой и фабрикой Ленин видел в том, что рабочая сила в «кустарной» промышленности уже превратилась в товар, несмотря на видимую самостоятельность.

Ленин дал классическое определение процесса перехода от первых стадий капитализма к машинной индустрии и значения этого перехода для формирования промышленного пролетариата. «Переход от мануфактуры к фабрике знаменует полный технический переворот, ниспровергающий веками нажитое ручное искусство мастера, и за этим техническим переворотом неизбежно идет самая крутая ломка общественных отношений производства, окончательный раскол между различными группами участвующих в производстве лиц, полный разрыв с традицией, обострение и расширение всех мрачных сторон капитализма, а вместе с тем и массовое обобществление труда капитализмом» [1].

Глубокий анализ первых стадий капитализма дал возможность В. И. Ленину вскрыть второй источник формирования промышленного пролетариата России — разорение кустаря, в результате капиталистического развития страны.

Ленин первый указал на особое значение русской капиталистической мануфактуры в подготовке промышленных кадров для крупной машинной индустрии. Столь быстрое развитие крупной машинной индустрии, какое наблюдалось в России в пореформенный период, было бы невозможно «если бы позади нее не стояла продолжительная эпоха подготовки рабочих мануфактурой» [2].

Подвергнув коренному пересмотру статистические данные о всех важнейших отраслях обрабатывающей кустарной промышленности, впервые показав их экономическую организацию и

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, изд. 4, стр. 397.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 3, изд. 4, стр. 376.

самую тесную и неразрывную связь между «кустарной» и фабрично-заводской промышленностью, Ленин вскрыл громадные размеры этого источника формирования промышленного пролетариата. По произведенным им некоторым сводным подсчетам, Ленин заключил, что численность промышленных рабочих, занятых вне так называемых «фабрик и заводов», к середине 90-х годов определялась минимально в 2 млн. человек» [1].

Больше, чем наполовину, фабричные рабочие на крупных предприятиях происходили из крестьян, прошедших крестьянские промыслы и получивших в них производственные навыки и квалификацию. Таким образом, нельзя утверждать, что промышленный пролетариат в России формировался исключительно за счет свежего крестьянского населения, занятого ранее только в сельском хозяйстве.

Ленин в своей работе «Объяснение закона о штрафах» указал на две экономические группы сельского населения, из которых складывался промышленный пролетариат: во-первых, «кустари» и, во-вторых, разоренные крестьяне [2].

Обследование кустарей в 70—80-х годах показало, что процесс обезземеления их зашел очень далеко. В Павловском районе Нижегородской губернии в таких промышленных селах, как Павлово, Ворсма и другие более половины домохозяев сдавали в аренду свои наделы. Во Владимирской губернии, где особенно была развита домашняя промышленность, кустари многих селений стали массами отказываться от наделов, как только истек 9-летний срок после реформы, в течение которого крестьянин был юридически прикреплен к наделу.

Для промышленности Европейской России основным и главным источником рабочей силы являлось крестьянство из неземледельческого района в составе 11 губерний: Московской, Владимирской, Петербургской, Тверской, Ярославской, Новгородской, Псковской, Смоленской, Рязанской, Костромской и Калужской.

Эти губернии в пореформенный период были громадным резервуаром избыточного крестьянского населения, значительная часть которого притекала в промышленность. С развитием капиталистической фабрики, так называемая кустарная промышленность все более теряла свою самостоятельность. Число рабочих в фабричных зданиях быстро росло, а число «домашних рабочих» столь же быстро убывало. Например, Туган-Барановский приводит следующую табличку, иллюстрирующую тот факт, что домашнее ручное производство не выдерживало конкуренции фабрики и вытеснялось ею [3].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, изд. 4, стр. 394—395.
[2] Там же, стр. 328.
[3] М. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. I, М., 1938, стр. 370.

Число рабочих на хлопчатобумажных фабриках в 50 губерниях Европейской России:

Годы	Работающих	
	в фабричных зданиях	на дому
1866	94 566	66 178
1879	162 691	50 152
1894—1895	242 051	20 475

Подобный же процесс происходил в льнопрядильном и полотноткацком промыслах, распространенных в губерниях Ярославской, Владимирской, Костромской и других. Появление в 70-х годах механических льноткацких фабрик быстро убивало существование в этих губерниях самостоятельных светелок и подрывало «домашний» промысел кустарей. Такие села с «кустарными» промыслами быстро превращались в районы крупной машинной индустрии, а ручные ткачи, набойщики и другие «домашние» производители становились наемными фабричными рабочими.

Одновременно просходило и «перселение» фабрик в деревню, где предприниматели могли обеспечить себя дешевыми и искусными рабочими, подготовленными в домашней промышленности.

«Мужика не пускают на фабрику, — писал Ленин, — фабрика идет к мужику» [1].

Рост избыточного рабочего населения в 11 нечерноземных губерниях виден из следующей таблицы [2].

Губерния	Число избыточных рабочих	
	в 1883—1885 гг.	в 1900 г.
Петербургская	101 907	недостаток
Тверская	343 432	577 600
Ярославская	200 877	263 800
Новгородская	222 812	208 100
Псковская	164 469	275 200
Смоленская	207 094	356 500
Рязанская	217 612	782 200
Костромская	183 656	273 000
Калужская	196 234	418 600
Московская	193 053	163 600
Владимирская	113 171	234 000
Всего:	2 142 317	3 562 600

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, изд. 4, стр. 459.

[2] Таблица составлена для 80-х годов по данным. С. А. Короленко. См. «Сельскохозяйственные и статические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. V. Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих в связи со статистико-экономическим обзором Евр. России в сельскохозяйственном и промышленном отношениях», стр. 103. Для 1900 г. данные взяты из материалов комиссии 1901 г. по исследованию благосостояния сельского населения ч. I, стр. 248.

Эти данные характеризуют грандиозный масштаб процесса расслоения деревни к середине 80-х годов и еще более быстрого «раскрестьянивания» к концу XIX века.

Кустарная промышленность России была громадным резервом подготовленной рабочей силы для капиталистической промышленности. Кустарные промыслы были особенно развиты в нечерноземно-промышленной полосе России. К концу 80-х гг. в Московской губернии кустари составляли — 12% всего населения, в Костромской — 9%, в Ярославской — 15%, в Тверской — 20% [1].

В отдельных районах удельный вес промыслов был еще более высок; в Шуйском уезде промыслами занимались 61% населения.

По мнению С. Харизоменова, домашняя система крупной промышленности в 1883 г. охватила 72% всех кустарей Московской губ., и фабрики уже подчинили себе самостоятельную кустарную промышленность [2]. Подчинение кустарных промыслов фабрике Ленин показал на примере знаменитых павловских сталеслесарных промыслов: «Обращаясь к вопросу об экономической организации павловских промыслов, мы должны прежде всего констатировать тот, не подлежащий сомнению факт, что во главе «кустарей» стоят типичнейшие капиталистические мануфактуры» [3].

Анализируя сложный и длительный процесс образования промышленного рабочего в связи с развитием трех стадий капитализма в промышленности, Ленин установил, что в мелком товарном производстве «промышленник» еще не вылупился из крестьянина. В мануфактуре разрыв «промышленника» с земледелием уже начался. Крупная машинная индустрия окончательно отделяет «промышленника» от земледелия. С развитием крупной капиталистической промышленности создается «особый класс населения, совершенно чуждый старому крестьянству, отличающийся от него другим строем жизни, другим строем семейных отношений, высшим уровнем потребностей, как материальных, так и духовных» [4].

Ленин придавал огромное значение образованию постоянных кадров рабочих, созданию потомственного пролетариата, видя в этом одно из самых прогрессивных проявлений крупной машинной индустрии.

Анализируя экономический строй мануфактурной стадии капитализма в России, Ленин отметил, что еще до крестьянской реформы 1861 года в русской промышленности сложился слой потомственных фабрично-заводских рабочих. Несмотря на пестроту форм зависимости рабочего от капиталиста, раскол между

---

[1] К. Езерский. Кустарная промышленность и ее значение в народном хозяйстве. М. 1894, стр. 12—13. Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России, вып. XIV, стр. 455—467.

[2] С. Харизоменов. Значение кустарной промышленности. «Юридический вестник» 1883 г., № 11 и 12, стр. 437—438.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 3, изд. 4, стр. 363.

[4] Там же, стр. 480.

ними наметился уже в дореформенный период. Ленин писал: «Ко времени освобождения крестьян этот раскол в крупнейших центрах нашей мануфактуры был уже закреплен преемственностью нескольких поколений» [1].

Это замечание Ленина весьма важно, ибо оно указывает на исторические предпосылки образования в России широкого слоя потомственных пролетариев.

Этот вывод Ленина был подтвержден исследованиями известных статистиков А. В. Погожева и В. Е. Варзара на материалах последнего десятилетия XIX века [2].

Подробно исследуя процесс полного и решительного переворота, произведенного крупной машинной индустрией в условиях жизни промышленного населения, — отделение его от земледелия и крушение связанных с этим вековых патриархальных традиций — Ленин не ограничивался только этой стороной вопроса. Ленин показал, что прогрессивное значение крупной машинной индустрии состоит не только в отрыве городских рабочих от сельского населения, но и в их сближении на новой основе. Ленин писал:

«Но, разрушая патриархальные и мелкобуржуазные отношения, крупная машинная индустрия создает, с другой стороны, условия, сближающие наемных работников в земледелии и в промышленности: во-первых, она переносит вообще в деревню тот торгово-промышленный уклад жизни, который выработался сначала в неземледельческих центрах; во-вторых, она создает подвижность населения и крупные рынки найма как сельских, так и промысловых рабочих; в-третьих, вводя машины в земледелие, крупная машинная индустрия приводит в деревню искусных промышленных работников, отличающихся наиболее высоким жизненным уровнем» [3].

Крупная капиталистическая фабрика с ее механическим производством создавала класс постоянных фабричных рабочих и заставляла их окончательно порывать свои связи с деревней. Крестьянин, уходивший на фабрику, сначала не оставлял мысли о том, что уход этот временный, что фабричный заработок даст ему возможность расплатиться с податями и долгами и вновь стать «самостоятельным хозяином». Но жизнь не оправдывала этих надежд. Крупная машинная индустрия требовала полного отделения рабочего от земли и превращения мелкого производителя в пролетария. «Капитализм, — писал Ленин, — довел главные отрасли промышленности до стадии крупной машинной индустрии; обобществив таким образом производство, он создал материальные условия новых порядков и в то же время создал новую социальную силу: класс фабрично-заводских рабочих, городского пролетариата» [4].

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, изд. 4, стр. 381.
[2] А. В. Погожев. Учет численности рабочих в России. 1906.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 3, изд. 4, стр. 475.
[4] В. И. Ленин. Соч., т. 1, изд. 4, стр. 174.

Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России», используя данные Е. Дементьева о количестве уходящих на полевые работы в производство с ручным и механическим трудом, заключает: «Итак, данные о русских фабричных рабочих вполне подтверждают теорию «Капитала», что именно крупная машинная индустрия производит полный и решительный переворот в условиях жизни промышленного населения, отделяя его окончательно от земледелия и от связанных с этим последним вековых традиций патриархальной жизни» [1].

По данным Е. Дементьева из 20 тысяч обследованных им рабочих 14,1% уходили на сельские работы. Процент уходящих на полевые работы был особенно высок в предприятиях с преобладающим ручным производством и совершенно ничтожен в предприятиях с механическим производством. Так, из ткачей ручных фабрик уходили на полевые работы около 63%, а на механических предприятиях уходило не более 3,5% рабочих.

В своем исследовании Дементьев делает правильный вывод, что уже в 80-х годах большинство рабочих только числились крестьянами, с деревней они были связаны лишь податями, которые вносились при перемене паспортов. Эти рабочие не имели в деревне ни хозяйства, ни даже семьи: «Перед нами, следовательно, — пишет Дементьев, — уже сформировавшийся класс рабочих, не имеющих своего крова, не имеющих фактически никакой собственности, — класс, ничем не связанный и живущий изо дня в день. И он образовался не со вчерашнего дня. Он уже имеет свою фабричную генеалогию и для немалой своей части насчитывает уже третье поколение» [2].

По подсчетам московских статистиков, которые провели санитарное обследование фабричных заведений Московской губернии в 1879—1885 гг., оказалось, что 33% всех рабочих на обследованных фабриках поступили на фабрику, еще не достигнув 12-летнего возраста, в возрасте же от 12 до 14 лет поступили на фабрику 31% рабочих. Таким образом, почти две трети всего количества рабочих (64%) стали фабричными с малолетства. По отдельным профессиям этот процент был еще выше. Известный гигиенист и статистик Ф. Ф. Эрисман, под руководством которого проводилось указанное обследование, делает вывод, что в 80-х годах «прядильные и ткацкие отделения наших мануфактур выработали тип настоящего фабричного рабочего, часто родившегося на фабрике, выросшего в фабричных казармах, с ранних лет поступившего в качестве рабочего в фабричные мастерские и ни к чему, кроме фабричной работы, неприспособленного» [4].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, изд. 4, стр. 475.

[2] Е. М. Дементьев. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1897, стр. 46.

[3] Сборник стат.-исторических сведений по Московской губ., Отдел санитарной статистики, т. IV, ч. 1, М., 1890, стр. 292.

На предприятиях металлообрабатывающей, горной и горнозаводской промышленности условия производства еще в большей мере выработали «тип настоящего рабочего».

Петербургский пролетариат состоял в основном из кадровых квалифицированных рабочих, давно порвавших всякую связь с землей. Петербургская крупная промышленность, преимущественно металлообрабатывающая, привлекала наиболее квалифицированных и передовых рабочих из всех промышленных губерний страны. По высоте своего технического оборудования и по уровню организации производства промышленность Петербурга стояла на одном из первых мест в стране. Естественно, что такая техническая база требовала наличия многочисленных кадров квалифицированных грамотных рабочих.

Главным источником формирования петербургского пролетариата являлись отходники-кустари, прошедшие школу производственного обучения в местных промыслах. Из материалов об отхожих промыслах видно, что крестьяне-отходники, отлучавшиеся на заработки в Петербург, оседали в нем надолго. Многие из отходников оставались в Петербурге на постоянное жительство. Продолжительность отлучки зависела от ремесла и степени квалификации. Исследователь отхожих промыслов Д. Н. Жбанков подчеркивает, что отходники «питерщики» нередко проживали в Петербурге 10—30 лет безвыездно. «С этими питерщиками живет чаще всего на стороне и вся семья... Другие, и особенно бездетные семьи, и вовсе переселились в Питер и с деревней их связывает только то, что они ежегодно выправляют паспорты и числятся в крестьянах» [1].

Степень отделения петербургского пролетариата от земли была гораздо более высокой, чем в других промышленных центрах страны. Участие членов семьи рабочих на петербургских фабриках было также много выше, чем в других городах. Как отмечает известный статистик Ю. Э. Янсон, уже в 70-х годах в составе петербургского пролетариата насчитывалось большое количество «потомственных рабочих», отцы и дети которых работали в столице. Семьи рабочих, как и вообще коренные жители столицы, были важным резервом пополнения рядов петербургского пролетариата.

Значительные кадры квалифицированной рабочей силы из детей рабочих готовились отчасти в ремесленных училищах, а главным образом непосредственно на предприятиях, в качестве учеников, получавших квалификацию под руководством заводских мастеров. Среди рабочих Петербургской губернии было гораздо больше грамотных, чем в других городах и губерниях.

В Москве, как и в Петербурге, большую роль в формировании пролетариата сыграли крестьяне и «домашние рабочие» (кустари) из окружающих Москву губерний.

[1] Д. Н. Жбанков. Материалы для статистики Костромской губ., вып. VIII, Кострома, 1891, стр. 45—50.

Работая на крупных мануфактурах, фабриках и заводах Москвы десятилетиями, иногда из поколения в поколение, они постепенно рвали все свои связи с деревней.

В Москве и Московской губернии было развито, главным образом, текстильное производство — поэтому разорившиеся ткачи-кустари особенно в больших количествах пополняли кадры московского текстильного пролетариата. Среди рабочих-металлистов была особенно значительна прослойка разорившихся подмосковных кустарей и городских ремесленников. Удельный вес коренных москвичей среди металлистов в 1882 г. достигал 16%, в то время, как среди текстильщиков — 6,7%, строительных рабочих — 6,2% и т. п. [1].

Процесс формирования кадров рабочих на Урале и в новом угольно-металлургическом районе на юге России происходил по разному.

На Урале к моменту ликвидации крепостного права имелись многочисленные кадры рабочих, работавших на заводах в течение ряда поколений. Производство на уральских заводах росло медленно после реформы 1861 г., хотя в техническом отношении Урал все более отставал, по сравнению с более новыми капиталистическими районами, но все же технические улучшения вводились и здесь и сокращали потребность в рабочей силе. Поэтому не только сокращался приток рабочих на Урал со стороны, но даже и местное горнозаводское поселение не было обеспечено работой на месте. Иначе обстояло дело с рабочей силой в новых капиталистических районах Донбасса и Кавказа.

§ 2. Динамика численности и концентрация пролетариата

Важной исторической особенностью формирования современного промышленного пролетариата в России является необычайно быстрый темп его численного роста. Быстрота, с какой формировался промышленный пролетариат в пореформенный период, особенно в 90-х годах, хорошо видна из таблицы, составленной Лениным.

Число рабочих в крупных капиталистических предприятиях по 50 губерниям Европейской России [2].

Годы	В фабр. промышленности	В горной промышленности	На жел. дорогах	Итого
1865	509 тыс.	165 тыс.	32 тыс.	706 тыс.
1890	840 тыс.	340 тыс.	252 тыс.	1 432 тыс.
1900—1903	1 261 571	477 025	468 941	2 207 537[3]

[1] А. С. Нифонтов. Москва во второй половине XIX столетия, М., 1947, стр. 11.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 3, изд. 4, стр. 436.

[3] Третья строка таблицы взята из примечаний.

Эти данные показывают, что с 1865 по 1890 год численность рабочих, занятых в крупных капиталистических предприятиях и ж. д. транспорте, повысилась более, чем в 2 раза. В фабрично-заводской промышленности численность рабочих увеличилась на 65%, в горной на 106% и во всей промышленности на 75,1%. Число рабочих на ж. д. транспорте увеличилось за эти 25 лет почти в 8 раз.

Приведем сводные данные о динамике численности рабочих как в отдельных отраслях промышленности, так и по некоторым промышленным центрам.

Число рабочих, занятых в наиболее типичной для дореволюционной России текстильной промышленности, увеличилось с 239,5 тыс. в 1865 г. до 433,3 тыс. в 1890 г. и 642,5 т. в 1897 г., т. е. более чем в 2,5 раза; следует при этом отметить снижение числа рабочих в предприятиях по обработке шерсти (1865 по 1890 г. на 25%), обусловленное закрытием многих предприятий, пользовавшихся до реформы принудительным трудом и не сумевших приспособиться к новым условиям.

Рост общей численности рабочих горнозаводской промышленности виден из следующих данных [1].

Годы	Число рабочих (в тыс.)	Годы	Число рабочих (в тыс.)
1865	около 200,0	1885	349,3
1870	223,4	1890	426,6
1875	268,0	1897	547,9
1880	283,4		

К наиболее многочисленным отрядам фабрично-заводского пролетариата следует отнести рабочих пищевой промышленности, численность которых в 1887 г. достигла 205,2 т. и возросла к 1897 г. до 255,4 тыс. По численности эта группа рабочих заняла третье место после текстильной и горной промышленности.

Численность рабочих в металлическом производстве увеличилась с 103,3 тыс. в 1887 г. до 214,3 тыс. в 1897 г. Таким образом этот важнейший отряд пролетариата сложился главным образом, в пореформенный период и особенно в последнем десятилетии XIX века.

Известный интерес представляют данные о формировании рабочих механических и машиностроительных заводов.

Количество рабочих на механических и машиностроительных заводах России [2].

[1] А. Г. Рашин. Формирование промышленного пролетариата в России, 1940, стр. 104, 108, 112, 113, 117.

[2] А. Гатцук. Обработка металлов и механическое производство. «Россия в конце XIX века» под ред. В. И. Ковалевского, СПб, 1900, стр. 289.

Годы	Число механ. заводов	Число рабочих в тыс.
1861	106	12,4
1865	126	18,0
1870	198	30,0
1875	133	41,0
1885	336	42,8
1890	412	49,0
1892	569	50,0
1896	680	93 9
1897	682	120,3

Эти данные показывают, что формирование рабочих машиностроительной промышленности России происходило главным образом в 90 гг.

Они показывают также, что наряду с быстрым ростом пролетариата в крупнейших промышленных губерниях центральной России (Московской, Петербургской, Владимирской, Костромской, Ярославской и др.), исключительно быстрыми темпами растет и промышленный пролетариат на Юге России (Екатеринославская губ., Донская область, Херсонская губерния).

В отношении абсолютного роста за период с 1861—1870 гг. по 1891—1900 гг. особенно выделяются губернии: Московская, где число рабочих возросло на 115 тыс., Пермская — на 95 тыс., Петербургская — на 71,6 тыс., Екатеринославская — на 59,1 тыс., Владимирская — на 50,9 тыс.[1]. Последнее десятилетие XIX века дает невиданные для капиталистической России темпы роста пролетариата и вносит известное изменение и в динамику численности по губерниям.

Рост современного промышленного пролетариата в России исключительно интенсивно протекал в последнем десятилетии XIX века в период промышленного подъема 90-х гг. По темпам роста фабрично-заводского пролетариата 90-е годы не имеют себе равных во всей истории послереформенного капиталистического развития России. Девяностые годы являются завершающим периодом в истории формирования современного промышленного пролетариата.

Ленин рассматривал рост промышленного пролетариата не как его простое количественное увеличение, но как процесс качественного изменения его состава, т. е. образования новых, более организованных, более передовых отрядов промышленного пролетариата России.

---

[1] Вычислено по А. Г. Рашину. Формирование промышленного пролетариата в России, М., 1940, стр. 128.

Промышленный пролетариат в России формировался в условиях, отличных от тех, в которых протекало образование пролетариата Запада.

На Западе промышленный пролетариат сложился раньше чем в России в условиях, когда крупное производство, особенно производство средств производства, находилось еще в самом начале своего развития.

Русский промышленный пролетариат сложился позднее в 60—90-х годах XIX века в условиях экономически более прогрессивных, чем на Западе, в условиях периода перехода от домонополистического капитализма к капитализму монополистическому и соответствующего ему более высокого уровня техники.

Переход к высокой капиталистической технике и к крупным формам производства был особенно заметным в железнодорожном транспорте и в отраслях тяжелой промышленности (металлургической, угольной, химической, электротехнической, машиностроительной). Хотя все эти отрасли были слабо развиты в царской России, но их появление имело большое значение в процессе формирования новых отрядов промышленного пролетариата, наряду со старым и наиболее многочисленным отрядом русского пролетариата — текстильщиками.

Одной из особенностей формирования русского пролетариата являлось его сосредоточение на крупных и крупнейших предприятиях, в связи с небывалой концентрацией русской промышленности.

Глубокий конкретно-исторический анализ процесса концентрации российского пролетариата Ленин дал в своем труде «Развитие капитализма в России».

Уже в 1890 г. на крупных предприятиях России (со 100 рабочими и более) было сосредоточено 71,1% всех фабрично-заводских рабочих.

Еще более высокий уровень концентрации был отмечен Лениным в горной промышленности. Здесь, на предприятиях с числом 100 и более рабочих, было сосредоточено по данным 1890 г. 84,5% горнорабочих «Почти половина горнорабочих (145 тыс. из 305 тыс.) занята на немногочисленных крупнейших заводах, имеющих по 1000 и более рабочих. Из всего же числа фабрично-заводских и горных рабочих Европейской России (1180 тысяч в 1890 г.) *три четверти* (74,6%) сосредоточены в предприятиях, имеющих 100 и более рабочих, почти половина (570 тысяч из 1180) сосредоточены в предприятиях, имеющих по 500 и более рабочих» [1].

Известное представление о концентрации рабочих в крупнейших городах России — Петербурге и Москве дают следующие данные:

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, изд. 4, стр. 452.

Рост концентрации петербургских рабочих в период 1866—1890 гг. в крупнейших предприятиях[1]

Группа фабрик по числу рабочих	1866 год				1879 год				1890 год			
	число фабрик	число рабочих	в % к итогу		число фабрик	число рабочих	в % к итогу		число фабрик	число рабочих	в % к итогу	
			Петербург	Европ. Россия			Петербург	Европ. Россия			Петербург	Европ. Россия
От 100 до 499 рабочих	48	9 081	38,5	—	57	12 172	30,2	—	45	10 444	26 3	—
От 500 до 999 рабочих	7	4 814	20,5	—	14	10 086	25,0	—	14	8 844	22,3	—
1000 и более	8	9 691	41,0	27	10	17 959	44,8	40	13	20 398	51,4	46
Итого	63	23 536	100,0	—	81	40 217	100	—	72	39 686	100	—
Среднее число рабочих на 1 фабрику Петербурга		374				500				552		
Среднее число рабочих на 1 фабрику в Европейской России		359				458				488		

Общая картина процесса роста крупной промышленности г. Москвы в прилагаемых данных А. С. Нифонтова:

I. Количество крупных промышленных предприятий Москвы в 1853 и 1890 гг.[2]

Отрасли промышленности	Число предприятий		Количество рабочих	
	1853	1890	1853	1890
Текстильная	286	282	38 586	43 095
Бумажная	4	28	119	1 355

[1] Таблица составлена С. Т. Каценельсоном. К вопросу о формировании промышленного пролетариата Петербурга в 70—90 гг. (Диссертация), стр. 132.

[2] Таблица составлена А. С. Нифонтовым. См. Промышленное развитие капиталистической Москвы во второй половине XIX в. «История Москвы», т. IV, стр. 4, (рукопись).

Отрасли промышленности	Число предприятий		Количество рабочих	
	1853	1800	1853	1800
Деревообделочная	10	23	405	1 429
Химическая	10	23	529	1 822
Жировая и восковая	4	11	310	654
Кожевенная	15	39	817	2 858
Силикатная	11	31	742	3 517
Металлообрабатывающая	53	139	2 175	11 326
Пищевая	22	54	1 571	7 905
Остальные	28	37	838	2 791
Итого:	443	667	46 092	76 752

Таблица иллюстрирует рост крупных промышленных предприятий (с числом рабочих не менее 16-ти) с 1865 по 1890 г. Количество предприятий возросло на 50%, а число рабочих на 70%.

В 1853 г. на текстильных фабриках, которые составляли 65% всех крупных промышленных заведений Москвы, работало 84% всех рабочих. В 1890 г. текстильные фабрики составляли 42,9% всех фабрик и заводов Москвы и на них было занято 56,1% рабочих. В 1890 г. металлообрабатывающие предприятия составляли уже $^1/_5$ всех московских фабрик и заводов и на них занято было почти 15% промышленных рабочих.

На пищевых предприятиях работало свыше 10% фабрично-заводских рабочих Москвы. В связи с ростом других отраслей крупной промышленности, бумажной, силикатной, химической, деревообделочной, кожевенной, в них значительно увеличился пролетариат. В них было занято в 1890 г. до 18% рабочих [1].

Наряду с крупными текстильными фабриками, существовали уже крупнейшие фабрики и заводы в металлообрабатывающей, пищевой, кожевенной и др. отраслях промышленности.

В 1853 г. крупные предприятия в Москве с числом рабочих 500 и выше имелись только в двух производствах — в текстильном и табачном.

В 1890 г. крупные предприятия имелись уже в шести производствах: в текстильном, химическом, кожевенном, металлообрабатывающем, пищевом и шляпном.

В числе этих наиболее крупных предприятий Москвы 10 принадлежали к текстильным. Это Т-во Даниловской м-ры — 3345 рабочих, Т-во Э. Циндель — 1.700 рабочих, Т-во Гюбнер — 1400 рабочих, Т-во Прохоровской м-ры — 1236 рабочих, Т-во Измайловской м-ры — 1104 рабочих. Среди шерстяных фабрик выделялись

[1] А. С. Нифонтов. Указ. соч., «История Москвы» т. II, (рукопись)

Торговый дом Михайлов Ф. и сын — 1494 рабочих, Торговый дом Т-ва М. И. Бутикова — 1140 рабочих, Шрадера А. А.— 1000, шелкоткацкая ф-ка Т-ва шелковой м-ры имела 1100 рабочих [1].

Исключительно быстро концентрация пролетариата росла на гигантах промышленности. К середине 90-х гг. около половины рабочих России было сконцентрировано на предприятиях с числом рабочих свыше 500 человек.

Анализируя исторические условия, определившие исключительную революционность, сплоченность и боевой дух российского пролетариата, тов. Сталин указал на громадное значение концентрации промышленности России, где «в предприятиях с количеством рабочих свыше 500 человек работало в России 54% всех рабочих, между тем, как в такой развитой стране, как Северная Америка, в аналогичных предприятиях работало всего 33% всех рабочих... Уже одно это обстоятельство,— писал товарищ Сталин,— при наличии такой революционной партии, как партия большевиков, превращало рабочий класс России в величайшую силу политической жизни страны» [2].

Размещение важнейших отрядов пролетариата естественно определялось своеобразием территориального распределения крупной промышленности в России. Крупнейшим районом размещения пролетариата был Центрально-промышленный район (Московская, Владимирская, Тверская, Костромская, Ярославская губернии). В этом старинном центре русской национальной жизни, во главе с Москвой, к 90-м годам XIX века на сравнительно небольшой территории сложились кадры современного промышленного пролетариата по численности не имеющие себе равных нигде в России.

В одной только Московской губернии в 1893 г. было свыше 260 тыс. рабочих.

В этом районе к середине 90-х гг. сложились и многие другие промышленные центры (Иваново-Вознесенск, Шуя, Орехово-Зуево и др.) с десятками тысяч фабричных пролетариев. В целом по Центральному промышленному району в 1886 г. насчитывалось уже 319,2 тыс., а в 1893 г.— 466,6 тыс. рабочих.

Ведущую роль играла здесь текстильная промышленность, за ней шла пищевкусовая и только на 3-м месте металлическая. Одной из отличительных особенностей московской промышленности были «менее развитые формы крупной промышленности, охватившей громадные рабочие массы» [3].

Наряду с эксплоатацией десятков тысяч рабочих на крупных предприятиях, московские фабриканты жестоко эксплоатировали тысячи рабочих в мелких предприятиях и на дому. Московская промышленность характеризовалась разбросанностью крупнейших фабрик по сельским местностям Московской губернии

[1] А. С. Нифонтов. Указ. соч. «История Москвы» т. II (рукопись)
[2] И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 127—128.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 9, изд. 4, стр. 308.

и наличием в г. Москве вместе с крупными громадного числа мелких кустарных и ремесленных предприятий.

Эти особенности нашли свое отражение в процессах формирования и составе московского пролетариата.

Крупнейшим центром концентрации промышленного пролетариата России был Петербург. Отличительной чертой петербургской промышленности была ее техническая оснащенность и высокая концентрация. По своему техническому уровню, по количеству паровых двигателей, машин, по концентрации производства петербургская промышленность занимала первое место среди промышленных центров России. На крупнейших предприятиях насчитывавших 1000 и более рабочих уже в 1879 году было занято 37,6% всех рабочих Петербурга, в 1895 г. 46,2% рабочих. По концентрации пролетариата на крупнейших предприятиях Петербург к концу 80-х — середине 90-х гг. стоял на первом месте в России.

Главной отраслью петербургской промышленности была металлическая, за ней шла текстильная.

За 25-летний период пореформенной эпохи (1865—1890) пролетариат Петербургской губернии вырос с 33.458 чел. до 73.948 чел. Из них число рабочих металлистов увеличилось с 10.954 в 1865 году до 21.471 в 1890 г. Текстильщики — с 10.560 в 1865 году до 24.459 в 1890 г. Рабочие пищевики — с 2.745 до 13.731, остальной рост относится за счет рабочих кожевников, бумажников, химиков, деревообделочников, керамиков и прочих.

Рост числа петербургских рабочих за этот период происходит таким образом прежде всего за счет увеличения рабочих металлистов и текстильщиков, а также пищевиков.

Рабочие Петербурга отличались по своему профессиональному составу от рабочего класса России в целом сравнительно большим удельным весом рабочих металлистов. В 1890 году рабочие металлисты в Петербурге составляли около $^1/_3$, в то время как в целом по Европейской России металлисты составляли 10%.

Концентрация петербургского пролетариата на крупных и крупнейших предприятиях также была более высокой чем московского и чем концентрация пролетариата России в целом.

Это обстоятельство наряду с другими определяло авангардную роль петербургского пролетариата в рабочем движении России.

Крупным пролетарским центром России был Урал.

Численность рабочих Урала за период 60—80 гг. значительно увеличилась. Но по темпам роста пролетариата, по сравнению с югом России Урал отставал. Так, за период с 1877 по 1893 г. «число рабочих на Урале увеличилось в 1⅔ раза, а на юге почти в ч е т в е р о»[1]. В 1890 г. на Урале числилось 162 тыс. (70%) ра-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, изд. 4, стр. 429.

бочих железоделательной промышленности и около 50 тыс. (20%) рабочих золотых приисков.

Своеобразие формирования и положения рабочих Урала в пореформенный период определялось сохранением пережитков крепостничества, тормозивших полное отделение значительной части рабочих от земли.

«Как известно, — писал Ленин, — условия освобождения уральских крестьян от крепостной зависимости были сообразованы именно с отношением крестьян к горной работе; горнозаводское население делилось на мастеровых, которые, не имея земли, должны были весь год заниматься заводской работой, и на сельских работников, которые, имея надел, должны были исполнять вспомогательные работы» [1].

Таким образом и после реформы горнопромышленники прикрепили рабочих к месту, создали себе постоянный источник резервной рабочей силы. Это обстоятельство обусловило и низкую зарплату рабочих и более низкий уровень техники и прочие элементы неподвижности и отсталости Урала.

§ 3. Формирование рабочих железнодорожников

Исключительно быстрый рост в сравнительно короткий промежуток времени русской железнодорожной сети, обусловил быстрые темпы формирования новой, нарождавшейся почти целиком в пореформенный период армии рабочих железнодорожников.

Наряду с процессами формирования рабочих фабрично-заводской промышленности, Ленин указывает на исключительную важность этого факта появления в России одного из передовых отрядов современного промышленного пролетариата — железнодорожников.

«К числу рабочих в крупных капиталистических предприятиях, — пишет Ленин, — принадлежат также железнодорожные рабочие» [2].

Формирование этого важного отряда современного промышленного пролетариата начинается в России с 40-х гг. XIX века, с момента строительства первой крупной железнодорожной линии между Петербургом и Москвой. Но до реформы 1861 года вследствие слабого развития русской железнодорожной сети, достигшей к 1860 году всего 1371 версты, численность рабочих железнодорожников была незначительной — всего 11.000 чел. [3]. После реформы, особенно с конца 60-х гг., началась железнодорожная горячка, а с нею и быстрый рост железнодорожной армии рабочих и служащих.

По итоговым расчётам В. И. Ленина в его книге «Развитие

---

[1] Там же, стр. 425.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 3, изд. 4, стр. 435.

[3] И. Блиох. Влияние железных дорог на экономическое состояние России, т. 1.

капитализма в России» численность рабочих на железных дорогах была в 50 губ. Европейской России (в тысячах) [1].

Годы	Число рабочих
1865	32 076
1890	252 415
1903	655 929

Данные показывают, что темпы роста рабочих железнодорожников были значительно более высокими, чем довольно быстрые темпы формирования фабрично-заводских рабочих.

За первую четверть века с 1865 по 1890 г. численность рабочих ж. д. выросла почти в 8 раз, в то время когда рабочие, занятые в фабрично-заводской промышленности, выросли за это же время почти в два раза. Рост рабочих железнодорожников был неравномерным и отражал неравномерность развития железнодорожного транспорта в России. Ленин по этому поводу писал:

«Русская железнодорожная сеть возросла с 3.819 километров в 1865 г. до 29063 км. в 1890 г., т. е. увеличилась более, чем в 7 раз... Количество открываемых за год верст жел. дорог сильно колебалось в различные периоды: напр., в 5 лет 1868—1872, открыто 8806 верст, а в 5 лет, 1878—1882, только 222[1]. По размерам этих колебаний можно судить о том, какая громадная резервная армия безработных необходима для капитализма, то расширяющего, то сокращающего спрос на рабочих» [2].

В развитии железнодорожного строительства России было два периода громадного подъема — конец 60-х (и начало 70) годов и вторая половина 90-х годов.

С 1865 по 1875 г. средний годовой прирост русской железнодорожной сети составлял $1\frac{1}{2}$ тыс. километров, а с 1893 по 1897 около $2\frac{1}{2}$ тыс. километров [3].

Приведем обработанные А. Г. Рашиным погодные данные о динамике численности рабочих и служащих на железнодорожном транспорте за интересующий нас период 1860—1895 гг. [4].

Годы	Число рабочих и служащих (в тыс.)	Годы	Число рабочих и служащих (в тыс.)
1860	11,1	1887	218,1
1865	28,1	1888	239,8
1870	70,1	1889	249,9
1875	140,5	1890	248,3
1880	191,3	1891	259,7
1883	216,1	1892	284,1
1884	214,8	1893	301,3
1885	213,0	1894	320,8
1886	216,4	1895	344,0

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, изд. 4, стр. 435—436.
[2] Там же, стр. 485—486.
[3] Там же стр. 486.
[4] А. Г. Рашин. Процессы формирования работников транспорта в России. Рукопись, стр. 2.

Данные подтверждают исключительно быстрый рост этого важного и сравнительно многочисленного отряда индустриального пролетариата России. Уже к середине 80-х гг. за четверть века с момента реформы образовался новый 200.000 отряд железнодорожников. К середине 90-х гг. численность железнодорожников выросла до 344 тыс., а к концу десятилетия она перевалила за полмиллиона, достигнув в 1900 г. 554.400 человек.

Уже к 1890 году рабочие железнодорожники составили более одной пятой (21,3%) крупно-промышленного пролетариата России. Как и фабрично-заводские рабочие, железнодорожники в подавляющем большинстве своем рекрутировались из разорившихся крестьян. Причем в громадном большинстве своем железнодорожники формировались в пореформенный период, а к концу 80-х гг. это был, наряду с горнорабочими и металлистами юга России и Польши, очень молодой отряд пролетариата. Рабочие железнодорожники характеризовались значительной пестротой классового состава. Почти треть рабочих и служащих была занята в службе пути. Это часть малоквалифицированных рабочих, рассеянная по всей линии, в значительной степени была связана с деревней. Многие из этих рабочих считали работу на железнодорожном транспорте побочным заработком.

По мере расширения железнодорожной сети росла и приобретала большой удельный вес вторая группа — железнодорожники службы эксплоатации (движение, телеграф), в большинстве своем служащие.

В отличие от первой группы, которая сплошь формировалась из крестьян, вторая группа рекрутировалась за счет различных социальных слоев: дворян, мещан, крестьян. По некоторым данным на Южных дорогах дворяне и мещане составляли почти 40% этой части железнодорожных служащих. 23% пришли на ж. д., бросив свои наделы, 27% — отбывшие воинскую повинность и осевшие на ж. д. Около 9% были в прошлом торговцами.

Такая пестрота состава и наличие чуждых пролетариату элементов среди железнодорожников понижали классовую боеспособность этой части пролетариата.

Основным ядром железнодорожного пролетариата явились рабочие железнодорожники службы тяги (рабочие главных железнодорожных мастерских, депо и паровозных бригад). Эта часть железнодорожной армии с самого начала играла ведущую роль в революционном движении рабочих железнодорожников.

Наряду с распределением рабочих по месту работы на транспорте, в капиталистической России существовало также деление их на постоянных, временных и поденных. Экономисты-народники, исходя из этой практики, считали рабочими только постоянных, искусственно уменьшая таким образом численность пролетариата на транспорте. В действительности же «временные» и поденные рабочие работали на транспорте круглый год.

Неслучайно рабочие железнодорожники были против такого искусственного деления рабочих, усматривая в этом исключительно выгоду хозяев. Одним из важнейших требований рабочих железнодорожников по искоренению ненавистных им порядков на железных дорогах помещичье-капиталистической России было требование отмены этой практики распределения рабочих.

По поводу этого деления Ленин в «Развитии капитализма в России» писал: «Железнодорожных рабочих мы считаем не только постоянных, но и временных... и поденных... Среднее содержание в год временного рабочего стоит 192 рубля, поденного — 235 рублей. Средняя поденная плата 78 коп., следовательно, и временные и поденные рабочие заняты большую часть года, а потому опускать их, как делает г. Н-он («Очерки» 124) неправильно» [1].

По своему национальному составу громадное большинство рабочих не только на дорогах Центральной России, но и на окраинах состояло из русских рабочих. Появление рабочих железнодорожников не только в центре, но и на окраинах России, Украины, Кавказа, Прибалтики, Польши, Сибири, Дальнем Востоке, Средней Азии имело весьма важное значение для революционной борьбы всего пролетариата России.

Железнодорожные мастерские и депо Москвы, Петербурга, Киева, Ростова н/Дону, Одессы, Тифлиси, Варшавы и других городов явились наряду с крупнейшими заводами и фабриками первыми очагами революционного рабочего движения в России.

§ 4. Формирование современного промышленного пролетариата в национальных районах

Процесс формирования промышленного пролетариата в национальных районах далеко еще не изучен. Однако исследования советских историков и экономистов последних лет позволяют в общих чертах характеризовать этот процесс Украины.

Как и в России, крестьянская реформа создала на Украине значительный резерв рабочей силы для капиталистической промышленности. Основным источником формирования пролетариата на Украине, как и в России, была деревня. На Украине, как и в России, после отмены крепостного права началась массовая экспроприация крестьянства быстро развивающимся капитализмом. Особенность Украины, по сравнению с великорусскими губерниями, состояла в том, что то значительное количество крестьян, которое было обезземелено помещиками еще до реформы, вовсе не получило земельного надела. С другой стороны, реформа 1861 года в нечерноземных и особенно в черноземных губерниях центра России создала такие условия, что — как писал Ленин — «население *бежало* во все стороны из этого насиженного местечка крепостников-последышей. Из центральной земледельческой по-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, изд. 4, стр. 438.

лосы население бежало и в промышленные губернии, и в столицы, и на южные и восточные губернии Евр. России, заселяя дотоле необитаемые земли»[1].

Падение крепостного права в центре России было главным условием быстрой колонизации и индустриализации Юга.

Как и в России, после отмены крепостного права в земледелии ускоренным темпом развивался капиталистический способ производства. На смену власти земли шла власть капитала.

Развитие капиталистических отношений приводило к ускоренному разложению деревни и образованию двух крайних социальных сил в деревне — сельской буржуазии и сельской бедноты, сельских пролетариев.

К концу XIX века на Украине свыше 8 миллионов человек крестьянского населения не имели возможности приложить свою рабочую силу в собственном хозяйстве[2].

Промышленный пролетариат на Украине формировался, как и в Центральной России, не только за счет разоренного крестьянства, но и за счет пролетаризировавшихся кустарей. По данным Ф. Лось[3], большая часть разорившихся кустарей на Украине уходили в обувную, швейную и пищевую промышленность.

Рабочий класс Украины формировался очень быстрыми темпами. За вторую половину XIX века он вырос с 110 тысяч до 360.200, т. е. более чем в 3 раза.

Особенно быстро рос рабочий класс Донбасса и Криворожья, где за период с 1861 по 1900 г. число рабочих выросло с 5200 до 10 тыс., т. е. почти в 20 раз[4].

Крупным отрядом рабочих на Украине являлись рабочие сахарных заводов. Главными районами сахарной промышленности являлись Киевская, Подольская, Харьковская губернии. На 169 свеклосахарных заводах, действовавших на Украине в 1884—85 гг. было занято 64.161 человек[5].

Основным источником формирования пролетариата на Украине являлось разложение крестьянства, происходившее во всех районах Украины под влиянием развития капиталистических отношений.

Наряду с этим основным источником формирования украинского по национальности пролетариата, на фабрики и заводы Украины, особенно в некоторые отрасли промышленности (каменноугольную, металлургическую, отчасти свеклосахарную) прите-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 13, изд. 4, стр. 227.

[2] Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения средне-земледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России, ч. I—III, СПб, 1903 г.

[3] Ф. Лось. К вопросу о формировании рабочего класса на Украине «Вопросы истории», 2, 1951 г., стр. 85.

[4] А. Рашин. Формирование промышленного пролетариата в России. М., 1940, стр. 163.

[5] П. Орлов. Указатель фабрик и заводов в Европейской России. 1887.

кали пришлые рабочие, главным образом, из центральных губерний России, из безземельных и малоземельных крестьян Тульской, Орловской, Курской, Пензенской, Рязанской, Воронежской и других.

По данным А. Погожева, удельный вес пришлых рабочих на предприятиях с числом рабочих от 6 до 1000 и более представляется в следующем виде [1].

Губернии	Всего заводов, на которых работало от 6 до 1 тысячи и больше рабочих		
	число заводов	общее число рабочих	процент пришлых рабочих к общему числу рабочих
Волынская	416	16 968	20 7
Киевская	430	50 328	27,9
Подольская	334	27 948	28,7
Полтавская	32	9 352	36,4
Харьковская	289	36 844	43,4
Черниговская	353	18 254	43,9
Херсонская	428	23 604	46,7
Таврическая	176	10 898	60,1
Екатеринославская	250	78 892	82,8
Всего:	2 996	273 098	43,4

Данные о составе пролетариата на Украине полностью разоблачают утверждения украинских националистов во главе с Грушевским о том, будто бы на Украине не было совсем украинского рабочего класса. Факты говорят, что пролетариат на Украине складывался, рос и становился самой передовой общественной силой. Общность классовых интересов объединяла на Украине рабочих в единое целое. Происходило слияние рабочих всех национальностей и в первую очередь украинцев и русских. Ленин писал об этом: «Факт «ассимиляции» в этих пределах — великорусского и украинского пролетариата несомненен. И *этот* факт *безусловно* прогрессивен» [2].

Естественная ассимиляция великорусского и украинского пролетариата имела громадное положительное значение. Среди пришлых рабочих, выходцев из Великороссии, было не мало таких, кто прошел большую школу революционной борьбы в крупных пролетарских центрах России. Они передавали свой революционный опыт рабочим Украины, знакомили их с передовой рус-

[1] А. В. Погожев. Учет численности и состава рабочих в России. СПб. 1906, стр. 94—95. См. также цитированная работа Ф. Лось.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 20, изд. 4, стр. 15.

ской культурой. Это был в истории рабочего движения на Украине прогрессивный факт огромной важности.

«Всякую возможность общения с великорусским сознательным рабочим, с его литературой, с его кругом идей, — писал Ленин, — обязательно всеми силами ловить, использовать, закреплять, этого требуют коренные интересы *и* украинского *и* великорусского рабочего движения» [1].

Отмечая быстрое развитие горнопромышленности юга России (Донбасса, в частности), Ленин подчеркивал: «Чисто капиталистическая промышленность, выросшая здесь в последние десятилетия, не знает ни традиций, ни сословности, ни национальности, ни замкнутости определенного населения» [2].

Тот же факт большой роли русского и иностранного капитала в создании крупнейших отраслей промышленности — каменноугольной и металлургической — отмечал и товарищ Сталин.

На IV национальном совещании при ЦК ВКП(б), летом 1923 г., товарищ Сталин отметил, что «основные отрасли промышленности, угольная и металлургическая, появились на Украине не снизу, не в порядке естественного развития народного хозяйства, а сверху, в порядке внесения, искусственного насаждения извне» [3].

Указав на эти особенности развития важнейших отраслей промышленности на Украине, товарищ Сталин отметил и своеобразие состава рабочих этих отраслей. «Ввиду этого, — говорил товарищ Сталин, — состав пролетариата этих отраслей является не местным, не украинским по языку» [4].

Указания Ленина и Сталина о наличии в некоторых важнейших отраслях промышленности Украины пришлых рабочих из России не дают, однако, оснований ни отрицать, вообще, существования пролетариата на Украине, как это делают украинские националисты, ни еще меньше, отрицать громадное прогрессивное значение той тесной, органической связи, какая устанавливалась между русскими и украинскими рабочими уже в процессе формирования пролетариата на Украине. Пришлые рабочие из России, как и местные рабочие из украинских крестьян, в процессе производства и общей борьбы против эксплоатации и угнетения формировались в единый пролетариат Украины.

Давая отпор буржуазным националистам, которые стремились ослабить связь и союз украинского и русского пролетариата криками о том, что «украинский пролетариат совершенно обрусел», что только «меньшинство рабочих национально сознательно» и т. п., Ленин писал в статье «Критические заметки по национальному вопросу»: «Уже несколько десятилетий вполне определился процесс более быстрого экономического развития юга, т. е. Украины, привлекающей из Великороссии десятки и сотни

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, изд. 4, стр. 16.
[2] Там же, т. 3, стр. 427.
[3] И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 329—330.
[4] И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 330.

тысяч крестьян и рабочих в капиталистические экономии, на рудники, в города. Факт «ассимиляции» — в этих пределах — великорусского и украинского пролетариата несомненен. И *этот* факт *безусловно* прогрессивен. Капитализм ставит на место тупого, заскорузлого, оседлого и медвежьи-дикого мужика великоросса или украинца подвижного пролетария, условия жизни которого ломают специфически национальную узость, как великорусскую, так и украинскую» [1].

Что касается национального состава пролетариата Украины, то советский украинский историк Ф. Е. Лось на основании материалов всероссийской переписи 1897 года сделал интересный анализ количества рабочих украинской национальности, используя данные о родном языке промышленного населения. Допуская, что на Украине среди промышленного пролетариата процент украинских рабочих был не меньшим, чем процент украинцев среди промышленного населения в целом, Ф. Е. Лось приблизительно установил национальный состав рабочих Украины.

Среди занятых в каменноугольной и металлургической промышленности Украины 30% считали себя украинцами по языку. Это означает, что в эти отрасли промышленности шли не только русские пришлые рабочие, но и местное украинское население.

Итоги своих подсчетов по шести губерниям Ф. Е. Лось представил в виде следующей таблицы [2].

Губернии	Всего человек	Русских по языку		Украинцев по языку	
		количество	%	количество	%
Киевская	126 489	25 752	20,4	47 840	37,5
Полтавская	65 414	1 316	0,7	48 758	74,5
Харьковская	83 476	27 621	33,1	51 263	61,4
Херсонская	117 429	48 652	41,4	20 697	17,6
Екатеринославская . . .	106 111	53 442	50,4	29 590	27,9
Таврическая	55 445	25 236	45,5	6 773	12,2

В целом в промышленности указанных губерний 70,3% рабочих были по языку русскими и украинцами. В том числе рабочие-украинцы составляли 36,9%.

Из своих подсчетов автор делает вывод, что рабочий класс Украины формировался в основном за счет двух братских народов — русского и украинского, «столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории» [3]. В значитель-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, изд. 4, стр. 14—15.
[2] Ф. Лось. Указ. соч., «Вопросы истории» № 2, 1951 г., стр. 87.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 25, изд. 4, стр. 74.

ной части в состав пролетариата Украины входили и рабочие других национальностей (поляки, евреи, татары, молдаване и др.).

Следует признать правильным и другое наблюдение Ф. Е. Лося. Он отмечает, что не только русские рабочие шли на фабрики и заводы Украины, но и украинские рабочие попадали на капиталистические предприятия России. Подвергаясь в одинаковой степени эксплоатации, рабочие всех наций постепенно начинали осознавать свои общие классовые интересы в борьбе с капиталистами и необходимость совместной борьбы против своих угнетателей.

К пробуждению политического сознания медленно, но верно, подводило рабочий класс все его общественное развитие и, прежде всего, тот режим эксплоатации и гнета, какой определял все условия труда и жизни формирующегося рабочего класса.

Процессу быстрого политического созревания пролетариата Украины содействовала высокая концентрация его на крупных промышленных предприятиях. Степень концентрации пролетариата Украины представляется следующими данными в обработке Ф. Е. Лося [1].

Губернии	Всего		Из них заводов с 500 и больше рабочими		В процентном отношении	
	заводов	рабочих	заводов	рабочих	заводов	рабочих
Харьковская . . .	293	37 017	14	14 657	3,7	39,6
Волынская . . .	773	17 117	5	4 065	0,6	23,7
Киевская	583	51 232	24	19 246	4,1	37,3
Подольская . .	486	27 606	14	10 838	2,8	39,2
Полтавская . . .	607	17 504	2	8 500	0,3	48,6
Черниговская . .	593	17 962	8	7 531	13,5	41,9
Екатеринославская	308	43 392	14	33 130	4,5	76,3
Таврическая . . .	460	17 161	2	4 939	0,4	37,5
Херсонская . . .	673	25 231	8	7 413	1,1	28,3
Всего:	4776	250 222	91	105 319	19,0	42,1

Таким образом, по концентрации пролетариата Украина занимала одно из первых мест в России, которая в начале XX века по концентрации пролетариата на крупных и крупнейших предприятиях шла впереди всех капиталистических стран и даже наиболее развитой из них — Америки.

* * *

Остатки крепостничества и колониальная политика царизма задерживала промышленное развитие Белоруссии. К началу XX века в Белоруссии насчитывалось 1 062 промышленных пред-

[1] Ф. Е. Лось. Указ. соч.

приятия с общим количеством рабочих 44.349 человек. Значительное количество этих предприятий принадлежало к числу мелких и средних, как это видно из следующей таблицы [1].

Предприятия с числом рабочих

Всего предприятий	В них рабочих	До 20	20—50	50 — 100	100 — 500	500—1000	Свыше 1000
1 062	44 349	517	340	129	69	5	2

Более половины всех рабочих было занято на средних предприятиях, а на четырех пятых предприятий количество рабочих не превышало 50 человек в каждом. В крупных промышленных предприятиях с количеством свыше 500, было занято лишь 5.835 рабочих. Тяжелая промышленность в Белоруссии почти не была развита. Машиностроения не было. Развивалась главным образом легкая промышленность полукустарного типа, преобладало мелкое производство и небольшие мануфактуры. В Белоруссии были широко развиты ремесленно-кустарные предприятия.

Кроме ремесленно-кустарной промышленности почти до конца XIX века сохранили свое значение мануфактуры, значительная часть которых основывалась на ручном способе производства.

Кустарная промышленность занималась переработкой местного сельскохозяйственного сырья: шерсти, кожи, льна, зерна, леса, табака и т. п.

В пореформенный период, в особенности в 90-х годах происходил быстрый процесс формирования промышленного пролетариата. Около 60 процентов рабочих составляли белоруссы, поляки и литовцы, 40 процентов — евреи. Общее число рабочих к началу XX века достигло 70 тысяч человек. Формирование рабочего класса Белоруссии шло за счет притока в промышленность огромной массы безземельных и малоземельных крестьян, а также за счет разорявшихся ремесленников. Наличие значительного мелкого производства и стеснение свободы передвижения в виде такого пережитка средневековья, как черта оседлости, создавали тяжелые материальные и правовые условия для пролетариата Белоруссии.

Если русский рабочий класс страдал от капиталистического гнета, то рабочие Белоруссии испытывали еще дополнительный национальный гнет. Царизм использовал многонациональный состав пролетариата в Белоруссии для разжигания национальной вражды между трудящимися и для ухудшения положения рабочих всех национальностей.

---

[1] А. В. Иванов. «Революция 1905—07 гг. в Белоруссии», стр. 111, сб. «Революция 1905—1907 г. в национальных районах», М., 1949 г.

В Литве и в Белоруссии, развитие капитализма в промышленности до самого конца 90-х годов оставалось на ремесленно-мануфактурной стадии. Это означало преобладание в Литве, как и в Белоруссии, ремесленных и мануфактурных рабочих.

Развитие капитализма в Латвии привело к резкому увеличению числа свободных рук. Безземельные крестьяне массами уходили в город, пополняя ряды городского пролетариата. Отлив безземельного крестьянства Латвии в города характеризуется тем, что население города Риги стало быстро расти. В 1852 г. число жителей Риги составляло 83 тысячи человек, в 1881 г. оно достигло 169.329 человек, в 1897 г.— 382.230, а к началу XX века — около полумиллиона. Быстро росли также и другие города, в особенности Либава, Виндава и др.

Количество промышленных предприятий Латвии во второй половине XIX века также сильно возросло. По официальным данным в 1861 г. насчитывалось в Лифляндии 59 предприятий, а к началу XX века — 329.

Промышленность начала более интенсивно развиваться лишь в конце XIX и начале XX века. Большим толчком к развитию промышленности в Прибалтике явилось железнодорожное строительство и создание крупных портов. Через порты Риги, Ревеля, Виндавы, Либавы вывозилась громадная масса сельскохозяйственных продуктов из России и ввозились иностранные промышленные изделия.

Значительная часть промышленных предприятий создавалась иностранными капиталистами. Обобщенных данных о количестве предприятий и числа рабочих к концу XIX века не имеется. В начале XX века в трех прибалтийских губерниях числилось следующее количество промышленных предприятий и рабочих[1]:

Губернии	Число предприятий	Число рабочих (в тыс.)
Лифляндская	664	63,3
Курляндская	219	13,5
Эстляндская	206	21,0
Итого:	1 179	97,8

* * *

Во второй половине XIX века, под влиянием развития товарных отношений, усилился процесс расслоения крестьянства в Грузии и в других районах Закавказья. В то время, как огромное количество крестьян разорялось или влачило жалкое существование на мельчайшем наделе, сельская буржуазия использовала нужды беднейших крестьян, которые попадали в ростовщическую

[1] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II, стр. 496.

зависимость от кулаков. Таким образом, развитие капитализма в Грузии способствовало созданию основных классов капиталистического общества — буржуазии и пролетариата. Освобождение крестьян в Грузии создало кадры безземельных и малоземельных крестьян, которые вынуждены были искать дополнительного заработка. Громадная часть крестьянства в Грузии представляла собою не самостоятельных хозяев, а скорее полупролетариев или даже настоящих пролетариев. Такие селения в Гурии как Хидистави, Суреби, Чахатаури и др. значительную часть своих рабочих рук отправляли в промышленные центры Кавказа, особенно в Баку, Батум, Поти и Новороссийск. Крестьяне Гурии составляли значительную часть промышленных рабочих по всему побережью Черного моря. На отхожие промыслы вынуждены были также итти крестьяне Мингрелии, Имеретии, Карталинии и др. районов. Некоторые уезды буквально опустели, лишившись всех молодых способных работников, устремившихся на заработки в города, на железные дороги и т. п.

Наряду с разорением и пролетаризацией крестьянства, тот же процесс отделения производителей от орудий и средств производства происходил и среди многочисленных ремесленников Закавказья. Ремесленники в Грузии были издавна объединены в цехи или в амкарства (амкар — означает сотрудник). Амкарства отличались от западно-европейских цехов тем, что объединяли не только ремесленников, занимавшихся производством, но и мелких торговцев. Цехи имели свой устав, а с 1869 года деятельность амкарств регулировалась особым «Положением». Главным центром ремесленного производства был Тифлис. В 1870—1880 гг. по данным ремесленного управления в Тифлисе насчитывалось 52 ремесленных цеха в которых работало 3 127 хозяев-мастеров и 8 335 подмастерьев. Данные о количестве ремесленников по другим городам Грузии недостаточно полны и точны. В 1893 году в Кутаисской губернии насчитывалось 8721 ремесленник, а по Тифлисской губернии — 13 371 человек. По официальным данным всех ремесленников в городах в 1894 г. насчитывалось 8020 человек, но эти данные следует считать преуменьшенными [1].

В 1870 г. были развиты сапожное, столярное, кожевенное, шапочное, шляпочное, чулочное и др. ремесленные производства. Были ремесленники, которые работали у себя на дому и выносили свои изделия для продажи на рынок по очень дешевым ценам.

Этот упадок ремесленного производства освобождал для нарождавшейся промышленности большое количество рабочих рук.

В своем труде «Развитие капитализма в России» Ленин дал яркую характеристику разложения мелкого производства под преобразующим влиянием капитализма, получившего после от-

---

[1] Ф. Е. Махарадзе. Очерки по истории революционного движения, стр. 108—109.

мены крепостного права некоторые условия для своего развития в городе и деревне.

Ленин писал: «...шло вытеснение туземных, вековых «кустарных» промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов. Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота и серебра, глины, сала и соды, кож и т. д.; все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия. Падала обработка рогов в бокалы, вследствие упадка феодального строя в Грузии и ее исторических пиров, — падал шапочный промысел, вследствие замены азиатского костюма европейским, падало производство бурдюков и кувшинов для местного вина, которое впервые стало поступать в продажу (развивая бочарное производство) и завоевывало в свою очередь русский рынок» [1].

Развитие капитализма на Кавказе приводило к созданию очагов промышленности. Ленин указывал, что капитализм весьма быстро втягивал Закавказье в общий экономический оборот.

Подчеркивая, что «...господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея (Гл. Успенский)», — Ленин показал, как рядом с процессом усиленной колонизации Кавказа и усиленного роста его земледельческого населения происходил процесс отвлечения населения от земледелия к промышленности. Городское население Кавказа возросло с 350 тысяч в 1863 году до ок. 900 тыс. в 1897 году (все население Кавказа возросло с 1851 г. — по 1897 г. на 95%) [2].

Большую роль в экономическом развитии Закавказья и в формировании кадров пролетариата сыграли железные дороги. На железные дороги привлекались рабочие из среды пролетаризировавшихся крестьянских масс, ремесленников и кустарей.

Таким образом, за два десятилетия (1870—1890 гг.) экономические условия в Грузии резко изменились. Капиталистическое производство сделало большой шаг вперед. Это способствовало образованию фабрично-заводского пролетариата.

Ф. Махарадзе так характеризует процесс формирования грузинского пролетариата в конце XIX века: «Большинство этих рабочих, по крайней мере 70—80 процентов, вышло из деревень. Это были люди совершенно безземельные, либо малоземельные крестьяне. В большинстве случаев эти рабочие не порывали связей с деревней. Они имели здесь немного земли и содержали там свою семью, платили государственные подати и несли повинности перед помещиками» [3].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, изд. 4, стр. 521.

[2] Там же.

[3] Ф. Махарадзе. Очерки по истории революционного движения, стр. 45.

Природные богатства Грузии и всего Закавказья стали привлекать иностранный капитал. Уже в 1860 г. англичанин Рукс открыл в Тифлисе первый механический завод. Местная администрация охотно предоставляла льготы иностранным предпринимателям. В 1865 г. была выдана ссуда немецким капиталистам для организации механического завода, который, однако, так и не был построен. В 1881 г. в Тифлисе был основан первый чугунно-литейный завод. В связи с постройкой железных дорог, в особенности дороги Баку — Тифлис (1883 год), тифлисские механические заводы стали испытывать кризис, так как они не могли выдержать конкуренции с обширными механическими заводами Баку.

Установить точные данные развития капитализма и рабочего класса Грузии в XIX веке затруднительно. Сколько-нибудь достоверных данных о числе рабочих в первый период развития капитализма в Грузии в 60—80 годы совершенно не имеется. Только в последующие 80—90-е годы можно установить рост числа рабочих, численность которых к концу XIX века составляла не менее 50 тысяч.

Материалы о возникновении и развитии пролетариата в первые десятилетия после реформы чрезвычайно скудны. До сих пор нет крупных исследований на эту тему, и история рабочего класса и рабочего движения в Грузии ждет еще своего исследователя.

Наличие феодальных пережитков в Азербайджане задерживало формирование пролетариата из среды коренного населения. Особенностью формирования пролетариата в Баку являлся его многонациональный состав. Баку в последние десятилетия XIX века быстро вырастал в крупнейший центр нефтяной промышленности России.

Отмена в 1872 году откупной системы управления промыслами открыла свободный путь в нефтяную промышленность крупному капиталу и вольнонаемному труду. Свободный капитал из центральной России и особенно из-за границы стал во все возрастающем количестве притекать в бакинскую нефтяную промышленность. Крупные промышленные фирмы стали применять новую технику бурения, добычи и обработки нефти, вводили в массовом масштабе паровые двигатели, прокладывали железные дороги и трубопроводы, применяли новый бурильный инструмент и т. п.

Огромный рост бакинской нефтяной промышленности показывают следующие данные, приводимые К. А. Пажитновым. В 1873 г. он определяет число рабочих, занятых только добычей нефти в 680 человек, в 1883 г. — количество рабочих увеличилось до 1254 человек, в 1890 году — до 5597 человек, в 1895 году — 6133 и в 1900 году — 25.214 человек. Таким образом, только за последнее десятилетие XIX века число промысловых рабочих по добыче нефти в Баку возросло почти в 5 раз [1].

[1] К. А. Пажитнов. Очерки по истории бакинской нефтедобывающей промышленности, М., 1940.

Добыча нефти поднялась с 557 тысяч пудов в 1865 году до 671 миллионов пудов в 1901 году. К этому времени Баку вышел на первое место в мире по добыче нефти и дал половину всей мировой добычи.

Быстрый рост нефтяной промышленности повлек и ускоренное формирование пролетариата.

Бакинский пролетариат формировался как многонациональный отряд российского пролетариата.

На работах по добыче нефти преобладали рабочие-азербайджанцы (41,5 процента), в том числе значительное количество выходцев из южного (иранского) Азербайджана. В механических мастерских преобладали русские квалифицированные рабочие. Они были передовой частью бакинского пролетариата не только по квалификации, но и по степени сознательности. Значительную часть бакинских рабочих составляли армяне, татары, дагестанцы.

К концу 90-х годов бакинский пролетариат стал одним из крупнейших отрядов промышленного пролетариата не только в Закавказье, но и во всей России.

В противоположность Грузии и Азербайджану, где во второй половине XIX века стали быстро расти отдельные крупные промышленные центры, собиравшие значительные кадры пролетариата, в Армении таких центров не было. Экономика Армении оставалась аграрной.

По данным 1896 года на Аллавердском медеплавильном заводе было занято 100 рабочих, на рудниках 60, в перевозочных работах 20 человек и по изготовлению угля — 80 человек. В общей сложности на Аллавердском заводе и рудниках основные и побочные рабочие составляли всего 260 человек.

Отсталость народного хозяйства Армении и его полуколониальный характер особенно проявились в слабом развитии энергетической базы промышленности. Армения не имела угля, торфа и достаточного количества леса, а потенциальные возможности гидроэнергии оставались неиспользованными.

* * *

Формирование польского рабочего класса шло за счет притока в польскую промышленность огромной массы безземельных и разорившихся крестьян и за счет разорявшихся ремесленников. За 30 лет с 1866 по 1897 гг. около 34 тысяч ремесленников перешло в ряды рабочего класса, насчитывавшего к этому времени 170—175 тысяч человек.

Этот процесс происходил непрерывно, начиная с 60-х годов. В 90-х годах подавляющая часть рабочих, сосредоточенных в крупных промышленных центрах, состояла из потомственных пролетариев, не имевших связи с сельским хозяйством.

Большинство рабочего класса Польши принадлежало к польской национальности. В мелком производстве и ремесле преобладали еврейские рабочие.

С 1880 по 1895 годы общее количество рабочих в крупной и мелкой промышленности выросло с 118.831 до 205.827 [1].

К 90-м гг. сформировались крупнейшие пролетарские центры Польши: Лодзь и Лодзинский район (город Лодзь и города Пабианцы, Згерж, Томашев, Здунска Воля и др.) и Варшава. Особенно быстро росла Лодзь. С 1878 по 1897 г. население Лодзи выросло втрое (с 100 тыс. до 315 тыс.). Здесь находились наиболее крупные хлопчатобумажные фабрики [2].

Уже к середине 90-х гг. XIX века в Варшаве и ее окрестностях, наряду с текстильными, швейными, кожевенными и мебельными предприятиями, возникли механические и металлообрабатывающие заводы.

Общее представление о численности промышленного пролетариата Польши дают следующие данные за 1880—1895 гг. К 1880 году численность рабочих достигла 118 831 чел., в 1890 г. — 149 846 чел., а в 1896 г. — 205 827 чел.

По степени концентрации польская промышленность отставала от промышленности центра России и особенно юга России.

В наиболее промышленной губернии Польши — Петроковской — в среднем на одно предприятие приходилось 137 рабочих, в Варшавской губернии — 84 рабочих против 476 во Владимирской губ., 355 рабочих в Костромской, 162 в Петербургской губернии и т. п. [3].

* * *

В период с 1865 до конца 90-х годов в Средней Азии русский капитал не играл еще такой активной роли, как после 90-х годов, хотя именно в этот период подготовлялись условия для овладения этим важным рынком. Отсутствие до середины 80-х годов железнодорожной связи с Россией являлось препятствием для развития товарооборота метрополии с колонией. Только с конца 80-х годов начинается более интенсивное развитие капиталистических отношений. В этот период происходит сравнительно быстный рост городского населения Туркестана, например, с 1880 по 1897 гг. численность городского населения в ферганской области возросла почти в 2 раза, хотя в этом росте городского населения влияние еще медленно развивавшейся промышленности было относительно невелико. Промышленное производство в этот период представляло в основном мелкие, ремесленные предприятия, обслуживавшие бытовые потребности местного населения.

В конце XIX века происходило заметное расслоение среди ремесленников. С одной стороны, выделились крупные мастера предприниматели (устокоры), а с другой — наемные мастера, которые получали от хозяина сырье и перерабатывали его у себя

[1] У. А. Шустер. Революция 1905—1907 гг. в Польше. «Революция 1905—1907 годов в национальных районах России». 1949, стр. 186.

[2] У. А. Шустер. Указ. соч., стр. 188—189.

[3] «Промышленность и торговля» № 15 СПб., 1910, стр. 116.

на дому, получая сдельную заработную плату. Некоторые из них жили в доме хозяина, пользовались его орудиями и получали от него пищу и небольшую заработную плату. Это были недавние самостоятельные мастера-одиночки, не выдержавшие конкуренции с богатыми ремесленниками или с привозимыми из России фабричными товарами. Превращение их в наемных рабочих, начиная с конца XIX века приняло довольно широкие размеры. Устокоры давали готовую основу как рабочим на дому, так и рабочим, которые занимались тканьем. Постепенно, в связи с укрупнением предприятий, устокоры ограничивались организацией закупки сырья и сбыта продукции, а их роль в производстве переходила к наиболее квалифицированным рабочим. Это означало переход ремесленного заведения к зачаточной мануфактуре, которая несла и новые, капиталистические отношения между предпринимателем и рабочими.

Ремесленники в городах страдали от конкуренции дешевых товаров, привозимых из России. Заработок их становился все меньше, и в начале 90-х годов составлял не более 10—30 копеек в день. Количество самостоятельных ремесленников быстро уменьшалось. В 1871 году в Ташкенте насчитывалось до 341 кустарных кожевенных предприятий, а в 1892 году их осталось только 66. Соответственно падало количество и других мелких предприятий.

Общий размер промышленной продукции Туркестана, как и темпы развития промышленности, были в этот период сравнительно невелики. Так, за годы с 1865 по 1900 на территории Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской областей, т. е. в самых развитых в экономическом отношении областях Средней Азии, было открыто всего 170 промышленных заведений, преимущественно мелких, полукустарного типа.

Сравнительно более крупными предприятиями в этот период были предприятия пищевой промышленности (мукомольной, винокуренной и т. п.).

В Ташкенте, являвшемся столицей обширного Туркестанского края, в 1885 году имелось лишь 27 предприятий, на которых количество рабочих превышало 10 человек на каждом, а средняя стоимость годового производства — 20 тысяч рублей. На остальных предприятиях Сыр-Дарьинской области на одно предприятие в среднем приходилось менее 2-х рабочих. Рабочая сила в этих предприятиях комплектовалась в значительной части сезонными рабочими, которые не порывали со своим хозяйством в кишлаке.

Поскольку Средняя Азия оставалась страной отсталой, являясь лишь аграрным и сырьевым придатком российской промышленности, постольку процесс формирования пролетариата протекал здесь крайне медленно.

В национальных районах на восточных окраинах процессы пауперизации преобладали над процессами пролетаризации, —

разорявшиеся кустари и ремесленники, а также беднейшее сельское население не поглощались слабой фабрично-заводской промышленностью, которая только начинала создаваться. Массы разорившихся бедняков шли поэтому в кабалу к баям, нищенствовали, занимались случайными работами, нанимались на короткие сроки чернорабочими и поденщиками.

Основную массу рабочего класса в Туркестане с конца XIX века составляли железнодорожники. Но среди них преобладали пришлые рабочие из Центральной России. Местные рабочие работали преимущественно землекопами и на других неквалифицированных работах, на железнодорожном строительстве. После окончания строительства очень немногие из них оставались на службе пути чернорабочими, иногда стрелочниками, станционными сторожами. Только в начале XX века, когда усилилось строительство хлопко-очистительных заводов и других предприятий, стал заметно усиливаться процесс формирования промышленных кадров.

Условия зарождения капитализма и формирования пролетариата в другой крупнейшей восточной окраине России — Казахстане — были еще более сложными и противоречивыми. Определяющим для Казахстана, как и для Туркестана, являлось его колониальное положение. Здесь, как и в других восточных районах, господствовали отсталые формы экономики с патриархально-родовым бытом, куда только начинали проникать товарно-денежные отношения. Крупной обрабатывающей промышленности в Казахстане не возникло. Кадры промышленных рабочих незначительные по численности образовались лишь в горном деле, где работали русские и казахи. Развитие капитализма вширь, т. е. распространение его влияния и воздействия на новые территории, несомненно способствовало постепенному разрушению господствовавшего в стране феодального способа производства, но в силу колониально-национальной политики царизма, так и не завершилось до самой революции 1917 года победой капиталистического способа производства.

Характеризуя общественный строй народов Средней Азии, Казахстана и других восточных окраин, товарищ Сталин писал о них, что они не успели пройти капиталистического развития и не имели своего пролетариата: «Дело в том, что целый ряд главным образом тюркских народностей — их около 25 миллионов — не прошли, не успели пройти периода промышленного капитализма, не имеют поэтому или почти не имеют промышленного пролетариата, ввиду чего им приходится из первобытных форм хозяйства перейти в стадию советского хозяйства, минуя промышленный капитализм» [1].

Таким образом, в Казахстане, как и в Туркестане, промышленный пролетариат до самой Октябрьской революции еще не сформировался в новый общественный класс. Но поскольку ка-

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 40—41.

питалистические отношения в Казахстане уже существовали, как особый уклад, постольку уже в этом периоде началось формирование промышленных кадров будущего рабочего класса.

Формирование промышленного пролетариата в национальных районах — на Украине, Кавказе, Прибалтике, Польше и др. — имело большое значение для революционного движения всей России.

Быстрое развитие капитализма в национальных районах, особенно на Украине и Кавказе, усилившееся благодаря притоку иностранного капитала, приводило к сочетанию капиталистических форм эксплоатации с колониальным угнетением, побуждая национально-угнетенных рабочих к протесту и борьбе. Застрельщиками борьбы чаще всего были передовые, квалифицированные русские рабочие — машинисты, механики, слесари, токари и т. п. Прибывшие из центра России рабочие, прошедшие там школу революционной борьбы, были наиболее культурной и развитой частью пролетариата национальных окраин. Они несли с собой передовые идеи освободительного движения пролетариата, идеи борьбы за национальное освобождение угнетенных царизмом народов и таким образом готовили почву для совместной борьбы рабочих всех национальностей России против самодержавия и буржуазии.

* * *

При анализе особенностей формирования промышленного пролетариата России, Ленин обращал внимание на вопрос «о концентрации производства в отдельных центрах фабрично-заводской промышленности и о различных видах фабричных центров» [1].

В этом отношении большое значение имеет ленинская классификация главных типов фабричных центров России: 1) города, 2) фабричные села, 3) «кустарные» села.

Известно, какое громадное значение в освободительном движении России сыграли крупнейшие пролетарские центры — Петербург, Москва, Орехово-Зуево, Иваново-Вознесенск, Баку, Тифлис, Батуми, Киев, Харьков, Одесса, Ростов-на-Дону, Рига и др. Особенно большую роль в революции сыграли Петербург (Ленинград) и Москва. Вот почему Ленин уделял много внимания этим ведущим пролетарским центрам и их пригородам, отличавшимся наибольшей концентрацией передовых отрядов пролетариата.

Выросшие, в громадном большинстве, из центров капиталистической мануфактуры, фабричные села в 90-х годах достигли значительного развития. Этот тип промышленных центров преобладал в Центрально-промышленном районе, а также в горнозаводских районах (Урал, Юг России), где были сосредоточены значительные массы пролетариата. Вместе с другим типом фаб-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, изд. 4, стр. 454.

ричных центров — кустарными селами — внегородская промышленность поглощала в 1890 г. половину фабрично-заводского пролетариата России.

Сравнивая быстроту развития фабрично-заводской промышленности в городах и вне городов, Ленин установил, что в последних развитие идет быстрее, и что фабричная промышленность имеет, повидимому, тенденцию с особенной быстротой распространяться вне городов. Это обстоятельство Ленин считал в высшей степени важным.

Производя отдельные подсчеты данных о концентрации промышленности за 1879 и 1890 гг., Ленин показал, что сравнение городских и сельских центров дает основание считать, «что из всего числа фабрично-заводских и горных рабочих Европейской России не менее (а, пожалуй, и более) половины размещено вне городов» [1]. «Этот вывод, — писал далее Ленин, — имеет важное значение, ибо он показывает, что *индустриальное* население в России значительно превышает своими размерами *городское* население» [2].

Тенденция русской промышленности приближаться к источникам дешевой рабочей силы и обосноваться вне городских центров несколько тормозила процесс отрыва рабочих от земли и создания постоянных кадров пролетариата, не связанного с землей. Характеризуя и оценивая этот факт, Ленин писал: «...подобная задержка может быть лишь недолговременной... покупается ценою еще большего расширения того поля, на котором сказывается влияние крупной машинной индустрии» [3].

Это обстоятельство имеет большое значение для выяснения условий влияния русского пролетариата на крестьянство. Быстрый рост новых фабрично-заводских центров вне городов и связанные с этим процессы образования промышленного пролетариата определили то своеобразие взаимоотношений, ту связь рабочего класса России с многомиллионными трудовыми массами крестьянства, которые способствовали, наряду с другими обстоятельствами, осуществлению руководящей роли пролетариата в буржуазно-демократической революции.

Формирование промышленного пролетариата России от 60-х до середины 90-х годов сопровождалось важными внутренними изменениями его состава.

Быстрое развитие, наряду с текстильной промышленностью, горнозаводской, металлической, пищевой, химической и др., а также значительное железнодорожное строительство, существенно изменили профессиональный состав промышленного пролетариата к середине 90-х гг., по сравнению с началом 60-х гг.

---

[1] Этот вывод Ленина был полностью подтвержден всероссийской переписью 1897 г.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 3, изд. 4, стр. 458.

[3] Там же, стр. 460.

Распределение промышленного пролетариата по основным отраслям производства может быть охарактеризовано следующими данными Министерства финансов (в тысячах человек) [1]:

Отрасли промышленности	1887	1897
Обработка волокнистых веществ	399,2	642,5
Горная и горнозаводская промышленность	390,9	544,3
Обработка питательных продуктов	205,2	255,4
Обработка металлических изделий	103,3	214,3
Керамическое производство	67,3	143,3
Обработка животных продуктов	38,9	64,4
Обработка дерева	30,7	8,63
Химическое производство	21,1	35,3
Писчебумажное производство	19,5	46,2
Прочая промышленность	41,8	66,2

Сюда следует отнести и рабочих железнодорожников. Ленин определил место рабочих железнодорожников среди самых передовых отрядов современного промышленного пролетариата.

«...К числу рабочих в крупных капиталистических предприятиях принадлежат также железнодорожные рабочие»,— писал Ленин [2].

К началу XX века железнодорожники составляли более одной пятой (22,6%) всего крупно-промышленного пролетариата России.

Возросшее железнодорожное строительство, особенно в 90-х годах, имело своим ближайшим последствием появление кадров передовых промышленных рабочих на самых отдаленных окраинах России: в Сибири, Средней Азии, на Дальнем Востоке.

Наибольшая концентрация и сплоченность рабочих, как отмечал Ленин, имеет место в крупных железнодорожных мастерских. В некоторых из них было занято 1500 и более рабочих. Железнодорожные мастерские Москвы, Петербурга, Киева, Ростова н/Дону, Тифлиса, Читы, Ташкента и других городов были, как и крупнейшие заводы и фабрики, первыми очагами революционного рабочего движения и марксистской пропаганды на заре рабочего движения в России.

Текстильщики, горняки, железнодорожники и металлисты являлись наиболее мощными отрядами промышленного пролетариата России.

Состав промышленного пролетариата России уже в этот период характеризуется не только более высокой концентрацией его на крупных предприятиях, но и меньшей пестротой его состава. В составе русского промышленного пролетариата разорившиеся городские цеховые ремесленники с их пережитками цеховой сословности и узкого профессионализма, оказавшие известное

[1] А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 112.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 3, изд. 4, стр. 435.

влияние на рабочее движение Запада не только в позднем, но и в начальном его периоде, были незначительны.

Большое значение имел также тот факт, что в царской России при ее полуколониальном положении не было объективных условий для создания сильного слоя «профессионалистской, узкой себялюбивой черствой, корыстной, мещанской империалистски настроенной и империализмом подкупленной, империализмом развращенной «рабочей аристократии...» [1], являющейся оплотом буржуазии в рабочем движении в крупных западноевропейских странах капитализма, особенно англо-саксонских. Ленин считал, что этот факт облегчил победу пролетариата в нашей стране.

Формулируя закон развития пролетарских партий и вскрывая источники противоречий внутри их в условиях существования классов и классовой борьбы, товарищ Сталин также обращал внимание на разнородность и наличие разных слоев внутри рабочего класса.

«Один слой, — говорит товарищ Сталин, — это основная масса пролетариата, его ядро, его постоянная часть, это та масса «чистокровных» пролетариев, которая давно уже порвала связи с классом капиталистов. Этот слой пролетариата является наиболее надежной опорой марксизма».

«Второй слой — это недавние выходцы из непролетарских классов». Этот слой вносит в рабочий класс мещанские, мелкобуржуазные привычки, колебания и шатания.

«Наконец, третий слой — это рабочая аристократия, верхушка рабочего класса, наиболее обеспеченная часть пролетариата, склонная к компромиссам с буржуазией, готовая приспособиться к сильным мира... Этот слой представляет наиболее благоприятную почву для откровенных реформистов и оппортунистов» [2].

Разнородность рабочего класса является чертой, характерной для всех капиталистических стран эпохи империализма. Однако, степень разнородности, удельный вес каждого из указанных слоев и его место в рабочем классе определяется историческими особенностями развития каждой страны.

В отличие от других стран, прежде всего от англо-саксонских, где на базе колониального грабежа создавалась десятилетиями сильная и влиятельная в рабочем классе рабочая аристократия, служившая опорой своей отечественной империалистической буржуазии, в России этот слой был сравнительно слаб и незначителен, как в результате отсутствия благоприятных объективных условий, так и благодаря наличию революционной марсистской партии, нанесшей идеологии тред-юнионизма и меньшевизма смертельный удар в самом начале ее появления в России.

Промышленный пролетариат России не был так отделен высокой городской стеной от крестьянства, как в классических странах капитализма. Он вынужден был «сплошь да рядом стано-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 31, изд. 4, стр. 34.
[2] И. В. Сталин. Соч., т. 9, стр. 10—11.

виться в самые тесные отношения к кустарям — этому промышленному пролетариату, разлитому вне фабрики в городах и деревнях и поставленному в гораздо худшие условия. Русский фабричный рабочий, приходит в непосредственное соприкосновение и с сельским населением (нередко фабричный рабочий имеет семью в деревне) и, следовательно, не может не сближаться и с сельским пролетариатом, с многомиллионной массой профессиональных батраков и поденщины, а также с тем разоренным крестьянством, которое, держась за мизерные клочки земли, занято отработками и всякими случайными «заработками», т. е. той же работой по найму» [1].

Вместе с тем Ленин и Сталин неоднократно указывали на наличие в среде рабочего класса, вследствие мелкобуржуазного; крестьянского характера капиталистической России известного слоя мещанских мелкобуржуазных элементов, которые не раз являлись социальной базой реакционных и оппортунистических течений и антипролетарских партий и политических групп — народников и экономистов, меньшевиков и эсеров и т. п., в борьбе с которыми рос и закалялся большевизм.

Промышленный пролетариат России формировался быстрыми темпами. На место немногочисленного, раздробленного, сохранившего еще непосредственные связи с деревней рабочего класса 60—70-х гг. к 90-м годам сложился «современный промышленный пролетариат, в корне отличавшийся от рабочих фабрик крепостного периода и рабочих мелкой, кустарной и всякой иной промышленности, как своей сплоченностью на больших капиталистических предприятиях, так и своими боевыми революционными качествами!» [2].

§ 5. Положение пролетариата в 60—80 гг. [3]

Современники и исследователи положения пролетариата России 60—80 гг. нередко сравнивали его бедственное положение с положением английского пролетариата 40-х гг., ярко описанное Энгельсом в его знаменитом труде «Положение рабочего класса в Англии». Невыносимые условия жизни и быта рабочих масс в 50-х годах нашли свое талантливое и глубоко правдивое отражение в знаменитом произведении Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России». (1869 г.).

Общее положение рабочих России конца 60-х гг. кратко сформулировано в следующих словах Флеровского, подчеркнутых Марксом в его восторженном отзыве об этой книге.

«У нас пролетариев мало, но зато масса нашего рабочего класса состоит из работников, которых участь хуже, чем участь

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 306.

[2] История ВКП(б). Краткий курс, 1945 г., стр. 7.

[3] В характеристике положения пролетариата в 60—80 гг. частично использован материал Б. М. Кочакова.

всякого пролетария» [1]. Флеровский в данном случае имел в виду не типичного промышленного фабрично-заводского рабочего, но и кустаря, и ремесленника.

Положение промышленного пролетариата в России определялось прежде всего характерной для промышленного капитализма тенденцией к усилению эксплоатации наемного труда, к росту нищеты рабочих масс. «Все приемы эксплуатации, которые употребляются всеми капиталистами во всех отраслях промышленности, от которых страдает вся масса рабочего населения России, — здесь, на фабрике, собираются вместе, усиливаются, делаются постоянным правилом, распространяются на все стороны труда, жизни рабочего, создают целый распорядок, целую систему выжимания соков из рабочего капиталистом» [2].

Внедрение машин, превративших рабочих в их придаток, привело к сокращению заработной платы и увеличило зависимость рабочего от фабриканта.

Вот с какой нескрываемой радостью отмечал этот факт известный ивановский фабрикант Я. Гарелин:

«Блестящая пора больших заработков у ивановского рабочего кончилась с введением в дело машин. Пока машин не было или они являлись отдельными нововведениями, рабочий, можно сказать, царил на фабрике... Но вот являются машины и мало по малу завладевают всем делом. Рабочим пришлось уже не хозяйствовать, а стать в подчинение к бездушным машинам, с которыми разговоров вести, конечно, невозможно было и которые, вдобавок, сработывали по меньшей мере в десять раз больше, чем могли сделать все рабочие находящиеся на фабрике... Рабочий сделался теперь вполне зависимым от машины. Начинается совершенно новая эпоха в его жизни...» [3]. «Действительно, это была новая эпоха эксплоатации и абсолютного обнищания рабочего класса.

Капиталистическая система эксплоатации в царской России отличалась особо жестокими и безобразными формами. «...в России всесилие капитала сливалось с деспотизмом царизма» [4]. Полное политическое бесправие, отсутствие рабочих организаций и права стачек ставило русского рабочего в положение полной беззащитности перед произволом фабриканта.

Положение рабочего на капиталистической каторге ярко проявляется в условиях найма.

Наличие целого ряда полукрепостнических пережитков в особенности облегчало капиталистам осуществление желательной для них системы эксплоатации. «В России остатки средневековых, полукрепостнических учреждений так бесконечно еще силь-

---

[1] Цитировано по письму К. Маркса к Ф. Энгельсу от февраля 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. XXIV, стр. 287.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 2. изд. 4, стр. 89.

[3] Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск, или бывшие село Иваново и Вознесенский посад. ч. II, Шуя, 1885, стр. 100, 101.

[4] И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 75.

ны..., — писал Ленин, — они таким гнетущим ярмом лежат на пролетариате и на народе вообще, задерживая рост политической мысли во всех сословиях и классах, — что нельзя не настаивать на громадной важности для рабочих борьбы против всяких крепостнических учреждений, против абсолютизма, сословности, бюрократии. Рабочим необходимо со всей подробностью показать, какую страшную реакционную силу представляют из себя эти учреждения, как усиливают они гнет капитала над трудом, как унижающе давят на трудящихся, как задерживают капитал в его средневековых формах, не уступающих новейшим, индустриальным, по эксплуатации труда, но прибавляющим к этой эксплуатации страшные трудности борьбы за освобождение» [1].

Безобразные формы капиталистической эксплоатации промышленного рабочего в России ярко проявляются уже в условиях найма.

Полное политическое бесправие, нищета, давление налогового пресса, произвол волостного начальства, действующего заодно с капиталистами, — все это предопределяло часто полукабальный, а иногда и целиком кабальный характер фабричного найма.

Гонимый нуждой и податным нажимом, крестьянин действительно готов был работать на любых условиях. «Кругом фабрики такая голь-нужда неисходная, — рассказывает один из лучших бытописателей рабочего класса в России, Н. Благовещенский, — что каждый мужик за несколько рублей всего себя запродать готов, лишь бы прикупить «хлебушка» да внести во-время подати и налоги; а там делай с ним, что хочешь, терпенья хватит. Ну и делает хозяин, что хочет, и смело предписывает свои условия, в полной уверенности, что отказу не будет, — и не бывает» [2].

Но тяжесть условий найма определялась также и типично капиталистическим давлением промышленной резервной армии. В Московском районе хозяева частенько давали взаймы крестьянину — деньгами, хлебом, товарами, — даже не имея в виду непосредственно его использования на фабрике. Должник являлся для фабриканта, по выражению Благовещенского, «запасным работником». «Таких запасных работников у каждого хозяина множество, и так как на заводах для всех должников работы не хватает, то хозяин и держит их про запас, сгоняя, по мере надобности, на разные работы, как на барщину» [3]. Для населения, оторвавшегося от земли и систематически работающего по найму, аналогичную роль играла безработица. В условиях непрерывного образования избыточного населения в пореформенной деревне предложение труда всегда было выше спроса. Нанимая, капиталист имел возможность выбирать и, следовательно, диктовать условия.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. I, стр. 272.

[2] Н. А. Благовещенский. Семидесятые годы на фабриках и заводах, М.—Л. 1929, стр. 23—24.

[3] Там же, стр. 95.

Примером того, сколько унижения должен был претерпевать рабочий при поступлении на работу, является картина найма рабочих на заводе Русско-американской резиновой мануфактуры («Красный треугольник») в Петербурге.

«Набор происходил два раза в неделю — в понедельник и в четверг. Выстроит директор людей вдоль панели и ходит, выбирает, как мясник в стаде скот, тех, кто крепче сложен, больше ростом, покорный, почтительный в вопросах, а за ним сзади — телохранитель, старший отметчик Франц, по прозвищу «Дьяволе». Франц — немец, очень плохо говорил по-русски, а только кричал: «Сюда дьяволе, туда дьяволе». Гейзе дает записку, а «Дьяволе» отправляет в проходную, и там мастера проводят сортировку» [1].

Рабочий день на фабриках и заводах 70—80 гг. был не менее $12^1/_2$ часов, а в текстильной промышленности доходил до 14—15 часов. Введение машин не только не облегчило труда рабочих, но явилось «...могущественным средством для того, чтобы удлинять рабочий день дальше всех естественных пределов» [2]. Рабочий день в России был особенно велик. «Работники и даже дети, — отмечал в 1869 году Н. Флеровский, — изнуряются непосильной работой, по шестнадцати часов в день. Ярославский статистический комитет нашел *образцовым* положение рабочих на фабриках, где мужчины, женщины и дети работали по четырнадцать с половиною часов в сутки и жили в казармах» [3]. Те отрывочные данные о продолжительности рабочего дня в 60—70-х гг., которыми мы располагаем, не противоречат утверждению Флеровского. На текстильных фабриках Ивановского района средний рабочий день, по подсчетам Нефёдова, составлял $15^1/_2$ часов [4]. В Петербурге на фабрике Кенига рабочий день продолжался 14 часов [5]; на Кренгольмской мануфактуре — 14 часов [6]; на Новой Бумагопрядильной — $13^3/_4$ час. [7] и т. д. На машиностроительных и металлообрабатывающих предприятиях рабочий день был несколько короче. В горной промышленности чаще всего практиковался 12-часовой рабочий день с перерывом на обед продолжительностью в 1—2, редко в 3 часа [8]. На золотых приисках Сибири работали 13—$13^1/_2$ часов, иногда даже 15 часов с перерывом на обед [9].

---

[1] М. И. Калинин. Что дала советская власть трудящимся, Партиздат, 1937, стр. 6.

[2] К. Маркс. Капитал, 1949, т. I, стр. 408.

[3] Н. Флеровский. Положение рабочего класса в России, М., 1938, стр. 396.

[4] «Наши фабрики и заводы», — «Русские ведомости», № 84, 20 апреля 1872.

[5] Б. Базилевский. Революционная журналистика 70-х гг., стр. 174.

[6] Э. А. Корольчук. Рабочее движение семидесятых годов. М. 1934, стр. 67

[7] Там же, стр. 177.

[8] К. А. Пажитнов. Положение рабочего класса в России, т. II, Л. 1924, стр. 30—32.

[9] В. И. Семевский. Рабочие на сибирских золотых приисках, т. II, СПб., 1898, стр. 93.

По данным главного фабричного инспектора Михайловского, в 1885 г. на 80% всех фабрик рабочий день продолжался не более 12 часов [1]. Однако, эта средняя цифра не характеризует действительную продолжительность рабочего дня в различных промышленных районах.

Наиболее продолжительным рабочий день был в Центрально-промышленном районе. По подсчетам И. И. Янжула, средний рабочий день в Московской губернии равнялся 12 час. 30 мин., а по подсчетам К. М. Дементьева — 12 час. 39 мин. [2]. Колебания этой средней цифры в ту и другую сторону весьма значительны, как это видно из следующей таблицы:

Продолжительность рабочего дня в часах	Число фабрик и их отделений	Число фабрик в процентах
9— 9½	9	2,0
10—10½	27	6,0
11—11½	30	6,6
12—12½	150	33,3
13—13½	177	39,2
14—14½	44	9,8
15—15½	4	0,9
16—16½	2	0,4
18	8	1,8

Таким образом, меньше 12 часов работало только 14% предприятий, 12—12½ часов работала треть и свыше половины всех фабрик работало более 13 часов, причем в отдельных случаях число часов чистой работы достигало 18 [3].

Однако, рабочий страдал не только от продолжительности, но и от распределения рабочего времени. Особенно губительной для здоровья рабочих была распространенная в текстильной промышленности система коротких смен. Проработав 6 часов (допустим, с 6 до 12 часов), рабочий следующие 6 часов (с 12 до 18 часов) отдыхал, затем снова работал 6 часов (с 18 до 24 часов) и снова отдыхал (с 24 до 6 часов). Хотя формально свободного времени рабочий имел 12 часов, фактически отдых его, при системе коротких смен, был явно недостаточен. «Проработав шесть часов днем, — рассказывает Е. М. Дементьев, — положим хоть с 6 до

[1] Я. Михайловский. О деятельности фабричной инспекции. Отчет за 1885 г. главного фабричного инспектора, СПб. 1886, стр. 52.

[2] И. И. Янжул. Фабричный быт Московской губернии, СПб. 1884, стр. 39. Е. М. Дементьев. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет, М. 1897, стр. 93.

[3] Там же.

12 часов дня, рабочий известное количество времени должен употребить на то, чтобы поесть, на все свои домашние мелочные заботы и т. п., и у него остается 3—4 часа времени, которые он должен употребить на сон. Но разве этот краткий сон в страшнодушном, тяжелом воздухе фабричных казарм, переполненных жильцами, может восстановить потери организма, надорванного предшествовавшими недосыпаниями? За полчаса до смены паровой ревун, а вслед затем стук и убеждения сторожей и хожалых по спальням заставляют его встать и приготовиться к смене». После вторых шести часов работы, история повторяется, — «и в результате всегда торопящийся наскоро поесть, уйти от всякого дела, от всякой заботы, мысли, лишь бы скорее лечь спать, но ни разу за неделю не высыпающийся, насколько требует организм, рабочий — всегда вялый, всегда сонный и бессильный» [1].

Непомерно длинный рабочий день при указанной системе распределения рабочего времени, при широком применении сверхурочных работ, при фактической отмене во многих случаях воскресного и праздничного отдыха — все это подрывало здоровье рабочих, сокращало продолжительность их жизни.

Заработная плата промышленного пролетариата в первые десятилетия реформы не только не повысилась, но значительно снизилась.

По данным даже такого буржуазно-объективистского исследователя как Туган-Барановский — «к началу 80-х гг. реальная заработная плата рабочих на хлопчатобумажных фабриках Шуйского уезда понизилась в общем не менее чем на 20—30%» [2] В целом по всей отрасли хлопчато-бумажной промышленности зарплата рабочих номинально несколько повысилась, но реальная заработная плата значительно снизилась. Рабочий же день даже удлинился. «Буржуазия, — замечает П. А. Хромов, — исходила из принципа «Сытый рабочий ленив в работе». ...Несмотря на значительный рост среднегодовой выработки со времени реформ 1861 г., заработная плата не увеличилась» [3].

В Московском округе (собственно — в трех обследованных уездах Московской губернии) в 1884—1885 гг. средний заработок рабочего, по данным Е. М. Дементьева, был таков: [4]

	На своих харчах	На хозяйских харчах
Взрослые и подростки мужского пола	13 р. 18 к.	6 р. 98 к.
Взрослые и подростки женского пола	10 р. 47 к.	4 р. 00 к.
Малолетние обоего пола	5 р. 35 к.	2 р. 43 к.

[1] Е. М. Дементьев. Указ. соч., стр. 89.
[2] М. Туган-Барановский. Русская фабрика, М. 1938, стр. 351.
[3] П. А. Хромов. Очерки экономики текстильной промышленности СССР. М.—Л. 1946, стр. 37, 38.
[4] Е. М. Дементьев. Указ. соч., стр. 125.

По отдельным производствам уровень заработной платы распределялся очень неравномерно, в силу различия в квалификации занятых в них рабочих. Если взять средний заработок рабочего на своих харчах по некоторым основным производствам, то, по тем же данным, получается следующая картина (в рублях) [1].

Производства	Взрослые		Подростки		Малолетки	
	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.
Машиностроительное	23,34	—	9,87	—	—	—
Лесопильное	20,34	—	—	—	—	—
Мастеровые всех фабрик	18,41	9,43	6,98	—	5,21	—
Прядильно-ткацкие отд. суконных фабрик	16,82	7,17	6,29	—	4,89	5,44
Кожевенное	16,64	—	—	—	—	—
Ситценабивное	16,09	6,07	7,29	—	4,55	—
Бумагопрядильное и самоткацкое	13,58	11,07	7,49	6,74	5,92	5,82
Фарфоро-фаянсовое	12,30	3,90	7,14	—	5,49	—
Отбельно-красильное отделен. фабрик бумажных тканей	11,02	6,56	6,19	5,91	5,35	5,75
Ткацкие и сновальные отделения ручных фабрик	9,52	5,54	—	—	2,47	2,99
Рогожное	8,89	7,52	—	—	3,86	3,86

В среднем большая часть рабочих получала 7—8 рублей в месяц [2].

Реальная заработная плата русского рабочего была настолько мала, что ее едва хватало на пищу, одежду и жилище.

Но и эта мизерная плата снижалась с помощью применения всевозможных трюков.

Хозяйские харчи, распространенные, главным образом, в центральной России и на Украине, были скрытым, но действительным рычагом снижения заработной платы. По расчетам Дементьева, «нанимаясь на хозяйских харчах, мужчины (и, вероятно, женщины) получают эти харчи на 24% дороже, чем в том случае, когда они продовольствуются сами от себя» [3].

Еще более эффективным средством снижения заработной платы являлись фабричные лавки. По договору, рабочий мог покупать товары только в этих лавках.

Между тем, цены в фабричных лавках были значительно выше рыночных. На фабриках Владимирской губернии, как сообщает фабричный инспектор П. А. Песков, цены на товары были выше рыночных в среднем на 5—10%, и подчас и еще того больше.

[1] Е. М. Дементьев. Указ. соч., стр. 134—135.
[2] История ВКП(б). Краткий курс, 1945, стр. 8.
[3] Е. М. Дементьев. Указ. соч., стр. 127.

На одном хрустальном заводе соотношение рыночных цен и фабричных цен было таково: [1]

	На рынке	На заводе	Накидка
Мука (ржаная) пуд	1 руб.	1 р. 30 к.	30 %
Пшено (мера)	2 руб.	2 р. 40 к.	20 %
Масло постное (фунт)	15 коп.	20 коп.	25 %
Сахар (фунт)	24 коп.	35 коп.	45 %
Керосин (фунт)	5 коп.	10 коп.	100 %

В Харьковском округе, по сведениям В. В. Святловского, фабричные цены превышали рыночные на 30—100% [2].

Кроме фабричных лавок, хозяева открывали для своих рабочих также кабаки. Иным хозяевам трактир и лавка при фабрике приносили не меньше дохода, чем сама фабрика.

Богатство русских текстильных королей Морозовых, Коншиных и др. составлялось еще в результате громадных штрафов, обсчетов и т. д., вызывавших у рабочих глубокую ненависть и озлобление против капиталистов.

Штрафы были наиболее ярким выражением произвола фабрикантов над рабочими. До 1886 года «Фабриканты могли брать штрафы, за что хотели и в каком угодно количестве» [3].

Обычно штрафы назначались «по усмотрению хозяина». «Штрафы, — пишет Ленин, — доходили иногда до *половины* заработка, так что рабочий из заработанного рубля отдавал хозяину пятьдесят копеек в виде штрафов.

Бывали такие случаи, что сверх штрафов назначалась еще неустойка, например, 10 руб. за оставление фабрики. Всякий раз, когда у фабриканта дела шли плохо, — ему ничего не стоило сбавить плату, вопреки условию, он заставлял мастеров строже брать штрафы и браковать товар: выходило на то же, как если бы рабочему сбавили плату.

Штрафы доводили рабочих до острых конфликтов с фабрикантами в форме волнений и стачек. Отмена штрафов или их сокращение было наиболее частым требованием рабочих с начала 70-х годов.

Какое важное значение имела борьба русских рабочих против системы штрафов, видно из того, что В. И. Ленин посвятил ей специальную брошюру «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» (1895 г.).

Своим объяснением существа штрафов Ленин показал образец сочетания борьбы рабочих за повседневные нужды с борьбой политической.

---

[1] П. А. Песков. Фабричный быт Владимирской губ. СПб. 1884, стр. 104.
[2] В. В. Святловский. Фабричный рабочий, Варшава, 1889 г., стр. 66.
[3] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 2, стр. 21.

Чтобы более или менее полно представить себе невыносимое положение русских рабочих и характер их эксплоатации на капиталистической каторге, необходимо в самых кратких чертах коснуться вопросов санитарии и гигиены труда, промышленного травматизма, заболеваемости и смертности, физического развития рабочих, их жилищных и бытовых условий.

Само устройство фабричных помещений в большинстве случаев не соответствовало требованиям гигиены. Ф. Ф. Эрисман, обследовавший в начале 80-х гг. 17 отраслей московской промышленности, убедился, что только в 9 из них кубатура рабочих помещений соответствует гигиенической норме (4,37 куб. саж. на человека). В рогожном производстве приходилось от 0,7 до 1,0 куб. саж. на человека; в бумаго-лагированном 0,8—1,2 куб. саж.; в мелких и крупных ткацких мастерских — от 0,3 до 4,0 куб. саж., в бумагокрутильных — от 1,4 до 2,0 куб. саж. на рабочего и т. п. Между тем, даже в тюрьмах по существовавшим нормам полагалось не менее 1 куб. саж. на заключенного. Наиболее низка кубатура в ручных производствах [1]. Переход к машинному труду, особенно в крупных механических производствах, естественно, вынуждал капиталистов строить более обширные корпуса, от чего выигрывал и рабочий: в котельном производстве приходилось уже 7,3 куб. саж., а в бумагопрядильном 7,8 куб. саж. на человека [2].

Однако, с расширением рабочих мастерских не исчезали другие недостатки фабричных зданий: плохое освещение и отопление, отсутствие хорошей вентиляции, опасное размещение машин и антисанитарное состояние мест общего пользования.

Особенно вредно отзывалось на состоянии организма отсутствие хорошей вентиляции. Обилие пыли, вредных паров и газов, неравномерная температура и влажность сопутствовали, в том или ином виде, почти всем фабричным производствам.

Металлические производства также имели дело с кислотами и пылью. Например, по заявлению владимирского мирового судьи Смирнова, обтачивание металлических предметов было связано с таким количеством железной и каменной пыли, что рабочие поголовно заболевали чахоткой и умирали как мухи, «редко доживая до 30-летнего возраста, а если переживают, то слепнут» [3].

Столь же губительно действовала повышенная температура — явление особенно характерное для литейного цеха. Литейщику, по выражению Н. А. Благовещенского, — «приходится работать, так сказать, в четвертой стихии — в огне или, по крайней мере, в адском жару, среди раскаленного и расплавленного чугуна и

[1] «Сборник статистических сведений по Московской губернии», Отдел санитарный, том III, вып. IV, М. 1882, стр. 181.

[2] «Сборник статистических сведений по Московской губернии», Отдел санитарный, т. III, вып. IV, М., 1882, стр. 182.

[3] И. И. Янжул. Очерки и исследования, т. II, М. 1884, стр. 107.

железа» [1]. В это же время через открытые двери врывается струя холодного воздуха и организм рабочего, испытывающий частые и резкие перемены температуры, быстро разрушается.

Отвратительный воздух фабричных помещений, вследствие дурного устройства отхожих мест, также неоднократно отмечался медицинскими обследованиями. Интересно, что некоторые фабриканты были принципиальными сторонниками антисанитарного состояния уборных. Сознавая «преимущество ватер-клозетной системы в гигиеническом отношении», они считали «ее невыгодной для фабрикантов в том смысле, что эта система, уничтожая всякое зловоние, превратит отхожие места в комнаты отдохновения рабочих, которых оттуда трудно будет выгонять на работу» [2].

Далее следует отметить обилие несчастных случаев. По данным Ф. Ф. Эрисмана, на Реутовской мануфактуре травматические повреждения давали 14,31 % всех заболеваний. Для некоторых профессий всякого рода травмы являлись почти обязательным заболеванием. «Распроклятый наш завод перепортил весь народ, — пели рабочие, — Кому палец, кому два, кому по́ локоть рука». Действительно, в течение года половина всех тазовщиков Реутовской мануфактуры перебывала в больнице [3]. Примерно та же картина наблюдалась и на других мануфактурах. При этом, «травматические эпидемии» вовсе не являлись неизбежным результатом машинного труда вообще: они порождались совершенно наплевательским отношением фабрикантов к элементарным требованиям охраны труда. Отсутствие ограждений опасных механизмов, нормального технического надзора, рациональной спецодежды, чистка и смазка машин на ходу, — вот основные причины фабричного травматизма.

Еще более тяжелым, чем на крупных фабриках и заводах, было положение рабочих в горной промышленности на шахтах и рудниках, особенно Юга России, Украины и Кавказа.

Работа производилась на большой глубине — от 16 до 60 саженей. Дневной свет туда не проникал, шахты освещались дымящими и чадящими масляными лампочками, имеющимися у каждого углекопа. Безмерно длинный рабочий день углекопы проводили в согнутом положении. Забойщику приходилось отбивать уголь, стоя на корточках, а если пласт тонок, то и лежа на боку. Саночник отвозил уголь ползком на коленях. Воздух в шахтах сырой и промозглый: большинство шахт было с большим притоком воды. Рабочим нередко приходилось передвигаться и работать совершенно голыми. Дышать приходилось угольной пылью вместе с различными тяжелыми для дыхания газами... «Нужно привыкнуть к мысли о смерти и не дорожить совсем жизнью,

[1] Н. А. Благовещенский. Указ. соч., стр. 5.
[2] И. И. Янжул. Очерки и исследования, т. II, М. 1884, стр. 97—98.
[3] Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарный, т. III, вып. V, стр. 5, 66—67 (ср. стр. 140 и др.).

чтобы решиться на рудничный труд», — делал вывод обследователь от Екатеринославского земства [1].

На шахтах не только практиковался неимоверно длинный рабочий день, но он совершенно становился невыносимым в результате применения рабочих смен. Работы в шахтах начинались с шести часов утра до шести вечера и с шести вечера до шести утра. В 43% всех предприятий рабочий день продолжался 12 и более (до 14) часов.

Выплата заработной платы была нерегулярная, — не более шести раз в год. На Голубовском руднике, одном из самых богатых, по свидетельству земского статистического исследования 80-х годов по Екатеринославской губернии, задолженность рабочими достигала нескольких десятков тысяч рублей. Из 26 частновладельческих рудников Славяносербского уезда только на двух заработная плата подолгу не задерживалась. На многих шахтах случалось, что заработка прошлого месяца хватало лишь на покрытие штрафов.

Кроме безвозмездного кредитования за счет заработной платы предприниматели широко практиковали систему вычетов из нее в виде штрафов. Штрафы шли в пользу хозяина, и поводы к их наложению придумывались самые разнообразные.

В некоторых случаях официальным расследованием было установлено, что штрафы достигли 30—40% заработка.

Длинный рабочий день, низкая заработная плата, штрафы, вычеты — все это обессиливало рабочих, понижало их бдительность и осторожность во время опасных работ.

В 80-х годах особенно участились несчастные случаи в шахтах, принадлежавших частным владельцам. 10 января 1880 г. в шахте купца Александра Аптекмана произошел несчастный случай с рабочим Сергеем Харламовым, который погиб при падении с высоты 4-х сажень. В протоколе, составленном окружным инженером и местными властями при осмотре рудничного устройства, было записано: «10 января н. г. крестьянин Сергей Харламов, работавший в шахте в 12 сажень глубиною, не имеющей лестниц, желая подняться на поверхность, поставил одну ногу в концевую петлю подъемного каната и во время подъема упал в шахту с высоты около 9 сажень, причем ушибся до смерти» [2].

Несчастные случаи такого рода были весьма часты.

Источником болезней были и жилищные условия рабочих. По неудовлетворительности жилищных условий юг России занимал первое место. Как обнаружили земские статистические исследования, относящиеся к середине 80-х годов, горнозаводские рабочие обычно жили в землянках, ими же самими вырытых. С поверхности этих жилищ и не было видно, так как они покрыты землей. Размеры, воздух, нечистота таких помещений поистине

[1] Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии, 1886 г., т. II.

[2] ЦГИАЛ, ф. 37, Горн. Деп., оп. 65, 1880 г. Дело № 95, л. 7—8.

ужасны, даже летом. На Голубовском руднике (одном из самых крупных), в землянке в 10 сажень длиною и 9 аршин шириною, летом помещается 18 человек, в той же землянке, по словам рабочих, зимою бывают до 60 человек. «Окон или совсем не полагается или, если они имеются, то не более $1^1/_2$ четвертей величиною. В самый яркий летний день в этих помещениях царит полумрак. Во время дождей внутренние стены протекают. Воздух постоянно сырой. С запахом гнили. Просидевши в таком помещении один час, выходишь из него почти одурелый, с головной болью». Такие или аналогичные описания жилищ шахтеров встречаются во всех земских исследованиях.

Крайне антисанитарные условия жизни рабочих способствовали распространению болезней. На чугуноплавильном заводе Петровского бараки были выкопаны в земле, саженях в 15 от речки Сатки, заросшей камышом и другими водяными растениями. Летом она пересыхала, и рабочие делали запруды, чтобы пользоваться хотя бы стоячей и гнилой водой, так как другой воды не было. Рабочие спали в бараках вповалку на земляных нарах, только сверху прикрытых досками. Стирка белья и сушка его производилась в тех же бараках. От тесноты и скученности здесь была сырость и грязь. Положение ухудшалось осенью и весною, когда многие рабочие заболевали лихорадкой и лежали прямо на полу, за неимением мест для больных.

Перемежающаяся лихорадка принимала характер эпидемии, осложняясь иногда различными тифозными заболеваниями [1].

Эксплоатация рабочих в Грузии была самая беспощадная. Ладо Кецховели следующим образом характеризовал положение грузинского пролетариата: «Грузинский рабочий — эксплоатируется вместе с русским и армянином, мучается, страдает, задыхается в царстве насилия со связанными руками, прикованный к бездушной машине, продукт которой целиком достается ее собственнику, а трудящемуся перепадают остатки, объедки со стола, позволяющие ему тянуть мученическую лямку. На одной стороне — бедность, на другой — богатство и роскошь» [2]. Даже по сравнению с Россией того времени произвол предпринимателей был безграничен. Предложение труда в значительной степени превышало спрос на него.

Условия труда бакинских рабочих были исключительно тяжелыми. Рабочие нефтепромыслов работали в пустынной местности, под сильными ветрами, при отсутствии пресной воды при резких колебаниях температуры. Промышленники совершенно игнорировали самые элементарные потребности рабочих. Эксплоатация рабочей силы носила хищнический характер. Особенно тяжелы были жилищные условия на нефтяных промыслах. Почти до конца XIX века здесь не имелось пригодных жилищ для рабочих. Первоначально многие рабочие жили под навесом над скважи-

[1] ЦГИАЛ, ф. 37, Гор. Деп., оп. 14, 1886 г., д. 423, лл. 1—4.
[2] Л. Кецховели. Сб. материалов и документов, 1941, стр. 22.

ной. Часть рабочих устроилась в наскоро сколоченных шалашах или землянках. Только после холеры, унесшей много жизней, в 1893 г. начали строить для рабочих казармы. Обычно казармы предназначались для одной из двух смен: в то время, когда смена находилась на работе, другая отдыхала на нарах, пока ей на смену не приходила первая.

Исключительно тяжелыми были жилищные условия промышленных рабочих. Вследствие общей отсталости царской России эти условия были еще более тяжелыми, чем условия западноевропейского пролетариата. При нищенском заработке и крайне высокой квартирной плате, особенно в крупных городских центрах, рабочие вынуждены были жить в невыносимой скученности и антисанитарии. Жилищные условия пришлых рабочих находились, пожалуй, на еще более низком уровне. Пришлые, в большей своей части, рабочие вынуждены были чаще всего пользоваться тем жильем, которое им предлагал фабрикант.

Очень часто жильем этим служило рабочее помещение. По данным Ф. Эрисмана, из 165 обследованных фабрик 77, т. е. 47%, не имели особых спальных помещений для рабочих, которые спали и работали в одном и том же помещении. Ткацкий стан, верстак, стол для раскатки хлеба в булочной являлись традиционным ложем рабочих.

Необходимость перехода к двухсменной работе заставляла строить специальные жилища для рабочих. Иногда это — подвалы, чердаки или иные выделенные части фабричных зданий. Например, на московских кожевенных заводах, по сведениям городских санитарных врачей, жилища помещались «над мастерскими, отделяясь от них полом, без накатов, с множеством дыр и щелей, почему зловонные испарения, дым и пар свободно проникают в спальни рабочих» [1].

Чаще, однако, рабочие жилища представляли собою специально выстроенные огромные многоэтажные казармы, в которых отгораживались маленькие каморки для семейных рабочих и большие общие спальни. В этих каморках приходилось редко 1 куб. саж., чаще же $^1/_2$ куб. саж., а иногда даже и $^1/_5$ куб. саж. на одного человека. Общие спальни были больших размеров — иногда до 60 куб. саж., но скученность была не меньше, чем в каморках. Огромное переполнение, отсутствие у рабочего собственного места (ибо когда он работает — другой спит на его постели), смешение полов и возрастов, спертый воздух и обилие паразитов, — такова обстановка подобной спальни.

Еще менее удовлетворительны были жилищные условия горнорабочих. На Уральских золотых приисках — рабочие жили летом в шалашах и полунавесах, зимою — в легких бараках. Перенаселенность зимних помещений была подчас такова, «что ночью рабочий, случайно вышедший на короткое время, по возвращении застает свое место уже занятым своими спустившимися по тя-

[1] И. И. Янжул. Очерки и исследования, т. II, стр. 81.

жести соседями»[1]. Жара от раскаленных до красна печей, испарения развешенной для просушки одежды и обуви, густой махорочный дым создавали «до того невыносимую атмосферу», что вполне здоровый, но непривычный человек с трудом переносит ее в течение лишь нескольких минут»[2]. Но даже и в средней России горнорабочие жили подчас (как, например, на Выксунском заводе) в «балаганах», т. е. неглубоких ямах с бревенчатой надстройкой и крышей из дерна[3].

В городах рабочие жили также на вольных квартирах. Обычно это угол или койка в квартире, предназначенной специально для сдачи в наем. Воздух здесь тяжелый, удушливый, «одежда и постельные принадлежности самих жильцов зачастую зловонны»[4]. Число их в Нарвской части Петербурга достигало 1391. В рабочих квартирах Московской части — «кровати здесь ставятся вдоль стен и расстояния между ними не полагается, так что ноги одного жильца упираются в ноги же или в голову другого»[5]. Дворницкие также являлись приютом рабочего люда. Скученность здесь была очень велика. В Варшаве на каждого обитателя дворницкой приходилось 2,8 кв. метра. «Живое население дворницких размещено теснее, чем мертвое население кладбищ, где на каждую могилу приходится около 4-х кв. метров[6]. Таким образом, вольные квартиры были немногим лучше хозяйских казарм.

Изнурительный и вредный труд, недостаточное питание и плохие жилищные условия имели прямым результатом неудовлетворительное физическое состояние, повышенную болезненность и смертность рабочего населения.

Внедрение машин в хлопчатобумажную и другие отрасли промышленности, делая излишней мускульную силу, вызвало широкую эксплоатацию труда женщин и детей.

«По подсчетам департамента торговли и мануфактур, число всех несовершеннолетних во всех обложенных акцизом производствах Европейской России и Польши к 1879 г. составляло 172.132 чел. или 25% к общему количеству 688.529 рабочих»[7].

И женщины и дети находились в особенно тяжелом положении. Рабочий день их только с 1882 г. был ограничен законами:

---

[1] Л. Бертенсон. Санитарно-врачебное дело на горных заводах и промыслах Урала. СПб., 1892 г., стр. 28.

[2] Л. Бертенсон. Санитарно-врачебное дело на горных заводах и промыслах Урала, СПб., 1892, стр. 28.

[3] В. В. Святловский. Жилищный вопрос с экономической точки зрения, вып. IV, СПб., 1902, стр. 183.

[4] Город Санкт-Петербург с точки зрения медицинской полиции. Приведено у П. Н. Столпянского. Жизнь и быт петербургской фабрики. Л., 1925, стр. 124—126.

[5] Там же.

[6] В. В. Святловский. Жилищный вопрос с экономической точки зрения. СПб., 1902, стр. 69.

[7] См. И. И. Шелымагин. Фабрично-трудовое законодательство в России, 2-ая половина XIX века. Москва, 1947 г., стр. 61.

до того они работали наравне с мужчинами, но оплачивался этот равный труд значительно ниже. В Московской губернии мужчины получали в среднем 13 р. 53 к. в месяц, женщины — 10 р. 50 к., а дети — 5 р. 35 к. [1]. На долю женщин и детей приходилась большая часть несчастных случаев, они особенно страдали от вредных условий труда.

Положение рабочих особенно обострялось в периоды экономических кризисов. Являясь частью мировых кризисов, экономические кризисы в России сильно отражались на положении рабочего класса. Одним из важных последствий мирового экономического кризиса 1866 г. явилось массовое разорение мелких производителей в России. «Ручных миткалей, — писала газета «Москвич» — становится все меньше и меньше. Большая часть бывших мелких, кустарных миткалевых хозяев обратилась или к совершенно иному делу, именно торговле дровами и т. п., или нанялись в ткачи» [2].

Из Иваново-Вознесенска сообщали в 1867 году, что «фабрики почти все остановились, производства нет, рабочий люд без работы...» [3].

Еще более ощутительным для русской промышленности и более тяжелым для рабочих был кризис 1873 года. Кризис был очень продолжительным. Впервые в России появилась типичная для капиталистических стран массовая безработица среди фабрично-заводского пролетариата.

На страницах периодической печати отовсюду сообщали о грандиозных банкротствах, массовом закрытии предприятий и безработице. Высшего размаха безработица достигла в 1876 г. — 1877 г. «Известно, — сообщал газетный корреспондент из Москвы, — что в двух только столицах и на подстоличных фабриках и заводах осталось без заработка до 200 тыс. человек, да если прибавить сюда Владимирскую губернию, которая тоже, вероятно, до 50 тыс. фабричного люда оставила без дела, то и составится почтенная цифра в 250 тыс.» [4].

Из Харькова сообщали: «Экономический кризис отражается наиболее тяжким образом на местных рабочих, большинство которых, не находя себе никакого дела, остается без всяких средств существования» [5].

О массовой безработице и бедственном положении рабочих сообщали из Тулы, Лодзи, Одессы и др. городов.

Корреспондент газеты «Наш век» сообщал из Лодзи: «Страшная нужда между рабочим и заводским промышленным населением этого города и его окрестностей, вследствие уменьшения и даже совершенного прекращения работ на некоторых фабри-

---

[1] Е. М. Дементьев. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1897, стр.

[2] «Москвич» № 34, 7 февраля 1868 г., стр. 3.

[3] Промышленная газета № 41, 15 октября 1867 г.

[4] «Наш век» № 109, 20 июня 1877 г., стр. 2.

[5] «Биржа» № 294, 26 октября 1876 г., стр. 4.

ках и заводах возрастает весьма заметным образом, чуть ли не с каждым днем» [1].

Последствием кризиса явилась не только массовая безработица, но и значительное сокращение зарплаты и интенсификации труда, введение невиданно высоких штрафов, замена на фабриках труда мужчин еще более дешевым трудом женщин и детей.

К резкому ухудшению положения рабочего класса и обострению борьбы между рабочими и фабрикантами привел и разрушительный кризис 1882 года, захвативший почти все отрасли промышленности. Период кризиса и депрессии продолжался с 1881 по 1886 год. Кризис переплетался с аграрным, что еще более ухудшило положение масс.

Пытаясь переложить на рабочих последствия кризиса, капиталисты предприняли решительное наступление на уровень жизни рабочих, стоявший и до этого на ступени нищенского существования. Начались массовые увольнения рабочих. Заработная плата снижалась вдвое и более. Рабочие на хлопчатобумажных фабриках Хлудова в Егорьевске зарабатывали в 1885 г. при пятидневной рабочей неделе в два с половиной раза меньше, чем в конце 70-х годов. О произволе фабрикантов, о новом нажиме на рабочих, посредством грандиозных штрафов, вычетов, фабричных лавок и т. п. свидетельствуют бурные стачки этих лет. Об этом же говорит и история знаменитой морозовской стачки 1885 года, положившей начало организованному классовому рабочему движению. «...В 1885 году, — писал Ленин, — промышленный кризис до такой степени сильно зарядил фабричную атмосферу электричеством, что взрывы постоянно происходили то здесь, то там» [2]. Положение пролетариата России было наглядным подтверждением общей тенденции развития капитализма — закона абсолютного обнищания. Положение пролетариата все больше ухудшалось, характеризуясь ростом нищеты, гнета, порабощения, унижения, эксплуатации.

Социально-экономические и политические условия страны выдвигали русский рабочий класс на роль гегемона революционного движения. Он выступал как «единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России» [3]. Зверская эксплуатация (непомерно длинный рабочий день, низкая зарплата, невыносимые жилищные и бытовые условия) при полном политическом бесправии способствовали его быстрому превращению в мощную революционную силу.

---

[1] «Наш век» № 23, 23 марта 1877 г., стр. 2.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 5, изд. 4, стр. 254.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 1, изд. 4, стр. 280.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ. РЕВОЛЮЦИОННОЕ НАРОДНИЧЕСТВО. МАССОВОЕ ДВИЖЕНИЕ. ВТОРАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ.

§ 1. Основные общественно-политические идеи народничества 70-х гг. и его социальная сущность в оценке классиков марксизма-ленинизма

Освободительное движение в России, по известному указанию Ленина, прошло три главные этапа: 1) дворянский, 2) разночинский или буржуазно-демократический и 3) пролетарский. «Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество», — пишет Ленин [1]. Новый широкий размах разночинского революционного движения (после демократического подъема начала 60-х гг.) приходится на 70-е годы XIX в.; это же десятилетие было временем наибольшего распространения народничества.

Главным носителем народнических идей являлся интеллигент-разночинец. Но реальное содержание народнического движения сводилось к представительству интересов мелких производителей крестьян.

В 1884 г. один из виднейших литераторов-народников Златовратский писал, полемизируя с либералами: «Разночинец, который так близко стоял к народной массе, который вместе с нею испытывал все ужасы угнетения и порабощения, совершенно естественно и органически явился выразителем ее интересов и желаний; ...он действительно постигал эти интересы всем существом, всем «нутром» своим, и он же любил эту массу, радовался ее радостями, умилялся перед проявлениями в ней человеческого достоинства и скорбел за ее недостатки, — он, этот разночинец, создал «народничество»... [2].

Таким образом, разночинец-народник сознательно видел свою историческую миссию в том, чтобы служить народной крестьянской массе и быть выразителем ее интересов и стремлений. Но созданная им теория не могла правильно объяснить характера

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, изд. 4, стр. 224.
[2] «Русские ведомости», 1884, № 48, от 17 февраля, стр. 3.

эксплоатации трудящейся массы и не способна была указать ей действительных путей к освобождению от нищеты и угнетения.

Народническое учение, первые идейные истоки которого восходят еще к предреформенному времени (например, Герцен) и к периоду реформ (некоторые черты во взглядах ряда демократов-шестидесятников), окончательно сложилось, как доктрина, к 70-м годам, когда капиталистическое развитие России получило сильный толчок в результате реформы.

В 90-х гг. Ленин, возражая на попытки П. Струве сблизить разногласия между марксизмом и народничеством со старыми спорами западников и славянофилов, указывал: «Народничество отразило такой факт русской жизни, который почти еще отсутствовал в ту эпоху, когда складывалось славянофильство и западничество, именно: противоположность интересов труда и к а п и т а л а. Оно отразило этот факт через призму жизненных условий и интересов мелкого производителя, отразило поэтому уродливо, трусливо, создав теорию, выдвигающую не противоречия общественных интересов, а бесплодные упования на иной путь развития» [1].

Развитие товарно-капиталистических отношений после реформы приводило к массовому разорению мелких производителей, — крестьян, кустарей, — оно вело к ускоренному классовому расслоению деревни. В основе процесса классовой диференциации и разорения крестьянской массы лежало развитие новых производственных отношений; пережитки крепостничества, с своей стороны, в огромной степени обостряли этот процесс, делали его еще более мучительным для трудящихся масс, терпевших «жестокие невзгоды и от «старо-дворянских» (крепостнических — Ш. Л.) порядков и традиций и от гнета крупного капитала» [2].

Сущность народничества и заключалась, по указанию Ленина, «в протесте против крепостничества (старо-дворянское наслоение) и буржуазности (ново-мещанское) в России с т о ч к и з р е н и я к р е с т ь я н и н а, м е л к о г о п р о и з в о д и т е л я», в протесте, который, притом, отличался «мечтательностью», «отворачиванием от фактов» [3].

Прежде всего последнее выразилось во взглядах народников на вопрос о «судьбах капитализма». Народничество поставило вопрос о капитализме в России и в этом Ленин видел его «крупную и с т о р и ч е с к у ю заслугу», обеспечившую ему в свое время, в 70-х гг. «передовое место среди прогрессивных течений русской общественной мысли» [4]. Однако, решение этого вопроса народничеством «оказалось никуда не годным, основанным на отсталых теориях... на романтической и мелкобуржуазной критике капитализма...» [5].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 1, стр. 384.
[2] Там же, стр. 420.
[3] Там же, стр. 322—323.
[4] Там же, т. 2, стр. 483.
[5] Там же.

Научный анализ капиталистического способа производства был дан марксизмом, обосновавшим положение о прогрессивности капитализма по сравнению со средневековыми формами хозяйства и труда.

Только с развитием капитализма создавались материальные предпосылки и общественная сила — в лице пролетариата — для осуществления социализма. Народники не принимали этой точки зрения, исчерпывающе обоснованной ко времени их выступления в трудах основоположников научного коммунизма. ...«Если капитализм и имеет какую-нибудь общественно-историческую задачу или миссию, так разве только отрицательную», заявлял один из главных идеологов народничества Михайловский [1]. Важнейшей чертой народнического миросозерцания и первейшей ошибкой народников Ленин именно считал «признание капитализма в России упадком, регрессом» [2]. Народники «не умели понять прогрессивности этого нового уклада жизни сравнительно со старым крепостническим, не умели понять революционной роли порождаемого им пролетариата...» [3].

Народники противопоставляли капитализму так называемое «народное производство» общинного и артельного крестьянства, как производственную организацию, будто бы враждебную капитализму и более высокую по сравнению с ним. Указывая, что на Западе развитие капитализма привело к отделению производителей от средств производства, к превращению «самостоятельного» мелкого собственника в «наемника», к полному обособлению обрабатывающей промышленности от сельскохозяйственной, к уничтожению общинных порядков, народники усиленно подчеркивали, что в России еще широко распространены общинное землевладение, артель, кустарные промыслы. Они считали переход от общины и мелкого производства к социализму более легким, чем от капиталистического хозяйства. Народники верили в возможность для России «непосредственного перехода к лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадию европейского развития, стадию буржуазного государства» [4]. «Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п. в частности», [5] — так Ленин определял второе ошибочное положение теории народничества.

Народники не видели, что общественно-экономический строй пореформенной деревни представляет собою лишь сочетание в тех или иных пропорциях крепостнического и буржуазного, что само «народное производство» — кустарная промышленность

---

[1] Н. К. Михайловский, Соч., т. V, СПб., 1897, стр. 787.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 2, изд. 4, стр. 481.
[3] Там же, т. 1, стр. 267.
[4] Н. К. Михайловский, Соч., т. IV, СПб., 1897, стр. 952.
[5] В. И. Ленин. Соч., т. 2, изд. 4, стр. 481.

представляла лишь низшую стадию развития капиталистической общественной формации, что, как говорил Ленин, «та действительность (мелкое производство), которую народники хотят поднять на высшую ступень, минуя капитализм, уже включает в себя капитализм и присущую ему противоположность классов и столкновения их...» [1]. Они закрывали глаза на действительное положение крестьянской общины, не оставлявшее места для иллюзий, которые они питали по отношению к ее возможной роли в судьбе крестьянства. Для народников община была орудием предупреждения пролетаризации крестьян и зародышем социализма, нуждавшимся в создании благоприятных внешних условий для дальнейшего совершенствования. Между тем община представляла собою лишь форму коллективного землевладения, в которой и уравнительность владения землей нарушалась все более и сильнее, по мере развития капитализма и общественного неравенства. В общинной деревне большинство скота, рабочего инвентаря и денежных средств находилось в руках зажиточных из общинников, которые являлись арендаторами наделов бедноты и малоимущих середняков и использовали их в качестве батраков. Общинное крестьянство непрерывно разлагалось на буржуазию и деревенский пролетариат и бедноту. Община служила часто прикрытием для эксплоататорской «деятельности» кулаков, которые держали ее в своих руках и использовали в своих интересах. Она представляла немалые удобства также для помещиков и государства, как простое и дешевое средство для выжимания из «временнообязанных» крестьян оброков и для сбора налогов. В. И. Ленин в работе «От какого наследства мы отказываемся?», анализируя книгу Скалдина «В захолустьи и в столице» и отмечая отрицательное отношение Скалдина к общине из-за того, что она «стесняет экономическое развитие, выход крестьян из общества, отказ от земли», подчеркивал, что в том же смысле враждебны к общине русские марксисты [2].

Народники находили, что мелкое единоличное крестьянство способно помимо рабочего класса, вне пролетарской революции, притти к социализму. Народники, — говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — «утверждали, что капитализм в России представляет «случайное» явление, что он не будет развиваться в России, следовательно, не будет расти и развиваться и пролетариат». Они «мечтали о достижении социализма без пролетариата. Главной революционной силой народники считали крестьянство, руководимое интеллигенцией, и крестьянскую общину, которую они рассматривали, как зародыш и основу социализма» [3].

Для народников пролетариата, как самостоятельного революционного класса, в России не существовало. Весьма сочувственно Михайловский в 1872 г. цитировал

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 2, изд. 4, стр. 424.
[2] Там же, стр. 469.
[3] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 13.

мнение одного из ораторов на съезде фабрикантов, который говорил об отличии рабочего России от заграницы: «У нас рабочие не составляют отдельного рабочего сословия». Таких же, или очень близких, взглядов держались те подпольные группы народников, которые вели революционную работу с среде пролетариата. П. А. Кропоткин в программной записке, составленной в 1873 г. для петербургской революционной организации, одним из ведущих членов которой он состоял, настаивал на «существенных отличиях» русских рабочих от западноевропейских, ибо «рядом с рабочими, обратившимися в постоянных городских жителей и имеющими определенное ремесло, т. е. заводскими рабочими, существует гораздо более обширный класс (употреблено в смысле разряда, слоя — Ш. Л.) рабочих так называемых фабричных», складывающийся из крестьян, имеющих на родине земельный надел, возвращающихся часто в деревню на крестьянские работы. Кропоткин «фабричным» рабочим придавал наибольшее значение в революционной борьбе, рассчитывая из них «вырабатывать людей, которые потом в селе могу послужить ядрами сельских крестьянских кружков» [1]. При таких взглядах на рабочих не могло быть речи о признании пролетариата руководящей силой русской революции. Та революционная миссия, которая научным социализмом приписывается пролетариату, народниками в России возлагалась на крестьянство. В признании этого положения сходились представители всех направлений в революционном народничестве 70-х гг.

Так, по мнению Бакунина, вождя «бунтарского» направления в народничестве, русский народ, т. е. русское крестьянство, был «социалистом по инстинкту и революционером по природе». Бакунин выражал уверенность, что инициатива движения к социализму в России будет принадлежать крестьянству [2]. Лавров, возглавлявший «пропагандистское» течение в народничестве, также доказывал, что почвой, на которой «может развиваться будущность большинства русского населения в том смысле, который указан общими задачами нашего времени», является крестьянство с общинным землевладением» [3]. Наконец, лидер «бланкистского» народничества Ткачев, подобно Бакунину, называл русский крестьянский народ «коммунистом по инстинкту, по традиции», и находил, что поэтому Россия «стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Западной Европы» [4]. Некоторые народники признавали наличность тех или иных элементов капитализма, но отказывались видеть в нем органическое и закономерное явление и объявляли русский капитализм искусственным продуктом политики правящих кругов, «чем-то чуждым русской жизни, наносным» [5]. Считая возможным предупредить дальней-

[1] «Былое», № 17, 1921, стр. 29.
[2] М. Бакунин. Избр. соч., т. III, П.—М., 1920, стр. 112, 144.
[3] П. Л. Лавров. Избр. соч., т. II, М., 1934, стр. 30.
[4] П. Н. Ткачев. Избр. соч., т. III, М., 1933, стр. 90—91.
[5] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 1, стр. 420.

шее развитие капитализма, Михайловский заявлял: «... Мы можем и должны стараться избежать того отлучения производителей от сил природы и орудий производства, которое совершилось в Европе», «мы можем с сравнительно большим удобством выбирать характер своей экономической политики»[1]. Залогом этой «свободы» выбора служила в глазах народников, с одной стороны, слабость буржуазии и факт существования крестьянской общины, а с другой стороны, — их вера во всемогущую силу преданной народным интересам «интеллигенции», интеллигентной «личности». Убеждение в возможности задержать развитие капитализма являлось оборотной стороной полного непонимания законов развития человеческого общества.

Характеризуя основные черты народнического миросозерцания, Ленин отмечал, наряду с признанием капитализма в России регрессом и признанием самобытности русского экономического строя, еще одну: «Игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов. Отрицание этой связи, отсутствие материалистического объяснения этих социальных факторов заставляет видеть в них силу, способную «тащить историю по другой линии» (г. В. В.), «свернуть с пути» (г. Н. он, г. Южаков и т. д.) и т. п.»[2].

В интеллигенции народники видели важнейшую творческую силу в истории, воплощающую в себе «критическую мысль» человечества. «Критически мыслящая» личность, писал Лавров в «Исторических письмах», является единственным орудием человеческого прогресса. «Как ни мал прогресс человечества, — утверждал он, — но и то, что есть, лежит исключительно на критически-мыслящих личностях». И далее: «Но как же шла история? Кто ее двигал? — Одинокие борющиеся личности»[3]. Применяя этот идеалистический взгляд к русским условиям, народники приписывали интеллигенции роль силы, которая была бы способна повернуть направление экономического развития России от общины к социализму. Задачу русской интеллигенции народники видели в том, чтобы «бороться с развитием буржуазии (т. е. капитализма — Ш. Л.) на русской почве». Если русской интеллигенции будет дана возможность говорить и действовать в духе народных интересов — «может быть, русская буржуазия не съест русского народа», в противном случае — «народ будет наверное съеден», — заявлял Михайловский[4].

---

[1] Н. К. Михайловский. Соч., т. V, СПб., 1897, стб. 778, 782.

[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 2, стр. 481. В скобках у Ленина названы имена цитируемых им народнических авторов: «В. В.» — В. П. Воронцов, «Н-он» — Николай-он (Н. Ф. Даниельсон), С. Н. Южаков.

[3] П. Л. Миртов (псевдоним П. Л. Лаврова). Исторические письма, СПб., 1870, стр. 65, 106.

[4] Н. К. Михайловский. Соч., т. V, СПб., 1897, стб. 515, 566.

Так складывалась та порочная концепция, которую марксисты, пользуясь терминологией самих народников, определяли как теорию «героев» и «толпы».

«Краткий курс истории ВКП(б)» подчеркивает, что народники «не знали и не понимали законов экономического и политического развития общества». «Они были в этом отношении совершенно отсталыми людьми. По их мнению, историю делают не классы и не борьба классов, а лишь отдельные выдающиеся личности — «герои», за которыми слепо идут масса, «толпа», народ, классы» [1].

Если, притом, на первых этапах движения 70-х гг. проявлялись попытки (остававшиеся на деле неудачными) сочетать деятельность «критически мыслящей» личности, как главного будто бы двигателя исторического прогресса, с деятельностью следующей за нею народной массы, то позднее, в народовольческий период, вторая задача была почти совершенно отодвинута и поглощена первой. Тактика индивидуального террора прямо исходила, как указывает сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)», из «неправильной народнической теории активных «героев» и пассивной «толпы», ждущей от «героев» подвига» [2].

С появлением народовольчества народническое движение вступило в новый фазис, — фазис политической борьбы. Первый период народнического движения — до народовольчества — характеризовался отказом народников от постановки самостоятельных политических задач.

Революционные народники, конечно, были решительными противниками существовавшего в России царского режима. В 1874 г. Лавров писал в журнале пропагандистского народничества «Вперед»: «Вампир, обрекающий русский народ на неизбежное разорение, на неизбежное голодание, на неизбежные эпидемии, на страшную и медленную смерть, есть государственный строй Российской империи...» [3]. Это мнение вполне разделялось также так называемыми бунтарями. О примирении народа с «вампиром» для революционных народников не могло быть речи. Однако, в глазах народников-семидесятников задача борьбы с самодержавным порядком полностью сливалась с задачей экономического и социального освобождения масс. Такое представление целиком вытекало из веры в общину и коммунистические наклонности крестьянства. «Отрицалось, — писал впоследствии Ленин о революционных народниках, — значение политической революции и буржуазной политической свободы; проповедывался сразу социалистический переворот, исходящий из крестьянской общины с ее мелким сельским хозяйством» [4]. Программа революционного народничества была рассчитана на то,

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 13—14.
[2] Там же, стр. 12.
[3] П. Л. Лавров. Избр. соч., т. III, М., 1934, стр. 278.
[4] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 9, стр. 408.

чтобы «поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества»[1].

Самостоятельная постановка политических задач долгое время представлялась не только излишней, но, в глазах многих, и опасной для «устоев» народного быта. Из опыта европейских государств народники знали, что падение абсолютизма и установление представительного правления всюду сопровождалось громадным усилением политического веса буржуазии. Они опасались, что падение русского абсолютизма, не сопровождаемое немедленным «социальным переворотом», очень подняло бы русскую буржуазию и широко раскрыло бы двери проникновению капитализма.

Михайловский в своеобразной форме выразил эти настроения и опасения народников в своей известной статье (1873 г.), направленной против реакционного романа «Бесы» Достоевского. «Для человека, вкусившего плодов общечеловеческого древа познания добра и зла, не может быть ничего соблазнительнее свободы политической... Но если все связанные с этой свободой права должны только протянуть для нас роль яркого и ароматного цветка (поглощающего «лучшие соки растения» — Ш. Л.), — мы не хотим этих прав и этой свободы. Да будут они прокляты, если они не только не дадут нам возможности рассчитаться с долгами, но еще увеличат их»[2].

Удержаться до конца на этих позициях народничество 70-х гг. не могло, — оно не могло не увидеть, что отказ от борьбы за политическую свободу не только не приближает его к уплате «долга» народу, но лишь отдаляет от нее, что под эгидой «всемогущего братского союза» между кулаком и царским администратором рост и обогащение буржуазии происходят не хуже, нежели под защитой буржуазных «европейских учреждений».

Глубокое и всестороннее объяснение эволюции народников и их отношения к политике дал Ленин в своей работе, посвященной разоблачению «друзей народа», т. е. позднейших эпигонов старого революционного народничества (в том числе — на одном из первых мест — именно Михайловского). Там он писал: «Вера в коммунистические инстинкты мужика, естественно, требовала от социалистов, чтобы они отодвинули политику и «шли в народ». За осуществление этой программы взялась масса энергичнейших и талантливых работников, которым на практике пришлось убедиться в наивности представления о коммунистических инстинктах мужика. Решено было, впрочем, что дело не в мужике, а в правительстве, — и вся работа была направлена на борьбу с правительством, борьбу, которую вели одни уже только интеллигенты

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 1, стр. 246—247. В примечании Ленин разъяснял: «К этому сводились, в сущности, все наши старые революционные программы, — начиная хотя бы бакунистами и бунтарями, продолжая народниками и кончая народовольцами...» (стр. 247).

[2] Н. К. Михайловский. Соч., т. 1, СПб., 1896, стб. 868—869.

и примыкавшие иногда к ним рабочие. Сначала эта борьба велась во имя социализма, опираясь на теорию, что народ готов для социализма и что простым захватом власти можно будет совершить не политическую только, а и социальную революцию. В последнее время эта теория, видимо, утрачивает уже всякий кредит, и борьба с правительством народовольцев становится борьбой радикалов за политическую свободу... Такое развитие народничества было совершенно естественно и неизбежно, так как в основе доктрины лежало чисто мифическое представление об особом укладе (общинном) крестьянского хозяйства: от прикосновения с действительностью миф рассеялся, и из крестьянского социализма получилось радикально-демократическое представительство мелкобуржуазного крестьянства» [1].

Оформлению отрицательного взгляда народников на «политику» содействовали анархические взгляды, шедшие с Запада, от возглавляемого Бакуниным мелкобуржуазного, антимарксистского «федералистского» течения в тогдашнем западно-европейском рабочем движении.

Первопричину всех пороков общества Бакунин видел в государстве; он призывал поэтому «совершенно уничтожить, в принципе и фактически, все, что называется политической властью» [2]. Он отвергал не только современные ему формы государственности, но и всякое государство, не исключая социалистического. Марксова идея диктатуры пролетариата — то, что Ленин и Сталин считают главным в марксизме — нашла в Бакунине ярого врага. Полемизируя с марксизмом, Бакунин заявлял: «Пролетариат (по Марксу — Ш. Л.) должен совершить революцию для овладения государством... По нашему мнению, раз овладев им, он должен немедленно его разрушить» [3]. Эта бакунинская теория была в корне враждебна марксизму, она разоружала пролетариат в его борьбе с буржуазией. Вот почему Маркс с самого же начала решительно выступил против этой, по выражению Энгельса, «анархистской бессмыслицы» [4].

Бакунин не допускал никакого участия трудящихся в текущей политической борьбе. «Всякое политическое движение, — ложно утверждал он, — не может быть другим, как движением буржуазным». Перечисляя различные положения бакунизма, Маркс указывает «в качестве главной догмы» «воздержание от участия в политическом движении» [5].

Бакунинский анархизм встретил сочувственный прием главным образом в романской Швейцарии, а также в Италии и Испании, где, как указывал Маркс, «реальные предпосылки рабо-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 1, стр. 259.
[2] М. Бакунин. Избр. соч., т. III, стр. 22.
[3] М. А. Бакунин. Полное собр. соч., т. II, изд. Балашева, стр. 220.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 304.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 175.

чего движения» еще тогда мало были развиты [1]. Он нашел благоприятную почву также среди русских народников, поскольку и в отсталой еще России стихия мелкобуржуазности была весьма сильна.

После крестьянской реформы отсталость России, несмотря на последовавший крупный рост ее производительных сил, не была ликвидирована. Недостаточное развитие городов и промышленности, огромное численное преобладание мелких производителей — крестьян, исключительно низкий и убогий уровень их хозяйства, нищета основных масс народа, страшный гнет полукрепостнического государства — вот что было характерно для «освобожденной» России и питало народничество.

На отсталость России, как на источник длительного господства народничества в русском революционном движении, справедливо указывали классики марксизма. Энгельс писал в 1895 г. Плеханову: «... в такой стране, как ваша, где современная крупная промышленность привита к первобытной крестьянской общине и где одновременно представлены все промежуточные стадии цивилизации, в стране, к тому же окруженной более или менее прочной интеллектуальной китайской стеной, возведенной деспотизмом, не приходится удивляться возникновению самых невероятных и причудливых сочетаний идей» [2]. Ленин всегда подчеркивал, что «источником» народничества является «преобладание класса мелких производителей в пореформенной капиталистической России» [3], что именно «отсталость России естественно объясняет большую прочность в нашей стране различных отсталых учений социализма» [4].

Факт продолжительного господства в русской революционной среде народнических идей отмечен в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)», где указывается, что «народнические взгляды долго еще держались среди революционно настроенной интеллигенции» даже и после того, как «тайная организация народников была разбита царским правительством» [5].

Как указывает Ленин, демократия и социализм (речь идет о мелкобуржуазном утопическом социализме) были смешаны воедино в «утопической идеологии и в интеллигентской борьбе народовольцев и революционных народников...» [6]. Учения народничества содержали одновременно антикрепостнические и антикапиталистические черты. Народничество поставило вопрос о капитализме в России, но не сумело правильно его разрешить. Народническая критика капитализма велась с позиций не пролетария, а мелкого производителя, превращаемого капитализмом в товаропроизводителя. В «крестьянском социализме» народников

---

[1] Там же, стр. 175.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIX, стр. 385.
В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 1, стр. 375.
[3] Там же, т. 9, стр. 408.
[5] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 13.
[6] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 17, стр. 97.

не было «ни грана» настоящего научного, рабочего социализма. Победа той революции, о которой мечтали народники, не могла бы привести к устранению капитализма, она дала бы переход земли в руки крестьян, который, как не раз говорил Ленин, «нисколько не уничтожил бы господства в России капиталистического способа производства, он дал бы, напротив, более широкую базу для его развития» [1].

Беспощадно критикуя социалистические утопии народничества, характеризуя последнее как «отсталый, реакционный, мелкобуржуазный *социализм*» [2], Ленин решительно, однако, предостерегал против огульного отрицания за революционным народничеством всякого положительного исторического содержания, чем особенно грешили потом меньшевики. «Русские социал-демократы, — писал Ленин в 1899 г., — всегда признавали необходимость выделить из доктрины и направления народничества его революционную сторону и воспринять ее» [3]. Революционная сторона народничества заключалась в том здоровом и ценном ядре «искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс», которое, по словам Ленина, марксистам следовало «заботливо выделять из шелухи народнических утопий» [4].

«Крестьянская демократия — вот единственное реальное содержание и общественное значение народничества» [5], — это положение красной нитью проходит через высказывания Ленина о народничестве, им определяется ленинская оценка социальной сущности его. «Фразы о «социализме» у народников» Ленин признавал простой словесностью, облекавшей «реальный факт стремления крестьян к полному равенству в политике и к полному уничтожению крепостнического землевладения» [6]. Осуществление крестьянских стремлений к полной ликвидации крепостнических пережитков имело бы огромное прогрессивное значение для всего хода исторического развития страны, оно означало бы победу демократического пути капиталистического развития — того, что Ленин условно называл «американским» путем в отличие от «прусского». Революционные народники, по оценке Ленина, являлись поборниками первого пути. В известном письме к И. И. Скворцову-Степанову он писал: «Воюя с народничеством, как с неверной доктриной социализма, меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое содержание народничества, как теории массовой мелкобуржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского» против капитализма «прусского» [7].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 8, стр. 290.
[2] Там же, т. 13, стр. 214.
[3] Там же, т. 4, стр. 226.
[4] Там же, стр. 330.
[5] Там же, т. 18, стр. 490.
[6] Там же, т. 18, стр. 491.
[7] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 16, стр. 102.

* * *

В работе (конца 90-х гг.) «От какого наследства мы отказываемся?» Ленин отмечает, что зародыши, зачатки народничества «были, конечно, не только в 60-х годах, но и в 40-х и даже еще раньше»[1]. Впоследствии, в статье «О народничестве», опубликованной в дооктябрьской «Правде», Ленин указывал, что народничество «очень старо», что его «родоначальниками считают Герцена и Чернышевского»[2]. Говоря о связи с народничеством не только Герцена, но и Чернышевского, Ленин, несомненно, имел в виду народничество в самом широком значении слова, совпадающем с известным ленинским понятием старого русского крестьянского социализма, признававшего «мужика» «человеком будущего в России», допускавшего возможность для России некапиталистического развития, верившего (в лице разных своих представителей — по-разному) в возможную в этом смысле роль сельской общины. Вместе с тем, Ленин отчетливо разграничивал различные этапы в общественном движении и в развитии общественной мысли разночинского периода, выделяя этапы революционно-демократического просветительства, революционного народничества и народничества выродившегося, либерально-мещанского, по времени уже совпадающего отчасти с начинавшимся пролетарским периодом русского революционного движения.

Оценивая революционное народничество 70-х и начала 80-х гг. неизмеримо выше легального, либерального народничества 80-х — 90-х гг., отразившего процесс разложения деревни и явившегося выразителем интересов ее кулацкой верхушки, Ленин одновременно боролся против всего народнического учения в целом. В. И. Ленин показал, в каких существеннейших пунктах все народничество, как таковое, оказалось шагом назад по отношению к просветительству и революционному демократизму эпохи Чернышевского.

Переход от просветительства к народничеству был связан с серьезным понижением общего теоретического уровня освободительного движения в России. В предшествующих главах было охарактеризовано стремление великих русских демократов к цельному передовому мировоззрению, были отмечены глубоко прогрессивные особенности их философских взглядов, их философский материализм, высокая оценка ими диалектики, материалистические тенденции, свойственные отчасти их историко-социологическим взглядам (конечно, при основном, преобладающем идеалистическом характере этих взглядов). Отмечены были важные свойства их утопического социализма, позволяющие, в частности, считать Чернышевского революционным мыслителем, ближе всех утопических социалистов подошедшим к научному социализму.

---

[1] Там же, т. 2, стр. 482.
[2] Там же, т. 18, стр. 490.

Воззрения виднейших народников характерны, в резкое отличие от взглядов великих демократов-просветителей, своим эклектизмом. Выше цитировалась оценка народничества Энгельсом, как невероятного и причудливого сочетания идей. О Лаврове Энгельс иронически писал, что он «по своей философии» «является эклектиком, который старается из самых различных систем и теорий выбрать наилучшее» [1]. Маркс смеялся над «докгриной» Бакунина, как мешаниной разнообразных утопических систем.

Народники тяготели в философии к позитивистской разновидности идеализма. Ленин о Михайловском писал, что он в философии «сделал шаг назад от Чернышевского»: «Чернышевский был материалистом и смеялся до конца дней своих (т. е. до 80-х годов XIX века) над уступочками идеализму и мистике, которые делали модные «позитивисты» (кантианцы, махисты и т. п.). А Михайловский плелся именно за такими позитивистами» [2].

«Субъективный метод» в социологии Лаврова — Михайловского, их субъективно-идеалистические концепции в объяснении истории, в свою очередь, были шагом назад, от Чернышевского в области историко-социологической. Ленин подчеркивал у народников «отсутствие реализма в вопросах социологических», которое только и могло «породить учение об «ошибочности» русского капитализма и о возможности «свернуть с пути»[3].

У просветителей Ленин отмечал горячую веру в прогрессивность данного общественного развития, беспощадную вражду, всецело и исключительно направленную против остатков старины[4]. «Вместо горячей веры просветителей в данное общественное развитие явилось (у народников — Ш. Л.) недоверие к нему, вместо исторического оптимизма и бодрости духа — пессимизм и уныние, основанные на том, что, чем дальше пойдут дела так, как они идут, тем хуже, тем труднее будет решить задачи, выдвигаемые новым развитием; являются приглашения «задержать» и «остановить» это развитие, является теория что отсталость есть счастье России и т. д.»[5].

В своих учениях о путях социально-экономического развития России, о роли общины народники 70-х гг. старались опереться на теории Герцена и Чернышевского, — Чернышевского даже в особенности. Влияние высказываний Чернышевского и Герцена об общине на революционных народников не может подвергаться сомнению. Но, независимо от того, что народники даже и 70-х гг. (не говоря о последующих) старались тут применить взгляды Чернышевского и Герцена на более позднем историческом этапе,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 231.
[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 20, стр. 100—101.
[3] Там же, т. 2, стр. 489.
[4] Там же, стр. 485.
[5] Там же, стр. 484.

когда отчетливее уже сказывались процессы дифференциации деревни и разложения общины, когда гораздо яснее уже становился факт нарождения нового класса — пролетариата, — в самом содержании взглядов народников на общину было известное отличие от воззрений Чернышевского, которому чужды были представления народнического типа об экономической «самобытности» России, русской сельской общины, которому свойственна была несравненно более трезвая оценка существующего положения вещей, чужда была (или почти чужда была) идеализация общинного крестьянства.

Понимание великими демократами-просветителями роли государства, политической борьбы было принципиально отличным от воззрений народников, заплативших обильную дань «анархистской бессмыслице» и лишь после длительных блужданий осознавших самостоятельное значение той исторической политической задачи (борьба против самодержавия за свободные политические формы), которую давно уже ясно намечали русские революционные демократы во главе с Чернышевским. Террористические методы, практиковавшиеся на определенном этапе народниками (главным образом народовольцами), находились в противоречии со всем духом политических взглядов великих революционных демократов.

§ 2 Общественное движение 70-х годов в России и западноевропейское социалистическое движение. — Из истории борьбы Маркса и Энгельса против народничества

В своей знаменитой книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин указывает, что примерно с 40-х и до 90-х годов XIX в. «передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области» [1]. «Марксизм, как единственную правильную революционную теорию, Россия — пишет Ленин — поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» [2].

Учение Маркса и Энгельса, сформулированное впервые уже в 40-х гг., не сразу стало господствующим в европейском социалистическом движении. Там, по словам Ленина, были распространены «такие формы социализма, которые в основном родст-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 16, стр. 102.

[2] Там же, т. 31, стр. 9.

венны нашему народничеству»[1]. Возрастающее влияние марксизма постепенно вытесняло отсталые, утопические учения; марксизм становился знаменем рабочего движения, сначала в отдельных, наиболее передовых с точки зрения уровня капиталистического развития и сознательности пролетариата, странах.

Основание и деятельность Первого Интернационала (1864—1872 гг.), появление первого тома «Капитала» Маркса (1867 г.), Парижская Коммуна (1871 г.), рождение и боевой опыт ранней германской социал-демократии — эти факты в сильнейшей степени способствовали успехам марксизма и подготовляли его идейную победу. Ленин писал: «Все развитие современных обществ как в экономическом, так и в политическом отношениях, весь опыт революционного движения и борьбы угнетенных классов подтверждали все более и более правильность марксистских взглядов. Упадок мелкой буржуазии неминуемо влек за собой рано или поздно отмирание всяческих мелкобуржуазных предрассудков, а рост капитализма и обострение борьбы классов внутри капиталистического общества служили лучшей агитацией за идеи пролетарского социализма»[2].

В России интерес к революционному движению на Западе, связанному с марксизмом, был значителен даже в пору господства народнической идеологии.

Следует вспомнить, что первое знакомство отдельных представителей русской передовой интеллигенции с творениями Маркса и Энгельса относится еще к 40-м гг. Некоторые из ранних работ Маркса и Энгельса были известны отдельным членам из кружка Белинского (включая и самого Белинского) и кружка петрашевцев. Друг Герцена эмигрант Николай Сазонов, поддерживавший личные отношения с Марксом, в 1850 г. заявлял ему о своем признании основных положений «Манифеста Коммунистической партии». С начала периода 60-х гг. знакомство с некоторыми произведениями Маркса и Энгельса становится более широким в русском передовом обществе. В 1861 г. имел место такой факт, как появление в «Современнике» статьи Н. В. Шелгунова о положении пролетариата Англии и Франции, в которой богато был использован материал труда Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». В печати тогда велось обсуждение изданной в русском переводе в 1860 г. книги Гильдебранда по политической экономии, посвященной в своей значительной части борьбе против Энгельса, причем из русских журналов «Современник» высказался безусловно против Гильдебранда[3]. Примерно в те же годы в среду русских ученых экономистов проникла книга Маркса (изданная в 1859 г.) «К критике политической экономии». К концу 1869 г. относится появление в Женеве

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 18, стр. 544.
[2] Там же, т. 9, стр. 407.
[3] Современное обозрение, «Современник», 1861, № 3, стр. 67—74.

русского перевода «Манифеста Коммунистической партии». Авторство этого перевода приписывается Бакунину[1].

В 70-х гг. еще усиливается популярность имен Маркса и Энгельса в среде передовых представителей русской интеллигенции; одновременно с этим вырастает также интерес к практической революционной борьбе западного пролетариата.

Большое внимание привлекает к себе деятельность Интернационала. Сами участники движения 70-х гг. придавали значение влиянию, оказанному Интернационалом на русское движение. Ипполит Мышкин, в своей знаменитой речи на процессе 193-х, само возникновение русской «социально-революционной партии» (так принято было тогда определять всю совокупность революционных групп и кружков) рассматривал как результат, с одной стороны, крестьянской реформы, а с другой — влияния на интеллигенцию передовой социалистической мысли Запада и «крупнейшего практического применения этой мысли — образования Международного общества рабочих»[2]. Разумеется, внутренние условия, внутренняя обстановка русской общественной жизни играли тут решающую роль[3].

Что привлекало в Интернационале симпатии русской революционной молодежи 70-х годов?

Притягательную силу имела сама идея международного объединения. «Установить союз рабочих между всеми народами, не обращая внимания на то, кто какой веры, какого племени» — таково было, по характеристике напр. заграничной газеты «Работник», «великое дело», задуманное при основании Интернационала[4].

Русская демократическая молодежь с сочувствием и вниманием отнеслась к факту организованного выступления на арену всемирной истории трудящихся масс, стремящихся взять в собственные руки дело своего освобождения. «Много рабочего народа договорилось до того, что порешили они дело свое из своих рук не выпускать и вести его самим без сытых непрошенных благодетелей», — читаем об Интернационале в другом месте того же «Работника»[5].

Наконец, идея социалистической или, как тогда говорили, социальной революции встречала живой отклик у русской рево-

---

[1] Перевод этот во многом грубо искажал и извращал мысли «Манифеста» (И. И. Прейс. «Манифест Коммунистической партии» в русских переводах. «Вестник Академии Наук СССР», 1948, № 2, стр. 42—45).

[2] Речи и биографии С. И. Бардиной, П. А. Алексеева, Г. Ф. Здановича, С. И. Агапова, И. Н. Мышкина, М., 1907, стр. 131.

[3] Степняк-Кравчинский писал позднее о движении 70-х гг. (в котором он был одним из виднейших деятелей), что оно «вовсе не было беспочвенным и навеянным извне, как это может показаться поверхностному наблюдателю»: «оно было коренным русским движением, вызванным недовольством крестьянской реформой...» («За сто лет». Сборник по истории политических и общественных движений в России. Лондон, 1897, стр. 251).

[4] Газета «Работник», № 13, Женева, январь 1876 г.

[5] «Работник», № 6, Женева, июнь 1875 г.

люционной интеллигенции. Вера Фигнер в воспоминаниях о студенческих годах, проведенных ею в Швейцарии, пишет о тогдашних настроениях учащейся молодежи: «Программа Международного общества рабочих и сочинения по социализму провозглашали, что социальная революция — единственное средство для ниспровержения существующего строя. Эти два слова включали в себя все и без всяких деталей казались полны содержания и убедительности»[1].

Однако, *непримиримые разногласия* существовали среди примкнувших к Интернационалу организаций и течений и по вопросу о предпосылках, о характере и непосредственных целях социальной революции, и по вопросу о формах пролетарской организации, о тактике массовой борьбы и т. д. Вождю и вдохновителю Интернационала Карлу Марксу на всем протяжении его существования приходилось вести энергичную борьбу против отсталых сект, тянувших рабочее движение назад. Прудонизм и бакунизм являлись главными внутренними врагами Интернационала. Между тем прудоновские и бакунинские идеи имели широкое распространение среди русских революционеров. Бакунистская секта, выросшая на почве общественных условий некоторых более отсталых европейских стран, была родной сестрой русского народничества и связывалась с ним через самого Бакунина своего рода личной унией. Это не могло остаться без самого серьезного влияния на характер восприятия народнической интеллигенцией опыта европейского рабочего движения, и в частности Интернационала. Часть русских революционеров 70-х гг. смотрела на Интернационал и на борьбу в нем глазами Бакунина и бакунистов, или, подобно Лаврову, пыталась занять позицию примиренчества и «нейтралитета» в происходившей на международной арене борьбы, что на деле шло на пользу тем же бакунистам, было направлено к ограждению их от разгрома. Иную позицию в этом отношении наряду с отдельными деятелями, как Герман Лопатин, занимает целая группа русских эмигрантов в Швейцарии, которая вошла в историю под именем «Русской секции» Интернационала. Она вступила с Бакуниным в открытую и резкую полемику и решительно высказалась в происходившей вокруг Интернационала борьбе за Маркса, против Бакунина.

Группа составилась из представителей «молодой эмиграции» 60-х гг., среди которых видную роль играл Николай Утин, бывший член центра первой «Земли и Воли». Печатным органом группы было «Народное Дело». Журнал возник в 1868 г. при ближайшем участии Бакунина, и первый его номер носил ярко выраженный анархистский характер. Но после выхода этого номера в редакции произошел раскол. Бакунин отказался от участия в «Народном Деле», руководство которым осталось за Утиным. К группе лиц, причастных к изданию и поддерживавших

[1] В. Фигнер. Полное собр. соч., 2-е изд., т. V, М., 1932, стр. 85.

Утина, принадлежали Антон Трусов, Елизавета Дмитриева (Кушелева-Томановская, будущая участница Парижской Коммуны, корреспондентка Маркса), Виктор и Екатерина Бартеневы, Анна Корвин-Круковская (тоже в будущем участница Коммуны) и др.

Борьба против Бакунина и действовавшего совместно с ним Нечаева занимала большое место в работе группы. И специфические приемы «нечаевщины» и весь тот дух «революционного авантюризма», которым были пропитаны исходившие от Бакунина и Нечаева призывы к молодежи, — вызывали у «Народного Дела» негодование. В ноябрьском, 1869 года, выпуске «Народного Дела» была помещена статья «По поводу прокламаций», содержавшая резкий протест против прокламаций Бакунина — Нечаева, которые расценивались в ней, как «непристойная игра с великим, святым делом революции». В статье «Русское социально-революционное дело в его соотношении с рабочим движением на Западе», в том же номере, журнал предостерегал молодежь против «проповедников, кричащих о том, что пора все бросить, будто не нужны ни знание, ни свет, ни зрелая мысль о новых основах жизни, а нужно только поджигать народ к местным разбойничьим бунтам». «Народное Дело» высказывалось против характерной для Бакунина и его сторонников идеализации «традиций Разина и Пугачева», находя, что руководимые последними движения разбились «о свой собственный органический порок»: «их работа была стихийная, не поддержанная критикою и творчеством разума». Выступая против бунтарской тактики Бакунина в России, против мистификаторских приемов, применявшихся там Нечаевым с благословения Бакунина, «Народное Дело», естественно, не сочувствовало и попыткам Бакунина привить идеологию анархического бунта западно-европейскому рабочему движению. Так создалась почва для установления контакта между группой «Народного дела» и Марксом.

В начале 1870 г. группа «Народного Дела» решила осуществить, возникшую, по утверждению журнала, еще за год до того, «мысль о необходимости связать прочным образом с социально-революционным движением в Западной Европе движение, начинающееся теперь в России». Были выработаны программа и устав «Русской секции Международного товарищества рабочих», которые в марте 1870 г. направлены были на утверждение Генерального совета Интернационала. Одновременно группа обратилась к Марксу с просьбой быть представителем «Русской секции» при Генеральном совете. Она информировала при этом Маркса о своем намерении вести борьбу против Бакунина. Маркс согласился взять на себя представительство новой секции, которая была утверждена Генеральным советом 22 марта 1870 г. В «Конфиденциальном сообщении», направленном против Бакунина, Маркс противопоставлял ему обосновавшуюся в Женеве колонию «молодых русских студентов-эмигрантов, которые действительно честно относятся к своим убеждениям», и с удовлет-

ворением отмечал, что члены этой группы «в ближайшем будущем сорвут с Бакунина маску»[1]. Самой «Русской секции» Маркс ответил своим историческим письмом от 24 марта 1870 г., извещавшим об утверждении программы и устава секции и принятии новой ветви в Интернационал, а также о согласии Маркса быть ее представителем. В этом же письме Маркс с большим сочувствием говорил о Чернышевском и Флеровском (по поводу вышедшей перед тем книги Флеровского «Положение рабочего класса в России»), труды которых делали, по его словам, «действительную честь России». Маркс горячо приветствовал положение программы «Русской секции», говорившее о необходимости уничтожения царского ига над Польшей, и подчеркивал, что тем самым «русские социалисты возлагают на себя высокую задачу, заключающуюся в том уничтожении военного режима, которое существенно необходимо как предварительное условие для общего освобождения европейского пролетариата»[2]. Непримиримая борьба против русского царизма — вот центральная задача, которую Маркс указывал в письме русским социалистам.

В последующие годы Утин снабжал Маркса и Генеральный совет материалами, разоблачающими неблаговидные приемы Бакунина и Нечаева. Будучи редактором швейцарского органа Интернационала «Égalité», Утин боролся против засилия бакунистов в романской федерации Интернационала в Швейцарии.

Что касается революционного движения в самой России, то здесь влияние «Народного дела» оказалось слабым не только до, но и после выступления под обязывающим и почетным названием «Русской секции» или «Первой русской секции» Интернационала, группа осталась сравнительно замкнутым кружком, изолированным, в общем, от массы русской молодежи.

Взгляды «Русской секции» на русские общественные отношения принципиально, в сущности, слишком мало разнились от бакунинских и вообще народнических — она и сама находилась в плену многих народнических идей.

«Русская секция» и ее орган «Народное Дело» (выходивший до конца 1870 г.) стояли на точке зрения общности задач социалистов Запада и России. Но это вызывалось не убеждением, что экономическое развитие России идет в том же направлении, что и развитие западных стран, и что на почве растущего капитализма происходит формирование пролетариата, который станет и в России основой социалистического движения.

«Народное Дело» механически переносило на русское крестьянство, руководимое интеллигенцией, ту миссию, которую на Западе Интернационал приписывал рабочему классу. Появление в России пролетариата «Народное Дело» оценивало по-народнически, как зло, язву. И также по-народнически оно верило, что «зло» это может быть предотвращено благодаря общине. Общин-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 366, 367.
[2] Там же, стр. 353—354.

ное землевладение журнал рассматривал, как «краеугольный камень всего нашего народного быта», как «единственное великое достижение русского народа». Благодаря общине Россия должна была миновать капиталистическую стадию развития. Интеллигенция, соединившаяся с народом, должна была помочь общинному крестьянству обойти капитализм. Интеллигенцию «Народное Дело» звало итти в народ и поднимать его на защиту и «активное ограждение» общины от всех «земских и государственных покушений». Не называя прямо, подобно Бакунину или Ткачеву, русского крестьянина коммунистом «по традиции», «по инстинкту», «Народное Дело» в самой программе «Русской секции» защищало по существу довольно сходные взгляды, так как оно считало, что «народ русский во все времена стремился к осуществлению великих начал, провозглашенных международными конгрессами рабочих». Как бы предвосхищая будущие аргументы Ткачева в его полемике с Энгельсом, «Народное Дело» находило «одну из громадных выгод для революции» в том, что в России не сложилось в «такую систематическую касту, как на Западе, ни фабричное, ни торговое мещанство», т. е. буржуазия, и считало, что «фаза осуществления и развития социалистических начал» в России «может совершиться легче и встретит себе более уже определенных данных, чем на Западе». «Русская секция» не свободна была от страха перед политическими преобразованиями буржуазно-конституционного характера в России, ввиду угрозы, которую они таили в себе для судьбы общинных начал[1].

Совершенно понятно, что сам Маркс, представлявший в Генеральном совете женевскую «Русскую секцию» и поддерживавший связь с ее участниками, был невысокого мнения об уровне ее общих теоретических взглядов. Группа имела, однако, бесспорные заслуги. Она практически старалась связать русское движение с западным — притом в лице самого передового и выдающегося проявления и достижения западного движения: руководимого Марксом Интернационала. Она действенно поддерживала борьбу Маркса и Энгельса против внутренних врагов Интернационала, она боролась против «революционного» авантюризма; члены ее участвовали в международном рабочем движении, она выдвинула некоторых активных участников героической Парижской Коммуны[2].

* * *

Нельзя говорить о воздействии Интернационала на русское революционное движение 70-х гг., не учитывая одновременно вли-

[1] Сводка взглядов «Народного Дела» — по статьям «Размышление о российском образованном обществе» (1869, № 7–10), «Крестьянская реформа и общинное землевладение» (1870, № 2), по программе «Русской секции» и др.

[2] В числе деятелей «Русской секции» сам Н. Утин не проявил должной моральной стойкости. В 1877 г. он подал покаянное прошение царю и получил возможность легально вернуться в Россию.

яния Парижской Коммуны и не связывая этих влияний воедино. Именно после Коммуны особенно возрос интерес к Интернационалу среди русской демократической молодежи.

Лучшая часть русской молодежи с волнением и сочувствием следила за развернувшейся в Париже грандиозной схваткой пролетарских масс с буржуазией. Кровавое подавление восстания глубоко потрясло ее. Многие понимали, что события в Париже имеют значение общеевропейское и мировое. Это сознание нашло выражение, например, в нескольких подпольных листках под общим заглавием «Виселица», выпущенных в Петербурге в апреле и мае 1871 г. Н. П. Гончаровым, вращавшимся с конца 60-х гг. в революционных кружках столицы. В первом же из этих листков Гончаров писал: «Мировая революция уже началась... Поднявшись над развалинами Парижа, она облетит все столицы мира, — желанная, святая, побывает и в нашей мужичьей избе...» В последнем, четвертом, листке говорилось: «Париж накануне страшного и окончательного своего падения... Но не падет, не погибнет начатое им дело...» Автор призывал: «Откликнитесь, честные люди, откликнитесь на ваших местах погибающему Парижу, чтобы умирая он знал, что дело его возобновят и так же смело и геройски поведут вперед» [1]. Таким образом, русская демократическая молодежь считала, что боевой клич, раздавшийся в Париже, призывает и ее к действию. Пример парижских пролетариев воодушевляюще повлиял на русскую передовую интеллигенцию, он стимулировал ее революционную активность и содействовал более практической постановке вопроса о работе в народе. Это сказалось и в решимости некоторых кружков приступить к пропаганде среди рабочих.

Известный семидесятник Дм. Клеменц в статье, написанной в 1875 г., характеризовал «появление Парижской Коммуны, этого великого мирового события», в связи с более близким знакомством и с Интернационалом, как «поворотный пункт», «начало новой эры в развитии революционного дела в России» [2]. Кравчинский в «Подпольной России» указывал, что с Парижской Коммуной «русский социализм вступил в воинствующий фазис своего развития, перейдя из кабинетов и частных собраний в деревни и мастерские» [3].

Парижская Коммуна произвела большое впечатление на тех русских рабочих, которые тогда втягивались в революционную борьбу. Один из самых видных участников рабочих кружков 70-х годов в Петербурге Алексей Петерсон, отмечая в своей автобиографии, что он вступил на революционный путь в конце 1871 г., поясняет: «Нас тогда возбуждала французская Коммуна, да и так назревало уже рабочее движение в России» [4].

---

[1] «Литерат. Наследство», кн. 1, М., 1931, стр. 161, 164.

[2] Статья перепечатана у Л. Г. Дейча, Социалистическое движение начала 70-х годов в России, Ростов-на-Дону, 1925, стр. 57.

[3] С. М. Степняк-Кравчинский. Подпольная Россия, Пгр., 1917, стр. 7.

[4] «Каторга и ссылка», 1924, № 3 (10), стр. 226.

В седьмую годовщину Парижской Коммуны в Одессе на тайной сходке рабочих и интеллигентов был принят, от имени рабочих, адрес французским рабочим, в котором говорилось: «Вы правы были, когда в 1871 г. вы говорили, что сражаетесь за все человечество. Да! Интересы всех народов так тесно связаны между собою, что торжество народа в одной стране немедленно повлечет за собою торжество народа во всем мире...». Подписавшие адрес заявляли, что они на своей родине работают для той же великой цели, для достижения которой принесено было так много жертв на парижских баррикадах 1871 г.[1].

Падение Коммуны, зверства версальцев вызвали взволнованные и гневные отклики со стороны таких замечательных деятелей русской демократической культуры и общественной жизни, как Салтыков-Щедрин, Глеб Успенский, Некрасов.

На основании недавних исследований можно признать установленным, что знаменитое некрасовское стихотворение «Смолкли честные, доблестно павшие» писалось как отклик на парижские события и лишь впоследствии было как бы «переадресовано» борцам русского революционного движения 70-х годов[2].

При всем том никак нельзя забывать, что в представлениях многих деятелей того времени о характере и значении Коммуны, о ее уроках немало было неясного и ошибочного. Некоторые умеренные элементы среди интеллигенции, склонные к либеральным идеям «мирного прогресса», усмотрели в Коммуне новое «доказательство» «преимущества» социальных отношений отсталой России перед капиталистическим Западом, потому что общинные «устои» русской жизни должны были, как они думали, гарантировать Россию от возможности гражданской войны. Другие готовы были видеть в Коммуне новый «довод» в пользу воздержания от политической борьбы.

Ложная, извращавшая смысл событий бакунинская оценка Парижской Коммуны получила признание в части нелегальной литературы 70-х годов.

Коммуна была первым серьезным ударом по капитализму, первым опытом диктатуры пролетариата. Коммуна представляла собою попытку создания государства нового типа. Опыт Парижской Коммуны являлся, по указанию Маркса, блестящим подтверждением того положения, что пролетариат, «для того, чтобы сломить сопротивление буржуазии»[3], должен построить новое, свое революционное государство. В публичной речи, произнесенной в сентябре 1871 г., Маркс заявил: «Коммуна была — и об этом не может быть двух мнений — завоеванием политической власти рабочим классом»[4].

---

[1] Адрес французским рабочим был опубликован в женевском русском журнале «Община» (1878 г. № 3—4).

[2] И. Власов. Некрасов и Парижская Коммуна. «Литературное наследство», т. 49—50, М., 1946, стр. 397—428.

[3] К. Маркс. и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 91.

[4] Там же, т. XIII, ч. 2, стр. 667.

Парижская Коммуна была «пролетарским правительством» (Ленин), она была, как указывает Сталин, «зародышем» той политической формы, «в рамках которой должно быть совершено экономическое освобождение пролетариата», зародышем Республики Советов [1].

Такое марксистское революционное понимание характера и задач Коммуны было абсолютно чуждо анархистам. Ленин пишет об этом: «Анархисты пытались именно Парижскую Коммуну объявить, так сказать, «своей», подтверждающей их учение, причем они совершенно не поняли уроков Коммуны и анализа этих уроков Марксом»[2].

Бакунин без малейших оснований пытался представить Коммуну, как начало практического осуществления анархического учения, и ошибку ее видел в том, что она де была в этом отношении недостаточно последовательной. В статье «Парижская Коммуна и понятие о государственности» Бакунин писал: «Я — сторонник Парижской Коммуны, в особенности потому, что она была смелым, ясно выраженным, отрицанием Государства». Он сожалел о том, что пролетариат Франции не освободился еще от «культа власти»[3]. За Бакуниным шли и другие народники-анархисты: они то пытались доказывать, что при Коммуне парижские рабочие жили «без правительства», то критиковали Коммуну за то, что она не решилась «фактически уничтожить всякую власть».

П. Л. Лавров, бывший свидетелем и, до известной степени, участником Коммуны, наиболее полно и систематически изложил свои взгляды на нее в книге «Парижская Коммуна 18 марта 1871 года».

«Самым существенным» в революции 18 марта Лавров в этой книге считал то, что «это была революция пролетариата». «Все ошибки и печальные стороны» парижских событий он считал результатом отклонения от «этого основного принципа», от пролетарского характера движения [4]. Рассматривая под этим углом зрения историю Парижской Коммуны, Лавров дал характеристику отдельных ее сильных и слабых сторон. Он критиковал мирные иллюзии, вскрывал ошибочность чисто оборонительной тактики, избранной Коммуной, и т. д. Относительными достоинствами своими работа Лаврова была обязана тому, что в данном случае он сумел воспринять некоторые выводы гениального труда К. Маркса «Гражданская война во Франции». Но это отнюдь не значило, что Лавров вполне понимал и разделял взгляды Маркса на Коммуну. Хотя он и говорил об ее «пролетарском» характере,

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 17, стр. 114; И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, 11-е изд., стр. 35.

[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 25, стр. 447.

[3] М. Бакунин. Избр. соч., т. IV, П.—М., 1920, стр. 252, 255, 260.

[4] П. Л. Лавров. Парижская Коммуна 18 марта 1871 года, изд. 2-е, Пгр., 1919, стр. 191—192.

у него не было правильного представления об исторической роли пролетариата, к которому Лавров, подобно другим народникам, был готов причислить всех «трудящихся». Как уже отмечено, он вовсе не отдавал себе отчета в теоретическом и политическом значении той идейной и организационной борьбы, которую Марксу пришлось вести с мелкобуржуазными направлениями в тогдашнем западном рабочем движении. Естественно поэтому, что Лавров по существу никак не мог охватить всего исторического смысла и значения Парижской Коммуны.

Лавров лично познакомился с Марксом и Энгельсом в самые дни Коммуны, когда он приехал в Лондон для переговоров с Генеральным советом Интернационала об организации помощи ей. Известно, что Лавров говорил о себе, как об «ученике» Маркса — «с тех пор, как ознакомился с его теориею» [1]. Но, в действительности, Лавров был крайне далек от марксизма. Положения, так или иначе заимствованные у Маркса, уживались в эклектическом уме Лаврова с совершенно противоположными марксизму положениями и взглядами [2]. Поэтому опыт Парижской Коммуны отнюдь не привел Лаврова к правильной оценке общественных отношений России. При решении этой задачи он целиком и полностью оставался во власти утопических народнических представлений, которые, — нельзя не подчеркнуть, — в ряде важнейших пунктов непосредственно сказались на взглядах Лаврова на Коммуну, например, в игнорировании экономической стороны дела при подходе к вопросу об условиях успеха социалистической революции, в нечеткой постановке вопроса о значении «государственного элемента», в сильно выраженных федералистских симпатиях и т. д. [3].

* * *

Не одному Лаврову, но и ряду других народников семидесятых годов приходилось говорить о «признании» революционных и научных заслуг Маркса. Ими нередко заявлялось о согласии с отдельными сторонами марксова учения, наиболее часто с экономическими взглядами, иногда — даже с историческими и т. д. Но это «согласие» вовсе не мешало народникам оставаться при своих вполне утопических, идеалистических представлениях. Народники обнаруживали полнейшее неумение применить учение Маркса к анализу русских общественных отношений и к задачам

[1] П. Л. Лавров. Избр. соч., т. 1, М., 1934, стр. 95.

[2] Г. В. Плеханов писал: «...В сочинениях Лаврова иногда можно встретить решительное признание исторического материализма, но это признание находится в вопиющем противоречии с его историческими идеями, и самая возможность его объясняется просто-напросто тем, что в своем взгляде на историю, как и во всех прочих своих взглядах, Лавров был эклектиком до конца ногтей» (Г. Плеханов. Соч., т. XXIV, стр. 87).

[3] Оценку книги П. Лаврова о Коммуне, однако только с ее положительных сторон, без указания ошибок, дает П. М. Керженцев в своей работе «История Парижской коммуны 1871 г.», М., 1940, стр. 538—539.

русской революционной партии. Взгляды Маркса народниками «соединялись», смешивались со взглядами Лассаля, Прудона, Конта, Дюринга, Родбертуса и других чуждых, враждебных революционному марксизму политиков и ученых.

Народники ставили на одну доску Маркса, Лассаля и Прудона. Этим грешило уже «Народное Дело»[1]. В журнале «Вперед» ближайший помощник Лаврова С. Подолинский писал о том, что «... передовые деятели рабочего движения Маркс, Прудон, Лассаль — стоят во главе экономической науки»[2]. «Соединяя» Маркса с Прудоном и Лассалем, вместе с тем «сочетали» всех их с русскими вождями народничества. Н. А. Морозов сообщает, что большинство народовольцев «одинаково сочувствовало Бакунину, Лаврову, Михайловскому, Лассалю, Марксу и Энгельсу»[3]. Убеждение, основанное на глубочайшем заблуждении, в совместимости якобы учения Маркса с народничеством выразил видный народник Яков Стефанович: «Марксист, как теоретик, а не член практически борющейся социалистической партии на Западе, не исключает народника...»[4].

Подобные ложные, дезориентирующие мнения поддерживались рядом высказываний самих идейных столпов народничества, не только Лаврова, но и Бакунина и Ткачева.

Почитатель и продолжатель Прудона — Бакунин вынужден и готов был на словах «признать» превосходство материалистического метода Маркса над прудоновским идеализмом и метафизикой[5]. Между тем сам Бакунин, ярый враг Маркса в международном рабочем движении, — как указывает Плеханов, — «совершенно не усвоил материалистического понимания истории, он был лишь «софистизирован» этим учением» и на деле оставался «неисправимым идеалистом»[6]. Со всей определенностью это проявилось, между прочим, в постановке и решении им вопросов революции и рабочего движения. Как и Лавров, Бакунин игнорировал экономические условия социальной революции. Маркс писал об этом в своем конспекте «Государственности и анархии» Бакунина: «Он абсолютно ничего не смыслит в социальной революции, знает о ней только политические фразы. Ее экономические условия для него не существуют...

Воля, а не экономические условия, является основой его социальной революции»[7]. Извращение Бакуниным материалистического понимания истории особенно ярко сказалось в его вредных и безнадежных попытках «опровергнуть» при помощи ссы-

---

[1] «Народное Дело», 1869, № 7—10, стр. 141.
[2] «Вперед», т. 1, 1873, отд. 1, стр. 118.
[3] Н. Морозов. Карл Маркс и «Народная Воля» в начале 80-х годов, «Каторга и ссылка», 1933, № 3 (100), стр. 144.
[4] Группа «Освобождение Труда», Сб. № 4, М.—Л., 1926, стр. 196.
[5] М. А. Бакунин. Полн. собр. соч., т. II, стр. 173—174.
[6] Г. В. Плеханов. Соч., т. IV, М.—Л., 1925, стр. 211; т. XVI, стр. 178.
[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV,, стр. 188.

лок на эту теорию позицию Маркса по вопросу о политической борьбе и диктатуре пролетариата.

Не лучше обстояло дело с отношением к материалистическому пониманию истории у Ткачева, которого М. Н. Покровский объявлял «первым русским марксистом». Ткачев еще в 1865 г. цитировал изложение историко-материалистической концепции, данное Марксом в труде «К критике политической экономии». «Теперь, — заявлял при этом Ткачев, — этот взгляд сделался почти общим достоянием всех мыслящих порядочных людей» [1]. В разных своих статьях Ткачев пытался связать те или иные явления социально-политической или культурной жизни с экономической эволюцией общества. Но и своей теоретической аргументацией, и самими формулировками Ткачев обнаруживал полное непонимание подлинного смысла марксовского исторического материализма. Понятия производительных сил и производственных отношений он подменял неопределенными и туманными «экономическими принципами». Он выводил определяющую роль «экономики» из теории утилитаризма, сводя в конечном счете все дело к «личному интересу», к сознательному стремлению человечества «к улучшению своего положения», и совершенно скатывался таким образом, на идеалистические позиции.

Подобно Бакунину и Лаврову, Ткачев не понимал экономических условий социальной революции. Его вера в легкую осуществимость социального переворота в России основывалась на отсталом состоянии ее экономической жизни. Несостоятельность этой ставки была вскрыта Энгельсом в его знаменитых статьях против Ткачева 1875 г. «У нас нет городского пролетариата, это правда; но зато у нас нет и буржуазии», — писал Ткачев, и в этом он видел преимущество России, с точки зрения шансов социалистической революции. Энгельс отвечал на это: человек, способный утверждать, что социалистическую революцию «легче провести в такой стране, где х о т я нет пролетариата, но з а т о нет и буржуазии, обнаруживает лишь то, что ему нужно учиться еще азбуке социализма»[2].

В полном противоречии с марксизмом находились взгляды Ткачева на природу государства в России. Ткачев не разделял анархической позиции Бакунина и его единомышленников и высказывался за использование государства в интересах революции. Он писал в программе своего журнала «Набат»: «...Ближайшая цель революции должна заключаться в захвате политической власти, в создании революционного государства»[3]. В э т о м о т н о ш е н и и он не повторял вреднейшей ошибки бакунистов, отрицавших революционную роль всякого государства. Зато именно Ткачев с наибольшей резкостью выразил другой из по-

[1] П. Н. Ткачев. Избр. соч., т. I, М., 1932, стр. 70.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 253.
[3] П. Н. Ткачев. «Набат» (программа журнала), Избр. соч., т. III, М., 1933, стр. 225.

роков народничества, заключавшийся в непонимании классовой природы и экономической основы русского государства, в теории о «внеклассовом» происхождении и характере государства.

В своем полемическом «Открытом письме» Энгельсу, которое и вызвало упомянутый выше ответ последнего, Ткачев утверждал: «У вас государство вовсе не мнимая сила. Оно обеими ногами опирается на капитал... У нас в этом отношении дело обстоит как раз наоборот; наша общественная форма обязана своим существованием государству, которое, так сказать, висит в воздухе, не имеет ничего общего с существующим общественным строем...» [1]. Энгельс блестяще высмеял этот взгляд Ткачева, показав те социальные силы, интересы которых представляет царизм и которые извлекают всевозможную выгоду из существующего положения (земельное дворянство и бюрократия, крупная буржуазия важнейших центров, хлеботорговцы, кулаки). Особое внимание Энгельс уделил выяснению неразрывной органической связи царизма с помещиками и дворянским землевладением. Параллельно с этим Энгельс осветил бедственное и невыносимое положение крестьян, новые налоги и тяготы, которые принесла реформа, экономическую кабалу со стороны ростовщика-кулака, вскрыл весь «капиталистический паразитизм», опутавший страну и сдавивший народные массы.

Охарактеризовав экономические корни и классовую базу царизма, Энгельс заявлял: «И когда после этого г. Ткачев уверяет нас, что русское государство «не имеет никаких корней в экономической жизни народа, не воплощает в себе интересов никакого сословия», висит «в воздухе», то нам начинает казаться, что не русское государство, а скорее сам г. Ткачев висит в воздухе» [2].

В тесной связи с этими неправильными взглядами Ткачева стояло его отрицательное отношение к лозунгу «освобождение народа посредством народа», его горячее сочувствие бланкизму. Считая царизм мнимой силой, не имеющей корней в экономике и социальном строе России, не понимая объективных предпосылок социалистической революции, он мечтал о коренном социально-политическом перевороте, осуществляемом в результате захвата власти узким кругом интеллигентных заговорщиков. И с этой стороны, таким образом, взгляды Ткачева коренным образом противоречили марксизму.

В своей замечательной статье «Карл Маркс» Ленин указал, что «народническое отношение к Марксу» следует рассматривать как «своеобразно русскую разновидность ревизионизма», представителей которого Ленин там же охарактеризовал как людей, «якобы признающих те или иные основы марксизма, а на деле заменяющих его буржуазными воззрениями»[3]. Оценка Ленина, относящаяся ко всему народничеству, в существе своем остается

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 253—254.
[2] Там же, стр. 256.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 68.

вполне справедливой и для раннего, революционного этапа народничества, народничества семидесятых годов.

Крупнейшим моментом в истории проникновения в Россию марксистской литературы явился выход первого русского перевода «Капитала» Маркса.

Знакомство с величайшим произведением марксизма началось в России еще до появления русского издания. Уже осенью 1867 г. К. А. Тимирязев увидел «Капитал» в подлиннике у профессора химии Петровской академии П. А. Ильенкова и выслушал от него «чуть не целую лекцию» по поводу «Капитала» [1]. С конца 60-х годов ссылки на «Капитал» уже встречаются в журнальной литературе. В 1870 г. «Отечественные Записки» напечатали статью В. И. Покровского, составленную по «Капиталу»: «Что такое рабочий день»[2]. В 1871 г., сначала в «Киевских университетских известиях», а затем и отдельно, появилась диссертация Н. И. Зибера «Теория ценности и капитала Д. Рикардо с некоторыми из позднейших дополнений и разъяснений» (в последующей переработке «Д. Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях»), которой Маркс дал высокую оценку. Впоследствии Зибер продолжал дело популяризации экономической теории Маркса в ряде других работ. Не будучи ни революционером, ни диалектиком, Зибер, как справедливо в свое время отмечал В. В. Воровский, оказывался «однобоким марксистом». Его деятельность по пропаганде в России некоторых взглядов Маркса и Энгельса, тем не менее, сыграла положительную роль.

Еще до издания русского перевода «Капитал» стал уже проникать и в подпольные революционные кружки. Известно, например, что летом 1871 года в наиболее влиятельном петербургском революционном кружке того времени, основанном Натансоном (Перовская и др.), был прореферирован первый том «Капитала» по немецкому оригиналу.

Подготовка к русскому изданию «Капитала» началась еще в 1868 г. 18 сентября 1868 г. Н. Ф. Даниельсон («Николай-он», виднейший народнический экономист) писал Марксу: «Значение вашего последнего труда — «Капитал», «Критика политической экономии» — побудило одного из здешних издателей (Н. П. Полякова) предпринять перевод этой работы на русский язык»[3]. Повидимому, за издателем Поляковым стоял в данном случае целый кружок, к которому были причастны М. Негрескул, Н. Даниельсон, Н. Любавин и др. Работа над переводом велась некоторое время Лопатиным, а после того как Лопатин занялся подготовкой побега Чернышевского — перевод перешел к Нико-

---

[1] К. Тимирязев. Наука и демократия. М., 1920, стр. 466.

[2] О. Маркова. Отклики на «Капитал» Карла Маркса в России 1870-х годов, — «Летописи марксизма», 1930, 1(XI), стр. 123—124; ср. А. Л. Реуэль. «Капитал» Карла Маркса в России 1870-х годов, М., 1939, стр. 60—64.

[3] Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, 1947, стр. 50.

лаю-ону, который и довел его до конца. Появившийся в свет в 1872 г. русский перевод «Капитала» явился первым по времени иностранным переводом гениального труда Маркса.

23 мая 1872 г. Николай-он сообщал Марксу: «Разрешая эту книгу, цензурный комитет рассчитывал... на то, что ее никто не станет читать. Вот данные по этому поводу: книга вышла в свет 27 марта, а до 15 мая продано 900 экземпляров (отпечатано всего 3000 экземпляров)» [1]. В послесловии ко второму немецкому изданию Маркс писал: «Прекрасный русский перевод «Капитала» появился весной 1872 г. в Петербурге. Издание в 3000 экземпляров в настоящее время уже почти разошлось» [2].

Появление «Капитала» вызвало живой интерес в русском обществе. Первые отклики на «Капитал» даже в части умеренной буржуазной печати были сравнительно благожелательными, что объясняется главным образом общим непониманием господствующим общественным мнением той поры революционной роли «рабочего вопроса» в России. Но в 1877—1878 гг. со страниц «солидных» буржуазных органов («Вестника Европы», «Сборника государственных знаний») раздались резкие выпады против автора «Капитала» в статьях Ю. Г. Жуковского и Б. Н. Чичерина, которым, в свою очередь, отвечали Н. К. Михайловский и Н. И. Зибер. Для нас интересна здесь позиция Михайловского, довольно типичная для народнического восприятия «Капитала».

Злобное выступление Ю. Жуковского против «Капитала» вызвало со стороны Михайловского полемическую статью («Карл Маркс перед судом г-на Ю. Жуковского»), в которой показывался легкомысленный и недобросовестный характер критики этого буржуазного апологета [3].

Однако, Михайловский и сам выступал в роли «критика» «Капитала», причем его критика затрагивала вопросы о диалектическом методе и о применимости к России «философско-исторического взгляда» Маркса.

Михайловский подходил к «Капиталу» с народнической меркой. Уже в своей статье, опубликованной в 1872 г. немедленно после выхода в свет русского перевода «Капитала», он со всей отчетливостью показал, по каким соображениям он приветствовал это издание. В «Капитале» он пытался найти орудие для подкрепления своих поисков «особливого» пути развития для России. Книга Маркса, — писал он, — «является во-время по тем же причинам, по каким мы считаем своевременною нашу деятельность...»[4] России угрожает капитализм, но буржуазные идеи и интересы еще пока развиты слабо, еще есть в ней «за что ухватиться для предотвращения неправильностей европейской циви-

---

[1] Там же, стр. 62.

[2] К. Маркс. Капитал, т. 1, М.—Л., 1931, стр. XX.

[3] Н. К. Михайловский. Соч., т. IV, СПб., 1897, стб. 200.

[4] Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. X, изд. 2-е, СПб., 1913, стб. 10—12.

лизации»; «Капитал» Маркса, с его классическим анализом сущности, происхождения и развития капиталистического способа производства на Западе, должен послужить уроком и предостережением русскому обществу — таков был смысл высказываний Михайловского. В сущности, уже к выступлениям Михайловского 70-х годов в значительной мере применимо указание Ленина относительно теорий, которые в России «софистицировали, фальсифицировали (зачастую бессознательно) марксизм», которые «как бы становились сами на почву марксизма и «по Марксу» пытались опровергнуть приложение к России теории Маркса!»[1].

Не может вызвать удивления, что Михайловский старался оспорить те стороны труда Маркса, которые, как он опасался, могут повредить самобытническим утопиям народников. В своей статье 1877 г. он подверг критике главу «Капитала» о так называемом первоначальном накоплении, усмотрев в ней универсальную философско-историческую концепцию, будто бы предуказывающую единый и общеобязательный для всех стран и народов путь экономического и общественного развития. Утверждая, что тот капиталистический процесс, история которого изложена Марксом, «на святой Руси» еще «очень мало» подвинулся вперед, Михайловский писал: «Следовательно, нам предстоит еще пройти вслед за Европой весь тот процесс, который описал и возвел на степень философско-исторической теории Маркс. Разница, однако, в том, что нам придется повторить процесс, т. е. совершить его сознательно»[2]. Однако, — заявлял Михайловский, — «надо же доподлинно знать, что исторический процесс действительно неизбежно таков, каким его рисует Маркс... Ясно во всяком случае, что мы должны семь раз подумать прежде, чем один раз отрезать себе все пути, кроме указанного немецким экономистом».

Выступление Михайловского обратило на себя внимание Маркса, который написал письмо к редактору «Отечественных Записок», оставшееся, впрочем, неотправленным и сохранившееся в черновике среди бумаг Маркса. Энгельс нашел его после смерти Маркса и передал копию русским революционерам.

В своем письме Маркс указывал, что глава «Капитала» о первоначальном накоплении «претендует лишь на то, чтобы очертить тот путь, которым в Западной Европе капиталистический экономический строй вышел из недр феодального экономического строя». Поэтому Маркс решительно возражает Михайловскому, пытавшемуся главу о первоначальном накоплении превратить в «историко-философскую теорию всеобщего пути, на который роковым образом обречены все народы, каковы бы ни были исторические обстоятельства, в которых они оказываются». Маркс протестует против попыток разрешать вопрос о путях экономического развития страны не на основе конкретного изучения материала,

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 17, стр. 85.

[2] Н. К. Михайловский. Соч., т. IV, СПб., 1897, стб. 171.

а «пользуясь универсальной отмычкой какой-нибудь общей историко-философской теории» [1].

Обращаясь к вопросу, какое применение к России можно извлечь из его исторического очерка возникновения капитализма, Маркс отвечал: «Только такое: если Россия стремится стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы,— а за последние... годы она немало потрудилась в этом направлении,— она не достигнет этого, не превратив предварительно значительной части своих крестьян в пролетариев; а после этого, уже очутившись в лоне капиталистического строя, она будет подвержена его неумолимым законам, как и прочие нечестивые народы... Вот и все [2]. В другом месте своего письма Маркс заявляет: «Если Россия будет продолжать... итти по тому пути, по которому следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»[3].

Как видим, Маркс в своем письме подчеркивал, что Россия уже «немало потрудилась» в деле превращения в капиталистическую страну и что дальнейшее развитие ее в том направлении, которое наметилось с 1861 г., без сомнения окончательно утвердит в ней капиталистический способ производства.

Комментируя впоследствии (в «Послесловии» к «Социальным отношениям в России») данную Марксом в 1877 г. постановку вопроса, Энгельс указывал, что тогда «падение царизма казалось близким», а революция в России дала бы «новый могучий толчок также и политическому движению Запада». Именно поэтому «Маркс в своем письме советует русским не особенно торопиться броситься в водоворот капитализма»[4]. В 1894 г., когда Энгельс писал «Послесловие», он мог исторически оценить прогноз 1877 года. Поэтому он добавил к цитированным выше словам: «Революции в России не произошло. Царизм восторжествовал над терроризмом», а за прошедшие годы «капитализм и разложение крестьянской общины достигли в России громадных успехов»[5].

Энгельс правильно установил связь между характером письма Маркса и его тогдашней оценкой внутреннего положения России. Напомним, например, что Маркс писал в конце 1877 г. к Зорге: «Россия... давно уже находится накануне переворота; все элементы для этого уже готовы». И далее: «Революция начнется на этот раз на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции»[6]. Революция в России, по убеждению Маркса и Энгельса, послужила бы толчком к социалистической революции на Западе, победоносная же пролетар-

---

[1] К. Маркс. и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 377—378.
[2] Там же, стр. 377.
[3] Там же, стр. 376.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 397.
[5] Там же, стр. 397, 398.
[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 480.

ская революция, как Энгельс высказывал еще в 1875 г. в статье против Ткачева, могла бы дать русскому крестьянину необходимые средства для перехода к коллективному земледелию, «минуя промежуточную ступень буржуазной парцеллярной собственности» [1]. Что Маркс рассматривал перспективы развития России в неразрывной связи с вопросом о русской революции, которая, в свою очередь, связывалась в его представлении с пролетарской революцией в Европе,— на этом Энгельс настаивал и в своем письме к Николаю-ону от 24 февраля 1893 г. «Нет сомнения в том, — пишет он здесь, — что община и, в известной степени, артель заключали в себе некоторые зародыши, которые при определенных условиях могли бы развиться и спасти Россию от необходимости пройти через муки капиталистического строя. Я вполне присоединяюсь к письму нашего автора (Маркса — Ш. Л.) по поводу статьи Жуковского. Но и по его мнению, и по моему, первым необходимым для этого условием был т о л ч о к и з в н е, — переворот в экономической системе Западной Европы, уничтожение капиталистической системы в тех странах, где она впервые возникла»[2].

Уже после письма в «Отечественные записки», Маркс и Энгельс коснулись частично вопросов, затронутых в этом письме, в своем знаменитом предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» (1882 г.). Мысль о том «первом условии», которое указано Энгельсом, была выражена в предисловии с предельной ясностью. Маркс и Энгельс писали: «...может ли русская община — эта, правда, уже сильно разрушенная форма первобытного коллективного владения землею — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму землевладения?... Единственный возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они пополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития» [3].

В тексте письма к редактору «Отечественных записок», предназначавшегося для опубликования в этом л е г а л ь н о м журнале, Маркс не мог прямо говорить о революции (русской и европейской). Быть может, невозможность высказаться со всей ясностью в легальном органе и побудила Маркса отказаться от посылки письма. Следует учесть и указание Энгельса, что Маркс боялся скомпрометировать (конечно, в глазах властей) журнал, где будет напечатан его ответ [4].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 261. Ср. предисловие Маркса и Энгельса к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии».

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIX, стр. 205.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии, 1948, стр. 15.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 362.

Вопрос о выступлениях в 1872—1877 гг. Михайловского по поводу «Капитала» и об ответе на его статью 1877 г. со стороны К. Маркса, — ответе, свидетельствовавшем о глубокой заинтересованности Маркса в русских делах, — освещен в труде В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». В работе Ленина были подвергнуты уничтожающей критике выступления легальных народников 90-х годов (и в первую очередь Михайловского), открывших тогда поход против марксизма и русских марксистов. Ленин отмечал различие в тоне и содержании статей Михайловского 70-х и 90-х гг., объясняя это различие полным разложением к 90-м гг. «русского», крестьянского социализма 70-х гг. Но и отмечая, что в 70-х гг. Михайловский имел в виду «защитить «сангвинника» (т. е. социалиста-революционера) Маркса от либеральных критиков» и «умел правильнее оценить» «Капитал», Ленин одновременно показал несовместимость метода Маркса с методом Михайловского (разумеется, и вообще народников — Ш. Л.) уже и в 70-х гг.; Ленин подчеркнул, что и тогда уже Михайловский искажал, перевирал Маркса, «приписывая материализму в истории вздорные претензии» — «претензии, сразу же, конечно, и в очень ядовитой форме отвергнутые Марксом в его «письме» по поводу статей Михайловского»[1].

Выше была речь о некоторых из литературно-публицистических откликов на появление русского издания «Капитала». Но ими отнюдь не исчерпываются отклики на «Капитал» в тогдашней России. Русский перевод быстро стал проникать в революционное подполье. Через несколько уже лет среди активных революционеров можно было насчитать не один десяток людей, считавшихся знатоками первого тома «Капитала», который они с увлечением изучали (Плеханов, Купреянов, Фесенко Русанов, Адр. Михайлов и др.). В 1880 г., в своем известном письме к Марксу, Исполнительный комитет «Народной Воли» писал: «Русская передовая интеллигенция... в свое время с восторгом встретила появление в печати Ваших научных трудов... «Капитал» стал настольной книгой интеллигенции. Но в царстве византийского мрака и азиатского произвола всякое движение общественной мысли — синоним революционного движения. Ясно, почему скоро Ваше имя должно было неразрывно слиться с борьбой внутри России и, вызвав глубокое уважение и расположение одних, подпало гонению других: труды Ваши были изъяты из обращения, и самый факт изучения их сочтен за признак политической неблагонадежности»[2]. Но охватить глубочайшее теоретическое содержание «настольной книги» революционные народники и народовольцы были не в состоянии.

Восприятие подпольными народниками идей Маркса, нашед-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 1, стр. 117, 129, 164.
[2] «Былое», 1917, № 1, стр. 54.

ших в «Капитале» наиболее полное выражение и обоснование, отличалось непониманием законов развития капиталистического общества и влекло к таким же попыткам приспособить Маркса к своим потребностям, что и у народников-литераторов. Признание этого мы находим в воспоминаниях самих народников. Сергей Ковалик писал, что появившийся в русском переводе первый том «Капитала» «произвел на интеллигентную молодежь большое впечатление, которое по силе можно сравнить разве с тем, которое в свое время вызвал Дарвин». Но среди молодежи того времени широко распространилось лишь «чисто экономическое учение Маркса о трудовой ценности и взгляды его на отношения между трудом и капиталом», не мешавшие ей оставаться и после прочтения «Капитала» на точке зрения утопического социализма [1].

Лишь в период полного кризиса и разложения народнического миросозерцания знакомство с «Капиталом» оказалось для отдельных представителей революционного поколения 70-х гг. (Плеханов и др.) стимулом к дальнейшему, более глубокому, изучению Маркса и тем самым помогло их переходу на марксистские позиции. Однако, только небольшая часть народнической революционной интеллигенции нашла впоследствии путь к марксизму, и для этого ей предварительно пришлось полностью рассчитаться с глубоко ошибочными народническими идеями, понять коренное противоречие между взглядами марксизма и народничества, понять пропасть, разделяющую между собой эти взгляды.

§ 3. Первые этапы революционного движения 70-х гг. (Первые группы. Хождение в народ. Рабочие-революционеры и пропаганда среди рабочих)

Упадок общественной активности демократической интеллигенции, которым отмечена была середина 60-х гг., уже в 1868—69 гг. стал сменяться оживлением. Распоясавшаяся реакция встретила уже весной 1869 г. открытый отпор со стороны студенческой молодежи столицы. Студенческие беспорядки были быстро подавлены, но раз начавшееся оживление не было этим прервано.

Зимой 1870—71 г. в Петербурге состоялся нелегальный съезд делегатов от студентов различных университетов. По воспоминаниям Е. Н. Ковальской, в то время работавшей в Харькове, целью съезда было объединить студенчество, организовать повсеместно кружки самообразования, кассы, распространение литературы и т. д.[2]. Характеризуя настроение харьковского студенчества к началу 1871 г., другой из местных деятелей Вл. Малютин сообщал тогда в частном письме: «В последнее время Харьков решительно ожил после долгого периода вялой и бессодержательной жизни.

[1] С. Ф. Ковалик. Революционное движение 70-х гг. и процесс 193-х М., 1928, стр. 44.

[2] «Каторга и ссылка», 1931, № 4 (77), стр. 141.

Молодежь задвигалась, заволновалась...». Возбуждение чувствовалось даже в таких сравнительно глухих местах, как, например, Вятка, где рассказы приезжих из Петербурга поддерживали веру в нарастающее оживление: «Все рассказы подтверждали, что брожение в студенческих кругах не прекращалось, основные вопросы о народе и лучших формах служения ему не сходили с очереди...»[1].

Говоря об общественном движении на рубеже и в начале 70-х гг., нельзя пройти мимо ряда литературно-публицистических выступлений 1868—1870 гг., послуживших идейными толчками к постановке и обсуждению этих «основных вопросов».

В 1868 г. бывшие руководители «Современника» Н. А. Некрасов, Г. З. Елисеев, М. Е. Салтыков-Щедрин стали во главе журнала «Отечественные записки», с этого времени являвшегося руководящим легальным органом демократической мысли. Салтыков и Некрасов оставались прямыми и непосредственными продолжателями революционного демократизма 50-х—60-х годов. Рядом с ними видными сотрудниками «Отечественных записок» явились некоторые литераторы-народники. Уже в 1869 г. «Отечественные записки» опубликовали статью Михайловского «Что такое прогресс?» — одно из основных теоретических произведений народничества. Михайловский не давал ответа на вопрос, как в действительности происходило историческое движение общества. «Формула прогресса», предложенная им, говорила «не о том, как шла история, а о том, как она должна была бы итти» (Бельтов-Плеханов). Михайловский отвергал действительный ход истории, он «протестовал» против него. Корень зла он усматривал в растущем общественном разделении труда, в усиливающейся дифференциации общества. Свое понимание прогресса Михайловский формулировал в заключительных словах статьи «Что такое прогресс?»: «Прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми»[2]. Бесплодные в научно-познавательном смысле, по своему абстрактному догматизму [3], идеи Михайловского имели определенный социально-политический смысл. Это была попытка наукообразного обоснования «неприятия» капитализма и, косвенно, апология русской общины, не знающей общественного разделения труда и потому по типу, по принципу своей организации будто бы гораздо ближе, по сравнению с капиталистическим обществом, стоящей к осуществлению идеального общества. Статья

---

[1] Н. А. Чарушин. О далеком прошлом, М., 1926, стр. 66.

[2] Н. К. Михайловский. Что такое прогресс? Пгр. 1922, стр. 215.

[3] Ленин писал: «Основная ошибка г. Михайловского именно и состоит в абстрактном догматизме его рассуждений, пытающихся обнять «прогресс» вообще вместо изучения конкретного «прогресса» какой-нибудь конкретной общественной формации». Соч., изд. 4, т. 1, стр. 392.

«Что такое прогресс?» произвела впечатление на часть интеллигенции 70-х гг. [1].

Еще шире оказалось влияние на молодежь другого произведения, появившегося почти одновременно — «Исторических писем» П. Л. Лаврова (они были опубликованы за подписью П. Миртов в «Неделе» за 1868—1869 гг. и отдельной книгой в 1870 г.).

Как и в «Прогрессе» Михайловского, в «Письмах» Лаврова субъективно-идеалистическая позиция народничества нашла яркое выражение. Подобно Михайловскому, Лавров выступал со своей «формулой прогресса» («Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении. Воплощение в общественных формах истины и справедливости»). Творцами, двигателями прогресса Лавров признавал «критически-мыслящих личностей», интеллигенцию. Лавров настаивал, что всякий критически мыслящий интеллигент не только м о ж е т,— он нравственно о б я з а н бороться за «осуществление» прогресса, в том понимании последнего, какое давал сам автор «Писем». Прогресс, являющийся пока достоянием небольшого меньшинства, куплен страшно дорогой ценой, порабощением огромного большинства человечества. Сознательные представители цивилизованного меньшинства могут снять с себя ответственность «за кровавую цену своего развития», если употребят это развитие «на то, чтобы уменьшить зло в настоящем и в будущем» [2].

Так формулировал Лавров в «Исторических письмах» идею «долга» интеллигенции перед народом. Объективную подкладку этой идеи «долга» вскрывает Ленин в своей известной статье «О «Вехах»: «Демократ размышлял о расширении прав и свободы народа, облекая эту мысль в слова о «долге» высших классов перед народом» [3].

В ряду произведений, являвшихся как бы идейной подготовкой движения 70-х гг., необходимо назвать и книгу В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России», появившуюся осенью 1869 г. Хорошо известна оценка, данная этому труду Марксом. И Маркс, и Энгельс придавали книге Флеровского большое значение потому, что видели в ней правдивое и резкое разоблачение действительного положения трудящихся масс России [4]. В письме к Энгельсу от 10 февраля 1870 г. Маркс писал: «Это — первое произведение, в котором сообщается правда об экономическом положении России»[5]. В обращении Генерального совета Интернационала к членам комитета русской секции в Женеве от 24 марта 1870 г. Маркс публично дал очень лестный от-

---

[1] О. В. Аптекман. Общество «Земля и Воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям, 2-е изд., Пгр., 1924, стр. 40.

[2] П. Л. Миртов. Исторические письма, СПб., 1870, стр. 30, 63—68.

[3] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 16, стр. 112.

[4] Под «рабочим классом» Флеровский разумел именно всю массу трудящихся и в первую очередь — крестьянство.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 286—287.

зыв о книге Флеровского: «Это,— писал Маркс,— труд серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника и, прежде всего, человека, возмущенного против гнета во всех его видах, не терпящего всевозможных национальных гимнов и страстно делящего все страдания и все стремления производительного класса»[1].

Разумеется, Маркс видел и слабые, наивно-утопические стороны работы Флеровского. В обращении к русской секции он прямо указывал, что сочинение Флеровского «в некоторых местах не вполне удовлетворяет критике с точки зрения чисто теоретической»[2]. Сохранившийся в библиотеке Маркса экземпляр Флеровского испещрен замечаниями, в которых Маркс подвергает критике мелкобуржуазные, в прудоновском духе, рассуждения автора, его иллюзии относительно возможности создать «товарищество» между рабочими и капиталистами, его идею о возможности «воспрещения найма» при сохранении капиталистов и т. д.

На русского читателя книга Флеровского произвела громадное впечатление. О. В. Аптекман сообщает: «Впечатление, произведенное этой книгой на молодое поколение семидесятых годов, было поистине потрясающее... Впервые «великая крестьянская реформа» выявилась в том виде, в каком она была в действительности... И потрясающая картина народного разорения, обнищания, пауперизма, встала перед нами...»[3].

Книга Флеровского действовала на молодежь не только фактами, рисующими безвыходное положение масс, но и своей доктриной, которой по преимуществу посвящено было пространное «Заключение». При этом для радикальной молодежи имели значение не призывы автора к господствующим классам, его мечтания о том, чтобы «и высшие и низшие слои общества направились к одной цели»[4], а превознесение Флеровским мелкого производства и общины, его преклонение перед крестьянином, развившим «среди себя учреждение столь совершенное, что наши

---

[1] Там же, т. XIII, ч. 1, стр. 353.

[2] Там же, стр. 353.

[3] О. В. Аптекман. Общество «Земля и Воля» 70-х гг., Пгр., 1924, стр. 73—74.

[4] Н. Флеровский. Положение рабочего класса в России. Наблюдения и исследования. СПб., 1869, стр. 473. В неопубликованном ответе на критику «Вестником Европы» его книги Флеровский писал: «Ее (книги — ред.) цель — доказать, что у различных слоев русского общества точно так же, как и у всякого общества нет неизбежно противоположных друг другу интересов, что каждый из этих слоев, стремясь, при правильном понимании своих интересов, к своему наибольшему счастью, в то же время будет способствовать наибольшему счастью всех других». («Литер. наследство», № 2, 1932 г., стр. 61). Мирно-утопическая тенденция в книге не была, таким образом, случайностью, а выражала определенную черту взглядов Флеровского. Но взгляды эти были сложны и противоречивы. Мечтания о «солидарности интересов» не помешали, например, Флеровскому поместить в написанном им нелегальном листке «Как должно жить по закону природы и правды» призыв с оружием в руках бороться против землевладельцев и «богачей».

образованные классы даже и понять его были не в состоянии»[1]. Рецензент первого издания воспоминаний О. В. Аптекмана, скрывшийся за подписью «Т-ин» (не Лопатин ли?), писал в 1907 г. в «Былом»: «Молодежь зачитывалась книгой Флеровского «Положение рабочего класса в России». Под этим влиянием развивалось и стремление молодежи к подвижничеству, аскетизму или правильнее сказать... к сокращению своих потребностей. В книге Флеровского... была основа народничества с его стремлением к опрощению, с верой в будущность земельной общины, со стремлением в народе»[2].

Флеровский не только через книгу влиял на революционную молодежь начала 70-х годов, но и путем личных связей с революционными кругами и прежде всего с группой, стоявшей в центре революционной работы этого времени,— основанной в Петербурге в 1869 г. несколькими деятелями студенческого движения (из числа противников Нечаева), во главе с Марком Натансоном.

Из видных участников группы в Петербурге следует назвать жену Натансона — Ольгу Шлейснер, Софию Перовскую, А. И. Сердюкова, Н. А. Чарушина, С. С. Синегуба, П. А. Кропоткина, С. М. Кравчинского, Д. А. Клеменца, М. В. Купреянова, Л. Э. Шишко и др. Район деятельности группы не исчерпывался Петербургом. Она имела связи в различных местностях России. Наиболее оформленными были ее отделения в Москве, Одессе и Киеве. К составу их принадлежали, между прочим, А. И. Иванчин-Писарев, Лев Тихомиров[3], Николай Морозов, М. Ф. Фроленко — в Москве, Феликс Волховский, С. Л. Чудновский, А. И. Желябов, Франжоли и Ланганс — в Одессе, Яков Стефанович и П. Б. Аксельрод[4] — в Киеве.

В противовес Нечаеву, приступившему в конце 60-х гг. к созданию подпольной организации в целях немедленной подготовки «восстания», данная группа начала свою деятельность с развертывания сети тайных кружков саморазвития и с распространения в среде интеллигенции произведений научной и публицистической литературы, отвечавших в большей или меньшей степени ее пропагандистским целям.

В числе распространявшихся книг русских авторов были произведения Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Некрасова, Щапова, «Исторические письма» Лаврова, «Положение рабочего класса в России» и «Азбука социальных наук» Флеровского,

---

[1] Н. Флеровский. Указ. соч., стр. 481.

[2] «Былое», 1907, № 7, стр. 315.

[3] Влиятельный участник движения 70-х и первой половины 80-х годов, Тихомиров в разгар реакции 80-х гг. «раскаялся» и перешел в лагерь защитников самодержавия, являясь в дальнейшем одним из столпов реакционно-монархической печати.

[4] С начала 80-х гг. — участник плехановской Группы «Освобождение труда», впоследствии один из лидеров меньшевиков, после Октября — активный враг Советской власти.

«Пролетариат во Франции» и «Ассоциации» А. Михайлова (Шеллера) и др. Из иностранных авторов широко распространялись Лассаль, Милль, Бокль, Дрэпер, Дарвин, Спенсер и т. д. Группа распространяла русское издание первого тома «Капитала» Маркса. В 1871 г. группа устроила типографию в Швейцарии. Здесь был напечатан перевод работы Маркса «Гражданская война во Франции». Распространяя или даже издавая Маркса, группа, однако, придерживалась тех же неверных понятий относительно марксизма, которые характерны были для народничества и охарактеризованы выше. В основном, швейцарская типография была занята (начиная с 1873 г.) печатанием революционных брошюр, предназначенных для распространения в народе.

Группа при самом своем возникновении считалась с необходимостью со временем приступить к деятельности непосредственно «в народе». Имеются основания для предположения, что уже в 1870 г. некоторые из ее членов имели кое-какие связи с рабочими Петербурга. Начиная с 1872 г. все большее число членов группы постепенно втягивается в пропаганду среди рабочих. Главными участниками этой работы были Синегуб, Чарушин, Сердюков, Кравчинский, Кропоткин, Клеменц, Купреянов.

Представление членов группы о роли рабочих и общественной жизни России принципиально не отличались от тех, которые были свойственны народничеству в целом. И для них «центр народной жизни» находился в деревне, а деятельность среди рабочих имела преимущественно значение подготовительной ступени к работе среди крестьян. И они отдавали поэтому предпочтение «фабричным», прежде всего рабочим текстильных фабрик, теснее связанным с деревней, перед «заводскими» рабочими — металлистами. Если среди более отсталых текстильщиков (или сезонников-строителей) они еще не встречали критики, то среди части рабочих металлических заводов им довольно скоро пришлось столкнуться с некоторым недовольством, с своего рода оппозицией, которую, в конечном счете, следует объяснить стремлением пропагандистов-интеллигентов рассматривать «рабочее дело» в свете задач и перспектив крестьянской борьбы, крестьянского «социализма».

Кружки заводских рабочих существовали уже в период 1872—74 гг. в таких пролетарских районах столицы, как Невская застава и Выборгская сторона, а также на Васильевском острове (патронный завод); связи имелись, кроме того, в мастерских Варшавской железной дороги и на Ижорском заводе в Колпине. При кружках были устроены тайные библиотечки, производились отчисления из заработка рабочих на приобретение книг. Зимою 1873—1874 г. на нескольких объединенных сходках была сделана попытка упорядочения кружковой организации заводских и учреждена, наряду с имевшейся библиотечной кассой, другая — «самопомощи» или «противодействия». Наиболее заметными фигурами между заводскими рабочими Петербурга, втянутыми в начале 70-х гг. в революционное движение, являлись Виктор

Обнорский, Алексей Петерсон, Игнатий Бачин, Семен Волков, Дмитрий Смирнов, Сергей Виноградов и др. Среди фабричных рабочих выделялись Григорий Крылов, Степан Зарубаев, Андрей Коробов, Вильгельм Прейсман, Яков Иванов, знаменитый в дальнейшем Петр Алексеев и др.

Работа петербургской группы Кропоткина, Перовской и др. среди рабочих шла благополучно до ноября 1873 г., когда произошел крупный провал. За этим последовали новые аресты, завершившиеся в марте 1874 г. общим разгромом петербургской организации и связанных с нею фабричных и заводских кружков.

Разгром застал петербургскую группу в переломный момент, когда она уже готовилась перейти, а частью и стала переходить, к иным формам работы. Начало сдвига в революционном движении 70-х гг. падает на осень 1873 г. Лавров в книге о Парижской Коммуне называет 1873 г. «эпохою возрождения русского социалистического движения» после «томительного» десятилетия 1863—1873 гг.[1]. Ковалик, Аптекман и другие современники также подчеркивают значение 1873 г., как некоторого перелома в ходе движения, когда оно приобретает среди интеллигенции гораздо более широкий, «стихийный» — по определению Ковалика — характер[2].

В то же время, с появлением в эмиграции журнала Лаврова «Вперед» и сочинения Бакунина «Государственность и анархия» окончательно оформляются оба основных течения внутри народничества 70-х гг.

Орган лавристского течения «Вперед» в важнейших принципиальных, теоретических вопросах русского революционного движения стоял на общей ошибочной почве народничества. В духе народничества он рассматривал проблемы о целях и движущих силах русской революции, о роли крестьянства и общины и т. д. Специфическую особенность «впередовского» течения, отделявшую его от бакунистов, составляли его воззрения на пути и средства революционной деятельности, а также и те требования, которые оно предъявляло к самим революционерам. Как указывал Лавров, он твердо держался мнения, что «ни народ не готов к социальному перевороту, ни интеллигенция не усвоила себе в достаточной мере то социологическое понимание и то нравственное убеждение, которые одни могут выработать в последних искренних социалистов»[3]. В программе журнала «Вперед» Лавров указывал интеллигенции задачу подготовки себя к работе в народе и подготовки самого народа — путем широкой пропагандистской деятельности в его среде.

---

[1] П. Л. Лавров. Парижская Коммуна 18 марта 1871 года, стр. 244.
[2] С. Ковалик. Революционное движение 70-х гг. и процесс 193-х. М., 1928, стр. 52.
[3] П. Л. Лавров. Избр. соч., т. 1, М., 1934, стр. 104.

По-иному ставили вопрос русские «бакунисты». Еще в 1869 г. Бакунин обещал бороться против пропаганды, «не задавшейся определенно временем и местом для осуществления целей революции». Тогда же он писал: «Учить народ? Это было бы глупо. Народ сам и лучше нас знает, что ему надо». В «Государственности и анархии» Бакунин воевал с «подготовителями» типа Лаврова. Он издевался над «миртовскою или кедровскою (т. е. лавровскою — Ш. Л.) ученой болтовней» и утверждал, что на «наших бедных мужиков» «можно действовать только путем практики»[1]. Исходя из того, действительно бесспорного, факта, что народ находился в отчаянно бедственном положении, Бакунин делал неосновательный, приводивший нередко его сторонников к авантюристическим планам, вывод, что народ всегда готов восстать, что «ничего не стоит поднять любую деревню». На интеллигенцию он возлагал одну обязанность «установления всеми возможными средствами и во что бы то ни стало живой бунтовской связи между разъединенными общинами»[2].

Ведущая революционная группа начала 70-х гг. (кружок Перовской, Кравчинского и др.) не примкнула целиком ни к «лавристам», ни к крайним «бакунистам». В лавризме ее отталкивало требование длительной и разносторонней подготовки, что, по ее мнению, угрожало подорвать начавшее развиваться активное революционное настроение в молодежи, а также сведение всей революционной деятельности к одной пропаганде. Бакунизм встретил сочувствие у части членов группы (во главе с Кропоткиным), и число таких сочувствующих с течением времени увеличивалось; но в группе не было крайних бакунистов, «вспышкопускателей», начисто отрицавших, вслед за Бакуниным, всякое значение пропаганды в народе.

Как уже отмечено, разгром этой группы правительством весной 1874 г. застал ее уже в переходный момент; ее уже не «удовлетворяла» одна работа в рабочей среде, многие ее члены мечтали о немедленном переходе к деятельности в деревне, а некоторые уже и начинали к ней переходить (Кравчинский, Клеменц, примыкавший к группе Дм. Рогачев и др.).

Надо отметить решение, принятое, по словам М. Ф. Фроленко, в Москве после опыта работы среди крестьян Тверской губернии Кравчинского и Рогачева. «Опыт показал,— пишет он,— что пропаганду можно вести помимо всяких посредников (имеются в виду посредники-рабочие — Ш. Л.), непосредственно всем и каждому». При участии приехавшего из Петербурга Кропоткина и

---

[1] М. А. Бакунин. Полн. собр. соч., т. II, стр. 244.

[2] Там же, стр. 257, 260, 262. К бакунинскому и лавристскому течениям несколько позднее, с 1874—1875 гг. прибавилось третье, ткачевское, имевшее своим печатным органом основанный в 1875 г. «Набат». В своем месте мы отметили те черты в воззрениях Ткачева, которые отделяли его и от Лаврова, и от Бакунина. Здесь должно подчеркнуть, что по вопросу о готовности народа к социальной революции и о пропаганде «ткачевизм» сходится с бакунизмом.

было, как указывает Фроленко, единогласно решено, что занятия с рабочими «необходимо пока прекратить, а вместо этого надо начать готовиться к весне, чтобы итти по деревням»[1].

Во всем этом сказывалось влияние общего возбуждения, охватившего к концу 1873 г. и началу 1874 г. широкие круги демократической молодежи. Но и поддаваясь общему течению, группа, к которой принадлежали Кропоткин и др., в меньшей мере разделяла тот необычайный оптимизм, ту уверенность в быстрой и легкой победе, которыми было окрашено движение «в народ».

Более характерно ожидание скорого восстания и легкой победы выразилось в появившихся чисто бакунинских кружках (Сергея Ковалика, Феофана Лермонтова, в т. наз. «Киевской коммуне» Владимира Дебагория-Мокриевича и др.), а отчасти и в известном кружке «долгушинцев», кратковременная деятельность которого явилась своеобразным предвестником назревавшего движения.

Долгушинцы (А. В. Долгушин, Л. А. Дмоховский, Н. А. Плотников, И. И. Папин, Д. И. Гамов, рабочий Ананий Васильев и др.) работали в Петербурге (1872—73 гг.), затем в Москве (1873 г.). Ими были нелегально изданы брошюра Флеровского «О мученике Николае и как должен жить человек по закону правды и природы», прокламации самого Долгушина: воззвание «Русскому народу» и листок, обращенный к «интеллигентным людям».

Вышедшие из кружка агитационные документы проводят уравнительно-демократическую точку зрения. Прокламация «Русскому народу» выдвигала конкретную программу требований, включавшую следующие пункты: уничтожение оброков за землю, всеобщий передел земли крестьянской, помещичьей и казенной и распределение ее «между всеми по справедливости, чтобы всякому досталось, сколько надобно», замена рекрутчины всеобщим обучением военному делу, заведение «хороших школ», уничтожение паспортов и свобода передвижения, наконец, «последнее и самое важное» требование — уничтожение управления дворян и чиновников, установление правительства «из людей, избранных самим народом», подотчетного народу и сменяемого им[2]. Эти требования представляли собою, по существу, программу буржуазно-демократического переворота, но долгушинцы, судя по их воззваниям, видели в ее осуществлении достаточное условие для уничтожения всякого неравенства и эксплоатации.

В тактическом отношении долгушинцы явились ранними провозвестниками бунтарства. Встречавшийся с ними Шишко пишет, что кружок выступил с «программой немедленного призыва народных масс к восстанию».

«Открытая» деятельность долгушинцев, заключавшаяся в рас-

[1] М. Ф. Фроленко. Собр. соч., т. 1, М., 1930, стр. 111, 188.
[2] А. А. Кункль. Долгушинцы, М., 1932, стр. 219—221.

пространении воззваний к восстанию, продолжалась только несколько недель: очень скоро кружок был разгромлен властями [1]. Устремления, в ней выразившиеся, были симптоматичны для наступавшего этапа т. наз. «хождения в народ», в котором было много родственного «долгушинским» настроениям.

Это большое движение не представляло единства и однородности с точки зрения целей и методов действия его участников. «В народ» весною и летом 1874 г. пошли и бакунисты-бунтари, и сторонники лавризма, и много людей, не определивших еще своего отношения к различным течениям народнической мысли. Одни шли в народ в надежде быстро сойтись с ним на почве «бунтовской», другие мечтали развернуть пропаганду, третьи искали сближения с массами пока только для изучения народа, для «рекогносцировки», как тогда говорили.

Преобладали, повидимому, среди наиболее активных участников движения сторонники непосредственной «боевой» деятельности. Сам глава пропагандистского течения П. Л. Лавров признавал впоследствии, что бакунисты «встречали в русской молодежи 1873—75 годов больше сочувствия и имели в России большее распространение во время того громадного движения «в народ», которое началось в 1874 году»[2]. Сергей Кравчинский писал Лаврову в начале 1876 г., что его (Лаврова) сторонники «представляли повсюду самые малочисленные, сравнительно с общей массой, кружки», и «главное — они были всегда самой крайней умеренной, разумеется — фракцией»[3].

Неопытная, не знавшая крестьянства молодежь, ушедшая в народ, была проникнута невероятно оптимистическими ожиданиями. Она верила в то, что осуществление идеалов ее утопического «социализма» вполне возможно в результате успешного восстания угнетенного русского (украинского, белорусского и т. п.) крестьянства и что оно не потребует сколько-нибудь продолжительного срока (многими считалось для этого достаточным нескольких лет). В этом отношении настроение значительной части «хожденцев» в народ отличалось от настроения действовавшей в начале 70-х гг. группы революционеров (Натансон, Перовская и др.). С этим был связан переход от признания предпочтительности «оседлой» деятельности в народе, чего держались в названной группе, к «летучей» или «бродячей» форме революционной работы, преобладавшей в «хождении в народ». В программной записке, составленной в 1873 г., Кропоткин писал: «Ходить по деревням, сеять на ходу мысль о необходимости восстания, производить мимолетное впечатление... мы считаем бесполезным... Мы

---

[1] В июле 1874 г. особое присутствие сената осудило всех главных участников долгушинского кружка на каторгу, где большинство осужденных затем и погибло.

[2] П. Л. Лавров. Избр. соч., т. 1, М., 1934, стр. 84.

[3] «Былое» № 14, 1912, Париж, стр. 55.

считали бы более полезным оседлое влияние»[1]. Но не таков был взгляд многих участников «хождения в народ», уверовавших в готовность крестьянской массы по первому сигналу восстать против существующего строя и не видевших необходимости в длительном и прочном воздействии на народ.

С наибольшим единодушием решался вопрос о том, в каком виде, «обличии», целесообразнее всего действовать в народе. Подавляющее большинство считало, что с успехом вести революционную работу среди крестьян можно лишь самому выдавая себя за крестьянина или рабочего. Только так считалось возможным побороть недоверие народной массы к выходцам из привилегированных слоев общества.

Движение в народ 1874 г. не имело никакой общей организации. В мае 1874 г. пом. главного начальника III Отделения Левашев в конфиденциальном письме к министру внутренних дел Тимашеву отмечал, в качестве особенности современного революционного движения в России, отсутствие определенной и замкнутой организации. «Правительство,— писал он,— имеет дело не с отдельным числом лиц, соединенных каким-либо уставом, а с идеями; лица же, порознь или случайными группами, служат только проводниками и орудиями распространения этих идей, как осязательной внешней связи между собою»[2]. Впоследствии, организуя процесс участников движения в народ (дело 193-х), правительство приняло иную позицию: оно пыталось доказать наличие обширного заговора, главарями которого назвало четырех революционеров: Сергея Ковалика, Порфирия Войнаральского, Ипполита Мышкина и Дмитрия Рогачева. Это было вымыслом, сочиненным с определенной целью — запугать «общество» и облегчить расправу с подсудимыми.

Тем не менее указанные деятели, действительно, занимали видное место в движении 1874 г. Двое из них, Ковалик и Войнаральский, сосредоточили в это время наибольшее число «связей» в революционной среде. Коваликом (1846—1926) были организованы кружки в Петербурге и Харькове. Он наезжал также в Киев, Москву, в приволжские города, повсюду устанавливая связи с демократическими кругами молодежи и побуждая ее к скорейшему переходу на путь революционной деятельности в народе. В разгар «хождения в народ», летом 1874 г., работа Ковалика была сосредоточена в Поволжье. Арест в июле 1874 г. оборвал его деятельность. П. И. Войнаральский (1844—1898) вел революционную работу на своей родине в Пензенской губ., а главным образом — в Москве, Саратове, Самаре. Обладая значительным капиталом, который он целиком отдал на революционное дело, он стремился возможно шире обслужить начавшееся движение в

[1] «Былое», № 17, 1921, стр. 26.

[2] Письмо в печати не появлялось (находится в фонде канцелярии министра внутр. дел „№ 1645, 1873 г.).

народ устройством явочных пунктов, мастерских, содействием печатанию и распространению нелегальной литературы и т. д. Он был арестован почти одновременно с Коваликом.

С Войнаральским довольно тесно были связаны по революционной деятельности Рогачев и Мышкин. Д. М. Рогачев (1851—1884) начал свою работу в окружении петербургской группы Перовской, Кропоткина и др. В 1873 г. он поступил рабочим на Путиловский завод. В том же году он помогал Синегубу в пропаганде среди текстильщиков Невской заставы, с Кравчинским он действовал среди крестьян в Тверской губернии. После ареста и бегства он работал в Пензе, потом в Саратове и др. местах. «Я положил себе,— говорит он в «Исповеди к друзьям», уйти в народ и не являться до тех пор на свет, пока не изучу все народные элементы. Под элементами же народными я понимал: сельский, городской, староверов и т. д.». Он стал, по его словам, «народным реальным протестантом»[1]. В 1876 г. он вернулся, наконец, в Петербург с «готовою программою» революционной деятельности — и вскоре же оказался в Петропавловской крепости.

Яркую индивидуальность представляет собою и И. Н. Мышкин (1848—1885), которого Ленин в «Что делать?» назвал в числе революционеров «корифеев», наряду с Алексеевым, Халтуриным и Желябовым[2]. «Сын крепостной крестьянки и солдата», как он сам о себе сказал на процессе 193-х, Мышкин учился в школе кантонистов, затем в военном училище. Он служил несколько лет в качестве стенографа; в 1873 г. он открыл в Москве легальную типографию. В 1874 г., решив полностью отдаться революционной работе, он при содействии Войнаральского организовал печатание подпольной литературы. В июне 1874 г. типография Мышкина провалилась, но ему самому удалось перейти на нелегальное положение; некоторое время он прожил за границей, откуда вернулся в 1875 г. со смелым проектом освобождения из ссылки Чернышевского. Обстоятельства этого дела широко известны: Мышкин прибыл в Вилюйск под видом жандармского офицера с подложным предписанием обыскать Чернышевского и увезти его; план не удался, Мышкин пытался бежать, но после вооруженного сопротивления был арестован. На суде по делу 193-х он произнес революционную речь. На каторге (к которой он был присужден по этому делу вместе с Коваликом, Войнаральским, Рогачевым, Чарушиным и др.), он с упорством и мужеством вел борьбу против царского произвола; в 1885 г. он был расстрелян в Шлиссельбургской крепости.

Нет необходимости останавливаться здесь подробнее на отдельных участниках или эпизодах движения 1874 г., охватившего, по указанию известной записки тогдашнего министра юсти-

---

[1] «Былое» № 26, 1924, стр. 76—78.

[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 5, стр. 416.

ции графа Палена, 37 губерний. Отметим лишь, что к числу наиболее крупных фактов этого движения в Великороссии должно отнести развернувшуюся одно время очень широко деятельность А. И. Иванчина-Писарева (при участии Н. А. Морозова и других лиц) среди крестьян Даниловского уезда Ярославской губернии; на Украине активнее всего проявили себя участники т. наз. «Киевской коммуны» и связавшиеся с ними отдельные представители других групп (Вл. Дебагорий-Мокриевич, Як. Стефанович и др.), а также члены кружка братьев Жебуневых и одесского кружка Волховского, в период «хождения в народ» действовавшие отчасти совместно. И здесь, как и в великорусских губерниях, движение было скоро разгромлено. Около 1000 человек было вырвано в течение 1874 г. из рядов активной интеллигенции в связи с «хождением в народ». Каковы же оказались итоги этого движения?

Их оценивали скептически сами уцелевшие участники. Прежде всего, не удалось ничего осуществить в области утопических «бунтовских» проектов, а между тем, — как утверждает, например, Кравчинский, — большинство «и в начале движения в народ... хотело непосредственного, решительного действия». Вместо того все свелось к «пропаганде». Подчеркивая это обстоятельство, тот же Кравчинский писал: «Каждый действовал совершенно в одиночку. Ну, а в одиночку возможно либо ничего не делать, либо вести т о л ь к о п р о п а г а н д у. Поэтому даже самые ярые последователи Ковалика, так называемые «вспышечники», в сущности вовсе не бунтовали, а вели пропаганду» [1].

Дала ли сколько-нибудь крупные результаты пропаганда? Нет, и в этом отношении участники «хождения» были разочарованы. «Если,— пишет Аптекман,— не считать е д и н и ч н ы х успешных случаев пропаганды, то в общем результат ее, пропаганды, в народе почти неуловим». Кравчинский заявлял (в письме к Вере Засулич): «Конечно работа стольких людей, работа такая пламенная и страстная, не могла не дать плодов. Но ведь это крупицы... Нам только много, много, коли песчинки некоторые удается отковырять от громадной стены»[2].

Такие результаты, особенно по сравнению с восторженными планами, лелеявшимися многими при начале движения в народ, были в глазах участников почти равны нулю. Успокаивали они себя тем, что приобрели определенный опыт и знакомство с народом. Александр Квятковский, один из участников «хождения в народ», а позднее видный член «Земли и Воли» и «Народной Воли», писал в 1880 г.: «Несмотря на все разочарование, на весь неуспех пропаганды в народе, социалисты должны были признать важность отрицательного значения этого движения... До того времени представление о народе, мужике было довольно смутное...

[1] «Былое», № 14, 1912, Париж, стр. 60.

[2] Из переписки С. М. Кравчинского, «Красный Архив», 1926, т. VI (19), стр. 196.

Движение же семидесятых годов дало для этого богатый материал опытов и наблюдений»[1]. Однако, если представления о народе в итоге «хождения в народ» в самом деле немного прояснились, то все же «корень вещей» остался скрытым для народников.

В своей работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин писал: «... почему так неудачна была попытка этой молодежи, которая шла в народ, поднять крестьян на революцию, — не потому ли, что она исходила из ошибочного представления, будто именно «крестьянство» является представителем трудящегося и эксплуатируемого населения, тогда как на самом деле крестьянство не представляет из себя особого класса (иллюзия, объяснимая разве только отраженным влиянием эпохи падения крепостного права, когда крестьянство действительно выступало как к л а с с, но только как класс крепостнического общества), так как внутри его самого складываются классы буржуазии и пролетариата...»[2]. Но «ошибочное представление» о крестьянстве, как основном представителе эксплуатируемого населения и готовом вместилище всевозможных «социалистических» добродетелей, не было изжито под влиянием неудачи «хождения в народ», оно только получило несколько иную форму. Даже почувствовав, что крестьянин в массе остается глух к анархо-«социалистической» проповеди переодетых интеллигентов, революционеры не искали объяснения этого в мелкособственнической природе крестьянина, в его мелко-буржуазном индивидуализме: они искали его только в забитости крестьян, в придавленности сельской общины, опутанной податями и зависимой от многочисленного начальства; они считали, что освобождение общины от этих пут и переход в ее руки всех земель откроет прямую дорогу к осуществлению «социалистических» идеалов. Кроме того, несоразмерная роль в неудачах была приписана различным недочетам практически-организационного характера, а также и правительственным преследованиям. Таким образом, безуспешный опыт «хождения в народ» привел лишь к частичному пересмотру платформы, не затрагивавшему ошибочных основ народнической идеологии, в результате которого появилось новое тайное общество «Земля и Воля».

Но прежде чем говорить о программе «Земли и Воли», необходимо отметить деятельность т. наз. «Всероссийской социально-революционой организации», более известной под названием кружка «москвичей» (или группы процесса 50-ти).

Группа революционеров, образовавших эту организацию, выступила как бы на смену разбитым деятелям похода 1874 г. Она составилась из кружка русских студенток, учившихся в начале 70-х гг. в Цюрихе, и из членов революционного кружка студентов-грузин, также вернувшихся из-за границы, к которым при-

[1] «Красный Архив», 1926, т. 1 (14), стр. 163.
[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 1, стр. 261.

мкнул ряд русских студентов и рабочих. Главными работниками организации «москвичей» были Иван Джабадари, Георгий Зданович, Софья Бардина, Бети Каминская, сестры Любатович, Лидия Фигнер, рабочие Николай Васильев, Филат Егоров, Семен Агапов и др.[1].

Крупную роль в деятельности организации играл рабочий-ткач Петр Алексеев (1849—1891). Уроженец Смоленской губернии, Алексеев в раннем детстве был отдан на фабрику. Лишь в 16—17 лет ему удалось научиться чтению и письму. В конце 1873 г. Алексеев, работавший в то время на петербургской фабрике Торнтона, попал в круг распропагандированных рабочих и интеллигентов-революционеров. Вначале это были рабочие, группировавшиеся около Синегуба, а затем он близко сошелся с «коммуной» студентов-революционеров Василия Ивановского, Ветютнева и др. Осенью 1874 г., когда инициаторы новой революционной организации подбирали в Петербурге интеллигентские и рабочие связи, оставшиеся после разгрома прежних групп, они встретили Алексеева и охотно привлекли к своему делу выдававшегося необычайной силой характера и преданностью народным интересам борца. Сам тесно связанный с крестьянством, Алексеев тяготел к среде рабочих-текстильщиков, возлагая на них большие надежды в смысле развертывания революционного движения в деревне. Это вполне отвечало планам создателей новой организации.

«Москвичи», правда, выбрали сферой своей деятельности не крестьянство, а городскую рабочую среду. Но это означало только, что новая группа отступает на время, под впечатлением только что совершившегося разгрома, перед трудностями непосредственной деятельности в деревне и снова обращается к выработке «посредников» между интеллигенцией и крестьянством. Именно потому члены организации пришли к мысли о необходимости сосредоточить свои усилия главным образом на деятельности среди фабричных, а не заводских рабочих, и признали Московский промышленный район наиболее подходящим для своей работы.

Деятельность «москвичей» свелась к распространению «социально-революционных» идей среди рабочих устным словом и раздачей революционной литературы, для усиления которой они взяли на себя поддержку новой газеты «Работник», выпускавшейся с января 1875 г. группой эмигрантов в Женеве. Пропаганда «москвичей» значительно отличалась от той сравнительно систематической и длительной пропаганды, которую вела, особенно вначале, петербургская группа Кропоткина, Кравчинского, Перовской и др. Она была направлена скорее вширь, чем вглубь, и имела много сходного с работой «летучих» пропагандистов во время похода в народ летом 1874 г. В теории «москвичи» призна-

[1] И. С. Джабадари, Процесс пятидесяти, «Былое», 1907, №№ 8—10.

вали не только словесную пропаганду, но и «бунтовскую» деятельность. В уставе организации целый подраздел посвящен «чистой агитации», которая имела в виду «поднимать дух народа», «наводить страх на правительство и на привилегированные классы» и «отводить взоры правительства от революционных деятелей» [1].

Пункт о наведении «страха» на правительство дал повод одной из участниц организации «москвичей», впоследствии принимавшей участие в деятельности «Народной Воли» (О. Любатович), говорить о том, что эта организация «в зародыше предначертала в своей программе дальнейший ход революционного движения от мирной пропаганды до дезорганизации правительства террором» [2]. В действительности никакой «дезорганизацией» правительства «москвичи» не занимались. «Москвичи» сделали попытку построения более или менее крепкой и дисциплинированной организации, действующей на основании определенного устава и имеющей свой практический центр, хотя и с не особенно широкими полномочиями. Ольга Любатович ссылается на заявления Александра Михайлова и др. революционеров, что московская группа послужила дальнейшим организациям («Земле и Воле») примером тесного сплочения революционных сил.

Организация «москвичей», кроме самой Москвы, где были сосредоточены ее главные силы, вела работу в Иваново-Вознесенске и Туле и налаживала также работу в Киеве и Одессе. Пропаганда велась как привлеченными в организацию рабочими, из которых с особым успехом действовал Алексеев, так и интеллигентами, многие из которых сами пошли на фабрики в качестве рабочих (Бардина, Каминская, Л. Фигнер, сестры Любатович и др.). Работа «москвичей» продолжалась недолго. Их первые шаги относятся к поздней осени 1874 г., оформление организации произошло в самом начале 1875 г., а уже в апреле провалилась московская группа, в августе — иваново-вознесенская, в сентябре — тульская. К началу осени 1875 г. вся организация была разбита. По процессу 50-ти, слушавшемуся в особом присутствии сената в феврале-марте 1877 г., ряд деятелей «московской» организации был осужден на каторгу: Алексеев, Зданович, Джабадари и др. Женщины-участницы процесса (Бардина, Лидия Фигнер и др.) были сосланы «на поселение» и «на житье».

В. И. Ленин и И. В. Сталин высоко оценивают выдающегося русского рабочего-революционера Петра Алексеева, видного участника действовавшей в Москве в 1875 г. организации, позднее особенно прославившегося своей замечательной речью на суде (см. ниже). Товарищ Сталин в известном письме к Демьяну Бедному, говоря о поучительнейшей истории рабочего класса

[1] Государственные преступления в России в XIX в., под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского), т. II, 1906, стр. 157.

[2] О. Любатович. Далекое и недавнее, М., 1930, стр. 98.

России, его прошлом, прошлом России, с жадностью изучаемых руководителями революционных рабочих всех стран, при этом называет, как выдающихся представителей революционной России, вместе с Радищевым и Чернышевским, Желябовым и Ульяновым, Халтуриным, — Петра Алексеева [1].

§ 4. Идейный кризис середины 70-х гг. «Земля и воля»

Неудача «хождения в народ» 1874 г., усугубленная разгромом «московской» организации в 1875 г., вызвала временный упадок настроения в рядах молодой демократической интеллигенции. Отдельные попытки в духе движения 1874 г. не прекращались и позднее, но для движения в целом это была теперь пройденная ступень. Вера Фигнер (в показаниях 1883 г.) ярко рисовала то «нравственное потрясение», которое породила «неудача пропагандистского движения»: «...Все надежды рухнули, программа, казавшаяся столь осуществимой, не привела к ожидаемым результатам... Критика, скептицизм и недоверие характеристичны для этого времени... Это был кризис в полном смысле слова»[2].

В течение 1875—1876 гг. подготовлялся частичный пересмотр прежних платформ. У бунтарей он завершился выработкой «землевольческой» программы. В немногочисленном лагере лавристов во второй половине 70-х гг. заметны некоторые признаки пересмотра старых взглядов, но к созданию какого-либо цельного нового мировоззрения они не пришли.

Наиболее компактный лавристский кружок существовал в Петербурге (Л. Гинзбург, А. Таксис, Д. Рихтер, В. Варзар и др.). Члены его вели пропаганду среди рабочих столицы; этот же кружок обеспечивал материально, а также в отношении доставки и распространения, лавристский орган «Вперед», который в 1875—76 гг. выходил уже не в виде толстого сборника, а двухнедельного журнала-газеты. В конце 1876 г. в Париже состоялся съезд лавристов, оказавшийся роковым для их существования как организованной фракции: вследствие вскрывшихся разногласий, Лавров отказался от руководства органом, который снова был превращен в непериодический сборник, но после выпуска в 1877 г. одного тома (пятого по общему счету) прекратился.

Лавристы в России не желали, сообщает Лавров, «допускать в организации фракции и в ее программе усиления ее боевого характера, что редактор считал своевременным по общему настроению русской молодежи»[3]. Другой причиной своего откола Лавров признает недовольство многих впередовцев, «оставшихся

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 25.
[2] «Былое», 1917, № 2, стр. 171.
[3] П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты, 2-е изд., Л. 1925, стр. 257.

в теории при принципах анархизма», теми отступлениями от анархической доктрины, которые он сделал в своей работе (1876 г.) «Государственный элемент в будущем обществе», признав «необходимый в каждую данную минуту общественной жизни минимум государственной власти»[1].

Если Лавров, как видим, искал путей к сближению с большинством революционной молодежи (впоследствии это привело его к поддержке «Народной Воли»), то основное ядро его бывших последователей в России, напротив, во второй половине 70-х гг. с величайшим упорством подчеркивало мирно-пропагандистский, сугубо-подготовительный характер своей деятельности. «Они составили из себя,— пишет Плеханов,— довольно высокомерную общину сектантов, упорно и монотонно осуждавших все то, что заставляло сильнее биться сердце тогдашнего «*радикала*»: студенческие волнения, рабочие стачки, манифестации, сочувственные политическим «преступникам», массовые протесты против безобразий администрации и т. п.»[2]. Враждебное отношение этих лавристов ко всяким другим формам деятельности, кроме осторожной и довольно отвлеченной пропаганды, в сочетании с их анархическими взглядами на «политику», побуждавшими их настаивать на невмешательстве социалистов в ход буржуазной революции [3], порождали у них своеобразную философию бездействия.

Для спутанности и эклектичности идеологических построений той эпохи характерно, что подобную тактику поздние лавристы пытались обосновать аргументами, которые, по словам Плеханова, «взяты были из арсенала марксизма» (вернее было бы сказать, что аргументы казались им взятыми из арсенала марксизма).

История не сохранила достаточно отчетливых данных об этой стороне взглядов поздних лавристов. Из ближайших по времени источников наиболее подробно характеризовал их обзор о «Развитии социально-революционного движения в России», опубликованный в 1881 г. в Швейцарии на немецком языке [4]. Обзор говорит о заключениях, к которым стали, по его словам, приходить в конце 70-х гг. прежние лавристы. Крестьянская община «не может служить исходным моментом социального движения в России... во-первых, она представляет собою институт, находящийся уже в состоянии распада и неизбежно, под давлением массы неблагоприятствующих его существованию обстоятельств, должна отмереть и, во-вторых, она представляет собою реакционный институт... Следовательно, ничего другого не остается, как перенести центр социально-революционной деятельности в круги

[1] Там же, стр. 242.
[2] Г. В. Плеханов. Соч., т. IX, стр. 11.
[3] Там же, т. XXIV, стр. 88
[4] Обзор принадлежал перу Аксельрода (см. о нем на стр. 763), тогда принадлежавшего к группе «чернопередельцев».

промышленных рабочих, предоставив интересы крестьянства естественному ходу истории» [1].

Через 20 лет после появления этой статьи бывший ее автор (в частной переписке с Плехановым) внес в нее довольно существенные поправки. Он признал, что «вполне определенное осуждение народнических взглядов на капитализм и общину» он услышал впервые из уст Зибера. В своей немецкой статье он «имел в виду тенденции», выраженные Зибером, «плюс сочувствие, проявленное более молодыми отпрысками лавристов к пропаганде среди рабочих» [2]. Однако из некоторых других источников известно, что нечто похожее на взгляды, изложенные в старой немецкой статье, повидимому, высказывали некоторые участники петербургского лавристского кружка. Н. С. Русанов в своих воспоминаниях отмечает у некоторых лавристов конца 70-х гг. подчеркивание «необходимости для России хотя некоторых первичных фаз капиталистической эволюции». Он же отмечает их критические отзывы об общине и предпочтение, отдававшееся ими рабочим, с которых «надо начинать»[3]. В свою очередь, О. В. Аптекман пишет: «На деревню «лавристы» махнули рукой» [4].

Наконец, сохранился один современный документ, исходящий из среды самих поздних лавристов, который проливает кое-какой свет на интересующий нас вопрос. В перехваченном полицией письме, написанном в октябре 1879 г. лицом из этого круга, читаем: «Один мой приятель, работающий над вопросом о капитализме в России, набрел на очень оригинальную мысль по поводу «кулацкого» капитала, как личиночной формы капитала буржуазного». В письме выдвигался проект обращения в редакцию «Черного Передела» (это было после раскола «Земли и Воли» на «Черный Передел» и «Народную Волю») с выражением сочувствия ей — в противовес «Народной Воле» — от имени «русских социал-демократов».

Любопытно, что автор письма своих единомышленников, в отличие от двух фракций «современных деятельных протестантов» (народовольцев и чернопередельцев), называет «недеятельными». Действительно, т. наз. лавристы к этому времени сошли фактически с общественной арены в качестве сколько-нибудь активного фактора революционного движения.

Власть анархических предрассудков, а, с другой стороны, тенденция к ограничению размаха революционного движения, отказ от широких революционных задач — обеспложивали теоретические «искания» поздних лавристов. Самые эти искания еще не

---

[1] Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. II, М., 1925, стр. 192—193.

[2] Там же, стр. 197.

[3] Н. С. Русанов. На родине, М., 1931, стр. 123, 145.

[4] О. В. Аптекман. Общество «Земля и Воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям, 2 изд., Пгр., 1924, стр. 112.

выражали факта нарождения нового, более обещающего и более плодотворного, революционного направления. Они были, скорее, одним из ранних симптомов назревающего полного разложения традиционного миросозерцания.

Практически влияние позднего лавризма на широкий круг демократической интеллигенции конца 70-х гг. было чрезвычайно слабым. Постепенно сама группировка распалась и исчезла — участники ее превратились в мирных культурных работников.

Лично Лавров после 1876—77 гг. не имел связи со своими бывшими последователями и учениками. Как видно из обзора «Социалистического движения в России», написанного Лавровым летом 1879 г., он считал, что своим самоустранением от общего русла революционной борьбы и обращением исключительно к будничной, «незаметной» работе группа лавристов лишила себя всякого серьезного значения [1]. Не существует прямых указаний на то, как Лавров оценивал ту сторону взглядов поздних лавристов, которая связана была с начинавшимся разочарованием в общине. Ясно, во всяком случае, что для отождествления взглядов на этот счет самого Лаврова и поздних лавристов в России — нет оснований. Если Лаврову и приходилось указывать, что он не отчаивается окончательно при мысли о возможном утверждении в России капиталистических форм [2], то, с другой стороны, он никогда, вплоть до конца своей жизни, не отказывался от надежд на общину и «общинное» крестьянство, а к марксистской оценке роли русского пролетариата он всегда относился отрицательно, весьма близоруко называя даже в конце 80-х гг. фантастичной идею группы «Освобождение труда» о широкой политической агитации среди городских рабочих [3].

* *
*

Бунтарские элементы среди семидесятников признавали ничтожность непосредственных результатов, достигнутых работой «в народе». Но они не потеряли веры в возможность деятельности среди крестьян, хотя пришли к необходимости изменить формы и постановку ближайших задач этой деятельности. «Тяжелый опыт нескольких лет не мог не убедить всякого трезвого человека в том, что... социализм западный совершенно отскакивает от русской массы, как горох от стены»,[4] — писал Кравчинский. Но в народе, — продолжали верить «бунтари», — существуют свои самобытные взгляды и стремления революционного характера. «Несмотря на хождение в народ многих сотен людей... влияние

[1] «Каторга и Ссылка», 1925, № 1, (14), стр. 54.

[2] Полемизируя с Ткачевым, Лавров спрашивал: «...какое основание думать, что борьба народа с буржуазией в России была бы немыслима, если бы, действительно, в России установились формы общественной жизни, подобные формам заграничной?»... (Лавров, Избр. соч., т. III, стр. 347).

[3] «Каторга и Ссылка», 1928, № 2 (39), стр. 46.

[4] Из переписки С. М. Кравчинского, «Красный Архив», 1926, т. VI (19), стр. 196.

на народ было поверхностно и неглубоко», — заявлял в своих автобиографических показаниях Александр Михайлов. А между тем, — говорит он, — революционные стремления народа проявляются в самых различных формах, «везде достаточно горючего материала...» [1]. «Самостоятельные революционные стремления», которые интеллигенция бунтарского склада находила в крестьянстве, представлялись ей вполне пригодным базисом для дальнейшего развертывания ее работы. Правда, оно оказалось неподатливым на пропаганду «западного социализма». Но в существе своем стремления крестьянства считались не только не противоречащими идеалам социализма, а напротив — совпадающими с ними. Народники-бунтари верили, что «самопроизвольное» развитие народной жизни, освобожденной от давления враждебных крестьянству сил, в конечном результате приведет неизбежно к торжеству самого «полного» и «чистого» социализма.

Революционеры теперь признали целесообразным и эффективным воздействие на народ исключительно на почве уже «сознанных» им интересов и требований. Они признали, что надо заговорить с народом «его языком о предметах, волнующих народную жизнь изо дня в день», надо поставить на своем знамени «народное движение во имя народных требований» (Александр Михайлов) [2].

В программе организации «Земля и Воля», родившейся из идейного кризиса середины 70-х гг. и возглавившей движение на следующем после «хождения в народ» этапе, эти основные положения были выражены следующим образом: «Конечный политический и экономический наш идеал — анархия и коллективизм. Но, признавая, с одной стороны, что партия может быть влиятельною и сильною только тогда, когда она опирается на народные требования и не насилует выработанного историею экономического и политического народного идеала, а с другой — что коренные черты характера русского народа настолько социалистичны, что если бы желания и стремления народа были в данное время осуществлены, то это легло бы крепким фундаментом дальнейшего успешного хода социального дела в России,— мы суживаем наши требования до реально-осуществимых в ближайшем будущем, т. е. до народных требований, каковы они есть в данную минуту»[3]. Это означало выдвижение следующих основных требований: 1) переход всей земли в руки «сельского рабочего сословия» и «равномерное ее распределение» («мы убеждены,— добавляли землевольцы,— что две трети России будут владеть землею на общинном начале»); 2) полное мирское самоуправление, с предоставлением каждому союзу общин права

---

[1] А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фигнер, А. Д. Михайлов. Л.—М., 1925, стр. 101.

[2] Там же.

[3] Архив «Земли и Воли» и «Народной воли», М., 1932, стр. 58.

определять, «какую долю общественных функций он отдаст тому правительству, которое каждая (каждый?) из них образует для себя» [1]. Землевольцы не отказывались от убеждения, свойственного народничеству в целом, в социалистических наклонностях крестьянства и в возможности достигнуть победы социализма в России на базе крестьянской общины. Землевольцы оставались верны основам народнического мировоззрения.

Землевольцы мечтали о насильственном «народно-революционном» перевороте, для подготовки и осуществления которого программа «Земли и Воли» важнейшим средством считала агитацию, как словом (устным и печатным), так и — главным образом — «путем дела», непосредственного действия. При этом имелись в виду «бунты», стачки, демонстрации и т. д.

Платформа целиком отвергала деятельность в народе «с налету». Была осуждена прежняя практика, когда, по словам Ал. Михайлова, революционеры «только проходили через народ»[2]. Вместо нее, была выдвинута и принята в качестве руководящей мысль о необходимости длительных и прочных «поселений» в народе. Устраивались группами в роли фельдшеров, учителей, писарей и т. п. в тех местностях, где недовольство населения существующими порядками предполагалось наиболее острым. Революционеры должны были заботиться о завоевании авторитета среди местного населения, о заведении возможно более широких связей с подходящими местными людьми. Достигнутое положение и связи должны были быть использованы в целях агитации и организации всевозможных протестов, начиная с чисто легальной по форме борьбы против злоупотреблений местных властей и «кончая — как гласила землевольческая программа — вооруженным восстанием, т. е. бунтом» [3]. Все это имело в виду деятельность в деревне, наряду с которой, однако, намечалось развертывание — в качестве вспомогательной — деятельности и в городе, среди рабочих промышленных местностей и интеллигенции университетских центров.

Землевольцами была признана необходимость строгой организации самих революционеров. Создание в 70-х гг. крепкой конспиративной организации, как подчеркивает Ленин, было делом «Земли и Воли», а не «Народной Воли», где эта организация получила лишь дальнейшее развитие [4]. Нельзя при этом забывать о том, что землевольческая (потом и народовольческая) организация была оторвана от масс, от народа, вследствие чего она коренным образом отличается от позднейшей пролетарской, социал-демократической организации революционеров.

---

[1] Там же, стр. 58—59.

[2] А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фигнер, Указ. соч., стр. 102. Архив «Земли и Воли» и «Народной Воли», стр. 62.

[4] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 5, стр. 442.

Землевольцы и другие сторонники обновленной программы, изложенной выше, называли эту программу народнической, а себя народниками [1].

Выработка «народнической» программы происходила в течение 1876 г.; подробная и несколько уточненная письменная ее формулировка, из которой выше цитированы отдельные положения, была сделана Г. В. Плехановым весною 1878 г. Землевольческая организация, построенная на основе принципов этой программы, была сформирована к концу 1876 г., но в дальнейшем пополнялась и расширялась. В подготовке организации и в ее первых шагах крупную роль сыграл Марк Натансон. К главным деятелям организации, кроме Натансона и не раз упоминавшихся в настоящей главе Плеханова и Ал. Михайлова, принадлежали Оболешев, Ольга Натансон, Адриан Михайлов, Михаил Попов, Осинский, Лизогуб, Квятковский, Баранников, Преображенский, Харизоменов, Аптекман, Боголюбов-Емельянов и др. В течение 1878 г. к ней присоединились Кравчинский, Клеменц, Морозов, Фроленко, Перовская, Вера Фигнер, Тихомиров (впоследствии, как уже упоминалось, ставший ренегатом, ожесточенным врагом освободительного движения), в 1879 г. — Желябов, Стефанович, Засулич, Дейч и др.

Название «Земля и Воля» было присвоено организации не при самом ее возникновении, а позднее, когда она стала выпускать под этим своим девизом подпольный печатный орган (1878 г.).

Программа «Земли и Воли» отводила центральное место в ее деятельности агитации и организации революционных сил в деревне. Но неудачи преследовали ее с первых шагов именно на этом, важнейшем еще тогда в глазах ее членов поприще.

Задачи, ими себе поставленные, оказались для землевольцев невыполнимыми, несмотря и на улучшенную организационную постановку дела, и на попытки приближения к «почве» в области лозунгов и требований, в чем творцы «народнической» программы видели предпосылку успеха. Хотя землевольцы шли к народу с такими лозунгами, как захват и справедливое распределение земли и самоуправление крестьянского «мира», они все же не встретили со стороны крестьянства поддержки. Предстояла, во всяком случае,— как это делалось ясным землевольцам при поселении в той или иной местности,— очень большая, тяжелая,

[1] Термин «народничество», которым потом стали обозначать вообще идейное направление, характерное для революционных поколений семидесятых и восьмидесятых годов, получил широкое распространение именно в период 1876—77 гг. для определения того, наиболее тогда влиятельного, течения, выразителями которого стали «Земля и Воля» и родственные ей по духу группы. Эти два значения понятия «народничество», — более широкое, охватывающее господствующую идеологию русского революционного движения нескольких десятилетий, и более специальное, обозначавшее в глазах современников определенную стадию движения, начавшуюся в 1876 г., нельзя упускать из виду, читая документы этой эпохи.

длительная подготовка, прежде чем они могли бы рассчитывать перейти к каким-либо попыткам создания в народе «боевых» революционных организаций и к «бунтовской» деятельности. Чтобы действовать в этом направлении хотя бы с какой-нибудь надеждой на успех, им необходимо было бы чувствовать за собою обширные резервы в среде интеллигенции и городских рабочих. Но, не говоря уже о рабочих, из которых только единицы соблазнялись *народническими* призывами на работу в деревне, интеллигенция в массе своей тоже становилась все менее восприимчивой к этим призывам. Ей гораздо более начинала импонировать постепенно крепнувшая идея прямой, непосредственной борьбы с царским самодержавием для достижения политической свободы.

Работавшие в деревне землевольцы чувствовали себя маленьким авангардным отрядом, не имеющим за собою никакой армии. Правительственные репрессии, ряд провалов, причиною которых подчас бывали не местные обстоятельства, а обыски и аресты, происходившие в столице и вообще в центрах, еще более ослабляли ничтожные, по существу, силы т. наз. деревенщиков. Приходилось не раз бросать занятые места, одно за другим рушились поселения, и нигде в районах деятельности местных деревенских групп «Земли и Воли» работа не достигала того фазиса, когда мог бы в их собственных глазах серьезно возникнуть вопрос о приступе к открытым революционным действиям, как их понимала «Земля и Воля».

Только одна группа народников практически взялась за создание крестьянской организации для повстанческих целей. Но как раз эта единственная в своем роде попытка особенно ярко демонстрирует утопичность народнических планов и порочность допускавшихся среди народников методов. Мы имеем в виду известный «Чигиринский заговор», организованный в 1877 г. (подготовка началась раньше) Яковом Стефановичем, при содействии Л. Г. Дейча и И. В. Бохановского.

В течение 70-х гг. в Чигиринском уезде, Киевской губ. происходили длительные и упорные волнения среди бывших государственных крестьян. Воспользоваться этими волнениями предполагала еще группа «южных бунтарей» 1875—1876 гг., преемственно связанная с кружком «Киевской коммуны» периода 1873—1874 гг. и считавшая в своих рядах Вл. Дебагория-Мокриевича, Фроленко, Стефановича, Чубарова, Дейча, Бохановского, Веру Засулич и др. Уже тогда намечалось прибегнуть для возбуждения крестьян к восстанию к подложному царскому манифесту. Группа «южных бунтарей», в своем полном составе, не довела плана до конца, но его попробовал — независимо от этой ликвидировавшейся группы — провести в жизнь Стефанович с несколькими товарищами.

Впоследствии Стефанович писал: «На значительно уже подготовленной почве я задумал попытаться создать революционную организацию, на знамени которой были бы начертаны желания

народа — «Земля и Воля»... Конечною целью тайного крестьянского общества должно было быть восстание. Надеяться хоть на некоторое осуществление этой задачи, по моему мнению, возможно было, только руководясь следующим началом: приноравливаться в своем образе действий к характеру крестьянского миросозерцания»... Среди чигиринских крестьян весьма сильны были монархические иллюзии. Они верили, что царь Александр II отнесся бы сочувственно к их делу, если бы им удалось довести до его сведения о своих горестях; они и направляли к царю ходоков, которые, однако, были задержаны. Стефанович решил построить свое предприятие именно на этой наивной вере крестьян.

Связавшись с чигиринцами и выдавая себя за крестьянина, направляемого односельчанами в качестве ходока к царю, Стефанович взялся представительствовать перед последним также их, чигиринцев, интересы. Появившись снова через некоторое время среди чигиринцев, Стефанович сообщил им «ответ» Александра II, который, якобы, ссылался на свое бессилие помочь им и приказывал им составить «тайную дружину» для завоевания своих прав с оружием в руках. Стефанович предъявил крестьянам, в доказательство царской воли, составленные им и отпечатанные в подпольной типографии подложные «высочайшую тайную грамоту» и устав «тайной дружины» [1]. Выступая теперь уже в роли «комиссара» этой дружины, которая выдавалась по «уставу» за состоящую под покровительством Александра II всероссийскую крестьянскую организацию, Стефанович постепенно собрал в ней по деревням довольно большое число членов. Вследствие неосторожности и предательства некоторых из них, все дело в течение августа и сентября 1877 г. было раскрыто властями.

Стефанович и его товарищи по организации «Чигиринского заговора» не были еще в то время членами «Земли и Воли» (с которой, впрочем, имели связь), но свое предприятие они обосновывали аргументами, взятыми из идейного арсенала землевольчества. Оценка Чигиринского заговора со стороны большинства деятелей «Земли и Воли» была сочувственной. Об этом пишет Плеханов: «Ранней весной 1878 г. в среде «землевольцев»... при обсуждении вопроса о наиболее целесообразной для нас тактике, подавляющее большинство не только отнеслось с полным сочувствием к приему, употребленному в Чигиринском деле, но и настаивало на том, что землевольцы должны применять этот прием в своей агитации на Волге. Против этой мысли говорили только два члена основного кружка: я и еще один товарищ...»[2]. Из воспоминаний Аптекмана известно, что именно он был тем членом основного кружка «Земли и Воли», ко-

---

[1] «Высочайшая тайная грамота» и устав «тайной дружины» напечатаны (не вполне исправно) в «Былом», 1906, № 12, стр. 257—261.

[2] Г. В. Плеханов. Соч., т. XII, стр. 352.

торый выступил вместе с Плехановым [1]. Если Плеханову и Аптекману и удалось воспрепятствовать принятию постановления, рекомендовавшего следовать примеру Стефановича, то все же в программной передовой статье первого номера «социально-революционного обозрения» «Земля и Воля», написанной Кравчинским, о «Чигиринском заговоре» говорилось, как о «факте первостепенной важности», знаменующем собою «переход социалистов на почву чисто народную» [2].

«Опыт», проделанный Стефановичем, больше не повторялся. Но вызванное им сочувствие очень характерно. Источник этого сочувствия был тот же, что и самого плана Стефановича: противоречие между убеждением народников, что именно крестьянство является самой основной и решающей революционной силой, призванной обновить всю социальную и политическую жизнь России, и действительным состоянием деревенской массы, отсталой, не только чуждой тогда социалистических стремлений, но и вообще не способной подняться на сколько-нибудь сознательную и организованную революционную борьбу *помимо пролетариата*, без его инициативы, помощи и руководства. Это противоречие создавало идейную неустойчивость народничества и толкало его представителей на самые «рискованные» шаги и предприятия. Так получилось, что единственная попытка народников создать крестьянскую организацию с целью вооруженного восстания была основана на мистификации, на использовании наивнейших иллюзий отсталой крестьянской массы, была предпринята под знаменем «доброго» царя.

§ 5. Крестьянское движение 70-х годов

Грабительский характер крестьянской реформы с течением времени сказывался все ощутительнее. Созданная реформой крайняя степень малоземелья, острый недостаток необходимых угодий, чересполосица крестьянских наделов с помещичьими землями, тягость казенных повинностей и помещичьих оброков или выкупных платежей—все это заставляло крестьян усиленно стремиться к расширению площади своего землевладения и землепользования. Поскольку непосредственные попытки крестьянства удержать за собою целиком прежние участки или даже расширить их за счет помещичьих земель, которыми сопровождалось во многих местах проведение реформы 19 февраля, не увенчались успехом, так как были подавлены правительством, крестьянам покачто приходилось искать выхода из положения в арендовании земли у помещиков. «..Мужик стал обрабатывать землю своего

[1] О. В. Аптекман. Общество «Земля и Воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям, 2 изд. Пгр., 1924, стр. 281.

[2] Революционная журналистика семидесятых годов, Ростов на Дону, стр. 77.

прежнего барина, «арендуя» у него свои же отрезные земли, подряжаясь зимой — за ссуду хлеба голодающей семье — на летнюю работу»[1]. Более зажиточные слои крестьянства стремились к увеличению своих участков путем покупки земель у помещиков. Однако и арендные цены и цены на землю неудержимо повышались, делая помещичью землю все менее доступной для нуждающегося в ней крестьянства. Указанные обстоятельства способствовали во второй половине 70-х годов новому подъему волны крестьянского движения против помещиков, новому обострению борьбы крестьян за землю. С другой стороны, ускорившийся после реформы процесс разложения крестьянства обострял и другую борьбу — внутри самого крестьянства, борьбу между крестьянской буржуазией и деревенской беднотой. Но эта последняя борьба, борьба между различными слоями крестьянства отступала еще, в общем, на второй план перед борьбой всего крестьянства в целом против помещиков и сохранившихся остатков крепостничества.

Показательно для тех условий, на почве которых возникали волнения среди бывших помещичьих крестьян, дело крестьян села Лютории Епифанского уезда, Тульской губ. Крестьяне этого села, имея ничтожный надел, находились в самом бедственном положении. «Кипим как в смоле, работаем не разгибая спины весь год, а глянешь — поесть нечего и одеться, обуться не во что», говорил в 1880 г. один из привлеченных по люторичскому делу крестьян представителю печати[2]. Крестьяне вынуждены были арендовать землю на каких угодно условиях, а так как село со всех сторон было окружено владениями гр. Алексея Бобринского (московского губернского предводителя дворянства), то арендовать землю они могли только у него, чем и пользовалась администрация экономии, заключая с крестьянами договора на заведомо невыполнимых условиях, ставивших крестьян и все их хозяйство в полную зависимость от произвола управляющего. Деньги, в случае нужды, крестьянам приходилось занимать также в экономии Бобринского; об условиях займов дает представление такой пример, приводившийся на суде по люторичскому делу: берет крестьянин взаймы 59 руб., и в договоре назначается неустойка в 30 руб. за 7 дней, а сверх 7 дней — жилая изба, корова, 3 лошади и вообще все, что найдется у крестьянина[3]. В 1877 г. за сельским обществом накопилось недоимок по оброку и аренде 5.198 руб., на которые общество выдало заемные обязательства; так как крестьяне выплатить долг оказались не в состоянии, то в следующем году управляющий Бобринского Фишер заключил с ними новый договор, по которому они обязались отработать долг (уже в сумме 5.500 руб., включая проценты за истекший год) ь

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 4, стр. 395.
[2] Х. У. Z... Процесс крестьян села Люторич, — «Юридический вестник», 1881, № 2, стр. 337.
[3] Там же, стр. 346.

течение 6 лет, обрабатывая ежегодно по 137½ дес. в каждом поле (что составляло по местным ценам 6.862 руб.); при этом прежние заемные обязательства крестьян Фишер оставил у себя, а в 1879 г., когда крестьяне отработали уже, по расчету самого Фишера, 1.813 руб., предъявил их ко взысканию. Приехавшим для описи крестьянского имущества властям крестьяне оказали сопротивление (3 мая 1879 г.), но через два дня в село был прислан батальон солдат; пытавшиеся оказать сопротивление крестьяне были рассеяны, около 200 человек было арестовано, и опись всего движимого и недвижимого имущества крестьян была произведена. 34 человека из числа арестованных судились в декабре 1880 г. Московской судебной палатой по обвинению в сопротивлении властям [1].

В конце 70-х годов во многих губерниях, преимущественно центрально-черноземных и средневолжских (Курской, Воронежской, Тамбовской, Полтавской, Саратовской, Симбирской), стали распространяться упорные слухи о предстоящей царской «милости» — всеобщем переделе земли. Слухи эти были настолько упорны, что 16 июня 1879 г. министр внутренних дел Л. С. Маков счел нужным издать по этому поводу специальный циркуляр. «С некоторого времени,— писал он,— между сельским населением стали ходить ложные слухи и толки о предстоящем будто бы общем переделе земель. По особому государя императора повелению объявляю, что ни теперь, ни в последующее время никаких дополнительных нарезок к крестьянским участкам не будет и быть не может. При действии наших законов о праве собственности никогда не может случиться такой неправды, такой обиды, чтобы земля, законным порядком за кем-либо укрепленная, была у законного владельца отнята и передана другому». Циркуляр Макова (названный в нелегальном органе народовольцев актом «величайшей правительственной наглости и цинизма»[2] отнюдь не приостановил распространения слухов.

Интересны различные версии слухов о переделе, циркулировавших в Воронежской губ. в 1881 г.: по одной версии, вся земля будет взята в казну и все как крестьяне, так и помещики получат одинаковый надел — по 8 дес. на душу, в собственность или в аренду; по другой версии, земля будет отбираться только у помещиков, и притом только излишки сверх 500 дес.; отобранная

---

[1] Процесс люторичских крестьян, привлекший большое внимание общественного мнения и печати, сильно интересовал и рабочих, особенно в Москве. Пресса сообщала, что люторичское дело волнует «ремесленные и рабочие классы Москвы», побуждая их «выражать свои симпатии к разоренным крестьянам в более осязательной форме, чем одни соболезнования о несчастной доле потерпевших», и именно — в форме денежных пожертвований. В. Г (ольцев). Внутреннее обозрение. «Русская мысль», 1881, кн. 2, отд. 2, стр. 29.

[2] (С. Кривенко). Циркуляр М. В. Д. от 16 июня. «Народная воля» № 1, от 1 октября 1879 г. (перепечатано: «Литература партии «Народная воля». М., 1930, стр. 14).

земля будет делиться не поровну, а «по достаткам» — кто может больше заплатить, тот больше и получит. Здесь очень ярко выразилось различие интересов крестьянской бедноты и зажиточного крестьянства, объединенных общим стремлением к помещичьей земле, но движимых разными мотивами — необходимостью прокормиться у одних и жаждой наживы у других.

Учащаются случаи споров между крестьянами и помещиками из-за земли, случаи сопротивления крестьян при размежевании помещичьих и надельных земель и пр.; имеют место отдельные попытки захвата помещичьих земель [1]. Нередко при этом происходят столкновения с чиновниками и полицией, вызывающие вмешательство военной силы. В 1881 г. правительство вынуждено было приостановить работы по размежеванию сервитутных угодий в Киевской губ. ввиду упорного, в течение двух лет, противодействия крестьян.

Заметно было оживление движения и среди государственных крестьян, в связи с ростом малоземелья и увеличением гнета повинностей. Ярким примером борьбы казенных крестьян за землю является упоминавшееся выше движение крестьян Чигиринского уезда, Киевской губ., возникшее еще в начале 70-х годов, охватившее несколько волостей и окончательно ликвидированное только к весне 1878 г. Согласно указу 16 мая 1867 г. за казенными крестьянами 9 западных губерний, в том числе и Киевской, закреплялись в собственность их подворные земельные участки на условиях обязательного выкупа. Для определения размеров и расположения крестьянских участков была произведена «люстрация» (земельная перепись), затянувшаяся в Чигиринском у. до 1874 г. Ввиду того, что при господствовавшем в Киевской губ. подворном землепользовании кулаки сосредоточили в своих руках значительное количество земли, крестьянская масса протестовала против составления люстрационных актов, закреплявших существующее распределение земель, требовала общего передела крестьянской земли «по душам», а также увеличения крестьянских наделов за счет незаселенных казенных земель и помещичьих имений, и отправляла ходоков в Петербург в надежде найти защиту у царя. В 1875 г., после утверждения люстрационных актов, движение приняло бурные формы: крестьяне отказывались на сходах от взноса выкупных платежей, захватывали и делили между собой кулацкие земли, громили кулацкие дворы, избивали и изгоняли старшин и писарей, оказывали сопротивление полиции. В уезд были двинуты войска, произведена массовая порка, многие «зачинщики» были

---

[1] Я. Юферев. Крестьянское движение в России в конце 70-х и в 80-е годы XIX века. — «Ученые записки Свердловского гос. педагогич. института», вып. 2, Свердловск, 1939 (1940), стр. 81.

арестованы, и к концу 1875 г. движение было подавлено [1]. Появление на Чигиринщине Я. Стефановича (1876) послужило поводом к временному оживлению движения, но уже в иных формах. Об остроте крестьянского недовольства дает представление количество арестованных по этому делу крестьян — 950 человек.

Примером движения государственных крестьян на почве повышения платежей может служить волнение в с. Дербетовском Новогригорьевского уезда Ставропольской губ., в 1878 г., возникшее в связи с переводом оброчной подати с души на землю, с чем связано было увеличение суммы лежавших на крестьянах повинностей. Крестьяне пытались освободить троих арестованных товарищей, а потом, вооружившись кольями, крючьями и баграми, оказали сопротивление присланным для усмирения казакам и нанесли побои исправнику, приставу и жандармскому офицеру. Особенно активными в столкновении с властями оказались тут женщины-крестьянки [2].

Аналогичный характер носило движение и среди казаков. В 1874—1875 гг. уральские казаки упорно отказывались дать подписку о выполнении нового положения 5 марта 1874 г. о воинской повинности и общественном хозяйственном управлении, значительно увеличивавшего бремя лежавших на них повинностей. В наказание 2.500 казаков с их семействами, после зверского избиения, были высланы в Казалинск (Сыр-Дарьинской обл.) на принудительные работы, но и там продолжали оказывать сопротивление: не шли в казармы, не называли своих фамилий, не исполняли назначаемых им работ [3]. В 1878 г. возникли волнения среди казаков в трех округах Донской обл. в связи с введением земских учреждений, которые устанавливали ограничения в пользовании общественными лесами и водами и увеличивали бремя повинностей, лежавших на казаках. Казаки отказывались от выбора гласных, от уплаты земских повинностей, от участия в межевых работах, прогоняли землемеров, посылали ходоков к наследнику с просьбой об упразднении земства. Сыграл свою роль и общий упадок экономического благосостояния донского казачества, усугубленный русско-турецкой войной [4].

---

[1] Видную роль в движении чигиринских крестьян сыграл крестьянин (отставной солдат) Фома Прядка, которому долго удавалось скрываться от преследования властей благодаря поддержке населения. Он был затем осужден на поселение в отдаленнейшие места Сибири. См.: Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині. Изд. Центр. архивн. управления УССР, 1934, стр. 61—62, 68, 174—176 и др.

[2] Х. У Z.. Хроника уголовного суда, — «Юридический вестник», 1881, № 1, стр. 136—139.

[3] Н. А. Бородин. Опыт применения пассивного сопротивления в 70-х годах, «Былое», 1907, № 3, стр. 93—95.

[4] Л. Борисов, автор статьи «Донское земство» («Юридический вестник», 1881, № 1), писал по этому поводу: «Еще один поход, и казачество обратится в толпу нищих»... (стр. 94).

В борьбу казаков на Дону пытались вмешаться революционеры-землевольцы (в том числе Плеханов и Ал. Михайлов). Было выпущено два нелегальных воззвания к казакам; автором одного из них был Г. В. Плеханов. Оно заканчивалось словами: «Опозорит себя навек казачество, если не вернет теперь прежних вольностей. Что добыли кровью деды, не должны отдавать без боя внуки!» [1]

В 1878—1879 гг. произошли серьезные волнения государственных крестьян-татар, чуваш и мордвы — в Казанской губ., распространившиеся на прилегающие местности Самарской и Бятской губ. [2]. В 1879 г. движение перекинулось в Башкирию, охватив четыре уезда Уфимской губ. и Красноуфимский уезд, Пермской губ.; к башкирам присоединились и русские крестьяне. Движение приняло очень бурные формы и было подавлено военной силой только в 1884 г. [3].

Рост крестьянского движения в конце 70-х годов вызывал сильное беспокойство в правительственных кругах. Революционерам-народникам не удалось, однако, *слить* свою революционную деятельность с движением крестьянской массы; мало того, как раз на рубеже 70-х и 80-х годов большинство из них совсем отходит от работы в деревне, сосредоточивая свои силы на террористической деятельности.

§ 6. Рабочее движение 70-гг. Первые рабочие организации

Больший отклик, нежели в крестьянстве, встретила деятельность революционных народников в некоторой части рабочих, хотя характер этого отклика был далеко не всегда таков, как хотелось самим народникам.

Борьба русского рабочего класса в 70-х годах шагнула вперед по сравнению с первыми ростками рабочего движения в 60-х годах, становилась относительно более сознательной, по временам более сравнительно организованной. Характеризуя рост количества рабочих за 25-летие с 1865 по 1890 год и затем в течение 90-х гг., «Краткий курс истории ВКП(б)» указывает: «Это был современный промышленный пролетариат, в корне отличавшийся от рабочих фабрик крепостного периода и рабочих мелкой, кустарной и всякой иной промышленности, как своей

---

[1] Две статьи Плеханова о волнениях среди казаков, в форме корреспонденций из Каменской станции, были опубликованы в нелегальной «Земле и воле» № 2, 15/XII 1878 и № 4, 20/II 1879 (перепечатаны в издании «Революционная журналистика семидесятых годов», Ростов на Дону, стр. 125—127, 224—226, и в т. 1 Сочинений Плеханова, стр. 29—35).

[2] См. главу о народах Среднего Поволжья в 60—80-х годах, во второй части настоящего тома.

[3] См. главу о башкирах в 60—80-х гг. (Там же).

сплоченностью на больших капиталистических предприятиях, так и своими боевыми революционными качествами»[1]. Формирование, укрепление и развитие этих боевых революционных качеств происходило, конечно, постепенно, в общем ходе экономического и политического развития страны, на основе обогащавшегося все более опыта классовой борьбы пролетариата. Весьма существенные различия существуют между уровнем рабочего движения, например, 70-х и 90-х гг. XIX в. Но уже и в 70-х гг. отчасти намечаются те замечательные боевые свойства русского пролетариата (пока еще в лице небольшого его передового отряда), которые сделали его затем революционнейшим пролетариатом в мире, которые создали, говоря словами товарища Сталина, громадные революционные традиции, заложенные в недрах нашего пролетариата[2]. В. И. Ленин писал, имея в виду период примерно с середины 70-х и до конца 90-х годов: «Разве русский рабочий в массе не поставлял в течение более чем 20 лет своих лучших, самых развитых и самых честных и смелых товарищей в ряды революционных кружков и организаций?»[3].

Уже в 70-х и особенно 80-х годах прошлого столетия, по указанию «Краткого курса истории ВКП(б)», «рабочий класс России начал пробуждаться и повел борьбу с капиталистами»[4]. Рабочие стали сговариваться между собой и сообща предъявлять требования об улучшении своего невыносимого положения. «Первые забастовки в 70-х и 80-х годах обыкновенно возникали из-за непомерных штрафов, надувательства, обмана при расплате с рабочими, сбавки расценок»[5].

Крупной вехой в истории рабочего движения является стачка рабочих Невской бумагопрядильной фабрики в Петербурге, стоящая как бы на грани этих двух десятилетий — она произошла в мае 1870 г. Поводом к стачке послужило требование, предъявленное сначала 63 прядильщиками, об увеличении заработной платы. Отказ фабричной администрации в его удовлетворении вызвал немедленно приостановку работ в одной части фабрики, где занято было 800 рабочих. Вечером того же дня (22 мая) от имени всех 800 рабочих была подана обер-полицеймейстеру Трепову жалоба на незаконные действия фабричной администрации. 28 мая на фабрику приезжал помощник Трепова полковник Козлов, для объяснений с которым рабочие избрали пять делегатов — Семена Владимирова (Слезкина), Федора Петрова, Бориса Потапова, Василия Акулова и Василия Иванова. На все «увещания» полк. Козлова возобновить работу делегаты ответили отказом. Находившаяся на фабричном дворе толпа стачечников на уговоры Козлова ответила таким же отказом, объ-

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 7.
[2] И. В. Сталин. Соч., т. 9, стр. 18.
[3] В. И. Ленин. Соч., изд. 4. т. 4, стр. 266.
[4] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 8.
[5] Там же, стр. 8—9.

ясняя, что поступит так же, как пятеро выбранных ею товарищей [1].

Забастовка на одном из крупных предприятий столицы, отличавшаяся значительной дисциплиной и выдержкой участников, произвела большое впечатление и на общество, и на правительство. Стачка вспыхнула в период, когда на Западе широкий размах получила деятельность Интернационала, когда в России, в связи с окончанием девятилетнего срока, в течение которого по Положениям 19 февраля крестьяне не могли отказываться от наделов, и в связи с ожиданиями, которые приурочивались к этому моменту некоторыми революционными кругами, власти чувствовали себя не вполне спокойно. Серьезное беспокойство властям уже внушали сами русские рабочие: отчет III Отделения царю за 1869 г. прямо признавал, что «наиболее удобную почву для агитации» представляют «места фабричные и промышленные» [2].

27 мая, докладывая Александру II о забастовке, Трепов указывал, что «пока нет повода видеть в этом обстоятельстве какое-либо общее движение в рабочем населении...». Тем не менее, стремясь подавить «в самом начале» проявление якобы «незаконных и самоуправных домогательств со стороны рабочих», Трепов срочно передал дело о стачке судебным органам. «Можно надеяться,— писал он,— что впечатление, которое немедленное наказание виновных произведет на всю массу столичного населения, будет благодетельно»[3].

Конфликты между рабочими и администрацией на Невской бумагопрядильне имели место не раз до забастовки 1870 г. На процессе рабочий Цыганов, проработавший на этой фабрике около 15 лет, свидетельствовал, что и прежде «раз 5 или 6 рабочие соглашались промежду собой просить о прибавке» и предъявляли свое требование «все вместе», ибо, когда «ходили поодиночке, вдвоем, втроем, их всегда выгоняли, случалось — и без расчета» [4]. Но впервые вообще в истории стачечного движения в России на этот раз забастовщики, как это подчеркивал на самом процессе обвинитель Желеховский (впоследствии «прославившийся» в деле 193-х революционеров), предстали перед судом.

Суд в данном случае не оправдал надежд правительства. Он вынужден был ограничиться небольшими наказаниями. Четверо рабочих, признанных как бы «зачинщиками» (названные выше Владимиров, Петров, Потапов и Акулов), были приговорены к

---

[1] Дневник приключений. «Ведомости С.-Петербургской городской полиции», 1870, № 119 (от 29 мая); Дело о стачке рабочих Невской бумагопрядильной мануфактуры. Там же, № 136 (от 18 июня).

[2] Сообщ. А. А. Сергеев. К истории рабочего класса в России, «Красный архив», т. II, 1922 (1923), стр. 197.

[3] Рабочее движение семидесятых годов, М., 1934, стр. 21—22.

[4] Дело о стачке рабочих Невской бумагопрядильной мануфактуры. «Ведомости С.-Петербургской городской полиции», 1870, № 137 (от 19 июня).

7-дневному аресту при полиции, остальные обвиняемые (за исключением 5-ти оправданных) — к 3-дневному аресту. Во второй инстанции все привлеченные были оправданы.

Правительство и царь не примирились с таким исходом дела. Упомянутые «зачинщики» были высланы в административном порядке, а вместе с тем 6 июля 1870 гг. был издан по «повелению» Александра II министром внутренних дел известный циркуляр о мерах борьбы против забастовок. Характеризуя стачку рабочих Невской бумагопрядильни, «как явление совершенно новое», циркуляр предписывал губернскому начальству «самое строгое и неослабное наблюдение за фабричным и заводским населением, и в особенности за всеми теми неблагонамеренными личностями, которые могут иметь вредное влияние на толпу...». Губернаторам предписывалось при первом известии о стачке немедленно, «не допуская дела до судебного разбирательства» и даже не испрашивая разрешения министерства внутренних дел, высылать «зачинщиков» в Архангельскую, Вологодскую и др. отдаленные губернии [1].

Стачка на Невской бумагопрядильне послужила темой ряда газетных статей. «И у нас случилась стачка, и нас не оберег бог», писало «Новое Время», а «Русские Ведомости» указывали, что «рабочие стачки — явление еще новое в России, и в таких размерах, как стачка невских рабочих, можно сказать — небывалое». Внутренний обозреватель «Отечественных записок» (Н. А. Демерт), обличавший в своей статье хозяев бумагопрядильни и защищавший рабочих, вместе с тем, отказывался в их выступлении видеть подлинную забастовку, говорил о «так называемой» стачке рабочих на Невской фабрике и утверждал, будто «настоящее значение» стачек «у нас неизвестно и неподходяще к характеру русских рабочих» [2].

Однако, «новое» и «небывалое» явление становилось на деле все более обычным, опровергая мнения и народников, и либералов. В том же 1870 г. по всей стране отмечено печатью и официальными источниками до 20-ти различных проявлений рабочего недовольства и протеста, из которых большинство приходится на стачки (правда, не очень значительные). Следующее трехлетие дает в среднем до 15 стачек и около 8—10 волнений (без при-

---

[1] Ю. Гессен. К истории стачек среди фабричных рабочих, — «Архив истории труда в России», кн. 3, Пгр., 1922, стр. 42—43. Наблюдение за рабочими всегда возлагалось, кроме общей полиции и жандармских властей, также на фабрично-заводскую администрацию. Напр., циркуляр министра внутренних дел от 1 марта 1875 г., ссылаясь на «стремление молодых людей пропагандировать преимущественно между рабочими фабрик и заводов», предписывал губернаторам «сделать распоряжение об обязании всех сколько-нибудь значительных фабричных и заводских управлений, в лице их владельцев или главных управителей, иметь наблюдение за появлением на их фабриках и заводах лиц, распространяющих вредную пропаганду между рабочими, и сочинений революционного содержания». (Цит. по подлиннику циркуляра).

[2] Д. Наши общественные дела. «Отечественные записки», 1870, № 8, Соврем. обозрение, стр. 248—250.

остановки работ) за каждый год. Рост конфликтов между рабочими и предпринимателями продолжался и дальше почти безостановочно. Рабочее движение 70-х гг. достигло наибольшего напряжения в самом конце десятилетия, в период новой революционной ситуации в России. За 1878—1879 гг. отмечено более 80-ти одних стачек, не считая волнений без прекращения работ и т. д. В целом за 1870—1879 гг. известными до сих пор источниками учтено не менее 280—300 случаев разнообразных рабочих выступлений; большинство из них — примерно до 200 приходится на крупные и мелкие стачки [1].

Главнейшими очагами движения были в 70-х гг. Петербург (около 65 стачек и волнений) и Московский промышленный район (до 90 стачек и волнений). Из разных производственных групп первое место занимали текстильщики (около $^1/_3$ всех стачек и волнений), второе — металлисты (около $^1/_5$ стачек и волнений). Около одной трети рабочих выступлений связано было с конфликтами из-за размера заработной платы, несколько менее 30% — с задержкой ее и неправильным расчетом, с незаконными вычетами и штрафами. Остальные рабочие выступления были вызваны конфликтами по вопросу о продолжительности рабочего дня и праздничной работе, плохими жилищными условиями, недоброкачественностью пищи, грубым обращением фабричного начальства и другими причинами. Большинство стачек и волнений имело оборонительный характер, т. е. представляло собой попытки, иногда успешные, а иногда и неудачные, — отпора наступлению капиталистов, их стремлениям еще резче усилить эксплоатацию, еще более снизить жизненный уровень рабочих.

Из отдельных рабочих выступлений после стачки на Невской бумагопрядильне особенно выделяется стачка на Кренгольмской мануфактуре под Нарвой в 1872 г. Причиной стачки было беспрерывное ухудшение положения рабочих, выражавшееся в удлинении и без того весьма продолжительного рабочего дня (14 часов вместо 13), в урезках заработной платы, произвольных штрафах и проч. Даже губернский прокурор вынужден был признать, что, находясь вне всякого контроля, управляющий фабрикой (Кольбе) распоряжался «в течение многих лет совершенно самовластно»; «неограниченный произвол г. Кольбе ложился тяжелым бременем на рабочее население...». Особенно невыносимым было положение малолетних рабочих.

Волнения возникли в августе 1872 г. и сначала были приостановлены некоторыми уступками администрации, но в сентябре возобновились ввиду провокационной политики управляющего, стремившегося свести уступки на-нет и расправиться с «беспокойными» элементами. Провокации Кольбе и его подруч-

[1] Документальные данные о стачечном движении 70-х гг. опубликованы в изданиях: Рабочее движение 70-х годов. М. 1934. Составлено Э. Корольчук; Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов под ред. А. М. Панкратовой. Т. II, ч. I и II, М., 1950.

ных привели к аресту представителей рабочих, за которых, однако, вступилась вся рабочая масса (более 4,5 тысяч человек). К фабрике были стянуты войска, которые вначале встретили сопротивление со стороны рабочих, но потом вынудили их подчиниться. 27 человек были присуждены к каторге, арестантским ротам, тюрьме и ссылке. Одним из активных участников забастовки был Вильгельм Прейсман, который затем, в 1873—74 гг., в Петербурге принадлежал к ядру революционеров-фабричных, распропагандированных группой Кропоткина и др. Среди участников стачки находился и Василий Герасимов, в 1875 г. осужденный на каторгу за участие в кружке студента Дьякова, занимавшегося пропагандой среди рабочих и солдат Выборгского района Петербурга. Герасимов оставил записки, в которых ярко и правдиво рассказано о жизни рабочих на Кренгольмской мануфактуре и о личной судьбе автора [1].

В течение первой половины 70-х годов ареной серьезных рабочих волнений неоднократно становился Семянниковский завод в Петербурге («Невский механический и судостроительный», ныне завод имени Ленина). По поводу протеста 2500 рабочих против задержки заработной платы в феврале 1874 г. пресса отмечала, что это — четвертый случай на заводе. В мае того же года семянниковцы выражали открытое возмущение произвольными действиями директора Ефимова. Тогда на заводе появилось рукописное обращение, составленное кем-то из рабочих, призывавшее предъявить требования заводскому начальству и предать последнее «своему суду». «Бунт» на Семянниковском заводе 10 апреля 1875 г., из-за невыдачи заработной платы в канун пасхи, произвел в Петербурге большое впечатление. Волнения 1875 г. сопровождались разрушениями. «Бунт» вызвал судебный процесс. Эмигрантский орган «Вперед» в связи с этим делом писал: «Несмотря на краткость отчета во многих, самых интересных местах, видно, насколько вина хозяев — хищников была основною причиною всего события, так что даже прокурор не решился оправдывать этих трусов, разбежавшихся при первой опасности и вызвавших волнения из-за скаредного желания уплатить деньги как можно позже». «Надо думать,— писал «Вперед,— что при первом удобном случае пострадают не только стекла контор и мебель хозяев. Надо полагать, скоро рабочие поймут, что двуглавый орел, стоящий над воротами того места, где их грабят, есть именно символ силы, способствующей грабежу, и не пощадят его...» [2].

В обстановке постепенно нараставшего стачечного движе-

---

[1] Воспоминания Герасимова появились долго спустя после его смерти (умер в 1892 г. в якутской ссылке) в журнале «Былое» за 1906 г. № 6. Было также несколько отдельных изданий; см., например, Жизнь русского рабочего полвека тому назад, Записки рабочего-социалиста Василия Герасимова, Пгр., 1919.

[2] Волнения на заводе Семянникова. — «Вперед», № 11, от 15 июня 1875 г., стр. 332—334.

ния родились первые рабочие организации в России. «Передовые рабочие начали понимать,— говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)»,— что для успешной борьбы с капиталистами нужна организация. Стали появляться рабочие союзы» [1]. Первым *зародышем* самостоятельной рабочей организации следует признать ту группу «заводских» в Петербурге, о которой говорилось выше (в разделе втором). Разбитая арестами 1874 г., она не исчезла совершенно с лица земли. Одни из ее членов спаслись от ареста, другие возобновили после освобождения революционную работу. Привлекая новых людей, группа продолжала,— конечно, с перерывами и при менявшемся частично составе,— свою деятельность. Эта группа явилась предшественницей «Северного союза русских рабочих».

Однако, еще до оформления «Северного Союза» и выработки его программы рабочая организация была создана на юге, в Одессе и Ростове-на-Дону. Пропагандист-интеллигент Е. О. Заславский, с 1872—1873 гг. ведший революционную работу в кружках одесских рабочих, вместе с группой рабочих основал в 1875 г., «Южно-российский союз рабочих». Более или менее устойчивое ядро «Южно-российского союза» состояло из 50—60 человек, за двумя-тремя исключениями — сплошь рабочих; вокруг этого ядра сорганизовалось до 150—200 (по исчислениям жандармов — даже до 300) человек.

«Союз» выработал свой устав, бывший одновременно и краткой программой и организационным уставом в собственном смысле. Первый параграф устава «Союза» гласил: «Сознавая, что установившийся порядок ныне не соответствует истинным требованиям справедливости относительно рабочих; что рабочие могут достигнуть признания своих прав только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества и поставит труд основою личного и общественного благосостояния; что этот переворот может произойти только при полном сознании всеми рабочими своего безвыходного положения и при полном их объединении, — мы, рабочие Южно-российского края, соединяемся в один союз под названием «Южно-российского союза рабочих», поставляя себе целью: во-первых, пропаганда идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов; во-вторых, объединение рабочих Южно-российского края; в-третьих, для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком» [2].

По справедливому замечанию одного из видных участников «Южно-российского союза» М. П. Сквери, идеи устава еще содержали «признаки утопического... идеалистического социализма» [3]. Авторы его еще далеки были от марксизма, хотя они уже

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 9.

[2] «Устав Южно-российского союза рабочих» — сборн. «Южно-российский союз рабочих», ГИЗ Украины, 1924, стр. 17.

[3] Там же, М. Сквери. Первая социалистическая рабочая организация. стр. 28.

знали — и в известной мере использовали — устав Первого Интернационала [1].

Устав не формулировал тезиса об особом положении пролетариата, как класса, в общей массе трудящегося населения, о взаимоотношениях его с другими группами трудящихся, и, прежде всего, с крестьянством, о его руководящей роли по отношению к ним. Согласно утверждению Сквери, руководители «Союза» свой устав рассматривали даже не как «общую программу», а как «устав рабочего общества», предполагая со-временем организовать на аналогичных началах крестьянство, для чего намечалось «переселять на постоянное жительство в деревню тех из рабочих, которые сохранили связь с деревней или имеют склонность к крестьянской жизни» [2].

Вопрос о политической борьбе уже был поставлен, хотя и не так отчетливо, как в более зрелой позднейшей программе «Северного Союза». Сам Заславский при обсуждении устава предлагал, судя по воспоминаниям о «Союзе», ограничиться указаниями на борьбу только против существующего экономического порядка, исключив слово «политический», но это предложение не встретило сочувствия.

Е. О. Заславский был настроен очень недоверчиво и даже враждебно к интеллигенции бунтарского направления и оберегал «Союз» от проникновения бунтарей. Но сам, он, видимо, не мог еще противопоставить последним иной, подлинно плодотворной действенной тактики; имеются указания на близость его к «лавристским» взглядам. В уставе, возможно, не случайным было подчеркивание того, что «борьба» с установившимся порядком есть дело «будущего», к ней придется перейти «впоследствии». Именно потому, очевидно, «Союз» оказался не в силах противостоять до конца давлению народников-бунтарей, за короткое время успевших отколоть от него группу членов. Надо, впрочем, заметить, что «Союз» отнюдь не уклонялся от вмешательства в конфликты на предприятиях (такое вмешательство было осуществлено при волнениях на заводах «Бланшард» и «Фендерих»).

«Южно-российскому союзу рабочих» принадлежит почетное место в истории рабочего движения. Если он еще не сумел теоретически осмыслить роль российского пролетариата в общенародном революционном движении, то все же в его появлении и деятельности отразились начинавшееся тяготение рабочих к созданию своей самостоятельной классовой революционной организации, признаки отхода от народничества, отразился тот факт, что в рабочей среде уже безусловно складывается благоприятная почва для возникновения и упрочения революционного движения.

---

[1] Был отчасти использован и устав «Центральной Женевской секции» Интернационала (см.: Б. Итенберг. Деятельность «Южно-российского союза рабочих». «Вопросы истории», 1950, № 1, стр. 89).

[2] Сборн. «Южно-российский союз рабочих», стр. 29, 46.

Царские власти по-своему оценили симптоматическое значение «Союза». «Южно-российский союз рабочих» провалился в конце 1875 г. И уже через несколько недель местный жандармский полковник подчеркивал в своем сообщении III Отделению некоторые важные особенности дела... «Настоящее общество,— писал он,— имеет... совершенно новый и весьма серьезный характер»; если прежние дознания возбуждались преимущественно против «людей интеллигентных», то вновь обнаруженное общество, «состоящее преимущественно из мастеровых», показывает, что «пропаганда проникла в народ» [1]. Недаром потом правительство пыталось замолчать процесс «Южно-российского союза рабочих», происходивший в особом присутствии сената в мае 1877 г.

В процессе «Союза» судились 15 его участников (Заславский, Сквери, Рыбецкий, Кравченко, Наддачин и др.). Некоторые, в том числе Заславский, были приговорены к каторге. Через год после суда Заславский умер в петербургской тюрьме.

Всего только за три месяца до этого дела, в том же специальном судилище по политическим делам, во время слушания процесса революционной организации «москвичей» (процесс 50-ти), прозвучала громовая речь рабочего Петра Алексеева, в резких и сильных словах обрисовавшего бедствия и бесправие народных масс и преступную политику царской власти. Он говорил о жесточайшей эксплоатации рабочих, об обнищании крестьян, которым реформа 19 февраля не обеспечила удовлетворения «самых необходимых потребностей». Он доказывал, что положение трудящихся в пореформенной России, положение угнетаемых капиталом и самодержавием рабочих не отличается от положения крепостных. Алексеев закончил свою мужественную речь заявлением (Ленин впоследствии назвал его великим пророчеством русского рабочего-революционера), что «подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах» [2].

[1] Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов под ред. А. М. Панкратовой. Т. II, ч. II, М., 1950, стр. 103.

[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 4, стр. 346. Петр Алексеев, конечно, еще не являлся представителем рабочего, научного социализма. Алексеев был народником; для него понятия рабочего и крестьянина сливались в одном общем понятии «рабочего люда». Огромное впечатление на современную интеллигенцию речь Алексеева произвела потому, что в нем она видела, как отмечает в своих воспоминаниях об Алексееве Э. К. Пекарский, — «крестьянина-рабочего, представителя того самого элемента, приобщения которого к революции так страстно жаждала тогдашняя революционная интеллигенция» («Былое», № 19, 1922, стр. 86). Народ говорит устами Алексеева, народ протягивает в его лице руку революционной молодежи, как своему «доброму другу» (слова из речи Алексеева), — это неотразимо действовало на народническую интеллигенцию, неоднократно переиздававшую речь и зачитывавшуюся ею, даже перелагавшую ее в стихах. Это не лишает выступление Алексеева его исторического значения, как крупнейшего факта в истории именно пролетариата: вовсе не случайно в роли передового представителя народных масс и выразителя их чаяний и протеста выступил именно революционер-рабочий Алексеев.

Суд над Алексеевым и его товарищами и «Южно-российским союзом» показывал, что наиболее передовые элементы русских рабочих уже начали сплачиваться для революционной борьбы. Доказательства в пользу этого русская жизнь с семидесятых годов стала уже вообще давать не слишком редко. Демонстрация 6 декабря 1876 г. в Петербурге, на площади Казанского собора, явилась в этом смысле значительным фактом.

«Первым крупным плодом сближения народников с петербургским пролетариатом явилась так называемая Казанская демонстрация» [1], пишет о ней Плеханов, один из ее главных организаторов, выступивший на самой демонстрации в качестве оратора. Взгляды народников-землевольцев, к которым принадлежал Плеханов, были изложены выше. Согласно этим взглядам главную роль в революции должно было сыграть крестьянство. Однако, не отводя пролетариату «никакой самостоятельной политической роли» и возлагая «свои упования исключительно на крестьянские бунты», землевольцы все же считали нужным «заниматься с рабочими» и не могли,— как объясняет Плеханов,— отказаться от этого дела уже по одному тому, что оно, при несравненно меньшей затрате сил, оказывалось несравненно более плодотворным, чем их излюбленные «поселения в народе» [2]. В среде тогдашних передовых рабочих столицы действовало то небольшое ядро сознательных «заводских», о котором раньше упоминалось. К концу 1876 г. это рабочее ядро обросло уже довольно широкой сетью кружков и в самом Петербурге и в его окрестностях. Инициатива «Казанской демонстрации» и принадлежала в известной степени рабочим кружкам столицы. Ее сочувственно встретили народники-землевольцы, для которых демонстрация послужила боевым крещением их вновь сформированной организации. Демонстрация вышла не особенно удачной — вместо ожидавшихся нескольких тысяч участников собралось только несколько сот (300—400), среди которых рабочие составляли меньшинство. Полиция вырвала из рядов демонстрантов немало жертв, поплатившихся за участие в ней долголетней каторгой и ссылкой. Но все же эта демонстрация, во время которой сотни интеллигентной молодежи и рабочих громко, на одной из центральных площадей столицы, солидаризировались с Чернышевским и другими борцами за народное дело, на которой впервые было поднято в Петербурге красное

---

[1] Г. В. Плеханов. Соч., т. III, М.—Л., 1923, стр. 123.

[2] Там же, стр. 139. Программа «Земли и Воли» говорила, между прочим, о «заведении сношений и связей в центрах скопления промышленных рабочих — заводских и фабричных» (Архив «Земли и Воли» и «Народной Воли», стр. 61). Особую восприимчивость рабочей среды к революционной пропаганде неоднократно вынуждены были признавать правительственные круги. Так, особое совещание, под председательством П. А. Валуева, обсуждавшее в 1878 г. меры борьбы с революционным движением, отметило, что «усиленная деятельность пропагандистов проявляется в среде фабричных и заводских рабочих, где и имеет успех» («Голос минувшего», 1917, № 7—8, стр. 143).

знамя, и поднято притом рабочим [1] (на знамени была надпись «Земля и Воля»), — сыграла свою революционизирующую роль. В рукописной брошюре («По поводу собрания русской народной партии 6 декабря 1876 года»), появившейся в революционной среде после «Казанской демонстрации», говорилось о значении последней: «Собралось несколько сот русских людей, принадлежащих частью к образованному, частью к рабочему классу... Собрались они... для того, чтобы заявить друг другу и тем, кто хотел бы иметь уши слышать, что дело народного освобождения, перейдя теперь в руки самого народа, становится на твердую почву; что этим переходом знаменуется начало активного вмешательства нового, необыкновенно важного элемента в ход политической жизни России, а именно: *начало сознательного участия русского рабочего класса в движениях этой жизни...*» [2].

Повидимому, уже в период «Казанской демонстрации» руководящая головка рабочих кружков серьезно обсуждала вопрос о более тесном объединении и образовании оформленной рабочей организации. В одном, сохранившемся в заграничных архивах, письме говорится о том, что рабочие, не чувствуя себя независимыми и равноправными в рядах революционной организации, зимою 1876—77 г. «образовали между собою что-то в роде федерации, с выборными и центральным советом, совсем независимо от интеллигенции» [3]. Это был шаг к созданию той организации, которая выступила через два года под именем «Северного союза русских рабочих». Но платформа ее тогда еще не была выработана, не созрела в умах рабочих, да и с организационной стороны дело не было пока доведено до конца, тем более, что весною 1877 г. рабочие кружки Петербурга понесли серьезнейший урон в результате полицейской провокации.

В среде рабочих в этот период и позднее крупную роль играют столяр Степан Халтурин и слесарь Виктор Обнорский. В. П. Обнорский (1852—1920) был одним из наиболее активных участников первого состава «заводской» группы, сформировавшейся в пору деятельности петербургской революционной организации начала 70-х гг. «Личность, выходящая из ряда обыкновенных по своему умственному развитию»,— такое впечатление производил он уже в то время на соприкасавшихся с ним интеллигентов. В середине 1873 г. Обнорский оставил Петербург. После непродолжительного пребывания в Одессе, где он тоже вел революционную работу и был близок с некоторыми рабо-

---

[1] Яковом Потаповым (сослан по этому делу «в отдаленнейшие монастыри»; после 1 марта 1881 г. в Соловецком монастыре ударил настоятеля, за что отправлен в Якутскую область).

[2] Первая рабочая демонстрация в России. М.—Л., 1927, стр. 64.

[3] Еще в 1875 г. корреспондент лавровского «Вперед» (№ 11, стр. 327) писал из Петербурга: «... Теперь уже многие рабочие чувствуют достаточно твердую почву под ногами, чтобы не накидываться на первого студента за разъяснением нужных вопросов. Скоро они будут уметь обходиться совершенно без нас».

чими, потом участвовавшими в «Южно-российском союзе рабочих», он уехал в самом конце 1873 г. за границу. В дальнейшем Обнорский ездил за границу еще дважды и провел там (гл. обр. в Швейцарии) в общей сложности более двух с половиной лет. Наблюдения над жизнью и борьбой западного пролетариата, несомненно, многому научили его, дополнив его опыт, вынесенный из непосредственного участия в революционной борьбе в России [1]. Обнорский был убежденным сторонником создания самостоятельной рабочей организации в России и много в этом направлении потрудился. По некоторым указаниям, он сравнительно рано пришел к сознанию необходимости для рабочих бороться за политическую свободу. В формировании идейных позиций, на основе которых образовался потом «Северный Союз русских рабочих», Обнорский, несомненно, сыграл важную роль. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» указывается: «Один из организаторов союза — Обнорский жил некоторое время за границей, познакомился там с деятельностью марксистских социал-демократических партий и I Интернационала, руководимого Марксом. Это наложило свой отпечаток на программу «Северного союза русских рабочих» [2]. Вскоре после своего возвращения из последней поездки за границу, предпринятой в связи с подготовлявшимся изданием рабочего печатного органа, Обнорский был арестован — в начале 1879 г. — и затем осужден на каторгу.

С. Н. Халтурин (1856—1882), будучи моложе Обнорского, позже его вступил в революционные рабочие кружки. Однако, к моменту своего приобщения к рабочему движению он уже успел пройти известную революционную школу, чему способствовало его пребывание в первой половине 70-х гг. в Вятском училище для распространения сельскохозяйственных и технических знаний, пользовавшемся весьма дурной репутацией у полицейского начальства. В Петербурге Халтурин сумел очень быстро занять авторитетное положение среди передовых рабочих. Плеханов помнит его уже в 1875—1876 гг. деятельным пропагандистом. В своем «Русском рабочем в революционном движении» Плеханов оставил нам подробную характеристику Халтурина. Плеханов говорит об «огромном влиянии», «своего рода диктатуре» Халтурина, объясняя это его «неутомимым вниманием» ко всякому делу. Он всегда оказывался наилучше подготовленным к обсуждаемым вопросам, «он выражал общее настроение», «не было такой ничтожной практической задачи, решение которой он

[1] Обнорский не был единственным из передовых рабочих — семидесятников, ездивших за границу и непосредственно наблюдавших западно-европейское рабочее движение. Из участников той же группы заводских в конце 1874 г. (после освобождения из-под ареста по делу этой группы) нелегально поехали в Швейцарию Виноградов и Иванайнен; последний после возвращения продолжал революционную работу, Виноградов же надолго попал в тюрьму.

[2] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 9.

беззаботно предоставил бы другим». Но Халтурин был не только превосходным практиком-организатором; он отличался большой начитанностью, умел «горячо, толково и убедительно» говорить, он весь был поглощен общественными вопросами,— «и все эти вопросы, как радиусы из центра, исходили из одного коренного вопроса о задачах и нуждах нарождавшегося русского рабочего движения» [1]. К тому же Халтурин был человек непоколебимого мужества, огромной выдержки и стойкости, что с такой яркостью сказалось во время пребывания его в Зимнем дворце, куда он поступил с террористической целью, увлеченный террористическим поветрием среди народнической интеллигенции. Степана Халтурина, вместе с Петром Алексеевым, весьма высоко оценивал В. И. Ленин, писавший о том, что они среди деятелей своей эпохи занимали «виднейшее место». Ленин говорит о кружке корифеев, «вроде Алексеева и Мышкина, Халтурина и Желябова», которому «доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова» [2]. И. В. Сталин называет Халтурина и Алексеева, вместе с Радищевым и Чернышевским, Желябовым и Ульяновым, в ряду тех представителей революционной России, которые вселяют в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости [3], способное двигать горами, способное творить чудеса. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» Халтурин назван «одним из крупнейших революционеров того времени» [4].

Вместе с личным влиянием Халтурина и Обнорского, большое значение для оформления идейно-политических позиций, легших в основание «Северного Союза», имел тот непосредственный революционный опыт, который был уже накоплен к концу 70-х гг. всем небольшим кругом передовых рабочих в ходе борьбы рабочего класса с капиталистами и стоявшим на страже их интересов царским правительством. Этот опыт сильно обогатился как раз в 1878—1879 гг., когда среди петербургских рабочих, в первую очередь, текстильщиков, разразилось серьезное забастовочное движение [5].

Забастовка, возникшая на Новой бумагопрядильной фабрике, из-за резкого снижения заработной платы и всевозможных прижимок в конце февраля 1878 г. и продолжавшаяся, с перерывом, до 20 марта этого же года, протекала в значительной степени под руководством землевольческой организации, от имени которой выступали Г. Плеханов, М. Попов, Н. Тютчев. Из среды самих рабочих особенно выдвинулся тогда Петр Ани-

[1] Г. В. Плеханов. Соч., т. III, М.—Л., 1923, стр. 196, 197.
[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 20, стр. 224; изд. 4, т. 5, стр. 416.
[3] И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 25.
[4] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 13.
[5] Мы останавливаемся здесь только на рабочем движении в Петербурге, с ходом которого неразрывно связана история «Северного Союза русских рабочих». Следует, однако, учесть также факт распространения рабочего движения и пропаганды среди рабочих вне Петербурга — в Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Ростове-на-Дону и т. д.

симов (Моисеенко), впоследствии — руководитель исторической «Морозовской стачки» [1]. В ходе стачки, рабочим пришлось столкнуться не только с хозяевами, но и с правительственными властями, и, в конце концов, забастовка была подавлена именно насильническими действиями властей. В последние дни стачки толпа рабочих Новой бумагопрядильни явилась к Аничкову дворцу, где жил наследник престола, будущий царь Александр III, и подала жалобу на хозяев, оставшуюся, разумеется, без всяких последствий. Текст ее был написан землевольцами. Сближение с революционерами, по словам Плеханова, не мешало еще тогда «большинству стачечников надеяться на помощь со стороны трона», и от землевольцев то они и требовали — написать прошение, «хо-орошенькую бумажку». Землевольцы заранее морщились, — пишет он, — при мысли о такого рода поручении... Но делать было нечего. Веру в царя нужно было разрушить не словами, а опытом» [2]. Впрочем, другой участник событий, Михаил Попов, вспоминал, что именно Плеханов в самом начале движения выступил перед землевольцами с предложением «сразу превратить стачку в уличную демонстрацию под предлогом подачи прошения наследнику» [3]. Обращение к наследнику заканчивалось словами: *«Если не будут удовлетворены наши справедливые требования, то мы будем знать, что нам не на кого надеяться, что никто не заступится за нас и мы должны положиться на себя и на свои руки»* [4].

Прошло меньше года, и рабочие той же фабрики поднялись снова, когда хозяева решились объявить о расчете 44 рабочих за то, что они «неблагонадежные», «бунтовщики», и при этом еще пригрозили, что вообще заменят рабочих мужчин, ввиду постоянных «бунтов», женщинами и детьми. Начавшись на Новой бумагопрядильне 15 января 1879 г., стачка на этот раз распространилась на расположенную неподалеку фабрику Шау. Рабочими были предъявлены требования об увеличении заработной платы, сокращении рабочего дня, уничтожении штрафов за поломку инструментов во время работы и т. д. Полицейские башибузуки действовали еще более беспардонно, чем во время стачки 1878 г. Зверское избиение толпы рабочих, направлявшейся к градоначальству для предъявления протеста против арестов среди стачечников, массовые ночные облавы в рабочих квартирах, многочисленные аресты и высылки — такими средствами забастовка была опять подавлена.

В проведении стачки 1879 г. участвовали, как и в 1878 г., землевольцы (Ал. Михайлов, Плеханов), участвовали по некоторым сведениям и лавристы; снова встречаем мы во время этой

---

[1] Его именем названа фабрика после Великой Октябрьской социалистической революции.

[2] Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 163.

[3] М. Р. Попов. К истории рабочего движения в конце семидесятых годов, — «Голос Минувшего», 1920—1921 г., стр. 75.

[4] Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 428.

стачки рабочего Моисеенко, нелегально возвратившегося в столицу после высылки его за забастовку прошлого года и выступившего деятельным агитатором и организатором среди рабочих Новой бумагопрядильни и фабрики Шау. Наконец, важно отметить, что во время стачки 1879 г. уже организованно выступил «Северный Союз русских рабочих», с которым был связан и П. Моисеенко [1].

«Союз» окончательно сформировался незадолго до стачки, в конце 1878 г. Первая забастовка рабочих Новой бумагопрядильни в начале этого года, волнения и стачки на ряде других столичных предприятий (в том числе на двух табачных фабриках — в сентябре, на Екатерингофской мануфактуре Кенига — в ноябре) — должны были ускорить его оформление. На общих собраниях 23 и 30 декабря 1878 г. была утверждена «Программа Северного союза русских рабочих», напечатанная в январе 1879 г. в виде воззвания «К русским рабочим» в нелегальной типографии землевольцев.

Появление программы «Северного союза» вызвало большое внимание в тогдашнем революционном мире. «Земля и Воля» откликнулась на нее специальной статьей (автор — Д. А. Клеменц), в которой писала: «Манифест их (рабочих — Ш. Л.) об основании «Северного союза русских рабочих» доказывает нам, что социализм нашел среди русского пролетариата не только убежденных сторонников, но и людей, способных без всякой посторонней помощи организоваться в борющуюся партию, способных на самостоятельную инициативу». Инициатива передовых рабочих, тем не менее, шла в значительной мере вразрез с традиционными воззрениями народничества, что и дало повод землевольческому органу для ряда критических замечаний. Но история революционного движения именно из-за этого, из-за тех новых нот, которые нашли отражение в программе «Северного союза», придает ей особо важное значение.

Программа «Северного союза» подчеркивала значение «рабочего сословия», как выражалась она в духе эпохи, в общественной жизни. «Путем неутомимой и деятельной пропаганды» Северный союз надеялся «достичь тех результатов, которые выдвинут и у нас рабочее сословие и заставят его заговорить о себе, о своих правах». Обращаясь к русским рабочим, «Союз» писал: «Знайте, что в вас заключается вся сила и значение страны... Вы смутно сознаете это, но у вас нет организации, нет идеи, которой бы вы руководились, нет, наконец, нравственной поддержки, столь необходимой для дружного отпора врагу. Но мы, рабочие — организаторы Северного союза, даем вам эту руководящую идею, даем вам нравственную поддержку в сплочении интересов и, наконец, даем вам ту организацию, в какой

---

[1] Автобиография Моисеенко в кн. Н. Батурина «Очерки из истории рабочего движения 70-х и 80-х годов», изд. 2-е, М.—Л., 1925, стр. 53.

нуждаетесь вы» [1]. Если и нет достаточных оснований утверждать, что руководители «Северного союза» вполне сознательно и последовательно разрешали вопрос о тождестве «рабочего сословия» именно с промышленным пролетариатом, то все же можно считать, что инстинктивно, чутьем они уже склонялись к более или менее правильному пониманию вопроса — за это, в частности, говорит дававшаяся ими постановка практических задач движения.

В программе «Северного союза» сильно оттенялась мысль об общности интересов и задач русского и западно-европейского пролетариата. «Наши западные братья,— заявлялось в ней,— уже подняли знамя освобождения миллионов — и нам остается только примкнуть к ним». В другом месте еще точнее подчеркивалось, что «Северный союз» тесно примыкает по своим задачам к «социально-демократической партии Запада». Западные рабочие программы помогли руководителям «Союза» при составлении ими своей программы. В своем ответном письме землевольцам они сами признавали, что «пропитались» (даже «чересчур», как им тогда показалось под влиянием землевольческой критики) «духом различных программ Запада» [2]. На первом плане здесь нужно поставить влияние тогдашней германской социал-демократии. Составители программы «Северного союза», повидимому, пользовались как «готской программой» объединенной германской социал-демократической партии, принятой в 1875 г., так и предшествовавшей ей программой «эйзенахцев» 1869 г. [3].

Наряду с собственным опытом, накопленным в ходе революционной борьбы в России, опыт международного рабочего движения отчасти помог «Северному союзу» сформулировать положение о политической свободе, как необходимом условии для успешной борьбы за экономическое освобождение трудящихся,— положение, не получившее еще тогда признания у большинства ведущей организации революционных народников, вызывавшее еще среди народников большие споры, чем и объясняется недовольная реплика одного из редакторов «Земли и Воли», что «вопросу о влиянии политической свободы в деле борьбы эксплоатируемых с эксплоататорами посвящается слишком много времени, и решается он в программе слишком категорически в утвердительном смысле» [4].

Учету русского опыта и опыта европейского рабочего движения надо приписать появление в программе «Северного союза»

---

[1] Программа здесь и далее цитируется по отдельному листку: «К русским рабочим». Программа «Северного союза русских рабочих». Петербургская вольная типография, 12 января 1879 года.

[2] Революционная журналистика семидесятых годов, стр. 258.

[3] Утверждения, что авторы программы «Северного союза» отдали предпочтение эйзенахской программе, как более принципиально выдержанной, перед более оппортунистической готской программой, нельзя признать убедительными.

[4] Революционная журналистика семидесятых годов, стр. 200.

целого раздела «непосредственных требований» — своего рода программы-минимум, заключавшей в себе следующие пункты: 1) свобода слова, печати, право собраний и сходок, 2) уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям, 3) уничтожение сословных прав и преимуществ, 4) обязательное и бесплатное обучение во всех школах и учебных заведениях, 5) уменьшение количества постоянных войск или полная замена их народным вооружением, 6) право сельской общины на решение дел, касающихся ее, 7) уничтожение паспортной системы и свобода передвижения, 8) отмена косвенных налогов и установление прямого, сообразно доходу и наследству, 9) ограничение числа рабочих часов и запрещение детского труда. Было также включено (как дань «лассальянским» влияниям) требование учреждения производительных ассоциаций, ссудных касс и дарового кредита рабочим ассоциациям и крестьянским общинам. Из требований программы часть совпадает по основному содержанию с соответствующими пунктами эйзенахской и готской программ. Введены были, вместе с тем, требования специфически русские, вытекавшие из особых условий пореформенной России (пункты 2, 6, 7). С другой стороны, некоторые из требований указанных двух программ отсутствуют в программе «Северного союза». Отсутствуют, в частности, требования всеобщего, равного, прямого и тайного голосования при всех выборах в государстве и общине и отделения церкви от государства. Отсутствие первого из этих требований в особенности обращает на себя внимание. Оно, несомненно, было связано с теми опасениями в отношении представительного правления, которые проявляли народники и у них в какой-то мере заимствованы были руководителями «Северного союза», воздержавшимися от включения в свою программу требования демократической конституции.

Идейная зависимость от народничества еще больше сказалась в формулировке программой «Северного союза» некоторых из конечных целей движения. После первого основного пункта, выдвигавшего задачу ниспровержения «существующего политического и экономического строя государства, как строя крайне несправедливого», дальнейшие пункты формулированы были в значительной степени в духе народнических лозунгов «свободной федерации общин», основанной на «началах русского обычного права», и т. д. Недостаточная зрелость мысли авторов программы выразилась также в их апелляции к «непонятому и позабытому» учению Христа, в их попытках представить современное социалистическое движение пролетариата как воскрешение «учения Христа о братстве и равенстве». Все эти недостатки не лишают программное выступление «Северного Союза» крупнейшего значения важной вехи в развитии русского рабочего движения. В лице основателей «Союза» последнее начало изживать анархо-народнический аполитизм, выдвигало, хотя и не во всем достаточно отчетливо, самостоятельные задачи перед рабочим клас-

сом и поворачивалось лицом к общей борьбе пролетариата всех стран, подчеркивая свою кровную связь с ним. Ленин впоследствии писал о двух рабочих союзах 70-х гг., «Южнорусском» и «Северном», что «эти рабочие организации требовали политических прав народу, хотели вести борьбу за эти права, а русские социалисты ошибочно считали тогда политическую борьбу отступлением от социализма» [1].

Большой интерес, наряду с программой, представляет напечатанное в «Земле и Воле» письмо «Северного Союза русских рабочих». «Земля и Воля», в уже отмеченной статье Дм. Клеменца, упрекнула авторов программы в эклектизме и непоследовательности. Приветствуя те положения программы, которые он находил отвечающими воззрениям народников, Клеменц с неодобрением отметил наличие в ней параграфов, которые «прямо взяты из катехизиса немецких социал-демократов», и особенное недовольство высказал, как мы видели, в связи с вопросом о значении политической свободы. В своем ответе руководители «Северного Союза» отстаивали свою программу, хотя признавали одновременно справедливость некоторых из сделанных по ее адресу упреков (прежде всего, по поводу недооценки в ней аграрного вопроса). Ответное письмо «Союза» проводило резкую грань между пробудившимися к сознательной общественной жизни пролетариями и какими-нибудь Сысойками, обитателями решетниковской Подлипной, которые «дальше своей деревни да назойливого попа соседнего селения ничего не ведают». Рабочие с гордостью подчеркивали, что они уже вышли из условий этой жизни, они уже сознают происходящее вокруг них. «Мы сплачиваемся,— говорили рабочие,— организуемся, берем близкое нашему сердцу знамя социального переворота и вступаем на путь борьбы. Но мы знаем также, что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, дозволит нам правильнее развить свое мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды,— и вот мы, ради сбережения своих сил и скорейшего успеха, требуем этой свободы, требуем отмены разных стеснительных «положений» и «уложений» [2].

Как отмечено, авторы ответа в «Земле и Воле» признали справедливость упрека в недостаточном внимании к аграрному вопросу. Они заявляли в своей статье о необходимости пополнения программы требованием увеличения крестьянских наделов за счет незанятых и помещичьих земель, а также отмены крестьянских повинностей, кроме тех, которые идут прямо на удовлетворение нужд и потребностей самой крестьянской общины и на устройство школ.

Тот же ответ рабочих землевольцам содержал и некоторые фактические данные о работе «Союза». Судя по ответу, «Союз»

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 4, стр. 237.

[2] Революционная журналистика семидесятых годов, стр. 257—258.

в то время — в начале 1879 г.— насчитывал в Петербурге около 200 членов, да еще столько же примыкающих к нему.

Большинство членов, как вспоминает Плеханов, принадлежало к числу «заводских», металлистов. В каждом крупном рабочем районе Петербурга была местная группа «Союза», со своей кассой и конспиративной квартирой, со своим небольшим местным комитетом, члены которого входили одновременно в центральную группу; в ведении последней находились общие дела «Союза», общая его касса и библиотека. Центральная касса, как указывалось в программе, предназначалась «исключительно на расходы, необходимые для выполнения планов Союза, и на поддержку рабочих во время стачек».

«Северный союз» рассматривал свою организацию, как исходную базу для создания всероссийской рабочей организации Программа возлагала на комитет «Союза» «сношения с представителями провинциальных кружков и фракций рабочих России, принявших программу «Северного союза». С планами построения общерусской организации, видимо, была связана поездка Халтурина в Сормово, предпринятая еще летом 1878 г. (Халтурин проработал здесь два месяца на заводе Бенардаки). Определенные шаги к созданию отдела «Северного союза» были сделаны в Москве. Однако, руководство этой работой было поручено человеку, оказавшемуся злостным предателем-провокатором. Это был Николай Рейнштейн, слесарь железнодорожных мастерских в Петербурге, затем в Москве, близкий знакомый Обнорского. Через Рейнштейна политическая полиция была в курсе многих дел как самого «Северного союза», так и революционного подполья вообще. Н. Рейнштейн (вместе с «работавшей» с ним для полиции женой его Т. Рейнштейн) не только провалил осуществление московских проектов «Северного союза», но нанес тяжелый удар всей его центральной работе. Вследствие его предательства был арестован в конце января 1879 г. Обнорский и рушились планы оборудования собственной типографии «Союза» и издания его печатного органа, над реализацией которых много трудился Обнорский, специально для этого ездивший во второй половине 1878 г. за границу [1].

Интересно отметить и то, что с «Северным союзом» связаны первые организованные сношения между русскими и польскими рабочими. Программа «Северного союза» была доставлена в Варшаву и неоднократно читалась, как устанавливают прокурорские «Материалы для истории революционного движения в Царстве Польском», на сходках польских рабочих и интеллигентской молодежи. По сообщению Плеханова, «варшавские рабочие приветствовали петербургскую организацию адресом, в котором говорили, что пролетариат должен быть выше национальной вражды и преследовать общечеловеческие цели. Союз отвечал им

[1] Провокатор Рейнштейн был убит в Москве революционерами из «Земли и Воли».

в том же духе, выражал надежду на скорую победу над общими врагами и заявлял, что не отделяет своего дела от дела рабочих всего мира» [1].

Замыслы и планы у «Северного союза» были очень широкие, он мечтал стать, как говорилось в его программе, «великим Союзом». Но обстоятельства мало благоприятствовали этому. Внешние препятствия, с одной стороны, и некоторые особенности хода самого революционного движения в стране, с другой, одновременно подрывали развитие его деятельности. В то время, когда Обнорский, Халтурин и их ближайшие товарищи прилагали усилия к тому, чтобы вызвать к жизни революционно-социалистическую организацию рабочего класса, среди революционной интеллигенции, да в значительной мере и среди части самих рабочих, стали резко усиливаться террористические настроения. Признание необходимости преобразований и политических свобод, нашедшее выражение в программе «Северного союза», через 8—9 месяцев получило формальное право гражданства в программе вновь возникшей партии народовольцев, добивавшейся их осуществления не на путях массовой организационной и пропагандистско-агитационной работы, а на путях заговора и террора, не совместимых с ростом массового движения. Руководитель «Северного Союза» Халтурин, по свидетельству Плеханова, был сначала «решительным противником террора» именно потому, что «террор мешает организации, а следовательно, и вообще политическому воспитанию рабочих» [2]. Но народники,— пишет «Краткий курс»,— заставили Халтурина «прекратить работу по организации революционного рабочего класса и целиком заняться террором» [3].

«Союз», таким образом, довольно скоро уже после своего оформления начинает вступать в полосу внутреннего кризиса. Но он еще успел сделать попытку к разрешению одной из задач, к которой с большой настойчивостью стремились раньше его основатели,— к созданию своего рабочего органа печати.

В ответном письме в редакцию «Земли и Воли» руководители «Союза» писали: «...вопросы, в которых весь «Союз» заинтересован так близко, мы намеревались разобрать на столбцах своей газеты, где, между прочим, постарались бы развить и сущность нашей программы. Но, к сожалению, это желание, близкое уже к осуществлению, по обстоятельствам, от нас независящим, так и осталось пока желанием. Мы лишились посему на время одного из самых важных рычагов нашей агитационной деятельности — печатного слова и лишили в то же время рабочую и крестьянскую массу той пищи, в какой она теперь наиболее нуждается... Поэтому с искренним сочувствием мы отнеслись к дошедшему до нас слуху, что вы намерены в скором времени

---

[1] Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 186.
[2] Г. В. Плеханов. Соч., т. XII, М., 1924, стр. 202.
[3] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 13.

выпустить в свет народную социалистическую газету»[1]. Но ни сами землевольцы «народной» газеты не выпустили, ни сменившие их народовольцы и чернопередельцы не делали таких попыток до конца 1880 г., когда эти группы приступили к выпуску: народовольцы — «Рабочей газеты»; чернопередельцы — рабочего листка «Зерно». Поэтому, выпущенный в феврале 1880 г. остатками «Северного союза» листок «Рабочая Заря» оказался вообще первым опытом подпольной рабочей газеты в России. Первый, оказавшийся и единственным, номер «Рабочей Зари» состоял всего из одной статьи, по характеру имевшей значение передовицы. Она начиналась с выражения солидарности с действующими революционными организациями, в связи с происшедшим непосредственно перед тем провалом тайных типографий «Народной Воли» и «Черного Передела». В основной своей части статья посвящена была характеристике угнетенного положения рабочей массы и выяснению необходимости революционной борьбы против правительства и капиталистов. «Вместо существующей ныне в человеческих отношениях борьбы всех противу всех», провозглашались лозунги «братства, равенства и свободы для всех». Путь к осуществлению этих лозунгов, к переходу в руки трудящихся земли, фабрик и заводов «Рабочая Заря» видела в соединении для общего действия, в единодушии и сплоченности рабочих масс. В качестве примера, которому должно следовать, «Рабочая Заря» указывала на движение рабочих в Англии, Франции и Германии, где, «несмотря на все гонения», союзы рабочих насчитывают уже миллионы членов, где рабочие стали «грозной силой», они — «близки к победе»[2].

«Рабочая Заря» была отпечатана небольшим числом экземпляров в подпольной типографии, оборудованной самими рабочими. Ближайшими участниками организации типографии и выпуска газеты были рабочие А. П. Павлов, И. А. Гусев, Г. И. Налетушкин, А. А. Григорьев. В марте 1880 г. типография была арестована. Названные четверо рабочих были высланы, из них Павлов и Гусев — в Сибирь. За отказ в тюрьме принести присягу новому царю Александру III вместо Западной Сибири они попали в Якутскую область.

Создание типографии и издание «Рабочей Зари» были последними организованными актами «Северного союза русских рабочих».

При всем его выдающемся историческом значении, «Северный Союз», как и другие организационные образования русских рабочих 70-х гг., еще не был и не мог быть, конечно, действительно массовым объединением. Ленин в 1912 г. указывал на то, что семидесятые годы затронули только ничтожные вер-

---

[1] Революционная журналистика семидесятых годов, стр. 260.

[2] А. Шилов. Последняя страница из жизни «Сев. рабочего союза» в Петербурге в 1880 г. «Красн. Летопись», № 2—3, 1922 г., стр. 286—288

хушки рабочего класса, а «масса еще спала» [1]. Разумеется, не был отнюдь «Северный Союз» и марксистской организацией — до этого ему было еще весьма далеко. «...В общем потоке народничества, — указывает В. И. Ленин, — пролетарски-демократическая струя не могла выделиться. Выделение ее стало возможно лишь после того, как идейно определилось направление русского марксизма... и началось непрерывное рабочее движение в связи с социал-демократией» [2].

Характеристику общего хода рабочего движения 70-х гг. в его соотношении с движением тогдашней революционной интеллигенции И. В. Сталин дал в своей известной статье (1901 г.) «Российская социал-демократическая партия и ее ближайшие задачи». Сравнивая развитие социалистического движения в России и на Западе, И. В. Сталин указывал: «И в России социалистам долго пришлось блуждать вслепую, прежде чем они дошли до социал-демократического сознания — научного социализма. И здесь были социалисты, было и рабочее движение, но они шли независимо друг от друга, сами по себе: социалисты — к утопической мечте («Земля и воля», «Народная воля»), а рабочее движение — к стихийным бунтам». И. В. Сталин подчеркивает, что отсутствие у социалистов почвы среди трудящегося населения делало их борьбу бесплодной. «Русские социалисты сблизились с рабочей массой лишь в начале 90-х годов. Они увидели, что спасение — лишь в рабочем классе и что только этот класс осуществит социалистический идеал» [3].

§ 7. Революционное и оппозиционное движения на рубеже 70-х и 80-х гг.

Вторая революционная ситуация.

Конец 70-х гг. ознаменован новым резким обострением общественно-политической борьбы в России. В. И. Ленин говорит в связи с ним о новой, второй после периода крестьянской реформы, «волне революционного прибоя», о новой «революционной ситуации» в России [4].

Аналогичного характера оценку положения в России конца 70-х — начала 80-х годов мы находим и у Маркса и Энгельса, которые были современниками этой второй революционной ситуации в России.

Маркс еще в 1877 году предполагал, что «революция начнется на этот раз на Востоке» [5]. Энгельс несколько раз в конце

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 18, стр. 276.

[2] Там же, т. 20, стр. 224.

[3] И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 13.

[4] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 5, стр. 41 и изд. 4, т. 21, стр. 190.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 480.

70-х и начале 80-х годов высказывал мнение, что Россия находится накануне социального переворота [1]. Вторая революционная ситуация 1879—1880 годов, подобно первой революционной ситуации 1859—61 гг., была вызвана всем ходом предшествующей социально-экономической и политической жизни страны.

Социальные противоречия, созданные реформами 60-х годов, к концу 70-х резко обострились, и это создало в России состояние острого кризиса. К этому времени итоги «эпохи реформ» уже вполне выявились. Страдавшее от недостатка земли, переобремененное платежами в пользу помещиков и государства крестьянство нищало. В 1879—80 гг. плохие урожаи еще более ухудшили положение деревни. В 1879 и 1880 годах два года подряд сбор хлебов был значительно меньше обычного, особенно в 1880 году. В то время как в 1877 году сбор хлебов составил 2,1 млрд. пудов, в 1878 г. — 2,2 млрд. пудов, в 1879 г. он снизился до 1,8 млрд., а в 1880 г. до 1,7 млрд. пудов.

В начале 1880 г. записка московских либералов, поданная Лорис-Меликову, утверждала, что народный «достаток» — по единодушному свидетельству всех наблюдателей хозяйственной жизни — «не только не возрастает, а даже падает», и при этом поясняла: «В настоящую минуту треть России страдает от скудного продовольствия; кое-где дело дошло до настоящего голода. В южном крае хлебный жук готовит новые опустошения. В целом ряде губерний свирепствует дифтерит и другие повальные болезни» [2]. Сам Лорис-Меликов осенью того же года, в докладе Александру II о политическом состоянии России, указывал, что «...в некоторых губерниях неурожаи повторяются несколько лет сряду, и при новом недороде хлебов положение может осложниться, повлияв на успешное поступление податей и угрожая, при подстрекательстве неблагонамеренных людей, беспорядками в крестьянском населении» [3]. Демократические круги оценивали в это время экономическое положение деревни еще неизмеримо резче.

Обострение бедствий народных сказывалось, разумеется, на крестьянских настроениях, усиливало враждебность к крепостническим пережиткам, к помещичьему землевладению, побуждало с еще большим вниманием и нетерпением прислушиваться к слухам и толкам о неизбежности перемен, о новом переделе земель.

Особенностью нового общественного подъема, сравнительно с периодом падения крепостного права, было то, что в нем отразилась уже и новая, капиталистическая группировка классовых сил, и потому заметное место, наряду с крестьянским, заняло уже движение рабочих, направленное и против капиталистической эксплоатации, и против гнета самодержавия.

---

[1] Там же, т. XXVII, стр. 59.
[2] С. Муромцев. Статьи и речи, вып. V, М., 1910, стр. 35.
[3] «Былое», 1917, № 4, стр. 35.

Мы раньше останавливались на некоторых конкретных проявлениях рабочей борьбы в конце 70-х гг. Сейчас следует отметить, что подъем рабочего движения на исходе десятилетия побудил часть народнической революционной среды, хотя и не отказавшуюся от своих общих принципиальных установок, специально поднять вопрос о задачах революционеров по отношению к движению рабочих. Плеханов свою передовую статью в номере «Земли и Воли», печатавшемся в феврале 1879 г., посвятил ему. Он ссылался при этом именно на «волнения фабричного населения, постоянно усиливающиеся и составляющие теперь злобу дня». «Вопрос о городском рабочем,— писал Плеханов,— принадлежит к числу тех, которые, можно сказать, самою жизнью самостоятельно выдвигаются вперед, на подобающее им место, вопреки априорным теоретическим решениям революционных деятелей» [1]. Рабочее движение **заставляло** говорить о себе, превращалось уже временами в *«злобу дня»*.

Для самого конца изучаемой полосы (1880—1881) характерно обострение бедствий рабочих масс в связи с надвигавшимся промышленным кризисом и вызывавшейся им массовой безработицей. Обострение свыше обычного нужды и бедствий угнетенных и их повышенная активность характерны для 1879—80 гг.

* *
*

Нет сомнения, что в усилении брожения среди крестьянства и в повышении активности рабочего авангарда в конце 70-х гг. выразилось, наряду с работой длительно и исподволь действовавших внутренних экономических и политических факторов, также и воздействие на настроения народных масс тех международных событий, ближайшей участницей которых стала Россия в те годы.

Эти же события (русско-турецкая война 1877—1878 гг., ее подготовка, ход и последствия) большое влияние оказали как на широкий слой русской демократической интеллигенции, так и на различные круги дворянского и буржуазного либерального и полулиберального общества.

Начиная войну против «больного человека» — Турции, царизм сильно переоценивал собственную мощь и недооценивал силу сопротивления противника. Незавершенность военных реформ, бюрократизм военно-административного аппарата, крупнейшие недостатки по части вооружения и снабжения, бездарность командования, злоупотребления и хищения — были причиной ряда неудач. Страшные потери, понесенные русскими войсками при трех штурмах Плевны, неслыханные лишения, испытывавшиеся солдатами в «шипкинском сиденьи», громадное количество

[1] Революционная журналистика семидесятых годов, Ростов-на-Дону, стр. 194.

жертв, унесенных болезнями, превышавшее число павших в боях, — все это вызывало тревогу и возбуждение. Даже такой реакционный деятель, как Победоносцев, в то время писал (наследнику престола, будущему царю Александру III) о «грубых, невежественных ошибках нашего главного военного начальства, о наших героях, которым достаточно надивиться нельзя и которые гибнут тысячами от неразумных, невозможных распоряжений начальства»; даже Победоносцев тогда признавал, что «надо серьезно подумать, надо что-нибудь делать, надо искать других людей и другой системы» [1].

Численное превосходство русской армии и храбрость русских солдат, в конце концов, помогли справиться с положением. «Героем оказался все тот же народ»,— справедливо писал журналист Г. Градовский в статье об «Итогах войны» [2]. Но этот народ-победитель, как и прежде, остался, конечно, ни при чем. Исполнение его заветных желаний, касавшихся земли и воли, не подвинулось ни на шаг вперед.

Обманутыми оказались и конституционные мечтания либерального общества, которое надеялось, что правительство, провозгласившее лозунг освобождения славянского населения Турции, подумает об уступках в собственной стране.

«...Правительство наше по окончании войны необходимо должно будет дать конституцию, если не захочет в конец разориться и показаться смешным в глазах русского общества и целой Европы»,— в этом заявлении одного из подсудимых по делу 193-х выражено мнение сравнительно широких общественных кругов во время войны [3]. Через два года Муромцев, в записке, поданной Лорис-Меликову от группы московских либералов, писал: «...Русское общество инстинктивно ожидало, что великое дело освобождения соплеменных народов должно будет сопровождаться и внутренним освобождением» [4].

Но предсказания не оправдались, и либеральное общество чувствовало себя задетым. Болгарию превратили в конституционное государство, «вчерашних рабов сделали гражданами.., а сами вернулись домой попрежнему рабами» [5] — такие речи раздавались повсюду. Тяжелый удар, нанесенный дипломатическому престижу царской России после войны (пересмотр условий Сан-Стефанского договора), еще более усилил недовольство либерального общества неудачливым правительством.

В повышенной общественной атмосфере военного времени произошли два события, оказавшие влияние на дальнейший ход дел: процесс «193-х» и дело Веры Засулич.

---

[1] Письма Победоносцева к Александру III, т. 1, М., 1925, стр. 69, 72.

[2] Г. К. Градовский. Итоги, Киев, 1908, стр. 181.

[3] Письма участников процесса 193-х — «Красный Архив», 1924, т. V, стр. 142 (Письмо А. И. Ливанова).

[4] Сергей Муромцев. Статьи и речи. Вып. VI, М., 1910. стр. 38.

[5] И. И. Петрункевич. Памяти В. А. Гольцева, сб. «Памяти Викт Ал. Гольцева», М., 1910, стр. 102.

Процесс «193-х» (октябрь 1877 — январь 1878 г.) являлся значительнейшим в ряду крупных политических процессов, начатым делом о «Казанской демонстрации», за которым последовали дела «50-ти» и «Южно-российского союза рабочих». Процесс 193-х, по которому судились за пропаганду среди рабочих и крестьян деятели петербургской революционной организации начала 70-х гг. (Синегуб, Чарушин, Перовская и др.) — участники «хождения в народ», выделялся даже на фоне указанных дел как своей грандиозностью, так и исключительной обстановкой, в которой он протекал. Подсудимые провели в предварительном заключении до 3—4 лет; из числа привлеченных более 50 человек до суда умерли, покончили самоубийством или сошли с ума. На самом суде, фактически закрытом, обвиняемые были поставлены в особо неблагоприятные условия, при которых им невозможно было осветить подлинный характер дела. Поэтому большинство из них решило протестовать против комедии правосудия и уклониться от всякого участия в судебном следствии, а также совершенно отказаться от защиты.

Кульминационного пункта происходившая на суде борьба между революционерами и правительством достигла в ярком и мужественном выступлении Мышкина. Внимание всей молодежи было приковано в течение нескольких месяцев к этому процессу. В высших учебных заведениях столицы происходили многолюдные сходки, на которых выступали ораторы-землевольцы. В Петербурге распространялся составленный Плехановым проект адреса министру юстиции Палену, которому от имени студенчества задавался вопрос, признает ли он в отношении социалистов «то, что называется неотъемлемыми правами личности», или «русское законодательство и впредь будет расправляться с социалистами так, как башибузуки расправляются с болгарами» [1]. От имени московских студентов тоже была распространена прокламация, призывавшая общество к протесту против правительственных насилий. Исход дела 193-х дал новую пищу общественному негодованию. По приговору сената почти половина подсудимых была признана вовсе невиновной, а многим было вменено в наказание предварительное заключение. Даже для осужденных сенат вынужден был хлопотать перед царем о значительном облегчении постановленных им наказаний. Но, по представлениям шефа жандармов Мезенцова и министра юстиции Палена, Александр II отказался удовлетворить ходатайство своего высшего судилища [2].

Весьма показательным для общественных настроений того времени явилось знаменитое дело Веры Засулич, судившейся 31 марта 1878 г. за то, что 24 января того же года — на другой день после окончания процесса «193-х» — она ранила петербургского

[1] Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. 1, М., 1934, стр. 381.
[2] Ш. Левин. Финал процесса 193-х, Красный Архив, 1928, т. V (30), стр. 184—199.

градоначальника Трепова, в ответ на гнусное насилие (наказание розгами), учиненное по его распоряжению над заключенным революционером-землевольцем Боголюбовым-Емельяновым.

Судили Засулич как уголовную преступницу, обычным судом присяжных. В составе последних были люди среднего достатка, петербургские обыватели, чиновники, далекие от революции и революционеров. Но и они поддались общему настроению, враждебному царскому деспотизму, произволу царской администрации, и они прошли через тревоги и разочарования русско-турецкой войны. В результате эти люди вынесли оправдательный вердикт Вере Засулич, а присутствовавшая в зале «избранная», привилегированная публика встретила этот приговор громким одобрением, которое разделило с нею все прогрессивное в обществе и в печати. Разумеется, наиболее возбужденно реагировала на оправдание Засулич молодежь, ответившая на него еще небывалой по масштабу уличной демонстрацией у здания суда [1].

Дело Засулич, превратившееся в суд над существующим режимом, показало воочию, что страна задыхается в тисках самодержавия и что даже самые умеренные элементы готовы при случае присоединить свой голос к хору противников правительства.

В те и ближайшие месяцы создавалась благоприятная почва для возрождения либерально-конституционного движения.

Вторая половина 60-х и первая половина 70-х гг. были временем затишья либерального движения. Конечно, либерализм, как общественное направление, отнюдь не исчез тогда с исторической арены. Но его существенные проявления носили в эти годы почти исключительно литературный характер [2]. Притом умеренность и «осторожность», всегда свойственные либералам, после упадка общественной волны, определившегося в 1862—

---

[1] Кроме студентов и молодой демократической интеллигенции вообще, в демонстрации по поводу суда над Верой Засулич принимали участие и рабочие (см. газету «Русский мир», 1878, № 88, стр. 2).

[2] Впрочем, и в этот период имели место отдельные оппозиционные или полуоппозиционные попытки внелитературного характера. Так, в 1867 г. Петербургское губернское земское собрание вступило в конфликт с администрацией на почве применения изданного перед тем закона, ограничивавшего земские права в области обложения. При этом собрание высказалось в пользу обсуждения затронутых законом вопросов «совокупными силами и одновременным трудом центральной администрации и земства». По царскому «повелению», губернское собрание было распущено, и вся деятельность петербургского земства была (временно) прекращена. В 1870 г. Московская городская дума приняла адрес Александру II, где просила о «довершении» им своих «благих начинаний», и «первее всего» — о «просторе мнению и печатному слову», а также «свободе церковной», «свободе верующей совести». Адрес хлопотал о «доверии со стороны царя к своему народу», обещая «разумное самообладание в свободе и честность в покорности со стороны народа». Адрес, в котором согласно совершенно искренним, конечно, заверениям московского славянофильского деятеля Ив. Аксакова, не было ни «скрытого посягательства на самодержавную власть», ни «требования политических прав», был враждебно встречен царем и его окружением.

64 гг., еще усилились. Оппозиция со стороны либералов к усвоенному правительством твердому реакционному курсу держалась в большой мере на почве культурных дел и вопросов (выступления против политики министра просвещения Дм. Толстого и т. д.). К борьбе революционно-демократической интеллигенции либералы в 70-х (как и раньше в 60-х) годах продолжали относиться отрицательно и враждебно. Видный либерал К. К. Арсеньев на страницах наиболее влиятельного либерального журнала «Вестник Европы» (выходил в Петербурге с 1866 г.) в начале 70-х гг. утверждал, что «исторический опыт» будто бы свидетельствует о «полном отсутствии» в России «материалов и условий для насильственного переворота». Заявляя, что «членами тайных обществ у нас могут быть только люди незнакомые с жизнью, с Россией», он призывал революционную молодежь признать «бесплодность жертв», которые она приносит [1]. Самые требования (или, точнее, пожелания), которые выдвигались либералами, носили крайне робкий и куцый характер. Ограниченная монархическая конституция являлась политическим идеалом либерализма, но о ней позволяли себе мечтать далеко не все тогдашние русские либералы.

Из числа либералов-конституционалистов можно назвать небольшую группу московских молодых ученых и литераторов (Посников, Чупров, Соболевский и др.), связанных с газетой «Русские ведомости». Они в 1873 г. на маленьком совещании в Гейдельберге договорились о некоторых основаниях программы, в которой нашла отражение и идея конституции [2]. Молодой юрист и журналист (также москвич) Виктор Гольцев в 1875 г. в открытом письме к редактору «Вперед» П. Л. Лаврову выставил в качестве основной ближайшей общественной задачи — необходимость «добиться чего-либо подобного хоть германской конституции»; одновременно он горячо защищал стремление «русских конституционалистов» — «оставаться на законной почве» и решительно протестовал против «зажигательной пропаганды», обращенной к народу [3].

Либеральная позиция у революционеров-семидесятников вызывала не просто критическую, но и презрительную оценку. «Что делают либералы для завоевания политической свободы?» — спрашивал автор (или авторы) рукописной брошюры «По поводу собрания русской народной партии 6 декабря 1876 г.» — «Самое страшное, — отвечал он, — показывают правительству угрожающий кукиш в кармане, шепчутся между собою с боязливым оглядываньем вокруг и самодовольно подмигивают друг другу, что вот они ведут с правительством такую тонкую политику, что

---

[1] К. К. Арсеньев. За четверть века. Пгр., 1915, стр. 49—50.

[2] «Русские ведомости», 1863—1913. Сборник статей. М., 1913, стр. 13—14.

[3] «Вперед», № 21, от 15 (3) ноября 1875 г., стб. 656. — Отметим, что другой представитель русского либерализма — И. С. Тургенев — в середине 70-х гг. ежегодными денежными взносами поддерживал издание органа Лаврова «Вперед».

они его скоро проведут, и, ох — как славно проведут... Но зайцу не провести волка» [1].

Масштабы либерального движения значительно расширяются во второй половине и, главным образом, в конце 70-х гг.; но трусливый и предательский в отношении демократических сил характер либеральной политики, по существу, не меняется.

Правительство само в 1878 г. подало внешний повод для новых открытых выступлений либералов, имевших опорную базу в некоторых земствах. После того, как в августе 1878 г. в Петербурге был убит Кравчинским шеф жандармов Мезенцов, причем террористам удалось благополучно скрыться, правительство опубликовало в «Правительственном Вестнике» призыв к обществу о поддержке в борьбе против революционеров. В ноябре 1878 г. Александр II лично повторил этот призыв в речи, произнесенной в Москве к представителям сословий.

Эти обращения вызвали ряд адресов со стороны земств. В большинстве, как должен был признать один из видных земцев-либералов И. Петрункевич,— это были адреса «пошлые, униженные, вполне ничтожные» [2]. Лишь отдельные земства решились выступить с критикой политики правительства и в той или иной форме защищали необходимость политических свобод, расширения компетенции органов местного самоуправления, изменения постановки школьного дела, наконец, намекали на желательность введения конституции, ссылаясь на предоставленное «освобожденному от турецкого ига болгарскому народу» «истинное самоуправление» [3]. Однако и в этих адресах выражалась в принципе готовность посильно бороться с «крамолой». По верному указанию тогдашней нелегальной печати, аргументация даже либеральных земств сводилась к следующему: «В России, мол, существует действительно огромное зло — социалистическая пропаганда и агитация — и земство признает необходимость бороться с ним, но не имеет средств для этого; дайте, мол, нам средства, и мы искореним социалистов много лучше, чем может это сделать правительство» [4].

Самое левое крыло земско-либерального движения конца 70-х гг. представляла группа черниговских земцев, возглавлявшаяся И. Петрункевичем и А. Линдфорсом и имевшая связь с либеральными кругами в других местах, а прежде всего с тверскими земцами. Петрункевич и Линдфорс вели в декабре 1878 г. переговоры с южными народниками-террористами (Осинским и др.), побуждая их к «временному прекращению разрушительной деятельности». Переговоры окончились безрезультатно.

---

[1] Первая рабочая демонстрация в России, М.—Л., 1927, стр. 70.

[2] Брошюра И. И. Петрункевича «Ближайшие задачи земства» — перепечатана в «Юбилейном земском сборнике», СПб., 1914, стр. 430.

[3] См. «Записку Тверского земства» в Прибавлении к № 4 «Земли и Воли» от 8 марта 1879 г.

[4] То же «Прибавление» (анонимная статья, принадлежащая перу Д. А. Клеменца).

Революционеры не пошли, как отмечает Ленин, на прекращение или приостановку военных действий [1].

В январе 1879 г. на губернском земском собрании в Чернигове был выработан и одобрен гласными проект ответа на обращение правительства, наиболее радикальный из всех аналогичных «ответов», не допущенный, однако, начальством к оглашению [2]. Позиция данной группы либералов нашла выражение в статье Петрункевича «Ближайшие задачи земства», написанной в марте 1879 г. «В настоящую минуту, — говорилось в статье, — земство должно написать на своем знамени три положения: свобода слова и печати, гарантия личности и созыв учредительного собрания» [3].

По инициативе Петрункевича, при ближайшем участии В. Гольцева, в конце марта — начале апреля 1879 г. в Москве был созван «земский» съезд, в котором, наряду с земцами, участвовали журналисты, адвокаты, врачи и т. д. (И. и М. Петрункевичи, П. и А. Бакунины, Гольцев, Родичев, Чупров, Линдфорс и др.). Все участники высказались за конституционный порядок и необходимость распространения на местах конституционных идей. Характерно, однако, что мысль об организации тайного общества для борьбы за конституцию была отвергнута даже на этом съезде, где собрались наиболее «левые» и «активные» деятели либерального движения, и что единственным, намеченным съездом практическим средством оказались все те же «адресы» правительству. Либеральное общество снова доказывало свою, по словам Ленина, «политическую незрелость, неспособность поддержать борцов и оказать настоящее давление на правительство» [4].

* *
*

Окончание съезда земцев совпало с первым, после каракозовского выстрела, покушением революционеров на жизнь Александра II. Это покушение явилось свидетельством нового поворота народнического движения, подготовлявшегося уже в течение всего 1878 г.

Народники отрицали «политическую борьбу». На почве этого отрицания стояли и народники-землевольцы. Но политическая борьба, так сказать, стихийно врывалась в практику народников. Как справедливо указывает Плеханов, «народники семидесятых годов, осуждавшие борьбу за политическую свободу, как грешную сделку с дьяволом оппортунизма, вынуждены были вести

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 5, стр. 36—37.

[2] В. М. Хижняков. Воспоминания земского деятеля, Пгр., 1916, стр. 151—157.

[3] «Юбилейный земский сборник», стр. 434 (ср. «Вольное Слово», 1883, № 56, стр. 6).

[4] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 5, стр. 36.

ее всюду, где агитация на почве ближайших экономических требований народа приводила их и волнуемую ими массу к столкновениям с правительством»[1]. Это ярко сказалось, в особенности, на городской деятельности народников. Достаточно напомнить, что народническая «Земля и Воля» и заявила-то впервые открыто о своем существовании актом, по существу, политического характера — т. наз. «Казанской демонстрацией». И как бы ни открещивались землевольцы в теории от собственно политических задач, деятельность их, направленная объективно на борьбу с существующим режимом, способствовала усилению политического недовольства и развитию политического движения в стране. В связи с напряженной внутри- и внешнеполитической обстановкой это обстоятельство получало особое значение. Давление этой обстановки, логика их собственного положения (беспощадное преследование правительством малейших попыток войти в общение с народной массой) должны были привести к пересмотру взглядов народнических революционеров на политическую борьбу. Этот процесс и наблюдается на протяжении 1878—1879 гг.

Однако, народническая интеллигенция не могла понять, что только на путях развития массового движения возможно успешное разрешение политических задач. Напротив, чем настойчивее перед народниками вырисовывались эти новые задачи, тем быстрее у них пропадал вкус к деятельности в народе. Катастрофически падал интерес к деревенской работе. Характеризуя настроения этого переходного времени, Вера Фигнер писала в 1883 г. в своих показаниях: «Петербургские члены («Земли и Воли» — Ш. Л.)... с удивлением и презрением стали смотреть на тишину саратовских сел и тамбовских деревень; отсутствие там всяких признаков активной борьбы, видимая безрезультатность пребывания в деревне целых десятков лиц — возмущали их до глубины души»[2]. Упадок интереса к деревенской работе, с другой стороны, не вызвал роста организационной и агитационно-пропагандистской работы среди пролетариата. Сторонники нового, «политического» течения не пересматривали принципиальных взглядов народничества на социально-экономические отношения России. Разочарованные в прежних формах работы, направленных к поднятию крестьянства на «социальную революцию», они переносили теперь свои надежды не на городских рабочих, а главным образом на самих себя, на свою собственную революционную деятельность. Интеллигенция больше, чем когда-либо, становилась в центре всех революционных надежд и планов народничества. При таком положении и настроении большинство народников ухватилось за то средство, которое временно могло создавать иллюзию их силы и успеха, хотя в действительности оно было признаком слабости и вело, в конеч-

[1] Г. В. Плеханов. Соч., т. XII, стр. 82.
[2] «Былое», 1917, № 3, стр. 180.

ном счете, к их поражению и разгрому. Они схватились за оружие индивидуального террора.

Террор начался в 70-х гг., как прием самозащиты и мести против жестокостей и глумлений правительства. Таковы были выступления против шпионов, таков был поступок Веры Засулич. Вскоре взгляд на террор меняется. Н. И. Кибальчич, один из «первомартовцев», показал на допросе: «Сначала я, как и другие революционеры, смотрел на террористические факты, как на действия самозащиты партии против жестокостей правительства... Позднее террористическая деятельность в глазах партии, и в том числе и меня, стала представляться... как орудие борьбы для достижения политического и экономического освобождения народа» [1].

Первыми к такой оценке террора стали склоняться народники, действовавшие на Украине. Систематически отстаивал новые взгляды землеволец Валериан Осинский, действовавший главным образом в Киеве, где он возглавлял отдельный террористический кружок. В тесном контакте с ним находился другой землеволец — Дм. Лизогуб. В октябре 1878 г. Осинский из Одессы извещал товарищей по «Земле и Воле», что он и его группа рассчитывают приступить к изданию журнала на украинском языке «с террористическим направлением». В предсмертном письме к товарищам (он был повешен в Киеве в мае 1879 г.) Осинский утверждал, что «ни за что более», кроме террора, революционная партия в России «физически не может взяться» [2].

Несколько позже, чем на юге, в Петербурге сформировалось внутри землевольческой организации террористическое течение, к которому примкнули Ал. Михайлов, Квятковский, Морозов, Зунделевич, Тихомиров. В их среде нашла горячую поддержку инициатива народника А. К. Соловьева, приехавшего в Петербург с намерением убить Александра II. Это покушение, состоявшееся в апреле 1879 года, оказалось неудачным. Сам Соловьев был схвачен и повешен.

Накануне покушения Соловьева было решено, что типография землевольцев должна временно перестать функционировать и что все «нелегальные» должны уехать из Петербурга, а, следовательно, прекратятся «занятия» в петербургской рабочей среде. Плеханов, который вместе с несколькими своими единомышленниками протестовал против планов террористов, говорил им тогда: «Под влиянием ваших затей наша организация вынуждена покидать одну за другой наши старые области деятельности, подобно тому, как Рим покидал одну за другой свои провинции под напором варваров» [3].

На разрушительное, дезорганизующее революционное движение действие террора законно сетовали руководители «Северного

---

[1] «Былое», 1918, № 4—5 (10—11), стр. 297.
[2] Революционная журналистика семидесятых годов, стр. 305.
[3] Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV, М.—Л., 1927, стр. 305.

союза русских рабочих». «Чистая беда, — восклицал Халтурин, — только-только наладится у нас дело, — хлоп! шарахнула кого-нибудь интеллигенция, и опять провалы. Хоть немного бы дали вы нам укрепиться!» [1].

Террор поглощал львиную долю средств организации. По мере его расширения совершенно прекратился приток новых сил в те самые «деревенские поселения», с которыми было связано столько народнических надежд.

Террор усыплял активность масс, перенося центр тяжести борьбы на действия горсти интеллигентов, непосредственный успех которых в их террористических начинаниях ничего не способен был изменить в существующем политическом строе. Отдельные активные рабочие, втягивавшиеся в террористическую деятельность, пропадали для рабочего движения, развитие которого тем самым задерживалось. Вера Засулич, покушение которой на Трепова столь неожиданно для нее самой оказалось предвестником и началом новой, террористической, полосы в народническом движении, свидетельствует: «Рабочие, распропагандированные еще при «Земле и Воле», сами увлеклись террором и приняли в нем блистательное участие; но для этого участия они, по самым необходимым условиям конспирации, должны были совершенно изолироваться от массы своих товарищей. Удаление же из рабочей среды таких людей, как Халтурин и другие рабочие-террористы, не могло не действовать гибельно на едва начавшееся движение» [2].

Марксистско-ленинский взгляд на ошибочность террористических методов, применявшихся народниками, с исчерпывающей ясностью изложен в «Кратком курсе истории ВКП(б)»: «Избранный народниками путь борьбы с царизмом посредством отдельных убийств, посредством индивидуального террора был ошибочным и вредным для революции. Политика индивидуального террора исходила из неправильной народнической теории активных «героев» и пассивной «толпы», ждущей от «героев» подвига. Эта ложная теория говорила, что только отдельные выдающиеся одиночки делают историю, а масса, народ, класс, «толпа», как презрительно выражались народнические писатели, не способна к сознательным, организованным действиям, она может только слепо итти за «героями». Поэтому народники отказались от массовой революционной работы среди крестьянства и рабочего класса и перешли к индивидуальному террору... Народники отвлекали внимание трудящихся от борьбы с классом угнетателей бесполезными для революции убийствами отдельных представителей этого класса. Они тормозили развитие революционной инициативы и активности рабочего класса и крестьянства» [3].

---

[1] Там же, т. III, стр. 202.
[2] В. И. Засулич. Сборник статей, т. II, СПб., 1907, стр. 41.
[3] История ВКП(б), Краткий курс, стр. 12—13.

* *
*

Застрельщики новых методов встретили, особенно на первых порах, сопротивление со стороны части народников. Логика внутренней борьбы внутри общества «Земля и Воля» между террористами и сторонниками прежней тактики привела первых в мае 1879 г. к организации тайной фракционной группы, к созданию организации в организации. В эту группу, названную «Свобода или смерть», вошли Квятковский, Баранников, Морозов, Тихомиров (будущий ренегат), Исаев, Ширяев, Якимова и др. Когда, в связи с наметившимися разногласиями, был решен созыв общего съезда землевольцев, то террористы предварительно устроили свой съезд, опять-таки тайный для организации в целом, на котором присутствовал и будущий вождь «Народной Воли» А. И. Желябов. Съезд террористов состоялся в г. Липецке, общий землевольческий съезд — в г. Воронеже (оба съезда были в июне 1879 г.). На Воронежском съезде из числа «ортодоксальных» народников один Плеханов занял бескомпромиссную позицию, побудившую его, в конце концов, отколоться и покинуть съезд. Позиция большинства его единомышленников была, как он сам сообщает, «э к л е к т и ч е с к о й»[1]. Съезд закончился принятием половинчатого решения — оно требовало «особого развития» террористической борьбы с правительством, наряду с продолжением «работы в народе»[2]. Однако, вскоре после съезда обе стороны стали чувствовать себя стесненными связывавшим их формальным организационным единством, и уже в августе 1879 г. «Земля и Воля» раскололась на две организации — «Народную Волю» и «Черный Передел».

Из этих двух партий первой суждено было сыграть несравненно большую роль в практике революционного движения последующих лет, нежели второй. Большинство радикальной интеллигенции сочувствовало народовольцам, а не чернопередельцам. Внешние обстоятельства тоже неблагоприятно сложились для последних: в первые же месяцы деятельности «Черного Передела» главные его основатели должны были бежать за границу (Плеханов, Стефанович, Дейч, Засулич) или были арестованы (Аптекман, Преображенский). Типография организации провалилась во время печатания первого номера ее органа «Черный Передел». Впрочем, в дальнейшем организация была восстановлена (Аксельрод, Буланов, Загорский и др.). Членами ее делались слабые попытки работы в крестьянстве, в которой теоретически заключался основной смысл чернопередельчества, и более деятельно велась пропаганда и агитация среди рабочих. В течение 1880—81 гг. было издано 5 номеров «Черного Передела» и 6 номеров рабочего листка «Зерно». К зиме 1881—82 гг. суще-

---

[1] Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV, стр. 308.
[2] Архив «Земли и Воли» и «Народной Воли», стр. 150.

ствование «Черного Передела», как организованной партии, в сущности прекратилось, и он распылился в отдельных кружках, более или менее родственных ему по духу.

Интереснее и важнее по последствиям та идейная эволюция, которой отмечена работа некоторых из чернопередельцев. Вначале чернопередельчество пыталось удержаться целиком на прежней позиции землевольчества. В «Письме к бывшим товарищам», опубликованном в № 1 «Черного Передела (автором «Письма» был О. В. Аптекман), против народовольческой позиции в вопросе о необходимости политической борьбы был мобилизован почти весь арсенал традиционных народнических аргументов. Ссылаясь на значение экономических отношений в развитии человеческого общества и на ограниченность европейских буржуазных революций XVIII и XIX вв., приведших к замене одной формы эксплоатации другой, чернопередельческий орган делал абсолютно неправильные выводы о том, что каждая «живая» партия должна избирать «точкою приложения своих сил» только экономические отношения общества, и что политическая борьба, вопрос о завоевании политической свободы являются для социалистов делом более или менее безразличным. Вопреки действительности, «Черный Передел» тогда утверждал, что «лучшие передовые люди на Западе отказались в настоящее время от идеалов политической свободы, как отживших свое время» [1]. Какова на самом деле была точка зрения «лучших передовых людей на Западе», видно из отзыва о чернопередельцах Маркса: «Эти господа, — писал он к Зорге в ноябре 1880 г., — высказываются против всякой революционной политической деятельности. Россия должна одним махом перескочить в анархистско-коммунистически-атеистический рай. Пока же они подготовляют этот прыжок нудным доктринерством, так называемые принципы которого вошли в обиход с легкой руки покойного Бакунина» [2].

Занимая в корне ошибочные позиции по кардинальным вопросам революционного движения, чернопередельцы тем не менее неплохо подмечали и критиковали некоторые порочные стороны народовольчества. Чернопередельцы упрекали народовольцев в том, что они не верят в народ, в народную революцию и отстаивали лозунг реорганизации общественных отношений «при посредстве народа и самим народом». Они критиковали террористическую тактику народовольцев, доказывая, что «кинжал революционеров — недостаточно устойчивая точка опоры для здания политической свободы».

Ход событий в России, а также и отчасти влияние научного социализма и европейского рабочего движения — в умах немногих, лучших, наиболее развитых деятелей подтачивали программно-тактические устои чернопередельчества. Уже во втором своем номере в сентябре 1880 г. «Черный Передел» заявлял (в статье

---

[1] «Черный Передел» № 1, 15 января 1880 г., стр. 7—13.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 100.

Г. В. Плеханова) о сочувствии политической борьбе, хотя и значительно обесценивал еще это признание оговоркой, что она имеет «лишь второстепенное значение»; вместе с тем он попрежнему подчеркивал (и это было, конечно, вполне правильно), что «социалистическая «партия» без почвы и влияния в народе, без заботы о их приобретении — это nonsens, «штаб без армии», мнимая величина, не имеющая значения в ходе общественной жизни страны» [1].

Некоторые, наиболее зрелые и подготовленные и в теоретическом и в практическо-революционном отношениях представители «Черного Передела», во главе с Плехановым, подвергают постепенно систематической переоценке все свои прежние взгляды и после нескольких лет исканий и полного идейного перевооружения приходят к марксизму.

Преобладающая роль в русском революционном движении в ближайшие годы после раскола и ликвидации «Земли и Воли» принадлежала «Народной Воле». Ей в большей мере сочувствовали широкие круги демократической интеллигенции России, она же с самого начала пользовалась относительно большими симпатиями со стороны передовых революционных элементов на Западе. Большинство активных революционеров тогдашней русской интеллигенции работало в ее организациях, к которым примкнул и ряд революционеров-рабочих.

Во главе «Народной Воли» стоял ее «Исполнительный Комитет», в состав которого входили Желябов, Александр Михайлов, Фроленко, Морозов, Тихомиров, Квятковский, Баранников, Ширяев, Перовская, Фигнер, Ошанина, Якимова, А. П. Прибылева-Корба и др. В рядах «Народной Воли» особенно развернулись некоторые из них, как, например, Желябов, Вера Фигнер. Желябов был, несомненно, самым крупным деятелем среди руководителей «Народной Воли».

Сын крепостного крестьянина Таврической губернии, Андрей Иванович Желябов (1850—1881) по счастливому стечению обстоятельств получил возможность окончить гимназию и поступил даже в университет (Одесса), но, как руководитель «студенческих беспорядков», происходивших в одесском («Новороссийском») университете в 1871 г., он был исключен. В 1873—1874 гг. Желябов участвовал в одесском кружке Волховского. Во время разгрома движения «в народ» 1874 г. он был арестован, и, хотя его выпустили потом на свободу, он был предан суду по делу 193-х. Оправданный судом, он некоторое время занимался на юге пропагандистской работой. К началу 1879 г. Желябов решительно пришел к убеждению в необходимости политической борьбы с самодержавием. Он присутствовал на Липецком и Воронежском съездах; на последнем съезде он оказался сильнейшим противником Плеханова и его группы в деле защиты новой тактики.

---

[1] Г. В. Плеханов. Соч., т. 1, изд. 2, М.—Пгр., 1923, стр. 126—127.

Возглавив затем, вместе с Михайловым и др. «Народную Волю», Желябов проявил себя крупным организатором и агитатором, политическим руководителем, пользовавшимся громадным авторитетом как в кругу своих ближайших товарищей, так и в той примыкавшей к партии студенческой, офицерской и рабочей среде, с которой ему приходилось иметь дело. Вместе с Перовской он являлся главным организатором террористического акта 1 марта 1881 г. и был казнен 3 апреля 1881 г. Один из лучших представителей разночинно-демократического поколения русских революционеров, Желябов высоко ценим Лениным и Сталиным. В. И. Ленин причислял его к «великим буржуазным революционерам», ставя его в один ряд с такими представителями революционной буржуазии, как Робеспьер и Гарибальди [1]. Товарищ Сталин относит его к выдающимся представителям революционной России [2].

Несомненным преимуществом «Народной Воли» — по сравнению и с предшествующими организациями, и с «Черным Переделом» — было то, что она с самого начала решительно отбросила народническо-бакунинское отрицание «политики» и резко и определенно поставила вопрос о борьбе с самодержавием. В этом отношении «Народная Воля» безусловно сделала шаг вперед. Тем не менее народовольцы не сумели вырваться из плена отсталых и утопических народнических представлений. «Программа петербургской «Нар. Воли», — писал Г. В. Плеханов в 80-х гг. в книге «Наши разногласия», — была поставленным на голову бакунизмом, с его славянофильским противопоставлением России Западу, с его идеализацией первобытных форм народной жизни, с его верой в социальное чудотворство революционных организаций нашей интеллигенции. Исходные теоретические положения программы остались неизменными, и только практические выводы оказались диаметрально-противоположными прежним» [3].

Подобно Ткачеву, отстаивавшему грубо ошибочный взгляд, будто русское государство «висит в воздухе» и «не воплощает в себе интересов какого-либо сословия», и народовольцы утверждали, что русское правительство — «не комиссия уполномоченных от господствующих классов, как в Европе, а самостоятельная, для самой себя существующая организация, которая держала бы народ в экономическом и политическом рабстве даже в том случае, если бы у нас не существовало никаких эксплоататорских классов» [4]. Сами эти эксплоататорские классы, по мнению народовольцев, «создавались» в России самодержавным государством [5].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 21, стр. 197.

[2] И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 25.

[3] Г. В. Плеханов. Соч., т. II, изд. 2, М.—Пгр., 1924, стр. 102.

[4] Передовая статья № 1 «Народной Воли», «Литература партии «Народная Воля», М., 1930, стр. 3.

[5] Программа Исполнительного Комитета, — «Литература партии «Народная Воля», М., 1907, стр. 84.

Политическая борьба в России лишалась, таким образом, в их глазах своего классового характера. Понятно, что они «не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества» (Ленин) [1]. Народовольческая борьба не была связана с массовым движением, это была борьба героической кучки интеллигентов, думавших заменить своей энергией и самоотверженностью активное действие масс.

Передовая статья № 1 «Народной Воли» определяла предшествовавшие попытки народнической деятельности в народе, как «наполнение бездонных бочек Данаид», и призывала интеллигенцию взять на себя «инициативу противоправительственного похода и политического переворота» вместо того, чтобы «биться около народа, как рыба об лед» [2]. Мысль о создании организации в массе крестьянства народовольцы квалифицировали как «совершенную фантазию», допуская только возможность вербовки отдельных крестьян в ряды своей партии [3]. Это не исключало, впрочем, их верности народническим взглядам на крестьянство, как «главную народную силу», интересам которой они попрежнему подчиняли интересы и задачи рабочего движения. Ленин недаром называл народовольчество крестьянским и заговорщическим социализмом [4]. Только в формах и методах деятельности среди рабочих и крестьян народовольцы проводили известное различие, придавая крупное значение использованию выступлений рабочих, как одного из орудий революционной партии в момент переворота. Городское рабочее население, говорили народовольцы, имеет важное значение для революции, так как успех первого нападения революционной партии зависит от «поведения рабочих и войска» [5].

Переоценивая роль военной работы партии («имея за себя армию, можно низвергнуть правительство даже без помощи народа»), народовольцы отказывались от революционной деятельности среди солдат, призывая воздействовать только на офицерство, «более развитое, более свободное», «более доступное влиянию». Военная организация «Народной Воли» была чисто офицерской организацией. Впоследствии Ленин отмечал коренную разницу между «разночинно-интеллигентской революционностью офицеров народовольцев» и «глубоко демократической, пролетарской и крестьянской, революционностью солдат и матросов в России двадцатого века» [6].

Отрыв от масс был типичен для всех отраслей деятельности народовольцев, которые «главным источником сил» партии счи-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 5, стр. 443.
[2] «Литература партии «Народная Воля», М., 1930, стр. 4.
[3] Там же, стр. 307.
[4] В. И. Ленин. Соч., т. 4, изд. 4, стр. 238.
[5] Подготовительная работа партии, «Литература партии «Народная Воля», М., 1930, стр. 308.
[6] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 11, стр. 133.

тали интеллигенцию и действиям своей, в основном чисто интеллигентской, организации придавали решающее значение в подготовке и проведении переворота.

Марксизм учит, что восстание, чтобы быть успешным, «должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс», «должно опираться на революционный подъем народа», «должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции» (Ленин) [1]. Понимание этих условий восстания было чуждо народовольцам. Они думали о восстании, опирающемся именно не на революционный подъем народа, не на передовой класс, а на заговор, на партию, притом партию, не связанную с народом. Они полагали, что своими собственными террористическими действиями они создадут благоприятную политическую обстановку для восстания: «партия должна иметь силы создать сама себе благоприятный момент действий, начать дело и довести его до конца», для чего достаточно «искусно выполненной системы террористических предприятий» [2] «Традиции бланкизма, заговорщичества страшно сильны у народовольцев, — указывал Ленин, — до того сильны, что они не могут себе представить политической борьбы иначе, как в форме политического заговора» [3].

В результате успешно осуществленного заговора народовольцы мечтали о захвате власти в свои руки. Идея захвата власти должна была примирить в сознании народовольцев старые утопические надежды народничества на непосредственный «социальный» переворот с их политической борьбой против царизма. «...Переворот специфически «народовольческий», — говорил Ленин, — т. е. переворот и политический и социальный в одно и то же время, переворот, ведущий не только к низвержению самодержавия, но и к захвату власти»... [4]. Эти иллюзии народовольчества были подвергнуты беспощадной критике уже в первых марксистских работах Плеханова «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия». Они были блестяще вскрыты Лениным, который показал, что в «70-х и 80-х годах, когда идея захвата власти культивировалась народовольцами», это было «пожеланием или фразой горсточки интеллигентов, а не неизбежным дальнейшим шагом развивающегося уже массового движения» [5].

---

[1] Там же, т. 26, стр. 4.

[2] Подготовительная работа партии, — «Литература партии «Народная Воля», стр. 305.

[3] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 2, стр. 316.

[4] Там же, т. 5, стр. 51.

[5] Там же, т. 10, стр. 257.

Среди народовольцев имели место различные тенденции. Наряду с людьми, мечтавшими о захвате власти для проведения одновременно «социального» и политического переворота, были в «Народной Воле» и люди, которые ожидали от подготавливаемого ими переворота непосредственно лишь установления буржуазно-демократических политических порядков, а также люди, вообще интересовавшиеся исключительно достижением этой последней цели. Надо, впрочем, заметить, что эти течения были недостаточно отмежеваны одно от другого, часто одни и те же лица одновременно склонялись к различным и противоречивым тенденциям или переходили, в зависимости от обстановки борьбы, от одной к другой. Очень сильны были у народовольцев в известные моменты надежды на возможность вырвать террором уступки у царизма и добиться таким путем установления конституционного порядка в России. Выражением этих расчетов отчасти было письмо Исполнительного комитета к Александру III после 1 марта, в котором «Народная Воля» соглашалась отказаться от революционных методов борьбы на условиях политической амнистии и созыва представителей от всего русского народа при всеобщем голосовании и обеспечении свободы печати, слова, сходок, избирательной агитации [1].

* *
*

Колебания, обнаружившиеся в правительственном лагере как раз в течение 1880—81 гг., могли, как казалось в то время народовольцам и особенно представителям либерального лагеря, говорить в пользу возможности «уступок».

В течение 1878—79 гг. правительство, сильно уже напуганное ростом активности революционеров [2], самым резким образом усилило репрессии против всяких проявлений революционного движения и силилось подавить его одними средствами белого террора. 9 августа 1878 г., через несколько дней после убийства Мезенцова, был издан царский указ о подчинении дел о государственных преступлениях и преступлениях против должностных лиц ведению военного суда с применением наказаний, установленных законами военного времени. 5 апреля 1879 г., после покушения Соловьева на Александра II, были назначены временные генерал-губернаторы в Петербурге, Харькове и Одессе, которым, как и постоянным генерал-губернаторам в Москве, Киеве и Варшаве, были предоставлены «чрезвычайные» права — предавать военному суду, высылать административным порядком, под-

[1] «Литература партии «Народная Воля», стр. 316—318.

[2] В сентябре 1878 г. шеф жандармов в одном из докладов царю указывал: «Общее положение дел, относящихся до распространения пропаганды в России, отменно серьезно, но не безвыходно». Подчеркнув последние слова, Александр II написал: «Грустно было бы думать противное» (В. Богучарский. В 1878 году, — «Голос минувшего», 1917, № 7—8, стр. 161).

вергать по своему усмотрению арестам, закрывать газеты и журналы и т. д.

Но террор именно в период действий этих чрезвычайных мер принял широкие размеры. После разделения «Земли и Воли» и образования «Народной Воли» террору был придан «систематический» характер. Сразу после своего оформления «Народная Воля» вынесла постановление о подготовке убийства Александра II. В осуществление этого постановления было приступлено к организации покушений на царя в трех возможных пунктах проезда его при возвращении из Крыма в столицу. Под Москвой народовольцам удалось устроить взрыв полотна, но потерпел крушение поезд с придворной прислугой, а не тот, в котором ехал Александр II. 5 февраля 1880 г. Степан Халтурин, поступивший с террористической целью столяром в Зимний дворец, организовал взрыв царской столовой, при котором, однако, царь опять уцелел.

Еще до взрыва в Зимнем дворце в правящих кругах, старавшихся, как выше упомянуто, задавить революционное движение средствами белого террора, бродили также и мысли о возможности одновременно прибегнуть и к другим мерам, которые могли бы смягчить остроту положения. Один из членов правительства, бывший министр внутренних дел П. А. Валуев в то время являлся в этом деле главным застрельщиком. «Чувствуется, — писал Валуев в июне 1879 г., — что почва зыблется, зданию (зданию самодержавия — Ш. Л.) угрожает падение... хозяева смутно чуют недоброе, но скрывают внутреннюю тревогу». Для спасения «здания» Валуев и возобновил предложения, делавшиеся им еще в первой половине 60-х гг. (1863), в период проведения крестьянской реформы и польского восстания. Разговоры на эти темы в окружении царя велись во второй половине 1879 и в самом начале 1880 г. Валуев рекомендовал ввести «с о в е щ а т е л ь н о е участие в законодательстве» лиц, «выбранных для того из губерний». После ряда обсуждений (при участии самого царя) план был похоронен. «Быть может, — в январе 1880 г. записывал Валуев в дневнике, — для перехода к другому порядку мыслей и дел нужно, чтобы под нами почва еще более заколебалась» [1].

После взрыва 5 февраля царское правительство определенно признало принимавшиеся до того меры борьбы с революционным движением недостаточными. Катков в «Московских Ведомостях» поставил в связи с событием 5 февраля вопрос об установлении диктатуры, призывая правительство «перестать стыдиться и чего-то конфузиться в пользовании властью» — как будто царизм когда-либо страдал подобной «стыдливостью». Наследник престола, будущий царь Александр III выступил, в свою очередь, с предложением об учреждении верховной следствен-

[1] П. А. Валуев. Дневник, Пгр., 1919, стр. 38, 49, 51.

ной комиссии с диктаторскими полномочиями. Эти проекты нашли осуществление в учрежденной 12 февраля 1880 г. «Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия», главным начальником которой был назначен видный военный деятель того времени граф М. Т. Лорис-Меликов. При этом, однако, царизм теперь-то решился на своеобразный политический маневр, возлагая на Лорис-Меликова не только голые полицейские задачи устрашения и подавления, но и попытку примирения с собой полууступками, по возможности чисто формальными и показными, умеренной, «благомыслящей», части общества. В изданном в день своего назначения воззвании к жителям столицы Лорис-Меликов заявил, что на поддержку общества он смотрит, как на «главную силу, могущую содействовать власти к возобновлению правильного течения государственной жизни».

Доверчивое «общество», возлагавшее все упования на уступки сверху, всполошилось. Занимавшая в это время более или менее либеральную позицию петербургская газета «Голос» охарактеризовала управление Лорис-Меликова как диктатуру сердца и мысли. Уже в марте 1880 г. от лица 20 слишком «именитых» московских граждан Лорис-Меликову была представлена записка, составленная либеральным московским профессором С. А. Муромцевым, при участии В. Ю. Скалона и А. И. Чупрова. Авторы записки указывали на бедственное положение России, при котором репрессии не могут оказать даже ожидаемого от них «непосредственного действия». «В положении, подобном настоящему, — писали они, — оппозиция правительству... носится в воздухе, кроется в душе массы людей». Записка считала единственным выходом «призыв в особое самостоятельное собрание представителей земства» для участия их «в государственной жизни и деятельности», при условии «прочного обеспечения прав личности на свободу мысли, слова и убеждения» [1].

Лорис-Меликов, однако, был далек от удовлетворения и этих скромных пожеланий либералов. Он признавал, правда, что «исключительно карательные приемы, принятые одиночно и не в связи с мерами положительного свойства», не достигают цели. Но по вопросу о характере «положительных» мер он решительно расходился как с либералами-конституционалистами западнического склада, так и со сторонниками «земской думы» или «земского собора», отвергая стремления тех и других [2].

«Либеральная» деятельность Лорис-Меликова свелась практически к смягчению резко неблагожелательного до него курса правительства по отношению к органам земского и городского самоуправления, к кое-каким «послаблениям» печати, к упразднению III Отделения, роль которого, однако, с неменьшим рве-

[1] С. Муромцев. Статьи и речи, вып. V, стр. 11—38.

[2] Н. Голицын, Конституция графа Лорис-Меликова, — «Былое», 1918, № 4—5 (10—11), стр. 154—161.

нием стал выполнять в дальнейшем департамент полиции. Был смещен возбудивший против себя величайшую ненависть в стране министр просвещения Дм. Толстой [1].

В сентябре 1880 г. Лорис-Меликов, ставший после закрытия 6 августа Верховной распорядительной комиссии министром внутренних дел, счел необходимым специально объявить представителям печати, «чтоб они не волновали напрасно общественных умов, настаивая на необходимости привлечения общества к участию в законодательстве и управлении», что «ничего подобного в виду не имеется», что все это — «мечтательные разглагольствования» и «иллюзии» [2].

28 января 1881 г. Лорис-Меликов представил Александру II доклад, в котором окончательно сформулировал свой план «умиротворения» страны. Проект сводился к учреждению временных подготовительных комиссий, наподобие редакционных комиссий конца 50-х годов, с привлечением к участию в них представителей земства и некоторых городов. Комиссии должны были выработать законопроекты о преобразовании губернского управления, дополнении «Положений 19 февраля», пересмотре земского и городового положений и по отдельным экономическим и финансовым вопросам. Составленные в подготовительных комиссиях законопроекты предполагалось внести в «общую комиссию», с привлечением в ее состав выборных от органов земского и городского самоуправления. От 10 до 15 представителей последних должны были бы затем участвовать в рассмотрении этих законопроектов в Государственном совете. Но этот пункт был отвергнут царем, утвердившим в целом план Лорис-Меликова, одобренный также остальными министрами и великими князьями. В этом и заключалась вся, так назыв., «конституция Лорис-Меликова», в которой на самом деле, как настойчиво и справедливо подчеркивал сам автор этого плана, «ничего общего с западными конституционными формами» не было [3].

Как впоследствии указывал Ленин, «осуществление лорис-меликовского проекта м о г л о б ы при известных условиях быть шагом к конституции, но могло бы и не быть таковым: все зависело от того, что пересилит — давление ли революционной партии и либерального общества или противодействие очень могущественной, сплоченной и неразборчивой в средствах партии непреклонных сторонников самодержавия. Если говорить не о том, что могло бы быть, а о том, что было, то придется констатировать несомненный факт к о л е б а н и я правительства. Одни стояли за решительную борьбу с либерализмом, другие — за уступки. Но — и это особенно важно — и эти последние колеба-

[1] Тургенев о впечатлении в Москве от известия «о низвержении Толстого» писал: «Такого взрыва общей радости я еще не видывал», — «Красный Архив», 1929, т. 1 (32), стр. 192.

[2] С. Муромцев. Статьи и речи, вып. V, стр. 47—48.

[3] Н. Голицын. Указ. соч., стр. 162—166.

лись, не имея никакой вполне определенной программы и не возвышаясь над уровнем бюрократов-дельцов» [1].

По отношению к революционерам, как подчеркивает Ленин, Лорис-Меликов, «этот пресловутый герой «диктатуры сердца», довел жестокости до крайней степени. 20-летний юноша Розовский был казнен при Лорис-Меликове за хранение прокламаций. Казнены были Млодецкий, покушавшийся на самого Лорис-Меликова, деятели «Народной Воли» Квятковский и рабочий Пресняков. Десятки людей приговаривались к каторге; продолжались издевательства над политическими заключенными.

«Многие верят, — писала «Народная Воля», — что с воцарением графа Лорис-Меликова деятельность тайной и явной полиции приняла более мягкие формы. В действительности при графе происходят иногда вещи, до сих пор неслыханные и невиданные». Газета язвительно предлагала поставить Лорис-Меликову памятник, на котором изобразить его в генерал-адъютантском мундире, «с волчьим ртом спереди и лисьим хвостом сзади» [2]. Ленин считал безусловно правильной такую характеристику лорис-меликовской политики — политики одновременно «волчьей пасти (кровавый террор против революционеров) и «лисьего хвоста» (сладкие речи по адресу либералов).

Конечные задачи этой политики революционный лагерь видел тогда в том, чтобы «сомкнуть силы правительства, разделить и ослабить оппозицию, изолировать революцию и передушить всех врагов порознь» [3]. Революционеры надеялись, что эта политика провалится. Желябов писал в мае 1880 г.: «В расчете лишить революцию поддержки, Лорис родит упования; но, бессильный удовлетворить их, приведет лишь к пущему разочарованию». Ему казалось, что достаточно двух-трех толчков, «при общей поддержке», — и «правительство рухнет». Но тут же он указывал, что «от общества, всегда дряблого, многого требовать нельзя»... [4].

При таком положении, при «таком колебании правительства только сила, способная на серьезную борьбу, могла бы добиться конституции», говорил впоследствии Ленин об этом моменте [5].

Такой силы налицо все-таки не оказалось, несмотря на то, что в стране наблюдался подъем освободительного движения, давший Ленину впоследствии основание говорить о новой революционной ситуации в России на рубеже 70-х и 80-х гг.

Характеризуя в своей статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» историческую обстановку, сложившуюся в то время, Ленин указывал: «Вопреки утопической теории, отрицавшей политическую борьбу, движение привело к отчаянной схватке с пра-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 5, стр. 39.

[2] «Литература партии «Народная Воля», стр. 77—79 (статья Н. Михайловского)

[3] «Литература партии «Народная Воля», стр. 72.

[4] А. И. Желябов. Письмо к М. П. Драгоманову, «Звенья», V, 1935, стр. 743.

[5] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 5, стр. 40.

вительством горсти героев, к борьбе за политическую свободу. Благодаря этой борьбе, и только благодаря ей, положение дел еще раз изменилось, правительство еще раз вынуждено было пойти на уступки...» [1].

Деятельность революционного лагеря, независимо от ее специфических ошибочных форм и несмотря на оторванность революционной интеллигенции от широкой народной массы, явилась отражением подавленности и недовольства народа и была так или иначе связана с обострением бедствий крестьянства к концу 70-х гг.

На это тогда же обращала внимание даже легальная русская печать. Так, демократический журнал «Слово» в январе 1881 г. высказывал убеждение, что в голодании деревни, принявшем «явно массовый характер» со времени окончания русско-турецкой войны, заключается «разгадка той судорожной дезорганизационной деятельности, которая волновала русское общество в течение последних лет» [2].

Возбужденное (хотя еще далекое от действительно революционного) состояние крестьянской массы, напряженное ожидание ею перемен, прежде всего в отношении земельного вопроса, характерно особенно для описываемого времени. Оно сказалось, между прочим, в широком и необыкновенно упорном распространении слухов о предстоящем общем переделе земель, которое вызвало в июне 1879 г. нашумевший циркуляр министра внутренних дел (Макова), однажды уже упомянутый. Но правительственные опровержения и запугивания отнюдь не устранили слухов. Еще в 1881 г. популярный журналист С. Приклонский на основании наблюдений и богатых данных прессы свидетельствовал об «общем хаотическом волнении» крестьянской массы. «Из конца в конец, по всей стране, — писал Приклонский, — мы видим одно и то же: везде народ толкует о земле, о том, что скоро выйдет царский указ о разделе земель между трудящимися работниками. Эти толки распространены повсеместно и увлекают крестьян до забвения всего прочего» [3].

В городе, наряду с уже отмеченными в специальном разделе успехами *рабочего движения,* общественный подъем одно из выражений нашел в широком размахе (на всем протяжении 1878—81 гг.) студенческих волнений, да и вообще в огромном политическом возбуждении, царившем среди молодой передовой интеллигенции.

---

[1] Там же, стр. 36.

[2] Б. Л(енский). Крестьянский вопрос в прошлом году, — «Слово», 1881, № 1, отд. 2-й, стр. 96, 98.

[3] С. Пр(иклонский). Внутреннее обозрение, «Русская мысль», 1881, кн. 11, стр. 87. О действии циркуляра Макова автор писал: «...Маков в 1879 г. циркулярно пытался убедить народ, что никаких переделов не будет..., но, насколько... известно, циркуляр этот вызвал еще большие толки среди крестьян, в направлении совершенно обратном мечтам г. Макова» (стр. 88).

Активная борьба русской революционной интеллигенции, вынудившая к некоторым уступкам царское правительство, снова содействовала усилению либеральной оппозиции.

Невольные уступки Лорис-Меликова в области печати и земской деятельности на время создали теперь для открытого проявления либеральной оппозиции гораздо более благоприятные условия. Лорис-меликовский режим помог окрепнуть возникшей в Петербурге в начале 1880 г. газете «Страна» (либерального публициста Леонида Полонского). К январю 1881 г. издатель «Вестника Европы» Стасюлевич основал газету «Порядок». Около нее, как писал в конце 1880 г. Тургенев, должна была «сгруппироваться слабосильная... «конституционная» партия» [1].

В Москве в 1880 г. появились журнал «Русская мысль» и журнал-газета (В. Скалона и Кошелева) «Земство». Заметно оживились прежние либеральные органы. «Послаблениями» цензурной политики могла в небольшой мере воспользоваться и радикально-демократическая печать.

В числе литературно-общественных событий, отразивших подъем внутренней политической жизни в 1880 г., нельзя не упомянуть знаменитых торжеств по случаю открытия памятника Пушкину в Москве в июне этого года. Крупное политическое значение этого большого культурного праздника неоднократно подчеркивалось современной печатью, как либеральной, так и демократической. В нем видели наглядное проявление «освежающего момента», переживавшегося обществом, отзвук «надежд и ожиданий», одушевлявших последнее; видели, в частности, и акт борьбы за права вольнолюбивой русской литературы и печати — «прославление слова, защиту свободной мысли, адвокатуру за печать и ее представителей», по словам старого демократа-шестидесятника Н. В. Шелгунова [2].

Рядом более или менее громких оппозиционно-либеральных выступлений ознаменовалась сессия земских собраний зимой 1880—1881 г., для чего в качестве повода был использован поставленный Лорис-Меликовым перед земствами вопрос о преобразовании крестьянских учреждений.

«Конституционные стремления земства обнаружились явственно», — говорит Ленин о периоде конца 70-х — начала 80-х гг. Но он притом тут же справедливо подчеркивает, что эти стремления оказались бессильным «порывом».

«...Вместо заботы о расширении борьбы, о поддержке отдельных революционеров более или менее широким общественным слоем, об организации какого-либо общего натиска... либералы опять начинают все с той же «тактичности»: «не раздражать» правительство! добиваться «мирными средствами», каковые мир-

---

[1] Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову, — «Красный архив», 1929, т. 1 (32), стр. 193

[2] Н. Ш(елгунов). Внутреннее обозрение, — «Дело», 1880, № 6, стр. 111.

ные средства так блистательно доказали свое ничтожество в 60-е годы!» [1].

Либеральное общество попрежнему неспособно было к серьезной борьбе, не шло дальше жалоб, пожеланий и просьб, оно строило свои расчеты на столь зыбкой, в высшей степени обманчивой почве, как «доверие» и «благожелательство» Лорис-Меликова и его окружения. В декабре 1880 г. либеральный орган «Страна» в передовой статье программного значения указывал, как «основную мысль» свою (и, конечно, вообще либералов), «что пора недоразумений и колебаний должна миновать и что нечто важное должно быть совершено не кем иным, как родною России верховной властью» (это говорилось либералами о царской власти, в действительности, конечно, являвшейся совершенно враждебною подлинным интересам России, требованиям и нуждам народа). «Мы не жили иллюзиями, — писала «Страна», — ясно сознавали и говорили, что общество в России, неорганизованное, разъединенное, не в силах понудить к дарованию себе того круга деятельности, в котором соединились бы... и укрепились общественные силы России. Но мы верили и верим, что для русской власти нет и нужды в материальном побуждении». «Нечто важное», о котором мечтали тогда «Страна» и либералы, определялось газетой, как «обеспечение прав личности, призыв русского общества к участию в делах страны в форме совершенно определенной, в форме всенародно-собирательной»... [2]. Осуществления мечты о конституции («участие в делах страны в форме... всенародно-собирательной») либералы ожидали только «сверху вниз»: «Не дай бог, чтобы осуществление их шло снизу», писала «Страна» [3]. Как всегда, либералы оставались резко враждебными революционной борьбе; они гораздо больше боялись народного движения, революции, чем реакции.

Народовольческая среда весьма выгодно отличалась от либералов как неизмеримо более трезвой оценкой политики «диктатора», так и своими честными и последовательными демократическими стремлениями, своей смелостью, твердостью и революционной энергией. Однако, сами народовольцы исходили из отсталых ошибочных теоретических построений. Они продолжали растрачивать ресурсы революционного движения в террористических предприятиях. В начале 1881 г., к которому относится «расцвет» лорис-меликовской «диктатуры сердца», на террор было брошено все, чем располагала «Народная Воля». Даже те немногие силы, которые раньше шли на деятельность среди рабочих, были почти без остатка отвлечены на террор. «Рабочая газета», которую выпускали одно время народовольцы, была ими прекращена. Мобилизовав все средства, народовольцы, наконец, добились той цели, к которой они стремились с первого дня своего существования, —

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 5, стр. 36.
[2] «Страна», 1880, № 102, от 28 декабря, Передовая.
[3] «Страна», 1880, № 91, от 20 ноября, Передовая.

им удалось 1 марта 1881 г. убить Александра II [1]. Но тогда яснее всего и обнаруживается несостоятельность народовольчества. Пренебрегая интересами массовой работы, развитие которой подрывалось их собственной террористической практикой и заговорщическими стремлениями [2], они в момент замешательства правящих кругов не смогли двинуть в бой никаких сил. Они и сами почувствовали себя настолько одинокими и слабыми, что не решились призвать народ к каким-либо определенным действиям. Печать неуверенности и растерянности лежит на тех воззваниях, с которыми в дни после 1 марта обращались народовольцы к народным массам. В этой-то обстановке народовольцы и не нашли для себя ничего другого, как обратиться со своим мирным предложением к новому царю Александру III, обещая отказ от террора в обмен на амнистию и созыв народных выборных.

Царизм оказался в состоянии оставить этот призыв без всякого ответа и вскоре повернул на путь еще гораздо более свирепой, более оголтелой реакции, чем при убитом Александре II.

«...Революционеры, — пишет Ленин, — исчерпали себя 1-м марта, в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации, либеральное общество оказалось и на этот раз настолько еще политически неразвитым, что оно ограничилось и после убийства Александра II одними ходатайствами..., Все эти осторожные ходатайства и хитроумные выдумки оказались, разумеется, без революционной силы — нолем, и партия самодержавия победила... Второй раз, после освобождения крестьян, волна революционного прибоя была отбита, и либеральное движение вслед за этим и вследствие этого второй раз сменилось *реакцией*»... [3].

Ленин разъясняет, что жертвы, принесенные революционным поколением 70-х гг., все же пали не напрасно. Прямо или косвенно они способствовали «последующему революционному воспитанию русского народа». «Но своей непосредственной цели, пробуждения народной революции, они не достигли и не могли достигнуть». «Это, — как указывает Ленин, — удалось только революционной борьбе пролетариата» [4]. Известно, что разрешение этой великой задачи потребовало предварительно идеологической расчистки пути, преодоления и разоблачения ошибок народничества во всех его видах и формах, в том числе и в форме «народовольчества», потребовало разгрома марксизмом народничества и народовольчества [5].

---

[1] Александр II был убит на одной из улиц Петербурга бомбой, брошенной народовольцем Гриневицким.

[2] Плеханов в докладе Международному социалистическому конгрессу 1891 г. отмечал, что для «Народной воли» «один офицер имел гораздо больше значения, чем сотня рабочих».

[3] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 5, стр. 40—41.

[4] Там же, т. 23, стр. 235.

[5] См. главу: Рабочее движение 80-х гг. и первые шаги распространения марксизма в России.

Революционная ситуация 1879—80 гг. весьма мало изучена в нашей исторической литературе. Особенно слабо изучено крестьянское движение того времени, это важнейшее слагаемое как первой, так и второй революционной ситуации.

Недостаточная изученность революционной ситуации 1879—80 гг. затрудняет сопоставление этой ситуации с первой революционной ситуацией и анализ ее влияния на последующее развитие России. Можно сделать лишь, так сказать, в порядке первого приближения попытку наметить общие контуры решения данной проблемы.

Как 1859—61 гг., так и 1879—80 гг. характеризуются теми признаками, которые В. И. Ленин считал главными признаками революционной ситуации. Но в то же время между этими двумя революционными ситуациями есть и различие.

Революционная ситуация 1879—80 гг. имела место уже не в крепостной, а в капиталистической России. В общественную борьбу вступил новый класс — пролетариат, носитель классовой борьбы нового типа. Рабочее движение конца 70-х годов было крупным историческим явлением, повышавшим активность народных масс. Наличие рабочего движения является существенным отличием революционной ситуации 1879—80 гг. от ее предшественницы, хронологически отделенной от нее двадцатилетием капиталистического развития России. Но, с другой стороны, рабочее движение в России еще только начинало развертываться. Крупнейшим фактором в социально-политической жизни России оно стало позже — в 90-х годах, когда, как указано в «Кратком курсе истории ВКП(б)», «рабочее движение превращалось в серьезную силу политической жизни страны» [1].

В конце 70-х — начале 80-х годов в массовом движении основная роль принадлежала еще крестьянству. Крестьянское движение в годы второй революционной ситуации было значительно слабее, чем в годы первой революционной ситуации. Это второе и весьма крупное отличие второй революционной ситуации от первой. Из этого отличия вытекает третья характерная черта революционной ситуации 1879—80 гг. по сравнению с ее предшественницей — значительно меньшее ее влияние на последующее социально-политическое развитие России. Революционная ситуация 1859—61 гг. не привела к революции. Но отсрочить переход России на капиталистический путь развития самодержавие и крепостники все же не смогли. Они смогли, однако, направить капиталистическое развитие России по прусскому пути, проведя ликвидацию крепостного права и ряд реформ меньшего значения, необходимых для буржуазного развития страны, на условиях настолько тяжелых для трудящихся, насколько это только было возможно в тогдашней исторической обстановке. Реакция началась уже с самого начала 60-х годов, когда ряд реформ

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 18.

только еще разрабатывался, и она еще усилилась со второй половины 60-х годов, когда реформы еще не были закончены.

Вторая революционная ситуация тоже не привела к революции, но она тоже не прошла бесследно для социального и политического развития России.

Неудача второго демократического натиска привела к усилению прусских черт в капиталистическом развитии России.

Поскольку революционное движение было подавлено, уступки в пользу трудящихся масс оказались минимальны, неизмеримо еще меньше, чем в 60-х годах, когда крестьянская реформа при всех ее крепостнических чертах все же была значительным делом. В 80-х годах все дело свелось лишь к таким мероприятиям, как прекращение в законодательном порядке временно-обязанных отношений для тех крестьян, которые еще не перешли на выкуп, к незначительному понижению выкупных платежей, отмене подушной подати и налога на соль.

Более крупного масштаба были мероприятия экономической политики правительства Александра III, содействовавшие капиталистическому развитию страны. В этом отношении характерно, что министры финансов Бунге и Вышнеградский не были непосредственными представителями реакционного дворянства, и хотя в своей деятельности они весьма считались с интересами дворянства, все же в основном их экономическая политика была в значительной мере направлена в сторону содействия буржуазному развитию России.

В области общей внутренней политики мероприятия правительства в 80-х и начале 90-х годов носили сугубо реакционный характер и должны были, по мнению крепостников, исправить «роковые ошибки» 60-х годов. (Подробный анализ политики правительства в 80-х и 90-х годах будет дан в следующей главе).

Вторая революционная ситуация и новое поражение демократических сил сыграли свою роль в развитии русской передовой общественной мысли. События, связанные с революционной ситуацией и затем с поражением революционеров, дали серьезный толчок критической работе революционной мысли, они помогли в ближайшие годы приступить к вскрытию ошибок народничества, к расчистке почвы для зарождения русского марксизма. Если наступила для России в 80-х гг., по указанию Ленина, «очередь мысли и разума» [1], то в подготовке этого вторая революционная ситуация, несомненно, не осталась без влияния.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 10, стр. 230.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В 80-х И НАЧАЛЕ 90-х гг.

I. От политики колебаний к политике прямой реакции

§ 1. 1 марта — 29 апреля

Последний год царствования Александра II был годом правительственных колебаний. «Диктатура сердца» Лорис-Меликова не сумела осуществить своих успокоительных планов до 1 марта, а 1 марта поставило вновь на очередь вопрос об общем направлении внутренней политики. В «Гонителях земства и Аннибалах либерализма» Ленин всесторонне охарактеризовал сложившиеся в стране после 1 марта общественные отношения, которые оказали влияние на правительственную среду в этот момент очередного перелома ее политики. «...Революционеры,— писал там Ленин,— исчерпали себя 1-м марта, в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации, либеральное общество оказалось и на этот раз настолько еще политически неразвитым, что оно ограничилось и после убийства Александра II одними ходатайствами» [1].

Именно эти слова В. И. Ленина характеризуют как нельзя точнее тот момент, который является конечным моментом революционной ситуации, начало которой В. И. Ленин относил к 1879 году, и развитие которой пришлось на 1880 и частью 1881 годы.

Действительно, то «повышение» «активности масс», которое по указанию В. И. Ленина, является одним из основных признаков революционной ситуации, в 1879 году сказалось такими яркими вспышками, какими были петербургские стачки на фабриках Шау, Новой бумагопрядильне и др. Теперь же, в 1881 году, за весь год, по данным, впрочем, наверное неполным, нам известны всего 9 стачек рабочих, и то таких большею частью незначительных, как стачки рабочих на Рыбинской пристани, на Свирском канале, на торфяных разработках во Владимирской губернии и др. [2]. Ни

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 5, стр. 40.

[2] «Стачки 1881—1895 гг.» Сб. документов, сост. Ф. Г. Матасовой, М., 1930, стр. 7—8.

одна из этих стачек в отдельности, ни даже все они в совокупности не могли произвести на правительство и малой части того впечатления, которое произвели стачки 1879 года. Все это подтверждает слова В. И. Ленина о том, что в 1881 году «в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации».

Правда, не ослабело крестьянское движение. В 1881 году им оказалась охвачена значительная часть территории Российской империи. В черноземном центре волнения охватили Курскую, Тамбовскую и Тульскую губернии; ими были охвачены и белорусские губернии (Минская, Могилевская, Витебская) и украинские (Полтавская, Харьковская и др.) и национальные районы (башкиры, татары, мордва) [1]. Все эти волнения не прошли бесследно, и правительство, как увидим далее, вынуждено было провести ряд частичных мероприятий, целью которых было создать видимость политики смягчения крестьянской нужды. Однако, это крестьянское движение, как и ранее, разрозненное и еще не руководимое революционным рабочим классом, да и не охватившее повсеместно России, само по себе не могло возбудить в правительстве опасений относительно возможности его перерастания в опасную для него революционную фазу.

Определяя признаки революционной ситуации В. И. Ленин писал, что «для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по старому». В этом отношении существеннейшая перемена произошла в среде либералов. В 1878 году они даже пытались войти в переговоры с революционерами в лице Валериана Осинского. Теперь, после 1 марта, либералы занимают в лучшем случае позицию скромных просителей, о чем говорит в приведенной выше цитате В. И. Ленин, или идут еще далее, предлагая себя правительству в прямые пособники в его борьбе с революционерами и в его контрреволюционной политике вообще.

Столичная либеральная пресса в марте 1881 г. еще пыталась очень робко писать о созыве «излюбленных людей», о «необходимости в устройстве общественной организации для служения вместе с правительством на благо» России, о том, чтобы мероприятия внушались правительству «представителями русской земли» и т. п. [2]. Но очень скоро и эти голоса замолкли. Более отчетливо сказалось настроение либералов в земских ходатайствах, на которые обратил внимание В. И. Ленин. Для характеристики выступлений тех немногих «либеральных» земств, которые решились высказаться после первого марта, могут служить иллюстрациями постановления самарского и новгородского земств. Самарское

---

[1] Сводка данных об этих волнениях заимствована из рукописной работы Э. Ю. Гальперина о «Крестьянском движении конца 70-х — начала 80-х гг.», хранящейся в библиотеке Исторического факультета Ленинградского Государственного Университета.

[2] «Порядок», 1881 г., № 61; «Голос», 1861, № 62; «Страна», 1881, № 27.

земство отказалось от посылки адреса новому царю, решив, что «лучше молчать». Новгородское земство холопски «умоляло» царя «даровать обществу возможность принять участие в борьбе с врагами русского народа», для чего «просило» «выслушать свободный голос русского народа». Контрреволюционное острие земских заявлений, направленных в первую очередь против «врагов спокойствия, блага, могущества и славы России» (слова рязанского земства) значило в этот момент для установления правительственного курса неизмеримо больше, чем разрозненные и робкие мольбы царю «собрать вокруг себя» земцев, дабы «делить» с ними «труды и опасности» [1].

Наряду с неуверенными и робкими голосами либералов голос Каткова зазвучал теперь с силой и уверенностью, напоминавшей апогей его влияния — 1863 год. Он выступал и с прямым доносом, например, на либеральную «Страну» (в передовой 16 марта) и со всяческими изобличениями «слабоумного либерализма», и с прямыми требованиями решительной реакции. Метя в Лорис-Меликова, Катков 3 марта писал, что теперь «администраторы заговорили сами языком если не «Земли и Воли», то фельетонов «Голоса». В противовес этому он требовал «очищения русской земли от крамолы». Его реакционная программа сводилась к требованию «восстановить порядок, оградить спокойствие, призвать людей, власть имеющих, к исполнению забытых обязанностей, вот задача минуты» [2]. Так Катковым ясно было сформулировано требование к правительству положить конец своим колебаниям, и это требование было неоценимою помощью для «...очень могущественной, сплоченной и неразборчивой в средствах партии непреклонных сторонников самодержавия» [3].

Явный спад революционного движения и перелом в общественных настроениях, обозначавшие конец революционной ситуации, обусловили полную возможность перехода правительства к реакции. Этому переходу способствовало, помимо политических условий времени, также и экономическое положение страны, разразившийся промышленный кризис, а также аграрный кризис, о чем подробнее уже было сказано выше, в главе об экономическом развитии этих лет.

Некоторое значение в повороте правительственного курса и в дальнейшем развитии политики правительства в течение целых четырнадцати лет имела также личность нового царя — Александра III.

Новый царь был весьма мало подготовлен к делу управления огромной империей. Ни природные качества его, ни воспитание, ни образование, ни, наконец, степень участия его в правительственной деятельности при жизни отца, не могли способствовать

---

[1] В. Ю. Скалон. По земским вопросам, СПБ., 1905, стр. 82, 84, 88.

[2] М. Н. Катков. Собрание передовых статей «Московских Ведомостей». 1881 г., М., 1898, стр. 123, 127.

[3] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 5, стр. 39.

выработке в нем качеств правителя. Александра, как второго сына Александра II, готовили к военной, а не к правительственной деятельности. Смерть Николая в 1855 г. и провозглашение наследником Александра не смогли исправить дела. К тому же ум у Александра, как он сам признавался Победоносцеву, был «нескладный» [1]. В итоге, как говорит о том другой панегирист Александра III — С. Ю. Витте, Александр оказался человеком «...совершенно обыденного ума, пожалуй, можно сказать, ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования» [2].

С самого начала своего правления царь уединился в Гатчинском дворце, который тогда производил, по словам Милютина, впечатление тюрьмы [3].

Резолюции царя не раз ставили втупик его верноподданных исполнителей. Резолюция Александра III по вопросу о выкупных платежах (20 мая 1881 г.), по свидетельству Д. А. Милютина, вызывала в Государственном Совете «общее смущение и удивление» [4]. Три года спустя произошел другой эпизод в Государственном же Совете, попавший в неточном рассказе, даже на страницы заграничной прессы [5]. По вопросу об элеваторах, на мемории Государственного Совета резолюция царя гласила, что он «воздерживается» от решения теперь этого «опасного для России предприятия». Государственному секретарю А. А. Половцеву удалось добиться, правда, не только отмены, но и уничтожения этой обвинительной по отношению к Государственному Совету (в «опасных» делах) резолюции, но только лишь при помощи указания на грамматическую ошибку в ней, вследствие чего де неудобно ее хранить в архиве [6].

Этот образ управления опирался у Александра III на идеологические традиции пережитого крепостного политического порядка. Совершенно естественно, что он как это сказалось в 1880 г., при обсуждении валуевского проекта, считал конституционные стремления дворян одними лишь «...столичными бреднями» [7]. В начале апреля 1881 г. было получено письмо посла в Берлине Сабурова с изложением возражений Бисмарка против каких-либо уступок в виде реформ; наоборот, по Бисмарку, «нужно, чтобы к самодержавной власти опять вернулся весь ее престиж». Вот это и было в духе Александра III. Александр III

---

[1] К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. 1, пол. II, М., 1923, стр. 1018.

[2] С. Ю. Витте. Воспоминания. Л., 1924, т. III, стр. 154.

[3] Дневник Д. А. Милютина, стр. 14.

[4] Там же, стр. 26.

[5] Диллон. Александр III, «Голос Минувшего», 1917, № 5—6, стр. 88.

[6] Дневник А. А. Половцева в Центр. Гос. Истор. Архиве в Москве, ф. 585, № 31, лл. 62—70 об.

[7] П. А. Валуев. Дневник, стр. 48.

на письме Сабурова наложил резолюцию, в которой предлагал прочесть это письмо Лорис-Меликову и требовал, чтобы «министры наши поняли наше положение, как его понимает князь Бисмарк, и не задавались бы несбыточными фантазиями и паршивым либерализмом» [1].

Нечего говорить о том, какое впечатление произвела в свое время на Александра III Парижская коммуна. Согласно одному из рассказов тогдашний цесаревич, узнав об установлении Коммуны, разразился «гневом и негодованием против делателей кровавых революций» [2]. А двенадцать лет спустя, в дни своей коронации, в беседе с французским чрезвычайным послом Ваддингтоном, Александр особо упомянул, «насколько он был счастлив, узнав об энергичном поведении правительства в годовщину коммуны» [3].

Говорили не раз о славянофильских симпатиях Александра III. Если они и были в какой-то мере у него до вступления на престол, то затем быстро увяли. Александр в начале своего царствования отозвался одобрительно, в разговоре с женою Ив. Аксакова, о речи последнего; [4] но в 1885 г., в ответ на письмо Аксакова после предостережения, данного «Руси», он предложил министру внутренних дел Д. А. Толстому написать Аксакову о том, что «его величество вполне уверен в ваших патриотических чувствах, но советует вам быть осторожнее в изложении ваших мыслей печатно» [5]. Александром владело не славянофильство, а тот реакционный национализм, который Ленин назвал «старым национализмом самодержавия» [6]. Этот старый национализм нашел в Александре III свое самое яркое, почти зоологическое, выражение.

Александру III ближе и понятнее был «патриархальный» уклад крепостной России, в которой прошли годы его юности, чем рост новых буржуазных отношений и появление на авансцене общественной жизни новых социальных групп, которые требовали хотя бы минимума буржуазной законности. «Гораздо было бы полезнее и проще», например, по мнению Александра III, «хорошенько посечь, а не предавать суду» главнейших участников беспорядков в Ростове на Дону в 1883 г. [7]. Когда царь узнал, что сын одной из привлеченных по делу А. И. Ульянова готовился к

---

[1] В. Н. Ламздорф. Дневник, 1886—1890, стр. III.

[2] N. Kosma, La Russie et l'oeuvre d'Alexandre II. Alexandre III. Paris, 1882, p. 148.

[3] Documents diplomatiques, I ser, t. V, 1933, p. 51.

[4] А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров. М., 1929, т. II, стр. 225.

[5] Д. А. Толстой И. С. Аксакову 19.XII-85. Архив Института Литературы АН СССР.

[6] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 16, стр. 153.

[7] Р. Кантор. Александр III о еврейских погромах 1881—1883 гг. «Еврейская летопись», т. 1, Пгр., 1923, стр. 156.

поступлению в гимназию, он счел «ужасным», то, что «мужик, и тоже лезет в гимназию» [1].

С годами Александр все более проникался сознанием своей самодержавной власти. Об этом рассказывал ближайший друг, оберегатель и собутыльник Александра III — ген. Черевин, в своем очень откровенном разговоре с будущим канцлером Германской империи, (а тогда — поверенным в делах в Петербурге) Бюловым. Черевин жаловался Бюлову на все возрастающее у Александра III чувство своей непогрешимости и превосходства, которое позволяет ему «все ставить ни во что».

Пожалуй, никто лучше не воплотил всю тупость и ограниченность Александра III в художественном образе, чем П. Трубецкой в своем петербургском памятнике, про который И. Е. Репин писал, что здесь Александр «с тупой ограниченностью, самодовлеющей тьмою — все также будет стоять за все отжившее, невежественное на своем буйволе» [2].

Говоря об Александре III как о деятеле реакции, нельзя обойти К. П. Победоносцева. Бывший учитель наследника, по настоянию последнего, он занял в 1880 г. пост обер-прокурора Синода. Победоносцев был тогда настолько мало влиятелен в правительственной среде, что ему не были сообщены даже лорис-меликовские проекты. Но со времени своего преподавания Победоносцев все время поддерживал близкие сношения с Александром, усвоив себе уже тогда манеру излагать наследнику в письмах свои политические взгляды по всем важнейшим вопросам текущей политики. Откровенность, с какою это делалось, могла напомнить времена, предшествовавшие воцарению Александра I. В 1878 г., в связи с Берлинским конгрессом, Победоносцев в эти «роковые и решительные для России дни», передает Александру Александровичу голос «простых людей»: «да что наследник, неужели он не отстоит нас?» [3]. В 1879 г. Победоносцев пишет будущему царю еще определеннее: от тогдашнего правительства уже «ничего не чают», и народ-де «глубоко убежден, что правительство состоит из изменников, которые держат слабого царя в своей власти»; спасителем отечества должен явиться будущий царь. «Всю надежду,— писал далее Победоносцев,— возлагают в будущем на вас» [4].

Эти интимно-политические отношения бывшего наставника с будущим царем создали совсем исключительные условия для влияний Победоносцева на правительственную деятельность нового царствования. Первый период правления Александра III проходит всецело под знаком этих влияний. Победоносцев с первых

---

[1] А. С. Поляков, Второе «первое марта». «Голос минувшего», 1918, № 10—12, стр. 278, прим. 2.

[2] И. Е. Репин. К десятилетию со дня смерти. Л., 1940, стр. 8 (письмо Репина 19 ноября 1909 г.).

[3] Письма Победоносцева Александру III, М., 1925, в. 1, стр. 125.

[4] Там же, стр. 249.

же дней начала нового царствования пишет царю письмо за письмом, настойчиво предлагая те или иные политические мероприятия, требуя смены то того, то другого из министров. И сам царь, равным образом делает Победоносцева поверенным своих сомнений и колебаний, делает его своим ближайшим советником. В среде могущественной и наиболее реакционной партии «непреклонных сторонников самодержавия», которая в эти месяцы действовала против лорис-меликовской политики, Победоносцев был фигурой, наиболее подходящей для данного момента. Основным догматом во взглядах Победоносцева, выросшего в условиях николаевского режима, было безусловное самодержавие царской власти, самодержавие, никем и ничем не ограничиваемое. Победоносцев пережил страх революции в 60-х гг. и теперь переживал его вторично. Он верил, что малейшее ослабление самодержавия, в каком бы то ни было отношении, поведет неизбежно к революции, и непреклонно, фанатически, составив себе этим нарицательное имя в поколениях, преследовал всеми средствами, от инсинуации и придворной интриги вплоть до открытого выступления, всех, кто казался ему инакомыслящим.

Победоносцев знал, конечно, что опорою трона является дворянство, и перу Победоносцева принадлежит опубликованный затем с немногими изменениями проект рескрипта дворянству по случаю столетия екатерининской жалованной грамоты. Но перед Победоносцевым вставали призраки также дворянской конституции. Зная силу дворянства и поэтому опасаясь ее, он боролся со взглядами, что «дворянство, сравнительно с другими сословиями, отличается особым свойством преданности царю и отечеству» , и, опровергая это, приводил царю в пример, «сколько было дворян изменников в смутную пору в России» [1]. Понятно поэтому, как Мещерский мог написать о Победоносцеве, что он «ко всему, что соединялось с дворянством, относился почти неприязненно...» [2]. В то же время Победоносцев готов был, при случае, превозносить торгово-промышленную буржуазию, именно потому, что она тогда еще была далека от каких-либо притязаний на политическую власть, и уверять царя, что эта среда — «самая русская, самая консервативная, самая преданная государю» [3].

Победоносцев имел еще два догмата своей политической программы — это были национализм и узкий, возвращавший, казалось, ко временам московского царства, догматизм православия. Являясь четверть века обер-прокурором Синода, Победоносцев насаждал официальное православие прямолинейно и беспощадно, не считаясь с противодействием обращаемых, которое сокрушалось, если надо было, даже применением силы.

---

[1] Письма К. П. Победоносцева Александру III, М., 1926, т. II, стр. 47.
[2] В. П. Мещерский. Мои воспоминания, СПб., 1912, стр. 287.
[3] Письма К. П. Победоносцева Александру III, т. 1, стр. 399.

Среди современников Александра III вначале создалось и с годами укреплялось мнение о всесилии Победоносцева. Этот взгляд можно встретить и в настоящее время. Напр. Ю. В. Готье считает Победоносцева и «вдохновителем» и «руководителем» не только Александра III, но и Николая II (в начальные годы) и называет его «вице-императором» [1]. Несомненно, здесь есть преувеличение. Победоносцева навряд ли можно назвать крупным государственным деятелем.

Целая масса наблюдений самых разных лиц, самого разного времени и при самых разных обстоятельствах отмечают одну и ту же черту Победоносцева, когда говорят об общих и текущих вопросах государственной жизни. Гр. С. Г. Строганов, с которым мы вскоре встретимся, как с единомышленником Победоносцева, говорил в 1881 г. о Победоносцеве, что тот «всегда отлично знает, что не надо, но никогда не знает того, что надо» [2]. В конце своего царствования Александр III говорил Витте о Победоносцеве, что он «...отличный критик, но сам никогда ничего создавать не может...» [3]. Прекрасно знавший Победоносцева начальник Главного управления по делам печати Е. Феоктистов писал: «никто (как Победоносцев — С. В.) не умел так ярко изобразить все политические и общественные наши неудачи, но стоило лишь заикнуться, что нельзя же сидеть сложа руки, необходимо принимать меры, которые вывели бы нас из мрака к свету, и он тотчас же приходил в ужас, его невыразимо устрашала мысль о чем-либо подобном» [4]. Даже у самого Победоносцева постоянно встречаешь ту же мысль, облеченную в трафаретную формулу, что дело-де в людях, а не в учреждениях. Вот, напр., запись о посещении Победоносцевым государственного секретаря А. А. Половцева в 1884 г.: «Приходит Победоносцев и в течение целого часа плачет на ту тему, что учреждения не имеют важности и что все зависит от людей, а людей нет. «Не верю я никаким рецептам, — повторяет он беспрестанно, не говоря, впрочем, во что же именно он верит» [5]. Победоносцев боялся малейших перемен в сторону буржуазных реформ, малейших сотрясений, ибо боялся, чтобы они не повлекли за собою других перемен, а в конечном итоге — катастрофы, в неизбежность которой он, по свидетельству Феоктистова, верил [6]. Метко определил его такой яркий реакционер, как Константин Леонтьев, говоря, что Победоносцев — не реакционер, а консерватор, он — «как мороз; пре-

---

[1] Ю. Готье. К. П. Победоносцев и наследник Александр Александрович Сборник Публичной библиотеки им. В. И. Ленина, М., 1929, стр. 107, 110.

[2] В. Мещерский. Мои воспоминания, т. III, стр. 66.

[3] Витте, Воспоминания, т. III, стр. 301.

[4] Воспоминания Е. М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы, Л., 1929, стр. 220.

[5] Дневник А. А. Половцева. в Центральном Государственном Историческом Архиве в Москве, л. 107.

[6] Е. М. Феоктистов. Указ. соч., стр. 220.

пятствует дальнейшему гниению; но расти при нем ничего не будет» [1].

В этом, думается, разгадка возвышения Победоносцева. В тот момент, когда задача состояла в том, чтобы ниспровергнуть лорис-меликовские проекты, никто лучше Победоносцева не мог этому содействовать, и именно он оказался героем этого исторического момента. Но когда победившая реакция выставила свою программу и принялась с давно небывалым напором ее осуществлять, то ко времени кульминационного момента успехов реакции, к 1889—90 гг., Победоносцев оказался оттесненным на бюрократически-политической арене действий, уступив свое влияние другим лицам. Это было ясно для очень многих и русских и знавших хорошо русские отношения иностранцев. Ламсдорф отмечает в 1889 г. в своем дневнике, что звезда Победоносцева «померкла» [2]; германский посол Швейниц записал 8 января 1890 г. в своем дневнике сказанные ему недавно слова неназванного им лица из состава чинов Министерства путей сообщения: «Ранее мы при каждом нами делаемом предложении спрашивали: что скажет Константин Петрович об этом? Теперь это уже не необходимо» [3].

Наконец, мы имеем достаточно точные показания обоих главных действующих лиц, и Александра III и самого Победоносцева. В разговоре, происшедшем в 1893 г. между царем и Витте, царь, признав, что Победоносцев принес «много пользы тем, что помог временно остановить смуту 1881 г.», сказал тем не менее о Победоносцеве, что он «уже давно перестал принимать во внимание» его советы, ибо Победоносцев только «отличный критик», но «...все-таки одною критикою жить нельзя» [4]. Так и Победоносцев в своей «правдивой повести» о себе самом и о судьбе своей, написанной в 1901 г. для Николая II, жаловался, что «зависть и интрига» сделали то, что он «уже чувствовал в последние годы (при Александре III), что на меня что-то насказано» [5].

Нам нет надобности характеризовать других деятелей первых месяцев нового царствования — они известны по предшествующему изложению. Мы можем поэтому перейти к тому повороту, которым ознаменовались первые же месяцы нового царствования.

В первые дни после первого марта, когда положение еще не определилось, Победоносцев выражал опасение, что у царя «воли не будет» и скорбел, что с Лорис-Меликовым «никто не хочет

---

[1] Из письма К. Н. Леонтьева Т. И. Филиппову. «Памяти К. Н. Леонтьева», СПБ., 1911, стр. 124.

[2] В. Н. Ламсдорф. Дневник 1886—1890 гг., стр. 227.

[3] Schweiniz, Denkwürdigkeiten, Berlin, 1927, Bd. II, S. 396

[4] С. Ю. Витте. Воспоминания, т. III, стр. 301.

[5] Письма Победоносцева к Александру III, т. II, 1926, стр. 333.

вступить в борьбу»[1]. В то же время просьба Лорис-Меликова об отставке не была принята царем[2]. Согласно распоряжению Александра II лорис-меликовские проекты подлежали окончательному обсуждению в Совете министров, в заседании, назначенном на 4 марта. Это заседание состоялось при новом царе, не без настояний Лорис-Меликова, 8 марта[3]. Оно оказалось первым знамением наступающего политического поворота. Кроме министров, на это заседание были приглашены великие князья, гр. Баранов, а также престарелый представитель феодальной аристократии гр. С. Г. Строганов, уже в 70-х гг. являвшийся ближайшим пособником деятельности Толстого и Каткова. Военному министру Д. А. Милютину «первоначально казалось», что заседание будет «одною формальностью», так как проекты были рассмотрены в комиссии, где председательствовал теперешний царь, и затем они были одобрены Александром II. Однако знаменательны были уже первые слова Александра III, предложившего высказываться «нисколько не стесняясь», так как «вопрос не следует считать предрешенным». Еще знаменательнее было то, что с первым приглашением высказаться по поводу сообщений Лорис-Меликова царь обратился к Строганову.

Короткая речь Строганова свелась к утверждениям, что предлагаемая мера вредна, ибо передает власть «из рук самодержавного монарха, который теперь для России безусловно необходим, в руки разных шалопаев», и что осуществление проекта поведет «прямо к конституции». Царь тотчас же поддержал Строганова репликой: «я тоже опасаюсь, что это — первый шаг к конституции». После речей защитников лорис-меликовского проекта, Д. А. Милютина, А. А. Абазы и самого Лорис-Меликова, выступил Победоносцев и произнес речь, слова которой, по его собственному выражению, «громом упали» на совещание[4]. «Многие из нас,— писал Милютин,— не могли скрыть нервного вздрагивания от некоторых фраз фанатика реакционера». Провозгласив в начале своей речи, что положение обязывает его «в отчаянии» воскликнуть «Finis Russiae», подобно тому, как накануне гибели Польши там восклицали «Finis Poloniae», Победоносцев обрушился не только на проект Лорис-Меликова, как на «первый шаг» к конституции, но и на всю совокупность реформ 60—70 гг. Крестьянам дана была свобода, но не было «устроено над ними надлежащей власти, без которой не может обойтись масса темных людей». Земские и городские учреждения — это «говорильни», в которых люди «негодные, безнравственые» «разглагольствуют о делах», не подлежащих их ведению; судебные уч-

[1] К. П. Победоносцев. Е. Ф. Тютчевой, 3 марта 1881 г., «Русский Архив», 1907, II, стр. 89, 90.

[2] Е. А. Перетц, Дневник, 1880—1883, М., 1927, стр. 29.

[3] Все заседание изложено по записям Е. Перетца, стр. 31—46 и Д. Милютина, стр. 5—7.

[4] Письмо К. П. Победоносцева Е. Ф. Тютчевой, 11 марта 1881 г., «Русский Архив», 1907, кн. II, стр. 94.

реждения — это «говорильни адвокатов», благодаря которым «самые ужасные преступления остаются безнаказанными»; наконец, свобода, предоставленная печати, создала «самую ужасную говорильню». «Теперь,— закончил свою речь Победоносцев,— нужно действовать», а не думать о новой «верховной» говорильне. Ни то, что проект был одобрен уже Александром II, ни то, что большинство говоривших высказалось, в той или иной форме, за проект, не спасло проекта; он был передан в комиссию, которой надлежало пересмотреть его «как можно основательнее и всестороннее». Комиссия эта ни разу не собралась.

Однако, после заседания 8 марта, когда были похоронены лорис-меликовские проекты и тем самым решена судьба всего лорис-меликовского режима «колебаний», внешние изменения произошли не сразу. Три министра в совещании высказались против проекта Лорис-Меликова. Два из них, Маков и кн. Ливен, были еще в марте уволены в отставку. Два новых министра, гр. Игнатьев (на место министра государственных имуществ Ливена) и бар. Николаи (на место министра народного просвещения Сабурова), не считались тогда противниками Лорис-Меликова. Для постороннего глаза могло казаться, как это казалось даже 16 апреля государственному секретарю Перетцу, что Лорис-Меликов «все еще крепок» [1].

Однако, чем более выяснялось бессилие революции, тем все тверже становился правительственный курс. Победоносцев даже после 8 марта еще не имел уверенности в своем успехе и писал своей постоянной корреспондентке Е. Ф. Тютчевой про Александра III: «А он что? Не знаю, ...ничего не знаю» [2]. Но уже 20 марта Победоносцев получает записку от царя, которая гласила: «исполните мою просьбу и облегчите мои первые шаги» [3]. Привлечение Победоносцева в качестве ближайшего советника было уже явным признаком поворота правительственной политики. Временно создалось переходное положение, когда, говоря словами Лорис-Меликова, «мы [т. е. царь] советуемся то с papa, то с maman [Победоносцев и Лорис-Меликов]» [4]. Но долго такое положение не могло продолжаться. Развязка наступила скоро.

По предложению Лорис-Меликова 21 апреля было созвано царем новое совещание для обсуждения того, «какие меры следует принять теперь же и какую программу для дальнейших действий». Сговорившиеся заранее Лорис-Меликов, Милютин и Абаза подняли вопрос о необходимости объединения деятельности министров, что при данном составе министров ликвидировало бы закулисные шаги Победоносцева. Результат совещания, казалось,

---

[1] Е. А. Перетц. Дневник, стр. 61.

[2] К. П. Победоносцев, Е. Ф. Тютчевой, 11 марта 1881 г. — «Русский Архив», М., 1907, кн. II, стр. 93.

[3] Победоносцев и его корреспонденты, т. 1, пол. 1, стр. 44.

[4] Дневник Е. А. Перетца, стр. 58.

был благоприятен Лорису: министрам было предложено по важнейшим вопросам совещаться под председательством в. кн. Владимира Александровича [1]. Политика уступок, можно было думать, торжествовала. На самом деле это заседание послужило окончательным толчком к публичному провозглашению незыблемости самодержавия. Уже вечером, в день заседания, царь писал Победоносцеву, делясь с ним своими впечатлениями от совещания: «Сегодняшнее наше совещание сделало на меня грустное впечатление. Лорис, Милютин и Абаза положительно продолжают ту же политику и хотят так или иначе довести нас до представительного правительства, но пока я не буду убежден, что для счастия России это необходимо, конечно, этого не будет, я не допущу. Вряд ли, впрочем, я когда-нибудь убеждусь в пользе подобной меры, слишком я уверен в ее вреде. Странно слушать умных людей, которые могут серьезно говорить о представительном начале в России, точно заученные фразы, вычитанные ими из нашей паршивой журналистики и бюрократического либерализма» [2]. В этом письме Александра была изложена целая реакционная программа. В ответ на это письмо Победоносцев предложил царю проект манифеста, принятый и опубликованный 29 апреля, в день традиционного майского парада.

Манифест 29 апреля, говоря словами Ленина, «не обинуясь и прямо» [3] заявлял о сохранении самодержавной власти. Царь провозглашал в манифесте, что он становится «бодро на дело правления», «с верою в силу и истину самодержавной власти», и что эту самодержавную власть он призван «утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений» [4]. При всеобщих надеждах на утверждение лорис-меликовских проектов, при распространившихся в самые последние дни слухах об образовании «кабинета» министров, которому уже успели дать кличку визирата [5], категорическое и не допускающее никаких сомнений заявление царского манифеста произвело ошеломляющее впечатление. На следующий же день в руках у царя было прошение Лорис-Меликова об отставке. Сообщая об этом своему корреспонденту, Александр выражает надежду, что Абаза «завтра», в свой докладной день, подаст заявление об отставке; он одновременно сообщает о своих планах новых назначений: графа Игнатьева на место Лориса, Бунге — на место Абазы. Действительно, вслед за заявлением Лориса, последовало такое же прошение его ближайшего единомышленника министра финансов Абазы; Милютин, в качестве военного, не желая придавать своей отставке значение публичного протеста, задержал ее до 22 мая.

---

[1] Д. Милютин. Дневник, стр. 15—16.

[2] К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. 1, пол. 1, стр. 49.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 6, изд. 4, стр. 312.

[4] III П.С.З., т. 1, № 118.

[5] Г. К. Градовский. Итоги. Киев, 1908, стр. 79.

Вся либеральная бюрократия, о которой можно судить по дневнику государственного секретаря Перетца, прочла в манифесте «вызов, угрозу» [1]. Зато Катков встретил манифест передовой, в которой восклицал: «Как манны небесной народное чувство ждало этого царственного слова» [2].

Реакция, в этот первый еще только сравнительно неясно ощущаемый момент конца революционной ситуации в стране, все же еще не чувствовала себя настолько уверенно, чтобы развернуть всецело свою программу. «...Правительство Александра III,— пишет Ленин, — даже после выступления с манифестом об утверждении самодержавия, не сразу еще стало показывать все свои когти, а сочло необходимым попробовать некоторое время подурачить «общество» [3]. Под словом «подурачить» Ленин подразумевал «систему лжеуступок и некоторых кажущихся важными шагов «навстречу». Поэтому смена министров не носила такого решающего характера, какого возможно было ожидать после манифеста 29 апреля. Министром внутренних дел был назначен бывший министром государственных имуществ гр. Н. П. Игнатьев (на его место был назначен М. Н. Островский, брат знаменитого драматурга); на место Абазы был назначен его товарищ Н. Х. Бунге; военное министерство возглавил бесцветный ген. П. С. Ванновский, начальник штаба того рущукского отряда, которым командовал в войну 1877—78 гг. теперешний царь; но на посту начальника генерального штаба оказался Н. Н. Обручев, бывший член о-ва «Земля и Воля» (1862—63) и затем ближайший сотрудник Д. А. Милютина в деле проведения военных преобразований.

§ 2. Министерство Н. П. Игнатьева

Новый министр внутренних дел имел громкую европейскую известность. За ним значились такие важнейшие акты, как заключение Пекинского договора в 1860 г. и заключение Сан-Стефанского мира в 1878 г. Никто не отрицал в те годы за Игнатьевым ни трудолюбия и энергии, ни изворотливого ума и владения искусством политической интриги. Но, уже будучи послом, он приобрел в Константинополе клички «Ментир-паши» (лжеца-паши), «отца лжи», «черной лисы». Не прошло и трех месяцев после Сан-Стефано, как 11 мая 1878 г. Игнатьев был уволен в отставку, в деревню, «по расстроенному здоровью» [4]. Крушение это последовало в тот момент, когда готовился Берлинский конгресс, и оно навсегда оборвало дипломатическую карьеру Игнатьева.

---

[1] Е. А. Перетц. Дневник, стр. 69.

[2] М. Н. Катков. Собрание передовых статей за 1881 г., М., 1898, стр. 209.

[3] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 5, стр. 41—42.

[4] По формулярному списку в ЦГИАЛ, ф. Мин. Вн. Дел.. Деп. Общ. Дел I отд., 1 ст. № 91, лл. 10—20.

Тринадцать лет дипломатической деятельности в Константинополе стяжали Игнатьеву славу защитника славянства и создали ему прочные симпатии и связи в кругах московских славянофилов. Не играя уже никакой роли в последние годы царствования Александра II (Игнатьев занимал в 1879 г. и 1880 г. малозначительный пост нижегородского генерал-губернатора, на время ярмарки), он быстро в первые же дни царствования Александра III выдвигается вновь. Именно он осведомляет Александра III о нашумевшей тогда речи Ивана Аксакова, громившего «лжелиберализм», и вслед за тем 25 марта занял пост министра государственных имуществ [1].

Говоря о задаче, выпавшей на долю Игнатьева, Ленин называет его «...дипломатом, имевшим назначение прикрыть отступление правительства к прямой реакции» [2]. Никто не был более приспособлен для целей такой, говоря опять-таки словами Ленина, «внутренней дипломатии». У него были связи в обществе среди славянофильских кругов, а в своих действиях он пользовался своим восточным опытом; по словам Ленина, Игнатьев «...выступал не раз, как чистейший демагог и обманщик...» [3]. В дальнейшем мы найдем не одно подтверждение этой ленинской характеристики.

Уже первый шаг кратковременной министерской карьеры Игнатьева был непохож на поведение традиционного бюрократа. В день своего вступления в должность, 6 мая, Игнатьев опубликовал в газетах свой циркуляр губернаторам, рассчитанный конечно, на «общество», а не на губернаторов. В этом циркуляре, декларации своей «народной» политики, Игнатьев обещал, что переживаемые теперь затруднения «исчезнут вскоре при дружных усилиях правительства и общества», и заверял дворянство, «русское земство» и городское сословие в том, что их права останутся в «полной неприкосновенности».

С «крамолой» и с крестьянством Игнатьев говорил другим языком. «Искоренение крамолы» Игнатьев считал своею «первою задачею». Крестьянству, с одной стороны, предписывалось, что оно «должно не внимать вредным слухам», с другой — давалось демагогическое обещание облегчения его тягостей.

«Искоренение крамолы» ознаменовалось при Игнатьеве пышным расцветом политического предательства и провокации, которые в сфере полицейского розыска культивировал Судейкин. От тайной полиции не отставало и судебное ведомство. Киевский прокурор Стрельников стал известен на всю Россию своими изощренными издевательствами, насилиями и средствами развращения, при помощи которых он добывал от заключенных нужные ему показания. К той же задаче «искоренения крамолы» Игнатьев приступил и законодательным путем тотчас по вступлении в дол-

[1] А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров, т. II, стр. 223, 225.
[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 5, стр. 42.
[3] Там же.

жность. На место разрозненных распоряжений, ранее издававшихся, в связи с той или иной вспышкой революционного движения, Игнатьев решил теперь создать свод правил, «применение коих,— как он писал в своем представлении Комитету министров 30 июня 1881 г.,— могло бы обеспечить сохранение порядка в известной местности, коль скоро явится опасение в его прочности» [1]. 14 августа 1881 г. проектируемые Игнатьевым меры были утверждены. Сопровождавший их указ вуалировал значение этих мер утверждениями о «печальной необходимости допустить на время чрезвычайные меры преходящего свойства для водворения спокойствия и для искоренения крамолы». В действительности, изданное сроком на 3 года, т. наз. Положение об усиленной и чрезвычайной охране проуществовало до революции 1917 г. и по выражению Ленина, представляло из себя «фактическую российскую конституцию» [2].

Согласно этому положению местные власти по объявлении местности на положении усиленной или чрезвычайной охраны, получали право издания обязательных постановлений, нарушение которых каралось арестом до 3 месяцев или штрафом — до 500 рублей при усиленной, и до 3 тыс. руб. при чрезвычайной охране. Они получали также право высылки отдельных лиц из данной местности, закрытия торгово-промышленных предприятий, передачи дел на рассмотрение военного суда. При чрезвычайной охране они получали еще право секвестра недвижимого имущества и наложения ареста на движимое имущество и доходы, право приостановки периодических изданий и закрытия учебных заведений. Образованное при министре внутренних дел Особое совещание имело теперь право ссылки до 5 лет в самые глухие места империи [3]. Неудивительно, что Анатоль Леруа-Больe в тогдашнем своем труде о России сравнивал права, предоставляемые администрации положением 14 августа, с правами, которые «принадлежат главнокомандующему во вражеской стране» [4].

То преувеличенное значение, которое в правительственных кругах после 1 марта придавали силам революции, возбудило в придворной среде мысль об образовании, помимо существующей тайной полиции, еще особой добровольной организации по борьбе с революцией. С ведома Александра III гр. Воронцов-Дашков и др. в марте 1881 г. образовали общество «Священной дружины». Влиятельность и безнаказанность высокопоставленных инициаторов этого дела и громадные средства, которыми располагали эти «братья № 1, № 2, и т. д.» (так они, ради конспирации, себя именовали) привлекли к ним немало авантюристов, искателей лег-

[1] «Материалы по пересмотру установлений для охранения госуд. порядка», СПБ., 1905, т. 11, стр. 6.

[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 17, стр. 396.

[3] III П.С.З., т. 1, № 350.

[4] A. Leroy-Beaulieu, L'empire des tsars et les Russes, P, 1886, v. II, p. 151

кой наживы и т. п., говоря словами Валуева, «неприглядных и недобросовестных» людей» [1].

Провокация, шантаж и шпионаж были главными занятиями «агентов» «Священной Дружины». Для борьбы с терроризмом был в Женеве организован журнал «Правда» с ультра-террористическим направлением, долженствовавший, по мысли Дружины, дискредитировать «Народную Волю». Вслед за тем были затеяны, через посредство Н. К. Михайловского и П. Л. Лаврова от имени мнимой «Земской Лиги», переговоры с «Народной Волей», задачею которых было добиться хотя бы временного прекращения террористической деятельности «Народной Воли». Для обмана и шантажа либералов было в Женеве же издаваемо «Вольное Слово», при ближайшем участии Драгоманова. И здесь фигурировал мнимый «Земский Союз», который будто бы давал средства для издания «Вольного Слова». П. П. Шувалов фигурировал во всех этих шантажистских переговорах в качестве придворного конституционалиста, желающего действовать заодно с мифическим «Земским Союзом». Этой же цели в Москве служила газета «Московский Телеграф». «Священная Дружина» желала заняться и террором. Витте, который считает себя инициатором организации Дружины, полагал, что «анархистов» надо так же «предательски» и «изменнически» убивать, как они это делают [2]. В качестве жертв были намечены П. Кропоткин, а также известный французский публицист Рошфор [3]; ни одно из намеченных и, повидимому, даже подготовленных убийств не было выполнено. Такими же безуспешными были и другие попытки действий Дружины. Провокационная роль женевского террористического органа была сразу же разгадана революционерами. Скоро также отшатнулись революционеры и от «Вольного Слова». Переговоры с «Народной Волей» были оборваны. Более всего от действий Дружины страдал простой обыватель: то агент арестовывал гуляющую в парке девушку, которая ему показалась Верой Фигнер, то производили обыск в студенческой квартире, где шум колес детской коляски был принят за стук нелегального печатного станка и т. п. [4]. Заведывавший петербургской агентурой ген. Смельский писал, что агенты «вправе доносить о ком угодно, и что им взбредет на ум», и он же удостоверяет, что на основе этой «белиберды» решалась иногда судьба людей [5]. Менее всего

---

[1] П. А. Валуев. Дневник 1877—1884. Пгр., 1919, стр. 166; О-во «Священная Дружина», «Красный Архив», 1927, т. 21, стр. 206.

[2] С. Ю. Витте. Воспоминания, т. III, стр. 104.

Письма Н. А. Белоголового П. Л. Лаврову. В. Я. Богучарский. Из истории политической борьбы в 70-х—80-х гг. XIX века. Партия «Народной Воли», М., 1912, стр. 299—300.

[4] Д. Заславский. Взволнованные лоботрясы, «Былое», 1924, № 26, стр. 259.

В. Н. Смельский. Священная Дружина, «Голос Минувшего», 1916, № 4, стр. 169.

от таких действий, конечно, страдал настоящий революционер. В конце 1882 г., когда страх перед революцией упал, Дружина, под давлением Департамента полиции, была закрыта.

Наряду с «крамолой» правительство особенно опасалось в эти месяцы взрыва крестьянского движения. Крестьянские движения не прекращались в течение всех 60-х и 70-х гг. Первое марта породило среди крестьянства разноречивые слухи.

В первые дни марта особенно силен был слух, что царь убит помещиками, стремящимися к восстановлению крепостного права. Так говорили крестьяне в Рязанской и Псковской губ. В Смоленской, Ковенской, Петроковской, Волынской губерниях крестьяне добавляли, что теперь их вновь закрепостят. Обеспокоенный этими известиями Лорис-Меликов уже 27 марта циркулярно предложил губернаторам «крайне осторожно, чтобы не возбудить народного воображения», разъяснить крестьянам, где это будет нужно, что «ни одно из коренных сословий русского государства неповинно де в деле 1 марта [1]. Этими же «злонамеренно распускаемыми слухами» и «легко возможными волнениями и беспорядками» Лорис-Меликов 25 марта мотивировал свое представление в Государственный Совет о расширении круга тех групп крестьян, на которых должен распространиться закон о понижении выкупных платежей [2].

В мае настроения крестьян приобрели другой, не менее опасный характер. В Черниговской, Пензенской, Воронежской, Полтавской, Нижегородской губерниях стали распространяться слухи, что земля от дворян будет отнята и будет передана крестьянам; в Васильсурском уезде (Нижегородской губ.) манифест 29 апреля был принят за манифест о переделе земли; в Астраханской губ. в ожидании передела земли крестьяне прекратили полевые работы. Первым ответом Игнатьева на эту новую фазу крестьянских настроений были два циркуляра, последовавшие один за другим, 23 мая и 6 июня. Они предписывали губернаторам «немедленный объезд» тех пунктов, «где по тем или другим обстоятельствам возможно предполагать возбужденное настроение умов»; губернаторам предлагалось также войти в соглашение с местными духовными властями, дворянством и земством, чтобы общими силами «противодействовать распространению в среде крестьян нередко превратных суждений об явлениях государственной жизни вообще, в частности же относительно предстоящих будто бы изменений в поземельных отношениях» [3]. Однако правительство вынуждено было действовать в этот момент по отношению к крестьянству не только в форме скрытой или открытой

---

[1] С. Валк. После первого марта 1881 г. «Красный Архив», 1931, № 45, стр. 153 сл., 160.

[2] П. И. Лященко. Очерки аграрной эволюции России, т. II, СПб., 1913, стр. 646.

[3] С. Валк. Указ. соч. «Красный Архив», 1931, № 45, стр. 155, 161.

репресии. Оно вынуждено было также создавать видимость того, что им принимаются меры для облегчения тягостного положения крестьян.

Ранее всего был втайне решен, и решен крайне боязливо, вопрос о крестьянском переселенском движении. Земельная теснота, созданная положением 19 февраля, и невозможность, вместе с тем, расширения площади своего землевладения на месте, заставила крестьянство искать выхода в переселении преимущественно на незанятые еще места, более всего — в Сибирь и на Дальний Восток. Установившийся в этом вопросе правительственный курс защищал интересы поместного дворянства, опасавшегося потерять в лице уходящего крестьянства в одних случаях возможного арендатора, в других — близкие и дешевые рабочие руки. Уход из крестьянского общества Положение 19 февраля обставило условиями, делавшими этот уход возможным, по словам одного из исследователей «только в исключительных случаях»[1]. Несмотря на затруднительные условия ухода из крестьянского общества и несмотря на противодействие правительства, неразрешенный переселенческий поток в 1880 г. достигал годовой цифры в 40.000 человек по официальным данным, а на самом деле он был еще выше[2]. В 1880 г. правительство, наконец, вынуждено было приняться за разработку переселенческого закона. Однако, переселенческий вопрос приобрел остроту, вынудившую теперь же, до выработки закона, издать хотя бы временные правила относительно переселений. Эти временные правила, изданные 10 июля 1881 г., не внесли облегчения в положение переселенческого дела. Согласно этим правилам разрешение на переселение давалось двумя министрами, внутренних дел и государственных имуществ; земля отводилась поселенцам не в собственность, а только в пользование на короткий срок в 6—12 лет и размером не более 8 десятин на душу; вся правительственная помощь движущемуся потоку переселенцев ограничивалась устройством одной конторы на пути в Сибирь у переправы через Волгу, в Батраках (позднее в Сызрани)[3]. Значение этих переправ было тем более незначительным, что о них даже не было открыто сообщено, все из тех же опасений, как выражается официальный историк переселенческого дела, «вызвать преувеличенные размеры переселения»[4]. Переселение пошло и теперь мимо всяких министерских правил. Процент «самовольных» переселений в Сибирь доходил до 85—90% всего потока переселенцев; переселение,

---

[1] Ю. Э. Янсон. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1881, прил. стр. 41.

[2] Ф. Тернер. Государство и землевладение. СПб., 1901, т. 11, стр. 121.

[3] И. И. Тхоржевский. Исторический обзор деятельности Комитета Министров, СПб., 1902, т. IV, стр. 196—197.

[4] «Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом», СПб., 1900, стр. 109.

шедшее на Кубань или Тургайские степи, было целиком самовольным. Неудивительно, что правительству пришлось поневоле вскоре взяться вновь за пересмотр переселенческого вопроса [1].

Еще в марте 1879 г. была образована, и не в первый раз, комиссия по вопросу о подушной подати. Полтора года ее работ не дали никакого практического итога. Но когда Лорис-Меликову удалось заменить Грейга на посту министра финансов, А. А. Абазой, то тотчас по своем назначении Абаза предложил в Главном Комитете по устройству сельского населения провести прежде всего понижение выкупных платежей так, чтобы привести их в соответствие с ценностью выкупаемой земли. Несоразмерность выкупных платежей с ценностью земли, по расчетам Министерства финансов для нечерноземных губерний была такова, что вместо 20 с лишним миллионов по выкупной оценке, платеж, сообразный с действительной ценой земли, составил бы всего 8,3 миллиона, т. е. всего 41,5% выплачиваемой крестьянами суммы [2]. Абаза полагал, что предлагаемое им установление соответствия выкупных платежей и действительной стоимости земли будет «первым шагом к преобразованию системы прямых налогов». Подобная реформа должна была вызвать противодействие со стороны крепостнических и реакционных элементов. Это в действительности и произошло.

30 марта 1881 г. проект Абазы был внесен в Государственный Совет. Согласно проекту предполагалось произвести понижение выкупных платежей в 23-х нечерноземных губерниях. Однако, вопрос о понижении выкупных платежей повлек за собою постановку вопроса и о крестьянах, остававшихся до сих пор во временнообязанных отношениях. И теперь их платежи были гораздо выше платежей по выкупной операции. Понижение выкупных платежей еще более усиливало бы эту неравномерность. Абаза поэтому предлагал в тех губерниях, где будет произведено понижение выкупных платежей, установить обязательный выкуп не позже 1 января 1883 г., с тем, чтобы и эти крестьяне были уравнены в своих платежах со всеми остальными. Лорис-Меликов, исходя из необходимости «успокоить умы», настаивал на том, чтобы и понижение платежей и обязательный выкуп были распространены на всех вообще крестьян, без ограничения этой меры одними нечерноземными губерниями [3]. Государственный Совет принял предложение о повсеместном одновременно обязательном выкупе к 1 января 1883 г., но относительно понижения платежей в нечерноземных губерниях, считаясь с финансовыми аргументами Абазы, готового ассигновать на это дело лишь 9 млн. руб-

---

[1] Ф. Тернер. Указ. соч., стр. 121—125.

[2] П. Кованько. Реформа 19 февраля 1861 г. и ее последствия с финансовой точки зрения. Киев, 1914, стр. 221—222.

[3] П. И. Ляшенко. Указ. соч., т. II. стр. 645.

лей, решил, что в этих губерниях понижение будет производиться по особым представлениям [1].

В Государственном Совете вопрос о понижении выкупных платежей не вызвал сколько-нибудь значительных или принципиальных прений. Зато норма выкупной ссуды составлявшая, согласно положению 19 февраля 80%, теперь, когда при обязательном выкупе не было, конечно, ни малейшей надежды получить какую-либо приплату с крестьян, повела к требованию со стороны крепостников выдачи выкупной ссуды, в размере полных 100%. Иначе, по мнению выразителя интересов крепостников — б. министра внутренних дел Тимашева, вся операция оказалась бы сделкой «за счет кармана третьих лиц, именно помещиков». Голос Тимашева оказался в данный момент одиноким. Мнение Государственного Совета от 27 апреля было представлено для утверждения Александру III без признаков какого-либо разногласия. Тем не менее журнал Государственного Совета царем утвержден не был, а 20 мая состоялось повеление Александра произвести обязательный выкуп, но еще раз обсудить вопрос о понижении выкупных платежей, при участии экспертов [2].

В настоящее время нам известна в деталях вся закулисная история этого повеления, главными деятелями которой были Победоносцев и Игнатьев. А далее дело о понижении выкупных платежей пошло по пути изменения принципиальной установки всего вопроса. Под названием «земских экспертов» или «сведущих людей» были собраны 13 предводителей дворянства, представителей земских управ и пр. В своем большинстве они приняли ярко крепостническое предложение уже не впервые выступавшего в таком духе Дм. Самарина. Это предложение Самарина гласило, что выкупные платежи по положению 19 февраля, никакого отношения к ценности земли не имели и что они являлись уплатой не за землю, а всю совокупность крестьянских повинностей; поэтому понижая платежи, нет-де никаких оснований и теперь приводить их в какое-либо соответствие со стоимостью земли. Эта крепостническая точка зрения в таком виде прошла через Государственный Совет. Указы об обязательном выкупе и о понижении выкупных платежей были изданы 28 декабря 1881 г. [3]. На обязательный выкуп к 1 января 1883 г. должно было перейти около полутора миллиона крестьян, 15% всего количества бывших помещичьих крестьян. Выкупные платежи были понижены на 1 рубль с душевого надела, а на Украине в размере 16% с существовавшего оклада выкупных платежей. Общая сумма понижения платежей составила 12 млн. рублей. Часть этой суммы шла на общее понижение платежей по только что указанным нормам, остальная часть — на дополнительное в особо расстроенных

[1] Отчет по Государственному Совету за 1881 г., СПб., 1883, стр. 130—131.

[2] П. Кованько. Указ. соч., стр. 205.

[3] III П. С.З., СПб., 1885, т. 1, №№ 575 и 576.

хозяйствах. С финансовой точки зрения вся эта операция не могла представить трудностей для государства: государство получило за 1862—1880 гг. по выкупной операции чистого дохода почти 84 млн. руб.[1]. Полемизируя с народником Южаковым, видевшим в понижении выкупных платежей одно из «серьезных облегчений народного хозяйства», Ленин ответил Южакову следующим вопросом: «Не осталось ли и теперь, после пресловутого понижения выкупных платежей (которым государство не отдало крестьянам даже и того барыша, который оно нажило на выкупной операции) — несоответствие платежей с доходностью земли, т. е. прямое переживание крепостнических оброков?»[2].

При обсуждении проектов обязательного выкупа и понижения выкупных платежей в Государственном Совете весною 1881 г., т. е. в тот момент, когда вопрос об успокоении крестьянства стоял на очереди, выяснилось, что одни предложенные меры мало помогут делу, и были выдвинуты еще предложения о проведении других паллиативов, как-то организации кредита для покупки земли малоземельными, облегчения переселений, отмены круговой поруки, и т. п. В этой связи, в декабре того же 1881 г. в Государственный Совет за подписями Бунге, Игнатьева и Островского был внесен проект учреждения Крестьянского поземельного банка. И этому проекту пришлось испытать существеннейшие изменения, прежде чем он стал законом.

Нужда в необходимости подобного банка была общепризнана. В тогдашней литературе шла оживленная полемика по вопросу о «недостаточности крестьянских наделов»; самым известным явлением этой литературы оказалась ценная до сих пор книга проф. Яксона[3]. Во многих земствах, начиная с середины 70-х гг. обсуждался этот же вопрос и решался разным образом, вплоть до выдачи ссуд крестьянам на приобретение земли, как, напр., сделали Тверское и Таврическое земства[4]. Мотивы земских ходатайств и решений были прекрасно вскрыты одним из дворян в Харьковской губ. земским собранием в 1881 г. Гласный Гордеенко заявил здесь, что «землевладельцы Изюмского, Купянского и других южных уездов все желают продать имения», и на заданный самому себе затем риторический вопрос: «какие же покупщики могут дать самую наивысшую цену», ответил, конечно: «крестьяне»[5].

Для Бунге, в свою очередь, как он сам впоследствии писал, целью учреждения банка было «способствовать распространению ч а с т н о й (подчеркнуто самим Бунге) поземельной собственности между крестьянами»[6]. Эта идея нашла в проекте свое выражение в том, прежде всего, что размеры ссуд были благоприят-

[1] П. Кованько. Указ. соч., стр. 435.
[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 1, стр. 242.
[3] Ф. Ф. Воропонов. Крестьянский банк и его начало. — «Вестник Европы», 1905, № 12, стр. 508—523.
[4] ЦГИАЛ, Госуд. Совета, Деп. Гос. Экон., 1882, № 164, л. 2 об.
[5] А. Н. Зак. Крестьянский поземельный банк. М., 1911, стр. 38.
[6] «1881—1894», Записка, найденная в бумагах Н. Х. Бунге, стр. 106.

нее для единоличных приобретателей, чем для общин (при общинном землевладении ссуды на двор приходилось на 100—110 р. менее) [1]. Если эта черта проекта уцелела в законе, то в корне была изменена другая самая основная сторона первоначальной редакции проекта.

Представление трех министров в Государственный Совет ставило целью Банка предоставление «крестьянам малоземельным и безземельным способов приобретать землю в количестве, достаточном для обеспечения их быта и для выполнения обязанностей перед правительством». Но проект не предполагал «открывать крестьянам обеспеченным и зажиточным средства к покупке земель в неограниченном размере». Поэтому проект предлагал выдавать ссуды лишь в размере, достаточном для приобретения земли в таком количестве, чтобы во владении крестьянина оказалось не более размера высшего надела или же, при подворном владении, полного подворного участка. Ссуда выдавалась бы в размере 80%, а сам Банк предполагался при Главном выкупном учреждении [2].

Первые же критические отзывы членов Государственного Совета оказали решающее влияние на судьбу проекта [3].

Бунге оказался весьма уступчивым к этим реакционным отзывам и еще до обсуждения проекта внес уже в феврале 1882 г. новые предложения, в которых цель учреждения банка была изложена совсем в другом виде. Теперь Банк учреждался уже «не только в видах устранения малоземелья (крестьян), но и главным образом для укрепления в них уважения к праву частной собственности развитием сознания, что земля может быть ими приобретена покупкою по добровольной цене от землевладельцев, а не получением в дополнительный надел по распоряжению от правительства». Банк ставился вне связи с Выкупным учреждением, ссуда уменьшалась до 75% (чтобы не напоминать о размере выкупной ссуды) и, что самое главное, никакого ограничения ни категорий ссужаемых крестьян, ни размеров приобретаемой земли теперь уже не было. Одним словом, всякий намек на исправление созданного 19 февраля положения крестьянства был тщательнейше изъят и вместе с тем банк учреждался не для малоземельных, а для тех крестьян, кто может больше и лучше заплатить за землю, т. е. для кулаков [4].

И в департаментах и в общем собрании Государственного Совета была сделана попытка провалить закон. Члены Государственного совета гр. П. А. Шувалов и Мансуров, защищая крепостническую точку зрения, утверждали, что банк положит «первый камень» для ликвидации крупного землевладения, ибо стремление крестьян к приобретению земли «никогда не прекратится»,

[1] А. В. Красик. Крестьянский банк и его деятельность с 1883 по 1905 г., Юрьев, 1910, стр. 110.

[2] Указ. дело Госуд. Совета, Департ. Гос. Экономии, лл. 7—12.

[3] Там же, л. 81.

[4] Указ. дело Госуд. Совета, Деп. Гос. Экономии, л. 86 и сл.

а число землевладельцев в сравнении с числом крестьян совершенно ничтожно (в 8 губ. черноз. полосы в 1881 г. 15 317 землевладельцев свыше 100 дес. против ок. 6 млн. крестьян); поэтому, по их мнению, «совершенно невозможно, чтобы ничтожное количество землевладельцев могло устоять против напора интересов массы... даже... если давление будет происходить на почве чисто экономической, не сопровождаясь никакими прискорбными социальными явлениями». Несмотря на возражения меньшинства (среди которого были также Победоносцев и Толстой) проект был принят и утвержден царем 18 мая 1882 г. [1].

По изданному положению размеры операций банка ограничивались всего навсего 5 миллионами рублей в год. Деятельность Крестьянского банка, при таких условиях, имела совершенно ничтожное значение. За 10 лет деятельности Банка площадь крестьянского землевладения увеличилась всего только на 1,2% [2]. Среди клиентов Банка процент малоземельных в течение 80-х годов все уменьшался (с 42% в 1884 г. до 24,7% в 1891 г.) [3]. Условия покупки земли именно для этой группы становились все тяжелее вследствие проводимой Банком политики повышения доли крестьянских доплат (с 10% в 1882 г. до 37% в 1893 г.) [4]. Удержать землю в своих руках малоземельному крестьянству было труднее всего: покупная цена земли через банк была дороже, чем общая покупная цена (для 1883—1892 гг. банковская цена в среднем 42,6 руб. за десятину против общей цены, составлявшей 31,9 р.) [5]; платежи в банк во многих местах были выше арендной платы за землю (напр. в Рязанской губ. платежи в банк составляли 4 р. 37 к. — 6 р. 60 к., арендные же цены — 3 р. — 3 р. 70 к.) [6]; земли недоимщиков назначались в продажу (в 1886 г. — 21 случай, а в 1888 г. уже 132)[7]. Неудивительно, что напр. в Уфимской губ. 11% купленной через Банк земли ушло обратно из рук покупателей и, по свидетельству губернской земской управы, эти покупатели перешли «прямо в разряд безземельных и бездомных пролетариев» [8]. Политика банка была на пользу только кулацкой части крестьянства, да на пользу самих помещиков, поскольку для последних банк создавал возможность продажи земли по повышенным против обыкновенных ценам.

Указом 18 мая 1882 г. было положено запоздалое начало полной отмены подушной подати, неизбежность чего была осознана правительством еще в начале 60-х годов [9]. Теперь даже для

---

[1] III П.С.З., т. II, 1882, № 894, СПб., 1886.

[2] В. Ю. Скалон. Крестьянский банк и его недоимщики. «Очерки по крестьянскому вопросу», М., 1905. вып. II, стр. 1.

[3] А. Н. Зак. Указ. соч., стр. 92.

[4] Там же, стр. 92.

[5] Там же, стр. 163; А. В. Красик. Указ. соч., стр. 72.

[6] А. Н. Зак. Указ. соч., стр. 181.

[7] В. Ю. Скалон. Указ. соч., стр. 13.

[8] В. Ю. Скалон. Указ. соч., стр. 24.

[9] III П.С.З., т. II, №№ 887, 889; т. III, 1883, № 1582.

Государственного Совета, исходившего из крепостнической теории, что «зависимое положение низшего сословия, прикрепленного к земле, оправдывало отношение к нему, как к податной силе», было ясно, что с отменой крепостного права такой порядок «оказался в противоречии с правами, дарованными крестьянам положение 19 февраля 1861 г. Общее собрание Государственного Совета, вопреки небольшой оппозиции, вынуждено было признать, что отмена подушной подати «не есть в строгом смысле милость, а мера государственная, обусловливаемая необходимостью упразднить систему податей, задерживающую развитие народного благосостояния» [1].

Общая сумма подушной подати составляла в это время около 59 млн. рублей [2]. Бунге предполагал закончить полную отмену подушной подати в течение восьми лет. Но уже в 1885 г. он внес в Государственный Совет проект окончательной (кроме Сибири) отмены подушной подати. Остающаяся цифра ее составляла к этому году все еще около 39 млн. рублей. Большую часть образующегося вследствие отмены подушной подати дефицита Бунге предполагал покрыть путем повышения акциза на спирт, но в то же время значительную часть этого дефицита суммою в 15 млн. Бунге решил переложить на государственных крестьян. Государственные крестьяне платили оброчные платежи в размере 56 коп. за десятину земли, тогда как бывшие помещичьи крестьяне платили в среднем выкупных платежей с десятины по 1 р. 35 к., а бывшие удельные крестьяне по 74 коп. Бунге и решил переложить указанную выше часть дефицита на бывших государственных крестьян, повысив платимую ими оброчную подать на 45%. Но Государственный Совет был смущен такою откровенностью и была придумана вуалировка этого грабежа: этих крестьян, плативших теперь оброк, переводят на выкуп; за повышение же цифры новых выкупных платежей по сравнению с платимым теперь оброком вознаграждением явится в будущем (это должно было случиться в 1931 году) приобретение ими в собственность теперешней оброчной земли [3]. В таком виде и были опубликованы два закона, один 28 мая 1885 года, об окончательном сложении подушной подати [4], и другой — 12 июня 1886 года о переводе государственных крестьян на выкуп [5]. Все это дало впоследствии право Ленину, в его полемике с защитником правительственных благодеяний крестьянству С. Н. Южаковым, поставить Южакову вопрос: «не сопровождалась ли отмена подушной подати увеличением платежей бывших государственных крестьян под видом перевода их на выкуп?» [6].

---

[1] Отчет по Госуд. Совету за 1882 г., СПб., 1884, стр. 53.
[2] Там же, стр. 50.
[3] Отчет по Госуд. Совету за 1885 г., стр. 176—182.
[4] III П. С. З., т. V, 1885, № 2988.
[5] III П.С.З., т. VI, 1886, № 3807.
[6] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 1, стр. 242.

Если с революционерами и с крестьянством у Игнатьева не было и не могло быть никакого общего языка, то по отношению к так называемому «обществу» задача Игнатьева была значительно легче разрешима. Уже первый циркуляр Игнатьева был настолько двусмысленным, что либеральная пресса и либеральные земцы приветствовали его, хотя и с оговорками. «Голос», орган тогдашнего либерализма, нашел в этом циркуляре повторение призыва Лорис-Меликова о содействии общественных сил правительству [1]. Точно также «Земство», орган либеральных земцев, считало, что своим циркуляром Игнатьев «поспешил рассеять всякие сомнения, которые вызвала отставка Лорис-Меликова» [2]. В некотором роде именинниками чувствовали себя славянофилы. Отражая их настроения, Ольга Новикова писала из Москвы одному из своих корреспондентов, что произошло «великое у нас событие» (назначение Игнатьева и циркуляр его) [3], а Ив. Аксаков в «Руси» видел в лице Игнатьева «прежде всего русского умом и душою» министра, который сумеет создать «истинный русский государственный тип» [4]. Даже сам Лорис-Меликов подчинился влиянию словообильных обещаний своего преемника и говорил другому либеральному бюрократу Перетцу: «Вы увидите, Игнатьев пойдет дальше меня» [5]. Впрочем, «Земство» все же указывало, что Игнатьев не дал никаких «определенных указаний» на «средства, которые имеются в виду для достижения намеченной цели» [6].

Эти указания стали ясны из первых же действий Игнатьева. Как только в заседании Новгородского земского собрания была сделана попытка поставить вопрос о привлечении представителей земств для выполнения задач, намеченных в министерском циркуляре, тотчас всем губернаторам был направлен секретный министерский циркуляр, который предлагал не допускать обсуждения в земских собраниях вопросов, выходящих за установленные законами пределы [7].

Предотвращая, таким образом, без излишних трудностей, возможность политических выступлений со стороны земства, Игнатьев мог представить себя в то же время сторонником обращения к безвредному для власти голосу «земли». Когда Александр III не утвердил мнения Государственного Совета по вопросу о понижении выкупных платежей и предложил его обсудить еще раз в совещании трех министров с участием «экспертов», Игнатьев тотчас представил царю список этих экспертов и 22 мая опубликовал его в «Правительственном Вестнике», на-

---

[1] «Голос», 1881, 7 мая, № 125, стр. 1.
[2] В. Ю. Скалон. По земским вопросам, стр. 39—44.
[3] Депутат от России, Пгр., 1915, т. II, стр. 205.
[4] И. С. Аксаков. Полн. собр. сочинений, т. V, стр. 463—464.
[5] Е. А. Перетц. Дневник, стр. 72.
[6] В. Ю. Скалон. По земским вопросам, СПб., 1905, стр. 40.
[7] ЦГИАЛ канцел. мин. внутр. дел, 1881, № 2985. О постановлении новгородского земского собрания.

звав их «сведущими людьми» [1]. В состав вызываемых экспертов Игнатьев включил ряд деятелей, известных тогдашней России, деятелей совершенно определенного направления. Сюда вошли такого рода предводители дворянства и земские деятели, как Дм. Самарин, кн. А. Васильчиков, Н. Колюпанов. От созыва этого совещания (оно началось 2 июня) [2] крепостническая реакция только выиграла. Дм. Самарин, сыгравший в совещании руководящую роль, сумел провести в нем (ср. выше стр. 858) точку зрения на выкупные платежи, согласно которой они являются платой не только за землю, отведенную в 1861 г. крестьянам, но также выкупом крестьянских повинностей, т. е. платой за личность освобожденного крестьянина, и поэтому они не должны быть поставлены ни в какую зависимость от ценности и доходности этой земли [3]. Ни разу в течение протекших двадцати лет правительство не решилось провозгласить так открыто эту ярко крепостническую точку зрения, которая теперь с помощью «сведущих людей» была им официально усвоена. Успех опыта окрылил Игнатьева. Работа «сведущих людей», писал он в своем докладе царю, оказалась «настолько успешной, что их решение было пригласить в большем числе для обсуждения питейного и переселенческого дела» [4].

Первый созыв «сведущих людей» был произведен без особой огласки, и когда Н. Колюпанов, участник совещания, поместил о них статью в «Русской мысли», то вопрос о допустимости его поведения стал предметом переписки в министерстве внутренних дел.

Созыв второй сессии, которой надлежало рассмотреть переселенческий и питейный вопросы, сопровождался значительною газетною шумихою. При открытии совещания, 24 сентября, Игнатьевым была сказана бьющая на эффект речь, в которой он заявлял, что «земские сведущие люди» (теперь уже не просто «сведущие люди») призваны с той целью, дабы «самые жизненные вопросы не были решаемы без выслушания местных деятелей». Эта речь была тотчас напечатана, а затем министерство доставляло для печати также сведения о последующей деятельности «земских сведущих людей» [5]. Эта сессия не принесла осязательного практического результата. Высказывания земств теперь уже отражали происшедшие успехи реакции, не выходили за пределы более чем робких пожеланий о выборности «земских сведущих людей» (иначе они не могут-де называться «земскими»). Либеральный «Вестник Европы» готов был помириться даже на совещаниях председателей земских управ. Если, в то же время, относительно существующего способа созыва «сведущих

[1] Тот же фонд, № 260, лл. 4. 13.
[2] «Правительственник Вестник», 1881, №№ 110 и 118.
[3] Д. Ф. Самарин. Собрание статей, речей и докладов, М., 1903, т. 1, стр. 96 и сл.
[4] ЦГИАЛ, Канцелярии мин. внутр. дел 1881, № 3461, д. 104.
[5] «Правительственный вестник», 1881, №№ 181, 199, 213.

людей» один из харьковских земцев заявил, что способ этот «поселяет лишь недоразумение в среде населения губернии», то это являлось именно тем, что было нужно Игнатьеву для успеха его деятельности.

Еще одним жестом «навстречу» либеральному «обществу» было образование т. наз. «Каховской комиссии». Назначенные Лорис-Меликовым в 1880 г. сенаторские ревизии закончили свою работу, собрав обильный материал для характеристики положения дела управления на местах. В своем докладе царю от 4 сентября 1881 г. Игнатьев, высказав ту бесспорную истину, что «административное устройство, установленное при существовании крепостного права... очевидно, не может уже удовлетворять своему назначению», предложил образовать особую комиссию для выработки проекта преобразования местного управления. Председателем этой комиссии был назначен Каханов, бывший ближайшим сотрудником Лорис-Меликова в качестве товарища министра внутренних дел. Уже одно это недавнее прошлое Каханова должно было смутить не мало либеральных умов. В дальнейшем изложении мы встретимся с безрезультатным концом не малых, по своему объему, работ этой, вначале возбудившей некоторые напрасные надежды, комиссии [1].

В начале 1882 г. Игнатьеву казалось, что он достиг вершины своего влияния. В представленном им царю обзоре его восьмимесячной деятельности он отдал щедрую дань ее восхвалению [2]. Ведь вел. кн. Михаил Николаевич в глаза говорил Игнатьеву, что он «воображает себя новым Аракчеевым» [3]. Ободренный кажущимися результатами своей политики, Игнатьев задумал осуществить некое в полном смысле этого слова театральное представление, по размерам своим превосходящее все сделанное им до сих пор для демонстрации своей «народной» политики, именно организовать созыв «Земского собора» ко дню коронации Александра III. Начав это дело по сговору с Ив. Аксаковым, но втайне от всех других, в том числе и от Победоносцева, Игнатьев готовил его с февраля 1882 г. В апреле Игнатьев ознакомил царя с составленным им проектом манифеста, предполагая, повидимому, без труда получить подпись царя и опубликовать манифест и рескрипт к 6 мая, ко дню, с которым тогда связывали двухсотлетие созыва последнего собора при царе Федоре Алексеевиче. В состав Собора должно было войти по одному из подсчетов 3185 человек, из них 1950 крестьян. О задачах Собора проект манифеста глухо говорил, что собран собор «как в старину», «вообще для совещания государя со всею землею»; функции Собора определялись формулой: «Собор земский, решение царское» [4]. Когда Победоносцев узнал об игнатьевских проектах,

[1] М. В. Ислявин. Обзор трудов статс-секретаря Каханова. Особой комиссии. СПб., 1908, ч. 1, стр. 4.

[2] Обзор находится в указ. деле Канц. мин. внутр. дел, № 3461.

[3] Е. А. Перетц. Дневник, стр. 125.

[4] М. Н. Катков. Собр. передовых статей за 1882 г., М., 1898, стр. 233—234.

он свое обширное письмо Александру III (4 мая 1882 г.) закончил патетическими словами, что осуществление проекта будет «революцией, гибелью правительства и гибелью России» [1]. В свою очередь Катков через несколько дней (11 мая) разразился в «Московских Ведомостях» передовой, в которой требование «Земского собора» провозглашал «торжеством крамолы», требованием «Нечаевых и Желябовых». Судьба игнатьевского проекта была решена в созванном царем 27 мая совещании совершенно единодушно. Этим была решена судьба и самого Игнатьева. Игнатьев пал.

За год игнатьевского режима в стране произошли значительные сдвиги. В борьбе с революционным движением правительство одержало значительные успехи. Крестьянского движения в стране не было и дело ограничилось отдельными случаями мелких волнений (17 за 1881 год) [2]. В земстве, которое ранее служило оплотом деятельности либералов, все более силы приобретал голос дворянской реакции. В написанных в январе 1883 г. заметках тот же Кошелев восклицал: «неужели Россия идет назад и молодые больше реакционеры, чем даже те, которые уже жили и действовали во время крепостного права?» [3].

Все эти явления давали возможность правительству перейти теперь на путь уже явной и неприкрытой реакции. Указав, как Игнатьев надувал общество созывом «сведущих людей», и «положительными уверениями» о призыве «представителей страны к участию в законодательной работе», Ленин писал: «Прикрытие правительственного перехода на решительно новый курс этими проделками Игнатьева закончилось, и назначенный 30 мая 1882 г. министром внутренних дел Д. А. Толстой недаром заслужил себе прозвище «министра борьбы» [4].

II. ПОЛИТИКА ПРЯМОЙ РЕАКЦИИ

§ 1. Первые мероприятия Д. А. Толстого

После пятнадцатилетней деятельности своей на министерских постах (в 1865 г. — обер-прокурор Синода, с 1866 г. министр народного просвещения), Толстой стал олицетворением самой тупой, ограниченной, но и бесконечно настойчивой и твердокаменной реакции. Когда теперь Толстой вновь был назначен министром внутренних дел, это не могло не вызвать впечатления и неожиданности и решительного успеха реакции. Человек весьма умеренный и даже благонамеренный, редактор «Русской Старины» М. И. Семевский, писал в своих заметках, что «это вне-

---

[1] Письма Победоносцева к Александру III, М. 1925, т. 1, стр. 381.

[2] Н. С. Юферев. Крестьянское движение в России в конце 70-х и в 80-е годы. Ученые Зап. Свердловского Гос. Пед. Ин-та, 1940, т. II, стр. 115—116.

[3] А. И. Кошелев. Записки, Берлин, 1884, стр. 271.

[4] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 5, стр. 43.

запное назначение удивило меня, как удивило и всю грамотную Россию»[1]. Катков в передовой «Московских Ведомостей» писал по поводу этого назначения, что «имя графа Толстого само по себе уже есть манифест и программа»[2]. Эту программу, программу крепостнической реакции, уже провозглашенную и Александром III и Победоносцевым, Толстой развернул с первого же шага своей деятельности, насколько можно судить об этом по имеющимся в нашем распоряжении отрывочным данным. В письме, извещавшем царя о согласии Толстого занять пост министра, Победоносцев писал царю, что при вызове к царю Толстой «почтет долгом доложить... свои взгляды на некоторые существенные предметы» своего ведомства[3].

Содержание этого первого разговора Толстого с царем сохранилось в записи дневника П. А. Валуева, со слов самого Толстого. Толстой заявил царю, согласно этой записи, что он «не признает крестьянской России», и прибавил, говоря о дворянстве: «Ваши предки создали Россию, но они нашими руками ее создали». После этого замечания Толстого, — гласит запись Валуева, — царь покраснел и отвечал, что он этого не забывает». Так политика дворянской крепостнической реакции была твердо и определенно намечена Толстым при первом же его свидании с царем. Полемизируя с народниками, считающими буржуазность «какою то случайностью» и ожидающими открытия в «народном строе» «других каких то общественных отношений», Ленин дал яркую характеристику наступившей теперь «на час» реакции: «Крепостники, не совсем добитые реформой, так безобразно изуродованной их интересами, ожили (на час) и показали наглядно, каковы эти другие наши общественные отношения, помимо буржуазных, показали в форме такой разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции, что наши демократы струсили, присели...»[4].

Однако, Толстой не сразу принялся за то коренное изменение политических отношений, которое должно было, по возможности, вернуть отношения власти и общества, а также крестьян и помещиков к существовавшему в крепостной России положению. Первые шаги Толстого были направлены по линии наименьшего сопротивления; печать и школа стали первыми жертвами наступающей реакции. Однако и здесь характерна осторожность Толстого вначале. Даже несколько месяцев спустя после своего назначения, в декабре 1882 г., Толстой с осторожностью писал Победоносцеву, что «...почти вся наша пресса отвратительна, многие газеты желательно было бы прекратить, но не благоразумнее ли действовать потише, постепенно»[5]. Задачею политики Толстого

---

[1] М. И. Семевский. Материалы к запискам. Рукопись в Институте Русской Литературы АН СССР, л. 497.

[2] М. Н. Катков. Собр. передовых статей за 1882 г., стр. 280.

[3] Письма Победоносцева к Александру III, т. 1, стр. 386.

[4] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 1, стр. 267.

[5] К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. 1, пол. 11, стр. 265.

стало именно поставить печать в такие бесправные условия, чтобы выход всех нежелательных для правительства изданий мог быть беспрепятственно прекращаем самим правительством, или же, что было еще желательнее, чтобы сами издания прекращали свой выход вследствие тех невозможных условий, в которые они были бы теперь поставлены. Не прошло трех месяцев со дня назначения Толстого, как им, «ввиду исключительных обстоятельств», был проведен через Комитет министров новый закон о печати, в качестве «временных правил», утвержденных 27 августа 1882 г. Согласно этим правилам, периодические издания, приостановленные после третьего предостережения, при возобновлении своего выхода в свет должны были представлять очередные номера в цензуру накануне выхода к 11 час. вечера, причем, в случае обнаружения «значительного вреда» от выхода номера в свет, цензору предоставлялось право задерживать номер по своему усмотрению. Естественно, что при таких условиях выход газеты, лишенной того свежего материала, который представляет главный в ней интерес, но который поступает обычно в редакцию не столько до 11 часов вечера, сколько позднее и даже глубокой ночью, становился совсем невозможным. Далее, по новым правилам, для приостановки издания, с воспрещением редакторам и издателям запрещенных изданий впредь заниматься этим делом, достаточно было постановления совещания четырех министров, в то время, как по действовавшему до того времени закону для запрещения издания навсегда нужно было решение Первого департамента Сената. Наконец, один пункт правил был направлен специально против возможности участия в печати революционеров и эмигрантов: редакции обязаны были сообщать, по требованию Министерства внутренних дел, имена авторов помещаемых под псевдонимом статей [1].

Новые правила о печати быстро оказали свое действие в желательном для реакции направлении. В ближайшие два года, в 1883—1884 гг., прекратили свое существование все радикальные и значительнейшая часть либеральных изданий. В то же время только два издания, «Московский Телеграф» (1883) и ненавистные правительству «Отечественные Записки» были прекращены по постановлению совещания четырех министров. Три издания, в том числе либеральные «Голос» и «Страна» сами прекратили свой выход после подчинения их упомянутой выше карательной цензуре. Ряд либеральных изданий («Земство», «Порядок», «Молва» и др.) прекратился, даже не ожидая репрессий; среди этой группы было и радикальное «Дело», в котором столь значительную роль играл Н. В. Шелгунов. Конечно, этот разительный успех реакции, отбросивший печать почти к дореформенным временам, был обусловлен не только мероприятиями правительства, но и в первую очередь поведением либералов, которые все более и более обнаруживали свою трусость и капитулировали перед пра-

[1] III П.С.З, т. II, 1882, № 1072.

вительством. Прекращение «Отечественных Записок», руководимых Салтыковым-Щедриным, было крупным общественным событием. Это сознавало правительство, мотивировавшее свой акт в пространном правительственном сообщении, перечислявшем существующие и несуществующие прегрешения журнала [1]. Никто из либералов не только не выразил печатно своего отношения к этой, говоря словами Салтыкова-Щедрина, переполнившейся «мере беззакония», но даже не откликнулся на это и частным образом: «хоть бы одна либеральная свинья выразила сочувствие», писал по этому поводу Салтыков [2]. Отклики были все же; но откликнулись на этот разгром отнюдь не либералы, а радикальная интеллигенция в подпольных листках и изданиях, преимущественно студенческих.

Мы уже упоминали, что наряду с печатью первые удары реакции направлены были на школу. Министром народного просвещения незадолго до того был назначен И. Д. Делянов, ближайший помощник Толстого в бытность последнего министром народного просвещения. Моральные качества Делянова заставили Б. Н. Чичерина в разговоре с выдвинувшим теперь кандидатуру Делянова Победоносцевым назвать Делянова «отребьем человеческого рода» [3].

Наибольшую тревогу в правительственных кругах вызывала, конечно, высшая школа, ибо студенческие движения, при слабости в те годы рабочего и крестьянского движения, играли роль важного массового фактора общественного движения.

Средней школе министерство народного просвещения посвятило специальный циркуляр 20 ноября 1882 г. Исходя из того, что за последнее время в 18 школах произошли «крупные коллективные беспорядки или же неслыханные и почти невероятные бесчинства отдельных учеников» и что в 24 школах «обнаружились на отдельных учениках более или менее значительные следы пагубного влияния преступной пропаганды», циркуляр предлагал строго выполнять все распоряжения по дисциплинарной и воспитательной части, которые были изданы во времена Толстого; среди вводимых циркуляром мероприятий стоит отметить предложение, чтобы поступающие в школы пожертвования употреблялись не на стипендии, а на «устройство общежитий, подчиненных надзору учебного начальства». Итак, здесь, после некоторого ослабления толстовского режима при двух недолговременных преемниках Толстого, дело пока ограничилось возвращением к старым толстовским временам [4].

В отношении высшей школы Делянов в данный момент тоже еще не пошел далее старых неосуществленных толстовских пла-

---

[1] «Правительственный Вестник», 20 апреля 1884, № 87.
[2] М. Е. Салтыков-Щедрин. Неизданные письма, М., 1932, стр. 148.
[3] Б. Н. Чичерин. Воспоминания, т. IV, М., 1934, стр. 106.
[4] С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения, 1802—1902, СПБ., 1902, стр. 638—639.

нов. Еще в 1880 г. Толстой внес в Государственный Совет проект нового университетского устава. После падения Толстого проект устава считался похороненным, были отменены даже произведенные Толстым нарушения устава 1863 года и восстановлено действие устава 1863 года в его полном объеме. Теперь, в стремлении поскорее покончить с университетским вопросом, и предвидя ту затяжку, которую вызовет проведение устава обычным законодательным порядком через Государственный Совет, сперва вознамерились провести основные положения устава в виде временных правил через Комитет министров. Когда эта попытка потерпела неудачу, не дойдя даже до Комитета министров, толстовский проект нового университетского устава в октябре 1882 г. был вновь внесен в Государственный Совет. Осуществление меры, которая должна была, по мнению реакции, решительно ликвидировать университетский вопрос, затянулось этим на целых два года. В результате длительного обсуждения проекта и в департаментах и в общем собрании Государственного Совета большинство Совета высказалось против проекта. Среди противников проекта был и Победоносцев, вступивший здесь, по выражению Каткова, в «коалицию» со своими «заклятыми противниками» [1], защищавший и перед царем взгляд, что от нового устава «добра не будет» [2]. Тем не менее, 23 августа 1884 г. новый устав стал законом.

Новый устав полностью ликвидировал автономию университетов, и на ее место поставил всевластие министра и попечителя учебного округа. Все выборные по уставу 1863 г. должности, как то должности ректора, деканов и профессоров, подлежали теперь замещению по назначению, причем при назначении данного лица на должность роль должны были играть «не одни ученые качества и заслуги», но и политическая благонадежность и «готовность» стать «истинно-доброжелательными» наставниками студентов (т. е. должное с полицейской точки зрения к студентам отношение). Непосредственным начальником и полновластным распорядителем университета становился попечитель. Попечитель ведал теперь университетской инспекцией и, охраняя «порядок и дисциплину» в университете, имел по уставу право превышения своей власти «в случаях чрезвычайных». От попечителя зависел и преподавательский состав университета, так как он заполнялся и двигался по служебной лестнице по представлениям попечителя. На студентов должны были воздействовать в желательном направлении также учебные средства, из которых существеннейшим было установление после прослушания полного университетского курса, испытаний в особых испытательных комиссиях, назначаемых министром, а также способ назначения стипендий [3]. Первым ответом на новый устав была шумная демон-

[1] К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. 1, полут. 1, стр. 349.
[2] Письма Победоносцева Александру III, т. II, стр. 169.
[3] III ПСЗ, т. IV, № 2404.

страция московских студентов и студенток на Страстном бульваре у квартиры вдохновителя устава — Каткова (2 октября 1884 г.).

Дальнейшим развитием университетского устава были правительственные мероприятия 1885 г. Согласно правилам для студентов 16 мая 1885 г. было установлено известное положение, что студент является «отдельным посетителем университета», ими же были установлены новые стеснительные права сдачи университетских экзаменов [1]. В том ж егоду была введена отмененная в 1861 г. форменная одежда для студентов, так как по мнению Делянова, «она являлась весьма существенным средством надзора за студентами» [2].

Таковы были начальные шаги толстовского правительства.

В дни коронации Александра III, в мае 1883 г. крепостническая реакция сделала еще шаг вперед. Всего год тому назад с крестьянством заигрывали, понижая выкупные платежи, устанавливая обязательный выкуп, учреждая Крестьянский банк. Теперь же Александр III громко заявил всему крестьянству в лице его представителей на коронации — волостных старшин и гминных войтов: «Следуйте советам и руководству ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным и нелепым слухам и толкам о переделах земли, даровых прирезках и тому подобному» [3].

Вместе с этим категорическим признанием своей роли дворянство получило также материальное вознаграждение за правительственную политику некоторых уступок крестьянству: таким вознаграждением за обязательный выкуп были в частности дополнительные суммы помещикам в размере $^1/_{12}$ части выкупной суммы. Правда, и с крестьян была сложена часть недоимок, но для оценки этого мероприятия надо не забывать о том, что взыскать эти недоимки было делом совсем безнадежным.

Ликвидируя имевшие видимость уступок мероприятия начала царствования, оставалось ликвидировать т. наз. Каховскую комиссию, учрежденную еще при Игнатьеве и к 1884 г. закончившую выработку проекта «Положения об устройстве местного управления». Каховская комиссия работала, таким образом, в направлении, принятом ею еще в 1881 г. при министерстве Игнатьева и не учитывала всей совершившейся с того времени крутой перемены правительственного курса. Ее работа в таких условиях не могла не оказаться мертворожденной. Проект Каханова был передан в специально образованную Особую Комиссию из наиболее ярких представителей крепостничества, вроде пензенского предводителя дворянства кн. А. Д. Оболенского, алатырского — А. Д. Пазухина, орловского — С. С. Бехтеева и т. п.

Каховская комиссия предлагала сделать еще некоторый

[1] С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности Мин-ва нар. просв., СПб., 1902, стр. 619.

[2] Сборник постановлений по министерству Народного просвещения, т. X, СПб., 1894, № 49 (ср. ПСЗ, т. V, 1885, 2927).

[3] «Московские ведомости», 1883, 21 мая.

шаг вперед к буржуазному преобразованию земских учреждений. Так, например, занявшись вопросом о составе уездных земских учреждений, комиссия предлагала изменить существовавшую тогда основу ценза — владение землею, более широким принципом — владением любой недвижимостью, что давало избирательные права также буржуазии, владельцам промышленных и других хозяйственных заведений. Точно также она предлагала понизить размер существовавшего тогда ценза. В Особой Комиссии назначенные туда крепостники выступили решительно не только против кахановских проектов, но и против земского положения 1864 г., выдвинув требование введения крепостнического сословного принципа при установлении состава земства.

Кахановская Комиссия выдвинула проект образования «всесословной волости», в состав которой входило бы «все проживающее в границах волости население», включая города, посады и местечки, т. е. опять таки предлагала сделать некоторый шаг к дальнейшему развитию буржуазного принципа бессословного общества. Особая Комиссия большинством 24 против 7 голосов отвергла установление всесословной волости и, наоборот, выдвинула крепостнический проект создания участковой власти «близкой, дешевой и сподручной», власти дворянской над крестьянским самоуправлением, по типу пореформенных мировых посредников из среды дворянства. Так было и со всеми другими предположениями Кахановской комиссии.

Однако, Особая комиссия не только отвергала предлагаемые Комиссией проекты; она также предлагала свои собственные и то, что она предлагала, содержало разрозненные звенья программы обширной и разносторонней крепостнической контрреформы, ликвидирующей все, что только возможно было бы ликвидировать из буржуазных реформ 60-х гг. Так, напр., упомянутый выше С. С. Бехтеев предложил в волостном управлении соединить административную и судебную власть, что нашло свое осуществление в деятельности вскоре учрежденных земских начальников.

11 апреля 1885 г. Кахановская комиссия была объявлена закрытой и все ее материалы подлежали передаче в Министерство внутренних дел [1].

§ 2. Социальная политика дворянской реакции

Немногим ранее один из членов упомянутой только что комиссии А. Д. Пазухин, выступил в «Русском Вестнике» с программною статьей, которая сыграла роль своего рода манифеста дворянской реакции.

Пазухин выступил в своей статье с неприкрытой проповедью возврата к старому крепостническому строю, с требованием ликвидации «фикции о политическом равенстве сословий, об одина-

[1] М. Ислави. Указ. соч., ч. I, стр. 52. 58, 78—80.

ковой их политической правоспособности». Пазухин утверждал, что, когда было отменено крепостное право, восстановления которого он все же не решался открыто потребовать, дворяне в связи с этим получили новое право, право выставлять мировых посредников, ставших «естественными руководителями крестьянства». Но земская реформа уже целиком отвергалась Пазухиным. По Пазухину, она начала разрушение «исторических сословий», поставив на их место «случайные группы имущественников». В своем обличительном рвении Пазухин договаривался до утверждения что «там, где поместное дворянство теряет влияние на ход дела, власть очень быстро переходит в грязные руки представителей новых элементов», что там «земство находится в руках простой шайки негодяев». Последующие реформы продолжили, по Пазухину, начатое земской реформой разрушительное для старого крепостнического порядка дело. Городская реформа отстранила «наши старые городские сословия купцов и мещан». Судебной реформе «суждено было закрепить новый порядок, взяв дезорганизованную Россию под свою защиту». Военная реформа нанесла последний удар дворянству, наполнив офицерский корпус «разношерстной бессословной толпой». Эта «противодворянская политика прошлого царствования» создала смуту. Именно эта правительственная политика, а не социалистическая пропаганда, утверждает Пазухин, породила в крестьянстве убеждение о переходе к нему помещичьих земель; она повела к ликвидации дворянством своего землевладения; она создала интеллигенцию, пополняющуюся «отбросами» из «расшатанных сословий». Средство лечения этих язв для Пазухина — только одно, в решительном восстановлении крепостнических сословных порядков, в обратной «замене бессословного начала сословным», в том, чтобы дворянству было возвращено его былое значение, чтобы дворянство стало «снова служилым и вместе с тем земским сословием» [1].

Эта статья, по свидетельству ряда мемуаристов (Мещерского, Феоктистова) [2], повела к приглашению Пазухина Толстым в правители дел канцелярии министра и к предложению ему выработки плана контрреформ. «Теперь наступает второй период моей деятельности», говорил Толстой в этой связи Феоктистову [3]. В течение ближайших лет Пазухин облек свои крепостнические идеи в формы законодательных проектов.

Эти промежуточные годы, годы подготовки и обсуждения, контрреформ (1885—1889) были заполнены рядом самых ярких проявлений крепостнической реакции во всех проявлениях общественно-политической жизни.

---

[1] А. Пазухин. Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886, стр. 8, 13, 15, 21, 22, 24, 60.

[2] В. П. Мещерский. Указ. соч., т. III, стр. 232; Е. М. Феоктистов, указ. соч., стр. 249.

[3] Е. М. Феоктистов, указ. соч., стр. 250.

Помещичье хозяйство в течение двух с лишним пореформенных десятилетий шло неуклонно к упадку. Новые отношения, давшие сильнейший толчок капиталистическому развитию, разрушали все более то, что оставалось от крепостных времен. Дворянское землевладение переходило в буржуазные руки или, в лучшем для дворянства случае, обременялось долгами и долгами. Помещичье хозяйство в обстановке аграрного кризиса 80-х годов, лишенное принудительного крестьянского труда, не хотело мириться с необходимостью пользоваться наемным трудом и стремилось консервировать отработки [1]. Как только дворянство почувствовало, что новый правительственный курс ему благоприятствует, оно засыпало власти ходатайствами о поддержке дворянского землевладения и о восстановлении крепостнических форм эксплоатации крестьянского труда.

Задача поддержки все сокращающегося и все более погрязающего в долгах дворянского землевладения была возложена на вновь учреждаемый Дворянский земельный банк. В конце 1883 г. орловские дворяне обратились с прошением об организации поземельного кредита для дворянства. «Действительно пора, наконец, сделать что-нибудь, чтобы помочь дворянству», гласила резолюция царя на этом прошении [2]. Вслед за тем последовал целый ряд новых дворянских ходатайств и к столетней годовщине екатерининской жалованной грамоты дворянству, 21 апреля 1885 г., было возвещено об устройстве сословного Дворянского земельного банка. Изданный по этому случаю рескрипт безоговорочно провозглашал «первенствующее место» дворянства в делах государственного управления. Самое учреждение банка рескрипт мотивировал стремлением, чтобы «дворяне тем более привлекались к постоянному пребыванию в своих поместьях, где предстоит им преимущественно приложить свои силы к деятельности, требуемой от них долгом их звания» [3]. В последних словах были как нельзя лучше формулированы реакционные цели и задача восстановления тех дореформенных порядков, когда дворяне сидели у себя на местах и в своих поместьях осуществляли принадлежавшие им тогда права государственной власти.

Учрежденный новый банк имел сугубо крепостнический дворянский характер: если дворянин, должник банка, продавал свои земли не дворянину, то последний обязан был уплатить ссуду в пятилетний срок, дабы он не пользовался льготами, принадлежавшими исключительно дворянству; дворяне могли закладывать в банке только земельные владения, и не имели права закладывать в банке фабрик, заводов и т. д. Дворянский банк предоставлял ссуду под $4^1/_2$% годовых, в то время как частные банки

---

[1] О положении помещичьего хозяйства и влиянии аграрного кризиса на общественные отношения см. выше гл. VI.

[2] Отчет по Государственному Совету за 1885 г., СПб., 1887, стр. 274.

[3] III ПСЗ, т. V, 1885, № 2882.

брали 5½%, а крестьянский банк более всех — 6½% [1]. В 1886 году, за первый год своей деятельности, Дворянский банк выдал ссуд почти на 69 млн. руб., в то время когда Крестьянский банк — на 11 с небольшим млн. руб., т. е. в шесть раз менее. Эта разница в цифрах ссуд Дворянского и Крестьянского банков все возрастала и в 1893 г. сумма ссуд Дворянского банка превышала в 8 раз сумму ссуд Крестьянского банка (42 млн. против 5 млн.) [2]. Дворяне чрезвычайно быстро воспользовались правительственными милостями и поспешили перезаложить свои земли из частных банков в Дворянский. Уже через три года, в 1889 г. оказалось, что дворянская недоимка в платежах банку составляла более 10½ млн. руб. Опять-таки, вместо того, чтобы взыскать эту громадную сумму дворянской недоимки, правительство провело ряд новых льготных мер, которые сложили ее с разорявшегося дворянства [3].

Тогда же дворянство проявило особую настойчивость в деле давления на правительство с целью изменения существующего законодательства о найме рабочих и проведения закона, который вернул бы наемный крестьянский труд к старым формам принудительной работы. В 1886 г. составленный Министерствами внутренних дел и государственных имуществ проект такого нового закона поступил на рассмотрение в Государственный Совет. Государственный Совет прекрасно усвоил основные положения крепостников, гласившие, что «помещичье землевладение страдает у нас от злоупотреблений рабочих»; что помещики страдают от «неестественных условий равенства», в которые будто был теперь поставлен дворянин-землевладелец и нанимающийся к нему, им обезземеленный в 1861 г., крестьянин; что закону надлежит установить «первенствующее место, которое должно принадлежать нанимателю перед рабочими, в качестве хозяина». Новый закон, действительно, в значительной мере вернул дворянину-помещику утерянное им было «властное положение» над наемным рабочим и служащим. «Договорный лист», обязательно составлявшийся, согласно новому закону, при найме, обеспечивал помещику «бесспорность» его иска; суд обязан был рассматривать дела по искам помещиков в отношении рабочих в ускоренном порядке; и, наконец, еще более возвращало новые отношения к крепостным порядкам то, что наказание по этим делам налагалось судом в уголовном порядке, не в виде денежного взыскания, а в виде ареста. Это правительственное судопроизводство, которое должно было обслуживать теперь дворянина, обеспечивало ему, во всей еще возможной в пореформенных условиях степени, ранее столь привычное внеэкономическое принуждение со стороны дворянина по отношению к труду крестьянина [4].

---

[1] А. Н. Зак. Указ. соч., стр. 219.

[2] Там же, стр. 211.

[3] Отчет по Государственному Совету за 1889 г., СПб., 1891, стр. 303 и сл.

[4] Отчет по Государственному Совету за 1886 г., СПб., 1888, стр. 373 и сл., III ПСЗ, т. VI, 1886, № 3803.

Стремясь к восстановлению дореформенных общественных отношений, дворянство встречало на своем пути к этой цели стихийную силу растущих капиталистических отношений, и все возраставшее разорение крестьянского хозяйства. Устранить это разорение могла только полная ликвидация помещичьего землевладения. Но борьба именно против этого единственного действительного выхода составила содержание аграрной политики реакции, которая свела на нет значение даже такого безобидного учреждения, каким был Крестьянский банк. Реакция искала выхода из положения не в расширении площади крестьянского землевладения, а в консервировании всеми средствами существующих отношений в том виде, в каком они были. Она надеялась, что этим сможет, если не предотвратить нарастающий общественный кризис, то хотя бы в известной мере задержать его. Орудиями своей политики реакция хотела сделать крестьянскую семью и крестьянскую общину, возвратив их к тому состоянию, в котором они находились в дореформенную эпоху.

После ряда обращений дворян, правительство в 1884 г. выработало законопроект, который должен был отменить существовавшее по положению 19 февраля правило, что раздел семьи мог быть произведен с согласия сельского схода. Правительством была вполне воспринята патриархальная точка зрения инициаторов этого дела — дворян: идеалом «как в нравственном, так и в экономическом отношениях для него теперь оказалась «рабочая семья», т. е. «союз родственников, подчиняющихся главенству старшего члена и трудящихся в общую пользу». Нечего говорить, что и Государственный Совет усмотрел в проекте нового закона мероприятие против распространяющегося среди крестьян «духа своеволия и распущенности» [1].

Новый закон, изданный в 1886 г., вводил новое патриархальное правило, что раздел семьи мог быть совершен только с разрешения родителя или старшего в семье. Он устанавливал также, что на сходе постановление о разрешении раздела должно было собрать уже не простое только большинство голосов, а не менее их $^2/_3$ [2]. Закон устанавливал и ряд других формальностей. При нарушении какого-либо из установленных законом правил раздел не признавался властями и взимание налогов, повинностей и т. п. должно было быть производимо с семьи в ее прежнем нераздельном виде.

Напрасно, однако, было думать, что измельчание крестьянских наделов, являвшееся результатом семейных разделов, можно было предотвратить путем какого-либо закона. Даже более льготный режим, который был установлен положением 19 февраля, оказался слишком стеснительным для развития дореформенной крестьянской семьи. Так за 1861—1882 гг. было совер-

[1] Там же, стр. 344 и сл.; ЦГИАЛ, ф. Государственного Совета, Деп. законов, 1884. № 130.

[2] III П.С.З., т. VI, № 3578.

шено 2.371.248 разделов, и из них только 303149, т. е. только 12,8% с согласия сходов; к концу 70-х гг.— нач. 80-х гг. число разделов стало увеличиваться и достигло 150.000 в год [1]. Новый закон не задержал разложения в условиях развивающегося капиталистического хозяйства, патриархальной крестьянской семьи. По данным 90-х гг., напр., в Бузулукском уезде из произведенных семейных разделов 95% были неразрешенными; в Спасском уезде (Казанской губ.) самовольных разделов было в 30 раз больше, чем разрешенных; о Минской губ. сведения, передающие скорее впечатления, чем факты, сообщали, что там произведены десятки разрешенных разделов и десятки тысяч неразрешенных и т. п. [2].

Над крестьянской семьей стояла крестьянская община. Ее также дворянство стремилось сделать предметом своей реакционной аграрной политики. Однако, среди крепостников не было единодушия в их взглядах на общину. Одни были ее сторонниками, считая ее опорой против образования безземельного крестьянства, что по их мнению прямо вело к аграрной революции; они видели в общине также полицейское и фискальное учреждение, разрушение которого, по их мнению, ослабило бы аппарат государственной власти. Другие, как это обнаружилось, напр., в Государственном Совете при обсуждении вопроса о Крестьянском банке в 1889 г., желали образования крупного крестьянина-собственника, считая, что он явится в будущем опорой частного землевладения в России; сторонники этого взгляда видели в общине главное препятствие к развитию такого кулацкого землевладения.

Вопрос о судьбах общины занимал видное место и в сенаторских ревизиях 1880—1881 гг. и в земских ходатайствах, и в совещаниях «сведущих людей» 1881 г., и в донесениях губернаторов о тех или иных неурядицах в крестьянском хозяйстве. В подобных заявлениях и обращениях настоятельно выдвигался вопрос об ограничении права общины на земельные переделы. Толстой уже в 1883 г. потребовал от губернаторов представления сведений о практике местных переделов земли, причем полученные им ответы говорили о самой разнообразной их частоте (вплоть до ежегодных переделов, напр. в Саратовской губ.) [3]. Но Толстой не довел вопроса о переделах до какого-либо окончательного разрешения. Толчком к окончательному разрешению этого вопроса был голод 1891—1892 гг. В заявлении Симбирской губ. земской управы указывалось именно на земельные переделы как основную причину беспомощности крестьянского хозяйства в момент неурожая: «даже хорошие домохозяйства», по

[1] Законодательные материалы по вопросам, относящимся к устройству сельского населения, СПб., 1899, вып. 1, стр. 7, 94—95.

[2] Там же, вып. II, стр. 15.

[3] Законодательные материалы по вопросам, относящимся к устройству сельского населения, вып. 11, стр. 16.

ее утверждению, не могли вести надлежаще хозяйство на своем участке земли, не зная, будут ли они иметь его и в каком размере в следующем году».

Тогдашний преемник Д. А. Толстого на посту министра И. Н. Дурново обладал драгоценнейшим для бюрократа-карьериста качеством действовать, всем угождая. В вопросе о переделах земли Дурново и занял среднюю позицию, утверждая, что еще «преждевременно» говорить о пользе или о вреде общинного землевладения [1]. Поэтому законопроект, выработанный Дурново и ставший законом 8 июня 1893 г. шел в вопросе о переделах по средней линии: он не запрещал переделов, но обставил их рядом стеснительнейших условий. Закон устанавливал, что передел мог быть совершаем не чаще, чем через 12 лет; приговор схода о переделе должен был быть утвержден $^2/_3$ голосов; дальнейшая судьба дела попадала в руки земского начальника, от произвола которого зависело продвижение приговора; наконец, судьба приговора была поставлена в конечную зависимость от утверждения уездного съезда. Если к этому добавить, что при новом переделе земель хозяин, внесший улучшения в землю, имел право на получение этого же надела, или же на вознаграждение за произведенные им улучшения, то основная тенденция закона становится достаточно ясной [2].

В ряду тех мер, которые должны были, по мнению крепостников, задержать развитие крестьянского малоземелья, было выдвинуто еще в 1881 г. упоминавшимися выше, созванными Игнатьевым «сведущими людьми» стеснение крестьянина в праве распоряжения им своею надельною землею. Это должно было содействовать, как полагали дворяне и правительство, сохранению размеров площади крестьянского землевладения в его настоящем виде. Уже в 1884 г. готов был соответствующий законопроект, охраняющий, по официальной мотивировке, «крестьянское землевладение от опасности свободного гражданского оборота» [3], законом он стал только 14 декабря 1893 г. По положению 19 февраля крестьянин имел право досрочно выкупить свой надел, имел затем право потребовать выдела общиной ему участка, а в качестве собственника участка мог его продать или заложить. Надо указать, что за 28 лет крестьянин оказывался теперь лишенным возможности развязаться со своим наделом. Ограничение крестьянских прав далее шло в отношении залога и продажи надельной земли. Залог надельных земель был полностью запрещен. Продажа земли сельскими обществами запрещена была без разрешения властей, а подворным собственникам крестьянам продажа была разрешена только в тех случаях, когда покупатель принадлежал к сельскому обществу. По поводу этого закона Дурново писал в Государственный Совет, что он представляет

[1] Там же, вып. 11, стр. 28.
[2] III ПСЗ, т. XIII, 1893, № 9754.
[3] Законодательные материалы, вып. III, стр. 4 и сл.

«первый шаг на пути осуществления важного государственного мероприятия» [1]. Вскоре крестьянский вопрос вновь встал перед правительством во всем его объеме.

§ 3. Школа и суд

Вслед за первыми шагами реакции в отношении к школе, которые были сделаны в 1882—84 гг. и которые являлись завершением толстовской политики 79-х годов, ряд новых мероприятий 1887—1889 гг. ставит себе отчетливо задачу изменения социального облика средней и высшей школы. На высшую школу репрессии обрушились после 1 марта 1887 г., когда в этом деле во главе с Александром Ильичем Ульяновым оказались замешаны главным образом студенты Петербургского университета. «Холопское» предложение реакционного проф. Владиславлева — исключить всех студентов и объявить новый их прием [2] — не было проведено в жизнь, но были приняты меры к изменению социального состава студенчества. Средним учебным заведениям было предложено давать «полные и обстоятельные сведения об образе мыслей и направлении», а также о материальных условиях и общественном положении поступающих в высшие учебные заведения, а высшим учебным заведениям было запрещено принимать лиц, на которых не было получено подобных характеристик; плата за учение была повышена с 10 до 50 рублей (а вместе с так наз. профессорским гонораром доходила до значительной для массы студенчества суммы в 90—100 р.); по новым правилам, для получения стипендии, ищущий стипендии подвергался «особенному наблюдению» инспекции и должен был представить научную работу, что по расчетам министерства, при наличии 1700 стипендий и 5 соискателей на каждого, должно было создать «здоровое ядро» из 8500 занятых этим делом студентов. В результате таких мер число студентов Петербургского университета за 3 года (1887—1890) уменьшилось на 11,8% [3]. Другим результатом толстовско-деляновской политики было увольнение или, в лучшем случае, вынужденный уход из университета ряда виднейших профессоров. Был уволен из Московского университета крупный историк проф. М. М. Ковалевский, та же участь постигла единственного в те времена историка народника Петербургского университета В. И. Семевского, в Киеве был уволен широко известный филолог-классик Ф. Ф. Мищенко, обвиненный в украинофильстве; был вынужден уйти из Одессы ученый с мировым име-

---

[1] Там же, вып. III, стр. 231 и сл.

[2] А. Георгиевский. Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков, СПб., 1890, стр. 166—167.

[3] А. Георгиевский. Указ. соч., стр. 171—172; С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности Мин-ва Нар. Просвещения. СПб., 1902, стр. 619; III ПСЗ т. VII, 1887, № 4619.

нем — И. И. Мечников. Достаточно и этих имен, чтобы оценить тот урон, который понесла наша наука от ударов реакции [1].

На тот же 1887 год и даже на те же послемартовские месяцы этого года приходится ряд мероприятий и по отношению к средней школе. Точно так же, как по отношению к высшей школе, так и по отношению к средней, задачею реакции было сократить число учащихся в ней и закрыть доступ в нее трудящимся. Резолюция Александра III от 23 марта 1887 г. предписывала министру сокращение числа гимназий. Вскоре совещание из Делянова, Толстого, Победоносцева и других министров составило проект закрытия доступа в среднюю школу детям ниже купцов 2 гильдии. Даже Александр III не пошел на такой откровенный проект, признав его «несвоевременным и неудобным». В результате появился 5 июня 1887 г. приобревший широкую известность циркуляр, предлагавший принимать в гимназии и прогимназии «только таких людей, которые находятся на попечении лиц, представляющих достаточное ручательство в правильном над ними домашнем надзоре и в предоставлении им необходимого для учебных занятий удобства»; «неуклонное соблюдение» этого туманного правила, как разъяснил циркуляр, совершенно уже точно и ясно, должно привести к тому, что гимназии и прогимназии «освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детей коих, за исключением разве одаренных необыкновенными способностями, вовсе не следует выводить из среды, к коей они принадлежат» [2].

Наконец, еще одно мероприятие имело характер общий и для средней и для высшей школы — решение давно поднятого реакцией вопроса об ограничении приема евреев в учебные заведения. 10 июня 1887 г. была установлена норма учащихся евреев в 10% в черте оседлости, 5% вне ее и 3% в столицах (Петербурге и Москве) [3].

Размах реставраторской деятельности министерства, возрождавший старую сословную школу, метил еще далее. Реальные училища, привлекавшие к себе более значительный процент недворян (в 1882 г. в них было дворян 41,2%, против 47,5% состава гимназий) министерство предложило преобразовать в технические училища, которые не давали бы ученикам права перехода в высшие учебные заведения. Проект этот вызвал сильную оппозицию даже в Государственном Совете. Несмотря на то, что большинство Совета в унисон с Деляновым полагало, что сред-

---

[1] С. Г. Сватиков. Опальная профессура 80-х гг. — «Голос Минувшего» 1917, № 2, стр. 5 и сл.

[2] С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 641; Сборник постановлений по Мин. нар. просвещ. т. X, № 434; Ш. И. Ганелин, Очерки по истории среднего образования в России во второй половине XIX века, Ленинградский Гос. Пед. Институт им. А. И. Герцена. Ученые Записки, т. L. кафедра педагогики, 1947, стр. 107—113.

[3] А. Георгиевский. Указ. соч., стр. 164 сл.

няя школа должна «удовлетворять потребностям высших сословий», Государственный Совет, не допуская реалистов в Университет, видел в их лице кадры учащихся для высших технических учебных заведений.

Реальные училища стали теперь некоторой отдушиной: процент дворян за 1882—1895 гг. в них снизился с 41,2 до 37,4%, процент же «городских и сельских сословий» повысился с 52,2% до 55,3% [1].

С особенной ненавистью реакция обрушилась на высшее женское образование. В 1881 году, с некоторой опаской и нерешительностью, которые характерны были для того времени, комиссия Делянова, рассматривавшая вопрос о высшей школе, полагала что Высшие Женские Курсы надо закрыть, если власть признает их «безусловно вредными», в противном же случае, оставляя их, надлежало дать им «новое устройство» и учредить «более деятельный за ними надзор». Когда в 1882 г. Военное министерство закрыло Женские врачебные курсы при Николаевском военном госпитале [2], женское медицинское образование было прекращено на целое пятнадцатилетие. Несмотря на то, что Военное министерство предложило министру народного просвещения передать отпускавшиеся средства, несмотря даже на то, что 4 января 1883 г. состоялось повеление об учреждении высшего учебного заведения для подготовки женщин-врачей (правда только по детским и женским болезням под названием «ученых акушерок»), Министерство внутренних дел увидело в таком предложении опасность «так называемой эмансипации женщин» и, пока был жив Толстой, задержало этот проект. Когда сменивший Толстого Дурново решился на учреждение Женского Медицинского Института, этому воспротивился Государственный Совет; только в 1895 г. закон об учреждении Женского Медицинского Института все же прошел и в 1897 г. Институт был открыт [3].

После ликвидации в 1882 г. высшего женского медицинского образования оставались еще существовать Высшие Женские курсы. В 1886 г. судьба их была решена без каких-либо колебаний: было издано распоряжение о прекращении приема на курсы в Петербурге, Москве, Киеве и Казани. В 1888 г. закрылись Московские курсы (они были трехгодичными). В 1889 г. предстояло закрытие Петербургских курсов, но покровителям курсов удалось добиться разрешения возобновить прием. Однако, новые условия существования Петербургских высших женских курсов уничтожали их самоуправление (назначаемый директор и профессора), устанавливали надзор за слушательницами (инспектрисса, запрещение проживать на частных квартирах), ограничивали количество слушательниц незначительным комплектом в 300—350 человек. Единственное уцелевшее в этот момент выс-

[1] С. Рождественский. Указ. соч., стр. 642—643.
[2] III ПСЗ, т. 11, 1882, № 1049.
[3] III ПСЗ, т. XV, 1895, № 11760.

шее женское учебное заведение в России явно не могло удовлетворить потребностей женского образования [1].

Не мог остаться в стороне от ударов реакции и суд. Главные удары реакции были направлены на ненавистный для нее суд присяжных, в ряде процессов, ранее политических, а потом и уголовно-бытовых, не подчинявшийся ее желаниям. «Правительство Александра III, писал Ленин в 1902 г., вступив в беспощадную борьбу со всеми и всяческими стремлениями общества к свободе и самостоятельности, очень скоро признало опасным суд присяжных» [2]. Из ведения суда присяжных был изъят ряд категорий дел, в том числе дела о сопротивлении властям и о многобрачии (по настоянию Победоносцева); дела эти перешли к суду коронных судей с сословными представителями. «Как известно,— писал Ленин там же,— эти сословные представители, слитые в одну коллегию с судьями чиновниками, представляют из себя безгласных статистов, играют жалкую роль понятых, рукоприкладствующих то, что угодно будет постановить чиновникам судебного ведомства» [3]. Одним сужением компентенции суда присяжных дело не ограничилось. Министерство юстиции в 1884 г. указывало на то, что в списки присяжных заседателей «заносились по преимуществу крестьяне и вообще представители низших слоев общества», и провело изменение состава коллегий, составляющих списки, дав в них председательское место предводителям дворянства [4]. Вслед за этим первым шагом в 1887 г. последовало дальнейшее изменение состава присяжных заседателей, путем введения обязательного умения читать по-русски (ранее было обязательно только знание русского языка, но не чтение на нем) и изменения ценза; ценз недвижимой собственности был понижен в 5 раз (со 100 до 20 десятин), ценз подоходного налога — повышен вдвое [5].

Таким образом, реакция отнюдь не потратила даром того времени, которое прошло с момента решения провести коренной пересмотр установлений 60-х гг. (1885 г.) и до момента осуществления этих предположений (1889—1892 гг.).

§ 4. Контрреформа местных учреждений

Особый цикл контрреформ, который должен был ликвидировать «маленький шаг» (Ленин), сделанный в 60-х годах от феодальной к буржуазной монархии, составился в основном из трех законодательных актов. Это были: положение о земских начальниках (1889), новое земское (1890) и новое городовое (1892) положения. Недаром на первом месте был поставлен и проведен

---

[1] С-Петербургские Высшие Женские курсы за 25 лет, СПб., 1903, стр. 180, 188.

[2] В. И. Ленин. Соч., Изд. 4, т. 4, стр. 368.

[3] Там же.

[4] III ПСЗ, т. IV, 1884, № 2314.

[5] III ПСЗ, т. VII, 1887, № 4396.

акт о введении института земских начальников. Он был основным в этой серии актов, потому что его задачей было «исправление» крестьянской реформы, той самой коренной из всех реформ шестидесятых годов, которая подорвала экономическое и социальное полновластие дворянства. В записках, представленных в Государственный Совет Толстым, несомненный автор этих записок, уже знакомый нам настойчивый и упорный идеолог реакционнейших кругов русского дворянства Пазухин, постоянно возвращался к сопоставлению дореформенного и теперешнего положения дел.

«Дореформенная эпоха, когда власть над крестьянами была предоставлена исключительно членам нашего высшего служилого сословия», время «до отмены крепостного права», когда «при нормальных обстоятельствах» крестьянские отношения всецело «регулировались вотчинно-полицейской властью помещиков» — это тот идеальный строй, отходом от которого записка Толстого мотивирует все нестроения настоящих дней. «Народ, изъятый из ведения твердого, хотя и патриархального управления помещиков утратил предания повиновения и порядка и является нередко буйной толпою», — таков горестный для крепостников Пазухина и Толстого результат тех «роковых ошибок», которые были совершены в шестидесятые годы [1].

Новое учреждение — институт земских начальников имело задачей исправить эти «роковые ошибки» шестидесятых годов. Согласно официальному разъяснению, «начальниками» новые должностные лица назывались в силу обширности своих полномочий, «земскими» же — в силу своей принадлежности к дворянскому сословию «поместных земских людей» [2]. Этот опыт реставрации дореформенной опеки и дореформенного подчинения дворянству всей массы крестьянства, который чрезвычайно настойчиво проводил Толстой, пугал не только верхи бюрократии, но и более осторожные группы дворянства. Один из членов Государственного Совета, в кулуарных разговорах называвший земских начальников «учреждением царствования Николая I, т. е. несколькими тысячами деревенских деспотов» — предостерегающе говорил в заседании Совета, что дворянству «гораздо выгоднее жить в мире и согласии с крестьянами соседями, чем принимать на себя ответственное над ними начальствование» [3]. Саратовское губернское дворянское собрание просило «о принятии в милостивое внимание опасений дворянства о том, что введение в закон «о земских начальниках» сословного дворянского ценза может сделать дворянство ответственным за успех хода всего дела и возбудить против него ненависть крестьян и зависть других сословий» [4]. Наконец, Государственный Совет, отражая опасения высшей

---

[1] М. М. Катаев. Местные крестьянские учреждения, СПб., 1912, ч. III, стр. 4, 10, 13.

[2] Там же, стр. 3.

[3] В. П. Мещерский. Мои воспоминания, т. III, стр. 282.

[4] М. М. Катаев. Указ. соч., стр. 27—28.

бюрократии, утверждал, что учреждение земских начальников «легко могло бы быть объяснено», как «восстановление, хотя и в измененном виде, тех прав дворянства над крестьянами, которые утрачены были им с упразднением крепостной зависимости» [1].

Проект собрал в Государственном Совете всего 1/4 голосов. Дворянская клика, в которой видную роль играл кн. Мещерский, заволновалась и царь не только утвердил мнение этого меньшинства, но и еще более ухудшил проект, предписав уничтожение в уезде мировых судей и передачу их дел земским начальникам.

Земским начальником мог, по положению 1889 г., стать только потомственный дворянин. На его назначение оказывал прямое воздействие предводитель дворянства, с которым губернатор обязан был совещаться при выдвижении кандидата. Каждый земский начальник получал в свое ведение сравнительно небольшой участок, радиусом не более 40 верст, с 10.000—30.000 человек населения.

Земский начальник должен был обладать «обаянием действительной власти»; без этого, по мнению уже цитированной записки, невозможна «успешная» деятельность по заведыванию крестьянским делом. Но действительной властью земские начальники «никогда», — цитируем оттуда же, — не обладали бы, если бы имели одну только административную власть и не имели бы власти судебной. Судебная реформа 1864 г., ослабила, по мнению крепостников, администрацию и породила «ненормальные отношения между землевладельческими и земледельческими классами» [2]. Положение о земских начальниках ликвидировало эту ошибку и возвращало дворянству в лице земского начальника то «обаяние действительной власти» над крестьянином, которого оно жаждало.

Восстанавливая крепостнические порядки, положение 1889 г. всецело подчинило земскому начальнику крестьянскую сельскую и волостную администрацию: земский начальник просматривает списки вопросов, подлежащих обсуждению на волостном сходе и дополняет их по своему усмотрению; он проверяет приговоры сельского и волостного сходов и может приостановить действие любого из них, передав его на разрешение новой инстанции — уездного съезда (в состав его входили: земские начальники, уездный предводитель дворянства, председатель уездной земской управы, исправник, податной инспектор). Власть, которую получал земский начальник, не только возвращала крестьянство к дореформенным порядкам, но даже ухудшала его положение. По авторитетному свидетельству Государственного Совета, «лучшие помещики никогда не позволяли себе вмешиваться в имущественные дела подчиненного им сельского мира» [3]. Теперь это, не имевшее места даже при крепостном строе, вмешательство полу-

[1] Отчет по Государственному Совету за 1889 г., стр. 22.
[2] М. М. Катаев. Указ. соч., часть III, стр. 1—2, 11.
[3] Отчет по Госуд. Совету за 1889 г., стр. 85.

чило свое законодательное обоснование. Как сход, так и должностные лица села и волости были во власти земского начальника: он утверждал их в должности и имел право их устранять; он мог, без права обжалования его действий, оштрафовать их до 5 рублей и подвергать их аресту до 7 дней.

Еще больший шаг назад был сделан в сфере суда. Мировые суды были почти повсеместно ликвидированы и их дела (вне городов) распределены между волостными судами и судом земского начальника. Но волостной суд, в связи с этим значительно расширивший свою компентенцию, оказался в полнейшей зависимости от земского начальника: на место прежних выборных судей теперь стали судьи, назначаемые земским начальником из числа кандидатов, выбранных сельскими сходами; земский начальник имел ту же дисциплинарную власть над судьями, что и над остальными должностными лицами; он мог приостановить, наконец, любой приговор суда. И этим судам, суду земского начальника и суду целиком от него зависящего волостного суда, крестьянство оказалось подсудным по всем почти делам, исключая разве такие серьезные уголовные дела, как кража со взломом или немногие категории значительных гражданских исков.

Однако, пожалуй, наибольший произвол проистекал от предоставленного земскому начальнику права налагать по своему усмотрению на крестьян штраф размером до 6 рублей и подвергать их аресту до 3 дней (а должностных лиц соответственно — 5 руб. и 7 дней), причем постановления о наложении этих взысканий подлежали немедленному исполнению [1].

Таковы были нормы закона. Жизнь показала их реальное значение. Крестьянский сход превратился в послушное орудие земского начальника. «Почти никакой приговор сельского схода не проводится в исполнение до просмотра и одобрения его земским начальником»,— писал один современный наблюдатель [2]. Действительно, в лучшем случае земские начальники достигали отмены неугодных им приговоров (напр. об избрании неугодных им лиц) при помощи уездного съезда, а действуя еще проще — арестовывали противоречащих им крестьян, объявляя их, напр., пьяными или штрафовали, как напр. были оштрафованы 43 крестьянина в Новгородской губ. за то, что выбрали в сборщики податей неугодное земскому начальнику лицо [3]. аДже губернаторы, как напр. смоленский губернатор в 1893 г., вынуждены были отмечать, что штрафы и аресты налагаются земскими начальниками за возражения на сходе [4]. В ответ на просьбы и жалобы крестьян один земский начальник Харьковской губ. заявлял на

---

[1] III ПСЗ, т. IX, 1889, № 6196.

[2] И. М. Страховский. Крестьянское сословное самоуправление. «Мелкая земская единица», СПб., стр. 253.

[3] В. В. Тенишев. Административное положение русского крестьянина. СПб., 1908, стр. 87.

[4] Н. П. Дружинин. Очерки крестьянской общественной жизни, СПб., 1905, стр. 35.

сходе, что «жалобы будут на морде, а прошения за задней части тела»[1]. Неудивительно, что в Вятской губ. крестьяне прямо говорили: «чего на сход ходить, когда земский начальник решает»[2]. Если вспомним, что семейный раздел зависел теперь тоже от земского начальника, что от него зависел передел земли, что земский начальник препятствовал крестьянскому переселению, то уже это одно дает представление о характере власти над крестьянством нового дворянского института.

Введение земских начальников сказалось в скачке, который претерпели сельские расходы. Так, напр. в Пермской губ., где земские начальники были введены в 1893 г., рост расходов за год составил 23%, причем три четверти этих расходов пошли на связанный с новым институтом прирост расходов на содержание личного состава волостной и сельской администрации и на строительные работы[3]. Впрочем, можно собрать целую коллекцию принудительных расходов и принудительных работ, выдумываемых теперь новыми начальниками. Распоряжения о приобретении каждым обществом машины для тушения пожара, на что у крестьян конечно, не было денег; распоряжение обсадить деревьями хаты и дорогу, что принесло бы вред полям, и т. п. примерами пестрят материалы о земских начальниках. Одним из самых ужасных бичей была ст. 61 положения, которая разрешала налагать арест и штраф. О произволе земских начальников в этом отношении дают цифры двух соседних участков Елецкого уезда за 1893, 1894 и 1896 гг.: в одном участке было наложено штрафов 132 + 136 + 131, а у другого земского начальника 9 + 0 + + 0. В одном и том же участке того же Елецкого уезда смена земского начальника повела за год к росту штрафов с 5 до 836[4]. Все это проделывалось с величайшим презрением к личности крестьянина. «Искореняя» пьянство, один земский начальник разъезжал с ременной плеткой, другой посадил в «холодную» израненного в драке пьяного, забыл о нем, и тот замерз[5]. Нашелся земский начальник, который запретил крестьянкам носить шляпы, а захваченных им «шляпниц» сажал под арест[6]. Известен случай, когда земский начальник отправлял отбывать арест за 17 верст и непременно пешком, за чем он устанавливал наблюдение[7].

Наказать работой на своем поле было безобидным случаем злоупотреблений со стороны земского начальника. Из первого же состава земских начальников Городнянского уезда (Чернигов.

---

[1] Там же, стр. 36.
[2] Там же, стр. 41.
[3] В. А. Розенбург. Из хроники крестьянского дела — «Очерки по крестьянскому вопросу», М., 1904, вып. 1, стр. 128—129.
[4] В. А. Розенберг. Земские начальники. — «Нужды деревни». Сб-к статей, т. 1, М., 1905, стр. 122.
[5] В. М. Хижняков. Воспоминания земского деятеля, Пгр., 1916, стр. 167.
[6] В. В. Тенишев. Указ. соч., стр. 75.
[7] Там же, указ. соч., стр. 72.

губ.) один брал деньги из сундуков волостных правлений, здания же этих правлений затем сгорали; другой собирал деньги на постройку церкви, и никому не давал в них отчета [1].

Положение о земских начальниках лишало крестьянство тех немногих прав, которых оно добилось в начале 60-х гг. в результате своей вековой борьбы за освобождение и во многом воссоздавало времена крепостной «патриархальной» опеки над ним дворянства.

Ленин ярко характеризовал пять лет спустя это приниженное положение крестьян, когда писал, что «гнет администрации над крестьянством не только несомненен, а представляет из себя не простой гнет, а прямое третирование крестьян как «подлой черни», которой свойственно быть в подчинении у благородных помещиков, для которых пользование общими гражданскими правами дается только в виде особой милости (переселения, напр.), которой всякий помпадур может распоряжаться как людьми, запертыми в рабочий дом» [2]. Точно также, почти десятью годами позднее, в своей брошюре «К деревенской бедноте», Ленин, сопоставляя крепостную и современную деревню, писал: «Прежде бурмистры за барской выгодой смотрели, а теперь смотрят земские да губернаторы. Прежде бурмистры распоряжались на конюшне наказывать, а теперь земские распоряжаются в волостном правлении пороть» [3]. (Телесные наказания приводили в исполнение по утверждении их земским начальником).

Вслед за проектом закона о земских начальниках Толстой внес в начале 1888 г. в Государственный Совет проект контрреформы земских учреждений. Толстой умер в 1889 г., не успев его провести через Государственный Совет. Преемником его был назначен Ив. Ник. Дурново. Уже при жизни Толстого в среде бюрократии выдвинулся ряд деятелей, воспринявших дух реакционной эпохи и перенесших ее традиции в последующие годы. Несомненно самыми крупными среди них были два товарища самого министра внутренних дел — Плеве и Дурново. Оба они по своему дополняли Толстого и обоим была суждена различная будущность в качестве преемников Толстого. Плеве выдвинулся в Варшаве в прокуратуре за дела против польских социалистов в конце 70-х гг. и был затем назначен директором Департамента Полиции, откуда перешел в товарищи министра внутренних дел при Толстом. Ему принадлежит видная роль в проведении закона 3 июня 1886 г. и во всей деловой работе министерства, где его характеризовали ясность и упорство в достижении поставленных себе целей. Иными качествами обладал Дурново.

В 1882 г. Дурново был взят Толстым в товарищи министра с поста екатеринославского губернатора. Это был один из типичнейших бюрократов-карьеристов. Говоря словами Витте, он

---

[1] В. Хижняков. Указ. соч., стр. 166.
[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 1, стр. 271.
[3] Там же, т. 6, стр. 363.

«умел ладить со всеми», был «...приятным предводителем дворянства и приятным губернатором, и приятным товарищем министра внутренних дел» [1]. Так, напр., при обсуждении университетского устава, что было одним из наиболее разъединивших бюрократические сферы вопросов в 1882—1884 гг., Дурново сумел оказаться одинаково приятным и противникам университетского устава и неуступчивейшему Толстому: он мог сперва проголосовать вместе с Деляновым по вопросу о государственных экзаменах, а затем пойти к противникам введения этих экзаменов и сказать им: «что за нелепость, а между тем я имею приказание от Дмитрия Андреевича безусловно соглашаться с Деляновым» [2]. Когда он был назначен управляющим министерством внутренних дел, то, по словам Ламздорфа, говорили, что «он будет «Лжедмитрием» (настоящий Дмитрий—Дмитрий Толстой) и все пойдет по старому» [3]. Однако, как в этом скоро убедился Ламздорф, «Дурново только чиновник, старающийся ублаготворить свое начальство, но совершенно неспособный посоветовать ему что-либо разумное». «Тупость и карьеризм г. Дурново, — пишет тот же Ламздорф, — превышают все, что можно об этом предположить» [4]. Все эти качества сказались и на способах защиты им толстовских проектов, когда Толстого в живых уже не было, но реакция была еще в полной силе. И в первую очередь на проекте земской реформы.

«...Земская реформа,— писал в 1901 г. В. И. Ленин о реформе 1864 г.,— была одной из тех уступок, которые отбила у самодержавного правительства волна общественного возбуждения и революционного натиска», но, сделав эту «безвредную для себя уступку, правительство на другой же день после введения земства принялось систематически стеснять и ограничивать его: всемогущая чиновничья клика *не могла* ужиться с выборным всесословным представительством и принялась всячески травить его» [5].

Ликвидировать эту «уступку», сделанную в 1864 г., стало теперь очередною задачею Толстого-Пазухина. В объяснительной записке к проекту Толстой нападал на земство именно за то, что оно основано на двух чуждых традиционному самодержавию началах: оно, во-первых, «выборное, на бессословном представительстве основанное», во-вторых, та ничтожная доля самостоятельности, которая была у земских учреждений, превратилась в устах Толстого-Пазухина в «полную обособленность их от правительственных органов управления». Реформа, теперь предпринимаемая, должна была, по их же словам, быть такой, чтобы она «пресекла бы зло в самом корне», и вернула положение «к прежнему, до того времени (т. е. до образования земства в 1864 г.) господствовавшему взгляду на земство», взгляду, что «земское

---

[1] С. Ю. Витте. Воспоминания, т. III, стр. 247.
[2] Дневник А. А. Половцева, л. 130 об.
[3] В. Н. Ламздорф. Дневник, 1891—1892, М.—Л., 1934, стр. 105.
[4] Там же.
[5] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 5, стр. 30, 32.

дело есть дело государственное». Итак, дореформенное «земство», восторжествовавшее в институте «земских» начальников, должно было получить теперь свое дальнейшее развитие.

Новый закон, в соответствии с этим, был направлен и против всесословности, и против выборности, и против той доли самостоятельности, которыми обладало до этого времени земство.

По новому закону, вместо существующей курии землевладельцев, в которой «механически», по мнению Толстого, был соединен дворянин землевладелец с купцом землевладельцем, и на место существующей курии «городских избирателей», куда столь же «механически» наряду с купцом попадал домовладелец-дворянин, теперь учреждались, в соответствии с традиционным феодальным принципом, две сословные курии — дворянская и «городских сословий». Дворянство усиливало тпеерь свои позиции: земельный ценз был уменьшен, что было существенно для разоряющихся слоев дворянства; процентное число гласных дворян увеличено. Теперь на долю дворян в 34 губерниях приходилось 5481 гласных против 4445 гласных других сословий. Но феодальная реакция думала прежде всего об интересах крупнейшего землевладения. Толстой утверждал, что «интересы крупной земельной собственности не находят надлежащего отражения в земском представительстве». Для защиты этих интересов Толстой предлагал ввести крупных землевладельцев в состав земских собраний лично, в таком количестве, чтобы они составляли целую пятую часть земского собрания. Но Дурново не отстаивал этого пункта и он не стал законом.

Единственною чисто сословною куриею по положению 1864 г. была крестьянская, которая путем двустепенных выборов избирала земских гласных. По данным 1883—86 гг. в уездных земствах было 38,5% гласных крестьян, в губернских — всего 6,9%. Земская контр-реформа продолжила дело, начатое введением земских начальников. Выборность крестьянских представителей была уничтожена новым положением. Крестьяне избирали теперь только кандидатов в земские гласные, списки которых рассматривались уездным съездом (т. е. земскими начальниками) и по представлению уездного съезда губернатор назначал гласных от крестьян. Итак, даже те крестьяне, которые попадали в состав земского собрания, были обязаны своим присутствием там дворянину — земскому начальнику и правительственному агенту — губернатору.

Не доверяя, и не без основания, даже изменяемому им в таком направлении составу земства, Толстой предлагал полностью бюрократизировать исполнительные органы земства. На место подлежащих упразднению земских управ (губернских и уездных) должны были стать земские присутствия, члены которых назначались бы правительством и являлись бы государственными служащими. Ни одно постановление земского собрания не входило бы в силу без утверждения губернатора или министра. Губер-

натор и министр внутренних дел являлись бы высшими инстанциями по отношению к земству, в то время как по положению 1864 г. они были поставлены к земству в положение стороны; спор земства с короною решал Сенат.

Дурново и в этих вопросах пошел на некоторое смягчение крайностей толстовского проекта. Он оставил выборность земских управ, но ограничил ее обязанностью утверждения членов управ в должности. Утверждение постановлений земств властью вводилось, но было смягчено установлением трех категорий постановлений, из которых одни подлежали утверждению министра, вторые — утверждению губернатора, а третьи не требовали утверждения, но исполнение их все же могло быть остановлено губернатором. Было введено новое учреждение — губернское по земским делам присутствие, которое было своего рода посредствующей инстанцией между земством и губернатором; но и в нем, при двух земцах, бюрократия имела преобладающее влияние [1]. Итак, как в вопросе о составе земства, так и в вопросе о его функциях был сделан решительный шаг назад, который Ленин с полным основанием назвал «...шагом к упразднению земства» [2].

Городская реформа 1870 г., при инертности тогдашней буржуазии, не вызвала широкого общественного движения, подобного земскому движению. Большею частью городское хозяйство было в руках дельцов, крупных или помельче, смотря по городу. В Петербурге, например, один из публицистов, к тому же правый (Скальковский), обличал «диктатуру Сан-Галли (заводчика) и его агентов». Наиболее крупным выступлением некоторых городских дум были попытки откликнуться на уход Лорис-Меликова в 1881 году.

Успешное завершение земской контр-реформы естественно поставило на очередь вопрос о судьбах городского самоуправления. В своих объяснениях Государственному Совету Дурново выдвигал необходимость проведения городской контр-реформы исходя именно из «постепенности» в «ходе преобразования местного управления» (о «согласовании» земского и городового положений говорилось и в указе о новом городовом положении). Проект нового городового положения, несмотря на то, что объяснения к нему были испещрены ссылками на новое земское положение, шел далее последнего в деле расширения прав административной власти над остатками самоуправления. Так, напр., губернатору предполагалось дать право не только надзора за деятельностью городского самоуправления, но и право направления его действий. В случае неутверждения избранных должностных лиц, по земскому положению полагалось назначить вторичные выборы и лишь в случае вторичного неутверждения адми-

[1] Отчет по Госуд. Совету за 1890 г., СПб., 1891, стр. 98 и сл.; III ПСЗ, т. X, 1890, № 6927.

[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 5, стр. 47.

нистрация получала право назначения своих кандидатов на эти должности; проект же городового положения давал это право администрации сразу после первого неутверждения. Однако, эти и другие новшества встретили, подобно толстовским проектам, бюрократическую оппозицию в Государственном Совете, который, в своих опасениях перед слишком решительными мероприятиями считал «нежелательным» подчинять деятельность городских учреждений ограничениям, не установленным для земства.

Казалось бы, что в составе городских избирателей трудно провести тот основной принцип, который повсюду возрождала политика дворянской реакции. Однако и здесь Дурново предполагал обеспечить особое положение дворянства путем устройства особой дворянской курии избирателей в тех городах, где нашлась бы $^1/_5$ часть избирателей, не принадлежавших к «городским состояниям». Это, однако, не прошло в закон, и город не был разбит на сословные ячейки. Опорой власти в городе по новому положению становились владельцы недвижимых имуществ (с оценкою от 300 до 3.000 руб. смотря по отдельным городам), в то время как ранее, по словам Дурново, «почти повсеместно получил преобладание торгово-промышленный класс в ущерб домовладельцам». Из числа избирателей были исключены приказчики и мелкие торговцы; проект предлагал исключать также купцов 2 гильдии, но это не стало законом.

Правила надзора администрации за городским самоуправлением в общем повторяли правила земского положения. Установленное земским положением губернское по земским делам присутствие теперь было преобразовано в присутствие по земским и городским делам, в котором, в зависимости от характера дела, заседал выборный член то от земства, то от городов. Однако, усиление бюрократической опеки сказалось в новом положении обязанностью утверждения администрацией этого выборного члена [1].

Проведение городской контр-реформы не было однако завершением плана реакции. Такие же радикальные изменения в сторону крепостнических порядков должны были последовать в тех областях общественных отношений, в которых оставались еще ненавистные для реакции следы вырванных в 60-х гг. уступок. В 1894 г. новый министр юстиции Н. В. Муравьев, сделавший карьеру на своих прокурорских выступлениях по политическим процессам, представил Александру III специальный доклад, в котором утверждал, что судебные уставы 1864 г. не соответствуют «нашему общественному и государственному быту», что «решительно невозможно итти далее по направлению частичных и разрозненных поправок» и что необходим их «полный и систематический просмотр». Резолюция царя, конечно, поддержала

---

[1] Отчет по делопроизводству Гос. Совета за 1892—93 гг., т. 1, стр. 285 и сл., III ПСЗ, т. XII, 1892, №№ 8707, 8708.

Муравьева. В том же 1894 г. министерством внутренних дел был предпринят общий пересмотр всего законодательства о крестьянах. Однако, ни одно ни второе предприятия не были доведены до конца.

§ 5. Национально-колониальная и религиозная политика

Национально-колониальная политика того времени была неразрывно связана также с политикою церковною. Если церковь в России со времен Петра и учрежденного им «Святейшего Синода» была все время послушным орудием государственной власти, то во второй половине XIX века зависимая и подчиненная роль церкви приобрела особенно яркие черты. Этому содействовали и властные фигуры обер-прокуроров, ранее — Д. А. Толстого, а теперь — Победоносцева. Каково бы ни было влияние Победоносцева на общегосударственные дела, в сфере дел церковных он царил безраздельно, и его упорный и безоглядный фанатизм находил здесь полный простор для своего проявления. Рядом с Победоносцевым тогда уже выдвинулась фигура Саблера (будущего обер-прокурора), человека «без всяких решительно принципов», который в 1892 г. занял место товарища обер-прокурора; Саблера прозвали за юркость «Притычкиным». Таковы фигуры руководителей церковного ведомства, являвшегося таким же бюрократическим органом государственной власти, как и остальные министерства. Церковь являлась послушным выполнителем велений государства, в данное время в первую очередь — его национальной политики [1]. Особенно ярко это сказалось в церковной и колониальной политике царизма по отношению к народам Поволжья, Средней Азии, Сибири и др., что особенно ярко вскрыто в соответствующих главах по истории народов.

Поэтому, дабы не повторяться, приведем здесь лишь некоторые факты, которые характеризовали бы общее направление этой политики.

Версия о «польской интриге», нити которой видел повсюду Катков, имела в 80-х годах за собою весьма реальные интересы; достаточно вспомнить, какое давление московские фабриканты и предприниматели юга России оказывали на экономическую политику 80-х годов. Эта экономическая политика была направлена на борьбу против «окраин» России, против польской промышленности, против прибалтийской и финляндской конкуренции. Орудием борьбы здесь была прежде всего таможенная политика. Повышение пошлин на железо не в деле и в изделиях в 1885 г. было проведено, исходя также из стремлений предупредить устройство в прибалтийских губерниях и в Польше заводов для выплавки чугуна из шведских руд на английском коксе, что состав-

[1] «Князья церкви» (Из дневника А. Н. Львова). «Красный архив», т. 39, 1930, стр. 112, 113, 118; т. 40, 1930, стр. 118—119 и др.

ляло бы угрозу для промышленников юга России [1]. Но особенно резко отозвалась эта политика на Финляндии. Вследствие многочисленных ходатайств владельцев бумажных, фаянсовых и др. предприятий, был поставлен на очередь вопрос о пересмотре действовавшего с 1858 г. тарифа между Финляндией и империей. Смягчая несколько требования промышленных кругов, Бунге провел установление впервые в одних случаях, и повышение, в других случаях, тарифных ставок по целому ряду предметов в новом тарифе 28 мая 1885 г. [2]. Результаты действия этого тарифа не замедлили тотчас же сказаться: ценность ввозимых из Финляндии писчебумажных товаров упала с 3.696 тыс. руб. в 1885 г. до 1.279 тыс. руб. в 1886 г., металлических изделий соответственно с 299 тыс. руб. до 103 тыс. руб., шерстяных изделий с 16 тыс. руб. до 4,4 тыс. руб. и т. д. [3].

Другая задача этой национальной политики самодержавия лежала в настоящий момент в области политической; она сводилась к уничтожению всяких остатков тех самостоятельных учреждений, которые еще оставались на окраинах империи. Одни из этих учреждений, в качестве конституционных — в Финляндии, резко дисгармонировали с абсолютной монархией, другие же, как в Прибалтике, являлись, по сравнению с идущей по пути буржуазного развития империей, столь же дисгармонирующими уцелевшими феодальными политическими учреждениями.

Финляндия в течение долгих десятилетий сумела сохранить свой конституционный строй и даже укрепить его в 1886 г. признанием за сеймом законодательной инициативы. В 1889 г. вышла реакционная книга К. Ордина о «Завоевании Финляндии», которая явилась исходным моментом для обширной памфлетной литературы, направленной против финляндских свободных учреждений. Уже 27 января 1890 г. манифест Александра III возвестил об образовании комиссий для разрешения вопросов по объединению финляндских и имперских монеты, почт и таможен (на что не решался пойти в 1885 г. Бунге). Вопрос о почтах получил свое разрешение в том же 1890 г. (12 июня): была упразднена самостоятельность финляндской почты, которая была теперь передана в ведение имперского Министерства внутренних дел, служащие на финляндской почте обязаны были теперь знать русский язык. Тогда же была введена обязательность приема русской монеты (в Финляндии была своя денежная единица — марка). В следующем году царский рескрипт на имя генерал-губернатора Финляндии провозгласил задачу более тесного объединения Финляндии с Россией. Вслед за тем был упразднен Комитет по финляндским делам. В 1892 г. был преобразован Финляндский Сенат с целью ослабления его политической роли и было учреждено

[1] Министерство финансов, 1802—1902, т. II, СПб., 1902, стр. 208.
[2] Там же, стр. 218—220.
[3] В. И. Покровский. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, т. I, СПб., 1902., Таблицы, стр. 156—157.

совещание для обсуждения вопроса о финляндской конституции. Наконец, в 1893 г. впервые на пост помощника финляндского генерал-губернатора был назначен не финляндец, а русский.

Другими оказались условия проведения правительственной политики в Прибалтике. Здесь почти в полной неприкосновенности сохранились средневековые феодальные порядки. Полиция была в руках немецкого родового дворянства. Уездная полиция выбиралась дворянством, причем в Эстляндской губ. даже не подлежала утверждению со стороны губернатора. В полной мере господствовала дворянская вотчинная полиция, которую даже официальный документ называет «остатком верховных прав ливонских рыцарей над населением завоеванного ими края»; ⅔ территории Прибалтики были под властью этой средневековой вотчинной полиции. Вотчинник, даже после некоторых ограничений 1866 г., охранял в пределах местных земель «порядок и общественную безопасность» [1]. В его руках было все крестьянское самоуправление: он наблюдал за «правильностью и законностью действий» должностных лиц волостного самоуправления; к нему же препровождались постановления волостного схода, которые он мог задержать, если они покажутся ему «незаконными». По официальному же заключению, здесь имело место «фактическое подчинение сельского населения землевладельцам — дворянам». Толстой предлагал подчинить полицию в Прибалтике общегосударственной администрации, упразднив весь аппарат дворянской полиции, но в Государственном Совете прибалтийские дворяне нашли себе рьяных защитников. Уездная и городская полиция были все же уничтожены, но зато именно та вотчинная дворянская полиция, которая была орудием власти немецкого дворянства над латышскими и эстонскими крестьянами, была оставлена в качестве «могущественного и дарового орудия поддержания порядка на мызных землях»; у нее был отнят лишь надзор над крестьянским волостным самоуправлением [2].

Судебные должности замещались в Прибалтике по выбору от дворянства; здесь продолжало господствовать средневековое правило сословной подсудности. Судебные уставы 1864 г. не коснулись Прибалтики, а изданный в 1880 г. закон о введении здесь мировой юстиции так и не был введен в действие. В 1889 г., на следующий год после реформы полиции, был реформирован и суд. Но в устройстве новых общих и мировых судов были сделаны некоторые изменения: не был введен суд присяжных и мировые судьи назначались, а не выбирались [3].

Также и в Дерптском университете было уничтожено старое судебное устройство, согласно которому все «члены универси-

---

[1] Отчет по Государ. Совету за 1888 г., СПб., 1889, стр. 88 и сл., 94.

[2] Отчет по Государ. Совету за 1888 г., стр. 88 и сл., 95, 114.

[3] Отчет по Государ. Совету за 1889 г., стр. 592 и сл., 692.

тета» и служащие в нем с их женами и детьми, а также территория университета подлежали по самым разнообразным делам университетскому суду с собственной университетскою апелляционною инстанциею [1].

Польша была давним полем объединительной политики; в особенности после подавления восстания 1863 г. она постепенно обращалась в «Привислинский край». Оставалось уничтожить последние остатки ее самостоятельных учреждений. В 1885 г. был уничтожен Польский банк, обращенный в Варшавскую контору Государственного банка и было прекращено обращение бывшей еще в употреблении мелкой монеты польского чекана.

Наряду с этими мероприятиями надо поставить и политику по отношению к евреям, для которых ограничен был доступ к образованию, к государственной службе и которые были лишены права жить в ряде местностей, где они до того жили в течение десятилетий.

Ярче всего сказалась националистическая политика этих годов в области культуры, в политике самой бессмысленной руссификации и самого дикого подавления пробуждающегося у многочисленных народов стремления к подъему национальной культуры, письменности, школы, литературы, театра, музыки и др. Националистическая политика, поставив себе в Польше задачею обрусение края, решила сделать школу главным проводником ее. Попечитель Варшавского учебного округа Апухтин был одним из самых грубых и прямолинейных деятелей этой политики обрусения края. Преподавание во всех школах, казенных и частных, не только средних, но и начальных, даже в школе глухонемых должно было вестись на русском языке, даже польский язык стал преподаваться на русском языке, и в университете и в школах. Мало того, в правительственной школе были строжайше запрещены какие бы то ни было частные разговоры между собою учеников по-польски. Русский язык вводился на железных дорогах и в частных обществах; на вывесках, этикетках и т. п. на первом месте предписывалось помещать русские названия и лишь на втором допускались польские.

В Прибалтике политика руссификации нашла сочувственный отклик у эстов и латышей, видевших в русской культуре опору против той беспощадной германизации, которую проводило феодальное немецкое дворянство. Языком правительственных учреждений стал, после преобразования суда и полиции, вместо немецкого повсеместно русский язык; в низших судах были допущены местные языки. Русский язык был введен в школах, правительственных и частных, на которые, в отмену старого устава, действовавшего еще с 1820 года, были теперь распространены общие имперские законы. Наконец, и в Дерптском университете, став-

[1] Отчет по Государ. Совету за 1889 г., стр. 705 и сл.

шем в 1893 г. Юрьевским, преподавание, которое велось до сих пор на немецком языке, подлежало переводу на русский язык.

Украинский язык, употребление которого распоряжениями 1876 г. было поставлено в самые стеснительные рамки, в 1891 г. потерпел дальнейшие гонения: цензура «в целях чисто государственных» обязана была сокращать число выходящих украинских книг.

Если мы не можем отметить новых гонений на белорусский или литовский языки, то потому лишь, что на этих языках и ранее запрещено было что бы то ни было печатать.

Все эти мероприятия наложили на времена Александра III отпечаток возврата к давно пройденным формам средневековой политики в области культуры, делали Российскую империю тюрьмой народов, в которой глушился всякий проблеск национальной культуры.

На западных окраинах империи церковь должна была помочь сокрушению католицизма и лютеранства, которые были тесно связаны с местными феодальными кругами, а также с заграницей, особенно католицизм — с Ватиканом. В Прибалтике существенною мерою было уничтожение для православного населения средневековой обязанности платить церковную подать, платеж которой пасторы обосновывали фикцией принадлежности земель церквям. Борьба феодального дворянства против этих мероприятий, подрывающих теснейшим образом связанное с ними лютеранское духовенство, сказалось не только в затеянной обширной заграничной газетной и брошюрной шумихе, не только в ходатайствах на имя царя, но и в таких, напр., реальных мерах, как отказ продавать свои земли под постройку новых православных церквей. Правительство теперь сломило и это сопротивление дворян.

В Поволжье, Сибири и Средней Азии национально-религиозная политика была неразрывно сплетена с социальной политикой самодержавия. Синод полагал, напр., что «заменою не пригодного для христианского просвещения и обрусения инородцев родового начала в инородческом управлении выборным, заменою некрещеных властей крещеными оказано было бы справедливое покровительство христианскому населению». Но и в интересах упрочения самодержавия было лишить родовую и феодальную знать ее сохранившихся привилегий и поставить на место этих общественно-политических анахронизмов правительственный бюрократический аппарат или невлиятельную местную выборную власть.

На Востоке и в Сибири борьба с мусульманством и язычеством были основными предметами религиозной политики. Борьба против мусульманства принимала самые разносторонние формы, в основном сложившиеся уже в предшествующие годы. Центральная татарская двухклассная школа в Казани, для обучения пере-

шедших в православие; ряд миссионерских школ, в которых первоначальное обучение шло на родном языке учащихся; православное богослужение на национальном языке («наиболее верное и надежное средство», по мнению Синода),— такова была одна сторона этой самой активной деятельности Синода. В то же время деятельность мулл теперь была затруднена требованием знания русского языка, надзором инспекции и другими мерами. Если борьба с мусульманством проходила в решительных, но все же сравнительно осторожных формах, то в борьбе с язычеством мы обнаруживаем подчас поистине ужасающие факты христианизации. Характерно уже то, что язычников чувашей, черемисов, удмуртов, мордву Синод считал «дикарями». Преследуемые «язычники» укрывались в лесах и в других глухих местах. Одним из самых ярких фактов преследования язычества в 90-х годах было т. наз. Мултанское дело, длившееся несколько лет и взволновавшее широкие общественные круги; по этому делу на удмуртов было возведено обвинение в человеческих жертвоприношениях; трагические эпизоды этого дела были ярко оттенены на суде и в литературе выступившим в защиту обвиненных В. Г. Короленко.

Иркутская миссия, действовавшая среди бурят, проявила особое рвение во время проезда в 1891 г. через Сибирь тогдашнего наследника, будущего Николая II. Об этом вынужден был с возмущением заговорить даже такой крайний реакционер как кн. В. Мещерский в своем «Гражданине»: «крещение это,— писал он,— насильное, с облавами в лесах, с побоями, с истязаниями, даже над беременными женщинами, совершалось полициею по требованию местного духовенства» [1].

В заключение укажем, что Православное миссионерское общество, которое имело те же задачи распространения православия обладало огромным по тому времени капиталом в 1 200 т. рублей и имело 43 епархиальных комитета на местах. По данным Синода в православие было обращено более 50.000 язычников [2].

Раскол и сектантство были предметами особого внимания со стороны Синода и власти. 3 мая 1883 г. был проведен закон, который облегчал положение раскольников. Этот закон давал некоторые элементарные права раскольникам и сектантам, как напр., в отношении права получения паспортов для отлучек, прав занятий торговлей и промыслами, права занятия общественных должностей, а в области собственно вероисповедной — прав исправления молитвенных зданий с разрешения губернатора, устройства молелен и др.

Если Толстой, проводя этот закон, считал его целью «ограничить усмотрение местной администрации... более точным, нежели

---

[1] «Князья церкви» — «Красный Архив» т. 39, 1930, стр. 143 -144, примечание.

[2] Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования имп. Александра III. СПб., 1901, стр. 237, 363, 366.

прежде, определением в самом законе предоставляемых раскольникам прав», то Победоносцев, наоборот, хотел найти в нем орудие для изменения фактического положения, когда на деле раскольники пользовались многим, формально им запрещенным [1]. В этом направлении Победоносцев начал действовать, тщательно следя за малейшими отклонениями от закона. Отчеты его за 1883 и следующие годы заполнены жалобами на то, что раскольники «открыто и смело притесняют православных», на «снисходительное или равнодушное отношение гражданских и судебных властей к сектантам и пропагандистам раскола». И, где возможно было, малейшее отступление от буквы закона стало предметом обсуждений на миссионерских съездах (1887 и др.), требовавших вообще изменения закона 1883 г., или же, как это напр. было с вновь постановленными раскольничьими алтарями в Москве в 1885 г., оказывалось предметом прямых репрессий со стороны властей. Закон 1883 г. не провел разницы между сектами «более» и «менее» вредными. В особое положение среди сектантов были поставлены скопцы. Но Победоносцеву удалось в 1891 г. добиться признания «особо вредной» сектой штунды, которая на Украине имела значительный успех.

III. ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА

§ 1. Финансовая политика Н. Х. Бунге

Область финансов оставалась вплоть до начала 80-х годов почти нетронутою буржуазными преобразованиями. Сословная подушная подать продолжала оставаться основою имперской финансовой системы и на крестьянство ложилась уплата $^{16}/_{17}$ всей суммы прямых налогов [2]. Сколько раз ни поднимался в шестидесятых и семидесятых годах вопрос о необходимости финансовых преобразований, дело всегда кончалось или ничем или мелкими актами; о последних можно судить хотя бы по тому, что отмена подушной подати с мещан, произведенная в 1863 г., так и осталась самым значительным среди них.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. поглотила за 1876—1880 гг. свыше 1.075 млн. руб. [3]. Эта огромная по тем временам сумма создала невиданное напряжение в государственном бюджете, которое не могло быть разряжено только займами, фискальными повышениями таможенных ставок и т. п. давно испытанными средствами. Пришлось поставить вопрос и о преобразовании в буржуазном направлении крепостнической податной системы. 23 марта 1879 г. была создана комиссия под председательством министра финансов Грейга для обсуждения вопроса

[1] Отчет по Гос. Совету за 1883 г., СПб., 1884, стр. 118—126.

[2] Петр Кованько. Главнейшие реформы, проведенные Н. Х. Бунге в финансовой системе России, Киев, 1901, стр. 4.

П. П. Мигулин. Русский государственный кредит 1799—1899, т. 1. Харьков, 1899, стр. 466.

об отмене подушной подати. Когда в 1880 г. министром финансов стал самый яркий представитель «политики колебаний» А. Абаза, он пробил некоторую брешь в старой системе податей, отменив тягостный для масс соляной налог.

Преемником Абазы был Н. Х. Бунге. В передовой по поводу назначения Бунге «Голос» писал, что «последние 5—6 лет особенно неблагоприятно влияли как на государственные финансы, так и на экономические условия России, дав в результате упорный промышленный застой, сильный упадок нашей кредитной валюты и, наконец, пятидесятимиллионный дефицит». «Голос» отметил также, что после первого марта «положение еще более обострилось», вследствие «повсеместного отсутствия доверия», отказа иностранцев от покупки русских бумаг и от совершения товарных сделок, дальнейшего падения курса рубля и вексельного курса и, наконец, вследствие ожидания предстоящих банкротств [1]. При таких условиях Бунге вступил в управление Министерством Финансов.

Бунге пробыл почти шесть лет на посту министра финансов. По своим взглядам Бунге был одним из типичных представителей вульгарной политической экономии и одним из самых завзятых врагов учения Маркса [2]. Частная собственность для Бунге была вечною категорией [3]. «Для урегулирования крестьянского землевладения, по мнению Бунге, не надо никакого коренного преобразования, необходимо лишь облегчить условия для образования частной собственности» [4]. Бунге был сторонником таких преобразований, которые расчищали бы путь для буржуазного развития России. Он был, например, противником организации Дворянского банка, и мог сказать кн. Мещерскому, что для него «дворянство — сословие вымирающее» [5]. Однако на всех мероприятиях Бунге лежала печать чрезвычайной робости и постоянных уступок, иной раз весьма поспешных, перед теми, кого он называл «современными феодалами, земельными и фабричными» [6]. «...А что скажет княгиня Марья Алексеевна!...» или ближе к цели: «что скажет Н. А. Найденов и другие московские купцы!» — так характеризует И. И. Янжул эту черту поведения Бунге, которая особенно ярко сказалась в деле фабричного законодательства 1882—1886 г. [7].

Прежде всего Бунге занялся тою областью финансового управления, которая имела крупнейшее социальное значение — вопросами налоговых и податных преобразований.

---

[1] «Голос», 8 мая 1881, № 126.

[2] Н. Х. Бунге. Очерки политико-экономической литературы, СПб., 1895, стр. 153.

[3] Там же, стр. 126—127.

[4] Записка, найденная в бумагах Н. Х. Бунге, 1881—1894, стр. 106.

[5] В. П. Мещерский. Мои воспоминания, т. III, стр. 223.

[6] Там же, стр. 43, 49.

[7] И. И. Янжул. Из воспоминаний фабричного инспектора, СПб., 1907, стр. 193.

В своем первом представлении об отмене подушной подати Бунге требовал «некоторых жертв со стороны более состоятельных классов», и заявлял, что среди новых налогов допустимы «лишь такие, которые обеспечивают равномерное обложение всех без исключения доходов населения». Но уже в следующем году оказалось, что Бунге весьма далек от каких-либо решительных мероприятий в области финансовых реформ [1]. В своей записке от 15 марта 1883 г. Бунге, излагая целый план финансовых нововведений, которые покрыли бы недобор в связи с отменой подушной подати, писал, что отмена подушной подати не может однако привести к сложению с крестьян всей суммы платежей, взимаемой теперь по душам, и к переложению их в полной сумме на другие сословия. На прежних плательщиках должна остаться в измененном виде та часть этой подати, какая будет причитаться с крестьян «по соразмерности с их имуществом, облагаемым на одинаковых началах и в одинаковом размере с имуществом остальных сословий» [2]. В этой записке был затем намечен ряд преобразований в области косвенных и прямых налогов, которые Бунге постепенно проводил в 1883—1886 гг. и к рассмотрению которых мы перейдем.

Свой взгляд на значение изменений в области косвенных налогов Бунге очень ясно изложил в своем докладе о государственной росписи доходов и расходов на 1884 г. Упомянув здесь об уничтожении соляного налога и подушной подати, а также о понижении выкупных платежей, Бунге полагал, что все это «обещает возрастание косвенных сборов без обременения плательщиков» [3]. Иными словами — те облегчения, которые были произведены для успокоения народной массы в понятной и чувствительной для нее форме, могли быть возмещены государственной казне за счет той же массы в формах, гораздо менее для нее понятных и ясных.

Бунге два раза произвел повышение питейного налога (в 1881—1885-гг.). Акциз на спирт и вино, установленный в 1863 г. в 4 коп. с градуса, в 1885 г. составлял уже 9 коп. [4]; за двадцать с небольшим лет акциз этот, таким образом, повысился более чем в два раза. Бунге вместе с тем ограничил несколько тот грабеж казны заводчиками, который получался вследствие отчисляемого в их пользу безакцизного перекура, т. е. спирта, выкуренного сверх установленной нормы. Достаточно указать, что в 1882 г. на перекуре казна подарила заводчикам более 17.850 тыс. руб. [5].

---

[1] Отчет по Государственному Совету за 1882 г., стр. 49.

[2] Записка Бунге по Мин. финансов, Деп. окл. сборов, отд. III, ст. I, № 863, стр. 3 (в библиотеке ЦГИАЛ).

[3] Ежегодник Министерства финансов, вып. XIV, СПб., 1889, стр. 72.

[4] Отчет по Государственному Совету за 1881 г., СПб., 1883, стр. 55—59. Отчет... за 1885 г., СПб., 1887, стр. 147 и сл.

[5] Петр Ковалько. Главнейшие реформы, стр. 201.

Бунге изменил также обложение табака. Действовавшим уставом 1877 г. были недовольны табачные фабриканты, засыпавшие Бунге своими заявлениями. Учтя пожелания фабрикантов главнейших центров табачной промышленности Бунге выработал новый закон 18 мая 1882 г., по которому запрещалась продажа листового табака, ранее ускользавшего от обложения, и вдвое повышался акциз на махорку [1]. Это ложилось на беднейших потребителей, но Бунге утешал себя тем, что табак является «роскошью». В первый же год действия нового устава доход по табачному акцизу возрос более чем на половину [2].

Когда Бунге решал вопрос об обложении сахара, он не только не думал о потреблении его массой населения, но в своей записке 11 февраля 1884 г. утверждал, что «сахар составляет предмет потребления не первой необходимости и притом преимущественно распространен среди классов более обеспеченных и потому может легко вынести обложение его акцизом в несколько повышенном против настоящего размера» [3].

Повышение акциза с готового сахара в 80-х гг. Бунге проводил несколько раз: установленный в 1881 г. в размере 50 коп. с пуда, он с 1889 г. должен был составить уже 1 руб. с пуда [4]. Производство сахара в стране росло чрезвычайно быстро и выросло за 5 лет (1880/81—1885/86) почти в $2^1/_2$ раза (12,4 млн. пудов — 29 млн. пудов) [5]. У сахарозаводчиков оставалось все возрастающее количество нереализованного на внутреннем рынке продукта. Сахарозаводчики и биржевые комитеты после первых признаков падения цен на сахар, обратились к правительству с просьбой поощрить вывоз сахара за границу специальной премией. Бунге пошел на это. Эта премия сахарозаводчикам повела лишь к выкачиванию государственных средств в кассы сахарозаводчиков, да к выгоде иностранного потребителя.

Одним увеличением косвенного обложения никак нельзя было упорядочить финансовую систему империи. Бунге сделал тогда робкую попытку перенести хоть некоторую долю обложения на имущие классы. С какими осторожностями Бунге это ни делал, ему пришлось столкнуться с решительным сопротивлением и дворянства и буржуазии.

Когда дело коснулось оценки земель с целью взимания с них налога, Бунге нашел, что крестьянские земли в лесных местах ценнее помещичьих. Для иллюстрации того, какая тяжесть ложилась на крестьянскую землю, сравнительно с помещичьей, можно указать, что в Ветлужском уезде Костромской губ. деся-

---

[1] ЦГИАЛ. Дело Государственного Совета по Деп. Экономии 1882 г., № 172, представление Мин. фин., стр. 1, 4, 7, 16 и сл. 53, 55, 165, 185; III ПСЗ, т. II, 1882, № 895.

[2] Министерство финансов, 1802—1902, т. II, СПб., стр. 175.

[3] Записки Министерства финансов по Деп. неокл. сборов отд. II, ст. 2, 11 февраля 1864 г. (в Библ. ЦГИАЛ).

[4] III ПСЗ, т. IV, 1884, № 2193.

[5] Петр Кованько. Главнейшие реформы, стр. 244.

тина помещичьей земли была оценена в 3 руб., а крестьянской 7 р. 20 к., а в Бельском уезде Смоленской губ. — помещичья земля в 8 руб., крестьянская же — в 20 руб. [1].

Повышение земельного налога (как государственный земельный налог он существовал с 1875 г.) было сделано незначительное. Он должен был в среднем составить 0,18% с ценности земли, но там, где существующие ставки были многим ниже этой нормы, Бунге в 1884 г. не решился повысить существующих ставок налога более, чем в два раза, оставляя для будущего времени дальнейшее увеличение ставок до установленной нормы. Это было весьма существенное отступление от цели закона в пользу дворянского землевладения. На 1884 г. повышение поземельного налога было исчислено в 4,1 млн. (вместо 7,6 млн.— 11,7 млн. руб.) [2].

Серьезное сопротивление и некоторую неудачу Бунге потерпел при попытке введения нового налога на доходы тогдашней крупной буржуазии. Существовавшее в то время по закону 1865 г. обложение торгово-промышленных предприятий совсем игнорировало доходность предприятий. Оно исходило из чисто внешних признаков, как-то категория торговли (оптовая, розничная, мелочная), местности (пять разрядов) и т. п. Чем крупнее было предприятие, тем более оно выигрывало при такой системе обложения. По проекту, составленному Бунге, значительные торговые и промышленные предприятия должны были уплачивать сбор в 3% с их чистого дохода, а мелким давался ряд льгот. До внесения проекта в Государственный Совет он был напечатан в «Правительственном Вестнике». Двадцать четыре полученных Бунге отзыва биржевых комитетов, биржевых обществ, комитетов торговли и мануфактур и др., почти единодушно (за исключением лишь двух) отнеслись отрицательно к этому «несправедливому», «стеснительному» и т. п. проекту. Промышленники жаловались на то, что налоги все увеличиваются, что промышленность обложена будто бы тяжелее других источников доходов, что новый налог есть не что иное-де, как подоходный налог, что другие виды дохода от денежного капитала не облагаются, и что таким образом положение лица, живущего на доход от ренты, выгоднее положения лица, применяющего свой капитал в производстве, что для проверки правильности дохода придется предъявлять торговые книги, а это грозит раскрытием коммерческой тайны и т. п. Эти отзывы оказали решающее значение для дальнейшего хода дела. Государственный Совет признал «совершенно правильным» и «не допускающим возражений» предложение Бунге об увеличении обложения торгово-промышленных предприятий, признал

[1] Записка Мин. финансов по Деп. окладных сборов, отд. 1, ст. 1, 23 ноября 1883 г., № 3910, стр. 3—4 (в библ. ЦГИАЛ).

[2] Мемория засед. соедин. департаментов гос. экон. и законов Госуд. Совета. 3 декабря 1883 г., № 54 (в библ. ЦГИАЛ); III ПСЗ, т. II. 1882, № 1962.

также, что этот налог «не может быть признан отяготительным». Но и Государственный Совет уступил перед дружным натиском капитала и, совершенно вопреки всем своим рассуждениям, не одобрил, в конце концов, этой части проекта Бунге. Приняв аргументацию биржевиков и промышленников, Государственный Совет заявил, что подоходному налогу должно быть «всегда отводимо последнее место» в системе обложения, и предложил министру финансов изыскать такие пути обложения торговли и промышленности, при которых не было бы «необходимости обращаться к исчислению доставляемого предприятием дохода» [1]. Другие предложения Бунге были одобрены, даже кое в чем улучшены Государственным Советом, и стали законом 5 июня 1884 г. Так были отменены т. наз. свидетельства на «мещанский промысел», введенные для мещан взамен подушной подати. По характеристике Бунге это был «налог на труд самобеднейшего класса населения» [2]. В такое же положение были поставлены, по предложению Государственного Совета, ремесленники, имеющие не более одного работника.

Для обложения торгово-промышленных предприятий Бунге пришлось спешно выработать новый проект, который был им в конце 1884 г. внесен в Государственный Совет. Пользуясь тем, что акционерные компании, товарищества на вере и другие виды товариществ обязаны были представлять свои отчеты правительству, Бунге оставил в новом проекте для этой группы предприятий 3% налог с чистой прибыли за истекший операционный год, обязав эти предприятия печатать свой заключительный баланс и извлечения из годового отчета в официальном «Вестнике финансов, торговли и промышленности». По отношению же к остальным предприятиям Бунге предложил ввести раскладочный сбор, который определялся законодательным путем на каждые три года общей суммой на основании суммы производства фабрик и заводов, а также исходя из сумм гильдейских пошлин. На трехлетие 1885—1887 гг. Бунге предложил установить этот раскладочный налог в размере 0,1% суммы производства и 15% цены свидетельств и билетов. В таком виде этот налог был утвержден 15 января 1885 г. [3].

После принятия процентного и раскладочного налогов Бунге внес в Государственный Совет проект обложения доходов с денежных капиталов. Катков выступил против проекта этого налога как «неосторожно» составленного и повлекшего будто бы «понижение русских ценностей» на иностранных рынках (налогу должны были подлежать также иностранные кредиторы, готовые-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. Гос. Совета. Деп. Экономии, 1884 г., № 177, лл. 190—194 об.

[2] Там же, л. 98.

[3] Отчет по Государственному Совету за 1884 г., СПб., 1886, стр. 199 и сл. 203.

де обвинять Россию теперь в бесчестности)[1]. Тем не менее в Государственном Совете проект нашел только защитников и прошел без трений. Закон 20 мая 1885 г. обложил пятипроцентным сбором доход, получаемый от процентных бумаг, а также от вкладов на текущий счет в банки и общества взаимного кредита [2].

Еще ранее, несмотря на сопротивление землевладельцев, 15 июня 1882 г. Бунге удалось провести закон об обложении пошлиной имуществ, переходящих по наследству, пожалованию или другим безвозмездным путем [3].

В предшествующем изложении мы видели постоянную двойственность политики Бунге при проведении им податных мероприятий. Делая некоторые шаги к преобразованию податной системы, Бунге всегда и чрезмерно быстро уступал производимому на него натиску, главным образом уступал натиску тогдашней крупной буржуазии. Не имея поэтому возможности покрыть образующегося в бюджете дефицита новыми налогами, которых не желали платить ни помещики, ни крупная буржуазия, Бунге в поисках других средств, усиленно принялся за повышение таможенных пошлин, следуя в этом отношении и Рейтерну и Абазе. Но таможенная политика Бунге направлялась отнюдь не одним фискальным интересом. Не меньшую роль в деле повышения таможенных пошлин играла крупная буржуазия, осаждавшая Бунге непрерывными требованиями установления все более высоких покровительственных пошлин то на одну, то на другую статью иностранного ввоза. В этом отношении политика Бунге, как и позднее Вышнеградского, шла прямо по путям возможного удовлетворения классовых интересов русской буржуазии, «для защиты которых крупный фабрикант жаждет протекционизма, премий, привилегий и пр.» [4]. Наконец, и неустойчивое внешнеполитическое положение, имевшее место в начале 80-х годов, и падение хлебного вывоза, и промышленный кризис вели к падению вексельного курса. Усиление таможенного барьера уменьшило заграничные платежи за ввозимые товары, и в этом отношении казалось Бунге благотворным мероприятием.

Общее повышение пошлин, связанное прежде всего с бюджетными дефицитами, Бунге произвел дважды, в 1882 и в 1884 гг. Баланс внешней торговли оба раза дал резкий скачок вверх в пользу империи [5]. В 1885 году Бунге внес в Государственный Совет проект нового повышения таможенных пошлин по целому ряду статей на 20%, по другим же статьям на 10%. Несмотря на оппозицию крепостнических элементов большинство Совета

---

[1] М. Н. Катков. Собр. передовых статей «Московских ведомостей» за 1885 г., М., 1898, стр. 177.

[2] Отчет по Государственному Совету за 1885 г., стр. 157 и сл.

[3] Библиотека ЦГИАЛ. Материалы дел. Общ. собр. Государ. Совета, 1882 г., т. 2, л. 8 и сл.

[4] Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 291.

[5] М. Кашкаров. Денежное обращение в России, СПб., 1898, т. I, стр. 209.

утвердило проекты Бунге; в частности это большинство ссылалось на необходимость наличия выгодного торгового баланса, ибо платежи процентов по заграничным займам достигали 109 млн. руб. [1].

Фискальная цель, которая руководила Бунге при этом постоянном увеличении пошлин, была в известной мере достигнута. Таможенный доход в золотых рублях составлял в 1881 г. 85.571 тыс. руб., а в 1886 г. составил 108.416 тыс. руб. [2].

Однако, при этих общих повышениях тарифа, для целого ряда статей эти повышения имели покровительственный характер, являясь ответом на требования отдельных предпринимателей, их групп и организаций. Уже в 1881 г. пошлинами на джут и на цемент было начато усиленное покровительство промышленности; оно распространилось потом в общих и частных повышениях тарифов на полотно, платье, шерстяную пряжу, мыло, горный воск, химические и красильные продукты, на чугун не в деле, медь и медные изделия, уголь, кокс и торф и др. На некоторые статьи пошлины повышались даже не один раз за эти годы; так, напр., на соду и на серную кислоту пошлины были повышены в 1882 г. и затем вторично в 1886 г. Для характеристики этого усиленного покровительства промышленности особенно характерна установленная в 1885 г. пошлина на сельскохозяйственные машины, до того времени ввозившиеся беспошлинно; эта подачка заводской промышленности являлась явным ущербом для дохода тогдашних помещиков [3].

Бунге досталось тяжелое финансовое наследство. Иностранный долг России, как уже упоминалось, был весьма велик. Расстройство государственного хозяйства было в значительной мере обусловлено постоянными колебаниями бумажной валюты. Бунге давно заявил себя сторонником введения металлического денежного обращения. Вступив в должность министра, он сделал этот вопрос одним из важнейших вопросов своей деятельности. Но состояние государственного казначейства и возгоревшаяся вокруг упрочения курса рубля борьба экономических интересов разных общественных групп не дали возможности Бунге завершить это дело. Еще 1 января 1881 г. состоялся указ о возврате Государственному Банку позаимствованных у него для нужд русско-турецкой войны 400 млн. руб., путем ежегодных уплат Банку Государственным Казначейством 50 млн. руб. Это должно было повести к уменьшению обращавшейся в государстве массы кредитных рублей и вместе с тем к подъему курса кредитного рубля. Однако, после двух лет уплат, на третий год в Казначействе не оказалось денег и пришлось выпустить для уплаты Банку заем

[1] Отчет по Государственному Совету за 1885 г., СПб., 1897, стр. 211 и сл., 217 и сл., 265.

[2] В. И. Покровский. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, т. I, СПб., 1902, таблицы, стр. 211.

[3] Сводка по «Министерству финансов», т. II, стр. 204—207. М. Соболев, Таможенная политика России во второй половине XIX в., Томск, 1910.

на довольно тяжелых условиях, а затем дело свелось к передаче Банку не денег, а рент, беспроцентных и не подлежащих реализации [1]; как замечает один современник, это было «формальное даже подававшее повод к насмешкам, исполнение» указа 1881 г. [2] В феврале 1883 г. Бунге внес в Государственный Совет другой проект «восстановления обращения звонкой монеты», предлагая допустить прием и выдачу казной металлической монеты по курсу, а также заключение сделок на нее как между частными лицами, так и между казной и частными лицами. Государственный Совет предложил Бунге внести этот проект позднее, когда будет закончена операция с уплатой 400 млн. руб. Государственному Банку. Проект был тем самым похоронен [3].

Нельзя не указать, что сама мысль об упрочении курса рубля встретила сильнейший отпор со стороны всей тогдашней помещичьей и реакционной печати. Все годы министерства Бунге заполнены полемикой против него, продолжавшейся даже тогда, когда Бунге уже оставил свои планы. В самой простой и оголенной форме об этом писал один из публицистов «Гражданина», заявляя, что «...Россия (т. е. русские разорившиеся помещики), нуждается не в медных, не в золотых, не в платиновых, а в дешевых деньгах, будь то лисьи хвосты» [4]. Податливый, как и в других отношениях, Бунге скоро заговорил более осторожным по отношению к помещичьим интересам языком. В своем докладе по Государственной росписи доходов и расходов на 1883 г. он уже писал, что «упрочение курса кредитного рубля и восстановление его ценности могут быть достигнуты лишь постепенно» [5]; в докладе по росписи на 1885 г. Бунге уже прямо говорил, что ввиду упрочения вексельного курса следовало «избегать всего, что может искусственно повлиять на поднятие цены кредитного рубля, потому что возвышение курса усиливало бы затруднения, испытываемые отпуском хлеба» [6]. Годом ранее, Бунге, успокаивая в свою очередь буржуазные круги, заключал свой доклад о росписи аналогичными обещаниями заботиться об «улучшении и упрочении денежной системы без ущерба для промышленности и торговли и без стеснения денежного обращения» [7]. Таким образом, прямой результат деятельности Бунге в этом отношении был весьма невелик.

Мы видели только что, как для уплаты казначейством долга Банку пришлось заключать заем. К займам понуждали и постоянные бюджетные дефициты. Если по росписи один год (1883)

---

[1] III ПСЗ, т. III, 1883, № 1827.
[2] П. Шванебах. Денежное преобразование и народное хозяйство, СПб., 1901, стр. 13.
[3] М. Кашкаров. Денежное обращение в России. СПб., 1898, т. 1, стр. 189—192.
[4] В. Охотников. Финансовые беседы, СПб., 1887, стр. 20:
[5] Ежегодник Министерства финансов, СПб., 1883, вып. XIII, стр. 157.
[6] Там же, 1889, вып. XV, стр. 68.
[7] Там же, вып. XV, стр. 75.

и был сведен с превышением доходов над расходами, то на самом деле все шесть лет министерства Бунге были сплошь годами дефицитов, общая сумма которых превысила 205,5 млн. руб.[1]. Однако, уже давно было указано, что наличие этого дефицита было обусловлено теми платежами, которые приходилось в эти годы производить по старым долгам. Действительно, за шесть лет (1881—1886 гг.) уплата эта составила почти 474 млн. руб., т. е. намного превысила дефицит[2]. При Бунге было заключено всего семь займов. При нарицательной сумме их в 472.763 тыс. руб. было выручено всего 442.930 тыс. руб.[3]. Одно сопоставление этих цифр указывает на невыгодные условия заключения займов. Особенно много нападок со стороны противников Бунге, и прежде всего Каткова, вызвал заграничный 6% золотой заем 1883 г., и из-за того, что он заключен был за границей, и из-за металлической валюты, и из-за чрезвычайно высокого процента. Одним из результатов займов оказалось теперь образование свободной наличности в Казначействе (90 млн. руб.) и в Государственном Банке (176½ млн. руб., переданных туда Казначейством)[4]. Это было значительным успехом, подготовившим финансовые операции Вышнеградского.

Переходя к общей оценке деятельности Бунге, следует отметить, что она явилась некоторой расчисткой финансово-экономических отношений от самых резких пережитков крепостного времени. Несомненно, такое значение буржуазного преобразования имели изменения в податном деле, где на место сословной подушной подати теперь появились налоги, установленные по имущественному признаку; это было шагом вперед, хотя налоги эти своею тяжестью ложились прежде всего на народные массы. Все вышесказанное о финансовой политике Бунге, а также об общей реакционной политике этих лет найдет себе подтверждение в цифровых статьях государственных доходов и расходов. Мы приводим эти цифры за 1881 и 1886 годы, начала министерства Бунге и его конца.

Общая характеристика системы пореформенного бюджета, данная Е. А. Мороховцем в гл. VII, остается в силе и для бюджетов Бунге. Вся тяжесть обложения, отягощавшего народные массы, ярко вырисовывается из цифр роста косвенных налогов, ложившихся на предметы массового потребления (ср. увеличение питейного дохода на 11 млн. руб.; увеличение табачного, сахарного и нефтяного налогов на 18,8 млн. руб.); как указано было выше, именно повышение косвенных налогов прежде всего должно было возместить уменьшение доходов, связанных с некоторым понижением выкупных платежей.

---

[1] П. П. Мигулин. Русский государственный кредит, Харьков, 1899, т. 1, стр. 592.

[2] Л. В. Ходский. Памяти Н. Х. Бунге — Журнал Юридического Общества при СПб. Университете, 1895, № 9, стр. 129.

[3] П. П. Мигулин. Указ., соч., Харьков, 1907, т. III, вып. 5, стр. 1134.

[4] Там же, т. 1, стр. 595.

Среди граф расходов показательны графы роста расхода по Министерству внутренних дел и Министерству юстиции, которые обусловлены были ростом расходов на полицию, тюрьмы и т. п. средства борьбы с революционным движением. Весьма значителен также рост платежей по государственным долгам, обусловленный займами, заключаемыми и на покрытие дефицита по обыкновенному бюджету и для платежей по прежним займам.

Государственные доходы[1]

(в млн. рублей)

	1881	1886
I. Обыкновенные доходы		
А. Прямые налоги:		
подати и сбор с доходов	116,6	96,7
за право торговли	23,2	28,0
Б. Косвенные налоги:		
питейный	225,3	236,9
табачный, сахарный, нефтяной	16,4	35,2
таможенный	85,7	112,4
В. Выкупные платежи	—	48,7
Г. Казенные имущества:		
леса	14,8	13,1
железные дороги	19,4	52,3
Д. Прочие доходы	125,0	153,1
Е. Оборотные поступления	24.8	3,8
Итого обыкновенных доходов	651,7	780,6
II. Чрезвычайные доходы		
Займы	91,3	149,5
Поступления в возврат расходов на жел. дороги	63,7	26,4
Поступления из спец. капиталов	—	—
Военное вознаграждение	—	1,5
Итого чрезвычайных доходов	155,1	177,5
Всего вообще	806,9	958,1

[1] Министерство финансов, СПб., 1902, т. II, стр. 646—647.

Государственные расходы[1]

(в млн. рублей)

	1881	1886
I. Обыкновенные расходы		
Платежи по государ. долгам	195,6	264,1
Высшие госуд. учреждения	2,1	2,1
Дух. ведомство	10,1	11,0
Мин. импер. двора	10,3	10,5
Мин. иностр. дел	4,2	4,4
Военное мин-ство	225,6	211,9
Морское мин ство	30,4	45,0
Мин. финансов	108,3	116,3
Мин. госуд. имуществ	19,8	22,4
Мин. внутр. дел	67,4	72,6
Мин. нар. просв.	17,4	21,1
Мин. путей сообщения	12,1	25,8
Мин. юстиции	16,8	20,3
Госуд. контроль	2,2	3,1
Главн. упр. госуд. коннозаводства	0,9	1,0
Гражд. упр. Закавказского края	8,6	—
	732,4	832,3
II. Чрезвычайные расходы		
Сооружения и приобретения жел. дорог	27,8	62,6
Погашение и конверсии займов	50,0	50,0
Военные расходы	29,9	—
	107,8	112,6
Всего вообще	840,2	945,0

1 января 1887 г. Бунге был назначен председателем Комитета министров, на его же место министром финансов — И. А. Вышнеградский. Эта перемена теперь никого не удивила. Скорее удивлялись тому, что произошло это так поздно и в такой почетной для Бунге форме. После того как в 1885 г. был смещен с поста министра юстиции Набоков, Бунге остался единственным министром, который в годы своего управления проводил политику, хотя бы частично направленную против крепостнических пережитков во вверенной ему области экономических отношений. В этом же 1885 году Катков, Победоносцев, Толстой и вся их клика начали решительную кампанию против Бунге. В целом ряде своих передовых статей 1885 г. Катков обличал Министерство финансов по самым разнообразным поводам: «медленность в охране интересов страны», «нельзя сочувствовать такой политике, нельзя даже понять ее», «необходимо изменить направление экономической политики», «вместо содействия у нас оказывается противодействие

[1] Министерство финансов, СПб., 1902, т. II, стр. 648—649,

разработке естественных богатств страны» и т. п. заключения сопровождают многочисленные экономические статьи Каткова [1].

В сентябре 1885 г. ближайший сотрудник Победоносцева, товарищ обер-прокурора Синода Н. Смирнов, составил записку о «Современном состоянии наших финансов», которая была одобрена Победоносцевым, Толстым и Островским. В ноябре эта записка, отпечатанная всего в 48 экземплярах, была разослана министрам и некоторым другим лицам, а также преподнесена Александру III. Вся записка была прямым отголоском пазухинских теорий и катковских передовых. Реформы шестидесятых годов здесь были охарактеризованы «началом распространения в России антигосударственных и материалистических идей». Записка обрушивалась против «производимых с 60-х годов опытов установления «западных порядков» в нашем государственном хозяйстве», против «настоящей финансовой системы, которая никак не вяжется с политическим строем государства». Не будем приводить доводов автора в защиту «родового дворянства», бумажной валюты, усиленной покровительственной системы, его полемики против отмены соляного налога и подушной подати, против понижения выкупных платежей и т. д. Достаточно взглянуть на итог записки: автор утверждает, что финансовая политика находится в резком противоречии «с нынешней общегосударственной политикой, предначертанной государем императором при самом вступлении его на престол и с твердостью проводимой в исполнение по всем другим отраслям государственного управления» [2].

В своих напечатанных ответных «замечаниях» Бунге прямо квалифицировал записку Смирнова, как направленное против Министерства финансов «обвинение в анти-правительственной деятельности» со стороны тех, которые «пользуются некоторыми уродливыми явлениями для возврата к тому, что вызвало самые реформы, прославившие императора Александра» [3]. Дело не ограничилось запиской Смирнова, на которую Александр III не обратил желаемого инициаторами этого дела внимания. Вслед за этою запискою разъяснителем вредоносности Бунге явился Толстой, который при своих личных докладах в начале января 1886 г. утверждал, что Бунге разоряет народ и тем возбуждает недовольство его, а также указывал царю, что Бунге окружен-де неблагонадежными людьми [4]. С тою же целью подоспел тогда из Москвы и Катков. Уезжая из Петербурга обратно в Москву, Катков был уверен в успехе дела. Он писал своему петербургскому конфиденту Феоктистову о том, что «надо употребить все

---

[1] М. Н. Катков. Собрание передовых статей за 1885 г., стр. 4, 27, 50, 347, 483 и др.

[2] Н. Смирнов. Современное состояние наших финансов и средства к улучшению нашего государственного хозяйства, СПб., 1885, стр. 3, 7, 8, 54—55 и др.

[3] По неизданному дневнику Е. Феоктистова в рук. отд. ИЛИ АН СССР (самого ответа Бунге нам не удалось пока разыскать).

[4] Там же.

возможное, чтобы он (Бунге) ушел скорее и чтобы наши финансы, жизненная сила государства, из антиправительственных рук перешли в руки правительства»[1]. Когда Бунге все же уцелел, Катков в конце февраля без всяких обиняков громко заявил в «Московских Ведомостях» о том, что «партия, точнее коалиция партий и разных честолюбий, потерпевшая поражение в день 29 апреля 1881 г. «возлагает теперь свои надежды только на Министерство финансов, на «последнее, имеющее в своем ведении жизненные силы страны»[2]. Эта статья произвела, наконец, желательное впечатление на Александра III, и его резолюция гласила: «Замечательная статья; к сожалению Катков не ошибается»[3]. Когда через несколько дней Александра посетил злейший из противников Бунге, кн. Мещерский, который тоже «без утайки обвинял» Бунге, то разговор зашел и о преемнике Бунге. Александр III назвал имя И. А. Вышнеградского[4].

Вышнеградский имел к тому времени весьма громкую известность. Профессор механики Технологического Института в Петербурге (одно время и директор его) Вышнеградский еще в семидесятых годах занялся сперва делами городского хозяйства, а затем биржевыми спекуляциями. По словам одного из близких к тогдашним деловым кругам лиц, Вышеградский «очень быстро занял самое прочное положение в биржевом мире»; года два-три после начала этой новой своей карьеры он «фигурировал уже в администрации почти всех значительных дел Петербурга». Ко времени назначения Вышнеградского министром, его состояние исчисляли в 2 млн. рублей[5]. В первой половине 80-х годов у Вышнеградского завязались близкие отношения с Катковым. По некоторым, к сожалению отрывочным данным переписки Вышнеградского и Каткова, мы можем установить факты сотрудничества Вышнеградского в «Московских Ведомостях» при их борьбе против Бунге[6]. Неожиданно для бюрократических кругов и даже для председателя Государственного Совета состоялось в 1886 г. назначение Вышнеградского членом Государственного Совета, и первое же заседание Совета с участием Вышнеградского ознаменовалось выступлением его против Бунге. Все заговорили тогда о нем, как о будущем министре финансов.

§ 2. Финансовая политика И. А. Вышнеградского

Когда Вышнеградский был назначен министром финансов, он с необычайной энергией принялся за проведение своих экономи-

[1] Неизданное письмо Каткова Феоктистову, там же.
[2] М. Н. Катков. Собрание передовых статей за 1886 г., стр. 117.
[3] По дневнику Феоктистова.
[4] Там же.
[5] А. Н. Витмер. Отрывочные воспоминания, — «Исторический Вестник», 1911, № 9, стр. 863—5, 870.
[6] Неизданные письма в архиве Каткова в рук. отд. Гос. Публ. библ. СССР им. В. И. Ленина.

ческих планов. Экономические условия, в которых Вышнеградскому пришлось действовать, были весьма благоприятны. 1887 год был ознаменован началом нового промышленного подъема; также точно смягчается сельскохозяйственный кризис. Урожай 1887 года был небывалым по своим размерам (почти 330 млн. четвертей — другого такого урожая не было ни в 70-х ни в 80-х гг.)[1]. Благодаря неурожаю на Западе и еще более благодаря принятым Вышнеградским мерам экспорт хлеба достигает рекордных размеров, составляя в 1888, 1889 и 1890 гг. свыше 15—17% всего валового сбора хлебов.

Одною из мер, способствовавших столь массовой выброске хлеба на внешний рынок, было невиданное до того по жестокости выколачивание с крестьян не только очередных платежей, но и давних недоимок. С. С. Бехтеев, один из виднейших, наряду с Пазухиным, представителей крепостнического дворянства в Кахановской Комиссии, писал впоследствии, что «время управления... И. А. Вышеградского ознаменовано особенно настойчивым взиманием податей с распродажей еще уцелевшего для того крестьянского имущества»[2]. В течение 1887—88 гг. было взыскано 16¼ млн. руб. накопившихся недоимок[3]. Все это усиливало процесс дифференциации в деревне и приводило к массовому разорению крестьянства. Со всею яркостью это беспощадное разорение крестьянских хозяйств сказалось во время голода 1891 г. Но и тогда, весною 1891 г., когда было уже явно, что надвигается голод, Вышнеградский говорил, опасаясь отлива золота за границу: «Сами не будем есть, но будем вывозить»[4].

Политика Вышнеградского была направлена и против рабочих: она была временем усиленного урезывания тех робких мероприятий, которые под давлением рабочего движения провел Бунге в области фабричного законодательства. Интересы крупнейших слоев тогдашней буржуазии, а также интересы поместного дворянства стали теперь столь же ярко господствовать в области экономической политики страны, как и во всех других областях деятельности правительства Александра III.

На первое место Вышнеградским были поставлены важнейшие для буржуазного развития России, тесно связанные один с другим, вопросы упрочения валюты и уничтожения бюджетного дефицита. Подробнейшим образом перечислив в одном из писем А. Н. Майкову все предполагаемые статьи бюджета на 1888 г., Вышнеградский писал о дефиците, что «теперь бы только победить чудовище, именуемое дефицитом в обыкновенном бюджете, при котором, т. е. дефиците, жить нельзя». Вышнеградский по-

---

[1] В. И. Покровский. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, ч. 1, СПб., 1902, стр. 7.

[2] С. С. Бехтеев. Хозяйственные итоги истекшего 45-летия, СПб., 1902, стр. 187.

[3] П. Х. Шванебах. Наше податное дело, СПб., 1903, стр. 13.

[4] П. Х. Шванебах, Денежное преобразование и народное хозяйство, СПб., 1901, стр. 21.

ставил на службу решению этих задач и налоговую политику, и таможенную, и кредитную и все остальные стороны своего управления. Легче и проще всего было действовать в области политики податного обложения и здесь ранее всего сказались новые тенденции Вышнеградского.

Если и Бунге в поисках бюджетных средств искал их также в увеличении косвенного обложения, то налоговая политика Вышнеградского, резко повернувшая в сторону реакции, должна была естественно направить усиленное внимание именно на косвенное обложение, которое с точки зрения интересов широких масс «отличается величайшей несправедливостью», так как «всей своей тяжестью ложится оно на бедноту, создавая привилегию для богатых» [1]. Бедноте теперь пришлось расплачиваться за отмену подушной подати и другие мероприятия Бунге. Это отчетливейшим образом было высказано Государственным Советом. Он полагал, что, так как ранее, при Бунге, был принят ряд мер в области прямых налогов, облегчивших, по мнению Совета, положение «низших классов населения», то теперь «естественно, заботы правительства должны быть направлены к возможному увеличению ресурсов, доставляемых косвенными поступлениями» [2]. Вышнеградский, идя по этому пути, не только повысил ставки косвенного обложения на ранее облагаемые предметы широкого потребления, но обложил также и такие предметы, которые до того никогда не были предметами косвенного налогового обложения. Уже в 1887 г. им был проведен ряд важнейших мероприятий в области косвенного обложения. Для табака был установлен новый тариф бандеролей, который повысил акциз на табак на 20—50%. Был вновь повышен в том же году акциз со спирта и вина до $9^1/_4$ коп. с градуса (в 1892 г. он был поднят до 10 коп.). В 1890 г. был установлен дополнительный акциз (40 коп. с пуда) с рафинированного сахара (Витте в 1893 г. перенес этот акциз с рафинада на песок) [3]. Новыми налогами были налоги на нефть и на спички.

В 1887 г. Вышнеградский внес в Государственный Совет проект установления налога на нефть. Этот новый налог «не препятствуя правильному дальнейшему развитию нефтяной промышленности, всецело ложился бы на потребителей нефтяных продуктов». Классовый характер этого налога виден из того, что обложены были только осветительные масла, но оставлены не обложенными масла смазочные [4]. Мотивом к обложению спичек было то, что они «вошли в обыденное употребление даже среди беднейших классов» [5]. В январе 1888 г. спички были обложены акцизом

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 5, стр. 309.
[2] Отчет по Государственному Совету за 1887 год, стр. 221.
[3] Министерство финансов, 1802—1902, т. II, стр. 157, 177, 183—184.
[4] Отчет по Государственному Совету за 1887 г., СПб., 1888, стр. 342 и сл.
[5] Отчет по Государ. Совету за 1887 г., стр. 374.

в 1/4 коп. с коробки (Витте в 1892 г. поднял акциз до 1/2 коп.) [1].

Одним косвенным обложением нельзя было достигнуть наличия бездефицитного бюджета и Вышнеградскому пришлось несколько повысить также прямое обложение. Менее всего это повышение коснулось того налога, в котором было заинтересовано поместное дворянство — поземельного налога. Вышнеградский повысил налог для тех губерний, где он не достигал 0,18% доходности, но отнюдь не довел оклад до этой нормы [2]. Какое ничтожное значение имело это мероприятие Вышнеградского можно судить по цифрам поступления поземельного налога соответственно за 1887 (по старым окладам), 1888 и 1889 гг.: 14.835 тыс. руб., 15.068 тыс. руб., 15.716 тыс. руб. За 1887—1894 гг. этот налог дал повышение всего-навсего на 7% [3].

Налог на наследства, который ввел Бунге вызвал, конечно, противодействие со стороны дворянства. На Вышнеградского посыпались «многочисленные заявления дворянских и земских собраний» о «крайней отяготительности» этого налога. Вышнеградский не решился уменьшить ставки налога, но допустил его рассрочку на 5 лет вместо существовавших трех [4].

Установленное Бунге промысловое обложение направлено было в первую очередь к обложению крупных предприятий и давало некоторое облегчение низшим их разрядам. Вышнеградский, в согласии со своей политикой, обратил внимание именно на негильдейские предприятия, выбирающие документы на мелочной, разносной и развозной торг. В 1887 г. Вышнеградский повысил цену на эти документы на 10% [5], а в 1889 г. привлек негильдейские предприятия к уплате того дополнительного раскладочного сбора, который, как мы видели, имелся в виду только для крупных предприятий [6].

Политическими соображениями мотивировал Вышнеградский произведенное в 1889 г. распространение взимания наследственных пошлин также на наследства, остающиеся после иностранцев: это могло бы послужить некоторым тормозом к наплыву иностранцев в западные губернии империи.

Некоторою характеристикою налоговой политики Вышнеградского могут служить сравнительные цифры прямого и косвенного обложения в последние годы министерства Бунге и Вышнеградского: цифра прямых налогов упала со 174.3 млн. руб. в 1886 г. до 168.4 млн. руб. в 1892 г., цифра же косвенных за соответственные годы повысилась с 434.0 млн. руб. до 533.4 млн. руб. Для выяснения же социального содержания этой политики могут служить лучшим свидетельством признания достаточно из-

---

[1] Там же, Министерство Финансов, 1802—1902, т. II, стр. 188—191.

[2] Министерство Финансов, 1802—1902, т. II, стр. 134.

[3] М. Кашкаров. Главнейшие результаты государственного денежного хозяйства за последнее десятилетие (1885—1894), СПб., стр. 56.

[4] Отчет по Государственному Совету за 1888, СПб., 1889, стр. 300—302.

[5] Отчет по Государ. Совету за 1887 год, стр. 188—192.

[6] Отчет по Государ. Совету за 1888 год, стр. 303—314.

вестного реакционера, будущего министра П. Шванебаха, что «действием податного аппарата» крестьянство вынуждалось к продаже хлеба «при самых разорительных условиях», и что «повышением косвенных налогов с предметов крестьянского потребления... и крутым взысканием недоимок отмена подушной была, так сказать, сведена на нет» [1].

Однако, одними налогами, особенно при той щепетильности, которую Вышнеградский проявлял к интересам буржуазно-помещичьих групп, нельзя было покрыть дефицита. По исчислению Вышнеградского даже при повышении налогов в 1888 году оказался бы дефицит ок. 40 млн. руб. [2]. Уже с 1877 года началось, как было указано выше, повышение таможенных пошлин, делаемое с целью повышения доходов фиска. К этому средству прибегал и Бунге; этим же путем пошел и Вышнеградский в гораздо большей мере, чем Бунге, считавшийся в этих вопросах с требованиями буржуазии.

С самого же начала 1887 г. Вышнеградский, под воздействием промышленников, приступил к усилению таможенного обложения. Мотивируя свои требования падением цен на английский уголь, горнопромышленники юга России возбудили ходатайство об усилении установленных в 1884 г. размеров пошлин на уголь. Даже Вышнеградский лишь в части пошел на удовлетворение их притязаний.

По ходатайству хмелеводов была повышена в 1887 году пошлина на привозной хмель и вместо 1 руб. 45 коп. с пуда составила 10 руб. (в зол. рублях); покровительственной пошлиной были обложены нитки, суда, чугун, железо и сталь. О значении этих повышений можно судить по тому, напр., что в 1887 году было ввезено чугуна 8.785.000 пудов (стоимостью в 5.542.000 руб.), а увеличение пошлины в 1887 г. привело в 1888 г. к уменьшению ввоза до 4.541.000 пудов стоимостью в 2.499.000 кред. руб.; таможенный сбор уменьшился с 2.910.000 руб. до 2.039.000 руб. [3]. Повышение пошлин на чай коснулось главным образом плиточного чая; сами чайные торговцы указывали на распространение этого сорта чая среди «недостаточных классов населения» и на «существенный ущерб потребителям» от введения этой пошлины.

После дальнейшего повышения пошлин на ряд предметов ввоза в 1889 г., Вышнеградский провел в 1890 г. новое повышение большинства таможенных ставок на 20% [4]. Вышнеградский мотивировал это повышение улучшением вексельного курса, что ослабляло таможенный барьер; один из исследователей (М. Н. Собо-

---

[1] П. Х. Шванебах. Денежное преобразование и народное хозяйство, СПб., 1901, стр. 20, 30.

[2] Отчет по Государственному Совету за 1887 г., стр. 299.

[3] Там же, стр. 192, 170, 205, 255; В. И. Покровский, указ. соч., стр. 87 л., 92 б.

[4] Отчет по Гос. Совету за 1891 г., СПб., 1892, стр. 235.

лев) пришел к выводу, что для импортеров побудителем к усиленному привозу товаров в Россию явилось ожидание нового чрезвычайного повышения пошлин в готовящемся тогда общем тарифе. Кульминационной точкой политики Вышнеградского и всей протекционистской политики второй половины XIX в. явился именно этот тариф 1891 года. Развитие таможенного покровительства, завершаемое в новом тарифе, Вышнеградский видел в поощрении сперва производства внутри страны готовых продуктов из иностранных полуфабрикатов и сырья, затем производства полуфабрикатов и, наконец, запретительной политике и в отношении к ввозу сырья. Целый ряд предметов был обложен пошлиною впервые, как, напр., некоторые химические продукты; пошлины на другие предметы были повышены, в том числе напр. вновь на чай (плиточный). Повышение коснулось более половины всех статей ввоза. Для сравнения пошлин по тарифу 1868 г. и по тарифу 1891 г. можно указать на соответственные пошлины с пуда чугуна: 5 коп. и 45—52 коп.; на машины: 30 коп. и 2 руб. 54 коп., и т. п. [1].

В составе государственных доходов того времени таможенный доход стоял на втором месте (на первом был питейный). Вышнеградский сумел его поднять со 107.1 млн. руб. в 1887 г. до 130.3 млн. руб. в 1892 г.

Еще больших результатов Вышнеградский добился в стремлении улучшить торговый баланс России. Превышение вывоза над ввозом составило в последний год министерства Бунге (1886) почти 62 млн. руб. Уже в 1887 г. эта цифра поднялась до 223,3 млн. руб., а в 1891 г. достигла высшего размера в 423,2 млн. руб. [2]. Таким образом, усиленная покровительственная тарифная политика, которую ее апологет, один из творцов тарифа 1891 г., великий химик Д. И. Менделеев, скромно называл «разумным протекционизмом» [3], всецело достигла желательных для Вышнеградского результатов. Эта политика явилась сильным толчком к импорту в Россию иностранного капитала, особенно сильно увеличившегося в 90-х годах, уже при Витте.

Ни повышение налогов, ни даже весьма выгодный торговый баланс не были достаточны для уничтожения дефицита и для такого накопления золотого запаса, который дал бы возможность перейти к металлической валюте. В качестве одного из аргументов повышения пошлин Вышнеградский приводил необходимость приобрести золото для платежей по заграничным займам. Вопрос об уменьшении размера заграничных платежей явился одною из существеннейших сторон политики Вышнеградского. Наметившееся франко-русское сближение открыло для русских бумаг богатейший французский рынок, который быстро, совместно с гол-

[1] Там же, стр. 233 и сл. В. И. Покровский. Указ. соч., т. I, таблицы, стр. 92б, 97а.

[2] М. Кашкаров. Указ. соч., стр. 86—90.

[3] Д. Менделеев: К познанию России, СПб., 1907, стр. 84.

ландским, скупил выбрасываемые Германией русские бумаги. Воспользовавшись этой политической ситуацией, а также весьма благоприятным состоянием западно-европейского денежного рынка, где наблюдалось изобилие денег, Вышнеградский приступил к конверсии иностранных займов. Из всех финансовых мероприятий Вышнеградского именно эта операция произвела наибольшее впечатление на современников [1]. Всего Вышнеградский конвертировал долгов на сумму более 1.868 млн. руб. Вышнеградскому удалось достигнуть понижения нормы процентов с обычной ранее 5% до 4%. Конечно, и четырех-процентная норма была чрезвычайно велика по сравнению с английскими и французскими нормами ($2^3/_4$—3%), но эта дороговизна была обусловлена общим недоверием западно-европейской буржуазии к отсталому самодержавному колоссу Восточной Европы. Ежегодное сокращение уплачиваемой суммы процентов, всего-навсего около 7 млн. руб. оказалось незначительным [2]. Таким образом, весь итог этого, по выражению тогдашнего товарища министра финансов Ф. Тернера, «несомненно блистательного момента в истории наших финансов» оказался довольно скромен [3]. Конверсия займов ярко вскрыла связь финансовых операций с переменой внешне-политической ориентации России, сказавшейся в русско-французском сближении и затем союзе. Ни англичане, ни немцы не обменяли старых конвертируемых ценных бумаг на вновь выпускаемые. Новые займы были выпущены уже на французском рынке, к которому в этот момент и перешла роль главного кредитора царской России.

В бюджете того времени не малое место занимали расходы казны по железнодорожным обязательствам. Впрочем, не только интересы казны, но интересы и поместного дворянства, и крупной буржуазии были резко нарушаемы теми исключительными привилегиями, которые создали себе железнодорожные кампании в годы хищнического строительства новых железных дорог в 60—70 гг. Неудивительно, что с середины 70-х годов учреждаются комиссии для рассмотрения железнодорожного дела. Уже тогда был поставлен вопрос об установлении государственного контроля над финансовым хозяйством железных дорог, а также и вопрос о выкупе железных дорог в казну. Однако даже Бунге проявлял колебания в этом вопросе, не будучи ни сторонником выкупа железных дорог (при нем все же были выкуплены четыре малозначительных дороги), ни сторонником решительного вмешательства правительства в деятельность железнодорожных компаний [4].

---

[1] Старый профессор. Замечательная эпоха в истории русских финансов, СПб., 1895, стр. 84.

[2] П. П. Мигулин. Русский государственный кредит, т. III, стр. 1140, т. II, стр. 220, 221, 232, 254.

[3] Ф. Г. Тернер. Воспоминания жизни, т. II, СПб., 1911, стр. 175.

[4] Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета Министров, СПб., 1902, т. III, стр. 73 и сл.

Принявшись теперь за решительное упорядочение бюджета Вышнеградский не мог пройти мимо того, что в 1886 г. приплаты казны только по гарантии облигаций и акций частных железнодорожных компаний составили почти 16 млн. руб., всего же приплаты казны по обязательствам частных железных дорог составили в том же 1886 г. более 53 млн. руб. Долги этих обществ казне превысили миллиард рублей [1].

Вышнеградский, сам в прошлом крупный железнодорожный делец, осаждаемый жалобами громко заговоривших помещиков и фабрикантов, решительно повернул курс правительственной политики по отношению к частным железным дорогам. В 1887 г. Государственный Совет признал за правительством как за «верховным охранителем» право вмешательства в деятельность железнодорожных компаний [2]. Вслед за тем были поставлены вопросы о выкупе железных дорог в казну и о железнодорожных тарифах. Не надо думать, что акционеры потерпели на этом деле какой-нибудь ущерб. В 1892 г. правительство получило право выкупить Либаво-Роменскую дорогу за сумму одного только облигационного капитала, не уплачивая ничего за акции, которые не были гарантированы правительством. Тем не менее, по ходатайству капиталистов (главную роль играл здесь банкир Зак), Бунге и Вышнеградский, Комитет министров и Комитет финансов солидарно решили, что, хотя Зак не имеет «никаких юридических оснований» требовать уплаты за акции, тем не менее «едва ли совместимо с достоинством правительства» не уплатить ему за них [3]. При выкупе Рязанско-Вяземской и Моршанско-Сызранской линий правительство приняло предложение концессионеров, которое, по словам Вышнеградского, «бесспорно вызовет со стороны правительства ежегодные жертвы по уплате процентов и погашения по этим облигациям». Но акционерами были голландские капиталисты, а после закрытия немецкого рынка для русских бумаг необходимо было ладить с голландской биржей [4]. Выкупая в 1887 г. Уральскую железную дорогу ей оказали «некоторое воспособление» почти в 4 млн. рублей для расплаты с кредиторами [5]. Мы не будем умножать этих примеров. За 1887—1892 гг. было выкуплено в казну 10 железных дорог протяжением 5456 верст и, несмотря на все переплаты казны, это было значительным шагом к упорядочению железнодорожного хозяйства.

Общий итог железнодорожной политики сказался в увеличении протяженности сети железных дорог за 1881—1894 гг. на 9991 версту (с 21.228 верст до 31.219 верст, что составляет увеличение на 47%). Если в 1881 г. казной эксплоатировалась одна лишь крошечная Лиепайская железная дорога протяженностью

---

[1] П. П. Мигулин. Русский государ. кредит, Харьков, 1900, т. II, стр. 260.
[2] Отчет по Госуд. Совету за 1887 г., стр. 550.
[3] Наша железнодорожная политика, т. III, стр. 100—105.
[4] Там же, стр. 88 и сл., 92. Министерство финансов, т. II, стр. 396.
[5] Там же, стр. 87—88.

всего в 57 верст, то в 1894 г. в казенном управлении состояло 52% всей сети железных дорог или 16 920 верст против 14 229, бывших во владении частных компаний [1].

Нельзя было оставить без внимания тарифную политику частных железнодорожных обществ. О дезорганизующей роли, которую играли тогдашние тарифы, произвольно устанавливаемые каждой дорогой, и не всегда даже публикуемые, можно судить по двум примерам. $^3/_4$ нашего вывоза на запад и $^2/_3$ ввоза шло в то время морским путем. Провозная плата от важнейших портов (Кенигсберг, Рига, Ревель, Либава) до Москвы была, в результате конкуренции, так низка, что напр. провоз груза от Кенигсберга до Москвы (расстояние — 1 422 версты) стоил менее, чем провоз его от Петербурга до Москвы. Разница этих двух ставок, ставки ввозного тарифа и тарифа внутренних сообщений была такова, что то, что ложилось на товары в виде таможенной пошлины, с избытком снималось дешевизной ввозного тарифа. Тем самым значительно обесценивалась таможенная система покровительства российской промышленности. Провоз хлебных грузов был дезорганизован той же конкуренцией железных дорог, начатой в 1884 г. Лозово-Севастопольской железной дорогой. В итоге хлеб шел к вывозным портам кружными дорогами, скопляясь то в одном, то в другом порту, цена на него падала и он гнил; поощряя дальние перевозки, существовавшие тогда тарифы подрывали вывоз хлеба из центральной России [2].

8 марта 1889 г. был издан закон, создавший в составе Министерства финансов новые тарифные учреждения, в том числе и департамент железнодорожных дел, во главе которого был поставлен С. Ю. Витте, до того управлявший юго-западными железными дорогами. Правительство теперь получило право руководства делом установления тарифов, а железнодорожные общества обязаны были представлять тарифы на утверждение правительству [3]. Тотчас обнаружился саботаж железнодорожных компаний, и уже 12 августа было издано дополнительное распоряжение, согласно которому непредставление или неопубликование тарифа дает право Департаменту железнодорожных дел самому выработать и опубликовать тариф для такой дороги [4]. Новые хлебные тарифы (1889 и 1893 гг.) ставили себе задачей открыть каждому району доступ на возможно большее количество вывозных пунктов, а также обеспечить внутренний рынок за центральным земледельческим районом; новый угольный тариф 1890 г. имел задачей вытеснить с внутренних рынков иностранный уголь и обеспечить эти рынки, в особености московский, за русским углем и т. д. [5]. Таким образом, тарифная политика ставилась на

---

[1] Там же, стр. 925.
[2] Там же, т. III, стр. 49—50.
[3] III ПСЗ, т. IX, 1889, № 5831.
[4] Там же, № 6236.
[5] П. П. Мигулин. Русский государственный кредит, т. II, стр. 536.

службу общему направлению правительственной экономической политики.

И к бюджетам Вышнеградского приложима та общая характеристика, которая была выше дана бюджетам Бунге. Однако, не трудно заметить и некоторую особую черту этих бюджетов, ярко отражающую классовую направленность финансовой политики Вышнеградского. Рост косвенного обложения при Вышнеградском выразился в гораздо более значительной сумме, чем при Бунге. Так теперь рост табачного, сахарного и нефтяного налогов за пятилетие составил 30 милл. руб. против 18,8 милл. рублей предшествующего времени. Столь же незначительным, как и при Бунге, оказался при Вышнеградском рост прямого обложения. Значительную цифру составила графа доходов по железным дорогам. Но она была щедро оплачена владельцам железнодорожных акций. О политике займов и связанных с ними расходами достаточно было сказать выше, как и об итогах финансовой политики Вышнеградского.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ[1]

(в млн. рублей)

I. Обыкновенные доходы	1887	1892
А. Прямые налоги:		
подати и сбор с доходов	52,7	55,9
за право торговли	28,8	35,4
Б. Выкупные платежи	88,9	77,0
В. Косвенные налоги:		
питейный	257,6	269,0
табачный, сахарный, нефтяной	47,2	75,2
таможенный	107,5	130,5
Г. Казенные имущества:		
леса	13,5	18,7
железные дороги	53,4	111,1
Д. Прочие доходы	175.9	196,9
Е. Оборотные поступления	3,7	—
Итого обыкновенных доходов	829,6	970,1
II. Чрезвычайные доходы		
Займы	131,7	165,7
Поступления в возврат расходов на жел. дороги	0,3	29,1
„ из спец. капиталов	9,8	0,4
Военное вознаграждение	2,5	3,3
Итого чрезвычайных доходов	144,5	198,6
Всего вообще	974,2	1 168,8

[1] Министерство финансов, СПб, 1902, т. II. стр. 646—647.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ[1]

(в млн. рублей)

I. Обыкновенные расходы	1887	1892
Платежи по государст. долгам	280,9	251,0
Высшие государст. учреждения	2.0	2,8
Духовное ведомство	10,9	11,4
Мин. импер. двора	10,5	10,5
Мин. иностр. дел	4.7	4,7
Военное министерство	210,9	236,1
Морское министерство	40,3	48,1
Министерство финансов	109,0	120,1
Министерство госуд. имуществ	22,3	24,1
Мин. внутр. дел	72,5	82,1
Мин. нар. просвещения	20,6	21,7
Мин. путей сообщения	25,8	67,4
Мин. юстиции	20,4	24,5
Госуд. контроль	3,1	4,2
Главн. упр. госуд. коннозаводства	1,0	1,2
Итого обыкновенных расходов	835	910,6
II. Чрезвычайные расходы		
Сооружения и приобретения жел. дорог	45,0	100,8
Погашение и конверсии займов	50,0	—
Военные расходы	—	26,4
Разные	—	87,4
	95,0	214,7
	930,9	1 125,4

[1] Там же, стр. 642—643.

Целым рядом выше указанных мероприятий Вышнеградскому удалось уничтожить дефицит в бюджете. После сравнительно небольшого дефицита в первый год управления министерством Вышнеградского избыток поступлений был так значителен, что за 1887—1892 гг. (включая голодный 1891 год) составил 262.710 тыс. руб.[1]. Точно также Вышнеградскому удалось накопить значительный золотой запас в 514 млн. руб., что позволило Витте произвести в ближайшие годы денежную реформу[2]. Но одной из основных целей своей политики — установить прочный курс рубля, чтобы перейти к металлической валюте,— Вышнеградскому достигнуть не удалось. В январе 1888 г. курс рубля пал ниже, чем когда-либо (50,1% ниже паритета); колебания курса в этом году достигли 36,4%. В 1890 г. курс возвысился настолько (75 коп. зол. за 1 руб. кредит.), что стал угрожать русскому вывозу и пришлось принимать меры в виде покупки

[1] Там же, стр. 536.
[2] Там же, стр. 510.

золота для понижения курса рубля [1]. Достичь поставленной Вышнеградским цели — упрочить курс рубля и перейти к золотой валюте — удалось опять-таки только Витте.

Однако, был и другой итог политики Вышнеградского. Беспощадный налоговый гнет ложился на народную массу; она вынуждены была не только платить увеличиваемые налоги, но и уплатила старые недоимки. Голод 1891 года был прямым последствием политики Бунге — Вышнеградского, которая преследовала укрепление позиций разоряющегося дворянства и крупной буржуазии.

В известной мере жертвой этой политики пал сам Вышнеградский. Хотя им были оказаны дворянству немаловажные услуги, однако ни дворянство не считало его своим, ни он не считал себя слугою дворянства. Мы видели выше отношение С. С. Бехтеева к Вышнеградскому. Можно процитировать еще письмо Б. Мансурова (член Госуд. Совета) Победоносцеву, в котором Мансуров смущен тем, что судьбы сельского хозяйства находятся в руках Вышнеградского, «смотрящего на все с точки зрения купеческой» [2]. Вышнеградский же не стеснялся говорить о том, что просьбы дворян ему «надоели» [3]. В длинном разговоре с директором Азиатского Департамента Зиновьевым он жаловался на то, что его беспокоит «все более и более реакционное направление правительства», возмущался высылкою студентов за участие в похоронах Шелгунова, и т. п. [4]. Все это имело и ближайшее отношение к финансам. Вышнеградский оценивал финансовое положение империи после своего пятилетнего управления гораздо более пессимистически, чем это делали в правительственных сферах. «Наше финансовое и экономическое положение ужасно!, говорил он министру иностранных дел Гирсу 23 февраля 1892 г. 8 марта Вышнеградский высказался еще резче: по записи Ламздорфа, он «откровенно говорил г. Гирсу об угрожающем нам банкротстве и о безвыходном положении наших финансов» [5].

Однако в этом сложном положении развязка для Вышнеградского пришла совершенно неожиданно. 25 марта 1892 г. его постиг удар. Когда к осени Вышнеградский несколько оправился, он не хотел покидать совсем своего поста, ибо, как он писал Аполлону Майкову 9 августа 1892 г., его «непременное желание выйти в отставку могло быть истолковано в смысле желания крыс оставить заблаговременно тонущий корабль» [6]. Составленный Вышнеградским проект разделения Министерства финансов и передачи части дел его Витте, который образовал бы вновь созданное «Министерство торговли и общественных работ» был

---

[1] М. Кашкаров. Денежное обращение в России, т. 1, стр. 176, 196.
[2] К. П. Победоносцев и его корреспонденты, полутом II, стр. 922.
[3] Дневник А. В. Богданович. Три последних самодержца, стр. 139.
[4] В. Н. Ламздорф. Дневник, 1891—92 гг., М.—Л., 1934, стр. 105.
[5] Там же, стр. 290, 311.
[6] Неизданное письмо в рукоп. Отд. ИЛИ АН СССР.

неудобен ни Витте, ни Александру III. Уступая нареканиям на Вышнеградского[1], царь в августе 1892 г. назначил новым министром финансов Витте, которого, впрочем, и сам Вышнеградский считал своим «естественным преемником». Началась новая эра финансовой политики, теснейшим образом связанная с общей империалистической политикой Российской империи.

* *
*

Казалось, что реакция прочно сделала свое дело в течение восьмидесятых годов. Эту иллюзию разрушил уже голод 1891 года. Всем современникам этого потрясающего бедствия, которое по официальным данным уменьшило на 1 миллион людей население Российской империи, было ясно, что размеры этой небывалой по размерам своим трагедии являются результатом не только аграрного кризиса, ударившего сильнее всего именно по крестьянскому хозяйству вследствие катастрофического падения цен на рожь уже с середины 80-х годов, но и как всей политики правительства, беспощадного выколачивания податей и налогов и экономической кабалы крестьян, особенно усилившейся во время аграрного кризиса. Голод сразу же подорвал кажущееся благополучие империи.

В то же время голод помог разбудить Россию от спячки, которая, казалось, ее охватила. Организация помощи голодающим привлекла широкие общественные круги. О бедствиях голода заговорили даже легальные и весьма умеренные тогдашние газеты. Но заговорила об этом и революционная печать. О голоде заговорил Энгельс, который определил постигший страну голод как «национальное бедствие» (XVI, ч. 2, стр. 253). Вслед за ним выступил с брошюрой Плеханов, в которой поставил ряд задач перед тогдашними социал-демократами. Всем было ясно, что кризис режима наступил, что голод прорвал сковывавшую Россию реакцию. Дальнейший процесс разрушения реакции был теснейшим образом связан с небывалым, начавшимся в эти же годы, подъемом революционного рабочего движения, руководство которым гениально возглавил приехавший в 1893 г. в Петербург Ленин.

[1] Ф. Г. Тернер. Воспоминания жизни, т. II, СПб., 1911, стр. 220–221.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ 80-х ГОДОВ И ПЕРВЫЕ ШАГИ МАРКСИЗМА В РОССИИ

В 80-х годах в период жестокой политической реакции, торжествовавшей при Александре III произошел глубокий перелом в развитии русского революционного движения, русской общественной мысли.

Важнейшим событием, определившим дальнейший путь развития русского революционного движения, было выступление сформировавшегося промышленного пролетариата России на путь организованной борьбы, на путь массовых выступлений в виде организованных стачек [1] и появление «...на почве роста рабочего движения» [2] первых марксистских групп и кружков, положивших начало распространению марксизма и созданию марксистской рабочей партии в России.

§ 1. Промышленный кризис 1882 г. и стачечное движение рабочих

На рабочее движение первой половины 80-х годов значительное влияние оказал разразившийся в этот период промышленный кризис. Промышленный кризис 1882 года в России был составной частью мирового экономического кризиса. Однако, он не был лишь отражением мирового кризиса, а имел свою внутреннюю почву.

С наступлением кризиса началось сокращение промышленного производства и железнодорожного строительства.

Промышленный кризис был обострен аграрным и финансовым кризисом.

В Московской губернии промышленный кризис, принявший особо острую форму после Нижегородской ярмарки 1882 года, начал проявляться еще зимой 1880—1881 года.

«Многие мануфактурные фабрики в Москве сокращают выработку своих произведений на половину ...везде слышны вопли отчаяния», — писала газета «Биржевой Вестник» [3].

---

[1] История ВКП(б), Краткий курс. стр. 26.
[2] Там же, стр. 10.
[3] «Биржевой Вестник» №№ 58, 65, 1880 год.

О положении промышленности Иваново-Вознесенска в годы кризиса один из современников писал: «За период 1882—1890 гг. ситцепечатная, красильная, отделочная и отбельная промышленность не развивалась... В Иваново-Вознесенске 1882 года закрылись девять ситценабивных фабрик. В это время происходила усиленная конкуренция (кризис), и за счет закрывшихся усилились более приспособившиеся» [1].

Начавшись с текстильной промышленности кризис все более расширялся и в 1883 году, охватив все главные отрасли промышленности приобрел всеобщий характер.

Кризис был глубокий и затяжной, он продолжался до 1887 года. Еще в 1886 году «Обрабатывающая промышленность и торговля ее изделиями находилась,— по мнению А. Чупрова,— в крайне угнетенном положении» [2].

Промышленный кризис значительно ухудшил и без того тяжелые условия жизни русского пролетариата. Капиталисты старались переложить все тяжести кризиса на рабочих. Они переводили рабочих с двух смен на одну при удлиненном рабочем дне, сокращая зарплату. Закрытие фабрик, сокращение производства, появление огромной резервной армии безработных, понижение различными способами заработной платы, рост дороговизны и общее снижение жизненных условий фабрично-заводского пролетариата,— таковы важнейшие социальные явления, привлекшие с начала 80-х годов внимание многих исследователей.

«Положение рабочего класса,— писал Энгельс,— есть действительная основа и исходный пункт всех социальных движений современности, будучи высшим и наиболее обнаженным проявлением наших современных социальных бедствий» [3].

Положение рабочего класса России 80-х годов живо напоминает потрясающие страницы капиталистического рабства в «Капитале» и «Положении рабочего класса в Англии». В условиях буржуазно-помещичьего строя царской России эксплуатация рабочих была еще более жестокой чем в других капиталистических странах. Особенно она была тяжелой в 80-х годах.

Усиление капиталистического развития 80-х гг. и внедрение в производство все большего числа машин, вопреки апологетическим утверждениям Туган-Барановского и других буржуазных историков русской фабрики, не улучшили, а еще больше ухудшили положение русского пролетариата. Рабочий день не был ограничен. Продолжительность рабочего дня на крупных предприятиях была не ниже 12 часов, а на мелких доходила до 18 часов, являясь в ряде случаев непосильной для рабочих, тяжело отражаясь на их здоровье, сокращая продолжительность их

---

[1] В. Ф. Свирский. Фабрики и заводы Владимирской губ., 1890 г.

[2] А. Чупров. Русская экономическая жизнь в 1886 г. Юридический Вестник. Февраль, стр. 308.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., том III, стр. 298.

жизни. Отметка в ряде отраслей промышленности отдыха рабочих даже в праздники и в воскресные дни и широкое применение сверхурочных работ в фабрично-заводской промышленности явились одной из ярких форм тяжелой эксплоатации рабочих. Реальная заработная плата пала до минимума. В первой половине 80-х годов отмечается понижение зарплаты по Тверской губ. на 20%, по Московской — на 40—50%, по Владимирской — на 50%. Неуклонное и прогрессирующее уменьшение заработной платы, снизившейся в ряде случаев на 50%, признается всеподданнейшими отчетами губернаторов. Исследователи фабричного труда рабочих признавали, что заработок рабочих давал им лишь возможность не умирать от голодной смерти.

Особенно низко оплачивается труд рабочих, состоящих на хозяйственных харчах. Но и этот ничтожный заработок выплачивался нерегулярно. Зарплата выдавалась то два раза в месяц, то один раз в 2 месяца. Были и такие предприниматели, которые оплачивали рабочих два или три раза в год перед большими праздниками.

Размер зарплаты рабочих не был ограждан никакими правовыми нормами. Кроме того, плата уменьшалась крайне развитой системой штрафов. Это средство фактического уменьшения заработной платы широко практиковалось капиталистами. Полное политическое бесправие рабочих открывало безграничные возможности для жесточайшей эксплоатации рабочих. «Фабриканты могли брать штрафы,— пишет Ленин,— за что хотели и в каком угодно количестве. Фабриканты брали тогда штрафы в безобразных размерах и наживали на штрафах громадные доходы. Штрафы назначались иногда просто «по усмотрению хозяина» без указания причины штрафов. Штрафы доходили иногда *до половины заработка,* так что рабочий из заработанного рубля отдавал хозяину пятьдесят копеек в виде штрафов» [1]. Кроме штрафов применялись и другие способы обворовывания рабочих при выдаче заработной платы. С ростом механизации производства особенно в ткацкой промышленности стал широко эксплоатироваться труд женщин и детей. На многих текстильных фабриках Московской и Владимирской губ. дети и подростки составляли 1/3 рабочих, а женщины — 40 и более процентов. До 1885 года труд детей не был ничем ограничен. Невыносимыми были условия труда рабочих. Охраны труда не существовало. Техника безопасности отсутствовала. Отсутствие ограждений около машин приводило к частым случаям увечья рабочих. Работа происходила в самых антигигиенических условиях, что влекло за собой эпидемические заболевания (холеру, тиф и др.). Особенно тяжелыми были жилищные условия рабочих.

Фабрично-заводские рабочие ютились в фабричных казармах, либо на стороне нанимали за свой счет каморку. Пришедшие из деревень часто ночевали в помещении завода или фабрики.

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 2, изд. 4, стр. 21.

Промышленный кризис, с одной стороны, и наступившая политическая реакция, с другой, приводившие к усилению экономического и политического гнета, вызывали упорное сопротивление рабочих, которые все чаще вступали на путь борьбы посредством стачек.

В январе 1881 года петербургский градоначальник в записке в департамент полиции сообщает о сильном возбуждении среди рабочих в связи с ухудшением экономического положения. «Между рабочими разных фабрик,— сообщал он,— преимущественно расположенных по Обводному каналу: Новобумагопрядильни, Резиновой мануфактуры и на Путиловской заводе, а равно на заводах Голубевского, Василеостровском, Патронном, Балтийском и других, замечено сильное возбуждение по поводу дороговизны продуктов, квартир и в особености, по случаю увольнения рабочих и сбавки штучных работ» [1]. Несмотря на наступившую после мартовских событий 1881 года политическую реакцию, рабочее движение в форме стачек и волнений не только не прекратилось, но продолжало расти. Наступление капиталистов на жизненный уровень рабочих вызывало с их стороны упорное сопротивление. По приблизительным данным за пятилетие 1880—1884 гг. в России произошло 142 стачки и волнения, из которых лишь на Московскую и Владимирскую губернии падает 49 [2].

Характеризуя причины рабочего движения в середине 80-х гг., Ленин писал: «Рабочие, заработки которых и без того были плохи, не могли уже снести новых притеснений, и вот в губерниях Московской, Владимирской и Ярославской начались в 1885—1886 годах рабочие бунты. Выведенные из терпения рабочие прекращали работу и страшно мстили притеснителям, разрушая фабричные здания и машины, иногда поджигая их, избивая администрацию и т. п.» [3].

Рабочее движение первой половины 80-х гг. характеризуется ростом стачек на крупных предприятиях, а также одновременными стачками и волнениями на нескольких предприятиях.

Среди крупных стачек 1880 года отметим стачку рабочих на ткацкой фабрике Щербакова и Моргунова в селе Озерах (около 5000 раб.) в январе 1880 г [4]. Причиной стачки явились вычеты из зарплаты и плохое питание. Весной того же года произошла одна из первых крупных стачек в г. Москве на ткацко-шерстяной фабрике Понкратовых, вследствие неправильных денежных

---

[1] Красный Архив, 1938, № 6, стр. 156.

[2] Приводимые нами новые данные о стачках и волнениях рабочих России в 1880—1884 и 1885—1894 гг. основаны на материалах сборников архивных документов и материалов — «Рабочее движение в России в XIX веке» под ред. А. М. Панкратовой, 1950, а также на ряде печатных источников и диссертаций о рабочем движении в отдельных районах за этот период.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 2, Изд. 4, стр. 22.

[4] ЦГИАМ, ф. III, отд., 3, эксп. 1880 г., д. 49, л. 15.

расчётов [1]. Крупные стачки летом 1880 г. произошли в Петербурге: стачка 800 рабочих Новой Бумагопрядильни и 1500 рабочих на механическом Александровском заводе [2], причина которых — снижение зарплаты, задержка выдачи ее и грубое обращение администрации с рабочими; стачка 700 рабочих на Петровской ткацкой фабрике Губбарта и К-о [3]. Среди крупных стачек Центрально-промышленного района отметим еще стачку рабочих фабрики А. Хлудова в с. Ярцево, Смоленской губ. [4]. 9 сентября 1880 г. 1600 рабочих этой фабрики прекратили работу. Рабочие выступили против понижения заработной платы на 10%. Они требовали отмены произвольных штрафов и уплаты за дни стачки. 11 сентября были вызваны 500 солдат, с помощью которых 800 рабочих были отправлены этапным порядком на родину, 11 человек были арестованы.

Крупная стачка произошла в конце года в Тейкове Владимирской губ., где 3000 рабочих бумагопрядильной фабрики М. Каретникова объявили стачку. Рабочие протестовали против издевательств директора фабрики англичанина Кроно. Стачка продолжалась 6 дней и кончилась поражением рабочих [5].

Характерной чертой этих лет является преобладание волнений над стачками. Последствия экономического кризиса, которые ложились всей тяжестью на широкие массы рабочих, способствовали вовлечению в борьбу новых слоев пролетариата, ранее еще не участвовавших в стачках. Волнения в 1881—82 гг. в Петербурге имели место на заводе Петрова, мастерских Варшавской ж. д., Василеостровском патронном заводе, механическом заводе, механическом заводе Голубева, новобумагопрядильной ткацкой фабрике, Балтийском заводе, Путиловском заводе, Обуховском заводе, и других [6]. Наряду с этим стачки и волнения рабочих участились в Иваново-Вознесенске, Серпухове, Москве.

Из крупных стачек этих лет отметим стачку свыше 3000 рабочих Кренгольмской мануфактуры [7]. Рабочие предъявили ряд требований: повышение зарплаты, снижение штрафов, сокращение рабочих часов, удаление некоторых мастеров. В том же году в Нарве бастовали рабочие литейного завода [8], а также суконной фабрики быв. Штиглица (250 чел.), требовавшие уменьшения штрафов, удаления мастера и увеличения зарплаты [9].

---

[1] «Рабочее движение в России в XIX веке». Сб. документов и материалов под ред. А. М. Панкратовой, т. II, часть вторая. 1875—1884 г., 1950 стр. 418—420 (см. в дальнейшем: сб. «Рабочее движение в России в XIX веке...»).

[2] Там же, стр. 422—424.

[3] Там же, стр. 425.

[4] Там же, стр. 443—456.

Н. Шаханов. Очерки по истории рабочего движения во Владимир. губ., 1929, стр. 41.

[6] ЦГИАМ, ф. ДП: з-дво 1881 г., д. 4, л. 13. Там же, 1882 д. 4, л. 1—3.

[7] Сб. «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 2, стр. 469—496.

[8] Там же, стр. 514—516.

[9] Там же, стр. 469—496.

1883—1884 гг. характеризуются усилением крупных стачек и волнений в Центрально-промышленном районе.

Из 57 стачек и волнений в 1883—1884 гг. 20 имели место в губерниях Центрально-промышленного района (Московской, Владимирской, Тверской, Ярославской). Среди них следует отметить стачки и волнения на крупных мануфактурах, до этого почти не участвовавших в движении. Из этих стачек представляет особенный интерес крупная стачка рабочих Вознесенской мануфактуры под Москвой [1]. Стачка возникла по причине снижения заработной платы и больших штрафов. В начале января 1884 г. на этой же мануфактуре имела место повторная стачка [2]. Стачка возникла в связи с сокращением рабочей недели до 5 дней, а вместе с тем и сокращением зарплаты, при увеличившемся взимании штрафов. Рабочие держались с исключительной стойкостью. Несмотря на вооруженное вмешательство московского губернатора, вызвавшего более 700 солдат, и арест 115 забастовщиков, рабочие добились сохранения 6-дневной рабочей недели.

Кроме Вознесенской стачки следует отметить волнения среди десяти тысяч рабочих Глуховской мануфактуры, Морозовых в г. Богородске Московской губ. Рабочие подали коллективную жалобу московскому губернатору о тяжелом положении рабочих, больших вычетах, штрафах и повышения цен на продукты в фабричной лавке [3].

Стачки и волнения рабочих в 1883 г. имели место на ряде крупных мануфактур: Измайловской, Глуховской, в Московской губернии, Корзинкинской в Ярославской, Жирардовской под Варшавой, Тверской в Твери. Вместе с тем отметим волнения на 6 фабриках в Петербурге с числом 5643 участников.

1884 год отмечен бурными стачками, предвещающими грозную морозовскую стачку. В официальных донесениях и докладах губернаторов часто говорится о «беспорядках» 1884—1885 гг.

Многочисленные стачки и волнения в 1884 году отмечены в Московской и Тверской губерниях: стачки рабочих чугуно-литейного завода в Москве, рабочих мастерских Николаевской ж. д., прядильной фабрики Берга в Твери, ф-ки Ермоловых в Вышнем Волочке, а также движение рабочих в национальных районах.

Заметным событием 1883—1884 гг. являются крупные стачки и волнения рабочих в некоторых городах. Среди них следует отметить стачку 1500 рабочих Сормовского завода, вызванную задержкой выплаты заработной платы в течение более 3 месяцев [4], а также стачку рабочих-строителей (150 чел.) ж.-д. ветки и пристани на реке Волге у города Саратова [5].

---

[1] Сб. «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 2, стр. 574—582.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 531—538.
[4] Там же, стр. 519.
[5] Красная Летопись 1923, № 7, стр. 223.

Таким образом, роль Московского промышленного района в развитии стачечной борьбы еще больше возрастает на последующем этапе рабочего движения, начатого исторической морозовской стачкой 1885 года.

В 1885—1894 гг. губернии этого района во главе с Московской дали 223 стачки и волнения, что составляет свыше 50% по всей Российской империи. Московская губерния на этот период по числу стачек далеко обгоняет Петербургскую. В Московской губ. за этот период времени произошло 139 стачек и волнений, в Петербургской только 30.

Передвижение центра стачечного движения в Московский промышленный район отражает дальнейшее расширение поля классовой борьбы пролетариата. Рабочее движение за этот период заметно ширится и в национальных районах. Украина, Польша, Прибалтика, Кавказ становятся ареной острых классовых схваток пролетариата с буржуазией и поддерживающей ее самодержавной властью.

В движение, наряду со старейшим и наиболее многочисленным отрядом промышленного пролетариата России — текстильщиками, вступают новые отряды промышленного пролетариата: металлисты, угольщики, нефтяники и т. д. Важнейшими центрами рабочего движения становятся центры крупной капиталистической промышленности: Донбасс и Криворожье на Украине, Лодзь, Домбровский бассейн и Варшава в Польше. Начинается рабочее движение в Закавказье (стачки ж. д. мастерских в Тифлисе, первые стачки в Баку).

Экономическое и правовое положение рабочих в России было в различных районах одинаково тяжелым. Но еще более трудным оно было в национальных районах, где рабочие кроме гнета капиталистического терпели еще гнет национальный. На Украине, в Прибалтике, Польше уже в период 70—80 гг. рабочие под влиянием русского рабочего движения пробуждаются к борьбе со своими угнетателями.

Важное место в стачечном движении Украины в 70 гг. занимают железнодорожники. Одной из крупных стачек является стачка рабочих киевских мастерских Юго-западных железных дорог 22 февраля 1880 года. В забастовке участвовали 1500 рабочих. Это была первая крупная стачка рабочих на Украине. Причиной стачки явилась жестокая эксплоатация рабочих и преследования со стороны начальства. Непосредственным поводом послужили слухи о предстоящем сокращении заработной платы и уменьшении числа рабочих. После объяснения с главным инженером рабочие прекратили забастовку. Но власти в целях «предупреждения» возможности новых забастовок приняли решительные меры. 12 активных участников стачки были арестованы и высланы в разные концы империи.

В том же году бастовали рабочие Киевского арсенала, требовавшие улучшения условий труда и уменьшения рабочего дня [1].

В это же время стачки рабочих-железнодорожников происходили также в ряде крупных ж. д. мастерских Полтавы, Харькова, Одессы.

В 1883—1884 гг. заметно растет рабочее движение в Прибалтике.

Весной и летом 1883 г. произошли широкие волнения рабочих Кренгольмской мануфактуры в г. Нарве, вызванные ухудшением их положения [2]. В Риге отмечены собрания и сходки рабочих, протестовавших против реакционной печати и ее нападок на рабочих.

Революционое движение современного промышленного пролетариата в Польше началось как и в России с начала 70-х гг. XIX в. В начале 80-х гг. отметим стачку рабочих на фабрике резиновых изделий Гейзера в Лодзи, протестовавших против произвола администрации, забастовку на Варшавско-Венской ж. д. в 1882 году [3] и крупную стачку 1500 рабочих в Жирардове под Варшавой в 1883 году [4]. Основными требованиями рабочих были: повышение зарплаты, отмена штрафов, сокращение рабочего дня. Активное участие в стачке принимали члены первой польской марксистской организации в Польше «Пролетариат». Стойкая борьба рабочих привела к успешному окончанию стачки.

§ 2. Морозовская стачка и стачечное движение в России во второй половине 80-х и начале 90-х гг.

К середине 80-х гг. положение рабочих в связи с кризисом еще более ухудшилось. Антагонизм между трудом и капиталом усилился. «Кризис в промышленности, — пишет Ленин, — вызывает громадное движение рабочих и ряд самых бурных стачек в Центральном районе (особенно замечательна Морозовская стачка)» [5].

Нещадная эксплоатация рабочих неоднократно вызывала стачки и волнения среди рабочих этой громадной фабрики еще в 60-х и 70-х годах.

В связи с промышленным кризисом первой половины 80-х годов началось массовое увольнение рабочих. В течение двух лет с 1882 по 1884 год фабрикант Морозов пять ряз снижал расценки. Одновременно росли штрафы, составляя почти четверть заработка всех рабочих фабрик, а у отдельных рабочих иногда доходили до половины заработка [6]. Обычно при каждом посещении фабрики Т. С. Морозов требовал книгу штрафов и просмат-

[1] ЦГИАМ, ф. ш, отд. 3, эксп. 1880, д. 180, л. 189.
[2] Сб. «Рабочее движение в России в XIX в.»..., т. II, ч. 2, стр. 514—516.
[3] ЦГИАМ, ф. Еж. записки 1882, № 1, лл. 262—263.
[4] Сб. «Рабочее движение в России в XIX веке...», т. II, ч. 2, стр. 516—519.
[5] В. И. Ленин. Соч., т. 5, изд. 4, стр. 68.
[6] В. И. Ленин. Соч., т. 2, изд. 4, стр. 22.

ривая ее, кричал: «Мало, прогорю» — в то время как штрафные деньги составляли более 20 тысяч рублей в год.

Чтобы скрыть ограбление рабочих, фабричная контора заставляла тех из них, у которых штрафы достигли половины заработка, брать расчёт, после чего рабочий мог вновь поступить на фабрику и получал новую книжку, старая же с громадными штрафами уничтожалась.

Обращение с рабочими было исключительно грубым, материальные и жилищные условия невыносимыми.

«Когда мы читаем книгу о чернокожих невольниках, возмущаемся, но теперь перед нами белые невольники»,— говорил один из адвокатов во время суда над морозовскими стачечниками. Доведенные до крайности чудовищной эксплоатацией рабочие морозовской мануфактуры 7 января 1885 г. забастовали. Это была громадная стачка, в которой участвовало 8 тысяч рабочих. Она была заранее организованно подготовлена. Ее руководителями и организаторами были передовые рабочие Петр Моисеенко, Василий Волков и Лука Иванов.

Петр Анисимович Моисеенко — главный организатор стачки (род. в 1852 г., из крестьян Смоленской губ.) познакомился с нелегальной литературой еще в 1872—73 гг. работая в Орехово-Зуеве. В 1875 г. он переехал в Петербург, где стал активным членом «Северного союза русских рабочих». В 1878 году Моисеенко вел деятельную агитацию за стачку на Новой бумагопрядильне. Как один из руководителей этой крупной стачки, он был в 1878 г. арестован и 3 мая выслан на родину в административном порядке. В том же году Моисеенко бежал обратно в Петербург, перешел на нелегальное положение и работал в рабочих кружках. В Петербурге он связался с Плехановым и Степаном Халтуриным, оказавшим на него большое влияние. П. А. Моисеенко стал одним из руководителей стачки ткачей на Новой бумагопрядильне и фабрике Шау в 1879 г. С 1879 г. до 1883 г. Моисеенко отбывал ссылку в Енисейской губернии. Вернувшись в 1883 г., он поступил на фабрику Т. С. Морозова, где повел агитацию среди рабочих.

Ближайшим помощником Моисеенко по организации морозовской стачки был ткач Василий Волков. На 25-летнего Волкова, потомственного рабочего фабрики Морозова, большое влияние оказал П. А. Моисеенко. Являясь талантливым организатором и агитатором, обладая большим личным обаянием, Волков пользовался колоссальным авторитетом среди рабочих и работниц фабрики Морозова.

Третий организатор стачки — рабочий революционер Абраменко Лука Иванович (он же Иванов) — из крестьян Смоленской губ., родился в начале 50-х гг., с 14 лет работал на ткацких фабриках Петербурга. С 1875 г. Иванов участвовал в рабочих кружках. В 1876 г. он был арестован за хранение революционной литературы. В 1878 г. после возвращения из ссылки, работал на фаб-

рике Шау, познакомился с Моисеенко, сблизился с участниками «Северного союза русских рабочих» и принимал активное участие в его работе.

В 1879 г. вместе с Моисеенко он был арестован за руководство стачкой на Новой бумагопрядильной фабрике. Вместе же с Моисеенко Иванов был выслан в Сибирь. В 1883 г. вместе с П. Моисеенко вернулся из ссылки и поступил также на фабрику Морозова.

Предварительная подготовка стачки составляет одну из важных ее особенностей. Накануне стачки ее руководители выработали определенные требования, утвержденные тайным советом рабочих.

Стачка началась в 6 часов утра 7 января 1885 г. Рабочие, озлобленные против хозяев и их лакеев в первый же день стачки, несмотря на уговоры руководителей, разнесли фабричную лавку и разгромили квартиры ненавистных им директора и мастеров.

В последующие дни стачка протекала организованно. Для подавления ее на фабрику прибыл владимирский губернатор со значительным количеством войск, предъявивший требование немедленно прекратить стачку. Но рабочие держались с исключительным упорством.

11 января в присутствии губернатора и войск стачечники устроили демонстрацию с красным знаменем, а Волков передал губернатору выработанные рабочими требования. В вводной части требований говорилось, что они предъявлены «по общему согласию рабочих». Рабочие требовали: сохранения существовавшей заработной платы, прекращения практики грабительских штрафов, установления предельной суммы последних не выше 5% к заработку. Кроме того, в требованиях говорилось, что мастера обязаны сообщать рабочим о их недоброкачественной работе не при расчётах, а по выполнении работы. Рабочие протестовали против высоких вычетов и задержек в выдаче зарплаты, требуя, чтобы оплата труда производилась не позднее 15 числа каждого месяца. Стачечники настаивали также на оплате дней, пропущенных по вине фабрики.

Далее следовали требования, касающиеся изменения общих условий жизни рабочих (условия выдачи харчей, выборов старост в артелях и др.).

Размах стачки, категоричность требований, организованность и настойчивость вызывали животный страх царского правительства. Владимирский и Московский губернаторы организовали военный поход против стачечников, отправив в первые же дни стачки много войск, жандармерии, полицейских и судебных властей. Царь Александр III каждодневно требовал сведений о ходе стачки. По его личному распоряжению началась зверская расправа над стачечниками.

Войска — солдаты и казаки, окружив фабричные казармы, силой заставили рабочих прекратить стачку. Более 600 человек наи-

более активных участников стачки были высланы на родину. 14 января из 8000 рабочих 800 человек стали на работу, за ними постепенно последовали остальные.

Морозовская стачка оказала большое влияние на дальнейшее развитие рабочего движения в России. Громадное впечатление, произведенное этой стачкой, усилилось двумя судебными процессами над активными участниками стачки, которые, по выражению адвоката Шубинского, «подняли занавес с фабричного мира России».

Суд состоялся в мае 1886 г. во Владимире. Из показаний обвиняемых и свидетелей выяснилась картина самых безобразных притеснений, которым подвергались рабочие. Суд был вынужден оправдать всех подсудимых. Приговор суда явился прямым осуждением старых фабричных порядков.

Оправдание подсудимых вызвало переполох и возмущение фабрикантов и реакционного лагеря.

П. Н. Катков в «Московских ведомостях» со злой иронией писал: «Вчера в старом богоспасаемом граде Владимире раздался сто один салютационный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса. Итак, да здравствует рабочий вопрос и Катков утверждал что оправдательный приговор может развратить народные массы», что «с народными массами шутить опасно». Таким образом, существование промышленного пролетариата, а с ним и «рабочего вопроса» в России, признается с середины 80-х годов даже официальной прессой, как важный фактор общественной жизни.

Морозовская стачка вызвала такое глубокое сочувствие в различных слоях населения, что царское правительство оказалось бессильным предупредить оправдательный приговор суда.

28 мая 1886 года прокурор Владимирского окружного суда, сообщая конфиденциально прокурору Московской Судебной палаты о причинах оправдательного приговора морозовским стачечникам, писал:

«Со времени возникновения этого дела, все симпатии общества склонялись на сторону рабочих, так что очень часто приходилось слышать вопрос о том, что будет Морозову за его злоупотребления и когда его будут судить за преследование рабочих. Судебное заседание не могло разрушить этого впечатления, оно всецело подтвердило и постоянное понижение на фабрике заработной платы ткачей и прядильщиков, начиная с 1881 г. и постоянное возрастание штрафов, количество которых в 1884 г. стало доходить до 40% с заработанного рубля» [2].

Стачка и судебный процесс приковали внимание всей России. Весть о ней проникла во всю легальную прессу того времени. «Эта громадная стачка,— писал Ленин,— произвела очень силь-

[1] «Московские ведомости», 1886, № 146, стр. 2.

[2] МГОИА, фонд МСП, д. 135, л. 10. Переписка прокурора Московской Судебной палаты.

ное впечатление на правительство, которое увидало, что рабочие, когда они действуют вместе, представляют опасную силу, особенно когда масса совместно действующих рабочих выставляет прямо свои требования» [1].

Морозовская стачка наиболее ярко продемонстрировала перед рабочими России силу организованной борьбы, значение открытого массового выступления против эксплоататоров. Она выявила нарождение передового слоя рабочих не только в крупных городах, но и в провинции. Рабочее движение в России поднялось на новую ступень. Создались условия для возникновения марксизма в России, для пропаганды марксистских идей среди передовых рабочих. «Рабочее движение стало выделять из своей среды способных руководителей и организаторов, твердо отстаивавших интересы рабочего класса» [2].

Эта стачка оказала влияние на все революционное движение России. Стало ясно, что появилась новая общественная сила, призванная сыграть решающую роль в освободительном движении страны. Стачка приковывала внимание не только прогрессивных сил России, но и Западной Европы. Французская рабочая газета «Социалист» от 26 июня 1886 г. опубликовала статью Г. В. Плеханова по поводу морозовской стачки и судебных процессов над ее участниками. Он писал, что это событие явится в России исходным пунктом нового фазиса рабочего движения.

Морозовская стачка положила начало новому этапу в истории русского рабочего движения. «В половине 80-х годов рабочий класс вступил на путь организованной борьбы, на путь массовых выступлений в виде организованных стачек» [3].

Морозовская стачка и судебные процессы над ее организаторами и участниками имели широкий отклик прежде всего в Центральном промышленном районе. Вслед за морозовской стачкой началась волна стачек и волнений в Москве и Московской губернии.

Из 58 стачек и волнений в 1885 году, 37 имели место в одной только Московской губернии, 2 стачки, включая и Морозовскую, прошли во Владимирской губернии, 4 — в Тверской, 2 — в Орловской, 2 — в Костромской, 1 — в Калужской. Всего по этим губерниям прошло 48 из 57 стачек и волнений во всей России. Стачками и волнениями в этом году были охвачены рабочие крупнейших предприятий: Даниловской, Измайловской, Вознесенской, Глуховской мануфактуры, фабрики Коншина и завода Гужона в Московской губ., Тверской мануфактуры в г. Твери.

10 января 1885 г. под непосредственным влиянием событий на Морозовской фабрике начались стачки рабочих фабрики бр. Зиминых в д. Дубровке, близ с. Зуево с требованиями повышения

---

[1] В. И. Ленин Соч., т. 2, изд. 4, стр. 23.
[2] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 10.
[3] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 26.

зарплаты и снижения цен на продукты в фабричной лавке. Стачка была прекращена с прибытием войск и казаков [1].

С 12 по 18 января происходили волнения на Даниловской мануфактуре в Москве [2]. С 14 по 18 января бастовало около 1000 рабочих Измайловской мануфактуры Гилля под Москвой. Стачка началась как и на других предприятиях из-за снижения заработной платы, больших вычетов, штрафов и высоких цен на продукты в фабричной лавке [3].

Стачки и волнения рабочих в январе и феврале 1885 года в Московской губернии имели место на красильно-отделочной фабрике Полякова в с. Щелково, Богородского уезда, фабрике искусственной шерсти Р. Е. Пельтцера в Дмитровском уезде и плисорезной фабрике т-ва Богородско-Глуховской мануфактуры.

12 февраля крупная стачка (1850 чел.) произошла на Вознесенской мануфактуре под Москвой [4].

Требования рабочих почти во всех перечисленных стачках совпадают.

В феврале 1885 года прошли массовые волнения более 20 тысяч рабочих на заводах и фабриках Мальцева в Калужской и Орловской губерниях. Волнения были вызваны тяжелыми экономическими и бытовыми условиями. Волнения на этих заводах возобновились в марте 1886 года.

Управляющие мальцевскими заводами в своих телеграммах в Министерство финансов сообщали, что в Людинове, Песочне и др. местах, «началось сильное возбуждение» и что «часть мастеровых забастовала» [5].

Директора тревожно предупреждали, что «через несколько дней можно ожидать активного возбуждения. Если в субботу не будет денег, служащие хотят уехать и бросить заводы» [6].

26 февраля 1885 года прекратили работу 4000 рабочих морозовской фабрики в Твери [7]. Рабочие требовали отмены штрафов и удаления двух ненавистных им приказчиков. Стачка продолжалась с 25 февраля по 10 марта и проходила организованно. В связи с прибытием двух рот пехоты для расправы с рабочими, забастовка была подавлена. Но фабриканты все же вынуждены были уменьшить штрафы и пойти на ряд других уступок.

Во всех этих стачках чувствуется рост солидарности рабочих и повышение элементов организованности среди них.

Наиболее крупной после морозовской стачки явилась стачка конца 1885 г. в Иваново-Вознесенске.

Это было первое совместное выступление в Иваново-Вознесенске рабочих нескольких фабрик. Введение девятичасовой смены,

---

[1] МГОИА, ф. Канц. Моск. ген.-губ., 1885, д. 14, лл. 28—29, 41—42.
[2] Там же, 1884 г., д. 1940, л. 149.
[3] Там же, 1885 г., д 43, д. 1—2.
[4] Там же, 1885 г., д. 1974, л. 9—11; 1884 г., д. 1940, т. 1, л. 218, д. 1939.
[5] «Красный Архив», том 6, 1938, стр. 166—167.
[6] Там же, стр. 167.
[7] Там же, стр. 165.

ввиду издания закона 1885 г. о запрещении ночной работы женщинам привело при сдельной оплате к падению заработной платы на 25%. Рабочие потребовали повышения расценок. Стачка носила бурный характер, сопровождаясь разгромом рабочими бакалейных лавок. О ходе стачки из Иваново-Вознесенска сообщали следующее: «24 сентября ткачи фабрики Ивана Гарелина отказались работать, фабрика остановилась. Три фабрики — Дербенева, Кожукина и ткацкая мануфактуры остановились, ткачи сделали забастовку, всех рабочих 3000 человек, неудовольствия те же, 25 сентября и ткачи Зубовской фабрики тоже бросили работу, присоединились к недовольным, все требуют прибавки цен на зиму: всех рабочих находится более 4000 человек. Хозяева прибавлять цены не желают, недовольные массами приступают к действующим фабрикам, требуют с угрозами, чтобы рабочие прекратили работу. Две из них закрылись... движение рабочих сильное, остановить нет возможности...»[1].

С прибытием из Владимира войсковых частей стачка пошла на убыль. Однако, фабриканты вынуждены были пойти на некоторые уступки. Стачка кончилась частичным успехом рабочих.

Иваново-Вознесенская стачка возникла под непосредственным влиянием морозовской стачки... «Слухи о Зуевской стачке докатились и до нас, для нашего горючего материала они явились запалом, искрой, — писала участница этой стачки [2].

К крупным стачкам 1885 г. следует отнести стачку в Петербурге на Путиловском заводе, которая отличалась своей организованностью. Прекратив работу, заводские рабочие в числе 500 человек собрались на заводской двор и заявили, что существующими на заводе порядками они недовольны, и что впредь до выяснения их отношений к заводской администрации они к работам приступать не намерены. Вынужденные угрозами администрации встать на работу рабочие потребовали, чтобы заводское начальство выслушало каждую группу рабочих. Более двух недель продолжались переговоры рабочих с администрацией. Забастовка закончилась взаимными уступками. Стачки и волнения 1886 года по основным чертам непосредственно примыкали к движению 1885 года и являлись его прямым продолжением. В 1886 году почти половина стачек и волнений имели место в Московской губернии.

В 1886 году заметен новый подъем стачечного движения в Петербурге.

Морозовскую стачку, стачки и волнения рабочих 1885—1886 гг. в Центрально-промышленном районе В. И. Ленин рассматривает как единое и самое крупное движение рабочих России 80-х гг. [3].

Новые данные о стачках и волнениях рабочих в 80-х гг. опровергают имеющиеся в литературе утверждения о том, что фаб-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. МЮ оп. 86, д. 3813, л. 3—6, 2, 8—10.
[2] Иваново-Вознесенский ежегодник, 1921, стр. 35.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 2, изд. 4, стр. 22.

ричное законодательство 1885—1886 гг. и промышленное оживление 1887 года, наступившие после кризиса 1882—1886 гг., привели к ослаблению рабочего движения в России, к спаду стачечной волны. Наоборот, в связи с практическим осуществлением фабричного законодательства и благодаря промышленному оживлению борьба рабочих в 1887 году еще больше усилилась.

В 1887 году имели место 83 стачки и волнения против 58 в 1885 и 30 в 1886 гг. 1887 год дает самое высокое число стачек, чем любой год с 1870 по 1894. Классовая борьба пролетариата принимает еще более упорный характер, несмотря на жестокие преследования царскими властями организаторов и участников стачечного движения.

Из крупных стачек этого периода следует отметить стачку рабочих фабрики Паля, Петровской и Спасской мануфактур (Максвеля) в Петербурге. Рабочие этих трех фабрик числом 3600 рабочих организованно предъявили требования о повышении им зарплаты. Стачка была зверски подавлена войсками. 72 рабочих были арестованы, 21 высланы. В следующем 1887 г. рабочие Спасской и Петровской мануфактур снова забастовали, требуя повышения зарплаты, но и на этот раз стачки кончились поражением.

Большинство стачек имело место во Владимирской и Московской губерниях. Среди стачек 1887 г. особенно выделяется стачка рабочих г. Шуи. В ней участвовало до 6000 рабочих. Рабочие держались стойко, несмотря на концентрацию в городе значительного числа войск и жандармерии. Среди стачечников распространялась листовка, которая указывала на тяжелое экономическое положение рабочих и их политическое бесправие. Листовка призывала к борьбе с царским правительством. «Мы, — говорилось в листовке, — должны добиваться своих прав силою. Пусть же правительство заслужит от нас презрение, на насилие мы ответим насилием, не в настоящем, так в будущем» [1].

Рабочие требовали отмены объявленных расценок на зимнее время и повышения заработной платы. Стачка была жестоко подавлена. 30 человек были осуждены к различным срокам заключения. Многие рабочие высланы.

Под влиянием роста рабочего движения в центре России в 80-х годах (особенно 2-й половины — на путь массовых стачек выступают рабочие национальных районов: Украины, Белоруссии, Польши, Прибалтики, Кавказа. В связи с быстрым промышленным ростом юга России и Польши здесь формируются кадры современного промышленного пролетариата — угольщики, металлисты, железнодорожники и т. д.

В стачечном движении Украины наряду с железнодорожниками видное место со второй половины 80-х годов начинают занимать рабочие металлисты и угольщики. В первые ряды борющегося пролетариата выходят рабочие Донбасса и Криворожья.

[1] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во 1887 г.

Крупные стачки рабочих 1887 г. прошли на Брянском заводе в Екатеринославе, сопровождавшиеся столкновениями между рабочими и полицией. Рабочие разнесли несколько кабаков и лавок, оттеснили и смяли полицейских. Стачка была подавлена вооруженной силой. Несколько человек рабочих было ранено.

Крупная стачка в том же году произошла на рудниках Южно-Русского горнопромышленного об-ва в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии. 5 мая 400 шахтеров шахты № 9 сняли с работы рабочих шахт № 11 и 13 и толпой в 1500 человек отправились к управляющему рудниками требовать повышения заработной платы и удаления с производства особо грубых в обращении с рабочими штейгеров, конторщиков и фельдшера. После отказа администрации выполнять их требования, рабочие разгромили трактир. Затем потянулись на соседний английский пивоваренный завод, подожгли его и двинулись к металлургическому заводу Юза. Организованный Юзом из рабочих штрейкбрехеров вооруженный отряд не допустил рабочих к заводу [1].

Классовые схватки пролетариата с царизмом и буржуазией показывают дальнейшее нарастание элементов сознательности и организованности рабочего движения. Конец 80-х гг. (1888—1890) отмечен крупными стачками в Иваново-Вознесенске, Шуе, Серпухове. Стачечное движение поднимается здесь на высшую ступень, проявляя тенденцию перерасти в общегородские стачки.

В 1889 году бастовали почти все ткацкие фабрики гор. Шуи и Иваново-Вознесенска. Причиной стачки был массовый расчет рабочих в связи с переходом фабрик на односменную работу. В Шуе собралась у фабрики толпа около 2000 рабочих. Рабочие выбивали окна в домах фабрикантов и управляющих. На угрозы местной полиции, рабочие ответили, что они испортят железнодорожное полотно и перервут телеграфные провода, чтобы лишить местную администрацию возможности вызвать войска. С прибытием из Москвы и Владимира большого числа войск стачка постепенно пошла на убыль. 24 человека были переданы суду и приговорены к аресту» [2].

18 апреля 1889 года грандиозная стачка одновременно на нескольких фабриках началась в Иваново-Вознесенске. В ней участвовало до 10.000 человек. Стачка была вызвана сокращением одной смены, т. е. увольнением 1722 рабочих, вызвавшим огромное возмущение рабочего населения.

Прибывший во главе большого отряда войск Владимирский губернатор угрожал рабочим суровыми карами. «Всякие дальнейшие домогательства остальных ткачей (т. е. уволенных) стать на работу против желания фабрикантов будут приняты за своеволие, наказуемое законом. Сбор народа в толпу на улицах, площадях и у фабричных зданий воспрещается. Ослушники будут разогнаны силой. Воспрещается препятствовать работам на фаб-

[1] ЦГИАМ, ф. ДП, 3-е д-во, 1887 г., дело № 71.
[2] ЦГИАМ, ДП, 2-е д-во, 1889 г., № 34, л. 21.

риках. Виновные будут арестуемы и привлекаемы к ответственности. Все не поступившие на работу должны разойтись по местам своего жительства».

Но рабочие не испугались угроз и продолжали борьбу. Вооружившись камнями, они бросали их в казаков, били стекла в домах фабрикантов и в помещении фабрики Дербенева. Рабочие фабрики Дербенева из сочувствия к требующим прекращения работы стали бить стекла изнутри, а к обеду совсем прекратили работу. В течение нескольких дней рабочие собирались многочисленной толпой, требуя восстановления всех рабочих на работе, упорно отказываясь от исполнения указанных распоряжений губернатора. Произошли столкновения с казаками, неоднократно силой разгонявшими толпу. Рабочие держались до 25 апреля. «Под нажимом вооруженной силы и материальной нужды, они, не получив удовлетворения своих требований, стали на работу с надеждой, что они пробудут на фабриках спокойно до тех пор, пока казаки будут в городе, а как только уедут, то они возьмут свое» [1].

Среди крупных стачек 1888—1890 гг. отметим стачки на Прохоровской Трехгорной мануфактуре в Москве (1890 г.) и Большой Корзинкинской мануфактуре в Ярославле.

Вместе с тем конец 80-х гг. характеризуется оживлением волнений и стачек на золотых приисках Сибири и некоторых заводах Урала.

Рабочее движение начала 90-х гг. характеризуется дальнейшим расширением стачечного движения и нарастанием новых элементов сознательности и организованности.

Усиление рабочего движения в самом начале 90-х гг. было вызвано новым промышленным кризисом 1890 г. Как обычно, кризис сопровождался наступлением капиталистов на рабочих, ухудшением их положения, сокращением зарплаты и ростом безработицы. Кризис 1890 г. был обострен голодом 1891 года, что еще более ухудшало положение русского пролетариата.

Наряду с продолжающимися крупными и бурными стачками и волнениями в Центрально-промышленном районе (Москве, Иванове, Шуе, Егорьевске — Хлудовская мануфактура — и других центрах текстильной промышленности) этот период характеризуется усилением рабочего движения в Петербурге.

После сравнительного затишья в течение 1885—1889 гг. Петербург снова становится ареной частых и крупных выступлений рабочих. Среди стачек рабочих Петербурга отметим стачку на судостроительном заводе «Новое Адмиралтейство». Бастовало 400 рабочих. Причиной стачки явились уменьшение зарплаты и штрафы. Администрация тщетно пыталась убедить рабочих встать на работу на прежних условиях. Стачка была сломлена силой полиции и немедленным расчётом забастовщиков.

---

[1] ЦГИАМ, ДП. 2-е д-во, 1889 г., № 34, л. 21.

По поводу этой забастовки брусневской социал-демократической организацией была выпущена прокламация, в которой призывалось оказать поддержку стачечникам.

В сентябре 1891 года в Петербурге прошла крупная стачка женщин — работниц табачной фабрики Богданова. Около 1200 человек ввиду слухов о предстоящем снижении заработной платы бросали работу. Некоторые из них выбили стекла и выбросили во двор табачные изделия. С прибытием на фабрику полиции и администрации, которые объявили, что слухи ложные, работа возобновилась.

В июне 1892 года крупная стачка (700 рабочих) имела место на Митрофановской бумагопрядильной мануфактуре на Обводном канале. Рабочие требовали увеличения зарплаты. Стачка была подавлена. 12 рабочих были арестованы и высланы из Петербурга. Расправа полиции над забастовщиками вызвала возмущение среди рабочих Петербурга. Рабочие организовали сбор средств в пользу бастовавших рабочих [1].

Среди крупных стачек петербургских рабочих начала 90-х гг. отметим еще стачку около 1000 рабочих Александровского механического завода (декабрь 1893 г.) и стачку всех рабочих прокатной мастерской Путиловского завода, выступивших против снижения расценок и закончившуюся победой рабочих [2].

Рабочие Петербурга показывают примеры роста сознательности и организованности. Наиболее важным фактом является начало сближения передовых рабочих с социал-демократической интеллигенцией. Расширяется марксистская пропаганда среди рабочих Петербурга, растет число участников из среды рабочих в марксистских кружках, рабочие участвуют в демонстрации по случаю десятилетия со дня смерти поэта Н. А. Некрасова (1887 г.) [3], в связи со смертью великого русского мыслителя и революционера демократа Н. Г. Чернышевского (1889 г.) [4].

Идейный и культурный рост петербургского и всего русского пролетариата начала 90-х гг. XIX в. хорошо показывают такие факты как адрес рабочих последователю Н. Г. Чернышевского писателю Н. В. Шелгунову, и активное участие многих рабочих в его похоронах (1891 г.) [5], речи передовых рабочих на первой маевке в Петербурге [6]. Открытое письмо польским рабочим от петербургских рабочих с выражением сочувствия и восхищения героической революционной борьбой лодзинского пролетариата в дни первомайской стачки 1892 года [7].

---

[1] Красный Архив, 1938, № 6, стр. 182.
[2] История Путиловского завода, стр. 104, 105.
[3] «От группы Благоева к «Союзу борьбы», стр. 54.
[4] «Былое», 1906, № 12, стр. 110.
[5] «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14), стр. 25—26. «Красный Архив», 1924, т. VI, стр. 260, 261.
[6] «Былое», 1921, № 16, стр. 170—173.
[7] Обзор важнейших дознаний, 1892—1893, стр. 12, 13.

Рабочее движение в Центрально-промышленном районе в начале 90-х гг. характеризуется крупными стачками во Владимирской, Костромской и Тверской губ. Из наиболее крупных стачек отметим ряд стачек в Тверской губернии: стачку рабочих (600 чел.) на бумагопрядильной фабрике И. В. Залогина около Твери с требованием отмены непосильных штрафов [1], стачку на ф-ке К. Прохорова в гор. Вышнем Волочке [2].

В стачках начала 90-х гг. как в Петербурге, так и Центрально-промышленном районе отмечен дальнейший рост организационности и сознательности рабочих, что находит свое выражение в требованиях сокращения рабочего дня.

Во Владимирской губ. в 1893 г. прошла крупная забастовка более 3600 ткачей четырех фабрик в гор. Шуе (1893 г.) в знак солидарности с рабочими фабрики Павлова, было выдвинуто требование сокращения рабочего дня с 13 до 10 часов.

В Московской губернии наряду с продолжением стачечного движения на текстильных предприятиях, дальнейший рост рабочего движения находит свое выражение в стачках и волнениях на крупных металлообрабатывающих заводах Вехвельде-Гужона и других, а также и в других отраслях промышленности.

Крупная стачка имела место в мае 1893 г. в Рязанской губернии — в г. Егорьевске на текстильной фабрике Хлудовых, где забастовало более трех тысяч рабочих, возмущенных сокращением заработка, взяточничеством администрации фабрики и другими притеснениями. После прибытия войск значительное количество рабочих было уволено, а 17 человек предано суду. Незначительными уступками в сочетании с репрессиями стачка была подавлена.

Начало 90-х гг. характеризуется возникновением крупных стачек также и в других промышленных центрах Центральной России. Среди них отметим стачку рабочих (400 рабочих) Песоченского чугуно-литейного завода в Калужской губ., требовавших отмены непосильных штрафов и соблюдения праздничных дней.

Большая стачка (около 1500 рабочих) в мае 1891 г. прошла на кожевенной и льнопрядильной фабрике И. И. Алафузова в гор. Казани. Причиной стачки явилось систематическое снижение заработной платы.

В связи с усилением железнодорожного строительства, в стачечном движении начала 90-х годов заметную роль сыграли рабочие железнодорожники. В 1890—1895 гг. стачки имели место в железнодорожных мастерских Курской, Казанской и Брестской жел. дорог в Москве, а также Ковровских, Гомельских, Закавказских ж.-д. мастерских.

---

[1] ЦГИАМ, ф. д. 2-е д-во 1892 г., д. 34, ч. 4, л. 1 и др.

[2] Там же, лл. 11, 20, 21.

В начале 90-х годов заметное развитие получило стачечное движение на Украине. Учащались стачки на угольных шахтах Донбасса и рудниках Криворожья.

Наряду с угольщиками, металлистами и железнодорожниками известное место в стачечном движении Украины занимали рабочие сахарных заводов, особенно рафинадных, а также рабочие портовики Одессы, Николаева. В движение втягиваются рабочие кожевники и деревообделочники. Во время забастовок рабочие предъявляли ряд экономических требований об увеличении заработной платы, уменьшении рабочего дня, улучшении условий труда. Классовая борьба рабочих Украины носила стихийный характер, но в процессе борьбы рабочие стали понимать силу организованных выступлений.

В начале 90-х годов с ростом рабочего движения на Украине и под влиянием передовых русских рабочих в Екатеринославе, Киеве, Одессе, Харькове появляются первые марксистские кружки, которые ставят перед собой задачу пропаганды идей марксизма среди рабочих.

Особенностью рабочего класса Белоруссии была неоднородность его национального состава. Большинство составляли белоруссы, значительную часть (около 40%) составляли евреи. Русские, польские, литовские рабочие составляли незначительную часть. В 80-х гг. рабочее движение здесь только еще зарождалось.

В 80-х гг. отмечен ряд стачек, главным образом, среди железнодорожных мастерских, текстильщиков, обойщиков Минска, Гродно, Пинска и других городов. Исключительно тяжелые условия жизни рабочих на преобладающих здесь мелких предприятиях вызывали частые столкновения рабочих с хозяевами. Близость центральных промышленных районов России, особенно после морозовской стачки, оказывала заметное влияние на рост элементов организованности.

Еще в первой половине 80-х гг. среди местного многонационального пролетариата мы замечаем ряд фактов пролетарской солидарности.

В 1886 г. 500 рабочих мастерских Либаво-Роменской жел. дороги в г. Гомеле прекратили работу в связи с объявлением администрацией новых условий найма рабочих.

Рабочие требовали сохранения старых условий. Обещаниями и угрозами могилевскому губернатору удалось сорвать забастовку.

В 1887 году бастовали рабочие слесарно-кузнечных мастерских г. Минска. Рабочие требовали установления 12 часового рабочего дня. Но стачка не увенчалась успехом. В мастерских оставался 14-часовой рабочий день. Во второй половине 80-х гг. под влиянием рабочего движения центра России в Белоруссии

делаются первые попытки организации рабочих кружков, в целях пропаганды социалистических идей среди рабочих.

Преобладание мелких кустарных и ремесленных предприятий в Белоруссии и Литве и наличие в этих районах, особенно среди еврейских рабочих, значительных элементов мелкой буржуазии, способствовало появлению чуждых пролетариату националистических и чисто экономических тенденций в рабочем движении. Эти тенденции особенно ярко проявились в деятельности возникшего в начале 90-х годов «Еврейского рабочего Союза» (Бунд).

Во второй половине 80-х — начале 90-х годов усиливается рабочее движение Польши. Из крупных стачек этого периода следует отметить стачку горняков на каменноугольных копях «Париж» и «Кошелев», где 2.800 рабочих прекратили работу, требуя повышения заработной платы.

Начало 20-х годов отмечается новым подъемом массового стачечного движения в Польше, в которое втягиваются все более широкие слои пролетариата. Впереди идет крупнейший промышленный центр — Лодзь. Выдающимся событием польского рабочего движения явилась первомайская стачка 1892 года в Лодзи. Стачка началась в апреле. 2 мая рабочие бастовали на семи фабриках, 3 мая — на 12 фабриках, в следующие дни стачка стала всеобщей по всему Лодзинскому району. В стачке участвовало около 60.000 рабочих. Рабочие тысячными толпами демонстрировали по улицам с революционными песнями. Движением руководил социал-демократический «Союз польских рабочих», который выпускал листовки, призывая к совместной с русским пролетариатом борьбе с самодержавием. Лодзинская первомайская стачка 1892 года дала толчок к дальнейшему росту рабочего движения в Польше.

Рабочее движение 80-х, а в особенности начала 90-х годов сделало весьма значительный шаг вперед по сравнению с рабочим движением предшествующего периода. Из эпизодического и локального, каким оно было раньше, оно становится непрерывным и повсеместным, приобретает характер общенационального движения. Рабочий класс России начинает выступать как важнейший общественный фактор страны.

Рост организованности и сознательности рабочих России во второй половине 80-х и в начале 90-х годов находит свое отражение не только в массовых стачках, но и в характере тех требований, которые предъявляли рабочие в этот период. Металлисты, текстильщики и железнодорожники наряду с борьбой за заработную плату, все чаще и чаще выдвигают требование сокращения рабочего дня.

В начале 90-х годов в крупных промышленных центрах под руководством рабочих социал-демократов проходят первые массовые рабочие сходки. Большую роль в этом начинают играть первомайские демонстрации.

Празднование 1-го мая в России начинается одновременно с празднованием этого дня в крупнейших капиталистических странах. Однако, в отличие от стран Западной Европы, где праздник носил мирный характер, в России с самого начала 1-е мая носило революционный, боевой характер. С 1891—1894 гг. первомайские выступления в форме тайных рабочих сходок за городом или в лесу прошли в ряде городов (Петербург, Москва, Вильно, Варшава)[1]. Это были первые массовые рабочие сходки с участием марксистов, которые делали в этот период первые попытки соединить рабочие маевки со стачкой. Рабочие маевки 90-х годов сыграли большую роль в русском революционном рабочем движении «Первомайские праздники в России пробили путь к политической борьбе и политическим демонстрациям»[2].

Задача русских революционных марксистов состояла в том, чтобы превратить стихийное движение в организованную борьбу всего рабочего класса России против самодержавия и буржуазии. Эта великая историческая задача была решена под руководством великих вождей русского и мирового пролетариата В. И. Ленина и И. В. Сталина.

§ 3. Фабрично-трудовое законодательство в 80-х годах

Вступление русского пролетариата в 80-х годах на путь массовых выступлений в форме организованных стачек вызвало к жизни фабрично-трудовое законодательство. Прислужники царизма и буржуазии, фабричные инспектора, а также буржуазные и меньшевистские историки и экономисты пытались представить фабричное законодательство царского правительства как акт «гуманности» или «социального мира».

Главный фабричный инспектор Петербургского округа Е. Т. Михайловский в книге, изданной для всемирной выставки 1893 года в Чикаго, назвал закон 3 июня 1886 г. «истинно гуманною (человеколюбивою) реформою, делающую величайшую честь заботливости русского императорского правительства о рабочих классах»[3]. По мнению И. И. Янжула закон 3 июня 1886 г. «впервые внес некоторый порядок в фабричный быт и установил в первый раз человеческие права русских рабочих на их заработок». Буржуазный историк фабричного законодательства В. П. Литвинов-Фалинский считал, что законодательство 80-х гг. о труде «...проникнуто стремлением оградить справедливые интересы рабочих»[4].

---

[1] Первое мая в царской России. Сб. документов, ОГИЗ, 1939, стр. 4—8; 284—285.

[2] И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 21.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 2, изд. 4, стр. 35.

[4] В. П. Литвинов-Фалинский. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб., 1900, стр. XVIII.

Таким же образом оценивали фабричные законы и либеральные народники. «Легальные марксисты» (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, С. А. Прокопович), основную причину появления фабричного законодательства видели «в потребностях самого капиталистического развития». Туган-Барановский видел в фабричном законодательстве смену прежней произвольной капиталистической эксплоатации «тщательной регламентацией взаимных отношений фабриканта и рабочего» [1]. Этой же точки зрения придерживались и «экономисты» и меньшевики, которые пытались отвлечь русский пролетариат от политической борьбы.

Фабрично-трудовое законодательство, выдаваемое апологетами капитализма как акт гуманности, есть, по определению классиков марксизма-ленинизма «уступка» господствующих классов, в целях раздробления или в целях удушения революционной борьбы рабочих, в целях сохранения путем частичных реформ своего классового господства над пролетариатом.

Вместе с тем классики марксизма-ленинизма отмечали, что основной причиной, которая заставляет господствующие классы вступить на путь фабрично-заводского законодательства является классовая борьба пролетариата.

В «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что только организованная борьба пролетариата заставляет буржуазию признать отдельные интересы рабочих в законодательном порядке [2].

Маркс показал, что законодательство о труде «является продуктом продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом» [3]. Маркс далее указывал, что вмешательство в фабричную жизнь капиталистического государства «никогда не имело бы места», если бы не было «постоянного давления рабочих извне» [4].

Появление фабричного законодательства в России полностью подтверждает эти указания Маркса.

Закон 3 июня 1886 года о штрафах и другие законы Ленин рассматривает как результат борьбы русских рабочих. В своей работе «Фабричное законодательство и пролетарская борьба», анализируя фабричное законодательство в России в конце XIX начале XX вв. И. В. Сталин указал, что «...ни один «фабричный закон» не появляется в свет без причин, без борьбы, ни один «фабричный закон» не издается правительством до тех пор, пока рабочие не выйдут на борьбу, пока правительство не станет перед необходимостью удовлетворить их требования» [5].

«Пока движение было беспомощно, — пишет товарищ

---

[1] М. Туган-Барановский. Русская фабрика, стр. 334.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, том 1, М., 1948, стр. 1—39.
[3] К. Маркс. Капитал, т. 1, 1949, стр. 304.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, 1, стр. 145.
[5] И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 291.

Сталин, — пока оно не приняло массового характера, реакция знала против пролетариата только одно средство, это средство — тюрьма, Сибирь, нагайка и виселица... Но дело повернулось совершенно иначе, когда движение приняло массовый характер... Необходимо было новое «более культурное» средство... Именно таким новым средством и является «фабричное законодательство» [1].

Первым серьезным шагом правительственного вмешательства в фабрично-заводскую жизнь следует считать закон «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» от 1-го июня 1882 года.

Закон 1-го июня 1882 года был вызван усилением стачечного движения, особенно стачками петербургских рабочих в конце 70-х гг. По этому поводу В. И. Ленин писал: «В конце 70-х годов происходят очень крупные стачки в Петербурге, социалистами делается попытка воспользоваться случаем для усиления агитации. Александр III включает в свою так назыв. «народную» (а на самом деле дворянско-полицейскую) политику фабричное законодательство» [2].

Вызванный невиданным размахом стачек начала 80-х годов, закон явился вместе с тем результатом требований известной регламентации труда, который отстаивали фабриканты Петербурга и Польши, принявшие новую технику и нуждавшиеся в постоянном кадровом высококвалифицированном рабочем.

Московские фабриканты, наоборот, применяя в широких масштабах малоквалифицированный детский труд, выступали против требования Петербурга и Лодзи, пугая правительство всякими бедствиями в случае ограничения «свободы труда».

Вынужденное, под напором рабочих масс, издать закон «О малолетних», правительство допустило ряд оговорок, которые сводили почти на-нет его практическое осуществление.

Закон мог вступить в силу только «по истечении двухлетнего срока» после окончательного заключения Государственного Совета. Кроме того, проведение его в жизнь было связано с выработкой правил для фабрикантов, которые были опубликованы лишь 26/II 1885 г. В силу ряда других намеренных задержек, закон в кастрированном виде был введен, наконец, в жизнь в 1890 г.

Образованная для надзора за исполнением закона 1 июня 1882 г. фабричная инспекция была утверждена в составе 20 человек.

По свидетельству фабричных инспекторов закон о «малолетних» систематически и совершенно открыто и безнаказанно нарушался.

Несмотря на все это, некоторое ограничение хищнической

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 287—288.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 5, изд. 4, стр. 67—68.

эксплоатации детского труда было достигнуто и борьба рабочих не прошла даром.

Следующим шагом правительственного вмешательства в фабрично-заводскую жизнь являются законы от 3/VI 1885 г. и 3/VI 1886 года.

В своем заявлении министру финансов петербургские фабриканты сообщили, что «уже давно чувствуют невыгоду положения, в котором они находятся, довольствуясь в принципе одной только дневной работой, в то время как московские фабриканты продолжают пагубную практику работать день и ночь» [1]. Исходя из этого петербургские фабриканты в своих корыстных интересах настаивали на запрещении ночного труда женщин и подростков.

Но требования петербургских промышленных кругов были побочной причиной.

Основной причиной дальнейшего фабрично-трудового законодательства явился значительный размах стачечного движения 1883—1885 годов и особенно знаменитой морозовской стачки.

Вскоре после стачки министр внутренних дел граф Толстой в письме к министру финансов 4 февраля 1885 г. требовал немедленного составления таких нормальных правил, «которые, ограничивая в известной степени произвол фабрикантов, способствовали бы устранению в будущем прискорбных случаев, имевших место в Московской и Владимирской губерниях» [2].

Первым результатом морозовской стачки явился «высочайше» утвержденный 3 июня 1885 г. и вступивший в силу с 10 октября 1886 г. закон «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах».

Однако, правительство чувствовало явную недостаточность этого закона. Сила морозовской стачки сказалась в этом вопросе в том, что, вырвав закон от 3 июня 1885 г., она заставила правительство приступить к составлению новых «нормальных правил», правительство надеялось, что ограничение произвола хозяев приведет к уменьшению стачек.

В результате работы, созданной после морозовской стачки специальной комиссии под председательством сенатора Плеве, появился закон от 3 июня 1886 г. «О надзоре за заведениями фабричной промышленности и взаимных отношениях фабрикантов и рабочих». «Июньско-октябрьские законы 1886 г. (о штрафах, расчётных книжках и т. д.) были прямым результатом стачек 1885—86 годов в центральном районе» [3].

Закон 3 июня 1886 года установил порядок выдачи рабочим расчетных книжек с включением в них условий найма, запрещал изменять условия заключенного «договора» с рабочими до исте-

---

[1] ЦГИА. Департамент торговли и мануфактур, опись, № 3, дело № 1898, за 1886 г.

[2] Там же, дело № 1905, за 1897 г.

[3] И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 291.

чения условленного срока, требовал обязательного предупреждения рабочего об его увольнении за две недели. Закон требовал установления правил внутреннего распорядка, утвержденных фабричной инспекцией, установления фабричной инспекцией таксы за пользование рабочей квартирой, баней и проч., а также контроля инспекции над фабричными лавками. Далее закон от 3 июня 1886 года предусматривал порядок расчёта с рабочими (расплата с рабочими должна производиться только деньгами и в определенный срок).

Закон от 3 июня совершенно не затронул вопроса о безобразно длинном рабочем дне, а также об уровне заработной платы.

В интересах капиталистов закон оставил в силе право фабрикантов и заводчиков применять штрафы.

Закон от 3 июня 1886 года отличался, как впрочем, и все рабочее законодательство, неясностью, неопределенностью, открывающей тысячу лазеек для нарушения этих законов предпринимателями.

Закон «о надзоре» был с 1 октября 1886 года введен в районах наибольшего подъема стачечного движения — Петербургском, Владимирском, Московском. С 11 июня 1891 года в связи с усилением стачечного движения в районах Польши, закон был распространен также на Варшавскую и Петроковскую губернии. 14 марта 1894 года закон был распространен еще на 13 губерний.

«Расширение области надзора за фабричными заведениями шло, — говорит Ленин, — постоянно вслед за расширением рабочего движения и стачек рабочих» [1].

Московские и петербургские стачки 1896—1897 гг. заставили распространить закон еще на целый ряд промышленных губерний. Таким образом, распространение закона растянулось до 1912 года. Апологеты капитализма (Туган-Барановский, Озеров и др.) своим восхвалением закона от 3 июня 1866 года, имели своей целью прикрыть тот факт, что закон был направлен против рабочих.

Закон от 3 июня 1886 года подробно разобран Лениным в его брошюре «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» [2]. Оценка Лениным этого закона дана в следующей предельно краткой формулировке: «Закон защищает только фабриканта от неисправного рабочего, но не защищает рабочего от слишком прижимистых фабрикантов» [3].

Закон 3 июня 1886 г. значительно усиливал уголовные репрессии за стачку. «Подстрекатели» к стачке подвергались тюремному заключению от четырех до восьми месяцев, а рядовые ее участники — заключению в тюрьму от двух до 4-х месяцев.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 2, изд. 4, стр. 271.
[2] Там же, стр. 19—57.
[3] Там же, стр. 36.

Однако, как закон от 3 июня 1886 года, так и образование фабричной инспекции, являясь результатом стачечной борьбы рабочего класса 80-х годов, имели известное значение в дальнейшей борьбе рабочих.

Отныне штрафные деньги шли не в карман фабрикантов, а на нужды рабочих. Зафиксированные в законе, хотя бы на бумаге, права рабочих явились известным фактором, объединявшим их в борьбе против беспощадной эксплоатации фабрикантов и правительства.

Начавшееся с конца 80-х и середины 90-х годов усиление политической реакции нашло свое отражение и в области фабрично-трудового законодательства.

Воспользовавшись некоторым отливом стачечной волны, наиболее консервативная часть промышленной буржуазии при полном содействии правительства и ее министра финансов Вышнеградского, добилась отмены важнейших пунктов закона от 1 июня 1882 г. и от 3 июня 1885 года о пользовании детским и женским трудом, открыла борьбу за отмену закона от 3 июня 1886 года. В итоге этого похода к началу 90-х годов законы 80-х годов были значительно урезаны.

Только новая, еще более мощная волна стачечного движения середины 90-х годов заставила правительство сделать последующую уступку рабочим в их борьбе за сокращение рабочего дня.

Ленин и Сталин теоретически обобщили опыт начального периода русского рабочего движения. Они установили, что характерной чертой этого периода (70—80 гг.) было раздельное существование социализма и рабочего движения.

«Отделение рабочего движения от социализма, — пишет Ленин, — вызывало слабость и неразвитость и того и другого: учения социалистов, не слитые с рабочей борьбой, оставались лишь утопиями, добрыми пожеланиями, не влиявшими на действительную жизнь» [1].

Раздельное существование социализма и рабочего движения лишало социалистов реальной почвы среди трудящихся масс, обрекло их на одиночество, а рабочих оно лишало идейного политического и организационного руководства.

Величайшим тормозом революционного рабочего движения с самого начала вступления его на арену общественной жизни и главным идейным препятствием на пути распространения марксизма и создания рабочей марксистской партии в России явилось народничество.

Мелкобуржуазный крестьянский характер капиталистической России обусловил известную прочность идей народнического социализма, которые мешали рабочим выбиться на дорогу самостоятельного классового движения. Выделение пролетарской струи из этого мелкобуржуазного потока «стало возможным, —

[1] В. И Ленин. Соч., т. 4, изд. 4, стр. 236.

пишет Ленин, — лишь после того, как идейно определилось направление русского марксизма (группа «Освобождение труда» 1883 г.) и началось непрерывное рабочее движение в связи с социал-демократией (петербургские стачки 1895—1896 годов») [1].

§ 4. Г. В. Плеханов и его группа «Освобождение труда»

80-е годы, время «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции» [2], отличались вместе с тем развитием живой и очень плодотворной деятельности русской общественной мысли.

«...В России не было эпохи, — писал Ленин, — про которую бы до такой степени можно было сказать: «наступила очередь мысли и разума», как про эпоху Александра III. Право же так, именно в эту эпоху старое русское народничество перестало быть одним мечтательным взглядом в будущее и дало обогатившие русскую общественную мысль исследования экономической действительности России. Именно в эту эпоху всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического миросозерцания» [3].

Если период реакции внес в среду буржуазной интеллигенции и либералов растерянность и уныние, то на передовую революционную интеллигенцию период поражения народовольчества и народничества в целом, оказал благотворное влияние, заставив ее повернуться к идеям научного социализма — марксизма.

Влияние марксистских идей на русскую общественную мысль относится ко времени появления теории научного социализма [4]. История проникновения идей марксизма в Россию с 40-х годов и до появления первой русской марксистской группы «Освобождение труда» должна рассматриваться в общей связи с историей русской общественной мысли 40—70-х годов.

Следует напомнить самые основные вехи. В 40—50-х годах знакомство с марксистскими идеями было ограничено узким кругом деятелей либерального (Анненков, Боткин и другие), и революционно-демократического (Белинский) течений. В 60—70-х годах марксистская литература проникает в среду революционно-демократической интеллигенции и учащейся молодежи. В 70-х годах с марксистскими социал-демократическими идеями начи-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, изд. 4, стр. 224.
[2] Там же, Соч., т. 1, изд. 4, стр. 257.
[3] Там же, т. 10, изд. 4, стр. 230.
[4] История проникновения марксистских идей в России и их влияние на русскую общественную мысль 40-х—70-х годов еще не написана. Однако то, что уже сделано в этой области советскими исследователями (В. В. Воровский, А. Реуэль, В. Шульгин и др.), является положительным вкладом в историю русской общественной мысли. Следует, однако, отметить тенденцию некоторых исследователей игнорировать принципиальное отличие периода проникновения марксистских идей в Россию (40—70-х годов) от периода распространения марксизма в начале 80-х годов.

нают знакомиться отдельные представители передовых рабочих («Южнороссийский союз рабочих», «Северный союз русских рабочих»).

Интерес к личности К. Маркса в России усилился в 60-х и 70-х годах в связи с его деятельностью в качестве организатора и вождя I международного товарищества рабочих и особенно в связи с появлением главного труда К. Маркса — «Капитала».

Появление в 1872 г. I тома «Капитала» на русском языке явилось важнейшим событием в деле проникновения марксистских идей в Россию до момента возникновения здесь первых марксистских групп и кружков.

С появлением «Капитала» в центре русской общественной мысли, как отмечает Ленин, «главным теоретическим вопросом» сделался вопрос: «о судьбах капитализма в России»; «около этого вопроса сосредоточивались самые жгучие прения, в зависимости от него решались самые важные программные положения» [1].

Идеи марксизма стали проникать в революционные подпольные кружки 70-х годов. С этого же времени началась пропаганда экономических идей Маркса в легальной печати и с университетских кафедр. Эта пропаганда была связана, главным образом, с именем Н. Зибера [2].

Но этот период не являлся еще периодом возникновения марксизма в России. Он не может быть также назван периодом «раннего теоретического марксизма в России» [2].

В 60—70-х годах марксистские идеи, как система взглядов, как цельная и единственно правильная революционная теория, не были восприняты в России.

Народники понимали марксизм, как одну из социалистических систем, годных для Западной Европы, но не для России. Научному пролетарскому социализму Маркса противопоставлялся русский крестьянский социализм. Борьба народников 70-х годов против небольшой кучки передовых рабочих Петербурга, организовавшихся в «Северный союз русских рабочих», явилась предвестником назревающего раскола в русском революционном движении и выделения из общедемократического потока самостоятельного пролетарского революционного движения.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 1, изд. 4, стр. 249.

[2] Следует отметить неправильный взгляд на пропаганду в легальной печати экономических идей Маркса до появления марксизма в России, как на «легальный марксизм».

Пропаганда экономических идей в 70-х годах (Н. Зибер и др.) происходила в обстановке, когда еще отсутствовала почва для организации пролетарской партии, в обстановке безраздельного господства народнической теории. «Легальный марксизм», струвизм, возник в конце первой половины 90-х годов, когда марксизм начал сливаться с массовым рабочим движением. «Легальный марксизм» это либерализм, который рядился в марксистские одежды в целях борьбы с революционным марксизмом, для подчинения пролетариата влиянию буржуазии.

[3] В. Воровский. К истории марксизма в России, 1923, стр. 3.

По мере роста рабочего движения, сопротивление народников распространению идей марксизма усиливалось. «Народники мешали рабочему классу понять его руководящую роль в революции и задерживали создание самостоятельной партии рабочего класса» [1]. Поэтому распространение марксизма в России неразрывно связано с идейным разгромом народничества, в корне враждебного научному социализму. «...Марксизм в России мог вырасти и окрепнуть лишь в борьбе с народничеством» [2].

Борьбу против доктрин русского народничества впервые начали основоположники научного социализма: К. Маркс и Ф. Энгельс. Их борьба против Бакунина, Ткачева и других представителей русского анархизма и народничества, их поддержка антианархистских элементов — деятелей русской секции I-го Интернационала и других антибакунинских элементов в русском революционном движении сыграла известную роль в позднейшем повороте русской общественной мысли к марксизму.

Переход русского революционного движения от утопического крестьянского и мещанского социализма к социализму научному, был обусловлен, прежде всего, потребностями самой русской действительности.

Марксизм в России как и на Западе возник тогда, когда классовая борьба между буржуазией и пролетариатом стала выдвигаться на авансцену общественной жизни. По мере того как развивалась крупная капиталистическая промышленность и вместе с ней формировался современный промышленный пролетариат, который стал быстро пробуждаться к революционной борьбе, идеи народнического мелкобуржуазного социализма начали явно обнаруживать свою несостоятельность, а идеи марксизма все более стали привлекать внимание русской революционной молодежи.

Разочаровавшись в возможности поднять крестьян на революцию и убедившись в бесплодности тактики индивидуального террора, русская революционная молодежь начала 80-х годов все более обращает свое внимание на фабрично-заводских рабочих, видя в них благодарную почву для революционной пропаганды.

Вместе с тем, все более убеждаясь в невозможности итти к загородским рабочим со старыми отжившими утопическими теориями крестьянского, заговорщического социализма, передовые слои революционной интеллигенции под давлением самой жизни, собственного опыта революционной борьбы, его неудач и поражений, совершают переход от народнических иллюзий к научному пролетарскому социализму.

На кризис народничества и начавшегося отхода от него передовых представителей русской революционной интеллигенции и передовых рабочих большое влияние оказали успехи марксизма.

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 13.
[2] Там же.

«Марксизм, — по точному определению товарища Сталина, — есть наука о законах развития природы и общества, наука о революции угнетённых и эксплуатируемых масс, наука о победе социализма во всех странах, наука о строительстве коммунистического общества» [1].

Возникновение марксизма знаменовало собой величайший революционный переворот в идейном развитии передового человечества. Этот революционный переворот, совершенный марксизмом, произошел тогда, когда борьба между основными классами капиталистического общества, буржуазией и пролетариатом, становилась важнейшим фактором общественной жизни.

Родиной марксизма явилась Германия 40-х годов XIX в. Германия в это время была чревата буржуазно-демократической революцией, которая должна была совершиться при более зрелых социально-экономических и политических условиях, при наличии более развитого промышленного пролетариата, чем Англия в XVII и Франция в XVIII веках. «Центр революционного движения перемещался в Германию» [2]. «Это именно обстоятельство... — указывает товарищ Сталин, — послужило вероятной причиной того, что именно Германия явилась родиной научного социализма, а вожди германского пролетариата — Маркс и Энгельс — его творцами» [3].

Зародившись в Германии, марксизм явился гениальным завершением передовых идейных течений XIX века и обобщением опыта международного рабочего движения.

Наряду с развитием философской, экономической и социалистической мысли, и критической переработкой ее Марксом и Энгельсом, громадное и решающее значение в возникновении марксизма, материалистического понимания истории, имели первые крупные выступления пролетариата в 30—40 гг. XIX века.

«Совершились исторические события, — писал Ф. Энгельс о первых выступлениях пролетариата: Лионском восстании 1831 года и чартистском движении 1837—1842 гг., — которые вызвали решительный поворот в понимании истории... Новые факты заставили подвергнуть всю прежнюю историю новому исследованию, и тогда выяснилось, что в с я прежняя история за исключением первобытного состояния, была историей борьбы классов...» [4].

Возникновение марксизма исторически связано, таким образом, с классовой борьбой пролетариата, с ростом и обострением антагонистических противоречий между буржуазией и пролетариатом, с первыми крупными классовыми боями пролетариата, знаменующими его выступление на арену общественной жизни, как новой самостоятельной силы.

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. 1951, стр. 54—55.
[2] И. В. Сталин. Соч., т. 6. стр. 78.
[3] Там же.
[4] Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. 1951, стр. 54 и 55.

Обобщив опыт классовой борьбы, Маркс и Энгельс дали исчерпывающее научное обоснование исторической роли пролетариата, как могильщика буржуазии и творца нового коммунистического общества. Они показали, что только революционная борьба пролетариата и его победа над буржуазией может избавить человечество от капиталистического рабства. Маркс и Энгельс научно обосновали неизбежность, закономерность победы социализма как необходимый результат развития современного капиталистического общества. Открыв законы развития капиталистического общества, они научно доказали, что антагонистическое развитие этого общества и классовая борьба в нем неизбежно должны привести «к падению капитализма, к победе пролетариата, к *диктатуре пролетариата*» [1].

«Маркс и Энгельс, — пишет товарищ Сталин, — учили, что промышленный пролетариат является самым революционным и потому самым передовым классом капиталистического общества, что только такой класс, как пролетариат, может собрать вокруг себя все недовольные капитализмом силы и повести их на штурм капитализма. Но чтобы победить старый мир и создать новое бесклассовое общество, пролетариат должен иметь свою собственную рабочую партию, которую Маркс и Энгельс называли коммунистической партией...» [2].

Взгляды Маркса и Энгельса характерны замечательной последовательностью и цельностью. «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно, — писал Ленин. — Оно полно и стройно, давая людям цельное миросозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета...» [3].

В Россию идеи марксизма стали проникать еще с 40-х гг., но только к 70-м и особенно к 80-м годам создались здесь необходимые социально-экономические предпосылки для распространения марксизма. Распространению идей научного социализма в России Маркс и Энгельс придавали исключительное значение.

С самого начала своей революционной деятельности Маркс и Энгельс поддерживали связь с представителями передовой революционной России.

Вспоминая впоследствии свои взаимоотношения в 40—50-х гг. с некоторыми представителями революционной или оппозиционно настроенной русской дворянской интеллигенции, Маркс в письме к Л. Кугельману от 12 октября 1868 года писал: «Несколько дней тому назад один петербургский издатель поразил меня известием, что печатается русский перевод «Капитала»... В 1843—44 гг. в Париже тамошние русские аристократы носили меня на руках. Мое сочинение против Прудона (1847) и то, что издал Дункер (1859), нигде не нашли такого сбыта, как в России

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 11.
[2] Там же.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 19, изд. 4, стр. 3.

И первым переводом «Капитала» на иностранный язык оказывается перевод на русский» [1].

Русский перевод «Капитала», — главного научного труда К. Маркса, был первым переводом на иностранный язык с его немецкого оригинала. Появление «Капитала» как и других его произведений, вызывали самый глубокий интерес в России и оплодотворяли русскую передовую мысль.

«Выработка новой методологической и политико-экономической теории, — писал Ленин, — означала такой гигантский прогресс общественной науки, такой колоссальный шаг вперед социализма, что для русских социалистов почти тотчас же после появления «Капитала», главным теоретическим вопросом сделался вопрос о «судьбах капитализма в России»; около этого вопроса сосредоточивались самые жгучие прения, в зависимости от него решались самые важные программные положения» [2].

Маркс и Энгельс первые начали борьбу с реакционными теориями народничества. Свою решительную и беспощадную борьбу против Бакунина они рассматривали не только в плане защиты западноевропейского рабочего движения от опасности анархизма, но и освобождения русского революционного движения от вредных народнических теорий.

«Страна, выдвинувшая двух писателей масштаба Добролюбова и Чернышевского, двух социалистических Лессингов» не пострадает от разоблачения анархиста Бакунина и его последователей в Россси, — писал Энгельс. «Ведь из среды молодого поколения русских мы знаем людей выдающегося теоретического и практического дарования и высокой энергии, людей, которые благодаря своему знанию языков превосходят французов и англичан близким знакомством с движением различных стран, а немцев — светской гибкостью. Те русские, которые понимают рабочее движение и сами в нем участвуют могут усмотреть в том, что их освободили от ответственности за бакунистские мошенничества, лишь услугу, оказанную им» [3].

Ведя решительную и беспощадную борьбу против Бакунина, Ткачева и других идеологов народничества, Маркс и Энгельс всегда противопоставляли им великих русских революционных демократов.

Маркс и Энгельс чрезвычайно высоко ставили Чернышевского и Добролюбова как великих ученых революционеров-демократов. Чернышевского Маркс называл великим «русским ученым и критиком».

«Маркс и Энгельс, оба знавшие русский язык и читавшие русские книги, — писал Ленин, — живо интересовались Россией,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 534.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 249.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 235.

с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сношения с русскими революционерами» [1].

Громадный интерес Маркса и Энгельса к России с самого начала их революционной деятельности был обусловлен первостепенным значением, которое они придавали политической революции в России, для судеб, как русского революционного движения, так и всего мирового пролетарского движения. Без революционной России они считали невозможным прочную победу социализма в западно-европейских странах. Предварительным могучим толчком и решающим условием победы пролетариата над буржуазией во всех странах они считали политическую революцию в России.

«Маркс и Энгельс ясно видели, — писал Ленин, — что и для западно-европейского рабочего движения политическая революция в России будет иметь огромное значение» [2].

По мысли Маркса и Энгельса ближайшим результатом уничтожения царизма, оплота европейской реакции, будет немедленное падение ненавистного им прусского режима в Германии, а за ним и падение буржуазных правительств в других странах Европы. Одним из важнейших итогов победы революции в России Маркс и Энгельс считали неизбежный распад реакционного австро-венгерского государства и освобождение славянских народов от его ига.

Они считали, что общим и конечным результатом русской революции должна быть общеевропейская революция, в результате которой пролетариат Европы пойдет прямой дорогой к социалистической революции. Эта революция в свою очередь окажет влияние на переход России к социализму, а угнетенные народы Европы и Азии получат полное освобождение и национальное возрождение.

Но Маркс предсказал не только исключительное влияние русской революции на Европу, но и ее решающее значение для Востока.

Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали вековую прогрессивную цивилизующую роль России по отношению к Востоку. «Россия действительно играет, — писал Энгельс Марксу в 1851 г., — прогрессивную роль по отношению к Востоку. Несмотря на всю свою мерзость..., господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии» [3].

Гениальные мысли Маркса и Энгельса о России осуществились в неизмеримо более грандиозных масштабах, чем они могли предполагать в современную им эпоху.

По словам русского революционера-народника Г. А. Лопатина, Энгельс в беседе с ним заявил, что «Россия, это — Фран-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 12.
[2] Там же, стр. 13.
[3] К. Маркс. и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 211.

ция нынешнего века», что «ей законно и правомерно принадлежит, революционная инициатива *нового* социального переустройства» [1].

В эпоху Маркса и Энгельса центр революционного движения находился попеременно во Франции и Германии.

Великие родоначальники научного социализма возлагали поэтому главные свои надежды на Германию и французский пролетариат, который, по их расчетам, первый должен был пробить брешь в капиталистическую систему.

Но чем дальше шло прогрессивное историческое развитие, тем чаще великие учителя коммунизма обращали свой взор на Восток, на Россию.

Еще при их жизни Россия дважды переживала революционную ситуацию (1859—1861 и 1879—1881 годы), которая хотя и не завершилась революциями, но свидетельствовала о громадной потенциальной революционной энергии, таящейся в великом русском народе, в его революционных классах. Этим объясняется то обстоятельство, что «Маркс и Энгельс были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее могучее всемирное значение» [2].

В начале 80-х гг. XIX в., когда в России не было еще организованного массового рабочего движения, когда оно только начиналось, Маркс и Энгельс указывали, что «...Россия представляет собой передовой отряд революционного движения, движения в Европе»... [3].

Великие учителя пролетариата К. Маркс и Ф. Энгельс жили в доимпериалистический период капитализма. Они «могли лишь догадываться о тех новых условиях развития капитализма, которые наступили в связи с новой фазой капитализма, пришедшей на смену старой фазе, в связи с империалистической, монополистической фазой развития...» [4].

Гениальный анализ этой новой фазы развития капитализма, эпохи империализма и в связи с этим анализ исторического места России и русского пролетариата в эту новую эпоху впервые дали гениальные продолжатели Маркса и Энгельса — Ленин и Сталин.

В начале 80-х гг. еще до появления первой русской марксистской группы «Освобождение труда», организованной Г. В. Плехановым за границей, в университетских центрах России и, прежде всего, в столицах, возникает ряд кружков, ставивших своей целью изучение и распространение марксистской литературы.

---

[1] Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Госполитиздат, 1947, стр. 236.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 335.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии. Госполитиздат, 1948, стр. 15.

[4] И. Сталин. Соч., т. 10, стр. 93.

В отличие от предыдущего периода, когда марксистская литература проникала случайно, марксизмом интересовались лишь отдельные представители передовой дворянской, а затем революционно-демократической интеллигенции, или представители официальной университетской науки, теперь с начала 80-х годов интерес к марксизму растет среди сравнительно более широких кругов русской революционной интеллигенции и передовых рабочих.

Работы Маркса и Энгельса стали печататься в типографиях и на гектографах местными революционными группами. По свидетельству Благоева уже в 1882—1883 гг. появились гектографированные марксистские брошюры в Петербурге.

В Москве в литографии Яновской с 1882 по 1884 г. был напечатан ряд произведений марксистской литературы.

Печатание марксистских брошюр в 80-х годах отмечено в Юрьеве, Казани, Харькове, Киеве. Наряду со все возрастающим интересом к экономическому учению К. Маркса, с начала 80-х годов намечается невиданный ранее интерес к историко-философскому учению К. Маркса.

Марксистская литература проникла не только в среду интеллигенции, но и к рабочим. Жандармские дознания за 1883—1885 гг. отмечают наличие марксистской литературы у рабочих Петербурга и Москвы. Среди марксистской литературы наряду с «Манифестом Коммунистической Партии», особым вниманием пользуются «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса его же «Жилищный вопрос» и «Наемный труд и капитал» К. Маркса и др.

В 1884—1885 годы у нескольких рабочих были найдены программы группы «Освобождение Труда» [1]. «Манифест Коммунистической Партии» в 1885 году был обнаружен у студентов Петровской с.-х. академии в Москве [2].

Интенсивная деятельность русской общественной мысли с конца 70-х годов в связи с бурными переменами в экономической жизни страны нашла свое отражение не только в нелегальной, но и в легальной печати. Проблемы капиталистического развития России становятся постоянной злобой дня русской журнальной и научной литературы.

Совокупность исторических условий, как указал Ленин, выдвинула в первую очередь «...применение экономического учения Маркса к нашей действительности» [3].

Растущее влияние учения Маркса в крупнейших странах Западной Европы и широкое развитие там рабочего движения, оказали несомненное влияние на распространение марксизма в России.

Первые марксистские организации в России возникли «на

---

[1] ЦГИА. Обзор жандармских донесений с 1 января 1884 года.
[2] ЦГИА. Обзор жандармских донесений за 1885 г., Октябрь, стр. 50—60.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4, стр. 54.

почве роста рабочего движения и под влиянием западноевропейского рабочего движения» [1].

Идейная победа марксизма над утопическими системами в западно-европейском рабочем движении, практическая деятельность руководимого К. Марксом I Интернационала, Парижская Коммуна, рождение самостоятельных пролетарских партий, широкое распространение марксизма в европейских странах, особенно в Германии, успехи социал-демократических рабочих партий в создании своих массовых рабочих организаций и в парламентской деятельности — все это оказало влияние на пробудившийся к политической жизни русский пролетариат и на революционную интеллигенцию, жадно искавшую правильную революционную теорию.

Своеобразие исторических условий, в которых развивалось русское рабочее движение, в отличие от западно-европейского определило различие в ближайших целях, формах организации и средствах борьбы.

Наступивший после бурного периода буржуазно-демократических революций (1848—1871 гг.) «второй период (1872—1904) отличается от первого «мирным» характером, отсутствием революций» [2].

Вышедшие из недр профессиональных союзов рабочие партии Запада развивались в условиях легального существования, в условиях успешных экономических стачек, в условиях парламентской борьбы. Эпоха мирного развития на Западе породила в рабочем движении тенденцию к отрицанию революционной классовой борьбы, к соглашательству с буржуазией и ее государственной властью.

Рабочее движение в России складывалось в обстановке жесточайшего абсолютизма и полного отсутствия легальных условий. Рабочий класс России, — как указывал Ленин, — «страдает вдвойне: и от бесправия всего русского народа, и от угнетения рабочих капиталистами, которые заставляют правительство служить их интересам» [3]. Поэтому борьба за политическую свободу, за свержение самодержавия стала ближайшей задачей русского рабочего движения с момента его возникновения и русский рабочий класс 80-х и особенно с 90-х годов стал важнейшим фактором политической жизни страны.

Организатором первой русской марксистской группы явился Г. В. Плеханов — великий пионер марксизма в России.

Георгий Валентинович Плеханов родился 29 ноября 1856 года в селе Гудаловка, Липецкого уезда Тамбовской губернии [4]. Отец

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 10.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 18, изд. 4, стр. 545.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 4, изд. 4, стр. 243.
[4] Выписка из метрической книги. «Каторга и ссылка» № 5, 1928 г., стр. 41—43.

его В. П. Плеханов принадлежал к мелким помещикам. Мать М. Ф. Белинская приходилась родственницей великому русскому критику и революционеру-демократу В. Г. Белинскому.

В 1868 году Плеханов поступил во второй класс Воронежской военной гимназии, которую успешно окончил в 1873 г. В том же году поступил в Константиновское военное училище в Петербурге, которое вскоре бросил. С 1874 по 1876 г. Плеханов учился в Петербургском Горном институте. Идейно-политические взгляды молодого Плеханова формировались в переломный период развития русской революционной мысли от просветительства к народничеству. (Конец 60-х начало 70-х гг.). Большое влияние на него оказали в этот период с одной стороны идеи великих русских просветителей революционных демократов В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, с другой стороны виднейшие идеологи русского народничества П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев, М. Н. Бакунин.

С 1875 года Плеханов — студент Горного института — устанавливает связь с подпольными народническими кружками и в качестве народнического пропагандиста ведет революционную работу преимущественно в рабочих кружках Петербурга. Г. В. Плеханов был организатором первой рабочей демонстрации в России 6 декабря 1876 года на Казанской площади. В дальнейшем становится видным публицистом и деятелем народнической партии «Земля и Воля». После раскола (1879 г.) становится руководителем народнической организации «Черный передел». В 1880 г. скрываясь от преследования, он вместе с другими деятелями «Черного передела» П. В. Аксельродом, В. И. Засулич, Л. Г. Дейчем, В. Н. Игнатовым эмигрирует за границу. В 1883 г. Г. В. Плеханов основывает в Женеве первую русскую марксистскую группу «Освобождение труда».

Поворот Г. В. Плеханова и его товарищей от народничества к марксизму был обусловлен, прежде всего, выступлением на арену политической жизни России нового, самого революционного, а потому самого передового класса — промышленного пролетариата. Это обстоятельство исчерпывающе объяснено Плехановым в его известной брошюре «Русский рабочий в революционном движении» и в ряде других его работ.

Тесная связь Плеханова с деятелями «Северного союза русских рабочих» — С. Халтуриным и др., личное участие в пропаганде среди рабочих Петербурга, имело большое значение в дальнейшей эволюции взглядов Плеханова на будущее русского революционого движения.

Решающее значение для эволюции взглядов Г. В. Плеханова имело знакомство его с марксистской литературой. Еще в студенческие годы в середине 70-х годов он изучил 1-й том «Капитала» К. Маркса.

Прибыв в 1880 г. за границу, Плеханов сразу же принимается за глубокое изучение произведений Маркса и Энгельса. Его на-

роднические взгляды постепенно вытесняются марксистскими. Важной вехой на этом пути является изучение Плехановым «Манифеста коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, над переводом которого с немецкого на русский язык он работал с осени 1881 г.

«Лично о себе могу сказать, — писал Плеханов в статье «Первые шаги социал-демократического движения в России», — что чтение «Коммунистического манифеста» составляет эпоху в моей жизни. Я был вдохновлен «Манифестом» и тотчас же решил его перевести на русский язык» [1]. А в марте 1882 г. в письме к Лаврову по поводу участия его в редактировании совместно с народниками «Вестника Народной Воли» Плеханов заявил, что отказывается от этого сотрудничества, так как «Готов создать из «Капитала» Прокрустово ложе для всех сотрудников «Вестника Народной Воли» [2].

По инициативе Г. В. Плеханова К. Маркс и Ф. Энгельс написали предисловие к сделанному им русскому переводу «Манифеста (1882 года). Это замечательное предисловие отражает громадный интерес авторов «Манифеста» к России, к судьбам русского революционного движения.

Сравнивая внутреннее положение России при первом появлении «Манифеста» и в начале 80-х годов, они отмечали, что если в период революции 1848—1849 г. европейская реакция находила в русском вмешательстве единственное спасение против пролетариата, то теперь «Россия представляет собою передовой отряд революционного движения в Европе» [3].

Краткое предисловие Плеханова к переводу «Манифеста» отражает уже в 1882 г. разрыв его с народническими теориями. В предисловии мы находим в самых общих чертах те мысли, которые были им вскоре развиты в его первых марксистских произведениях — «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия».

«...Манифест, — писал Плеханов в предисловии, — может предостеречь русских социалистов от двух одинаково печальных крайностей: отрицательного отношения к политической деятельности, с одной стороны, и забвения будущих интересов партии — с другой. Люди, склонные к первой из упомянутых крайностей, убедятся в том, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая», и что отказываться от активной борьбы с современным русским абсолютизмом, значит косвенным образом его поддержать. С другой стороны «Манифест» показывает, что успех борьбы каждого класса вообще, а рабочего в особенности, зависит от объединения этого класса и ясного сознания им своих экономических интересов. От организации рабочего класса и не-

---

[1] Литературное наследие Г. В. Плеханова, сборник VIII, стр. 17.
[2] Там же, стр. 213.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии. Предисловие к русскому изданию 1882 года. Госполитиздат, 1948, стр. 15.

престанного выяснения ему врожденной противоположности его интересов с интересами господствующих классов зависит будущность нашего движения, которую, разумеется, невозможно приносить в жертву интересам данной минуты» [1].

Далее, опираясь на факты растущего рабочего движения в России, Плеханов указал, что основания организации рабочего класса «могут быть заложены уже в настоящее время».

Несмотря на углубляющиеся разногласия между Плехановым и народниками он не делал решительного шага к разрыву с ними. Продолжая поддерживать связь с народниками, Плеханов и его последователи, считали что они смогут сохранить свою идейную самостоятельность и используют народнические издания для пропаганды социал-демократических идей, а главное избегнут дробления небольших революционных сил. Народники и особенно Лавров, цеплялись за Плеханова, используя его авторитет и крупный литературный талант.

Однако, написанная для «Вестника Народной воли» работа Плеханова «Социализм и политическая борьба» не была напечатана. П. Лавров и его группа по журналу не согласились напечатать марксистскую статью, направленную против народничества. Это и послужило официальным поводом к полному разрыву. Плеханов и его группа решили окончательно не только идейно, но и организационно порвать с народничеством и создать свою самостоятельную марксистскую группу «Освобождение труда». От имени группы было опубликовано «Объявление об издании библиотеки современного социализма», датированное 25 сентября 1883 года. Эту дату следует считать началом создания первой русской марксистской группы «Освобождение труда».

В «Объявлении» группа декларировала необходимость организации пролетариата в особую партию с определенной социально-политической программой. «...Бывшие члены группы «Черного передела», — говорилось в этом документе, — образуют ныне новую группу — «Освобождение труда» и окончательно разрывают со старыми анархистскими тенденциями» [2].

Наиболее активными членами группы «Освобождение труда» кроме Плеханова, были В. И. Засулич (1849—1919 гг.) и П. Б. Аксельрод (1855—1930). Другие члены группы В. Н. Игнатов (1854—1885 гг.), Л. Г. Дейч (1855—1935 гг.) почти никакой деятельности не проявили. Последний через несколько месяцев после образования группы был арестован в Германии и выдан русскому правительству. Его осудили на 13 лет каторги. Наиболее близкой к Плеханову была В. И. Засулич. Ею были переведены на русский язык работы К. Маркса «Нищета философии» и произведения Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», «Социальные отношения в России». Собственная литера-

---

[1] Г. В. Плеханов. Соч., т. 1. стр. 151.

[2] Литературное наследие Г. В. Плеханова, сборник VIII, стр. 29.

турная деятельность В. И. Засулич была незначительна. Ее статьи в основном относятся к периоду борьбы с народничеством 80—90-х гг. Уже в этих работах В. И. Засулич заметны зародыши меньшевизма: отрицание революционности крестьянства, признание революционной роли русской буржуазии, отрицание гегемонии пролетариата.

Другой из активных членов группы, П. В. Аксельрод, в юности увлекался лассальянством и затем бакунизмом. После раскола «Земли и воли» примкнул к «Черному переделу». С образованием группы «Освобождения труда» Аксельрод выступает с рядом публицистических произведений против народников. Уже в работах 80-х годов, к которым относятся «Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социальной демократии» (1886 г.), «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов», а также в предисловии к известной брошюре Кремера «Об агитации», наиболее ярко выступают зародыши меньшевизма. В них Аксельрод уже утверждал, что «значительная часть «высших классов» в России заражена разрушительными стремлениями», что легальные организации буржуазных элементов России, будто бы «заключают в себе огромную революционную силу». Вместе с тем будущий вождь меньшевизма Аксельрод утверждал, что рабочий класс России «не в состоянии возвыситься до роли сознательной революционной силы без прямой или косвенной поддержки буржуазии». Еще в первой половине 90-х гг., в начале борьбы с «экономизмом», и бернштейниадой Аксельрод скрыто поддерживал их. Аксельрод выступал против резкой критики Плехановым Бернштейна. В. И. Ленин отметил, что Аксельрод в своих статьях в Neue Zeit переоценивает роль либеральной буржуазии и стоит за союз с нею [1]. Меньшевистские тенденции у Аксельрода выражены еще более отчетливо, чем у всех других членов группы «Освобождение труда».

Большой заслугой группы «Освобождение труда» является деятельность ее в области перевода на русский язык издания и распространения в России многих произведений научного социализма.

Для издания произведений К. Маркса и Ф. Энгельса группой была создана в Женеве специальная типография.

«Библиотекой научного социализма» были переведены и выпущены ряд важнейших произведений великих учителей пролетариата: «Развитие социализма от утопии к науке» Ф. Энгельса, замечательная брошюра, популярно излагающая основы марксистского мировоззрения, получившая широкое распространение в России (она переиздавалась группой в 1884, 1892 и 1902 гг.), в 1885 г. появилась на русском языке «Речь о свободе торговли» К. Маркса, в 1886 г. «Нищета философии». Переводу этой работы Маркса на русский язык Энгельс придавал большое зна-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 34, изд. 4, стр. 9—10.

чение. «Для меня и для дочерей Маркса будет праздником тот день, когда появится в свет «Нищета философии» в русском переводе, — писал Энгельс в своем ответном письме В. И. Засулич 6 марта 1884 г.[1]. В 1892 году вышла в свет на русском языке работа Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»[2].

Переводчики, члены группы «Освобождение труда», сопровождали эти издания предисловиями, замечаниями и приложениями из документов К. Маркса и Ф. Энгельса, связанными с данными произведениями.

Кроме переводов произведений классиков марксизма и издания ряда оригинальных работ самих членов группы, в первую очередь Плеханова «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» и др. — был составлен и издан литературно-политический сборник «Социал-демократ» (1888 г.), превращенный в 1890 г. в периодическое трехмесячное литературно-политическое обозрение. В этих сборниках (с 1890—1892 гг. вышло 4 книги) печатались статьи и письма К. Маркса и Ф. Энгельса. Кроме Плеханова и других членов группы «Освобождение труда» в сборниках «Социал-демократ» принимали участие видные деятели Западно-Европейского рабочего движения: дочь К. Маркса видная представительница английского рабочего движения Элеонора Маркс-Эвелинг, руководители революционного французского рабочего движения Поль Лафарг и Ж. Гэд.

После трехлетнего перерыва по инициативе В. И. Ленина, прибывшего в 1895 году за границу, вместо «Социал-демократа» стал с 1896 г. выходить сборник «Работник». Переводами произведений Маркса и Энгельса и публикацией своих марксистских работ группа «Освобождение труда» проделала большую работу по распространению марксизма в России»[3].

По признанию многих участников первых марксистских кружков в России, переведенные плехановской группой «Освобождение труда» на русский язык великие произведения Маркса и Энгельса, открыли им новый мир, ярким светом озарили путь от старой реакционной народнической идеологии к новому революционному марксистскому мировоззрению.

До появления первых марксистских произведений Г. В. Плеханова в русской общественной мысли господствовал идеализм в понимании истории, который достиг высшего развития в период народничества. «У народников, — сказано в Кратком курсе Истории ВКП(б), — был ошибочный и вредный взгляд на весь ход истории человечества. Они не знали и не понимали законов экономического и политического развития общества. Они были в этом отношении совершенно отсталыми людьми. По их мнению

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1948, стр. 373.

[2] Л. А. Левин. Библиография произведений К. Маркса и Ф. Энгельса М., 1948, стр. 124.

[3] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 10.

историю делают не классы и не борьба классов, а лишь отдельные выдающиеся личности — «герои», за которыми слепо идут массы, «толпа», народ, классы» [1].

Несмотря на довольно быстрый процесс капиталистического развития, разложения крестьянства, формирования промышленного пролетариата, становившегося могучей передовой силой, способной к организованной революционной борьбе, народники продолжали цепляться за старые взгляды крестьянского утопического социализма. Более того, именно к этому периоду (начало 80-х гг.), когда безраздельное господство народничества близилось к концу, появляются первые крупные произведения народников-экономистов: В. П. Воронцова (В. В.), Николай О-на (Н. Даниельсона), пытавшихся экономически обосновать народничество.

Считая, что капитализм в России представляет «случайное» явление, искусственно насаждаемое сверху, что капитализм не имеет перспектив для развития вследствие отсутствия в России внутреннего и внешнего рынков, народники 80-х гг. упорно продолжали отрицать наличие современного промышленного пролетариата в России. «Народники, — пишет товарищ Сталин, — не считали рабочий класс передовым классом в революции. Они мечтали о достижении социализма без пролетариата. Главной революционной силой народники считали крестьянство, руководимое интеллигенцией, и крестьянскую общину, которую они рассматривали как зародыш и основу социализма» [2]. Чтобы проложить дорогу растущему рабочему движению в России, необходимо было осветить его путь учением Маркса и Энгельса — теорией научного социализма. Поэтому упорно сопротивлялись народники, которые были главным препятствием на пути распространения марксизма и рабочего движения. «Поэтому марксизм в России мог вырасти и окрепнуть лишь в борьбе с народничеством» [3]. Эту борьбу впервые начали Г. В. Плеханов и его группа.

Группа «Освобождение труда», — пишет товарищ Сталин, — подняла знамя марксизма в русской заграничной печати в тот момент, когда социал-демократического движения в России еще не было. Необходимо было прежде всего теоретически, идейно проложить путь этому движению» [4].

Первым программным документом группы «Освобождение труда» явилась книга Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба», вышедшая в свет в 1883 г. в виде первого выпуска «Библиотеки современного социализма». В. И. Ленин назвал эту книгу первым исповеданием веры русского социализма. Проблема соотношения социализма и политической борьбы явилась самой жгучей и насущной проблемой русского революционного движе-

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 13—14.
[2] Там же, стр. 13.
Там же, стр. 13.
[1] Там же, стр 11—12.

ния 70—80-х гг. XIX века. «Одни, — пишет Плеханов, — считали политическую борьбу чуть ли не изменой народному делу, проявлением в нашей революционной интеллигенции буржуазных инстинктов, осквернением чистоты социалистической программы. Другие — не только не признавали необходимость этой борьбы, но и готовы были, в ее мнимых интересах, итти на компромиссы с либерально-оппозиционными элементами нашего общества. Некоторые доходили даже до того, что считали вредным для настоящего времени всякое проявление классового антагонизма в России» [1].

Плеханов дал глубокий научный анализ причин идейного краха народнического движения, показав, что он коренится в ошибочной, вредной, антинаучной, не революционной теории. Он вскрыл реакционный характер народнического учения в частности реакционной идеи политического воздержания. Он показал, что в основе народнического учения о том, что «социализм несовместим ни с какой «политикой» лежало прудоновско-бакунинское учение о государстве, с одной стороны, и утопическая теория крестьянской социалистической революции, с другой. Плеханов показал беспочвенность народнических теорий, их вред для русского рабочего движения. Плеханов указал в этой работе на имеющиеся среди русских революционеров два лагеря с диаметрально противоположными взглядами, на задачи русского революционного движения. Он вскрыл реакционность утверждения народников о бесплодности революционной деятельности среди народных масс и отрицания ими передовой роли пролетариата в революции, он показал, что своим отрицанием передовой роли пролетариата в революции народники становятся на путь отказа от революционной борьбы с самодержавием. Наряду с критикой народничества всех толков: бакунистов, лавристов, сторонников Ткачева, землевольцев, народовольцев, чернопередельцев, книга «Социализм и политическая борьба», по собственному признанию Плеханова, «посвящена изложению и подтверждению философско-исторической стороны учения Маркса и Энгельса» [2]. Решительно выступая против враждебных нападок органа народовольцев — «Вестника Народной Воли» на сторонников учения Маркса и Энгельса, разоблачая рабское поклонение «Вестника Народной Воли» Дюрингу, Плеханов писал: «Но эта выходка понесла уже заслуженную кару со стороны Энгельса, разоблачившего все научное ничтожество произведений бывшего берлинского доцента. Зачем же повторять чужие ошибки и становиться на таком шатком основании в отрицательное отношение к величайшей и самой революционной общественной теории XIX века. Ведь без рево-

---

[1] Г. В. Плеханов. Социализм и политическая борьба. Госполитиздат 1948 г., стр. 11.

[2] Там же, стр. 94.

люционной теории нет революционного движения в истинном смысле этого слова» [1].

Блестяще защищая марксизм, Плеханов показал, что русское революционное движение может выйти из тупика, в который его завело народничество, на широкий путь только тогда, когда будет распространено и усвоено учение Маркса об исторической роли пролетариата. Плеханов показал, что социалистическая партия может выполнить свою роль передовой силы освободительного движения только в том случае, когда она прочно опирается на рабочий класс. Сила рабочего класса, указывал Плеханов, «зависит, между прочим, от ясности его политического сознания, от его сплоченности и организованности. Именно эти элементы его силы и подлежат воздействию нашей социалистической интеллигенции. Она должна стать руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении, выяснить ему его политические и экономические интересы, равно как и взаимную связь этих интересов, должна подготовить его к самостоятельной роли в общественной жизни России» [2]. Прочно опираясь на Маркса, Плеханов дал марксистское освещение проблемы связи социализма с политической борьбой, проблемы, над которой долго билась русская революционная мысль. Плеханов убедительно показал невозможность, ошибочность противопоставления социализма политической борьбе. Девизом своей книги «Социализм и политическая борьба» Плеханов сделал знаменитое изречение К. Маркса: «Всякая классовая борьба есть борьба политическая».

Утопическому крестьянскому социализму Плеханов противопоставил социализм Маркса и Энгельса, «учение, которое впервые дало реальное объяснение всему ходу развития человеческой культуры, безжалостно разрушило софизм теоретиков буржуазии и «во всеоружии знания своего века» выступило на защиту пролетариата» [3].

Он показал, что социализм Маркса и Энгельса является «самым смертельным и решительным противником идеализма» [4], ибо он предполагает «материалистическое понимание истории, объясняя духовную историю общества развитием материальных условий жизни людей». «Ход идей соответствует ходу вещей...» [5], а не наоборот, как предполагали народники.

Вместе с тем Плеханов разбивает клевету вульгарных экономистов о Марксе, будто бы Маркс придавал ничтожное значение политическому строю общества со всей ее надстройкой. Защищая марксизм, Плеханов писал, что «всегда и везде политиче-

---

[1] Г. В. Плеханов. Социализм и политическая борьба, Наши разногласия, Госполитиздат, 1948, стр. 60—61.
[2] Там же, стр. 77.
[3] Там же, стр. 29.
[4] Там же, стр. 30.
[5] Там же.

ская власть была рычагом, с помощью которого добившийся господства класс совершал общественный переворот, необходимый для его благосостояния и дальнейшего развития» [1].

Отсюда Плеханов сделал вывод о первостепенном значении классовой политической борьбы против царизма и буржуазии, как единственном пути освобождения рабочего класса и всего народа.

Плеханов призывал русских революционеров опираться в своей борьбе прежде всего на рабочий класс, как на самый передовой революционный класс.

«Борьба за политическую свободу, с одной стороны, и подготовка рабочего класса к его будущей самостоятельной и наступательной роли с другой, такова, по нашему мнению, «постановка партийных задач», единственно возможная в настоящее время» [2].

Таким образом, Плеханов впервые в истории русской революционной мысли провозгласил необходимость слияния социализма с русским рабочим движением. С возникновением группы «Освобождения Труда» и первых марксистских кружков в России, соотношение социализма и рабочего движения меняется. Рядом с рабочим движением существуют уже не только враждебные ему народнические организации, но и марксистские группы и кружки, которые рассматривают себя как представителей рабочего класса, которые ставят своей главной задачей пропаганду идей марксизма в рабочем классе и организацию рабочей партии. Тем самым создаются условия для сближения передовых рабочих с социал-демократической интеллигенцией.

Плеханов указывал на необходимость для русского пролетариата, ведущего организованную политическую борьбу, оформиться в самостоятельную рабочую политическую партию.

«Целью русских социалистов может быть теперь только завоевание свободных политических учреждений, с одной стороны, и выработка элементов для образования будущей *рабочей социалистической партии.* России с другой» [3]. Ленин дал высокую оценку этому произведению Г. В. Плеханова, его месту в истории русской марксистской мысли в 1899 году.

«Первое proffession de foi всемирного социализма, «Коммунистический манифест», установил уже ту, ставшую с тех пор азбучной, истину, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, что рабочее движение только тогда перерастает стадию зародышевого состояния и детства, только тогда становится *классовым* движением, когда переходит к политической борьбе.

---

[1] Г. В. Плеханов. Социализм и политическая борьба, Наши разногласия. Госполитиздат, 1948, стр. 38.

[2] Там же, стр. 79.

[3] Там же, стр. 75.

Первое proffession de foi русского социализма, брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба...», подтвердила эту истину в применении к России и показала, как именно и почему именно русское революционное движение должно привести к слиянию социализма и политической борьбы, к слиянию стихийного движения рабочих масс с революционным движением, к слиянию классовой борьбы и политической борьбы» [1].

По словам Плеханова главной мыслью этой работы было то, что в ней он «...рекомендовал социалистическое учение Маркса и Энгельса как своего рода нить Ариадны, способную вывести нас из лабиринта наших тогдашних политических и практических противоречий. Кроме того, опираясь на это учение, я доказывал, что Л. Тихомиров и другие «теоретики» «Народной воли» ошибались, считая возможным совпадение у нас момента низвержения старого порядка с моментом социалистического переворота» [2].

Известие об образовании марксистской группы «Освобождение труда» и появление первых программных документов, вызвали в народнических кругах за границей и в России резко враждебные нападки. Лишенные научных доводов, бессильные в честной, открытой идейной борьбе народники, вступили на путь клеветнических обвинений против марксистов.

С резкими личными нападками против Плеханова и его книги «Социализм и политическая борьба» выступил виднейший лидер старого народничества и редактор «Вестника Народной воли» П. Л. Лавров. Лавров третировал плехановскую группу «Освобождение труда» и клеветнически заявлял, что будто для марксистов «полемика с «Народной волей» более своевременна, чем борьба с русским правительством, и с другими эксплоататорами русского народа» [3].

Л. Тихомиров, второй редактор «Вестника Народной воли», ставший вскоре ренегатом и редактором реакционных «Московских ведомостей», в статье «Чего нам ждать от революции?» писал, что от признания факта капиталистического развития России «только один шаг остается до прямого содействия капитализму» [4].

Первое произведение Плеханова вызвало так же резкие нападки и в народнических кружках России.

В ответ Плеханов опубликовал в 1885 году свое знаменитое произведение «Наши разногласия».

В большом письме к Лаврову, которое Плеханов предпослал вместо предисловия к своему произведению, он дал блестящую

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 4, изд. 4, стр. 264.

[2] Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV, стр. 179.

[3] «Вестник Народной воли», № 2, отдел 2, 1884, стр. 65.

[4] Там же, отдел 1, стр. 235.

отповедь попыткам лидеров народничества оклеветать русских марксистов.

В этом предисловии Плеханов указывал, что «...рост революционного движения не мыслим без распространения наиболее передовых, наиболее здоровых, словом, наиболее революционных идей и понятий в соответствующем слое общества» [1], т. е. пролетариата. Плеханов подчеркивал, что «социализм — как он выразился в сочинениях Маркса и Энгельса — представляет собою самое могучее духовное оружие в борьбе со всевозможными эксплуататорами народа» [2]; Плеханов указывал, что в распространении марксизма в России и состоит цель организованной им группы.

В книге «Наши разногласия» Плеханов показал наличие пропасти между реакционными взглядами мелкобуржуазного крестьянского социализма и научным социализмом Маркса и Энгельса. С другой стороны, он указал на различие между учением великих русских просветителей и пошлыми реакционными идеями народников.

Плеханов раскрыл реакционную сущность анархизма Бакунина и бланкизма Ткачева. Он подверг уничтожающей критике их веру в «особые устои» русской народной жизни; отрицание ими возможности развития капитализма в России, идеализации русского крестьянина как «коммуниста по инстинкту».

Он подверг жестокой критике социально-экономические основы народничества, реакционно-утопический взгляд народников на возможность перехода России к социализму не через диктатуру пролетариата, а через крестьянскую общину, которую народники считали зародышем и базой социализма.

Народники основывали свой социализм на отсталых формах сельского хозяйства. Они боялись развития крупной капиталистической промышленности, усматривая в этом гибель мелкого крестьянского хозяйства. Они, по выражению Плеханова, приходили «к тому поразительному выводу, что экономическая отсталость России является надежнейшим союзником революции» [3]. Плеханов показал реакционность этих представлений. Он указал, что наоборот, только в росте пролетариата, как следствие развития капитализма, в классовой борьбе пролетариата против самодержавия и буржуазии заключено будущее русского революционного движения. Плеханов подверг уничтожающей критике заговорщическую тактику «Народной Воли». Он показал, что заговорщичество «не считается с историей, не стремится понять ее законы и направить сообразно с ним свою революционную деятельность; оно просто заменяет историческое развитие своей

---

[1] Г. В. Плеханов. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. Госполитиздат 1948 г., стр. 91.

[2] Там же, стр. 91.

[3] Там же, стр. 108.

конспираторской сноровкой»[1]. Плеханов вскрыл непонимание народниками характера предстоящей в России революции. Народники в соответствии с их теорией утопического крестьянского социализма считали, что Россия стоит непосредственно перед крестьянской социалистической революцией. Плеханов показал, что Россия стоит перед буржуазно-демократической революцией.

На опыте прошлой истории русского революционного движения Плеханов разъяснил, что его слабость состояла в непонимании связи социализма и политической борьбы. Опираясь на учение Маркса и Энгельса, Плеханов указал, что рост рабочего движения в России создает условия для слияния социализма с классовой борьбой русского пролетариата.

На большом фактическом материале о процессах развития капитализма; роста фабрик и заводов и численности пролетариата; разложении крестьянской общины; разложении кустарных промыслов, и мелкого производства он доказал, что Россия уже вступила на путь капиталистического развития, что нет такой силы, которая могла бы ее с этого пути свернуть.

«Плеханов разбил и второй основной ошибочный взгляд народников — отрицание ими передовой роли пролетариата в революционной борьбе. Народники рассматривали появление пролетариата в России как своего рода «историческое несчастье», писали о «язве пролетариатства». Плеханов, защищая учение марксизма и его полную применимость в России, доказывал, что «несмотря на количественное преобладание крестьянства и сравнительную малочисленность пролетариата, именно на пролетариат, — на его рост должны революционеры возложить свои главные надежды»[2].

Плеханов подверг марксистскому анализу социально-экономические процессы в крестьянской общине. Он показал, что община разлагается, что растет неравенство ее членов.

В заключение Плеханов изложил важнейшие программные положения первых русских марксистов и подчеркнул, что:

«Возможно более скорое образование рабочей партии есть единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий современной России. На этой дороге нас ждут успех и победа, все же другие пути ведут лишь к поражению и бессилию»[3].

Первые марксистские труды Г. В. Плеханова, особенно работа «Наши разногласия», положили начало идейному разгрому народников, подорвали их влияние в среде русской революционной интеллигенции, способствовали распространению марксизма и расчищали путь к созданию в России социал-демократической

---

[1] Г. В. Плеханов. Социализм и политическая борьба, Наши разногласия, стр. 100.

[2] История ВКП(б), Краткий курс, стр. 14.

[3] Г. В. Плеханов. Социализм и политическая борьба, Наши разногласия, 1948, стр. 393.

рабочей партии. Книга Плеханова «Наши разногласия» вызвала живой отклик среди русских революционеров в России и за границей.

Первая марксистская группа в Петербурге — группа Благоева, отмечая идейный разброд в среде русских революционеров в начале 80-х гг., указывала на книгу Плеханова «Наши разногласия» как на необходимое действенное средство, «которое бы способствовало прочищению тумана в головах». «Если возможно будет, — просили они, — посылайте этой брошюры побольше, чтобы можно было разослать по России» [1].

Петербургская народническая группа со своей стороны сообщала в редакцию «Вестник Народной Воли» 8(20) апреля 1885 г.: «Здесь получилась статья Плеханова «Наши разногласия» и произвела сильное впечатление. Конечно, почти все (кроме русских социал-демократов) восстают против способа выражения, но против сути дела мало кто имеет силы спорить с Плехановым» [2].

Высокая оценка первых произведений Г. В. Плеханова дана в Истории ВКП(б) (Кратком курсе):

«Борясь против народников и разоблачая их, Плеханов написал ряд марксистских работ, на которых учились и воспитывались марксисты в России. Такие работы Плеханова, как «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», расчистили почву для победы марксизма в России» [3].

Появление первых марксистских произведений Плеханова «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» дали толчок к глубокому изучению марксизма, привели к расколу в студенческих революционных кружках, обострили борьбу среди радикальной интеллигенции и способствовали рождению марксистских кружков во многих местах России.

«Литературные произведения этой группы, — писал Ленин, — печатавшиеся без цензуры за границей, стали впервые излагать систематически и со всеми практическими выводами идеи марксизма, которые, как показал опыт всего мира, одни только выражают правильно сущность рабочего движения и его задачи» [4]. Историческую заслугу группы «Освобождение труда» Ленин видел в том, что она явилась основателем социал-демократии в России» [5].

Деятельность первой русской марксистской группы высоко была оценена Энгельсом. Группа «Освобождение труда» образовалась через несколько месяцев после смерти К. Маркса. О своем

---

[1] Сборник «Группа Освобождение Труда», т. 6, стр. 131—132.
[2] Литературное наследие Г. В. Плеханова, т. VIII, стр. 31—32.
[3] История ВКП(б), Краткий курс, стр. 13—14.
[4] В. И. Ленин. Соч., т. 20, изд. 4, стр. 225.
[5] Там же.

образовании ее члены немедленно сообщили великому соратнику и другу К. Маркса — Ф. Энгельсу.

«...Посылаю Вам наше объявление [1], которое разъяснит Вам, какие цели ставит перед собой наша группа...[2] — писала В. И. Засулич Ф. Энгельсу в ноябре 1883 г. Сообщая тут же о посылке ему переводов его работы «Развитие социализма от утопии к науке» и работы К. Маркса «Наемный труд и капитал».

В. И. Засулич запрашивала Энгельса об его отношении к проекту перевода группой на русский язык второго тома «Капитала» Маркса.

Эти известия первых русский марксистов очень обрадовали Энгельса. Особенно радовали его сообщения членов группы «Освобождение труда» о нарастании интереса к марксизму среди русской революционной молодежи. Энгельс придавал этому огромное значение.

В ответ на просьбу В. И. Засулич разрешить группе «Освобождение труда» перевести на русский язык «Нищету философии» и другие произведения марксизма, Энгельс в ответном письме от 6 марта 1885 г. замечает, что на русский язык уже переведены почти все основные труды Маркса и его — Энгельса — вышедшие к тому времени в свет [3].

«То, что Вы мне сообщаете о росте в России интереса к изучению книг по истории социализма, доставило мне большое удовольствие. Теоретическая и критическая мысль, почти совершенно исчезнувшая из наших немецких школ, повидимому, нашла себе убежище в России» [4], — так писал Энгельс членам группы в ответ на письмо о первых успехах их начинаний.

Энгельс высоко ценил деятельность группы «Освобождение труда» по распространению марксизма в России и начатую Плехановым решительную борьбу с реакционными идеями народничества. Он придавал также большое значение книге Г. В. Плеханова «Наши разногласия».

В письме В. И. Засулич от 23 апреля 1895 года, объясняя медленное чтение «Наших разногласий» плохим знанием русского языка, Энгельс писал:

«Но и того немногого, что я прочел в этой книге, достаточно, как мне кажется, чтобы более или менее ввести меня в курс разногласий, о которых идет речь.

Прежде всего, повторяю, я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. Сам Маркс

---

[1] Объявление об издательстве «Библиотеки современного социализма».

[2] Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, М.—Л., 1947, стр. 243.

[3] Там же, стр. 240—247.

[4] Там же, стр. 246.

был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России» [1].

Среди политических произведений группы «Освобождение труда» важное место занимают два проекта программы русских социал-демократов (1884 и 1887 гг.).

Первый проект был опубликован в июле 1884 г. Это была первая программа, которая ставила своей целью подготовку «Организации русской рабочей социалистической партии» [2]. Программа указывала на необходимость завоевания рабочим классом политической власти. Она ставила перед рабочим классом задачу экспроприации и «перехода в коллективную собственность трудящихся всех средств и продуктов производства» [3] «...причем предпосылкой для этого перехода является «современное развитие техники в цивилизованных обществах, которое не только дает *материальную возможность* такой организации, но и делает ее *необходимою и неизбежною*» [4]. Такая революция «в корне меняет общественные отношения внутри государства и международные отношения, она ведет к уничтожению самих классов..., «делает излишними» все те общественные органы, которые развились в многовековой период этой борьбы за существование, в качестве ее орудий» [5].

Второй проект программы (1887) по сравнению с первым явился известным шагом вперед.

В. И. Ленин указывал, что «в этом проекте точно указан тот класс, который один только может быть в России (как и в других странах) самостоятельным борцом за социализм — рабочий класс или «промышленный пролетариат»,— указана та цель, которую должен ставить себе этот класс — «переход всех средств и предметов производства в общественную собственность», «устранение товарного производства» и «замена его новой системой общественного производства»—«коммунистическая революция»,— указано «неизбежное предварительное условие» «переустройства общественных отношений», «захват рабочим классом политической власти»; указана международная солидарность пролетариата и необходимость «элемента разнообразия в программах социал-демократов различных государств сообразно общественным условиям каждого из них в отдельности»; — указана особенность России, «где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства»; указана связь русского революционного движения с процессом создания (силами развивающегося капитализма) «но-

---

[1] Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, Л., 1947, стр. 250.

[2] Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сборник VIII, стр. 49.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

вого класса промышленного пролетариата — более восприимчивого, подвижного и развитого»,— указана необходимость образования «революционной рабочей партии» и ее «первая политическая задача» — «низвержение абсолютизма»; — указаны «средства политической борьбы» и выставлены ее основные требования» [1].

Проект программы явился важным шагом вперед для подготовки создания в России марксистской социал-демократической партии.

Борьба Г. В. Плеханова с народничеством за создание социал-демократической рабочей партии в России имела громадное значение.

Однако, борясь против народников, Плеханов не сумел вскрыть экономического и исторического содержания народничества, его классовой сущности.

Это впервые было сделано В. И. Лениным.

«Литературные произведения Плеханова, его борьба с народниками основательно подорвали влияние народников среди революционной интеллигенции. Но идейный разгром народничества далеко еще не был завершен. Эта задача — добить народничество, как врага марксизма — выпала на долю Ленина» [2].

Группа «Освобождение труда», как указал товарищ Сталин, имела уже тогда серьезные ошибки, содержащиеся в проектах программы группы: признание тактики индивидуального террора, переоценка роли интеллигенции и др., которые явились пережитками народнических взглядов. Далее Плеханов не учитывал возможность пролетарского руководства крестьянством в ходе революции, не учитывал, «что только в союзе с крестьянством пролетариат сможет одержать победу над царизмом» [3]. Плеханов, как известно, считал, что либеральная буржуазия может оказать поддержку революции, хотя бы и непрочную, в то время, как крестьянство он совсем сбрасывал со счетов. Плеханов заявлял, что «кроме буржуазии и пролетариата мы не видим других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные или революционные комбинации» [4]. Эти ошибочные взгляды Плеханова были зародышем его будущих меньшевистских взглядов.

В истории марксизма Плеханов занимает видное место, как преемник и продолжатель освободительных традиций предшественников русских марксистов: Белинского, Герцена, Добролюбова, Чернышевского. Под влиянием этих великих революционных демократов формировалось мировоззрение Плеханова. «Мое собственное умственное развитие совершилось под огромным

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 4, стр. 211—212.
[2] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 16.
[3] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 17.
[4] Там же, стр. 17.

влиянием Чернышевского. Разбор его взглядов был целым событием в моей жизни» [1], — писал Плеханов.

Г. В. Плеханов является одним из выдающихся представителей великого русского народа и его культуры. В своих работах он осветил много проблем различных областей знания, проявив себя как крупный ученый.

В идейном разгроме народничества, возникновения и упрочения марксизма в России, особо важную роль сыграло знаменитое философское произведение Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», на котором воспиталось целое поколение русских марксистов» [2].

Наряду с изложением основ марксистской философии, в этой книге дана глубокая критика реакционной народнической теории о «героях» и «толпе», и блестящее изложение марксистских взглядов о закономерностях общественного развития. Материалистическому пониманию истории Плеханов посвятил ряд специальных работ, в которых убедительно показал, что «только Марксизм сумел применить материализм к объяснению исторического движения человечества, и потому с Маркса и начинается новая эпоха в развитии общественной науки» [3].

Опираясь на учение Маркса и Энгельса, Плеханов показал, что развитие общества определяется в конечном счете не пожеланием «критически мыслящей личности», а развитием материальных условий существования общества, развитием способов производства материальных благ, их изменением, изменениями взаимоотношений классов в области производства материальных благ.

В своих первых марксистских работах Плеханов, борясь против идеалистических схем развития истории, противопоставляет ей новый материалистический взгляд на историческую науку. Опираясь на учение Маркса и Энгельса и продолжая освободительную традицию своих предшественников, он выдвигает роль народных масс, как движущую силу истории.

В своей ранней статье «Огюстен Тьерри», Плеханов пишет: «Старая школа уделяла слишком много внимания генеалогии королей. Она не оставляла никакой самодеятельности людских масс». Указывая, что эта манера писать историю принадлежит монахам средневековья, Плеханов заключает: «Но этот способ является недостойным современных историков. То, что нам нужно в настоящее время, это настоящая история страны, история народа, история граждан... Таким образом, народ, вся нация должна быть героем истории» [4]. Вместе с тем Плеханов подвергал резкой критике всякие реакционные расистские теории. Плеханов дал замечательную критику французских историков времен ре-

---

[1] Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 389.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 16, изд. 4, стр. 243.
[3] Г. В. Плеханов. Соч., т. VI, стр. 311.
[4] Г. В. Плеханов. Соч., т. VIII, стр. 11.

ставрации: Гизо, Тьерри, Минье. Он был одним из первых в русской историографии, кто указал на ограниченность этих представителей в французской историографии, на отсутствие диалектического подхода к историческим явлениям, на непонимание закономерности в развитии человеческого общества. Плеханов подверг суровой критике идеалистические взгляды Сисмонди и многих других западно-европейских историков, философов, экономистов.

Значительны также заслуги Плеханова в популяризации основ диалектического и исторического материализма, в разработке проблем марксистской эстетики, русской классической философии, хотя уже в этот период в работах Плеханова имелись крупные недостатки.

В его трудах 80—90-х гг. марксистский исторический материализм получил блестящую защиту в книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895 г.) «Очерки по истории материализма» (1896 г). «К вопросу о роли личности в истории» (1898 г.) и др.

Плеханов подверг уничтожающей критике идеалистические взгляды историков, которые ставили исторический процесс в зависимость от случайных явлений и сводили весь исторический процесс к действиям королей и полководцев.

Блестяще развивая марксистские взгляды о закономерности исторического процесса, Плеханов доказывал, что признание исторической необходимости вовсе не означает фатализма, признания бездеятельности людей, как это пытались представить народники. Опровергая клевету народников о том, будто марксисты отрицают роль личностей в истории, он показал, что, наоборот, только марксизм первый вскрыл действительную роль великих личностей в истории, которую он признает значительной. «Великий человек является... начинателем, потому, что он видит *дальше* других и хочет *сильнее* других. Он решает научные задачи, поставленные на очередь предыдущим ходом умственного развития общества;... он берет на себя почин удовлетворения этих нужд» [1].

Плеханов показал величие марксовой теории исторического материализма. «Сторонники научного социализма,— писал он,— имеют стройную и последовательную программу, глубочайшую основу которой составляет материалистическое понимание истории» [2].

Наряду с критикой субъективной социологии народников Плеханов подверг критике вульгарную «теорию факторов».

«С точки зрения теории факторов, — писал он, — человеческое общество представляется тяжелою кладью, которую различные «силы» — мораль, право, экономика и т. д. и т. д. тащат каждая с своей стороны по историческому пути.

---

[1] Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 305.

[2] Г. В. Плеханов. Против философского ревизионизма. Сборник статей, 1935, стр. 117.

С точки зрения современного материалистического понимания истории дело принимает совсем другой вид. Исторические «факторы» оказываются простыми абстракциями ...Становится ясно, что люди делают не несколько отдельных одна от другой историй — историю права, историю морали, философии и т. д.,— а одну только историю своих собственных общественных отношений, обусловливаемых состоянием производительных сил в каждое данное время [1].

Плеханов вскрыл идеалистическую сущность «теории факторов». Но уже в этот период Плеханов допускал в решении вопросов истории и философии серьезные ошибки.

Плеханов полностью не раскрыл подлинного значения развития производительных сил как внутреннего источника движения общества, роли классовой борьбы в развитии производительных сил. Он переоценил значение географической среды.

Плеханов недооценил величайшее мобилизующее, организующее и преобразующее значение новых революционных идей в развитии общества.

Серьезными ошибками страдает изложение Плехановым исторической подготовки марксизма. Плеханов явно переоценивает роль философских предшественников Маркса, недостаточно подчеркивает критический и революционный дух марксистской философии. В плехановских работах недостаточно подчеркнуто коренное качественное отличие марксистской философии от предшествующих им прогрессивных философских и социологических систем. «Плеханов не сумел отчетливо провести принципиальное различие между диалектическим материализмом и старым домарксовым материализмом» [2]. Плеханов много писал об исторической подготовке марксизма, но возникновение марксизма, как подлинный революционный переворот в философии не был глубоко исследован и оценен Плехановым. Это впервые сделал и В. И. Ленин и И. В. Сталин.

Касаясь философских трудов Плеханова, В. И. Ленин отмечал неправильное освещение в них вопросов марксистской диалектики. Он указал, что Плеханов обратил недостаточно внимания на суть, ядро диалектики — раздвоение единого и познание противоречивых частей его, что у него «тождество противоположностей берется как сумма *примеров*,... а не как *закон познания* (и закон объективного мира)» [3].

Плеханов не обратил внимания на то, что «диалектика *и есть* теория познания... марксизма; вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а суть дела) не обратил внимания Плеханов» [4]. На недооценку диалектики как теории познания марксизма, на подмену диалектики софистикой при обосновании

---

[1] Г. В. Плеханов. Соч., т. VIII. стр. 270.
[2] Из истории русской философии. 1949, стр. 714.
[3] Ленинский сборник, XII, стр. 323.
[4] Ленинский сборник, XII, стр. 325.

своих меньшевистских взглядов, Ленин указывал впоследствии неоднократно.

Важнейшим недостатком в изложении Плехановым проблем исторического материализма является игнорирование им вопроса о сущности государства, об отношении пролетарской революции к государству. Плеханов не дал конкретного изложения учения Маркса об уничтожении буржуазного государства и установлении пролетарского государства, диктатуры пролетариата. Отсутствие четкой постановки вопроса о диктатуре пролетариата является крупнейшим недостатком его произведений даже в лучший период его деятельности (1883—1903 гг.). В книге «Социализм и политическая борьба» он подменяет понятие диктатуры пролетариата лассальянской идеей «прямого народного представительства». Эти ошибки он допускал и в последующих трудах.

«Плеханов,— писал Ленин в своей книге «Государство и революция»,— посвятил вопросу об отношении анархизма к социализму особую брошюру: «Анархизм и социализм», которая вышла по-немецки в 1894 году.

Плеханов ухитрился трактовать эту тему, совершенно обойдя самое актуальное, злободневное и политически наиболее существенное в борьбе против анархизма, именно отношение революций к государству и вопрос о государстве вообще. В его брошюре выделяются две части: одна — историческо-литературная, с ценным материалом по истории идей Штирнера, Прудона и пр. Другая часть: филистерская, с аляповатым рассуждением на тему о том, что анархиста не отличишь от бандита...

Но говорить об «анархизме и социализме», обходя весь вопрос о государстве, *не замечая* всего развития марксизма до и после Коммуны, это значило неминуемо скатываться к оппортунизму» [1]. В известной работе Плеханова «О роли личности в истории», сыгравшей наряду с другими работами большую роль в борьбе с народнической теорией «активных героев и пассивной толпы» до конца не была раскрыта роль народных масс в истории.

Плеханов сыграл большую роль в разработке и освещении истории передовой русской культуры, русской философии. В его произведениях 1883—1903 гг. «Н. Г. Чернышевский», «В. Г. Белинский», «В. Белинский и В. Майков», «Философские взгляды А. И. Герцена» и др. Плеханов один из первых указал на исключительную роль великих русских мыслителей, революционеров-демократов в идейно-политическом развитии России.

Он решительно выступил против дворянской и буржуазно-либеральной историографии, замалчивавших и фальсифицировавших революционно-демократические и материалистические идеи великих революционеров-демократов.

Плеханов — один из первых марксистских историков русской

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 25, изд. 4, стр. 447.

философии. В его книге «О Чернышевском» (1894 г.) дана высокая оценка идейного наследия великого предшественника русской социал-демократии и верная критика его утопических взглядов. Однако Плеханов недооценил великое историческое место русской философской мысли в развитии мировой культуры. От него шла глубоко ошибочная оценка великих русских мыслителей Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова как верных учеников западно-европейских мыслителей, что вело к умалению самостоятельности истории развития русской революционной и философской мысли.

Плеханов и его группа почти ничего не сделали для научной разработки особенностей развития русского капитализма. Они не понимали своеобразия нарастающей буржуазно-демократической революции в России, как пролога революции пролетарской. Они не поняли наступавшую новую эпоху — эпоху империализма.

Плеханов не понял необходимости партии нового типа. Ненаучный взгляд Плеханова и его группы на Россию, на русское рабочее движение, как на младшую сестру западно-европейских стран, мешало им понять великую историческую миссию, выпавшую на долю России, русского рабочего класса, которому суждено было стать авангардом международного революционного движения пролетариата.

§ 5. Появление первых марксистских групп и кружков в центральной России

Одновременно с возникновением за границей первой русской марксистской группы «Освобождение труда» и независимо от нее стали появляться первые марксистские кружки и группы. В декабре 1883 года возникла первая марксистская организация в г. Петербурге. Организация эта известна под названием «Группы Благоева», по имени организатора этой группы Дмитрия Николаевича Благоева (1855—1924), известного впоследствии деятеля коммунистического рабочего движения, основателя и вождя коммунистической партии Болгарии. Группа сложилась из остатков чернопередельческой группы в Петербурге и новых представителей молодежи, не бывших ранее народниками (Д. Н. Благоев). В своих воспоминаниях Д. Н. Благоев так рассказывает о своем повороте к марксизму.

«Будучи студентом Петербургского университета, я познакомился со многими чернопередельцами, а после 1-го марта 1881 г. и со многими народовольцами, уцелевшими после разгрома. Споры на собраниях и сходках, чтение общей литературы по общественным вопросам и специального по революционному движению убедило меня, что ни народовольство, ни народничество, во всех его разновидностях, не могут научно быть доказаны... тогда я обратился к изучению «Капитала» К. Маркса и сочинениям

Лассаля. Целый 1883 г. я употребил на штудирование нового мировоззрения» [1].

«Группа Благоева», известная еще под названием «Партия русских социал-демократов», состояла преимущественно из студентов и лиц недавно окончивших высшие учебные заведения Петербурга: Петербургский Университет, Технологический и Лесной Институты.

Группа Благоева развернула среди рабочих Петербурга большую работу. Она имела в 5-ти районах Петербурга (на Выборгской стороне, Васильевском острове, Невской заставе и др.) 14 рабочих кружков, главным образом среди заводских рабочих, в которых состояло 100—150 человек. Деятельность группы среди рабочих принципиально отличалась от прежней социалистической пропаганды 70-х гг. Прежде всего группа, назвав себя социал-демократической группой, тем самым указала на новое содержание революционной деятельности, она связывала эту деятельность с классовой борьбой пролетариата. Наряду с этим благоевцы ставили себе задачей «образование местных провинциальных групп».

Группа связалась с революционными кружками Москвы, Харькова, Казани, Минска и других городов, из которых вербовала единомышленников.

Первоначальные взгляды петербургской группы, по словам ее организатора Д. Благоева, «...представляли смесь научного социализма с лассальянством и, если хотите, и лавризма» [2]. Группа выработала проект программы, в которой признавалась неизбежность капиталистического развития России, необходимость организации рабочего класса, выделения его в самостоятельную политическую партию, конечной целью которой является преобразование общества на социалистических началах. Предварительным условием борьбы за социализм группа считала завоевание в России политических свобод.

В программе указывалось, что переход к социалистическому строю возможен только через крупное капиталистическое производство, и что уничтожение классов произойдет в результате развития классовой борьбы. Идея диктатуры пролетариата в программе отсутствует. На составление программы повлияли также идеи Лассаля, которым Благоев и группа в этот период (1884 г.) еще отдавали некоторую дань.

Благоевцы не понимали учения Маркса о переходном периоде от капитализма к социализму, которому соответствует государство диктатуры пролетариата. Переход к социализму они понимали по Лассалю, т. е. посредством создания рабочих ассоциаций, субсидируемых «народным государством». Учение о госу-

---

[1] Д. Благоев. «Мои воспоминания», 1928, стр. 44.

[2] Там же, стр. 42.

дарстве и революции наиболее слабое место в программах первых марксистских групп и кружков 80-х гг.

Государство благоевцы понимали идеалистически. По их мнению государство это не политическая организация экономически господствующего класса не «...машина для поддержания господства одного класса над другим» (Ленин), для них «государственный строй в той или другой форме всегда является воплощением известного нравственного принципа» [1], совсем в духе П. Лаврова. В духе Лаврова трактуются также идеи о критически мыслящих личностях, о первенствующей роли знаний и т. д., особенно ярко выраженных в статье во втором номере газеты группы «Рабочий» видным деятелем группы П. А. Латышевым под названием «Знание и критика».

Указывая на решающее значение народных масс в революции, благоевцы вместе с тем не отвергали ошибочную, вредную теорию народников об «активных героях» и «пассивной толпе». Отсутствие решительного осуждения народничества является слабым местом программных документов группы Благоева. Однако, Благоеву приходилось вести острые теоретические споры с бывшими народниками «чернопередельцами», членами его группы Латышевым, Благословским и др.

Большое влияние на группу Благоева оказал Г. В. Плеханов и его книга «Социализм и политическая борьба». «Независимо от ее социалистического содержания,— пишет Благоев,— в котором мы нашли подтверждение нашим взглядам, из нее мы узнали еще, что в Женеве существует группа «Освобождение труда»... Для нашей группы, естественно, это было целым событием. Группа немедленно собралась и прочитав брошюру... решила немедленно связаться с женевской группой, послав ей и программу нашей группы» [2]. Группа Благоева стала идейно сближаться с группой «Освобождение труда».

В 1885 г. группа Благоева установила связь с плехановской группой «Освобождение труда»

Ознакомившись с работой Плеханова «Социализм и политическая борьба», а затем и с книгой «Наши разногласия», группа Благоева приняла критику Плехановым проекта программы группы и, отказавшись впоследствии от нее, приняла программу группы «Освобождение труда». Несмотря на слабые стороны, группа Благоева явилась первой революционной организацией, поднявшей знамя пролетарского революционного движения среди петербургских рабочих.

«Группа Благоева» и другие марксистские организации 80-х гг. отражали переходный характер русского революционного движения этой эпохи.

«Нигде в мире,— указывал Ленин,— пролетарское движение

---

[1] «Былое» № 18. 1918 г. «Проект программы русских социал-демократов», стр. 50.

[2] Д. Благоев. Мои воспоминания. М.-Л., 1928, стр. 43.

не рождалось и не могло родиться «сразу» в чистом классовом виде... Лишь долгой борьбой и тяжелым трудом самих передовых рабочих, всех сознательных рабочих давалось выделение и упрочение пролетарского классового движения из всяческих мелкобуржуазных примесей, ограничений, узостей, извращений» [1].

В 1885 г. часть членов группы была арестована, Д. Благоев был выслан в Болгарию, на родину. В 1887 году группа была разгромлена.

За три года своего осуществования (1884—1887) благоевская группа проделала немалую положительную работу, организовала ряд рабочих кружков, в которых начала пропаганду идей марксизма, идеи создания самостоятельной политической организации рабочего класса. Она пыталась образовать марксистские кружки не только в Петербурге, но и в провинции, наладив распространение марксистской литературы. Она организовала подпольную типографию, выпускала нелегальную газету «Рабочий», в которой пропагандировала идею создания социал-демократической рабочей партии. Это была первая попытка создания в России социал-демократической печати. «За 12 лет,— писал В. И. Ленин,— с 1883 по 1895 г., едва ли не единственной попыткой создать с.-д. рабочую печать в России было издание в Петербурге в 1885 году с.-д. газеты «Рабочий», конечно, без цензуры, но этой газеты вышло только 2 номера. Отсутствие массового рабочего движения не давало возможности широко развиться рабочей печати» [2].

Тем самым благоевская группа, как первая марксистская группа, возникшая в Петербурге, сыграла известную роль в борьбе за создание рабочей партии в России.

Исторические заслуги Благоева особенно значительны в деле укрепления связей между русским и болгарским революционным рабочим движением. Известный деятель коммунистического движения В. Коларов вспоминает, что к революционному движению в России Благоев в течение всей своей жизни питал сильную привязанность и глубоко в него верил. Он был убежден, что революция придет с Востока [3].

Параллельно с группой Благоева в 1885—1886 гг. существовала в Петербурге другая марксистская группа, известная под именем «Группы Точисского». Организатор этой группы П. Л. Точисский — рабочий, выходец из дворян, создал тайное «общество содействия поднятию материального, интеллектуального и морального уровня рабочих». Эта группа еще называлась «Товарищество санкт-петербургских мастеровых». В 1885 году Точисский был уже знаком с «Манифестом Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, с работой «Наши разногласия» Г. В. Плеханова. Общество было организовано в 1885 году.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, изд. 4, стр. 230.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 20, изд. 4, стр. 225.
«Коммунистический Интернационал», № 3—4, 1924, стр. 488—495.

П. Точисский сам вел пропаганду среди рабочих за Невской заставой и на заводе Берга, где он сам работал слесарем.

В идейном отношении «Группа Точисского» пошла в некоторых вопросах дальше «Группы Благоева». Точисский объявил себя открыто самым решительным противником тактики индивидуального террора и подчеркивал решающее значение народных масс в революционном движении. Считая пролетариат единственно революционным классом, он настаивал на концентрации всех сил для работы среди рабочих в целях создания пролетарской организации.

В уставе, выработанном Точисским осенью 1885 года и утвержденном группой в конце 1886 года, говорилось о необходимости устройства касс взаимопомощи, организации стачек и коллективных протестов против отдельных лиц и распоряжений заводоуправления. Созданная Точисским группа делилась на две части: интеллигентскую и рабочую. В руках последней сконцентрировалась основная идейно-политическая и организационная работа. Интеллигенция здесь выполняла чисто технические функции, что объясняется недоверчивым, отрицательным отношением к ней.

Группа не имела сформулированной социал-демократической программы. Ее организаторы сеяли враждебное отношение среди рабочих к революционной интеллигенции, считая последнюю идеологом буржуазии, и культивировали разделение организации на интеллигентскую и рабочую.

Такой взгляд на революционную интеллигенцию враждебен марксизму.

«Пролетариат,— указывал Ленин,— не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но и берет себе также сторонников из числа всех и всяких образованных людей» [1].

Несмотря на эти серьезные ошибки группы, ее деятельность по пропаганде идей марксизма среди передовых рабочих Петербурга дала известные положительные результаты. Группа значительно расширила пропаганду марксизма среди петербургских рабочих. Она установила связь с группой Благоева, а также с рабочими кружками других мест (Колпино), сделала попытку хотя и неудачную организовать «Товарищество рабочих» в Москве. Группа Точисского вела революционную пропаганду среди женщин-работниц, а также среди солдат. Она имела свою библиотеку, ссудо-сберегательную кассу и наладила связь со многими передовыми рабочими Петербурга. Из ее рядов вышли многие выдающиеся рабочие-пропагандисты (Е. А. Климанов, В. А. Шелгунов и др.), положившие основание более зрелой социал-демократической группы, известной в истории под названием «группы Бруснева».

Возникшая осенью 1889 года «Брусневская организация» (по

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 6, изд. 4, стр. 176.

имени одного из ее организаторов инженера Михаила Ивановича Бруснева) сложилась в результате объединения студенческих марксистских кружков Петербурга, среди которых преобладающую роль играли студенты-технологи. Некоторые участники привлекли в новую организацию ряд рабочих кружков, в том числе остатки рабочей части кружка Точисского. Организация ставила своей прямой целью как непосредственную пропаганду среди рабочих, так и выработку новых кадров пропагандистов.

В кружки входили самые передовые рабочие Петербурга (кузнец С. А. Афанасьев, токарь Балтийского завода В. Фомин, токарь мастерских Варшавской ж. д. Г. А. Мефодиев и др.).

Наряду с пропагандистской работой в кружках, «брусневцы» устраивали агитационные собрания под видом вечеринок с целью объединения рабочих из разных кружков, а также вербовки новых членов.

Брусневская организация сделала первые шаги навстречу рабочему движению. Она пыталась отозваться на стачечное движение рабочих Петербурга.

В связи со стачкой на «Новом адмиралтействе», организация выпустила прокламацию к рабочим, в которой были выставлены не только местные экономические требования, но и общеполитические. Вместе с тем брусневцы организовали сбор средств для помощи бастовавшим рабочим [1].

Брусневцы организовали первые демонстрации с участием рабочих. 27 (15) апреля 1891 года на похоронах последователя Чернышевского, известного публициста-демократа Н. В. Шелгунова, шло более ста рабочих с венком, на котором рабочими агитаторами были напечатаны золотыми буквами слова: «Н. В. Шелгунову, указателю пути к свободе и братству от петербургских рабочих». Брусневцы открывали похоронное шествие. Это было первое публичное выступление русских рабочих социал-демократов [1].

К началу 90-х годов произошло организационное объединение рабочих кружков Петербурга; был образован центральный кружок, в который вошли самые передовые рабочие социал-демократы: Н. Д. Богданов, Е. А. Афанасьев, Федор Афанасьев, Г. Мефодиев, Петр Еврагов и др.

К весне 1890 года брусневская организация объединяла до 20 рабочих кружков, по 6—7 рабочих в каждом. Кружки имелись почти во всех районах Петербурга.

Наряду с этим возникают новые марксистские кружки. Весной 1890 года организуется кружок под руководством студента-технолога Р. Э. Классона. В состав кружка входили С. И. Радченко, Н. К. Крупская, О. Григорьева. В кружке изучали первый том «Капитала» Маркса.

---

[1] От группы Благоева к «Союзу Борьбы», Ростов н/Дону, 1921, стр. 12, 13.

К осени 1890 года брусневская организация окончательно сложилась. Кружки, разбросанные по всему городу, были связаны и организованы в общество с центральным комитетом во главе. Кружки были двоякого типа — повышенного и пониженного. В кружках высшего разряда готовились руководители для кружков низшего разряда. Программа кружков высшего разряда была очень обширной. Руководители этих кружков (М. И. Бруснев, В. Ф. Цивинский, Л. Б. Красин ставили своей целью: выработать из участников рабочих кружков вполне развитых и сознательных социал-демократов, которые во всем могли бы заменить пропагандистов-интеллигентов.

17 (5) в Петербурге под руководством брусневской организации впервые состоялась первая маевка в России. В первое майское воскресенье за Путиловским заводом на взморье собралось 70—80 человек, почти исключительно рабочих. С речами выступали рабочие социал-демократы Н. Д. Богданов, Федор Афанасьев и др.

Эти первые демонстрации В. И. Ленин считает важной вехой в истории русского рабочего движения.

«1891 год — участие петербургских рабочих в демонстрации на похоронах Шелгунова, политические речи на петербургской маевке. Перед нами, — пишет Ленин, — социал-демократическая демонстрация передовиков-рабочих при отсутствии массового движения» [1]. Брусневская организация связалась с Москвой и некоторыми другими городами России, содействуя оформлению там социал-демократических кружков и групп.

Весной 1892 года петербургские передовые рабочие живо откликнулись на грандиозную первомайскую стачку польского пролетариата в Лодзи. Брусневская организация послала «Открытое письмо к польским рабочим», в котором говорились вдохновенные слова: «Вы так славно праздновали 1 мая. Вы открыто вступили в ряды этой всемирной армии социал-демократической, которая на рубеже нового столетия видит зарю нового общественного строя, где все люди, все народы будут братьями... Соединимтесь же, пролетарии всех стран, а скоро уже наступит последний час наших врагов и заблестит солнце социалистического строя» [2]. В идейном отношении группа Бруснева стояла на позиции группы «Освобождение труда». Но среди брусневцев мы находим людей еще окончательно не порвавших с народничеством (М. Ольминский и др.), а также сторонников «легального марксизма».

Марксистская «группа Бруснева» — наиболее крупная организация, «утробного периода» русской социал-демократии — не выработала своей программы, что следует объяснить всеобщим

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 8, изд. 4, стр. 118.

[2] Хроника революционного рабочего движения в Петербурге, т. 1, 1940, стр. 164.

признанием марксистскими кружками 80-х годов программы плехановской группы «Освобождение труда».

«Группа Бруснева», как и все марксистские группы и кружки 80-х — начала 90-х годов, разделяла в основном те же взгляды и вместе с тем те же ошибки и недостатки, что и группа «Освобождение труда».

Попытки противопоставления марксистских групп и кружков в России плехановской группе «Освобождение труда» лишены основания, поскольку первые находились под идейным влиянием последней, игравшей видную роль в истории русского марксизма до ленинского периода.

«Группа Бруснева» провела большую работу по организации рабочих марксистских кружков на крупных предприятиях. В начале 90-х годов марксистская пропаганда велась более чем на двух десятках крупных предприятий. Это был расцвет периода кружковой пропаганды.

Группа Бруснева по своему внутреннему составу была преимущественно рабочей. Группа установила связь с Москвой, Тулой, Варшавой, Лодзью и другими городами [1].

Хотя группа сделала известный шаг вперед навстречу рабочему движению, но это был только первый шаг, как и у других марксистских групп того времени.

Она ограничивалась преимущественно пропагандой в узких кружках очень тонкой прослойки передовых рабочих, не понимая важности и своевременности перехода к массовой политической агитации против царизма и буржуазии.

Марксистские группы в России до В. И. Ленина считали, что рабочая масса еще не доросла до понимания идей политической борьбы, что явилось причиной появления двух тенденций среди тогдашних марксистов: с одной стороны, тенденция ограничить себя впредь, на длительный период, исключительно пропагандой среди узкого круга передовых рабочих для «подготовки элементов» будущей рабочей партии в России.

Эта тенденция исходила от Плеханова, и ее разделяли брусневцы и большинство марксистских групп и кружков в России.

Другая тенденция, зародившаяся вначале в Польше и Литве, а затем в Петербурге и центральной России, состояла в требовании перехода от узких пропагандистских кружков к массовой экономической агитации.

С этими тенденциями, одна из которых вела к сектантству, а другая к реформизму, с самого начала их появления повел борьбу В. И. Ленин.

В 1892 г. брусневская организация была разгромлена.

Несмотря на недостатки брусневской организации, своей славной деятельностью она подготовила почву для возникновения пе-

[1] Состав группы Бруснева, ее деятельность и связь с другими городами выяснена в неопубликованной диссертации А. С. Рословой «Социал-демократическая группа Бруснева».

тербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», созданного В. И. Лениным.

Осенью 1892 года С. И. Радченко, единственный из брусневцев, уцелевший после арестов, кладет основание новой марксистской группе из студентов Технологического института. В этот кружок, которым впоследствии руководил В. И. Ленин, входили В. В. Старков, Г. М. Кржижановский, П. К. Запорожец, Л. Б. Красин, Н. К. Крупская и др [1].

Группа вела пропаганду среди передовых рабочих, но как и все тогдашние марксистские кружки, была оторвана от массового рабочего движения.

Из ранних наиболее важных марксистских кружков 80-х годов наиболее видное место занимает кружок Н. Е. Федосеева в Казани. Идейная борьба между сторонниками старого реакционного народнического лагеря и сторонниками нового революционного марксистского направления быстро достигла городов Поволжья (Казань, Самара, Нижний Новгород), где благодаря высылкам из столиц имелись во второй половине 80-х годов различные активно действующие подпольные революционные кружки, в которых велись оживленные споры по вопросу «о судьбах капитализма в России». Во главе одного из кружков в Казани стоял Николай Евграфович Федосеев — один из самых первых и выдающихся русских марксистов.

Н. Е. Федосеев родился в 1870 году в семье вятского помещика. Еще в гимназические годы он группировал вокруг себя передовую казанскую молодежь. Его квартира служила местом чтения нелегальной литературы и острых идейных споров. 17-ти лет он был исключен из 8-го класса гимназии за «вредное направление» мыслей. Организованный им в 1888 году революционный кружок сразу получил марксистское направление. В кружке Федосеева изучался «Капитал», «Наши разногласия» и другие произведения марксизма. Члены кружка занимались изданиями на гектографе революционной литературы, а также сбором средств для помощи ссыльным [2]. Н. Е. Федосеев — один из пионеров революционного марксизма в России. В Казани было им организовано несколько марксистских кружков в один из которых в 1888 году вступил В. И. Ленин. Н. Е. Федосеев был одним из первых марксистов, начавших решительную борьбу с Михайловским и другими идеологами либерального народничества. Открытая и решительная борьба с народниками, полный идейный и организационный разрыв с ними явился наиболее важным признаком зрелости федосеевского кружка.

Независимо от плехановской группы, Н. Е. Федосеев пришел к идее о необходимости создания в России самостоятельной рабочей партии с последовательно революционной марксистской программой. Написанная Федосеевым работа «Экономические

[1] «Старый большевик», 1933 г., № 2(3), стр. 141, 180.

[2] Красная Летопись. Исторический журнал, 1923, № 7, стр. 293—296.

причины отмены крепостного права», была положительно оценена Лениным и читалась во многих марксистских кружках. Федосеевский центральный кружок имел кассу, библиотеку, пытался организовать подпольную типографию. В марксистском кружке Н. Федосеева принимал участие А. М. Горький. В булочной Деренкова, где работал Горький (в 1887—1888 гг.), устраивались сходки революционной казанской молодежи [1]. Летом 1889 года Федосеев и его товарищи были арестованы. Из тюрьмы Федосеев продолжал оказывать свое влияние на работу марксистских кружков Казани. После выхода из тюрьмы (весна 1892 г.) Федосеев работал во Владимире, где основал социал-демократическую рабочую организацию. Осенью того же года был вновь арестован и выслан на три года в ссылку, где трагически погиб в 1898 году. Ленин высоко ценил революционную деятельность Н. Федосеева.

«...Для Поволжья и для некоторых местностей Центральной России,— писал Ленин в 1922 году,— роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера» [2].

Появление марксистских кружков в Москве начинается с конца 80-х годов.

В студенческих кружках самообразования Московского университета, Петровской сельскохозяйственной академии (ныне Тимирязевской) и в Высшем техническом училище (ныне им. Баумана) велось изучение произведений К. Маркса и Ф. Энгельса.

Одним из первых студенческих кружков, начавшим глубокое изучение марксизма, был кружок студента физико-математического факультета Московского университета Виктора Курнатовского, известного русского марксиста, сподвижника Ленина и Сталина на заре рабочего движения в России.

В этот период (1888—1889 гг.) в кружке Курнатовского и в других студенческих и рабочих кружках Москвы начинается глубокое изучение произведений Маркса, Энгельса и Плеханова. «Перелом был слишком резок»,— писал Курнатовский о своем разочаровании народовольчеством и о переходе к марксизму. В 1889 году кружок Курнатовского был разгромлен московской охраной, а Курнатовский вместе с другими членами кружка был арестован и отправлен в ссылку [3].

Среди московских студенческих кружков самообразования 1889—1891 гг., начавших глубокое изучение марксизма, следует отметить кружок Г. М. Круковского, Г. Н. Мандельштама,

---

[1] «Красный Архив» № 5(78), 1936, стр. 26.

[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 33, стр. 415.

[3] О деятельности В. К. Курнатовского см. в книге: Виктор Константинович Курнатовский. М., 1948, стр. 19.

Н. Н. Татарникова, А. С. Розанова и др. В этом кружке велось усиленное изучение «Капитала» Маркса и произведения Плеханова «Наши разногласия».

Один из первых студенческих кружков Москвы, сделавший серьезные шаги к марксизму, организовался в 1891 г. «Этот кружок еще не был подлинно марксистским... Наряду с М. И. Брусневым [1], питерским рабочим, социал-демократом Ф. А. Афанасьевым, и некоторыми другими, державшимися в основном марксистских взглядов, часть членов кружка (М. Егупов, П. Кащинский и др.) была еще в плену народнической идеологии. Неоднородность кружка нашла свое выражение в его программе. Кружок ставил своей целью пропаганду «террористических и социал-демократических идей не только среди интеллигенции, но главным образом, среди рабочих на фабриках и заводах» [2].

За короткое время существования кружка его участникам удалось проделать работу по распространению марксистской литературы, установить связи с другими городами России, а также связаться с группой «Освобождение труда» за границей, от которой члены кружка получали в 1890—1892 гг. значительную часть марксистской литературы.

Вслед за появлением кружка Бруснева-Егупова в Москве возник ряд последовательно-марксистских кружков. Наиболее выдающимися участниками первых марксистских кружков были студенты московского университета и Высшего технического училища Г. М. Круковский, С. М. Мицкевич, М. Н. Лядов, А. И. Давыдов, Б. А. Жданов, А. Н. Винокуров, А. И. Рязанов. С осени 1893 года среди первых московских марксистов появляются А. И. Ульянова-Елизарова, М. Т. Елизаров, Д. И. Ульянов, внесшие новую, свежую струю в жизнь марксистской молодежи Москвы.

Из передовых рабочих Москвы наиболее активными участниками первых марксистских кружков были С. И. Прокофьев — помощник машиниста Брестской жел. дор., Ф. И. Поляков — ткач, К. Ф. Бойе — токарь, А. Д. Карпузи — слесарь, Е. И. Немчинов — слесарь, И. П. Петров —токарь, Наумов — наборщик, Колчин — часовщик, Осип Васильев — ткач, участник кружка Петра Алексеева. Почти все участники первых марксистских кружков ранее находились под влиянием предыдущего поколения русских революционеров. Это были люди, впитавшие в себя освободительные идеи великих русских писателей — Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, знакомые с течениями западно-европейской социалистической мысли, европейским и американским рабочим движением. Участники кружков занимались изучением марксизма, а также переводами иностранной

[1] Осенью 1891 г. М. Бруснев, чтобы избежать ареста, переселился в Москву, пригласив сюда для связи с рабочими Ф. Афанасьева.

[2] Моск. Обл. архив, фонд канц. ген.-губ., № 3, См. Из истории Московской организации ВКП(б) (1894—1904), 1947, стр. 18.

марксистской литературы на русский язык и распространением ее среди прогрессивной интеллигенции и рабочих [3].

Так, еще на заре русского рабочего движения Москва вместе с Петербургом становится центром распространения подпольных марксистских изданий в России.

Участники марксистских кружков выступали на нелегальных собраниях и вечеринках с пропагандой марксистских взглядов и критикой своих противников — народников.

В 1892—1893 гг. при помощи студенческих марксистских кружков организуются впервые рабочие марксистские кружки на некоторых крупнейших предприятиях Москвы — на заводе «Вехвельде» (ныне завод им. Ильича), на заводе «Гужона» (ныне завод «Серп и молот»), в железнодорожных мастерских Брестской (Белорусской), Курской и Казанской дорог.

Осенью 1893 г. из руководителей различных кружков был организован центральный марксистский кружок. Этим было положено начало организованной работы по пропаганде марксизма в Москве.

Первым московским марксистам пришлось вести острую борьбу с видными народниками, группировавшимися вокруг либерального журнала «Русская Мысль», а также с частью университетской молодежи, шедшей еще за народниками.

В борьбе московских марксистов с народничеством огромную роль сыграл приезд в Москву зимой 1893—1894 гг. В. И. Ленина и его знаменитое выступление против В. В. (В. П. Воронцова) на нелегальной вечеринке в январе 1894 г.

Как велико было значение этого выступления Ленина для разгрома народничества и развития марксистского движения в Москве видно также из рассказа сестры Ленина — А. И. Ульяновой об этом собрании:

«...Смело и решительно, со всем пылом молодости и силой убеждения, но также вооруженный и знаниями, он стал разбивать доктрину народников, не оставляя в ней камня на камне... Большинство стало смотреть на него, как на серьезного противника. Марксистское меньшинство ликовало, особенно после второго... в ответ солидному народнику слова Владимира Ильича.

Снисходительное отношение, «научное» возражение более старшего собеседника не смутили брата. Он стал подкреплять свои мнения также научными доказательствами, статистическими цифрами и еще с бо́льшим сарказмом и силой обрушился на своего противника... С огромным интересом следили за ним все, особенно молодежь. Народник стал сбавлять тон, цедил слова

---

[1] В этом отношении первые московские марксисты проделали значительную работу. В течение 1892—1893 гг. участники кружков перевели на русский язык отрывки из сочинения Энгельса: «Анти-Дюринг», «Положение рабочего класса в Англии». «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Жилищный вопрос», «Теория и практика бакунистов», а также ряд произведений французских и немецких специалистов. См. сб. Литература московского «Рабочего союза, М., 1930.

вяло, и, наконец стушевался... Диспут этот с живостью обсуждался и комментировался в кружках молодежи, многих из которой Владимир Ильич переубедил и убедил и толкнул на путь изучения Маркса. Марксисты заметно подняли голову, а имя «петербуржца», разделавшего так основательно В. В., было одно время у всех на устах»[1].

Еще более важную роль в полном разгроме народничества в Москве и в дальнейшем развитии социал-демократического движения сыграли приезды Ленина в Москву летом 1894—1895 гг. и ознакомление московских марксистов со знаменитым трудом «Что такое «друзья народа», и как они воюют против социал-демократов?» и другими его произведениями. До приезда В. И. Ленина в Москву и появления его первых трудов идейная борьба с народничеством носила абстрактный характер. Ленин направил внимание русских, в том числе московских марксистов, на глубокое изучение экономики и социального строя России, на выяснение исторической роли русского пролетариата, на творческое применение марксизма в русской действительности.

К началу 90-х годов возникают первые рабочие кружки марксистского направления в Иваново-Вознесенске. Попытка народнической пропаганды в 70-х годах успеха не имела. В конце 80-х годов в Иваново-Вознесенске возникла нелегальная организация местной интеллигенции, преследовавшая самообразовательные цели и занимавшаяся революционной пропагандой. Определенной программы кружок не имел и заметных следов в рабочей среде не оставил. Кружок был разгромлен в 1890 г. В 1891 г. студент Петербургского Технологического института (ранее учащийся Иваново-Вознесенского реального училища) Ф. А. Кондратьев, высланный в Иваново из Петербурга за участие в демонстрации «брусневцев» на похоронах Н. В. Шелгунова и высланная из Москвы сюда же слушательница Высших Женских курсов О. А. Варенцова организовали первый рабочий марксистский кружок в Иваново-Вознесенске. В 1892 г. кружок оформился организационно. В него вошло семь рабочих разных фабрик. Целью кружка явилась «организация рабочих для борьбы с буржуазией за улучшение положения рабочего класса и пропаганда идей социализма» [2].

У кружка была своя библиотека, в которой имелась марксистская литература, в том числе «Капитал», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и др.

В начале мая 1893 года кружок организовал первый «Майский праздник». Кружок к этому времени объединял до 20 членов рабочих разных фабрик. Руководителем кружка с конца 1892 г. был рабочий железнодорожных мастерских М. А. Багаев, а с

---

[1] А. И. Ульянова-Елизарова. Страничка воспоминания. «Пролетарская революция» № 2(14), 1923, стр. 60.

[2] М. А. Благоев. За десять лет социал-демократической организации в Иваново-Вознесенске в 1892 г., Иваново-Вознесенск, 1930, стр. 27.

отъездом Багаева в конце 1893 года руководителем стал Н. Н. Кудряшев — рабочий фабрики Куваевской мануфактуры. В 1894 году кружок насчитывал 30 человек и десятки распропагандированных рабочих. Кружок идейно окреп, установив связь с В. И. Лениным через С. П. Шестернина. По словам Шестернина, он в январе 1894 года, находясь в отпуске в Петербурге, познакомился там с В. И. Ульяновым и другими членами того выдающегося кружка марксистов, который впоследствии получил историческое название «Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса»... Меня, как будущего ивановца, представителя промышленного района, кружок, в частности Владимир Ильич, встретили очень дружелюбно. В результате моих бесед с членами кружка было установлено, что я буду связующим звеном между питерским кружком и ивановцами... Перед отъездом я получил от кружка несколько нелегальных книг» [1].

На первомайском празднике 1895 года организация получила название «Иваново-Вознесенского рабочего союза».

Первый марксистский кружок в Нижнем Новгороде образовался в 1891 году. Он состоял из Л. Б. и Г. Б. Красиных, привлеченных по делу казанского кружка Н. Е. Федосеева, П. Н. Скворцова, М. Г. Григорьева, рабочих Сормовского завода, высланных из Петербурга членов Брусневской организации А. Гуревича, Я. Пятибратова, М. Громова и др. [2]. Среди этой группы еще молодых людей (20—22 лет) выделялся тогда уже 35-летний марксист П. Н. Скворцов, автор ряда статистико-экономических работ, печатавшихся с 1886 года в «Юридическом Вестнике».

Это были одни из первых марксистских статей о русской действительности в легальной печати. В статьях Скворцова указывалось на рост капитализма в России, на проникновение капиталистических отношений в сельское хозяйство и раскол деревни, капитализацию кустарных промыслов и т. д. Кроме опубликованных работ П. Скворцовым были написаны и такие, которые читались в рукописи. Сводка этих и других работ под названием «Итоги крестьянского хозяйства по земским статистическим исследованиям» была напечатана уже в 1894 году в организованном Лениным первом марксистском сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». Однако П. Н. Скворцов не был последовательным марксистом.

В. И. Ленин в статье «Некритическая критика» (1899 г.) вскрыл основные пороки П. Н. Скворцова, его тенденцию к схоластике и буржуазному объективизму.

Нижегородская марксистская группа сплотила вокруг себя революционно настроенную молодежь. Наиболее активные из них (М. А. Сильвин, А. А. Ванеев) принимали потом активное уча-

[1] С. П. Шестернин. Пережитое, Иваново, 1940, стр. 86—88.
[2] «Пролетарская революция» № 4, 1924, стр. 89—117.

стие в Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Группа организовала среди передовых рабочих, а также среди учащейся молодежи ряд кружков, в которых велась пропаганда марксистского учения. Особое внимание уделялось первому тому «Капитала». В период 1891—1893 гг. Нижегородская марксистская организация заметно выросла. В марте 1893 года во всех кружках была отмечена десятая годовщина смерти К. Маркса. Нижегородские марксисты вовлекли в свои ряды и воспитали передовых рабочих.

Но вместе с тем Нижегородская организация, как и другие, была чисто пропагандистской. В ней господствовал «академизм». Её видный деятель П. Н. Скворцов считал вредной массовую агитацию среди рабочих посредством агитационных листовок и брошюр. Создание рабочей партии в России он мыслил себе как длительный процесс постепенного вовлечения рабочих «проштудировавших всего Маркса». В 1894 году Нижегородская организация по совету В. И. Ленина начинает переходить к массовой агитации среди рабочих. На многих предприятиях Нижнего и на его окраинах возникают рабочие кружки. Активное участие в деятельности первых марксистских кружков в Нижнем Новгороде принимал А. М. Горький (А. Пешков).

§ 6. Первые марксистские кружки на Украине, в Белоруссии и Прибалтике

Под влиянием деятельности первых марксистских организаций Петербурга, Москвы, Поволжья в конце 80-х годов появляются первые марксистские кружки на Украине. Как и в центре России здесь шла длительная борьба передовых рабочих, тянувшихся к самостоятельной организации, к пролетарской идеологии с народническими пропагандистами.

Одним из первых на Украине явился организованный видным рабочим социал-демократом Ю. Д. Мельниковым марксистский кружок в Харькове.

Ювеналий Дмитриевич Мельников (1868-1900 гг.) происходил из дворян. 18-ти лет он стал революционером. Окончив реальное училище, Мельников обучился слесарному делу и в 1888 году попал в Харьков. Не удовлетворенный деятельностью народников среди рабочих, Мельников приступил к образованию самостоятельной рабочей организации. В этом же направлении действовал другой выдающийся харьковский деятель Владимир Давидович Перазич — черногорец, студент медицинского факультета Харьковского Университета. В 1888 году они образовали первый социал-демократический кружок в Харькове. Организаторы вели систематическую пропаганду среди рабочих. Кружку приходилось вести борьбу с приезжими и местными народовольцами. Ю. Д. Мельников, по свидетельству одного участника кружка, «умел неотразимою силою своих доводов очень быстро прижать.. к стене своих противников».

Харьковский кружок всего просуществовал один год. В 1889 году организаторы кружка Ю. Д. Мельников и В. Д. Перазич были арестованы, а кружок разгромлен.

В конце 80-х годов возникает социал-демократический кружок в Киеве. Вначале кружок состоял преимущественно из студентов, которые усердно изучали марксистскую литературу: I и II томы «Капитала», «Коммунистический манифест», «Наемный труд и капитал», «К критике политической экономии», «Нищету философии», «Анти-Дюринг», а также издания группы «Освобождение Труда». Члены кружка вели пропаганду среди рабочих киевских железнодорожных мастерских. Кружок установил связь с группой «Освобождение труда», от которой получил марксистскую литературу. В августе 1889 года организация была разгромлена.

Социал-демократическая пропаганда в Киеве оживилась в 1891 году с приездом после почти двухлетнего пребывания в «Крестах» Ю. Д. Мельникова. Ввиду запрещения работать на заводах, Мельников организовал свою слесарную мастерскую, где готовил «учеников», направляя их на заводы. Его мастерская стала центром сплочения социал-демократических рабочих Киева. Здесь велась пропаганда идей марксизма, остальные идейные споры с народниками, а вскоре началась и полемика между самими социал-демократами по вопросу о переходе от пропаганды в узких кружках к массовой агитации среди рабочих. Идейный и практический руководитель киевских марксистов Ю. Д. Мельников вслед за В. И. Лениным отстаивал переход к злободневной политической агитации среди рабочих. Ему принадлежит образная формулировка необходимости этого перехода. «Лучше поднять массу на один дюйм, чем одного человека на один этаж». Этот крупный революционер, чье здоровье было подорвано годами тюрьмы и ссылки, умер от туберкулеза в 1900 году.

В начале 90-х годов возникают первые марксистские кружки в Одессе. Члены кружка устанавливают связь с передовыми рабочими. Особенно большой успех социал-демократическая пропаганда имела среди рабочих порта (пароходных машинистов, слесарей, матросов, кочегаров), а также рабочих железнодорожных мастерских. В 1894 году была сделана попытка объединить все кружки в одну с.-д. организацию, а также организовать стачку в порту. Но в организацию проник провокатор, и она была выдана и разгромлена.

Революционная пропаганда среди рабочих Белоруссии началась еще в первой половине 80-х годов. Однако, в отличие от центра России она носила либо народнический характер, либо имела тенденцию вылиться в чисто профессиональное движение рабочих.

Только под влиянием центра России в революционных кружках Белоруссии и Прибалтики начинается глубокое изучение марксизма и разрыв с народниками.

Первый социал-демократический рабочий кружок возник в Минске в 1887 г.

В том же году марксистский кружок Минска установил связь с группой «Освобождение труда» и значительно расширил свою деятельность. Но вскоре наступили массовые аресты и социал-демократическая деятельность на время ослабла. Усилившееся с начала 90-х гг. социал-демократическое движение обнаружило здесь благодаря мелкобуржуазному составу местного пролетариата тенденции к «экономизму» и национализму, что нашло свое яркое выражение в возникновении здесь «Бунда» и его деятельности.

В конце 80-х годов возникают первые социал-демократические кружки среди рабочих в Вильно (Вильнюсе), а с начала 90-х годов первые марксистские кружки в Риге, Либаве (Лепайе), Виндаве (Вентспилсе) и др.

Основателями этих последних организаций явились латыши студенты петербургского университета (П. Стучка, Я. Райнис (Плекшан), Ф. Розин и др.). Большую роль в распространении марксистских идей среди революционной молодежи и передовых рабочих всей Прибалтики сыграл Юрьевский (Дерптский) университет. Студенты этого университета, так же как и Юрьевского ветеринарного института — латыши, эстонцы, литовцы — находились в тесной связи со студентами, исключенными из Петербургского и Московского университетов. Последние были лишены права поступать в другие русские университеты и продолжали свое образование в Юрьевском университете... От русских студентов местная учащаяся молодежь и передовые рабочие получали первые произведения русских марксистов. Марксистский кружок Юрьевского университета играл наиболее активную роль.

В изданном им в 1892 году на латышском языке сборнике «Пурс» (Приданое) был помещен ряд статей об историческом и диалектическом материализме, популярное изложение отдельных глав книги Энгельса «Анти-Дюринг» и др., сыгравшие известную роль в воспитании революционной латышской молодежи.

Марксистские кружки среди латышской и эстонской учащейся молодежи существовали в Москве и Петербурге, где в тесной связи с русской марксистской молодежью и под ее влиянием они проходили первую школу марксистской пропаганды.

Для Эстонии решающую роль играл Юрьевский университет (Тарту), где марксистская пропаганда велась еще с середины 80-х годов. Социал-демократическая пропаганда среди рабочих Эстонии началась с середины 90-х годов. Непосредственное влияние на распространение марксистских идей в Латвии, Эстонии оказали передовые петербургские рабочие, среди них М. И. Калинин.

Десятилетний период — 1884—1894 гг. — между появлением в России первых марксистских групп и кружков и образованием пе-

тербургского «Союза борьбы...» имел большое значение в истории русского революционного движения. Возникшие в этот период марксистские группы проделали большую работу по распространению идей марксизма и программных положений социал-демократии.

В начале 90-х годов социал-демократические кружки и группы существовали уже во всех крупных городах России.

Повсюду стали выделяться первые русские рабочие социал-демократы. Начало явно обнаруживаться свойственное русскому рабочему классу страстное, неудержимое стремление к идеям демократии и социализма, к учению К. Маркса и Ф. Энгельса.

Однако марксистские кружки и группы не были еще связаны или очень мало были связаны с массовым рабочим движением. Рабочее движение 80-х годов продолжало развиваться еще вне влияния и руководства идей марксизма.

Массовое рабочее движение продолжало существовать еще раздельно от социализма. Группа «Освобождение труда» и первые марксистские кружки в России лишь провозгласили необходимость слияния идей социализма с рабочим движением. Начало осуществления связи социализма с массовым рабочим движением точно определено В. И. Лениным. «До 1894—1895 гг. не было такой связи. Группа «Освобождения труда» лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению» [1]. Как это исчерпывающе показал товарищ Сталин задачу соединения марксизма с рабочим движением в России, а также преодоление ошибок и недостатков группы «Освобождение труда» пришлось разрешить В. И. Ленину [2].

§ 7. Начало революционной деятельности В. И. Ленина [3]

Великий основатель большевизма и первого в мире социалистического государства провел детство и юность в Поволжье. Наблюдая тяжелое положение крестьян и гнет царских чиновников, В. И. Ленин с ранних лет возненавидел угнетателей трудящихся. Революционная среда, в которой воспитывался Ленин, рано пробудила в нем интерес к общественно-политической жизни. В возрасте 14—15 лет он знакомится с запрещенными в ту пору произведениями великих русских просветителей, революционеров-демократов, особенно с работами Чернышевского и поэтом-демократов некрасовской поры. Еще в годы юности у Ленина складывается враждебное отношение ко всему общественно-политическому строю царской России.

Социально-политическая обстановка начала революционной

---

[1] В. И. Ленин Соч., изд. 4, т. 20, стр. 255.

[2] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 17.

[3] О деятельности В. И. Ленина и И. В. Сталина см. в последующих томах «Истории СССР».

деятельности В. И. Ленина отличалась от начала 80-х гг., т. е. начала деятельности Плехановской группы «Освобождение труда».

Капиталистическое развитие России за эти годы значительно продвинулось вперед. Растущее рабочее движение становилось важнейшим фактором политической жизни страны.

Но по мере усиления развития капитализма и роста революционного рабочего движения борьба между народничеством и марксизмом обострилась. С 80-х гг. начинается процесс неуклонного вырождения народничества. «Народники 90-х годов по существу давно отказались от всякой революционной борьбы с царским правительством[1].

За 80—90 гг. народническая литература создала ряд экономических исследований основанных на большом фактическом материале русской земской статистики имеющих своей целью экономически обосновать теоретические и социально-политические основы вырождавшегося народничества.

Из главных работ экономистов-народников этого периода отметим: В. В. (В. П. Воронцов «Судьбы капитализма в России» (1882 г.) и Николай-Он (Н. Ф. Даниельсон) «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» (1893 г.). Работы В. В. и Николай-Она служили главным экономическим обоснованием народничества.

Следует отметить еще произведения Н. А. Каблукова «Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве» (1884) и «Об условиях развития крестьянского хозяйства в России», а также ряда работ Н. А. Карешева, посвященных вопросам арендных отношений, главная из которых «Крестьянские вненадельные аренды».

Отдельно отметим книгу В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство» (1891 г.), взгляды которого на положение русской деревни разнились от обычных народнических взглядов, но который также стоял в главных выводах на народнических позициях.

Наряду с ними имелись многочисленные группы русских экономистов-статистиков народнического направления, заполнявших своими литературными произведениями все толстые журналы. Кроме того к началу 90-х гг. ряд толстых журналов: «Русское Богатство», «Русская Мысль», перешли в руки либеральных народников открывших поход против русских марксистов.

Окончив в 1887 году гимназию с золотой медалью, Ленин поступил на юридический факультет Казанского университета. Но вскоре (5 декабря) был арестован и исключен из университета за активное участие в революционном движении студентов. После почти годичной ссылки в дер. Кокушкино, В. И. Ленин в начале октября 1888 года вернулся в Казань, где связался с местными подпольными революционными кружками. Вступив в кружок Н. Е. Федосеева, В. И. Ленин упорно работал над овладением

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 20.

теорией марксизма. С переездом в мае 1889 года всей семьи Ульяновых в Самару, начинается новый самарский период (1889—1893 гг.) жизни и деятельности Ленина. Здесь Ленин продолжает глубокое изучение марксизма. Ленин сделал свой перевод на русский язык «Манифеста коммунистической партии» Маркса и Энгельса[1]. Рукопись перевода читалась в самарских кружках.

Готовясь к сдаче государственных экзаменов экстерном по всем предметам университетского курса, В. И. Ленин основательно изучал историю и экономику России, внимательно следил за всей журнальной литературой того времени. Уже в этот период Ленин поражал своих товарищей всесторонним и глубоким знанием марксизма [2].

К этому времени в Самаре имелся ряд революционных кружков народнического направления. Вокруг Ленина образовался первый кружок самарских марксистов. В революционных кружках Самары молодой Ленин выступил с рядом обширных рефератов. Он реферировал «Нищету философии» К. Маркса, сделал перевод «Коммунистического манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса. Выступал с решительной критикой произведения народнической литературы. Ленин читал рефераты, направленные против крупнейших столпов народничества. Он подверг глубокой, смелой и решительной критике экономистов-народников книгу В. В. (В. П. Воронцова) «Судьбы капитализма в России» (1882 г.) и только что вышедшую к этому времени книгу одного из крупнейших экономистов-народников Николай-Она «Очерки нашего пореформенного хозяйства» (1893 г.).

Кроме того он выступил с рефератом на тему «Из истории русской земельной общины», реферировал книгу английского историка Эшли «Экономическая история Англии», написал статью на актуальную тему «Спор между социал-демократом и народником» [3] и представляющую громадный интерес работу «Подстрочный комментарий к народнической работе profession de foi, которую Ленин впоследствии превратил в первую главу знаменитой книги «Экономическое содержание народничества», направленной против «легального марксизма». Кроме этого Ленин реферировал рукопись Н. Е. Федосеева «Экономические причины отмены крепостного права» [4].

Наряду с рефератами Ленин участвовал в дискуссиях против В. В. Водовозова, известного впоследствии либерального народника. Этим далеко не исчерпывается работа Ленина в Самаре.

---

[1] Д. И. и М. И. Ульяновы. О Ленине, М., 1934, стр. 24.

[2] Ленин Владимир Ильич. Краткий очерк жизни и деятельности, 1946 г., стр. 10—11.

[3] Проф. Б. Волин. Из истории появления книги В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов», М., 1944, стр. 6—14.

[4] Там же.

Уже в самарский период Ленин становится широко известным как выдающийся марксист.

О характере и научном значении ленинских рефератов самарского периода можно судить по его реферату о книге В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство» (1891 г. Москва), переработанное весной 1893 г. в статью «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» (По поводу книги В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство») [1].

В этой работе Ленин вскрыл антинаучный характер народнического метода т. н. «средних цифр» посредством которого народники замазывали процессы разложения русской деревни. Подвергнув решительной критике экономистов-народников: В. Воронцова, Н. Карешева и других, Ленин, опираясь на данные Постникова, впервые в истории русской экономической литературы, в том числе марксистской, дал глубокий научный анализ процесса разложения крестьянства, показав, что «новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» заключаются в проникновении в деревню капитализма, расколовшего ее не просто на различные имущественные группы, а на противоположные антагонистические классовые группировки.

Ленин дал точную характеристику основных социальных групп русского крестьянства, их классовых интересов.

Уже в этой первой, дошедшей до нас работе о книге Постникова, Ленин сформулировал основные положения по вопросу об экономическом положении русской деревни, развитые в последующих его произведениях, направленных на полный идейный разгром народничества.

Работа в провинциальной Самаре не могла, однако, удовлетворить Ленина. Он стремился в гущу рабочих масс, рвался на арену широкой политической борьбы. В середине августа Ленин покинул Самару и 31 августа приехал в политический центр России — Петербург.

По прибытии в Петербург Ленин связался с марксистской группой С. И. Радченко, в которую входили В. В. Старков, П. К. Запорожец, Г. М. Кржижановский, Г. Б. Красин, А. А. Ванеев, М. Н. Названов, Н. К. Крупская, З. П. Невзорова и др. В. И. Ленин быстро был признан петербургскими марксистами, как самый выдающийся их руководитель.

«Необыкновенно глубокое знание Маркса, умение применять марксизм к экономической и политической обстановке России того времени, горячая, несокрушимая вера в победу рабочего дела, выдающийся организационный талант — все это сделало Ленина признанным руководителем петербургских марксистов» [2]. Эта марксистская группа, получившая позднее название группы «стариков» (в отличие от оппортунистической группы «молодых»)

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 1, изд. 4, стр. 3—58.
[2] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 17—18.

расширяя свою революционную деятельность, создала под руководством В. И. Ленина «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», — зачаток революционной марксистской партии большевиков.

Большое значение в жизни марксистских кругов Петербурга этого периода имело выступление Ленина в октябре 1893 года «По поводу так называемого вопроса о рынках» [1] в связи с рефератом Г. Б. Красина — «Вопрос о рынках». Реферат Ленина, направленный как против ошибочных взглядов Г. Б. Красина, так и против народников, произвел громадное впечатление на участников дискуссии. Это выступление послужило поворотным шагом в жизни группы «стариков». От академического штудирования «Капитала» начался переход к конкретному анализу русской действительности на основе учения Маркса и его метода. Этим самым Ленин дал петербургским марксистам новое, более действенное оружие в борьбе с народничеством.

Хотя борьба с народничеством велась уже Плехановым и его группой в течение целого десятилетия, в результате которой народничеству был нанесен сильный удар, тем не менее идейный разгром народничества не был еще завершен. Задача окончательного разгрома народничества выпала на долю В. И. Ленина.

В этом отношении исключительную роль сыграла знаменитая книга Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», написанная им весной и летом 1894 г.

Уже первые шаги марксистского движения в России вызвали упорное сопротивление всего народнического лагеря. Антимарксистская направленность «Русского богатства», принимавшая по словам Ленина «все более и более вызывающий характер» и имевшая целью парализовать распространение марксизма в России, вызвала горячие протесты всего марксистского лагеря. Эти протесты, поступавшие с разных концов, показали, какие глубокие корни пустило марксистское учение в России. Вместе с тем эти протесты в форме писем в редакцию «Русского богатства» и лично Михайловскому, как главарю похода против марксистов, носили, главным образом, оборонительный характер. Авторы писем решительно отбрасывали клеветнические утверждения Михайловского, они особенно возмущались тем, что русские марксисты, лишенные возможности по цензурным условиям выступать в печати, не могли публично опровергнуть гнусную клевету Михайловского и К°. Своим замечательным произведением «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин публично разоблачил народников; он перешел в решительное наступление на либеральных народников. Он сорвал с них маску, показав истинное лицо этих фальшивых «друзей народа», на деле идущих против народа. Но молодой Ленин не только бесстрашно сорвал маску с Михайловского и прочих стол-

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, изд. 4, стр. 63—109.

пов народничества, но и дал вместе с тем глубокое и блестящее обоснование основ марксизма и показал их значение для правильного анализа русского исторического процесса.

«Как Дарвин, — писал Ленин, — положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные», и неизменяемые и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними — так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс»[1].

Ленин высмеял претензии Михайловского, заявившего, что Маркс не пересмотрел предшествовавших теорий исторического процесса, которые априорно, догматически и абстрактно рассматривали такие понятия как общество, прогресс и т. д. «Гигантский шаг вперед, сделанный в этом отношении Марксом,— писал Ленин,— в том и состоял, что он бросил все эти рассуждения об обществе и прогрессе вообще и зато дал *научный* анализ *одного* общества и *одного* прогресса — капиталистического» [2].

Ленин, далее, блестяще опроверг попытки Михайловского опорочить историческую теорию Маркса утверждениями, что Маркс будто ни в одном своем сочинении не дал материалистического понимания истории. В. И. Ленин дал глубокий анализ выработки материалистического понимания истории Марксом в «Коммунистическом манифесте», «Нищита философии» и в «Капитале».

«Теперь,— писал Ленин,— со времени появления «Капитала» — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, научно доказанное положение... Материализм представляет из себя не «по преимуществу научное понимание истории», как думает г. Михайловский, а единственное научное понимание ее» [3].

Значение ленинской книги «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» далеко не исчерпывается критикой народничества. Это — подлинный манифест рождавшейся революционной марксистской партии в России» [4]. В ней Ленин впервые «...выдвинул идею революционного союза рабочих и крестьян, как главного средства свержения царизма, помещиков, буржуазии» [5]. В этой гениальной книге Ленин наметил ос-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 1, изд. 4, стр. 124—125.
[2] Там же, стр. 127—128.
[3] Ленин. Соч., т. 1, изд. 4, стр. 125.
[4] Ленин Владимир Ильич. Краткий очерк жизни и деятельности 1946, стр. 22.
[5] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 21.

новные задачи русских марксистов. Первоочередной задачей он считал необходимость организации из разрозненных марксистских кружков единой марксистской партии. С непоколебимой верой в революционные способности русского пролетариата. Ленин в этой работе возвестил, что «русский **рабочий,** поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **русский пролетариат** (рядом с пролетариатом **всех стран**) *прямой дорогой открытой политической борьбы* к **победоносной коммунистической революции**»[1]. Борясь против субъективно-идеалистической социологии народников, Ленин вместе с тем с самого начала ведет борьбу и против вульгарных материалистов, отрицавших громадную роль передовых идей в развитии общества.

Наряду с идейной борьбой против народничества В. И. Ленин вел решительную борьбу против «легальных марксистов», которые «по своему» вели борьбу против народничества с целью использовать знамя марксизма «для того, чтобы подчинить рабочее движение интересам буржуазии». Еще осенью 1894 года Ленин выступил среди петербургских марксистов с рефератом на тему «Отражение марксизма в буржуазной литературе», направленном против П. Струве и других легальных марксистов. Это выступление Ленина имело большое значение. Оно послужило основой для его знаменитой книги «Экономическое содержание народничества и критика его в книге П. Струве», вышедшей под псевдонимом К. Тулин в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (1895 г.). Эта книга имела и имеет большое значение в борьбе с растленной буржуазной идеологией и ее различными проявлениями, в особенности с буржуазным объективизмом. Ленин в этой книге особо подчеркнул классовый партийный характер науки. Ленин с самого начала оказал огромное влияние на практическую деятельность русских марксистов первой половины 90-х годов. «Под руководством Ленина был совершен исторический поворот от пропаганды марксизма в небольших кружках передовых рабочих к политической агитации в широких рабочих массах»[2]. Этот поворот завершился созданием петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1895 г.), который под руководством Ленина «впервые в России стал осуществлять *соединение социализма с рабочим движением*»[3] Тем самым было положено начало новому этапу в истории рабочего движения в России.

§ 8. Распространение марксизма в Закавказье. Начало революционной деятельности И. В. Сталина

Имя Маркса стало известно в Грузии в 70—80 годах. Но в этот период марксизм не получил еще распространения в Гру-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 1, изд. 4, стр. 282.

Ленин Владимир Ильич. Краткий очерк жизни и деятельности, 1946, стр. 29.

[3] История ВКП(б). Краткий курс, стр 18.

зии. Первые семена марксизма были занесены сюда в начале 90-х гг. русскими марксистами (Иван Лузин, Георгий Франчески, И. Коган и др.) и грузинскими студентами, побывавшими в Западной Европе.

Марксистская литература в Грузии с начала 90-х годов получила сравнительно широкое распространение. Почти все издания группы «Освобождение труда» проникали в 90-х годах в Закавказье [1].

К началу 90-х годов относится также возникновение в Тифлисских ж.-д. мастерских первых рабочих кружков, организованных русскими рабочими социал-демократами: Федором Афанасьевым, Федором Майоровым.

Первой социал-демократической организацией в Закавказье и Грузии была группа «Месаме-даси» [2].

«Месаме-даси» не была политически однородна — ее большинство стояло на позициях «легального марксизма» и склонялось к буржуазному национализму» [3].

Участники группы «Месаме-даси» признавали неизбежность капиталистического пути развития, считали классовую диференциацию и борьбу классов содержанием общественно-политической жизни. Члены «Месаме-даси» свои взгляды пропагандировали в легальных грузинских органах — газете «Квали» и журнале «Моамбе».

Большинство «Месаме-даси» по всем главным вопросам революционного движения вульгаризировало марксизм, искажало его, выхолащивало из него революционное содержание и окрашивало его в националистические тона. Борясь против феодально-дворянского и народнического направления грузинской интеллигенции, отрицавших неизбежность капиталистического развития Грузии, большинство «Месаме-даси» не ставило перед собой задачи борьбы с капитализмом и революционного ниспровержения буржуазного строя. Оно затушевывало непримиримость классовых интересов пролетариата и буржуазии и выдавало себя за представителей всего грузинского народа.

«Демократическая группа (даси) должна подыскать себе новую почву и тем самым явиться продолжательницей старой прогрессивной группы. «Иверия» такую почву нашла среди князей

---

[1] Г. Хачапуридзе. Проникновение марксизма в Грузию. — Исторический журнал № 6, 1941 г.

[2] Название «Месаме-даси» происходит от двух грузинских слов: «месами» — третья, «даси» — группа. Такое название новой группы было дано ей грузинским писателем Георгием Церетели (1842—1900 гг.), который считал, что она является продолжателем дела двух предыдущих общественно-политических групп в Грузии второй половины XIX столетия: «Привели-даси» (первой группы), феодально-прогрессивного направления, идейным вождем которого был грузинский поэт и беллетрист Илья Чавчавадзе (1837—1907) и «Месре-даси» (второй группы), буржуазно-прогрессивной, во главе с самим Церетели.

[3] Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография, стр. 9.

и дворян. Мы эту почву ищем в большинстве нации, независимо от сословий» [1].

Автор этих строк, Ной Жордания, в другой статье «Экономическое развитие и национальность», проповедуя идею национального возрождения Грузии, считал, что в этом одинаково заинтересованы все классы грузинского общества.

«Нация, — писал Н. Жордания, — объединенная материально, объединена и идейно. В величии нации заинтересованы как буржуа торговец, так и крестьянин и рабочий» [2].

Таким образом, в национальных вопросах Н. Жордания с самого начала занимал буржуазно-националистическую позицию

Ной Жордания уже тогда выступал как апологет западноевропейского империализма. Отстаивая идею об исторической необходимости и прогрессивности колониального господства, Жордания в период англо-бурской войны стоял фактически на стороне английского империализма против буров.

В своей практической деятельности большинство «Месаме-даси» ограничивало себя легальной пропагандой идей марксизма в узких пропагандистских кружках. Оно не признавало необходимости перехода к массовой политической агитации среди рабочих и выступало против создания революционной марксистской партии. Не случайно большинство «Месаме-даси», солидаризируясь с русскими легальными марксистами и «экономистами», оказалось в лагере меньшевизма.

Однако на заре своей деятельности «Месаме-даси», несмотря на серьезные недостатки, сыграла известную положительную роль. Она дала толчок к ознакомлению революционно-настроенной интеллигенции и передовых рабочих Грузии с учением марксизма.

В период 1893—1897 гг. в «Месаме-даси входили: Н. Жордания, С. Джибладзе, И. Ниношвили, И. Рамишвили, М. Цхакая, Ф. Махарадзе, С. Цулукидзе, Н. Чхеидзе, Е. Вацадзе, В. Цабадзе, С. Джугели и др.

В 1897 году в эту группу вступил Ладо Кецховели, а в 1898 году, Иосиф Виссарионович Сталин. «Сталин ведет в этот период интенсивную пропагандистскую работу в рабочих кружках, участвует на нелегальных рабочих собраниях, пишет листовки, организует стачки. Это была первая школа революционной практической работы, пройденная Сталиным среди передовых пролетариев Тифлиса» [3].

Иосиф Виссарионович Сталин — друг и соратник Великого Ленина, строитель и вождь большевистской партии и советского государства, родился 21 декабря 1879 г. в городе Гори Тифлисской губ.

---

[1] Л. Берия. «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», изд. 7, 1947, стр. 15.

[2] Там же, стр. 14.

[3] Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография, стр. 10.

С осени 1888 г. по 1894 г. Сталин учился в Горийском духовном училище. Уже здесь у него сложилось отрицательное отношение ко всему строю царского самодержавия.

«В революционное движение, — говорит Сталин, — я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье. Эти группы имели на меня большое влияние и привили мне вкус к подпольной марксистской литературе» [1].

В семинарии И. В. Сталин знакомится с произведениями русских революционных демократов — Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, с классиками грузинской, армянской, азербайджанской литературы. Там же в семинарии И. В. Сталин настойчиво изучал естественные и общественные науки.

«Сталин много и упорно работает над собою. Он изучает «Капитал» Маркса, «Манифест коммунистической партии» и другие работы Маркса и Энгельса, знакомится с произведениями Ленина, направленными против народничества, «легального марксизма» и «экономизма». Уже тогда работы Ленина произвели глубокое впечатление на Сталина. «Я во что бы то ни стало должен увидеть его», — сказал Сталин, прочтя работу Тулина (Ленина), — вспоминает один из товарищей, близко знавших Сталина в это время. Круг теоретических запросов Сталина чрезвычайно широк — он изучает философию, политическую экономию, историю, естественные науки, читает классиков художественной литературы. Сталин становится образованным марксистом.

Сталин ведет в этот период интенсивную пропагандистскую работу в рабочих кружках, участвует на нелегальных рабочих собраниях, пишет листовки, организует стачки. Это была первая школа революционной практической работы, пройденная Сталиным среди передовых пролетариев Тифлиса» [2].

Под влиянием социал-демократического рабочего движения в России и Грузии, на почве роста пролетарского движения в Азербайджане и др. районах Закавказья, во второй половине 90-х гг. возникают здесь первые социал-демократические группы и кружки в Баку и других городах Закавказья.

Эти кружки состояли преимущественно из передовых рабочих нефтепромыслов, железнодорожных мастерских и заводов.

«Выдающаяся роль в создании этих кружков принадлежала высланным из районов центральной России русским революционным социал-демократам» [3].

Основы революционной марксистской организации в Баку, Батуме и др. городах Закавказья были заложены И. В. Сталиным.

---

[1] Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография, стр. 7—8.

[2] Там же, стр. 9—10.

[3] М. Д. Багиров. Из истории большевистской организации Баку и Азербайджана. 1946 г., стр. 21.

Большую роль в создании первой социал-демократической организации ленинского направления Баку сыграл пламенный пролетарский революционер, соратник И. В. Сталина, Л. Кецховели.

С вступлением И. В. Сталина в группу «Месаме-даси» внутри ее происходит раскол. Под руководством И. В. Сталина оформляется революционное меньшинство ленинского направления, которое ведет непримиримую борьбу с оппортунистическим большинством «Месаме-даси» по важнейшим вопросам революционного рабочего движения.

Руководящее ядро революционного марксистского меньшинства «Месаме-даси» составляли: И. В. Сталин, В. Э. Кецховели и А. Г. Цулукидзе. Меньшинство «Месаме-даси» явилось зародышем революционного марксистско-ленинского крыла социал-демократического движения в Грузии.

Выступление на арене революционной борьбы В. И. Ленина и И. В. Сталина знаменовало собой начало нового, пролетарского периода освободительного движения в России и вместе с тем начало новой эпохи в истории международного революционного движения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

		Стр.
Предисловие		3—7
Гл. I.	Общественное движение накануне реформы. Возникновение революционной ситуации	9—83
Гл. II.	Крестьянская реформа 1861 г.	84—131
Гл. III.	Революционное движение в 60-х годах	132—219
Гл. IV.	Восстание 1863 г. в Польше. Польское повстанческое движение в Литве, Белоруссии и Правобережной Украине	220—291
Гл. V.	Государственные реформы и реформы местного самоуправления 1863—1874 гг.	292—333
Гл. VI.	Развитие капитализма после крестьянской реформы 1861—1892 гг.	334—428
Гл. VII.	Внутренняя политика царизма в 60-х и 70-х годах	429—463
Гл. VIII.	Внешняя политика России в период 1856—1878 гг. (от Парижского трактата до Берлинского конгресса)	464—577
Гл. IX.	Внешняя политика России от окончания Берлинского конгресса до заключения франко-русского союза (1878—1893)	578—672
Гл. X.	Завоевание Средней Азии в 60—80-х годах XIX века	673—739
Гл. XI.	Формирование промышленного пролетариата России (1861—1894 гг.)	740—796
Гл. XII.	Общественное движение семидесятых годов. Революционное народничество. Массовое движение. Вторая революционная ситуация	797—909
Гл. XIII.	Внутренняя политика царизма в 80-х и начале 90-х гг.	910—994
Гл. XIV.	Рабочее движение 80-х гг. и первые шаги марксизма в России	995—1079

Т07852. Подписано к печати 30/X 1951 г. Объем 67,5 п. л. Т. 150 экз. З. 4044.

1-я типография Углетехиздата. Москва, Давыдовский пер., 4.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Нужно читать
10	8 снизу	производство	производство
14	21 сверху	лживо	лживы
22	15 „	губерния	губернии
22	17 „	Рязанской, Тульской, Калужской	Рязанскую, Тульскую, Калужскую
30	3 снизу	сложавшееся	сложившееся
31	8 „	книжда	книжка
55	12 „	природе	природы
68	20 сверху	Россиию	Россию
80	12 снизу	Кзьмин	Козьмин
92	7 сверху	прекратиь	прекратить
106	14 „	крестяне	крестьяне
123	11—12 сверху	Припожения	Приложения
130	4 сверху	„прусского“	„русского“
134	2 снизу	См. гл. II „Крестьянская реформа 1861 года“	См. публикацию „Отмена крепостного права“
135	5 и 8 снизу	См. гл. II „Крестьянская реформа 1861 года“	См. публикацию „Отмена крепостного права“
158	17 снизу	мученников	мучеников
184	21 „	показывает	показывают
221	7 сверху	1861 году	1851 году
237	17 „	ставшим	ставшего
260	19 снизу	так	как
265	9 „	... в январе Кавелин ...	... в январе 1863 г. Кавелин ...
280	7 „	Клет — Корены	Клет — Коревы
334	3 „	Николайон	Николай — он
512	1 „	Београд	Белград
539	4 „	Мюлютин	Милютин
576	6 сверху	Георгий	Георгий
688	16 „	не последует	на то последует
712	23 снизу	Катт-Курганского	Катта-Курганского
762	15 „	Украины	на Украине
835	21 сверху	Представление	Представления
845	8 снизу	Джадабадари	Джабадари
860	7 „	станции	станицы
866	7 сверху	втором	третьем
913	3 „	1855	1865
918	13 „	Ламсдорф	Ламздорф
924	13 „	проусществовало	просуществовало
927	4 „	переселенском	переселенческом
941	4 „	востановлено	восстановлено
956	5 снизу	аДже	Даже
957	5 „	Розенбург	Розенберг
960	14 сверху	тпеерь	теперь
1018	22 снизу	который	которую